ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

TRANSACTIONS OF THE STATE HERMITAGE MUSEUM
LXXVII

ARCHAEOLOGY WITHOUT BORDERS

COLLECTIONS, PROBLEMS, STUDIES, HYPOTHESES

Saint Petersburg
The State Hermitage Publishers
2015

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
LXXVII

АРХЕОЛОГИЯ БЕЗ ГРАНИЦ

КОЛЛЕКЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ГИПОТЕЗЫ

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2015

УДК 930.26(082)
ББК (Т)63.4
Т78

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа

Научный редактор Е. Ф. Королькова

Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 77 : Археология без границ : коллекции, проблемы, исследования, гипотезы / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. – 560 с. : ил.

Т78

ISBN 978-5-93572-621-8

Сборник научных статей «Археология без границ. Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы» затрагивает разные темы, в основном связанные с изучением культур древних кочевников, прежде всего скифов, и их контактов с другими народами. Статьи касаются многих аспектов самых актуальных и дискуссионных проблем археологии и древней истории в целом и демонстрируют разный подход к исследованию материала и разные позиции ведущих специалистов в этой области науки.

Кроме профессионального интереса к тематике, авторов сборника объединяют искренние дружеские чувства и глубокое уважение к А. Ю. Алексееву, одному из выдающихся скифологов, ученому с мировым именем, настоящему музейщику, которому в связи с его 60-летием посвящается это издание.

УДК 930.26(082)
ББК (Т)63.4

На обложке: Серебряная с позолотой амфора.
Курган Чертомлык. IV в. до н. э. Государственный Эрмитаж

© Государственный Эрмитаж, 2015
© Харьковский исторический музей, 2015
© Государственный исторический музей, 2015
© Азовский музей-заповедник, 2015
© Ростовский областной музей краеведения, 2015
© Национальный музей Кореи, 2015

ISBN 978-5-93572-621-8

Е. Ф. Королькова

АРХЕОЛОГИЯ БЕЗ ГРАНИЦ

Поле исследований археологии как исторической науки, по существу, безгранично: объектами ее изучения могут стать как следы древнейшей деятельности человека, так и материальные свидетельства недавних исторических событий в любой точке земного шара. Принять участие в исследовании того или иного памятника может любой профессионально подготовленный человек, вне зависимости от его происхождения и гражданства. Главным фактором в этой области выступает увлеченность конкретной темой, и если она есть – все преграды преодолимы.

Археология – наука романтическая и увлекательная: она делает в буквальном смысле осязаемым далекое прошлое и восстанавливает распавшуюся связь времен. Археология всегда подразумевает путешествия в неизведанное, подчас экстремальные бытовые условия и непредсказуемые ситуации. Вместе с тем едва ли найдется другая наука, столь же тесно сплачивающая вокруг себя профессионалов, создающая прочные дружеские связи и рождающая коллегиальное международное братство археологов. Этому немало способствуют совместные полевые исследования археологических памятников, привлекающие специалистов не только из ближайших региональных центров, но и ученых из разных городов, стран и научных учреждений. Экспедиционный быт и общая научная направленность особенно прочно связывают дружескими узами участников раскопок. Последующие встречи на международных конференциях и редкие командировки всегда подтверждают, что теплота друг к другу сохраняется в сердце навсегда. И не так уж важно, как часто удается встречаться в действительности, внутренняя связь остается на всю жизнь.

Археология развивается диалектически: случаются периоды застоя или, наоборот, наблюдается прогресс, возврат на новом уровне к высказанным когда-то гипотезам, казавшимся ранее неправдоподобными, но со временем начинающим доминировать в умах специалистов под давлением новых данных… Общепризнанные некогда схемы опровергаются новыми находками, казавшиеся незыблемыми истины со временем устаревают, уступая место новым гипотезам. Словом, наука о древностях не стоит на месте, и каждый исследователь, ошибался он или нет, вносит свой вклад в общее дело, создавая ступеньку для будущих открытий в науке: кто-то в дальнейшем найдет аргументы для опровержения высказанного мнения, если оно ошибочно, или доказательства для подтверждения, если оно верно.

В археологии существуют узловые проблемы, вокруг которых многие десятилетия концентрируется внимание ученых разных стран. И все же некоторые из таких проблем до сих пор остаются дискуссионными, хотя в результате общего технического прогресса в последнее время археология получила для решения своих задач и установления

объективных данных множество инструментов, позаимствованных из других научных дисциплин, прежде всего технических и естественно-научных. Раздвинув пределы своих возможностей и расширив сотрудничество с другими научными дисциплинами, археология приобрела совершенно новые перспективы. Потенциал комплексного исследования археологического материала огромен и качественно меняет состояние науки, открывая возможности для уточнения датировки и объективного определения хронологической позиции раскопанных памятников, позволяя использовать генетические данные для изучения процессов этногенеза и миграций в древности и привлекать лингвистические исследования для сопоставления с материальной культурой и получения реальной исторической картины.

Раскопанные археологами памятники становятся ресурсом пополнения музейных коллекций, в которых столетиями накапливаются артефакты, принадлежащие исчезнувшим культурам, и таким образом сохраняется информация о прошедших эпохах. Именно в этом и заключается главная функция музея. Постепенно создается база достоверных исторических источников. Крупнейшие музеи мира, и в их числе Эрмитаж, выступают не только как хранилища мировой культуры, но и как важнейшие научные центры археологических исследований. Коллекции Эрмитажа открыты для всех специалистов мира, что способствует возникновению и упрочению профессиональных международных связей. Эрмитаж организует и финансирует в настоящее время деятельность 22 археологических экспедиций, которые работают на территории постсоветского пространства и в странах Евразии – от Италии до Белоруссии и Таджикистана, от Санкт-Петербурга до Тувы.

Обладая прекрасной реставрационной базой, лабораториями разного профиля, оснащенными современным оборудованием, и специалистами-реставраторами высочайшего класса, Эрмитаж не только заботится о сохранении собственных коллекций, но и выполняет сложные реставрационные работы для других музеев страны, возвращая к жизни добытые археологами древности и превращая их в достойные экспонаты, которые занимают свое место в музейных экспозициях России.

Проблемы скифской и сарматской культур, история варягов, ранних кочевников Сибири и Средней Азии, Золотой Орды и древних государств Кавказа являются ключевыми темами и привлекают как отечественных историков, так и специалистов всего мира, которые не только имеют возможность ознакомиться с материалом в музее, но и могут воспользоваться консультациями эрмитажных археологов. Фонды шести научных отделов Эрмитажа, включая Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, само название которого указывает на его специализацию, содержат археологические коллекции. Материалы полевых исследований хранятся также в Отделе Востока, Отделе античного мира, Отделе нумизматики и Отделе истории русской культуры. Археологические исследования неразрывно связаны и с деятельностью Архитектурно-археологического отдела. Таким образом, археология выходит за рамки одного подразделения музея, создавая прочную историческую базу для разных фондов собрания.

При этом Эрмитаж может по праву гордиться не только своими коллекциями, но и специалистами, как работавшими в музее в XIX–XX вв., так и работающими здесь сейчас. Многие имена русских археологов без преувеличения составляют славу не только отечественной, но и мировой науки. Скифология всегда была областью археологии, где авторитет русских ученых был чрезвычайно высок. Эта традиция поддерживается

Академичен и умен,
Легко овладевал наукой,
Еще с студенческих времен
К культуре варварских племен
Со всадником-стрелком из лука
Его влекла судьба. И что ж?
Едва ли вышло так случайно,
что он и сам необычайно
Всегда на скифа был похож!

А. Ю. Алексеев, Ю. Ю. Пиотровский, А. К. Мартынов. 1981 г.
Фотография из личного архива

и в настоящее время, во многом благодаря труду тех, кто, избрав в юности своей профессией археологию, всю жизнь посвятил науке и музею.

16 августа 2015 г. исполнилось 60 лет одному из ведущих скифологов страны, доктору исторических наук Андрею Юрьевичу Алексееву, который с 1998 г. возглавляет в Эрмитаже Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. 60 лет – дата особая: это своего рода рубеж в жизни, время, когда заслуги и достижения уже очевидны и можно подводить некоторые итоги в науке, но есть и перспективы и надежда на осуществление планов в будущем. Оценить истинный масштаб фигуры ученого в науке и значение его трудов в той или иной тематике, по существу, смогут только последующие поколения. Однако они, увы, будут лишены возможности представить себе личность в целом, ощутить ее влияние и обаяние. Это можем сделать только мы, современники и друзья, коллеги и сотрудники. И потому я возьму на себя смелость рассказать об Андрее Юрьевиче Алексееве.

В 1972 г. по окончании школы с углубленным изучением английского языка он поступил на дневное отделение кафедры археологии исторического факультета ЛГУ, которую закончил с отличием в 1977 г. Чтобы избрать себе такую профессию, нужно быть в известной степени романтиком при повышенном градусе любознательности и сниженном уровне меркантильности (короче говоря, нужно иметь что-то вроде особой группы крови…). Андрей учился легко и увлеченно, обладая широтой интересов и живостью мысли. В быту, в том числе и в экспедициях, его отличали скромность и нетребовательность к собственному комфорту (качества, не утраченные им до сих пор!). Ему всегда были свойственны абсолютное бескорыстие и щедрость, готовность помочь и уступить любые блага ближнему и высоко развитое чувство ответственности – за себя и за других, за дело,

которым он занимается. Нечастые, увы, нынче, неотъемлемые его качества – порядочность и честность – если не были врожденными, то сформировались еще в ранней юности. Все эти характеристики были очевидны уже в студенческие годы и вполне отчетливо ощущались всеми, с кем ему приходилось иметь дело. Например, во время учебы в университете, оказавшись на сборах в артиллерийской воинской части по окончании военной кафедры, А. Ю. Алексеев был демократическим путем избран своими сокурсниками командиром отделения – случай уникальный в армейской практике. Этот эпизод определенным образом характеризует человека, выявляя отношение к нему окружающих.

Еще в студенчестве избрав специализацией скифологию, он никогда не изменял своему выбору и обращал на себя внимание преподавателей самостоятельностью мышления и глубокой заинтересованностью наукой. Для ученого чрезвычайно важно умение принимать нестандартные решения и делать выводы, и далеко не всякий студент способен продемонстрировать эти качества в процессе университетского обучения. Во всяком случае, именно эти характеристики стали основанием для рекомендации А. Ю. Алексеева в аспирантуру при Эрмитаже сразу по окончании университета одним из его учителей, Л. С. Клейном. Руководителем аспиранта стал директор Эрмитажа академик Б. Б. Пиотровский, которого всегда интересовала скифская история.

Кандидатская диссертация «Чертомлыкский курган и его место среди погребений скифской знати IV–III вв. до н. э.», блестяще защищенная в 1982 г. в ЛГУ, была фундаментальным монографическим исследованием самого большого из скифских царских курганов, материалы которого хранятся в Эрмитаже. Работа отличалась особой тщательностью и, помимо вещеведческой скрупулезности, обладала глубиной проникновения

Киев. 1987 г. Фотография из личного архива

Келермес. В лагере экспедиции. 1990 г. А. Ю. Алексеев, Т. М. Кузнецова, Ю. Ю. Пиотровский. Фотография из личного архива

в тему и масштабностью выводов. Оппонентами А. Ю. Алексеева на защите были маститые ученые, обладающие бесспорным авторитетом в тематике, близкой к диссертации, – А. И. Мелюкова (Москва) и А. Н. Щеглов (Ленинград), внешний отзыв был предоставлен киевским Институтом археологии АН УССР. Таким образом, все ведущие научные центры страны, наиболее сильные в скифологии, были привлечены к защите диссертации и безоговорочно высоко оценили работу.

А. Ю. Алексеев в разные годы принимал участие в экспедициях под руководством Л. С. Клейна, И. С. Каменецкого, А. Н. Щеглова, Б. Н. Мозолевского, В. А. Сафронова и Г. И. Смирновой и внес свой вклад в полевые исследования памятников скифского времени на Нижнем Дону, в Приднепровье, Западной Украине, Крыму и Северо-Западном Кавказе. В 1981 г. А. Ю. Алексеев принимал участие в работе совместной советско-германской экспедиции, организованной Институтом археологии АН УССР и Геттингенским университетом при поддержке Немецкого научно-исследовательского общества. Экспедиция, возглавляемая киевлянами, сначала Б. Н. Мозолевским, а потом В. Ю. Мурзиным, и с германской стороны – Р. Ролле, доисследовала в 1979–1986 гг. раскопанный во второй половине XIX в. И. Е. Забелиным курган Чертомлык. Раскопки принесли интересные результаты, которые позднее вместе с историей изучения памятника в XIX–XX вв. были опубликованы в коллективной монографии А. Ю. Алексеева, В. Ю. Мурзина и Р. Ролле на русском (Алексеев и др. 1991) и немецком языках (Rolle et al. 1998).

Заинтересованность в проблематике, связанной с происхождением скифов и их ранней историей привела А. Ю. Алексеева на Северный Кавказ. С 1980 по 1995 г. все полевые сезоны он проводил в Адыгее, работая в составе Келермесской экспедиции Эрмитажа,

Совместный полевой сезон Келермесской экспедиции Эрмитажа и Гиагинской экспедиции ИА РАН. 1990 г. Участники экспедиции. Фотография из личного архива

Келермесский могильник. Полевая съемка. 1990 г. Фотография из личного архива

Юбилей ИАК в Эрмитаже. 2009 г.
А. Ю. Алексеев, М. Б. Пиотровский,
Ю. Ю. Пиотровский

Эрмитаж. Открытие Пазырыкского
зала постоянной экспозиции Эрмитажа
после реконструкции. 07. 12. 2010 г.
М. Б. Пиотровский, А. Ю. Алексеев

Доклад А. Ю. Алексеева на конференции
в Эрмитаже, посвященной 150-летию
Императорской Археологической
комиссии. 2009 г.

Подготовка выставки «Золотые олени
Евразии». 1999 г. М. Б. Пиотровский,
В. Ю. Матвеев, Е. Ф. Королькова,
А. Ю. Алексеев, Ф. Ш. Абсаликова

Фотографии из личного архива

возглавляемой первые четыре года Л. К. Галаниной, а с 1984 г. принял на себя руководство экспедицией. В 1989–1990 гг. работы велись совместно с московской Гиагинской экспедицией ИА АН СССР (начальник Т. М. Кузнецова). Раскопки Келермесской экспедиции дали основание для важных выводов об этнокультурной принадлежности и датировке курганов одного из самых известных раннескифских могильников на Северном Кавказе. В 1996 г. А. Ю. Алексеев защитил докторскую диссертацию «Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э.», а в 2003 г. вышла в свет его монография с тем же названием (Алексеев 2003), которая до сих пор остается одним из важнейших и незаменимых трудов по истории скифов. Эта работа и ее автор вызывают уважение всех специалистов, кто так или иначе касается проблем скифологии. В 2006 г. Президиум Российской академии наук присудил А. Ю. Алексееву престижную премию им. И. Е. Забелина за эту монографию, отметив ее высокий научный уровень и значение разработанного автором метода периодизации скифских памятников, новаторство в постановке проблемы и неординарность подхода.

А. Ю. Алексеев, как и положено настоящему ученому, всегда отдавал много сил не только исследовательской работе, расширяя и углубляя собственные знания, но и щедро делился ими с коллегами и младшим поколением археологов. В 1980-х гг. он читал курс по скифской археологии на родной кафедре в ЛГУ. Некоторые из его учеников заняли в профессии достойное место, уже сказав в науке свое слово.

Работа в Эрмитаже сопряжена с необходимостью популяризации достижений науки и с огромной выставочной деятельностью музея в пределах страны и за ее рубежами. Большие, яркие и впечатляющие археологические выставки прошли в разных городах: в 2000 г. в Метрополитен-музее в Нью-Йорке состоялась выставка «Золотые олени Евразии», которая в 2001–2002 гг. была показана в Санкт-Петербурге, Москве, Уфе и Милане. В 2007 г. Эрмитаж принимал участие в грандиозном международном выставочном проекте, организованном германскими коллегами и задействовавшем самые интересные и значительные материалы скифского времени из многих музеев мира. Масштабная беспрецедентная выставка «Под знаком золотого грифона» была показана в Берлине, Мюнхене и Гамбурге. В 2012 г. в Казани была представлена обширная экспозиция «Кочевники Евразии на пути к империи», а в 2013 г. в Выборге прошла выставка «Мир кочевников. Из археологических коллекций Эрмитажа». Создание концепций выставок, работа над каталогами – существенная часть работы музейщика, которой А. Ю. Алексеев всегда отдает много сил, времени и души. Прекрасно иллюстрированный альбом «Золото скифских царей в собрании Эрмитажа», выпущенный А. Ю. Алексеевым в 2012 г. (Алексеев 2012) – образец популярного издания, рассчитанного на массовую публику, но включающего также информацию современного научного уровня. Это делает альбом интересным и для специалистов-археологов.

Лекции А. Ю. Алексеева о скифах в лектории Эрмитажа неизменно собирают интересующуюся публику, обычно неплохо подготовленную, читающую разную литературу и достаточно искушенную в проблемах истории культуры. Столь любознательную аудиторию покорить и увлечь непросто, но это всегда ему удается.

Научные интересы А. Ю. Алексеева чрезвычайно широки и многообразны: он постоянно участвует в международных научных проектах, связанных с проблемами и методами датирования археологических памятников. Эти проекты объединяют ученых

разных стран и специальностей и приносят свои результаты в продвижении археологии в привлечении прогрессивных методов исследования.

Невозможно перечислить все сферы приложения профессиональной деятельности А. Ю. Алексеева: научные экспертные заключения и редколлегии, исследовательская работа и лекции, ученые советы, конференции и научные проекты, оппонирование на защитах диссертаций… Но зная его много лет, не могу не отметить его работу в качестве руководителя археологического отдела Эрмитажа. Административная деятельность – для него нелюбимая область, и груз этих обязанностей, бесспорно, тяжкое бремя. Но чувство долга, понимание существа любого дела и всего происходящего в сочетании со свойственным ему взвешенным разумным подходом к требованиям времени, обстоятельствам и задачам музея делают его незаменимым на посту заведующего отделом. Кроме того, тут важно отношение к людям. Не все, вероятно, могут оценить его истинную доброту и способность сочувствовать, порой скрытые под строгостью обращения (что иногда необходимо для внутренней дисциплины в сообществе любого уровня). Но я не знаю случая, когда бы он не пошел навстречу в каких-либо проблемных ситуациях, искренне при этом переживая за человека.

Собственная скромность и отсутствие меркантильности никогда не позволяли ему ничего просить для себя и объясняют полное неприятие всякого приспособленчества в быту, в том числе и у других. Сам он всегда поступал по совести и по существу и в науке, и в жизни, подчас вопреки собственным интересам, но всегда – с открытым забралом. И эта принципиальность дорогого стоит.

Андрей Юрьевич никогда никому не отказывал в помощи, подчас затрачивая немало времени на выполнение чьей-то просьбы: кто-то попросил подсказать литературу, кто-то нуждается в уточнении данных по материалу или в получении авторитетного мнения по какой-то проблеме, кому-то нужна помощь в переводе специального текста на английский язык… Я не помню случая, чтобы он отказался кому-то помочь. Люди всегда чувствуют настоящую суть, отличая ее от фальши и декораций. В археологии эта подлинность ценится особенно: она выше формальных рангов, она сильнее территориальных и государственных границ. И даже в наш век не слишком строгой требовательности к нравственности истинные честь, благородство, ум, трудолюбие и зримые результаты работы не могут быть незамеченными и неоцененными в профессиональном сообществе без границ. Значение и масштаб научной деятельности А. Ю. Алексеева определяется уже по библиографии. Наверное, поэтому так высок его авторитет среди археологов, научных учреждений и музеев разных городов, отечественных и зарубежных, и так однозначно уважение коллег, в какой бы стране они ни находились. Список авторов настоящего сборника, пожелавших принять участие в издании, посвященном 60-летию А. Ю. Алексеева, говорит сам за себя. Это особенно значимо в наше непростое время и еще раз подтверждает, что Археология не знает границ.

Алексеев 2003
Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб., 2003.

Алексеев 2012
Алексеев А. Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб., 2012.

Алексеев и др. 1991
Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык : скифский «царский» курган IV в. до н. э. Киев, 1991.

Rolle et al. 1998
Rolle R., Murzin V. Yu., Alekseev A. Yu. Königskurgan Čertomlyk : Ein skythischen Grabhügel des 4. Vorchristlichen Jahrhunderts : Bd. 1–3. Mainz, 1998.

ЗОЛОТО СКИФСКИХ ЦАРЕЙ
ЧЕРТОМЛЫК
ЕВРАЗИЯ В СКИФСКУЮ ЭПО
СКИФСКАЯ ХРОНИКА
ХРОНОГРАФИЯ
ЕВРОПЕЙСКОЙ СКИФИИ

БИБЛИОГРАФИЯ А. Ю. АЛЕКСЕЕВА

Монографии

Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык : скифский «царский» курган IV в. до н. э. Киев, 1991.

Алексеев А. Ю. Скифская хроника : скифы в VII–IV вв. до н. э. : ист.-археологический очерк. СПб., 1992[1].

Алексеев А. Ю., Качалова Н. К., Тохтасьев С. Р. Киммерийцы : этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. (Публикации Информационно-исследовательского института «Ермаков» ; малая серия ; вып. 1)[2].

Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб., 2003[3].

Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С., Дергачев В. А., Зайцева Г. И., Ковалюх Н. Н., Кук Г., Плихт Й. ван дер, Посснерт Г., Семенцов А. А., Скотт Е. М., Чугунов К. В. Евразия в скифскую эпоху : радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.

Алексеев А. Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб., 2012.

Rolle R., Murzin V. Y., Alekseev A. Y. Königskurgan Čertomlyk : Ein skythischen Grabhügel des 4. Vorchristlichen Jahrhunderts : Bd. 1–3. Mainz, 1998. (Hamburger Forschungen zur Archäologie ; Bd. 1)[4].

Alekseev A. I., Barkova L. L., Galanina L. K. Nomades des steppes : Les Scythes VIIe – IIIe siècle av. J.-C. Paris, 2001.

Участие в редколлегиях коллективных монографий, сборников и каталогов

Манцевич А. П. Курган Солоха : публикация одной коллекции / науч. ред. А. Ю. Алексеев. Л., 1987.

---

[1] См. рец. на эту кн.: *Yukishima K.* [Review] // Newsletter on steppe archaeology. 1993. N 2. July. P. 12, 13. *На яп. яз.*

[2] См. рец. на эту кн.: *Погребова М. Н., Раевский Д. С., Яценко И. В.* Киммерийская проблема // ВДИ. 1998. № 3. С. 69–87.

[3] См. рец. на эту кн.: *Hind J. G. F.* [Review] // Ancient West & East. 2006. Vol. 4. N 2. P. 473–475.

[4] См. рец. на эту кн.: 1) *Boardman J.* [Review] // North Pontic Archaeology / ed. by G. R. Tsetskhladze. Brill, 2001. P. 451–453. (Colloquia Pontica ; vol. 6); 2) *Tsetskhladze G. R.* Reviews // Talanta. 2000–2001. Vol. 32, 33. P. 311, 312; 3) *Timothy T.* A platform for studying the Scythians // Antiquity. 2003. Vol. 77 (296). P. 413–415.

Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху : материалы заседаний «Круглого стола», 22–24 декабря 1994 г., Санкт-Петербург / редкол.: А. Ю. Алексеев, Н. А. Боковенко, Л. С. Марсадолов, В. А. Семенов. СПб., 1994.

Жречество и шаманизм в скифскую эпоху : мат-лы Междунар. конф. / редкол.: А. Ю. Алексеев, Н. А. Боковенко, В. Ю. Зуев, В. А. Семенов. СПб., 1996.

Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь : Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 9–12 дек. 1998 г. : [посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. М. И. Артамонова] / редкол.: А. Ю. Алексеев, Г. В. Вилинбахов, А. Д. Столяр, В. Ю. Зуев, Ю. Ю. Пиотровский, В. Н. Седых, Г. И. Смирнова. СПб., 1998.

Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 34: Материалы и исследования по археологии Евразии : к 100-летию со дня рожд. М. И. Артамонова / ред. А. Ю. Алексеев. СПб., 1999.

Отделу археологии Восточной Европы и Сибири 70 лет : тез. науч. конф. / науч. ред. А. Ю. Алексеев. СПб., 2001.

Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 36: Материалы и исследования по археологии Евразии : памяти А. П. Манцевич посвящ. / ред. А. Ю. Алексеев. СПб., 2003.

Античное наследие Кубани : в 3 т. / под. ред. А. Ю. Алексеева, Г. М. Бонгард-Левина, М. Д. Бухарина, А. А. Завойкина, А. И. Иванчика, Г. В. Кокунько, Г. А. Кошеленко, В. Д. Кузнецова, И. И. Марченко, Р. М. Мунчаева, М. Б. Пиотровского, Т. Д. Румянцевой. М., 2010.

Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 38: Материалы и исследования по археологии Евразии : памяти Я. В. Доманского посвящ. / ред. А. Ю. Алексеев. СПб., 2010.

Экспедиции : археология в Эрмитаже / науч. ред. А. Ю. Алексеев, А. М. Бутягин. СПб., 2014.

The Golden Deer of Eurasia : Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes / ed. by J. Aruz, A. Farkas, A. Alekseev, E. Korolkova. New York, 2000.

Siberia : Gli uomini dei fiumi ghiacciati / a cura di A. Popescu, A. Alekseev, J. Piotrovskij. Trieste, 2001.

Impact of the Environment of Human Migration in Eurasia / ed. by E. M. Scott, A. Yu. Alekseev, G. Zaitseva. Dordrecht ; Boston ; London, 2004. (NATO Science Series ; series IV: Earth and Environmental Sciences ; vol. 42).

Статьи и тезисы докладов

1976

Алексеев А. Ю., Вахтина М. Ю., Разумов А. Я., Семенов А. П. Новостроечные работы в зоне Цимлянского водохранилища // АО. М., 1976. Вып. 75. С. 104, 105.

1977

Алексеев А. Ю., Семенов А. И. Новостроечные работы на Цимлянском водохранилище // АО. М., 1977. Вып. 76. С. 83.

1980

Алексеев А. Ю. О скифском Аресе // АСГЭ. 1980. Вып. 21. С. 39–47.

1981

Алексеев А. Ю. К вопросу о дате сооружения Чертомлыкского кургана : по керамическим материалам // АСГЭ. 1981. Вып. 22. С. 75–83.

Алексеев А. Ю. Сцена вручения лука на аттической амфоре VI в. до н. э. // СГЭ. 1981. [Вып.] 46. С. 41–43.

Алексеев А. Ю. Чертомлыкский курган в хронологической системе погребений скифской знати IV–III вв. до н. э. // Контакты и взаимодействие древних культур : тез. докл. Л., 1981. С. 6–9.

1982

Алексеев А. Ю. Чертомлыкский курган и его место среди погребений скифской знати IV – начала III в. до н. э. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1982.

Алексеев А. Ю. Курган Цимбалка и дата его сооружения // СГЭ. 1982. [Вып.] 47. С. 33–35.

1983

Алексеев А. Ю. О наконечниках стрел из Чертомлыкского кургана // АСГЭ. 1983. Вып. 24. С. 73–80[1].

1984

Алексеев А. Ю. О месте Чертомлыкского кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV–III вв. до н. э. : по бляшкам-аппликациям и наконечникам стрел // АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 65–75.

Алексеев А. Ю. Рукоять парадного ахеменидского меча из Чертомлыкского кургана // СГЭ. 1984. [Вып.] 49. С. 38–41.

1985

Алексеев А. Ю. Курган Чмырева Могила и дата его сооружения // СГЭ. 1985. [Вып.] 50. С. 31–35.

1986

Алексеев А. Ю. Греческая керамика из Александропольского кургана // СГЭ. 1986. [Вып.] 51. С. 35–38.

Алексеев А. Ю. Нашивные бляшки из Чертомлыкского кургана // Античная торевтика. Л., 1986. С. 64–74.

[1] *Семенов А. И.* Микроскопические исследования древков стрел из кургана Чертомлык : некоторые параллели и комментарии : прил. к ст. А. Ю. Алексеева // АСГЭ. 1983. Вып. 24. С. 79–80.

1987

Алексеев А. Ю. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н. э. // СА. 1987. Вып. 3. С. 28–39.

Алексеев А. Ю. Значение некоторых украшений конского оголовья в Европейской Скифии V–IV вв. до н. э. // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова : тез. докл. Омск, 1987. Ч. 1. С. 184–186.

Алексеев А. Ю. К реконструкции военно-дипломатической истории Скифии в конце IV в. до н. э. // Киммерийцы и скифы. Кировоград, 1987. Ч. 1. С. 12–14.

Алексеев А. Ю., Галанина Л. К. Келермесские древности : к истории Закубанья в раннескифское время // Киммерийцы и скифы. Кировоград, 1987. Ч. 1. С. 46–48.

Алексеев А. Ю. О датах скифских курганов Бабы и Раскопана Могила // СГЭ. 1987. [Вып.] 52. С. 28–31.

Алексеев А. Ю. Послесловие редакции // Манцевич А. П. Курган Солоха. Л., 1987. С. 124, 125. (Публикация одной коллекции).

Алексеев А. Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии // Актуальные проблемы историко-археологических исследований : тез. докл. Киев, 1987. С. 5, 6.

Алексеев А. Ю. Хронография Скифии второй половины IV в. до н. э. // АСГЭ. 1987. Вып. 28. С. 38–51.

Алексеев А. Ю. Эллино-скифское отделение и выставка 1927 г. // Античное искусство в советском музееведении. Л., 1987. С. 59–66.

1989

Алексеев А. Ю. Великая Скифия или две Скифии? : хронологический аспект истории европейских скифов // Скифия и Боспор : археол. мат-лы к конф. памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 85–87.

Алексеев А. Ю., Качалова Н. К. О киммерийцах в Северном Причерноморье : археологический аспект проблемы // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья : тез. докл. Запорожье, 1989. С. 6–8.

Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. О планировке центральной гробницы Чертомлыкского кургана // Скифия и Боспор : археол. мат-лы к конф. памяти М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 99, 100.

1990

Алексеев А. Ю., Галанина Л. К. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. 1990. Вып. 30. С. 34–54.

1991

Алексеев А. Ю., Кузнецова Т. М., Пиотровский Ю. Ю. Исследование Келермесского могильника в 1989–1990 гг. // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа. Л., 1991. С. 8–11.

Алексеев А. Ю. Котел из кургана Раскопана Могила как реплика легендарного котла скифского царя Арианта // СГЭ. 1991. [Вып.] 55. С. 31–33.

Алексеев А. Ю., Кузнецова Т. М. Новое о Келермесе // Древности Кубани : мат-лы науч.-пр. конф. Краснодар, 1991. С. 22, 23.

Алексеев А. Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н. э. // АСГЭ. 1991. Вып. 31. С. 43–56.

Алексеев А. Ю. Этюд об акинаках // Клейн Л. С. Археологическая типология. Л., 1991. С. 271–280.

Алексеев А. Ю. Уникальный уздечный набор из Александропольского кургана // Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции : тез. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию ОАВЕС. СПб., 1991. С. 12, 13.

1992

Алексеев А. Ю. «Страна скифов» царя Партатуа на Северном Кавказе? : к хронологии и локализации // Северная Евразия от древности до средневековья : к 90-летию со дня рожд. М. П. Грязнова. СПб., 1992. С. 12, 13.

Алексеев А. Ю., Кузнецова Т. М., Пиотровский Ю. Ю., Чежина Е. Ф. Исследования Келермесского могильника // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 гг. Ейск, 1992. С. 4–7.

1993

Алексеев А. Ю. Великая Скифия или две Скифии? // Скифия и Боспор : мат-лы конф. памяти акад. М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1993. С. 28–38.

Алексеев А. Ю. Европейская Скифия на перекрестке культур // Культурные трансляции и исторический процесс : тез. докл. СПб., 1993. С. 27, 28.

Алексеев А. Ю. Об одной забытой подделке : к реконструкции утраченных предметов торевтики скифской эпохи // Вторая Кубанская археологическая конференция : тез. докл. Краснодар, 1993. С. 1.

Алексеев А. Ю. Скифские цари и «царские» курганы V–IV вв. до н. э. // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб., 1993. С. 50–52.

Алексеев А. Ю. Уникальные украшения конского уздечного убора из Александропольского кургана // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь : сб. ст. в честь 56-летия Д. А. Мачинского. СПб., 1993. С. 72–75. (Петербургский археологический вестник ; вып. 6).

1994

Алексеев А. Ю. Большие «царские» курганы V–IV вв. до н. э. в Европейской Скифии: хронология и толкования // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху : мат-лы заседаний «Круглого стола» 22–24 декабря 1994. С. 12–17.

Алексеев А. Ю. К идентификации погребений кургана Солоха // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья : тез. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. проф. Б. Н. Гракова. Запорожье, 1994. Ч. 2. С. 7–9.

Алексеев А. Ю. О поддельных предметах скифской торевтики из коллекции Ф. С. Романовича // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб., 1994. С. 3–5.

Алексеев А. Ю., Королькова Е. Ф. Олень из кургана Куль-Оба // Проблемы археологии. СПб., 1994. Вып. 3. С. 102–109.

Alexeev A. Y. La Scythie ou les Scythies? // Les Scythes : Guerriers nomades au contact des brillantes civilisations grecque, perse et chinoise. Paris, 1994. P. 6–11. (Les dossiers d'archeologie ; N 194).

1995

Алексеев А. Ю. Погребение V в. до н. э. в кургане Малая Цимбалка : раскопки И. Е. Забелина в 1868 г. // АСГЭ. 1995. Вып. 32. С. 53–59.

Алексеев А. Ю., Пиотровский Ю. Ю. Итоги работы Келермесской археологической экспедиции в 1993 и 1994 годах // Государственный Эрмитаж. Отчетная археологическая сессия за 1995 год : тез. докл. СПб., 1995.

1996

Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. : автореф. дис. … докт. ист. наук. СПб., 1996.

Алексеев А. Ю. Гребень из кургана Солоха в контексте династической истории Скифии // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб., 1996. С. 5–7.

Алексеев А. Ю. Скифские цари и «царские» курганы V–IV вв. до н. э. // ВДИ. 1996. № 3. С. 99–113.

Алексеев А. Ю. Скифы // God and Man – Great Art Treasures of the State Hermitage Museum. Niigata ; Osaka, 1996. P. 188–189. Cat. 1–29. *На яп. яз.*

Алексеев А. Ю. О так называемых нащитных эмблемах скифской эпохи // Между Азией и Европой : Кавказ в IV–I тыс. до н. э. : мат-лы конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. А. Иессена. СПб., 1996. С. 130–134.

1997

Алексеев А. Ю. К реконструкции одного утраченного предмета эллино-скифской торевтики V–IV вв. до н. э. // Европейская Сарматия : сб. ст. к 60-летию Д. А. Мачинского и М. Б. Щукина. СПб. ; Кишинев, 1997. С. 29–43.

Алексеев А. Ю., Дергачев В. А., Зайцева Г., Посснерт Г., Семенцов А. Радиоуглеродные даты ключевых памятников Европейской Скифии // Радиоуглерод и археология. СПб., 1997. Вып. 2. С. 76–85.

1998

Алексеев А. Ю. Александропольский курган в контексте скифской истории // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь : Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. И. Артамонова. СПб., 1998. С. 86–88.

Алексеев А. Ю. Периодизация истории Европейской Скифии : традиции и современное состояние // История и культура древних и средневековых обществ : сб. науч. ст.,

посвящ. 100-летию со дня рожд. М. И. Артамонова. СПб., 1998. С. 118–126. (Проблемы археологии ; вып. 4).

Alekseev A. Y., Dergachev V. A., Zaitseva G. I., Possnert G. The first 14^C dating of monuments in European Scythia // Radiocarbon. 1998. Vol. 40 (2). P. 767–775.

1999

Алексеев А. Ю. Краснокутский и Александропольские курганы в хронологической системе скифских древностей IV в. до н. э. // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. : проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии : тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Б. Н. Гракова. М., 1999. С. 8–10.

2000

Алексеев А. Ю. Наконечники стрел из Александропольского кургана и их значение для истории скифских древностей IV в. до н. э. // ΣΥΣΣΙΤΙΑ : памяти Ю. В. Андреева. СПб., 2000. С. 295–303.

Алексеев А. Ю. Отклик на некоторые доклады // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. : мат-лы III Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Азов, 2000. С. 348–354.

Алексеев А. Ю. Луристанская булава в Скифии // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского : тез. докл. СПб., 2000. С. 5, 6.

Alexeev A. Y. Gli Sciti : tra Asia ed Europa // Oro Il mistero dei Sarmati e degli Sciti. Milano, 2000. P. 84–89.

Alexeev A. Y. Les Scythes, avant et après Alexandre de Macédoine // L'Asie des steppes d'Alexandre le Grand à Gengis Khån. Barcelona ; Paris ; Madrid, 2000–2001.

Alexeev A. Y. The Scythians : Asian and European // The Golden Deer of Eurasia : Scythians and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes. New York, 2000. P. 41–47.

2001

Алексеев А. Ю. Греческие амфоры из Краснокутского кургана // РА. 2001. № 4. С. 69–76.

Алексеев А. Ю., Кузнецова Т. М. Келермес (1990 г. – курган 31) // Северный Кавказ : историко-археологические очерки и заметки. М., 2001. С. 71–85. (МИАР ; № 3).

Алексеев А. Ю. Когда и кто был погребен в Чертомлыкском кургане? // Боспорский феномен. Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства : мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2001. Ч. 2. С. 137–141.

Алексеев А. Ю. Скифы – азиаты и европейцы // Золотые олени Евразии. СПб., 2001. С. 12–17.

Алексеев А. Ю. Современные особенности датирования скифских «царских» курганов // Археология в пути или путь археолога : к 80-летию проф. А. Д. Столяра. СПб., 2001. Ч. 2. С. 153–159.

Alekseev A. Y., Bokovenko N. A., Boltrik Yu., Chugunov K. A., Cook G., Dergachev V. A., Possnert G., Plicht J., Scott E. M., Sementsov A., Kovalyukh N., Skripkin V., Vasiliev S., Zaitseva G. A Chronology of the Scythian Antiquities of Eurasia Based on New Archaeological and 14^C data // Radiocarbon. 2001. Vol. 43. N 2B, pt. 2. P. 1085–1107.

Alekseev A. Y. Greek and Barbarians on the North Black Sea Coast // Second International Congress on Black Sea Antiquities : abstracts. Ankara, 2001. P. 4, 5.

Alekseev A. Y. Gli Sciti // Archeo. 2001. N 3 (193). P. 74–79.

2002

Алексеев А. Ю. К хронологии погребальных сооружений Чертомлыкского кургана // Боспорский феномен : погребальные памятники и святилища : мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2002. Ч. 2. С. 161–164.

Алексеев А. Ю. Скифия историческая и Скифия археологическая : программы специальных курсов по археологии. СПб., 2002. С. 57–60.

Алексеев А. Ю., Королькова Е. Ф. Скифы : легенды и история // Золотые олени Евразии. СПб., 2002. С. 35–45.

Alekseev A. Y., Bokovenko N. A., Boltrik Y., Chugunov K. A., Cook G., Dergachev V. A., Kovaliukh N., Possnert G., Plicht J. van der, Scott E. M., Sementsov A., Skripkin V., Vasiliev S., Zaitseva G. Some Problems in the Study of the Chronology of the Ancient Nomadic Cultures in Eurasia (9th–3rd centuries BC) // Geochronometria : Journal on Methods and Applications of Absolute Chronology. 2002. Vol. 21. P. 143–150.

2003

Алексеев А. Ю. Скифы – азиаты и европейцы // Золотые олени Евразии. СПб., 2003. С. 33–39.

Алексеев А. Ю. Гребень из кургана Солоха и скифские цари V–IV вв. до н. э. // АСГЭ. 2003. Вып. 36. С. 72–88.

Alekseev A. Y. The Main Chronological Problems of European Scythia: Archaeology and Radiocarbon // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia : Book of Abstracts and Programme. St. Petersburg, 2003. P. 14, 15.

2004

Алексеев А. Ю. К портрету И. Е. Забелина на фоне скифологии // Невский археолого-историографический сборник : к 75-летию канд. ист. наук А. А. Формозова. СПб., 2004. С. 37–48.

Алексеев А. Ю. Ограбления древних курганов и рынок подделок : музей и сохранение археологического наследия // Эрмитаж [журнал]. 2004–2005. № 3, зима. С. 62–65.

Алексеев А. Ю., Королькова Е. Ф. Скифы и сарматы – северный форпост иранского мира // Иран в Эрмитаже: формирование коллекций : каталог выставки. СПб., 2004. С. 15–19.

Алексеев А. Ю. Некоторые проблемы раннескифской хронологии : археология и радиоуглерод // Боспорский феномен : проблемы хронологии и датирования памятников : мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2004. Ч. 2. С. 195–204.

Алексеев А. Ю. Шествие золотых зверей // СГЭ. 2004. [Вып.] 62. С. 250–252.

Alekseev A. Y. The Main Chronological Problems of European Scythia : Archaeology and Radiocarbon // Impact of the Environment of Human Migration in Eurasia. Dordrecht ; Boston ; London, 2004. P. 9–19. (NATO Science Series ; series IV : Earth and Environmental Sciences ; vol. 42).

2005

Алексеев А. Ю. Предскифское зеркало из Саркела // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья : памяти В. С. Ольховского. М., 2005. С. 161–166.

Алексеев А. Ю., Зайцева Г. И., Боковенко Н. А., Семенцов А. А., Лебедева Л. М., Чугунов К. В., Дергачев В. А., Васильев С. С., Лохов К. И., Скотт М., Плихт Й. ван дер, Юнгер Х. Хронологические исследования памятников скифского времени Южной Сибири и Центральной Азии // Археология Южной Сибири : идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 79–81.

Алексеев А. Ю., Лохов К. И., Бережная Н. Г., Матуков Д. И., Капитонова И. Н., Зайцева Г. И., Боковенко Н. А., Чугунов К. В., Скотт М., Плихт Й. ван дер. Изотопы углерода, азота и стронция в костных остатках памятников скифской эпохи Южной Сибири и Центральной Азии : опыт определения мигрантов, сравнительного анализа диеты древнего населения // Археология Южной Сибири : идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 91–94.

Alekseev A. Y. Scythian Kings and "Royal" Burial-Mounds of the Fifth and Fourth Centuries BC // Scythians and Greeks : Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century DC – first century AD) / ed. by D. Braund. Exeter, 2005. P. 39–55.

2006

Алексеев А. Ю. Соотношение хронологических шкал европейских и азиатских памятников раннескифского времени // Современные проблемы археологии России : мат-лы Всероссийского археол. съезда. Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 23–25.

Алексеев А. Ю. Акинак или махайра? : мечи из раскопок Н. И. Веселовского у с. Шульговки в 1891 г. // Древности скифской эпохи. М., 2006. С. 43–65.

Алексеев А. Ю. Письмо Е. Х. Миннза к А. А. Спицыну // Сборник в честь А. Д. Столяра. СПб., 2006. С. 401–405.

Алексеев А. Ю., Зайцева Г. И., Чугунов К. В. Соотношение хронологических шкал европейских и азиатских памятников раннескифского времени // Современные проблемы археологии России : мат-лы Всероссийского археол. съезда. Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 23–25.

Alekseev A. Y. Chronology and Interpretation // The Golden Deer of Eurasia : Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World : The Metropolitan Museum of Art Symposia. New York, 2006. P. 160–167.

Alekseev A. Y. Histoire des Scythes du Nord de la Mer Noire // Trésors des Steppes : catalogue. Laténium, 2006. P. 53–64.

Alekseev A. Y. Greco-Scythian Antiquities : a History of Excavation in Southern Russia // The Road to Byzantium : exhibition. London, 2006. P. 31–37.

2007

Алексеев А. Ю. Александр и северные кочевники // Александр Великий : путь на Восток : каталог выставки. СПб., 2007. С. 29–33.

Alekseev A. Y. Skythishe Könige und Furstenkurgane // Im Zeichen des Goldenen Greifen : Königs Gräber der Skythen. Berlin, 2007. S. 242–255.

Alekseev A. Y. Die Kurgane von Kelermes in ihrem historischen Kontext // Reiternomadische Eliten der eurasischen Steppe : Der Skythenkongress. Berlin, 2007. S. 33, 34.

2008

Алексеев А. Ю. «Старшие» Келермесские курганы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 2.

2009

Алексеев А. Ю. Каменный жертвенник или база антропоморфного изваяния? : к этнической принадлежности Келермесских курганов // Эпоха раннего железа : сб. науч. тр. к 60-летию С. А. Скорого. Киев ; Полтава, 2009. С. 12–18.

Алексеев А. Ю. Особенности топографии «предскифских» и раннескифских изваяний в Северном Причерноморье // Пятая Кубанская археологическая конференция : мат-лы конф. Краснодар, 2009. С. 3, 4.

Алексеев А. Ю. Келермес // БРЭ. М., 2009. Т. 13. С. 520.

Алексеев А. Ю. Рога и тиары // Огонек. 2009, сентябрь. № 17.

2010

Алексеев А. Ю., Рябкова Т. В. Скифы // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. 1. С. 236–259.

Алексеев А. Ю. Костромские курганы // БРЭ. М., 2010. Т. 15. С. 484.

Алексеев А. Ю. Куль-Оба // БРЭ. М., 2010. Т. 16. С. 306.

2011

Алексеев А. Ю. Гадания у алтарей скифского Ареса // Европейская Сарматия : сб., посвящ. М. Б. Щукину. СПб., 2011. С. 61–66.

Алексеев А. Ю., Галанина Л. К. Древности скифской эпохи из Прикубанья : Государственный Эрмитаж // Античное наследие Кубани. М., 2011. Т. 3. С. 170–196.

Алексеев А. Ю. Неизвестные грифоны Александропольского кургана // Scripta antiqua : вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. М., 2011. С. 57–73.

Alekseev A. Y. Escitas en la costa Norte del Mar Negro // Ermitage : tesoros de la arqueologia rusa en MARQ. Alicante, 2011. P. 101–110.

Alekseev A. Y. El Ermitage y las investigations de las antiguedades arqueologicas en el sur de Rusia del siglo XVIII a comienzos del XXI // Ermitage : tesoros de la arqueologia rusa en MARQ. Alicante, 2011. P. 31–39.

2012

Алексеев А. Ю. Гребень из кургана Солоха в контексте скифской истории // Сфинкс или мифология бытия : памяти Е. В. Мавлеева. М., 2012. С. 391–406.

Алексеев А. Ю. Скифы Геродота // Кочевники Евразии на пути к Империи : каталог выставки. СПб., 2012. С. 61–67.

Алексеев А. Ю. Мелитопольский курган // БРЭ. М., 2012. Т. 19. С. 677–678.

2013

Алексеев А. Ю., Рябкова Т. В. Относительная хронология скифских Келермесских курганов : мат-лы Шестой Междунар. кубанская археол. конф. Краснодар, 2013. С. 13–18.

Алексеев А. Ю. Археологическое, историческое и радиоуглеродное датирование скифских «царских» курганов // Принципы датирования в эпоху бронзы, раннем железном веке и в средние века : тез. докл. СПб., 2013. С. 111–115.

Алексеев А. Ю. «Центростремительная» и «центробежная» хронология скифских древностей Северного Причерноморья // Боспорский феномен : греки и варвары на евразийском перекрестке : мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2013. С. 349–352.

Алексеев А. Ю. Еще один миф об амазонках? // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-н/Д., 2013. С. 22–31.

Алексеев А. Ю. Огуз // БРЭ. М., 2013. Т. 23. С. 670–671.

2014

Алексеев А. Ю., Королькова Е. Ф. «Служебный роман» : Императорская Археологическая Комиссия и Эрмитаж // 250 историй про Эрмитаж : «Собранье пестрых глав…». СПб., 2014. Кн. 1. С. 279–283.

Алексеев А. Ю., Королькова Е. Ф. Один год из жизни Императорской Археологической комиссии // 250 историй про Эрмитаж : «Собранье пестрых глав…». СПб., 2014. Кн. 1. С. 284–289.

Алексеев А. Ю. Стрелы-змеи у ранних кочевников Евразии // Война и военное дело в скифо-сарматском мире : мат-лы конф. Ростов-н/Д., 2014. С. 5–10.

Алексеев А. Ю. Большие бляхи в виде животных – украшения скифских горитов // История оружия : альманах. Запорожье, 2014. № 10. С. 69–74.

Алексеев А. Ю. Шествие золотых зверей // Матвеев В. Ю. Эрмитаж «уединенный» или выставочная мозаика… СПб., 2014. С. 324–329.

Алексеев А. Ю. Археологические подделки и фальсификация древней истории // 250 историй про Эрмитаж : «Собранье пестрых глав…». СПб., 2014. Кн. 2. С. 188–194.

Алексеев А. Ю. Была ли Паритетная комиссия паритетной? // 250 историй про Эрмитаж : «Собранье пестрых глав…». СПб., 2014. Кн. 3. С. 30–37.

Алексеев А. Ю. Таинственная амазонка // 250 историй про Эрмитаж : «Собранье пестрых глав…». СПб., 2014. Кн. 3. С. 105–108.

Алексеев А. Ю. Палак // БРЭ. М., 2014. Т. 25. С. 95.

Алексеев А. Ю. Пектораль // БРЭ. М., 2014. Т. 25. С. 534.

Алексеев А. Ю., Марсадолов Л. С. Пазырыкская культура // БРЭ. М., 2014. Т. 25. С. 59.

Алексеев А. Ю. Радиоуглеродное датирование скифских курганов // Феномен Більского городища – 2014. Київ ; Полтава, 2014. С. 9–13.

2015

Алексеев А. Ю. Стрелы-змеи у ранних кочевников Евразии // Война и военное дело в скифо-сарматском мире : мат-лы Междунар. науч. конф, посвящ. памяти А. И. Мелюковой. Ростов-н/Д., 2015. С. 6–8.

Алексеев А. Ю. О радиоуглеродном датировании скифских курганов Северного Причерноморья // АСГЭ. 2015. Вып. 40. С. 88–98.

Алексеев А. Ю. Серебряные килики из скифских курганов Солоха и Бабы // Stratum Plus. 2015. № 3. С. 207–221.

Алексеев А. Ю. Л. К. Галанина // АСГЭ. 2015. Вып. 40. С. 7–9.

Алексеев А. Ю., Королькова Е. Ф. Скифия и скифское в русском искусстве XIX – начала XX века // Скифия : Образ и историко-культурное наследие. М., 2015. С. 3–6.

Участие во временных выставках Эрмитажа, каталогах выставок, авторство аннотаций

Золотые олени Евразии : каталог выставки в Государственном Эрмитаже, 18 октября 2001 – 20 января 2002 года. СПб., 2001.

Золотые олени Евразии : каталог выставки в Башкирском государственном художественном музее им. М. В. Нестерова, 9 июня – 29 сентября 2002 года. СПб., 2002.

Золотые олени Евразии : каталог выставки в Государственном Историческом музее, 20 февраля – 21 апреля 2003 года. СПб., 2003.

Иран в Эрмитаже : формирование коллекций : каталог выставки. СПб., 2004.

Александр Великий : путь на Восток. СПб., 2007.

Бессмертный Александр Великий. Миф. Правда. Его поход. Его наследие. Амстердам, 2010–2011.

Кочевники Евразии на пути к Империи. Казань, 2012.

Мир кочевников. Выборг, 2013.

Cultural Contacts between East and West in Antiquity and Middle Ages from USSR. Osaka, 1985. *In Japanese.*

The Scythian Gold from the Hermitage. Seoul, 1991. *In Korean.*

Aus den Schatzkammern Eurasiens. Meisterwerke antiker Kunst. Kunsthaus. Zurich, 1993.

Het rijk der Scythen. Amsterdam, 1993–1994.

God and Man : Great Art Treasures of the State Hermitage Museum. Niigata ; Osaka, 1996. *In Japanese and Russian.*

Zwei Gesichter der Eremitage. Bonn, 1997.

Αλέξανδρος και Ανατολή. Θεσσαλονίκη, 1997–1998.

The Golden Deer of Eurasia : Scythian and Sarmatian treasures from the Russian steppes. New York, 2000.

Oro Il mistero dei Sarmati e degli Sciti. Milano, 2001.

L'Asie des steppes d'Alexandre le Grand à Gengis Khân. Barcelona ; Paris ; Madrid, 2000–2001.

The Road to Byzantium. London, 2006.

Trésors des Steppes. Laténium, 2006.

Im Zeichen des goldenen Greifen : Königs Gräber der Skythen. München ; Berlin ; London ; New York, 2007–2008.

Escitas : Tesoros de Tuvá : catálogo. Alicante, 2008.

Tesoros de la arqueologia rusa en Museo Arqueológico (MARQ). Alicante, 2011.

El Hermitage en el Prado. Madrid, 2011.

Alexander the Great : 2000 Years of Treasures. Sydney, 2012–2013.

Составитель Н. А. Жогова

И. Р. Ахмедов

ПЛЕТИ ИЗ РЯЗАНО-ОКСКИХ МОГИЛЬНИКОВ. НОВЫЕ ДАННЫЕ

Плети и их детали в культурах населения лесной зоны Восточной Европы в третьей – второй четвертях 1-го тысячелетия относятся к редкой категории находок. До начала 70-х гг. XX в. сведения о них отсутствовали в публикациях. Это позволило А. Н. Кирпичникову выдвинуть тезис о появлении этой категории снаряжения всадника «…в конной практике примерно с IX в.» у населения этих территорий в рамках формирования всаднического комплекса Древней Руси. Им были учтены находки 47 определимых деталей плетей древнерусского времени, общее число находок, по его мнению, на тот момент, превышало 60. Само название «плеть» появляется в древнерусских источниках во второй половине XI в. (Кирпичников 1973. С. 71). Однако уже в 1975 г. была опубликована реконструкция плети из жертвенного комплекса в могильнике рязано-окских финнов у села Гавердово. В подготовленной к печати П. Н. Третьяковым статье П. П. Ефименко о раскопках Иваньковского и Гавердовского могильников еще в 20-е гг. XX в. эта находка датировалась гораздо более ранним временем – концом IV – началом V в. (Ефименко 1975. С. 17. Рис. 12, *1*). К сожалению, по объективным причинам в публикацию вкрались ошибки, которые будут указаны ниже. В 1989 г. во время полевых работ Рязанской археологической экспедиции Государственного исторического музея под руководством И. В. Белоцерковской на могильнике у села Кораблино Рязанского района Рязанской области в двух погребениях были обнаружены плети[1]. Тогда автору удалось непосредственно проследить их расположение in situ, что позволило начать изучение этой категории всаднического снаряжения (Ахмедов 1991). Затем они были рассмотрены в составе всего доступного на тот момент массива источников по конскому убору и снаряжению всадника рязанских финнов (Ахмедов 1995). В этой работе использованы сведения о пяти находках плетей, которые по способу оформления рукояти были разделены на три типа, два из которых (1 и 2) датированы IV – началом V в., а тип 3 рассматривался в составе древностей второй половины V в. Также был указан круг аналогов, который для типов 1 и 2 позволил установить их позднесарматские прототипы. Последовавшая далее работа в музейных собраниях и раскопки автора

[1] Автор выражает искреннюю благодарность И. В. Белоцерковской за возможность использовать неопубликованные материалы из могильника у с. Кораблино; директору Шиловского районного народного музея А. П. Гаврилову за предоставленные для публикации материалы из могильника Борок 2; А. В. Коряку за возможность использования рисунков из его неопубликованной дипломной работы; И. О. Гавритухину за возможность использования его рисунков; А. Е. Астафьеву и Е. С. Богданову за любезно предоставленную информацию о находке из Алтынказгана, а также Н. А. Дулебовой за дружескую помощь при подготовке статьи.

на Никитинском могильнике рязанских финнов позволили выявить ранее неизвестные находки, уточнить сведения об уже рассмотренных плетях, а также уточнить хронологические позиции захоронений с ними. Все это позволяет несколько пересмотреть их классификацию, а также представить специалистам новые находки[1].

Все рассматриваемые плети имеют деревянную рукоять, на которую помещена металлическая облицовка. К типу 1 отнесены плети, обернутые бронзовым листом с пластинчатой обоймой для крепления ремня в верхней части. К типу 2 – плети с рукоятями, обернутыми по спирали бронзовой лентой. Плети типа 1 по особенностям оформления рукояти и виду утяжелителей разделены на варианты, описанные ниже.

Тип 1 вариант А (1А)

Погребение № 80, мыс I, могильник у с. Кораблино, Рязанский район, Рязанская область (80 МI)

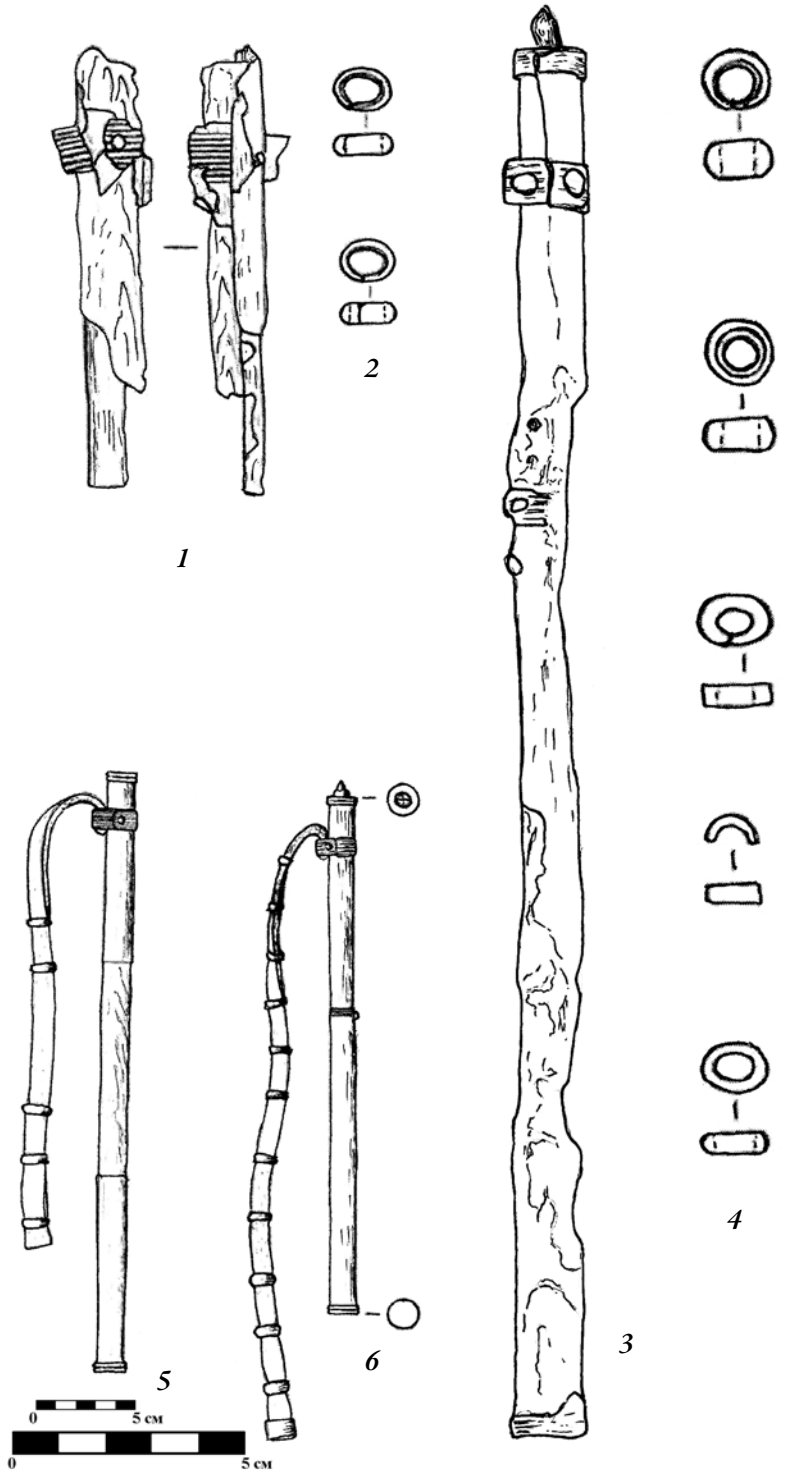
Рукоять обложена двумя пластинами, украшающими верхнюю и нижнюю части, на внешних концах которых при расчистке прослеживались остатки пластин с продольной бороздкой в центре. В средней части обкладки нет. Хорошо сохранилась лишь верхняя часть с пластинчатой обоймой, в которой крепился ремень. Она располагалась внахлест, фиксировалась при помощи гвоздика и была украшена продольными параллельными углубленными линиями. Ширина пластины 1,2 см, толщина чуть менее 1,0 мм, диаметр шляпки гвоздика 3,0 мм. Толщина обкладки рукояти около 0,6 мм. Длина верхней части 10,5 см, диаметр рукояти 1,5 см. Общая длина рукояти плети, прослеженная при расчистке погребения, около 30,5 см.

На месте ремня в погребении лежали пять обойм-утяжелителей. Все обоймы бронзовые, литые, сечение сегментовидное. Ширина 0,2; 0,4–0,5 см, толщина 0,2 см, диаметр 1,3 см. Все обоймы свернуты из пластин сегментовидного сечения, их поперечные размеры 1,3 × 1,0 см, ширина 0,4 см, толщина 0,2–0,3 см (ил. 1: *1, 2, 5*).

Погребение № 59, мыс I, могильник Кораблино (59 МI)

Рукоять обложена двумя бронзовыми листами, расположенными внахлест и скрепленными бронзовыми заклепками. Верхняя пластина длиной около 10,9 см, нижняя – 15,6 см. Торцы оформлены в виде круглых крышек из бронзового листа, бортик которых оформлен в виде двух валиков. Верхняя торцовая часть снабжена железным шипом в виде усеченной сферы, в верхней части которой находится пирамидальная колющая часть размером 0,8 × 0,8 см. Пластины рукояти в месте пересечения украшены поперечными бороздками. Ремень крепился в обойме, изготовленной из пластины внахлест, шириной 0,9 см. Пластина украшена продольными параллельными углубленными линиями, закреплена на боковой стороне гвоздиком. Общая длина рукояти 27,1 см. Ремень украшен 11 бронзовыми обоймами и бусами, на конце – обоймица из тонкой

[1] При работе с этой категорией находок автор сознательно не использует традиционную терминологию и сравнения с этнографическими и современными плетями, считая это прерогативой специалистов по коневодству и конскому снаряжению. На современном этапе исследования любые переносы названий на древние артефакты, по мнению автора, мешают их объективному изучению. Например, используемое многими исследователями определение «нагайка» может пониматься по-разному («ногайская» плетка, казачья уставная нагайка, укороченная плеть и т. д.).



Ил. 1. Плети типа 1А из могильника Кораблино

1, 2, 5 – погребение № 80; *3, 4, 6* – погребение № 59. *1* – бронза, дерево; *3* – бронза, железо, дерево; *2, 4* – бронза. *5, 6* – реконструкции. Рисунки автора с оригинала

бронзовой пластины. Бусы литые, сечение сегментовидное, обоймы свернуты из полосок сегментовидного и прямоугольного сечения, диаметр бусин 1,3 см, размеры обойм прямоугольного сечения 1,3 × 1,0 см, ширина 0,4–0,6 см, толщина 0,2–0,4 см. Размеры пластинчатой обоймицы – 1,0 × 1,3 см (ил. 1: *3, 4, 6*).

Судя по расположению утяжелителей в захоронении, они располагались на ремне по мере увеличения размеров к концу, на котором располагалась пластинчатая обоймица.

Тип 1 вариант Б (1Б)

Рукояти обложены бронзовым листом внахлест, закрепленным по всей длине гвоздиками. Ремни крепятся при помощи обойм, в верхней части находятся проволочные «пробои», с выступающим кольцом на одной стороне рукояти и разогнутыми концами на другой. В качестве утяжелителей используются уплощенно полусферические или умбоновидные пластинчатые бляшки, закрепленные на ремне бронзовыми шпеньками, иногда украшенные треугольными пропилами по краю. Такие бляшки характерны для поясных и уздечных ременных гарнитур рязанских финнов «геометрического стиля», бытование которых определяется последними десятилетиями IV – началом V в.

К варианту типа 1 относится несколько находок плетей в следующих комплексах.

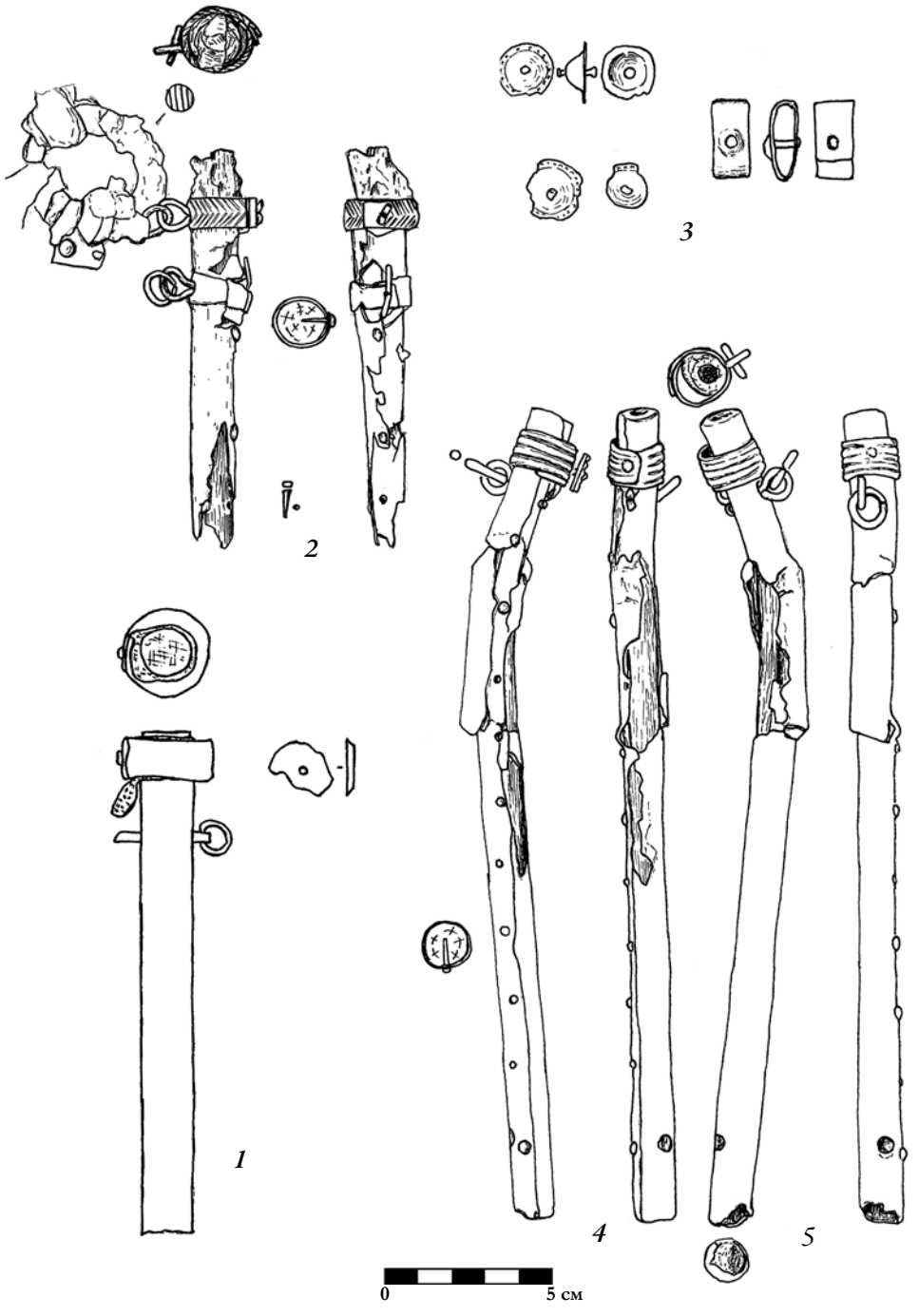
Погребение № 40, Шатрищенский могильник (раскопки П. П. Ефименко, 1920 г.), с. Шатрищи, Спасский район, Рязанская область

Рукоять плети представляла собой деревянную круглую палочку, обернутую бронзовым листом с «напущенной на конце круглой гайкой, зажимающей ремень» (Ефименко 1920. С. 83, 84). Длина рукояти плети, прослеженная П. П. Ефименко в момент находки, составляла 30 см, диаметр 1,5 см (на рисунке плеть нарисована в ее современном состоянии в фондах РИАМЗ). Ремень плети длиной 30 см и шириной 1,5 см был, по его наблюдению, «сплошь усажен с обеих сторон круглыми бляшками, закрепленными на штифтах» (Там же) (ил. 2: *1, 2*).

Шатрищенский могильник (раскопки П. П. Ефименко, 1921 г.) (ГЭ, инв. № 620/34[1])

Рукоять плети: основа – деревянная палочка круглого сечения диаметром 1,0–1,1 см. На нижнем конце дерево слегка срезано наискосок примерно на половину диаметра (вероятно, в процессе расчистки). Палочка обернута бронзовой пластиной с небольшим нахлестом (около 0,5 см), слева направо. Толщина листа 0,6–0,7 мм. На торцах рукояти края пластины загнуты внутрь. В месте нахлеста концы пластины скреплены при помощи пробитых через отверстия в дерево гвоздиков с полусферическими уплощенными шляпками. Толщина гвоздиков, судя по размерам видимого отверстия, – около 1,5–1,6 мм, диаметр шляпок колеблется от 3,0 до 5,0 мм. Всего первоначально было 10 гвоздиков,

[1] В публикации П. П. Ефименко материалов Гавердовского могильника 1975 г. П. Н. Третьяков предложил реконструкцию этой плети как происходящей из «Приношения» – жертвенного дара, изученного П. П. Ефименко. Однако по акту передачи в Отдел первобытной культуры ГЭ в 1932 г. эта плеть вместе с уздечным набором, опубликованным в той же статье, числится среди материалов раскопок П. П. Ефименко в 1921 г. на Шатрищенском могильнике. Находка же из «Приношения» находится в составе коллекции из раскопок на могильнике Гавердово в 1928 г. и ранее не публиковалась.



Ил. 2. Плети типа 1Б из Гавердовского и Шатрищенского могильников

1, 2 – погребение № 40, Шатрищенский могильник, раскопки П. П. Ефименко, 1920 г.
3 – «Приношение», Гавердовский могильник, раскопки П. П. Ефименко, 1928 г.
4, 5 – комплекс из Шатрищенского могильника, раскопки П. П. Ефименко, 1921 г.
1 – бронза, дерево, кожа; *3, 5* – бронза, железо, дерево; *2, 4* – бронза.
1, 2 – по рисунку А. В. Коряка, остальное – рисунок автора с оригинала

Ил. 3. Плети из коллекции Государственного Эрмитажа

1 – плеть из Шатрищенского могильника, раскопки П. П. Ефименко, 1921 г.

2 – «Приношение», Гавердовский могильник, раскопки П. П. Ефименко, 1928 г. Фотография автора

расположенных на расстоянии около 2,0 см друг от друга. Один утрачен. Общий диаметр рукояти нагайки вместе с пластинчатой обкладкой составляет 1,2–1,3 см.

На верхнем торце прослежено округлое отверстие, заполненное окислами железа. Видимо, это остатки основания утраченного шипа, подобного сохранившемуся шипу на плети из погребения 59 MI могильника Кораблино.

В верхней части рукояти, в 9,0 мм от верхнего торца, располагается пластина для крепления ремня плети шириной 1,08–1,1 см, толщиной до 1,2 мм. Она закреплена в месте нахлеста при помощи штифта, пропущенного насквозь и расклепанного на концах. Диаметр шляпок на концах штифта 1,0–1,5 мм. Поверхность пластины украшена продольными параллельными углубленными линиями, образующими пять валиков.

Под ней в плоскости гвоздика – проволочный пробой из бронзового дрота с петлей на одной стороне и разогнутыми концами – на другой. Толщина проволоки 2,6 мм, диаметр кольца пробоя – 9,64 мм. В нем закреплено подвижное кольцо, согнутое из проволоки толщиной 2,9 мм, его диаметр – 12,05–12,7 мм.

В нижней части рукояти сделано сквозное отверстие, перпендикулярное направлению крепежных гвоздиков. В его канале сохранились остатки органического материала, видимо, от кожаного шнурка темляка для ношения плети на руке. Диаметр отверстий 4,3–4,7 мм (ил. 2: *4, 5*; 3: *1*).

Ритуальный комплекс «Приношение» на площади могильника у с. Гавердово (раскопки П. П. Ефименко, 1928 г.), Рязанский район, Рязанская область (ГЭ, инв. № 604/184)[1]

Сохранилась верхняя часть рукояти плети с обоймами для крепления ремня длиной 10,5 см. Деревянная палочка – основа в сечении округлая, имеет размеры 1,35 × 1,2 см. Она обернута бронзовой пластиной внахлест. Пластина толщиной около 0,6 см. Толщина рукояти вместе с пластинами – 1,3 × 1,4 см. Края пластины закреплены гвоздиками с сегментовидными головками размером 0,4 × 0,2 см, расположенными с интервалом 2,0–2,5 см. Сами гвоздики выполнены в виде клинышка, овального сечения, длиной 7,0 мм, размером по верхней части 3,0 × 1,7 мм. В торце рукояти плети – крупный комок окислившегося железа, вероятно, корродированный шип, размером 1,5 × 1,4 × 0,6 см. Под ним расположена бронзовая обойма для крепления ремня, выполненная из пластины шириной 0,8 см, толщиной до 0,2 см. Поверхность украшена орнаментом в виде двух рядов косых параллельных линий, образующих «елочку». Концы соединены внахлест, закреплены сквозным пробоем, изготовленным из бронзовой проволоки толщиной 1,5 мм, с петлей и разогнутыми на поверхности пластины концами. В месте соединения орнамента нет. Размеры петли пробоя – 9,0 × 8,0 мм. В петле закреплено согнутое из такой же проволоки кольцо диаметром 9,0 мм, к которому прикипело железное кольцо уздечного набора, найденного вместе с плетью.

В 1,2 см ниже от описанной обоймы сохранилась еще одна, выполненная из гладкой пластины шириной чуть более 7,0 мм, толщиной около 0,5 мм. В отличие от верхней обоймы, нахлест у нижней заложен справа налево. Она закреплена при помощи пробоя, изготовленного из бронзового дрота толщиной чуть более 1,0 мм и петля выполнена

[1] Публикация комплекса: Ефименко 1975. С. 16, 17. Рис. 10, *12*.

менее аккуратно, размеры – 9,0 × 8,0 мм. Разогнутые концы пробоя – длинные, далеко выступающие за края пластины обоймы. Возможно, эта обойма была изготовлена позже верхней, в процессе использования плети, для более надежного крепления ремня.

В каждой из обойм сохранились фрагменты кожи от ремня шириной около 1,0 см. Толщина ремня около 2,0 мм (ил. 2: *3*; 3: *2*).

Тип 2

К нему отнесены две плети с деревянной рукоятью, обернутые бронзовой лентой.

Погребение № 5/145, могильник у с. Никитино (раскопки Р. Ф. Ворониной), Спасский район, Рязанская область

Погребение было доследовано автором (нумерация двойная – по порядку погребений, изученных разными исследователями). Рукоять обернута по спирали бронзовой лентой шириной 0,5–0,7 см. Диаметр рукояти около 1,5 см. Общая длина рукояти 27,0 см. В верхней части рукояти прослежены два фрагмента кожаного ремня шириной 0,7 и 1,0 см. Ремень крепился при помощи двух бронзовых гвоздиков с полусферическими шляпками диаметром 0,4–0,5 см (ил. 4: *1*) (Воронина и др. 2005. С. 15–18. Рис. 10, *1*; 43, *6*).

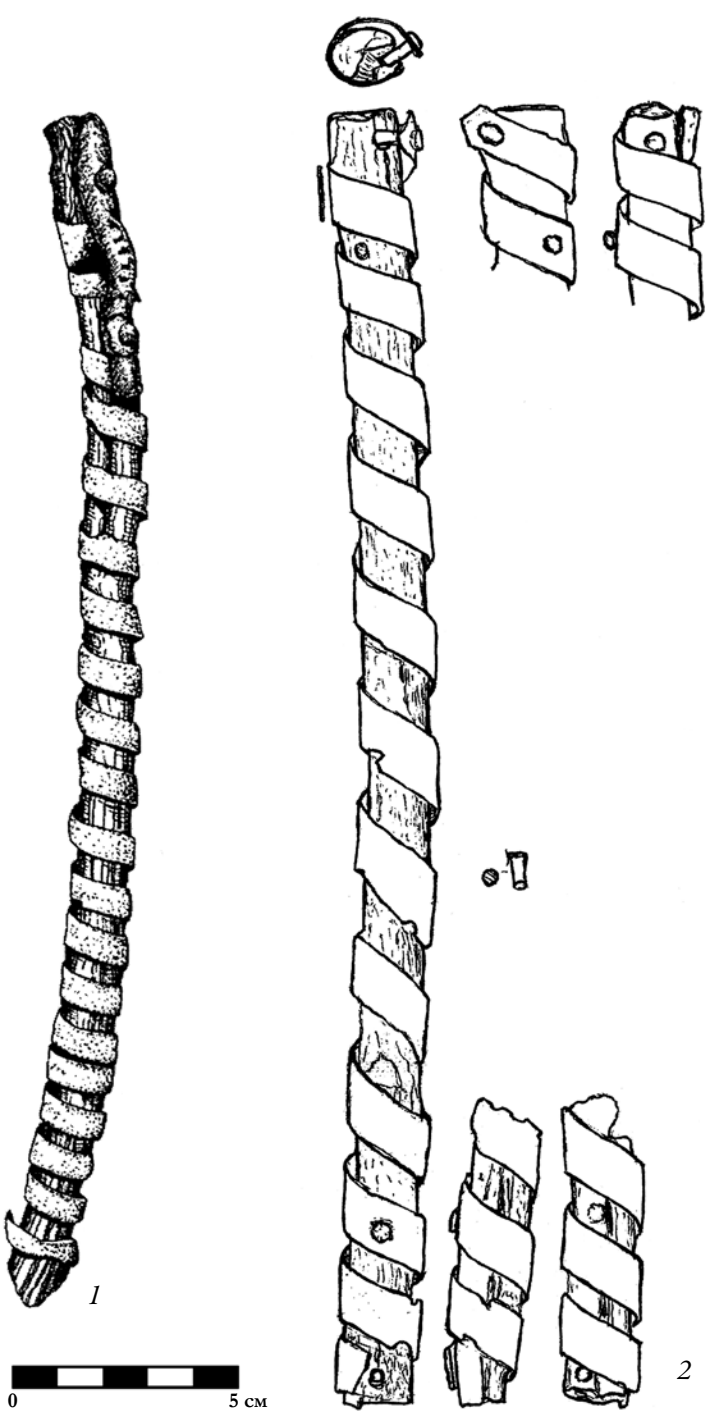
Погребение № 95, могильник Борок 2, Шиловский район, Рязанская область[1]

Рукоять плети представляет собой деревянную палочку овального сечения, которая обернута бронзовой полосой, зафиксированной на концах бронзовыми гвоздиками с полусферическими головками, по два на каждом конце. Один из них, вероятно, закреплял несохранившийся ремень, запущенный под бронзовую пластину на конце. Длина рукояти 29,2 см, поперечные размеры деревянной палочки – 1,3 × 1,7 см. Ширина бронзовой полосы – 1,0–1,5 см, толщина около 1,0 мм, в месте крепления ремня полоса сужена, конец обрезан под острым углом. Длина гвоздиков, размеры которых удалось измерить, составляет 0,8–1,0 см, однако, судя по тому, что гвоздики пропущены насквозь, изначально их длина могла достигать 2,0 см, размеры шляпок составляли 0,6 × 0,4 × 0,15 см; 0,5 × 0,4 × 0,1 см; 0,5 × 0,15 см (ил. 4: *2*).

Для находок из Гавердово и Шатрищенского могильника (раскопки П. П. Ефименко, 1921 г.) научным сотрудником Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа канд. биол. наук М. И. Колосовой была определена порода дерева, из которого сделаны рукояти. В обоих случаях использовалась древесина клена (*Acer sp. pl.*) (анализы: рег. № ОНТЭ ГЭ Д7500-7501 от 29.01.2015 г.)[2].

[1] Коллекции Шиловского районного народного музея.

[2] Выбор древесины клена для изготовления рукоятей, видимо, был обусловлен ее свойствами – прочностью, твердостью и в то же время легкостью в обработке. Это позволяло использовать ее и для высокохудожественных изделий (см. описание находки плети древнерусского времени на с. 60). Однако не следует исключать и другие причины такого выбора. Некоторые сосуды в рязано-окских погребениях III–IV вв. формовались на кленовых листьях, о чем свидетельствуют отпечатки прожилок кленовых листьев на днищах. Если учитывать, что некоторые из них делались специально для погребения и не использовались в быту, то можно предположить, что клен мог играть какую-то особую роль в культуре рязано-окских финнов.



Ил. 4. Плети типа 2 из рязано-окских могильников

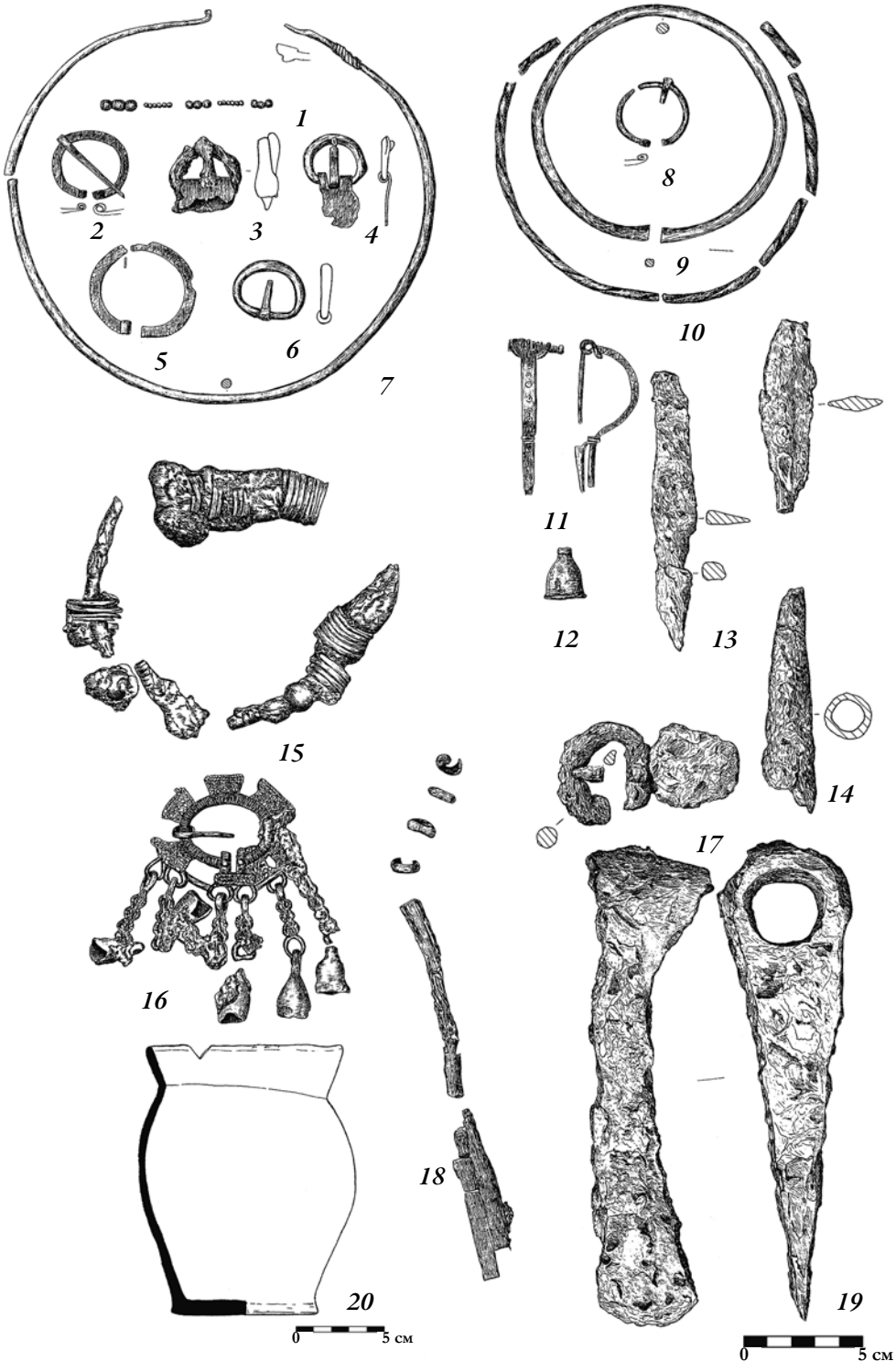
1 – погребение № 5/145, Никитинский могильник, раскопки Р. Ф. Ворониной, доследовано автором.
2 – погребение № 95, могильник Борок 2.
1 – бронза, дерево, кожа; *2* – бронза, дерево.
1 – прорисовка автора по Ворониной и др. 2005; *2* – рисунок автора с оригинала

В погребениях фиксируются два основных места расположения плетей. В погребении № 80 МІ могильника Кораблино и погребении № 95 могильника Борок 2 они были помещены в районе тазовых костей погребенных. В первом случае верхняя часть рукояти лежала на проушном топоре, рядом находились поясная пряжка и нож в ножнах, во втором – на поясном наборе, разложенном на тазовых костях погребенного мужчины. В погребении № 59 МІ могильника Кораблино фрагменты сломанной на две части плети располагались в районе головы погребенного, рядом с шейной гривной, а в погребении № 5/145 Никитинского могильника – в изголовье вместе с уздечным набором. Во всех этих случаях плети входили в состав мужского инвентаря. Погребение № 40 Шатрищенского могильника, по мнению П. П. Ефименко, представляло собой кенотаф, в котором плеть была найдена на дне ямы, имевшей обычные для захоронений по обряду ингумации размеры (Ефименко 1920. С. 83, 84). Она лежала вдоль длинного северо-восточного борта ямы, в той части, где, при наличии костяка, располагалось бы правое бедро погребенного. Яма была ориентирована по направлению З–В, ориентировки погребенных в СВ–В секторе являются преобладающими для рязано-окских финнов. «Приношение» на площади могильника у с. Гавердово было совершено в небольшой ямке, в которую был помещен лубяной короб с берестяным дном. В нем находились предметы женского убора – шапочка с бронзовыми украшениями, гривны, ожерелье из бус, нагрудная бляха, браслеты, а также уздечный набор. Рядом с коробом располагались плеть и детали поясного набора, а также несколько бронзовых пронизей, кольцевая застежка, остатки луба и кожи. Помещение плети вместе с поясным набором также может свидетельствовать о ее принадлежности к мужскому инвентарю.

Возможно, повреждения плетей из погребения № 59 МІ могильника Кораблино и в находке из Шатрищенского могильника 1921 г. (в первом случае рукоять плети была сломана на две части, которые были положены в погребение рядом, во втором – рукоять согнута, что привело к разломам облицовки) следует относить к проявлениям ритуала порчи вещей.

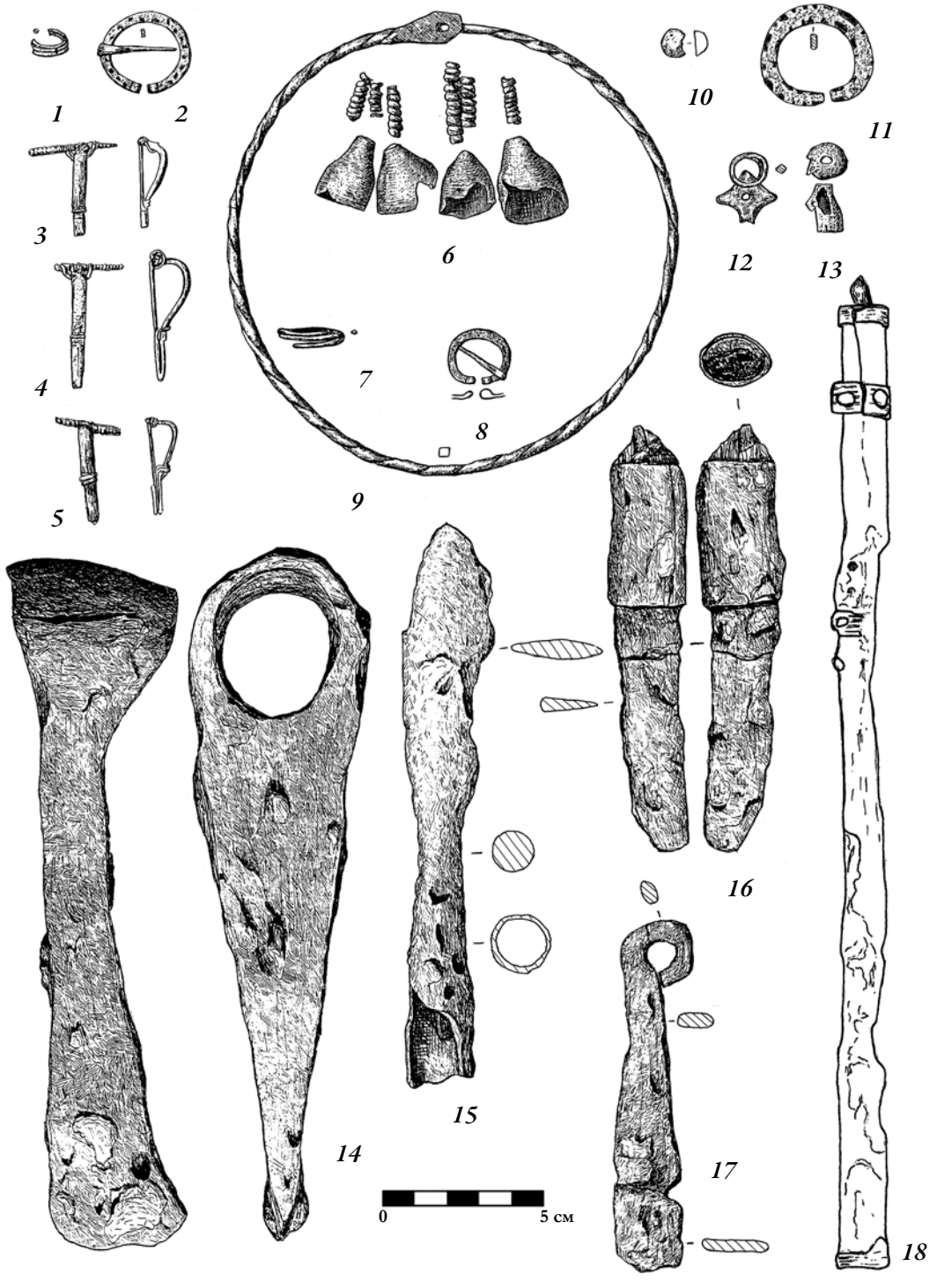
Хронология типов плетей у рязано-окских финнов

Предложенную ранее хронологию бытования типов следует несколько пересмотреть в контексте новых данных и разработок. Плети типа 1А встречены в комплексах периода 2С, который в целом датируется в рамках середины – третьей четверти IV в. (Ахмедов 2007. С. 142–144. Схемы 1, 2). Наиболее ранней является плеть из погребения № 80 МІ могильника у с. Кораблино. В составе инвентаря этого захоронения присутствуют элементы, характерные и для предыдущего периода 2В. Это некоторые типы гривен – круглодротовые с прямообрезанными концами, с небольшим утолщением в передней части, с замком в виде щитка. Также к ним относятся пластинчатые сюльгамы с «усиками», пряжки с рамками сегментовидной формы ромбического и округлого сечения с прогнутыми язычками (бытующие в рамках периода 2С), тордированная гривна и крупная двучленная фибула местной серии с подвязным приемником и пластинчатой спинкой, украшенной циркульным орнаментом (ил. 5: *1, 4, 6, 7, 9, 11*). Такие находки позволяют отнести это погребение к начальной фазе периода 2С. К чуть более позднему времени в рамках этого периода относится комплекс погребения № 59 МІ могильника Кораблино, в котором вместе с плетью типа 1А найдены тордированная



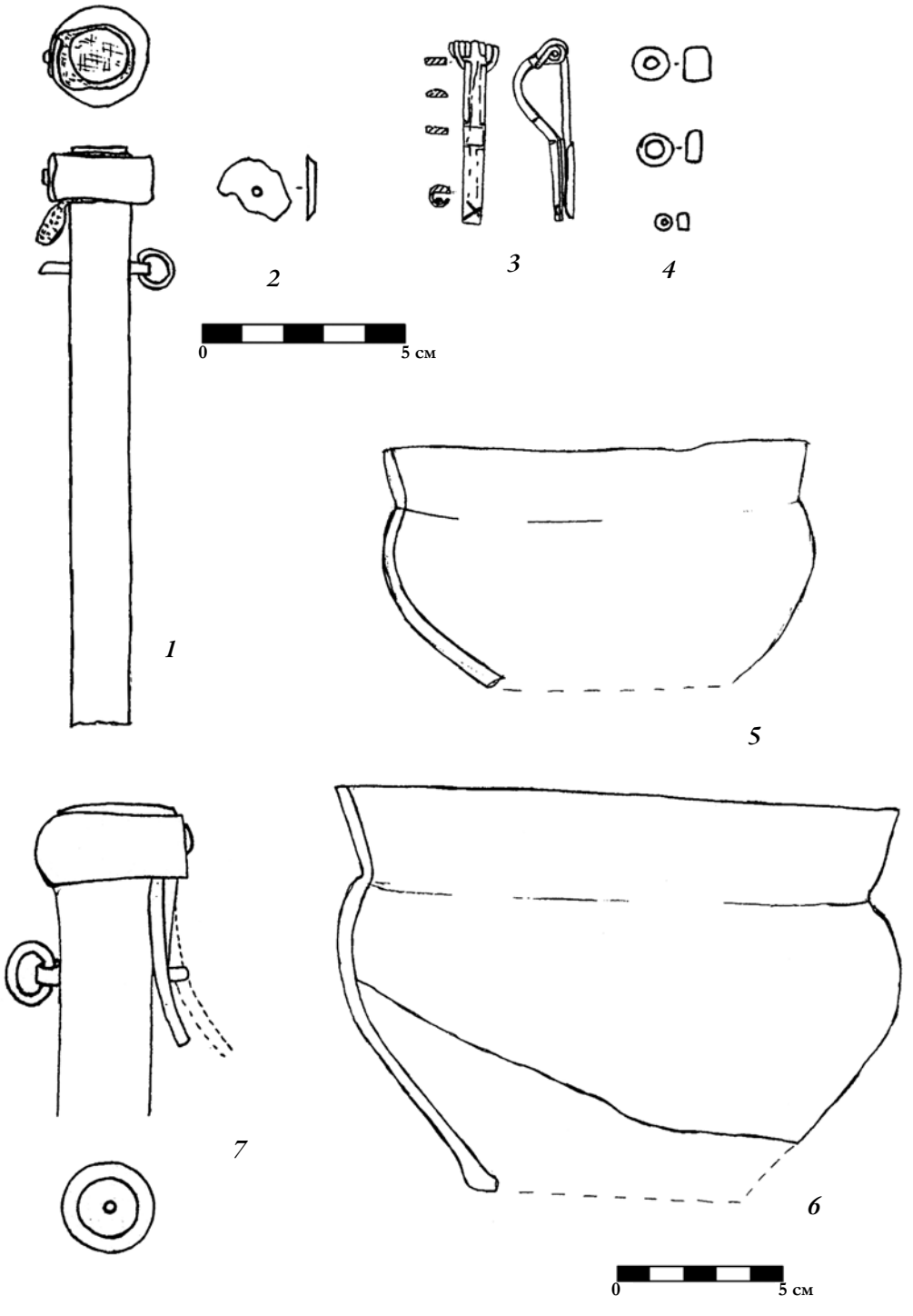
Ил. 5. Инвентарь погребения № 80 МІ могильника Кораблино

1 – стекло; *2, 4–12, 16* – бронза; *3, 13–14, 17, 19* – железо; *15* – бронза, железо; *18* – бронза, дерево, кожа; *20* – глина. Рисунки И. В. Белоцерковской и И. Р. Ахмедова



Ил. 6. Инвентарь погребения № 80 МI могильника Кораблино

1–13 – бронза; *14–15, 17* – железо; *16* – железо, дерево; *18* – бронза, дерево, железо.
Рисунки И. В. Белоцерковской и И. Р. Ахмедова



Ил. 7. Инвентарь погребения № 40, Шатрищенский могильник,
раскопки П. П. Ефименко, 1920 г.

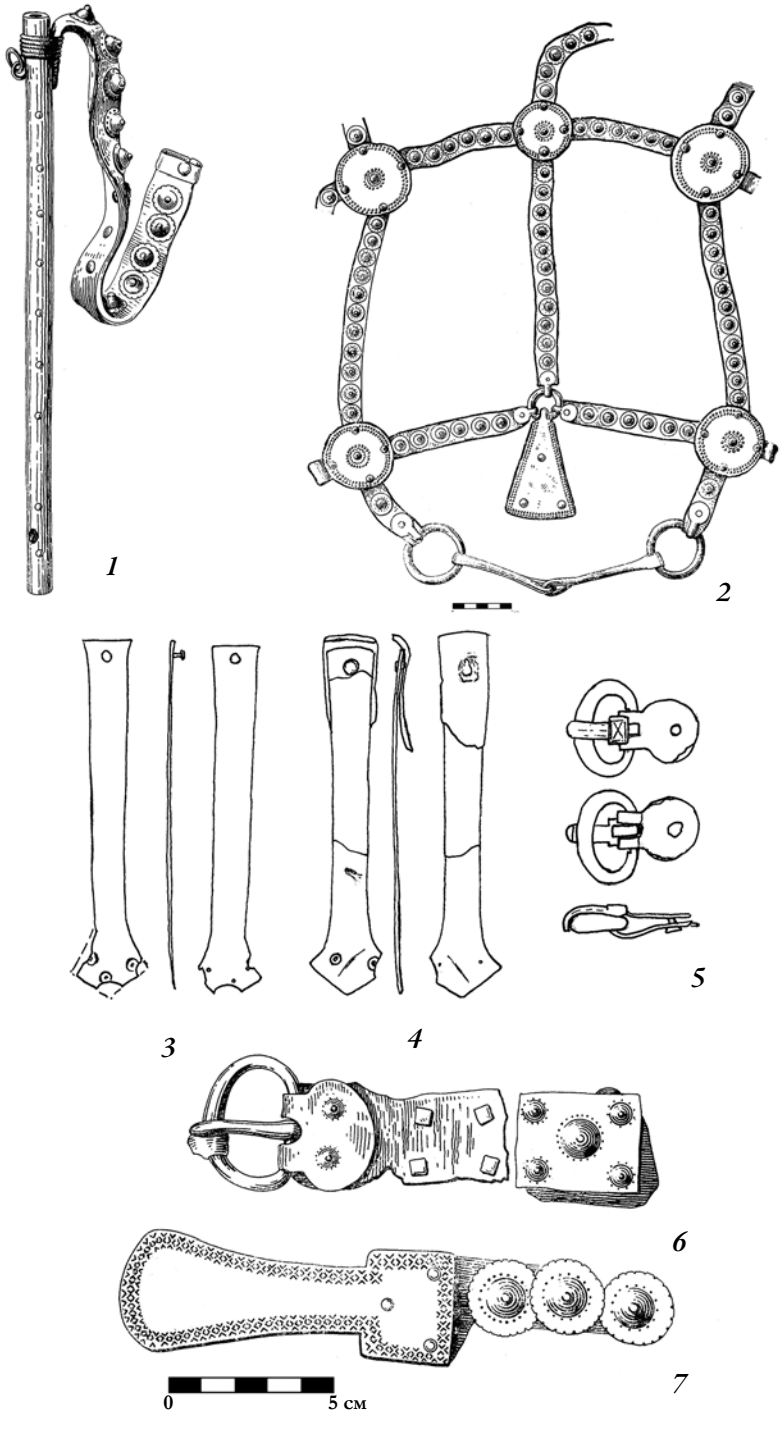
1, 7 – бронза, дерево, кожа; *2, 3* – бронза; *4* – стекло; *5, 6* – глина. Рисунки А. В. Коряка и И. Р. Ахмедова

гривна, двучленные прогнутые подвязные фибулы подгруппы 2 серии I варианта 2 по А. К. Амброзу (Б2а и Б2б по Е. Л. Гороховскому или Б3 по О. В. Гопкало), фибула со сплошным приемником группы 17 по А. К. Амброзу (ил. 6: *1, 10, 13–15*) (Амброз 1966. С. 70. Табл. 10, *18–20*; Гороховский 1988. С. 44; Ахмедов 2007. С. 142. Схема 1; Гопкало 2011. С. 79; Белоцерковская 2012. С. 29–32).

К финалу периода 2С – началу периода 3А можно отнести погребение № 40 Шатрищенского могильника, в котором вместе с плетью типа 1б встречена также фибула со сплошным приемником 17 группы. В то же время в составе гарнитуры плети присутствуют бляшки, относящиеся к украшениям ременных гарнитур «геометрического» стиля, появившиеся в конце периода 2С, но широко распространившиеся уже в период 3А (ил. 7: *1, 3*). Наиболее поздними среди находок типа 1Б являются плети из «Приношения» Гавердовского могильника и Шатрищенского могильника (раскопки П. П. Ефименко, 1921 г.) При изготовлении плети и декоре поясного и уздечного наборов из Шатрищенского могильника использованы одинаковые бляшки «геометрического» стиля, что придает им характер стилистически единого ансамбля аксессуаров воина-всадника. Типы пряжки и ременного наконечника этого пояса характерны для фазы 1 периода 3А, датируемого в рамках последних десятилетий IV – началом V в. (ил. 8: *2–4*). В составе же «Приношения» присутствует уздечный набор с бронзовыми украшениями, обтянутыми серебряным листом; поясной набор с пряжкой, язычок которой украшен стилизованным изображением животного; гривна с замком в двойную петлю. Эти вещи более характерны для фазы 2 периода 3А – от рубежа IV–V вв. до первых десятилетий V в. (ил. 9: *2–12*). (Ахмедов 2007. С. 143–146. Схемы 1 и 3).

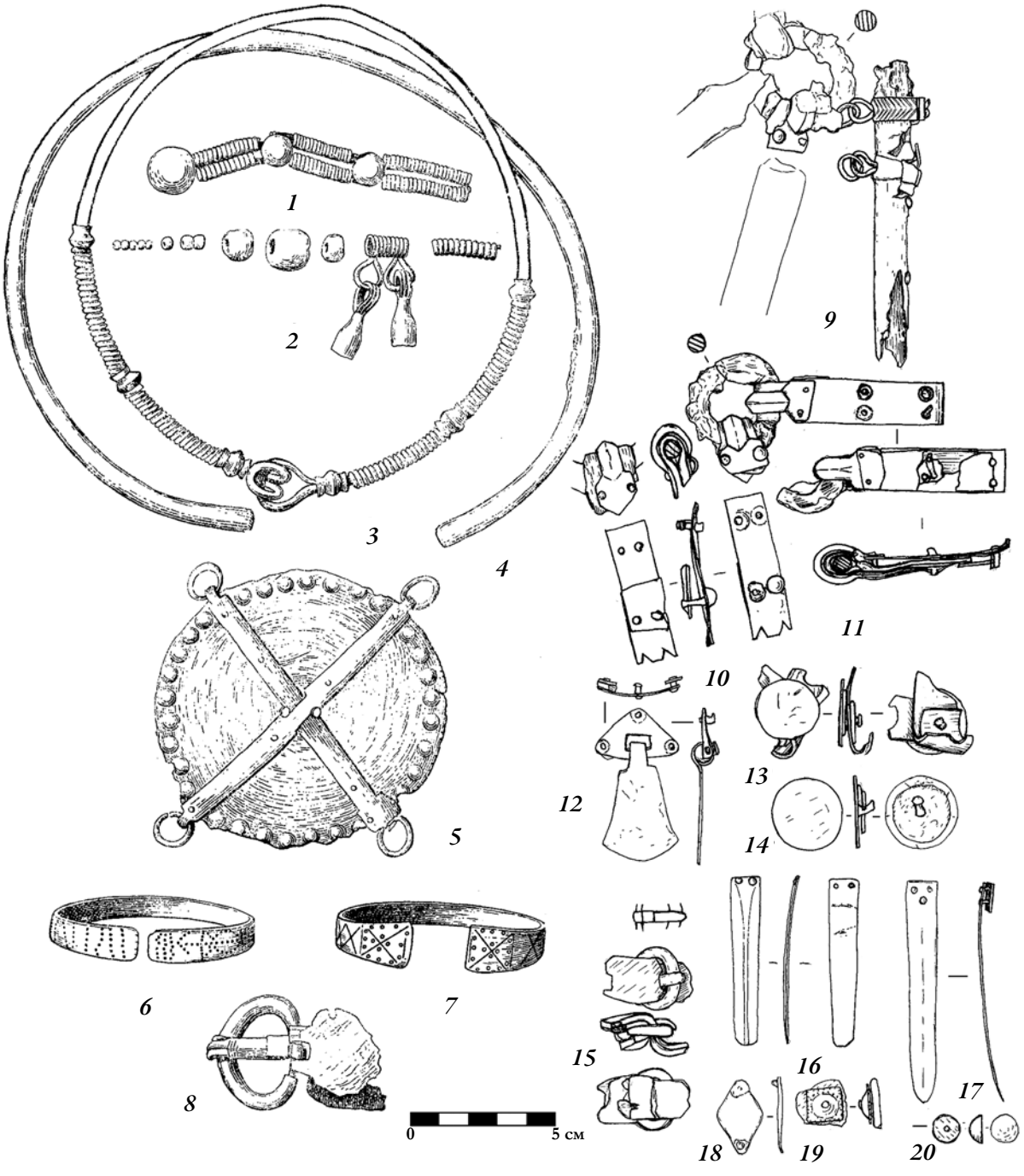
Находки плетей типа 2 относятся уже к другому времени. Комплекс парного погребения № 5/145 Никитинского могильника содержит в составе мужского инвентаря крупную крестовидную серебряную фибулу серии IA12а (здесь и далее определения типов фибул по классификации автора), массивную серебряную гривну с утолщением в передней части. Они характерны для периода 3С1, выделенного для мужского инвентаря рязано-окских финнов. В составе женской части инвентаря этого погребения также присутствуют синхронные вещи – гривна с напускными бусами, обмоткой и замком в виде круглой коробочки, крупная пластинчатая нагрудная бляха с прессованным орнаментом в виде «жемчужин» с кольцевым валиком. Эти вещи являются диагностирующими для периода 3, выделенного И. В. Белоцерковской для женского инвентаря рязанских финнов. Все это позволяет датировать погребение серединой – третьей четвертью V в. (ил. 10: *1–4*) (Ахмедов 2007. С. 147–149. Схема 3; Ахмедов 2012. С. 112, 113. Рис. 1б; Белоцерковская 2007. С. 195–197, 200, 201, 204–206. Рис. 7; Белоцерковская 2014. С. 191–193).

К еще более позднему времени относится погребение № 95 из могильника Борок 2. В этом чрезвычайно репрезентативном комплексе плеть была найдена вместе с крестовидной фибулой серии 1Б8б; дротовыми сюльгамами с длинными спиралями на концах рамки; богатым поясным набором, в который входили многочисленные бляшки и наконечники ремней, выполненные в стиле развитой «геральдики»; однолезвийным мечом с выполненными из пластин белого металла обкладками; уздечным набором с Г-образными псалиями и многочисленными бляшками-накладками, а также единственным известным в комплексах среднего Поочья железным стременем (ил. 11: *1–4, 6, 7*). Сочетание вещей в этом комплексе позволяет размещать его в рамках финальной части периода 5, верхняя граница которого датируется серединой – третьей четвертью VII в., временем



Ил. 8. Инвентарь погребения из Шатрищенского могильника, раскопки П. П. Ефименко, 1921 г.

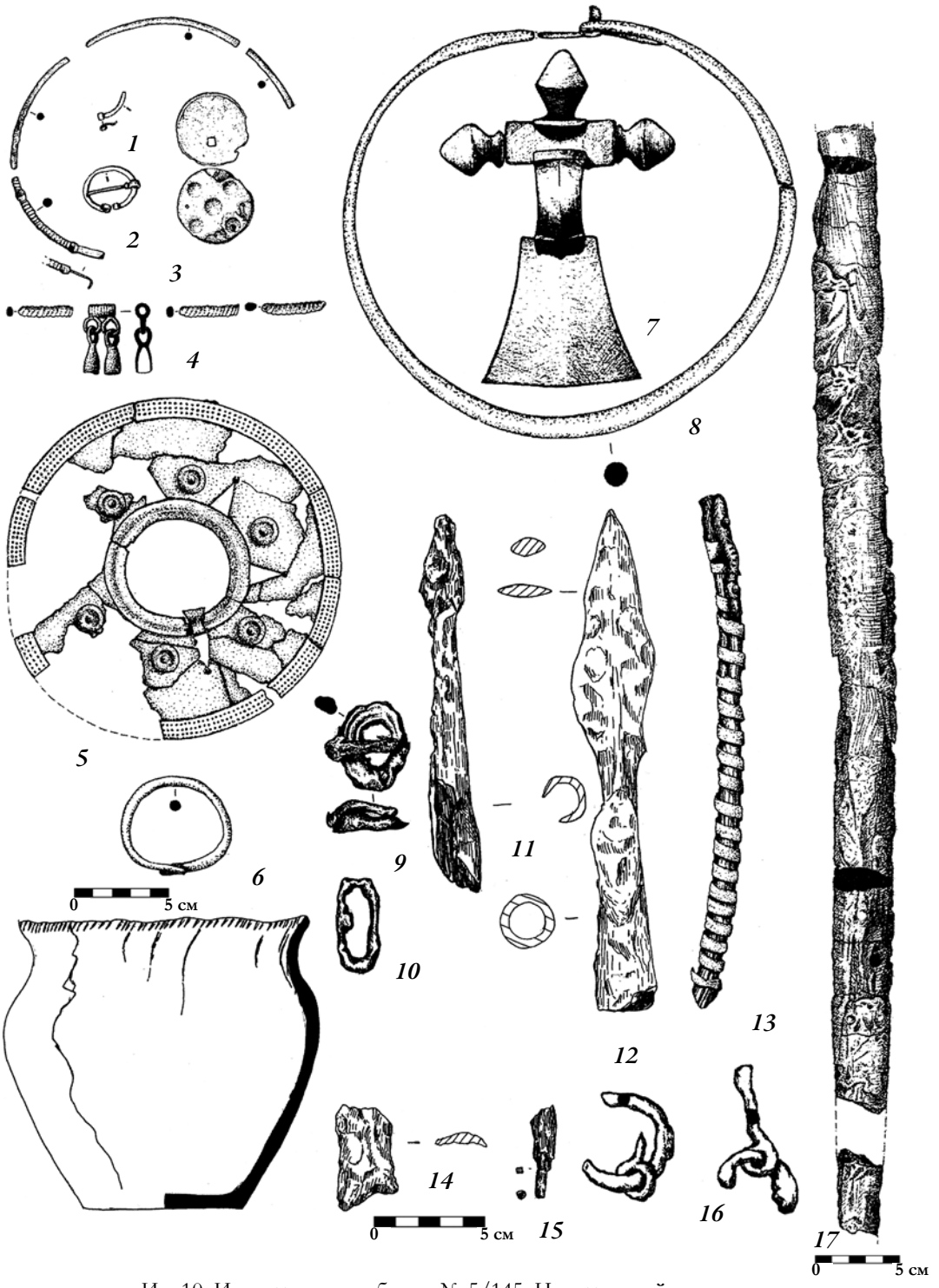
1 – реконструкция плети; *2* – реконструкция уздечного набора; *3–7* – примеры датирующих находок из комплекса. *1, 2* – бронза, железо, дерево, кожа; *3, 5* – бронза; *4, 6, 7* – бронза, кожа. *1, 2, 6, 7* – прорисовка автора по Ефименко 1975; *3–5* – рисунки автора с оригинала



Ил. 9. Инвентарь «Приношения» из Гавердовского могильника, раскопки П. П. Ефименко, 1928 г.

1 – бронза, кожа; *2* – бронза, стекло; *3–8* – бронза; *9* – бронза, железо, дерево; *10–11* – бронза, белый металл, железо, кожа; *12, 16, 17, 18, 20* – белый металл; *13* – бронза, белый металл, кожа; *14* – бронза, белый металл; *15, 19* – бронза, кожа.

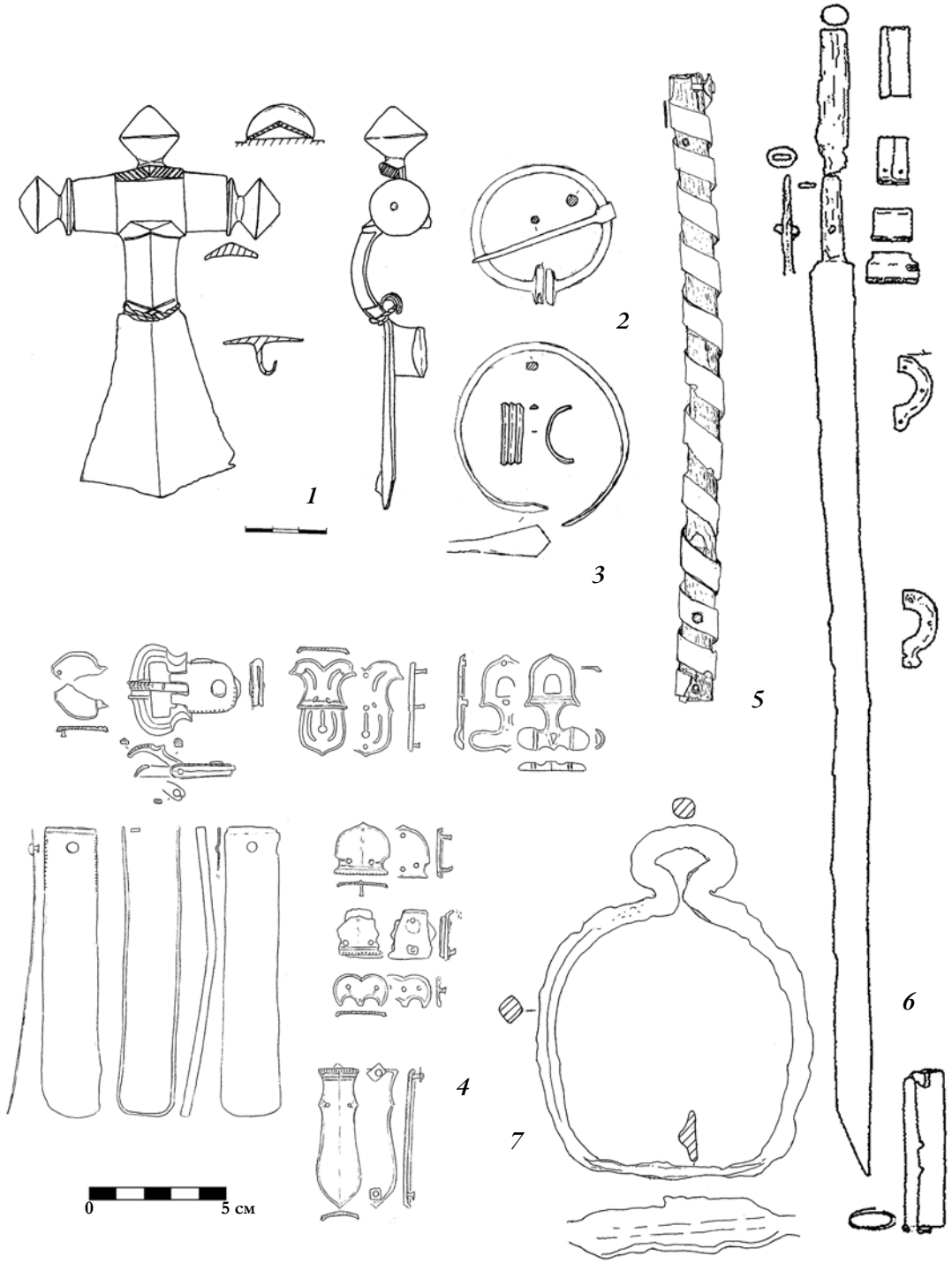
1–8 – прорисовка автора по Ефименко 1975; *9–20* – рисунки автора с оригинала



Ил. 10. Инвентарь погребения № 5/145, Никитинский могильник

1–6 – бронза; *7* – белый металл, железо; *8* – белый металл; *9–12, 14–17* – железо; *13* – бронза, дерево, бронза; *18* – глина.

1–10, 13, 14, 16–18 – прорисовка автора по Ворониной и др. 2005; *11, 12, 14, 15, 18* – рисунки автора с оригинала



Ил. 11. Инвентарь погребения № 95, могильник Борок 2

1 – бронза, железо; *2–4* – бронза; *6* – бронза, дерево; *5* – белый металл; *7* – железо, белый металл; *8* – железо. *1–3, 5–8* – рисунок автора с оригинала; *4* – рисунок И. О. Гавритухина с оригинала

исчезновения культуры рязано-окских финнов почти на всей территории рязанского Поочья (Ахмедов 2010а. С. 10–13, 15, 16. Рис. 6, 7, 10; Ахмедов 2012. С. 107. Рис. 1б).

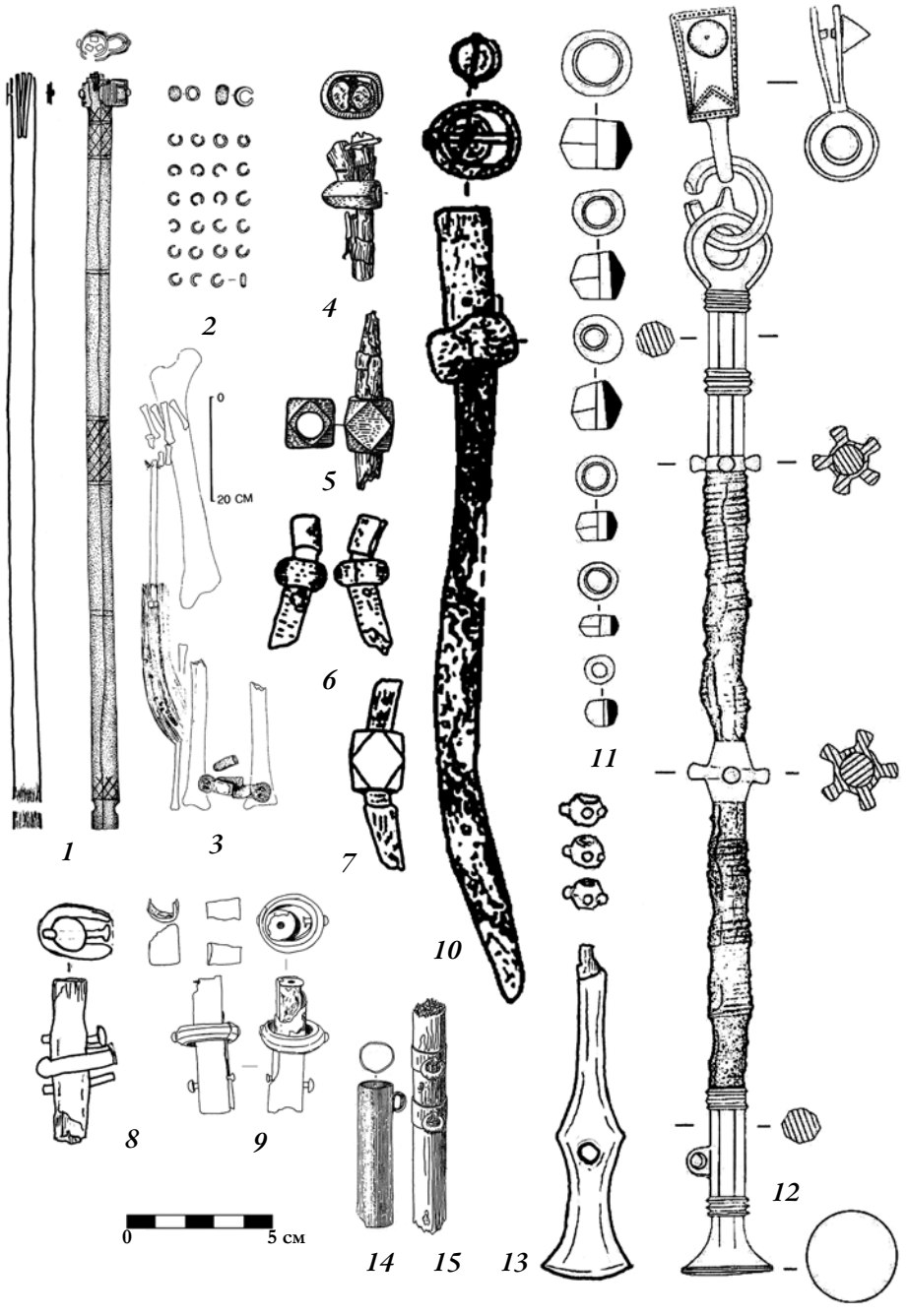
Таким образом, основное количество находок плетей – пять из семи – относится к середине IV – началу V в., составляя целый массив предметов, чрезвычайно близких друг другу. Ранее автором уже рассматривался круг аналогов плетям типа 1, который сейчас может быть существенно дополнен (Ахмедов 1991; Ахмедов 1995).

Единственный практически полностью сохранившийся экземпляр сложносоставной плети происходит из погребения № 11 могильника Ёндред-Суйокерестен в Венгрии, датирующегося второй половиной II – началом III в. По своему устройству эта плеть чрезвычайно близка публикуемым материалам. Деревянная основа была обернута внахлест бронзовой пластиной, которая украшена гравированным орнаментом в виде пересекающихся и параллельных линий. Они составляют композицию в верхней, средней и нижней частях. Ремень крепился в бронзовой обойме при помощи гвоздика. Обойма также орнаментирована поперечными и продольными линиями. В нижней части рукояти – отверстие для шнурка темляка. Бронзовые утяжелители располагались в погребении в одну линию. Общая длина рукояти составляет 27,2 см, диаметр около 1,0 см. Обоймы трех видов – узкие, диаметром около 5,0 мм, шириной около 2,0 мм, их сохранилось 23 экземпляра, более широкие – 0,5 × 0,5 мм и 0,5 × 0,8 см (по 1 экз.). Общая длина ремня, судя по расположению на чертеже обойм-утяжелителей, составляла около 30,0 см. В отличие от рязано-окских экземпляров, на торцовых частях рукояти отсутствуют крышечки, а бусы-утяжелители на венгерской плетке сгруппированы у окончания ремня, внутри обкладки в верхней части авторы публикации, А. Вадаи и Б. М. Шоке, описывают остатки трех кожаных ремешков(?). К сожалению, захоронение было разрушено, от костяка сохранились лишь фаланги пальцев правой руки, кости бедра и голени правой и голени левой ног с пряжками и наконечниками обувных ремней. Плеть располагалась рукоятью у фаланг пальцев вдоль правой ноги погребенного человека (ил. 12: *1*). По мнению авторов публикации, эта находка уникальна для территории Среднего Подунавья и по конструкции восходит к позднесарматским прототипам (Vaday, Szoke 1985. S. 80. Abb. 1a-b; S. 106. Abb. 21, 1a-c).

Действительно, наибольшее число сведений о находках этой категории снаряжения всадника относится к степным древностям позднесарматского облика. В комплексах II–III вв. они представлены отдельными деталями плетей. Это фрагменты деревянных рукоятей, металлические обоймы и шпеньки, крепившие ремни, а также утяжелители различных форм, изготовленные из цветных металлов. Можно указать на следующие находки.

В кургане 3 могильника Биис-Оба в Нижнем Поволжье найден фрагмент плети с обоймой для крепления ремня и полиэдрическая бусина-утяжелитель. Подобный набор найден в Лебедевке VI. Фрагмент верхней части деревянной рукояти с бронзовой пластинчатой обоймой и двумя штырями для крепления ремня сохранился в кургане 4 могильника Каратобе I (ил. 12: *8*) (Werner 1956. Taf. 37, *10*; Мошкова 1989. С. 198. Табл. 81, *44, 45*; Боталов 2013. С. 38, 40. Рис. 3, *5*).

В кургане 49 могильника Целинный I была обнаружена практически целая рукоять плети – «деревянная трубочка, обтянутая кожей, с серебряным колпачком и кольцом, стянутым бронзовыми гвоздиками» (Боталов, Гуцалов 2000. С. 111–113. Рис. 36, *10*) (ил. 12: *10)*. Судя по рисунку в публикации, общая длина ее составляла чуть более 28,0 см, диаметр деревянной части около 1,8 см, диаметр колпачка-обкладки около 2,0 см, длина



Ил. 12. Находки плетей и их деталей позднесарматского времени

1–3 – погребение № 11, могильник Ендрёд-Суйокерестен, Венгрия; *4, 5* – Лебедевка VI; *6, 7* – Биис-Оба, курган 3; *8* – Каратобе, курган 4; *9* – Тимашевская; *10* – Целинный I, курган 49; *11, 12* – клад у с. Усух; *13* – клад у с. Новолукомль; *14* – Тифлисская, курган 12; *15* – Тураевский могильник, курган 5. Прорисовки автора: *1–3* – по A. Vaday, B. M. Szoke 1985; *4, 5* – по Мошковой 1989; *6, 7* – по Werner 1956; *8* – по Боталову 2013; *9* – рисунок автора с оригинала; *10* – по Боталову, Гуцалову 2000; *11, 12* – по рисунку С. В. Воронятова (Radyush 2013); *13* – по фотографии (Radyush 2013); *14* – по Гущиной, Засецкой 1994; *15* – по Генинг 1976

около 4,0 см, ширина кольца около 2,0 см, толщина около 2,0 мм. Судя по размерам внутренней части кольца в той части, где крепился ремень, его ширина могла доходить до 1,8–2,0 см, а толщина до 4,0 мм. Возможно, что он мог состоять из двух или более слоев.

Весьма интересна находка деталей плети из случайно найденного погребения у станицы Тимашевской в Нижнем Прикубанье. Это серебряная обкладка верхней части плети с деталями крепления ремня. Она представляет собой свернутую из листа цилиндрическую втулку длиной 4,7 см, диаметром 2,4 см. Верхний край загнут внутрь, под него подложена круглая пластинчатая шайба с круглым отверстием в центре, в котором, судя по рисунку в публикации Б. Посты, находился крепежный гвоздик с полусферической головкой (Posta 1905. S. 383. Abb. 224, *1, 8*). Ремень закреплялся при помощи граненого кольца-обоймы, трапециевидного сечения, свернутой внахлест и закрепленной при помощи шпенька, пропущенного насквозь и расклепанного на концах. Подобный шпенек, но более короткий и с крупной полусферической головкой, скреплял края пластины обкладки и дублировал крепление ремня ниже обоймы. Длина обкладки составляет 4,8 см, диаметр в верхней части – около 1,0 см, в нижней – около 1,2 см. Ширина обоймы – 0,5–0,6 см, общие размеры 2,0 × 2,3 см (ил. 12: *9*). В. Ю. Малашев при анализе хронологии ременных гарнитур позднесарматского времени, относит комплекс этого погребения к поздней части группы IIIа, к концу III – первым десятилетиям IV в. (Малашев 2000. С. 206, 207. Рис. 1: *10А*).

Зачастую остатки плетей в погребениях представлены либо органическим тленом, либо фрагментами органики с отдельными металлическими колпачками, втулками, кольцами и штифтами или гвоздиками для крепления, бусинами или обоймами-утяжелителями, которые могли быть использованы для изготовления принадлежностей конского убора. Например, бронзовые бусины и узкие обоймы часто использовались как украшения уздечных ремней (курганная группа «Четыре Брата», Лебедевка VI, погребение № 72 МІ могильника у села Кораблино) (Мошкова 1978. С. 76; Мошкова 1989. С. 198; Ахмедов 1995. Рис. 1, *11*)[1]. Находки же отдельных втулок, колпачков и обкладок рукоятей вообще могут трактоваться широко. Серебряный «наконечник» из кургана 12 у станицы Тифлисская длиной 8,0 и диаметром 2,0 см, с колечком и отверстиями для гвоздиков, предположительно считается обкладкой ножа, хотя может быть и деталью оформления рукояти плети (ил. 12: *14*) (Гущина, Засецкая 1994. С. 57. Табл. 26. Кат. № 251).

Такая конструкция плетей может считаться позднесарматской. На данном этапе их можно разделить на две разновидности – с широкой обоймой для крепления и узкой, вместе с которой используются дополнительные шпеньки для крепления. Вторая разновидность, видимо, появляется несколько позже.

Рязано-окские находки явно сделаны под влиянием знакомства местного населения с сарматскими плетями. Влияние позднесарматской культуры на рязанских финнов постепенно нарастает со II в. Это, вероятно, следует объяснять и традиционными связями поволжских финнов со степным населением. Они хорошо прослеживаются уже в культуре предков рязано-окских финнов – носителей «андреевско-писеральской» культуры I – начала II в. Во второй половине III в. рязано-окские финны продвигаются на запад

[1] Чрезвычайно близок типу 1А рязано-окских плетей и сарматским находкам фрагмент верхней части плети с серебряной пластинчатой облицовкой из погребения № 8 Селикса-Трофимовского могильника первой половины IV в. (Гришаков 2008. С. 104, 106, 133. Рис. 17: *7, 9*).

и заселяют почти весь район среднего течения р. Оки, где сталкиваются со встречным миграционным процессом в верхнем Поочье и Верхнем Подонье – продвижением носителей мощинской культуры и культуры «черняховского» облика (восточные группы, оставившие памятники типа «Каширки – Седелки»). Видимо, на этом фоне наблюдается и усиление связей с населением степи и предгорий Северного Кавказа. Это явление хорошо прослеживается при анализе рязано-окских уздечных наборов, воспроизводящих прототипы, происходящие из погребальных комплексов позднесарматской группы «Буденновская Слобода – Месаксуди» первой четверти IV в. (Ахмедов 2007. С. 139–144).

Следует указать, что применение плети как средства управления конем свидетельствует об использовании рязанскими финнами «степных», кочевнических приемов в управлении лошадью, в отличие от «западной» традиции, для которой характерно использование шпор. В рязано-окских памятниках известны три находки шпор. Две найдены в погребении № 57 Кошибеевского могильника из раскопок В. Н. Глазова, конца III – начала IV в. Еще одна шпора находилась в разрушенном погребении середины – третьей четверти V в. на могильнике Ундрих (Ахмедов 2007. Рис. 10: *10, 11*; 29: *6*). Это отличает их от населения черняховской и киевской культур, которое для управления лошадью широко использовало шпоры (Радюш 2010. С. 5, 6. Рис. 2, 3; Radyush 2013). В то же время о некотором влиянии «западных» кавалерийских обычаев свидетельствует наличие железных шипов на концах некоторых плетей. Это позволяло их использовать и в качестве стрекала (?), аналогично шпорам.

Здесь необходимо упомянуть еще об одном явлении, изучение которого позволит получить более полное представление о сути сложных процессов, которые происходили в культуре населения южной части лесной зоны в Поднепровье и Поочье в III в.

В 2012 г. в Государственный исторический музей поступил крупнейший из кладов «восточноевропейских эмалей» III в., найденный на р. Сев неподалеку от с. Усух Суземского района Брянской области. В его составе находилась уникальная находка – биметаллическая рукоять плети. Вместе с ней были найдены и усеченно-биконические бронзовые бусины-утяжелители. Несколько таких бусин поступили в составе клада, другие были обнаружены в процессе исследования места находки (Ахмедов и др. 2013. С. 99, 100; Ахмедов и др. 2014. С. 8–17). Рукоять представляет собой железный стержень толщиной 1,1 см, на который смонтированы бронзовые детали: граненый наконечник с рельефными выступами по нижнему краю, двумя рельефными валиками в середине и у места перехода наконечника в граненое кольцо с пирамидальным выступом – стрекалом. В кольцо вставлено согнутое из бронзового дрота еще одно кольцо, в котором закреплен массивный литой орнаментированный пластинчатый зажим для ремня плети. В средней части рукояти на стержень напущена шайба бочонковидной формы с выступами. На другом конце рукояти располагается навершие в виде граненой трубки с двумя тройными рельефными валиками, петлей для крепления несохранившегося шнура или ремешка темляка для ношения плети на руке. Конец рукояти расширяется в плоский диск, украшенный продольной бороздкой по внешнему краю. В зонах между наконечником, шайбой и навершием сохранились остатки бронзовой узкой проволоки сегментовидного сечения, которой был обвит по спирали железный стержень. Ремень, судя по соотношению внутренних размеров утяжелителей, мог разделяться на несколько хвостов. Общая длина плети 38,0 см, диаметр наконечника 2,9 см, диаметр навершия 3,2 см, диаметр бусин-утяжелителей – в диапазоне от 0,9 до 2,3 см. Фрагменты

плети близкой вышеописанной найдены в составе клада из Чашницкого района Витебской области (Новолукомль) (Радюш 2013а. С. 66–68. Рис. 9А: 2; Радюш 2013б. С. 21) (ил. 12: *11–13*). Эти находки, по мнению О. А. Радюша, связаны по происхождению с римскими многохвостыми плетями «flagrum» или «flagellum», которые использовались в первую очередь как орудие наказания, символы власти и «легкое» оружие, а в качестве средства управления верховым конем им отводилась второстепенная роль.

В Риме плети, кнуты, бичи использовались как орудия пастухов и погонщиков, гладиаторов и палачей. Плеть была обычным средством поддержания военной дисциплины в римской армии с древнейшего времени (Kołodko 2007). Зачастую плеть выступала не только как средство наказания (всем известен библейский сюжет с бичеванием Иисуса), но и как орудие убийства, иногда даже высокопоставленных персон. Так, комит Востока, Лукиан, в Антиохии был забит насмерть плетями со свинцовыми грузиками, что стало местью со стороны Руфина, амбициозного политика-временщика, претендовавшего на родство с императором Аркадием (Zos. 5. 2)[1].

Использовались плети и в сфере религиозных представлений. Кнут был одним из атрибутов бога Соля, «Непобедимого Солнца», римской версии Гелиоса, погонявшего небесную колесницу. Плети использовались также в отправлении религиозных культов. Во время празднования Луперкалий, после принесения в жертву козла в пещере Лупанар, члены братства луперков, одетые лишь в передники из козлиных шкур, совершали священный очистительный бег вокруг Палатина, хлеща всех встречных плетями из козлиной кожи. Женщины старались получить эти удары, считая, что они обеспечат благополучные роды (Plu. *Rom.* 21. 11–12)[2]. Со временем плеть становится и принадлежностью византийского кавалериста, в том числе и варвара по происхождению. При описании встречи Велисарием персидского посла Авандана в 542 г. упоминаются многочисленные солдаты – фракийцы, иллирийцы, готы, герулы, вандалы, маврусии, у каждого из которых при себе была плеть для коня (Procop. *Pers.* 2. 21. 3)[3].

Возникновение феномена «восточноевропейских» эмалей, распространяющихся в лесной зоне Восточной Европы во второй половине II – III вв. часто связывают с римским воздействием на культуру Барбарикума. Проводниками этого воздействия могли быть германцы и сарматы, бывшие активными участниками событий «маркоманских» войн на дунайском участке римского лимеса в последней трети II в. Возможно, синтезом римских и сарматских элементов следует объяснять появление плетей «сарматской» конструкции с рукоятями, полностью покрытыми металлическими обкладками. Облик находки из Ендрод, который расположен в непосредственной близости к дунайскому лимесу империи, в некоторой степени подтверждает это предположение. Однако в целом полная облицовка рукояти плети у поздних сармат в Восточной Европе не получила распространения. Рязанские плети воспроизводят наиболее раннюю разновидность позднесарматских плетей с широкой обоймой для закрепления ремня. Видимо, появление прототипов таких вещей носило единовременный характер во второй половине III – начале IV в.

---

[1] Цит. по: *Зосим.* Новая история / пер. с древнегреч., вступ. ст. и коммент. Н. Болгова ; под общ. ред. А. Я. Тыжова. Белгород, 2010.

[2] Цит. по: *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания : в 2 т. / пер. С. П. Маркиша ; отв. ред. С. С. Аверинцев ; 2-е изд., испр. и доп. М., 1994.

[3] Цит. по: *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993.

Возможно, как остатки плетей могут быть интерпретированы и находки начала эпохи Великого переселения народов из восточной части Среднего Поволжья. Известен фрагмент деревянного стержня, обтянутого кожей, диаметром 1,6 см, с двумя серебряными обоймами с колечками, найденный в погребении знатного воина – всадника в кургане 5 Тураевского могильника, который можно предположительно считать фрагментом рукояти плети (ил. 12: *15*) (Генинг 1976. С. 67–72. Рис. 29: *11*). Он располагался в погребении вместе с мечом, кинжалом, уздечным набором, точильным набором и другими предметами у правого бока погребенного. Предположительно, остатки плеток также были найдены С. В. Ошибкиной в погребении № 94А и в составе связки оружия в погребении № 94В азелинского могильника Тюм-Тюм. В первом случае описана деревянная палочка длиной 50,0 см, «обвитая сафьяновой красной лентой, конец которой свисал с верхнего конца палочки в виде кисти» (Ошибкина. С. 12. Рис. 57). Во втором – «округлая железная палочка с бронзовым кольцом на конце» (Там же. С. 14. Рис. 82). Возможно, дальнейшее изучение материалов этих погребений, хранящихся в фондах Государственного исторического музея, позволит более конкретно атрибутировать такие находки.

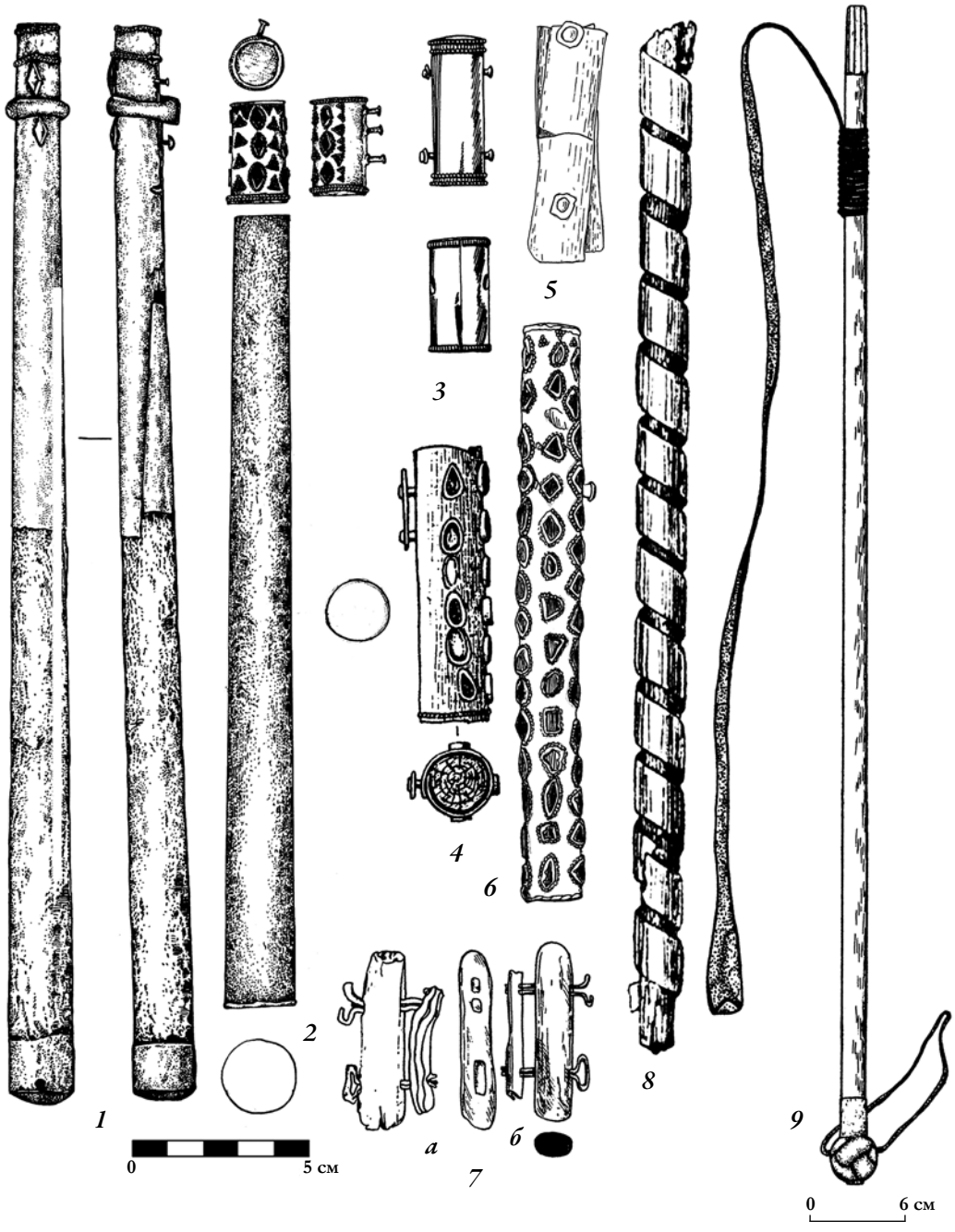
В начале эпохи Великого переселения народов появляются новые формы плетей. Их рассматривают в качестве одной из составляющих новой воинской всаднической культуры, привнесенной в Европу гуннами (Anke 1998. S. 121–123). К новациям гуннского времени относятся плети с системой крепления ремней, в которой используются уже не обоймы, а пластины, подложенные под парные или тройные шпеньки.

Золотые обкладки плети найдены в богатом кочевническом погребении у с. Муслюмово в Башкирии. Это обкладка верхней части с двумя поясками в виде П-образной в сечении ленты, припаянной широкой стороной на краях. Вертикальные части украшены поперечными линиями. Ремень крепился двумя шпеньками, на которых прослеживались остатки пластинки. Обкладка нижнего конца плети окрашена одиночными «рубчатыми» поясками на краях, на ней присутствует сквозное отверстие для шнурка. Длина верхней обкладки 4,3 см, диаметр 1,7 см. Длина нижней обкладки 3,3 см, диаметр 1,8 см (ил. 13: *3*). Обкладки декорированы в том же стиле, что и остатки облицовки двулезвийного меча, входившего в состав находки (Засецкая 1994. С. 191. Табл. 43: *12, 13*).

В погребении № 2 кургана 8 Кубей был найден фрагмент рукояти плети, от которой сохранилась золотая цилиндрическая обкладка верхней части с остатками дерева внутри. Она украшена тремя вертикальными рядами гнезд каплевидной формы с янтарными вставками. Сохранились два шпенька и пластинка, крепившие ремень плети. В нижней части – поясок зерни (?) или перевитой проволоки. Длина обкладки 7,6 см, диаметр верхней части рукояти плети 1,9 см (ил. 13: *4*) (Субботин, Дзиговский 1990. С. 19. Рис. 19: *12*).

Обкладка верхней части плети со штифтами для крепления ремня найдена также во всадническом погребении гуннского времени в городе Лева, в Словакии. Обломки обкладок, возможно от плети, содержатся в богатой находке из Нодьсекшош (Alföldi 1932. S. 40. Taf. XIII, 3; XVI, 22, 23).

Полностью сохранившиеся рукояти плетей были найдены при исследовании могильника Брут 1 (Правобережный район, Республика Северная Осетия – Алания). Первая располагалась в скоплении вещей в погребенной почве, которое было перекрыто землей – выкидом из катакомбы (курган 2). Другая была найдена в скоплении вещей в тайнике во входной яме захоронения в кургане 7 (Габуев 2014. С. 6, 8–10, 21, 22).



Ил. 13. Находки плетей гуннского и постгуннского времени

1 – курган 7, могильник Брут 1; *2* – курган 2, могильник Брут 1; *3* – погребение у с. Муслюмово, Башкирия; *4* – погребение № 2, курган 8 у с. Кубей; *5* – погребение в Леве; *6* – обкладка плети из музея Уолтерс, Балтимор; *7а, б* – курган 3, могильник у станции Шипово; *8* – погребение № 15 Большие Елбаны III у с. Большая речка; *9* – реконструкция древнетюркской плети с роговыми навершиями
Прорисовки автора: *1, 2* – по Габуеву 2014; *3, 7б* – по Засецкой 1994; *4* – по Субботину, Дзиговскому 1990; *5* – по фотографии (Alföldi 1932); *6* – по фотографии; *7а* – по Werner 1956; *8* – по Грязнову 1956; *9* – по Кубареву 2005

Плеть из кургана 2 могильника Брут 1 по конструкции близка описанным находкам из Кубея, Муслюмово и Левы. Рукоять выполнена в виде слегка сужающейся трубки из серебряного листа, с золотым наконечником на одной стороне и вставкой на другой. На наконечнике три ряда ромбовидных гранатовых вставок, окаймленных мелкой зернью. В каждом ряду по три вставки. Между ними вертикальные ряды крупных треугольников зерни, расположенных широкими основаниями вниз, на боковых сторонах композиции – ряды из чередующихся мелких и крупных треугольников зерни, развернутых основаниями вправо. Чередующиеся мелкие и крупные треугольники также помещены у верхнего края на стороне, противоположной месту крепления ремня. По краям наконечника припаяны пояски, выполненные из двух перевитых жгутиков. Ремень крепился к наконечнику рукояти при помощи трех штифтов и прямоугольной серебряной пластинки. Общая длина 30,5 см, диаметр трубки и наконечника 1,7 см, длина наконечника 3,0 см (ил. 13: *2*) (Габуев 2014. С. 13. Рис. 3: *9*; 7: *1*; 55: *1*). К сожалению, автору раскопок и публикации не удалось установить характер основы, на которую была собрана облицовка рукояти.

Плеть из кургана 7 могильника Брут 1, в отличие от находки в кургане 2, изготовлена в русле развития «позднесарматской» конструкции. Облицовка рукояти изготовлена из двух пластин: верхней золотой и нижней серебряной. На окончании золотой пластины – два пояска из двух перевитых жгутиков, два штифта (заклепки с ромбическими шляпками на одной стороне и обоймой сегментовидного сечения, служившие для закрепления ремня плети), выполненных из того же металла. На окончании рукояти плети на серебряную обкладку надет золотой колпачок цилиндрической формы. Здесь присутствует сквозное отверстие для шнурка, использовавшегося для ношения на руке. Размеры плети: общая длина 31,8 см, диаметр 1,3–1,9 см (ил. 13: *1*) (Габуев 2014. С. 25. Рис. 30: *1*; 61, б *1*).

Дата могильника Брут 1 определяется исследователем в рамках конца IV – середины – начала второй половины V в. (Габуев 2014. С. 72–74).

К находке из кургана 7 могильника Брут 1 чрезвычайно близка по конструкции находка деталей облицовки плети из сборов на площади ритуально-погребального комплекса Алтынказган в Мангистауском районе Мангистауской области Республики Казахстан (п-ов Мангышлак), который датируется серединой 1-го тысячелетия н. э. В ней также присутствуют две цилиндрические обкладки концов плети. Верхняя обкладка снабжена двумя штифтами с фигурными головками и дополнительной скобой для крепления ремня плети, нижняя – с отверстием для ремешка темляка. Нижняя обкладка несколько большего диаметра, что свидетельствует о том, что, как и в находке из кургана 7 Брут 1, рукоять плети сужалась к месту крепления ремня. (Любезная информация авторов исследований на памятнике А. Е. Астафьева и Е. С. Богданова.)

В одну стилистическую группу с находками из погребения у Кубея и кургана 2 могильника Брут 1 входит и золотая обкладка рукояти плети из комплекса гуннских предметов, экспонируемого в музее Уолтерс в Балтиморе (Set of Horse Trappings 2015). Она также украшена инкрустациями – пластинками альмандинов в напаянных гнездах, окаймленных зернью, в верхней части помещены треугольники зерни, по краям напаяны пояски из проволочных жгутиков. Ремень крепился при помощи штифтов. Головки штифтов спрятаны под гнездами с инкрустациями (ил. 13: *6*). Они входят в число находок первой стилистической группы изделий с полихромным декором, выделенной И. П. Засецкой для древностей гуннской эпохи (Засецкая 1994. С. 68–75. Рис. 13).

Нельзя обойти вниманием также фрагмент деревянной плети из кургана 3 могильника у станции Шипово, относящегося уже ко второй половине V в. (ил. 13: *7*). Здесь сохранился фрагмент верхней части рукояти овального сечения с фрагментом ремня, сложенным вдвое, и двумя бронзовыми «пробоями» из сложенной вдвое проволоки, которые по форме аналогичны пробоям, использованным в конструкции плетей типа 1Б из Шатрищенского и Гавердовского могильников (Werner 1956. Taf. 8, *1*; Засецкая 1994. Табл. 40, *9*).

В свете вышеизложенного, вероятно, следует обратить больше внимания на находки отдельных крепежных элементов и облицовочных деталей в древностях этого времени. Так, в погребении № 191 Никитинского могильника рядом с уздечным набором была найдена серебряная проволочная скрепа, близкая по форме пробоям, использованным в конструкции плетей типа 1Б (Ахмедов 2010б. Рис. 11: *17*). В некоторых погребениях гуннского времени, как, например, в захоронении 957 Усть-Альминского могильника, среди следов древесного тлена размерами 40,0 × 12,0 см, имевшего прямоугольную форму и интерпретированного автором раскопок как остатки колчана, наряду с другими металлическими крепежными деталями были найдены два штифта круглого сечения, с квадратными массивными шляпками длиной около 2,8–3,0 см, с диаметром стержня чуть менее 2,0 мм. На одном сохранилась овальная приостренная шайба (Пуздровский 2010. С. 290. Рис. 8: *6, 7*). Подобные штифты могли крепить к деревянному кнутовищу ремень плети. Присутствие плети рядом (или внутри) с колчаном, располагавшимся у левого бедра погребенного, вполне вероятно. В раннесредневековых тюркских захоронениях Южной Сибири зафиксированы случаи помещения плетей на колчаны, а в эпоху развитого и позднего средневековья известны кожаные колчаны, снабженные карманом на внешней стороне, предназначенным для ношения таких предметов снаряжения воина, как плеть или кистень (Кубарев 2005. С. 79). В находках у с. Волниковка в Курской области, возможно, составлявших инвентарь захоронения знатного воина гуннского времени, среди многочисленных предметов, связанных с оружием, поясным и конским убором, присутствует золотая цилиндрическая втулка, украшенная геометрическим узором, длиной 4,9 см, диаметром 2,3 см. Один край слегка загнут. Это может свидетельствовать о том, что она могла украшать окончание какой-то рукояти. В каталоге указано, что это обкладка рукояти меча (Волниковский «клад» 2014. С. 97, 98. Кат. № 124). Такая атрибуция вызывает некоторые сомнения, так как рукоять меча, который, судя по сохранившимся деталям ножен, был двулезвийным, должна была обладать сечением большего размера и вряд ли была цилиндрической. Остатки же облицовки небольшого кинжала или ножа декорированы в другом стиле. В составе комплекса также найдено значительное количество золотых гвоздиков с полусферической головкой, длиной до 1,1 см, служивших для крепления различных обкладок, часть из которых могла быть использована и в конструкции плети. К сожалению, условия находки этого комплекса не позволяют достоверно атрибутировать некоторые из составляющих его находок. Только внимательное изучение условий находок и составов комплексов позволит специалистам более точно определить некоторые категории предметов и даст возможность выявить факты присутствия плетей в погребальных и иных комплексах.

Как продолжение «восточной» традиции в культуре рязанских финнов, вероятно, следует рассматривать появление плетей типа 2, рукоять которых обвита бронзовой лентой.

Прием использования металлических лент для декора рукоятей плетей хорошо известен в древностях «скифского» облика (Бородовский 1987; Шульга 2005). В древностях 1-го тысячелетия н. э. автору известна только одна подобная находка. Деревянная рукоять, обвитая бронзовой лентой, была найдена в женском погребении № 15 (могильник в пункте Большие Елбаны III) в районе села Большая речка в верхнем течении реки Оби в степном Алтае (ил. 13: *8*). Погребение принадлежало взрослой женщине. Инвентарь включал шапочку, расшитую бронзовыми бляшками, серьгу, гривну и ожерелье из бронзовых пластин, сосуд. Рукоять имела длину около 30,0 см, диаметр около 1,5 см, ширина бронзовой ленты около 2,0 см. М. П. Грязнов относил это погребение к переходному периоду верхнеобской культуры, который датировался им серединой V в. (Грязнов 1956. С. 119. Табл. XLV, *22*). В настоящий момент древности этого этапа относят к более позднему времени (Троицкая, Новиков 1998. С. 134).

Очень поздний пример подобного оформления рукояти плети известен в могильнике Абрамово 10 XVI–XVIII вв. (погребение № 109) в Барабинской лесостепи, где сохранившаяся часть деревянной рукояти плети длиной 24,4 см, диаметром 1,6 см была обернута по спирали кожаной и бронзовой лентами шириной 1,5 см, закрепленными на концах гвоздиками (Молодин и др. 1990. С. 13, 86, 87. Рис. 64: *14*).

Пока нет оснований считать этот прием оформления рукоятей плетей у рязанских финнов результатом инокультурного заимствования. Можно предположить, что он начал использоваться местным населением как достаточно тривиальный и более простой, нежели облицовка плетей типа 1. Может быть, в этих конкретных случаях был использован принцип оборачивания бронзовой профилированной проволокой различных предметов, в первую очередь обручей гривен, и изготовления спиральных пронизей, которые применялись в огромных количествах в женском уборе не только населением рязанского Поочья, но и всеми поволжскими финнами в целом.

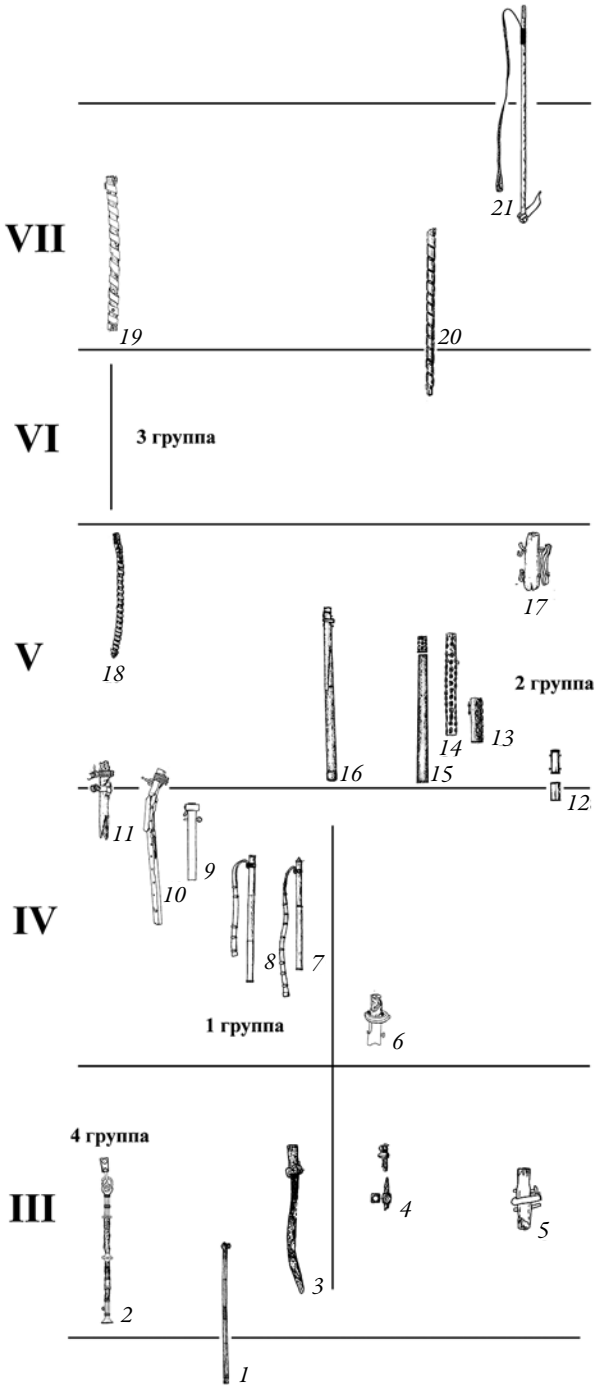
В мордовских древностях западной части среднего Поволжья известна находка проушного боевого топора со сложносоставной рукоятью, покрытой кожей и обернутой бронзовой лентой[1] (Ахмедов 1998). Рукояти топоров, обернутых металлической лентой, обычны, например, для раннесредневековых древностей латталов в Латвии (Финно-угры и балты 1987. Табл. CX, *1, 8*).

В третьей четверти 1-го тысячелетия плети достаточно широко представлены и изучены в тюркских древностях, они находят аналоги в аварских материалах Центральной Европы. Однако по составу деталей они другие, принадлежат иной традиции, их детали чаще всего изготовлены из кости или рога, иногда обернуты берестой (ил. 13: *9*). Известны также простые плети с деревянными рукоятями (Кубарев 2005. С. 78, 79). Подобные простые плети найдены и в раннесредневековых памятниках Северного Кавказа (Мощевая Балка, Курджиново) (Ierusalimskaja 1996. S. 113. Abb. 137, *3*).

Общая картина развития плетей второй и третьей четвертей 1-го тысячелетия представлена на ил. 14. Среди них можно выделить четыре основные группы.

1. «Позднесарматская», II – начало V в.: находки из перечисленных позднесарматских памятников, кургана 7 могильника Брут 1, а также плети типа 1 из рязано-окских памятников.

[1] По имевшейся у автора информации на момент публикации статьи топор происходил с территории Рязанской области, позже удалось выяснить, что он был найден на площади Крюково-Кужновского древнемордовского могильника (Моршанский район Тамбовской области).



Ил. 14. Плети во II–VII вв. в Восточной Европе

1 – Ендрод; *2* – Усух; *3* – Целинный I, погребение № 49; *4* – Лебедевка VI; *5* – Каратобе, курган 4; *6* – Тимашевская; *7* – Кораблино, погребение № 59; *8* – Кораблино, погребение № 80; *9* – Шатрищенский, погребение № 40; *10* – Шатрищенский, раскопки 1921 г.; *11* – Гавердовский, «Приношение»; *12* – Муслюмово; *13* – Кубей; *14* – музей Уолтерс; *15* – курган 2, могильник Брут 1; *16* – курган 7, могильник Брут 1; *17* – Шипово, курган 3; *18* – Никитинский, погребение № 5/145; *19* – Борок 2, погребение № 95; *20* – погребение № 15, Большие Елбаны III; *21* – древнетюркская плеть (по Кубареву 2005)

2. «Гуннская», конец IV – первая половина V в.: Муслюмово, Лева, Кубей, курган 2 могильника Брут 1, плеть из музея Уолтерс.

3. «Рязано-окская», вторая половина V – середина VII в.: плети типа 2 из рязано-окских могильников.

4. Находки III в. из Усуха и Новолукомля.

Эта группировка является рабочей и может быть использована для создания классификации плетей Восточной Европы II–VII вв.

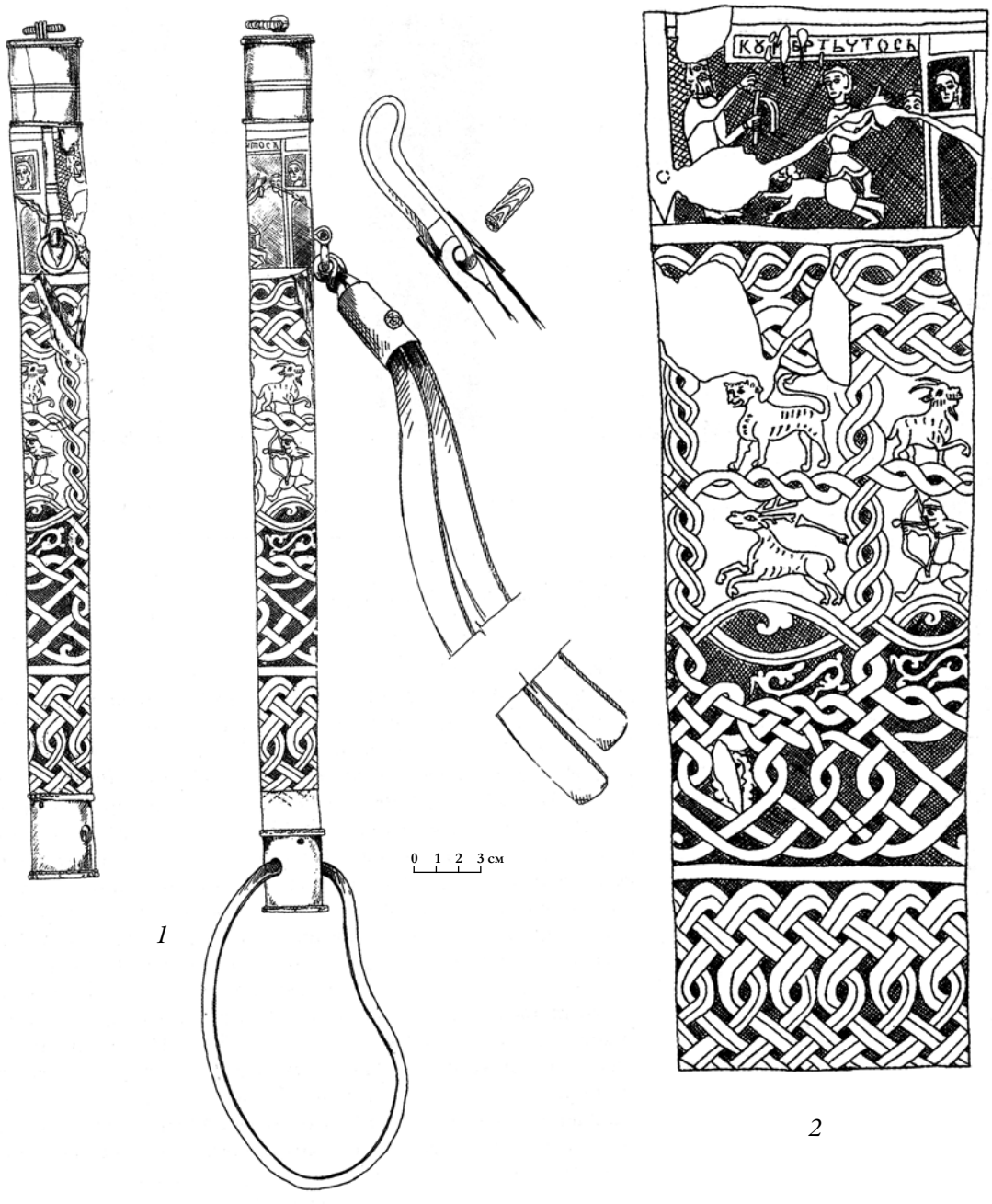
Плеть в системе социально-иерархических маркеров у финнов рязанского течения р. Оки

При анализе погребальных комплексов Никитинского могильника была выявлена группа погребений лидеров двух коллективов, которым принадлежал некрополь (группа 3) (Ахмедов 2010б). В нее входят в том числе и погребения № 5/145 и 191 второй половины V в. В первом из них была найдена плеть типа 2, а во втором, возможно, также находилась несохранившаяся плеть. В этих погребениях найдены следующие вещи. В погребении № 5/145 это серебряные фибула и массивная гривна, двулезвийный меч, наконечники копья и дротика, поясные пряжки, уздечный набор, плеть, втульчатый топор и сосуд. Плеть и уздечный набор лежали вместе у свода черепа. В погребении № 191 деревянная несохранившаяся плеть могла находиться с уздечным набором также у свода черепа. В состав инвентаря входили крупная бронзовая фибула, изготовленная из бронзы, серебряные детали двух поясов с массивными пряжками, в одном из них набор серебряных накладок, единственный найденный в лесной зоне Восточной Европы двулезвийный меч с бронзовыми гнездами для инкрустации на перекрестье, наконечники копья и дротика, сосуд.

Из плетей типа 1 в составе погребального инвентаря найдены плети в захоронениях № 59 и 80 на первом мысу могильника Кораблино, а также в погребении № 40 из раскопок П. П. Ефименко на Шатрищенском могильнике. Еще одна плеть найдена в составе «Приношения» – жертвенного комплекса на площади Гавердовского могильника, условия находки еще одной плети из Шатрищенского могильника пока неясны. В погребениях IV в. в Кораблино комплексы достаточно скромные. В погребении № 59 МІ кроме плети находились также гривна, нож, кресало, наконечник копья, в состав женского дара входили украшения и мелкие фибулы, возможно, украшавшие головной убор. Состав инвентаря парного погребения № 80 МІ более разнообразен. Инвентарь мужского захоронения, в котором находилась плеть, включал в себя две гривны, кольцевую застежку, крупную фибулу, поясную пряжку, нож, наконечник копья, проушной топор и сосуд. Здесь же в составе инвентаря второго погребения находились гривна, кольцевые застежки, бусы, поясная и обувные пряжки. В составе дара – гривна с нанизанными на обруч перстнями и ажурная застежка с подвесками. Погребение № 40 Шатрищенского могильника представляло собой кенотаф, в котором была найдена фибула и плеть, стеклянные бусы, керамические сосуды.

Состав «Приношения» включал практически полный набор женских украшений и несколько категорий воинского убора – поясной набор, уздечный набор, к которому относится и плеть. При этом на ремне плети использованы бляшки, аналогичные тем, что были применены в составе уздечного и поясного наборов.

Комплекс же погребения № 95 могильника Борок 2 по наличию крестовидной фибулы, престижного поясного набора «геральдического» облика, набора оружия –



Ил. 15. Плеть из находки на Владычном дворе в Великом Новгороде
Рисунок с элементами реконструкции (по Родионовой, Гиппиус 2013)

однолезвийного меча с серебряными обкладками рукояти и ножен, массивного наконечника копья, богато декорированного уздечного набора и стремени, также может считаться захоронением человека очень высокого ранга. Фибула и стремя в этом погребении – единственные находки в рязано-окских комплексах VII в. Крестовидные фибулы рубежа IV–V вв. являются неким знаком власти, и в древностях V в. маркируют захоронения лидеров отдельных коллективов. Для более позднего времени известны единичные находки, не составляющие серий (погребения № 81 МІ могильника Кораблино, 95 могильника Борок 2). Это свидетельствует о том, что их значение несколько изменилось. Может быть, они уже становятся особым знаком, которым мог обладать только лидер самого высокого ранга. Материалы второй половины V – первой половины VII в. в могильнике Борок 2 в целом на порядок более представительны, нежели происходящие из других рязано-окских некрополей. Погребения № 124 и 525 из этого памятника второй половины V в. относятся к элитной 4 группе мужских захоронений рязанских финнов, статус которых приближается, с поправкой на местные условия, к княжеским захоронениям гуннского и постгуннского времени (Ахмедов 2010б. С. 107–109). Поэтому захороненный в погребении № 95 человек также может быть отнесен к группе, которая обладала наиболее высоким статусом в обществе рязанских финнов. Таким образом, рассматриваемые плети входили в состав воинских, а возможно, и властных атрибутов. Видимо, это происходит в рамках развития социально-иерархической системы у рязано-окских финнов во второй четверти 1-го тысячелетия.

Об особом значении плети может свидетельствовать и ее роль в погребальном ритуале. В погребении № 59 МІ могильника Кораблино плеть подверглась ритуальной порче. Возможно, пытались сломать и плеть из раскопок П. П. Ефименко на Шатрищенском могильнике. В кенотафе, который представляло собой погребение № 40 Шатрищенского могильника, плеть быть помещена как гендерный – воинский или властный – атрибут статуса человека, в честь которого было совершено символическое захоронение. В комплексе «Приношения» плеть вместе с наборным поясом и уздечным набором входила в состав мужского инвентаря, возможно, являясь символом власти и оружия, которые в рязано-окские приношения не клали[1].

Сложение системы социально-иерархических маркеров происходило под влиянием подобных процессов у носителей киевской и черняховской культур, некоторыми исследователями соотносимых с державой Германариха, а также позднесарматского, аланского населения степи и Северного Кавказа. По данным Е. О. Шиманского, плети в позднесарматских комплексах уральско-казахстанских степей составляли устойчивое сочетание с мечом, всегда размещались рядом с ним в порядке ношения (Шиманский 2009. С. 14–17. Рис. 1, 2). Погребения с этими атрибутами входили в состав группы II, которую исследователь характеризует как воинско-всадническую. Лишь в одном из рассмотренных им случаев плеть располагалась в погребении вместе с уздой, в остальных же узда отсутствовала. Видимо, наличие плети было достаточным символом всаднического статуса погребенного (Там же). Особое внимание к плетям в гуннское время хорошо прослеживается в находках из комплексов знатных всадников Муслюмово, Кубея, Брута, Левы. Вполне правомерным представляется предположение Т. А. Габуева,

[1] В рязано-окских древностях известно два таких объекта. Кроме гавердовской находки был изучен комплекс «Приношение» на могильнике Кораблино (полевое обозначение – погребение 75 МІ).

определяющего находки плетей в могильнике Брут 1 как престижные, статусные, возможно, даже обладавшие значением символа власти, которой был наделен ее обладатель (Габуев 2014. С. 57). Сам могильник Брут 1 определяется им как некрополь аланской воинской аристократии в одном из центров власти на Северном Кавказе. Курган 2, по его мнению, принадлежал человеку, наделенному самыми высокими «царскими» полномочиями, а курган 7 – кому-то близкому ему по положению (Там же. С. 77–82).

Подобная ситуация фиксируется в древностях раннесредневековых тюрок. Изучение социальной структуры их общества по материалам погребальных комплексов Тувы, Алтая и Минусинской котловины показало, что плети и стеки, в первую очередь богато украшенные, входили в число признаков принадлежности их обладателей к «элитным» слоям общества, вслед за «редкими» предметами вооружения, наборными поясами, серебряной посудой и котлами (социально-типологические модели I и II мужских погребений) (Серегин 2013. С. 95, 97, 100, 122). Плеть использовалась тюркскими народами на войне, охоте, в спортивных состязаниях, в шаманских ритуалах, что хорошо известно из исторических, эпических и этнографических источников (Кубарев 2005. С. 80). Описана и роль плети как символа власти. Вслед за Г. В. Кубаревым хочется привести слова Турксанфа, тюркского ябгу, адресованные византийскому послу, мечнику Валентину, переданные нам византийским историком Менандром. Правитель уничижал врагов тюрков – авар, поддерживаемых византийцами следующими словами: «Но вархониты, как подданные турков, придут ко мне, когда я захочу, и только увидят посланную к ним лошадиную плеть мою, убегут в преисподнюю. Коли осмелятся взглянуть на нас, так не мечами будут убиты – они будут растоптаны копытами наших коней и раздавлены, как муравьи» (Менандр Византиец. Отр. 45)[1].

Подводя итог, следует указать, что рассмотренные плети являются ярким индикатором межкультурных контактов и социальных процессов у населения южной части лесной зоны Восточной Европы. В них отражается и «восточное», кочевническое влияние и «западные» элементы. Подобное явление зафиксировано и позже, когда в древнерусском воинском обиходе использовались плети как «североевропейского» облика, так и степного (Кирпичников 1973. С. 71–75). Фиксируется и роль плети как символа власти. Это хорошо иллюстрируется находкой первой половины XIII в. на Владычном дворе в кремле Великого Новгорода (ил. 15). Эта плеть, видимо, была атрибутом знатного человека или некоего «начальника», по мнению авторов публикации, изготовленным единично на заказ или преподнесенного в качестве подарка. По конструкции она близка находкам второй четверти 1-го тысячелетия, так же как и рязано-окские плети типа 1, сделана из древесины клена, но не имеет аналогов в древнерусских материалах. Особое значение ей придает искусный декор и назидательное изображение с надписью, которая, вероятно, должна была ясно формулировать ее предназначение[2] (Родионова, Гиппиус 2013. С. 154–167. Рис. 3–5, 7).

---

[1] Цит. по: Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой // Византийские историки / пер. с греч. С. Дестуниса. СПб., 1860.

[2] Примечательно, что обладатель плети на изображении – солидный мужчина с бородой, остальные же персонажи – безбородые, явно молодого возраста, что может свидетельствовать и о воспитательной функции предмета. Этому не противоречит и обращение в начале надписи к хозяину плети как к господину. Обладая некоторой долей фантазии, можно интерпретировать эту сцену и как ситуацию наведения порядка в семье, например, изолирования девушек на выданье, выглядывающих из окна, от ухаживаний юных поклонников.

Амброз 1966
Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. // САИ. Вып. Д 1–30. М., 1966.

Ахмедов 1991
Ахмедов И. Р. Плети из могильника у с. Кораблино // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 146–149.

Ахмедов 1995
Ахмедов И. Р. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань, 1995. С. 89–111.

Ахмедов 1998
Ахмедов И. Р. Об одной находке из Рязанской области // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань, 1998. С. 123–128.

Ахмедов 2007
Ахмедов И. Р. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. М., 2007. С. 137–185. (РСМ ; вып. 9).

Ахмедов 2010а
Ахмедов И. Р. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов : к современному состоянию вопроса // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э.: проблемы и материалы. М., 2010. С. 7–34. (РСМ ; вып. 13).

Ахмедов 2010б
Ахмедов И. Р. К выделению индикаторов социальной стратификации в культуре рязано-окских финнов в эпоху Великого переселения народов по материалам могильника у села Никитино // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов : конф. 2. Тула, 2010. Ч. 1. С. 101–130.

Ахмедов 2012
Ахмедов И. Р. Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в Центральной России эпохи Великого переселения народов // Вояджер : Мир и человек : теоретический и научно-теоретический журнал. 2012. № 3. С. 107–122.

Ахмедов и др. 2013
Ахмедов И. Р., Обломский А. М., Радюш О. А. Клад из Суземского района Брянской области // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2012 г. / под. ред. О. М. Демиденко. Гомель, 2013. С. 99–107.

Ахмедов и др. 2014
Ахмедов И. Р. Обломский А. М., Радюш О. А., Приймак В. В. Исследования на месте находки клада украшений с выемчатыми эмалями в Суземском районе Брянской обл. // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2013 г. Брянск, 2014. С. 8–17.

Белоцерковская 2007
Белоцерковская И. В. Инвентарь женских погребений // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. : проблемы и материалы. М., 2007. С. 186–212. (РСМ ; вып. 9).

Белоцерковская 2012
Белоцерковская И. В. О предметах черняховской культуры в женском инвентаре рязано-окских могильников // Евразия в скифо-сарматское время : памяти Ирины Ивановны Гущиной. М., 2012. С. 27–37 (Труды ГИМ ; вып. 191).

Белоцерковская 2014
Белоцерковская И. В. Женский костюм окских финнов V–VII вв. : традиции и новации // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. М., 2014. С. 178–229. (РСМ ; вып. 15).

Бородовский 1987
Бородовский А. П. Плети и возможности их использования в системе вооружения племен скифского времени // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 28–39.

Боталов 2013
Боталов С. Г. О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский форум : проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013. С. 32–87.

Боталов, Гуцалов 2000
Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск, 2000.

Волниковский «клад» 2014
Волниковский «клад» : комплекс снаряжения коня и всадника 1-й половины V в. н. э. : каталог коллекции. М., 2014.

Воронина и др. 2005
Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В. Никитинский могильник : публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. : труды отдела Охранных раскопок ИА РАН. М., 2005. Т. 3.

Габуев 2014
Габуев Т. А. Аланские княжеские курганы V в. н. э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ, 2014.

Генинг 1976
Генинг В. Ф. Тураевский могильник // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 55–108.

Гопкало 2011
Гопкало О. В. Относительная хронология мужских погребений черняховской культуры : к постановке проблемы // Черняхівська культура : матеріали досліджень. Київ, 2011. С. 66–96. (OIUM ; № 1).

Гороховский 1988
Гороховский Е. А. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Междунар. конгресса археологов-славистов. Ч. 4 / отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1988. С. 34–46.

Гришаков 2008
Гришаков В. В. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник : межрегиональный сб. науч. тр. / под ред. Г. Н. Белорыбкина. Пенза, 2008. Вып. 2. С. 82–112.

Грязнов 1956
Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л., 1956. (МИА ; вып. 48).

Гущина, Засецкая 1994
Гущина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.

Ефименко 1920
Ефименко П. П. Раскопки могильника близ села Шатрищи Спасского уезда Рязанской губернии (сентябрь–ноябрь 1920 г.) // Научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. 1920. № 65.

Ефименко 1975
Ефименко П. П. Иваньковский и Гавердовский могильники древней Мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордвы. Саранск, 1975. С. 7–36. (Труды МНИИЯЛИЭ ; вып. 48).

Засецкая 1994
Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб., 1994.

Кирпичников 1973
Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е 1–36. Л., 1973.

Кубарев 2005
Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая : по материалам погребальных памятников. Новосибирск, 2005.

Малашев 2000
Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону : материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-н/Д., 2000. Вып. 1. С. 194–232.

Молодин и др. 1990
Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990.

Мошкова 1978
Мошкова М. Г. Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на Нижнем Дону // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 76–78.

Мошкова 1989
Мошкова М. Г. Позднесарматская культура // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 191–202.

Ошибкина
Ошибкина С. В. Отчет о работе Вятской экспедиции 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4740.

Пуздровский 2010
Пуздровский А. И. Воинское погребение гуннской эпохи из Усть-Альминского некрополя // Древняя и средневековая Таврика : археологический альманах. № 22. Донецк, 2010. С. 285–310.

Радюш 2010
Радюш О. А. Украшения и снаряжение круга восточноевропейских выемчатых эмалей в бассейне верхнего течения Псла и Сейма // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов / ред. И. О. Гавритухин, А. М. Воронцов. Тула, 2010. С. 5–18.

Радюш 2013а
Радюш О. А. Элементы всадниче ской и дружинной культуры II–III вв. в Поднепровье // Stratum Plus. 2013. № 4. С. 51–73.

Радюш 2013б
Радюш О. А. Находки шпор римского времени в Верхнем Поднепровье и сопредельных территориях // Acta Archaeologica Albaruthenica / ред. Н. А. Плавинский, В. Н. Сидорович. Минск, 2013. Vol. 9. С. 13–27.

Родионова, Гиппиус 2013
Родионова М. А., Гиппиус А. А. Плеть с Владычного двора // Новгород и Новгородская земля : история и археология. Великий Новгород, 2013. Вып. 27. С. 152–170.

Серегин 2013

Серегин Н. Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии : по материалам погребальных комплексов. Барнаул, 2013.

Субботин, Дзиговский 1990

Субботин А. В., Дзиговский А. Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Ч. 3: Курганные могильники Васильевский и Кубей. Киев, 1990.

Троицкая, Новиков 1998

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998.

Финно-угры и балты 1987

Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1987.

Шиманский 2009

Шиманский Е. О. Наборы вещей в погребениях кочевников урало-казахстанских степей II–IV вв. н. э. // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 37 (175). С. 13–25. (История ; вып. 36).

Шульга 2005

Шульга П. И. О находках нагаек скифского времени на Алтае // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005. С. 183–188.

Alföldi 1932

Alföldi A. Funde aus der Hunnen zeit und ohre ethnische Sonderung // Acta Archaeologica Hungariae. 1932. Bd. 9.

Anke 1998

Anke B. Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Bd. 8/1: Text. Bd. 8/2: Katalog und Tafeln. Weißbach, 1998.

Ierusalimskaja 1996

Ierusalimskaja A. A. Die Gräber der Moščevaja Balka : Frühmittelalterliche Funde an der nordkaukausischen Seidenstrasse. Sankt Peterburg ; München, 1996.

Kołodko 2007

Kołodko P. Chłosta jako kara w rzymskim wojskowym prawie karnym // Studia Prawnoustrojowe. 2007. Vol. 7. S. 61–76.

Posta 1905

Posta B. Régeszeti tamulmány az Orosföldòn-Archäologische : Studien auf russischem Boden. Zweiter theil. Budapest ; Leipzig, 1905.

Radyush 2013

Radyush O. The Second and Third Century Khob Spures (Knopfssporen) in the Middle and Upper Dnieper Area // Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / ed. by I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand ; Simferopol, 2013. P. 317–344.

Set of Horse Trappings

Set of Horse Trappings // The Walters Art Museum : Works of Art. URL: http://art.thewalters.org/detail/77447/set-of-horse-trappings. Accessed: 07.05.2015.

Vaday, Szoke 1985

Vaday A., Szoke B. M. Szarmata temeto es Gepida sir Endrod-Szuiokeresten // Communicationes archaeologicae Hungariae. Budapest, 1985. S. 79–132.

Werner 1956

Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.

Л. И. Бабенко

ЗОЛОТАЯ БЛЯШКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПАУКА ИЗ СОБРАНИЯ ХАРЬКОВСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Среди разнообразных научных интересов Андрея Юрьевича Алексеева видное место занимает исследование золотой пластинчатой аппликации. Подобные украшения всегда привлекали внимание исследователей своей массовостью и обилием образов и сюжетов. Но именно в серии работ А. Ю. Алексеева был в полной мере раскрыт потенциал этого источника как надежного и чувствительного хроноиндикатора, что позволило сузить хронологические рамки ряда комплексов и проследить динамику исторического развития памятников и целых регионов.

Подавляющее число золотых бляшек, обнаруженных в скифских погребениях, украшено различными зооморфными (травоядные, хищники, птицы) или фантастическими образами, антропоморфными персонажами, растительными сюжетами. Однако вследствие интенсивных культурных контактов древнегреческого и варварского населения в Северном Причерноморье, в скифской среде получили распространение изделия, украшенные и совершенно несвойственными местной культуре образами. К подобным чуждым скифскому искусству образам относятся различные виды членистоногих – насекомых и арахнидов (паукообразных). Изделия древнегреческих мастеров, украшенные такими образами, известны пока исключительно в памятниках IV в. до н. э.[1] и в очень малых количествах. Наиболее полную сводку предметов торевтики, содержащих изображения насекомых и пауков, собрал С. В. Полин в комментариях к бляшкам с изображением овода из Гайматовой Могилы (Бидзиля, Полин 2012. С. 395). Эту выборку можно дополнить еще несколькими золотыми метопидами и пластинами, являющимися украшением женских головных уборов. В Чертомлыке были обнаружены четыре подобные пластины, где среди вьющихся от центральной пальметты растительных побегов аканфа, цветков лотоса и арицеи, в некоторых местах на стеблях расположились птицы и насекомые – кузнечик, муха и пчела (оса ?) (ДГС 1872. С. 99. Табл. XXXVI, *5, 8*; XL, *23*). Еще по одной метопиде, украшенной подобной композицией, было обнаружено в Толстой Могиле (Мозолевський 1979. С. 127–129. Рис. 110) и в погребении № 1 кургана 8 Песочинского могильника (Бабенко 2005. С. 122. Рис. 15, *1*. Фотография 12). Изображение кузнечика и скарабея (?) присутствует и на золотой пластине парадного головного убора из кургана 22 у с. Красный Перекоп (Лесков 1974. С. 95. Рис. 78;

[1] Интерпретация персонажа на золотой бляшке из кургана VI в. до н. э. у с. Александровка как скарабея спорна ввиду нечеткости оттиска и не может быть принята безоговорочно (Ковалева, Мухопад 1982. С. 99. Рис. 5, *5*) (консультация С. В. Полина).

Лесков 1981. Рис. 30) и кургана 6 у Водославки (Ліфантій 2015. С. 72. Рис. 1, *3*). По краю внешней стороны фиалы из Куль-Обы, по всему периметру находятся изображения пчелок (Scythian Art 1986. P. 89. Pl. 164, 165). В Курджипском кургане была обнаружена золотая подвеска в виде мухи (Сысоев 1898. С. 151. Рис. 501а; Галанина 1980. С. 87. Кат. 26), золотая фигурка пчелы входила в состав одного из ожерелий из Большой Близницы (Артамонов 1966. С. 72; Маразов 2001. С. 372). Золотые пластинчатые аппликации с изображением паука к настоящему времени обнаружены в пяти погребальных комплексах и представлены бляшками двух типов. Прямоугольные ажурные бляшки с изображением противостоящих друг другу паука и мухи[1] обнаружены в Мелитопольском кургане (24 экз.; 1,0–1,5 × 3,5–4,3 см) (Тереножкин, Мозолевский 1988. С. 93. Рис. 98, *7*) (ил. 1: *5, 5а*); в кургане 4 у с. Владимировка (1 экз.; 3,5 × 1,0 см) (Полин, Кубышев 1997. С. 31. Рис. 24, *12*) (ил. 1: *6*); в погребении № 4 Вишневой Могилы (1 экз.; 4,7 × 1,3 см) (Болтрик, Фиалко 2007. С. 53. Рис. 1, *2*) (ил. 1: *7*). В первых двух случаях паук и муха обрамлены продольными бортиками, украшенными псевдозернью. Бляшка из Вишневой Могилы имеет дополнительно и торцевое обрамление в виде гладких перегородок.

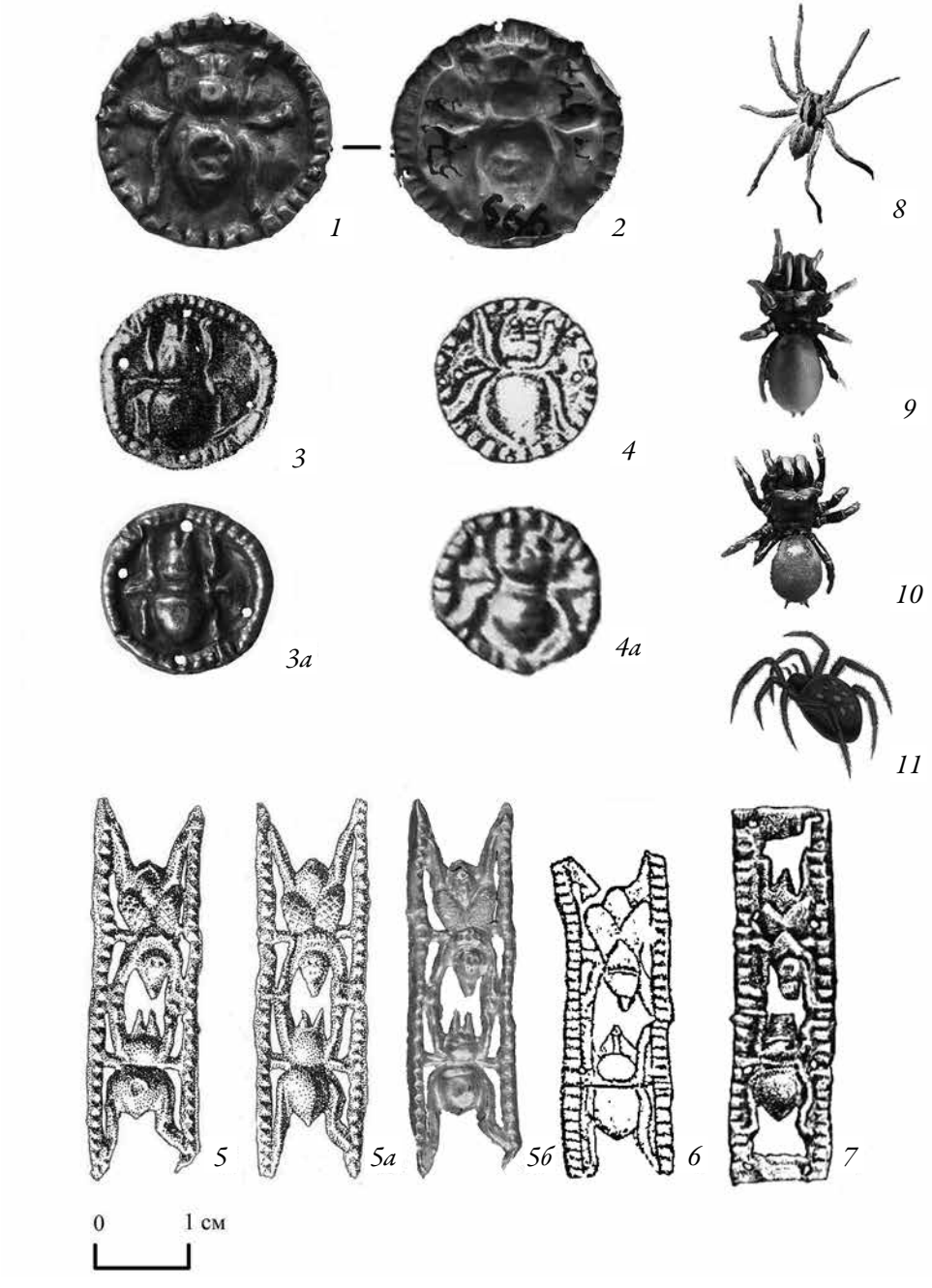
Еще в двух комплексах обнаружены круглые бляшки с изображением пауков, обрамленные по периметру псевдозернью. В Александрополе были найдены две такие бляшки диаметром 1,8–1,9 см – «бледного» и «ярко-желтого»[2] золота (ДГС 1866. С. 12. Табл. VIII, *12*) (ил. 1: *3, 3а*). В своде Н. А. Онайко персонаж на этой бляшке по недоразумению интерпретирован как пчела (Онайко 1970. С. 106. Кат. 497л), что вызвало справедливые нарекания С. В. Полина (Бидзиля, Полин 2012. С. 395). Все же следует отметить, что эта спорная атрибуция персонажа была просто буквально воспроизведена Н. А. Онайко из первоисточника (ДГС 1866. С. 12. Табл. VIII, *12*). В Огузе найдено девять бляшек диаметром 1,8–1,9 см: восемь – с четырьмя пробитыми (одна с двумя) отверстиями для пришивания – в Северной могиле, и один – с четырьмя припаянными проволочными петельками – в Центральном погребальном сооружении (Онайко 1970. С. 106. Табл. XLII. Тип 500п; Фиалко 2003. С. 131. Рис. 2, *18*) (ил. 1: *4, 4а*). В свое время Е. Е. Фиалко допускала возможность использования при изготовлении бляшек из Огуза и Александрополя одного и того же штампа (Фиалко 2003. С. 126). Однако несмотря на совпадение в размерах, совершенно явственно видно различие в морфологии обоих пауков (форма ног, брюшка и головогруди), что свидетельствует об использовании разных штампов при изготовлении данных аппликаций.

В фондах Харьковского исторического музея находится одна золотая круглая бляшка с изображением паука (ил. 1: *1, 2*)[3]. Бляшка происходит из довоенных собраний музея и в 1944 г. в числе прочих эвакуированных коллекций была возвращена из Уфы в Харьков (Бабенко 2012. С. 22, 23). При постановке на новый учет был указан старый инвентарный номер бляшки 666, нанесенный тушью на обратной стороне. Однако полная утеря

[1] Именно муху в насекомом, противостоящем пауку, видит подавляющая часть исследователей (Онайко 1970. С. 106; Полин, Кубышев 1997. С. 31; Фиалко 2003. С. 126; Болтрик, Фиалко 2007. С. 53; Бидзиля, Полин 2012. С. 395). Не столь категоричен Б. Н. Мозолевский, допускавший различные варианты атрибуции этого персонажа (муха либо пчела) (Тереножкин, Мозолевский 1988. С. 93). В ранней работе О. В. Триколенко видела в насекомом именно пчелу (Триколенко 2001. С. 65–69). Позже О. В. и С. Т. Триколенко интерпретировали этот образ как осу и, основываясь на собственных полевых наблюдениях, отвели персонажам противоположные общепринятым функции: жертвы – пауку, хищника – осе (Триколенко, Триколенко 2011. С. 117; Триколенко, Триколенко 2012. С. 137–145).

[2] Использованы термины из описания в инвентарной книге Государственного Эрмитажа.

[3] Инв. № ЛБЗ-1. Вес 0,9 г, Au 500.



Ил. 1. Золотые бляшки с изображением паука (*1–4*) и паука и мухи (*5–7*)

1, 2 (лицевая и оборотная стороны) – Харьковский исторический музей; *3, 3а* – Александропольский курган, *3* – (ДГС 1866. С. 12. Табл. VIII, *12*); *3а* – фотография гальванокопии из Государственного Эрмитажа (см. прим. на с. 69); *4, 4а* – Огуз; *4* – Фиалко 2003. С. 131. Рис. 2, *18*; *4а* – Онайко 1970. С. 106. Табл. XLII. Тип 500п. Прорисовка Л. И. Бабенко; *5, 5а, 5б* – Мелитопольский курган (Тереножкин, Мозолевский 1988. С. 93. Рис. 98: *7*). Прорисовка Л. И. Бабенко; *6* – курган 4 у с. Владимировка (Полин, Кубышев 1997. С. 31. Рис. 24, *12*). Прорисовка Л. И. Бабенко; *7* – погребение № 4 Вишневой Могилы (Болтрик, Фиалко 2007. С. 53. Рис. 1, *2*). Прорисовка Л. И. Бабенко; *8* – Hogna radiata; *9, 10* – Atypus muralis; *11* – Latrodectus tredecimguttatus; *5–11* – без масштаба

довоенной учетной документации музея во время войны является препятствием для установления документированного паспорта бляшки. В то же время общеизвестный факт передачи в 1932 г. из Государственного Эрмитажа в Украину материалов шести скифских курганов, в том числе и коллекции Александропольского кургана, в состав которой входили две круглые бляшки с изображением пауков, и исключительная редкость подобных аппликаций априори, казалось бы, свидетельствовали в пользу александропольской атрибуции этой бляшки. Подобное впечатление усиливало и ее возвращение из эвакуации вместе с бесспорными александропольскими аппликациями. Однако знакомство с записью в инвентарной книге Государственного Эрмитажа, где был указан диаметр александропольских бляшек – 1,8 и 1,9 см, который существенно уступал размерам бляшки из Харьковского исторического музея, имевшей диаметр 2,5 см, показало ошибочность такой атрибуции. Вывод об отсутствии тождественности этих аппликаций был окончательно сделан при знакомстве с гальванокопией александропольской бляшки, которая была изготовлена перед непосредственной передачей коллекций в Украину[1]. Оказалось, что аппликации отличаются не только диаметром, но и некоторыми особенностями иконографии изображенных на бляшках пауков. Ниже приводится описание харьковской бляшки.

Бляшка имеет круглую форму, по периметру обрамлена орнаментом в виде ободка из псевдозерни. По краям пробито четыре отверстия для пришивания на ткань. В центре – изображение паука, запечатленного сверху. Изображение удивительным образом передает знание торевтом целого ряда нюансов анатомии паука и просто непостижимую небрежность, допущенную при изображении ног арахнида, воссозданных художником в количестве трех, а не четырех пар. Подобный анатомический казус был допущен и при воспроизведении изображений паука на всех остальных бляшках. Это необязательно свидетельствует о едином авторстве всех бляшек – однажды допущенная ошибка могла быть растиражирована другими торевтами, использовавшими готовое изображение как образец для собственных изделий. Возможно, шестиногость паука объясняется стремлением торевта придать некую симметричность композиции противостоящих паука и мухи и, соответственно, является следствием зеркального отражения шестиногой мухи. Если это верно, то производство аппликаций с противостоящими пауком и мухой предшествовало изготовлению круглых бляшек с изображением одиночного паука, воспроизводящих уже готовый иконографический образ.

Несмотря на единодушие торевтов в вопросе о воспроизводимом количестве ног паука, морфология отдельных частей арахнида на разных бляшках зачастую имеет свои особенности. Головогрудь (просома) паука на харьковской бляшке имеет шарообразную форму и заметно меньше брюшка. Похожую конфигурацию имеет головогрудь пауков из Мелитопольского кургана и кургана 4 у с. Владимировка. На бляшках из Огуза просома слегка сплюснута по оси, а у пауков из Александрополя и Вишневой Могилы имеет грушевидную форму с утолщением со стороны брюшка.

Заметно разнится форма брюшка (опистосомы). На харьковской бляшке, а также у изделий из Огуза и Вишневой Могилы брюшко пауков имеет форму луковки с заостренным концом сзади (анальным бугорком?); на бляшках из Александрополя – форму

[1] Выражаю признательность заведующему отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа А. Ю. Алексееву за возможность ознакомиться с фотографией гальванокопии этой бляшки.

конуса с округлой задней частью брюшка; на бляшках из Мелитопольского кургана присутствуют оба варианта формы брюшка. На всех аппликациях переход от головогруди к брюшку очень четкий, однако если на нескольких бляшках (Александрополь, Вишневая Могила, Владимировка) стебелек, соединяющий просому и опистосому, явственно выделен, то на харьковской бляшке он скрыт.

У всех пауков очень мощные, выдающиеся вперед хелицеры – пара конечностей, расположенная у арахнидов спереди рта и над ним. Также во всех случаях в морфологии арахнидов не воспроизведены педипальцы – вторая пара конечностей, находящаяся между хелицерами и ходными ногами.

Как уже отмечалось, ходных ног изображено всего три пары, их иконография имеет Ж-образную схему: передняя пара ног направлена вперед, задняя – назад, средняя расположена перпендикулярно оси туловища паука. Воспроизведение анатомии паучьих ног на аппликациях разное, точнее всего она передана, вероятно, именно на бляшке из Харьковского исторического музея. Посредством изломов линии ноги, ее утолщения и уплощения в разных местах, мастеру удалось довольно искусно передать многочленную структуру конечности, соответствующую природному прототипу.

Видовая атрибуция представленных на бляшках пауков затруднена относительным схематизмом их изображения. Зафиксирована точка зрения известного скифолога Е. В. Черненко, полагавшего, что на бляшках из Мелитопольского кургана изображены тарантулы (Триколенко, Триколенко 2011. С. 113). Есть мнение, что на мелитопольских аппликациях мы видим Hogna radiata (паука-волка) – самого маленького крымского тарантула (ил. 1: *8*) (Ковблюк и др. 2008. С. 63. Рис. 64), атакованного дорожной осой Cryptocheilus rubellus (криптохил красноватый) с целью обеспечения едой своей личинки (Триколенко, Триколенко 2011. С. 117. Рис. 10). Возможно также, что это обобщенное изображение паука, составленное из «черт самки вида Hogna radiata и более крупных видов – Geolycosa vultuosa или же южнорусского тарантула Allohogna singoriensis» (Триколенко 2001. С. 64; Триколенко, Триколенко 2012. С. 137–145). С подобным определением паука, а также насекомого как осы (аргументом в пользу последнего утверждения послужил размер насекомого – муха, в отличие от осы, по своим параметрам значительно уступает пауку), согласился крымский арахнолог Н. М. Ковблюк[1]. Однако здесь следует иметь в виду, что торевты далеко не всегда соблюдали естественную соразмерность животных, часто подчиняя ее требованиям создаваемой композиции. Подобное свободное отношение к природному прототипу отражает и шестиногость самого паука, противоречащая нормальной анатомии арахнида.

Что касается приемлемости истолкования сюжета на основе поведенческих нюансов мира членистоногих, а именно «волочения дорожной осой добытого паука» (Триколенко, Триколенко 2012. С. 142), можно признать как его оригинальность и остроумность, так и небесспорность. Причем последнюю неоднократно отмечают и сами авторы этой трактовки. Так, иконография насекомого далека от изображения осы и является «усредненным перепончатокрылым», сочетающим «черты нескольких, в том числе довольно разных насекомых: мух, пчелы медоносной, ос» (Там же. С. 42). Да и сам эпизод борьбы/волочения далек от сцен, наблюдаемых в природе, – паук-жертва «не выглядит обессилен-

[1] Устная консультация. Выражаю признательность доценту Таврического национального университета Н. М. Ковблюку за оказанную помощь.

ным» от борьбы. Не поддается определению и фаза стычки – это или ее начало (причем отличное от происходящего в природе, где оса атакует жалом, размещенным в брюшке), или развязка, когда оса тянет побежденную добычу (Там же. С. 140, 142). Все это не позволяет считать проблему интерпретации данного сюжета окончательно решенной.

По мнению сибирского арахнолога Г. Н. Азаркиной[1], на бляшках из Харьковского исторического музея и Александрополя изображен паук-птицеед семейства Atypidae (пауки-землекопы, или атипичные тарантулы; ил. 1: *9, 10*). В пользу подобной атрибуции свидетельствуют особенности его морфологии, а именно: 1) направленные вперед хелицеры; 2) толстые ноги с «присосками» (скопулами-волосками, помогающими паукам передвигаться по крутым поверхностям); 3) резкое возвышение головного отдела над грудным. Показательно, что эти небольшие пауки (1,0–1,5 см) вполне соразмерны мухам.

Харьковский зоолог В. Л. Бондаренко[2] полагает, что природным прототипом, используемым торевтами при изготовлении рассматриваемых бляшек, мог послужить и один из видов пауков из рода черных вдов – каракурт, или вдова степная (Latrodectus tredecimguttatus), ареал которого охватывал территорию Северного Причерноморья, Приазовья и Крыма (ил. 1: *11*).

Проблема семантики образа паука в скифском обществе едва ли имеет однозначное решение. В территориально близкой культурной среде получила распространение мифологема превращения человека в паука вследствие наказания. Наиболее известен миф о лидийской вышивальщице и ткачихе Арахне, дочери красильщика тканей Идмона. Движимая гордыней Арахна вызвала на состязание Афину. Вытканная Арахной ткань с изображением сцен любовных похождений Зевса, Посейдона, Диониса вызвала гнев богини, ударившей соперницу челноком. Арахна в горе повесилась, однако Афина вынула ее из петли и превратила с помощью зелья Гекаты в паука, который вечно висит на паутине и неустанно прядет пряжу (Тахо-Годи 1997. С. 98).

В «Эпосе о Гильгамеше» главный герой, перечисляя прегрешения Иштар, упоминает и превращение в паука бывшего возлюбленного садовника богини Ишуллану (Мифы и легенды народов мира 2004. С. 298, 404; Ассиро-вавилонский эпос 2007. С. 362, 607).

Информацию для понимания семантики этого образа дает упомянутая выше серия бляшек с изображением противостоящих друг другу паука и мухи (примем традиционный вариант интерпретации данного образа). По мнению Е. Е. Фиалко, отметившей необычность данного сюжета для греко-скифского искусства, эта сцена является вариантом характерных для скифского звериного стиля сцен противоборства животных (Фиалко 2003. С. 126). Подобная оценка верна по сути, но все же не исчерпывающе характеризует этот мотив.

Возможно, появлению аппликаций с дуалистической парой муха–паук способствовал распространенный в художественной среде, к которой относились и торевты, исторический рассказ о мастерстве древнегреческого живописца Апеллеса, сумевшего столь искусно нарисовать муху, что ее изображение привлекло к себе настоящего паука (Соколов 1997. С. 203; Соколов 2002. С. 110). Годы жизни Апеллеса – 370–307 гг. Неизвестно, в какой период творчества художника произошло это событие, во всяком

[1] Устная консультация. Выражаю признательность научному сотруднику Института систематики и экологии животных Сибирского отделения РАН Г. Н. Азаркиной за оказанную помощь.

[2] Устная консультация. Выражаю признательность научному сотруднику Музея природы Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина В. Л. Бондаренко за оказанную помощь.

случае, оно должно было предшествовать дате комплексов, в которых были обнаружены подобные аппликации. Наибольшей информативностью для определения даты появления таких бляшек обладают материалы Мелитопольского кургана.

Ажурные бляшки с противопоставленными пауком и мухой украшали головной убор, обнаруженный в женской гробнице № 1. Для датировки этого погребения, помимо анализа вещевого комплекса, большое значение имеет и определение последовательности захоронений – женской гробницы № 1 и мужской гробницы № 2. Изначально первичной считалась женская гробница № 1, а мужская – впускной (Тереножкин 1955. С. 33; Покровская 1955. С. 195; Тереножкин, Мозолевский 1988. С. 14–17). Однако проведенный Ю. В. Болтриком анализ планировки курганного комплекса позволил с большой долей вероятности предположить обратную последовательность захоронений – первичную мужскую и вторичную, впускную и, соответственно, несколько более позднюю, женскую (Болтрик 1997. С. 32, 33). Эти выводы были поддержаны рядом исследователей, специально занимавшихся хронологией Мелитопольского кургана (Монахов 1999. С. 404; Алексеев 2003. С. 265, 266; Бидзиля, Полин 2012. С. 553, 554), что позволяет считать пересмотренную очередность погребений Мелитопольского кургана установленной верно.

Отсутствует единодушие и в определении абсолютной даты женской гробницы № 1. Н. А. Онайко датировала импортную столовую посуду (килик, пелика, крышка леканы, чашечка) временем не позднее середины IV в. до н. э. (Онайко 1970. С. 15–17). Бляшки монетного типа с изображением бородатого сатира с венком на голове исследовательница считала подражанием боспорским статерам второй половины IV в. до н. э., но не позднее начала последней четверти столетия. «По форме мотива изображения голова сатира в этих бляшках стоит ближе к монетному типу 330–315 гг. до н. э., а по сравнительно мягкой трактовке лица этого божества – к эмблемам боспорских монет более раннего времени» (Там же. С. 48, 49).

Б. Н. Мозолевский относил погребения Мелитопольского кургана к концу третьей – началу четвертой четверти IV в. до н. э. (340–320 гг.) на основании даты фасосских клейм амфор из Желтокаменки и их сходства по форме с мелитопольскими (Тереножкин, Мозолевский 1988. С. 147–149).

А. Ю. Алексеев, датировав вначале Мелитопольский курган последней третью IV в. до н. э. (Алексеев 1987. С. 34–37), позже несколько удревнил этот комплекс, отнеся его к хронологическому пласту Г с рамками 340–320 гг. до н. э. (Алексеев 1992. С. 152, 153, 156, 157). В позднейшем исследовании, допустив возможность предложенной Ю. В. Болтриком последовательности захоронений, А. Ю. Алексеев отнес время погребения в женской могиле «к периоду после 330 г. до н. э.» (Алексеев 2003. С. 265, 266).

С. Ю. Монахов относит комплекс к концу 40-х – первой половине 30 г. IV в. до н. э. на основе сходства амфор Мелитопольского кургана и Чертомлыка (Монахов 1999. С. 402–405).

С. В. Полин первоначально помещал Мелитопольский курган в пределы третьей четверти IV в. до н. э. (Мозолевский, Полин 2005. С. 364). Позднее, в результате пересмотра хронологии курганов скифской знати IV в. до н. э. и ее дрейфа в сторону незначительного удревления ряда комплексов, была уточнена и дата женской гробницы № 1 Мелитопольского кургана в пределах 350–345 гг. до н. э., не позднее 350–340 гг. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012. С. 553–555; Полин 2014. С. 475).

Таким образом, предложенные для женского захоронения Мелитопольского кургана даты, которые могут отражать и время изготовления аппликаций с противостоящими пауком и мухой, колеблются в пределах от 350 (наиболее ранняя) до 320 г. до н. э. (и даже позже), что соответствует возрасту Апеллеса от 20 до 50 лет – вполне зрелому для создания творения. Но не исключено, что данный рассказ, являющийся своеобразным гимном мастерству художника-реалиста, рисунок которого смог ввести в заблуждение и паука, имел более раннее происхождение и лишь позже стал приписываться личности Апеллеса.

Однако если веяниями моды можно объяснить рождение этого сюжета у торевтов, то причины его появления в скифской среде следует искать в ином. Муха, противостоящая на бляшках пауку, являлась персонажем иранской мифологии, где демон смерти Насу («труп») представлялся в облике отвратительной трупной мухи, прилетающей после смерти человека, чтобы завладеть его душой и осквернить тело (Лелеков 1997. С. 203; Топоров 1997. С. 188). В виде мухи иногда изображался Эврином, греческий демон физического разложения и гниения (Лелеков 1997. С. 203). Ахилл просит мать проследить за тем, чтобы мухи и черви не осквернили тело убитого Патрокла:

„…Но об одном беспокойно
Сердце мое, чтобы тою порою в Патрокловом теле
Мухи, проникши в глубокие, медью пробитые раны,
Алчных червей не родили; они исказят его образ
(Жизнь от него отлетела!), и тление тело обымет!“
Вновь говорила ему среброногая матерь Фетида:
„Сын мой! заботой о сем не тревожь ты более сердца.
Я попекусь отгонять от него кровожадные сонмы
Мух, которые тело убитых мужей пожирают;
И хотя бы лежал он в течение круглого года,
Тело его невредимо и даже прекраснее будет…“

Илиада. 19. 23–34[1]

Символическое значение негативных свойств мухи во многом связывалось с ее вредоносным воздействием на покойника[2]. В этом случае естественному антагонисту-пауку могли приписываться апотропейные функции, и присутствие его изображения в декоре одежды и головного убора покойника должны были уберечь последнего от пагубного воздействия мух как во время похорон, так и в загробном мире.

В этой связи показательна продолжительность скифской погребальной церемонии, длившейся 40 дней, а также предпринимаемые меры по бальзамированию тела усопшего, одной из целей которого было предотвращение разложения трупа в процессе совершения похорон (Hdt. 4. 71–73)[3]. Неизвестно, сколь эффективны были подобные усилия, однако присутствие мух во время проведения погребальных ритуалов

[1] Цит. по: *Гомер.* Илиада / пер. Н. И. Гнедича; сост., прим., ст. А. И. Зайцева. Л., 1990.

[2] Иная точка зрения на муху в новелле Лукиана Самосатского «Похвала мухе», в которой восхваляется ум, мужество, отвага и сила этого насекомого, а также его способность к воскрешению. Примечательно сравнение образа жизни мух со скифами – «Муха не устраивает себе гнезда или крова, предпочтя, подобно скифам, блуждающие перелеты, и, где бы ни застала ее ночь, там она находит и пищу, и сон» (Цит. по: *Лукиан Самосатский.* Сочинения : в 2 т. / под общ. ред. А. И. Зайцева. СПб., 2001. Т. 1).

[3] Цит. по: *Геродот.* История : в 9 кн. / пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л., 1972.

зафиксировано археологически, причем к погребальной процессии их могло привлечь не только тело покойника, но и иные факторы.

Так, во время раскопок кургана 14 у с. Черемушная на Харьковщине был обнаружен бронзовый котел, в пределах диаметра ножки которого, благодаря бронзовым окислам, на остатках ткани обнаружено около 20 ложнококонов (пупариев) синих падальных мух (Lucilia) из семейства Calliphoridae, питательной средой для размножения которых послужило, по мнению авторов, содержимое котла – мясо на костях мелкого рогатого скота и бульон из него (Буйнов, Шевченко 2004. С. 35). По расчетам исследователей, захоронение совершалось в летнее время, причем котел находился в открытом состоянии от 7 до 14 суток (Там же. С. 36). Из этого можно сделать вывод, что сонмы роящихся мух были типичным явлением продолжительных похорон в теплое время года.

Несмотря на отсутствие изображений пауков в собственных скифских художественных традициях, этот образ мог быть воспринят в скифской среде в качестве своеобразного апотропея, оберегающего душу и тело покойника. Обнаружение бляшки с иным вариантом штампа, равно как и нового, уже шестого по счету, хотя и оставшегося невыясненным комплекса, свидетельствуют о глубоком проникновении этого образа в мировоззрение населения причерноморских степей IV в. до н. э.

Алексеев 1987

Алексеев А. Ю. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н. э. // СА. 1987. № 3. С. 28–39.

Алексеев 1992

Алексеев А. Ю. Скифская хроника. СПб., 1992.

Алексеев 2003

Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб., 2003.

Артамонов 1966

Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага ; Л., 1966.

Ассиро-вавилонский эпос 2007

Ассиро-вавилонский эпос : переводы с шумерского и аккадского языков В. К. Шилейко. СПб., 2007.

Бабенко 2005

Бабенко А. И. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков, 2005.

Бабенко 2012

Бабенко А. И. К истории коллекции предметов из Литого (Мельгуновского) кургана // РА. 2012. № 3. С. 20–27.

Бидзиля, Полин 2012

Бидзиля В. И., Полин С. В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев, 2012.

Болтрик, Фиалко 2007

Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е. Украшения из скифских погребальных комплексов Рогачикского курганного поля // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2007. Т. 14. С. 51–93.

Буйнов, Шевченко 2004

Буйнов Ю. В., Шевченко В. Б. Новые данные о погребально-поминальной обрядности у племен северодонецкой группы памятников скифского периода // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2004. С. 35, 36.

Галанина 1980

Галанина Л. К. Курджипский курган. Л., 1980.

ДГС 1866

Древности Геродотовой Скифии: сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. СПб., 1866. Вып. 1.

ДГС 1872

Древности Геродотовой Скифии: сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. СПб., 1872. Вып. 2.

Ковалева, Мухопад 1982

Ковалева И. Ф., Мухопад С. Е. Скифское погребение конца VI–V вв. до н. э. у с. Александровка // Древности Степной Скифии. Киев, 1982. С. 91–102.

Ковблюк и др. 2008

Ковблюк Н. М., Кукушкин О. В., Гнелица В. А., Надольный А. А. Краткий атлас пауков (Arachnida, Aranei) Карадагского природного заповедника. Симферополь, 2008.

Лелеков 1997
Лелеков А. А. Насу // МНМ / глав. ред. С. А. Токарев. М., 1997. Т. 2. С. 203.

Лесков 1981
Лесков А. М. Курганы, находки, проблемы. Л., 1981.

Мифы и легенды народов мира 2004
Мифы и легенды народов мира : Древний Египет ; Месопотамия / И. В. Рак, А. И. Немеровский, Л. С. Ильинская. М., 2004.

Мозолевский, Полин 2005
Мозолевский Б. Н., Полин С. В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы). Киев, 2005.

Монахов 1999
Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье : комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов, 1999.

Онайко 1970
Онайко Н. А. Античный импорт в Приднестровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. // САИ. Д1–27. 1970.

Покровская 1955
Покровская Е. Ф. Мелитопольский скифский курган // ВДИ. 1955. № 2. С. 191–199.

Полин 2014
Полин С. В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев, 2014.

Полин, Кубышев 1997
Полин С. В., Кубышев А. И. Скифские курганы Устлюкского междуречья. Киев, 1997.

Соколов 1997
Соколов М. Н. Насекомые // МНМ / глав. ред. С. А. Токарев. М., 1997. Т. 2. С. 202, 203.

Соколов 2002
Соколов М. Н. Время и место : искусство Возрождения как перворубеж виртуального пространства. М., 2002.

Сысоев 1898
Извлечение из отчета В. М. Сысоева о раскопках, произведенных им в 1896 году в кургане близ Курджиппской станицы, в Майкопском отделе Кубанской области // ОАК за 1896 г. СПб., 1898. С. 149–156.

Тахо-Годи 1997
Тахо-Годи А. А. Арахна // МНМ / глав. ред. С. А. Токарев. М., 1997. Т. 1. С. 98.

Тереножкин 1955
Тереножкин А. И. Скифский курган в г. Мелитополе (Запорож. обл.) // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 5. С. 23–34.

Тереножкин, Мозолевский 1988
Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988.

Топоров 1997
Топоров В. Н. Муха // МНМ / глав. ред. С. А. Токарев. М., 1997. Т. 2. С. 188.

Триколенко, Триколенко 2012
Триколенко С. Т., Триколенко О. В. Изображение осы и паука золотых пластинок из Мелитопольского кургана и его связь с реальностью // Музейні читання / відп. за вип. Л. В. Строкова. Київ, 2012. С. 137–145.

Фиалко 2003
Фиалко Е. Е. Золотые бляшки из кургана Огуз // РА. 2003. № 1. С. 124–133.

Болтрик 1997
Болтрик Ю. В. Про місце жіночих поховань в курганах скіфської еліти // Археологія. 1997. № 1. С. 28–37.

Лєсков 1974
Лєсков О. М. Скарби курганів Херсонщини. Київ, 1974.

Ліфантій 2015
Ліфантій О. В. Два типи довгих пластин головних уборів скіфів із зображеннями комах // Магістеріум. 2015. Вип. 60. С. 71–75.

Маразов 2001
Маразов И. Фиалата от Кул Оба – образът на «другия» в изкуството на скитите // МИФ-7: ἀποθέωσις. На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. София, 2001. С. 360–423.

Мозолевський 1979
Мозолевський Б. М. Товста Могила. Київ, 1979.

Триколенко 2001
Триколенко О. В. Ажурні золоті платівки із зображенням маленьких степових істот : до вивчення знахідок з Мелітопольського кургану // Музейні читання / відп. ред. Ж. Г. Арустамян. Київ, 2001. С. 63–71.

Триколенко, Триколенко 2011
Триколенко О. В., Триколенко С. Т. Про центр виготовлення пластинок із зображенням комах та тварин із скіфських курганів Північного Причорномор'я // Музейні читання / відп. за вип. Л. В. Строкова. Київ, 2011. С. 113–120.

Scythian Art 1986
Scythian Art. Leningrad, 1986.

М. Ю. Вахтина

ОБ ИКОНОГРАФИИ ЖЕНСКОГО БОЖЕСТВА НА СЕРЕБРЯНОМ БЛЮДЕ ИЗ КУРГАНА ЧЕРТОМЛЫК

Изображение женского божества (ил. 1; 2: *1*) на серебряном блюде или тазе (ил. 2: *2*), обнаруженном в составе погребального инвентаря северо-западной камеры кургана Чертомлык (Толстой, Кондаков 1889. С. 110, 111. Рис. 97, 98; Алексеев и др. 1991. С. 123. Кат. № 92; 174, 187, 188), неизменно привлекает внимание исследователей, занимающихся изучением шедевров греко-скифской торевтики и проблемами семантики. Блюдо сопровождало погребение «царицы» и входило в набор парадной посуды, к которому относят знаменитую серебряную амфору (Алексеев и др. 1991. С. 174, 175. Кат. № 91) и уникальный черпак с окончанием в виде головы собаки (Там же. С. 123. Кат. № 93), не имеющий аналогий ни в античном, ни в варварском искусстве.

А. Ю. Алексеев, подробно исследовавший конструкцию кургана и найденные при его раскопках вещи, назвал этот набор посуды «ядром» чертомлыкского комплекса и датировал его периодом 350/340–320 гг. до н. э. (Там же. С. 130).

Вся поверхность блюда или таза из Чертомлыка, имевшего вид широкой неглубокой чаши, была покрыта изображениями. В центральной части дна помещена семилепестковая розетка, от которой отходят листья и побеги аканфа. Растительная композиция дна окружена поясом простой плетенки. К дну припаяны три ножки в виде «катушек», по бокам помещены две ручки. Под каждой из них изображена обнаженная женская полуфигура, «вырастающая» из завязи аканфа, окруженная растительным орнаментом. Таз фрагментирован, одна из фигур почти полностью разрушена (Там же. С. 174).

Тип женской фигуры, как бы «вырастающей» из системы растительного орнамента, широко известен на территории Греции, Италии и Малой Азии. Встречается он и в круге памятников Северного Причерноморья, как античных, так и принадлежащих к вещам, изготовленным в рамках так называемого греко-скифского искусства (Савостина 1996; Трейстер 2001; Ustinova 2005). Изображения этого круга получили в литературе выразительное название «прорастающие» (Rankenfrau). «Прорастающие» представлены и на «элитарных» вещах, происходящих из «царских» и аристократических варварских погребений Северного Причерноморья.

Болгарская исследовательница Ю. Валева в статье, посвященной скульптурам из гробницы в Свещарах, привела целый ряд параллелей «прорастающим» девам этого знаменитого комплекса (привлекая и северопричерноморские) и пришла к выводу, что иконография «прорастающих» оформилась, скорее всего, в Аттике, и образ этот получил широкое распространение в греческом искусстве после Пелопоннесской войны, в конце V – IV в. до н. э. (Valeva 1995. P. 346, 347). В ее работе (в связи с поставленной

задачей) эта иконографическая схема понимается чрезвычайно широко и рассматривается достаточно обобщенно. Интересным для нашей темы является упоминание о существовании в Этрурии изображений голов и полуфигур, возможно, местного происхождения, «вырастающих» из растительного орнамента, и предположение, что подобные схемы, отражавшие какие-то местные представления, могли иметь здесь самостоятельную линию развития (Ibid. P. 340). Возможно, что и в рассматриваемой нами контактной зоне – Северном Причерноморье – «прорастающие» могли опираться на какую-либо местную традицию, и потому этот образ нашел яркое развитие в так называемом греко-скифском искусстве. Вместе с тем он мог легко адаптироваться в соответствии со вкусами варварских заказчиков, и вещи, украшенные подобными изображениями, естественно «вписывались» в контекст локальной культуры, занимая свое место в комплексах скифских аристократических гробниц. Изображения «прорастающих», как и многие другие, представленные на шедеврах греко-скифской торевтики, вполне логично рассматривать в русле развития одной из периферийных ветвей античного искусства. Однако хочется обратить внимание на то обстоятельство, что когда мы обращаемся к изделиям, изготовленным греческими мастерами для представителей варварской элиты и найденным в скифских курганах, мы имеем дело с гораздо более сложными иконографически (и, вероятно, семантически) образами и композициями, чем те, которые представлены на памятниках искусства, происходящих из других областей античного мира.

Ярким примером такого более сложного образа в круге «прорастающих» может служить женское изображение, помещенное на золотом конском налобнике (ил. 3: *1*), происходящем из кургана Большая Цимбалка в Приднепровье, раскопанном в 1868 г. И. Е. Забелиным (Piotrovsky et al. 1986. P. 105. Pl. 144). Согласно «Донесению» И. Е. Забелина, хранящемуся в архиве ИИМК РАН, он был найден в четырехугольной, ориентированной по линии север–юг могиле с захоронением шести коней. Из них пять были положены головами на восток и один – на запад. На четырех из них были надеты бронзовые уздечные наборы и серебряные налобники, а на двух (№ 3 и 5) – золотые. Рядом лежали нащечники в виде пары дельфинов. На втором золотом налобнике были изображены пара грифонов и растительный орнамент (О раскопках г. Забелина 1866. Л. 34, 35; Толстой, Кондаков 1889. С. 115, 116. Рис. 99–101). В «Описи вещей», найденных в кургане, впрочем, уточняется, что золотой налобник с женским изображением «лежал особо, между 5 и 6 конями» (Опись вещей 1866. Л. 41).

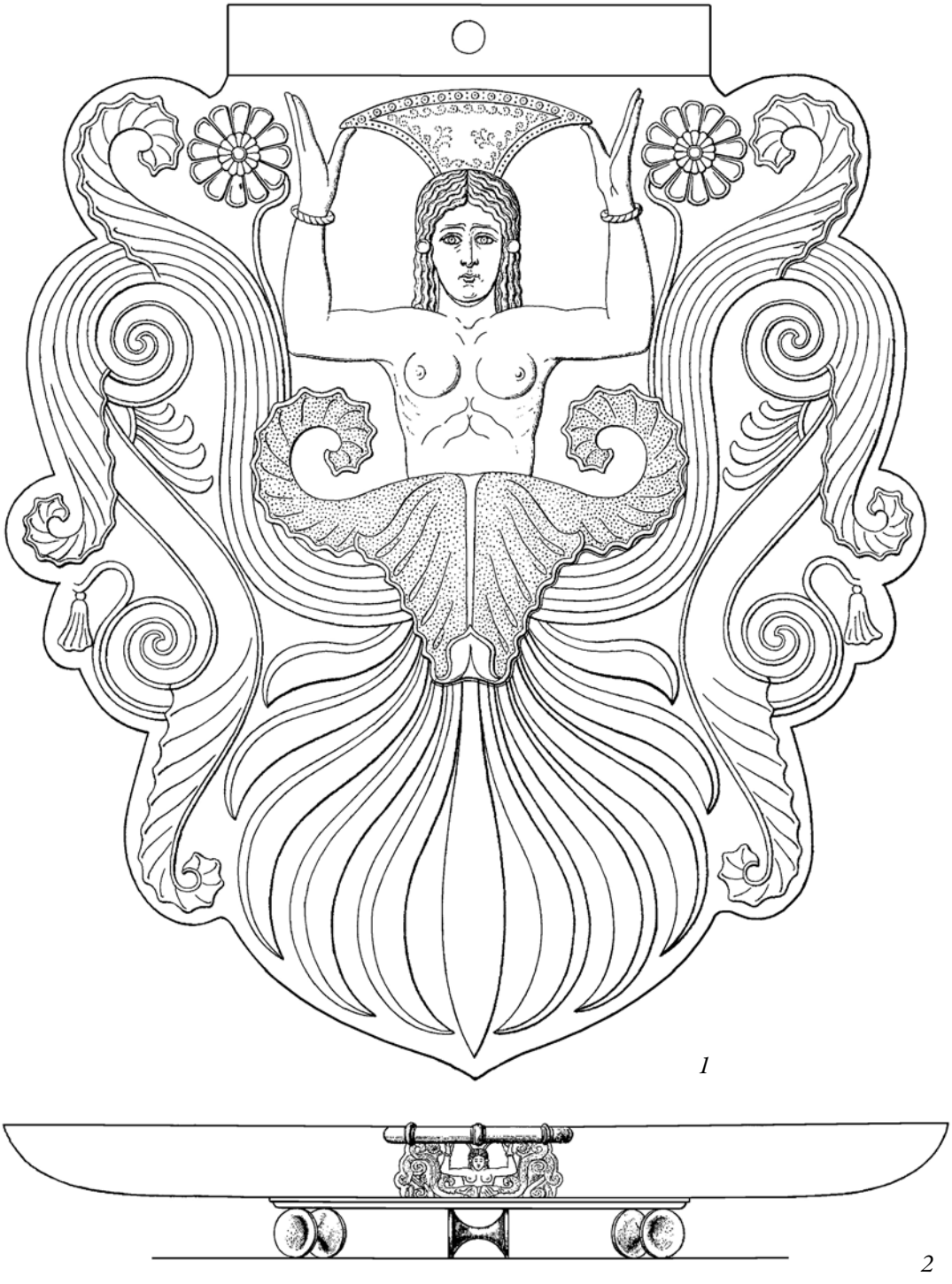
Серебряный налобник аналогичной формы (почти полностью разложившийся), с таким же, скорее всего, выполненным при помощи одной и той же матрицы, изображением, был найден в конском погребении № 2 кургана Толстая Могила (Мозолевський 1979. С. 35. Рис. 20; С. 39. Рис. 23). Согласно периодизации скифских «царских» курганов Приднепровья, разработанной А. Ю. Алексеевым, курганы Большая Цимбалка и Толстая Могила относятся к одному хронологическому пласту и были, вероятнее всего, сооружены в 360/350–330/320 гг. до н. э. (Алексеев 1982. С. 33–35; Алексеев 1992. С. 149, 150, 163). Позже А. Ю. Алексеевым было высказано предположение, что комплекс Цимбалки «в целом несколько старше» (Алексеев 2003. С. 264)[1].

[1] Обратившись к анализу существующих датировок фасосского клейма, обнаруженного в насыпи кургана Большая Цимбалка, А. Ю. Алексеев отметил, что если принять современные хронологические разработки, то и дату позднейшего комплекса центральной могилы нельзя относить ко времени позже 340–330 гг. до н. э. (Алексеев 2003. С. 263).

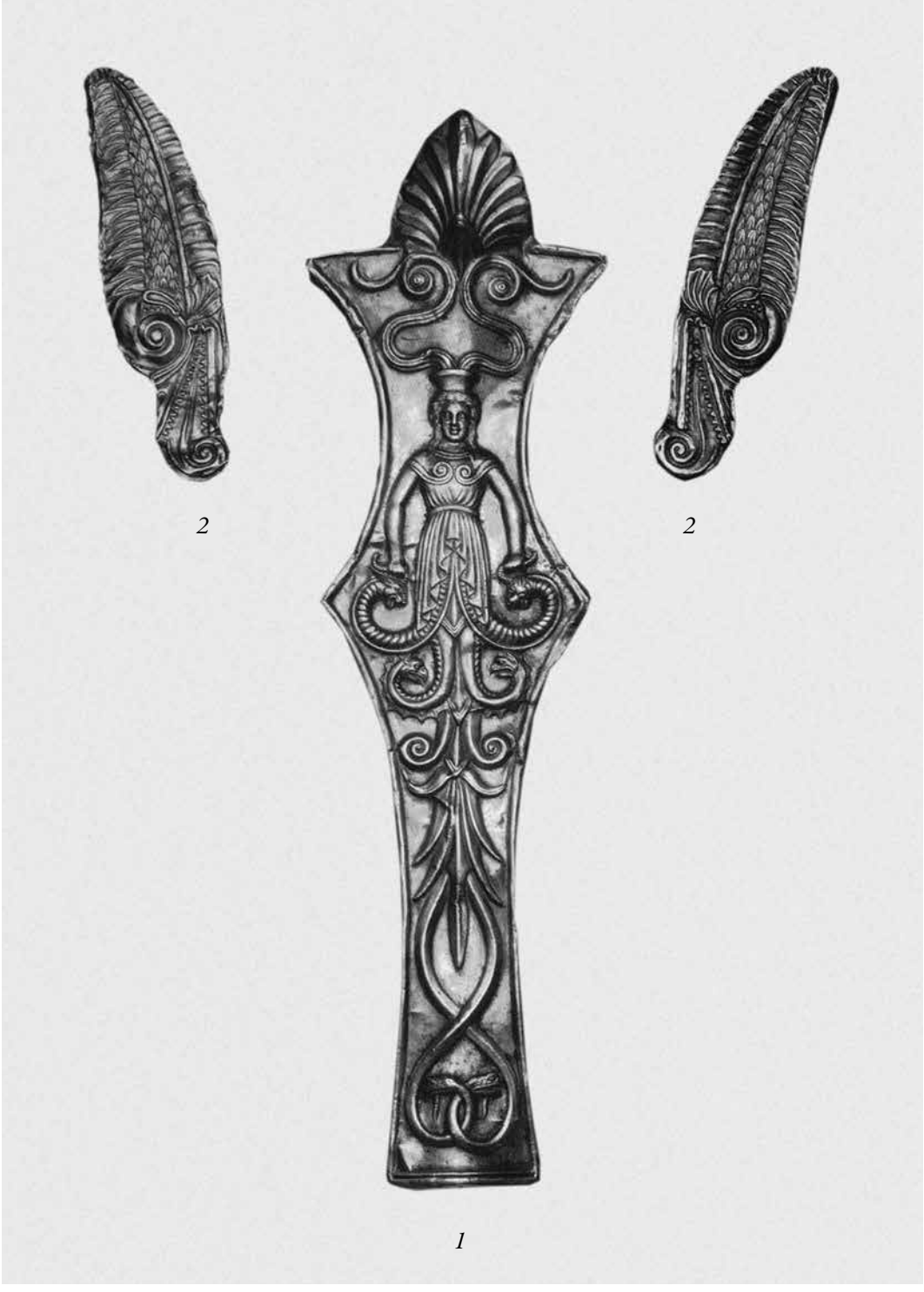
Ил. 1. Изображение «прорастающей девы» на серебряном блюде из кургана Чертомлык (Государственный Эрмитаж, инв. № Дн 1863 1/167)

На этих налобниках представлено женское божество, также «вырастающее» из завязи. В нижней части (так же, как и на изображении из Чертомлыка) можно увидеть пальметку, как бы растущую вниз, из которой «вырастает» божество. Из этой пальметки «вырастают» и две змеи, переплетающиеся головами в нижней части пластины. Нижние складки подпоясанного хитона, в который одета женщина, «переходят» в шеи львиноголовых рогатых грифонов, рога которых она сжимает в опущенных вниз руках. Ниже, на том месте, где, следуя реалистическим традициям античного искусства, мастер должен был бы изобразить ноги женщины, помещена другая пара грифонов, менее «грозных» – они птицеголовые, не имеют рогов и отличаются меньшими размерами по сравнению с верхней парой. Под ними помещены волюты, завитки которых симметричны загнутым внутрь и вверх головам грифонов. Грудь божества также подчеркнута парой завитков, на голове у него – калаф. Представленное здесь женское изображение не только «укоренено» и «вырастает», оно само как бы дает жизнь следующему растительному циклу – из калафа на его голове «растут» два побега, заканчивающиеся пальметкой с волютами.

По-видимому, есть все основания для того, чтобы согласиться с мнением исследователей, полагающих, что в женских образах, которые мы видим на налобниках из Цимбалки и Толстой Могилы, при помощи изобразительных приемов, характерных для греческого искусства классического времени, воплощена чрезвычайно сложная идея



Ил. 2: *1* – прорисовка изображения; *2* – блюдо из кургана Чертомлык (по Толстому, Кондакову 1889)



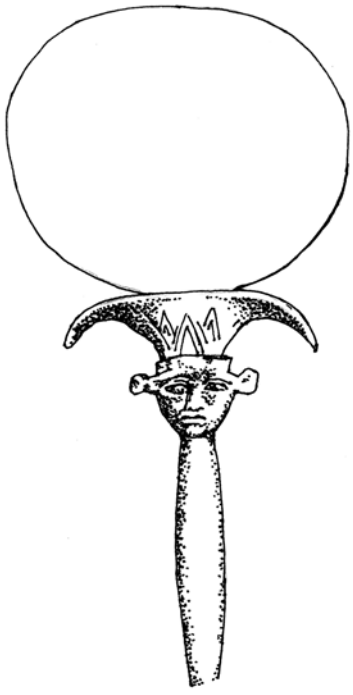
Ил. 3: *1* – конский налобник; *2* – нащечники из кургана Большая Цимбалка (Государственный Эрмитаж, инв. № 1868 1/8, 9, 10)

о каком-то могущественном женском божестве Европейской Скифии (Мачинский 1978. С. 133, 134; 142–145; Бессонова 1983. С. 93–95; Шауб 2007. С. 89–94). Изображение это, несомненно, являющееся шедевром эллино-скифской торевтики, также является самым «насыщенным» как композиционно, так и семантически в кругу известных нам женских изображений Северного Причерноморья этой эпохи. Представленный здесь образ «девы-зверя» несет в себе комплекс идей «женщина-растение – древесный ствол + змеи + грифоны». Если мы вспомним, что оно было изготовлено для украшения конского налобника, а по бокам его должны были помещаться нащечники (ил. 3: *2*) в виде пары голов дельфинов (Piotrovsky et al. 1986. P. 105. Pl. 144), то круг идей, связанных с этим образом, расширится еще больше. Возможно, в этом случае действительно можно видеть «…самое полное из известных нам в изобразительном искусстве древности воплощение реконструированного лингвистами и филологами древнего индо-арийского образа мирового дерева, тождественного образу великой женской богини, заместителем которой чаще всего выступает конь» (Мачинский 1978. С. 135).

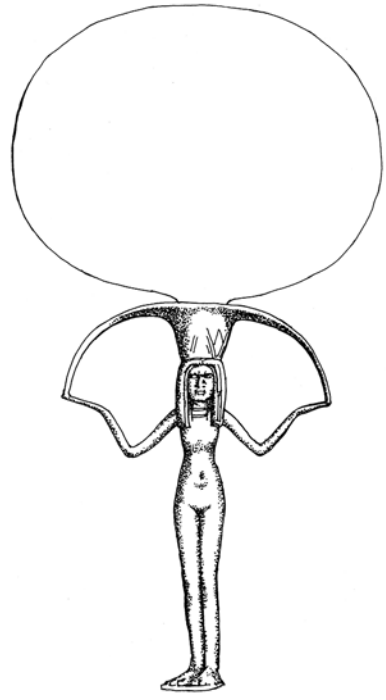
Точных аналогий иконографической схеме, представленной на налобниках, в греческом искусстве не существует. Можно привлечь лишь ряд сюжетных и стилистических параллелей (Вахтина 2005. С. 373).

По сравнению с «прорастающей» девой на налобниках из Цимбалки и Толстой Могилы, изображения на серебряном блюде из Чертомлыка выглядят более эллинизированными, достаточно «простыми» и гораздо менее «насыщенными». Фигура женщины, представленная на блюде, «вырастает» из аканфа, из этого же аканфового трилистника по обеим сторонам от женского изображения «растут» побеги. Два из них увенчаны 12-лепестковыми розетками, помещенными симметрично по обе стороны от высокого головного убранства богини. Обнаженные руки божества, украшенные витыми браслетами, подняты вверх, большие пальцы как бы поддерживают странный, резко расширяющийся в верхней части головной убор, напоминающий калаф. Часто этот жест трактуют как жест адорации (Алексеев и др. 1991. С. 174).

В качестве аналогии этой иконографической схеме можно упомянуть изображение на капители конца IV в. до н. э. из Саламиса (Кипр), где между двумя букраниями представлена задрапированная женская фигура с руками, поднятыми к головному убору (Valeva 1995. P. 343. Fig. 8). Женскую фигуру, похожую на ту, которая украшает капитель с Кипра, можно увидеть и на капители более позднего времени (II в. до н. э.) из Колхиды (Лордкипанидзе 1978. С. 76). В похожей позе представлены и фронтальные изваяния, украшавшие гробницу III в. до н. э. в Свещарах (Болгария) (Чичикова 1983. С. 24). «Прорастающая» дева изображена на мозаике конца IV в. до н. э. в Вергине (Andronicos 1984. P. 45). Встречается этот образ и на золотых погребальных диадемах второй половины IV – начала III в. до н. э. (Marshall 1911. P. 172. N 1612, 1614). В качестве античных параллелей указанному типу часто приводят материалы, обнаруженные при раскопках Олинфа, относящиеся к IV в. до н. э. и включающие как женские (Robinson 1941. P. 30–39. Pl. 6, 15), так и мужские (Бессонова 1983. С. 85. Рис. 10: *1*; Valeva 1995. P. 341. Fig. 4) изображения. Несколько позже тип обнаженной женской полуфигуры достаточно широко распространяется в искусстве Боспора. В качестве примера можно привести известный боспорский акротерий I в. до н. э., хранящийся в Государственном Эрмитаже и реконструированный Е. А. Савостиной (Савостина 1996. С. 76. Рис. 6). Эта исследовательница обратила внимание на то обстоятельство,



Ил. 4. Бронзовое зеркало с ручкой-подставкой в виде головы богини Хатор. Прорисовка М. Ю. Вахтиной



Ил. 5. Бронзовое зеркало с ручкой-подставкой в виде фигуры богини Хатор. Прорисовка М. Ю. Вахтиной

что изображения «прорастающих» дев (как и изображения аканфа) часто соотносятся с погребальными памятниками и высказала предположение об их связи с загробным, хтоническим миром и, одновременно, с идеей воскрешения–прорастания, выраженной изобразительными средствами. Добавим к этому, что сакральное значение, связанное с этой идеей, на предметах греко-скифской торевтики IV в. до н. э., вероятно, могли иметь и изображения растительного орнамента. Л. С. Клочко убедительно показала связь таких орнаментальных изображений с ритуальными женскими головными уборами скифского времени (Клочко 1982. С. 39, 40. Рис. 3: *1, 4, 6*). Действительно, часто фризы налобных лент украшались группами орнамента, симметрично расположенными по отношению к центральному изображению, которым часто оказывается акантовая завязь, из которой «вырастают» все прочие элементы (Мозолевський 1979. С. 128. Рис. 110). Д. А. Мачинский подробно рассмотрел этот прием художественной передачи идеи женского божества, символом которого выступал растительный орнамент, как бы «заменяющий» женское изображение (Мачинский 1978. С. 132, 133). Как нам представляется, такую же «замену» можно видеть и на пластине, расположенной под ручкой бронзового блюда из центральной гробницы кургана Толстая могила (Мозолевський 1979. С. 65. Рис. 48, 49). Имеющаяся на ней композиция очень близка изображению на чертомлыкском блюде. Здесь, несмотря на отсутствие самого антропоморфного изображения, орнамент как бы вырастает из аканфа, он отличается строгой симметрией, составляя ритмическую группу, напоминающую чертомлыкскую.

С одной стороны, изображение «прорастающей» девы на блюде из Чертомлыка в целом можно поместить в круг синхронных памятников, распространенных в ареале греческой культуры. С другой – схема, представленная на этом памятнике, имеет «странные» и своеобразные черты, не находящие аналогий, – головной убор и «корневую систему» в нижней части.

Д. А. Мачинский первым обратил внимание на необычный (трактованный в верхней части как выгнутый полумесяц) головной убор божества на чертомлыкском блюде и на то обстоятельство, что листья пальметки в нижней части изображения «более всего напоминают схематическое изображение пучка корней, уходящих под землю», как на отличительные черты, важные для понимания образа в целом (Мачинский 1978. С. 133). Действительно, божество на блюде из Чертомлыка не только «прорастает», но и является «укорененным»: нижняя часть изображения (пальметка под акантовым трилистником) более всего напоминает корневую систему. Она лишь частично занимает нижнюю половину боковой плоскости блюда, основная же часть переходит на нижнюю его поверхность. Полностью эту композицию можно увидеть на прорисовке (ил. 2: *1*) (Толстой, Кондаков 1899. С. 110. Рис. 97). Таким образом, когда блюдо находится в своем «нормальном» положении, нижняя часть изображения, подобно корням, уходящим под землю, остается невидимой для зрителей, как бы скрытой под землей (Алексеев и др. 1991. С. 188. Кат. 92). В качестве аналогии подобного расположения изобразительной схемы можно рассматривать уже упоминавшуюся композицию, украшавшую накладную пластину, помещенную под ручкой античного бронзового блюда из центральной гробницы кургана Толстая Могила, на которой аканфовая завязь также «переходит» на дно сосуда (Мозолевський 1979. С. 65. Рис. 48, 49).

Головной убор богини, изображенной на чертомлыкском блюде, передан в более низком рельефе, чем все прочие части изображения, и по отношению к ним кажется менее выпуклым, уплощенным и как бы «отступающим на задний план». Его обычно называют калафом (Алексеев и др. 1991. С. 174), хотя он не похож на «классические» калафы, известные по изображениям и материалам раскопок северопричерноморских памятников. Остатки одного такого парадного женского убора были найдены при раскопках юго-восточной камеры Чертомлыкского кургана (Там же. С. 206, 207. Кат. № 128).

В круге греческих памятников классического и эллинистического времени не удается обнаружить близких аналогий головному убору женского божества на чертомлыкском блюде. Для того чтобы найти какие-либо параллели форме этого убора (в сочетании с жестом божества, поддерживающего его руками) мы вынуждены обратиться к памятникам более раннего времени. Так, например, уборы, напоминающие чертомлыкский «калаф», можно увидеть на позднемикенских резных камнях (Boardman 1970. N 113, 145). Более всего же напоминают головное убранство чертомлыкской богини уборы, венчающие изображения египетской богини Хатор, или Хатхор, на ручках-подставках бронзовых зеркал (ил. 4, 5) эпохи XVIII династии (1550–1335 гг. до н. э.) (Mistress of the House… 1996. P. 77–79. N 22a, b). Возможно, эти зеркала использовались во время ритуалов, посвященных богине (Ibid. P. 79). На одном из них (ил. 5) божество представлено в виде прекрасной девы, которая, подобно деве из Чертомлыка, поддерживает руками края убора. Хатор, которой поклонялись в Древнем Египте, возможно, с додинастических времен, имела множество ипостасей, в том числе и «Великой Матери», владычицы неба и земли. В древности ее почитали в виде коровы; на первом из приведенных

зеркал изображение божества имеет коровьи уши (ил. 4). Тема «рогатых» головных уборов / ритуальных рогов сама по себе достаточно увлекательна и способна увести нас в гораздо более ранние эпохи, чем эпоха Нового Царства. Известно, что изображения рогатого человекообразного существа принадлежат к первым известным антропоморфным изображениям на печатях Ирана и Месопотамии (Антонова 1991. С. 3, 4). Обычно эти изображения трактуют как изображения «хозяина животных» (Amiet 1966. P. 32). Приведем также изображения на двух стеатитовых печатях из Мохенджо-Даро (Deo Prakosh Sharma 2000. P. 20, 21. Fig. 9A, 9B), относящихся к 2700 г. до н. э. На одной из них представлен трехликий «повелитель зверей» в рогатом головном убранстве (ил. 6: *1*), антропоморфное изображение на другой (ил. 6: *2*) иногда считают женским персонажем (Ibid. P. 20), представленном в похожем головном уборе. Вертикальные части этих сложных уборов, от которых в обе стороны расходятся «рога», также могут вызвать ассоциации с «калафом» чертомлыкской богини.

На наш взгляд, нет ничего удивительного в том, что греческий мастер, изготовивший набор художественных серебряных сосудов, обнаруженных в «могиле царицы» кургана Чертомлык, к которому принадлежало и серебряное блюдо, стремясь наиболее полно передать представление о каком-то могущественном местном божестве, обратился к кругу памятников более раннего времени. Потому созданный им образ, выполненный в традициях греческого искусства, и приобрел эти «странные», на первый взгляд, черты, по-видимому, призванные усилить впечатление, производимое от него, и отличающие «чертомлыкскую деву» от изображений на синхронных памятниках искусства.

В целом же, говоря об изображениях «прорастающих» дев, известных на художественных памятниках, происходящих из других регионов, – Греции, Италии и Малой Азии, в круг которых помещают и происходящие из Северного Причерноморья, интересно было бы проследить развитие этого образа в хронологической последовательности. Такая работа была бы очень полезна для понимания сложения и распространения образа Rankenfrau в античном искусстве. В ряде случаев мы были бы вынуждены принимать датировки, основанные на стилистическом анализе. Однако для находок, происходящих из скифских курганов Северного Причерноморья, в большинстве случаев мы располагаем системой датировок, полученных на основе тщательного и полного анализа вещевых комплексов. Огромная работа в этой области была проделана А. Ю. Алексеевым: разработанные им хронологические системы надежно обоснованы и с успехом привлекаются при создании исторических гипотез и реконструкций, позволяющих приблизиться к пониманию исторических процессов, проходивших в Северном Причерноморье в 1-м тысячелетии до н. э. Погребения в Чертомлыкском кургане принадлежат к последней трети IV в., «узкая дата» этого памятника, вероятно, лежит в пределах 330–310 гг. до н. э. (Алексеев 1981; Алексеев 1986. С. 36; Алексеев 1992. С. 152). Основной же набор вещей относится к 340–320 гг. до н. э. (Алексеев и др. 1991. С. 136). Как уже упоминалось выше, курганы Большая Цимбалка и Толстая Могила были отнесены А. Ю. Алексеевым к 360/350–330/320 гг. до н. э. (Алексеев 1982. С. 33–35; Алексеев 1992. С. 149, 150, 163). Таким образом, даже на первый взгляд представляется очевидным, что «прорастающие» девы из Чертомлыка, Цимбалки и Толстой Могилы принадлежат к ранней группе изображений, демонстрирующих развитие образа и иконографии Rankenfrau. Исследователи, как правило, помещают их в круг аналогий более позднего времени. Композиции, представленные на налобниках из Цимбалки

1

2

Ил. 6. Изображения на стеатитовых печатях из Мохенджо-Даро

1 – «хозяин животных»; *2* – «владычица (?) зверей». Прорисовка М. Ю. Вахтиной

и Толстой Могилы, являются не только достаточно ранними, но и самыми сложными (композиционно и семантически) и «насыщенными» в круге изображений «прорастающих», известных по памятникам античного искусства. «Прорастающая» дева на блюде или тазе из Чертомлыка, композиция которой является не такой сложной, тем не менее имеет своеобразные черты, не находящие аналогий в круге синхронных образов, украшающих памятники греческого искусства. Как мы видим, они были органически включены в это, на первый взгляд, вполне эллинизированное изображение. Очевидно, по ним можно судить об особенностях развития широко распространенной в античном мире схемы в одном из самых отдаленных регионов, которых достигла греческая цивилизация. Полагают, что серебряное блюдо, как и знаменитая амфора из кургана Чертомлык, были изготовлены греческим мастером в одной из северопричерноморских мастерских (Алексеев и др. 1991. С. 123), скорее всего, в одной из мастерских Боспора, и предназначались для аристократической верхушки скифского общества.

Алексеев 1981

Алексеев А. Ю. К вопросу о дате сооружения Чертомлыкского кургана : по керамическим материалам // АСГЭ. 1981. Вып. 22. С. 75–83.

Алексеев 1982

Алексеев А. Ю. Курган Цимбалка и дата его сооружения //СГЭ. 1982. [Вып.] 47. С. 33–35.

Алексеев 1986

Алексеев А. Ю. Нашивные бляшки из Чертомлыкского кургана // Античная торевтика. Л., 1986. С. 64–74.

Алексеев 1992

Алексеев А. Ю. Скифская хроника. СПб., 1992.

Алексеев 2003

Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб., 2003.

Алексеев и др. 1991

Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык : скифский царский курган IV в. до н. э. Киев, 1991.

Антонова 1991

Антонова Е. В. Антропоморфный персонаж на печатях Ирана и Месопотамии // ВДИ. 1991. № 2. С. 3–17.

Бессонова 1983

Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983.

Вахтина 2005

Вахтина М. Ю. Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII–V вв. до н. э. // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 297–397.

Клочко 1982

Клочко Л. С. Скифские налобные украшения VI–III вв. до н. э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982. С. 37–53.

Лордкипанидзе 1978

Лордкипанидзе О. Д. Город-храм Колхиды. М., 1978.

Мачинский 1978

Мачинский Д. А. Пекторали из Толстой Могилы и Великие женские божества Скифии // Культура Востока : Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 131–150.

О раскопках г. Забелина 1866

О раскопках г. Забелина в Новороссийском крае в 1866, 1867 и 1868 гг. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 1866/6.

Опись вещей 1866

Опись вещей из раскопок г. Забелина, поступивших в Археологическую Комиссию // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 1866/6.

Савостина 1996

Савостина Е. А. «Змееногая богиня» – «прорастающая дева» : двусторонний антропоморфный акротерий из Пантикапея // Историко-археологический альманах. Армавир ; М., 1996. Вып. 2. С. 72–85.

Толстой, Кондаков 1889

Толстой И., Кондаков Н. Древности скифо-сарматские // Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889. Вып. 2.

Трейстер 2001

Трейстер М. Ю. Серебряный рельеф с образом «Rankenfrau» из Крыма // Херсонесский сборник. Севастополь, 2001. Вып. 11. С. 143–154.

Чичикова 1983
Чичикова М. Гробница от Свещари // Изкуство. 1983. № 4. С. 18–27.

Шауб 2007
Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб., 2007.

Мозолевський 1979
Мозолевський Б. М. Товста Могила. Київ, 1979.

Amiet 1966
Amiet P. Elam. Paris, 1966.

Andronicos 1984
Andronicos M. Vergina : the Royal Tombs and the Ancient City. Athens, 1984.

Boardman 1970
Boardman J. Greek Gems and Finger Rings : Early Bronze Age to Late Classical. London, 1970.

Deo Prakosh Sharma 2000
Deo Prakosh Sharma : Harappan seals, sealings and copper tablets. New Delhi, 2000.

Marshall 1911
Marshall F. H. Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman in the Department of Antiquities, British Museum. London, 1911.

Mistress of the House… 1996
Mistress of the House, Mistress of the Heaven : Women in Ancient Egypt : cat. of exhibition. New York, 1996.

Piotrovsky et al. 1986
Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. Leningrad, 1986.

Robinson 1941
Robinson D. M. Excavations at Olymthos. Baltimore, 1941. Vol. 10.

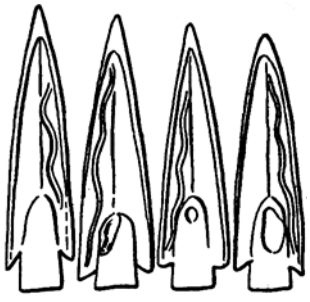
Ustinova 2005
Ustinova Ju. Snake-Limbed and Tendril-Limbed Goddesses in the Art and Mythology of the Mediterranean and Black Sea // Scythians and Greeks : Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC – first century AD). Exeter, 2005. P. 64–79.

Valeva 1995
Valeva Ju. The Sveshari Figurines : an Attempt to Specify Several Hypotheses // Thracia. 1995. Vol. 11. P. 337–352.

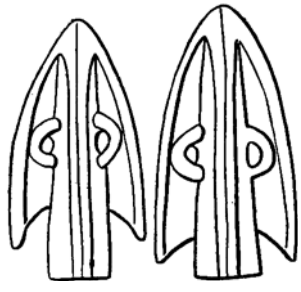
А. В. Вертиенко

СТРЕЛА: ЭТИМОЛОГИЯ ТЕРМИНА И АРХЕОЛОГИЯ

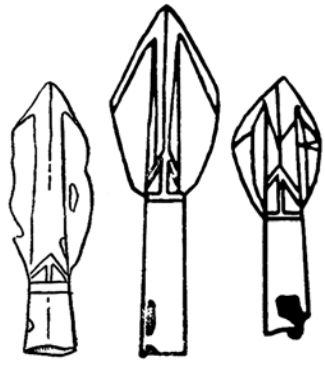
В одной из своих статей А. Ю. Алексеев обратился к проблеме меток на наконечниках стрел кочевников раннего железного века. Особое внимание исследователь уделил символам, которые, на его взгляд, могли иметь отношение к образу *змеи* (Алексеев 2014. С. 5–10). К таковым относятся знаки, изображающие туловище змеи (ил. 1), ее голову со специально обозначенными глазами (ил. 2), а также знаки в виде так называемой птичьей лапы (ил. 3). Последние, по мнению ученого, напоминают окрас головы степной (или песчаной) эфы (*Echis carinatus*) – крайне опасной ядовитой змеи, которая обитает в степной зоне Евразии. Наконечник с подобным знаком мог отождествляться с головой этой змеи (Там же. С. 7, 8).



Ил. 1. «Савроматские» наконечники с метками в виде туловища змеи. Прорисовка А. В. Вертиенко



Ил. 2. «Савроматские» наконечники, имитирующие голову змеи с изображением глаз. Прорисовка А. В. Вертиенко



Ил. 3. Наконечники со знаками в виде так называемой птичьей лапы. Прорисовка А. В. Вертиенко

На основании анализа данного материала А. Ю. Алексеев сделал предположение о возможности существования у скифов представлений об особых «стрелах-змеях», которые могли нести смерть, в частности, благодаря отравленным (змеиным ядом?) наконечникам, которые неоднократно упоминаются у античных авторов[1]. Вероятно, символическая ассоциация стрел со змеями, закрепленная специальными метками

[1] См., напр.: Arist. *Mir.* 141; Thphr. *HP.* 9. 15. 2; Ael. *NA.* 9. 15; Plin. *Nat.* 11. 279; Ov. *Tr.* 3. 10. 65; 4. 1. 75; 4. 1. 84; 5. 7. 15–16; 5. 10. 21–22 (См.: Черненко 1981. С. 122, 123; Алексеев 2014. С. 5, 6).

Ил. 4. Золотой перстень, Пантикапей, IV в. до н. э.
(Государственный Эрмитаж, инв. № ЮО.15)

на наконечниках, должна была магически усилить их смертоносные качества[1]. В этом же контексте, на наш взгляд, следует толковать и изображение на щитке золотого перстня из Пантикапея IV в. до н. э. (ил. 4) (Неверов 1986. С. 147. Рис. 9). На нем показана змея, которая стреляет из скифского сигмаобразного лука, что позволяет усмотреть ту же семантическую линию *лук – стрела – змея – яд – смерть*.

Как нам представляется, гипотеза А. Ю. Алексеева о скифских «стрелах-змеях» может быть дополнена некоторыми этимологическими наблюдениями[2], касающимися терминологии *стрел* в Младшей Авесте. Важным в разрезе данной проблемы может быть описание элементов вооружения *fravaši* – душ воинов-предков или божеств-охранителей, представленное в Яште 13. 45–46:

(45) *aṣ̌āunąm vaŋuhīš sūrå̊ spəṇtå̊ frauuaṣ̌aiiō yazamaide aiiō.xaoδå̊ aiiō.zaiiå̊ aiiō.vərəθrå̊ yå̊ pərətaṇte vərəθraγniiaēṣ̌u raoxṣ̌ni.aiβiδātaēṣ̌u θaxtå̊* ***arəzažīš*** *barəṇtīš hazaŋraγniiāi daēuuanąm* (46) […] *aṣ̌aonąm vaŋuhibiiō sūrābiiō spəṇtābiiō frauuaṣ̌ibiiō θaxtaiiāt parō* ***aŋhuiiāt*** *uzgərəβiiāt parō bāzuβe*

(45) Добрым, сильным, святым
Фраваши праведных поклоняемся,
Которые в шлемах из металла,
С оружием из металла, с броней из металла,
Которые сражаются победоносно,
В светлой одежде,

[1] Следует отметить, что функции меток на стрелах ранних и средневековых кочевников не ограничивались только магией, призванной усилить убойное действие стрелы (Худяков 2004. С. 102–113). Помимо этого, мы можем выделить следующий комплекс функций: номинативную (имя или родительная тамга мастера или стрелка); статусную (маркер высокого социального статуса стрелы, например, с золотым обрамлением); сигнальную (отметки на стреле несут закодированную информацию, в частности, относительно определенных действий в условиях войны или мира); символическую (метки на стрелах указывают на то, что их обладатель имеет властные или дипломатические полномочия); обрядовую (использование стрел с маркированными наконечниками в ритуальных действиях).

[2] Из фольклорных параллелей с этим образом можно указать на русские сказки, в которых Марья-царевна по очереди превращается в различных земноводных и змей, пока не становится стрелой (Калинина 2009. С. 152).

Натянутые **стрелы** несущие,
Тысячу дэвов поражающие.
(46) […] Добрые, сильные, святые
Фраваши праведных
С натянутым **луком**
В распростертых руках[1].

Наше внимание в приведенном фрагменте привлекают два термина – *arəzaži* (в тексте – ж. р., мн. ч., инстр.) и *aŋhū* (в тексте – ж. р., ед. ч., абл.), которые зафиксированы только в этом тексте (Яшт 13. 45–46) и, возможно, имеют значение «стрела» и «лук». Подробно остановимся на этих словах.

Понимание слова ***arəzaži-*** и, соответственно, его перевод, менялись со временем (табл. 1).

Так, Дж. Дармстетер предложил понимать *arəzaži-* как «битва» (The Zend-Avesta 1883. P. 191). В. Каланд на базе санскрита рассматривал его как двухкомпонентное слово, где первая часть *arəz-* выводилась из др.-инд. *arj-* – «сиять», а вторая – *aži-* – понималась как обобщающее слово для обозначения змеи, так как в индийской литературе стрелы часто сравнивались со змеями (Caland 1888. S. 67. Anm. ‚k').

Таблица 1. Некоторые варианты перевода Яшта 13. 45e

Яшт 13. 45e: taxtå arəzaiẑīš barəṇtīš	
Авторы	**Перевод**
J. Darmesteter (1883)	Arraying the battles and bringing them forwards
F. Wolff (1910)	(Die) die gezückten Dolche führen
И. С. Брагинский (1997)	Устремляясь с острыми кинжалами
W. W. Malandra (1983)	Having strung arrows
З. Ф. Харебати (1996/1997)	Натянутые стрелы несущие
P. O. Skjærvø (2007)	Carrying drawn lead-(pointed arrows?)

В словаре К. Бартоломэ *arəzaži-* получило значение «кинжал» (*arəzažay-* – «Dolch»; см.: Bartholomae 1904. Kol. 202), что отразилось в последующих переводах данного текста (Ф. Вольф, И. С. Брагинский и др.). У. У. Маландра полагал, что слово *arəzaži-* может и не означать клинковое оружие, а быть фигуративным или поэтическим обозначением «стрелы» (Malandra 1973. P. 265). В словаре Э. Бахрами *arəzaži* – имеет значение «копье, пика, битва» (Bahrami 1990. P. 115). Рассматриваемый термин не вошел в свод этимологий иранских языков, систематизированный В. С. Расторгуевой и Д. И. Эдельман.

Лексема *arəzaži-* имеет значительное число разночтений (табл. 2)[2]. Вместе с тем именно форму *arəzažiš* можно принять как первичную, поскольку она зафиксирована в наиболее ранних рукописях (F1, E1, Pt1).

[1] Перевод З. Ф. Харебати. Цит. по: Авеста 1997. С. 332, 333.

[2] По данным Geldner 1889; Kotwal, Hintze 2008 и Avestan Digital Archive. URL: http://ada.usal.es (дата обращения: 05.12.2014).

Таблица 2. Варианты разночтений ***arəzažiš*** в рукописях

№	Рукопись	Транслитерация	№	Рукопись	Транслитерация
1	F1 (1591)	*arəzažiš*	7	K13 (?)	*arəzažīš*
2	E1 (1601)	*arəzažiš*	8	K14 (?)	*ərəzažīš*
3	Pt1 (1625)	*arəzažiš*	9	B7 (?)	*arəzaižiš*
4	L18 (1672)	*azažiš*	10	Mf3 (?)	*arəzažīš*
5	P13 (?)	*azažiš*	11	J10 (1832)	*arəzajīš*
6	ML 15286 (1698)	*arəzžīš*	12	H5 (?)	*arəza īš*

Нам представляется справедливым предположение В. Каланда о двухкомпонентности термина ***arəzaži***-, но рассматривать его необходимо через призму иранской лексики. Первый компонент компаундного существительного ***arəzaži***- может происходить либо от иранской основы *****arź***- «расти, увеличиваться» (Расторгуева, Эдельман 2000. С. 229), либо, что более вероятно, от *****arźah***- «битва, сражение» (Там же. С. 230) (***arəza***-; ***arəzah***-; см.: Bartholomae 1904. Kol. 201, 202), а второй компонент – от иранского ***aži***- «змея» (Bartholomae 1904. Kol. 266; Расторгуева, Эдельман 2000. С. 297). Таким образом, это слово можно понимать как «змея для сражения / боевая змея», что метафорически может передавать понятие *стрела*.

Подобную же интерпретацию ***arəzaži***- как «battle-snake» в качестве варианта предложил У. У. Маландра (Malandra 1973. P. 270). Причина же, почему стрелы сравнивались со змеями, с точки зрения исследователя, кроется в частой необходимости ровнять древки (Ibid. P. 269, 270). Подобный изобразительный мотив был известен и в Северном Причерноморье. Отметим изображение воина в персидской одежде, который, по определению Е. В. Черненко, «проверяет прямизну стрелы» (Черненко 1981. С. 23), на пантикапейском электровом перстне IV в. до н. э., обнаруженном в гробнице на горе Митридат (Черненко 1981. С. 25. Рис. 14: *1*; Неверов 1986. С. 147. Рис. 4) (ил. 5).

Для термина ***aŋhū***- также существуют различные варианты переводов (табл. 3). У. У. Маландра выводит его этимологию от индоевропейской основы *****os***- – «кость», базируясь на авестийском прилагательном ***aŋhaēna***- – «сделанный из кости» и на этом основании предлагает трактовать ***aŋhū***- как «композитный лук из рога и сухожилия» (Malandra 1973. P. 268, 269)[1]. Вместе с тем А. С. Николаев предлагает перевод ***aŋhū***- как «тетива» (Nikolaev 2009. P. 462. Fn. 4).

Таблица 3. Некоторые варианты перевода Яшта 13. 46h-i

Яшт 13. 46h-i: ϑaxtaiiāṯ parō **aŋhuiiāṯ** uzgərəβiiāṯ parō bāzuβe	
Авторы	**Перевод**
J. Darmesteter (1883)	With their hearts prepared and their arms uplifted
F. Wolff (1910)	Bevor (noch) das Schwert gezückt, bevor noch mit dem Armen ausgeholt (ist)
W. W. Malandra (1983)	Before the bow has been strung, before it has been raised with both hands
З. Ф. Харебати (1996/1997)	С натянутым луком в распростертых руках

[1] Поскольку в Яште 13. 46 при использовании этого оружия задействованы обе руки, такое понимание представляется обоснованным.

Ил. 5. Электровый перстень, Пантикапей, IV в. до н. э.
(Государственный Эрмитаж, инв. № П. 1854.26)

Возможно, термин ***aŋhū-*** является производным от авестийского глагола ***ah-*** «бросать, метать» (Bartholomae 1904. Kol. 279), или же его нужно выводить из индоевропейского существительного ****ahu-*** – «боевой нож; меч»[1] (изначально «метательный нож»?), как предлагают В. С. Расторгуева и Д. И. Эдельман (Расторгуева, Эдельман 2000. С. 95). По мнению Г. Бейли, к др.-перс. корню ***ah-,*** возможно, восходит осетинское ***æxsyn***, где ***æxst*** переводится как «стрелять, метать» (Bailey 1979. P. 13). При этом В. И. Абаев соотносит данный осетинский термин с согдийским {***βr'xS-***} [****frāxš-***] – «стрелять из лука» (Абаев 1958. С. 221, 222), что поддержали В. С. Расторгуева и Д. И. Эдельман (Расторгуева, Эдельман 2000. С. 94, 95). По нашему мнению, термин ***aŋhū-*** связан с понятием *лук*, и под ним, скорее всего, следует усматривать костяные накладки на плечи композитного лука (но не сам лук).

Также отметим, что именно *лук* и *стрелы* выступают оружием, присущим различным обитателям и духам Иного мира в мифологии и фольклоре различных иранских народов (Вертієнко 2014. С. 31, 32).

Для полноты обзора сжато рассмотрим другие лексемы, которые связывают с понятием *стрела*[2].

Термин ***išu-*** (Bartholomae 1904. Kol. 374 (***išav-***); Расторгуева, Эдельман 2000. С. 126) является наиболее распространенным в Младшей Авесте для обозначения стрелы (табл. 4).

[1] В 1904 г. перевод ***aŋhū-*** как «меч» (Schwert) предложил К. Бартоломэ (Bartholomae 1904. Kol. 110). Термин ***aŋhū-*** был использован Ю. Покорным для реконструкции общеиндоевропейского слова «меч» (*[***e***]***ŋsi***) (Pokorny 1959. S. 771), а в 1984 г. он уже приводится в этом значении в исследовании Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова (Гамкрелидзе, Иванов 1984. С. 739). От этого реконструированного *[***e***]***ŋsi*** предположительно происходит латинское Ensis – «железный меч (?)», этимологию которого выводят из др.-инд. asi-. Употребление последнего зафиксировали только в поздних мандалах Ригведы (I и X), где он переводится как «(черный/железный) нож» или «жертвенный нож, меч» (Nikolaev 2009. P. 462). Тем не менее, возможно, понятие *меч* не существовало в лексике Ригведы, что объясняется отсутствием технологии для выковки длинных лезвий на соответствующем этапе истории (Malandra 1973. P. 266, 267).

[2] Ср. также: Литвинский 1972. С. 92, 93.

Таблица 4. Употребление *išu-* в Младшей Авесте

Транслитерация	Перевод	Источники
iš̨auuō	стрела	Яшт 1. 18
iš̨uš x^{v}āθaxtō	стрела, хорошо натянутая	Яшт 13. 72; Видевдат 4. 49; Видевдат 9. 46
iš̨aoš para.paθβatō	стрела, далеко летящая / пущенная	Яшт 10. 24
iš̨auuō ərəzifiiō.parəna	стрела с орлиным оперением	Яшт 10. 101 (Яшт 10. 39; Видевдат 17. 9)
iš̨unąm kahrkāsō.parnanąm zaraniio.zafrąm	стрелы с оперением стервятника / грифа, с золотыми пастями	Яшт 10. 129
iš̨uua.vasma	стрелы полет	Яшт 14. 20
xš̨uuiβi.iš̨uš	тот, чьи стрелы быстры / стрелок	Яшт 8. 6 (Яшт 10. 102; Яшт 17. 12)

С ним связаны термины, которые характеризуют тип оперения стрелы (из пера орла[1] и стервятника (хищной птицы[2])), ее качественные характеристики (*iš̨uš x^{v}āθaxtō, iš̨aoš para.paθβatō*) и меру расстояния (*iš̨uua.vasma*; см.: Расторгуева, Эдельман 2000. С. 126). Как компонент это слово выступает в сложносоставном существительном *xš̨uuiβi.iš̨uš* – «тот, чьи стрелы быстры» (Bartholomae 1904. Kol. 563 (*xšviwi.išav-*); Расторгуева, Эдельман 2000. С. 126), «обладающий быстрыми стрелами» (Авеста 2005. С. 164. Прим. 3), которое является эпитетом Эрехша – мифического стрелка из лука в Яште 8. 6. Традиционно *xš̨uuiβi.iš̨uš* переводят как «стрелок» (Bartholomae 1904. Kol. 563 (Pfeilschütze); Авеста 1997. С. 252; Авеста 2005. С. 164, 165). Интересно отметить, что прилагательное *xš̨uuaēβa-* – «двигающаяся быстро, плавно»[3] применено для описания змеи в Видевдате 18. 65 (*ažaiiō xš̨uuaēβåŋhō*) (Bartholomae 1904. Kol. 561, 562; Malandra 1973. P. 269). Этимология *išu-* может восходить к глаголу *^{2}aēš-* – «быстро, стремительно двигаться, спешить» и т. п. (Расторгуева, Эдельман 2000. С. 126).

Следующий термин, который считают обозначением «стрелы» – ***tiγri-*** (Bartholomae 1904. Kol. 651 (*tiγray-*)). Это слово использовано только один раз в Яште 8. 6. Здесь оно связано с прилагательным «парящий», и именно эту стрелу запускает самый лучший арийский стрелок Эрехш. Этимология *tiγri-* восходит к *tiγra-* – «острый» (Bartholomae 1904. Kol. 651; Соколов 1964. С. 326, 327). Следует отметить, что именно *tigr-* используется для обозначения «стрелы» в пехлевийских текстах (MacKenzie 1986. P. 83).

С понятием *стрела* связывают реконструированную древнеиранскую основу ****pāθa-*** (Malandra 1973. P. 275), от которой выводят осетинское *fat-* – «стрела» (Абаев 1958. С. 424, 425). Существование такого термина в авестийском языке незафиксировано, но в древнеиранском вероятно. С этимологией ****pāθa-*** могут быть связаны слова *paθ-* – «стрелять» и *paθ-* – «путь» (Malandra 1973. P. 275).

[1] Ср.: Ригведа 1999а. С. 176 (РВ VI. 75, 11).

[2] См.: Авеста 1997. С. 305. Прим. 2.

[3] «Sich rasch schwingend, schnellend» (Bartholomae 1904. Kol. 560), «moving quickly (in crooked or lashing manner)» (Malandra 1973. P. 269).

Лексему ***pauruuan-*** также пытались переводить как «стрела» в Яште 13. 99 (ср.: Bartholomae 1904. Kol. 870, 871, 873). Такое значение в 1961 г. было предложено Г. Бейли, который исходил из использования его в одном контексте с «луком» (?) (*druca-*)[1] (цит. по: Malandra 1973. P. 275), но это мнение не получило поддержки. Что же касается этимологии, то, возможно, *pauruuan-* является дериватом от **par-* – «парить, лететь в воздухе» (Ibid.).

В Яште 10. 113 один раз использован термин ***ašti-***, в котором усматривают значение «стрела» (Bartholomae 1904. Kol. 261 (*aštay-*); Malandra 1973. P. 271). Вместе с тем другим переводом *ašti-* будет «мера длины в четыре пальца» (Расторгуева, Эдельман 2000. С. 252; ср.: Соколов 1964. С. 221). В то же время, исходя из этимологии *ašti-* от инд.-евр. основы **aṣṭá-* «четыре» (Mayrhofer 1992. S. 142, 143) и контекста, мы можем предположить, что речь идет о позиции рук при натянутом луке, которая составляет *четыре локтя*.

Еще одним словом, для которого, начиная с К. Бартоломэ, предлагалось значение «стрела», является ***suβrā-*** (Bartholomae 1904. Kol. 1583; Malandra 1973. P. 284). Наряду с *aštrā-, suβrā-* назван одним из орудий (*zaiia-*) (Bartholomae 1904. Kol. 166) Йимы в Видевдате 2. 6. Используя *aštrā* и *suβrā*, Йима трижды расширил землю[2]. Впрочем, «стрела» – далеко не единственный вариант перевода для *suβrā-*[3].

Помимо этого, в лексике Младшей Авесты зафиксировано два термина, которые связаны с понятием стрелы посредством качественных двусоставных прилагательных.

В Видевдате 14. 9 при описании содержимого колчана (*akana-*) указано, что в нем помещено тридцать ***aiiō.aγrāiš*** – букв. «металлически-наконечных»[4]. Данное компаундное прилагательное, возможно, использовано в качестве аллегории стрел (Bartholomae 1904. Kol. 162; Malandra 1973. P. 268). Аналогичный эпитет стрелы (*áyoagrayā*) зафиксирован в Ригведе X. 99, 6 (Malandra 1973. P. 268)[5].

Другую аллегорию, но уже *наконечника стрелы*, находим в Яште 10. 129. Здесь это понятие выражено прилагательным ***zaraniiō.zafar-***, которое переводят как «златоустый» (Malandra 1973. P. 284, 286; Авеста 1997. С. 305)[6]. Как и предыдущий пример, это прилагательное находит аналогию в Ригведе, где наконечник также сопоставляется с *устами* (Ригведа VI. 75, 15)[7]. Вместе с тем *zafar-* можно понимать и как «пасть» (Bartholomae 1904. Kol. 1657 (Maul)), что может придать переводу несколько иное значение – «с золотой *пастью*» (Bartholomae 1904. Kol. 1680 (mit goldenem Maul); Авеста 1997. С. 305. Прим. 1). Исходя из того, что именно термин *zafar-* использован при описании Ажи-Дахаки[8], можно предположить, что в прилагательном *zaraniiō.zafar-* под *zafar-* подразумевается именно *змеиная пасть*, которая без дополнительного прилагательного могла указывать, что наконечник стрелы является отравленным. Это вновь возвращает

---

[1] Заметим, что в сарматском языке лук, вероятно, связывался с термином *drauna-* (см.: Расторгуева, Эдельман 2003. С. 362).

[2] См.: Видевдат 2. 6, 10, 14, 18.

[3] Так, предлагались переводы «плуг», «палка», «кольцо/венок», «стрекало», «кайло», «рожок». См. подробнее: Вертиенко 2014. С. 57, 58.

[4] Само слово «стрелы» в тексте опущено.

[5] «(Трита) убил кабана стрелой с железным наконечником» (перевод Т. Я. Елизаренковой). См.: Ригведа 1999б. С. 252.

[6] В. С. Соколова понимает буквально – «с золотыми наконечниками» (Авеста 2005. С. 339).

[7] «Та, что обмазана ядом, чья голова-олень, / А чьи уста – железо, / Божественной стреле из семени Парджаньи / Это высокое поклонение!» (перевод Т. Я. Елизаренковой). См.: Ригведа 1999а. С. 176.

[8] Эпитет *θrizafan-* – «трёхпастый» (Ясна 9. 7–8; Яшт 5. 29, 34; 14. 40; 15. 19; 19. 37, 47, 49, 50) (Bartholomae 1904. Kol. 810, 811).

нас к семантической линии *стрела – змея*, материализацию которой мы видим в археологическом материале скифского мира.

Таким образом, рассмотренная в статье этимология слова «стрела» в авестийском языке позволяет подтвердить существование семантической линии, отождествляющей стрелы со змеями. Подобная связь прослеживается в метафорических образах *стрелы* (***arəzaži-***) и ее наконечника (***zaraniiō.zafar-***). Это позволяет верифицировать отмеченные А. Ю. Алексеевым представления об особых «стрелах-змеях» у ираноязычных кочевников Евразии.

Абаев 1958
Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1958. Т. 1.

Авеста 1997
Авеста в русских переводах (1861–1996) / сост., общ. ред., прим., справ. разд. И. В. Рака. СПб., 1997.

Авеста 2005
Авеста [древнейший памятник культуры Ирана] / опыт морфологической транскрипции и пер. В. С. Соколовой ; подг. материалов к изданию и ред. И. А. Смирновой. СПб., 2005.

Алексеев 2014
Алексеев А. Ю. Стрелы-змеи у ранних кочевников Евразии // Война и военное дело в скифо-сарматском мире : мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). Ростов-н/Д., 2014. С. 5–10.

Вертиенко 2014
Вертиенко А. В. Младоавестийский термин ***aštrā-*** – нарративный контекст и визуальный образ // Доісламський Близький Схід: історія, релігія, культура / під ред. М. О. Тарасенка. Київ, 2014. С. 55–62.

Гамкрелидзе, Иванов 1984
Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы : реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 ч. Тбилиси, 1984. Ч. 2: Семантический словарь общеиндоевропейского языка и реконструкция индоевропейской протокультуры.

Калинина 2009
Калинина И. В. Очерки по исторической семантике. СПб., 2009.

Литвинский 1972
Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.

Неверов 1986
Неверов О. Я. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья // Античная торевтика / отв. ред. Н. Л. Грач. Л., 1986. С. 17–27.

Расторгуева, Эдельман 2000
Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1: a–ā. М., 2000.

Расторгуева, Эдельман 2003
Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 2: b–d. М., 2003.

Ригведа 1999а
Ригведа. Мандалы V–VIII / пер., коммент., статьи Т. Я. Елизаренковой. М., 1999.

Ригведа 1999б
Ригведа. Мандалы IX–X / пер., коммент., статьи Т. Я. Елизаренковой. М., 1999.

Соколов 1964
Соколов С. Н. Язык Авесты. Л., 1964.

Худяков 2004
Худяков Ю. С. О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 102–113.

Черненко 1981
Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981.

Вертієнко 2014
Вертієнко Г. В. Що за зброя у *фраваші* (*Яшт* 13, *45–46*)? // XVIII Сходознавчі читання А. Кримського : тези доповідей міжнародної наукової конференції, м. Київ, 17–18 жовтня 2014 р. Київ, 2014. С. 31, 32.

Bahrami 1990
Bahrami E. Dictionary of the Avesta : 3 vol. / ed. by F. Joneydi. Teheran, 1990. Vol. 1.

Bailey 1979
Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979.

Bartholomae 1904
Bartholomae Ch. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.

Caland 1888
Caland W. Über Totenverehrung bei einigen der Indo-Germanischen Völker / Verhandelingen der

Koninkijke Akademie van Wetenschappen. D. 17. Amsterdam, 1888.

Geldner 1889
Geldner K. F. Avesta : The Sacred Books of the Parsis. Stuttgart, 1889. Vol. 2: Vispered and Khorda Avesta.

Kotwal, Hintze 2008
Kotwal F. K., Hintze A. The Khorda Avesta and Yašt Codex E1. Wiesbaden, 2008.

MacKenzie 1986
MacKenzie D. N. A Concise Pahlavi Dictionary. London, 1986.

Malandra 1973
Malandra W. W. A Glossary of Terms for Weapons and Armor in Old Iranian // Indo-Iranian Journal. 1973. Vol. 15(4). P. 264–289.

Malandra 1983
Malandra W. W. An Introduction to Ancient Iranian Religion : Readings from the Avesta and Achaemenid Inscriptions. Minneapolis, 1983.

Mayrhofer 1992
Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Heidelberg, 1992. Bd. 1.

Nikolaev 2009
Nikolaev A. The Germanic Word for 'Sword' and Delocatival Derivation in Proto-Indo-European // Journal of Indo-European Studies. 2009. Vol. 37(3). P. 461–488.

Pokorny 1959
Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern ; München, 1959. Bd. 3.

Skjærvø 2007
Skjærvø P. O. Introduction to Zoroastrianism. Harvard, 2007.

The Zend-Avesta 1883
The Zend-Avesta : Part 2: The Sîrôzahs, Yasts, and Nyâyis / trans. by J. Darmesteter. Oxford, 1883. (The Sacred Books of the East ; 23).

Wolff 1910
Wolff Fr. Avesta : Die Heiligen Bücher der Parsen. Strassburg, 1910.

Н. А. Гаврилюк, Н. П. Тимченко

ПЕКТОРАЛЬ ИЗ ТОЛСТОЙ МОГИЛЫ КАК ОБЪЕКТ И СРЕДСТВО НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

…Ионизм не довольствовался архаически-условными схемами;
эти схемы он пытается оживить,
внести в них реализм повседневной жизни,
реализм бытовой и этнографический

М. И. Ростовцев, 1912

В статье речь пойдет о золотом ажурном трехъярусном нагруднике (далее – Украшение или Пектораль, ПТМ) из кургана Толстая Могила. Это одна из самых известных находок из погребений скифской знати, исследованиями которых, в том числе полевыми, активно занимался А. Ю. Алексеев.

Ознакомление с «пектораликой», которой посвящены десятки статей, показывает, что одним из нерешенных вопросов остается семантика Пекторали[1].

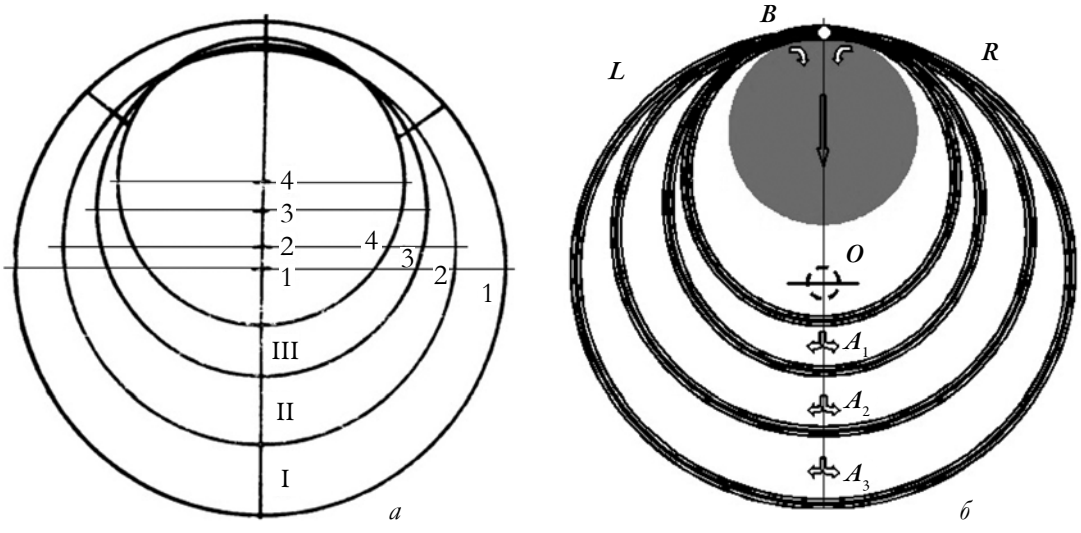
Конструктивная схема золотой пекторали из кургана Толстая Могила представлена на ил. 1. Существует несколько описаний ПТМ. Самое детальное составлено Б. Н. Мозолевским (Мозолевський 1979. С. 73–93, 213–226)[2] – первооткрывателем Пекторали, остающимся на сегодняшний день наиболее квалифицированным ее исследователем. Мы в основном будем придерживаться описания Б. Н. Мозолевского и принятой им терминосистемы, лишь в некоторых случаях введем несколько новых понятий, терминов и схем. Пектораль (наружный диаметр 30,6 см) представляет собой каркас из четырех витых пустотелых жгутов, свернутых в кольца почти правильной круговой формы.

---

[1] Одной из причин такой ситуации могло стать то, что значительная часть исследований проведена до выхода в свет книги А. Ю. Алексеева (Алексеев 2003). Это обстоятельство очевидным образом сказалось на адекватности представлений о политической истории скифской и античной общностей, использованных в предшествующих статьях о Пекторали. Монография отличается структурированием первичной археологической информации, аналитически обработанной с привлечением методов естественных и смежных наук; подчеркнуто фактографическим характером исследования и изложения фактов скифской истории (авторская позиция проявляется только при обобщении материала); многочисленными компаративными и синхронистическими таблицами; объемистой базой данных по относительным и абсолютным датировкам; многомерностью исследования (каждая категория – украшения, оружие, погребальный обряд, керамика и т. д. – изучена с глубиной настоящего специалиста). В результате представлена убедительная концепция двух Скифий и феномена скифской истории IV в. до н. э.

Все это позволяет говорить не о хронографии, а все-таки о представленной в работе А. Ю. Алексеева истории Степной Скифии. В данной статье мы часто обращаемся к этому труду, одновременно и детально-скрупулезному, и интегральному с широким кругом обобщений.

[2] Перевод цитат из монографии Б. Н. Мозолевского, а также из других украиноязычных источников принадлежит авторам настоящей статьи.



Ил. 1. Схема построения ПТМ

а – по Раевскому; *б* – идеализированная модель (стрелки – направления контуров обхода. *L* – левое крыло; *R* – правое крыло. Равномерной заливкой выделена проекция зоны шеи. A_1, A_2, A_3 – точки ветвления направлений обходов на верхнем, среднем, нижнем ярусах. *O* – положение подключичной артерии. Стрелками показаны пути осмотра Пекторали по двум контурам. Прорисовка Н. А. Гаврилюк

Эти кольца эксцентрично вписаны друг в друга и размещены на одной вертикальной оси таким образом, что верхние дуги всех четырех колец смыкаются. Образовавшиеся между кольцами три «лунообразных» сегмента новаторски использованы для создания трех декоративных композиций (фризов, ярусов), выполненных в смешанной технике горельефа и круглой мини-скульптуры (Мозолевський 1979. С. 73–93).

Мы солидарны с традиционной точкой зрения о том, что «есть все основания считать, что украшение было изготовлено в одном из античных центров Северного Причерноморья, скорее всего в Пантикапее» (Там же. С. 231). Также считаем, что мастерская, в которой была создана Пектораль, функционировала в период расцвета как Боспорского царства, так и Степной Скифии в IV в. до н. э. При этом о ПТМ судим как о шедевре античного искусства поздней классики.

Остановимся далее на рассмотрении тех особенностей Пекторали, которым пока уделялось недостаточное внимание исследователей. Изучив ПТМ как объект и средство невербальной коммуникации, можно понять ее функцию. Необходимо еще раз обратиться к изучению особенностей композиции горельефов и сюжетов ПТМ, персонификации и иранизме ее героев, влияния иранской и античной художественных традиций, некоторым объективным характеристикам ПТМ. Также мы попытаемся рассмотреть ПТМ в контексте скифо-боспорских отношений, в том числе дипломатических.

1. Пектораль – средство невербальной коммуникации. Пектораль как «особая форма нагрудных украшений, совсем не связанная с военным снаряжением» (Там же. С. 214), предназначена для зрительного восприятия и формирования у адресата-зрителя

соответствующих коммуникативному замыслу адресанта-творца «образа, масштаба, пропорции, ритма, размера, пластики, фактуры и цвета поверхностей, силуэта… и, наконец, композиционного единства» (Лесная 2008. С. 14).

ПТМ имеет главную точку обозрения. Она расположена примерно на уровне глаз, по линии, перпендикулярной верхней части плоскости груди. В этом «рабочем положении» сторонний наблюдатель в состоянии разглядеть и оценить лишь форму, габариты, богатство материала и художественного воплощения. Восприятие композиции, содержание сцен доступно в общих чертах. Для более глубокого ознакомления с Пекторалью, «прочтения» «заголовков» и «рубрик» ее невербального текста необходимо сузить поле зрения. Для этого надо сначала опуститься на макроуровень, где становится доступной архитектоника Пекторали – членение ее по вертикали (на три луновидных фриза) и по горизонтали (на левый и правый контуры обхода или, как будет сказано ниже, левое и правое крылья). На этом уровне вырабатывается эмоциональная и информационно-познавательная оценка Пекторали.

Постижение Пекторали со следующей – микроуровневой – точки зрения в свою очередь дает зрителю новую, скрывающуюся в деталях информацию.

Обобщение материалов, полученных на всех уровнях, позволяет предложить дискурсивный вариант дешифровки невербального текста, содержащегося в ПТМ. В табл. 1 представлена последовательность изложенных действий погружения в мир ПТМ – от дальнего плана к ближнему. Соответственно трем уровням обозрения весь массив прижизненных коммуникативных адресатов ПТМ можно разделить на три круга:

– дальний круг (народ, войско, сборы – похоже на курултай, парад, большую охоту, смотры у тюркских кочевников);

– средний круг (совет, торжественный прием);

– близкий круг («свои» – члены семьи, ближайшие советники и помощники).

Современные коммуникативные адресаты ПТМ также составляют несколько групп – исследователи, посетители выставок и музеев, пользователи массмедиа и т. д.

Техника рельефа, в которой выполнена ПТМ, в отличие от других видов скульптуры, позволяет отобразить большие группы людей и животных. На ПТМ, изготовленной из более чем 100 деталей (Манцевич 1980. С. 100), изображено около 50 животных и действующих лиц. На пекторали из Большой Близницы, которая, по мнению Б. Н. Мозолевского, является «единственной прямой аналогией» ПТМ (Мозолевський 1979. С. 214), кроме семи коз, двух овец, двух пар собака-заяц, представлен еще и пейзаж с условными деревьями. В классической скульптуре пейзаж, как правило, отсутствует.

Характерным точкам и участкам «топологической» схемы Пекторали присвоены буквенные обозначения. ПТМ строго зеркально симметрична по вертикальной оси, которая акцентирована центральными сценами на каждом ярусе Пекторали, а также геометрическим местом мнимого стыка на продолжениях линий ярусов. Квазиконцентрические линии границ ярусов прогрессивно (при движении от центральной части ПТМ) сходят «на нет» (точка ***B***). На верхнем ярусе центральный сюжет составляют два скифа с овчиной (козлиной?); на среднем – «раскидистый куст с большими рубчатыми листьями, от которого в обе стороны до конца яруса тянутся волнистые ростки аканфа» (Там же. С. 83); на нижнем – сцены охоты грифонов. В точке ***B*** осуществляется также сопряжение шеи и Украшения.

Таблица 1. Точки и поля обозрения ПТМ, содержание их структурной и композиционной частей

Точка или уровень обозрения	**Поле обозрения**	**Краткое толкование, неполное описание, некоторые функциональные и характерные признаки, отдельные примеры**
1. Главная	Пектораль ⇓	Аналогов не имеет
	Три фриза ⇓	Аналогов золотой пекторали такой сложной конструкции (с шарнирами), веса и, самое главное, класса художественного решения пока не найдено
2. Макро-уровень	Фриз ⇓	Страны: кочевого благоденствия; безлюдья; запредельная
	Полуфриз ⇓	«Раскадровки» мирных и охотничьих сцен
3. Микро-уровень	Скульптурные группы ⇓	«Дуумвират», сцены кормления, доения, терзания, гона собаки и зайца, «сидения» кузнечиков
	Мини-скульптурки ⇓	«Швец» («дуумвир»), «дояр», кобылица, корова, овца, коза, козленок, птицы, конь, грифоны, лев, леопард, собака, заяц, кузнечики
	Детали мини-скульптурок	Горит, повязка у «швеца», следы ремонта лошади для придания ей признаков пола, лепной горшок, указательный палец

У Пекторали отсутствует явный композиционный центр и она несимметрична относительно горизонта. Центры колец круглой формы лежат на вертикальной оси со смещением относительно друг друга. Также можно выделить центр, обусловленный положением шеи носителя Пекторали. Вспомнив об апотропической принадлежности ранних пекторалей, можно найти еще один центр (обозначен точкой ***O***), связанный с уязвимой зоной в грудной клетке – местом прохождения подключичной артерии. Если эту артерию перебить стрелой или кинжалом, человек изойдет кровью за считанные минуты[1]. Последовательность погружения в ПТМ, в соответствии с табл. 1, можно изобразить так: Пектораль ⇒ три фриза ⇒ фриз ⇒ полуфриз (левый и правый) ⇒ скульптурные группы ⇒ мини-скульптурки ⇒ детали мини-скульптурок.

2. Особенности горельефов ПТМ. Одним из результатов изучения особенностей горельефов Пекторали будет то, что появятся первичные материалы для распознавания визуального текста, или «фигуративного языка», по Е. А. Савостиной (Савостина 2011), в боспорской торевтике, ориентированной на скифское население.

Рассмотрение начнем *с верхнего яруса*. Он разбит вертикальной осью на две зеркально симметричные части, или два полуфриза. Обе части горельефа – левая и правая – содержат одинаковые парные наборы, состоящие из мини-скульптурок «швеца», лошади с жеребенком, коровы с теленком, «дояра», козы с козленком, птицы (утка – левая часть фриза, сокол – правая). Кроме двух человеческих персонажей («швеца», «дояра»), горельеф заполнен фигурками (исключительно *самками*) домашнего скота и обязательно с детенышами. Животные изображены с анатомическим совершенством. Очевидно,

[1] Апотропеями служили изображения Медузы на фризах ранних античных храмов (см., напр., Montuoro 1925. P. 345).

их пол для адресанта (авторов и заказчиков) являлся принципиальным. Требование к точности было настолько высоко, что, вероятно, случайно изготовленная не кормящей и без женских половых признаков (и даже скрывшая их поднятой ногой) фигурка лошади в левой части была исправлена: «По общему замыслу композиции верхнего яруса здесь должна быть помещена кобылица, однако животное отлили без всяких признаков пола. Чтобы исправить положение, вымя было отлито отдельным монолитом и прикреплено под животом с помощью стержня. На правом бедре животного для крепления детали прокололи небольшую дырочку. Ниже анального отверстия, уже после литья, было пробито довольно большое круглое отверстие, что, вероятно, должно было имитировать половую щель кобылы» (Мозолевський 1979. С. 87). Ее насытившийся жеребенок, с повернутой к зрителю головой и подогнутыми ножками, лежит на боку под головой матери.

Состав, начало и порядок построения животных на каждой (левой и правой) части верхнего фриза также одинаковый. Осмотр начинается с фигурки «швеца», сидящего спиной к хороводу животных и лицом к своему собеседнику. Таким образом, движение в левой части ПТМ однозначно ориентировано по часовой стрелке, в правой, столь же строго, – против часовой. Складывается впечатление, что между обоими «швецами» помещена точка «семантического» разрыва, при попадании в которую и при выходе из которой происходит кардинальная смена течения событий.

«Швецы», конечно, первые фигуры на ПТМ. О них известно мало. Ясно, что по социальному положению они почти равны. Пока не достигнут консенсус относительно интриги этого сюжета. Имея в виду социальную равновеликость и этнокультурную однородность «швецов», условно обозначим их как «дуумвиров», подразумевая «управление» как очевидный род их занятий. Возможно, «швецы» на паритетных или почти паритетных условиях возглавляют порученное, приобретенное или наследованное дело.

Несмотря на смену на 180 градусов ориентации животных в середине фриза (в точке A_1), хоровод животных на этом композиционном уровне сохраняет свою неразрывность и показывает непрерывность сюжета на всем отрезке фриза, фланкированном изображениями птиц – утки и сокола, то есть от самой левой до самой правой частей фриза. Непрерывность поддерживается внутренней упорядоченностью расположения животных. Кажется, исследователи еще не отмечали наличия особого сквозного внутреннего ритма в дефиле домашнего скота на ПТМ. Этот ритм четко отбивают (темперируют) сцены кормления на обеих частях верхнего фриза, сцены которые в правильном порядке «через раз» чередуются со сценами «некормления», когда жеребята или телята, насытившись, уже не сосут маток. При этом сцены на левой и правой частях Пекторали при неизменности своего «спектрального» (лошадь, крупный и мелкий рогатый скот повернуты головами, соответственно, либо вправо, либо влево) состава сдвинуты на один шаг: «отдыхающая» от кормления кобылица с лежащим жеребенком в левой части сменяется кобылицей (то есть «кормящим» животным), но уже с сосущим жеребенком, затем ее сменяет корова с лежащим рядом, то есть несосущим теленком, и так вплоть до изображений мелкого рогатого скота, на которых чередование «кормящая-некормящая матка» заканчивается. Этому есть простое объяснение: подсосный период у ягнят и козлят короткий, через три месяца их уже отлучают от материнского молока. На ПТМ показаны кочевники, получающие молочный продукт в полном

объеме: первый дояр (справа) доит овцу, сцеживая молоко в лепной горшок, второй – закончил доение и закрывает (?) сосуд (амфору) пробкой.

Таким образом, изображения, на которых равномерно чередуются сцены кормления, объединяют оба полуфриза в единый фриз, даже несмотря на то, что фигуры животных «расходятся» от центра (в точке A_1). В целом, непрерывное визуальное ритмическое повторение почти одних и тех же скульптурных групп и чередование сцен в левом и правом полуфризах ПТМ обеспечивают единство сюжетной композиции верхнего фриза.

Картина на верхнем фризе носит статичный характер. Почти все ее персонажи находятся в позах, статуарность которых незначительно нарушается разве что жестами людей, их неэкспансивной, даже флегматичной мимикой; у животных – отдельными поворотами голов, подниманием задней ноги, чтобы почесаться, «приседанием» коз. Статика визуального ряда на верхнем ярусе незначительно изменяется только на самых его концах, где помещены две птицы (утка и сокол). Они изображены с поднятыми крыльями. Если птицы только что прилетели, значит, степень статичности верхнего фриза усиливается. И наоборот, если птицы собираются улетать и покинуть это идиллическое место, то подчеркнуто уравновешенная картина спокойного и миролюбивого края чуть нарушается. Возможен и такой вариант прочтения, при котором сокол прилетает, а утка улетает, но равновесие в картине не нарушается.

В целом на верхнем ярусе ПТМ показана картина благополучного мирного края, где скот дает обильный приплод.

Средний ярус характеризуется почти неодушевленным, физически организованным покоем. Для того чтобы это выразить, используется сложный растительный орнамент с аканфом и несколькими цветками и усиками (Мозолевський 1979. С. 83). Здесь практически отсутствует движение. Это пустынное пространство покинуто людьми и животными и лишено какого-либо характерного наполнения. Несколько птиц только подчеркивают бестелесность и воздушность этого яруса. Ориентиром в этом просторе служит куст аканфа, расположенный по вертикальной оси. Возможно, этот фриз символизирует бескрайность и безлюдность Великого пояса степей, разделившего страны, представленные на верхнем и нижнем ярусах ПТМ, когда попасть из верхнего в нижний можно только через бесконечный степной простор. Возможно, только птицы способны преодолеть этот простор или совершить далекий «перелет» из среднего и верхнего ярусов. Недаром утка и сокол замыкают верхний ярус, а в среднем единственными представителями нерастительного мира являются птицы. Статус фриза прояснится после анализа нижнего яруса.

На *нижнем ярусе* сохраняются некоторые композиционные приемы, аналогичные верхнему. Так, заполнение нижнего фриза осуществляется от середины к концу, и горельеф распадается на два – левый и правый – полуфриза, но на этот раз безлюдные. При этом два парных набора животных, но уже диких, по-прежнему создают, как писала А. П. Манцевич, «уравновешенную *по массе* (курсив наш. – *Н. Г., Н. Т.*) картину» (Манцевич 1976. С. 93).

По экспрессивности визуальный ряд нижнего яруса противоположен верхнему фризу. Покой здесь уже отсутствует. Он сохранился разве что на рогах фриза, где представлены пары кузнечиков голова к голове (по заключению энтомологов – самки и самцы) (Мозолевський 1979. С. 83). Но и те обладают, по выражению

В. Ю. Михайлина, «пружинной неподвижностью …готовностью к мгновенному и дальнему прыжку» (Михайлин 2005. С. 170).

Картина нижнего фриза полна динамики, энергетики. Но сохраняется ритмическое повторение почти одинаковых скульптурных мини-групп, видовой состав которых представлен в основном дикими крупными животными. Два льва и два леопарда настигли оленя и вепря. Фантастические существа[1] – грифоны (три пары) – терзают трех диких лошадей. При этом хищники «имеют яркие признаки мужского пола, тогда как пол всех жертв, за исключением дикого кабана, не обозначен из-за своеобразия их поз» (Мозолевський 1979. С. 83).

Здесь доминируют триадные группы «двое хищников на одну жертву». Сцена троекратно повторяется группой из двух грифонов и терзаемой ими лошади; двукратно – парой лев-леопард, расправляющихся в ходе успешной охоты, соответственно, с вепрем и оленем. Почти все жертвы (две лошади, олень, кабан) ищут спасения в направлении к середине яруса. Это направление противоположно ориентации зверей на верхнем фризе. Только лошадь из центральной группы ориентирована в направлении от середины фриза. Возможно, автор ПТМ хотел этим намекнуть на существование главного вектора Пекторали, который совпадает с движением по часовой стрелке. В сценах охоты оба льва нападают сзади, а леопарды неожиданно возникают перед жертвой. В точке разрыва A_3 противоположная, на 180 градусов, смена ориентации фигур *по* часовой стрелке и *против* справедлива только для бегущих к концам фриза пар «собака-заяц», в отличие от поведения *всех* без исключения фигур на верхнем фризе.

Но сюжетное единство композиции нижнего фриза по-прежнему обеспечивается рефренами, состоящими из ритмичного чередования сцен (но на этот раз – полных энергии атаки и сопротивления) в левом и правом полуфризах ПТМ.

На нижнем ярусе можно увидеть аллегорию неведомых стран, представления о которых, возможно, порождены сведениями из Геродота, например, о Рипейских горах. Таким образом, не исключено, что нижний уровень ПТМ иллюстрирует Геродотов нарратив о стражах золота грифонах – обитателях Рипейских гор – и об их схватках в западном приграничье с заклятыми врагами – дикими лошадьми (Реальный словарь 1885. С. 582).

Творец Пекторали изобразил и другие опасности, исходящие от кровожадных животных. Таким образом, в представлении адресантов ПТМ грифоны скорее являлись реальными, нежели фантастическими существами. Достаточно подробно сюжеты с грифонами в произведениях античного искусства поздней классики Северного Причерноморья исследованы М. В. Скржинской (Скржинская 2010. С. 211–221). Обратим внимание на большое сходство грифонов ПТМ и грифона на известняковой плите в оборонительной стене Пантикапея (Штітельман 1977. № 127; Тункина 2002. С. 213. Рис. 77; Скржинская 2010. С. 218). М. В. Скржинская пишет о «вере эллинов в реальное существование грифонов» и нападении этих «чудовищ» на травоядных животных (Скржинская 2010. С. 218). На нижнем фризе ПТМ шести грифонам отведено три центральных сцены. Едва ли случайно у адресантов ПТМ такое внимание к грифонам характерного пантикапейского (орлиноголового) облика. В. Ю. Михайлин в грифонах видит содержательное ядро композиции нижнего фриза, в свою очередь являющимся,

[1] Фантастические, конечно, с точки зрения человека нашей эры.

по его мнению, центром (правда, смещенным) композиции всей ПТМ (Михайлин 2010. С. 82–123).

Особый интерес на третьем ярусе вызывает сюжет с гоном зайца собакой. На красно-фигурных вазах собаки часто изображаются враждебными человеку. Как следствие, обычно «в нижних фризах помещены изображения, соответствующие хтоническим представлениям – событиям загробной жизни. Фигуры собак на таких сосудах всегда размещаются в промежуточной зоне, на плечиках ваз или же в нижнем фризе, где они гонят животное, символизирующее земную человеческую жизнь (чаще всего зайца)» (Молева 2001. С. 183. Рис. 1–3).

Но пластика Пекторали, кажется, выражает совсем другое настроение. Результат погони собак за зайцами представляется абсолютно неопределенным, скорее всего, собаки не настигнут зайцев. Если только на Пекторали не представлена ловля с гончей, специально обученной и особенно выносливой собакой. Опытные охотники утверждают, что «зайцы под гоном почти всегда ходят по угодьям кругами» (Русанов 2000. С. 101). На Пекторали заяц как раз бежит по кругу (Пекторали). Если он «уйдет» от собаки, то, возможно, на средний фриз.

Аналогией является сцена на пекторали из Большой Близницы. Однако здесь зайцы изображены не в беге, а притаившимися, еще не вспугнутыми. В обоих случаях минискульптуры создавал человек, хорошо знакомый с повадками зверей.

Заяц может служить своеобразным сигналом зрителю, что он находится на краю земли. Д. С. Раевский, ссылаясь на Е. Е. Кузьмину (Кузьмина 1977) и обобщив разнообразные сведения о семантике зайца, утверждает, что герой осетинского нартского эпоса Хамыц «преследует до *края земли* (курсив наш. – *Н. Г., Н. Т.)* встретившегося ему на охоте белого зайца» (Раевский 2006. С. 335). В белом зайце легко узнать зайца-беляка, распространенного на территории от тундры до границы ареала, проходящей по южным окраинам лесной зоны и в широтном направлении от Северной Европы, северной части Польши до Дальнего Востока, включая Уральские горы.

Заяц плодовит[1], и ему как символу фертильности посвящено немало свидетельств. Так, Л. Стефани полагал, что «одной из основных причин того, что заяц связывался с вакхическим культом и почитанием Афродиты и Эрота, послужило его афродизическое сладострастие» (Стефани 1863. С. 8).

О символике зайца и других животных в сюжетах чернофигурной керамики пишет Е. А. Савостина, обратившая внимание, что заяц «нередко встречается в изображениях, предрекающих гибель одного из героев» (Савостина 2011. С. 42).

Замыкают нижний фриз две пары кузнечиков. Эти насекомые являются редкими персонажами в торевтике. Их смысл малопонятен, и более подробно они рассмотрены ниже.

Поняв статусы верхнего и нижнего ярусов, теперь можно определить, чем является средний ярус. Его можно считать образом гигантской нейтральной необитаемой полосы, расположенной между двумя краями, отображенными на верхнем и нижнем фризах. Если верхний фриз считать аллегорией «Дня», полуденного края, а нижний – «Ночи», полуночной страны, то средний фриз служит границей дня и ночи, или

[1] На большей части ареала он размножается 2–3 раза в году, причем рождается до 11 зайчат. Хотя в среднем в помете у таежных и тундровых зайцев 7 зайчат, в средних и южных частях ареала – 2–5.

терминатором – линией светораздела, отделяющей светлую часть мира от его неосвещенной (темной) части.

3. Особенности композиции ПТМ. После ознакомления с композицией всех трех ярусов целесообразно перейти к рассмотрению композиции ПТМ в целом. Большое внимание этому вопросу в свое время уделил Д. С. Раевский. Его композиционная схема представлена на ил. 1: *а*. Мы еще больше ее дифференцируем (ил. 1: *б*). При этом расположение сторон (левая/правая, по часовой стрелке и против, вперед/назад и т. д.) будет определяться и обозначаться с точки зрения внешнего наблюдателя, то есть снаружи Пекторали. Как уже говорилось, Пектораль вертикальной осью разделяется на две части. Уместно эти части назвать левым и правым крыльями. Естественным образом осмотр начинается с фигуры, принадлежащей левой[1] части (обозначенной буквой ***L***) верхнего фриза и лежащей у оси симметрии (ил. 1: *б*). Здесь находится фигура скифа-«швеца», на которую указывает правый скиф. Итак, взгляд будет исходить из точки $\boldsymbol{A}_1$. Многие исследователи по различным признакам в левом скифе различают представителя более высокого ранга. Пройдя взглядом левого скифа и продолжив движение дальше по часовой стрелке, обратим внимание, что это направление совпадает с ориентацией всех животных в этой части Пекторали: кобылицы, коровы, овцы, козы, козленка, утки. Но всякий раз мы видим скульптурки зверей пропорционально в «натуральную» величину, хотя пространство, в которое они вписаны, представляет собой сужающийся с каждой фигурой коридор (канал, туннель). Сходящиеся кривые линии, в которые вписаны персонажи, создают иллюзию движения вдаль за счет того, что создатель Пекторали разместил животных в порядке уменьшения их высоты в холке или же придав позам лежачее или полулежачее положение. Этот прием получил широкое распространение в античном искусстве со времен создания фризов Парфенона.

С каждой фигуркой взгляд все время удаляется от исходной точки $\boldsymbol{A}_1$, проходя сцены пастушеской жизни, олицетворяемые «дояром», и попадает в невидимую для зрителя точку ***B***, в которой сходятся все ярусы. В точке ***B*** осуществляется контакт Пекторали с ее носителем. Положение шеи при ношении украшения на ил. 1: *б* выделено (≈ в масштабе Украшения) серым цветом. Кроме того, через точку ***B*** проходит ось вертикальной симметрии Пекторали. Таким образом, точка ***B*** является фокусной точкой, из которой при дальнейшем продвижении расходится несколько траекторий, проходящих по ярусам правой части Пекторали, обозначенной буквой ***R***. Учитывая то, что в точке ***B*** может осуществиться разрыв траектории осмотра (мы можем вернуться в реальный мир, отведя взгляд от Пекторали, или попасть на другой ее уровень или к другой–правой – ее части), эту точку также можно считать полярной. Продолжив движение взгляда из точки ***B***, можно выйти либо на правую от вертикали часть Пекторали, либо «повернуть на 90 градусов» и начать спускаться по вертикальной оси в направлении к нижележащим ярусам. Точку ***B***, подразумевая ее особые свойства, заключающиеся в одинаковой возможности движения по нескольким направлениям и непредсказуемости их выбора, можно назвать точкой «бифуркации».

Движение взгляда из точки ***B*** по контуру $\boldsymbol{BRA}_1$ в направлении точки $\boldsymbol{A}_1$ на *верхнем* ярусе, натолкнувшись на встречное движение животных, может закончиться возвратом в точку ***B***.

[1] Этой левой части на рисунке будет отвечать правое крыло и наоборот.

На *среднем* ярусе движение по контуру осуществляется в пустом пространстве. Ориентиром здесь может являться расположенный на вертикальной оси куст. На каждом ярусе линия обхода непременно проходит точки ветвления (перекрестки) A_1, A_2, A_3, где она может разделиться на два – левое и правое – направления, то есть «выйти» на левое и правое крылья Пекторали. На верхнем и среднем ярусах в точках A_1, A_2 имеется дополнительная возможность не свернуть, а продолжить движение вниз к следующему ярусу. В точке A_3 на нижнем ярусе возможность разделения линии обхода уменьшается с трех направлений до двух. Таким образом, в ПТМ топологически выделяются части, где движение взгляда не прерывается и в пределах одного круга A_1LB или A_1RB может продолжаться «вечно» по все новым и новым виткам.

Привлекает внимание соответствие отмеченного визуального затухающего периодического процесса (чередование сцен-рефренов «кормление-некормление») с «канонами, характерными для поэтического языка *индоиранских певцов-сказителей* (курсив наш. – *Н. Г., Н. Т.*), отраженного в нарративных источниках (отсутствие или второстепенная роль сюжетной композиции, повтор на разные лады одного и того же имени, resp. *зооморфного изображения* (выделено нами. – *Н. Г., Н. Т.*)…, что облегчало его восприятие родственными скифам иранскими народами (в частности, сарматами) и обеспечило его широкое распространение» (Раевский и др. 2013. С. 219).

В полном соответствии с этим заключением относительно особенностей вербальных текстов можно видеть, что в невербальную идеографическую коммуникацию ПТМ включено большое число намеков, а сюжетная композиция в ней откровенно не показана, децентрализована, а, может быть, и принижена. Художественный прием повторения «на разные лады одного и того же имени, resp. зооморфного изображения», в данном случае сцен кормления/некормления, наглядно продемонстрирован.

4. Весенне-летний календарь верхнего яруса. Распространена точка зрения, что на ПТМ изображен некий праздник. Вопросом о том, какой это был праздник, задавался Б. Н. Мозолевский. Он писал, что «подчеркнутое изображение на верхнем ярусе пекторали сонма самок домашних животных с приплодом неопровержимо свидетельствует о том, что это должно было быть весенним праздником пробуждения природы и чествования живительной силы земли. Именно недвусмысленность символического содержания композиции, вероятно, и заставила художника доделывать половые органы кобыле слева, иначе картина потеряла бы свой смысл. Наилучшим образом такой трактовке соответствует и символика всей композиции пекторали в целом» (Мозолевський 1979. С. 224). Не менее важно определить и время, когда отмечался этот праздник. Б. Н. Мозолевский дает расплывчатый ответ: «С определенной долей вероятности можно предположить, что отмеченный ритуал должен был осуществляться во время праздника, связанного с почитанием священных золотых даров, которые, по легенде, упали скифам с неба (Hdt. 4. 7). <…> Тем временем многие детали, переданные Геродотом, дают основание видеть в нем все черты не социально-экономического, а прежде всего культового праздника обновления природы, связанного с божеством плодородия. <…> Связь ритуала почитания священных даров с весенним праздником обновления природы можно считать вполне доказанной» (Мозолевський 1979. С. 225, 226). При этом дата весеннего праздника Д. С. Раевским определяется следующим образом: «Соответственно описанный Геродотом скифский религиозный праздник падает или на 22 июня, или, скорее, на 22 марта» (Раевский 2006. С. 141).

Один из весенних праздников (Навруз) приурочивается ко дню весеннего равноденствия, приходящемуся в григорианском календаре приблизительно на 21 марта. К этой дате, однако, нарождение скота (выжеребка, отел, ягнение) однозначно не привязано. Изображенные на ПТМ животные имеют разный цикл воспроизводства. У *овец и коз* беременность длится в среднем 5 месяцев. Если случка происходит в августе, то приплод появится в январе; если в октябре, то окот будет в марте и т. д. При дефиците кормов окот лучше планировать на позднюю весну (апрель–май), чтобы использовать зеленый корм. Тогда матка в подсосном периоде сможет питаться свежей травой, что благоприятно скажется на ее молочности и, соответственно, на состоянии ягненка. У *крупного рогатого скота* беременность длится в среднем 9 месяцев; оптимальными сроками отела считается февраль–апрель. Продолжительность жеребости у *кобыл* в среднем равна 11 месяцам, массовую выжеребку приспосабливают к пастбищному летнему сезону (май–июнь). Надо полагать, что у изображенных на Пекторали овец и коз подсосный период уже закончился, поскольку изображения сосущих овечек и козлят отсутствуют. С другой стороны, телята и жеребята уже достаточно взрослые, окрепшие (Гаврилюк 1995. С. 53, 55, 58; Гаврилюк 2013. С. 284–292). Значит, сцены верхнего фриза датируются концом весны – началом лета.

Таким образом, можно утверждать, что изображения на ПТМ маток с детенышами нельзя однозначно связывать с Наврузом (то есть ≈ 21 марта). Скорее всего, визуальный ряд верхнего яруса выражает представление об успехе кочевника в достижении большого приплода.

5. Хушенг (Хаошйангхе/Хаошьянхе), его сын Тахмурес и иранизм Пекторали. С. С. Бессонова предложила сопоставить центральную сцену Пекторали с хорезмийской легендой о Хушам-шахе (Бессонова 1979. С. 141; Бессонова 1983. С. 72). Это предложение было развито Д. С. Раевским, который идентифицировал в Хушам-шахе первого иранского царя Хаошйангхе (Хаошьянхе/Хушенга), стоящего в самом низу мифоэпической древнеиранской традиции. Затем Д. С. Раевский выявил «достаточно выразительное их (данных о Хушам-шахе/Хаошйангхе (Хаошьянхе/Хушенге. – *Н. Г., Н. Т.*) совпадение со смысловым содержанием верхнего фриза пекторали» (Раевский 2006. С. 491).

Действительно, картины благополучия скотоводческих обществ, представленных в «Шахнаме» и на верхнем фризе ПТМ, имеют много общего. Это тождество лежит в основе гипотезы С. С. Бессоновой–Д. С. Раевского[1], и попыток последнего установить связь между сюжетами эпопеи Фирдоуси, относящимися к мифическому времени первых иранских царей, и сценами верхнего фриза ПТМ.

В целом, относительно родства основателей высшей социально-иерархированной группы в контексте ПТМ высказано два предположения. Это либо два брата Хушенг и Вегерд (Раевский 2006. С. 100, 492, 494), либо, по «Шахнаме» Фирдоуси, отец и сын[2] Хушенг и Тахмурес (Фирдоуси 1957. С. 30, 31), которые являются царями первой на Земле династии. Оба царя помогли людям перейти из фазы дикости в цивилизованное

[1] Мы ориентируемся на издание «Мир скифской культуры» (Раевский 2006. С. 87, 226, 228, 301, 477, 492).

[2] Хушенгу (царствование которого длилось 40 лет) наследовал Тахмурес (царствовал 30 лет). В соответствующем бейте сказано: Достойный был сын у царя – Тахмурес, / Кому подчинился злокозненный бес. / Когда опоясан на царство взошел / Наследный властитель на отчий престол (Фирдоуси 1957. С. 30, 31).

состояние[1]. В «Шахнаме» сказано, что царский сын Тахмурес унаследует цветущее государство[2]. Не чужды были ему заботы о царской символике: «Из мира пернатых, средь лучших пород, / Избрал Тахмурес гордых соколов род. / Он стал обучать их, усердьем горя» (Фирдоуси 1957. С. 31).

На сценах ПТМ также обращает на себя внимание «иранизм» пернатых. В ее верхнем ярусе в правой от зрителя части изображен представитель семейства соколиных (Раевский 2006. С. 541). Весь средний фриз заселен птицами также из семейства соколиных (Мозолевський 1979). Сокол, как известно, связан с солярной символикой иранского мира[3].

С экономической точки зрения в деятельности первых царей Хушенга и Тахмуреса легко увидеть проявление двух укладов жизни – оседлого и кочевого. Цивилизаторская миссия Тахмуреса включала, кроме обучения людей шитью, еще и передачу культурообразующего для номадов искусства кочевого скотоводства. То есть именно для ираноязычных кочевников, понимай – скифов, Тахмурес мог иметь на протяжении многих веков особое реликтовое значение не только как предка, но и как прямого покровителя.

Если воспользоваться полученными Б. Н. Мозолевским и Д. С. Раевским результатами анализа распределения властного статуса между двумя основными фигурантами Пекторали, то имя реципиента царской власти – левая фигура (на него показывает пальцем правая фигура) – Тахмурес. Правая фигура – «царь-мудрец» Хушенг, который слагает с себя и передает полномочия. Повторимся, это предположение может быть корректно, если рассматривать Пекторали как текст, предназначенный для визуального восприятия, то есть как невербальный текст, в рамках мифологемы первых царей первой династии древних иранцев по версии «Шахнаме».

Конкретизировав и даже персонифицировав главную сцену ПТМ, можно продолжить ее рассмотрение в рамках все того же бейта, но с акцентом на первую мисру:

Когда к ***благоденствию*** (выделено нами. – *Н. Г., Н. Т.*) край он привел…

На наш взгляд, на верхнем фризе как нельзя лучше передано состояние «благоденствия края»: обильный с большим приплодом скот; мир, поскольку оружие отложено в сторону, а луки – в горитах; день и труд – дояры едва успевают справиться с работой; есть возможность для охоты, не исключено – соколиной.

Другими словами, мастерами передана в эллинско-древнеиранском формате некая идиллия, модель золотого века во главе со справедливыми и мудрыми правителями.

---

[1] Хушенг научил людей пахать, сеять и жать; разгадал и подарил им тайну огня; показал, как одомашнивать животных; научил вносить налоги с доходов, а приручённый скот «Держать четами, да будет приплод» (Фирдоуси 1957. С. 30); указал на пользу охоты на густошерстных зверей и бережного с них снятия шкуры; научил шить одеяния из меха зверей. «В трудах и раздумьи, не ведая нег, / Ища, созидая, провел он свой век. / Когда к благоденствию край он привел – / Наследнику отдал он царский престол» (Там же). Новый царь Тахмурес продолжил цивилизаторскую деятельность отца и не прекратил «…новому делу людей учить, – / Овечье руно остригать и сучить; /Учил превращать в одеянье руно, / Ткать так, чтоб ковром становилось оно; / Учил он, как скот быстроногий пасти, / Соломы, травы и овса запасти» (Там же. С. 31). Тахмурес расширил и круг одомашненных животных.

[2] Что подтверждается следующим бейтом: «Когда к благоденствию край он (Хушенг. – *Н. Г., Н. Т.*) / привел / Наследнику (Тахмуресу. – *Н. Г., Н. Т.*) отдал он царский престол» (Фирдоуси 1957. С. 30).

[3] О соколиных мотивах в скифской торевтике см.: Гаврилюк и др. 1999. С. 56–64; Гаврилюк и др. 2001. С. 260–266).

Таким образом, после 40 лет правления Хушенг (а, возможно, его далекий северопричерноморский потомок), еще при жизни передает в руки Тахмуреса (аналогично – его далекому потомку) цветущую страну. Обратим внимание на то, что IV в. до н. э. характеризуется, как следует из синхронистических и хронологических таблиц А. Ю. Алексеева, династической стабильностью и продолжительными периодами правления как скифских, так и (особенно) боспорских царей (Алексеев 2003. С. 221, 230, 276). При этом политическая обстановка в Северном Причерноморье характеризуется не только перемежающимися обострениями, даже потрясениями, но и временами относительной стабильности. Можно полагать, что ПТМ является метафорическим пожеланием мира и спокойствия именитой и влиятельной особе, обладающей большими властными полномочиями.

При оценке ПТМ уместно вспомнить впечатление В. А. Ильинской: «На пекторали изображено стойбище кочевников. Мирный, повседневный, будничный труд. Юноши доят овец и сливают молоко. Два взрослых скифа, отложив в сторону гориты, шьют одеяние из овечьей шкуры. Люди окружены овцами, козами, конями, коровами и телятами. Чудесный растительный орнамент служит фоном для этой сцены. Все изображение проникнуто мягким лиризмом и любовью к людям, природе, животным, к привольному степному быту» (Іллінська 1977. С. 164). Любой зритель (адресат), в том числе и В. А. Ильинская, имеют право на *свое*, то есть субъективное восприятие художественного текста, в данном случае – Пекторали.

Если автор произведения – мастер, то субъективные восприятия будут схожими, и адресант коммуникации добьется нужного эффекта. Возможно, творец картины (адресант) будет не удовлетворен, если не сумел передать адресату коммуникации «правильную» (обусловленную то ли заказчиком, то ли сутью отображаемых явлений) трактовку своего произведения.

Нам кажется, что у большинства зрителей Пекторали, как у участников художественной коммуникации, формируется ее позитивное восприятие. При этом нижний фриз ПТМ служит тенью – в прямом и конструкционном смыслах – верхнего фриза. Но в зрителя при созерцании ПТМ вселяется надежда, что удаленность двух миров обеспечивает реципиенту безопасность и комфорт.

6. Миф о золотом руне и ПТМ. Первой ассоциацией при попытке истолкования центральной сцены ПТМ, конечно, является миф о золотом руне. Однако этот мотив в интерпретациях ПТМ не пользуется большой популярностью, наверное, вследствие своей очевидности, тем не менее сюжет заслуживает более пристального внимания.

Пласт представлений о золотом руне подробно изучался одним из известных исследователей античной Колхиды О. Д. Лордкипанидзе (Лордкипанидзе 1978; Lordkipanidze 2001). Также к этой теме обращались М. Попко и Д. Браунд (Popko 1974; Braund 1994).

О. Д. Лордкипанидзе провел специальное герменевтическое изучение состояния вопроса о золотом руне в античной и кавказской мифологической традиции, во многом исходя из многолетних археологических исследований города Вани (Lordkipanidze 2001). Он подчеркнул сложность вопроса, ключ к решению которого надо искать в многочисленных поверьях о магической силе овна, особенно его кожи или шерсти. В Древней Анатолии, например, кожа или овчина барана (а также козла) считались объектом поклонения, ритуальным символом, олицетворяющим

бога-покровителя. Особенно важную роль руно играло в хеттской религии. Что касается похода аргонавтов за руном, то это был поход не только за кавказским золотом, но и за властью[1].

В то же время исследователи обращают внимание на то, что самые ранние находки золотых изделий в Колхиде датируются V в. до н. э., а миф об аргонавтах восходит к позднему, если не к среднему бронзовому веку (Braund 1994. P. 21–23).

Культовое значение овечьей шкуры и шерсти обсуждалось Б. Н. Мозолевским в контексте объяснения центральной сцены (Мозолевський 1979. С. 224), позднее В. Ю. Михайлиным (Михайлин 2005. С. 129). Д. С. Раевский приводит выборку сведений из этнографии различных народов о вере в магические свойства «руна, или одежды из нее: они призваны обеспечить прежде всего плодородие во всех его аспектах, а шире – вообще всяческое богатство и благополучие» (Раевский 2006. С. 489). Он также утверждает, что изображение руна – это «мотив, явно имеющий общеиндоевропейское распространение и единую по всему этому ареалу семантику» (Там же).

Однако В. Ю. Михайлин обращает внимание на то, что «всем этим примерам (сделанным Д. С. Раевским. – *Н. Г., Н. Т.*), которые, несомненно, заслуживают самого пристального внимания и могут служить основанием для сделанного автором вывода (о сисирне, то есть об одежде скифов в виде «кожаного хитона, волосатого с рукавами». – *Н. Г., Н. Т.*), недостает только одного – прямой привязки к „родному“ иранскому контексту, который сразу выводит на понятие *фарн*» (Михайлин 2005. С. 129). Действительно, концепцию фарна (например, как олицетворения благодати) в своих этюдах о ПТМ Д. С. Раевский обходит полным молчанием. Кроме того, В. Ю. Михайлин напоминает о древнегреческой традиции принимать барана как «атрибутивное животное *солнечного* и военно-аристократического бога Аполлона» (Там же). Можно также вспомнить, что в основе мифа о золотом руне лежит древнегреческий мифологический персонаж – волшебный баран Крий (сын Посейдона) с золотой шкурой, умевший летать и переносить людей на дальние расстояния, говорить человеческим голосом и, в конце концов, превратившийся в Колхиде в фетиш (золотое руно), со временем ставший целью экспедиции аргонавтов.

Однако есть еще одно объяснение изображения «золотой» шкуры барана на Пекторали. Обратим внимание на то, что добыча золота с помощью бараньего руна на территории Колхиды имеет вполне реальную технологическую основу. В свое время об этом писал О. Д. Лордкипанидзе (Лордкипанидзе 1978. С. 40, 41). Горные реки южных склонов Кавказа, особенно Риони и ее притоки, несут в своих аллювиальных примесях золотую пыль. Еще в древности ее научились добывать с помощью специально расположенных в потоке овечьих шкур. Утверждается, что данная технология до недавнего времени применялась в Сванетии (высокогорье Грузии). Судя по этнографическим материалам, записанным в 40-х гг. XX в., «сваны золото добывают с помощью овечьих шкур. Натянутую на доску или же расправленную каким-либо другим способом овечью

[1] Золотое руно не только защищало царский дом Пелия, но и являлось инсигнией царской власти вообще. Пелий отправил Ясона за руном, надеясь, что юноша погибнет. Но в случае же успешного похода, Ясон обязан был передать царю Пелию руно. Кто царь, тот и владеет руном. То есть Пелий был бы в выигрыше при любом исходе похода. В той мере, в какой руно рождает власть, в той же мере власть порождает соблазн похитить руно. Представления о золотом руне как о символе царской власти и покровителе царского дома, должны считаться архаичными и, несомненно, относиться к ранней идеологии. При этом оппозиция Пелий/Ясон – универсальна.

шкуру помещали в реке и укрепляли так, чтобы ее не унесло течением, и чтобы шкура была обращена шерстью кверху. Намокшая шерсть удерживала частицы золота. Спустя определенное время шкуру достают из воды и расстилают на земле для просушки. Затем высохшую шкуру выбивают, вытряхивая из нее золотые крупинки»[1] (Лордкипанидзе 1978. С. 40, 41).

Эти этнографические сведения подтверждают основу мифа об аргонавтах, свидетельства древних авторов о наличии и добыче золота в Колхиде. В частности, Страбон (I в. до н. э.) писал: «Богатство Колхиды золотом, серебром и железом было истинной причиной похода» (Strab. 1. 2. 39)[2]. Аппиан: «Многие источники, текущие с Кавказа, несут незаметный золотой песок; окрестные жители, погружая в воду густошерстые овечьи шкуры, собирают пристающий к ним золотой песок… Быть может, такого рода было и золотое руно» (App. *Mith.* 103)[3].

Г. Агрикола пишет о получении золота таким, известным еще колхам, способом как о повседневной практике: «Именно в этих же целях древние колхи помещали бараньи руна в водомойках рудников и уносили их, когда в них набиралось много золотых блесток. Отсюда и сочинения поэтов про „золотого барана“ колхов. Подобным же образом для горняков оказывается полезным собирать шкурами не только золотой, но и серебряный шлих, равно как и драгоценные камни» (Агрикола 1962. С. 318). Недавно были установлены физические основы древней технологии добычи мелкодисперсного золота в потоках горных рек Кавказа у колхов и в Чехии – у кельтов. Оказалось, что именно овчина обладает уникальным набором физико-химических свойств, способствующих эффективному улавливанию и удержанию мелких частиц золота. При этом в старательском «лотке» с овчиной важно организовать правильные гидродинамические режимы промывки (Neesse 2014. P. 52–63).

Легко представить, что если шкура «набирала» много золота, то она становилась в буквальном смысле золотым руном[4].

Обратим внимание, что фактура шерсти на овцах ПТМ и на руне в руках «дуумвиров» передана разными способами. Шерсть овец изображена пуклями, руна – космами. Мы уже привыкли доверять точности художников, создавших Пектораль. Поэтому такая разница в изображении шерсти на двух объектах одного и того же предмета не является ни прихотью мастеров, ни случайностью. Это различие в материале руна может иметь вполне рациональное объяснение. В частности, оно может носить технологический характер, что, скорее всего, соответствует реальности. Возможно, руно для добывания золота из горных рек было специально обработано так, чтобы улучшить его фильтрационные свойства, и на Пекторали представлен реальный материал старателя Колхидского царства V–IV вв. до н. э.

---

[1] В XIX в. золото собирали шкурами в реках Риони и Цхенисцкали. В отчетах экспедиции Академии наук Грузии в 1946 г. указывалось, что геологи обнаружили до 5 граммов золота на тонну песка в горных реках (Лордкипанидзе 1978. С. 40, 41).

[2] Цит. по: *Страбон.* География в 17 книгах. М., 1994. С. 46.

[3] Цит. по: Латышев 1948. С. 286.

[4] Памятуя о том, что Золотое руно уже являлось инсигнией царской власти в доме Пелия, центральная сцена на верхнем ярусе может интерпретироваться как часть ритуала получения власти «технократическим» путем, включающим золочение руна мокрым фильтрованием на овчине золотого песка (например, в реке Риони) с последующим высушиванием позолоченной овчины. При этом не исключается момент шитья и подгонки сакрального облачения (атрибута).

Однако также вполне вероятно, что «дуумвиры» держат в руках вовсе не овчину, а козлину, которая отличается более длинным мехом. При этом маленькие шкурки (кондиционный мех получается только из молодых особей) сшиваются в большое меховое изделие.

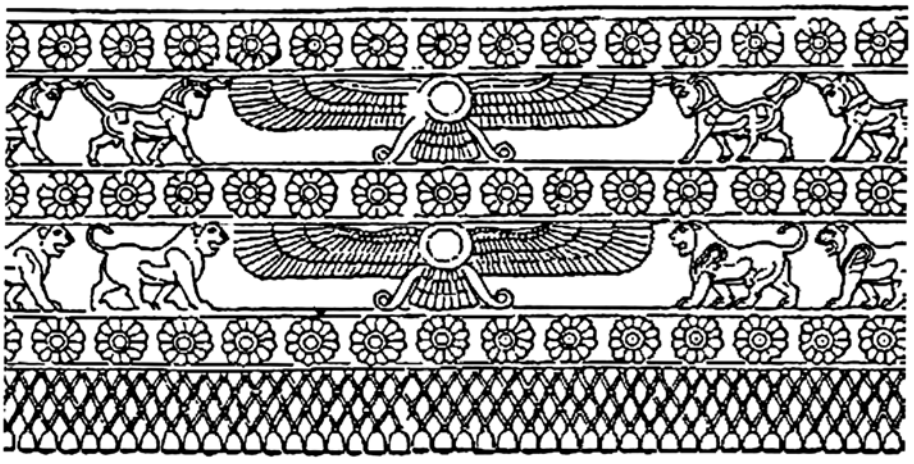
Сведения о золотодобыче номады могли получить во время своих походов в Закавказье. По М. М. Максимову, золото добывалось из россыпей Риони и впадающих в нее рек. В. И. Вернадский говорил о современных золотоносных песках многих рек (Риони) в Закавказье (Вернадский 1955. С. 154). В. А. Обручев называет ряд кавказских, разрабатываемых с глубокой древности месторождений цветных металлов (Кедабекское и Зангезурско-Мегринское), содержащих золото (Обручев 1934. С. 34). Более мелкие месторождения, вероятно, служили источником для образования небольших россыпей, от разработки которых не осталось никаких следов (Максимов 1977. С. 10–15).

Таким образом, на Пекторали могли быть отображены два представления об источниках золота. Кроме золотодобычи на юге и юго-западе степного мира, скифы могли иметь представления о северо-восточных месторождениях золота. Об этом, возможно, свидетельствуют представленные на нижнем ярусе изображения грифонов – известных стражей золота у Репейских (Уральских) гор.

7. Фарн и ПТМ. У народов древнеиранской культурной принадлежности широкое распространение получило понятие «фарн». Скифы не были исключением. Фарн воплощает животворящие силы Солнца, божественный огонь, божественную сущность, приносящую богатство, власть и могущество. Указанное понятие может пониматься как «удача», «успех», «богатство», «благополучие» (Михайлин 2005. С. 119).

Символика фарна чаще всего связана с образом барана (козла). Однако изображения баранов на Пекторали отсутствуют. Возможно, поэтому тема «фарн и ПТМ» долгое время не разрабатывалась, о чем свидетельствует классическая работа Д. С. Раевского (Раевский 2006). Однако руно в руках «швецов» в центральной сцене указывает на возможную связь ПТМ с фарном и, таким образом, фарновский аспект актуализируется в исследованиях семантики ПТМ. Последние 10 лет изучением фарна в контексте ПТМ занимался В. Ю. Михайлин (Михайлин 2005; Михайлин 2010). Он отмечает, что понятие фарна в первую очередь связывается с жилищем хозяина, то есть локализация фарна – это дом (Михайлин 2005. С. 119). Как показали результаты последних археологических исследований, у населения Нижнего Днепра понятие фарна дожило до постскифского периода. По крайней мере в помещениях, содержащих следы фракийской культуры, зафиксированы остатки культового инвентаря в виде барановидных так называемых очажных камней, связанных с домашними святилищами (Гаврилюк 2012. С. 21–28). В то же время в контексте ПТМ фарн – это царская удача, благополучие, благость, обеспечивающие счастьем всю подконтрольную царю территорию и войско в бою.

В синхронное Пекторали время наибольшее развитие представления о фарне и о его символических выражениях получили в ахеменидской державе и на окружающих ее территориях. Появление царской иконографии с символикой фарна отмечается уже в правление Дария. При нем утверждается культ Ахура-Мазды – устроителя и властителя мира, высшего объекта почитания зороастрийцев (Soudavar 2010). Официальной религией становится зороастризм с его символом фаравахаром, то есть крылатым золотым диском (окрыленным солнцем). Синкретичный по своей природе, фаравахар



Ил. 2. Резная дверь. Персеполь. Прорисовка Н. А. Гаврилюк

воспринял многие элементы образов из культов переднеазиатских и малоазийских государственных систем, в том числе, хеттского царства. В большом числе и в разных вариантах фаравахар стал появляться на царских надписях, других многочисленных памятниках ахеменидского искусства. При этом иранисты отмечают изменчивость этого образа как во время правления Династии (особенно в интервале от Дария I до Дария III), так и во время отдельных царствований. Наверное, самая существенная модернизация (по сравнению со своими прототипами из египетских или хеттских царств) образа фарна произошла при первом реформаторе культа Дарии I. С этого времени фаравахар стал, во-первых, представлять «божественную царскую славу» (фарн царя), во-вторых, удостоверял божественное право Дария I и его преемников на трон.

Впечатляющее древнее изображение, в котором просматриваются общие как с фаравахаром, так и с ПТМ идеографические схемы и элементы, можно найти на памятнике поздней бронзы Аладжа Гёюк (близ Богазкале) (Burney 2004. P. 10–14). Имеется в виду рельеф, вырезанный в андезите в одном из оснований Ворот сфинксов[1]. Сюжет (двухголовая птица-орел) несет в себе скорее светское (царское), нежели сакральное содержание.

Изображение аллегорически передает всевидящее и могучее орел-государство, держащее в своих лапах слабых и трусливых противников в образе двух зайцев (их поза аналогична позе зайцев на пекторали из кургана Большая Близница). Этот мотив встречается еще раньше на ассирийских печатях из центральной Анатолии. Данный рельеф можно считать протосимволом зороастрийского образа фарна. Крылья орла почти полностью идентичны крыльям фаравахара. Небольшая доработка – и тело птицы трансформируется в магическое кольцо – символ солнца.

Примером позднего ахеменидского фаравахара может служить резная дверь в Персеполе (Forgotten Empire 2005. P. 76) (ил. 2). На ее фрагменте легко различить и элементы ПТМ: два фриза, содержащих монотонное шествие зверей – либо мирных, либо

[1] См.: In Hittite lands: Yazilikaya and Alaca Hoyuk [Электронный ресурс] // Uncharted Ruins. 2012. URL: http://unchartedruins.blogspot.com/2012/08/in-hittite-lands-yazilikaya-and-alaca.html (дата обращения: 12.07.2015).

лютых; разделительные фризы, заполненные нехитрым орнаментом из незатейливых солярных розеток-цветков. Однако, на первый взгляд, два крыла в виде разделенных на три яруса рядов промоделированных перьев, и круг, символизирующий солнце, на Пекторали отсутствуют.

Более внимательное рассмотрение Пекторали позволяет интерпретировать ее верхний, средний и нижний полуфризы как части, принадлежащие, соответственно, левому и правому птичьим крыльям. На Пекторали выделяется сакральное кольцо – символ солнца. Его границами являются первый и четвертый витые жгуты (ил. 1: *б*). Дополнительным доказательством принадлежности Пекторали к образам солнечного культа является ее материал – золото. Заполнение фризов схоже с сюжетами ахеменидского искусства: домашний скот и дикие животные. Одна из аллегорий Пекторали – выражение Дня (Свет, Солнце) и Ночи (Мрак, Луна).

Мы видим, что художники Пекторали не только отслеживали тенденции иранского искусства и воспринимали их, но и вносили в концепцию ПТМ свои новации. На примере ПТМ можно видеть, насколько новшества эпохи Дария I со временем были восприняты другими родственными этнокультурами Северного Причерноморья. С учетом реалий и мотивов персидского искусства Пектораль предстает в неожиданном виде.

Адресант, скорее всего, знал, кому (возможно, персонально) предназначается Пектораль и что она будет не просто созерцаться, но и *носиться*. Эта редкая вещь и ее носитель, например, царь, добивается максимального воздействия парадного Украшения именно в ансамбле, в инсталляции, а не в отдельности. Архитектоника Пекторали естественным, вернее, – необходимым образом, – включает в себя и ее носителя, точнее его шею и грудь. Поэтому при художественном анализе ПТМ надо учитывать человеческий фактор.

В ахеменидском варианте концепт фарна значительно обновился. Изображение его символов на одежде зачастую свидетельствовало о принадлежности человека к царскому роду. Аналогично, находка Пекторали в курганном погребении может свидетельствовать о принадлежности погребенного к царскому кругу.

8. Храмовая архитектура и фризы ПТМ. Б. Н. Мозолевский, изучая «подтреугольные композиции гребня (солохского. – *Н. Г., Н. Т.*) и Пекторали» пришел к выводу, что они «бесспорно не могли быть разработаны самостоятельно, а возникли как подражание построению скульптурных композиций фронтонов античных храмов» (Мозолевський 1979. С. 216). Эта аналогия в первую очередь была привлечена для объяснения отсутствия центральной фигуры на вертикальной оси Пекторали. На Пекторали, вместо когда-то обычного[1] размещения в центре композиции увеличенной фигуры главной персоны (как правило, божества), обращенной анфас, обе фигуры центральных героев («швецов») помещены сбоку от центра лицом друг к другу. Предположив, что архитектура и скульптура (в данном случае – скульптура малых форм на Пекторали и на солохском гребне) развиваются параллельно и установив, что прием расщепления местоположения центральной фигуры относится к поздней классике в архитектуре, Б. Н. Мозолевский пришел к выводу, что Пектораль моложе гребня. Также в соответ-

[1] Например, горгона Медуза на фронтоне храма Артемиды на острове Корфу (в древности – коринфская колония Керкира). Считается, что этот храм является первым (ок. 580 г. до н. э.), построенным исключительно из камня. Он включил практически все элементы дорического архитектурного стиля (Montuoro 1925). Его западный фронтон в качестве центральной фигуры содержит гигантскую горгону Медузу, которая, возможно, служила апотропеем. Угол в основании треугольного фронтона равен 17 градусам.

ствии с динамикой развития классической архитектуры, по времени появления композиции с фигурой всадника в центре (вместо божества), Б. Н. Мозолевский омолаживает гребень. Он пишет: «Появление гребня можно относить не к 30-м годам V в. до н. э., как полагает А. П. Манцевич, а, по крайней мере, к рубежу V–IV, а еще вероятнее – к началу IV в. до н. э.» (Мозолевський 1979. С. 217). В настоящее время датировка гребня не раньше конца V или начала IV в. до н. э. является общепринятой (Алексеев 2003. С. 260, 261).

В соответствии с этим подходом (классическая архитектура – это ключ к пониманию композиции ПТМ) Б. Н. Мозолевский касательно композиции верхнего яруса Пекторали пишет, что «нельзя не заметить ее полную зависимость от фронтонов Парфенона с их двуфигурным центром…» (Мозолевський 1979. С. 217).

Ил. 3. Ракурс ПТМ: левый «швец» обращен к зрителю. Рисунок Н. А. Гаврилюк

Мы также убеждены в продуктивности архитектурного концепта композиции ПТМ. Ранее мы предположили, что основная смысловая нагрузка Пекторали приходится на верхний и нижний фризы. Эти фризы выражают оппозиции разных сфер мироустройства. Их можно считать аллегориями, например, таких тем, как «день» / «ночь» или «своя, родная, благоденствующая страна» / «далекая неведомая страна». Средний (условно обозначаемый как растительный) фриз представляется нейтральным пространством и разграничивает верхний и нижний фризы. Мысленно предположим, что верхний фриз изломан под углом 90 градусов в точке $\boldsymbol{A}_1$ (ил. 1). Тогда оба «швеца» будут обращены в плоскости не друг к другу, а к зрителю (см., например, ил. 3, на которой царственный статус скифа подчеркнут диадемой-повязкой). Животные за спинами «швецов» будут от зрителя удаляться и за счет уменьшающихся размеров будут видеться как бы в перспективе.

Аналогично, если нижний фриз представить изломанным под углом 90 градусов в точке $\boldsymbol{A}_3$ (ил. 1), то зритель увидит уходящие вглубь сцены охоты зверей. В целом, при таком подходе создается впечатление, что мы наблюдаем ПТМ как бы с двух противоположных углов большой храмовой постройки, подобной, например, тому же Парфенону. С этих точек становятся доступными для обозрения «метопы» наружного рельефа, непрерывной полосой опоясывающего верхнюю часть храма. Также легко представить, что мы пребываем внутри храма и обозреваем непрерывную полосу изображений на фризе вокруг целлы.

Вторая половина V–IV вв. до н. э. предполагает близкое знакомство боспорян с культурой Афин. М. В. Скрижинская, пользуясь «Трапезитиком» оратора Исократа, описывает стремления боспорца Сопеида попасть в эту «школу Эллады», «пританей мудрости», и обстоятельства его дальнейшего там пребывания, связанные как с деловой

активностью, так и интеллектуальными потребностями (Скржинская 2001. С. 164–168). Безусловно, торевты Боспора, хорошо знакомые с эталонными достижениями афинской архитектуры и монументального искусства, могли перенять их новый стиль, технические средства и методы. В свою очередь, боспоряне, находясь в тесном контакте со степным скифским миром, а через него – с богатыми культурами Кавказа, Закавказья и Ближнего Востока, внесли свой новаторский вклад в искусство, в том числе – в торевтику. Поэтому поиск соответствий в метрике ПТМ и образцов позднеклассической архитектуры и скульптуры, предложенный Б. Н. Мозолевским, требует дальнейшего продолжения.

9. «Пекторалеметрия» еще ждет своего исследователя. Обмерам ПТМ, помимо уже описанных в монографии ее первооткрывателя Б. Н. Мозолевского, посвящены статьи В. Рудольфа (Rudolph 1986; Рудольф 1993). Столь малого числа работ явно недостаточно для такой «царской» находки, по крайней мере для атрибуции артефактов IV в. до н. э., установления их стилистической или технической тождественности, измерения технологических, конструкционных, трасологических параметров. Подобной успешной попыткой установления авторства ранее выделенного круга ювелирных изделий являются работы Д. Вильямса и М. Даги (Williams 1988; Williams 2005; Dági 2006).

Утверждается, что мини-скульптурки располагаются равномерно с угловым шагом, составляющим шесть градусов (Rudolph 1986; Рудольф 1993). Наши измерения (в них отсчет углового положения каждой скульптурки осуществлялся поворотом соответствующего радиуса из центра по часовой стрелке, начиная с местоположения руна) левой части верхнего фриза (см. табл. 2) дали другие результаты.

Из результатов измерений следует, что расположение фигурок определялось скорее композиционными требованиями, художественным замыслом и стилистикой размещения разных по размерам и ориентации фигурок, нежели формальным геометрическим подходом. За счет «текучести» углового шага в расположении мини-скульптурок, торевту удалось упорядочить и уравновесить этот «перформанс» зверей и людей. Также В. Рудольф оказался неубедительным в части персонификации «чертомлыкского» мастера, приписав ему большое число находок из скифских курганов IV в. до н. э., включая саму амфору, ПТМ, гребень из Солохи и другие разновременные и разностильные предметы (Rudolph 1991; Rudolph 1998). Впрочем, идея В. Рудольфа об атрибуции мастерских, а не персонально мастеров, находит поддержку, препятствием служит нахождение коллекций в разных странах и городах.

Таблица 2. Угловое положение мини-скульптурок и мини-скульптурных групп на левом сегменте верхнего фриза Пекторали из Толстой Могилы

Мини-скульптурка	**Птица**	**Коза**	**Собака**	**Овца**	**Дояр левый**	**Корова**	**Лошадь**	**«Царь»**	**Руно**
Номер измерения	9	8	7	6	5	4	3	2	1
Центральный угол, °	112	102	87	73	62	48	24	9,5	0
Угол поворота, °	10	15	14	11	14	24	14,5	9,5	0

В табл. 3 даны наши оценки некоторых параметров Пекторали, полученные масштабированием опубликованных фотографий. В таблице приведены следующие оценки:

$\delta^{центр}_{фриза}$ – высота поля каждого фриза в его центральной части (по вертикальной оси);

$Ø_{кольца\ ПТМ}$ – наружные и внутренние диаметры колец, образующих фриз;

$Ø_{жгута}$ – диаметры жгутов нижнего, среднего ярусов и внутреннего жгута верхнего яруса;

Мы также определили еще один геометрический параметр ПТМ: условный угол α в основании криволинейного подтреугольного фриза ПТМ (путем его аппроксимации равнобедренным тупоугольным треугольником).

Таблица 3. Оценка некоторых размеров Пекторали из Толстой Могилы, полученная фотограмметрическими* измерениями

Ярус (фриз, сегмент)	**$\delta^{центр}_{фриза}$, мм**	**$Ø_{кольца\ ПТМ}$, мм**	**$Ø_{жгута}$, мм**		**α – условный угол фриза ПТМ**
			Оценка	**Мозолевский***	
Верхний	26,1	173,9			7,9
		201,7	7,0	7	
Средний	29,6	215,6			6,0
		245,1	6,1	7	
Нижний	31,3	257,3			5,1
		285,1	10,4	10	

*Наружный диаметр Пекторали 306 мм (Мозолевський 1979. С. 73)

На всех трех фризах ПТМ угол α составляет 5–8 градусов. Для сравнения: угол в основании треугольного фриза восточного фронтона Парфенона равен 14 градусам. У восточных фронтонов храма Артемиды периода архаики на острове Корфу (ок. 580) и храма Афины на афинском Акрополе (560–550) этот угол равен 17 градусам. На восточном фронтоне храма Афины Афайи на острове Эгина (500) и на западном фронтоне храма Зевса в Олимпии (460) угол α чуть меньше и равен 15 градусам. Хотя размеры в планах перечисленных храмов весьма различны, но угол в основании является, по-видимому, одним из параметров, характеризующих сохранение модульности, соразмерности и пропорций.

Таким образом, условный угол у основания фриза ПТМ, образованный сходящимися кольцами пекторали («рожками» трех фризов-полумесяцев), между которыми размещены фризы, примерно в два (до трех) раза меньше, чем у Парфенона и других храмов (табл. 3). Возможно, это является проявлением масштабного фактора при восприятии мини-скульптур и гигантских историко-архитектурных памятников. При этом очевидны высокие художественные достоинства обоих классов сравниваемых объектов. Указанное обстоятельство в свою очередь служит свидетельством творческого мастерства коллективов, создавших оба памятника. Другими словами, создатели Пекторали, как и архитекторы храмов VI–IV вв. до н. э., решили сложную задачу вписывания в прогрессивно суживающийся просвет подтреугольного фриза-фронтона большого числа

фигур за счет размещения их по росту (от крупных фигур к мелким) и подбора «компактных» поз скульптур. На Пекторали оригинальным способом удалось не нарушить художественный канон того времени – изокефальность.

Уместен вопрос о стоимости Пекторали. Ранее стоимость материала нами была оценена в ≈14 кг серебра, то есть в 26–32 мины. В Афинах на эту сумму можно было купить 9–16 рабов (Гаврилюк 2013. С. 498).

10. Об аналогиях кузнечикам на нижнем фризе ПТМ. Финальные персонажи нижнего яруса – две пары кузнечиков – не привлекли к себе особого внимания интерпретаторов ПТМ**.** Насекомые являются редкой темой в торевтике и архитектуре. Б. Н. Мозолевский ограничился кратким описанием: «Кузнечики сидят головами друг к другу с поднятыми коленками вверх ногами. По сравнению с предыдущими образами фигурки их велики. И тело и голова отделаны тщательно, однако, не в скульптуре, а в рельефе. По свидетельству сотрудника Института зоологии АН УССР канд. биол. наук В. М. Ермоленко, в каждой из групп кузнечики представлены самцом и самкой» (Мозолевський 1979. С. 83).

Большее внимание кузнечикам уделил В. Ю. Михайлин[1]. По его мнению, в культуре греков кузнечик традиционно воспринимался как символ автохтонности, что и объясняет его особенную популярность среди афинян, гордившихся тем, что они единственные «истинные» автохтоны в балканской Греции. Логика проста – земля родит траву, трава родит кузнечиков.

Укажем на несколько аналогий кузнечикам из ПТМ. По-видимому, самым знаменитым является кузнечик с одной из четырех подписных гемм Дексамена. Этот, найденный в Фанагории скарабеоид, хранится в Эрмитаже.

На перстне с простым плоским щитком из погребения № 1 таманского кургана Большая Близница, изображено фантастическое существо в образе женщины с туловищем («девы-цикады» по О. Я. Неверову (Неверов 1982. С. 46)), переходящем в тело кузнечика и заканчивающееся головкой грифона. Примечательно, что в руках у этого существа находится лира. Погребение идентифицируется как гробница жрицы Деметры. Считается, что погребенная владелица была тесно связана с элевсинским культом (Артамонов 1966. С. 67. Табл. 282).

Обращает внимание морфологическое сходство изображений женского существа на перстне из кургана Большая Близница и троянского царевича Титона[2] на сердоликовой

[1] Он пишет: «В контексте свойственного всему нижнему фризу нарастания агональности от края к центру эта парная композиция выглядит совершенно безмятежной и лишенной динамики: здесь никто никого не терзает, фигурки даже не соприкасаются между собой, они равны по „породе“ и статусу и находятся в позе полного покоя. Однако в построении нижнего фриза есть и еще одна, семантически куда более значимая закономерность: от края к центру фриза, наряду с нарастанием агональности, идет нарастание семантики „возраста“ и воинского статуса, чтобы закончиться кульминацией последнего жертвоприношения. В этом смысле пару кузнечиков можно рассматривать как маркер „детского“ „мальчишеского“ статуса, предшествующего даже отроческой, „щенячьей“ стадии. Чем обусловлен выбор именно кузнечиков в качестве семантически значимого элемента кодового высказывания, остается только гадать. Возможно, это связано с доступностью кузнечика как добычи даже маленькому ребенку; возможно, с чем-то подобным китайскому стравливанию между собой „бойцовских“ сверчков. А, может быть, ключом к дешифровке этой сцены является сама по себе „пружинная“ неподвижность кузнечиков – с понятной для данного насекомого готовностью к мгновенному и дальнему прыжку: к агональной и быстротечной („полет“!) воинской судьбе» (Михайлин 2005. С. 69).

[2] Титон получил от богов бессмертие, но без вечной юности. После долгих лет счастливой жизни Титон все же состарился и стал ненужным своей бессмертной супруге – любвеобильной Эос. Боги откликнулись на мольбы Титона и превратили его в сверчка (цикаду), со временем утратившего и голос.

гемме из коллекции С. Понятовского (Prendeville, Maginn 1841. P. 101)[1]. У обоих персонажей человеческий облик, начиная с пояса, пластифицируется в тело насекомого. О нем О. Я. Неверов пишет следующее: «Также Дексамену, по всей вероятности, принадлежит и гемма, найденная на Таманском п-ове в кургане Малая Близница. Это обесцвеченный (видимо, огнем погребального костра) скарабеоид с изображением кузнечика – вариант более миниатюрного изображения того же насекомого на подписной гемме, также из таманских находок» (Неверов 1982. С. 46).

Возникает вопрос, случайно ли перстни попали в соседние, удаленные всего на 65,0 м курганы Большая и Малая Близницы (Виноградов 2004. С. 90).

Близок рассмотренным изображениям гранатовый кузнечик из Пантикапея. Про него О. Я. Неверов пишет: «Поражает идиллическая картинка утра на перстне из Пантикапея – кузнечик, пьющий росу из распускающейся розы» (Неверов 1978. С. 5; Неверов 1982. С. 46).

Есть и другие античные изображения кузнечиков. Например, найденные в Орхоменосе (Беотия) две надгробные стелы (ок. 490). Одна – узкая (0,61 м), но высокая (1,98 м) с соотношением сторон 1:3,26 – изготовлена из известняка (Richter 1949. Fig. 255). Другая – широкая, но невысокая с соотношением сторон 2,65:1 – вырублена из местного серого беотийского мрамора (Kaltsas 2003. P. 78). На них изображены пожилые люди, кормящие своих собак саранчой. Обе стелы выполнены скульптором Альксенором (Alxenor) из Наксоса. Этот остров удален от Орхоменоса на расстояние ≈ 343 км.

Известны изображения кузнечиковых (саранчи) на чернофигурной керамике. Так, саранча изображена (вместе с пчелой и мышью) на фризе афинской чернофигурной вазы стиля «чаш малого мастера (Cup Little Master Band)», датируемых 550–500 гг. до н. э. (Animals in Ancient Art 1996. Pl. 2, 5. N 4). На фрагментах горла чернофигурной клазоменской амфоры, происходящей из раскопок Карнака, изображен мальчик в винограднике, убивающий саранчу (Corpus Vasorum Antiquorum 1931. Pl. X).

Из приведенных примеров кузнечиковой иконографии следует, что ее семантический диапазон весьма широк – от идиллии по Анакреону до бича божьего (восьмая казнь фараона). Однозначное понимание смысла присутствия этих насекомых на ПТМ пока затруднительно. Невидимые, но слышимые цикады (то есть существа, которые одновременно как бы всюду и нигде) в Греции могли служить воплощением мизерности. В экологических условиях Северного Причерноморья кузнечик – это разновидность ионийской или аттической цикады. Изображение кузнечиков на исходах нижнего яруса ПТМ могло символизировать слияние двух жгутов в точку, то есть в нечто, не имеющее размеров. На еще одно – музыкальное – объяснение наталкивает упомянутая лира в руках существа на перстне из кургана Большая Близница. Возможно, на каждом фланге Пекторали изображен «солист» нескончаемой серенады для сидящей напротив партнерши. По-видимому, не случайно «брачующиеся» насекомые размещены на концах Пекторали, то есть ближе к ушам ее носителя.

11. ПТМ как дипломатический дар. Одним из аспектов дискурса является трактовка обстоятельств, при которых ПТМ появилась в скифской степи. Был ли ее последний

[1] В сопроводительном каталоге высококачественных отпечатков античных камей утверждается, что данное изображение происходит из коллекции, «принадлежавшей последнему князю Понятовскому, а сейчас находящейся во владении эсквайра Джона Тыррелла…» (Prendeville, Maginn 1841. P. 189).

владелец ее же заказчиком или у ПТМ был более сложный путь, прежде чем она попала в погребальный инвентарь? Какой был статус у дарителя (продавца, донора), посредников и получателя (реципиента)? Б. Н. Мозолевский не исключает, что Пекторaль являлась предметом купли-продажи: «…Украшение было предназначено для сбыта в среде скифов…» (Мозолевський 1979. С. 225). Обратимся к другой, дипломатической, версии появления в скифской степи парадных, явно импортных украшений и вещей. Существование института «по́минок», обмена дарами между оседлыми государствами и пограничным неоседлым населением зафиксирован в средневековых хрониках и неоднократно являлся предметом исследований. Во взаимоотношениях античных центров Причерноморья и Скифии, конечно, должна была присутствовать такая же форма подношений.

А. Ю. Алексеев высказал предположение, что часть открытых в курганах высокоценных вещей попала в Скифию в качестве дипломатических даров. В частности, чертомлыкский «набор с… обкладками горита и ножен», в котором «была обнаружена рукоять парадного ахеменидского меча V в. до н. э.» (Алексеев 1984. С. 38–41; Алексеев 2003. С. 248). И далее: «Естественнее всего предположить, что он (набор. – *Н. Г., Н. Т.*) явился ***дипломатическим*** *подарком* (выделено нами. – *Н. Г., Н. Т.*) скифскому вождю, что прекрасно объясняет его нахождение вместе с другими дипломатическими дарами» (Там же).

А. Ю. Алексеев отмечает также, что «…захваченный в Персии акинак мог служить еще и своеобразным политическим предупреждением, намекающим на печальную судьбу персов» и «…ядро вещевого комплекса Чертомлыкского кургана, в котором найден полный набор предполагаемых дипломатических подарков – горит, меч и ножны, датируется 340–320 гг.» (Алексеев и др. 1991).

Недавно была предложена идея квалифицировать гребень из Солохи как дипломатический дар (Wieland 2013. S. 304). А. Виланд не считает скифов его заказчиком и полагает, что гребень и другие драгоценные изделия «ввиду малочисленности подобных предметов» не могли быть предметом купли/продажи, а изготавливались в Боспорском царстве, скорее всего, в Пантикапее. Она предполагает также, что «предметы роскоши из кургана Солоха были „политическими“ подношениями, которые боспорский царь Левкон I (389/88–349/48) повелел изготовить и передать скифскому союзнику. Этим можно было бы объяснить изображения сражающихся между собой скифов, часть которых являлась союзниками Боспорского царства, а часть – противниками» (Ibid. S. 304, 305, 337, 338).

Перейдем к оценке Пекторали как возможного дипломатического дара, обусловленного логикой событий и динамикой социально-политического развития обществ Северного Причерноморья в IV в. до н. э. Обстановка внутри Боспорского царства в этот период отличалась стабильностью, экономическим подъемом, концентрацией власти, политикой «собирания земель», часто – длительными сроками правления династов.

Гораздо более нестабильной обстановкой характеризуется Степная Скифия, в том числе ее нижнеднепровское ядро, занимавшее оба берега широтной излучины Днепра. Именно здесь локализовались обильные кормами зимние пойменные пастбища (Великий Луг, Малая и Большая Плавни). Для скифского населения этого времени характерно заметное усложнение социальной стратификации, неизбежно приводящей к возникновению новых форм социально-политической организации кочевого общества

и проявлению тенденций к концентрации власти на фоне свойственного кочевым народам сопротивления интеграционным процессам. В экономике кочевой Скифии отмечается интенсификация процессов перехода от кочевого к полукочевому и полуоседлому хозяйствам. Складываются условия демографического перехода и, следовательно, обостряются вопросы доступа и обладания ресурсами, особенно пастбищными.

Обратим внимание на то, что относительная датировка Пекторали уверенно располагается между датировками рассмотренных солохских и чертомлыкских раритетов (соответственно, гребня и набора предполагаемых дипломатических подарков – горита, меча и ножен). Наше предположение заполняет лакуну, образовавшуюся после появления версий о посольском характере находок из Солохского и Чертомлыкского курганов. Можно отметить, что в Боспоре складывается практика непрерывного поиска союзников среди кочевников путем богатых дипломатических даров. Номады, со своей стороны, нередко сами стремятся приобщиться к привлекательной греческой культуре.

Таким образом, если Пектораль планировалась как дипломатический подарок *иноязычным* и *инокультурным* адресатам, то, безусловно, это Украшение должно было иметь особый визуальный «текст», тщательно продуманный и составленный при дворе боспорских правителей. Еще М. И. Ростовцев поднимал вопрос об однозначности восприятия украшений или предметов культа их заказчиками, мастерами, промежуточными или конечными пользователями. По поводу изображений на Куль-Обской фиале, «идиллических жанровых сцен с лошадьми на Чертомлыкской серебряной амфоре», воронежскому серебряному сосуду он писал: «Перед нами, конечно, жанр, но жанр на религиозной основе, воспринятый заказчиками не так, как он был трактован мастерами» (Ростовцев 1914. С. 84). В настоящее время, имея в виду вероятный дипломатический характер ПТМ как дара и другие ее коммутативные свойства, мы не можем ограничивать жанр Украшения только «религиозной основой». В силу художественного богатства ПТМ ее жанровый диапазон многократно расширяется. ПТМ имеет признаки как парадного, так и, по мнению Ростовцева, бытового и этнографического жанров (Ростовцев 1912. С. 18).

В рамках вероятной функции ПТМ – служить украшением во время массовых мероприятий (торжественных выездов, выступлений на собраниях различного ранга и т. п.), это визуальное сообщение должно быть сформулировано и представлено так, чтобы пожелания и предложения адресанта были услышаны и при этом правильно и, желательно, однозначно истолкованы максимально широкой аудиторией – от рядового варварского населения всех возрастов до представителей высшей знати и жреческой прослойки. Составителям текста все время надо было помнить о трудностях восприятия или перевода (пример – пять разных трактовок четырех предметов из письма Иданфирса к Дарию). Поэтому в случае дипломатического подношения ПТМ, вряд ли в ней следует искать какой-либо особый космогонический смысл.

Чтобы сочетать противоположные требования (быть простой, понятной и в то же время глубокой по смыслу, привлекательной по форме), Пектораль должна была превратиться в уникальное произведение искусства и памятник греко-скифо-ираномалоазийской культуры. Возможно, в ней отразился эпос (то есть славное для скифов – потомков древних иранцев – прошлое), определились важные направления политики, прозвучали высокие оценки текущего времени и сложились благоприятные прогнозы в условиях многочисленных угроз внешнего мира.

12. ПТМ как свидетельство договорных отношений между кочевым населением северного и южного берегов широтной излучины Нижнего Поднепровья. Выше была высказана точка зрения, что Пектораль была изготовлена по замыслу боспорских царей Левкона I (389–349), Спартока II (349–344), Перисада I (344–310)[1] с целью одаривания и вовлечения скифских племен Правобережья Днепра в союзническую орбиту боспорских правителей. Еще одним, имеющим право быть высказанным, является предположение о ПТМ как о своеобразном союзном договоре между двумя скифскими родоплеменными группировками. Эти две общности размещались тет-а-тет, соответственно, на левом и правом берегах участка Днепра, в пределах которого на протяжении примерно 100 км (2–5 дней пути) река протекает в широтном (≈ 47,5° с. ш.) направлении. Соотнесем обитавшие на правом берегу этой излучины Днепра родоплеменные группировки скифов с Верхним номом (по Геродоту, см. ниже). Соответственно, к Нижнему ному отнесем скифское население левобережного участка Днепра.

Если разместить элитные скифские курганы (общим числом 11 с отсчетом от Солохи) в хронологическом порядке (например, по таблицам А. Ю. Алексеева), то можно выявить некоторые особенности их локализации. Первые четыре памятника (Солоха, Бердянский, Гайманова Могила, Верхняя Цимбалка) лежат на левом берегу широтной излучины Нижнего Днепра. Этот археологический факт можно интерпретировать как характер первичного расселения кочевого населения и соответственно расположение центра власти в условном Нижнем номе. Напомним, что процессы оседания номадов начинаются в районах концентрации зимних пастбищ. Появляется Каменское городище с его горизонтальной стратификацией (Гаврилюк 1999).

В условиях ограниченных ресурсов и заметного прироста скифского населения могла возникнуть потребность освоения (колонизации) свободных территорий, в частности – на правом берегу, и перемещения (вытеснения или отпочкования) туда скифской группировки с левого берега. Это событие фиксируется строительством пятого кургана – Толстой Могилы, где была найдена Пектораль. Затем элитное, включая царское, «курганостроительство» ненадолго возвращается в южную часть Днепровского левобережья, где сооружаются Мелитопольский и Бердянский курганы.

Исходя из места находки очередных посольских даров, центр власти скифской группировки ближе к концу IV в. до н. э. снова перемещается – с левого на правый берег, то есть переговоры ведутся с правителем, погребенным в Чертомлыкском кургане. «Об обмене посольствами между европейскими скифами и македонянами в 329–328 гг. до н. э. сообщает Арриан – историк похода Александра Великого» (Алексеев 2012. С. 210, 211). Однако следующие, после Чертомлыка, царские курганы снова возникают на левобережье в Нижнем номе (Огуз, Козел). Сооружение серии крупных курганов скифской знати на Нижнем Днепре завершается замыкающим скифскую историю Александропольским курганом в Верхнем номе (на правобережье). Таким образом, феномен ПТМ может также свидетельствовать о существовании Нижнего и Верхнего номов (по Геродоту) центрального ядра Степной Скифии, а значит, и о наличии договоренностей между ними.

Содержание дипломатического послания может быть очень простым: Ваш (как и наш) род древен и знатен. Ваш край счастлив, богат и обилен приплодом. Пока мы вместе,

[1] Точная датировка ПТМ неизвестна, она могла быть изготовлена в период правления любого из этих царей.

луки могут находиться в горитах, а гориты – висеть не в боевом порядке. Несем же мы службу, как несут грифоны, стерегущие золото.

Подытоживая сказанное в п. п. 11, 12, можно видеть, что обмен дипломатическими дарами прослеживается в широком (≈ 100 лет) временном и территориальном (от «Верхнего» нома до Боспора) диапазоне. Боспор ищет опоры в союзе, в котором, ввиду принимающей все более явственные черты угрозы с востока Великого пояса степей, нуждались и сами скифы. Перемещение политико-административного центра Скифии или его полномочной части между южным (Нижний ном) и северным (Верхний ном) побережьями указанной излучины Днепра подкрепляет как версию посольских даров, так и практику дани, обыкновенно выплачиваемой оседлыми государствами окружающим их кочевникам.

Резюмируя результаты исследования ПТМ можно прийти к следующим выводам.

1. ПТМ как своими частями, особенно, центральными, так и в целом, в высокой степени полисемантична. Очевидно отсутствие какого-либо одного предпочтительного варианта трактовки функций и назначения ПТМ. Все еще остаются малоисследованными особенности выразительных средств художественного текста, соответствующих знаковых систем, их аккомодации в скифской среде IV в. до н. э.

2. Многоуровневый изобразительный язык ПТМ отличается как от пластики звериного стиля, так и шаблонов греческого искусства, доминировавших в IV в. до н. э. в фигуративном ряде погребального инвентаря скифских курганов.

3. Сложность визуального прочтения текста Пекторали свидетельствует о необходимости дискурсивного ее восприятия и познания.

4. Нами представлен позитивистский, точнее «светский» (в противовес «сакральному», «космогоническому»), подход к изучению Пекторали. В ПТМ мы увидели если не преобладание реалистического или рационалистического содержания, то его значительное присутствие. При этом наблюдается дефицит внимания к Пекторали со стороны не только искусствоведов, но и исследователей других дисциплин, в том числе с позиций экономической истории античного мира.

5. Необходимым условием производства многочисленных предметов роскоши, в данном случае Пекторали, в экономической категории спрос/предложение, несомненно, стало наметившееся в IV в. до н. э. развитие производительных сил в Северном Причерноморье, рост численности населения, углубление социально-экономической стратификации населения. Эти явления, с одной стороны, вызвали повышенный спрос высших слоев скифского населения на ювелирную продукцию, потребности в которой традиционное («варварское») производство не могло удовлетворить. С другой – обусловили появление на Боспоре ювелирных мастерских, продукция которых в значительной мере предназначалась для внешнего (степного) рынка.

6. Ювелирные мастерские Пантикапея реализовывали идеи, принципы, технику боспорской, то есть оригинальной местной художественной школы торевтики, имевшей скорее синкретичный, нежели эклектичный характер. Появление этой школы в боспорском обществе (генетически ионической культурной ориентации) фиксируется со второй половины V – IV в. до н. э. и обусловлено кросс-культурным взаимодействием ионийско-аттического варианта греческой культуры (включая ее пластическое искусство) и многопластовых восточных этносубкультур. Последние наиболее ярко были представлены в Северном Причерноморье скифами.

7. Златомастера Боспора насытили своими изделиями – штучными и массовыми – причерноморскую степь. Пектораль из Толстой Могилы относится к наиболее выдающимся известным образцам продукции боспорской торевтики. Тем самым не исключено, что создатели ПТМ опосредованно создавали и даже «конструировали» позднейший скифский фольклор[1].

Агрикола 1962
Агрикола Г. О горном деле и металлургии : в 12-ти книгах / пер. В. А. Гальминаса, А. И. Дробинского. М., 1962.

Алексеев 1984
Алексеев А. Ю. Рукоять парадного ахеменидского меча из Чертомлыкского кургана // СГЭ. [Вып.] 49. Л., 1984. С. 38–41.

Алексеев 2003
Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб., 2003.

Алексеев 2012
Алексеев А. Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб., 2012.

Алексеев и др. 1991
Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык : скифский царский курган IV в. до н. э. Киев, 1991.

Артамонов 1966
Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага ; Л., 1966.

Бессонова 1979
Бессонова С. С. Религиозные представления населения степной Скифии : дис. … канд. ист. наук. Киев, 1979.

Бессонова 1983
Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983.

Вернадский 1955
Вернадский В. И. Избранные сочинения. М., 1955. Т. 2.

Виноградов 2004
Виноградов Ю. А. Курган Малая Близница : история изучения и датировка // БИ. 2004. Вып. 7. С. 89–111.

Гаврилюк 1995
Гаврилюк Н. А. Скотоводство Степной Скифии. Киев, 1995.

Гаврилюк 1999
Гаврилюк Н. А. История экономики Степной Скифии. Киев ; Харьков, 1999.

Гаврилюк 2012
Гаврилюк Н. А. Об особенностях верований фракийского субэтноса нижнеднепровских городищ III в. до н. э. – II в. н. э. // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. / ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь, 2012. С. 21–28.

Гаврилюк 2013
Гаврилюк Н. А. Экономика Степной Скифии VI–III вв. до н. э. Киев, 2013.

Гаврилюк и др. 1999
Гаврилюк Н. А., Грищенко В. Н., Яблоновская-Грищенко Е. Д. Авифауна скифской торевтики // Музейні читання : мат-ли наукової конфер., присвяч. 30-річчю з дня відкриття Музею історичних коштовностей України 16 лютого 1999 р. м. Київ, 1999. С. 56–64.

Гаврилюк и др. 2001
Гаврилюк Н. А., Грищенко В. Н., Яблоновская-Грищенко Е. Д. Орнитофауна скифской торевтики // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства : мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2001. Т. 2. С. 260–265.

Кузьмина 1977
Кузьмина Е. Е. Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада // Искусство Востока и античности. М., 1977. С. 16–25.

Латышев 1948
Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 1. С. 221–315.

Лесная 2008
Лесная О. И. Декоративно-художественное освещение архитектурной среды. Харьков, 2008.

Лордкипанидзе 1978
Лордкипанидзе О. Д. Город-храм Колхиды : история археологических раскопок в Вани. М., 1978.

[1] К настоящему времени можно говорить о завершении важного этапа исследований – в свет вышла книга Д. С. Раевского, С. В. Кулланды, М. Н. Погребовой, в которой приведены первые результаты реконструкции палеофольклорной составляющей скифской культуры (Раевский и др. 2013).

Максимов 1977
Максимов М. М. Очерк о золоте. М., 1977.

Манцевич 1976
Манцевич А. П. Чертомлыцкая ваза и пектораль из Толстой Могилы // Pulpudeva / red. A. L. Fol. Sofia, 1974. Vol. 1. P. 83–98.

Манцевич 1980
Манцевич А. П. Золотой нагрудник из Толстой Могилы. // THRACIA. София, 1980. Vol. 5. С. 97–120.

Михайлин 2005
Михайлин В. Тропа звериных слов : пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005.

Михайлин 2010
Михайлин В. Ю. Золотое лекало судьбы : пектораль из Толстой Могилы и проблема интерпретации скифского «звериного стиля» // Труды семинара ПМАК. Саратов ; СПб., 2010. Вып. 16.

Молева 2001
Молева Н. В. Статус собаки в сакральном мировоззрении древних греков : по памятникам вазописи // Из истории античного общества. Нижний Новогород, 2001. Вып. 7. С. 181–195.

Молева, Хршановский 1999
Молева Н. В., Хршановский В. А. Собака в сакральной жизни античного Боспора // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского. М., 1999. С. 79–80.

Неверов 1978
Неверов О. Я. Античные перстни (VI в. до н. э. – IV в. н. э.) : каталог временной выставки. Л., 1978.

Неверов 1982
Неверов О. Я. Геммы античного мира. М., 1982.

Обручев 1934
Обручев В. А. Рудные месторождения. М., 1934. Ч. 2.

Раевский 2006
Раевский Д. С. Мир скифской культуры. М., 2006.

Раевский и др. 2013
Раевский Д. С., Кулланда С. В., Погребова М. Н. Визуальный фольклор : поэтика скифского звериного стиля. М., 2013.

Реальный словарь 1885
Реальный словарь классических древностей по Любкеру. СПб., 1885.

Ростовцев 1912
Ростовцев М. И. Боспорское царство и Южно-Русские курганы. СПб., 1912.

Ростовцев 1914
Ростовцев М. И. Воронежский серебряный сосуд // Материалы по археологии России. Пг., 1914. № 34. С. 79–93.

Рудольф 1993
Рудольф В. Большая пектораль из Толстой Могилы : работа «чертомлыкского мастера» и его школы // Археологические вести. СПб., 1993. Вып. 2. С. 85–90.

Русанов 2000
Русанов Я. С. Охоты в России. Элиста, 2000.

Савостина 2011
Савостина Е. А. У истоков фигуративного языка греческой вазописи : пояснительная система знаков-символов // Античный мир и археология. Саратов, 2011. Вып. 15. С. 31–54.

Скржинская 2001
Скржинская М. В. Скифия глазами эллинов. СПб., 2001.

Скржинская 2010
Скржинская М. В. Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, 2010.

Стефани 1863
Стефани А. Объяснение некоторых ваз императорского Эрмитажа // ОАК за 1862 г. СПб., 1863.

Тункина 2002
Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России. СПб., 2002.

Фирдоуси 1957
Фирдоуси А. Шахнаме. М., 1957. Т. 1: От начала поэмы до сказания о Сохрабе.

Іллінська 1977
Іллінська В. А. Причорноморська Скіфія VI–IV ст. до н. е. // Історія Української РСР. Київ, 1977. Т. 1.

Мозолевський 1979
Мозолевський Б. М. Товста Могила. Київ, 1979.

Штітельман 1977
Штітельман Ф. М. Античне мистецтво. Київ, 1977.

Animals in Ancient Art 1996
Animals in Ancient Art from the Leo Mildenberg Collection III / ed. by A. S Walker. Mainz, 1996.

Braund 1994
Braund D. Georgia in Antiquity : A History of Colchis and Transcaucasian Iberia, 550 BC–562 AD. Oxford, 1994.

Burney 2004
Burney Ch. Historical Dictionary of the Hittites. Lanham, 2004.

Corpus Vasorum Antiquorum 1931
Corpus Vasorum Antiquorum. Great Britain: Oxford, Ashmolean Museum. Fascicule 2 / J. D. Beazley, H. G. G. Payne, E. R. Price. Oxford, 1931.

Forgotten Empire 2005
Forgotten Empire: The World of Ancient Persia / ed. by J. Curtis, N. Tallis. London, 2005.

Dági 2006
Dági M. Training the Eye : Technical Details as Clues in the Attribution of Ancient Jewellery // Bulletin du Musée Hongrois des Beaux-Arts. 2006. N 105. P. 41–72.

Kaltsas 2003
Kaltsas N. Sculpture in the National Archaeological Museum, Athens / trans. by Dr. David Hardy. Los Angeles, 2003.

Lordkipanidze 2001
Lordkipanidze O. The Golden Fleece : myth, euhemeristic explanation and archaeology // Journal of Archaeology. 2001. Vol. 20. P. 1–38.

Montuoro 1925
Montuoro P. L'origine della decorazione frontonale. Roma, 1925. Vol. 1. P. 345–348. (Mem. Morali Storiche e Filologiche Serie ; VI).

Neesse 2014
Neesse T. Selective attachment processes in ancient gold ore beneficiation // Minerals Engineering. 2014. N 58. P. 52–63.

Popko 1974
Popko M. Kult Swietego runa w hetyckiej Anatolii // Przegląd orientalistyczny. 1974. Nr 91. P. 225–230.

Prendeville, Maginn 1841
Prendeville J., Maginn W. An Historical and Descriptive Account of the Famous Collection of Antique Gems Possessed by the Late Prince Poniatowski. London, 1841.

Richter 1949
Richter G. Archaic Greek Art Against its Historical Background. New York, 1949.

Rudolph 1986
Rudolph W. W. A Graeco-Scythian Gold Pectoral from Tolstaja Mogila near Ordzonikidze // American Journal of Archaeology. 1986. Vol. 90. P. 208, 209.

Rudolph 1991
Rudolph W. W. The Great Pectoral from the Tolstaya Mogila : A Work of the Certomlyk Master and his Studio // Metalsmith. 1991. Vol. 11 (4). P. 30–35.

Rudolph 1998
Rudolph W. The Sanctuary Workshop at Ephesos // The Art of the Greek Goldsmith. 1998. Vol. 4. P. 105–109.

Soudavar 2010
Soudavar A. The Formation of Achaemenid Imperial Ideology and its Impact on the Avesta // The World of Achaemenid Persia : History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East Edited / ed. by J. Curtis, St. J. Simpson. London, 2010. P. 111–130.

Wieland 2013
Wieland A. Skythisches Gold in griechischem Stil : Untersuchungen zur nordpontischen Toreutik am Beispiel der Waffen- und Gefäßbeigaben des Solocha-Kurgans : diss. der Doktorwürde. Bonn, 2011.

Williams 1988
Williams D. Three Groups of Fourth Century South Italian Jewellery in the British Museum // Römische Mitteilungen. 1988. Bd. 95. P. 75–95.

Williams 2005
Williams D. From Phokaia to Persepolis : East Greek, Lydian and Achaemenid Jewellery // Villing A. The Greeks in the East. London, 2005. P. 105–114.

М. Н. Дараган

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ПРЕДСКИФСКОГО И РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ: ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ, МЕТРОЛОГИЯ И МАРКИРОВКА[1]

Развитие каждого вида вооружения происходит в процессе эволюции или же революционного скачка. Лук и стрелы находились на вооружении различных сообществ степной и лесостепной полосы Евразии с глубокой древности, но их характеристики, видимо, длительное время совершенствовались незначительно. В эпоху бронзы потребность в стрелах как в массовом виде вооружения удовлетворялась за счет изготовления наконечников из камня и кости. Их типы долгое времени изменялись незначительно. И только с появлением бронзовых втульчатых наконечников стрел произошла своеобразная «стрелковая революция». Эксперименты с бронзовыми наконечниками на разных территориях начались еще в эпоху бронзы, но процесс выработки оптимальных форм продолжался, видимо, весьма долго (Дворниченко 1990. С. 49, 50). «Прорыв» начался только в предскифское время, когда появились первые колчанные наборы с бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел, а начиная с раннескифского времени лучники, использовавшие стрелы с металлическими наконечниками, становятся главной ударной силой. Новые и стандартизированные типы наконечников свидетельствуют о появлении иного типа лука с другими возможностями, определяющими абсолютно новые формы ведения стрелкового боя.

Динамика смены колчанных наборов очень значительна, а вариативный ряд наконечников стрел в предскифское и раннескифское время поражает изобилием. Суть механизмов, которые приводят к зарождению новых типов и исчезновению старых, не установлена. Ясно только, что «для такого действенного оружия, каким является наконечник стрелы, видимо, был важен принцип устройства, определяющий его баллистические данные в определенных условиях, и только совокупность определенных причин заставила изменять этот принцип (усовершенствование лука, оборонительного доспеха и т. д.)» (Медведская 1972. С. 82). Вполне вероятно, что морфологические «оттенки» каждого конкретного типа зависят от поражающих способностей наконечников. По этой причине весьма актуальными являются вопросы, связанные с уточнением существующей

[1] Работа выполнена в рамках стипендии, предоставленной фондом Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt Stiftung), по теме «Assimilation and Transformation of the Space at the End of the Bronze Age – Early Iron Age in the Northern Black Sea Coast: Geo-information Analysis of the Transformation of Settlement and Burial Structures». Выражаю искреннюю признательность всем коллегам, оказавшим помощь в сборе и обработке материала: А. Ю. Алексееву, Г. Базарбаевой, П. Я. Гавришу, С. В. Диденко, Л. И. Иванченко, Е. Ф. Корольковой, Ю. Ю. Ляшко, С. В. Кузьминых, И. Мотценбекеру, В. А. Подобеду, С. В. Полину, С. Н. Разумову, Т. В. Рябковой.

схемы типологии наконечников стрел (Черненко 1981. С. 5). Вполне уместно обратить внимание на метрические параметры наконечников, метрологические характеристики и такую интересную деталь, как знаки-метки, встречающиеся на наконечниках.

Вес наконечников стрел является важной характеристикой, поскольку он определяет такой параметр, как скорость, и в зависимости от этого проникающую способность стрелы[1]. Метрические же параметры стрелы напрямую связаны с размерами, упругостью и баллистической силой лука. И неслучайно в каждую эпоху бытовали не только наконечники стрел различных типов, но и вес наконечников заметно разнился[2].

Разные знаки-метки, встречающиеся на многих наконечниках, позволяют провести их сопоставительный анализ и выделить среди них экземпляры, полностью тождественных наконечникам из других скифских комплексов. Разнообразные по форме и технике нанесения, в целом они характерны для всей скифской эпохи, хотя в раннее время они чаще гравировались, а с V в. до н. э. появляются уже рельефные композиции, которые к IV в. до н. э. усложняются (Алексеев 2000. С. 300). Литые рельефные знаки-метки в большинстве случаев являлись, вероятно, метками мастера-литейщика, изделиям которого был присущ один или несколько знаков. Резные знаки могли наноситься владельцем стрелы (Смирнов 1961 С. 68; Бородовский 1997. С. 123; Алексеев 2000 С. 300; Ліфантій 2012. С. 31, 32).

Внешний вид наконечников определялся также литейными формами, использовавшимися для литья, и последующими операциями по заточке. На визуальном сходстве или различии наконечников, даже отлитых в одной форме, сказывались и малейшие нюансы заточки, поскольку каждая стрела затачивалась индивидуально (Черненко 1981. С. 99; Никитин 2007. С. 155–160)[3]. Поиск наконечников, отлитых в одной форме или же в «близкородственных» формах, весьма важен как при построении схемы типологии, так и для установления хронологии и распространения наконечников.

Цель данной работы – на примере как уже известных, так и новых серий наконечников стрел, ставших доступными автору для обработки, определить вес наконечников, выявить знаки-метки на них, а также проследить технологические детали, способные пролить свет на особенности их производства. Хронологические рамки исследования (IX–VII – начало VI в. до н. э.) определяются датировкой колчанных наборов, привлеченных к исследованию[4].

---

[1] Первый и весьма удачный опыт измерения веса скифских стрел приведен в работе В. И. Клочко (Клочко 1977. С. 52; Клочко 1981. С. 50, 51).

[2] Разный вес был у кремневых наконечников эпохи ранней и средней бронзы. Вес большей части небольших выемчатых наконечников стрел катакомбной культуры эпохи средней бронзы варьируется в пределах 0,15–2,0 г, длина – 1,5–3,0 см, ширина пера 1,0–2,0 см. В сечении они тонкие, линзовидные, толщиной 1,0–3,0 мм. Вес черешковых наконечников стрел конца средней – начала поздней бронзы больше – от 1,6 до 20,0 г, большинство 3,0–10 г (взвешивались образцы из Ливенцовской крепости: по Братченко 1989. С. 74, 75, 77). Древнерусские железные наконечники весили 8,0–10,0 г, арабские XV в. – 6,0–9,0 г (Там же. С. 77). Урартские железные двухлопастные черешковые наконечники стрел длиной 9,0–10,0 см весили 20,0–26,0 г, а бронзовые черешковые наконечники длиной 8,0–10,0 см весили 16,0–20,0 г (Urartu 2003). Ассирийские железные черешковые наконечники, использовавшиеся при штурме Лахиша, имели вес от 3,5 до 20 г (Gottlieb 2004. Fig. 27).

[3] Экспериментально установлено, что в ходе многократной заточки возможна типологическая трансформация наконечников стрел (Никитин 2007. С. 157, 158).

[4] Колчанный набор из погребения № 5 Высокой Могилы (Алексеев и др. 2005. С. 126) может датироваться еще IX в. до н. э. Концом VII в. до н. э. датируется погребение № 2 кургана Репяховатая Могила (Дараган 2010. С. 197), к рубежу VII/VI вв. до н. э. или же к началу VI в. до н. э. относятся наконечники, использовавшиеся во время штурма Трахтемировского городища (Фіалко, Болтрик 2003. С. 82) и этим же временем могут датироваться некоторые наконечники из поселений Лесостепной Скифии.

Наконечники стрел предскифской серии

Высокая Могила, курган, погребение № 5 (Нижнее Поднепровье). Колчанный набор состоял из двухлопастных втульчатых бронзовых (24 экз.) и костяных (14 экз.) наконечников стрел разных типов (Бидзиля, Яковенко 1974. С. 155). Среди бронзовых выделяются наконечники пяти типов[1].

Девятью экземплярами представлены наконечники с узким симметрично-ромбическим пером и выступающей втулкой. Среди них выделяются крупные наконечники длиной до 4,0 см, весом 6,0–5,2 г (ил. 1: *1–6*) и короткие, длиной до 3,4 см, весом 4,4–4,5 г (ил. 1: *7–8*). Наконечники в месте перехода пера во втулку с двух сторон имеют несовпадающие друг с другом рельефные пояски (валики) (ил. 1: *1, 2, 4, 8*). Двенадцатью экземплярами представлены наконечники килевидной формы с острыми шиповидными концами лопастей и выступающей втулкой с заметным расширением снизу. Выделяются крупные наконечники длиной до 3,5 см, весом 5,8, 5,4, 5,2 г (ил. 1: *11–14, 16–18, 20, 21*) и короткие – длиной до 3,0 см, весом 3,8–4,6 г (ил. 1: *15, 19, 22, 23*). У одного из них, с более сглаженным очертанием лопастей, на втулке узор в виде «решетки» из валиков (ил. 1: *11*).

Единичны в наборе наконечники длиной 2,8 см с ромбической головкой и короткой широкой втулкой (ил. 1: *9*); длиной 2,9 см с узким симметрично-ромбическим пером и выступающей втулкой, украшенной «решеткой» из валиков[2] и весом 4,6 г (ил. 1: *10*); длиной 3,2 см с листовидной головкой и шипом у втулки с рельефным валиком у ее основания, весом 3,6 г (ил. 1: *24*).

Втулки большинства наконечников несколько расширены книзу, диаметром до 0,7 см, края их часто рваные, с недоливами и раковинами. Асимметрично-ромбические наконечники имеют явно выраженную нервюру по всей длине втулки. У килевидных наконечников нервюра проходит только вдоль пера, внизу втулка округлого сечения. Расхождение по весу наконечников внутри колчанного набора до 3,5 г.

Ольшана, курган (Украинская Правобережная Лесостепь). В колчанном наборе погребения у с. Ольшана сохранилось 92 бронзовых втульчатых наконечника, разделяющихся в целом на семь типов (Ковпаненко, Скорый 2005. С. 277–282)[3]. Доступными для обработки были наконечники трех типов. К первому относятся наконечники новочеркасского типа[4]. Размеры их варьируют от 4,5 до 3,7 см. Известны и экземпляры длиной 5,0–5,3 см. У более крупных экземпляров – более длинные втулки (Там же. С. 278. Рис. 10, *3–26*). Вес их варьирует в диапазоне 3,09–4,83 г (ил. 2: *7–13*). Исходя из размеров наконечников и особенно меток мастера на некоторых из них, Г. Т. Ковпаненко

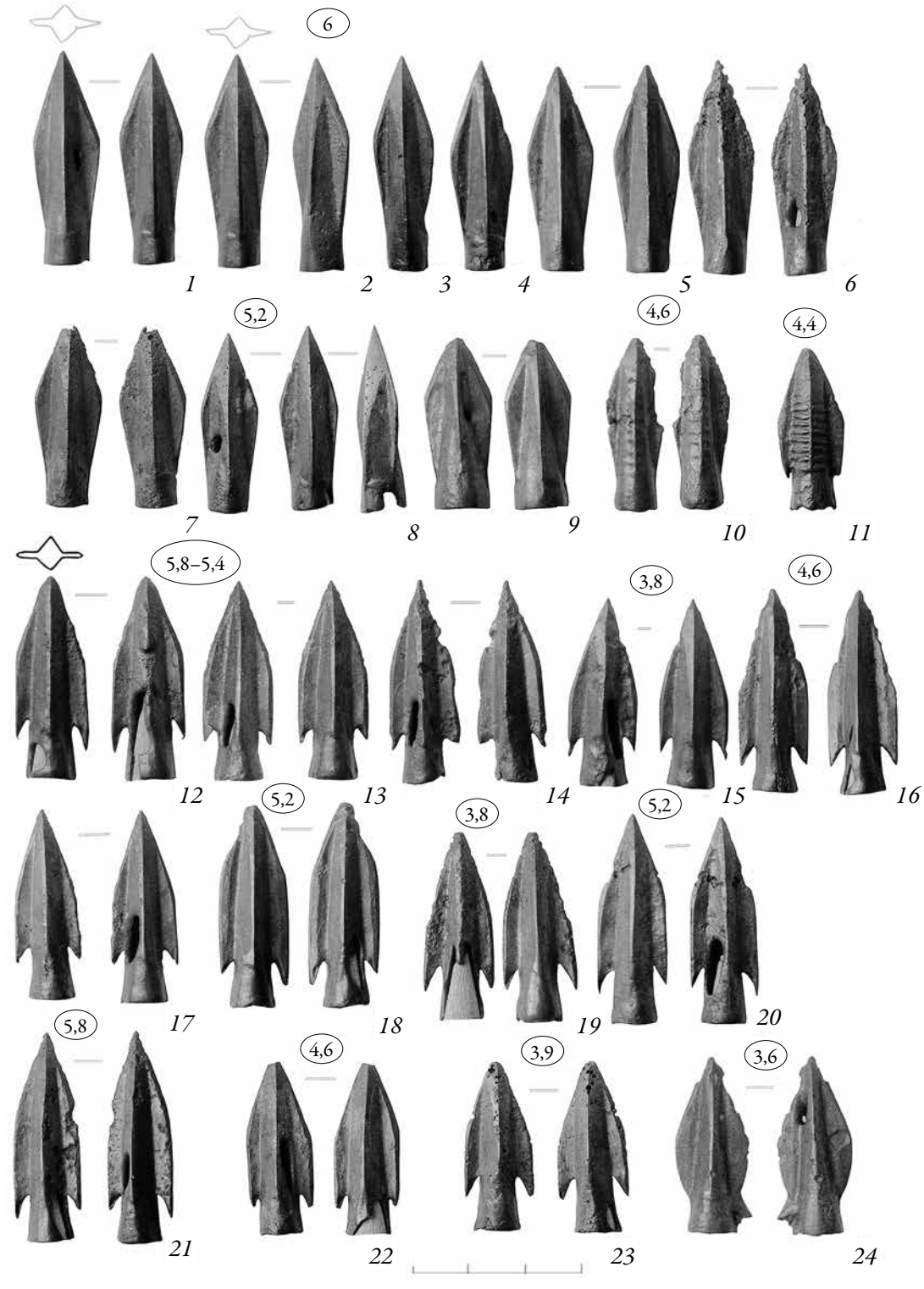
---

[1] Обработаны бронзовые втульчатые наконечники, хранящиеся в Национальном историческом музее Украины. Искренне признательна С. В. Диденко за содействие при работе с материалами коллекции.

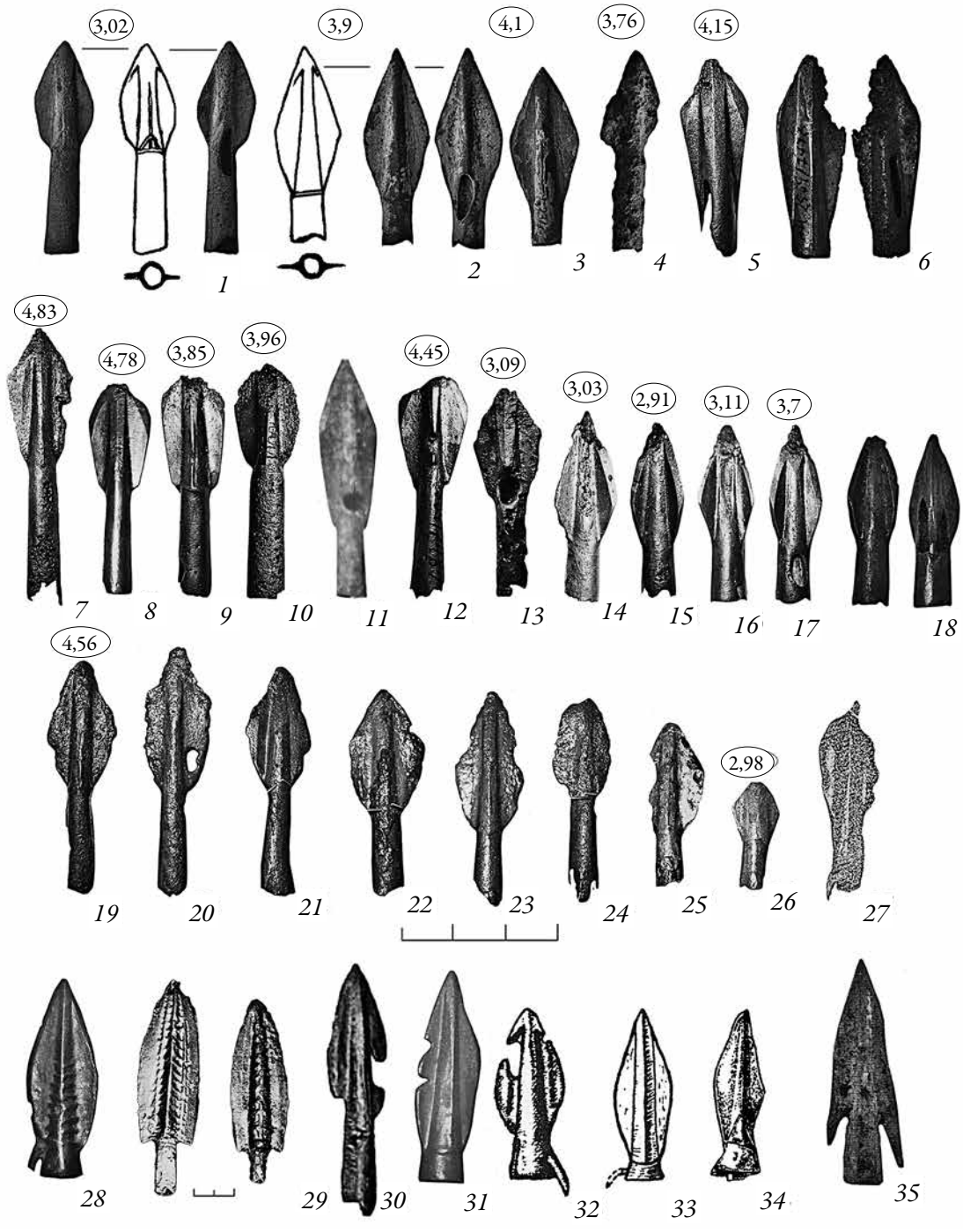
[2] «Решетка» из валиков – термин, предложенный В. И. Клочко (Клочко 1979. С. 41). С. А. Скорый называет данный узор «вертикальным пояском с четырьмя поперечными отростками» (Ковпаненко, Скорый 2005. С. 278. Рис. 10, *14*), а С. Б. Вальчак – «имитацией обмотки ребра жесткости» (Вальчак 2006. С. 269).

[3] Обработаны наконечники из хранения археологического музея ИА НАНУ. Искренне признательна Л. И. Иванченко за содействие при обработке материалов коллекции.

[4] Наконечники новочеркасского типа легко узнаваемы – с укороченной, составляющей примерно ½ от длины всего наконечника головкой, облегченным пером в виде ромба или лопаточки и длинной втулкой. Головка часто многоугольная, верхняя ее треть или половина заточены на верхний угол, иногда вплоть до придания перу ромбовидной формы, боковые стороны пера чаще сужаются книзу (иногда параллельны или овальны) и, закругляясь, переходят к втулке (Іллінська 1973. С. 24; Дворниченко 1990. С. 51).



Ил. 1. Высокая Могила, погребение № 5 (фотографии М. Н. Дараган)



Ил. 2. *1–3* – Михайловка, поселение; *4* – Жаботин, поселение; *5–18* – Ольшана; *19–27* – Зольное; *28, 31* – Малая Цимбалка, *29* – Синташта; *30* – курган у ст. Некрасовской; *32* – Аксайский, поселок; *33* – погребение № 309 могильника Клин-Яр-III; *34* – погребение № 164 могильника Клин-Яр-III; *35* – Ираклион
1–26, 28, 31 – фотографии М. Н. Дараган; *1–2* – рисунки С. Н. Разумова; *27* – по Клочко 1979. С. 45; *29* – по Дегтяревой 2010. Рис. 61, 8–14; *30* – по Миру кочевников 2013. С. 35; *32* – по Вальчаку, Дворниченко 2005. Рис. 2, 3; *33–34* – по Белинскому, Дудареву 2001. С. 67, 68. Рис. 6, *4*; Белинскому, Дудареву 2007; *35* – по D'Amato, Salimbeti 2013. P. 48)

и С. А. Скорый предположили, что они отлиты по крайней мере в семи различных формах (в четырех – наконечники с метками) (Там же). Второй тип наконечников представлен двухлопастными с асимметрично-ромбической формой пера, длиной до 4,0 см, весом 4,15–4,30 г. Некоторые из них (равно как и экземпляры из Высокой Могилы) по всей длине втулки имеют явно выраженную нервюру (ил. 2: *5*, *6*). К третьему типу относятся трехлопастные с треугольным и листовидным пером и длинной втулкой. Лопасти по отношению к втулке срезаны под тупым углом. Длина их 3,0–3,5 см, вес 2,91 – 3,70 г (ил. 2: *14–18*). Вес наконечников в рамках колчанного набора варьируется до 2,0 г.

Зольное, курган 1, погребение № 10 (Предгорный Крым). В колчанном наборе было 33 втульчатых наконечника, из них 25 бронзовых, 4 железных и 4 костяных[1] (Щепинский 1962. С. 57–61. Рис. 1–8).

Все бронзовые наконечники относятся к новочеркасскому типу. Самый легкий наконечник длиной 2,3 см весит 2,98 г (ил. 2: *26*), самый тяжелый длиной 4,5 см – 4,56 г (ил. 2: *19*). На лопасти одного из наконечников сделан округлый надпил (ил. 2: *25*). Еще у одного наконечника в основании лопасти шип (Клочко 1979. Рис. 3) (ил. 2: *27*).

Качество отливок наконечников из Зольного и Ольшаны плохое. Края втулок всех наконечников рваные, всегда с большими раковинами. Следы недолива в виде раковин встречаются и на лопастях наконечников.

Михайловка, поселение, подъемный материал[2] (Украинская Правобережная Лесостепь). На поселении жаботинского времени у с. Михайловка Ю. Ю Ляшко найдено три бронзовых втульчатых наконечника, отнесенных к предскифской серии. Первый – новочеркасского типа длиной 4,0 см, весом 3,02 г. Ударная головка пера имеет подчеркнуто треугольную форму, нижние края каждой лопасти несколько округлены с заметным изгибом при переходе к втулке. Лопасти раскованы и несколько асимметричны. Дальнейшей заточке подверглись не только лопасти, но и верхняя часть втулки. С одной стороны у основания втулки имеется рельефный валик, а над ним – метка в виде «птичьей лапы», средняя полоса которой продолжается выше в виде вертикального рельефного валика. С противоположной – на втулке – большой овальный литник длиной 1,0 см, а у основания втулки – выемка, возможно, надпил округлой формы (ил. 2: *1*). У двух других наконечников перо ромбической формы и короткая втулка. Длина первого – 3,8 см, вес 3,9 г, у основания втулки – горизонтальный литой валик (ил. 2: *2*). Длина второго наконечника 3,5 см, вес 4,1 г (ил. 2: *3*). Втулки обоих наконечников со слабо выраженной нервюрой, по центру втулок проходит шов. Лопасти раскованы. Последующей заточке подверглись как верхние, так и нижние части лопастей. С одной стороны на втулке обоих наконечников имеется большая овальная раковина.

На **Жаботинском поселении** был найден железный двухлопастный втульчатый наконечник, по абрису напоминающий наконечники новочеркасской серии, длиной 4,0 см, весом 3,76 г (ил. 2: *4*).

---

[1] Обработаны бронзовые втульчатые наконечники из хранения археологического музея ИА НАНУ. Искренне признательна Л. И. Иванченко за содействие при обработке материалов коллекции.

[2] Поселение открыто Ю. Ю. Ляшко. Расположено в 7 км к юго-западу от Жаботинского поселения (Ляшко 1992. С. 51–53). Обработаны наконечники, хранящиеся в Каменском историческом музее. Искренне признательна Ю. Ю. Ляшко за содействие при работе с материалами коллекции.

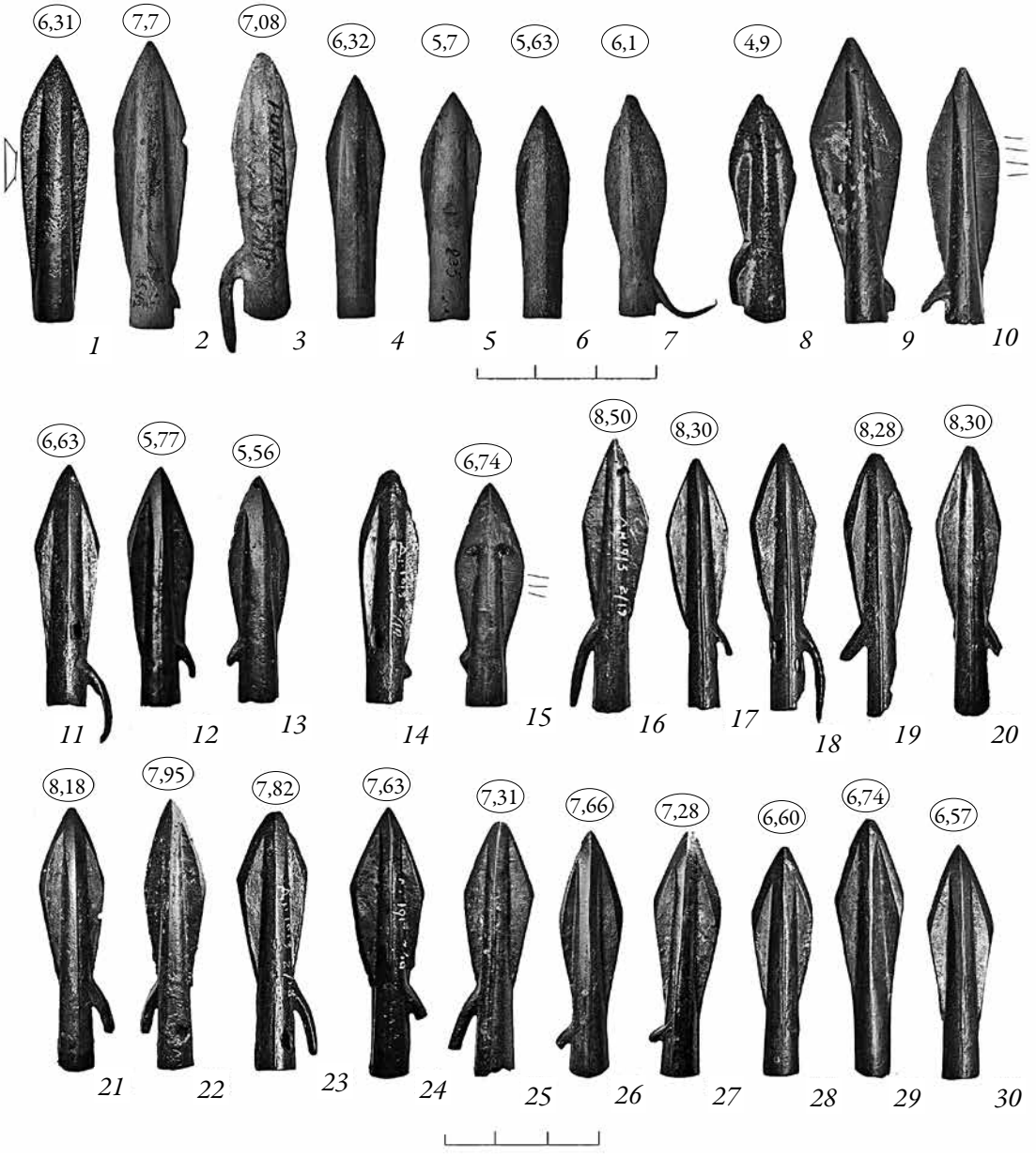
Жаботинская серия. Асимметрично-ромбические двухлопастные наконечники

К жаботинским наконечникам обычно относят асимметричные / симметричные ромбические двухлопастные образцы с шипом и без шипа. По длине втулки (или ее отсутствию), массивности и характеру очертания лопастей наконечники разделяются на собственно жаботинские (позднежаботинские) и раннежаботинские, называемые также тип Енджа или Енджа-Жаботин (Іллінська 1973. С. 17; Полін 1987. С. 61–63; Дараган, Подобед 2011. С. 564; Рябкова 2012; Рябкова 2014. С 378, 379). На самом деле вариативный ряд наконечников, воспринимаемых как жаботинские, очень велик (ил. 3–5, 7). Между тем проблема определения разновидности асимметрично-ромбических наконечников имеет ключевое значение при разработке происхождения и хронологии раннескифской культуры[1]. Конечный результат может быть только один: определиться в терминах.

Жаботин, курган 524 (Украинская Правобережная Лесостепь). Колчанный набор состоял из 30 двухлопастных втульчатых бронзовых и костяного пулевидного наконечников стрел. Среди бронзовых наконечников выделяются стрелы не менее шести групп (Рябкова 2012. С. 347, 348; Рябкова 2014. С. 380–383)[2] длиной 5,0–5,1 см, с симметрично-ромбическим очертанием лопастей и длинной втулкой с шипом, весом 7,31–8,50 г (17 экз.) (ил. 3: *11–30*); длиной 4,5–4,7 см, с симметрично-ромбическим (иногда в результате заточки – с лавролистным) очертанием лопастей, но более короткой втулкой и шипом, расположенным на середине втулки, весом 7,2–7,66 г (ил. 3: *26*); длиной 4,1 см, с лавролистным очертанием лопастей и короткой втулкой с шипом, весом 5,56 г (ил. 3: *13*); длиной 4,1 см, с лопастями асимметрично-ромбической формы и короткой втулкой с шипом, весом 5,77 г (ил. 3: *12*); длиной 4,3–4,5 см, с асимметрично-ромбической формой лопастей и укороченной втулкой с длинным изогнутым шипом, весом 6,63 г (ил. 3: *11*); длиной 4,2–4,8 см, с асимметрично-ромбическим пером и укороченной втулкой, весом 6,57–6,74 г (ил. 3: *28–30*). У одного из наконечников нижняя часть втулки округлая, а верхняя – с явно выраженной нервюрой (ил. 3: *29*). Единственным экземпляром представлен в этой серии наконечник длиной 4,0 см, овально-ромбической формы, с утяжеленной головкой пера, выступающей втулкой и шипом, весом 6,74 г, с резной меткой в виде трех параллельных линий на одной из лопастей (ил. 3: *15*).

[1] Достаточно обратиться к работам исследователей А. И. Иванчика, С. Л. Дударева, С. В. Махортых, В. Р. Эрлиха и Т. В. Рябковой касательно киммерийско-скифской переднеазиатской эпопеи и сравнить типологические определения наконечников стрел, найденных в фригийском слое поселения Каман-Калехуюк. А. И. Иванчик отмечал, что в Передней Азии известны только наконечники раннескифского типа, двухлопастные («келермесские», иногда «жаботинские») или трехлопастные (Иванчик 1999. С. 91), а «стрелы самого раннего «скифского» типа, крупные асимметрично-ромбические наконечники типа Енджи в Передней Азии не известны» (Иванчик 2011. С. 68). С. В. Махортых, возражая А. И. Иванчику об отсутствии стрел предскифских типов, определяет как предскифские, подобные типам из Высокой Могилы и Малой Цимбалки наконечники из поселения Каман-Калехуюк (Махортых 2000. С. 190). С. Л. Дударев видит их как раннежаботинские. А. И. Иванчик же отмечает, что асимметрично-ромбические наконечники (типа Енджи) там отсутствуют (Иванчик 2006. С. 158). В. Р. Эрлих же, оппонируя А. И. Иванчику, пишет, что «в Каман-Калехуюке в действительности встречаются удлиненно-ромбические, а не асимметрично-ромбические» наконечники стрел, вполне сопоставимые с типом Енджа» (Эрлих 2013. С. 46. Прим. 2). И, наконец, Т. В. Рябкова некоторые типы наконечников из колчанного набора кургана 524 у с. Жаботин напрямую сопоставляет с рядом образцов из Передней Азии, в том числе и из поселения Каман-Калехуюк (Рябкова 2014. С. 380).

[2] Обработаны наконечники, хранящиеся в фондах ОАВЕС Государственного Эрмитажа. Искренне признательна Т. В. Рябковой за содействие при работе с материалами коллекции.



Ил. 3. *1, 3, 8* – Жаботин, поселение; *2, 4–7* – Михайловка, поселение; *9, 10* – курган у с. Капитановка; *11–30* – курган 524 у с. Жаботин. Фотография М. Н. Дараган

За исключением двух экземпляров, с утяжеленной головкой и с лавролистными очертаниями лопастей, на втулках остальных наконечников с обеих лицевых сторон имеются литейные швы в виде рельефных валиков, равно как и с боков втулок, на шипах и на нижней части лопастей. Заточены только верхние части лопастей. Нижние у большинства не заточены, на них сохранились литейные швы, у остальных наоборот – заглажены, вероятно, вследствие удаления слишком явных заусенцев. В большинстве

случаев нижние края лопастей имеют достаточно прямые очертания, что вместе с прямой заточкой верхней части и придает наконечникам довольно четкие ромбические очертания. У десяти наконечников – отверстия на втулках, у трех – раковины на краю лопасти или на верхней части втулки.

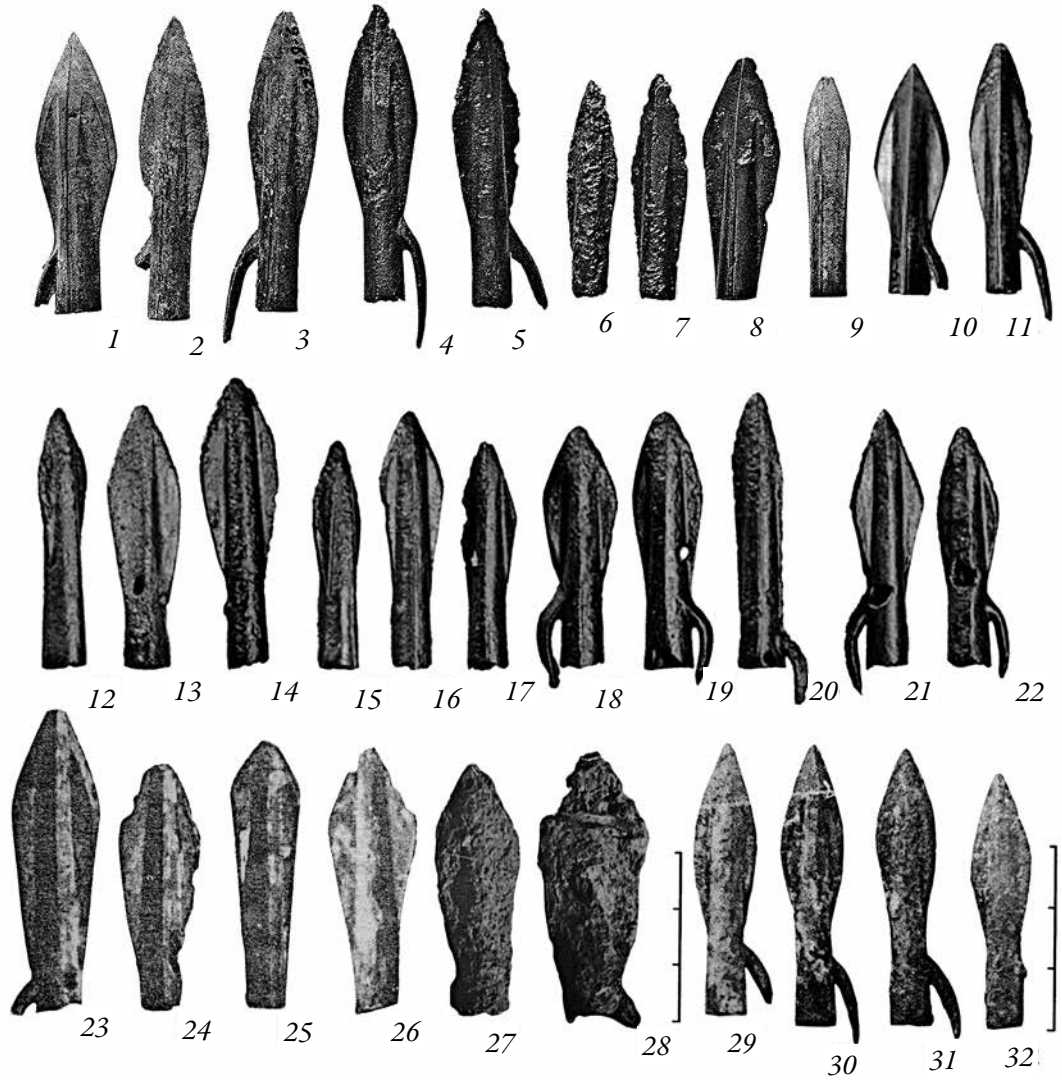
Различия в весе наконечников в рамках колчанного набора варьируют в пределах 3,0 г.

Жаботин, поселение, наконечники из комплексов. Двухлопастный, длиной 4,5 см, с асимметрично-ромбическим пером, короткой втулкой с длинным шипом, расположенным у основания лопасти. Посередине втулки проходит выраженное продольное ребро. Вес 7,08 г (ил. 3: *3*); двухлопастный, длиной 4,5 см, с пером асимметрично-ромбической формы, короткой втулкой, весом 6,31 г; на одной из лопастей процарапана метка в виде «трапеции» (ил. 3: *1*); двухлопастный, длиной 3,8 см, с лопастями асимметрично-ромбической формы, утяжеленной головкой и выступающей втулкой с шипом, весом 4,49 г; в результате пролива металла шип не отделен от втулки; лопасти и головка наконечника сильно сточены, без изменений остались только втулка и шип (ил. 3: *8*) (Дараган 2011. С. 440).

Михайловка, поселение, подъемный материал. Двухлопастный, длиной 4,9 см, асимметрично-ромбической формы. Ударная головка пера подчеркнуто треугольной формы, нижние края каждой из лопастей опускаются к втулке под острым углом; втулка выступает на 0,5 см, в нижней части округлая в сечении, в верхней – переходит в ромбическую, с отчетливо выраженным продольным ребром по всей длине пера и шипом ниже основания пера; на одной из лопастей – небольшой полукруглый надпил, вес 7,7 г (ил. 3: *2*); двухлопастный, длиной 3,8 см, асимметрично-ромбической формы с сильно сточенными лопастями, длинной, округлой в сечении втулкой; в основании втулки – выемка от литника или же надпил, вес 5,7 г (ил. 3: *5*); двухлопастный, длиной 4,0 см, с пером асимметрично-ромбической формы, плавно переходящим в выступающую втулку, весом 6,32 г (ил. 3: *4*); двухлопастный, длиной 3,5 см, с пером асимметрично-ромбической формы, плавно переходящим в выступающую втулку, весом 5,63 г (ил. 3: *6*); двухлопастный, длиной 3,8 см, с пером овально-ромбической формы с выступающей втулкой с длинным, изогнутым шипом, весом 6,1 г (ил. 3: *7*). Все наконечники с двухсторонней заточкой верхней части лопастей.

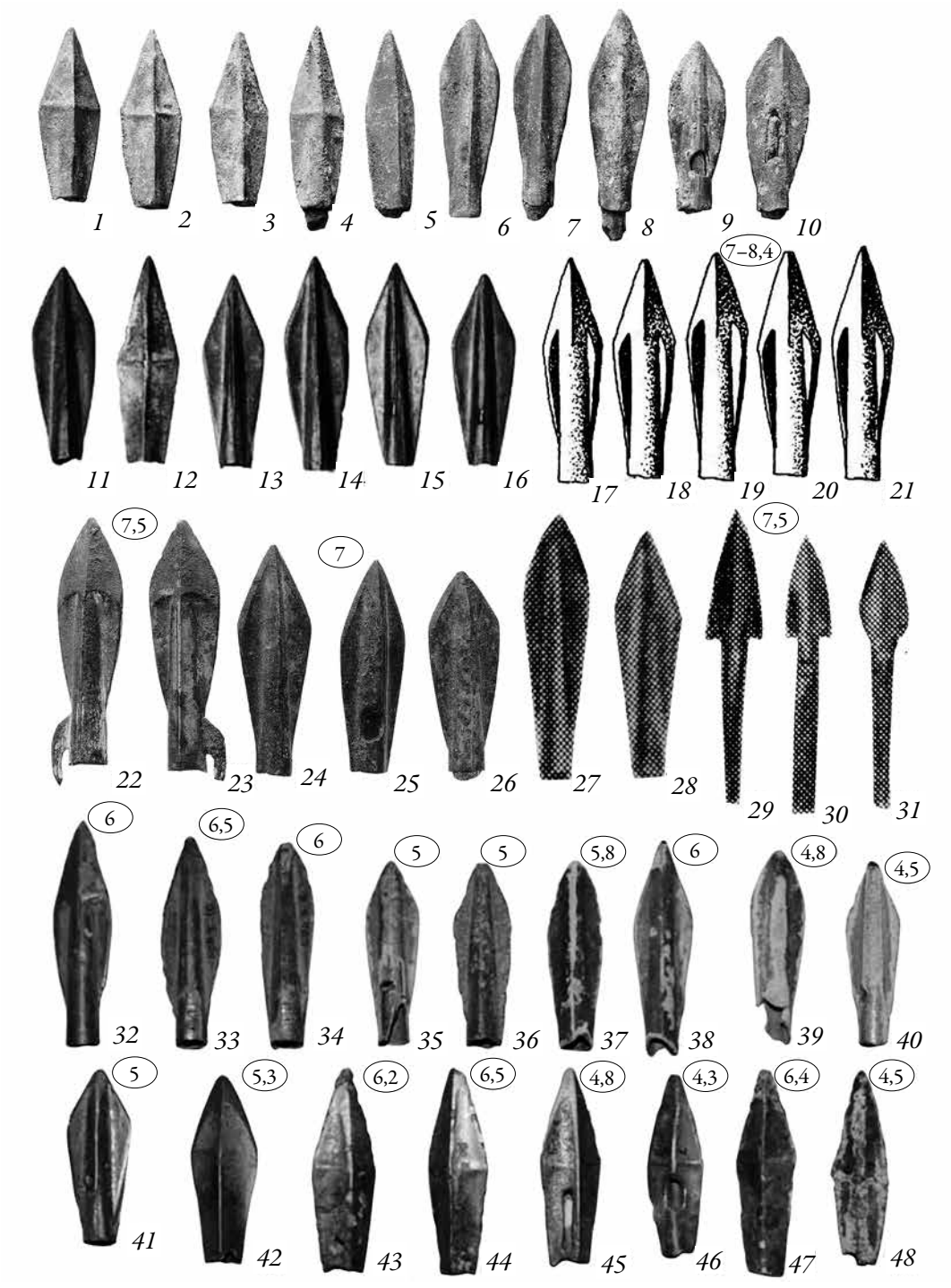
На Жаботинском и Михайловском поселениях найдены, кроме того, наконечники иных форм. Они, по всей видимости, могут относиться еще к VIII – началу VII в. до н. э. Это наконечник пулевидной формы длиной 3,1 см и весом 3,89 г с круглой раковиной на втулке (ил. 11: *3*). Еще у двух экземпляров лопасти килевидной формы и короткие выступающие втулки. Длина более крупного наконечника 4,0 см, вес 6,92 г (ил. 11: *1*). Меньший – длиной 3,0 см и весом 3,1 г с небольшой утяжеленной головкой. На лопастях этого наконечника с обеих сторон нанесены резные метки в виде рисок и крестов (ил. 11: *2*).

Карамурун I, курган 5ж (Восточный Казахстан). В погребении находился колчан, в котором было уложено в три ряда 42 бронзовых, три костяных и один деревянный наконечники стрел. Из них бронзовых двухлопастных втульчатых было 22 экз., трехлопастных втульчатых – 19 экз. и один черешковый двухлопастной (Маргулан и др. 1966. С. 377, 378). Двухлопастные наконечники представлены типами с овально-ромбическим пером длиной 4,5–4,6 см и с асимметрично-ромбическим пером длиной до 4,0 см со слабо выраженной или утопленной втулкой. Различаются наконечники без шипа и с шипом,

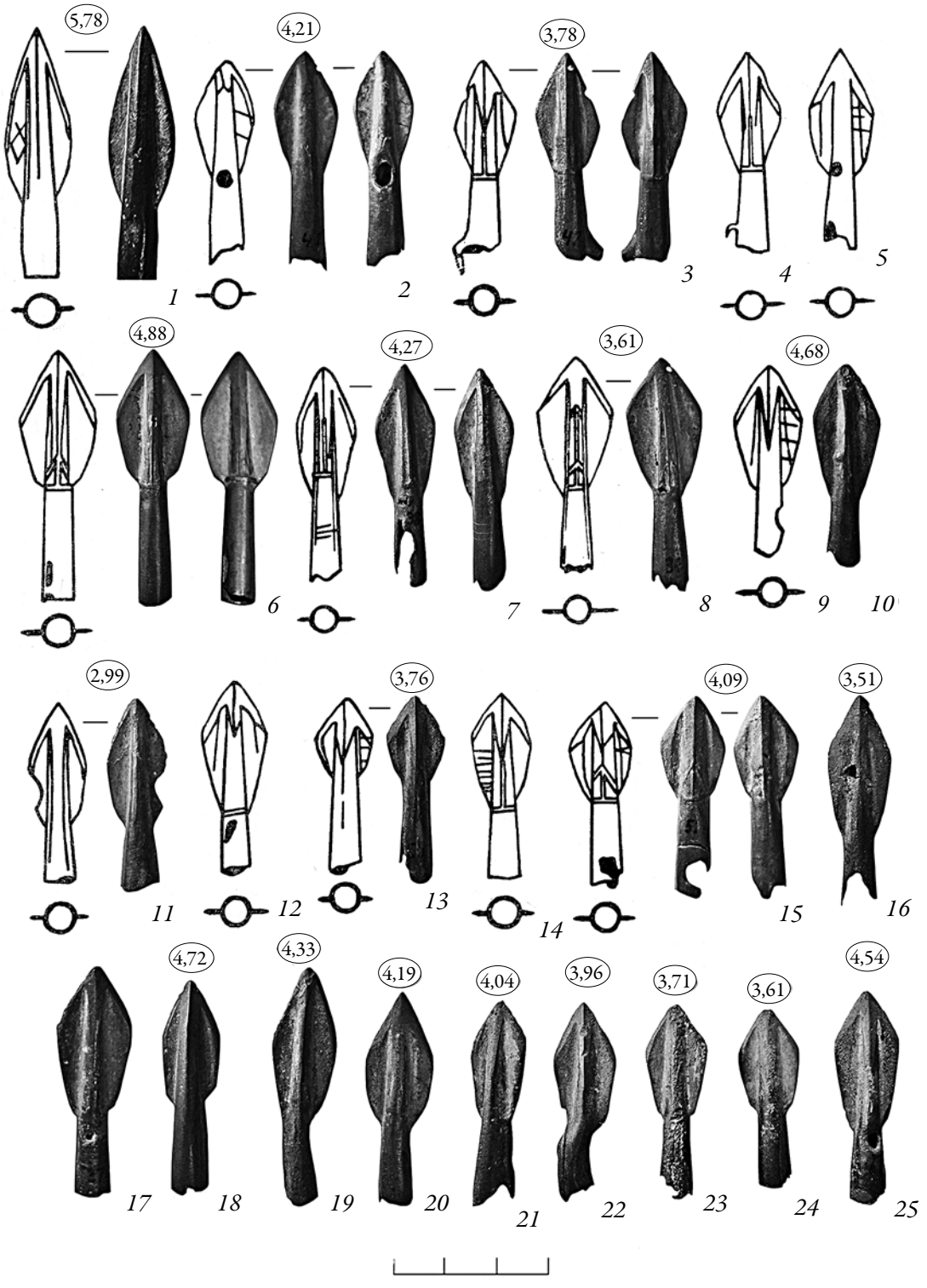


Ил. 4. *1–9* – Келермесс (по Галаниной 2006. С. 34); *10–11* – Келермесс, курган 24 (по Миру кочевников 2013. С. 37); *12–22* – курган 41 могильника у с. Клады (по Миру кочевников 2013. С. 35); *23–26* – Сержень-Юрт, поселение (по Козенковой 1965. С. 70; Козенковой, Крупнову 1966. С. 84); *27–28* – зольник № 19 Западного Бельского городища (по Шрамко 1968. Табл. III); *29–32* – курган возле с. Пожарная Балка (по Андриенко 1997; Андриенко 2004. С. 120)

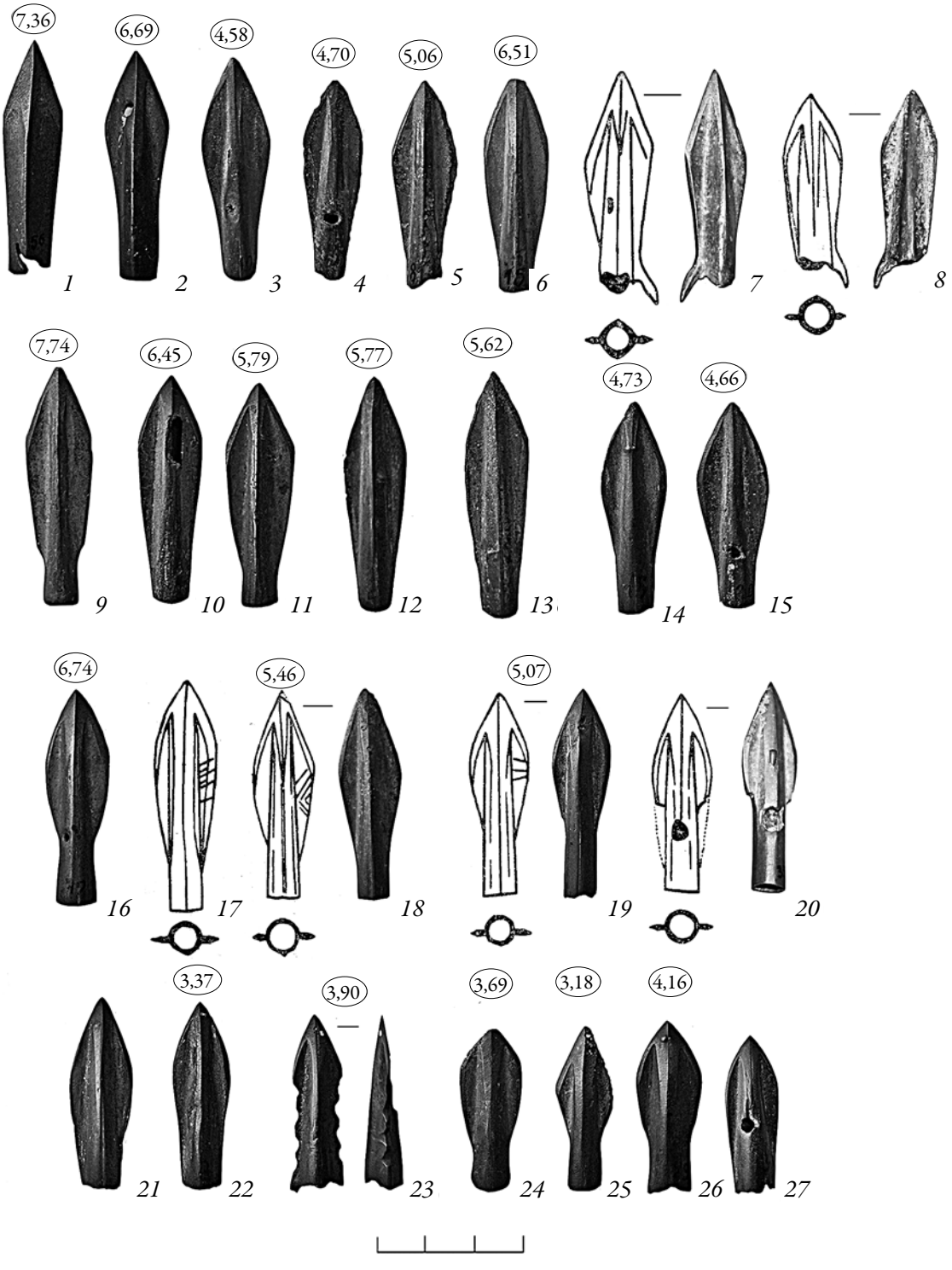
расположенным у основания втулки. Вес этих наконечников 7,0 г. По центру втулок некоторых наконечников этой группы проходит чуть заметная нервюра (ил. 5: *24–28*). В отдельный тип выделяются двухлопастные наконечники с утяжеленной головкой, выступающей втулкой и с шипом, расположенным у основания лопастей. Вес таких наконечников – 7,5 г (ил. 5: *22*, *23*). Трехгранные черешковые наконечники трех типов: с лопастями, почти доходящими до острия; с выемками в нижней части головки; с зубчатыми выемками (ил. 5: *29–31*). Наиболее тяжелые и крупные наконечники этой группы длиной до 6,0 см и весом до 7,5 г (Маргулан и др. 1966. С. 377, 378. Рис. 58; L'Uomo d'oro 1998. P. 129).



Ил. 5. *1–10* – Шагалалы IV (по Сакенову и др. 2015); *11–16* – Майемир 2 (по Unbekanntes Kasachstan 2013b. P. 146); *17–21* – Торайгыр VI, курган 3 (по Пересветову 2010. С. 149); *22–31* – Карамурун (по Маргулан и др. 1966. С. 364; L'Uomo d'oro 1998. P. 129; Of Gold and Grass 2007. P. 98); *32–48* – Боровое III, поселение (Верхнее Приобье) (по Тишкину и др. 2014)



Ил. 6. Гумарово, курган 1, погребение № 3
(рисунки по Исмагилову 1988. С. 36, 37; фотографии – М. Н. Дараган)



Ил. 7. Гумарово, курган 1, погребение № 3
(рисунки по Исмагилову 1988. С. 36, 37; фотографии – М. Н. Дараган)

Торайгыр VI, курган 3 (Восточный Казахстан). В погребении было пять однотипных втульчатых наконечников длиной 4,4–4,7 см, с узким ромбическим пером и выступающей втулкой, весом 7,0–8,4 г (ил. 5: *17–21*) (Пересветов 2010. С. 150. Рис. 1, *7*).

Боровое III, поселение (Верхнее Приобье). Исследован бронзолитейный комплекс, возможно, мастерская по изготовлению двухлопастных втульчатых наконечников стрел (Тишкин и др. 2014. С. 96–111). Выявлено 18 двухлопастных наконечников, которые авторы относят к трем морфологическим группам: с асимметрично-ромбическим абрисом пера и выступающей втулкой; со скрытой втулкой и асимметрично-ромбическим пером; со скрытой втулкой ромбической формой сечения и ромбическим пером (Там же. С. 109). Вес наконечников от 4,3 до 6,5 г (ил. 5: *32–48*). Один из наконечников имеет утяжеленную головку (ил. 5: *32*).

Гумарово, курган 1, погребение № 3 (Южное Приуралье). Колчанный набор состоял из 88 бронзовых и одного железного наконечников стрел. Среди бронзовых наконечников преобладают втульчатые (71 экз.), меньше черешковых (17 экз.) (Исмагилов 1988. С. 34–39. Рис. 5–7)[1].

Особенностью данного колчанного набора является сочетание двухлопастных наконечников новочеркасского типа с различными вариациями асимметрично-ромбических двухлопастных, втульчатых трехлопастных и черешковых трехлопастных наконечников.

Наконечники новочеркасского типа, длиной 3,4–4,8 см с выступающими тонкими, округлыми втулками без граней и нервюр. На втулках часто имеются раковины, а края втулок у большей части наконечников рваные. У двух наконечников у основания втулки расположены небольшие шипы (ил. *6: 3, 4*). Восемь наконечников с литыми метками (ил. 6: *3, 4, 6, 7, 8, 12, 14, 15*), причем у трех они дополнены резными (ил. 6: *7, 14, 15*). Только резные метки в виде разных параллельных линий есть у четырех наконечников (ил. 6: *2, 5, 9, 13*). Если новочеркасские наконечники из Северного Причерноморья имеют на лопастях следы проковки, то гумаровские прокованы не все. Вследствие этого некоторые из них имеют очертания лопастей, близкие и к ромбовидным, и к лавролистым. Вес наконечников этой серии варьирует от 3, 51 до почти 5,0 г.

Наконечники с удлиненным асимметрично-ромбическим пером, длиной 3,0–4,8 см, короткой выступающей втулкой; втулки большей части наконечников этой серии граненые, по центру с чуть заметной нервюрой; на втулках, как правило, имеются раковины. У двух наконечников шипы, располагавшиеся непосредственно у основания втулки (ил. 7: *7–8*). Еще у двух на лопастях процарапаны метки: у одного – шесть наклонных параллельных линий разной длины (ил. 7: *17*), у второго – три сходящиеся под углом линии (ил. 7: *18*). Еще у одного наконечника основания лопастей подпилены (ил. 7: *20*). Вес наконечников этой серии 4,66–5,79 г. Выделяются также ромбические наконечники размерами 4,3 и 3,5 см, с утопленной втулкой и четким вертикальным ребром, весом до 7,36 г (ил. 7: *1*).

Наконечники с ромбическим и лавролистным пером, длиной 3,0–3,5 см, с выступающей или утопленной втулкой, весом 3,18–4,16 г (ил. 7: *24–27*). У одного из наконечников лопасти слабо выражены, он больше напоминает пулевидный. У другого на обеих лопастях сделаны симметричные надпилы, а у основания пера расположен шип (ил. 7: *23*).

[1] Обработаны наконечники, хранящиеся в фондах ОАВЕС Государственного Эрмитажа. Искренне признательна Т. В. Рябковой за содействие при работе с материалами коллекции.

Наконечники с овально-листовидным (лавролистным) пером, равным примерно 2/3 длины всего наконечника, длиной 3,4–4,2 см, весом 5,0–5,8 г; на лопасти самого крупного наконечника – резная метка в виде ромба с продленными верхними линиями (ил. 6: *1*), лопасть еще одного – с надпилом округлой формы (ил. 6: *11*).

Трехлопастные втульчатые наконечники делятся на два типа. К первому относятся экземпляры длиной 3,5–4,0 см с выступающей втулкой и остролистной головкой, грани которой соединяются под тупым углом. У одного из них на середине втулки расположен шип (Исмагилов 1988. Рис. 7, 75). Ко второму типу принадлежат наконечники длиной 3,6–4,5 см, с выступающей втулкой и широким массивным сводчатым (редко треугольным) пером, заканчивающимся косо или горизонтально срезанными внизу лопастями, весом 3,9–6,9 г (ил. 8: *1–10*) (Там же. С. 39. Рис. 7, *78–88*).

Трехлопастные черешковые, длиной 4,3–6,5 см, со сводчатым или треугольным пером с арочным, треугольным или вильчатым вырезом ложка. На черешке одного из наконечников имеется узелковый упор. На четырех образцах прочерчены знаки. Вес наконечников 5,2–7,26 г (ил. 8: *11–15*) (Там же. Рис. 7, *58–74*).

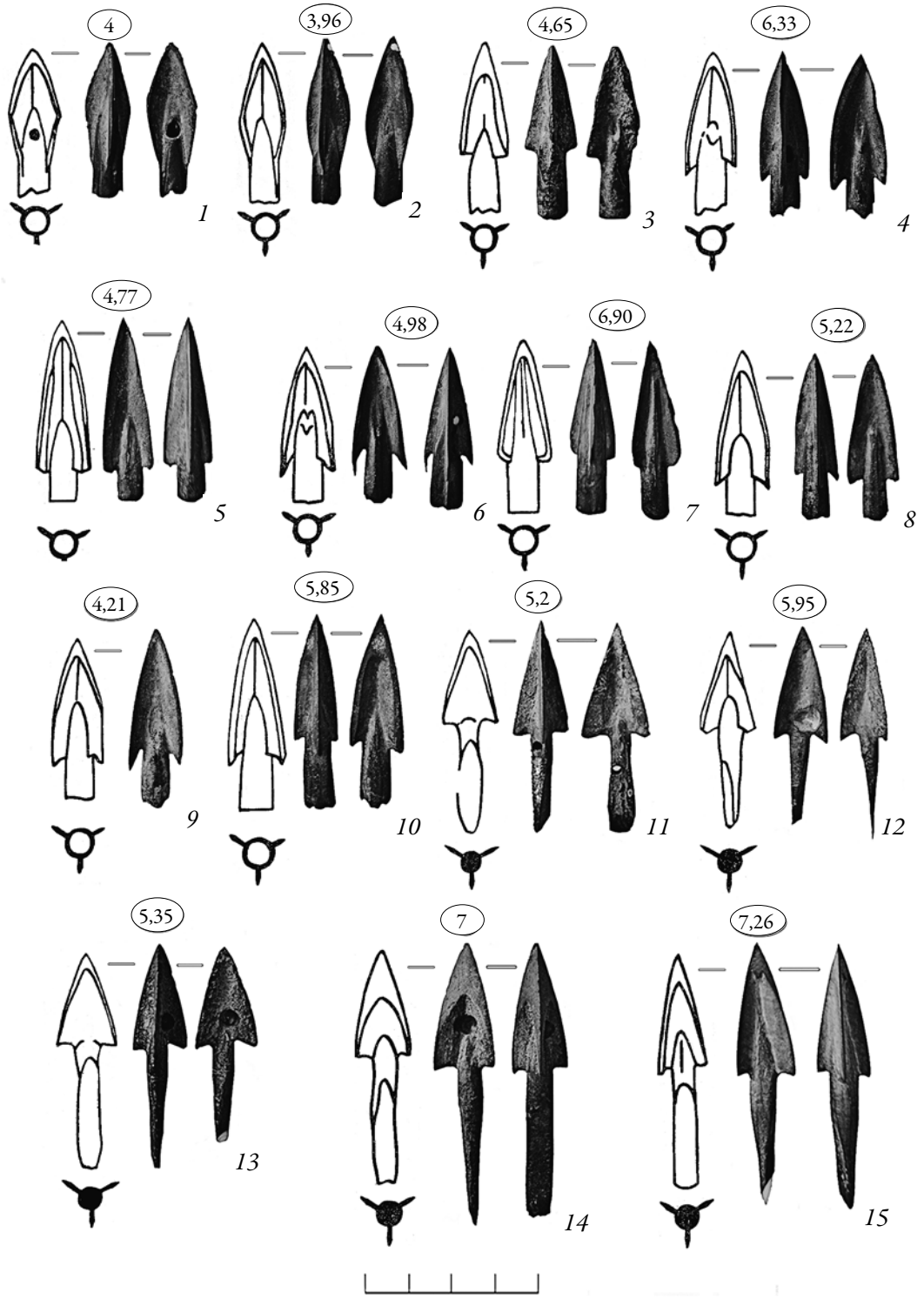
Вес наконечников в рамках колчанного набора варьируется до 4,3 г.

Наконечники VII – начала VI в. до н. э.

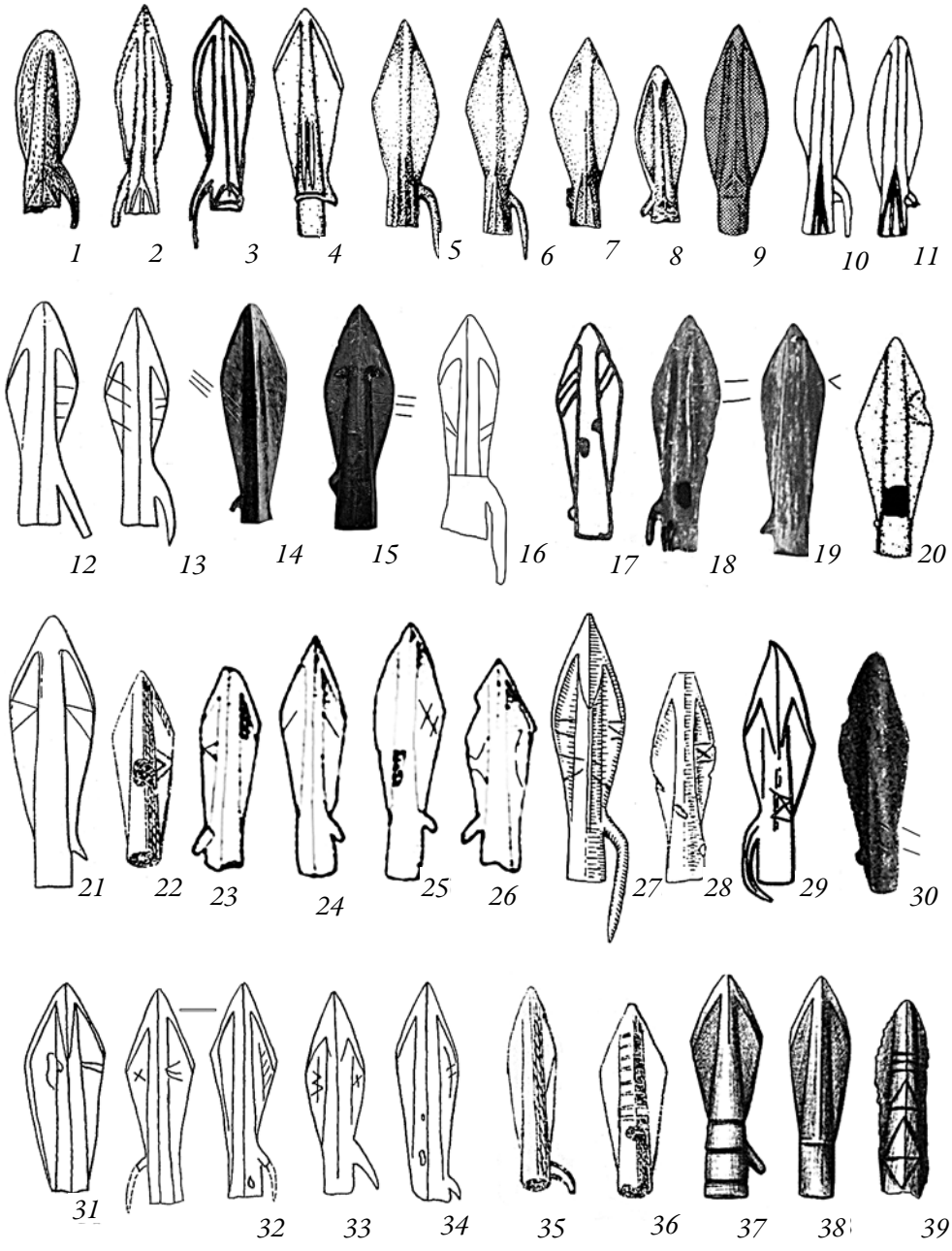
К началу VII в. до н. э. происходит смена колчанного набора. Появляются новые типы трехлопастных и трехгранных наконечников, а также наконечники с треугольно-сводчатым пером, меняется морфологический набор двухлопастных наконечников.

Жаботин, поселение, наконечники из комплексов. Массивный двухлопастный наконечник, длиной 5,2 см, с пером лавролистной формы и короткой выступающей втулкой; одна из лопастей переходит в шип, вес 6,41 г (ил. 11: *4*). Трехлопастный, длиной 3,0 см, с треугольно-сводчатым пером, опущенными концами жалец и выступающей втулкой, весом 4,23 г (ил. 11: *7*). Двухлопастный, длиной 3,2 см, с лавролистным пером и короткой выступающей втулкой с длинным шипом, весом 3,61 г (ил. 11: *6*). Трехлопастный, длиной 4,1 см, с овально-сводчатым пером, подрезанными под углом концами лопастей и длинной выступающей втулкой, весом 4,0 г (ил. 11: *8*). Трехлопастно-трехгранный, длиной 3,1 см, с выступающей втулкой с шипом, весом 2,96 г. Головка наконечника сильно сточена (ил. 11: *9*) (Дараган и др. 2010. С. 110; Дараган и др. 2012. С. 274).

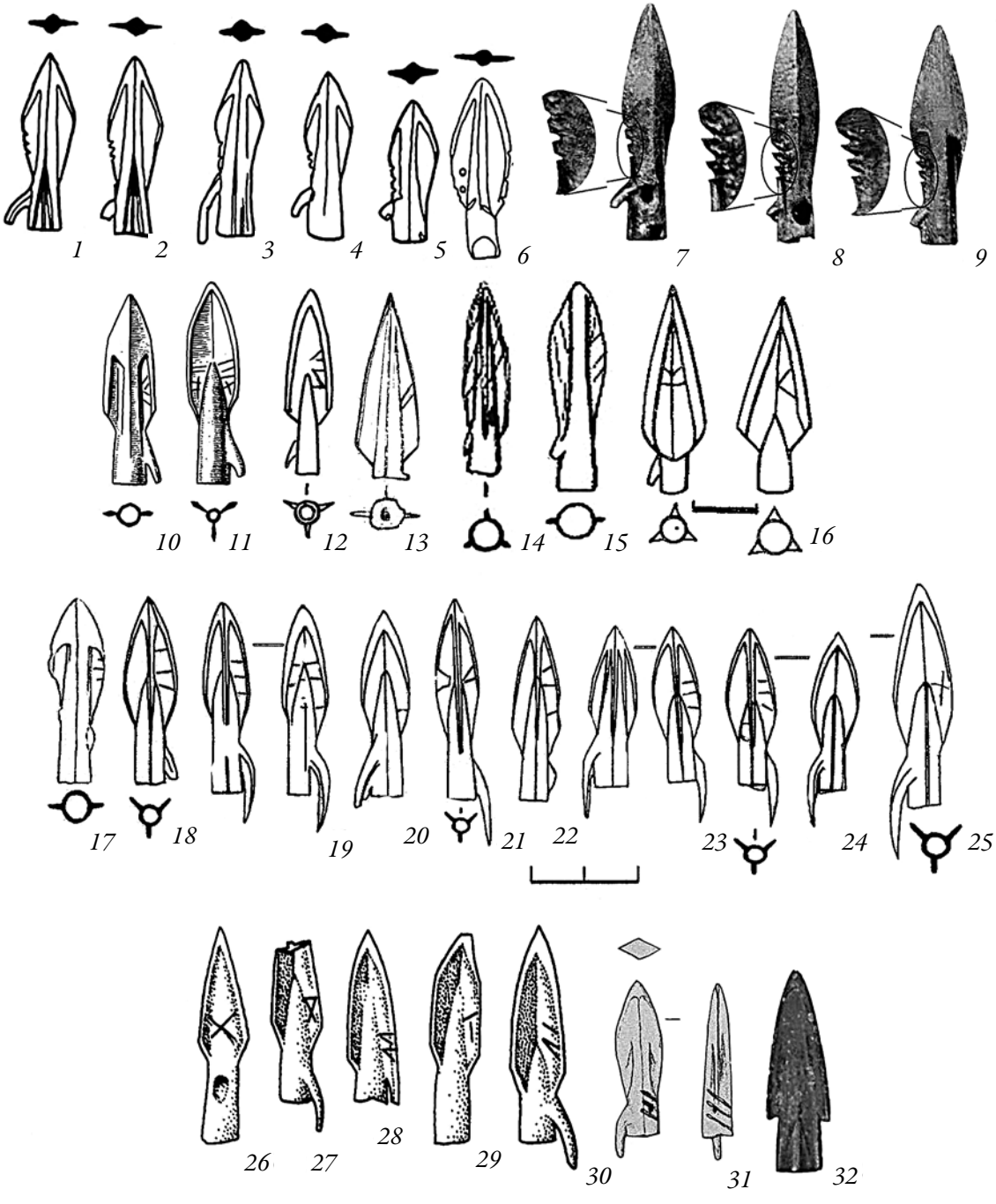
Михайловка, поселение, подъемный материал. Трехлопастный, длиной 3,5 см, с треугольно-сводчатым пером и короткой выступающей втулкой, весом 6,4 г (ил. 11: *5*). Трехлопастные, длиной 3,0–5,0 см, с удлиненным листовидным пером и лопастями, плавно переходящими во втулку с шипом, весом 3,0–3,9 г. На одной из граней одного из них процарапана метка в виде перевернутой на 90 градусов буквы **М** (ил. 11: *15*), у другого – две параллельные линии (ил. 11: *13*). Все наконечники с раковинами на втулке, у одного между шипом и втулкой – пролив металла (ил. 11: *13–15*). Двухлопастный, длиной 4,2 см, с овальным пером и выступающей втулкой, весом 5,6 г; с обломанным литником и незаточенными лопастями (ил. 11: *16*). Трехлопастный, длиной 3,0 см, с башневидным пером, выступающей втулкой с шипом, весом 2,58 г; на втулке – овальная раковина (ил. 11: *12*). Трехлопастный, длиной 2,5 см, с коротким ромбическим пером и длинной



Ил. 8. Гумарово, курган 1, погребение № 3
(рисунки по Исмагилову 1988. С. 38; фотографии – М. Н. Дараган)



Ил. 9. *1* – Лермонтовская скала, курган 2006 г.; *2* – зольник № 5 Западного Бельского городища; *3, 17* – из сборов возле Градижска; *4, 20* – Нонаме-Гора, городище; *5–7* – Амасья, курган; *8, 27, 28* – Богазкей, поселение; *9* – из сборов Бурачкова; *10–11* – музей в Сиваше (Малая Азия); *12, 13, 21* – возле Камышина; *14* – из собрания Анучина; *15* – курган 524 у с. Жаботин; *16* – из сборов Бодянского; *17–18* – Рудковецкое городище; *22, 35, 36* – из сборов Сибилёва; *22–26* – Сулавери, погребение № 4; *29* – Поволжье; *31–34* – Глинище, курган; *37–39* – Орлиные Скалы, погребение (по: Березину, Дудареву 2009. С. 264. Рис. 5, 6; Шрамко 2006. С. 56; Чернякову, Шевченко 1987. Табл. 1; Furtwangler et al. 1999. С. 260; Иванчику 2001. С. 55; Yalçikh 2006 Taf. 4; 5; Дворниченко 1990; Гракову 1930. Табл. V, 14; Бодянскому 1970. С. 221; Винокуру, Гуцалу 1975. Рис. 23, III; Сібільову 1926. Табл. XXVIII, 3–4; Mehnert 2008. Taf. 95; Dudarev, Fomenko 2012. С. 160)



Ил. 10. *1–9* – Малая Азия; *10–11* – между с. Леплява и Келеберда; *12, 32* – Бельское городище; *13* – Мотронинское городище; *14–15* – Владимирский могильник; *16–17* – Пастырское городище; *18–25* – курган у с. Лихачевка; *26–30* – Смоленице-Мольпир, городище; *31* – Эфес, святилище; *32* – поселение у с. Пожарная Балка (по Yalçikli 2006. P. 186; Галаниной 1977. Табл. 32, 39, 40; Шрамко 1987. С. 125; Бессоновой, Скорому 2001. Рис. 62, 5; Шишлову и др. 2007. Рис. 1, 2, 10; Яковенко 1968. С. 184; Дараган, Подобеду 2011. С. 673; Hellmuth 2006. P. 135, 136. Abb. 107. Taf. 22, 1–5; Klebinder-Gauß 2004. Taf. 86, 892; Алексееву 2014. С. 10)

выступающей втулкой, весом 2,3 г. На одной из лопастей – метка в виде перевернутой буквы **М** (ил. 11: *11*). Трехлопастный, длиной 3,0 см, с обрезанными под углом краями лопастей, короткой выступающей втулкой с шипом, весом 3,1 г. На одной из лопастей – метка в виде двух параллельных линий (ил. 11: *10*).

Западное укрепление Бельского городища, зольник № 7 (Украинская Левобережная Лесостепь). Отсюда происходят шесть бронзовых двухлопастных, три трехлопастных и железный двухлопастный наконечники стрел (Гавриш 2014. Рис. 1, *1–6*)[1]. Двухлопастный, длиной 3,9 см, с симметрично-ромбическим пером, короткой втулкой с шипом, весом 4,92 г (ил. 15: *1*). Двухлопастный длиной 3,7 см, с остролистным пером, подрезанными под углом лопастями и короткой втулкой с шипом, весом 4,37 г (ил. 15: *2*). Двухлопастный, длиной 4,2 см, с ромбическим пером, выступающей втулкой с шипом, весом 5,68 г (ил. 15: *3*). Трехлопастно-трехгранный, длиной 2,6 см, с короткой (практически утопленной) втулкой с шипом у ее основания, весом 2,79 г. Ударная головка наконечника сильно сточена (ил. 15: *6*). Двухлопастный, длиной 2,9 см, с ромбическим пером и короткой втулкой с шипом, весом 3,46 г. Двухлопастный, длиной 2,7 см, с лавролистным пером и короткой втулкой, весом 2,85 г; на втулке – литейный брак (ил. 15: *7*). Трехлопастный, длиной 3,4 см, с массивным сводчатым пером, подрезанными под углом краями лопастей и короткой втулкой с обломанным шипом, весом 2,62 г (ил. 15: *4*). Трехлопастный, длиной 2,8 см, со сводчатым пером, подрезанными под углом краями лопастей и короткой втулкой, весом 1,63 г (ил. 15: *5*). Двухлопастный железный наконечник, длиной 3,9 см, с длинной втулкой, весом 2,7 г (ил. 15: *8*).

Поселение у с. Пожарная Балка (Украинская Левобережная Лесостепь). Здесь найдены семь двухлопастных и семь трехлопастных наконечников (Андриенко 1997; Андриенко 2004).

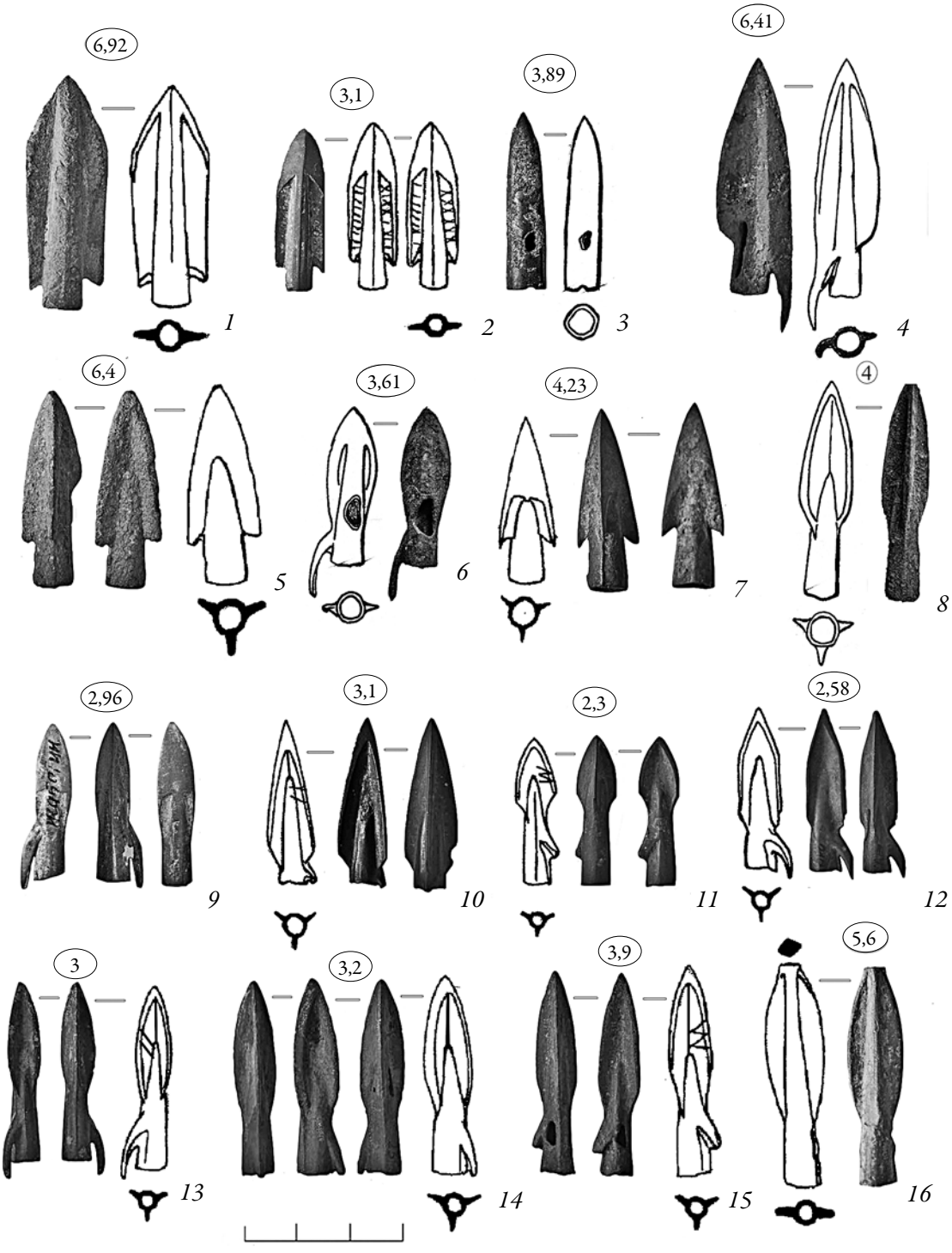
Двухлопастные, длиной 3,2–4,7 см с листовидным и овально-ромбическим пером. У четырех из них – шипы. Вес 3,9–7,72 г (ил. 15: *9–15, 22*). Трехлопастные, длиной 3,2–3,9 см, по три с пером листовидной формы и выступающей втулкой с шипами (ил. 15: *19–21*) и с треугольно-сводчатым пером с подрезанными (в разной степени) лопастями (ил. 15: *16–18*). Вес 3,6–5,4 г. У одного наконечника, весом 4,53 г, перо трехлопастно-трехгранной формы (ил. 15: *23*) (Андриенко 2004. С. 4–7. Рис. 1).

Малая Офирна, курган (Украинская Правобережная Лесостепь). Колчанный набор состоял из 110 бронзовых наконечников стрел различных типов (Петровська 1968)[2].

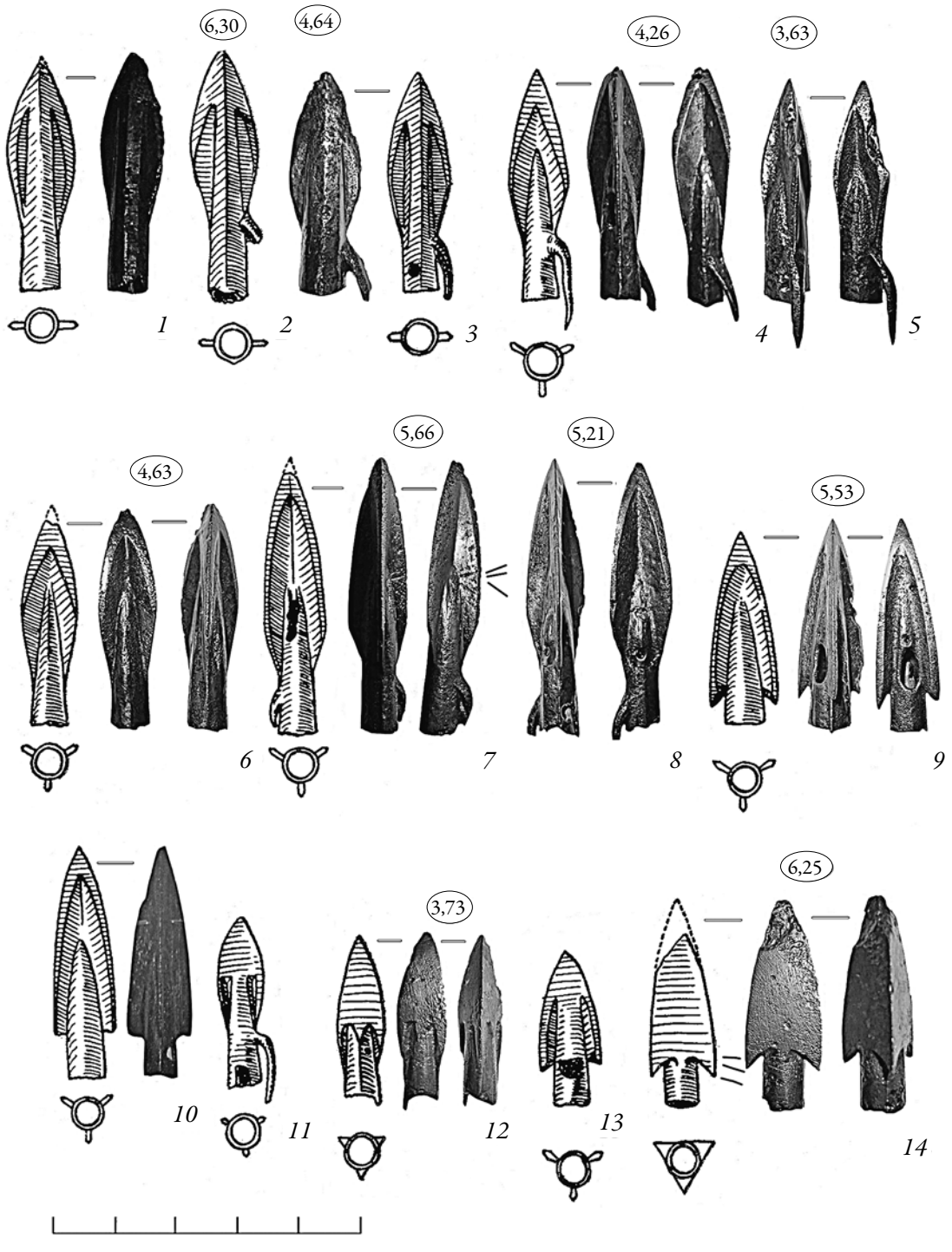
Двухлопастные без шипа (2 экз.) Перо овальное или же лавролистное, втулки короткие, лопасти с углублениями-ложками, края лопастей плавно переходят во втулку (ил. 12: *1*). Двухлопастные, длиной 3,2–4,4 см, с овальным или лавролистным пером, короткой втулкой и шипом у основания лопастей, весом 4,22 г (15 экз.) (ил. 12: *2*). Трехлопастные массивные наконечники, длиной 4,5 см, со сводчатым выступающим пером с косо срезанными внизу лопастями и короткой втулкой с небольшим крючковидным шипом, весом 5,21–5,66 г (26 экз.) (ил. 12: *7–8*). На лопасти одного

[1] Искренне признательна П. Я. Гавришу за содействие при работе с материалами коллекции.

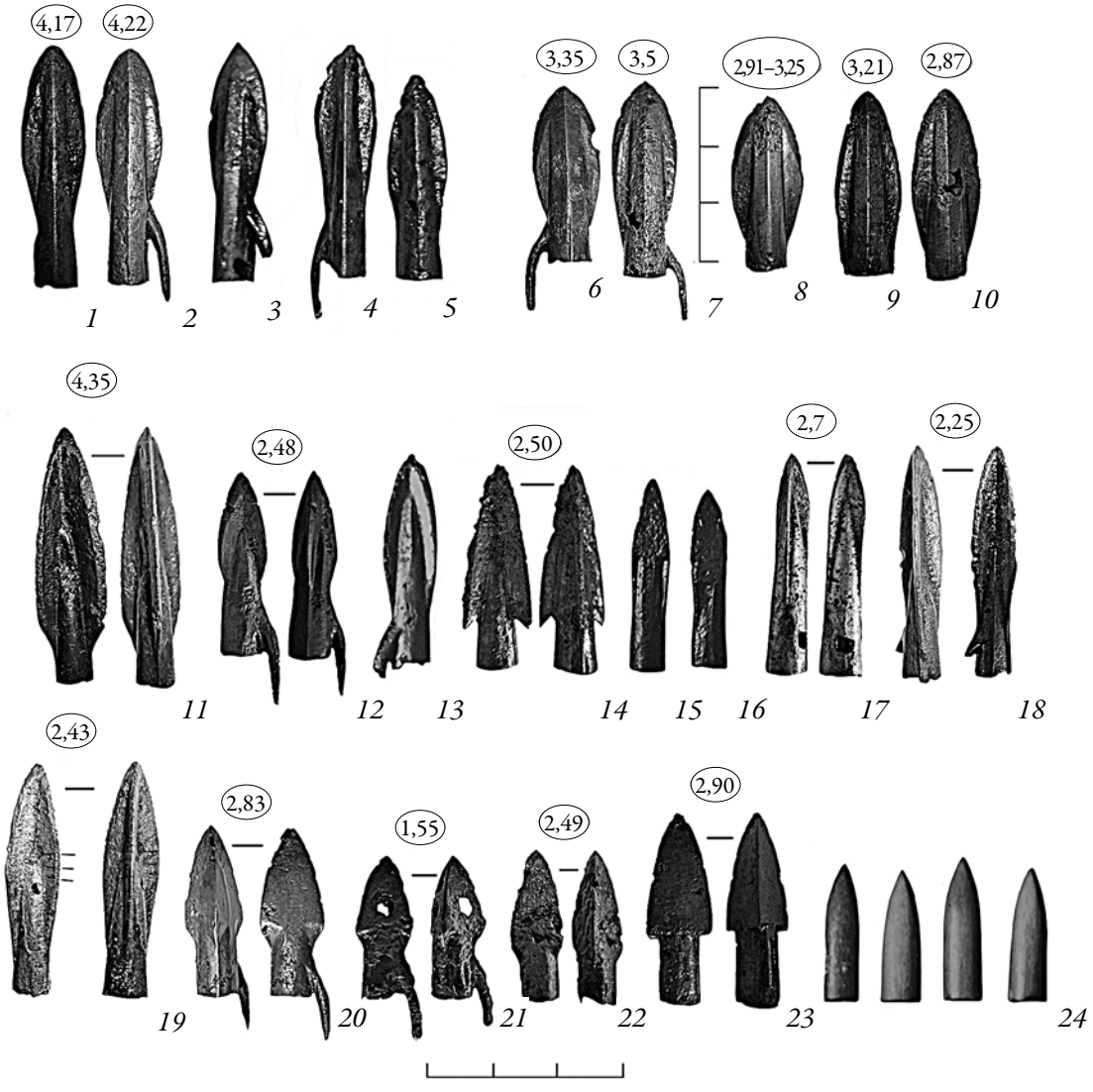
[2] Обработаны наконечники из хранения археологического музея ИА НАНУ. Искренне признательна Л. И. Иванченко за содействие при работе с материалами коллекции.



Ил. 11. *1, 2, 5, 10–16* – Михайловка, поселение; *3, 4, 6–9* – Жаботин, поселение (рисунки С. Н. Разумова, фотографии М. Н. Дараган)



Ил. 12. Малая Офирна, курган
(рисунки по Петровській 1968. С. 169; фотографии М. Н. Дараган)



Ил. 13. Репяховатая Могила, курган, погребение № 1. Фотографии М. Н. Дараган

из наконечников нанесена метка в виде трех сходящихся под углом линий (ил. 12: *7*). Трехлопастные, длиной 3,5 см, со сводчатым вытянутым пером с выраженными, косо срезанными внизу лопастями и короткой втулкой, весом 4,63 г (2 экз.) (ил. 12: *6*). Трехлопастные, длиной 3,8–4,0 см, со сводчатым вытянутым пером с выраженными, косо срезанными внизу лопастями, короткой втулкой с шипом, весом 3,63–4,26 г (ил. 12: *4–5*). Трехлопастные, длиной 3,6 см, со сводчатым пером, лопасти косо подрезаны, образуя шипы весом 5,53 г (55 экз.) (ил. 12: *9*). Трехлопастные, длиной 3,8–4,0 см, со сводчатым пером с ровно подрезанными лопастями и короткой втулкой (ил. 12: *10*). У двух наконечников перо трехлопастно-трехгранной формы, выступающие втулки (разной длины) с шипами. Головка одного из наконечников сильно сточена, вес 3,73 г (ил. 12: *12*). Одним экземпляром представлен трехлопастный наконечник с треугольно-сводчатым

пером и острыми концами лопастей с ложками у острия (ил. 12: *13*). Трехгранные, длиной 3,2 см, с острыми опущенными концами граней и короткой втулкой, весом 6,25 г. На одном из них на втулке метки – три продольные глубокие риски (ил. 12: *14*).

Репяховатая Могила, курган, гробница 1 (Украинская Правобережная Лесостепь). В колчанном наборе 88 бронзовых, 4 костяных и 5 распавшихся железных наконечников стрел. Авторы публикации выделяли 27 различных типов и их вариантов (Ильинская и др. 1980. С. 37. Рис. 6, 1–33)[1].

Среди двухлопастных наконечников с лавролистным пером выделяется не менее шести разновидностей: длиной 3,6–3,7 см, с выделенной втулкой с шипом, весом 4,14–4,22 г (ил. 13: *1, 2*); длиной 3,8 см, с короткой выступающей втулкой с длинным шипом (ил. 13: *3, 4*); длиной 3,2 см, с выделенными ложками, короткой втулкой, весом 4,64 г (ил. 13: *5*); длиной 2,8–3,3 см, с короткой втулкой с шипом, весом 3,35–3,5 г (ил. 13: *6–7*); длиной 1,8–2,1 см с короткой втулкой без шипа, весом 2,91–3,25 г (ил. 13: *8*); длиной 2,8–3,2 см, с утопленной или слабо выраженной втулкой, весом 2,87–3,21 г (ил. 13: *9–10*).

Трехлопастные и трехгранные стрелы представлены следующими разновидностями: длиной 3,8 см, с удлиненным треугольно-сводчатым пером с косо срезанными внизу лопастями и короткой втулкой, весом 4,35 г (ил. 13: *11*); длиной 2,9 см, с узким остролистным пером (наибольшая ширина у основания), выступающей втулкой и длинным шипом, весом 2,48 г (ил. 13: *12*); с узким остролистным пером, выступающей втулкой и длинным шипом (ил. 13: *13*); длиной 2,9–3,0 см, со сводчатым пером с косо подрезанными лопастями-шипами, короткой втулкой, весом 2,50–3,32 г (ил. 13: *14*); с треугольно-сводчатым сильно сточенным пером и длинной втулкой (2 экз.) (ил. 13: *15, 16*); длиной 3,5 см, с удлиненной втулкой и сильно сточенными, практически до основания втулки, лопастями, весом 2,7 г (ил. 13: *17*); длиной 3,5 см, с удлиненным овальным пером и лопастями, плавно переходящими в короткую втулку с шипом, весом 2,25 г; ударные головки некоторых наконечников сильно сточены, на лопасти одного из них два небольших надпила (ил. 13: *18*); длиной около 3,5 см, с удлиненным лавролистным пером, лопастями, плавно переходящими в укороченную втулку. На лопасти одного из наконечников весом 2,43 г – метка в виде трех параллельных рисок (ил. 13: *19*).

Среди трехгранных два типа. К первому относятся экземпляры длиной 2,5 см, с выступающей втулкой с шипом, весом 2,83 г (ил. 13: *20*). Часть из них – с сильно сточенным пером, их длина 2,0 см, вес 1,55 г (ил. 13: *21*). Ко второму – длиной 2,7–3,0 см и весом 2,90 г, со срезанными под прямым углом гранями пера и длинной втулкой (ил. 13: *23*). Часть из них также с сильно сточенным пером, их длина 2,3–2,4 см, вес 2,49 г (ил. 13: *22*).

Имевшиеся костяные наконечники – пулевидной формы, длиной 3,0 см (ил. 13: *24*).

Репяховатая Могила, курган, гробница 2. Сохранилось два непотревоженных колчанных набора. В первом – 151 стрела с бронзовыми наконечниками и 4 – с костяными. Во втором – 124 стрелы с бронзовыми наконечниками (Ильинская и др. 1980. С. 43*,* 44. Рис. 13, 1–9, 13–18)[2]. Весовые измерения наконечников стрел из колчанных наборов гробницы 2 ранее были произведены В. И. Клочко (Клочко 1977. С. 52*,* 53). Новые измерения для некоторых типов несколько отличаются от прежних.

[1] Обработаны наконечники из хранения археологических фондов ИА НАНУ. Искренне признательна Е. Г. Карнауху и О. В. Шелеханю за содействие при работе с материалами коллекции.

[2] Обработаны наконечники из хранения археологического музея ИА НАНУ. Искренне признательна Л. И. Иванченко за содействие при работе с материалами коллекции.

В колчанном наборе № 1 представлены: двухлопастные, длиной 4,0 см, с овальным пером и небольшой выступающей втулкой с шипом, весом 5,39–5,87 г[1] (10 экз.) (ил. 14*: I, 1, 2*). Трехгранные, длиной 2,7 см, со сводчатым пером, с остро обрезанными концами граней в виде шипов и выступающей короткой втулкой (24 экз.), весом 3,26–3,9 г (ил. 14: *I, 6*). Трехлопастные, длиной 3,5 см, с остролистным пером и выступающей втулкой с длинным шипом, весом 4,2–4,7 г (72 экз.) (ил. 14: *I, 3*). Трехлопастные, длиной до 3,2 см, с остролистным и лавролистным пером, выступающей втулкой, весом 2,8–3,0 г (23 экз.) (ил. 14: *I, 5*). Трехлопастные, длиной 3,2 см, с узкой овальной головкой, выступающей втулкой без шипов, весом 2,8–3,0 г (21 экз.) (ил. 14: *I, 4*). Костяные наконечники – пулевидной формы, длиной 3,2 см, весом 1,18 г (ил. 14: *I, 7*).

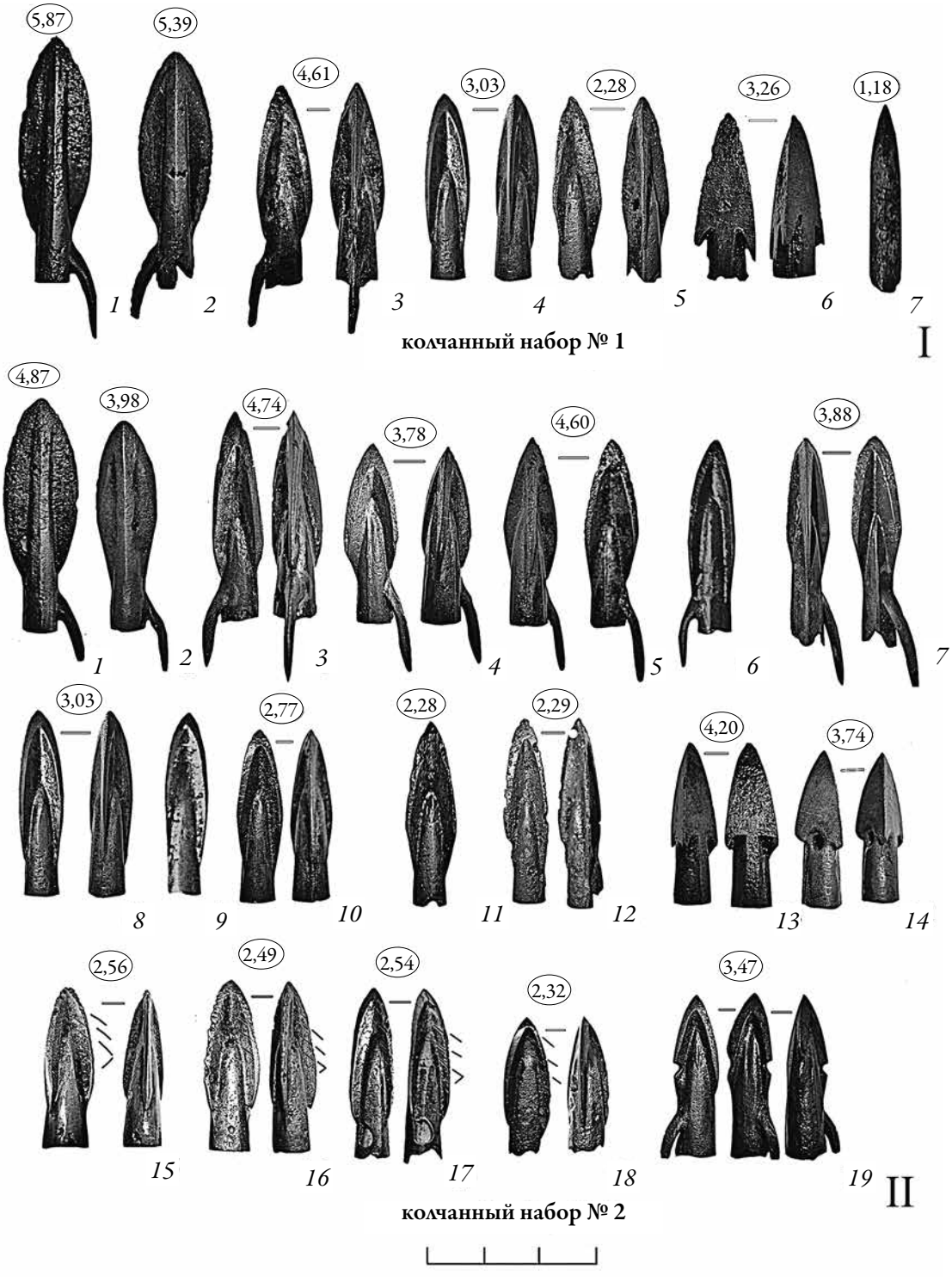
В колчанном наборе № 2 представлены: двухлопастные, длиной 4,4 см, с массивным овальным пером шириной 1,4 см и короткой втулкой с шипом, весом 5,87–4,87 г[2] (10 экз.) (ил. 14: *II, 1*). Трехгранные, длиной 2,8 см, со сводчатым пером с гранями с небольшим шиповидным напуском и длинной втулкой, весом 4,1–4,4 г (19 экз.) (ил. 14: *II, 13*). Часть наконечников с сильно сточенным пером длиной 2,6 см и весом 3,74 г (ил. 14: *II, 14*). Трехлопастные, длиной 3,1 см, с треугольно-сводчатым пером с максимальным расширением в нижней части, короткой втулкой с шипом, весом 3,78–4,60 г (57 экз.) (ил. 14: *II, 4, 5*). Трехлопастные, длиной 3,9 см, с овальным удлиненным пером с подрезанными под углом краями лопастей, выступающей втулкой с шипом, весом 4,74 г (7 экз.) (ил. 14: *II, 3*). Трехлопастные, длиной 3,0–3,4 см, с овальным пером, выделенной втулкой без шипов, весом 2,5–3,5 г (27 экз.) (ил. 14: *II, 8, 9, 12, 17*). На лопасти одного из наконечников – метка в виде параллельных линий. Трехлопастные, длиной 3,0–3,4 см, с треугольно-сводчатым пером, выделенной втулкой без шипов, весом 2,27–3,0 г (ил. 14: *II, 10*).

Единичными: двухлопастный, длиной 3,7 см, с лавролистным пером, короткой втулкой с длинным изогнутым шипом, весом 3,98 г (ил. 14: *II, 2*); трехлопастный, длиной 3,9 см, с узким удлиненным треугольно-сводчатым пером, выступающей втулкой и шипом, весом 3,88 г (ил. 14: *II, 7*); трехлопастный, длиной 2,7 см, с коротким овальным пером, короткой втулкой с шипом, с симметричными надпилами на лопастях, весом 3,47 г (ил. 14: *II, 19*); трехлопастные, длиной 2,7 см с короткой втулкой, весом 2,32–2,56 г с однотипными метками в виде параллельных и косых линий на лопасти (ил. 14: *II, 15, 16, 18*).

Обратим внимание, что совпадают параметры наконечников четырех типов из обоих колчанных наборов. Следует согласиться с В. И. Клочко, что «все наконечники каждого подтипа изготовлялись в одной литейной форме либо в нескольких формах, изготовленных одним мастером по одному шаблону. На это указывают одинаковые расположение и форма литейных швов, длина и форма втулки и шипа. Отличия наблюдаются лишь в верхней части стрел, подвергавшихся заточке. Но так как заточка производилась вручную каждой стрелы отдельно, то достичь абсолютной идентичности формы заточки было невозможно» (Клочко 1977. С. 52). Вес каждого подтипа колеблется в пределах 0,2–0,57 г. Обращает на себя внимание тот факт, что в каждом наборе

[1] Согласно измерениям В. И. Клочко эти наконечники весят 6,7–7,2 г (Клочко 1977. С. 52).

[2] Согласно измерениям В. И. Клочко эти наконечники весят 6–6,2 г (Там же).



Ил. 14. Репяховатая Могила, курган, погребение № 2

I: *1–7*– колчанный набор № 1; II: *1–19* – колчанный набор № 2. Фотография М. Н. Дараган

«тяжелые» наконечники представлены единичными экземплярами. Основная масса наконечников весит около 2,5–4,5 г.

Гуляй-Город, курган 38 (Украинская Правобережная Лесостепь). Колчанный набор состоял из 150 бронзовых наконечников стрел (Бобринской 1887; Ильинская 1975. С. 14)[1]. В нем преобладают трехлопастные наконечники разных модификаций, вес их варьируется от 2,91 до 6,24 г (ил. 16: *1–9*). Среди них выделяются массивные наконечники с остролистным пером, с обрезанными под углом краями лопастей и с длинной втулкой с шипом и без шипа, их длина до 5,5 см, вес 5,51–6,24 г (ил. 16: *1–3*). На лопастях выявлены метки в виде трех (ил. 16: *3*) и четырех расходящихся под углом линий (ил. 16: *2*). Первая метка была еще у одного подобного наконечника меньшего размера весом 5,06 г (ил. 16: *6*). У трехлопастного наконечника с ромбическим пером и шипом на втулке весом 5,95 г на одной из лопастей нанесена метка в виде крестовидного знака (ил. 16: *7*). Еще у одного экземпляра весом 3,43 г крест процарапан на втулке между лопастями (ил. 16: *9*). Другой наконечник – с удлиненным лавролистным пером, короткой втулкой с шипом весом 5,50 г, с меткой в виде двух параллельных рисок (ил. 16: *4*).

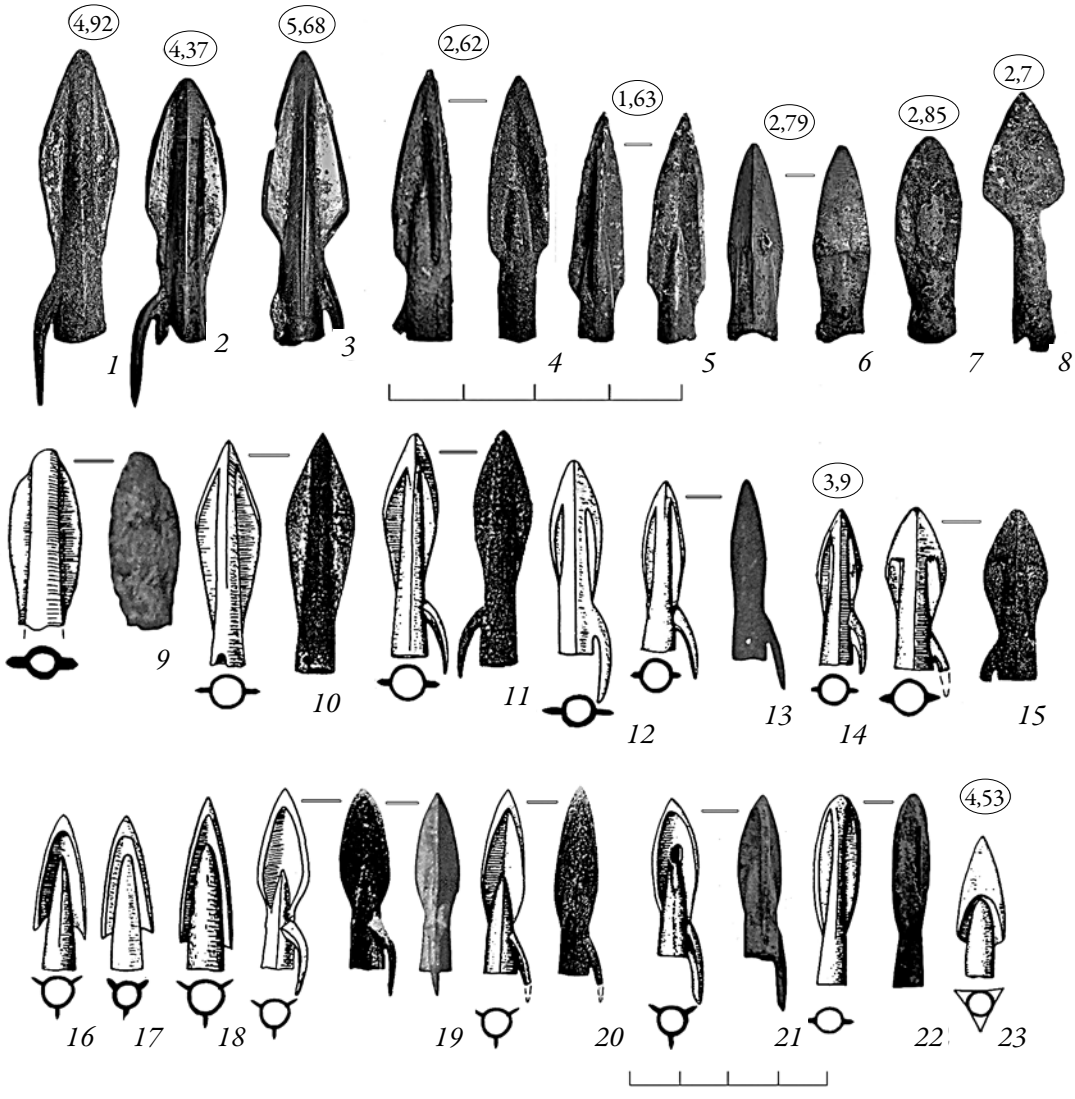
Трахтемировское городище (Украинская Правобережная Лесостепь). Наконечники этого памятника происходят с территории «Малых Валков» – малого внутреннего укрепления городища (раскопки Г. Т. Ковпаненко) и с внешней стороны оборонительного вала городища (раскопки Ю. В. Болтрика) (Ковпаненко 1967. С. 111; Ковпаненко 1968. С. 106; Фіалко, Болтрик 2003. С. 49–56. Рис. 20–22. Табл. 25–29).

В «Малых Валках» найдены двухлопастные, трехлопастные и трехгранные наконечники (ил. 16: *10–20*). Вес двухлопастных – от 4,22 до 6,34 г (ил. 16: *10, 11, 13*). Среди трехлопастных выделяются следующие разновидности: сравнительно редкий тип наконечников длиной 3,6 см, с ромбическим очертанием пера, удлиненной втулкой с шипом, весом 4,07 г (ил. 16: *17*); длиной 3,7 см, со сводчатым вытянутым пером и косо срезанными внизу лопастями, выступающей втулкой с шипом, весом 3,91 г (ил. 16: *14*); с треугольно-сводчатым пером, короткой втулкой и шипом, весом 4,45 г (ил. 16: *15*); длиной 3,2 см, с остролистным пером с подрезанными под углом краями лопастей и короткой втулкой с шипом, весом 3,0 г (ил. 16: *20*).

Весьма выразителен типологический состав наконечников (67 экз.), найденных снаружи внешнего оборонительного вала Трахтемировского городища и принадлежавших группировке, штурмовавшей городище (Фіалко, Болтрик 2003. С. 77). Представлены двухлопастные наконечники разных типов и сравнительно большая серия трехлопастных, среди которых доминируют наконечники с длинной втулкой и высокой трехлопастной головкой с подрезанными под углом краями лопастей с шипом и без шипа. Отдельными экземплярами представлены трехлопастные наконечники с овальным и с треугольно-сводчатым пером (ил. 17) (Фіалко, Болтрик 2003. С. 49–55). Среди двухлопастных обращают на себя внимание: наконечник с симметрично-ромбическим пером с сильно сточенными лопастями и длинной втулкой с шипом, весом 6,23 г (ил. 17: *13*); с лавролистным пером, удлиненной втулкой с шипом, весом 4,47 г (ил. 17: *4*); с лавро-

[1] Десять наконечников из кургана 38 у с. Гуляй-Город опубликованы А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964. Табл. 6, *II*) и девятнадцать – В. А. Ильинской (Ильинская 1975. Табл. II, *2–20*). В настоящее время в Киевском историческом музее как найденные в кургане 38 у с. Гуляй-Город числятся сорок бронзовых втульчатых наконечников стрел. Искренне признательна С. В. Диденко за содействие при обработке материалов коллекции.

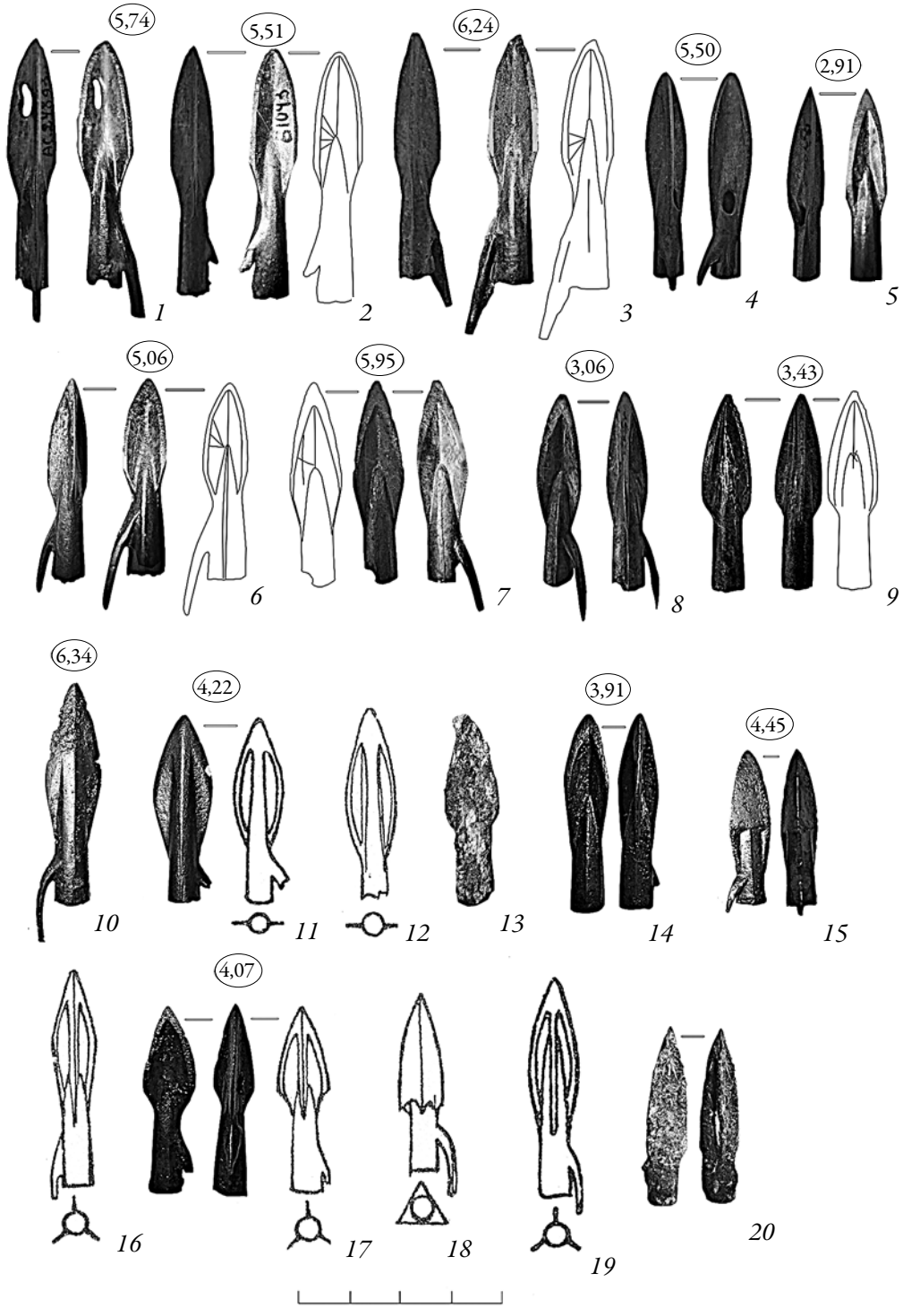
Публикация колчанного набора из кургана 38 у с. Гуляй-Город готовится совместно с С. В. Диденко.



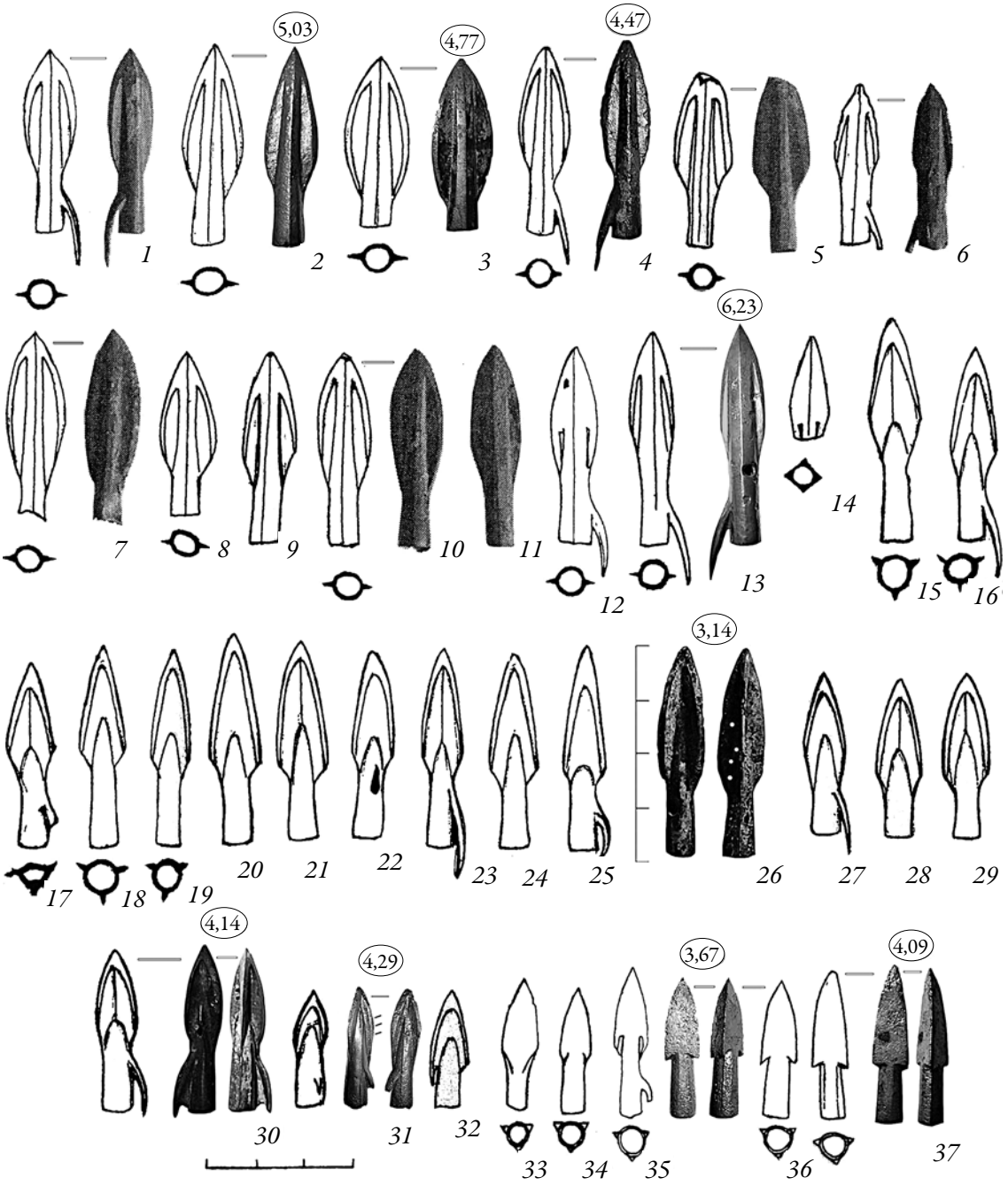
Ил. 15. *1–8* – Западное укрепление Бельского городища, зольник № 7 (фотографии М. Н. Дараган); *9–23* – поселение у с. Пожарная Балка (по Андриенко 1997; Андриенко 2004. С. 120)

листным широким асимметричным пером, короткой втулкой, весом 4,77 г (ил. 17: *3*); с лавролистным пером, длинной втулкой, весом 5,03 г (ил. 17: *2*).

Из трехлопастных были взвешены наконечники: длиной 3,8 см, с пером лавролистной формы, удлиненной втулкой с шипом, весом 4,14 г, между втулкой и шипом следы пролива металла (ил. 17: *30*); длиной 3,7 см, с удлиненным овальным пером с подрезанными основаниями лопастей, длинной втулкой, весом 3,14 г (ил. 17: *26*); длиной 3,3 см, с овальным пером с лопастями, переходящими в короткую втулку с шипом, весом 4,29 г, на одной из лопастей метка в виде трех параллельных рисок (ил. 17: *31*). Взвешены также трехгранные наконечники длиной 3,4–3,7 см, с треугольно-сводчатым пером, длинной втулкой, весом 3,67–4,09 г (ил. 17: *36–37*).



Ил. 16. *1–9* – курган 38 у с. Гуляй-Город (рисунки и фотографии М. Н. Дараган); *10–22* – Трахтемировское городище, «Малые Валки» (рисунки по Ковпаненко 1967. С. 105; Ковпаненко 1968. С. 109, фотографии М. Н. Дараган)



Ил. 17. Трахтемировское городище, внешняя сторона оборонительного вала
(по Фіалко, Болтрику 2003. С. 133–137)

Знакомство с данной выборкой позволяет сделать ряд наблюдений относительно литейных традиций, характера изменения веса и особенностей маркировки наконечников стрел на протяжении предскифского и раннескифского периодов.

О литейных традициях и производственных центрах. Ряд черт у привлеченных для исследования наконечников позволяет судить о технологии их производства. Наконечники отливались в глиняных, каменных или бронзовых формах. Бронзовые формы могли при этом использоваться как кокили или как пресс-формы для получения восковых моделей (Underwood 1958; Дараган 2015). Разные способы литья отражались на внешнем виде наконечников.

Общим признаком типов наконечников из погребения № 5 Высокой Могилы является четкая линейность контуров, определенная еще в литье, и наличие на втулке нервюры (жилки, прожилки), вследствие чего они имеют в сечении ромбическую форму (Клочко 1979. С. 41, 42)[1]. Такая же форма втулки и у некоторых наконечников с ромбическим пером из колчанного набора из погребения у с. Ольшаны (ил. 2: *6*). По этому признаку они могут быть сопоставлены со стрелами позднего бронзового века азиатских степей (Медведская 1972. С. 83; Клочко 1979. С. 42, 43). И. Н. Медведская отмечала, что нервюра, проходящая через все перо, доживает до скифского времени и может считаться характерным признаком именно центрально-азиатских двухлопастных втульчатых наконечников (Медведская 1972. С. 83). С традицией этих наконечников может быть связан и узор в виде «решетки» у экземпляров из Высокой Могилы и Ольшан, а также сходный узор в виде «елочки» у наконечников из Малой Цимбалки (ил. 1: *10–11*; 2: *10, 28*). Подобный орнамент весьма типичен для черешковых и втульчатых изделий азиатских степей начиная с синташтинского времени (ил. 2: *29*) (Клочко 1979; Дегтярева 2010. Рис. 61, *8–14*). При этом металлографические исследования со всей определенностью свидетельствуют, что синташтинские наконечники были получены литьем в глиняных или каменных формах и сопровождались минимальной ковкой, носившей косметический характер (Дегтярева 2010. С. 141). Известны на востоке и собственно каменные формы (Unbekanntes Kasachstan 2013a. N 191). Нервюра по втулке, острые шиповидные концы лопастей и расширенные книзу втулки характерны и для европейских наконечников эпохи поздней бронзы, отливавшихся также в каменных литейных формах (рис. 2: *35*) (Rihovsky 1996. Taf. 23–27; Avila 1983; D'Amato, Salimbeti 2013. P. 48). Вероятнее всего, наконечники из Высокой Могилы также отливались в глиняных или каменных литейных формах.

Наконечники так называемого новочеркасского типа морфологически принципиально отличаются от экземпляров из Высокой Могилы. Втулки новочеркасских наконечников всегда округлые[2], а края втулок часто рваные, с большими раковинами, длина их всегда значительно колеблется, то есть большая их часть с несомненным литейным браком. Раковины, поры, шероховатости и неровности часто имеются и на лопастях. Эти наконечники характеризуются литьем плохого качества с характерными признаками нарушений температурного режима заливки металла. В. И. Клочко считал технику изготовления таких наконечников примитивной и объяснял ее как «первую

[1] Граненую, ромбическую в сечении нервюру имеют и наконечники из Малой Цимбалки (Клочко 1979. С. 42).

[2] О. Р. Дубовская обращала внимание, что нервюра присутствует на некоторых длинновтульчатых наконечниках из Гумарово и Барановки (Дубовская 1993. С. 144. Прим. 11).

попытку освоить новое дело и в ремесле и в оружии» (Клочко 1979. С. 46). Известная находка створки бронзовой литейной формы для отливки стрел именно новочеркасского типа позволяет предположить, что, видимо, была предпринята попытка перейти на массовое производство втульчатых наконечников путем прямого литья в металлическую форму (Иессен 1953. С. 50. Рис. 1, *7*; Дараган 2015. Рис. 1, *1*). Однако на этом этапе еще не был выработан механизм центровки и надежной фиксации частей формы между собой, как не были и выработаны надежные метрические параметры наконечников. Например, лопасти всех наконечников приходилось проковывать, а потом еще и затачивать, потому что при отливке по их краям получался валик (он хорошо виден на форме из Новочеркасского клада и не до конца убран у некоторых наконечников и, видимо, он формировался специально для последующего расширения пера при проковке)[1] (Клочко 1976. С. 45; Дворниченко 1990. С. 51, 52). На литье прямо в металлическую форму указывают также усадочные трещины и рваные края, возникающие при высоких температурах литья и большой скорости охлаждения в недостаточно прогретых формах. Впрочем, параллельно проводились эксперименты с литьем таких наконечников и по восковой модели. На это указывает дугоподобная выгнутость некоторых наконечников этой разновидности из Гумарово (ил. 6: *19–22*). Последние деформировались, когда восковые заготовки наконечников обмазывали глиной, но это было незаметно для литейщика.

Для отливки асимметрично-ромбических наконечников известны каменные и бронзовые литейные формы. Система их совмещения и центровки иная по сравнению с использовавшейся в форме из Новочеркасского клада. Если в бронзовой форме из Новочеркасского клада отверстия для скрепления створок сквозные, что не позволяло осуществлять ее надежную центровку, то формы для двухлопастных асимметрично-ромбических и лавролистных, а далее и трехлопастных наконечников скреплялись преимущественно штифтовым соединением в замок (Дараган 2015. С. 76). По сравнению с новочеркасскими наконечниками качество асимметрично-ромбических наконечников (равно как и всей серии раннескифских) намного выше. У них меньше следов литейного брака в виде различных раковин и усадочных трещин, их лопасти имеют четкую линейность контуров, их не нужно было проковывать, достаточно было заточки. Но по ряду признаков асимметрично-ромбические наконечники азиатских степей и северо-причерноморского региона отличаются. Например, двухлопастные наконечники Северного Причерноморья и Кавказа имеют, как правило, округлую в сечении втулку, по центру которой часто проходит литейный шов (единственное исключение – наконечник в погребении Клады) (ил. 4: *13*). Втулки многих двухлопастных наконечников из азиатского региона, наоборот, граненые; по центру их обычно проходит нервюра (Медведская 1972). Такие наконечники есть в колчанных наборах погребений из Гумарово (ил. 7: *2–15*), Майемира (ил. 5: *11–16*) и Шагалалы IV (Сакенов и др. 2015) (ил. 5: *1–10*). Вполне вероятно, что асимметрично-ромбические наконечники стрел азиатских степей были получены литьем в каменные или глиняные литейные формы (как и в более раннее время). На это указывают и находки таких

[1] Подобная техника была широко распространена у литейщиков эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья при изготовлении режущих краев кинжалов, ножей, лопастей наконечников копий. После расковки лезвийная часть изделия становилась шире, чем на литейной форме, и необработанные клинки изделий, вышедших из отливки, сильно отличались от раскованных (Клочко 1979. С. 45).

форм для двухлопастных и трехлопастных наконечников, относящихся к раннескифскому и скифскому периоду (Бельтикова 1982. С. 65. Рис. 2: *1,* 2: *79, 80*; Бельтикова 1993. С. 54. Рис. 6; 7, *1–13*; Ковалёв 2000. Рис. 17, *24*; Пронин 2006. Рис. 3; 4; Викторова 2008. Рис. 1, *5, 6*; Чикунова 2008. Рис. 3, *22*; Епимахов 2012. Рис. 4)[1]. В двусторонних глиняных формах отливались и трехлопастные бронзовые черешковые стрелы (Минасян 2000. С. 67)[2]. В каменных литейных формах отливались асимметрично-ромбические наконечники в раннескифское время и в Малой Азии. На поселении Zincirli-Gaziantep (Северная Сирия) найдена створка литейной формы из змеевика, длиной 5,6 см. В ней вырезан негатив асимметрично-ромбического наконечника с длинной втулкой с шипом у основания втулки; по центру втулки проходит явно выраженная нервюра; имеются отверстия для штифтового соединения (Anadolu 2004). Но наряду с каменными в переднеазиатском регионе известны и литейные формы из бронзы.

Все известные к настоящему времени литейные формы для отливки двухлопастных и трехлопастных раннескифских и скифских наконечников стрел и с территории Северного Причерноморья – бронзовые (Дараган 2015. С. 71–73).

Таким образом, различия между наконечниками определяются во многом характером их литья. Типологически наконечники могут быть похожими (например, серия асимметрично-ромбических наконечников), но технологическое исполнение их будет принципиально различным. Почему на разных территориях использовались различные способы литья, я судить не берусь, но одной из наиболее вероятных причин могли являться эксплуатационные требования. Эти различия налицо, и это следует иметь в виду при построении типологии наконечников, выяснения их происхождения и хронологии.

Вес наконечников. Определяющими при выборе технологии изготовления наконечников являлись эксплуатационные требования. Это, прежде всего, близкие весовые характеристики наконечников по крайней мере в региональной группе изготовления. При существенном различии в весе наконечников стрел воину было бы затруднительно вести прицельную стрельбу по цели. В течение IX–VII вв. до н. э. смена типов наконечников сопровождается изменением в их весе. Вся «предскифская» серия наконечников стрел имеет вес в диапазоне 3,0–4,6 г. Асимметрично-ромбическая (жаботинская) серия в целом принципиально отлична от предскифской. Вес таких наконечников увеличи-

[1] Только с Иткульского городища (Челябинская область, Россия) известна медная литейная форма для трехлопастного наконечника, представленная всеми элементами конструкции: три створки и центрирующий стержень–сердечник (Бельтикова 1982. С. 65; Бельтикова 1993. С. 54).

[2] На примере наконечников из могилы 1, кургана 4, могильника Коптo Р. С. Минасян реконструировал процесс изготовления бронзовых трехлопастных черешковых наконечников стрел. Первоначально из дерева вырезался аналог наконечника. Путем отпечатка двух граней шаблона в глине делалась первая створка литейной формы. После ее просушки оттискивалась вторая створка формы. Литье осуществлялось в двухсторонних глиняных формах, персональных для каждой отливки, о чем свидетельствуют два литейных шва и индивидуальные характеристики литейного брака на серийных изделиях (Минасян 2000. С. 67). Каменная литейная форма для отливки черешковых двухлопастных наконечников найдена на поселении Тюбяк межовской культуры Южного Приуралья (Обыденнов 1991. С. 59. Рис. 50, *2*). Черешковые стрелы отливались в формах без стержней-сердечников, формирующих втулку наконечника. Полученный же сплошной стержень-черешок впоследствии расковывался. В Северном Причерноморье в раннескифскую эпоху наконечники стрел известны только втульчатые, тогда как к востоку от Волги наряду с втульчатыми использовались и черешковые (Чугунов 2000. С. 165–168). Бронзовые трехлопастные черешковые наконечники использовались сравнительно непродолжительное время. И. Н. Медведская предположила, что замена наконечников с черешковым типом насада втульчатыми стрелами могла быть связана «с необходимостью уменьшить вес наконечника, ведь длинный черешок тяжелее, чем короткая полая втулка» (Медведская 1972. С. 81).

вается почти вдвое. В рамках асимметрично-ромбической группы можно выделить массивные наконечники весом от 7,0–8,0 г и более легкие весом от 5,5 до 7,0 г. Близкий вес был у всех стрел так называемого жаботинского типа – двухлопастных, втульчатых с ромбовидным или асимметрично-ромбическим пером, скрытой (утопленной) или выступающей втулкой. Таким образом, кроме характерных морфологических характеристик мы можем отметить еще одну черту жаботинских стрел – вес. Примечательно, что наиболее массивные наконечники известны только в азиатском регионе и в Украинской Лесостепи[1].

В течение VII в. до н. э. наблюдается активный поиск оптимального соотношения между формой и весом наконечника, направленный на его существенное облегчение. Все наконечники «раннескифской» серии легче основной массы «жаботинских». Параллельно проводятся эксперименты в рамках совершенствования трехлопастной и трехгранной серий (наконечники отличаются подрезкой лопастей, расположением шипов, устройством пера). Весовой диапазон трехгранных, трехлопастных наконечников и экземпляров с треугольно-сводчатым пером находится в пределах 1,5–5,0 г, но основная масса наконечников весит в пределах 3,0–4,0 г. И только отдельные, как правило, двухлопастные наконечники в колчанных наборах весят до 6,0 г и очень редко до 7,0 г. Среди трехлопастных, из числа осмотренных мною, исключение составляют массивные трехлопастные наконечники из кургана 38 у с. Гуляй-Город, весящие до 6,0 г. В VII в. до н. э. наблюдается многообразие одновременно существующих типов наконечников стрел, что говорит не только об их специализированном назначении, но и о том, что в это время происходит активный поиск наиболее целесообразного соотношения между формой и весом наконечника. Это привело позже к появлению более стандартизированных типов наконечников VI–IV вв. до н. э. (Клочко 1977. С. 53, 54). Основная масса наконечников VI – первой половины V в. – это сверхлегкие базисные наконечники от 1,02 до 2,0 г и серия трехлопастных и трехгранных стрел, весящих 2,0–3,0 г. Трехлопастные и трехгранные наконечники V–IV вв. практически никогда не выходят за весовой диапазон 4,0 г.

Как уже отмечалось, вес наконечника – весьма важная его характеристика, указывающая на параметры стрелы, ее вес и скорость и, как следствие, проникающую способность. Кроме того, техника пуска стрелы также существенно зависит от ее веса.

Существует определенное оптимальное соотношение между весом наконечника и размерами древка стрелы. Как правило, весовое соотношение элементов выглядит как 1:5 или 1:7. Центр тяжести стрелы должен приходиться приблизительно на ее середину, допустимо лишь небольшое его смещение в верхнюю треть. При нарушении этого соотношения стрела либо виляет в полете, либо взмывает и отклоняется в сторону, в результате прицельная стрельба становится невозможной. Вес стрелы и мощность лука – величины взаимозависимые (Соловьев 2003. С. 67).

Для стабильного полета стрелы нужны тяжелая головка (тяжелый наконечник) и тормозящий хвост. Уменьшение веса наконечника ведет, соответственно, к уменьшению стрелы (она становится короче) и к изменению лука (он становится жестче, поскольку изменяется вес натяжения). Лук жестче → стрела короче → вес наконечника меньше →

[1] Судя по всему, такой же вес может быть и у наконечников из слоев разрушений поселений Закавказья (Нонаме-Гора, Цискараант-Гора, Сержень-Юрт) (Дараган, Подобед 2011).

→ оперения меньше (меньше тормозящей и стабилизирующей составляющей). Другими словами, более тяжелый наконечник может указывать на большой лук и длинную стрелу с пушистым оперением на хвосте. Это, условно говоря, «медленная», но далеко летящая стрела. Тяжелые стрелы имели более крутую траекторию полета, но дольше сохраняли убойную силу. Легкие наконечники прямо указывают на то, что стрела уменьшилась в размере (стала короче), оперения использовалось также меньше (возможно даже отсутствовало), лук стал также меньше и жестче. Стрелы с легкими наконечниками летели «быстрее» по более прямой траектории, меньше вибрировали и, соответственно, точнее били по цели, в том числе и по движущейся. Примечателен в этом плане тезис из арабского трактата XV в. по стрельбе из лука «Arab Archery»: «Искусные стрелки избегают применять тяжелые стрелы по причине их многочисленных пороков и низкой эффективности. Они предпочитают использовать легкие стрелы с жесткими луками, так как стрелы при этом летят прямо без колебаний» (цит. по: Руев 2011. С. 113).

То есть облегчение стрелы (в том числе и за счет уменьшения веса наконечника) указывает на изменение в конструкции лука, а цель введения новшеств и улучшений в конструкцию и форму лука и заключается в том, чтобы обеспечить стрельбу из него такими стрелами, которые имели бы максимальную дальность полета, наилучшую прицельность и самую большую пробойную силу. Это было тем более важно, что непрерывно происходило развитие оборонительного доспеха, а поскольку носителем эффективности являлась, прежде всего, стрела, то максимальный эффект достигался при ее облегчении (Литвинский 1966. С. 68). Как показал в свое время Б. Н. Граков, «развитие стрел шло по пути усовершенствования их поражающего действия, а техника – по пути упрощения и облегчения» (Граков 1930. С. 70–87). В ряде могил скифского времени в костях погребенных выявлены скифские наконечники стрел. Тот факт, что легкие бронзовые скифские втульчатые наконечники глубоко пробивали твердую костную ткань, безусловно, свидетельствует о значительной убойной силе скифского лука (Daragan 2015).

Маркировка наконечников стрел предскифской серии. Вся предскифская серия наконечников характеризуется литыми рельефными знаками, расположенными на втулке, которые были изначально созданы в литейной форме (Вальчак 2006. С. 269). Общими для различных серий наконечников является наличие рельефного горизонтального пояска у основания втулки. Кроме перечисленных выше экземпляров с подобным валиком, рельефный поясок у основания пера есть у наконечника, найденного на поселении Трояны-I в Поворсклье (Кулатова и др. 1993. С. 62. Рис. 25), у экземпляров из Астраханского Заволжья (поселок Аксарайский) (Вальчак, Дворниченко 2005. С. 84. Рис. 2, 3), известных по коллекции П. Д. Дубягина (Дворниченко 1990. Рис. 4, 5), и у наконечника из погребения № 309 могильника Клин-Яр-III (Белинский, Дударев 2001. С. 67, 68. Рис. 6, 4) (ил. 2: *33*).

Общими для наконечников из погребения № 5 Высокой Могилы, Малой Цимбалки и новочеркасских из Ольшан являются метки в виде «решетки» или «елочки» (Ковпаненко, Скорый 2005; Вальчак 2006) (ил. 1: *10, 11*; 2: *10, 28*). У наконечников из ольшанского и гумаровского колчанов совпадают метки в виде горизонтального и перпендикулярно расположенного к нему вертикального поясков. Г. Т. Ковпаненко и С. А. Скорый предположили, «что данные наконечники из упомянутых погребений могли быть изготовлены одним и тем же мастером» (Ковпаненко, Скорый 2005.

С. 279. Рис. 10, 13, 16–18, 20). На одном из ольшанских наконечников была также сделана метка в виде буквы «Х» (Ковпаненко, Скорый 2005. Рис. 10, *15*). Характерными именно для наконечников новочеркасской серии являются метки в виде отпечатка «птичьей лапы» (Алексеев 2014. С. 7). Такие метки были на гумаровских наконечниках, экземплярах из Михайловки (ил. 2: *1*) и погребения № 38, кургана 2 у с. Новая Белогорка (Смирнов 1964. Рис. 8, *1*). Резные метки на наконечниках так называемого новочеркасского типа известны только у наконечников из погребения № 3, кургана 1 Гумарово (ил. 6: *2, 5, 6, 9, 14, 15*).

Еще одной характерной чертой наконечников предскифской серии являются преднамеренные надпилы (выемки) на одной из лопастей. Они есть у наконечников из Малой Цимбалки (ил. 2: *31*) (Вальчак 2006. С. 269), Зольного (ил. 2: *25*), погребения № 11, кургана 10, могильника Барановка I (Сергацков 1991. С. 240. Рис. 2, *11*), погребения у ст. Некрасовской (ил. 2: *30*) (Мир кочевников 2013. Кат. 86), погребения № 3, кургана 1 Гумарово (ил. 6: *11*), погребения № 9, кургана 5 у с. Соколово (Ромашко 1978. С. 72. Табл. 2, 4, 7) и у экземпляра из Астраханского Заволжья (ил. 2: *32*) (Вальчак, Дворниченко 2005. С. 84. Рис. 2, *2*).

Маркировка асимметрично-ромбических (жаботинских) наконечников. Литые метки на асимметрично-ромбических наконечниках крайне редки. Литые горизонтальные пояски у основания втулки имеются у наконечников из погребения у Орлиной Скалы (ил. 9: *38–39*) (Dudarev, Fomenko 2001. Abb. 3: *b, 17*) и погребения № 194 Самтаврского могильника (Mehnert 2008. Taf. 43, *2*). Чаще встречаются метки, напоминающие отпечаток «птичьей лапы». Такая метка, снизу ограниченная горизонтальным литым валиком, нанесена на срединную часть втулки наконечника, использовавшегося при штурме городища Нонаме-Гора (ил. 9: *4*), и на двухлопастный симметрично-ромбический наконечник с шипом из Богазкея (ил. 9: *8*) (Boehmer 1972. Taf. XXXI, *902 (8)*; Иванчик 2001. Рис. 24, *8*). Похожие метки в нижней части втулки были у трех двухлопастных наконечников из Фригии (ил. 9: *10, 11*) (Yalçıklı 2006. Taf. 4: *43, 45*; 5: *40*), у экземпляров с симметрично-ромбическим пером из разрушенного погребения возле Амасьи (Иванчик 2001. Рис. 23, *246–250*; Рис. 24, *5, 6*). При этом последние имеют втулку в виде нервюры, что характерно для наконечников из азиатских степей (ил. 9: *5–7*). В Северном Причерноморье такая метка есть на втулке наконечников из зольника № 5 Западного укрепления Бельского городища (ил. 9: *2*) (Шрамко 2006), из коллекции Бурачкова и находки возле Градижска (Яценко 1959. Табл. II, *8*; Черняков, Шевченко 1987. Табл. 1, *32*) (ил. 9: *3, 9*). Наносились и резные метки в виде «птичьей лапы». Подобный знак имеется на втулке наконечника, извлеченного из скелета мужчины из погребения № 164 могильника Клин–Яр III (ил. 2: *34*) (Белинский, Дударев 2001).

А. Ю. Алексеев высказал остроумное предположение, что данный знак может быть репликой изображения на голове змеи–гюрзы и, возможно, отражает изначальную связь знака с теми регионами, где гюрза обитает, то есть с Казахстаном и Средней Азией (Алексеев 2014. С. 5–10).

Более часто на лопасти таких наконечников наносились резные метки в виде линий (рисок), «галочек», крестов и других геометрических фигур.

Метка в виде трапеции прочерчена на наконечнике из Жаботинского поселения (ил. 3: *1*); четыре линии – у наконечника из погребения у с. Капитановка (ил. 3: *10*); три параллельные линии – у наконечника с утяжеленной головкой из колчанного

набора № 524 у с. Жаботин (ил. 3: *15*; 9, *15*), на экземплярах из собрания Музея антропологии (ил. 9: *14*) (Граков 1930. Табл. V, *14*) и найденного на дюнах близ Камышина (Нижнее Поволжье) (Смирнов 1961. Рис. 11: *Б, 1, 6, 7*). Еще у одного двухлопастного наконечника, найденного близ Камышина, по три риски нанесены на обе лопасти (ил. 9: *12, 13*), у другого на двух лопастях были метки в виде «галочки» (>) (<) (ил. 9: *21*) (Смирнов 1961. Рис. 11: *Б, 1, 6, 7*), у третьего – сложный узор из прямых и косых линий (Там же. Рис. 12: *А*). Две риски на лопастях, а также валик у основания лопастей зафиксирован у экземпляра, найденного на берегу Днепра севернее Запорожья (ил. 9: *16*) (Бодянский 1970. С. 222. Рис. 1, *5*). Несколько наконечников с метками в виде линий, галочек и насечек известны и из собрания М. В. Сибилёва (ил. 9: *22, 36, 37*) (Сібільов 1926. Табл. XXVIII, *3–4*). По две параллельных риски было нанесено на обе лопасти наконечника, найденного возле г. Градижска (ил. 9: *17*) (Черняков, Шевченко 1987. Табл. 1, *33*). Две риски известны и на лопасти наконечника из слоя разрушения Рудковецкого городища (ил. 9: *18*), на другом наконечнике из этого же слоя – риска в виде «галочки» (>) (ил. 9: *19*) (Винокур, Гуцал 1975). Такая же метка есть и у наконечника из слоя разрушения городища Нонаме-Гора (ил. 9: *20*) (Furtwangler et al. 1999). Метки были у четырех асимметрично-ромбических наконечников из погребения № 4 Сулавери. У одного из них с одной стороны обеих лопастей нанесено по одной косой риске; у второго – на одной лопасти – косая риска, перечеркнутая под углом двумя параллельными линиями; у третьего – на одной лопасти метка в виде галочки; у четвертого – тоже «галочка», но более сложная (ил. 9: *22–26*) (Mehnart 2008: Taf. 95, *1–9*). Разнообразны метки на асимметрично-ромбических наконечниках из колчанного набора в кургане у с. Глинище[1]: у одного наконечника – две риски (ил. 9: *31*); у другого – на одной лопасти метка в виде трех сходящихся под углом линий, а на второй – в виде крестовидного знака (в одной проекции) и вертикальной линии, от которой отходят четыри риски в другой проекции (ил. 9*: 32*); у третьего – дуговидная вертикальная линия, перечеркнутая двумя наклонными линиями (ил. 9: *34*); у четвертого – на одной лопасти знак в виде креста, на другой – в виде зигзага, перечеркнутого вертикальной линией (ил. 9: *33*). Метки в виде двух рисок и помещенного между ними крестовидного знака нанесены на наконечники из Нижнего Поволжья (ил. 9: *29*) (Дворниченко 1990. Рис. 1, *11*) и Богазкея (ил. 9: *28*) (Boehmer 1972. Taf. XXX, *895*). Еще у одного наконечника из Богазкея знаки в виде рисок и зигзагов нанесены на обе лопасти (ил. 9: *27*) (Ibid. Taf. XXXI, *907*). Метки выявлены и у некоторых наконечников из разрушенного погребения близ Амасьи. На нижнюю часть втулки одного из них нанесен крестовидный знак; у второго наконечника такой знак был нанесен, наоборот, на верхнюю часть втулки, на лопасти третьего – знак в виде перевернутой буквы М или зигзага. У целой серии наконечников на втулке нанесены по две (или три) параллельные линии (Иванчик 2001. Рис. 23, *6, 10, 20, 21, 23, 24, 26, 32–36, 38, 43, 44, 48–55, 57–63, 67, 70–73, 75–78, 80–82, 84, 86, 87, 92–94, 124, 133, 144, 151, 161, 165, 166, 228*). Две риски нанесены на втулку двухлопастного наконечника из города Мидаса (ил. 9: *30*) (Phrygie 1951) и три риски – у наконечника из Эфеса (ил. 10: *31*) (Klebinder-Gauß 2004. Taf. 86, 892). Резные знаки-метки в виде линий есть и на двухлопастных наконечниках из Гумарово (ил. 7: *17, 18, 19*). Необычный

[1] Искренне признательна В. А. Подобеду за возможность опубликовать выполненные им рисунки из кургана у с. Глинище.

многоуровневый рисунок из горизонтальных линий, треугольника и ромба выявлен на втулке наконечника с симметричными надпилами лопастей из погребения у Орлиной Скалы (ил. 9: *39*) (Dudarev, Fomenko 2001. Abb. 3, *h, 18*).

У некоторых наконечников на одной из лопастей имеются небольшие выемки, которые, скорее всего, являются преднамеренными надпилами. Среди них наконечник из Михайловки (ил. 3: *2*), экземпляры из Эребуни (Stronach et al. 2009. Fig. 6, *A*; Pl. 7a) и Нонаме-Гора[1] (Furtwangler et al. 1999. Abb. 27, *12*), кургана 524 у с. Жаботин (ил. 3: *21*) и у экземпляра из коллекции Ногайского краеведческого музея (Кореняко 2012. Рис. 1, *2*). Три рельефных надпила (выемки на нижней части втулки) сделаны у наконечника из погребения у Орлиной Скалы (ил. 9: *40*) (Dudarev, Fomenko 2012. Abb. 3, *h, 16*). Интересная серия наконечников с надпилами происходит из Малой Азии. Это три двухлопастных наконечника с утяжеленными головками, с шипом в основании лопастей из музея в г. Эскишехир (ил. 10: *7–9*), два наконечника из Богазкея (ил. 10: *6*), один из разрушенного погребения близ Амасьи (Yalçiklı 2009. Abb. 4, *2*), шесть наконечников из музея в Токкат, при этом на двух из них метки в виде «птичьей лапы» (ил. 10: *1–5*), по одному из города Мидаса и музея в Амасьи (Yalçiklı 2009. Abb. 4, *4, 5*). Некоторые наконечники были с шипами в основании лопастей (Yalçıklı 2009. P. 185–187. Abb. 3–5).

Обращают на себя внимание некоторые совпадающие знаки на наконечниках из Приуралья, Северного Причерноморья и Малой Азии. Они не всегда нанесены на одних и тех же местах – в Северном Причерноморье чаще на лопастях, в Малой Азии – на втулке наконечников.

Маркировка наконечников VII – начала VI в. до н. э.

Метки в виде сходящихся (расходящихся) под углом линий. Такая метка из трех линий была нанесена на одну из лопастей трехлопастного наконечника из кургана Малая Офирна (ил. 12: *7*). Подобные метки прочерчены и на лопастях двух трехлопастных наконечников из кургана 38 у с. Гуляй-Город (ил. 16: *3, 6*). Еще у одного наконечника из Гуляй-Города на одной из лопастей таких линий прочерчено четыре (ил. 16: *2*). Похожие метки выявлены на лопасти трехлопастного наконечника из зольника № 28 Западного укрепления Бельского городища (Шрамко 1991. Табл. X, *1*), на лопасти двухлопастного наконечника, найденного в районе сел Келеберда и Леплява (ил. 10: *10*), и на втулке двухлопастного наконечника из погребения 2006 г. могильника Лермонтовская Скала (ил. 9: *2*) (Березин, Дударев 2009. С. 264. Рис. 5, *6*). На втулке трехлопастного наконечника из поселения у с. Пожарная Балка подобная метка литая, в большей степени соответствует меткам в виде отпечатка «птичьей лапы» (Алексеев 2014. Рис. 7) (ил. 10: *32*).

Метки-риски. Две риски нанесены на лопасть двухлопастного наконечника из Мотронинского городища (ил. 10: *13*) (Бессонова, Скорый 2001. С. 91. Рис. 62, *5*), трехлопастных наконечников из кургана 38 у с. Гуляй-Город (ил. 16: *4*) и поселения у с. Михайловка (ил. 11: *10, 13*). По три риски прочерчено на лопастях трехлопастных наконечников из погребения № 1 Репяховатой Могилы (ил. 13: *19*) и Трахтемировского городища (ил. 15: *29*). Метки в виде трех рисок обнаружены у наконечников из колчанного набора

[1] Искренне признательна И. Мотценбекеру за предоставленную возможность ознакомиться с фотографиями опубликованных и неопубликованных наконечников стрел из городища Нонаме-Гора.

погребения у с. Лихачевка (Дараган, Подобед 2011. Рис. V. *45, 12, 25–35*). У двухлопастного наконечника с утяжеленной головкой и шипом на одной из лопастей прочерчено три параллельных линии (ил. 10: *17*). По три риски на одной из лопастей, расположенных под разным углом, было у четырех трехлопастных наконечников; у одного метки в виде параллельных рисок нанесены на три грани; еще у одного на лопасти только одна риска (ил. 10: *18–20, 22–24*). У трехгранного наконечника из Малой Офирны три риски прочерчены на втулке (ил. 12: *14*). Четыре однотипных риски – у четырех трехлопастных наконечников из колчанного набора 2 погребения № 2 Репяховатой Могилы (ил. 14: *II, 15–18*) Параллельные риски – на обеих лопастях двухлопастного наконечника из погребения № 104 и на двух лопастях трехлопастного наконечника из погребения № 106 Владимирского могильника (ил. 10: *14–15*).

Метки в виде креста. Такой знак выявлен на лопастях однотипных трехлопастных наконечников из кургана у с. Лихачевка (ил. 10: *25*) и кургана 38 у с. Гуляй-Город (ил. 16: *7*). Еще у одного трехлопастного наконечника из Гуляй-Города крест процарапан в верхней части втулки (ил. 16: *9*). Крест на втулке и на лопасти прочерчен и у наконечников, использовавшихся при штурме городища Смоленице-Мольпир (Hellmuth 2006) (ил. 10: *26, 30*). Метка в виде почти прямого креста нанесена на одну из лопастей небольшого трехлопастного наконечника, найденного в раскопе 10 поселения у с. Пожарная Балка (ил. 15: *18*) (Андриенко 2004. С. 7).

Другие метки. Метки в виде «галочки» были на всех лопастях трехлопастного наконечника из Пастырского городища (ил. 10: *16*) (Яковенко 1968. Рис. 8, *3, 5*) и на двух лопастях трехлопастного наконечника из погребения у с. Лихачевка (ил. 10: *21*). Метки в виде рисок и крестов – на двух лопастях трехлопастного наконечника, найденного в районе сел Келеберда и Леплява (ил. 10: *11*) (Галанина 1977. Табл. 32, 39, 40). Метки в виде буквы М процарапаны на трехлопастных наконечниках из поселения у с. Михайловка (ил. 11: *11, 15*). Похожие метки есть и на некоторых трехлопастных наконечниках из городища Смоленице-Мольпир (ил. 10: *28–30*) (Hellmuth 2006. P. 135, 136. Abb. 107. Taf. 22, *1–5*) и западного укрепления Бельского городища (Шрамко 1987. Рис. 61, *4*) (ил. 10: *12*).

Значительно реже, но все же встречаются на трехлопастных наконечниках и надпилы. Очень похожие наконечники с надпилами имелись в колчане 2 погребения № 2 Репяховатой Могилы (ил. 14: *II, 19*) и в погребении 2006 г. могильника Лермонтовская Скала (Березин, Дударев 2009. Рис. 5, *4*).

При наличии других совпадающих параметров, процарапанные метки могут быть дополнительным аргументом при выяснении хронологической близости и происхождения определенных типов наконечников.

Детальная характеристика наконечников стрел и освещение таких важных аспектов, связанных с их характеристикой, как вес и наличие знаков-меток, а также обращение к технологии их производства, позволило показать вариабельность видов наконечников стрел в рамках различных типологических групп (двухлопастных или трехлопастных стрел), различающихся по форме и весу. Продемонстрированы различия в маркировке наконечников в разные хронологические периоды. Прослежено, что на различных территориях в одно и то же время практиковались различные способы литья. Предполагается, что эксплуатационные требования определяют выбор технологии литья наконечников с использованием глиняной, каменной или же металлической формы

или же изготовление их по восковой (утрачиваемой) модели. Поскольку наконечники производились в огромном количестве, важным эксплуатационным требованием было их близкие весовые характеристики по крайней мере в региональной группе изготовления. Также немаловажным эксплуатационным требованием являлось изготовление наконечников «готовыми» к использованию, то есть не требующими существенной последующей доработки.

Анализ данного материала со всей очевидностью показывает, что даже старые (давно опубликованные и ставшие хрестоматийными) коллекции не исчерпали своего исследовательского потенциала и дают импульсы для новых изысканий.

Алексеев 2000

Алексеев А. Ю. Наконечники стрел из Александропольского кургана и их значение для истории скифских древностей IV в. до н. э. // ΣΥΣΣΙΤΙΑ : памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 295–303.

Алексеев 2014

Алексеев А. Ю. Стрелы-змеи у ранних кочевников Евразии // Война и военное дело в скифо-сарматском мире : мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). Ростов-н/Д., 2014. С. 5–10.

Алексеев и др. 2005

Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С., Дергачёв В. А., Зайцева Г. И., Ковалюх Н. Н., Кук Г., Плихт Й. ван дер, Посснерт Г., Семенцов А. А., Скотт Е. М., Чугунов К. В. Евразия в скифскую эпоху : радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.

Андриенко 1997

Андриенко В. П. Архаичные наконечники стрел из Пожарной Балки // Матеріали вузівської наук. конф. професорсько-викладацького складу за підсумками науково-дослідної роботи : історичні науки, політологія. Донецьк, 1997. Кн. 1.

Андриенко 2004

Андриенко В. П. Об относительной хронологии наконечников стрел из Пожарной Балки (архаический период) // ДАС. 2004. Вып. 11. С. 118–129.

Белинский, Дударев 2001

Белинский А. Б., Дударев С. А. К характеристике наконечников стрел из могильника Клин-Яр-III : по неопубликованным материалам раскопок 1988–1991 годов // МИИКНСК. М., 2001. Вып. 2. С. 64–83.

Белинский, Дударев 2007

Белинский А. Б., Дударев С. А. К датировке комплексов позднейшего предскифского времени Северного Кавказа и Восточной Европы // МИИКНСК. М., 2007. Вып. 7. С. 122–135.

Бельтикова 1982

Бельтикова Г. В. Металлические наконечники стрел с иткульских памятников // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982. С. 65–76.

Бельтикова 1993

Бельтикова Г. В. Литейные формы иткульского очага металлургии (VII–III вв. до н. э.) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993. С. 38–75.

Березин, Дударев 2009

Березин Я. Б., Дударев С. А. Новые материалы VII–VI вв. до н. э. с территории Кавминвод // МИИКНСК. Ставрополь, 2009. Вып. 9. С. 257–272.

Бессонова, Скорый 2001

Бессонова С. С. Скорый С. А. Мотронинское городище скифской эпохи : по материалам раскопок 1988–1996 гг. Киев ; Краков, 2001.

Бидзиля, Яковенко 1974

Бидзиля В. И., Яковенко Э. В. Киммерийские погребения Высокой Могилы // СА. 1974. № 1. С. 148–159.

Бобринской 1887

Бобринской А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1887. Т. 1.

Бодянский 1970

Бодянский А. В. Находки раннескифских вещей в Днепровском Надпорожье // СА. 1970. № 2. С. 221, 222.

Бородовский 1997

Бородовский А. П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс.

до н. э. – первая половина I тыс. н. э.). Новосибирск, 1997.

Вальчак 2006

Вальчак С. Б. Комплекс впускного погребения «А», колчанный набор из кургана Малая Цимбалка и их место в хронологии предскифского периода // Древности скифской эпохи. М., 2006. С. 262–276.

Вальчак, Дворниченко 2005

Вальчак С. Б., Дворниченко В. В. Некоторые находки эпохи раннего железного века из Астраханского Заволжья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Актобе, 2005. Вып. 2. С. 82–86.

Викторова 2008

Викторова В. А. Новации и традиции в культурах древнего населения верховья реки Исети (эпоха раннего железа) // Вестник уральского отделения РАН. 2008. № 2 (24). С. 79–93.

Винокур, Гуцал 1975

Винокур І. С., Гуцал А. Ф. Отчет об археологических исследованиях // НА ИА НАНУ, 1975/75.

Галанина 1977

Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья : эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга. М., 1977. (САИ ; вып. Д 1–33).

Галанина 2006

Галанина Л. К. Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа : Келермесские курганы. СПб., 2006.

Граков 1930

Граков Б. Н. Техника изготовления наконечников стрел у скифов и сарматов // Техника обработки камня и металла. 1930. Вып. 5. С. 70–90.

Дараган 2010

Дараган М. Н. О датировке амфоры из погребения № 2 Репяховатой Могилы // АМА. 2010. Вып. 14. С. 175–202.

Дараган 2011

Дараган М. Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев, 2011.

Дараган 2015

Дараган М. Н. Бронзовые литейные формы для изготовления наконечников стрел VIII–IV вв. до н. э. // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии : сб., посвящ. памяти К. А. Акишева. Караганды, 2015. С. 69–83.

Дараган, Подобед 2011

Дараган М. Н., Подобед В. А. Финал горизонта Жаботин II : Хронология горизонта Жаботин III // Дараган М. Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев, 2011. С. 563–589.

Дараган и др. 2010

Дараган М. Н., Разумов С. Н., Бондарь К. М. Исследования на Жаботинском поселении раннего железного века в Среднем Поднепровье // АДУ в Україні 2009 р. Київ, 2010. С. 109–112.

Дворниченко 1990

Дворниченко В. В. К вопросу о происхождении стрел «новочеркасского» типа : по материалам коллекции П. П. Дубягина из Волго-Уральской пустыни // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С. 48–59.

Дегтярева 2010

Дегтярева А. Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск, 2010.

Дубовская 1993

Дубовская О. Р. Вопросы сложения инвентарного комплекса черногоровской культуры // АА. 1993. № 2. С. 137–160.

Епимахов 2012

Епимахов А. В. Материалы к истории ювелирного дела : бронзовый век Южного Зауралья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 1 (49). С. 82–87.

Иванчик 1999

Иванчик А. И. Современное состояние киммерийской проблемы : итоги дискуссии // ВДИ. 1999. № 2. С. 77–97.

Иванчик 2001

Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. М., 2001.

Иванчик 2006

Иванчик А. И. Раннескифская хронология в свете древневосточных данных // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М., 2006. Кн. 1. С. 146–160.

Иванчик 2011

Иванчик А. И. Еще раз о дискуссии о киммерийцах и хронологии раннескифской культуры // Terra Scythica : мат-лы Междунар. симп. (17–23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай). Новосибирск, 2011. С. 64–76.

Иессен 1953

Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР :

Новочеркасский клад 1939 г. // СА. 1953. № 18. С. 49–110.

Ильинская 1975

Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н. э.). Киев, 1975.

Ильинская и др. 1980

Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 31–63.

Исмагилов 1988

Исмагилов Р. Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. 1988. № 29. С. 29–47.

Клочко 1977

Клочко В. И. Новые данные о типах скифских горитов и колчанных наборах в VI в. до н. э. // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977. С. 47–54.

Клочко 1979

Клочко В. И. Некоторые вопросы происхождения бронзовых наконечников стрел Северного Причерноморья VIII–VII вв. до н. э. // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979. С. 40–46.

Клочко 1981

Клочко В. И. Об одной из литейных форм Кировского поселения // Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1981. С. 65–69.

Ковалёв 2000

Ковалёв А. А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 138–180.

Ковпаненко 1967

Ковпаненко Г. Т. Раскопки Трахтемировского городища // АИУ в 1965–1966 гг. Киев, 1967. Вып. 1. С. 103–106.

Ковпаненко 1968

Ковпаненко Г. Т. Раскопки Трахтемировского городища // АИУ в 1967 г. Киев, 1968. Вып. 2. С. 108–111.

Ковпаненко, Скорый 2005

Ковпаненко Г. Т., Скорый С. А. Ольшана: погребение предскифского времени в Днепровской Правобережной Лесостепи // Stratum Plus. 2005. № 3. С. 265–288.

Козенкова 1965

Козенкова В. И. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г. // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 67–74.

Козенкова, Крупнов 1966

Козенкова В. И., Крупнов Е. И. Исследование Сержень-Юртовского поселения : по раскопкам 1964 г. // КСИА. 1966. Вып. 106. С. 81–87.

Кореняко 2012

Кореняко В. А. Ногайская степь в раннем железном веке : по материалам Ногайского краеведческого музея // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 2. С. 340–345.

Кулатова и др. 1993

Кулатова И. Н., Луговая Л. И., Супруненко А. Б. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. М. ; Полтава, 1993.

Литвинский 1966

Литвинский Б. А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии : к проблеме эволюции лука на Востоке // СА. 1966. № 4. С. 51–69.

Ляшко 1992

Ляшко Ю. Ю. Новые поселения скифского времени в районе Жаботина // Киммерийцы и скифы : тр. Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. И. Тереножкина. Мелитополь, 1992. С. 51–53.

Маргулан и др. 1966

Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 303–371.

Махортых 2000

Махортых С. В. Об актуальных вопросах раннескифской археологии // Скифы и Сарматы в VII–III вв. до н. э. : палеоекологія, антропология и археология. М., 2000. С. 186–193.

Медведская 1972

Медведская И. Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. 1972. № 3. С. 76–89.

Мелюкова 1964

Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М., 1964. (САИ ; вып. Д 1–4).

Минасян 2000

Минасян Р. С. Данные о технике изготовления вещей из меди, золота и серебра из могильника Копто // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура : сб. статей к 60-летию М. Л. Подольского. СПб., 2000. С. 65–69.

Мир кочевников 2013
Мир кочевников : Из археологических коллекций Государственного Эрмитажа : каталог выставки. СПб., 2013.

Никитин 2007
Никитин А. Ю. О типологической трансформации бронзовых наконечников стрел в ходе многократной заточки : на основе экспериментальной работы // Кадырбаевские чтения : мат-лы Междунар. науч. конф. Актобе, 2007. С. 155–160.

Обыденнов 1991
Обыденнов М. Ф. Поселения древних скотоводов Южного Приуралья. Саратов, 1991.

Пересветов 2010
Пересветов Г. Ю. Исследования на культово-погребальном комплексе Торайгыр VI // Древности Сибири и Центральной Азии. 2010. № 3 (15). С. 144–151.

Пронин 2006
Пронин А. О. К вопросу технологии литейного производства наконечников стрел в переходное от бронзы к железу время на юге Западной Сибири // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 134–149.

Ромашко 1978
Ромашко В. А. Памятники предскифской эпохи в Орельско-Самарском междуречье // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1978. С. 70–77.

Руев 2011
Руев В. П. Наконечники османских стрел по результатам исследования укрепления № 14 главной линии обороны Мангупа в 2007 г. // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. 2011. С. 109–126. (Исторические науки ; т. 24 (63), № 1: История Украины).

Рябкова 2012
Рябкова Т. В. Колчанный набор из кургана 524 у сел. Жаботин // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 2. С. 345–350.

Рябкова 2014
Рябкова Т. В. Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики // РАЕ. 2014. № 4. С. 372–432.

Сакенов и др. 2015
Сакенов С. К., Свиридов А. Н., Ярыгин С. А. Раннесакские погребения из могильников Шагалалы IV и Ишан в Акмолинской области // РА. 2015. *В печати.*

Сергацков 1991
Сергацков И. В. Погребение предскифского времени на Иловле // СА. 1991. № 2. С. 240–244.

Смирнов 1961
Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. (МИА ; вып. 101).

Смирнов 1964
Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.

Соловьев 2003
Соловьев А. И. Оружие и доспехи : сибирское вооружение : от каменного века до средневековья. Новосибирск, 2003.

Тишкин и др. 2014
Тишкин А. А., Кунгуров А. Л., Лихачева О. С. Рентгенофлюоресцентный анализ металлических наконечников стрел аржано-майэмирского времени с поселения Боровое–III (Верхнее Приобье) // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 2 (10). С. 96–111.

Черненко 1981
Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981.

Черняков, Шевченко 1987
Черняков И. Т., Шевченко Н. П. Отчет о раскопках Градижской новостроечной экспедиции в 1987 г. // НА ИА НАНУ, 1987/16.

Чикунова 2008
Чикунова И. Ю. Раскопки курганного могильника Андреевские Юрты 4 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. Вып. 8. С. 226–230.

Чугунов 2000
Чугунов К. В. К вопросу о формировании колчанного набора в восточных регионах скифского мира // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая / под ред. Ю. Ф. Кирюшина, А. А. Тишкина. Барнаул, 2000. Вып. 11. С. 165–168.

Шишлов и др. 2007
Шишлов А. В., Федоренко Н. В., Колпакова А. В., Кононенко А. П. Материальная культура Владимировского могильника // Исторические записки : исследования и материалы. Новороссийск, 2007. Вып. 5. С. 4–19.

Щепинский 1962
Щепинский А. А. Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА. 1962. Вып. 12. С. 57–65.

Шрамко 1968
Шрамко Б. А. Отчет о разведках и раскопках скибо-славянской экспедиции Харьковского гос. ун-та // НА ИА НАНУ, 1968/43.

Шрамко 1987
Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.

Шрамко 1991
Шрамко І. Б. Отчет о раскопках на Бельском городище в 1991 г. // НА ИА НАНУ, 1991/193.

Эрлих 2013
Эрлих В. Р. Об одном трехпетельчатом псалии из Богазкея // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-н/Д., 2013. С. 46–49.

Яценко 1959
Яценко І. В. Скифия VII–V веков до нашей эры. М., 1959.

Братченко 1989
Братченко С. Н. Лук і стріли доби енеоліту-бронзи Півдня Східної Європи // Археологія. 1989. № 4. С. 70–81.

Гавриш 2014
Гавриш П. Я. Металева зброя серед артефактів попелища № 7 Більського Західного городища // Феномен Більського городища 2014. Київ ; Полтава, 2014. С. 38–41.

Дараган и др. 2012
Дараган М. Н., Пефтиць Д. М., Підобід В. А., Разумов С. М. Дослідження на Жаботинському поселенні в 2010 р. // АДУ в Україні 2011. Київ, 2012.

Іллінська 1973
Іллінська В. А. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів // Археологія. 1973. № 12. С. 13–26.

Ліфантій 2012
Ліфантій О. В. Семантичне навантаження міток на наконечниках стріл скіфського Надчорномор'я // Проблеми історії і археології України : мат-ли VIII Міжнар. наук. конф. Харків, 2012. С. 31, 32.

Петровська 1968
Петровська Є. О. Курган VI ст. до н. е. біля с. Мала Офірна на Київщині // Археологія. 1968. Т. 21. С. 164–174.

Полін 1987
Полін С. В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59. С. 17–36.

Сібільов 1926
Сібільов Н. Старовинність Ізюмщини. Ізюм, 1926.

Фіалко, Болтрик 2003
Фіалко О. Є., Болтрик Ю. В. Напад скіфів на Трахтемирівське городище. Київ, 2003.

Шрамко 2006
Шрамко І. Б. Ранній період в історії геродотівського Гелону : за матеріалами розкопок зольника № 5 // Більське городище та його округа : до 100-річча початку польових досліджень. Київ, 2006. С. 33–56.

Яковенко 1968
Яковенко Е. В. Пастирське городище скіфського часу : за матеріалами розкопок 1955 р. // Археологія. 1968. Т. 21. С. 175–186.

Anadolu 2004
Anadolu, Dökümün Beşiği / Anatolia, Cradle of Castings. 2004.

Avila 1983
Avila R. A. Bronzene Lanzen- und Pfeilspitzen der griechischen Spätbronzezeit. Stuttgart, 1983. (Prähistorische Bronzefunde ; 5. 1).

Boehmer 1972
Boehmer R. M. Die Kleinfunde von Bogazköy aus den Grabungskampagnen 1931–1939 und 1952–1969. Berlin, 1972.

Daragan 2015
Daragan M. N. Scythian Intestine Conflicts // ACSS. 2015. *In print.*

Dudarev, Fomenko 2012
Dudarev S. L., Fomenko V. A. Neue präskythische Funde aus Nordkaukasien // EA. 2012. Bd. 17. S. 157–175.

D'Amato, Salimbeti 2013
D'Amato R., Salimbeti A. Early Aegean Warrior 5000–1450 BC. Oxford, 2013.

Furtwangler et al. 1999
Furtwängler A., Knauß F., Motzenbacker I. Archäologische Expedition in Kachetien : Ausgrabung in Siraki. 5. Vorbericht // EA. 1999. Bd. 5. S. 233–270.

Gottlieb 2004
Gottlieb Y. The Arrowheads and Selected Aspects of the Siege Battle // The Renewed Archaeological Excavations at Lachish (1973–1994) : in 5 vols. / ed. by D. Ussishkin. Tel Aviv, 2004.

Hellmuth 2006
Hellmuth A. Untersuchungen zu den sogenannten skythischen Pfeilspitzen aus der befestigten

Höhensiedlung von Smolenice-Molpír. Bonn, 2006. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archälogie ; 128).

Klebinder-Gauß 2004
Klebinder-Gauß G. Bronzefunde aus dem Artemision von Ephesos. Wien, 2004. (Forschungen in Ephesos ; 12/3).

L'Uomo d'oro 1998
L'Uomo d'oro : la cultura delle steppe del Kazakhstan dell'età del bronzo alle grandi migrazioni / ed. G. A. Popesku, C. S. Antonini, K. M. Bairakov. Milano, 1998.

Mehnert 2008
Mehnert G. Skythika in Transkaukasien : reiternomadische Sachkultur im archäologischen Fundkontext. Wiesbaden, 2008.

Of Gold and Grass 2007
Of Gold and Grass : Nomads of Kazakhstan / ed. by Dr. C. Chang, K. S. Guroff. Foundation for International Arts and Education, 2007.

Phrygie 1951
Phrygie : Exploration Archeologique. Paris, 1951. T. 3: La Cite de Midas Ceramique et Trouvailles Diverses.

Rihovsky 1996
Rihovsky J. Die Lanzen-, Speer- und Pfeilspitzen in Mähren. Stuttgart, 1996. (Prähistorische Bronzefunde ; 5.2).

Stronach et al. 2009
Stronach D., Ter-Martirosov F., Ayvazian A., Collins W., Demos C., Ghanimati S. Erebuni 2007 // Iranica Antiqua. 2009. Vol. 44. P. 181–206.

Unbekanntes Kasachstan 2013a
Unbekanntes Kasachstan – Archäologie im Herzen Asiens. Bochum, 2013. Bd. 1: Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums.

Unbekanntes Kasachstan 2013b
Unbekanntes Kasachstan – Archäologie im Herzen Asiens. Bochum, 2013. Bd. 2: Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums.

Underwood 1958
Underwood L. Bronze Age Technology in Western Asia and Northern Europe : Part 1 // Man. 1958. Vol. 58. P. 17–23.

Urartu 2003
Urartu: savaş ve estetik = Urartu: War and Aesthetics. Istanbul, 2003.

Yalçiklı 2006
Yalçiklı D. Eisenzeitliche Pfeilspitzen aus Anatolien. Bonn, 2006. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archälogie ; 128).

Yalçiklı 2009
Yalçiklı D. Hinweise auf eine Pfeilspitzenwerkstatt in der ersten Hälfte des 1. Jahrtausends v. Chr. // PZ. 2009. Bd. 84. S. 181–190.

И. П. Засецкая

ЗАГАДКА ЗОЛОТОГО КУБКА ИЗ РАЗРУШЕННОГО ПОГРЕБЕНИЯ У СТ. МИГУЛИНСКОЙ

В 1864 г. местной жительницей ст. Мигулинской Верхнедонского района Ростовской области было обнаружено разрушенное погребение, из которого, как указано в архивных документах и в первой публикации 1867 г., происходят несколько золотых предметов – браслет, диадема, сосуд и фрагменты серебряного кувшина (Архив ИИМК. Ф. I. Д. 28. 1866. Л. 8; Архим. Амфилохий 1867. С. 197–200. Табл. XIII)[1]. О судьбе этих вещей, за исключением сосуда, ничего не известно, поскольку они были проданы нашедшей их женщиной какому-то торговцу. Золотой же сосуд-кубок был приобретен графом А. С. Уваровым для своей коллекции древностей и в дальнейшем был передан в Государственный исторический музей в Москве, где он находится и сегодня (Фирсов 2002. С. 107. Кат. № 503)[2]. Именно этому уникальному изделию древних мастеров посвящено настоящее сообщение.

Кубок имеет круглодонное тулово, сужающееся к устью со слегка отогнутым краем, и зооморфную ручку[3]. Вокруг тулова, в его верхней части, расположен орнаментальный поясок, состоящий из вставок светлой стеклянной пасты в ромбовидных и треугольных гнездах-ячейках. Кроме того, по краю сосуда, под венчиком, имеется нанесенная наколами греческая надпись. Кубок сделан из золотой сравнительно толстой пластины в технике выколотки. Ручка в виде хищника семейства кошачьих, полая внутри, изготовлена отдельно в технике басмы и состоит из двух спаянных половин. К сосуду ручка прикреплена при помощи четырех заклепок, пропущенных через лапы животного (ил. 1).

Предметом особого внимания исследователей мигулинского кубка стала греческая надпись, расшифровка которой имеет большое значение для определения места изготовления, а также для решения вопросов о происхождении кубка и его этнокультурной принадлежности.

Надпись выглядит так: ΞΗΒΑΝΟΚΟΥ ΤΑΡΟΥΛΑΣ ΕΠΟΙΕΙ ΧΡ ΜΗ, что дословно можно перевести как «Ксебанока Тарулас делал золото 48».

---

[1] После первой публикации кубок неоднократно воспроизводился как в зарубежной, так и в отечественной литературе. В монографии автора данной статьи (Засецкая 2011. С. 161, 164, 180–185. Рис. 82б; 91: *I–II*; 92; 93а) представлены изображения кубка и его деталей, а также приведены соображения относительно его возможного происхождения и культурной атрибуции. В одной из предыдущих публикаций (Мордвинцева, Трейстер 2007. Т. 2. С. 123, 124; Т. 3. Табл. 20, 54. Рис. 16: *46*) дана подробная библиография по мигулинскому кубку. В работе В. И. Мордвинцевой находка у ст. Мигулинской ошибочно включена в раздел памятников Прикубанья (Мордвинцева 2003. С. 91).

[2] Кубок хранится в Отделе археологии Государственного исторического музея (Инв. № 53072, Б. 229/1).

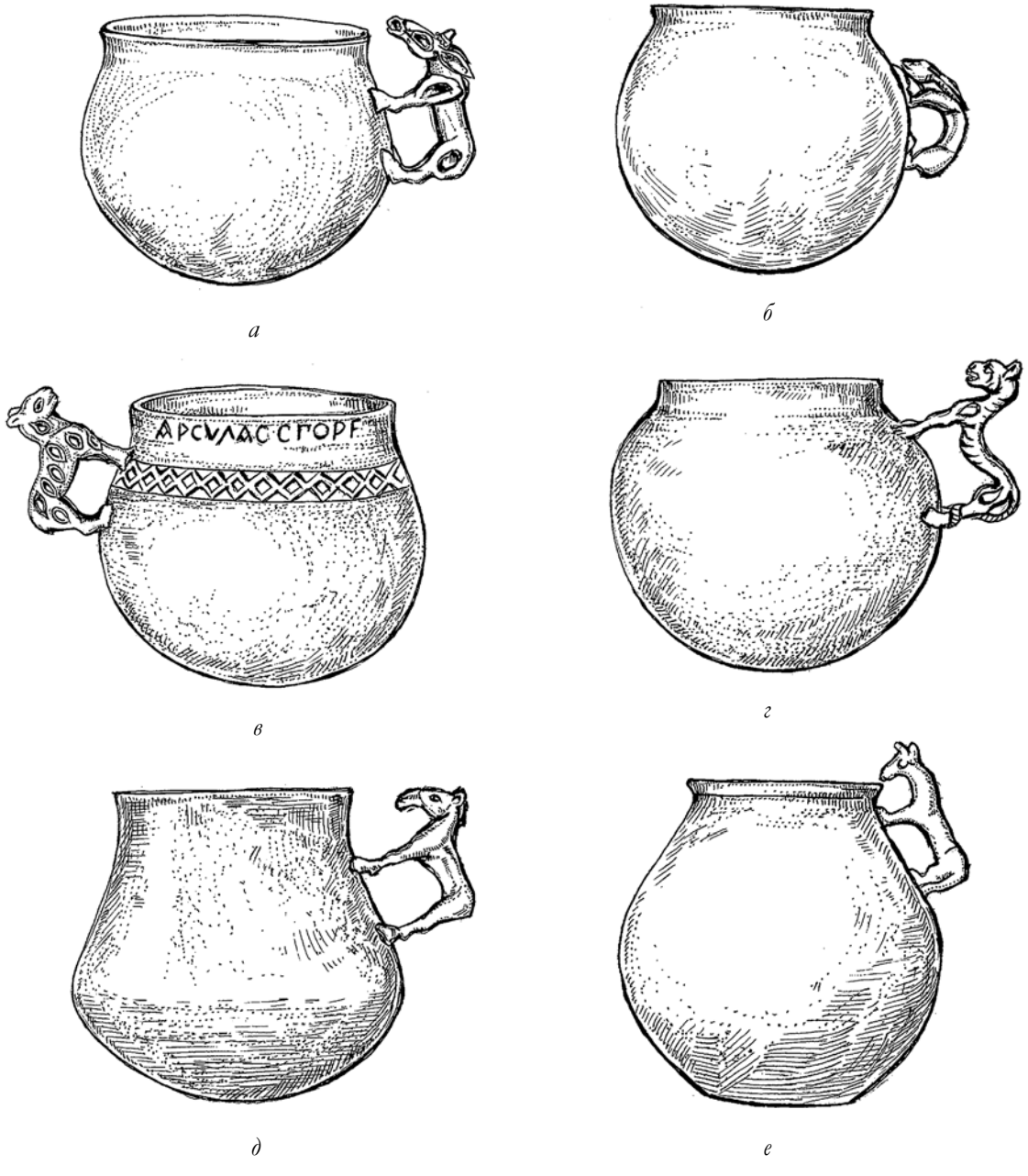
[3] Высота кубка 9,0 см; диаметр тулова 10,8 см; диаметр устья 8,6 см; длина ручки 5,3 см; высота ручки 4,0 см. Общий вес кубка 355,5 г.

Ил. 1. Золотой сосуд-кубок с ручкой в виде фигуры тигра, декоративным пояском и греческой надписью. Разрушенное погребение у ст. Мигулинской. Общий вид и надпись (Государственный исторический музей, инв. № 53072, Б. 229/1)

Прежде всего следует отметить, что надпись по внешнему виду, в частности, по размеру и четкости написания букв, неодинакова и может быть разделена на две части. Первая часть, которой соответствует лишь одно имя *Ксебанок*, написана мелким убористым почерком, в то время как вторая часть исполнена размашисто и более крупными буквами. Еще Я. И. Смирнов, один из первых авторов публикации кубка (Смирнов 1909. Табл. X: *27*), предположил, что надпись на мигулинском сосуде нанесена в два приема. При этом первичной является большая часть надписи, а вторичной – ее начало, которому соответствует только одно имя собственное. К сожалению, мнение Я. И. Смирнова, изложенное в его рукописном тексте, не было опубликовано, но об этом упоминает в своей статье, специально посвященной надписи, М. И. Ростовцев (Ростовцев 1917. С. 107).

В литературе, как в отечественной, так и в зарубежной[1], имеются разные толкования текста надписи, и главным образом спор идет по поводу соотношения имен собственных. Некоторые объединяют оба имени в одно, другие произвольно делят их на два имени, многие же справедливо полагают, что здесь мы имеем два имени, которым

[1] Так, например, М. И. Ростовцев отмечает, что оба имени в одно объединяют И. Толстой и Н. Кондаков; Ш. де Льена делит их на два имени произвольно; Я. И. Смирнов, Э. Х. Миннз, В. Томашек считают, что здесь присутствуют два имени: первое в родительном падеже, а второе – в именительном, полагая при этом, что первое имя является добавленным позднее (Цит. по: Ростовцев 1917. С. 106–108).



а *б* *в* *г* *д* *е*

Ил. 2. Металлические кубки с зооморфными ручками

а – курган Хохлач; *б* – курган 1, могильник Октябрьский V; *в* – ст. Мигулинская; *г* – курган 28, Высочино VII; *д* – погребение у с. Пороги; *е* – Криволиманский могильник. Рисунки Е. Ф. Корольковой

соответствуют два первых слова надписи, одно – *Тарулас* (в именительном падеже) – принадлежит мастеру, который сделал этот кубок, а другое – *Ксебанок* (в родительном падеже) – добавлено позднее и может принадлежать отцу мастера или владельцу кубка.

С. Р. Тохтасьев, специалист в области греческой эпиграфики, вновь проанализировав мигулинскую надпись, подтвердил, что она была сделана не одновременно, но при этом отметил, что обе части написаны одной рукой[1].

Если вывод о принадлежности имени *Тарулас* мастеру не вызывает сомнения, то другое имя *Ксебанок*, скорее всего, следует рассматривать не как имя отца мастера, а как имя владельца кубка.

Оригинальную точку зрения по этому вопросу высказал Дэвид Браунд (Университет Экзетер, Англия), который на основании исследования прошедшего времени глагола *делать* (ΕΠΟΙΕΙ) предположил, что *Тарулас* – имя первого владельца кубка, а не мастера. Другое же, добавленное, имя *Ксебанок* принадлежит следующему за Таруласом владельцу данного сосуда. При этом Д. Браунд высказал сомнение, что надпись сделана одной рукой[2].

Другой не менее важный вопрос касается этнического происхождения имен. Большинство исследователей считает, что оба имени фракийские. Однако М. И. Ростовцев, ссылаясь на то, что в сарматской и фракийской номенклатуре встречается не только ряд совпадений, но и ряд одинаковых образований собственных имен, в частности, с суффиксами -αχο, -οχο, -λας, а также учитывая их бытование как во Фракии, так и в пределах Боспорского царства и в Ольвии, особенно в римско-сарматское время, считает, что эти факты позволяют предположить не только фракийское, но и сарматское происхождение имен на кубке (Ростовцев 1917. С. 168).

М. Ю. Трейстер в статье, посвященной золотым сосудам из сарматских погребений, исследовав область распространения имени *Тарулас*, показал, что оно было наиболее известно не в западной Понтийской Фракии, а в Македонии, Пропонтийской Фракии, а также в Фессалии и на Боспоре, на что указывают найденные в этих странах памятники с греческими надписями (Treister 2004. P. 131, 138).

Интересное заключение сделал С. Р. Тохтасьев, который определил имя *Тарулас* как бесспорно фракийское, отметив при этом его популярность и присутствие в пантикапейских надписях, а *Ксебанок,* по словам С. Р. Тохтасьева, – хорошее иранское имя от Xshaya-ba:nu-ka – *обладающий царским блеском*. Такой вывод, на мой взгляд, укрепляет мнения авторов о принадлежности имени *Ксебанок* не отцу мастера, а владельцу кубка. Более того, на этом основании, а также учитывая тот факт, что надпись создавалась в несколько приемов, можно предположить, что первичная надпись была сделана мастером после изготовления кубка, а затем он же дополнил ее именем владельца. Но возможен и второй вариант (если принять точку зрения о принадлежности надписи разным лицам), что владелец сам написал свое имя после того, как получил именной кубок от мастера.

---

[1] Приношу глубокую благодарность С. Р. Тохтасьеву за оказанную мне помощь в расшифровке надписи на мигулинском кубке. Свое очень важное для меня письменное заключение по тексту надписи С. Р. Тохтасьев любезно передал в мое пользование. Подробнее см. статью: *Тохтасьев С. Р.* Из ономастики Северного Причерноморья XXII: несколько скифских и сарматских имен // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIX : чтения памяти И. М. Тронского : мат-лы Междунар. конф., 22–24 июня 2015 г. СПб., 2015. С. 890–898.

[2] Свою точку зрения Д. Браунд изложил в письменном виде, отвечая на просьбу А. Ю. Алексеева, и предложил ее для нашего обсуждения.

а *б* *в*

Ил. 3. Зооморфные ручки полихромного сарматского звериного стиля

а – фигура лося, курган Хохлач (Государственный Эрмитаж, инв. № 2213/13); *б* – фигура тигра, ст. Мигулинская (Государственный исторический музей, инв. № 53072, Б. 229/1); *в* – фигура пантеры, курган 28, Высочино VII (Азовский музей-заповедник, инв. № КП-19532/173)

Следующий вопрос связан с датировкой кубка, которая в настоящее время представлена двумя вариантами: I или II в. н. э. Так, например, архимандрит Амфилохий, автор первой публикации мигулинского кубка, на основании очертания букв надписи полагал, что она могла быть сделана не позднее I в. н. э. (Архим. Амфилохий 1867. С. 200). Однако В. В. Латышев, а затем и В. А. Лившиц датировали ее II в. н. э.[1] С. Р. Тохтасьев на основе палеографии надписи полагает, что она могла быть сделана в I в. н. э., а может быть, даже и в I в. до н. э.

Мигулинский кубок по всем своим признакам принадлежит к группе ритуальных сарматских кубков с зооморфными ручками, бытовавших в I в. н. э. Они представлены небольшой серией находок, которые происходят, как правило, из богатых погребений представителей знатных родов. В настоящее время мне известно всего шесть

[1] На датировку В. В. Латышева указывает Н. И. Веселовский (Веселовский 1905. С. 347), а на определение даты надписи В. А. Лившицом ссылается М. Ю. Трейстер (Treister 2004. P. 131).

экземпляров подобных изделий. Из них два золотых кубка происходят из разрушенных погребений у ст. Мигулинской и кургана Хохлач в г. Новочеркасске (Государственный Эрмитаж, инв. № 2213/13). Остальные четыре кубка, серебряные, найдены в погребальных комплексах могильников Высочино VII и Криволиманский на Нижнем Дону, Октябрьский V в междуречье Волги и Дона, а также в кургане 1 у с. Пороги в Поднестровье (Королькова 2003. С. 50. Рис. 11; Засецкая 2011. С. 160–166) (ил. 2).

Несмотря на общие черты сходства этих сосудов, каждый из них индивидуален. Они различаются формой тулова, зооморфными мотивами ручек и их стилистическими и техническими признаками. Четыре кубка имеют округлое тулово, у поднестровского – тулово грушевидное, а сосуд из Криволиманского могильника по форме тулова с уплощенным дном и сравнительно узким горлом напоминает глиняные сосуды. Из зооморфных мотивов представлены хищники семейства кошачьих (ст. Мигулинская, Высочино VII), лось (курган Хохлач), заяц (Октябрьский V), лошади (с. Пороги, Криволиманский). При этом фигуры животных исполнены в разной технике и в разном стиле. Одни сделаны в технике басмы (мигулинский и хохлачинский), другие – литые (высочинский, октябрьский и поднестровский). К сожалению, техника изготовления ручки на криволиманском сосуде мне неизвестна.

В стилистическом отношении выделяются ручки, исполненные в полихромном зверином стиле (мигулинский и хохлачинский). К ним примыкает литая фигура пантеры на высочинском кубке (Азовский музей-заповедник, инв. № КП-19532/173), у которой гнездами отмечены бедро, плечо, уши и глаза (вставки утрачены) (ил. 3). Изображения животных на других сосудах (октябрьский, криволиманский, поднестровский) – монохромные.

Кубок из Криволиманского могильника и по форме, и по характеру схематичной фигуры лошади напоминает керамическую посуду с зооморфными ручками, имевшую широкое распространение в сарматскую эпоху первых веков нашей эры на территории Евразии. При этом она была характерна как для кочевников, так и для оседлого населения, занимавшегося скотоводством и земледелием. Чаще всего зооморфная керамика из погребений кочевников евразийских степей в большинстве своем является продукцией ближайших к ним оседло-земледельческих центров.

Форма металлических круглодонных кубков продолжает традиции долбленой деревянной посуды. Некоторые деревянные кубки имели фигурные ручки или плоские золотые обкладки с зооморфными мотивами. Следуя деревянным образцам, древние мастера создавали аналогичные по форме металлические и керамические изделия. Большинство таких находок обнаружено в памятниках скифской эпохи. Проблемам назначения и происхождения этой своеобразной посуды посвящены как отдельные высказывания разных авторов, так и специальные работы (Королькова 2003. С. 28–53)[1].

Круглодонные кубки сарматской эпохи, как и аналогичные изделия скифского времени, относятся к особой группе сакральных сосудов, которые изображались в ритуальных сценах с участием лиц божественного или царского происхождения. Например, такого рода сцены представлены на золотых предметах из скифских и греко-скифских

[1] Статья Е. Ф. Корольковой является наиболее полной по охвату материала и его разностороннему исследованию. Автор подробно разбирает существующие на данный момент разные точки зрения, главным образом связанные с функциями сосудов. Несмотря на то что основу работы составляют находки скифской эпохи, автор не ограничивается материалом этого времени, а широко привлекает подобные изделия как предшествующего, так и более позднего периодов, в том числе и сарматского.

погребений: на бляшках из курганов Чертомлык и Куль-Оба, фрагменте ритона из Мерджан (Государственный Эрмитаж, инв. № 2521/10), на Сахновской и Карагодеуашхской декоративных пластинах (Ростовцев 1913. С. 14; Артамонов 1961. С. 57–87; Королькова 2003. С. 30, 31; Засецкая 2011. С 175). На них мы видим сидящих на троне богинь и царей с ритуальными сосудами в руках и стоящих перед ними скифских воинов (ил. 4).

Среди сарматских находок изображения культовых сосудов единичны (ил. 5). Например, на гривне из Кобяковского погребения помещена фигура сидящего со скрещенными ногами знатного воина, на коленях у него лежит кинжал, в руках он держит круглодонный сосуд. В женском захоронении Соколовой могилы было найдено бронзовое зеркало с ручкой в виде мужской фигуры с ритоном в руках, изображенной в такой же позе, как и персонаж на гривне. Еще одна находка такого рода – амулет из гешира в виде миниатюрной скульптуры сидящего на корточках мужчины с ритуальным сосудом в руках – была обнаружена в женском погребении Алитубского могильника. На уровне ушей просверлено сквозное отверстие, через которое продевался шнурок для подвешивания. Фигурка, возможно, воспроизводит некоего божка домашнего культа. В могилу она была положена в качестве амулета-оберега для защиты умершей от злых духов загробного мира (Засецкая 2011. С. 172–179).

Фигурные зооморфные ручки на описанных выше сарматских кубках также, вероятно, играли роль оберегов, защищая не только содержимое сосуда, но и его хозяина. В этом отношении особенно интересна фигура пантеры на кубке из Высочино VII. Здесь хищник изображен с оскаленной пастью, в ярости нападающим или защищающимся, что вполне соответствует роли оберега-охранителя (ил. 3*: в*) Наличие разного вида животных на кубках, возможно, объясняется принадлежностью сосудов представителям разных родов и семейств, у которых изображенное животное являлось священным покровителем и защитником.

Однако вернемся к надписи на мигулинском кубке и связанному с ней еще одному спорному вопросу – о происхождении кубка и месте его изготовления. Так, М. И. Ростовцев полагал, что, несмотря на стилистические признаки восточного характера, кубок не был привезен с Востока, а был сделан в одном из городов Боспорского царства, скорее всего, в Пантикапее или в Танаисе. Далее он отметил, что кубок мог быть изготовлен фракийским мастером, но не жителем западных или южных берегов Понта, а местным фракийцем (Ростовцев 1917. С. 106, 107).

М. Ю. Трейстер в целом согласен с М. И. Ростовцевым, но, учитывая что ручка на мигулинском кубке, была исполнена в полихромном сарматском зверином стиле, он предполагает, что кубок мог быть изготовлен в одном из производственных центров Центральной Азии (Treister 2004. P. 138).

С. Р. Тохтасьев не отрицает возможности изготовления кубка, например, в Танаисе, но при этом замечает, что если говорить о Востоке, то в крайнем случае это может быть Азиатский Боспор.

Наиболее категорична в этом вопросе точка зрения А. П. Манцевич, которая считала, что мигулинский сосуд был, несомненно, изготовлен фракийским мастером на Балканах, во Фракии (Манцевич 1976. С. 187–189; Mantsevich 1982. P. 469–474).

На мой взгляд, мнение о восточном происхождении кубка кажется более предпочтительным. В пользу последнего говорит оформление ручки сосуда и декоративный поясок вокруг тулова.

а

б

в

Ил. 4. Изображения культовых сцен на золотых изделиях скифской эпохи IV–III вв. до н. э.

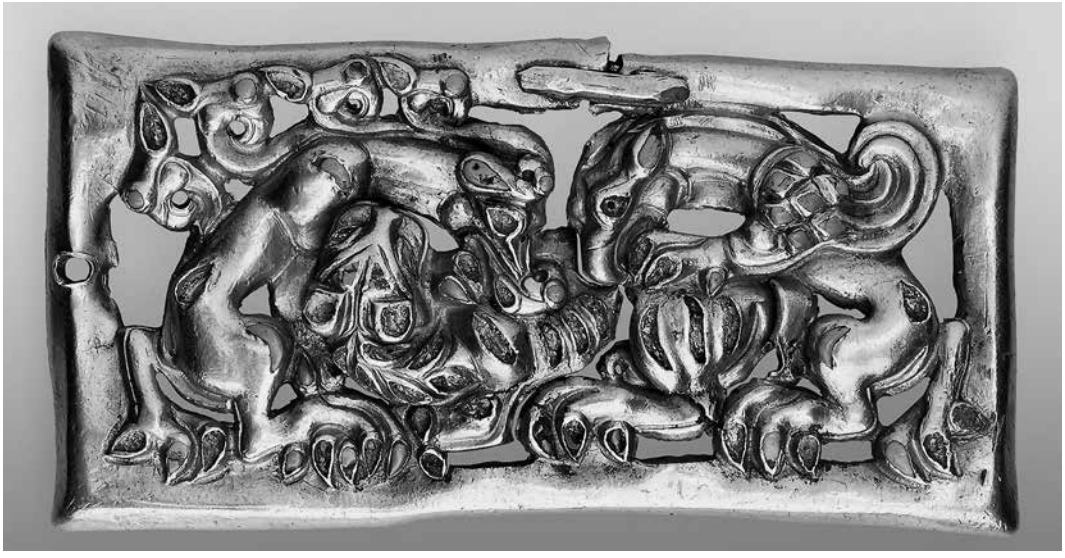
а – золотая бляшка из Чертомлыкского кургана (Государственный Эрмитаж, инв. № Дн 1863 1/374/1); *б* – центральная сцена на золотой пластине из кургана Карагодеуашх (Государственный Эрмитаж, инв. № 2492/7); *в* – фрагменты золотой пластины из Мерджан (Государственный Эрмитаж, инв. № 2521/10)

Ил. 5. Изображения персонажей с ритуальными сосудами в руках на предметах из сарматских погребений I в. н. э.

а – мужская фигура – ручка зеркала из Соколовой могилы; *б* – фигура воина-вождя – деталь композиции на Кобяковской гривне; *в* – амулет в виде мужской фигуры, курган 26 Алитубского могильника. Рисунок – собственность автора

Ручка в виде кошачьего хищника украшена вставками в углубленных гнездах (25 гнезд), которые покрывают почти всю поверхность тела и голову зверя. Схема размещения гнезд удлиненной и листообразной формы с чередующимися бирюзовыми и коралловыми вставками передает полосатый окрас шерсти тигра. Уши и глаза отмечены гнездами, форма которых (сегментовидные или аркообразные уши и подтреугольные глаза) является традиционной в изображении этого вида хищника и уходит своими корнями в искусство звериного стиля скифской эпохи. Наиболее ярко образ тигра представлен на золотых бляхах из Сибирской коллекции Петра I (ил. 6). Особенно близка мигулинскому изображению по стилистическим признакам фигура тигра в сцене терзания хищника двумя чудовищами – грифоном и фантастическим волком (ил. 6). В искусстве Северного Причерноморья скифской эпохи образ тигра фактически отсутствует.

Большое значение для решения вопроса о происхождении кубка может иметь техника изготовления декоративного пояска, на первый взгляд напоминающая перегородчатую инкрустацию. Однако в отличие от последней, для которой характерна особая техника гнезд-ячеек из напаянных на плоскость перегородок, гнезда пояска сделаны другим способом – путем выдавливания их чеканом с лицевой стороны изделия. Об этом свидетельствуют выпуклости соответствующих форм на внутренней стороне. После заполнения гнезд их верхний край сплющивали и зашлифовывали (ил. 7: *б*).



Ил. 6. Золотая поясная бляха со сценой терзания тигра грифоном и фантастическим хищником (Сибирская коллекция Петра I, Государственный Эрмитаж, инв. № Си 1/160)

Подобным образом сделаны гнезда на рамках упомянутой выше золотой гривны I в. н. э. из Кобяковского могильника на Нижнем Дону и на золотых браслетах II в. до н. э. из Пакистана[1]. В. Г. Гугуев, исследовав стилистические особенности и мотивы изображений на гривне, пришел к выводу, что она могла быть сделана в Бактрии (Гугуев 1990. С. 68–73).

Что же касается изображений на браслете из Пакистана, на которых представлены хищники семейства кошачьих, то кроме того, что они найдены на Востоке, на их восточное происхождение указывают некоторые изобразительные приемы в трактовке фигур животных. Это, например, передача мышцы бедра и плеча вставками в гнезде в виде криволинейного треугольника с кружком, а также ребер – тремя гнездами сегментовидной формы. Такие вставки украшают изображения в зверином стиле на предметах ахеменидского и скифо-сибирского искусства (Руденко 1962. Табл. VIII, X, XVI, XVII, XIX; Артамонов 1973. Рис. 6, 7, 178–180, 182, 191, 229, 221; Зеймаль 1979. С. 44. Кат. 23). И. Дамм, опираясь на данный изобразительный прием, предполагает, что пакистанские браслеты были изготовлены на Востоке, в частности, в Бактрии (Damm 1990. S. 239–243).

Итак, исследование греческой надписи на мигулинском кубке и связанных с ней спорных вопросов позволяет сделать следующие выводы: 1) имя *Тарулас* принадлежит мастеру, фракийцу по происхождению, который делал этот кубок и поставил на нем свое имя; 2) второе, добавленное, имя *Ксебанок* – иранское (С. Р. Тохтасьев), принадлежит не отцу мастера, а владельцу, по заказу которого и мог быть сделан кубок; 3) имя владельца мог написать как мастер, если считать, что вся надпись сделана рукой одного человека

[1] Браслеты составляют пару, но один из них хранится в Пешаварском музее в Пакистане, а другой – в Римско-германском музее в Кёльне.

а

б

Ил. 7. Техника декоративных бордюров (вид снаружи и изнутри)
а – на кобяковской гривне (Ростовский областной музей краеведения, инв. № 18957/3-4);
б – на мигулинском кубке

(С. Р. Тохтасьев), так и сам владелец, если предположить, что надпись исполнена разными лицами (Д. Браунд); 4) кубок датируется в пределах I в. до н. э. – I в. н. э., о чем свидетельствует палеография надписи (С. Р. Тохтасьев) и принадлежность сосуда к металлическим ритуальным кубкам с зооморфными ручками, происходящими из погребений сарматской знати этого времени; 5) отмеченные на мигулинском кубке черты сарматского полихромного звериного стиля в фигуре хищника-тигра, а также техника орнаментального пояска позволяют предположить, что кубок мог быть изготовлен в одном из античных центров Востока, в том числе и в Бактрии, где могли работать мастера и греческого, и фракийского происхождения. В этой связи имеется важное, на мой взгляд, замечание в описании находки у ст. Мигулинской архимандрита Амфилохия о разнице в качестве золота, из которого были сделаны упомянутые выше диадема и браслет, с одной стороны, и кубок – с другой. При этом последний, как пишет архимандрит Амфилохий, «по виду» сделан из золота «несколько низшего достоинства противу браслета и венка» (Архим. Амфилохий. 1867. С. 198). Этот факт, возможно, является свидетельством того, что золотые украшения и сосуд были изготовлены в разных мастерских.

Из описания венца и браслета явствует, что оба предмета, украшенные цветными вставками, подвесками и изображениями Эрота, исполнены в традициях ювелирного искусства позднего эллинизма и римского времени (I в. до н. э. – начало II в. н. э.). Например, браслет можно сравнить с хорошо известными по публикациям широкими пластинчатыми браслетами I в. до н. э. – I в. н. э., украшенными рядами мелких вставок и одной крупной (Treister 2002a. P. 17–46; Treister 2002b. P. 357–371; Мордвинцева, Трейстер 2007. Кат. № B29a.2 (10)).

Если диадема и браслет, являясь образцами эллинистического ювелирного искусства, скорее всего, представляют продукцию боспорских мастеров, то кубок, будучи образцом варварского сарматского искусства, вполне мог быть изделием восточного происхождения[1]. Но нельзя полностью исключать и Боспор, который веками был связан с населением степей Северного Причерноморья, а его мастера ювелирного дела изготовляли золотые украшения, декоративные детали оружия и конского снаряжения для своих знатных соседей – правителей, вождей, военачальников – сначала по заказу скифов, а затем сарматов. Немаловажным является и то, что кубок принадлежал владельцу с иранским именем *Ксебанок,* которое к тому же еще и означает *обладающий царским блеском* (С. Р. Тохтасьев). Этот факт и бесспорное отношение кубка к сарматской культуре позволяют предположить, что его владелец был родом из ираноязычных сарматов и принадлежал к царской семье, а, возможно, и сам был царем одного из сарматских

[1] К сожалению, погребение, из которого происходит кубок, было полностью разрушено, а указанные в литературных источниках два золотых предмета – диадема и браслет, будучи проданными, пропали безвозвратно. Сохранилось лишь их описание в публикации Архимандрита Амфилохия 1867 г. Ссылаясь на рассказы очевидцев, он пишет: «1) Браслет кованный из листового золота высокого достоинства, украшенный мелкими камнями и на середине одним большим сероватого цвета, вроде сердолика. 2) Венок, составлявший головной убор женщины, из золота тоже высокого достоинства, шириною около вершка (на передней части более расширенной), испещрен мелкою резьбою; верхний край венка вырезан мелкими, а нижний крупными полукруглыми зубцами, на каждом из нижних зубцов помещены изображения купидонов, а между зубцами привешены короткие золотые цепочки, на концах коих прикреплены маленькие сережки из разноцветных мелких камней, с одним на каждом небольшим бриллиантом» (Архим. Амфилохий 1867. С. 198). Далее следует описание кубка, здесь же указан вес – 84 золотника и вес браслета вместе с венком – 116 золотников. Если принять во внимание, что вес одного золотника равен 4,26 г, то вес кубка будет равен 357,84 г, что вполне согласуется с настоящим весом кубка 355,50 г (возможно, небольшая разница в весе связана с утратой нескольких вставок). Вес браслета и венца равен 494,16 г.

племенных объединений Северного Причерноморья. Неслучайно из этого же погребения происходит золотая диадема – символ знатности и власти.

Таким образом, исследование показало, что в настоящее время не все вопросы, связанные с происхождением мигулинского сосуда и греческой надписи, решены окончательно – загадка остается. Однако представленные в статье фактические данные, наблюдения и предположения могут, на мой взгляд, послужить основой для дальнейшего изучения этого по-своему уникального изделия.

Артамонов 1961
Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 1961. Вып. 2. С. 57–87.

Артамонов 1973
Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973.

Архим. Амфилохий 1867
Архим. Амфилохий. Археологические известия : находка древностей в юрту станицы Мигулинской на Дону // Труды Московского археологического общества. М., 1867. Т. 1. Вып. 2. С. 197–200.

Веселовский 1905
Веселовский Н. И. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе // Труды XII съезда в Харькове 1902 г. М., 1905. Т. 1. С. 341–373.

Гугуев 1990
Гугуев В. К. Кобяковская гривна : происхождение и датировка // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов, 1990. Вып. 9. С. 68–73.

Засецкая 2011
Засецкая И. П. Сокровища кургана Хохлач : Новочеркасский клад. СПб., 2011.

Зеймаль 1979
Зеймаль Е. В. Амударьинский клад. Л., 1979.

Королькова 2003
Королькова Е. Ф. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. 2003. Вып. 36. С. 28–58.

Манцевич 1976
Манцевич А. П. Находка в Запорожском кургане : к вопросу о сибирской коллекции Петра I // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 164–193.

Мордвинцева 2003
Мордвинцева В. И. Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003.

Мордвинцева, Трейстер 2007
Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье II в. до н. э. – II в. н. э. : в 3 т. Симферополь ; Бонн, 2007. Т. 2.

Ростовцев 1913
Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 1913. Вып. 49. С. 133–140.

Ростовцев 1917
Ростовцев М. И. Надпись на золотом сосуде из станицы Мигулинской // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 106–108.

Руденко 1962
Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. Д 3–9. М., 1962.

Смирнов 1909
Смирнов Я. И. Восточное серебро. СПб., 1909.

Фирсов 2002
Фирсов К. В. Мир варваров // На краю ойкумены. М., 2002. С. 92–115.

Damm 1990
Damm I. G. Ein baktrisches Goldarmband mit Tierfries // Kolner Jahrbuch fur Vor- und Frugeschichte. Berlin, 1990. Bd. 23. S. 239–243.

Mantsevich 1982
Mantsevich A. P. Finds in the Zaporozhe Barrow : New Light on the Siberian Collection of Peter the Great // AJA. 1982. Vol. 86. P. 469–474.

Treister 2002a
Treister M. Y. Two Golden Bracelets from Olbia in the Walters Art Gallery // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2002. Vol. 8. P. 17–68.

Treister 2002b
Treister M. Y. Jewellery and Related Finds from a Rich I Century AD Sarmatian Burial from the Crimea // Ancient West and East. Leiden ; Boston, 2002. P. 357–392.

Treister 2004
Treister M. Y. Gold Vessels, Perfume Flasks and Pyxides from Sarmatia // Pontus and the Outside World : Studies in Black Sea : History, Historiography and Archaeology / Hrsg C. Tuplin. Leiden [etc.], 2004. P. 131–193. (Colloquia Pontica ; Vol. 9).

А. И. Иванчик

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ РАЗВЕДОК В КЕЛЕНАХ / АПАМЕЕ (ЮЖНАЯ ФРИГИЯ)[1]

Разведки в южнофригийском городе Келены (совр. Динар, Афьонкарахисар, Турция) проводились с разной степенью интенсивности с 2008 по 2013 г. под руководством автора этой статьи[2]. Среди других объектов нами была обследована скала Сучикан, на вершине и склонах которой обнаружилась керамика разных эпох (от архаики до римского времени). На скале отмечены также следы подтески от существовавших здесь сооружений, а геофизические разведки на террасе за скалой позволили обнаружить и остатки самих сооружений, в частности, структуру, которая может быть идентифицирована как въездные ворота (Ivantchik et al. 2011. P. 144; Mathé et al. 2011. P. 223; Misiewicz 2011. P. 241–243). По всей видимости, на скале по меньшей мере с эпохи Ахеменидов существовало укрепление. Это укрепление может быть отождествлено с укрепленным дворцом Ксеркса, который упоминает Ксенофонт (Xen. *An.* 1. 2. 7–8), как уже предполагали путешественники XIX в. на основе топографических соображений (Hogarth 1888. P. 346; Weber 1892. P. 29).

На скале Сучикан и ее склонах отмечается необычная концентрация находок наконечников стрел, причем часть из них деформирована в результате столкновения стрелы с твердым препятствием. Очевидно, эти наконечники были использованы во время боевых действий при одном или нескольких штурмах этой крепости, о чем свидетельствуют и находки в том же секторе нескольких каменных ядер боевых машин.

Некоторые наконечники были найдены в ходе наших разведок, другие были переданы нам местными жителями, которые обнаружили их в том же месте недавно (поскольку ценностью у местных жителей они не считаются, то долго, как правило, не хранятся). Еще несколько наконечников, публикуемых здесь, обнаружены при разведках (raster survey) на центральном холме Ючлердже, где располагался «верхний» город Келен и Апамеи.

Обнаруженные наконечники по типу насада делятся на две группы: втульчатые, к которым относится подавляющее большинство (все бронзовые), и черешковые.

За этими двумя группами стоят две традиции, имеющие разное происхождение. В Передней Азии, где металлические наконечники появляются уже в конце 3-го тысяче-

[1] Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ 13-06-00746.

[2] В 2008–2010 гг. совместно с Л. Зуммерер (Мюнхенский университет) и А. фон Кинлиным (Федеральный институт технологий, Цюрих) (Kelainai 2011; Иванчик 2013).

летия до н. э., вплоть до конца VIII в. до н. э. использовались почти исключительно черешковые наконечники – сначала бронзовые, затем все чаще железные, представлявшие, таким образом, местную традицию. К территории распространения черешковых наконечников относится и Иран.

Втульчатые бронзовые наконечники представляют собой иную традицию, возникшую независимо в евразийских степях. Впервые они появляются в середине 2-го тысячелетия до н. э. в памятниках андроновской культуры, а в 1-м тысячелетии до н. э. разные их варианты господствуют в евразийском степном поясе от Балкан до Монголии.

Долгое время эти две традиции развивались параллельно. В Передней Азии вплоть до конца VIII в. до н. э. использовались почти исключительно наконечники местной традиции – с черешковым насадом, как правило, более крупные, причем железные наконечники почти полностью вытеснили бронзовые (Медведская 1980. С. 23–29). Среди находок черешковых наконечников на территории Турции железные составляют почти 95%, причем к бронзовым относятся самые ранние, еще 2-го тысячелетия до н. э. (Yalçıklı 2006. S. 216).

В степях Евразии в это время господствовали, напротив, бронзовые наконечники стрел небольшого размера с втульчатым насадом. Этот тип наконечников был связан с появившейся в евразийских степях и широко там распространившейся коннострелковой тактикой, которая была неизвестна в Передней Азии, и с новым сложным луком (сигмовидный лук). Этим коротким луком было удобнее пользоваться сидя на лошади, а его дальнобойность обеспечивалась не размерами, как у передневосточных луков, а конструкцией. Вновь созданный вид войска – конные стрелки – стал для евразийских кочевников основным. Поэтому им было необходимо изготавливать наконечники стрел в массовом порядке, что и привело к широкому использованию бронзы для их производства. В самом деле, отлить в переносных формах наконечники из бронзы очень легко, это не требует профессиональных навыков, тогда как ковать их из железа значительно сложнее.

Бронзовые втульчатые наконечники стрел были принесены в Переднюю Азию киммерийцами в конце VIII – первой половине VII в. до н. э. В ходе этих вторжений новая коннострелковая тактика евразийских кочевников показала свою эффективность: опираясь на нее, киммерийцам, а несколько позже скифам, удавалось наносить поражения самым лучшим армиям Передней Азии, таким как ассирийская и урартская. Однако ни одна монополия в области вооружения не может длиться долго, и уже во второй половине VII в. до н. э. этот новый прогрессивный вид оружия был принят на вооружение всеми передневосточными армиями и распространился повсеместно. Он значительно потеснил, а в некоторых случаях и вовсе вытеснил местные формы наконечников стрел; впрочем, традиционные для Передней Азии черешковые наконечники из железа никогда не исчезали и продолжали использоваться здесь и позже параллельно с бронзовыми втульчатыми. Очевидно, крупные железные черешковые наконечники использовались с традиционными передневосточными дугообразными луками большого размера, тогда как бронзовые втульчатые – с сигмовидными луками.

Господство наконечников «скифского» типа сохраняется в Передней Азии вплоть до эллинистической эпохи. Среди бронзовых втульчатых наконечников стрел выделяются разные типы, изучение которых может дать дополнительную информацию, в частности, хронологического характера.

В период вторжений в Переднюю Азию киммерийцы, а также скифы, принадлежали с археологической точки зрения к так называемой раннескифской культуре, точнее к ее второму, «келермесскому» этапу (Иванчик 2001). Соответственно, они использовали наконечники стрел, характерные для этого периода. В колчанах преобладали двухлопастные наконечники стрел листовидной и плавноромбической форм, в меньшем количестве использовались наконечники более ранних форм – ромбические. Изредка встречались наконечники, характерные для более раннего периода – крупные асимметрично-ромбические. Наряду с двухлопастными использовались также и трехлопастные наконечники, которые, однако, были менее распространены. Все эти формы были заимствованы переднеазиатскими армиями и повсеместно использовались начиная со второй половины VII в. до н. э.[1]

Недавно была предпринята попытка передатировать появление наконечников стрел «скифского» типа в Передней Азии, а вместе с тем и начало киммерийских и скифских вторжений на эту территорию: А. Хелльмут (Hellmuth 2008. P. 102–122, особенно P. 107–110) относит и то и другое к концу IX в. до н. э.[2] К сожалению, существенные ошибки имеются не только в ее пересказе письменных источников, но и в собственно археологической части статьи. Единственным основанием для высказанной ею смелой гипотезы является сопоставление предметов, обнаруженных в кочевническом захоронении у с. Имирлер в районе Амасьи, с некоторыми предметами из кургана Аржан в Туве. Поскольку последний надежно датируется концом IX в. до н. э., эта дата переносится и на погребение из Имирлера; в подтверждение такой датировки приводятся и некоторые другие предскифские памятники, содержащие наконечники предскифского типа, например, Енджа и Малая Цимбалка. При этом А. Хелльмут не отрицает и сходства материала из этих погребений с предметами, обнаруженными в памятниках раннескифской культуры. По сути, она не видит разницы между предметами из Аржана, из памятников черногоровского типа и из раннескифских памятников причерноморских степей. Сходство между ними, конечно, есть, однако речь идет о разных стадиях развития кочевнической культуры Евразии. Любой специалист в этой области отличит комплексы черногоровского типа от раннескифских, внутри же раннескифских (как и черногоровских) выделяются еще более дробные хронологические горизонты. Позиция погребения из Имирлера в этой системе давно установлена: оно принадлежит раннескифской культуре, причем не самой ранней ее стадии (келермесский этап, или РСК-2 по хронологии Коссака – Медведской), которая в любой хронологической схеме относится к VII в. до н. э.[3]

Имирлерские наконечники стрел имеют типичную форму наконечников «келермесского» типа и находят ближайшие аналогии среди многочисленных памятников этого горизонта, включая и сами Келермесские курганы. Датировать их на основании сопоставления с аржанскими наконечниками – все равно, что датировать VI в. до н. э. позднеримские амфоры на основании сопоставления их с хиосскими амфорами этого

[1] Сводки находок в Малой Азии и прилегающих регионах см.: Иванчик 2001. С. 58–73; Derin, Muscarella 2001; Yalçıklı 2006.

[2] О более ранних попытках датировать начало киммерийских и скифских походов в Переднюю Азию IX в. до н. э. и об отсутствии у них оснований см. работу Дерина и Маскареллы (Derin, Muscarella 2001. P. 198–200).

[3] Об имирлерском комплексе см.: Иванчик 2001. С. 42–49. В этой работе указана также предшествующая литература, особенно важны публикации А. Ю. Алексеева, Г. Коссака, И. Н. Медведской.

времени – ведь и у тех и у других есть две ручки. Датировка комплекса Имирлера келермесским периодом, то есть VII в. до н. э., таким образом остается в силе. Датировка Хелльмут, кажется, не получила никакого признания, кроме лишь одной статьи Г. Цецхладзе, который, однако, делает из нее другой, вполне абсурдный вывод: предметы «скифского» типа (не только наконечники стрел, но и вооружение, конская узда и изображения в зверином стиле) не связаны по происхождению с евразийскими степями и производились в Анатолии местными народами до их вторжений (Tsetskhladze 2011. P. 117–119). Впрочем, это мнение здесь можно процитировать лишь из педантизма, поскольку представления Г. Цецхладзе о скифской, как и о переднеазиатской археологии вполне дилетантские, а публикации не содержат ничего нового[1].

В евразийских степях, в зоне распространения скифской культуры, формы наконечников стрел менялись довольно быстро. Их типология и хронология разработаны достаточно хорошо[2], и на степных памятниках наконечники стрел служат хорошим датирующим материалом. Однако было бы опасно автоматически переносить эти хронологические выводы на переднеазиатские памятники. На рубеже VII–VI вв. до н. э., после прекращения переднеазиатских походов скифов, прямые контакты между кочевниками юга Европы и Передней Азией прекратились. Сохранялись лишь контакты с саками Средней Азии, часть которых служила в персидской армии.

Заимствованные в VII в. до н. э. формы наконечников стрел в Передней Азии законсервировались или развивались иначе, чем в степях. Характерен пример Персеполя. При раскопках сокровищницы дворца, материал которой относится частично к V, но главным образом к IV в. до н. э., обнаружено 3858 наконечников стрел, из которых подавляющее большинство (3787) составляют однотипные трехлопастные наконечники ромбовидных и листовидных очертаний (Schmidt 1957. P. 99. Pl. 76, *8*). Наконечники того же типа представлены и во всех трех слоях Ахеменидской деревни в Сузах (Ghirshman 1954. P. 31, 32. Pl. XLIII, XLIV), которые датируются от конца VII до середины III в. до н. э. (Stronach 1974. P. 239–248). Они преобладают и в Пасаргадах: при раскопках на Талли Тахт такие наконечники встречались в комплексах как II (ок. 500–280 гг. до н. э.), так и III периода (III–II вв. до н. э.), причем некоторые из них найдены на самых поздних полах III периода (Stronach 1978. P. 80, 81. Fig. 94, *1–16*. Pl. 165, *a–b*). За пределами Ирана ситуация аналогичная. Так, например, на Элефантине наконечники этого типа были обнаружены в датированных комплексах XXVII (525–404 гг. до н. э.) и XXIX/XXX (399–342 гг. до н. э.) династий, а также раннептолемеевской эпохи (III в. до н. э.) (Andraschko 1991. P. 217–230).

Эти наконечники, очевидно, восходят к типу, широко распространенному в скифских памятниках VII – середины VI в. до н. э. (Мелюкова 1964. С. 19, 21, тип II, 1–2); данная форма была заимствована в Иран и Переднюю Азию, очевидно, в ходе кочевнических походов VII в. до н. э. (один из наконечников этого типа обнаружен в разграбленной гробнице на Норшунтепе)[3]. Однако во второй половине VI в. до н. э. в степях

[1] См. мою рецензию на эту книгу: Bryn Mawr Classical Review. 2013. March 20 (№ 36). URL: http://www.bmcreview.org/2013/03/20130336.html (дата обращения 16.06.2015).

[2] Основным трудом по-прежнему является работа А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964). Ее типология и хронология до сих пор широко используется скифологами, хотя, разумеется, она подвергается уточнениям в частностях (см., напр., Петренко 1990).

[3] См.: Иванчик 2001. С. 21–42, со ссылками на предшествующую литературу.

(в том числе и в Средней Азии, с которой персидская империя была в постоянном контакте) их вытесняют трехлопастные наконечники стрел с треугольной головкой, в том числе с выделенными жальцами у основания (Мелюкова 1964. С. 19, 21, тип II, 3; Медведская 1972. С. 88, 89). В Иране и Передней Азии, однако, ранний тип стрел продолжал использоваться в течение всей ахеменидской эпохи и даже пережил ее. Таким образом, трехлопастные наконечники ромбовидных и листовидных очертаний в евразийских степях датируются VII – первой половиной VI в. до н. э., однако на вооружении персидской и, позднее, селевкидской армий они продолжали стоять и позже. Соответственно, в Иране и Передней Азии такие наконечники имеют более широкую дату – VII–II вв. до н. э.

Как и на многих других памятниках Передней Азии, наконечники этого типа преобладают среди находок в Келенах. Среди наконечников, собранных на скале Сучикан, к двум вариантам этого типа (с короткой втулкой и с внутренней втулкой) принадлежит 16 экземпляров (каталог: 8–23). Учитывая их широкую дату, связать их с какими-то историческими событиями – нашествием киммерийцев, взятием города персами, штурмом войсками Александра Македонского и т. д. – оказывается невозможным.

Появившиеся в степях в начале VI в. до н. э. и широко распространившиеся во второй половине этого столетия трехлопастные наконечники стрел с треугольным пером также проникли в Переднюю Азию (видимо, через среднеазиатских саков), где использовались наряду с наконечниками предыдущего типа. В Персеполе, например, обнаружено 22 наконечника этого типа, известны они и в Пасаргадах. В коллекции, собранной на скале Сучикан, таких наконечников четыре (каталог: 24–27). Еще два обнаружены при разведках на холме Ючлердже (каталог: 28–29). Если говорить об их датировке в Малой Азии, следует обратить внимание на тот факт, что они отсутствуют в весьма обширной коллекции наконечников стрел, относящихся к персидскому штурму лидийского укрепления Кючюк Хуюк в Гордионе[1]. По всей видимости, это означает, что персидская армия еще не использовала такие наконечники в 540-е гг. до н. э., и можно полагать, что они распространились в Малой Азии не ранее второй половины VI в. до н. э. Таким образом, они могли быть использованы или при взятии Келен Александром Македонским, или во время одного из конфликтов между диадохами, или еще позже, например, во время набега галатов (Paus. 10. 30. 9).

Кроме трехлопастных наконечников обнаружен и один трехгранный (каталог: 30). Форма его пера треугольная и близка форме пера трехлопастных наконечников, однако по размерам он значительно меньше. Такой тип наконечников в евразийских степях появляется во второй половине VI в. до н. э. и распространяется в V в. (Мелюкова 1964. С. 22, 24, тип III, 2). В Малой Азии наконечники этого типа встречаются редко (см., напр., Yalçıklı 2006).

Кроме трехлопастных и трехгранных втульчатых наконечников коллекция, собранная на скале Сучикан, включает семь двухлопастных наконечников. Двухлопастные наконечники стрел были заимствованы в Переднюю Азию одновременно с трехлопастными в VII в. до н. э. При этом в доахеменидскую эпоху в Передней Азии (в частности, на урартских памятниках и в Анатолии) преобладали двухлопастные наконечники.

[1] Автор изучал коллекцию наконечников стрел из раскопок Кючюк Хуюка, хранящуюся в Музее Гордиона, в 2013 и 2014 гг. Эти материалы будут в ближайшем будущем опубликованы. Автор благодарит Б. Роуза, руководителя американской миссии в Гордионе, за приглашение обработать и издать наконечники стрел, найденные при раскопках этого памятника.

В ахеменидское время на всей территории империи преобладают трехлопастные наконечники, хотя двухлопастные никогда не выходят из употребления окончательно. Характерно, например, что на некрополе Деве-Хуюк, который, по всей видимости, принадлежал персидскому гарнизону, обнаружены лишь трехлопастные наконечники (Moorey 1980. P. 64. Fig. 10). Тем не менее распространение трехлопастных наконечников на западе вряд ли следует связывать с влиянием персидской армии, речь скорее идет о хронологических различиях. В самом деле, среди бронзовых втульчатых наконечников, обнаруженных при раскопках Кючюк Хуюка, безусловно, преобладают двухлопастные: 86% при 14% трехлопастных.

Среди двухлопастных наконечников, обнаруженных на скале Сучикан, один принадлежит к типу наконечников с асимметрично-ромбической головкой и длинной втулкой (каталог: 1). Подобные наконечники встречаются в ранних комплексах раннескифской культуры в Северном Причерноморье, например, в кургане 524 у с. Жаботин[1] или в кургане 9 у хут. Красное Знамя (Петренко 2006. С. 62, 63. Табл. 55, 265) и в небольшом количестве входили и в состав колчанов кочевников, совершавших набеги в Переднюю Азию в VII в. до н. э. (например, в Богазкее: Иванчик 2001. Рис. 28, *5*). Однако наконечники такого типа очень редки в Передней Азии и, по всей видимости, не входили в число форм, заимствованных местным населением. По этой причине можно предполагать, что данный наконечник относится еще к VII в. до н. э. и может быть гипотетически связан с киммерийским вторжением на территорию Фригии.

Еще один небольшой двухлопастный наконечник (каталог: 2) имеет ромбовидную форму пера и принадлежит к типу стрел, широко использовавшихся кочевниками VII в. до н. э. наряду с наконечниками с листовидным пером плавных очертаний. Эти формы были заимствованы местными народами и именно они получили наибольшее распространение в Передней Азии в VII–VI вв. до н. э. Собственно, разница между овальными и ромбовидными формами пера определяется главным образом способом заточки лопастей: у овальных они заточены со всех сторон, иногда нижняя поверхность оставлена без заточки или заточена меньше. У ромбовидных верхняя поверхность заточена, а нижняя оставлена без заточки или специально уплощена.

Остальные двухлопастные наконечники (5 экземпляров; каталог: 3–7) имеют короткую втулку и лавролистное перо с заметным расширением в нижней части. Пропорции пера довольно сильно варьируют. Наконечники такой формы, по-видимому, являются местным развитием предыдущего типа. Среди наконечников из Кючюк Хуюка встречаются лишь единичные наконечники стрел такой формы; по всей вероятности, она появляется в середине VI в. до н. э.

Как говорилось выше, наряду с втульчатыми, в Передней Азии практически повсеместно продолжали использоваться традиционные для этого региона черешковые наконечники стрел. Эти наконечники значительно больше втульчатых по размеру и практически всегда изготовлены из железа. По всей видимости, стрелы с такими наконечниками использовались вместе с традиционными ближневосточными дуговидными луками, которые имели гораздо больший размер, чем сигмовидные луки «скифского» типа.

[1] О колчанном наборе из этого погребения и о его хронологической позиции (примерно одновременно келермесским комплексам, а не раньше их, как обычно считается) см. работу Т. В. Рябковой (Рябкова 2012).

В публикуемую коллекцию входит три железных черешковых наконечника, относящихся к двум типам: с пером треугольной формы (каталог: 32) и с вытянутым пером (каталог: 33–34), завершающимся заостренными шипами. Все они обнаружены во время разведок на холме Ючлердже. Наконечники этого типа имеют широкую датировку – от первых столетий 1-го тысячелетия до н. э. до эллинистического времени. На скале Сучикан обнаружен только один черешковый наконечник (каталог: 31). Он изготовлен из бронзы, имеет ромбовидное сечение, его листовидное перо завершается жальцами; в отличие от большинства наконечников этого типа на черешке нет упора. Подобные наконечники были довольно широко распространены в Малой Азии, включая Урарту, однако с замещением бронзовых наконечников железными все более выходят из употребления в начале 1-го тысячелетия до н. э. и позже VII в. до н. э., кажется, не встречаются (ср. Yalçıklı 2006. P. 217–219, 265–267, 281, тип Ib2a). Данный наконечник, видимо, самый ранний из обнаруженных на скале Сучикан.

В целом коллекция наконечников стрел из Келен, в первую очередь обнаруженных на скале Сучикан, довольно пестра с точки зрения типологии и хронологии, что неудивительно. Два наиболее ранних наконечника могут быть отнесены к VII в. до н. э., а один из них (бронзовый черешковый) – к еще более раннему времени; они связаны с историей города доахеменидской эпохи. Большинство наконечников принадлежит к типу трехлопастных с пером ромбовидных и листовидных очертаний. Они имеют широкую дату и могут относиться ко времени между VII и II вв. до н. э. Другие наконечники имеют более узкую датировку и относятся ко времени позже второй половины VI в. до н. э. Сюда относятся шесть трехлопастных наконечников с треугольным пером, один трехгранный, а также пять двухлопастных с короткой втулкой и лавролистным пером с заметным расширением в нижней части. Они связаны, скорее всего, с боевыми действиями в эпоху Александра Македонского или диадохов.

КАТАЛОГ[1]

I. Втульчатые бронзовые наконечники
I.1. Двухлопастные наконечники
I.1.1. С асимметрично-ромбическим пером
1. ***Асимметрично-ромбический наконечник с выделенной втулкой***
Длина 4,2 см, ширина 1,2 см, диаметр втулки 0,7 см. На втулке с обеих сторон три сходящихся «птичьей лапой» небольших ребра. Наконечник деформирован от удара о препятствие.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М14

I.1.2. С листовидным или ромбовидным пером
2. ***Небольшой наконечник подромбической формы, с выделенными углами и конической короткой втулкой***
На пере с одной стороны проходит центральное ребро.
Длина 3,6 см, ширина 1,3 см, диаметр втулки 0,9 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М3

[1] Рисунки выполнены Ивоном Монмессаном (Yvon Montmessin, CNRS, Lyon).

I.1.3. С лавролистным пером, расширяющимся в нижней части и короткой втулкой

3. ***Наконечник лавролистной формы***
В верхней части втулки отверстие.
Длина 4,5 см, ширина 1,3 см, диаметр втулки 0,6 см.
Сборы на скале Сучикан (дар Мустафы Озтюрка). Инв. № Ке-08/М28

4. ***Наконечник лавролистной формы***
Длина 4,4 см, ширина 1,2 см, диаметр втулки 0,6 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М20

5. ***Наконечник лавролистной формы***
В верхней части втулки отверстие.
Длина 4,3 см, ширина 1,3 см, диаметр втулки 0,7 см.
Сборы на скале Сучикан (дар Мустафы Озтюрка). Инв. № Ке-08/М29

6. ***Наконечник лавролистной формы***
Длина 4,2 см, ширина 1,2 см, диаметр втулки 0,5 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М22

7. ***Наконечник лавролистной формы***
Длина 4,1 см, ширина 1,3 см, диаметр втулки 0,7 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М21

I.2. Трехлопастные наконечники

I.2.1. Трехлопастные наконечники ромбовидных и листовидных очертаний

I.2.1.1. С короткой втулкой

8. ***Наконечник с пером удлиненно-ромбических очертаний***
Верхний конец наконечника и одна лопасть обломаны.
Сохранившаяся длина 4,5 см, ширина 1,1 см, диаметр втулки 0,7 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М12

9. ***Наконечник с пером плавных очертаний***
В верхней части втулки имеется отверстие.
Длина 4,3 см, ширина 1,0 см, диаметр втулки 0,7 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М11

10. ***Наконечник с пером плавных очертаний***
Длина 4,2 см, ширина 1,0 см, диаметр втулки 0,7 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М10

11. ***Наконечник с пером плавных очертаний***
Длина 4,0 см, ширина 1,0 см, диаметр втулки 0,7 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М9

12. ***Наконечник с пером плавных очертаний***
Острие деформировано ударом.
Длина 4,0 см, ширина 0,9 см, диаметр втулки 0,7 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М24

13. ***Наконечник с пером плавных очертаний***
Длина 4,0 см, ширина 0,9 см, диаметр втулки 0,6 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М25

14. ***Наконечник с пером плавных очертаний***
Длина 3,7 см, ширина 1,0 см, диаметр втулки 0,6 см.
Сборы на скале Сучикан, восточный склон. Инв. № Ке-08/М18

15. ***Наконечник с пером плавных очертаний***
Длина 3,7 см, ширина 0,9 см, диаметр втулки 0,7 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М26

16. ***Наконечник с пером плавных очертаний***
В нижней части пера у втулки отверстие,
второе отверстие на втулке в другой плоскости.
Длина 3,6 см, ширина 0,9 см, диаметр втулки 0,8 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М23

17. ***Наконечник с пером плавных очертаний***
В нижней части пера у втулки отверстие.
Длина 3,4 см, ширина 0,9 см, диаметр втулки 0,7 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М16

18. ***Наконечник с пером плавных очертаний***
Длина 3,2 см, ширина 1,0 см, диаметр втулки 0,8 см.
Сборы на скале Сучикан, восточный склон. Инв. № Ке-08/М13

19. ***Наконечник с пером плавных очертаний***
Длина 3,1 см, ширина 1,1 см, диаметр втулки 0,6 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М27

I.2.1.2. С внутренней втулкой

20. ***Наконечник с пером ромбических очертаний***
Длина 3,7 см, ширина 1,2 см, диаметр втулки 0,6 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М8

21. ***Наконечник с пером плавно-ромбических очертаний***
Перо не вполне симметрично.
Длина 3,6 см, ширина 1,0 см, диаметр втулки 0,6 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М7

22. ***Наконечник с пером ромбических очертаний***
Деформирован (повреждена лопасть).
Длина 3,5 см, ширина 1,1 см, диаметр втулки 0,6 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М19

23. ***Наконечник с пером плавных очертаний***
Длина 3,2 см, ширина 0,9 см, диаметр втулки 0,7 см.
Сборы на скале Сучикан (дар Мустафы Озтюрка). Инв. № Ке-08/М30

I.2.2. Трехлопастные наконечники с треугольным пером без выделенных жалец и конической втулкой

24. ***Наконечник с треугольным пером***
Длина 3,9 см, ширина 1,2 см, диаметр втулки 0,8 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М5

25. ***Наконечник с треугольным пером и длинной втулкой***
Длина 3,9 см, ширина 1,2 см, диаметр втулки 0,7 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М6

26. ***Наконечник с треугольным пером***
Длина 3,8 см, ширина 1,2 см, диаметр втулки 0,8 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М4

27. ***Наконечник с треугольным пером***
Длина 3,6 см, ширина 1,0 см, диаметр втулки 0,7 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М2

28. ***Фрагмент наконечника***
Длина 1,9 см, ширина 0,8 см.
Втулка и верхняя часть обломаны, сохранилась одна из лопастей.
Разведка на холме Ючлердже, кв. М8. Инв. № Ке-09/М3

29. ***Фрагмент наконечника***
Длина 2,1 см, ширина 0,9 см, диаметр втулки 0,8 см. Верхняя часть и две лопасти обломаны. Видимо, перо овальное.
Разведка на холме Ючлердже, кв. N6. Инв. № Ке-09/М4

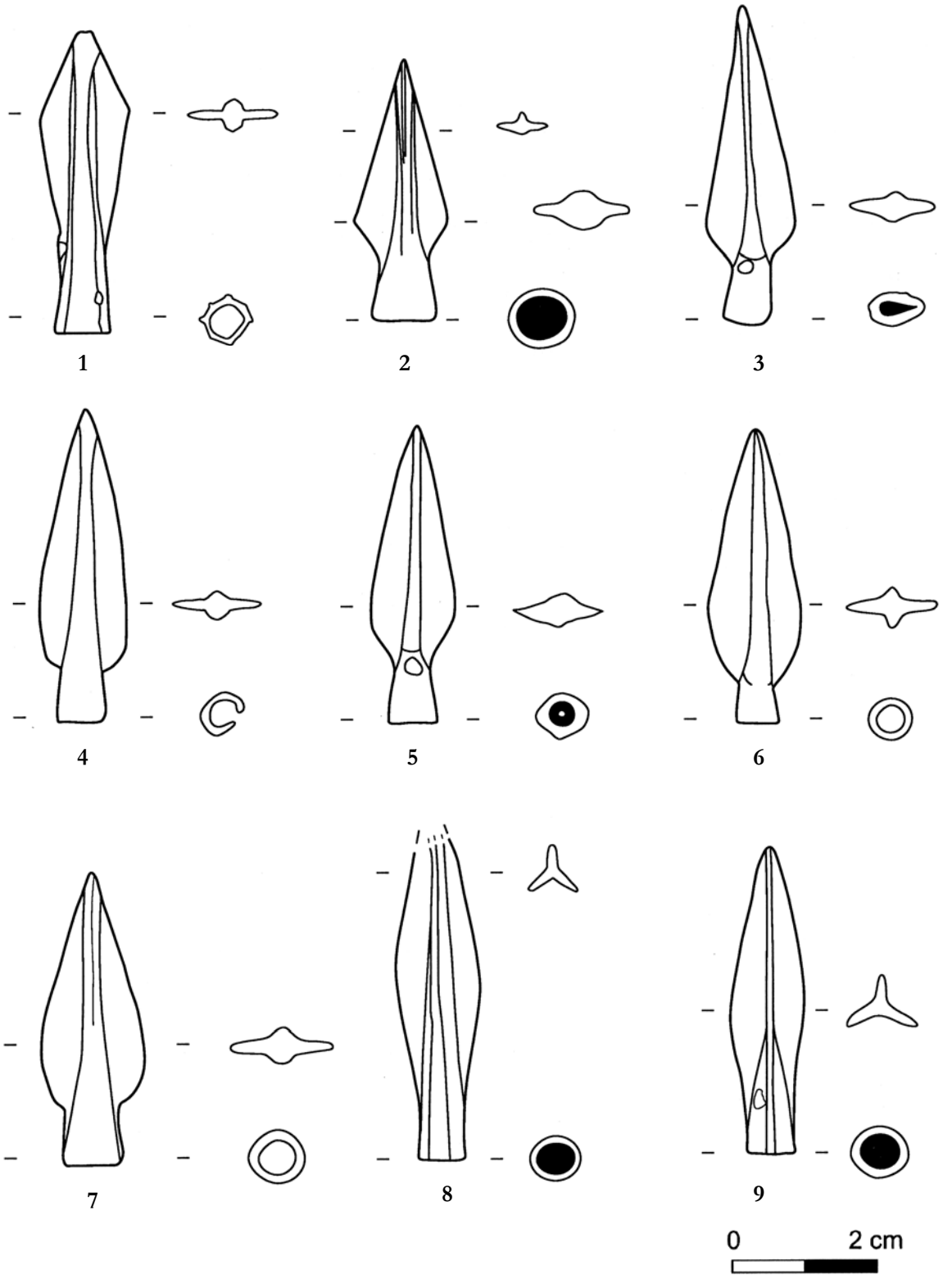
I.3. Трехгранные наконечники
30. ***Наконечник с треугольным пером***
Втулка обломана по вертикали.
Длина 2,4 см, ширина 0,9 см, диаметр втулки 0,5 см.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М15

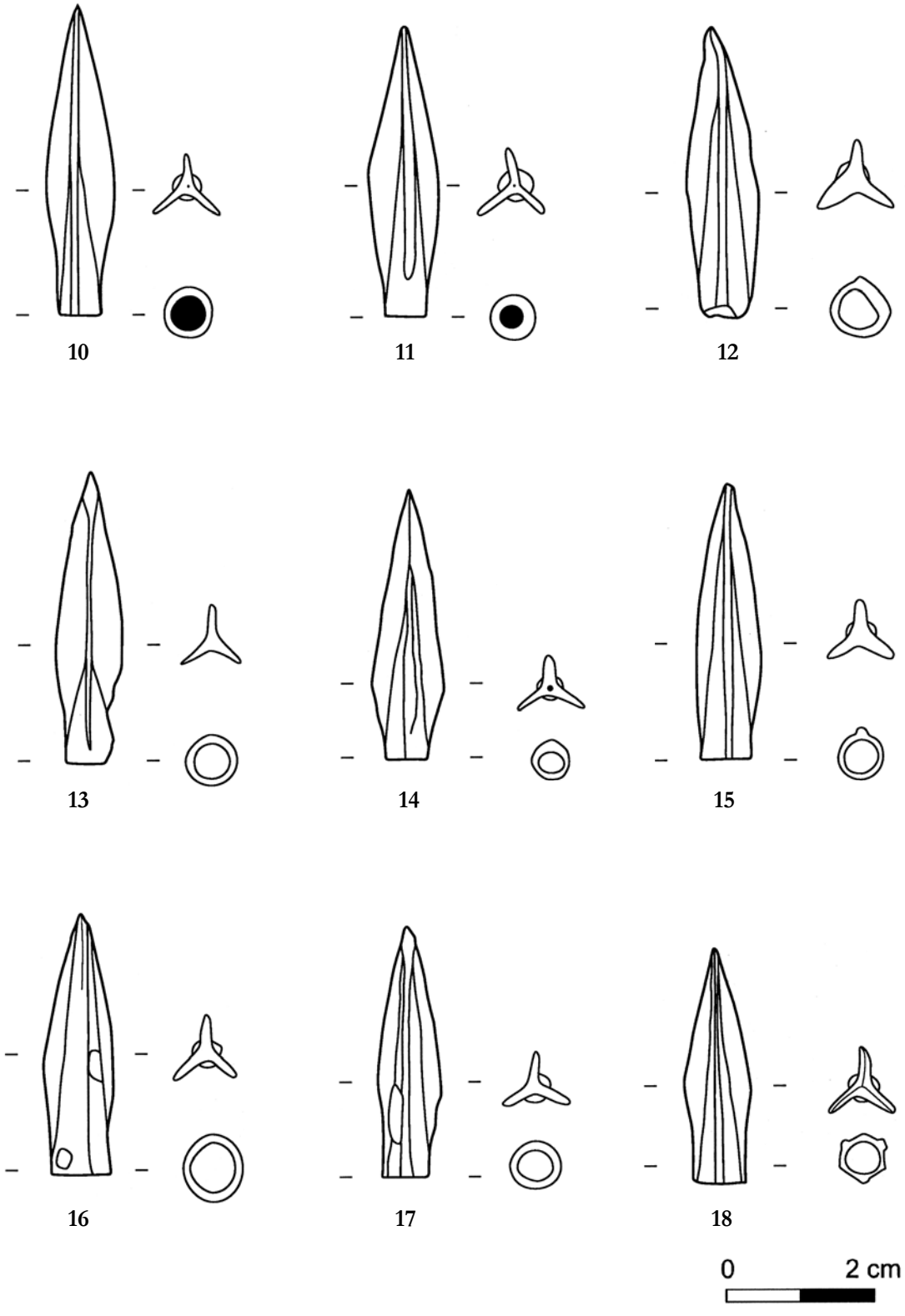
II. Черешковые наконечники
II.1. С листовидным пером бронзовые
31. ***Бронзовый наконечник***
Длина 6,7 см. Ромбовидное сечение. Перо завершается выделенными жальцами.
Сборы на скале Сучикан. Инв. № Ке-08/М1

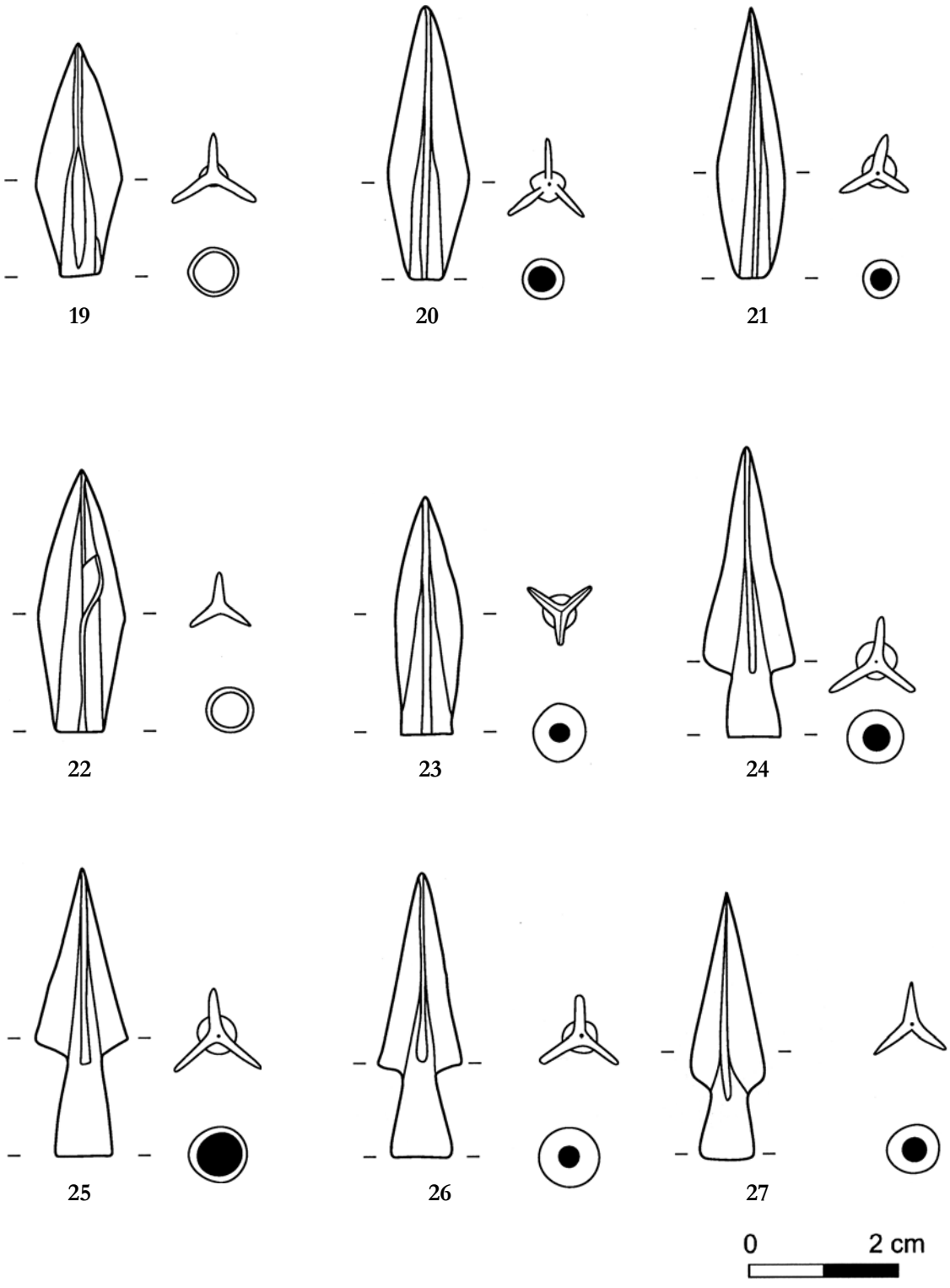
II.2. С треугольным пером железные
32. ***Железный наконечник***
Длина 5,9 см, ширина 1,7 см. Овальное сечение. Перо треугольной формы.
Разведка на холме Ючлердже, кв. Н8. Инв. № Ке-08/М17

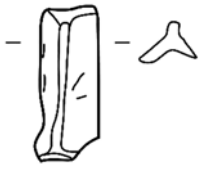
II.3. С вытянутым пером и выделенными жальцами железные
33. ***Железный наконечник***
Длина 4,9 см, ширина 1,5 см. Ромбовидное сечение, утолщение в нижней части, два заостренных шипа, один из которых обломан. Черешок также обломан.
Разведка на холме Ючлердже, кв. D6. Инв. № Ке-09/М1

34. ***Железный наконечник***
Длина 4,1 см, ширина 1,7 см. Обломан сверху и снизу, сильно корродирован.
Разведка на холме Ючлердже, кв. L5. Инв. № Ке-09/М2

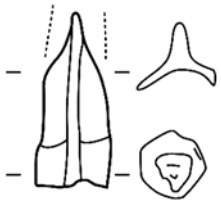

1
2
3
4
5
6
7
8
9
0
2 cm


10
11
12
13
14
15
16
17
18
0
2 cm

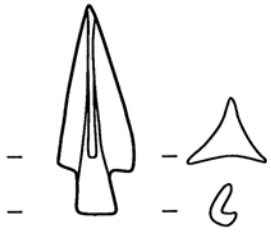

19
20
21
22
23
24
25
26
27
0
2 cm



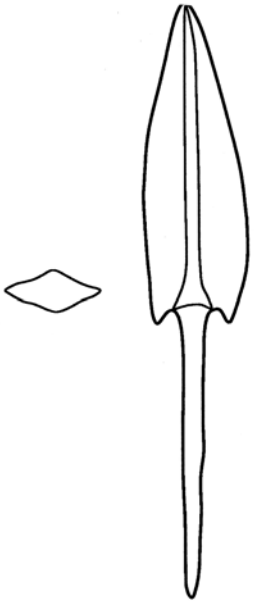
28



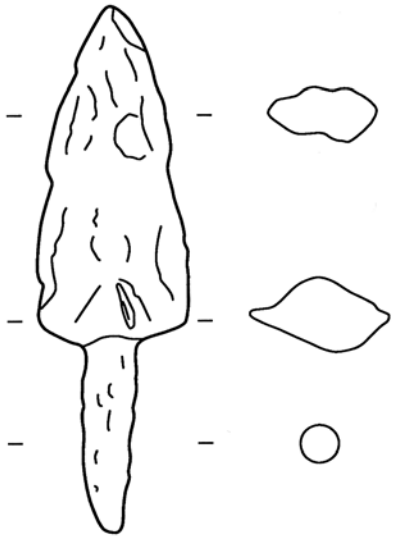
29



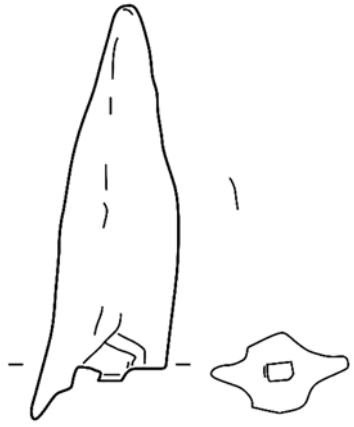
30



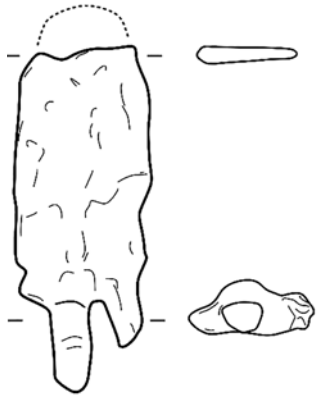
31



32



33



34

Иванчик 2001

Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. М., 2001.

Иванчик 2013

Иванчик А. И. Келены – Апамея Киботос : результаты исследований в Южной Фригии // Monumentum Gregorianum : сб. науч. ст. памяти академика Григория Максимовича Бонгард-Левина / отв. ред. А. И. Иванчик. М., 2013. С. 358–377.

Медведская 1972

Медведская И. Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. 1972. № 3. С. 88, 89.

Медведская 1980

Медведская И. Н. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II – первой половины I тысячелетия до н. э. // СА. 1980. № 4. С. 23–29.

Мелюкова 1964

Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М., 1964. (САИ ; вып. Д 1–4).

Петренко 1990

Петренко В. Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.

Петренко 2006

Петренко В. Г. Краснознаменский могильник : элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М. ; Берлин ; Бордо, 2006. (Corpus tumulorum Scythicorum et sarmaticorum ; 1).

Рябкова 2012

Рябкова Т. В. Колчанный набор из кургана 524 у сел. Жаботин // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 2. С. 345–350.

Andraschko 1991

Andraschko F. M. Skythen auf Elephantine? Ein Diskussionsbeitrag zur Verbreitung der dreiflügeligen Pfeilspitzen // Hamburger Beiträge zur Archäologie. 1991. Bd. 18. S. 217–230.

Derin, Muscarella 2001

Derin Z., Muscarella O. W. Iron and Bronze Arrows // Ayanis I : Ten Years' Excavations at Rusahinili Eiduru-kai, 1989–998 / ed. by A. Çilingiroğlu, M. Salvini. Roma, 2001. P. 189–217. (Documenta Asiana ; 6).

Ghirshman 1954

Ghirshman R. Village perse-achéménide. Paris, 1954. (Mémoires de la Mission archéologique en Iran ; 36).

Hellmuth 2008

Hellmuth A. The Chronological Setting of the so-called Cimmerian and Early Scythian Material from Anatolia // Ancient Near Eastern Studies. 2008. Vol. 45. P. 102–122.

Hogarth 1888

Hogarth D. G. Notes upon a Visit to Celaenae–Apamea // JHS. 1888. Vol. 8. P. 343–349.

Ivantchik et al. 2011

Ivantchik A., Belinskiy A., Dovgalev A. Prospections sur le territoire d'Apamée et élaboration du SIG Kélainai – Apamée Kibôtos // Kelainai – Apameia Kibotos: Stadtentwicklung im anatolischen Kontext = Kélainai – Apamée Kibôtos: Développement urbain dans le contexte anatolien (Kelainai ; 1) / ed. by A. Ivantchik, L. Summerer, A. von Kienlin. Bordeaux, 2011. P. 137–178.

Kelainai 2011

Kelainai – Apameia Kibotos: Stadtentwicklung im anatolischen Kontext = Kélainai – Apamée Kibôtos: Développement urbain dans le contexte anatolien (Kelainai ; 1) / ed. by A. Ivantchik, L. Summerer, A. von Kienlin. Bordeaux, 2011.

Mathé et al. 2011

Mathé V., Druez M., Chapoulie R. Prospection géophysique sur le site archéologique de Kelainai–Apamée Kibôtos en 2008 : premiers résultats // Kelainai – Apameia Kibotos: Stadtentwicklung im anatolischen Kontext = Kélainai – Apamée Kibôtos: Développement urbain dans le contexte anatolien (Kelainai ; 1) / ed. by A. Ivantchik, L. Summerer, A. von Kienlin. Bordeaux, 2011. P. 221–228.

Misiewicz 2011

Misiewicz K. Geophysical Surveys of the Sites Close to Dinar in 2008 and 2009 : Preliminary Results // Kelainai – Apameia Kibotos: Stadtentwicklung im anatolischen Kontext = Kélainai – Apamée Kibôtos: Développement urbain dans le contexte anatolien (Kelainai ; 1) / ed. by A. Ivantchik, L. Summerer, A. von Kienlin. Bordeaux, 2011. P. 229–247.

Moorey 1980

Moorey P. R. S. Cemeteries of the First Millenium B. C. Oxford, 1980.

Schmidt 1957

Schmidt E. Persepolis II : Contents of the Treasury and Other Discoveries. Chicago, 1957.

Stronach 1974

Stronach D. Achaemenid Village I at Susa and the Persian Migration to Fars // Iraq. 1974. Vol. 36. P. 239–248.

Stronach 1978

Stronach D. Pasargadae : A Report on the Excavations Conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963. Oxford, 1978.

Tsetskhladze 2011

Tsetskhladze G. R. The Scythians : Three Essays // The Black Sea, Greece, Anatolia and Europe in the First Millennium BC / ed. by G. R. Tsetskhladze. Leuven, 2011. P. 95–139. (Colloquia antiqua ; 1).

Weber 1892

Weber G. Dinair (Gueikler), Célènes, Apamée Cibotos. Besançon, 1892.

Yalçıklı 2006

Yalçıklı D. Eisenzeitliche Pfeilspitzen aus Anatolien // Pfeilspitzen. Bonn, 2006. S. 207–303. (Universitätsforschungen zur prähistorische Archäologie ; 128).

М. Т. Кашуба

КРЕМАЦИИ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В МОГИЛЬНИКЕ КРУГЛИК НА СРЕДНЕМ ДНЕСТРЕ[1]

Введение

Архаическая (Древняя) Скифия, существование которой на юго-западе Восточной Европы убедительно обосновано исследованиями А. Ю. Алексеева (Алексеев 1996; Алексеев 2003), остается во многих аспектах еще не до конца понятной и изученной. Как население культуры Ноуа-Сабатиновка в позднебронзовом веке или мобильные объединения ранних кочевников черногоровской и новочеркасской групп в предскифский период, носители раннескифского комплекса появились здесь с востока. Наряду с тремя системообразующими компонентами (так называемая скифская триада) на первичные восточные области, где могла зародиться древнейшая материальная культура скифов, указывают и элементы воинской субкультуры. Так, рельефную метку в виде «птичьей лапы» на наконечниках стрел можно сопоставить со знаком на голове ядовитой змеи (песчаная эфа), обитающей в центральноазиатском регионе (Алексеев 2014. С. 5). На новой западной территории раннескифские памятники и находки раннескифского облика локализируются в предкавказских равнинах и предгорьях с лесостепным ландшафтом, а также в Днепровской лесостепи (Ильинская, Тереножкин 1983. С. 18, 228; Мурзин 1984. С. 12. Рис. 1; Алексеев 2003. С. 38–194, 279; Скорый 2003. С. 73, 225). Получается, что привычные географические и экологические ниши, близкие к первоначальной территории, носители раннескифского комплекса заняли и на юго-западе Восточной Европы (Алексеев 2003. С. 279). Проживающее здесь местное население, встретившее ранних скифов, отличалось культурным разнообразием – на это давно обратили внимание исследователи, и к середине XX в. в Днепровской лесостепи были выделены локальные варианты культур скифского времени (Фабриціус 1951. С. 52; Граков, Мелюкова 1954. С. 78, 82–86. Рис. 9). При этом культуру лесостепных памятников ученые трактовали по-разному («скифская» или «скифоидная») и не относили к единому массиву. Особенно это касалось западных территорий, где в Днестровском бассейне была выделена Западно-Подольская группа раннескифской культуры, а вопрос о скифской экспансии и подчинении местного населения завоевателям был поднят

[1] Автор приносит благодарность руководству Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа в лице заведующего отделом А. Ю. Алексеева и заместителя по научной работе Ю. Ю. Пиотровского, а также нынешнему хранителю коллекции С. Н. Сенаторову за любезное разрешение опубликовать материалы. Автор также благодарен Г. И. Смирновой (†), в свое время разрешившей ознакомиться с материалами, дневниковыми записями 1963–1964 гг. и использовать их в работе.

с самого начала изучения материальной культуры скифов в Северном Причерноморье (Sulimirski 1936. S. 1, 120).

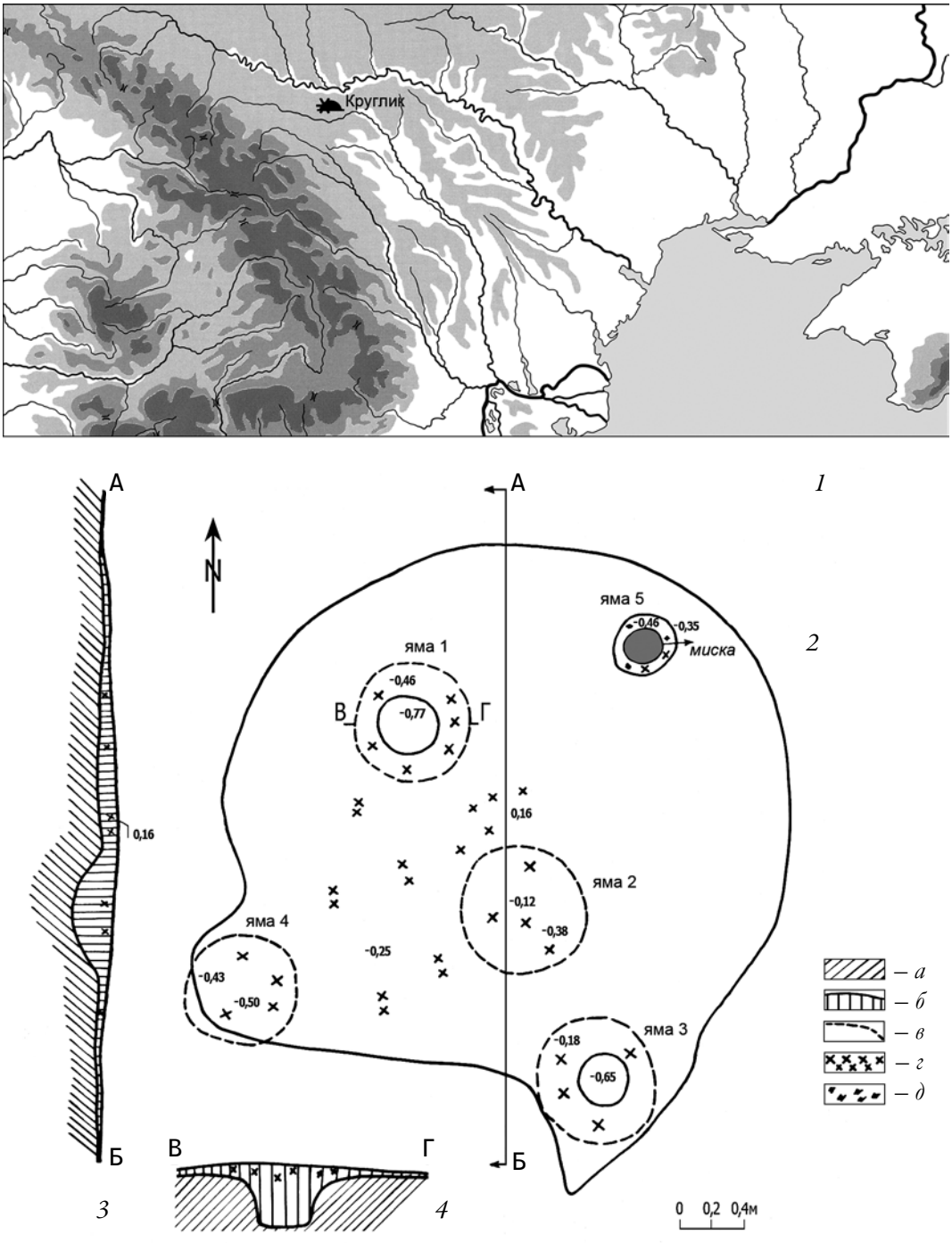
По мере накопления источников по раннескифским древностям Среднего Поднестровья вопрос о «завоевании» местного населения носителями раннескифского комплекса перестал рассматриваться (Смирнова 2004. С. 409, 418)[1]. В свете новых данных речь идет о присутствии скифов в Западной Подолии, а также ведется поиск признаков, характеризующих культуру местного населения (Щукин 1989. С. 107, 109. Рис. 1: *1–3*; Левицкий, Кашуба 2009. С. 220; Эбертс 2012. С. 325; Eberts 2012. S. 26, 35, 55). О последнем можно судить в большей степени по бытовым и сравнительно хорошо исследованным памятникам. Что касается погребально-поминальной обрядности, то все известные и раскопанные комплексы, как правило, характеризуются как раннескифские. В этой связи интересны три сооружения, раскопанные более полувека назад в непосредственной близости от кургана 1 у с. Круглик, содержащего раннескифское погребение № 1 (Смирнова 1963–1964). Полученные небольшие, но выразительные материалы (см. ниже) остались неопубликованными и в свое время никак не повлияли на позицию автора раскопок Г. И. Смирновой, которая в спорах с Т. Сулимирски и Б. А. Тимощуком (Смирнова 1977. С. 3–10. Рис. 1) отказалась от идеи атрибутировать отдельные раннескифские подкурганные комплексы как культовые ямы (Sulimirski 1936. S. 7, 105) и некоторые подкурганные сооружения как святилища (Ключевой 1965. С. 38–39. Рис. 1; Тимощук 1969. С. 34–36). В той дискуссии речь шла о раскопках, материалы которых были недостаточно документированными или просто неопубликованными – Беремяны, Дуплиска, Серватинцы, Новосилка, Оселивка, Белоусивка и др. Однако благодаря новым полевым исследованиям уже к началу нынешнего века подтвердились сведения о курганах без погребений: Лоивцы, Текливка, Колодиевка и др.[2] Это заставило исследователей вновь обратиться к материалам из старых раскопок в поисках признаков, указывающих на погребальный характер найденных конструкций (Гуцал, Гуцал 2003. С. 13), и выявления следов обрядовых действий, в частности, наличия / отсутствия обожженности погребального инвентаря, длительного горения и пр. (Могилов 2010. С. 120; Eberts 2012. S. 55). Что же было раскопано в могильнике Круглик?

Курганный могильник Круглик

Могильник (ил. 1: *1*) был расположен к СЗ от с. Круглик (Хотинский район, Черновицкая область, Украина), его составляли около 11 видимых и сравнительно больших насыпей, диаметром 28,0–40,0 м и высотой 1,5–2,0 м, некоторые из них были вытянуты цепочкой по линии С–Ю. Судя по раскопанным шести курганам, формирование этого разновременного некрополя началось в раннем бронзовом веке (Смирнова 1966. С. 88, 89; Смирнова 1968. С. 14). Особый интерес вызвало впускное погребение № 1 кургана 1, которое относится к одному из ранних комплексов раннескифской культуры в западных областях Архаической Скифии. Материалы этого захоронения, сочетающие изделия разного производства и культурных традиций (раннескифские наконечники стрел; наконечник копья и миска, имеющие близкие аналогии из Среднего Подунавья;

[1] В этой работе указана также важная библиография по теме.

[2] См. работы: Крушельницька 1998. С. 129; Гуцал и др. 2003. С. 91; Гуцал и др. 2006. С. 158.



Ил. 1. Могильник раннескифского времени у с. Круглик (Среднее Поднестровье)

1 – местоположение памятника; *2–4* – сооружение I, раскопки 1964 г. (*2* – план, *3* – разрез, *4* – разрез ямы № 1).
Условные обозначения: а – суглинок, *б* – обожженная глина, *в* – контуры интенсивных сожжений,
г – кальцинированные кости, *д* – уголь. Прорисовка М. Т. Кашубы

бронзовая ситула и железный топор северокавказского производства (?); ранний сероглиняный гончарный сосуд «типа Круглик» восточнобалканского технологического трансферта; местная лепная посуда), неоднократно переиздавались автором раскопок (Smirnova 1965. S. 76. Obr. 32–34, 43, 44; Смирнова 1967. С. 223; Смирнова 1968. С. 14–19. Рис. 1–4; Смирнова 1993. С. 109–111. Рис. 2–4).

Первоначальная датировка погребения серединой – второй половиной VI в. до н. э. в дальнейшем пересматривалась в сторону удревления: последняя четверть VII в. до н. э. (Смирнова 1993. С. 109–111; Смирнова 2004. С. 421), первая половина – середина VII в. до н. э. (Бандрівський 2010. С. 100; Hellmuth 2010. S. 323, 510, 511. Abb. 255. Taf. 106; Eberts 2012. S. 106, 107). Однако это захоронение было не единственным комплексом раннего железного века в могильнике Круглик.

Кремации раннескифского времени в могильнике Круглик

Судя по дневниковым записям 1963 г. (Смирнова 1963–1964. С. 24–28), курган 1 находился несколько в стороне – к СЗ от цепочки курганов, в пониженной части поля урочища «Могилки». Неподалеку от него, к С–СЗ (?), были исследованы еще три сооружения (I–III), описание которых приводится по дневнику Г. И. Смирновой. Они представляли собой «три пятна красной земли, отчетливо выступающие на черной поверхности поля. По сообщению авторов раскопок Тимощука Б. А. и Винокура И. И. на месте пятен зачищены ямы с обожженными стенками. В ямах найдены пережженные кости (немного!), переж., камни и печинка. Судя по черепкам от лощеных сосудов, эти ямы относятся к голиградскому вр.? Авторы раскопок трактовали эти ямы как крематории. Такое объяснение вполне обоснованно, т. к. известно, что голиградское население хоронило по обряду сожжения. <…> В поисках могильника, связанного с крематориями, решили заложить траншеи на том же мысу, на котором расположены крематории. Поблизости от крайней западной ямы-крематория заложили три траншеи длиной в 10 м и шириной 1 м каждая. Траншеи расположены в виде буквы „П“. <…> Ближе к краю мыса севернее первых траншей заложили еще одну траншею длиной 10 м и шириной 1 м…» (Там же. С. 24–26). Стоит отметить, что разведывательные траншеи в радиусе 10–20 м к С и СВ от пятен не выявили ни новых сооружений, ни материалов. Таким образом, имеющиеся находки происходят исключительно с площади исследованных трех пятен (см. Каталог), при этом наиболее полная информация имеется о сооружении I.

Сооружение I к моменту раскопок сохранилось в виде пятна грунта красного цвета, неправильной округлой формы, размерами 3,5 × 4,0 м. Грунт пятна представлен пережженной землей с редкими включениями кальцинированных костей, обожженными камнями и обожженными кусочками глины.

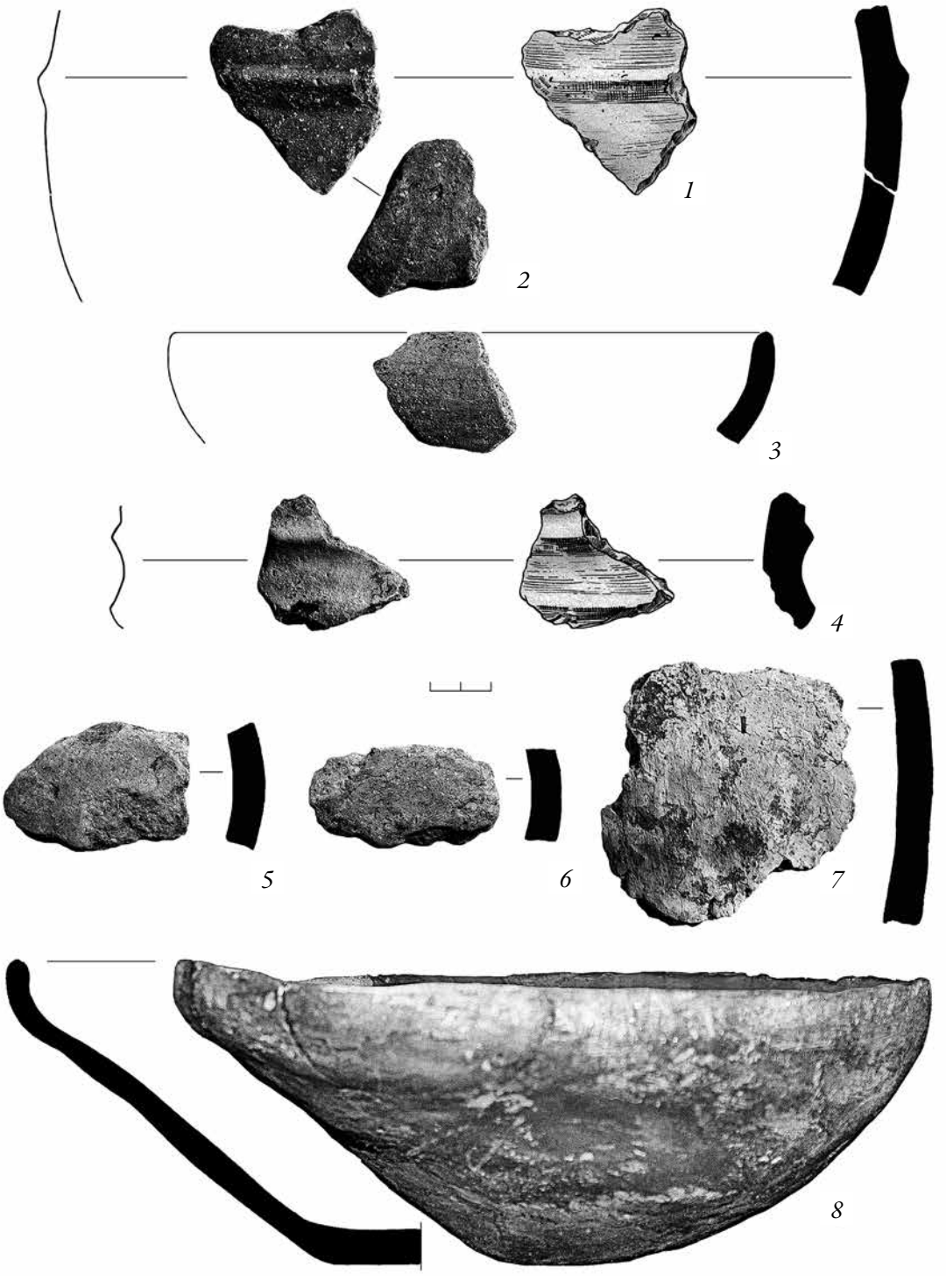
Под пятном были раскопаны пять ям (1–5). Четыре ямы (1–4) круглые и одинаковые по диаметру в верхней части (0,7–0,75 м), в нижней части ямы № 1 и № 3 сужались и имели диаметры 0,35 и 0,4 м, равные диаметру (0,4 м) северной ямы № 5. В системе ям прослеживаются закономерности (ил. 1: *2*). Ямы № 1–3 располагались по линии СЗ–ЮВ, на расстоянии 0,4–0,5 м друг от друга, тогда как две другие находились на равном расстоянии в 1,2–1,3 м к ЮЗ (яма № 4) и к СВ (яма № 5) от этой линии между ямами № 1 и № 2. Скорее всего, все исследованные ямы были впущены с одинакового уровня в 0,12–0,18 м (древний горизонт – ?), но это удалось проследить только для двух

из них (центральная яма № 2 и южная яма № 3), так как три остальные (северная яма № 5, северо-восточная яма № 1 и юго-западная яма № 4) были зафиксированы на глубине 0,35–0,46 м от современной дневной поверхности. Стенки ям № 2, 4 и 5 плавно сужались к округлому дну, ямы № 1 и 3 (ил. 1: *4*), напротив, имели отвесные стенки и ровное дно. Глубина ям варьирует от 0,07–0,1 м (юго-восточная № 4 и северная № 5) до 0,26–0,31 м (центральная № 2 и южная № 3), при этом сравнительно глубокой (0,47 м) оказалась северо-восточная яма (№ 1). Стенки ям были обожжены, их заполнение представлено обожженной глиной, в верхней его части, как и на площади всего красного пятна, встречались немногочисленные кальцинированные кости (ил. 1: *3*). В северной яме № 5 (ил. 1: *2*) находилась миска (ил. 2: *8*), которая была заполнена обожженной глиной, угольками и в верхней части – немногочисленными кальцинированными костями. В миске, скорее всего, могла находиться сопроводительная пища, так как характер ее заполнения не отличался от грунта пятна.

Конструктивные особенности, сопоставимые размеры, закономерности расположения и одинаковый характер заполнения не оставляют сомнений, что рассматриваемые ямы были одновременными, входили в единое сооружение, общая площадь которого была около 12,5 кв. м. Судя по заполнению, ямы не являлись столбовыми, а их обожженные стенки говорят о том, что в них осуществлялись сожжения еще до обустройства общего костра на всей площадке. Выявленные закономерности позволяют интерпретировать сооружение I как кремацию на стороне, при этом ямы (1–5) могли быть ямами–«тризницами», предназначенными для жертвоприношений в виде сожжений и сопроводительной пищи.

Керамика из ям № 2, 3 и 5 (каталог 1–8; ил. 2: *1–8*) представлена пятью сосудами – одним целым и обломками еще от четырех. Их описания и размеры приведены в Каталоге, номер на рисунке 3 соответствует номеру в каталоге. Из ямы № 5 происходит миска (ил. 2: *8*), из ям № 2 и 3 сохранились фрагменты от двух небольших корчаг (ил. 2: *1, 2, 4–6*), небольшой миски (ил. 2: *3*) и грубого сосуда (ил. 2: *7*). Скорее всего, сосуды из ям № 2 и 3 представляют собой остатки тризны и могли быть ритуально разбиты.

Морфологические особенности и сохранившиеся элементы декора найденной керамики типичны для посуды позднейшего предскифского и начала раннескифского периодов в рассматриваемом регионе. Так, миска аналогична двум мискам из находящегося рядом раннескифского погребения № 1 кургана 1 Круглик (Смирнова 1993. Рис. 4: *1, 2*). Валики-каннелюры на горловине небольших корчаг также были широко известны в регионе в позднейшем предскифском периоде и бытовали еще в начале раннескифского времени, например, на сосуде из с. Лоевцы (Крушельницька 1998. Рис. 83: *6*). Однако найденная в кремациях Круглика керамика примечательна своими технико-технологическими характеристиками, имеющими явные архаические признаки. Особенно показательны обломки корчаги с так называемой красной подкладкой (ил. 2: *1, 2*) и фрагмент грубого сосуда со следами вертикального заглаживания травой, являющихся рудиментами «расчесов» (ил. 2: *7*). Такие приемы типичны для керамики раннегальштатской (карпато-дунайской) культуры Гава-Голиграды (Смирнова 1969. С. 20–24; Смирнова 1976. С. 18; Крушельницкая, Малеев 1990. С. 126; László 1994. P. 48) и отсылают к этой ранней технологической традиции. Состав глиняного теста, цвет и обработка поверхности миски (ил. 2: *8*) также указывают на керамические традиции предшествующего времени,



Ил. 2. Круглик (Среднее Поднестровье), раскопки 1964 г. Керамика из сооружения I
1–7 – ямы № 2, 3; *8* – яма № 5 (Государственный Эрмитаж, инв. № 2327/36)

но характерны для посуды другой культуры – позднее Чернолесье (или Чернолесье II) Среднего Днестра. Однако стоит подчеркнуть, что и в этой предскифской культуре рассматриваемого региона гава-голиградские традиции в изготовлении керамики были весьма ощутимы, что сильнее проявляется в одной из ее локальных групп Днестровка-Ленковцы (Смирнова, Кашуба 1988. С. 18).

Исследователи неоднократно отмечали значительный вклад культуры Гава-Голиграды в культурогенез обществ раннего железного века в Прикарпатье и Западной Волыни (Крушельницкая 1991. С. 24). Керамический комплекс этой культуры оказал мощное воздействие также на производство посуды у местного населения всей лесостепи, примыкающей к Северному Причерноморью. В качестве яркого примера можно привести черпаки специфической формы – низкие, непрофилированные или слабо профилированные, с высокой ручкой. В позднейший предскифский – раннескифский периоды именно они стимулировали местное производство и воспроизводство такой формы посуды, оказавшейся весьма популярной среди населения, проживавшего в лесостепных областях гораздо восточнее Днестровского бассейна – на Правобережье и Левобережье Среднего Днепра (Левицкий, Кашуба 2011. С. 245. Рис. 5). Поэтому, невзирая на кажущуюся невыразительность керамики из сооружения I (ямы № 2, 3 и 5), ее признаки говорят о местном изготовлении и датировке, по меньшей мере концом VIII – началом VII в. до н. э.

Результаты и обсуждение

В могильнике Круглик были раскопаны четыре комплекса, относящиеся к раннескифскому периоду. Неподалеку от ингумационного погребения № 1 кургана 1 здесь находились еще три комплекса (сооружения I–III), представляющие собой кремации на стороне с захоронением праха в земле, но сведения сохранились лишь об одном из них (сооружение I).

Имеющиеся данные позволяют реконструировать следующую последовательность событий:

- на древнем горизонте выбиралась и обустраивалась площадка;
- на ней с определенной закономерностью и размерностью закладывались ямы;
- в ямах проводились жертвоприношения в виде сожжений;
- в некоторые из ям помещалась сопроводительная пища, в том числе в сосуде;
- ямы и площадка засыпались глиной;
- поверх слоя глины или вперемешку со слоями глины развеивались остатки кремации (пережженные кости и прах);
- обустраивался общий костер с жертвоприношениями (тризна) и ритуальным разбиванием сосудов.

Предложенная реконструкция позволяет в Западно-Подольской группе раннескифской культуры выделить еще один тип погребений, отражающий традиции местного населения.

Не исключено, что эти кремации (сооружения I–III) могли перекрываться небольшими насыпями, не сохранившимися к моменту раскопок. Об этом свидетельствуют некоторые курганы Западно-Подольской группы раннескифской культуры, под насыпями которых кроме «пустых» ям и обломков керамики ничего не найдено, например, курганы 5 и 7 могильника Иванивцы (Щукин 1989. С. 107). В свою очередь, «пустые»

ямы под насыпями курганов предназначались для жертвоприношений, и поэтому они могут интерпретироваться как культовые объекты, о чем в свое время писал Б. А. Тимощук[1] (Ключевой 1965. С. 38; Тимощук 1968. С. 23, 24; Тимощук 1969. С. 34, 35; Тимощук 1974. С. 90, 91).

Сооружения I–III Круглика являлись кремациями на стороне с захоронением праха в земле, а реконструируемые обрядовые действия (обустройство специальной площадки; определенный порядок ям для жертвоприношений; напутственная пища в сосуде; перекрывание слоем глины и посыпание кремированными остатками; завершающий костер и тризна) позволяют считать их погребально-поминальными комплексами. По всей видимости, такого рода комплексами могут оказаться и другие известные погребения Западно-Подольской группы раннескифской культуры, особенно те их них, в которых ощутимы сильные местные и/или северо-фракийские (позднегальштатские, карпато-дунайские) традиции (Левицкий, Кашуба 2009. Рис. 6). Архаические признаки керамики из сооружения I, позволяющие датировать этот комплекс концом VIII – началом VII в. до н. э., а также местоположение кремаций (сооружения I–III) позволяют считать, что они вместе с погребением № 1 кургана 1[2] составляли единый могильник раннескифского времени. Таким образом, курганное погребение с раннескифскими наконечниками стрел было не единичным впускным захоронением, а находилось в составе общего могильника с погребально-поминальными комплексами местного населения.

Описанная ситуация обнаруживает сходство с частично синхронным и расположенным южнее могильником Тринка–Друмул Фетештилор. Анализ раскопанных девяти из двенадцати курганов показал, что это было кладбище местного населения, представленное преимущественно женскими могилами. К числу местных лидеров могла принадлежать женщина (курган VI), погребение которой отличалось своим инвентарем и занимало центральное место на могильнике. Мужские погребения могильника Тринка – среди которых одно со стрелами и деталями колчана может интерпретироваться как воинское (курган I) – позволяют предполагать наличие смешанных браков и значительную инкорпорированность номадов в местную среду (Там же). Эти данные подтверждают синкретический характер Западно-Подольской группы раннескифской культуры, в формировании которой активное участие принимало местное население. Однако трудно согласиться с тем, что в материальной культуре, социальной жизни и символической сфере этого культурного образования преобладали типично скифские стандарты (Gawlik 2010. P. 167).

Материалы могильника Круглик возвращают к проблеме определения времени первых проникновений носителей раннескифского комплекса в Среднее Поднестровье. Оно традиционно определяется где-то на полвека позднее по сравнению с Правобережьем Днепра (Гуцал 2000. С. 75–77; Гуцал, Гуцал 2003. С. 18; Бруяко 2005. С. 149). М. Бандривский сделал попытку пересмотреть традиционные датировки и в развитии Западно-Подольской группы раннескифской культуры выделил три этапа: I – последняя четверть VIII – первая четверть VII в. до н. э., II – вторая – третья четверти VII в. до н. э. и III – последняя четверть VII – первая четверть VI в. до н. э. (Бандрівський 2010. С. 76.

[1] Ключевой – это псевдоним Б. А. Тимощука.

[2] Хотя это погребение известно специалистам, идет подготовка его новой публикации, чему способствовали появившиеся ранее неизвестные данные.

Табл. 1). Далее, несколькими годами позже, все в том же Среднеднестровском регионе совместно с Л. И. Крушельницкой он выделил Михалковскую группу с горизонтами Михалков I и Михалков II, датирующихся, соответственно, IX – первой четвертью VII в. до н. э. (Бандрівський 2008. С. 127, 155; Бандрівський, Крушельницька 2012. С. 81, 93, 94. Рис. 35-а). Основные тезисы по Михалковской группе были повторены и в его отдельной статье (Бандрівський 2014. С. 104). Хотя понижение датировок предметов раннескифского облика, найденных в Среднем Поднестровье, сомнений не вызывает, предложенные обоснования для выделения Михалковской группы требуют отдельного тщательного анализа[1]. Удревление Западно-Подольской группы раннескифской культуры по меньшей мере до конца VIII в. до н. э. поддержала Н. Эбертс, добавив к числу ранних комплексы, в которых отсутствовали раннескифские предметы, но были найдены изделия местного изготовления, например, погребение кургана 5 могильника Иванивцы из раскопок М. Б. Щукина (Eberts 2012. S. 101, 105).

Стоит добавить, что помимо погребальных комплексов, среди позднейших позднечернолесских материалов также известны находки наконечников стрел жаботинского типа – поселение Тэтэрэука Ноуэ XV (Ларина, Кашуба 2005. Рис. 5: *1*), Рудь (Левицкий, Демченко 1995. Рис. 3: *3*), Рудковецкое городище (Гуцал 2000. Рис. 3: *1–8*). Эти данные, а также материалы многослойных бытовых памятников (Непоротово, Рудковцы) и могильников (Бернашевка) с культурно-хронологическими горизонтами позднечернолесской и раннескифской культур свидетельствовали о более ранних контекстах бытования изделий раннескифских типов. Однако это не оказывало существенного влияния на дату появления в Среднеднестровском регионе ранних скифов. К примеру, жаботинские наконечники стрел на Рудковецком городище отнесены ко второй четверти VII в. до н. э. (Гуцал 2000. С. 75).

Принимая во внимание эти находки, удревление датировок раннескифских комплексов в Северном Причерноморье и прилегающих лесостепных областях (Евразия в скифскую эпоху 2005. С. 64, 215), в том числе новую дату (ближе к середине VIII в. до н. э.) кургана 524 у с. Жаботин с наконечниками стрел жаботинского типа (Рябкова 2014. С. 372, 412), надо полагать, что время появления ранних скифов на Среднем Днестре не должно отставать от такового в Поднепровье. Имеющиеся данные показывают общую синхронность (вторая половина – конец VIII в. до н. э.) появления ранних скифов на юго-западе Восточной Европы. Это был единый процесс продвижения носителей раннескифского комплекса на запад, одна из которых появилась в прилегающей к Северному Причерноморью лесостепи и далее двинулась в Карпатский бассейн

[1] В частности, в Михалковской группе постулируются сильные влияния группы Непоротово (или непоротовской группы позднечернолесской культуры Среднего Днестра. – *М. К.*) и нижнедунайских культур, а в качестве наиболее яркого примера приводятся материалы городища Кривче. Благодаря любезному разрешению проф. Р. В. Терпиловского, я ознакомилась *de visu* с материалами раскопок Ю. Н. Малеева на городище Кривче, которые хранятся в фондах археологического музея кафедры археологии и музееведения исторического факультета Киевского национального университета им. Тараса Шевченко. Хотя раннегальштатские материалы из Кривче можно разделить как минимум на два хронологических горизонта, по моему мнению, они вполне вписываются в керамический комплекс культуры Гава-Голиграды. Влияния (нижнедунайских) раннегальштатских культур с резной и штампованной керамикой, в частности, культуры Бабадаг, как об этом в свое время написал Ю. Н. Малеев, представлены в коллекции лишь теми несколькими обломками сосудов, которые были опубликованы автором раскопок (Малеев 1987. С. 94, 95. Рис. 3: *5, 7, 10, 11*; Бандрівський, Крушельницька 2012. Рис. 28: *3–5*). Другие находки, свидетельствующие о южных гальштатских (карпато-дунайских) влияниях, в коллекции керамики городища Кривче из раскопок Ю. Н. Малеева отсутствуют. Поэтому постулат о сильных влияниях нижнедунайских культур в выделяемой Михалковской группе не имеет достаточных оснований.

и Среднюю Европу по известным северным дорогам: через северные перевалы Карпат или в обход Карпат с севера.

Публикации, систематизация, анализ старых и новых раннескифских материалов из Среднего Поднестровья (Бандрівський 2010. С. 76; Могилов 2010. С. 108; Eberts 2012. S. 101), как ожидается, будут способствовать прояснению хронологии и культурно-исторического содержания процессов, вызвавших появление Архаической Скифии на юго-западе Восточной Европы.

КАТАЛОГ

Каталог включает инвентарный номер и описание керамики. На рисунках указаны каталожные номера. Рубрика «Литература» отсутствует, так как находки публикуются впервые.

1, 2. Два фрагмента стенок небольшой корчаги (?)
Глина. Максимальный диаметр по тулову 26,0–28,0 см.
Инв. № 2327/36; из ям № 2–3. Ил. 2: *1, 2*.
От сосуда сохранились два обломка тулова: один из области его максимального диаметра, второй – из придонной части. Тулово реконструируется как округленное с высокой сужающейся придонной частью. По линии максимального диаметра тулово снабжено гладким невысоким валиком, треугольным в сечении. Внешняя поверхность темно-серая, хорошо заглаженная, внутренняя – светло-оранжевая. Глиняное тесто тщательно отмученное, с примесями мелкого светло-оранжевого шамота и песка

3. Обломок края миски
Глина. Диаметр края 20,0–21,0 см.
Инв. № 2327/36; из ям № 2–3. Ил. 2: *3*.
Миска открытая, усеченно-конической формы, край округлен. Внешняя и внутренняя поверхности светло-оранжевые, заглаженные. Глиняное тесто тщательно отмученное, с примесями шамота и песка, обжиг равномерный

4. Фрагмент горловины небольшой корчаги (?)
Глина. Диаметр горловины 21,0 см.
Инв. № 2327/36; из ям № 2–3. Ил. 2: *4*.
Судя по сохранившемуся обломку, сосуд имел вогнутую горловину с горизонтальными валиками-каннелюрами. Внешняя и внутренняя поверхности светло-оранжевые, заглаженные. Глиняное тесто тщательно отмученное, с примесями шамота и песка, обжиг равномерный

5, 6. Два фрагмента тулова небольшой корчаги (?)
Глина. Фрагменты от разных частей тулова – вероятные диаметры 21,0 и 28,0 см.
Инв. № 2327/36; из ям № 2–3. Ил. 2: *5, 6*.
Сохранились обломки от разных частей тулова, которое могло иметь вытянутую, слегка биконическую форму. Внешняя и внутренняя поверхности светло-оранжевые, заглаженные. Глиняное тесто тщательно отмученное, с примесями шамота и песка, обжиг равномерный. Оно идентично с тестом фрагмента горловины (кат. 4)

7. Фрагмент тулова грубого сосуда (кухонное назначение?)

Глина. Вероятный диаметр тулова 34,0–36,0 см.

Инв. № 2327/36; из ям № 2–3. Ил. 2: *7*.

Судя по сохранившемуся обломку, это был большой сосуд. Внешняя и внутренняя поверхности серо-оранжевые, заглаженные. Внешняя поверхность пятнистая, со слабо выраженными следами от вертикального заглаживания травой. Глиняное тесто отмученное, с примесями шамота и песка с мельчайшими вкраплениями слюды, обжиг неравномерный

8. Миска

Глина. Диаметр края 24,0 см, высота 9,5 см, диаметр дна 6,0 см.

Инв. № 2327/36; из ямы № 5. Ил. 2: *8*.

Миска открытой формы, асимметричная, усеченно-конической и шаровидной формы, край округлен и слегка загнут внутрь, на 2,0 см ниже края имеется слабо выраженное ребро перегиба, дно плоское и невыделенное. Внешняя и внутренняя поверхности темно-серо-коричневого цвета, лощеные. Лощение с тусклым блеском. Глиняное тесто тщательно отмученное, с примесями шамота и песка, обжиг равномерный

Алексеев 1996

Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии (VII–IV вв. до н. э.) : автореф. дис. … докт. ист. наук. СПб., 1996.

Алексеев 2003

Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб., 2003.

Алексеев 2014

Алексеев А. Ю. Стрелы-змеи у ранних кочевников Евразии // Война и военное дело в скифо-сарматском мире : мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). Ростов-н/Д., 2014. С. 5–10.

Бруяко 2005

Бруяко И. В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р. Х.). Кишинев, 2005. (Археологические источники Восточной Европы).

Граков, Мелюкова 1954

Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии : по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г. М., 1954. С. 39–93.

Евразия в скифскую эпоху 2005

Евразия в скифскую эпоху : радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.

Ильинская, Тереножкин 1983

Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.

Крушельницкая 1991

Крушельницкая Л. И. Северо-Восточное Прикарпатье в эпоху поздней бронзы и раннего железного века : проблемы этнокультурных процессов : дис. … докт. ист. наук в форме науч. докл. Киев, 1991.

Крушельницкая, Малеев 1990

Крушельницкая Л. И., Малеев Ю. Н. Племена культуры фракийского гальштата (Гава-Голиграды) // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья : энеолит, бронза и раннее железо. Киев, 1990. С. 123–131.

Ларина, Кашуба 2005

Ларина О. В., Кашуба М. Т. Позднейшие позднечернолесские материалы поселения Тэтэрэука Ноуэ XV в Среднем Поднестровье // RA. 2005. Vol. 1. N 1. С. 212–239.

Левицкий, Демченко 1995

Левицкий О. Г., Демченко Т. И. Памятники скифской архаики на территории Молдовы // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье ; Комунар, 1995. Т. 5. С. 41–53.

Левицкий, Кашуба 2009

Левицкий О. Г., Кашуба М. Т. О культурных традициях в погребальной обрядности населения, проживавшего на западных рубежах Архаической Скифии : источники, проблематика // Эпоха раннего железа : сб. науч. тр. к 60-летию С. А. Скорого. Киев ; Полтава, 2009. С. 220–237. (Археология и древняя история Украины).

Левицкий, Кашуба 2011
Левицкий О. Г., Кашуба М. Т. Курганы у с. Котюжень на юге Среднего Поднестровья и проблема «фрако-киммерийских» древностей : опыт изучения «пустых» погребений // АВ. 2011. № 17. С. 239–258.

Малеев 1987
Малеев Ю. Н. Гальштатские городища в Западной Подолии и Прикарпатье // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины : сб. науч. тр. Киев, 1987. С. 86–101.

Могилов 2010
Могилов А. К археологической карте Северной Буковины раннего железного века // RA. 2010. Vol. 5. N 1. P. 98–129.

Мурзин 1984
Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.

Рябкова 2014
Рябкова Т. В. Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики // РАЕ. 2014. № 4. С. 372–432.

Скорый 2003
Скорый С. А. Скифы в Днепровской Правобережной лесостепи : проблема выделения иранского этнокультурного элемента. Киев, 2003.

Смирнова 1963–1964
Смирнова Г. И. Дневник № 1 : Разведки Западноукраинской экспедиции 1963 г., с. 1–37; Дневник раскопок в с. Круглик в ур-ще «Могилки» 1963–1964 г., с. 24–55; Раскопки кургана 1 у с. Долиняны в 1964 г., с. 57–61 // Архив ОАВЕС ГЭ, личный фонд Г. И. Смирновой. 1963–1964. С. 1–61.

Смирнова 1966
Смирнова Г. И. Археологические исследования в Прикарпатье в 1963–1964 гг. // СГЭ. 1966. [Вып.] 27. С. 88, 89.

Смирнова 1967
Смирнова Г. И. Некоторые вопросы раннескифского периода на Среднем Днестре : по поводу статьи М. Душека // Archeologiské rozhledy. 1967. Т. 19. N 2. С. 223–235.

Смирнова 1968
Смирнова Г. И. Раскопки курганов у с. Круглик и Долиняны на Буковине // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 14–27.

Смирнова 1969
Смирнова Г. И. Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969. С. 7–34. (МИА ; вып. 150).

Смирнова 1976
Смирнова Г. И. Гавско-голиградский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна // АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 18–34.

Смирнова 1993
Смирнова Г. И. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры // РА. 1993. № 2. С. 101–118.

Смирнова 2004
Смирнова Г. И. Состояние изучения Западно-Подольской группы памятников раннескифского времени в Лесостепной Скифии в конце XX века // Kimmerowie. Scytowie : Sarmaci : Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego. Kraków, 2004. S. 405–429.

Смирнова, Кашуба 1988
Смирнова Г. И., Кашуба М. Т. О двух локальных группах культуры позднего Чернолесья на Среднем Днестре // АСГЭ. 1988. Вып. 29. С. 18–28.

Щукин 1989
Щукин М. Б. Семь сезонов славяно-сарматской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций ГЭ : сб. науч. тр. Л., 1989. С. 103–114.

Эбертс 2012
Эбертс Н. Проблема интерпретации погребальных обрядов Западно-Подольской группы раннескифской культуры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями : мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. М. П. Грязнова. СПб., 2012. Кн. 2. С. 325–332.

Бандрівський 2008
Бандрівський М. Етнокультурна ситуація на заході України у постгавський час : голіградська культура й пам'ятки латорицкої групи : проблеми хронології й періодизації // МДАПВ. Львів, 2008. Вип. 12. С. 127–161.

Бандрівський 2010
Бандрівський М. Пам'ятки середньодністровської (західноподільської) групи ранньозалізного віку в центральноєвропейській хронологічній шкалі та проблеми періодизації // МДАПВ. Львів, 2010. Вип. 14. С. 76–113.

Бандрівський 2014
Бандрівський М. Пам'ятки Верхнього Придністров'я у постголіградський час : Михалківська група (періоди НаВ3–НаС1, 950/920–730/720 рр. до нар. Хр.) // Археологічні студії. Київ ; Чернівці, 2014. С. 104–121.

Бандрівський, Крушельницька 2012
Бандрівський М., Крушельницька Л. Золоті Михалківські скарби та їх доля. Львів, 2012.

Гуцал 2000
Гуцал А. Ф. Рудковецьке городище і перший похід скіфів у придністровський лісостеп // Давня і середньовічна історія України : історико-археологічний збірник на пошану Іона Винокура з нагоди його 70-річчя. Кам'янець-Подільський, 2000. С. 69–79.

Гуцал, Гуцал 2003
Гуцал А. Ф., Гуцал В. А. Поховальні споруди в курганах Західного Поділля : за матеріалами Т. Сулімірського // Наукові праці Кам'янець-Подільського державного педагогічного університету. Кам'янець-Подільський, 2003. С. 13–20. (Історичні науки ; т. 11).

Гуцал и др. 2003
Гуцал А. Ф., Гуцал В. А., Мегей В. П., Могилов О. Д. Результати досліджень курганів скіфського часу біля с. Теклівка на Поділлі // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. : збірка наукових праць. Київ, 2003. Вип. 5. С. 90–92.

Гуцал и др., 2006
Гуцал А. Ф., Гуцал В. А., Мегей В. П., Могилов О. Д. Розкопки курганів ранньоскіфської доби біля села Колодіївка у Середньому Подністров'ї // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. : збірка наукових праць. Київ ; Запоріжжя, 2006. Вип. 8. С. 157–159.

Ключевой 1965
Ключевой Б. Під покровом стародавніх курганів // Людина і світ. 1965. № 6. С. 38, 39.

Крушельницька 1998
Крушельницька Л. І. Чорноліська культура Середнього Придністров'я : за матеріалами непоротівської групи пам'яток. Львів, 1998.

Смирнова 1977
Смирнова Г. І. Щодо поховального характеру ранньоскіфських пам'яток поблизу сіл Долиняни, Новосілки, Білоусівки // Археологія. 1977. № 23. С. 3–10.

Тимощук 1968
Тимощук Б. Дорогами предків : путівник українською и російською мовами. Ужгород, 1968.

Тимощук 1969
Тимощук Б. О. Північна Буковина – земля слов'янська. Ужгород, 1969.

Тимощук 1974
Тимощук Б. О. Зустріч з легендою. Ужгород, 1974.

Фабриціус 1951
Фабриціус І. В. До питання про топографізацію племен Скіфії // Археологія. 1951. Т. 5. С. 50–80.

Gawlik 2010
Gawlik A. Interpretation of Cultural Transformations in the Early Iron Age in South-Eastern Poland and Western Ukraine // Migration in Bronze and Early Iron Age Europe. Kraków, 2010. P. 153–172.

Hellmuth 2010
Hellmuth A. Bogenschützen des Pontischen Raumes in der Älteren Eisenzeit : Typologische Gliederung, Verbreitung und Chronologie der skythischen Pfeilspitzen. Bonn, 2010. (UPA ; Bd. 177).

László 1994
László A. Începuturile epocii fierului la est de Carpaţi. Culturile Gáva-Holihrady şi Corlăteni-Chişinău pe teritoriul Moldovei. Bucureşti, 1994. (Bibliotheca Thracologica ; Vol. 6).

Eberts 2012
Eberts N. Bestattungssitten der frühen Eisenzeit im mittleren Dnistergebiet. Westpodoler Gruppe der frühskythischen Kultur : Unpublizierte Magisterarbeit. München, 2012.

Smirnova 1965
Smirnova G. I. K otázce trácké na kruhu robené keramiky ve středním Podněstři // Archeologiské rozhledy. Praha, 1965. T. 17. N 1. S. 76–91.

Sulimirski 1936
Sulimirski T. Scytowie na zachodniem Podolu. Lwów, 1936.

В. А. Кисель

О ДВУХ ЭПИЗОДАХ СКИФСКОЙ ИСТОРИИ В СОЧИНЕНИИ ГЕРОДОТА[1]

В IV книге «Истории» Геродота, обычно называемой «Скифским логосом», представлен ряд ценных сведений о культуре скифов. Для реконструкции бытовой и духовной сферы жизни древних кочевников Северного Причерноморья исследователи часто используют два любопытных фрагмента из этого сочинения. Один из них посвящен возвращению скифов из переднеазиатского похода (Hdt. 4. 1–4), второй – появлению племени савроматов (Hdt. 4. 110–117)[2].

В первом эпизоде рассказывается, как скифские мужчины, возвратившись в Северное Причерноморье после многолетнего пребывания в Передней Азии, неожиданно столкнулись с «немалым войском». Это войско состояло из юношей, родившихся у скифских жен от рабов, оставленных в кочевьях. Согласно Геродоту, рабы были лишены зрения, так как скифы «ослепляют любого, кого возьмут в плен» (Hdt. 4. 2. 2), якобы с целью производства кумыса (?), поскольку незрячие пленники постоянно взбивают в деревянных сосудах молоко.

Сыновья рабов сначала «отрезали страну, вырыв широкий ров, растянувшийся от Таврских гор до Меотийского озера», а затем, «расположившись против пытавшихся вторгнуться скифов, вступили с ними в сражение» (Hdt. 4. 3. 2). Военные действия длились продолжительное время, но не привели никого к победе. Тогда один из скифов предложил использовать вместо оружия плети, ведь их противники по сути рабы, и, увидев плети, вспомнят об этом и «не устоят». Действительно, стоило скифам взяться за нагайки, как юноши, «ошеломленные случившимся, забыли о битве и обратились в бегство» (Hdt. 4. 4).

Другой эпизод описывает приключения амазонок, которые оказались в плену у эллинов, проиграв сражение при Фермодонте. Победители, погрузив побежденных воительниц на три корабля, отплыли на родину. В пути амазонкам удалось освободиться и перебить эллинов. Но, не имея опыта в мореплавании, они не смогли управлять судами и были выброшены на берег Меотийского озера к Кремнам. На суше амазонки захватили табун лошадей. Получив возможность мобильного передвижения, воительницы «начали грабить страну скифов» (Hdt. 4. 110. 2). Скифы, дав отпор агрессору и осмотрев

[1] Автор посвящает статью А. Ю. Алексееву – одному из наиболее интересных и ярких современных скифологов. Он выражает искреннюю благодарность А. Ю. Алексееву за многочисленные полезные советы и ценные замечания, сделанные в течение тридцати лет знакомства, а также за неизменную благожелательность, внимание и поддержку.

[2] Здесь и далее использован перевод И. А. Шишовой (Доватур и др. 1982).

трупы, поняли, что имеют дело с женщинами. Посовещавшись, они решили не убивать амазонок, а победить их мирным путем. По Геродоту, «скифы задумали это, желая, чтобы от этих [женщин] родились у них дети» (Hdt. 4. 111. 2). Для осуществления плана был собран отряд юношей. Их обязали не вступать с амазонками в вооруженные столкновения, а только находиться все время поблизости. Проведя некоторое время вблизи друг от друга и занимаясь одним и тем же, то есть охотой и грабежом, юноши и амазонки объединились в один лагерь.

Произошло это следующим образом. Каждый день в полдень амазонки «расходились по одной и по две, рассеиваясь для естественных надобностей далеко друг от друга» (Hdt. 4. 113. 1). Как-то раз один из скифских юношей встретился с амазонкой и та «не оттолкнула его, но позволила вступить с ней в связь» (Ibid.). Немного погодя и остальные женщины нашли себе брачных партнеров. Подчинив себе амазонок, юноши захотели перебраться вместе с ними в скифские становища. Однако те отказались, заявив, что не смогут освоить образ жизни скифских женщин, и будет лучше, если юноши, забрав свое имущество, отделятся вместе с ними от скифов. Когда же юноши получили долю собственности, амазонки предложили им вообще уйти из скифской земли, сославшись на боязнь мести со стороны скифов за нанесенные обиды. Так они и поступили, переправившись через реку Танаис. Потомки юношей и амазонок стали называться савроматами.

Описание амазонок у Геродота дано очень скупо, вернее, оно практически отсутствует. Скорее всего, автор был уверен в осведомленности современников и не желал лишний раз повторять общеизвестные сведения. Нынешний же читатель порой не располагает этими знаниями, поэтому для лучшего восприятия рассказа приведем некоторые данные.

Согласно литературным и фольклорным источникам, амазонки – это агрессивные и жестокие женщины-воительницы. По античным и средневековым памятникам письменности, они предпочитали сражаться верхом на конях (Косвен 1947а. С. 34, 37, 38, 43, 46, 55). У амазонок отсутствовала правая грудь, которая прижигалась еще в детстве якобы для лучшей стрельбы из лука или метания копья[1] (Косвен 1947а. С. 34–37, 53; Косвен 1947б. С. 4, 5, 11, 13, 14, 21, 24). «Безгрудость» также объяснялась (правда, крайне редко) принадлежностью амазонок к культу Артемиды Эфесской. Считалось, что женщины приносили в дар богине свои отрезанные груди (Ельницкий 1961. С. 27)[2]. Местом проживания амазонок античные источники чаще всего называли Малую Азию и чуть реже – Кавказ (Косвен 1947а. С. 35–37). Для получения потомства воительницы вступали в половые связи с мужчинами-соседями, переходя для этого раз в год реку, окружавшую их владения, или взбираясь на пограничную гору (Косвен 1947а. С. 35, 37, 38, 41, 43, 46, 49, 50, 53, 55; Косвен 1947б. С. 7, 8, 10, 14, 15). Родившихся сыновей амазонки убивали, отдавали соседям либо калечили, ломая ноги, а порой и руки (Косвен 1947а. С. 34–36,

[1] Такая трактовка увечья античными авторами представляется странной. По их логике мужчинам для улучшения воинских качеств следовало бы практиковать кастрацию, так как в битве половой член нередко служит существенной помехой. Вспоминаются строки из «Гавриилиады» А. С. Пушкина: «По счастию проворный Гавриил / Впился ему в то место роковое / *(Излишнее почти во всяком бое)*, (курсив наш. – *В. К.*)/ В надменный член, которым бес грешил. / Лукавый пал, пощады запросил / И в темный ад едва нашел дорогу» (Пушкин 1960. С. 132).

[2] Это объяснение также вызывает ассоциацию с кастрацией, поскольку над жрецами богини Кибелы (подобие Артемиды) практиковалось оскопление (Котляр 1991. С. 647).

41–43, 45, 46, 50, 53–57; Косвен 1947б. С. 4–7, 9–16, 18, 24, 27)[1]. Расправа с мальчиками требовалась для предотвращения возможного восстания и свержения власти женщин[2], а также для предупреждения побегов (Косвен 1947а. С. 34, 37, 42, 45). Нанесение увечий представителям низкостатусных социальных групп не удивительно, поскольку так поступали многие народы. Например, в Древнем Риме, чтобы воспрепятствовать побегам пленных, им подрезались ножные сухожилия. Наказанием же беглым рабам служило увечье или отрубание ног (Петроний 1991. С. 367. Прим. 2; Кифер 2003. С. 109).

Несмотря на явно легендарную основу рассказов Геродота, исследователи (особенно археологи) искали и продолжают искать историческую подоплеку описанных событий. Наиболее часто анализировался эпизод возвращения скифов. Так, А. П. Смирнов и Б. Н. Граков в противоборстве скифов и сыновей рабов видели отражение классовых конфликтов в скифском обществе и наличие в нем индивидуального и коллективного рабства (Смирнов 1966. С. 144; Граков 1971. С. 36).

М. И. Ростовцев и М. И. Артамонов предположили, что в описанном столкновении зафиксирован отголосок межплеменной борьбы за владение землями. По М. И. Ростовцеву, образ мятежных юношей скрывал за собой киммерийцев, а по М. И. Артамонову – скифов-номадов, остававшихся в Северном Причерноморье во время переднеазиатских походов «царских» скифов (Артамонов 1974. С. 70, 71; Ростовцев 2002. С. 34, 35).

Л. А. Ельницкий тоже пытался найти этническую основу в геродотовом сообщении. Исследователь рассмотрел отрывок из сочинения Домития Каллистрата (конец II – I в. до н. э.), в котором говорилось о племени сатархеев, населявших область Тафра, окруженную рвами, выкопанными потомками скифских рабов, и сопоставил его со сведениями Страбона о тафриях (τάφρος – ров; τυφλός – слепой, болотистый)[3], проживавших на побережье Керкинитского залива в северо-западном Крыму[4]. Анализ отрывков привел Л. А. Ельницкого к выводу, что «слепые рабы» в действительности – реальный пастушеский народ (Ельницкий 1961. С. 91, 92).

А. М. Хазанов, согласившись с мнением, что за слепыми рабами скрываются какие-то древние племена, скептически отнесся к утверждению Геродота об ослеплении скифами абсолютно всех рабов и подчеркнул отсутствие причинной связи между этим обычаем и приготовлением молочных напитков (Хазанов 1975. С. 133, 155, 156).

А. И. Иванчик, подробно разобрав труды античных писателей, пришел к заключению, что скифские переднеазиатские походы соответствовали известным из этнографии осетинским *балцам* – набегам за добычей[5]. Кроме того, он высказал предположение о существовании у скифов обычая, аналогичного осетинскому, по которому

[1] Эней Сильвий Пикколомини (1405–1464) в «Истории Богемии» утверждал, что амазонки древней Чехии выжигали мальчикам правый глаз и отрезали большой палец на правой руке (Косвен 1947а. С. 45). Другую судьбу сыновей амазонок рисует миф тробрианцев (киривина, киливила), записанный Б. Малиновским. Согласно ему, мальчики погибали от истощения в результате насильственных сексуальных связей с матерями и их подругами (Косвен 1947а. С. 59).

[2] У Эфора (IV в. до н. э.) в передаче Стефана Византийского (VI в. н. э.) описан подавленный мятеж сыновей амазонок (Косвен 1947а. С. 34). Иной итог рисует каракалпакская легенда, опубликованная Н. П. Каразиным. По ней, мужчинам, во главе с сыном ханши, все-таки удалось победить женщин (Там же. С. 42–43).

[3] Иную расшифровку предложили исследователи, использовавшие не древнегреческий, а древнеиндийский язык. По О. Н. Трубачеву, сатархи – это «семь жребиев?/уделов?» (Трубачев 1999. С. 272). Согласно же В. П. Яйленко, сатархи = тафрии – «расположенный по эту сторону вала» (Яйленко 2013. С. 114).

[4] Правда, Аммиан Марцеллин (ок. 330–400 гг. н. э.) называл потомками скифских рабов синдов. Сходного мнения, видимо, придерживался и Валерий Флакк (I в. н. э.) (Иванчик 2005. С. 225; Яйленко 2013. С. 64).

[5] Можно назвать и другие типы грабительских походов, такие как стар, хатан (осетины), аламан (туркмены).

жена воина, ушедшего в поход, через некоторое время имела право снова выйти замуж[1]. Греки же, столкнувшись с таким правилом, могли интерпретировать его как измену скифских жен. В основе рассказа Геродота А. И. Иванчик увидел фольклорный сюжет, восходящий к скифской эпической традиции (Иванчик 2005. С. 184, 225, 226).

О скифском фольклоре как источнике мотива усмирения плетями сыновей рабов писал также В. П. Яйленко. Исследователь категорично заявил: «Несомненно, это байка (баячь, как сказал бы Велемир Хлебников), ходившая в роду владык царских скифов, так как все сведения о них Геродот получил от Тимна, служившего при царе Ариапифе» (Яйленко 2013. С. 108. Прим. 213).

По-видимому, сходной точки зрения придерживался и В. Ю. Мурзин, заметивший, что слепота рабов – это «неправильная трактовка информации, переданной скифами автору „Истории“» (Мурзин 2014. С. 44).

Некоторые археологи попытались обосновать реальность победы скифов с помощью плетей. Наиболее радикальную позицию занял А. П. Бородовский, который описал возможную систему боя этим «специфическим оригинальным ударным оружием» (Бородовский 1987. С. 35–38).

В противовес археологам фольклористы и этнографы с большим сомнением отнеслись к историчности рассказа. Ж. Дюмезиль подчеркнул, что геродотов текст в роли хроники реальных событий представляется абсурдным, «но он выглядит вполне нормально, если повествование рассматривать как сказание, облаченное в исторические одежды» (Дюмезиль 1996. С. 82). Исследователь предположил, что Геродотом была записана скифская этиологическая легенда, объяснявшая существование «большого рва» на землях скифов. Кроме того, Ж. Дюмезиль привел внушительное число сказаний о приключениях сыновей насильственно ослепленного родителя, тем самым выявив фольклорную основу рассказа «Истории». Правда, ученый отказался от уверенного установления тождества между ними (Там же. С. 91).

Развивая наблюдения Ж. Дюмезиля, В. Н. Басилов проанализировал геродотов рассказ в русле волшебной сказки. Использовав разработки В. Я. Проппа, он пришел к выводу, что «в сообщении Геродота слышатся слабые отзвуки степных эпических преданий о чудесном богатырском коне, на котором совершал (немыслимые для обычного человека) подвиги герой – прототип отчаянного смельчака Кёр-оглы (Гёр-оглы) (сын слепого. – *В. К.*)» (Басилов 1996. С. 106). Однако при обосновании своего заключения В. Н. Басилову пришлось прибегнуть к искажению оригинала: незрячих скифских рабов он трактовал как конюхов, а ослепление связал с тайным знанием, ритуальным посвящением и потусторонним миром (Там же).

Более убедительно лишение зрения у рабов трактовали Ф. Г. Мищенко и Э. А. Грантовский. Они сочли его наказанием пленников за вступление в незаконную связь с женами скифов (Мищенко 1900. С. 117–123; Грантовский 1980. С. 148, 149).

Э. А. Грантовский, вслед за А. И. Доватуром (Доватур 1957. С. 73, 82), пришел к выводу, что Геродот почерпнул рассказ о возвращении скифов не из скифского фольклора, а из греческой городской традиции (Грантовский 1980. С. 150).

[1] Вероятно, нечто подобное практиковалось и в Древней Руси. В некоторых былинах говорится, что Добрыня Никитич перед отъездом в далекие края наказывал жене ждать его трижды по три года, а по прошествии этого срока выйти замуж за другого (Пропп 1999. С. 280).

Второй эпизод «Истории», связанный с амазонками, использовался учеными для восстановления реальных событий гораздо реже. Видимо, в этом сказалось присутствие популярного мифологического персонажа – амазонок. Как показали работы этнографов, сказания о воительницах бытовали у большинства народов мира. Внушительная подборка таких мифов, легенд и сказок была опубликована М. О. Косвеном (Косвен 1947а; Косвен 1947б). Впоследствии ее расширили Ю. Е. Березкин, Т. М. Калинина, О. Колобова и В. Иванов (Березкин 2007. С. 207, 208; Березкин 2013. С. 148–151; Березкин 2015. F8, F45; Калинина 2010. С. 343–346; Ивик 2011). Многие ученые занимались анализом этих сказаний, однако единая точка зрения так и не наметилась. Амазонки до сих пор остаются наиболее загадочным и интригующим образом в мировой мифологии.

В целом амазонская тематика рассматривалась в двух различных направлениях: историко-этнографическом и религиозно-мифологическом[1]. В первом случае в образе амазонок видели конкретный народ[2] или же проявление культурных особенностей некоторых этносов[3]. Во втором случае амазонский миф воспринимался как аллегория[4].

Нередко исследователи для обоснования своего мнения использовали сразу оба подхода. В последнее время число сторонников религиозно-мифологического направления неуклонно растет. Несмотря на это, большинство археологов продолжает настаивать на исторической основе сказаний об амазонках. Чаще всего упор делается на социальные и бытовые черты кочевых народов, а также на высокий статус женщин в ряде древних обществ.

Необходимо отметить, что некоторые ученые, разбирая сочинение Геродота, видели в нем многожанровое и многокомпонентное произведение и относились настороженно к его документальной ценности. Так, М. И. Ростовцев справедливо замечал: «Несомненным представляется только одно, что лично жизни скифов он (Геродот. – *В. К.*) не наблюдал и что в его рассказе причудливо смешаны сведения, имевшиеся о скифах у ольвийцев и данные литературного предания, дававшие характеристику скифов или, может быть, даже кочевников вообще, а не специально жизни и быта скифов на берегах Черного моря» (Ростовцев 2002. С. 47).

Л. А. Ельницкий тоже настаивал, что «геродотов рассказ нельзя понимать буквально, без критики», поскольку в нем присутствуют «разноречивые источники», содержащие сведения не только по европейским, но и закаспийским скифам, а также данные доскифского времени (Ельницкий 1961. С. 101, 102).

---

[1] Обширные списки трудов, посвященных амазонкам, даны в работах В. Тирелла, К. Доудена, Т. В. Богаченко, А. В. Котиной (Tyrell 1984; Dowden 1997; Богаченко 2005; Котина 2012). Чтобы не перегружать статью перечислением множества книг и статей, автор привел ссылки лишь на небольшую часть публикаций.

[2] Например, амазонок относили к хеттам (Leonhard 1911), киммерийцам и скифам (Ельницкий 1961. С. 35, 36; Ростовцев 2002. С. 31, 32), савроматам и сарматам (Граков 1947. С. 100; Смирнов 1964. С. 200–202; Смирнов 1966. С. 86; Рыбаков 1979. С. 53, 54; Скрипник 1988. С. 39; Кузнецов 1980).

[3] Среди таких особенностей фигурировали матрилинейность (Вардиман 1990. С. 35–37; Бахофен 1996. С. 257, 258, 263–267; Мавлеев 1981. С. 17, 18), специфика кочевого быта (Плетнева 1988. С. 536, 537; Гуляев 2002. С. 132, 133; Ковалевская 2010. С. 73, 74), необычные обряды перехода (Жирмунский 1962. С. 29, 115–118; Иванчик 2005. С. 185, 222), нетипичная внешность (Вейденбаум 2010. С. 21–25, 36–44).

[4] Миф мог выступать метафорой сексуального противоборства (Hartog 1988. P. 223, 224, 259; Косматова 2001. С. 300; Крупа 2002), отражением «коренных архетипов мифологического сознания» и «традиционной мифологической картины мира» (Чернышев 2007. С. 219; Калинина 2010. С. 346), воспроизведением реалий культовой практики (Мачинский 1978. С. 137, 138; Ронкин 1998; Bennett 2004; Маразов 2006. С. 70; Шауб 2007. С. 76, 109–111, 379, 399; Котина 2012).

Еще более категорично высказался С. Я. Лурье, утверждавший, что Геродот «не смог увидеть резкой разницы между сказочным материалом, относящимся к незапамятным временам, и историческими фактами ближайшего времени» (Лурье 1947. С. 149, 150).

М. Л. Гаспаров обратил внимание на художественные особенности «Истории» и определил, что ее создатель «работал, строя свое целое из эпизодов-логосов, как эпический поэт из эпизодов-рапсодий» (Гаспаров 1997. С. 489). Поэтому «в Геродоте мы видим как бы Гомера за работой» (Там же).

В том же русле высказалась М. В. Скржинская: «В его (Геродота. – *В. К.*) сочинении историческая новелла представлена в самых разнообразных стилистических аспектах. На одном полюсе – развернутая во многих подробностях новелла, отражающая все богатство фольклорного источника; на другом – переработка народных рассказов в стиле ионийской научной прозы» (Скржинская 2001. С. 112).

Рассматривая рассказы «Истории», бросается в глаза одна характерная черта. Оба эпизода при внешних различиях имеют сходные структурные элементы и созданы по единой схеме. Для сравнения приведем их в таблице:

	Рассказ о возвращении скифов	**Рассказ о появлении савроматов**
1	*Юноши*	
	Дети скифских жен и рабов	Дети скифов
2	*Взрослые скифы*	
	Антагонисты юношам	Антагонисты амазонкам
3	*Покушение на скифское имущество*	
	Сопротивление юношей подлинным хозяевам – скифам	Грабежи амазонок и юношей, отчуждение доли юношей из общескифской собственности
4	*Отстаивание скифами своей страны*	
	Возвращение земли, захваченной юношами	Противостояние грабежам амазонок
5	*Женщины как причина вооруженных столкновений*	
	Рождение у скифских жен детей от рабов	Агрессивная природа амазонок
6	*Незаконная половая связь*	
	Измена скифских жен с рабами	Спланированные случайные половые контакты между юношами и амазонками
7	*Нетипичное решение военного конфликта*	
	Усмирение юношей плетями	Уклонение юношей от вооруженного столкновения с амазонками, перетекшее в матримониальные отношения
8	*Преграда на пути в Скифию*	
	Ров, выкопанный юношами	Река Танаис между землями скифов и савроматов
9	*Упоминание о Ближнем Востоке*	
	Возвращение скифов из Передней Азии	Принудительное оставление амазонками Малой Азии

Такая схема, или конструкция, использовалась Геродотом неоднократно. Например, в VI книге «Истории» аналогично описывается столкновение аргосцев и рабов (Hdt. 6. 83)[1]. Здесь также присутствуют основные элементы сказания: *юноши* (сыновья аргосцев, погибших в войне со спартанцами), *покушение на имущество* (рабы захватывают Аргос), *отстаивание своей страны* (подросшие сыновья погибших аргосцев изгоняют рабов). Остальные детали из-за краткости этого рассказа Геродота восстанавливаются гипотетично: *незаконная половая связь* (кроме имущества, рабы, очевидно, захватывают и женское население Аргоса), *преграда на пути* (под Аргосом протекает река Харадр (Ксириад), изгнанные рабы покоряют Тиринф, который расположен на холме), *нетипичное решение военного конфликта* («Этот человек [прорицатель Клеандр. – *В. К.*] убедил рабов напасть на своих господ. С тех пор началась у них долгая война, **пока наконец аргосцы с трудом не одолели врага**» (выделено нами. – *В. К.*) (Hdt. 6. 83)). В эпизодах о возвращении скифов и аргосском противостоянии имеется и общий второстепенный персонаж – советчик: у скифов – безымянный скиф, у аргосцев – Клеандр.

Подобное конструктивное построение сюжета было характерно не только для «Истории». Оно встречается во многих эпических произведениях, в частности, в «Илиаде»[2].

Внутреннее сходство эпизодов о возвращении скифов и появлении савроматов на первый взгляд предполагает наличие исходного цельного повествования, разбитого Геродотом на две части. Однако вряд ли это было в действительности. Серьезным противоречием служит принадлежность центрального образа – юношей – к различным социальным группам (в «возвращении скифов» – незаконнорожденные сыновья рабов, в «появлении савроматов» – полноправные члены скифского племени).

Более того, отсутствие единого текста доказывают «Филипповские истории» Помпея Трога (I в. до н. э. – I в. н. э.), известные в передаче Марка Юниана Юстина (III в. н. э.) (Just. 2. 4–5)[3]. В них описаны сходные эпизоды скифской истории, воспроизведенные в иной редакции, нежели у Геродота. Согласно «Филипповским историям», скифы, вернувшись из Передней Азии, обнаружили, что их жены вступили в связь с рабами, оставленными для охраны стад. Между рабами и бывшими хозяевами развязалась война, которая длилась с переменным успехом. Наконец скифам был дан совет «расстаться с мечами и заготовить розги, плети и прочие орудия, которые внушают страх рабам» (Just. 2. 5. 4). Рабы, увидев это, испугались и бежали. «Те из них, кого удалось захватить, были распяты на крестах» (Just. 2. 5. 6) (Помпей Трог описал наказание в соответствии с римской традицией). Скифские же жены, «знавшие за собой вину, сами закололись или повесились» (Just. 2. 5. 7) (тоже вполне в духе античных обычаев).

В другом эпизоде рассказывается, как два скифских юноши, происходившие из царского рода, Плин и Сколопит, изгнанные интригами знати, собрали отряд из молодых скифов и ушли в Каппадокию на реку Фермодонт. Здесь скифская молодежь занялась грабежами и разбоем, длившимися много лет. После того как местные жители объединились и перебили юношей, их жены вооружились и продолжили дело мужей[4].

---

[1] На структурное сходство рассказов о возвращении скифов и аргосском мятеже указывал еще А. И. Доватур (Доватур 1957. С. 73).

[2] А. Ю. Алексеев – устное сообщение.

[3] Здесь и далее перевод А. А. Деконского, М. И. Рижского. Цит. по: Юстин 2005.

[4] Непонятно, откуда у юношей появились жены. Исходя из текста, можно заключить, что в Скифии они были холостыми. По-видимому, обретение жен произошло уже в Малой Азии. И хотя Помпей Трог утверждал, что «их (скифов. – *В. К.*)

Женщины создали свое царство, уничтожив при этом даже мужчин, оставшихся в своем лагере. Впоследствии они получили имя амазонок. Для продолжения рода воительницы стали вступать в связи с соседями. Родившихся мальчиков убивали, а девочек, лишив правой груди путем прижигания, обучали военному делу и охоте (Just. 2. 4. 1–11).

Эпизоды о возвращении скифов у Геродота и Помпея Трога в общих чертах сходны. Рассказы же об амазонках сильно отличаются. Очевидно, в первом случае для авторов образцом послужили два варианта одного и того же сказания. Во втором же случае источниками явились два текста различных интерпретаций какого-то раннего предания[1]. При этом создается впечатление, что текст в «Филипповских историях» ближе к протографам.

Текст Геродота, в отличие от текста Помпея Трога, вызывает ощущение незаконченности, недосказанности. Так, в рассказе о возвращении скифов удивляет необходимость ослеплять рабов «ради молока, которое они (скифы. – *В. К.*) пьют» (Hdt. 4. 2. 1), непонятна роль слепых рабов в мятеже, ничего не сказано о судьбах юношей, рабов и скифских жен после разгрома. В рассказе о появлении савроматов кажется необъяснимым участие юношей в грабежах на родной земле. Этим странностям можно найти два объяснения. Первое – Геродот стремился создать цельное художественное произведение и переработал источники достаточно произвольно, отредактировав их в общем ключе и сведя рассказы к единой схеме. Второе – Геродоту пришлось использовать отдельные, разрозненные фрагменты текстов (ущербность письменного источника, работа по памяти), которые он компоновал по своему усмотрению, следуя опять же одной схеме.

Теперь необходимо перейти к более подробному анализу каждого эпизода.

Упомянутый Геродотом скифский обычай лишать пленников зрения, безусловно, требует тщательного изучения. Опираясь на аналогию калечения амазонками сыновей, можно, вслед за рядом исследователей, трактовать это как профилактику бунтов и побегов (Доватур и др. 1982. С. 203. Прим. 126). Однако более вероятно, что в рассказе, послужившем образцом Геродоту, была отражена не реальная (или псевдореальная) этнографическая черта, а представлена аллегорическая ситуация. Как известно, слепота в культурологическом аспекте – многозначное понятие. В античной мифологии одним из ее проявлений служило наказание за сексуальные преступления[2]. К тому же отметим, что в ряде культур понятия «слепой» и «кастрированный» часто синонимичны (Дьяконов 1990. С. 131; Богданов 2001. С. 115, 153).

женщины положили начало царству амазонок» (Just. 2. 1. 3), скорее всего, он имел в виду не настоящих скифянок, а малоазиек, которых приписал к скифскому племени по причине замужества.

[1] Сходная ситуация, согласно А. И. Доватуру, наблюдается в истории Креза, пересказанной Геродотом и Ксанфом (первая половина V в. до н. э.) в интерпретации Николая Дамасского (ок. 64 г. до н. э. – начало I в. н. э.). У обоих авторов описана расправа Креза над своим врагом, интриговавшим против его вступления на престол. А. И. Доватур предположил, что «краткий рассказ Геродота и подробный рассказ Ксанфа представляют собой не две передачи одного и того же предания, а отражения двух противоположных по своим тенденциям версий этого предания» (Доватур 1957. С. 83, 84).

[2] Согласно подборке К. А. Богданова, «за насилие над своей наложницей беотийский царь Аминтор ослепляет своего сына Феникса; Ойнопион Хиосский ослепляет великана Ориона за насилие над его дочерью; царь Эпира Эхет выжигает глаза своей дочери Метопе за связь с неким чужеземцем Эхмодиком; Эдип ослепляет сам себя за связь с матерью («Эдип-царь» Софокла); Тиресий ослеплен за то, что увидел обнаженную Афину» (Богданов 2001. С. 115). Добавим, что Анхис лишился зрения за разглашение своей тайной связи с Афродитой (Ярхо 1991. С. 90), жена Финея выколола глаза сыновьям в отместку за измену мужа («Антигона» Софокла) (Софокл 1988. С. 212).

Возможным указанием на это у Геродота служит упоминание о взбивании молока слепыми рабами. У многих народов взбивание, пахтанье, толчение, давление символизируют и акт мироздания, и обычный половой контакт (Львова и др. 1988. С. 20, 21, 120–122, 129–134; Семенов 1990. С. 32; Эрмин 1991. С. 536; Боккаччо 1992. С. 484, 487; Русский эротический фольклор 1995. С. 13, 17, 18, 154, 168, 183, 205, 206, 222, 223, 229, 243, 376, 388, 394, 401, 402, 414, 415, 419, 420, 429; Бадмаев 2005. С. 116; Юдин 2007. С. 26, 27; Арсеньев 2011. С. 340–342). Поэтому не исключено, что нарисованная в «Истории» картина – слепые рабы постоянно взбивают молоко в деревянных чанах – отражала не реальный быт скифского кочевья, а иносказательно описывала кару, постигшую пленников, нарушивших половой запрет.

Очевидно, в первоисточнике замечание об ослеплении рабов не предваряло эпизод возвращения скифов, как у Геродота, а служило концовкой истории подавления бунта юношей[1].

Ранее уже упоминалось, что Ж. Дюмезиль обозначил связь между детьми слепых рабов в «Истории» со сходными персонажами сказаний народов Кавказа, Малой и Средней Азии (Дюмезиль 1996. С. 82–90). Думается, что эта параллель указывает на существование общего прототекста в фольклорной и литературной традиции. Доказательством может служить древнеегипетская литература. В XIII в. до н. э. в Египте была написана сказка «Правда и Кривда», где главными мотивами являлись ослепление как наказание за преступление (здесь ложное), совращение слепого знатной женщиной, превращение слепого в слугу, месть сына слепого за отца (Сказки и повести Древнего Египта 1979. С. 103–107). Различные варианты этой сказки известны у ряда народов мира (Пропп 1984. С. 227–230). В рассказе Геродота мотивы «Правды и Кривды» также присутствуют, хотя и в завуалированном виде.

Сюжет о приключениях слепого и его сына известен не только в земледельческом фольклоре, но и в кочевническом. Впрочем, мотив ослепления как наказания за нарушение полового табу у кочевников отсутствует. Видимо, в «Истории» мы сталкиваемся с «бродячим» мотивом, восходящим к оседлым земледельческим культурам и никакого отношения не имеющим к реальной скифской истории.

Обращает на себя внимание и необычный способ, с помощью которого скифы одержали победу над сыновьями рабов – применение плетей. По Геродоту, скифы прибегли к нему лишь в последнюю очередь, то есть как к крайнему средству. Однако особая эффективность этих предметов в сражении не находит подтверждения ни в письменных памятниках, ни в этнографии.

Одним из самых убежденных приверженцев идеи исключительных боевых качеств плетей является А. П. Бородовский. Исследователь, опираясь на сочинение Геродота, попытался восстановить тактику скифского боя нагайками. Для реконструкции он привлек упоминания в тувинском и хакасском фольклоре о «специальном ударе плетью по голове противника» и свидетельства Ч. Ч. Валиханова об использовании нагаек в качестве оружия у казахов (Бородовский 1987. С. 35, 36). Но никакой технической

[1] Такая перестановка, осуществленная Геродотом или его предшественником, не должна вызывать удивления. Как отмечал В. Б. Шкловский, анализируя фольклорные и литературные тексты, «совершенно непонятно, почему при заимствовании должна сохраняться последовательность мотивов. При свидетельских показаниях, именно последовательность событий сильнее всего искажается… Если по композиционным причинам автору нужно было связать два куска, то он не стремится сделать эту связь причинной» (Шкловский 1929. С. 26, 55).

специфики в ударе плетью по голове в эпосе и сказках тувинцев и хакасов не обнаруживается. В работе же Ч. Ч. Валиханова вообще отсутствуют подробности о боевом применении нагаек. Более того, там сказано, что они, наряду с укрюками (березовыми палками) и суилами (сойылами, березовыми дубинами, правильнее, шокпар. – *В. К.*) (см. Курылев 1978. С. 7), служили казахам «в обыкновенное время для охраны скота и домашних драк» (Валиханов 1985. С. 35). Казахи прибегали к нагайкам также на охоте и при междоусобных столкновениях, но в последнем случае исключительно с целью избежать смертельного исхода (Курылев 1978. С. 10, 11). Вместе с тем Геродот прямо указывал, что сражения скифов с сыновьями рабов отличались особым упорством и кровопролитием: «Так как скифы не могли добиться превосходства на поле в многократных битвах, один из них сказал следующее: „Что же мы делаем, мужи скифы! Сражаясь с нашими рабами, мы и сами, погибая, становимся малочисленнее, и, убивая их, мы впредь будем властвовать над меньшим их числом“» (Hdt. 4. 3. 3). Поэтому версия о нагайке как реальном высокоэффективном оружии представляется ошибочной.

Следует заметить, что этнографические материалы и фольклорные данные все же позволяют выявить особую роль плетей в кочевом мире, но только в религиозно-магической сфере. Так, у тюркских и монгольских народов они выступали в качестве оберегов, амулетов и шаманских атрибутов (Алексеев 1980. С. 54, 68, 159, 169; Липец 1984. С. 82; Львова и др. 1988. С. 192, 193; Коновалов 2011. С. 232; Ачимова 2012. С. 25, 29). Несмотря на древность этих представлений, предполагать их отражение в «Истории» не приходится. В ней нет и намека на какую-либо сакральную функцию нагаек. Геродот, как и Помпей Трог, вполне определенно указывал на основную в его понимании роль плетей – наказание и устрашение рабов, что вполне соответствовало главному их назначению в Древней Греции и Риме (Купер 1991. С. 32–36, 38, 40, 286–289, 291–304).

Немаловажной деталью геродотова рассказа является ров, вырытый сыновьями рабов. Сооружение валов, рвов и стен – обычные оборонительные действия при ведении войны. Например, в 480 г. до н. э. царь Леонид во главе спартанцев, феспийцев и фиванцев перекрыл каменной стеной Фермопильское ущелье и дал последний бой армии персидского царя Ксеркса; в IV в. до н. э. тиран Сиракуз Дионисий Старший «пытался перегородить стеной перешеек (Скиллетский перешеек в Италии. – *В. К.*) под предлогом обеспечения безопасности жителей перешейка от внешних варваров» (Strab. 6. 1. 10); в конце IV в. до н. э. – XVI в. н. э. китайцы для защиты от набегов кочевых племен создали целую систему заградительных стен; в 71 г. до н. э. проконсул Марк Лициний Красс отрезал рвом и укреплениями выход войску Спартака из Калабрии; в I в. н. э. римляне, обороняясь от нападений варваров, укрепили границы страны валами и крепостями; в 58 г. н. э. Цезарь, ожидая нападения гельветов, возле Леманского (Женевского) озера соорудил вал и ров; в 70 г. н. э. Тит Флавий Веспасиан окружил стеной восставший Иерусалим (Разин 1955. С. 106, 107, 154, 411, 530; Страбон 1964. С. 241, 242; Горончаровский 2009. С. 198, 199). Однако подобная тактика была присуща в основном оседлому населению (Блаватский 1954. С. 100–105, 133, 135, 155, 158; Першиц 1994. С. 178). Использование кочевниками рвов, валов и стен относится к более позднему периоду – Средневековью (Длужневская, Варламов 1984. С. 128–130; Бобров, Худяков 2008. С. 539, 559, 574–576, 617, 618, 643, 654, 655, 666). Да и тогда наиболее популярными средствами обороны кочевников оставались телеги, станковые щиты,

«рогатки», стреноженный скот, лошади и верблюды. Если согласиться с исторической реальностью рассказа Геродота, то в таком случае упоминание рва, выкопанного сыновьями рабов и скифянок, будет первым и единственным (!) письменным свидетельством использования подобных сооружений скифами. Скорее всего, греки-переселенцы просто приписали кочевникам авторство древнего рва, существовавшего еще до основания колоний.

Некоторые исследователи указывали на то, что интрига в рассказе о возвращении скифов – мятеж незаконнорожденных (представителей низкостатусного слоя общества) – восходит к греческим историям о восстаниях рабов и их подавлениях (Доватур 1957. С. 73; Доватур и др. 1982. С. 205. Прим. 133). При этом и эпизод Геродота, и греческие сказания в общих чертах сходны с эпосами и богатырскими сказками многих народов мира. Все они имеют близкие мотивы: герой (герои) покидает родину и свою женщину (мать, жену, сестру, а иногда и всех троих), случается несчастье – нападение врага (врагов), измена жены или сестры, возвратившийся герой (герои) побеждает противника и наказывает его и провинившуюся женщину (Путилов 1988. С. 172–174). Кроме того, в геродотовом рассказе можно уловить и типичное эпическое противопоставление «свой – чужой». Вернувшиеся скифы, несомненно, представляют «свой» мир, юноши и слепые рабы – «чужой» мир. Должно быть, «чужими» являются и скифские жены-изменницы. В эпосах и богатырских сказках нередко фигурирует женский персонаж, вредящий герою, – ложная суженая. Эта женщина «не соответствует нормам богатырского кодекса (предательница, неверная, готовая соблазниться корыстными предложениями)» (Там же. С. 130). Кстати, в эпических произведениях мотив предательства (часто женского) – один из наиболее характерных и архаических (Там же. С. 170, 173–175, 188, 189; Мелетинский 2005. С. 128–132). Примером служит «троянский цикл» греков, согласно которому одним из поводов десятилетней войны стала измена мужу Елены Прекрасной.

Типичным для эпической традиции является и использование нестандартного оружия. Например, в русских былинах герой бьется с врагами, схватив за ноги татарина, «ослядь тележную», сапог, «клюку сорочинскую» = «дорожную шелапугу», вырвав из земли «лесину»[1] или швырнув в неприятеля «сороцынской колпацёк» = «шляпу земли греческой», а иногда прибегает и к «шемаханской плеточке» (!)[2] (Былины 1986. С. 141, 149, 281, 291, 292, 308, 313, 552; Путилов 1988. С. 78; Пропп 1999. С. 194, 195, 197, 200, 204, 234–239, 338, 389, 392, 394; Веселовский 2013. С. 20, 23, 25, 34, 393).

Многие «темные места» рассказа Геродота находят объяснения благодаря «Филипповским историям». Логичный и завершенный фрагмент Помпея Трога, как уже было указано, более соответствует исходному сказанию. Кроме того, у Помпея Трога фигурирует стандартная для эпоса и сказки числовая символика: «скифам *трижды* удавалось добиться господства над Азией» (Just. 2. 3. 1), «на покорение Азии скифы потратили *15* (3 × 5. – *В. К.*) лет» (Just. 2. 3. 16), столкновение с рабами произошло «после *третьего* похода в Азию» (Just. 2. 5. 1)[3] (курсив наш. – *В. К.*). Поэтому следует с доверием отнестись

[1] Такой же «лесиной» вооружается богатырь в якутской легенде (Ксенофонтов 1977. С. 71, 72).

[2] «Вынимал-то плетку из карманчика, /Бьет змею да своей плеточкой, – / Укротил змею, аки скотину», – сообщает былина о Добрыне Никитиче (Пропп 1999. С. 204).

[3] «Охотиться на девять лет на Алтай [свой] я поеду», «на тридцать лет отец уехал, за тридцать лет уже перевалило», – говорится в алтайском эпосе «Алтай-Буучай» (Суразаков 1985. С. 133, 147). В якутских легендах имеются

к концовке рассказа о подавлении мятежа, приведенной в «Филипповских историях», но отсутствующей у Геродота, то есть гибели скифских противников и неверных жен. Жестокость наказания также вписывается в эпическое и сказочное русло (Лурье 1947. С. 137; Путилов 1988. С. 112, 113).

Используя «Историю» и «Филипповские истории», можно попытаться восстановить сказание, явившееся первоисточником рассказов Геродота и Помпея Трога.

Скифы, совершив третий поход на Ближний Восток, вернулись на родину. Но там они столкнулись с неприятельским войском, состоявшим из оставленных в кочевьях молодых рабов. Эти рабы за время отсутствия скифов вступили в связь со скифскими женами. После нескольких (трех?) сражений скифы одержали победу благодаря плетям, которые напомнили рабам об их подчиненном положении. Итогом явилась расправа над мятежниками: одна часть была убита (видимо, показательно жестоко), другая – ослеплена. Жены-изменницы покончили с собой[1].

Надо отметить, что в исходном варианте скифы, скорее всего, не фигурировали, а речь шла о каком-то другом народе, соседствовавшем с греками, причем вряд ли кочевом. Появление скифов в качестве главных персонажей произошло, должно быть, не ранее VI в. до н. э., после того как установились более-менее тесные контакты между греками и скифами.

По-видимому, рассказ Геродота представляет собой «вторичный» текст эпического произведения, литературно обработанный и превращенный в новеллу. В этом тексте фиксируется «усиление смысловых сдвигов, навязывание эпической сюжетике новых значений, возникновение „гибридных“ элементов» (Путилов 1988. С. 152). На существенную обработку также указывают отстраненный характер повествования и отсутствие эмоциональной оценки персонажей по принципу «плохой-хороший». В целом, рассказ Геродота – это компиляция греческой фольклорной и литературной традиции, не связанная со скифским устным творчеством.

Следует отвергнуть предположение об историчности описанных событий и в лучшем случае увидеть намек на какой-то реальный конфликт, произошедший в скифском обществе.

Эпизод, посвященный амазонкам, в версиях Геродота и Помпея Трога дает более запутанную картину. В рассказах авторов имеются сходные персонажи и аналогичные мотивы, но развитие сюжета в каждом случае оригинально. Для наглядности приведем их в таблице.

похожие числовые величины: «Чаллаайы оповещал, что он через девять дней в составе девяти богатырей пожалует», «его стрела, пронизав 15 всадников, вонзилась в лиственницу», «девять дней и ночей он искал своего противника» (Ксенофонтов 1977. С. 111, 116, 196). Тему развивают русские былины: «Ездил во поле тридцать лет», «служил-то я у князя Володимера, служил я у его ровно тридцать лет», «три года Никитич приворотничал, он стольничал, чашничал девять лет», «с печи не вставал тридцать лет» (Былины 1986. С. 128; Пропп 1999. С. 242; Веселовский 2013. С. 53, 176). Нельзя не упомянуть и три знаковые поездки-похода Ильи Муромца (Пропп 1999. С. 267–270). Число примеров можно увеличивать и увеличивать.

[1] Если придерживаться эпической сюжетной линии, то скифские жены не наложили на себя руки, а были убиты обманутыми мужьями, как, например, в русских былинах (Пропп 1999. С. 112, 123, 125, 127, 128, 135, 136, 278, 279; Мелетинский 2008. С. 374, 386; Веселовский 2013. С. 174–179). Впрочем, в былинах изредка встречается и мотив самоубийства неверной жены (Веселовский 2013. С. 174). Показательны также некоторые версии «троянского цикла», в которых Менелай стремится расправиться с изменницей Еленой. Правда, казнь не удается по причине красоты Елены: «Ты Трою взял… Жена в твоих руках… Что ж? Ты казнил ее? Ты нежные едва увидел перси, и меч из рук упал…» (Еврипид 1969. С. 315); «И Менелай, увидя грудки голые своей Елены, меч на землю выронил» (Аристофан 1974. С. 283).

	Геродот	**Помпей Трог**
1	*Вынужденное оставление родины*	
	Насильственное отплытие из Малой Азии	Изгнание из Скифии
2	*Появление на новых землях*	
	Кораблекрушение в Скифии	Приход в Малую Азию
3	*Грабежи*	
	Амазонок и юношей	Юношей
4	*Завязывание матримониальных отношений*	
	Со скифскими юношами	С местными женщинами (?)
5	*Реакция на сложившуюся ситуацию*	
	Уход амазонок и юношей из Скифии	Вооружение женщин
6	*Возникновение нового племени*	
	Савроматы	Амазонки

Итогом обоих рассказов является формирование нового племени/царства, хотя возникают различные этнические коллективы: у Геродота – савроматы, у Помпея Трога – амазонки. Впрочем, Геродот отмечает, что «жены савроматов придерживаются древнего образа жизни, выезжая на охоту… ходят на войну и носят ту же одежду, что и мужья» (Hdt. 4. 116. 2), то есть продолжают следовать амазонским обычаям.

Для лучшего понимания рассказа надо рассмотреть один из главных персонажей – амазонок. Обратимся к мировой мифологии. Как можно заключить из мифов народов Африки, Меланезии, Микронезии и Америки, первоисточником амазонского сюжета послужили сказания о сотворении божеством/божествами двух селений, или миров, в которых раздельно проживали мужчины и женщины (Березкин 2015. F8, F45). Эти первые люди занимались разными видами деятельности (мужчины охотились, женщины возделывали землю) или пользовались разными благами (мужчины имели мед, женщины – огонь). Объединение в одно общество путем сексуального контакта произошло из-за стремления завладеть пищей или ценностями противоположного пола[1] (Там же. F8 11, F45 11–13, 19, 70).

Общей чертой большинства мифов является проживание женщин на острове или за водной преградой[2] (Там же. F8 20, 46, 72, F45 11, 16, 19–23, 25, 26, 37, 38, 40, 42, 53, 55, 56, 59, 63, F45A 24, 25, 38). Практически на всех материках, кроме Африки, отмечаются воинственность и жестокость женщин. Также, исключая Африку, широко распространены мотивы убийства родившихся мальчиков. Для Тибета, Юго-Восточной Азии,

[1] Практически все ранние признаки древнего амазонского сюжета зафиксированы в русской сказке «О девичьем и мужичьем царствах» (Богданов 1946. С. 198, 199). Несмотря на перекличку сказки с рассказом Геродота, не стоит следовать за некоторыми этнографами и считать ее поздней редакцией античного сочинения (Там же. С. 198. Прим. 1; Косвен 1947а. С. 34. Прим. 2). Скорее всего, сказка в основе самобытна и восходит к архаической традиции.

[2] «А царством тем жены владели одни / И пришлым заказан был вход искони. / Наш край опоясан простором речным, / Путем до него не добраться иным», – свидетельствует «Шахнаме» (Фирдоуси 1984. С. 60, 61).

Малайзии, Индонезии и Южной Америки типичны упоминания о женском людоедстве (Березкин 2015. F45 19, 21, 22, 24, 55, 56, 62, 66, 70). Приблизительно в этих же регионах подчеркивается половая ненасытность и страстность женщин, которые часто убивают мужчин частыми совокуплениями (Там же. F8 13, 26, F45 19, 21, 26, 40, 56). Нередким признаком выступает и способность женщин рожать без помощи мужчин, причем только девочек. В таких случаях сексуальными партнерами женщин оказываются ветер, солнце, морская пена, роса, растения, насекомые, пресмыкающиеся, животные, бревна (Там же. F45 13, 19, 20, 21, 26, 65, 72, F45A 16, 24–26, 38, 70).

Думается, что сравнительно поздно сформировались представления о прямой связи женского селения/царства/страны с потусторонним миром и о сверхъестественных способностях женщин[1].

Анализ архаических мифов указывает на то, что амазонская традиция неразрывно связана с мифологемой появления человечества и формирования социума. Это подтверждает и особенность дошедших до нас письменных сведений об амазонках. Судя по сочинениям греческих, римских и арабских писателей, воительницы жили на краю Ойкумены, в неизвестных или малоизученных областях. По мере освоения окружающих земель представителями этих древних цивилизаций царство амазонок отодвигалось все дальше и дальше (Богаченко 2005; Чернышев 2007. С. 219; Калинина 2010. С. 346; Ивик 2011. С. 37). Очень показателен тот контраст, который отличает сообщения об амазонках с описаниями народов, имевших женщин-воинов, и неплохо знакомых древним авторам. Эти рассказы близки к документальной прозе, отличаются этнографическими подробностями и лишены всякого амазонского подтекста. Так, Геродот, повествуя о племенах Ливии, подробно описывает ритуальные бои местных девушек, упоминает награды и обряд чествования победительниц (Hdt. 4. 180). Диодор Сицилийский (ок. 90 – 30 гг. до н. э.), рассказывая о народах Эфиопии, тщательно рассматривает женское ополчение, его вооружение, предельный возраст службы, а также знаки отличия (D. S. 3. 8).

Заметим, что, вопреки мнениям исследователей, для античного мира участие женщин в сражениях не было абсолютно невозможным (Ивик 2011. С. 38). Например, Павсаний (II в. н. э.), рисуя перипетии войны аргосцев со спартанцами, приводит эпизод, когда на защиту обезлюдевшего Аргоса встали вооруженные женщины и отбили атаку неприятеля (Paus. 2. 20. 7). Сходную ситуацию, но в юмористическом ключе изобразил Аристофан (ок. 444 – ок. 385 г. до н. э.) в комедии «Лисистрата». Афинские женщины, чтобы прекратить войну между афинянами и спартанцами, перестали вступать с мужчинами в половые контакты. При этом они захватили Акрополь с казной и отразили нападение стариков и стражников, попытавшихся ворваться в него. У взбунтовавшихся женщин было организовано настоящее войско: «Есть и у нас четыре роты целые вооруженных до зубов афинянок» (Цит. по: Аристофан 1974. С. 299).

Завершая анализ амазонской темы, будет не лишним привести слова Страбона (ок. 64/63 г. до н. э. – ок. 23/24 г. до н. э.): «Со сказанием об амазонках произошло нечто

[1] В некоторых мифах указывается, что в этой стране отсутствуют смерть и ночь (Австралия), туда заходят солнце и луна (Китай), она находится на пути в мир мертвых (Калифорния), дорога в страну ведет через пожирание водяным змеем (Гондурас, Панама), в ней имеется Дерево Жизни и Смерти (Микронезия, Полинезия) и живая вода (Северо-Восточная Индия), женщины, живущие там, питаются запахом или паром от еды (Тайвань, Калифорния, Гондурас, Панама), они вечно молоды (Европа, Меланезия) и знакомы с волшебством (Австралия, Микронезия, Полинезия, Индия, Монголия) (Березкин 2015. F8 20, 72, F45 16, 18–21, 23, 25, 34, 48, 53).

странное. Дело в том, что во всех остальных сказаниях мифические и исторические элементы разграничены. Ведь старина, вымысел и чудесное называются мифами, история же – будь то древняя или новая, – требует истины, а чудесному в ней нет места или оно встречается редко. Что же касается амазонок, то о них всегда – и раньше и теперь – были в ходу одни и те же сказания, сплошь чудесные и невероятные» (Strab. 11. 5. 3) (Цит. по: Страбон 1964. С. 478).

Убежденность многих исследователей в историчности амазонок, пожалуй, сравнима с упорным отождествлением конкретного древнего народа или археологической культуры с одноглазыми аримаспами – героями варварского (скифского?) фольклора, описанными Геродотом и другими античными авторами (Доватур и др. 1982. С. 256, 257. Прим. 249; Акишев 2007. С. 25, 26). При этом игнорируется скептическое замечание самого Геродота: «Говорят, что одноглазые люди – аримаспы похищают его (золото. – *В. К.*) у грифов. Но я и в это не верю, равно как и в то, что люди рождаются одноглазыми, имея прочие природные свойства такие же, как и у остальных людей» (Hdt. 3. 116). Учеными не принимается во внимание и множество одноглазых антропоморфных персонажей мирового фольклора, напоминающих амазонок агрессивностью и страстью к сражениям. Иногда эти существа фигурируют как целое племя[1].

По всей видимости, в античном мире амазонки и аримаспы воспринимались как близкие, взаимозаменяемые образы. Доказательством этому служат произведения античного живописного и ювелирного искусства, где в сходных сценах грифономахии противниками чудовищ оказываются то мужчины – «аримаспы», то женщины – «амазонки» (Мачинский 1978. С. 137; Шауб 2007. С. 379; Скржинская 2010. С. 350, 355).

Возвращаясь к сочинению Геродота, заметим, что в мировой мифологии, помимо уже отмеченных признаков (агрессивность женщин, раздельное проживание мужчин и женщин, стремление присвоить ценности противоположного пола), встречаются и другие черты, включенные в рассказ о савроматах, – это механизм сближения (сначала одна пара, потом две и т. д.), соединение двух селений, перемещение на новое место сложившегося народа.

В геродотовом рассказе привлекает внимание фраза, что амазонки уходили из своего лагеря, «рассеиваясь для естественных надобностей». Это замечание, несомненно, должно вызвать недоумение у читателя, знакомого с бытовой спецификой кочевников или полуоседлых земледельцев. Для примера приведем наблюдения путешественников по Центральной Азии и прилегающим областям. Так, Н. М. Пржевальский отмечал: «Наружный вид монгольской части Урги грязен до отвращения. Все нечистоты выбрасываются на улицы, на которых не только ночью, но даже днем жители отправляют свои естественные надобности» (Пржевальский 1875. С. 8). Сходную картину Лхасы нарисовал В. А. Обручев: «Ходить по улицам нужно, зажавши нос и пристально смотря под ноги, потому что тибетцы не стесняются отправлять свои потребности ни местом, ни присутствием людей» (Обручев 1992. С. 460). По всей видимости, замечание Геродота является попыткой рационального объяснения фольклорного мотива, согласно которому мужчина и женщина в какой-то момент должны были оказаться наедине в укромном месте.

[1] Циклопы (киклопы) – у греков, Лихо, Вражок – у славян и русских, Телегез, Киргис, Шулбус, Абасы – у тюркских и монгольских народов, Зарбаш – у ингушей, Чулугды – у эвенков, Балор – у кельтов, Хитоцумэ-кодзо – у японцев и т. д. (Тахо-Годи 1991. С. 648, 649; Афанасьев 1994. С. 655, 698–700; Власова 1995. С. 112, 220; Неклюдов 1998; Журавлев 2005. С. 639, 640; Березкин 2015. К64А).

Кроме того, в рассказе имеется существенное противоречие: скифские юноши до женитьбы на амазонках и ухода с ними грабят родные территории. Конечно, можно, следуя за А. И. Иванчиком (Иванчик 2005. С. 185), предположить, что юноши входили в особое «братство», или «тайный союз», широко известные по этнографическим материалам. Такие коллективы нередко конфликтовали с родной общиной и похищали имущество соплеменников (Кисель 2003. С. 109). Как писал В. Я. Пропп, «новопосвященным часто предоставлялись права разбоя или по отношению к соседнему племени, или, гораздо чаще, по отношению к своему собственному» (Пропп 1986. С. 119). Однако нельзя исключить, что в первоначальном варианте действие разворачивалось не на скифских землях в Северном Причерноморье, а, как указывал Помпей Трог, в Малой Азии. В таком случае Геродот (или его предшественник) специально пошел на замену места событий, чтобы объяснить наличие у савроматских женщин амазонских черт. В первоисточнике, скорее всего, никаких упоминаний о скифах и тем более савроматах не было. Однако в вариантах, известных Геродоту и Помпею Трогу, скифы уже присутствовали[1].

Подводя итог, можно заключить, что в основе геродотова рассказа лежит миф, объяснявший появление человечества вообще. В результате переработки в греческой литературной традиции он превратился в новеллу, описывающую возникновение племени савроматов. Судя по мифам народов мира, эпизоды Геродота и Помпея Трога могут представлять собой части одного мифологического текста. На это указывает мотив мужского и женского вооруженного столкновения, произошедшего уже после начала сексуальных контактов. Такие сказания известны в Восточной Европе, Меланезии, Индии, на Тайване, в Субарктике, Гвиане, Амазонии, Монтанье (Богданов 1946. С. 199; Березкин 2015. F45, 19, 21, 25, 41, 59, 62, 66). Причина конфликта объяснялась по-разному: например, в русской сказке – нежеланием женщин постоянно жить вместе с мужчинами; в мифе атаял – местью мужчин за издевательства женщин; в предании акавайо – результатом убийства мужчинами любовника жены вождя (черного ягуара). Опираясь на этот мотив, можно попытаться восстановить гипотетический вариант мифа, который явился источником для протографов, послуживших образцами Геродоту и Помпею Трогу.

Созданные божеством/божествами два коллектива мужчин и женщин проживали раздельно и вели различное хозяйство. Со временем путем сексуального сближения одной пары, затем другой, третьей… сложился единый народ (часть Геродота).

Однако некая причина помешала совместному проживанию, и произошло вооруженное столкновение. Мужчины, одержав победу, покорили женщин. Но некоторым женщинам удалось уйти на новые земли, где они сплотились в племя жестоких воительниц[2] (часть Помпея Трога).

Проведенный анализ двух эпизодов «Истории» Геродота показал, что они представляют собой самостоятельные, независимые новеллы. Рассказ, описывающий возвращение скифов, очевидно, сложился из различных фольклорных и литературных мотивов,

[1] А. И. Иванчик считает, что в ранних текстах античных авторов амазонки не имели отношения к скифам. Связь между ними появилась только в V в. до н. э. (Иванчик 2005. С. 222).

[2] «Воевали девки и мужики год, воевали еще много лет, и кончилась война только через сто лет. За эти сто лет мужики половину девок в полон полонили, а без малого половину убили, и только небольшой остаточек девок из своего девичьего царства на конях-скакунах в дальнюю страну ускакали, на высокие горы взобрались и там, никому неприступно, стали жить, пока доживши до тысячи лет, не вымерли все», – повествует русская сказка «О девичьем и мужичьем царствах» (Богданов 1946. С. 199).

имеющих аналогии в эпических произведениях. Рассказ о появлении савроматов восходит к древнему мифу, который подвергся сильной литературной обработке. Оба эпизода были выполнены в русле греческой традиции и не имели связи со скифским фольклором. Привлечение их для восстановления скифской истории вряд ли целесообразно. Вместе с тем рассказы могут помочь в реконструкции представлений греков о жизни скифов. По всей видимости, в первой половине V в. до н. э. знания греков о скифах были сравнительно скудными и, стремясь к созданию более-менее полной картины, они прибегали к различным источникам, в частности, к собственному фольклору и литературе[1].

Акишев 2007
Акишев А. К. Путь к земле гипербореев // Иранname. 2007. № 1. С. 21–40.

Алексеев 1980
Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.

Аристофан 1974
Аристофан. Избранные комедии / пер. А. Пиотровского. М., 1974.

Арсеньев 2011
Арсеньев В. Р. Бамбара : культурная среда и овеществленный мир западносуданского этноса в коллекциях МАЭ РАН. СПб., 2011.

Артамонов 1974
Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы : от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э. Л., 1974.

Афанасьев 1994
Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. М., 1994. Т. 2.

Ачимова 2012
Ачимова А. А. Растения Горного Алтая в обычаях и традициях алтайцев. Барнаул, 2012.

Бадмаев 2005
Бадмаев А. А. Традиционная утварь бурят в XIX – начале XX в. : технологический и мировоззренческий аспекты : к проблеме этнокультурных контактов. Новосибирск, 2005.

Басилов 1996
Басилов В. Н. Слепые в кавказском и среднеазиатском фольклоре : дополнение к статье Ж. Дюмезиля // ЭО. 1996. № 5. С. 94–109.

Бахофен 1996
Бахофен И. Материнское право // Классики мирового религиоведения : антология. М., 1996. С. 216–267.

Березкин 2007
Березкин Ю. Е. Мифы заселяют Америку : ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. М., 2007.

Березкин 2013
Березкин Ю. Е. Африка, миграции, мифология : ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб., 2013.

Березкин 2015
Березкин Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам : аналитический каталог [Электронный ресурс]. 2015. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/ (дата обращения: 06.04.2014).

Блаватский 1954
Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.

Бобров, Худяков 2008
Бобров А. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008.

Богаченко 2005
Богаченко Т. В. Исторические основы сказаний о женщинах-воительницах Южнорусских степей : автореф. … канд. ист. наук. Ростов-н/Д., 2005.

Богданов 1946
Богданов В. В. Сказка о девичьем и мужичьем царствах // СЭ. 1946. № 2. С. 198, 199.

Богданов 2001
Богданов К. А. Повседневность и мифология : исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001.

[1] Ранее автор высказал предположение о принадлежности греческой литературной традиции фрагмента «Истории», описывающего дары скифов персидскому царю Дарию, а также выявил ряд культурных реалий азиатских кочевников, приписанных Геродотом причерноморским скифам (Кисель 2007. С. 70, 76; Кисель 2008. С. 112; Кисель 2014. С. 26; Кисель 2015. С. 407–414).

Боккаччо 1992
Боккаччо Д. Декамерон / пер. А. Н. Веселовского. СПб., 1992.

Бородовский 1987
Бородовский А. П. Плети и возможности их использования в системе вооружения племен скифского времени // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 28–39.

Былины 1986
Былины / сост. В. И. Калугин. М., 1986.

Валиханов 1985
Валиханов Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // Валиханов Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 35–39.

Вардиман 1990
Вардиман Е. Женщина в древнем мире. М., 1990.

Вейденбаум 2010
Вейденбаум Е. Г. Кавказские амазонки : материалы для древней этнографии Кавказа. Нальчик, 2010.

Веселовский 2013
Веселовский А. Н. Избранное : эпические и обрядовые традиции. М., 2013.

Власова 1995
Власова М. Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб., 1995.

Гаспаров 1997
Гаспаров М. Л. Неполнота и симметрия в «Истории» Геродота // Гаспаров М. Л. Избранные труды : О поэтах. М., 1997. Т. 1. С. 483–489.

Горончаровский 2009
Горончаровский В. А. Арена и кровь : римские гладиаторы между жизнью и смертью. СПб., 2009.

Граков 1947
Граков Б. Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ : пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121.

Граков 1971
Граков Б. Н. Скифы : научно-популярный очерк. М., 1971.

Грантовский 1980
Грантовский Э. А. Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 128–154.

Гуляев 2002
Гуляев В. И. «Амазонки» на Среднем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002. С. 125–134.

Длужневская, Варламов 1984
Длужневская Г. В., Варламов О. Б. Раскопки «крепости Омая» // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 122–130.

Доватур 1957
Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.

Доватур и др. 1982
Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

Дьяконов 1990
Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990.

Дюмезиль 1996
Дюмезиль Ж. Легенды о «сыновьях слепых» на Кавказе и в Прикавказье // ЭО. 1996. № 5. С. 81–93.

Еврипид 1969
Еврипид. Трагедии : в 2 т. / пер. Ин. Анненского. М., 1969. Т. 1.

Ельницкий 1961
Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961.

Жирмунский 1962
Жирмунский В. М. Народный героический эпос : сравнительно-исторические очерки. М. ; Л., 1962.

Журавлев 2005
Журавлев А. Ф. Язык и миф : лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.

Иванчик 2005
Иванчик А. И. Накануне колонизации : Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции : фольклор, литература и история. М. ; Берлин, 2005.

Ивик 2011
Ивик О. Женщины-воины : от амазонок до куноити. М., 2011.

Калинина 2010
Калинина Т. М. Амазонки в арабской литературе // Краеугольный камень : археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран : в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 342–348.

Кисель 2003
Кисель В. А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб., 2003.

Кисель 2007
Кисель В. А. Рассказ Геродота и ритуальные сосуды древних кочевников // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 3 (31). С. 69–79.

Кисель 2008
Кисель В. А. Σαγάρις Геродота в арсенале древних кочевников // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 2. С. 110–112.

Кисель 2014
Кисель В. А. Дары скифов Дарию Гистаспу : новый взгляд на старую проблему // Радловский сборник : научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. СПб., 2014. С. 19–26.

Кисель 2015
Кисель В. А. Историчность «Скифского логоса» и автопсия Геродота // Радловский сборник : научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. СПб., 2015. С. 406–417.

Кифер 2003
Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме. М., 2003.

Ковалевская 2010
Ковалевская В. Б. Конь и всадник : история одомашнивания лошадей в евразийских степях, на Кавказе и Ближнем Востоке. М., 2010.

Коновалов 2011
Коновалов А. В. Крученая плеть, летающий кобыз, разорванный костюм и раскаленный металл : о «материальных» элементах шаманской культуры казахов // Евразия сквозь века. СПб., 2011. С. 232–233.

Косвен 1947а
Косвен М. О. Амазонки : история легенды // СЭ. 1947. № 2. С. 33–59.

Косвен 1947б
Косвен М. О. Амазонки : история легенды // СЭ. 1947. № 3. С. 3–32.

Косматова 2001
Косматова Е. Э. Амазонки : вечное возвращение // Смыслы мифа : мифология в истории и культуре : сб. в честь 90-летия М. И. Шахновича. СПб., 2001.

Котина 2012
Котина А. В. Миф об амазонках и его развитие в античной традиции : автореф. … канд. ист. наук. Белгород, 2012.

Котляр 1991
Котляр Е. С. Кибела // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 647–648.

Крупа 2002
Крупа Т. Н. Женщина в свете античной эротики : традиционные взгляды и реальность [Электронный ресурс]. 2002. URL: http://www.archeology.ru/ONLINE/Krupa/woman.html (дата обращения: 05.05.2014).

Ксенофонтов 1977
Ксенофонтов Г. В. Эллэйада : материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М., 1977.

Кузнецов 1980
Кузнецов В. А. Нартский эпос и сарматский «матриархат [Электронный ресурс] // Iriston.com – история и культура Осетии. 2002. URL: http://www.iriston.com/nogbon/news.php?newsid=104 (дата обращения: 23.04.2013).

Купер 1991
Купер В. История розги во всех странах с древнейших времен и до наших дней : флагелляция и флагеллянты. Харьков, 1991.

Курылев 1978
Курылев В. П. Оружие казахов // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978. С. 4–22. (Сборник МАЭ ; т. 34).

Липец 1984
Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюркомонгольском эпосе. М., 1984.

Лурье 1947
Лурье С. Я. Геродот. М. ; Л., 1947.

Львова и др. 1988
Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири : пространство и время : вещный мир. Новосибирск, 1988.

Мавлеев 1981
Мавлеев Е. В. Амазонки в Этрурии // Искусство и религия. Л., 1981. С. 7–22.

Маразов 2006
Маразов И. Р. Иконография древней Фракии. СПб., 2006.

Мачинский 1978
Мачинский Д. А. Пекторали из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока : древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 131–150.

Мелетинский 2005
Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М. ; СПб., 2005.

Мелетинский 2008
Мелетинский Е. М. О былинных мотивах // Мелетинский Е. М. Избранные статьи : Воспоминания. М., 2008. С. 365–386.

Мищенко 1900
Мищенко Ф. Г. Слепые рабы у скифов // Филологическое обозрение. 1900. Т. 18. С. 111–123.

Мурзин 2014
Мурзин В. Ю. Скифская проблема глазами автора. Киев, 2014.

Неклюдов 1998
Неклюдов С. Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности [Электронный ресурс]. 1998. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm (дата обращения: 05.05.2014).

Обручев 1992
Обручев В. Я. В дебрях Центральной Азии // Обручев В. Я. Записки кладоискателя. СПб., 1992. С. 191–470.

Першиц 1994
Першиц А. И. Война и мир на пороге цивилизации : кочевые скотоводы // Першиц А. И., Семенов Ю. И., Шнирельман В. А. Война и мир в ранней истории человечества. М., 1994. С. 129–245.

Петроний 1991
Петроний. Апулей / пер. Б. Ярхо, Б. М. Казанского. М., 1991.

Плетнева 1988
Плетнева С. А. «Амазонки» как социально-политическое явление // Культура славян и Русь. М., 1988. С. 529–537.

Пржевальский 1875
Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов : трехлетнее путешествие в Восточной Нагорной Азии. СПб., 1875. Т. 1.

Пропп 1984
Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984.

Пропп 1986
Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

Пропп 1999
Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1999.

Путилов 1988
Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988.

Пушкин 1960
Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. М., 1960. Т. 3.

Разин 1955
Разин Е. А. История военного искусства : в 3 т. М., 1955. Т. 1.

Ронкин 1998
Ронкин В. Е. Предания об амазонках [Электронный ресурс]. 1998. URL: http://www.ronkinv.narod.ru/am-1.htm (дата обращения: 05.05.2014).

Ростовцев 2002
Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. М., 2002.

Русский эротический фольклор 1995
Русский эротический фольклор / сост., науч. ред. А. Топорков. М., 1995.

Рыбаков 1979
Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия : историко-географический анализ. М., 1979.

Семенов 1990
Семенов В. А. Путешествие вокруг ступы : к мифологическим истокам коми обряда сватовства // Традиционная духовная культура народов Европейского Севера: ритуал и символ : межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1990. С. 26–38.

Сказки и повести Древнего Египта 1979
Сказки и повести Древнего Египта / пер. И. Г. Лившица. Л., 1979.

Скржинская 2001
Скржинская М. В. Скифия глазами эллинов. СПб., 2001.

Скржинская 2010
Скржинская М. В. Предания о грифонах на северном краю греческой ойкумены // GAUDEAMUS IGITUR : сб. ст. к 60-летию А. В. Подосинова. М., 2010. С. 345–355.

Скрипник 1988
Скрипник Т. А. Амазонки в античной традиции // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-н/Д., 1988. Вып. 5. С. 29–39.

Смирнов 1966
Смирнов А. П. Скифы. М., 1966.

Смирнов 1964
Смирнов К. Ф. Савроматы : ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

Софокл 1988
Софокл. Трагедии / пер. С. Шервинского. М., 1988.

Страбон 1964
Страбон. География / пер. Г. А. Стратановского. Л., 1964.

Суразаков 1985
Суразаков С. С. Алтайский героический эпос. М., 1985.

Тахо-Годи 1991
Тахо-Годи А. А. Киклопы // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 648, 649.

Трубачев 1999
Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999.

Фирдоуси 1984
Фирдоуси А. Шахнаме / пер. Ц. Б. Бану-Лахути, В. Г. Берзнева. М., 1984. Т. 5.

Хазанов 1975
Хазанов А. М. Социальная история скифов : основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. М., 1975.

Чернышев 2007
Чернышев А. Н. К вопросу о формировании античного цикла легенд об амазонках // Боспорский феномен : сакральный смысл региона, памятников, находок : мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2007. Ч. 2. С. 213–220.

Шауб 2007
Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб., 2007.

Шкловский 1929
Шкловский В. Б. О теории прозы. М., 1929.

Эрмин 1991
Эрмин В. Г. Индуистская мифология // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 535–543.

Юдин 2007
Юдин А. В. Ономастикон восточнославянских загадок. М., 2007.

Юстин 2005
Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» / пер. А. А. Деконского, М. И. Рижского [Электронный ресурс] // Симпосий. 2005. URL: http://simposium.ru/ru/node/35 (дата обращения: 06.04.2014).

Яйленко 2013
Яйленко В. П. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. М., 2013.

Ярхо 1991
Ярхо В. Н. Анхис // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 90.

Bennett 2004
Bennett F. M. Religious Cults Associated with the Amazons [Электронный ресурс]. 2004. URL: http://members.a1.net/piaclara/Bennett.pdf (дата обращения: 06.05.2014).

Dowden 1997
Dowden K. The Amazons : Development and Functions // Rheinisches Museum für Philologie. 1997. Bd. 140 (2). P. 97–128.

Hartog 1988
Hartog F. The Mirror of Herodotus : The Representation of the Other in the Writing of History. Berkeley ; L. A., 1988.

Leonhard 1911
Leonhard W. Hettiter und Amazonen. Leipzig ; Berlin, 1911.

Tyrell 1984
Tyrell W. B. Amazons : A Study in Athenian Mythmaking. Baltimore, 1984.

Е. Ф. Королькова

О НЕКОТОРЫХ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ В СИБИРСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ПЕТРА I: РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Мы называем фантастическими образы, созданные в древности и, в общем, недоступные нашему пониманию: их форма и содержание, облеченное в эту форму, остаются, как правило, для нас загадочными. Раскрытие истинного смысла произведений древнего искусства, несмотря на заведомую многоступенчатость этой задачи, есть главная цель исследователя. Но она осложняется из-за неизбежной экстраполяции современного сознания и логических построений на структуру иного мировоззрения, а также вероятностью ошибок, подчас курьезных, при попытке прочтения, опознания и расшифровки зооморфных образов искусства евразийских кочевников (скифо-сибирского звериного стиля).

Бестиарий скифо-сибирского искусства звериного стиля, помимо реальных животных, изобилует всяческими монстрами, адекватное определение которых, в сущности, невозможно, если они не имеют зафиксированного письменной традицией наименования, как например, грифоны и сфинксы. Ибо эти существа не с чем отождествить: они могут иметь одновременно признаки птицы, разных копытных животных и хищников. Они – плод человеческого сознания. Отражая один из основных принципов формирования зрительных образов в искусстве и являясь характерной и неотъемлемой чертой древних мифологий, полиморфные фантастические существа соединяют в себе черты самых разных реальных животных, населяющих наш мир, и могут комбинировать в себе несочетаемые в природе признаки разных видов.

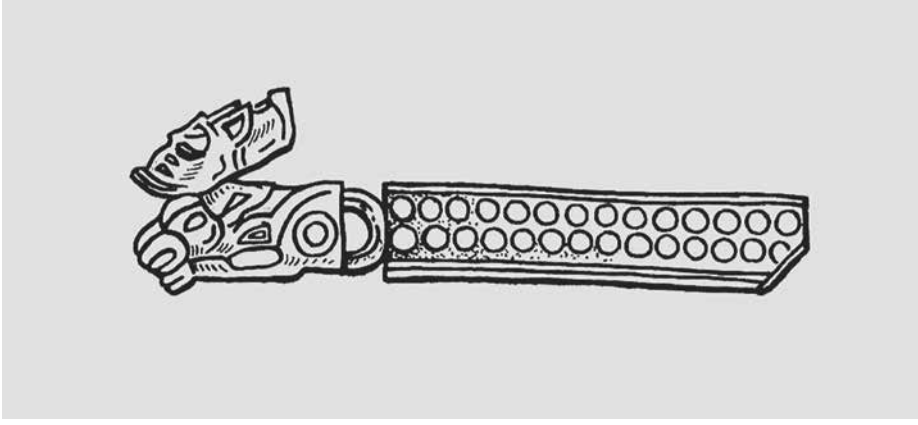
Еще одной проблемой в исследовании древних артефактов оказывается определение их функционального назначения. Эта задача подчас бывает невыполнимой, если нет достоверного материала для сравнения и контекста использования вещи. Наконец, существует проблема установления происхождения предметов и их атрибуция в случае отсутствия данных.

Сибирская коллекция Петра I состоит из вещей, каждая из которых, по существу, проблема – смысл, назначение, обстоятельства соединения, происхождение и биография представляют собой загадки. Собрание содержит богатейший набор зооморфных образов скифо-сибирского звериного стиля, в том числе и имеющих выраженный гибридный характер: хищники с оленьими рогами и копытные с крыльями и птичьим клювом и прочие комбинации.

Истории формирования этой коллекции и анализу отдельных предметов, входящих в нее, а также особенностям звериного стиля представленных в этом собрании художественных предметов, посвящено множество научных публикаций. Судьба этого

Ил. 1. Золотой наконечник в виде головы зверя
(Сибирская коллекция Петра I, Государственный Эрмитаж, инв. № Си 1/133)

Ил. 2. Золотой наконечник в виде протомы животного
(Сибирская коллекция Петра I, Государственный Эрмитаж, инв. № Си 1/134)



Ил. 3. Реконструкция М. П. Завитухиной, включающая инв. № Си 1/134, Си 1/135 и рога от № 1/28

Ил. 4. Золотая бляшка с изображением фантастического хищника с оленьими рогами (Сибирская коллекция Петра I, Государственный Эрмитаж, инв. № Си 1/28)

собрания драматична: оно имеет весьма туманное происхождение и подвергалось многократным перемещениям и переформатированиям за время своего существования, причем многие сведения об этих перипетиях утрачены (Завитухина 1977а; Королькова 2012). Коллекция неоднократно меняла место хранения, дробилась и дополнялась. Первоначально она принадлежала Петру I и хранилась в специальном помещении при Летнем дворце, после смерти императора была передана в 1727 г. в Кунсткамеру, пережила пожар 1747 г. и связанную с ним неразбериху, временную эвакуацию в дом дворян Демидовых и последующее возвращение в здание Кунсткамеры. В 1859 г. она была переведена в Эрмитаж, причем отдельные предметы передавались из музея в музей вплоть до конца XIX в. Ценнейший материал для изучения коллекций Кунсткамеры и древностей, содержавшихся в ее собрании до пожара, – рисунки из так называемого нарисованного музея – так как практически все экспонаты были зарисованы в 1725–1760 гг. несколькими художниками («Нарисованный музей» 2003; Неверов 2003. С. 195–197; Принцева 2003. С. 56–58). Вопреки указу Петра II от 1727 г., вышедший из печати в 1741–1745 гг. двухтомный каталог «Musei Imperialis Petropolitani» не имел иллюстраций (Мейерс 2003. С. 31–33). Тем не менее работа по созданию корпуса акварельных рисунков музейных объектов велась в течение нескольких лет.

Единичные подлинные документы, проливающие свет на происхождение древностей, присланных Петру I из Сибири, представляют особый интерес. Тем более удивительно и обидно, что успешные изыскания, результаты которых опубликованы одними специалистами, подчас остаются незамеченными другими исследователями, и через много лет продолжающими повторять убедительно опровергнутые заблуждения (ср. Неверов 2003. С. 195, Завитухина 1977а. С. 41–51; Завитухина 1977б. С. 63–69). В свое время М. П. Завитухина проделала скрупулезное исследование описи, приложенной к посылке с золотыми предметами, отправленной в Петербург 12 декабря 1716 г. сибирским губернатором князем М. П. Гагариным на имя Петра I. Эта посылка, по существу, стала основой всего собрания. Опись включала «всего пятьдесят шесть мест» (то есть позиций), охватывающих около 120 предметов (Завитухина 1977а. С. 42, 43). Реестр вещей в этом списке из-за субъективности их описания, сделанного в начале XVIII в., не всегда позволяет отождествить обозначенные в описи предметы с наличествующими в коллекции. Зато указанные в ней весовые показатели послужили основанием для вполне надежного отождествления, что и было проведено М. П. Завитухиной.

В списке под номером 44 значится: «Оправа от оселка, да две головы змеиные, что девки на головы надевают. Весу шестнадцать золотников» (Завитухина 1977а. С. 43). Это описание не соответствует ни одному из предметов, входящих в Сибирскую коллекцию. Однако сопоставление весового показателя и указание на три предмета в одном пункте списка позволили М. П. Завитухиной не без основания увидеть в этих предметах вещи, числящиеся в эрмитажном инвентаре под номерами Си 1/133 и Си 1/134 (ил. 1, 2). Два первых предмета представляют собой не змеиные, а, несомненно, звериные головки, служившие наконечниками неких не известных нам предметов. Третий объект, названный «оправой от оселка», представляет собой продолговатый предмет с кольцом с одного торца, с двумя рядами круглых вставок из стекла с одной стороны и с гнездами в форме чешуи – с другой. В инвентаре предмет под номером Си 1/135 описан как «рукоятка золотая четырёхгранная от железного ножа; внутри рукояти

железо». Функциональное назначение этого предмета неясно, однако вряд ли он служил рукоятью оселка или ножа. Почему все три предмета были объединены в одном пункте и с общим весом, непонятно: относиться к одному изделию они никак не могли. На графическом изображении, иллюстрирующем статью М. П. Завитухиной (Завитухина 1977а. С. 49. Рис. 5: *44*), представлена реконструкция некоего предмета (в подписи отмечено, что «№ 44 воспроизводится по рисунку из альбома акварельных рисунков 1730-х гг.») (ил. 3), соединяющего в единую конструкцию один из полых зооморфных наконечников в виде протомы животного (голова на вытянутых под мордой лапах с шеей и передней частью плеча) (Си 1/134) и продолговатый параллелепипед с круглыми вставками (Си 1/135) и кольцом на конце, которое по диаметру совпадает с полостью наконечника. Однако вся эта конструкция не проясняет функционального назначения предметов, не имеет никаких аналогий и выглядит не очень убедительно. Наконечник, несомненно, предназначался для крепления на каком-то стержне: два круглых гнезда с обеих сторон в плечевой части содержат остатки железа (вероятно, следы крепления к утраченному стержню, на который был надет наконечник). На месте рта на морде зверя имеется маленькое круглое сквозное отверстие. Определить, что за животное изображено на этом предмете, также затруднительно: положение лап (судя по деталям, скорее всего, именно лап, а не ног копытного); пропорции и форма головы и ушей, манера передачи щек – заставляют склоняться в пользу определения этого существа как хищника. Однако парные рельефные обрамления двух гнезд на лбу зверя выше ушей вызывают подозрение, что в данном случае в этих местах предполагались рога. Правда, углубления настолько мелкие, что допустить реальное существование некогда крепившихся рогов, сложно. Вероятно, мы имеем дело с неким фантастическим существом, монстром, что нередко встречается в скифо-сибирском зверином стиле.

Тем не менее на рисунке в статье М. П. Завитухиной у зверя изображены мощные оленьи (или лосиные) рога. Правда, их наличие объясняется не столько домыслом и богатой фантазией, сколько недоразумением, поскольку на одном из акварельных рисунков, созданных для фиксации коллекций Кунсткамеры в XVIII в., представлена групповая композиция из древних золотых сибирских предметов, среди которых изображен и описанный выше наконечник. Причем он лежит на других золотых вещах, насыпанных беспорядочной кучкой. В этом произвольном беспорядке случайно под головой странного зверя оказалась бляшка с изображением фантастического хищника с мощными оленьими рогами (Инв. № Си 1/28) (ил. 4). Эта случайная комбинация и дала основание для ошибочной реконструкции, зафиксированной на рисунке к статье М. П. Завитухиной (Завитухина 1977а. С. 49. Рис. 5: *44*), что подтверждается и подписью, указывающей на альбом акварельных рисунков 1730-х гг. как на основание для воспроизведения некоторых деталей. Так родился еще один фантастический образ, подобный тем зооморфным существам, которыми изобилует скифо-сибирский звериный стиль. В «нарисованном музее» Кунсткамеры встречаются изображения одних и тех же вещей, представленных в разных сочетаниях. В собрании Эрмитажа, в коллекции, переданной из Кунсткамеры, хранится лист с акварельными рисунками, выполненными в 1730-х гг. (Инв. № ЭРР-7116). Среди воспроизведенных экспонатов представлены оба зооморфных наконечника и странный продолговатый предмет, причем изображены они уже не кучно, а по отдельности. Наконечник с протомой зверя никаких рогов не имеет, поэтому допустить их более позднюю утрату невозможно («Нарисованный

музей» 2003. С. 242. Кат. 904). Кроме того, не изменился и суммарный вес этой группы (Завитухина 1977а. С. 50).

Человеку свойственно ошибаться: как известно, не ошибается только тот, кто ничего не делает. Поэтому выявление исследовательских ошибок и их признание должно служить лишь установлению истины, пусть даже в самой незначительной степени и ни в коем случае не может рассматриваться как упрек искренне заблуждавшемуся.

Завитухина 1977а
Завитухина М. П. Собрание М. П. Гагарина 1716 года в Сибирской коллекции Петра I // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 41–51.

Завитухина 1977б
Завитухина М. П. К вопросу о времени и месте формирования Сибирской коллекции Петра I // Культура и искусство петровского времени : публикации и исследования. Л., 1977. С. 63–69.

Королькова 2012
Королькова Е. Ф. Сибирская коллекция Петра I в Эрмитаже // Scripta Antiqua : вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры : альманах. М., 2012. Т. 2. С. 329–354.

Мейерс 2003
Мейерс Д. Й. «Нарисованный музей» как жанр : петербургский корпус рисунков в европейском контексте // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук 1725–1760. СПб., 2003. Т. 1. С. 16–41.

«Нарисованный музей» 2003
«Нарисованный музей» Петербургской Академии наук 1725–1760 / сост. и ред. Р. Е. Кистемакер, Н. П. Копанева, Д. Й. Мейерс, Г. В. Вилинбахов. СПб., 2003. Т. 1.

Неверов 2003
Неверов О. Я. Рисунки древностей из Петровской Кунсткамеры // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук 1725–1760. СПб., 2003. Т. 1. С. 195–197.

Принцева 2003
Принцева Г. А. К вопросу о поступлении рисунков с раритетами Кунсткамеры в Государственный Эрмитаж и Русский музей // Нарисованный музей» Петербургской Академии наук 1725–1760. СПб., 2003. Т. 1. С. 55–58.

Т. М. Кузнецова

СЕРЕБРЯНЫЙ КИЛИК ИЗ КУРГАНА СОЛОХА И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СКИФСКОЙ ХРОНОЛОГИИ

В определении хронологии памятников периода «скифской классики» основой, как правило, являются греческие «импортные» изделия. К таковым относится и серебряный килик из кургана Солоха (ил. 1), поскольку форма сосуда связана с античным миром (Блаватский 1953. С. 45–47; Горбунова 1971. С. 19; Манцевич 1987. С. 34, 35, 118–120; Петракова 2004), хотя место его производства установить пока сложно.

Килик представляет собой открытую плоскую чашу на низкой кольцевой подставке (поддоне). Край килика немного отогнут, на тулове чаши – две горизонтальные ручки. Поддон и ручки были изготовлены отдельно, а затем соединены с чашей (ил. 1*: 1*). На внешней стороне килика (по венчику) нанесена надпись (ΛΥΚΟ), а на нижней части тулова прослежены гравированные изображения животных, видовое определение которых затруднено из-за повреждения поверхности сосуда. Внутренняя сторона чаши украшена позолоченным изображением колеса, расположенным на дне сосуда и нанесенным, вероятно, химическим способом золочения (Горбунова 1971. С. 19). На изображении колеса (в двух секторах) виден гравированный рисунок двух параллельных полуокружностей, а в одном из противоположных им секторов начертана греческая буква «Λ» (ил. 1: *2*).

Рассматриваемый сосуд обнаружен в центре северной камеры раннего (первичного) погребения Солохи (Манцевич 1987) – скифского царского кургана, представляющего собой самое значительное сооружение второй половины V – первых десятилетий IV в. до н. э. в степной зоне Северного Причерноморья. Курган был возведен в два этапа, и высота его для раннего погребения составляла около 15,0 м, для позднего – 18,0 м.

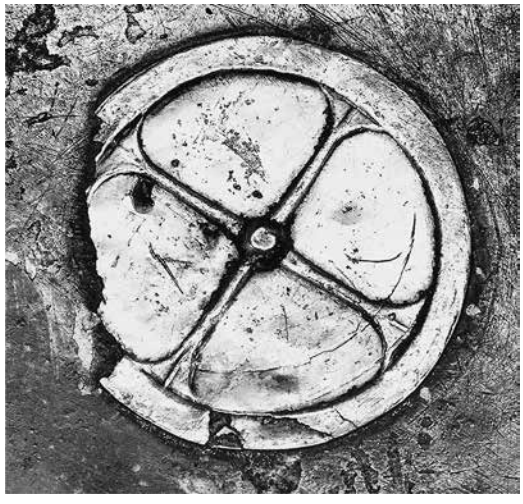
Дата первичной (нарушенной) могилы в кургане определяется исследователями концом V в. до н. э. (Манцевич 1987. С. 118, 119; Алексеев 2003. С. 260; Бидзиля, Полин 2012. С. 515).

Время совершения захоронения в позднюю (сохранную) могилу Солохи устанавливается в пределах первой четверти IV в. до н. э. с учетом хронологии античной керамики (Алексеев 2003. С. 260, 261; Бидзиля, Полин 2012. С. 515).

Сравнение материалов обеих могил кургана с предметами из других скифских комплексов привело А. П. Манцевич к выводу, что установить хронологический интервал между захоронениями по составу сопроводительного инвентаря нельзя, и это свидетельствует либо об одновременности могил, либо о незначительном промежутке между их сооружением. Поэтому дата Солохи была определена ею рубежом V–IV вв. до н. э. (Манцевич 1987. С. 118–121).

По мнению А. Ю. Алексеева, «дату первичного погребения, несмотря на значительные отличия вещевого комплекса двух солохских могил, нельзя далеко отрывать»

1



2

Ил. 1. Серебряный килик из кургана Солоха

1, 2 – Государственный Эрмитаж, инв. № Дн 1912 1/55

от периода, датирующегося последними годами V в. до н. э., «так как практика изучения скифских „царских“ курганов указывает на определенную хронологическую близость могил, сооруженных под одной курганной насыпью» (Алексеев 2003. С. 206, 207). Эта точка зрения разделяется С. В. Полиным, который отметил отсутствие в курганах скифской знати Северного Причерноморья примеров, указывающих на большую разницу «в датировках первичного и впускного погребений», обусловив дату ранней могилы в Солохе временем около 400 г. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012. С. 515).

А. Ю. Алексеев установил дату «ядра» погребального комплекса основной (первичной) могилы Солохи приблизительно 420–400 гг. до н. э., «но все же ближе к 400 г.», заметив, что хронологически определимых предметов в этой могиле немного и из них наибольшее значение имеет серебряный позолоченный килик, датированный А. П. Манцевич концом V в. до н. э. (Алексеев 2003. С. 259, 260; Евразия в скифскую эпоху 2005. С. 197, 198).

Позже исследователь предложил для килика более широкую дату – вторая половина V в. до н. э. (Алексеев 2012. С. 126), уточнив (с учетом данных радиоуглеродной хронологии) время совершения захоронений как в раннюю могилу Солохи – 405–400 гг. до н. э., так и в позднюю – 400–389 гг. до н. э. (Алексеев 2014. С. 12).

Однако А. П. Манцевич, определяя дату солохского килика концом V в. до н. э. «по килику из Башовой Могилы» (Манцевич 1987. С. 35)[1], отметив идентичность размеров киликов и их близость по наличию владельческих надписей на внешней стороне венчиков[2], не учла, что И. Велковым к этому периоду было отнесено сооружение фракийской

[1] См.: серебряный килик из кургана Башова Могила [Электронный ресурс] //Bulgarian Heritage. 2012. URL: http://bulgarianheritage.bulgariana.eu/jspui/handle/pub/589 (дата обращения: 21.10.2015); Венедиков, Герасимов 1973. С. 97, 98. № 174.

[2] В кургане Солоха – ΛΥΚΟ (Манцевич 1987. С. 35); в Башовой Могиле – ΔΑΔΑΛΕΜΕ (Велков 1932. С. 10; Филов 1934. С. 63).

Ил. 2. Серебряные килики из Семибратних групп

1 – курган 4, Государственный Эрмитаж, инв. № СБр.IV.15; *2* – курган 2, Государственный Эрмитаж, инв. № СБр.II.32; *3* – курган 6, Государственный Эрмитаж, инв. № СБр.VI.11; *4* – Малый курган, Государственный Эрмитаж, инв. № М.СБр.34

гробницы в Башовой Могиле (Болгария) в соответствии с датой краснофигурной гидрии (Велков 1932. С. 25), из чего следует, что датировка А. П. Манцевич основана на времени возведения Башовой Могилы, а не на дате килика.

Килик же из Башовой Могилы был датирован И. Велковым V–IV вв. до н. э. (Там же. С. 11) со ссылкой на дату, установленную М. И. Ростовцевым для килика, обнаруженного в кургане 4 группы Больших Семибратних курганов (ил. 2: *1*), возведенных в низовьях Кубани (Rostovtzeff 1922. P. 70).

По форме тулова чаши килик из 4-го Семибратнего кургана, действительно, близок и болгарскому, и солохскому экземплярам, отличаясь от последних общей конфигурацией (изгиб венчика, наличие и высота ножки, толщина и форма ручек).

Упомянутые сосуды, как и другие килики, найденные в Семибратних курганах: два – в группе Больших (курганы 2, 6: ил. 2: *2*, *3*), а один – в группе Малых (ил. 2: *4*), имеют сходную технику нанесения рисунка (гравировка) и позолоты (только на изображениях), но различаются по конфигурации (Горбунова 1971. С. 19–38).

Рассматривая серебряные килики из курганов Семибратних групп, К. С. Горбунова заметила, что поскольку количество серебряных сосудов недостаточно, чтобы «проследить их изменения во времени», уточнение датировок проводилось ею на основании сопоставления рисунков на киликах с хорошо датированными изображениями на краснофигурных вазах (Горбунова 1971. С. 19, 20).

Место изготовления серебряных сосудов из кубанских и болгарских курганов связывается большинством исследователей с Аттикой, и в меньшей степени – с Ионией (Горбунова 1971. С. 33). По мнению Е. В. Власовой, килики из Семибратних курганов могут происходить «из одного центра, который находился в Кубанском регионе» (Власова 2010. С. 212).

Однако в оформлении и фракийских, и прикубанских сосудов, как справедливо отметила К. С. Горбунова, «незаметно никакого стремления мастера приспособиться к запросам местного населения», а в характере их формы и стиле изображений отсутствуют черты, которые отличали бы эти сосуды от произведений аттических мастеров (Горбунова 1971. С. 33–35).

Килик из 4-го Семибратнего кургана является, по мнению К. С. Горбуновой, наиболее ранним в кубанской группе сосудов. Самая близкая аналогия этому килику, хранящемуся в Копенгагене, датируется концом первой четверти V в. до н. э. (Горбунова 1971. С. 20, 35. Сн. 16). Дата килика из 4-го Семибратнего кургана определяется второй четвертью V в. до н. э. (Artamonow 1970. S. 41), временем не позднее 470 г. до н. э. (Горбунова 1971. С. 23; Власова 2010. С. 208) или 470–440 гг. до н. э. (Горончаровский 2013. С. 164).

Килик из Башовой Могилы датирован К. С. Горбуновой по стилистическим особенностям в интервале между 440 и 430 гг. до н. э. (Горбунова 1971. С. 32).

Тщательный анализ стиля изображений на серебряных киликах из Семибратних курганов (с учетом формы) позволил исследователям показать не только их хронологическое распределение, но и близость сосуда из Башовой Могилы килику, происходящему из 6-го Семибратнего кургана и датированному третьей четвертью V в. до н. э. (440–430 гг. до н. э.), а также предположить, что оба килика, имеющие различия в форме чаши, выполнены одним и тем же мастером или изготовлены в одной мастерской (Schefold 1931. S. 119–129; Горбунова 1971. С. 19, 32, 33).

Сосуд из Башовой Могилы, по мнению К. С. Горбуновой, был сделан несколько позже, чем чаша из 6-го Семибратнего кургана (Горбунова 1971. С. 32, 33).

Рисунок «солярного колеса» в центральном медальоне килика из кургана Солоха (ил. 1*: 2*) не позволяет провести его стилистическое и хронологическое сопоставление в системе скрупулезного анализа сюжетных изображений на серебряных сосудах, однако следует отметить, что нанесение позолоты на килики из 6-го Семибратнего кургана и Солохи было выполнено по одной технологии (Там же. С. 19).

Килик из Башовой Могилы хотя и близок экземпляру из Солохи, но имеет отличия в оформлении края венчика и форме ручек. Самой близкой аналогией солохскому килику[1] является сосуд из фракийской гробницы у с. Чернозем в Болгарии[2], время сооружения которой датировано последней четвертью V в. до н. э. в соответствии

[1] Близкие формы киликов известны и среди чернолаковых сосудов (Sparkes, Talcott 1970. P. 267. № 457, 459, 461), датированных соответственно 450–430 гг. до н. э., 425 г. до н. э. и 420 г. до н. э.

[2] См.: серебряные килики из гробницы у с. Чернозем [Электронный ресурс] //Bulgarian Heritage. 2012. URL: http://thracian-art.artstudies.bg/?p=item&id=274 (дата обращения: 21.10.2015); Шалганова 2010. С. 77. Обр. 1.

с датой (430 г. до н. э.) краснофигурной гидрии (Шалганова 2010. С. 81). В медальоне килика из гробницы у с. Чернозем, создание которого по иконографии и стилистическим особенностям рисунка определяется Т. Шалгановой также около 430 г. до н. э., представлено изображение эпизода из мифа о борьбе Беллерофонта с Химерой (Там же. С. 85).

Хронологическое распределение серебряных килико в группах Семибратних курганов, проведенное К. С. Горбуновой (курганы: 4 – около 470 г. до н. э.; 2 – начало 460-х гг. до н. э.; Малый – около 460 г. до н. э.; 6 – 440–430 гг. до н. э. (Горбунова 1971. С. 23–32), позволяет сделать некоторые обобщения и уточнения в датах и кубанских, и болгарских, и солохского сосудов.

Как показывают наблюдения, оформление пояска, обрамляющего фигуративную композицию медальонов на рассматриваемых киликах, делит их на две группы: в одной представлен геометрический орнамент, где изображения вписаны в окружность, которая ограничена гладким пояском, в другой – граница медальона представлена растительным орнаментом. Обе группы сосудов имеют различия и в датировке, поэтому отмеченное орнаментальное оформление медальона может служить хронологическим индикатором для серебряных килико так же, как и для греческих расписных ваз, где орнамент, по мнению специалистов, «играет не меньшую роль в определении мастера и времени изготовления керамики, чем изображения фигур и предметов» (Петракова 2010. С. 268).

Первая группа сосудов (гладкий поясок: ил. 3: *1–3*) происходит из Семибратних курганов и датируется 470–460 гг. до н. э. (в медальонах изображения: «Ника» – курган 4; «Беллерофонт и Химера» – курган 2; «Дионис и Менада» – Малый курган).

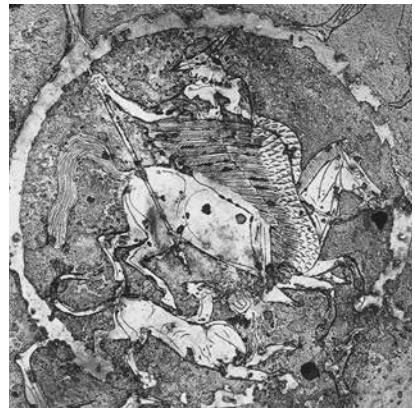
Вторая группа, датирующаяся 440–430 гг. до н. э., объединяет килик из Башовой Могилы, поясок которого представляет собой лавровый венок (в медальоне – изображение Селены) и килик из 6-го Семибратнего кургана, в медальоне которого изображение трехфигурной композиции обрамлено тремя рядами орнамента (от центра – к венчику): лавровый венок, пояс из пальметт и цветов лотоса, ветвь плюща.

Выделенный хронологический репер позволяет отнести и килик из гробницы у с. Чернозем, имеющий гладкий поясок медальона, к группе сосудов, датированных 470–460 гг. до н. э. Эту дату подтверждает отсутствие на болгарском сосуде обозначения рельефа местности, которое, по наблюдению К. С. Горбуновой, «появляется на вазах с 60-х гг. V в. до н. э. и особенно в начале второй половины V в. до н. э. под влиянием живописи Полигнота» (Горбунова 1971. С. 26), что сближает его с киликом из 2-го Семибратнего кургана (в медальоне – аналогичный сюжет борьбы Беллерофонта с Химерой: ил. 3: *2*), датирующимся началом 460-х гг. до н. э.

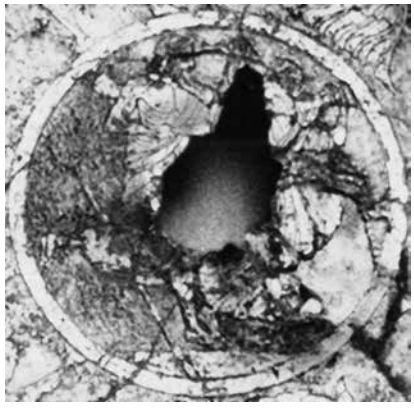
Вторая группа может быть дополнена еще четырьмя серебряными киликами, у которых граница медальона (поясок) передана как «лавровый венок». Все они происходят из фракийских памятников: для трех килико (в медальонах изображения: «Отъезд Прекрасной Елены в Египет»; «Играющий Орфей» и «Сцена инициации») точное место находки неизвестно (Фракийское золото из Болгарии 2013. Кат. № 106, *76, 2*), а один, в медальоне которого, вероятно, изображена сцена борьбы Геракла и фракийского царя Диомеда, обнаружен в захоронении у с. Капиново[1].

[1] См.: медальон из могилы у с. Капиново [Электронный ресурс] //Bulgarian Heritage. 2012. URL: http://thracian-art.artstudies.bg/?p=item&id=342 (дата обращения: 21.10.2015).

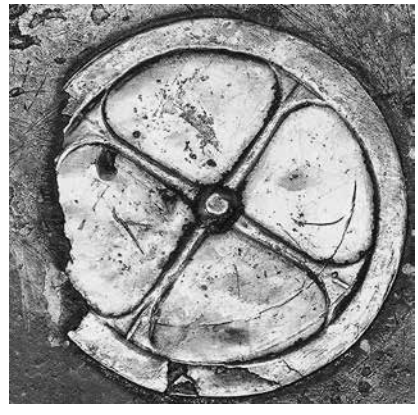
1



2



3



4

5

Ил. 3. Изображения медальонов на серебряных киликах

1 – Семибратний курган 4; *2* – Семибратний курган 2; *3* – Малый Семибратний курган; *4* – курган Солоха; *5* – курган Башова Могила (прорисовка Т. М. Кузнецовой)

У двух киликов, как и у сосуда из 6-го Семибратнего кургана, позолота покрывает поясок полностью, а по внутреннему краю венчика нанесен орнамент в виде ветви плюща. Два других сосуда имеют вокруг медальона второй орнаментальный поясок, расположенный перед «лавровым венком»: окружность, заполненная орнаментом в виде «спирального шнура», или фрагменты окружностей с орнаментом из «ов». Килики датированы в пределах последней четверти V в. до н. э. (Фракийское золото из Болгарии 2013. С. 62, 226, 282).

Выявленные различия в оформлении «поясков» на всех рассматриваемых серебряных сосудах показывают закономерность в их хронологическом распределении, хотя орнамент в виде лавровой ветви, обрамляющей центральное изображение медальонов на краснофигурных аттических киликах, отмечен исследователями для более раннего времени (Горбунова 1971. С. 34), а гладкий поясок известен и в IV в. до н. э. (Античное наследие 2004. С. 35. Кат. № 30).

И если внимательное изучение орнаментальных элементов декора черно- и краснофигурных аттических ваз, по мнению специалистов, «позволяет уточнить датировку в случае с уже атрибутированными вещами или же атрибутировать ранее не атрибутированные целые вазы и фрагменты» (Петракова 2010. С. 268–276), то такой подход возможен и при сравнении металлических сосудов.

Рисунок «солярного колеса» в медальоне килика из кургана Солоха также ограничен гладким пояском (ил. 3: *4*), что допускает соотнесение этого экземпляра с группой сосудов, датирующихся 470–460 гг. до н. э., и позволяет определить время его изготовления в пределах второй четверти V в. до н. э. Диаметр медальона (вдвое меньше) мог быть обусловлен характером изображения, стилистически близкого символу «солярного колеса» на античных монетах.

По мнению специалистов, изображение «солярного колеса» на монетах известно в античном мире с VI в. до н. э. (Карышковский 1960. С. 4–7), а для Ольвии является одним из древнейших монетных типов (Карышковский. 2003. С. 95), появившихся в первой четверти V в. до н. э. (Карышковский 1988. С. 44), что подтверждается находками в Северном Причерноморье монет с таким символом[1], датирующихся временем около 490–480 гг. до н. э. (Зограф 1951. С. 123. Т. XXX/3; Карышковский 2003. С. 158) или 480–470 гг. до н. э. (Анохин 1989. С. 13). Таким образом, вероятность датирования килика из кургана Солоха временем не позднее второй четверти V в. до н. э. поддерживается и наличием «солярного символа» на монетах. Сходство изображений «колеса» на монетах и килике уже рассматривалось А. Ю. Алексеевым (Алексеев 2003. С. 231, 232. Рис. 35), но он видел аналогии только в ольвийских бронзовых «ассах» с именем APIX, датированных или третьей четвертью V в. до н. э. (Карышковский 1988. С. 45), или 430–410 гг. до н. э. (Анохин 1989. С. 17), лишь отметив наличие более ранних экземпляров с именем Скила и подобной символикой, относящихся ко второй четверти V в. до н. э. (Загинайло, Карышковский 1990; Виноградов 1989. С. 120).

Полученную дату солохского килика могла бы подтвердить и гравированная надпись «ΣKY» на дне аналогичного сосуда из фракийской гробницы у с. Чернозем (Шалганова 2010. С. 77, 78. Обр. 2), если рассматривать ее как сокращенный вариант

[1] Монеты из Ольвии. См.: О продаже одной монеты Ольвии [Электронный ресурс] // Antiqtrade.livejournal.com. 2013. URL: http://antiqtrade.livejournal.com/9968.html (дата обращения: 21.10.2015); Карышковский 1999.

имени скифского царя Скила, которое встречается на монетах из Никония (Карышковский 1987. С. 67; Загинайло 1993. С. 95).

Период выпуска монет с именем Скила специалисты относят к первой половине V в. до н. э. (Карышковский 1987. С. 66, 67; Загинайло 1990. С. 71), к рубежу первой и второй четвертей V в. до н. э. (Загинайло 1989. С. 29; Загинайло 1991. С. 59), ко второй половине 70-х гг. V в. до н. э. (Загинайло, Карышковский 1990) или к 470–450 гг. до н. э. (Виноградов 1989. С. 120).

Время царствования Скила в Скифии исследователи датируют второй четвертью V в. до н. э. (Виноградов 1980. С. 104; Карышковский 1987. С. 68), 470–440 гг. до н. э. (Виноградов 1989. С. 120, 121; Алексеев 2003. С. 292) или 450–431 гг. до н. э. (Кузнецова 2004; Кузнецова 2015. С. 76). Последние годы правления Скила по данным письменных источников были определены Д. Ботевой-Бояновой 430-м г. до н. э. (Ботева-Боянова 2000. С. 14–16).

И все же несмотря на то, что во фракийских захоронениях, датированных 430 г. до н. э., обнаружены еще две идентичные между собой «кру́жки» с такими же надписями (с. Дълбоки Старозагорской области и коллекция В. Божкова: Шалганова 2010. С. 79, 80. Обр. 4–6), соотносить их со Скилом, как и килик из гробницы у с. Чернозем, представляется преждевременным, так как их связь со скифским царем не находит пока убедительного обоснования.

Однако аналогия (сохранились две ручки и кольцевой поддон, см.: Эварницкий 1901. С. 721) серебряному килику из Солохи, отмеченная А. П. Манцевич в могиле кургана Бабы́ (Манцевич 1987. С. 35), подтверждает существование и использование в скифской среде таких сосудов уже в первой половине V в. до н. э., поскольку курган Бабы́ датируется исследователями по фрагментам «импортной» керамики или концом VI–V вв. до н. э. (Мурзин 1984. С. 25. № 29), или V в. до н. э. (Ростовцев 1925. С. 414), или первой половиной V в. до н. э. (Artamonow 1970. S. 30), или не ранее второй четверти – середины V в. до н. э. (Алексеев 1987б. С. 30; Алексеев 2003. С. 259).

В этой связи хотелось бы обратить внимание на систему датировок в скифологии, где «архаические» памятники чаще всего датируются по самым ранним находкам, а «классические» – по наиболее поздним (и курган Солоха в том числе).

Такое различие, как правило, обусловлено концептуальной позицией исследователя в вопросах о продолжительности формирования основного «ядра» погребального комплекса того или иного памятника, что и определяет отношение ко времени бытования в скифском обиходе предметов, являющихся хронологическими реперами при датировании скифских курганов.

Так, Л. К. Галанина, устанавливая дату Келермесских курганов (середина – вторая половина VII в. до н. э.), подчеркивала, что в их могилах обнаружены «предметы престижного характера» (ассирийская чаша 669–633/627 гг. до н. э., серебряные ритон и зеркало 650–620 гг. до н. э.), период «временного совмещения которых охватывает 650–627 гг. до н. э.», поскольку, по ее мнению, «преобладающая часть иноземных вещей» не могла относиться к категории «долгожителей» (Галанина 1997. С. 190, 192), хотя речь идет о металлических изделиях. Позднее дата курганов Келермеса была расширена (с учетом данных по радиоуглеродной хронологии) и определена временем ранее начала 670-х гг. до н. э. (или VIII в. до н. э.) – серединой или второй половиной VII в. до н. э. (Галанина, Алексеев 2010. С. 187), где поздние даты (VI в. до н. э.),

полученные в результате радиоуглеродного анализа (Евразия в скифскую эпоху 2005. С. 147; Alexeev 2007. S. 33, 34), остались без внимания.

А. П. Манцевич, датируя курган Солоха, отмечала, что «драгоценные сосуды или предметы вооружения, благодаря особо бережному отношению к ним, имели более длительное существование, поэтому они не являются точным указанием хронологических моментов, а «наиболее прочную дату могут дать дешевые и хрупкие предметы» (чернолаковая посуда и, отчасти, амфоры), не рассчитанные на длительное существование» (Манцевич 1987. С. 119).

Е. Е. Фиалко, рассматривая комплекс греческой керамики Рогачикского курганного могильника, пришла к выводу о долговременном бытовании чернолаковых сосудов у скифов, поскольку в скифских памятниках между датой таких сосудов и временем совершения обряда захоронения нередко прослеживается хронологический разрыв, который может доходить до полувека, заметив, что «автоматическое перенесение даты бытования чернолаковой посуды в античных центрах на скифские памятники неправомерно» (Фиалко 2006. С. 364, 365). Исследователь отметила необходимость согласования дат античной посуды с иными находками из комплекса и тризны, в том числе и с амфорами (Там же).

Подобная точка зрения частично разделяется и А. Ю. Алексеевым, который считает, что «определение хронологии исключительно по столовой и парадной античной посуде, а в некоторых случаях и по амфорному материалу, дает нередко заниженные датировки, обусловленные бережным отношением к этим предметам», но он указывает и на возможность установления завышенных дат по амфорам, найденным за пределами погребальных камер (Алексеев 2003. С. 257, 258).

В идеальном варианте система археологического датирования и в отношении «скифской архаики», и в отношении «скифской классики» предполагает единый принцип – дата памятника должна определяться по наиболее поздним вещам, о чем писал и А. Ю. Алексеев (Алексеев 1987а. С. 28).

Однако столь строгий подход к археологическому датированию не помешал А. Ю. Алексееву, вслед за другими исследователями (Яковенко 1972. С. 265; Мурзин 1984. С. 18, 19, № 13; Дубовская 1989. С. 143), считать дату, установленную для «родосско-ионийской ойнохои ориентализирующего стиля» из погребения на Темир-Горе в Крыму, абсолютной и для самого памятника (Алексеев 2003. С. 55, 116, 295).

Ойнохоя из Темир-Горы датирована специалистами 40-ми гг. VII в. до н. э. (Копейкина 1972. С. 156) или 640–630 гг. до н. э. (Cook, Dupont 1998. P. 36. Fig. 8, *5*). Она найдена в архаической могиле «скифского воина», время сооружения которой исследователи относят к середине VII в. до н. э. (Яковенко 1972. С. 265) или к третьей четверти – второй половине VII в. до н. э. (Мурзин 1984. С. 18, 19. № 16; Вахтина 1991. С. 4).

Правда, захоронение на Темир-Горе было совершено в могилу, вырубленную в скале, что нехарактерно для скифов, но отмечено в погребальном обряде греческих городов Северного Причерноморья (Цветаева 1951. С. 66, 67). Исходя из этого, ранее уже было высказано предположение о том, что судя по характеру могильного сооружения и его топографии скальная гробница на Темир-Горе была, видимо, сооружена для грека, но переиспользована скифами. Предположение базировалось на том, что приход скифов в Северное Причерноморье поставил их перед необходимостью освоения нового региона, и движение по незнакомой территории вынуждало скифов хоронить умерших

на самых высоких (наиболее заметных) точках, которыми являлись либо естественные возвышенности, либо высокие курганы, которыми, как правило, были курганы эпохи бронзы, поскольку все архаические захоронения скифов в степи совершены именно в такие курганы (Кузнецова 2009а. С. 49–63; Кузнецова 2013. С. 53).

Памятник на Темир-Горе не являлся исключением в ряду таких гробниц, и греческая могила на возвышенности, находившейся на пути скифского продвижения на запад, была использована ими, как и могила у с. Любимовка, где скиф был погребен в каменный «ящик» эпохи бронзы (Мурзин 1984. С. 18. № 13).

Присутствие в составе сопроводительного инвентаря могилы на Темир-Горе родосско-ионийской ойнохои связывается М. Ю. Вахтиной с контактами между кочевниками и жителями Березанского поселения (Вахтина 1991. С. 7), дата возникновения которого определяется исследователями периодом от 650 до 630 гг. до н. э. (Мачинский 2011. С. 410), что оказывается синхронным времени появления таких сосудов (640–630 гг. до н. э.; Cook, Dupont 1998. P. 36), и даже по этим датировкам предполагает существование интервала между их производством и захоронением.

Поскольку исследование показало, что скифы впервые появляются в Северном Причерноморье после основания Истрии (616/615 – 614/613 гг. до н. э.), но до основания Борисфена (Березанское поселение), покинув причерноморский регион к осени 608 г. до н. э. и вернувшись не ранее 585 г. до н. э. (Кузнецова 2013. С. 53, 54), условия включения ойнохои в состав сопроводительного инвентаря скифского захоронения на Темир-Горе определяют для него более позднюю дату, чем та, которая установлена для подобных сосудов (Кузнецова 2002а. С. 79–90; Кузнецова 2013. С. 54).

Однако отмеченные обстоятельства не учитываются при анализе архаического скифского материала, несмотря на то что сопроводительный инвентарь при погребенном на Темир-Горе содержит предметы (костяные «гвоздики» и «столбики», к примеру, выделенные в качестве индикаторов скифских архаических погребений, см.: Дубовская 1989. С. 143–145; Алексеев 2003. С. 55), хронологические рамки бытования которых определяются VI в. до н. э. (Черненко 1981. С. 33; Дубовская 1990. С. 185, 186).

Более позднюю дату для Темир-Горы позволяют предполагать и находки в кургане 13 могильника Новозаведенное-II, датированном авторами раскопок не ранее рубежа VII–VI вв. до н. э. (Петренко и др. 2000. С. 246), где в сопроводительном инвентаре обнаружены как «грибовидные столбики», «гвоздики» и «кнопочки», аналогичные тем, что присутствовали в гробнице на Темир-Горе, так и костяной зооморфный наконечник на лук, который, по мнению исследователей, не только по композиции и пропорциям «аналогичен наконечнику из кургана на Темир-горе», но и близок последнему по набору «образов звериного стиля, использованных в качестве элементов зооморфных превращений» (Там же. С. 244, 245).

Е. Е. Фиалко отметила, что безграничное стремление к удревлению либо памятников, либо исторических этапов периода «скифской классики», нередко приводит к «манипуляции датами»[1], полученными на основании сопоставления различных категорий так называемых импортных вещей (Фиалко 2006. С. 366), но это более относится к хронологическим построениям для архаического периода.

[1] Следует отметить, что «манипуляция» с датами порождена характером самих археологических источников и сопутствует любому исследованию, связанному с хронологическими построениями на их основе.

И если для периода «скифской классики» повышение датировок привело к отрыву от данных письменной традиции, поскольку сведения из «Истории» Геродота, относящиеся ко времени около середины V в. до н. э., свидетельствуют о значительной роли скифов в Северопонтийском регионе в это время, а количество памятников V в. до н. э. неоправданно мало, что и заставляет специалистов вести поиск хронологических реперов в этом направлении, то для периода «скифской архаики» такое повышение приводит к согласованию с письменными источниками, поскольку скифы не фиксируются ими в Северном Причерноморье ранее 613–608 гг. до н. э. (Кузнецова 2009б. С. 327).

Правда, несмотря на то, что, по мнению исследователей, «при определении хронологических рамок какого бы то ни было комплекса решающую роль играет наиболее поздняя находка» (Фиалко 2006. С. 366), хронологические построения проводятся по соотношению диапазона поздних дат с диапазоном датировок более ранних находок, поскольку в скифских курганах сосредоточены предметы, относящиеся (по существующим для них датировкам) к разному времени.

Такой подход, безусловно, противоречит принципу «датирования по наиболее поздним вещам», но, как предполагается, более точно устанавливает время создания памятника, расширяя тем самым возможности согласования имеющегося материала с концептуальными положениями исследователя.

Для периода «скифской классики» поздние даты предметов учитываются в большей степени, поскольку они имеют опору в античной керамике, что хорошо иллюстрируется примерами, приведенными Е. Е. Фиалко, призванными показать существование хронологического разрыва между датами чернолаковой посуды и временем совершения обряда захоронения (Фиалко 2006. С. 364, 365). Тогда как пример с определением хронологической позиции гробницы 2 Репяховатой Могилы (отнесена к рубежу VII–VI вв. до н. э.), в которой присутствует зеркало, не позволяющее датировать захоронение ранее второй трети VI в. до н. э. (Кузнецова 2002б. С. 79, 80; Кузнецова 2010. С. 238), показывает полное невнимание к поздним датам, что привело к выводу об отсутствии места для этого памятника «в рамках VI в. до н. э.» (Дараган 2010. С. 197). Показательно в этом плане и датирование центральной группы могильника Новозаведенное-II, где хронологические построения проводились с учетом ранее установленных дат для предметов, имеющих аналогии в других памятниках (Петренко и др. 2000. С. 238–246), хотя в кургане 16 был выявлен хронологический репер (античная керамика), свидетельствующий о заниженных и требующих пересмотра датировках архаического материала. Те предметы из кургана 16, которые имеют абсолютное сходство с сопроводительным инвентарем из других захоронений Новозаведенского могильника, должны были служить точкой отсчета для сопоставления времени сооружения остальных курганов в группе и привести к корректировке дат комплексов из других памятников, аналогии которым отмечены в указанном могильнике. Однако концептуальная позиция авторов о длительном обитании скифов в Северокавказском регионе и их тесных контактах в этот период с Закавказьем и Передней Азией к такой корректировке не привела (Петренко и др. 2009. С. 234)[1].

Мнение об отсутствии в курганах скифской знати примеров, указывающих на большой разрыв во времени совершения раннего и позднего захоронений, обусловило

[1] Позже, правда, корректировка хронологии была проведена для Келермесского могильника (Маслов 2010. С. 57, 58).

и дату сооружения ранней могилы Солохи, «подтянутую» к рубежу V–IV вв. до н. э. (Манцевич 1987. С. 118, 119; Алексеев 2003. С. 260) или к IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012. С. 515).

Однако исследование вещевого комплекса, сохранившегося в очень малом количестве в первичном захоронении кургана Солоха (Манцевич 1987. С. 30–39), показывает, что в его состав входили предметы, аналогии которым датируются более ранним временем: тележка с изображением пальметты (первая половина или середина V в. до н. э., см.: Манцевич 1987. С. 37–39. Кат. 10) и котел (V в. до н. э., исходя из его возможного «долголетия», см.: Там же. С. 37), близкий и «архаическим», и «классическим» сосудам (Кузнецова 2015. Рис. 4), но эти данные не учитываются при установлении времени совершения захоронения, хотя вещей, безусловно указывающих на рубеж V–IV вв. до н. э. и IV в. до н. э., в ранней могиле нет. Исследователями не принимаются во внимание ни даты предметов, происходящих из кургана Бабы́, датированного первой половиной V в. до н. э. (Artamonow 1970. S. 30), аналогии которым находят в Солохе (Манцевич 1987. С. 32–34. Кат. 5; С. 35. Кат. 5), ни дата килика, приводимого в качестве основного хронологического репера (Башова Могила: Манцевич 1987. С. 120; Алексеев 2003. С. 259, 260), определенная К. С. Горбуновой 440–430 гг. до н. э. (Горбунова 1971. С. 32) и смещающая к середине V в. до н. э. время первичного захоронения в Солохе. Однако даты золотых нашивных бляшек, происходящих из памятников конца V–IV вв. до н. э. и IV в. до н. э., имеющих лишь отдаленное сюжетное и композиционное сходство с солохскими (Ханенко, Ханенко 1899. Табл. XXVI, № 438; XXVII, № 441), в хронологических построениях учитываются (Манцевич 1987. С. 30–32, 120; Алексеев 2003. С. 261).

Сопоставление сопроводительного инвентаря обеих могил Солохи показало, что в позднем захоронении не выявлены предметы, датирующиеся ранее начала второй половины V в. до н. э. (Манцевич 1987. С. 46–106), тогда как в ранней могиле они присутствуют, хотя их и не очень много. Дата серебряного килика, определенная выше (вторая четверть V в. до н. э.), дополняет число ранних вещей в первичной могиле.

Исследователи устанавливают близость совершения захоронений в раннюю и позднюю могилы Солохи (Манцевич 1987. С. 118, 119; Алексеев 2003. С. 206), исходя из того, что они обе содержали предметы, находящие аналогии в кургане 2 (1883–1885 гг.) у с. Аксютинцы (середина V в. до н. э.) и в кургане Чмырева Могила (середина – третья четверть IV в. до н. э.). Однако если материал из с. Аксютинцы действительно близок солохскому, обнаруженному и в ранней, и в поздней могилах, то вещи из Чмыревой Могилы имеют лишь отдаленное сходство с изделиями из первичного погребения Солохи. Несмотря на выявленное сходство предметов из кургана 2 (1883–1885 гг.) у с. Аксютинцы и поздней могилы Солохи, эти погребения датируются по античной керамике различно: первое – серединой V в. до н. э. (Ильинская 1968. С. 76, 77), а второе – первой четвертью IV в. до н. э. (Алексеев 2003. С. 260, 261; Бидзиля, Полин 2012. С. 515), что свидетельствует о присутствии близких форм вещей в разных хронологических группах[1].

[1] Показательно в этом плане сходство золотых бляшек в виде «личин» из лесостепного кургана 2 (1883–1885 гг.) у с. Аксютинцы середины V в. до н. э. (Ильинская 1968. С. 76, 77. Табл. XV) и сарматского погребения у с. Комарово (курган 1, погребение № 24) Моздокского района (Прокопенко 2014. С. 340. Рис. 214, *19*), датированного либо второй половиной III – началом II в. до н. э. (Абрамова 1990. С. 125–127), либо не ранее рубежа нашей эры – I в. н. э. (Гиджрати, Наглер 1985. С. 132).

Распределение материала в ранней гробнице Солохи позволяет определить время ее сооружения в пределах первых десятилетий второй половины V в. до н. э. (≈ 450–430 гг. до н. э.), учитывая и возможность длительного использования предметов, и неопределенную пока хронологическую позицию бронзовой фиалы (Манцевич 1987. С. 39. Кат. 12), поскольку самая близкая ей, но неполная аналогия (глубина чаши вдвое меньше) встречена среди серебряных сосудов из с. Рогозен во фракийском кладе, который накапливался с конца VI до середины IV в. до н. э. (Николов и др. 1987. С. 20, 84. Обр. 63)[1].

Сохранившийся комплекс сопроводительного инвентаря ранней могилы Солохи, таким образом, свидетельствует о продолжительном временном интервале между совершением захоронений в эту и позднюю гробницы. Не противоречат этому и находки в могилах коней.

Однако более точное определение хронологической позиции кургана, как и его стратиграфии, возможно только после доследования Солохи.

Абрамова 1990
Абрамова М. П. О скифских традициях в культуре населения Центрального Предкавказья в IV–I вв. до н. э. // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С. 116–133.

Алексеев 1987а
Алексеев А. Ю. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н. э. // СА. 1987. № 3. С. 28–39.

Алексеев 1987б
Алексеев А. Ю. О датах скифских курганов Бабы и Раскопана Могила // СГЭ. 1987. [Вып.] 52. С. 28–31.

Алексеев 2003
Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб., 2003.

Алексеев 2012
Алексеев А. Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб., 2012.

Алексеев 2014
Алексеев А. Ю. Радиоуглеродное датирование скифских курганов // Феномен Більського городища – 2014 : збірник матеріалів Міжнародної наук. конф. Київ ; Полтава, 2014. С. 9–13.

Анохин 1989
Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.

Античное наследие 2004
Античное наследие в искусстве Западной Европы : каталог выставки. СПб., 2004.

Бидзиля, Полин 2012
Бидзиля В. И., Полин С. В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев, 2012.

Блаватский 1953
Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953.

Вахтина 1991
Вахтина М. Ю. «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора : межвуз. сб. науч. тр. Воронеж ; Белгород, 1991. С. 3–11.

Виноградов 1980
Виноградов Ю. Г. Перстень царя Скила // СА. 1980. № 3. С. 92–109.

Виноградов 1989
Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. : историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.

Власова 2010
Власова Е. В. Древности эллинские и местные // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. 3. С. 198–262.

Галанина 1997
Галанина Л. К. Келермесские курганы : «царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997. (Степные народы Евразии ; т. 1).

Галанина, Алексеев 2010
Галанина Л. К., Алексеев А. Ю. Древности скифской эпохи из Прикубанья // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. 3. С. 170–196.

[1] Формы фиал из клада в Радювене (Венедиков, Герасимов 1973. С. 91. № 142), отмеченные А. П. Манцевич в качестве аналогий (Манцевич 1987. С. 39), имеют меньше сходства с солохским сосудом.

Гиджрати, Наглер 1985

Гиджрати Н. П., Наглер А. О. Сарматское погребение у сел. Комарово Моздокского района СО АССР : предварительная публикация // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 130–137.

Горбунова 1971

Горбунова К. С. Серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратних курганов // Культура и искусство античного мира. Л., 1971. С. 18–38.

Горончаровский 2013

Горончаровский В. А. О хронологии Семибратних курганов // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-н/Д., 2013. С. 161–173.

Дараган 2010

Дараган М. Н. О датировке амфоры из погребения № 2 Репяховатой Могилы // Античный мир и археология : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2010. Вып. 14. С. 175–202.

Дубовская 1989

Дубовская О. Р. О некоторых критериях отбора раннескифских погребений циркуммеотийского региона // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе : тез. докл. обл. науч.-практич. семинара (19–21 апреля 1989 г.). Донецк, 1989. С. 143–145.

Дубовская 1990

Дубовская О. Р. Раннескифские погребения у ст. Новокорсунской // СА. 1990. № 4. С. 182–189.

Евразия в скифскую эпоху 2005

Евразия в скифскую эпоху : радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.

Загинайло 1989

Загинайло А. Г. Литые монеты царя Скила из Никония // Древнее Причерноморье : чтения памяти проф. П. О. Карышковского : тезисы докл. конф. (9–11 марта 1989 г.). Одесса, 1989. С. 27–29.

Загинайло 1990

Загинайло А. Г. Литые монеты царя Скила // Древнее Причерноморье : мат-лы I Всесоюзных чтений памяти проф. П. О. Карышковского. Одесса, 1990. С. 64–71.

Загинайло 1991

Загинайло А. Г. Литые монеты из Никония : к вопросу об экономических связях города в VI–IV вв. до н. э.) // Северо-Западное Причерноморье : контактная зона древних культур. Киев, 1991. С. 52–61.

Загинайло 1993

Загинайло А. Г. Еще раз о монетах царя Скила // Древнее Причерноморье : краткие сообщения Одесского Археологического Общества. Одесса, 1993. С. 91–95.

Загинайло, Карышковский 1990

Загинайло А. Г., Карышковский П. О. Монеты скифского царя Скила // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990. С. 3–15.

Зограф 1951

Зограф А. Н. Античные монеты. М. ; Л., 1951. (МИА ; вып. 16).

Ильинская 1968

Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья : курганы Посулья. Киев, 1968.

Карышковский 1960

Карышковский П. О. Об обращении кизикинов в Ольвии // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 2. С. 3–13.

Карышковский 1987

Карышковский П. О. Монеты скифского царя Скила // Киммерийцы и скифы : тез. докл. конф. Кировоград, 1987. Ч. 1. С. 66–68.

Карышковский 1988

Карышковский П. О. Монеты Ольвии : очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев, 1988.

Карышковский 1999

Карышковский П. О. Ольвийские монеты : производство и метрология // Stratum Plus. 1999. № 6. С. 20–67.

Карышковский 2003

Карышковский П. О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Одесса, 2003.

Копейкина 1972

Копейкина А. В. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ. 1972. № 1. С. 147–159.

Кузнецова 2002а

Кузнецова Т. М. Загадки Темир-Горы // Материалы Междунар. науч. конф. «Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища». СПб., 2002. Ч. 2. С. 79–90.

Кузнецова 2002б
Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. М., 2002. Т. 1.

Кузнецова 2004
Кузнецова Т. М. О времени правления в Скифии царя Скила : материалы конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (105 лет со дня рождения Б. Н. Гракова)» // Старожитності степового Причерномор'я і Криму. Запоріжжя, 2004. Т. 11. С. 141–143.

Кузнецова 2009а
Кузнецова Т. М. Вопросы скифской хронологии // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2009. Т. 10. С. 49–63.

Кузнецова 2009б
Кузнецова Т. М. Хронология скифского присутствия на Ближнем Востоке : по следам Геродота // Stratum Plus. 2009. № 3. С. 308–328.

Кузнецова 2010
Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. М., 2010. Т. 2.

Кузнецова 2013
Кузнецова Т. М. О дате основания Истрии и Борисфена // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-н/Д., 2013. С. 50–58.

Кузнецова 2015
Кузнецова Т. М. Скифские курганы и исторические персонажи V–IV вв. до н. э. // РА. 2015. № 2. С. 72–85.

Манцевич 1987
Манцевич А. П. Курган Солоха. Л., 1987.

Маслов 2010
Маслов В. Е. Фрагменты ионийских сосудов из кургана 16 могильника Новозаведенное-II // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. М., 2010. С. 51–62. (МИАР ; № 13).

Мачинский 2011
Мачинский Д. А. Время основания поселения Борисфен на острове Березань и древнейшие этапы освоения эллинами северных берегов Понта // Боспорский феномен : население, языки, контакты : мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2011. С. 408–421.

Мурзин 1984
Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.

Петракова 2004
Петракова А. Е. Проблемы композиции в древнегреческой вазовой живописи VI–V вв. до н. э. : на примере формы килика : автореф. дис. … канд. искусств. наук. СПб., 2004.

Петракова 2010
Петракова А. Е. Роль орнаментальных элементов в атрибуции аттической черно- и красно-фигурной керамики : на примере памятников из собрания Государственного Эрмитажа // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12, № 5 (37). С. 268–276.

Петренко и др. 2000
Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. Хронология центральной группы могильников Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. М., 2000. С. 238–248.

Петренко и др. 2009
Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. Некоторые итоги исследования раннескифского могильника Новозаведенное-II в 1991–2003 гг. // Археологические открытия 1991–2004 : Европейская Россия. М., 2009. С. 225–234.

Прокопенко 2014а
Прокопенко Ю. А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н. э. Ставрополь, 2014. Ч. 1, 2.

Ростовцев 1925
Ростовцев М. И. Скифия и Боспор : критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925.

Фиалко 2006
Фиалко Е. Е. Посуда с лаковым покрытием в погребальном обряде скифов // Древности скифской эпохи : сб. ст. М., 2006. С. 351–387.

Фракийское золото из Болгарии 2013
Фракийское золото из Болгарии : ожившие легенды : каталог выставки. М., 2013.

Ханенко, Ханенко 1899
Ханенко Б. Н., Ханенко В. И. Древности Приднепровья. Вып. 2. Ч. 1. Эпоха, предшествующая Великому переселению народов. Киев, 1899.

Цветаева 1951
Цветаева Г. А. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав. М., 1951. (МИА ; вып. 19).

Черненко 1981
Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981.

Эварницкий 1901
Эварницкий Д. И. Раскопки курганов в Херсонской губ. // Труды одиннадцатого Археологического съезда в Киеве (1899). М., 1901. Т. 1. С. 718–735.

Яковенко 1972
Яковенко Э. В. Курган на Темир-Горе // СА. 1972. № 3. С. 259–267.

Ботева-Боянова 2000
Ботева-Боянова Д. Проблеми на тракийската история и култура : нов поглед върху сведения на Херодот и Тукидид. София, 2000.

Велков 1932
Велков И. Могилни гробни находки от Дуванлий // Известия на Българския Археологически Институтъ, 1930–1931. София, 1932. Т. 6. С. 1–44.

Венедиков, Герасимов 1973
Венедиков И., Герасимов Т. Тракийското изкуство. София, 1973.

Николов и др. 1987
Николов Б., Машов С., Иванов П. Тракийско сребърно съкровище от Рогозен // Известия на музеите в северозападна България. Враца, 1987. Т. 12. С. 11–125.

Филов 1934
Филов Б. Надгробните могили при Дуванлий в Пловдивско. София, 1934.

Шалганова 2010
Шалганова Т. ΣΚΥ в съдове от Древна Тракия // МИФ 15 : юбилейно издание за 15-годишнината от създаването на Департамент «История на културата» на НБУ. София, 2010. С. 77–91.

Alexeev 2007
Alexeev A. Y. Die Kurgane von Kelermes in ihrem historischen Kontext // Reiternomadische Eliten der eurasischen Steppe : Der Skythenkongress. Berlin, 2007. S. 33, 34.

Artamonow 1970
Artamonow M. Goldschatz der Skythen in der Eremitage. Prag ; Leningrad, 1970.

Cook, Dupont 1998
Cook R. M., Dupont P. East Greek Pottery. London ; New York, 1998.

Rostovtzeff 1922
Rostovtzeff M. I. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.

Schefold 1931
Schefold K. Attische Silberschale // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts (Röemische Abteilung). München, 1931. Bd. 46. S. 119–129.

Sparkes, Talcott 1970
Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, and 4th Centuries B. C. // The Athenian Agora. 1970. Vol. 12. Pt. 1, 2.

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко

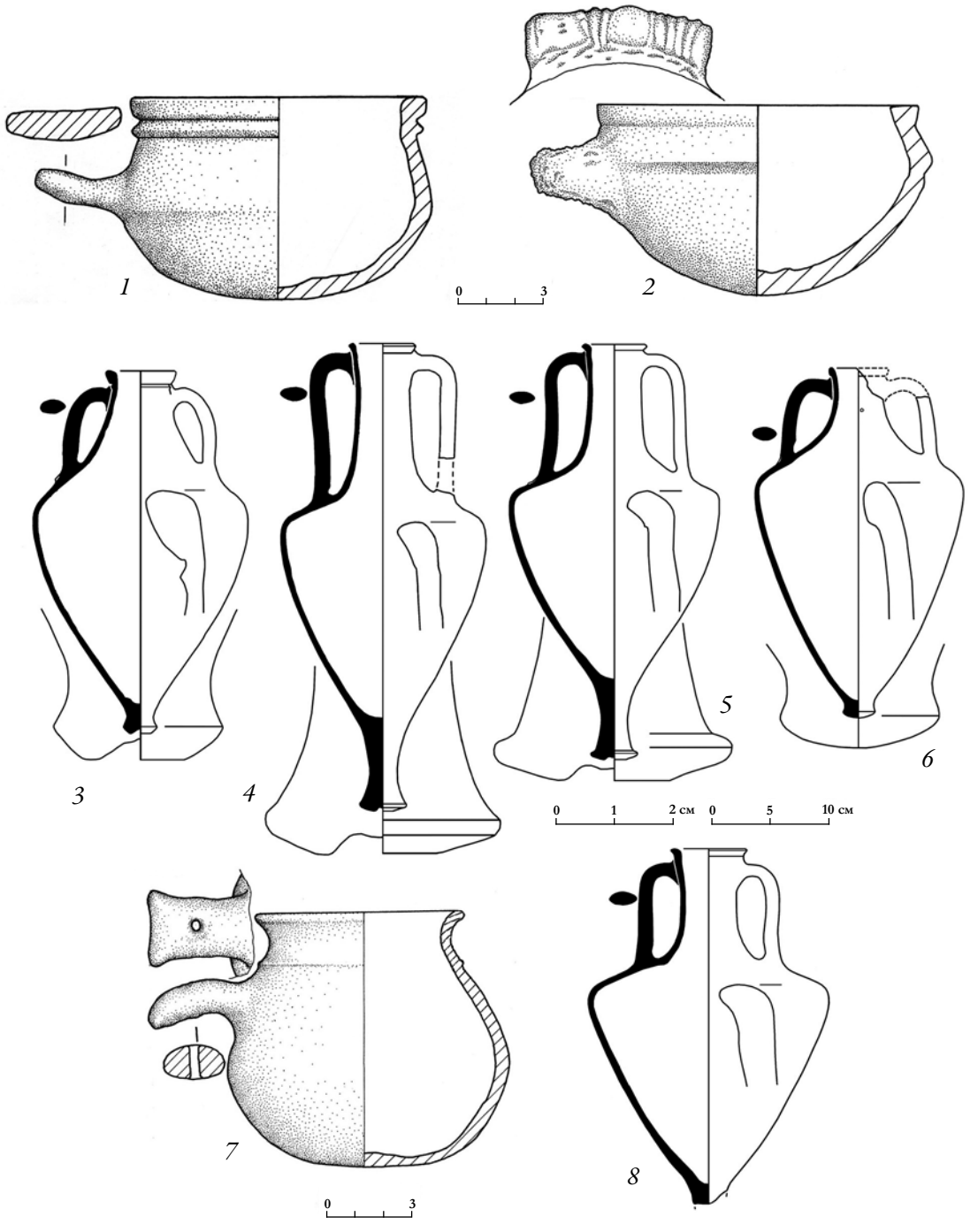
О ЧЕРПАКАХ С РУЧКОЙ-ВЫСТУПОМ ИЗ МЕОТСКИХ ПАМЯТНИКОВ КУБАНИ[1]

Для исследователей меотской культуры Прикубанья керамика является неисчерпаемым и едва ли не важнейшим источником информации. Среди огромного разнообразия форм местных и привозных сосудов IV в. до н. э., которые известны исследователям в основном по керамическим комплексам из грунтовых могильников, особого внимания заслуживает небольшая группа черпаков с горизонтальными ручками-выступами. Мы располагаем серией из 27 экземпляров, главным образом, благодаря раскопкам могильника у хут. Прикубанский. Два черпака происходят из памятников, также расположенных на правом берегу Кубани, – Пашковского могильника № 3 и могильника городища Спорное. В Закубанье мы пока знаем только два подобных сосуда из Псекупских могильников. Почти половину всего количества составляют сероглиняные сосуды меотского производства (13 экз.). Остальные сосуды – привозные (из них 13 красноглиняных и 1 коричневоглиняный). Материала пока немного, поэтому в предлагаемой нами типологии черпаков местные и импортные сосуды проанализированы совместно. В основу типологии положена форма тулова. Такие признаки, как форма ручки, венчика и дна могут быть использованы для дробной классификации, когда количество сосудов увеличится. Большинство черпаков были найдены в погребениях вместе с амфорами, что позволяет определить хронологические рамки бытования выделенных типов и в дальнейшей работе использовать этот вид сосудов как надежный датирующий материал.

Тип I. Чашевидные круглодонные черпаки, 2 экз. (ил. 1: *1, 2*). Оба сосуда происходят из Прикубанского могильника. Сероглиняный черпак из погребения № 153 имеет профилированный венчик и плоскую широкую ручку без отверстия. Высота 6,8 см, диаметр устья 10,0 см. Второй, коричневоглиняный, из погребения № 274, отличает широкая короткая ручка с оттиснутым с помощью штампа орнаментом в виде «ов». Венчик плоский, с остроугольным выступом, загнутый бортик выделен снизу широким желобком. Высота 6,5 см, диаметр устья 10,9 см.

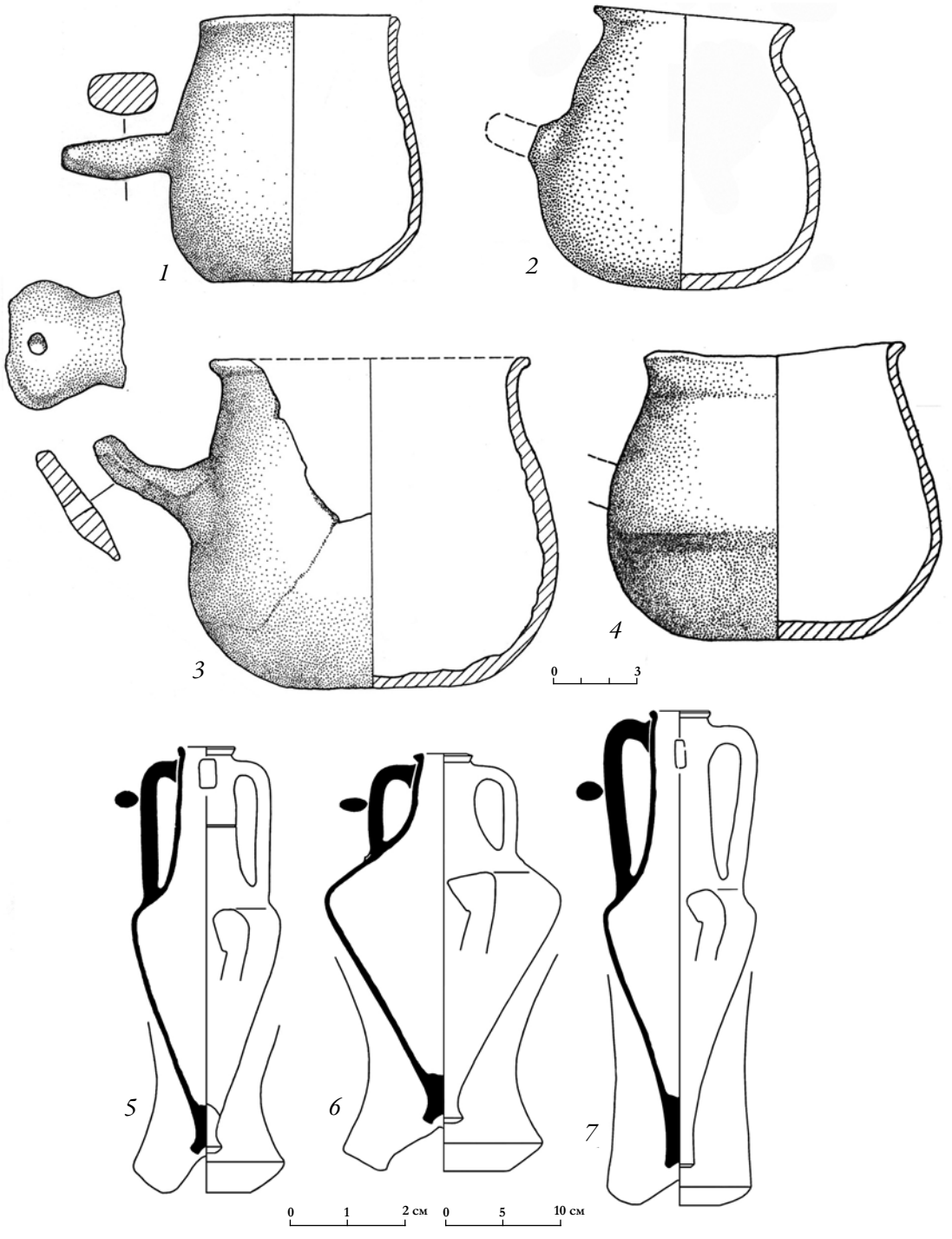
В этих погребениях найдены амфоры неустановленного средиземноморского центра и амфоры Менде. По амфорам Менде вариантов портичелло II-B (ил. 1: *5*) и мелитопольского II-C ранней серии (ил. 1: *4*) датировка черпаков типа I укладывается в рамки второй четверти IV в. до н. э. (Монахов 2003. С. 91–93).

[1] Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-01-00089 «Торговые связи меотов Прикубанья с античным миром (по материалам древнегреческой чернолаковой и тарной керамики».



Ил. 1. Черпаки и сопутствующие им амфоры из Прикубанского могильника

1, 2 – черпаки типа I; *3–6* – амфоры (*1, 3, 4* – погребение № 153; *2, 5, 6* – погребение № 274); *7* – черпак типа II; *8* – амфора (*7, 8* – погребение № 250). Рисунки С. О. Пальченкова



Ил. 2. Черпаки типа III и сопутствующие им амфоры из Прикубанского могильника

1, 2, 5, 6 – погребение № 22; *3* – погребение № 118; *4, 7* – погребение № 95. Рисунки С. О. Пальченкова

Тип II. Кружковидные черпаки с округлым туловом, 2 экз. (ил. 1: *7*). Короткое горло выделено в основании узким рельефным валиком. У красноглиняного черпака из погребения № 250 Прикубанского могильника край плавно отогнут, дно слегка уплощено. Размеры: высота 8,6 см, наибольший диаметр 9,6 см, диаметр устья 7,2 см, диаметр дна 3,7 см. Сероглиняный сосуд из Псекупского могильника имеет вертикальный край и округленное дно. Ручки в плане прямоугольные, со слегка прогнутыми сторонами, отогнуты книзу, с отверстием. Размеры этого сосуда вычислить без погрешности затруднительно, так как его рисунок приведен в общей хронологической таблице разных видов меотской керамики в очень мелком масштабе (Каменецкий 1989. С. 237. Табл. 91: *44*)[1].

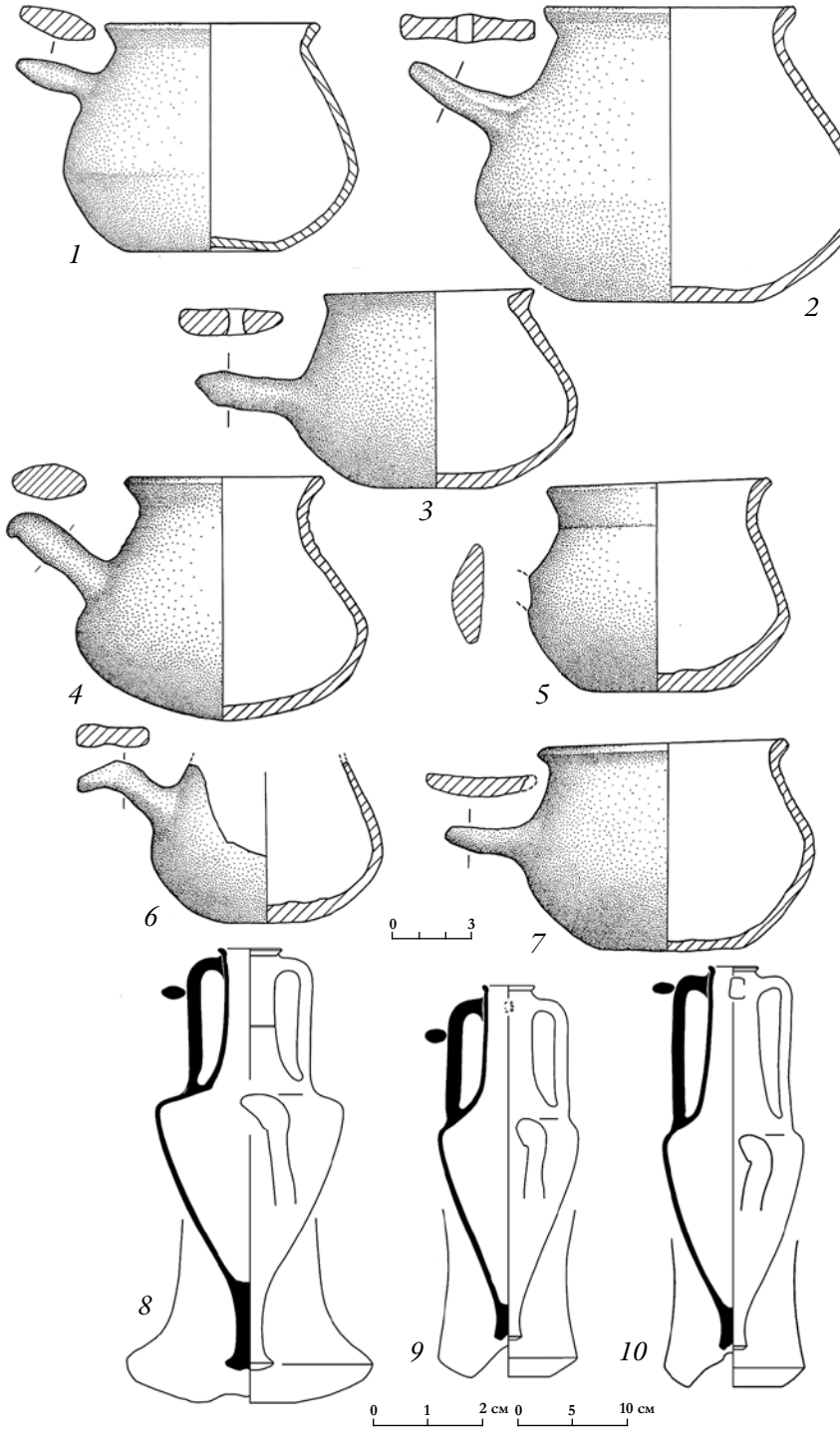
Что еще, кроме черпака, входило в состав комплекса из Псекупского могильника, нам неизвестно. Поэтому тип II пока можно датировать только по амфоре Менде варианта портичелло из погребения № 250 Прикубанского могильника (ил. 1: *8*), которую С. Ю. Монахов отнес к первой трети IV в. до н. э., хотя в целом вариант датируется первой половиной этого столетия (Монахов 2003. С. 91, 92, 95).

Тип III. Кружковидные черпаки с бочковидным туловом, 4 экз. (ил. 2: *1–4*). Сосуды были найдены в Прикубанском могильнике. Сосуд из погребения № 118 – сероглиняный, из погребений № 22 (2 экз.) и № 95 происходят красноглиняные черпаки. Венчик плавно отогнут или практически вертикальный, дно уплощенное. Один экземпляр имеет короткое горло и округленное дно. Из трех красноглиняных сосудов ручка сохранилась только у одного – горизонтальная, подпрямоугольного сечения, без отверстия. У двух других, судя по излому, ручки были утолщены и слегка приподняты. У сероглиняного экземпляра ручка плоская, приподнятая, с расширенным окончанием и отверстием. Высота 9,1–12,6 см, наибольший диаметр 8,6–14,3 см, диаметр устья 6,8–12,4 см, диаметр дна 5,0–6,5 см. Сероглиняный сосуд – самый крупный по размерам.

Нижняя хронологическая граница бытования черпаков этого типа определяется гераклейской амфорой (тип I-А) с магистратским клеймом Этера конца 80-х – начала 70-х гг. IV в. до н. э. и синопской (тип I-А) – начала второй четверти IV в. до н. э. из погребения № 22 (ил. 2: *5, 6*). Верхняя – гераклейской амфорой (тип II) из погребения № 95 (ил. 2: *7*) середины 40-х гг. IV в. до н. э. с клеймом Спинтара (Монахов 2003. С. 132, 146, 147; Кац 2007. С. 242, 243. Прил. VI). Поэтому датировка черпаков типа III может быть ограничена второй – третьей четвертями IV в. до н. э.

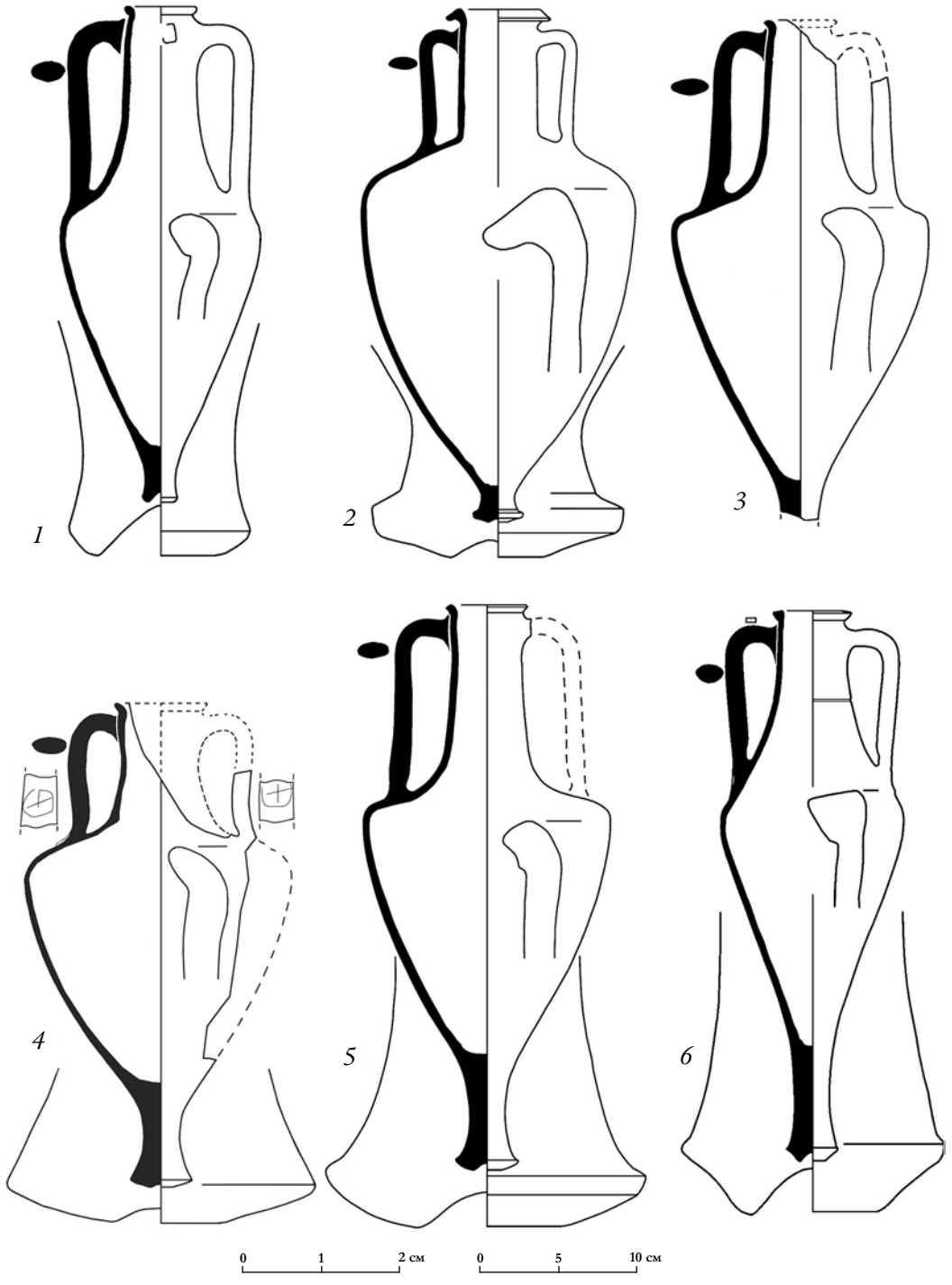
Тип IV. Кружковидные черпаки с биконическим туловом, 7 экз. (ил. 3: *1–7*). Все сосуды – из Прикубанского могильника. В этой выборке – пять сероглиняных сосудов (погребения № 203, 241, 262, 279, 364) и два красноглиняных (погребения № 183, 248). Кроме общей формы тулова их сближает короткое широкое горло, образованное отогнутым краем устья. Один экземпляр имеет скошенный внутрь заостренный венчик. Донца в основном выраженные, плоские или немного вогнутые. В двух случаях – округленное и слегка уплощенное. Ручки плоские, с отверстием и без, а также овальные или сегментовидные в сечении, без отверстия. Расположены горизонтально или приподняты. Высота 7,2–9,1 см, наибольший диаметр 10,3–14,5 см, диаметр устья 7,5–9,8 см, диаметр дна 4,3–6,6 см.

[1] В этом издании в подписях к таблице 91 не указаны номер могильника и номер комплекса, из которого происходит черпак.



Ил. 3. Черпаки типа IV и сопутствующие им амфоры из Прикубанского могильника

1 – погребение № 183; *2, 8* – погребение № 203; *3, 9, 10* – погребение № 241; *4* – погребение № 279; *5* – погребение № 262; *6* – погребение № 248; *7* – погребение № 364. Рисунки С. О. Пальченкова



Ил. 4. Амфоры из Прикубанского могильника, сопутствующие черпакам типа IV

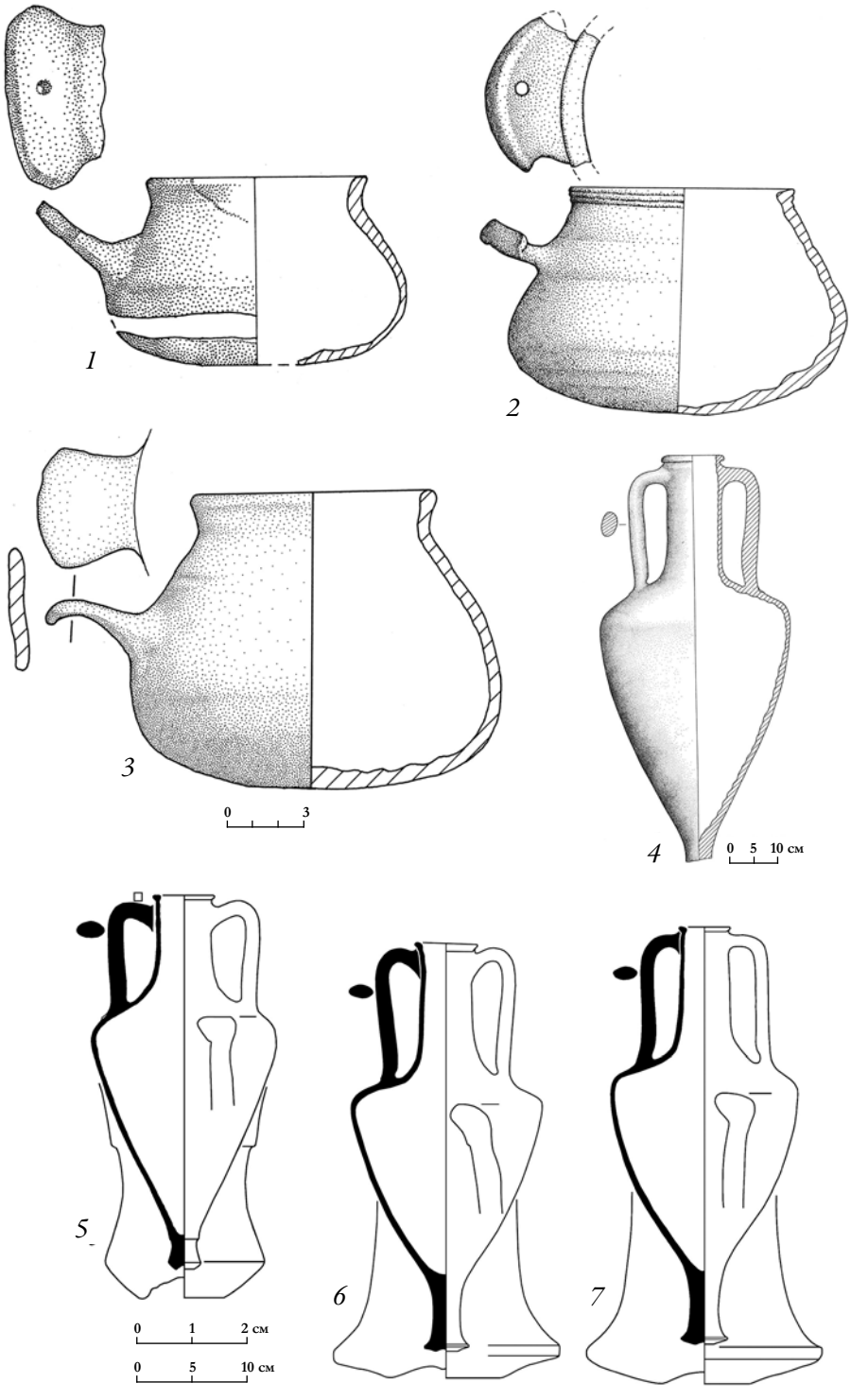
1 – погребение № 183; *2, 3* – погребение № 262; *4* – погребение № 279; *5, 6* – погребение № 364. Рисунки С. О. Пальченкова

В погребениях вместе с черпаками были встречены амфоры различных центров (Гераклея, Менде, Книд, Фасос). Наиболее ранняя гераклейская амфора (пифоидного типа, вариант I-4) из погребения № 183 (ил. 4: *1*) по сокращенному магистратскому клейму IA(-) относится к 90-м гг. IV в. до н. э. (Монахов 2003. С. 129, 130). Датировки других образцов амфорной тары (ил. 3: *8–10*; 4: *2–6*) варьируют в пределах первой – третьей четвертей IV в. до н. э., определяя период бытования черпаков типа IV. Этой дате не противоречит и находка в погребениях № 248 и 262 Прикубанского могильника чернолаковых сосудов, которые в совокупности с амфорной тарой позволяют датировать эти комплексы второй четвертью – серединой IV в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2010. С. 323, 328–331. Кат. № 4, 18, 19. Рис. 1: *4*; 3: *1, 4*).

Тип V. Кружковидные черпаки с «мешковидным» туловом, сильно расширяющимся в придонной части, 6 экз. (ил. 5: *1–3*). Сосуды делятся на сероглиняные местного производства (Прикубанский, погребение № 68, Спорное, погребение № 144, Псекупский) и привозные красноглиняные (Прикубанский, погребения № 264, 381, Пашковский № 3, погребение № 4 1949 г.). Горло короткое, образованное слегка отогнутым краем или выделенное узкими желобками. Такое горло имеют сосуды из погребения № 4 1949 г. Пашковского могильника № 3 (Смирнов 1958. С. 303. Рис. 9: *17*) и погребения № 144 могильника городища Спорное, у которого венчик скошен внутрь и заострен. Ручки (у одного сосуда не сохранилась) плоские, с расширенным округленным краем, с отверстием или без него, расположены горизонтально, слегка приподняты или отогнуты вниз. У черпака из Спорного по краю ручки имеется валик, придающий ей «грибовидное» очертание. У пашковского экземпляра ручка плоская, прямоугольная, с отверстием. Донца округленные или слегка уплощенные. Высота 6,2–11,0 см, наибольший диаметр 8,9–13,8 см, диаметр устья 6,8–9,2 см, диаметр дна 3,5–5,0 см. Сосуд из Псекупса, судя по изображению (Каменецкий 1989. С. 237. Табл. 91: *45*), аналогичен черпаку из погребения № 381 Прикубанского могильника. Размеры его по опубликованному рисунку не восстановлены.

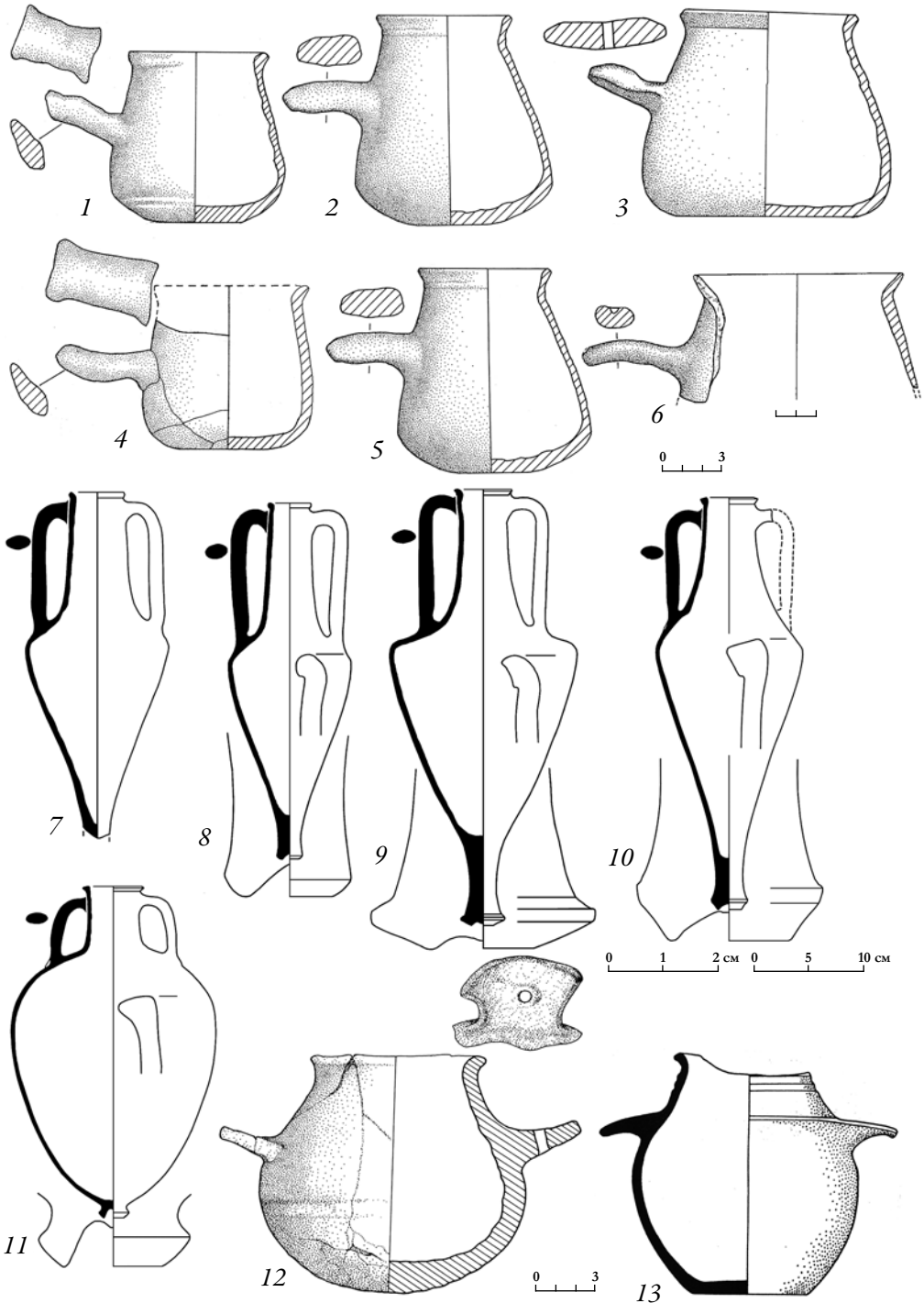
Хронологические рамки черпаков типа V определяются в пределах второй – последней четвертей IV в. до н. э. по амфорам Фасоса вариантов II-B-2 из погребения № 4 1949 г. Пашковского могильника № 3 (Смирнов 1958. Рис. 6: *3*), II-C-3 из погребения № 68 и Менде вариантов портичелло II-B и мелитопольского II-C из погребения № 381 Прикубанского могильника и погребения № 144 могильника городища Спорное (ил. 5: *4–7*) (Лимберис, Марченко 2001. С. 158; Монахов 2003. С. 72, 91–93, 95; Бочковой и др. 2005. С. 172. Рис. 12: *4*; 14: *4*). По сочетанию датировок амфорной тары и находок чернолаковых сосудов в Прикубанском могильнике узкая хронология черпака из погребения № 381 может быть определена в пределах второй четверти IV в. до н. э., а черпак из погребения № 68 должен быть отнесен к последней четверти этого столетия (Лимберис, Марченко 2010. С. 323, 331. Кат. № 7, 26. Рис. 1: *9*; 2: *8*).

Тип VI. Кружковидные черпаки с коническим туловом, 6 экз. (ил. 6: *1–6*). Тулово довольно резко сужается кверху, край отогнут, дно плоское. Эти сосуды также происходят из Прикубанского могильника. Сероглиняные представлены целым экземпляром из погребения № 76 и частью тулова с ручкой из погребения № 265 (ил. 6: *3, 6*). Целый сосуд имеет сильно расширяющееся ко дну тулово, сближающее его с предыдущим типом V, от которого он отличается ровными стенками и плоским дном. Его ручка плоская, приподнятая, с отверстием. Ручка фрагментированного черпака слегка выгнутая,



Ил. 5. Черпаки типа V и сопутствующие им амфоры

1, 5 – погребение № 68 Прикубанского могильника; *3, 6, 7* – погребение № 381 Прикубанского могильника; *2, 4* – погребение № 144 могильника городища Спорное. Рисунки С. О. Пальченкова



Ил. 6. Черпаки типа VI и сопутствующие им амфоры из Прикубанского могильника

1, 2 – погребение № 55; *3, 7* – погребение № 76; *4, 8, 9* – погребение № 86; *5, 10, 11* – погребение № 375; *6* – погребение № 265. Двуручные сосуды (курильницы): *12* – погребение № 2 кургана 2 могильника Прикубанский; *13* – погребение № 335з могильника Старокорсунского городища № 2. Рисунки С. О. Пальченкова

овальная в сечении, с несквозным отверстием. Красноглиняные сосуды из погребений № 55 (2 экз.), 86 и 375 (ил. 6: *1, 2, 4, 5*) имеют горизонтальные или приподнятые ручки неправильного овального сечения, с ровными или слегка прогнутыми сторонами. Высота 8,1–10,2 см, наибольший диаметр 8,3–12,2 см, диаметр устья 6,7–8,7 см, диаметр дна 3,5–8,8 см.

Гераклейские амфоры биконического и конического типов, фасосская биконическая, а также Менде мелитопольского варианта, в том числе поздней серии из погребений № 76 (ил. 6: *7*), 86 (ил. 6: *8, 9*) и 375 (ил. 6: *10, 11*), дают возможность датировать черпаки типа VI второй – третьей четвертями IV в. до н. э. (Монахов 2003. С. 95, 144).

Нельзя сказать, чтобы черпаки были широко и повсеместно распространены в меотских погребальных памятниках IV в. до н. э. До раскопок на хут. Прикубанский нам был известен только черпак из Пашковского могильника и два сосуда из Закубанья. Сосуды этой формы не были встречены ни в исследованных могильниках Краснодарской и Усть-Лабинской групп, ни в погребениях второй хронологической группы Уляпского могильника. Сосудик из Марьянского кургана, приведенный К. Ф. Смирновым в качестве аналогии пашковскому, мы не осмеливаемся отнести к рассматриваемой серии, так как его фотография не дает возможности однозначно определить форму ручки (ОАК 1916. Рис. 73, внизу справа; Смирнов 1958. С. 303).

Трудно усомниться в том, что сосуды с одной ручкой (черпаки) служили для зачерпывания жидкости и питья. Хотя сероглиняные черпаки несомненно изготовлялись на меотских городищах, в настоящее время нам неизвестны подобные сосуды из культурных слоев (возможно, это связано с недостаточной изученностью бытовых памятников). Но все же удобство этой формы сосудов позволяет допустить их использование в обыденной жизни. Черпаки с отверстием на ручке можно было посредством веревочной петли вешать на гвоздь или др., носить на поясе и приторачивать к седлу (как позднее и кружки с горизонтальными ручками).

Красноглиняные черпаки, как можно предположить по составу глины, были произведены в ближайших боспорских мастерских. Опять же надо оговориться, что в материалах из греко-варварских некрополей и городов Северного Причерноморья черпаки с ручкой в виде выступа нам не встречались. Не исключено, что их делали по специальному заказу для прикубанских меотов, которым хотелось разнообразить свою серую керамику. Отметим, что местные сероглиняные сосуды нередко изготовлены более качественно, чем привозные красноглиняные.

Единственный коричневоглиняный черпак (погребение № 274 Прикубанского могильника) выделяется из всей рассмотренной серии сосудов не только технологией изготовления, отличной от меотской и боспорской, но и оформлением ручки – более широкой, короткой и утолщенной, на которой штампом оттиснут орнамент в виде «ов», разделенных узкими желобками. Этот классический декор, более характерный для архитектурных деталей и металлических изделий, встречается также на толстостенной хозяйственной керамике, производившейся в Коринфе и других центрах античного мира. Подобный орнамент, в том числе выполненный способом формовки, можно увидеть на стенках и венчиках лутериев и, что особенно интересно, на зачаточных ручках-выступах мортаров (Sparkes, Talcott 1970. P. 220, 223. N 1867, 1868, 1870, 1913–1918). Похоже, что прикубанский сосуд происходит из удаленного от азиатского Боспора центра.

В меотских погребениях IV в. до н. э. встречаются также сероглиняные и красноглиняные сосуды с двумя ручками-упорами, по форме часто совпадающие с кружковидными черпаками (ил. 6: *12, 13*). Известны они в тех же памятниках, что и черпаки: Пашковском могильнике № 3 (погребение № 1 1947 г.), могильниках Старокорсунского городища № 2 (погребения № 107в и 335з), Спорное (погребение № 190) и Прикубанском (погребение № 2 кургана 2). Подобные кружальные сосуды, как и лепные с ручками-упорами, мы относим к категории культовых (курильниц), так как во многих из них находились древесные угольки или закопченные камни (Лимберис, Марченко 2006. С. 134. Рис. 1–4, 6: *1–5*).

К. Ф. Смирнов считал одноручные и двуручные сосуды из Пашковского могильника № 3 однотипными и даже сближал их «с лепными горшками, имеющими ручки-упоры» (Смирнов 1958. С. 303. Рис. 5: *9*). В Усть-Лабинском могильнике № 2 двуручные сероглиняные сосуды происходят из погребений третьей хронологической группы III – начала I в. до н. э. По мнению Н. В. Анфимова, «форма горшка с характерными горизонтальными ручками в виде выступов восходит к известным скифским металлическим и глиняным сосудам» (Анфимов 1951. С. 180. Рис. 8: *12*). Действительно, ручки-выступы нетипичны для раннемеотской керамики. Единственный пока пример – две курильницы с отверстиями на ручках, причем у одного сосуда вертикальные выступы расположены на венчике. Обе курильницы были найдены в погребениях второй четверти V в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2012. С. 39. Рис. 38: *4*; 39: *5*). Лепные горшки с двумя горизонтальными ручками-упорами из раннескифских памятников также немногочисленны (Ильинская 1968. С. 169. Табл. LXII: *22*; Шрамко 1983. С. 85. Рис. 9: *3, 8*; Шрамко 1987. Рис. 50: *11*). Разные исследователи рассматривают их как прототипы двуручных серебряных и деревянных культовых чаш или же вовсе отрицают наличие каких-либо параллелей (Рябова 1987. С. 145).

Культовые сосуды скифской эпохи из дерева и металла, в том числе с одной и двумя боковыми ручками-выступами, были детально проанализированы Е. Ф. Корольковой. Чисто внешнее (видовое) сходство меотские чашевидные черпаки IV в. до н. э. обнаруживают только с деревянными сосудами с округленным дном и ручкой-выступом с зооморфным окончанием (тип 3 по Е. Ф. Корольковой). Исследовательница также отмечает, что в памятниках скифского времени встречаются и близкие керамические формы, но, как правило, без ручек или с небольшим боковым выступом (Королькова 2003. С. 30, 52, 54. Рис. 1, 2: *1, 3, 7, 9, 11–15*). Мы не уверены, что такие сосуды могли стать образцами для меотских изделий. На самом деле нам известен только один лепной сосуд из памятника в центральном Крыму, относящийся к комплексу лощеной кизил-кобинской керамики VI–V вв. до н. э. (Мелюкова 1989. С. 65, 66. Табл. 17: *13*), морфология которого однозначно совпадает с кружковидными меотскими черпаками IV в. до н. э. Несмотря на разительное сходство, такое совпадение представляется в большей степени случайным, тем более что по крайней мере до середины VI в. до н. э. у меотов, как известно, были распространены чернолощеные чашевидные ковши с рогатыми ручками (Лимберис, Марченко 2012. С. 16, 17). Затем этот вид посуды для питья исчезает из употребления – его заменили кружки. Новая форма черпаков с ручкой-выступом появляется у меотов после значительного перерыва.

Период использования меотами в погребальном обряде черпаков с ручкой-выступом ограничен узкими хронологическими рамками второй – последней четвертей IV в. до н. э.

Как мы выяснили, новая форма не имела прототипов среди чернолощеных сосудов раннемеотского периода, и ее появление в «готовом» виде выглядит неожиданно, тем более при отсутствии аналогий в греческой керамике, разные виды которой массово воспроизводились на Боспоре и успешно копировались гончарами на меотских городищах. Поэтому мы вправе предположить возникновение черпаков с ручкой-выступом в местной (боспорской или меотской) среде. Учитывая, что ручки в виде выступов, хоть и встречаются нечасто, все-таки являются заметным отличительным элементом как бытовых, так и культовых сосудов скифского времени, более предпочтительной выглядит меотская версия.

Однако нельзя забывать о черпаке с «овами» на ручке из погребения № 274 Прикубанского могильника (ил. 1: *2*). Этот сосуд – свидетельство существования подобной формы в других, удаленных от Прикубанья регионах. Строить какие-либо предположения о месте его производства мы пока не готовы.

Прекращение использования черпаков к концу IV в. до н. э. наводит на мысль о том, что им на смену пришел другой вид сосудов для питья. Представляется логичным, что черпаки с ручкой-выступом были предшественниками кружек с горизонтальной петельчатой ручкой, популярных не только в меотской, но и в сарматской среде. Однако хронологически эту преемственность пока обосновать нельзя, так как самое раннее меотское погребение (из известных в настоящее время) с такой кружкой датируется концом III – началом II в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2005. С. 235. Рис. 9: *6*). Примерно в это же время кружки с горизонтальной ручкой распространяются в сарматских памятниках Прикубанья (Марченко 1996. С. 85–87. Рис. 30) и позднее проникают в Поволжье (Скрипкин 1990. С. 160, 161. Рис. 16: *6*).

Анфимов 1951

Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. М., 1951. С. 155–207. (МИА ; вып. 23).

Бочковой и др. 2005

Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып. 5. С. 172–218.

Ильинская 1968

Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья : курганы Посулья. Киев, 1968.

Каменецкий 1989

Каменецкий И. С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э. – III в. н. э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 224–251. (Археология СССР).

Кац 2007

Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма : опыт комплексного изучения / Боспорские исследования. Симферополь ; Керчь, 2007. Вып. 18.

Королькова 2003

Королькова Е. Ф. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. 2003. Вып. 36. С. 28–59.

Лимберис, Марченко 2001

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Импортная и местная керамика из погребений нового меотского могильника в Прикубанье // БФ : колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Ч. 2. С. 153–160.

Лимберис, Марченко 2005

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып. 5. С. 219–324.

Лимберис, Марченко 2006

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Типология и хронология курильниц из меотских могильников Прикубанья // Материалы и исследования

по археологии Кубани. Краснодар, 2006. Вып. 6. С. 134–151.

Лимберис, Марченко 2010
Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника : атрибуция и хронология // Древности Боспора. М., 2010. Вып. 14. С. 322–356.

Лимберис, Марченко 2012
Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Меотские древности VI–V вв. до н. э. : по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани. Краснодар, 2012.

Марченко 1996
Марченко И. И. Сираки Кубани : по материалам курганных погребений Нижней Кубани. Краснодар, 1996.

Мелюкова 1989
Мелюкова А. И. Скифские памятники степи Северного Причерноморья // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 51–67. (Археология СССР).

Монахов 2003
Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье : типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М. ; Саратов, 2003.

ОАК 1916
Отчет Императорской археологической комиссии (ОАК) за 1912 г. Пт., 1916.

Рябова 1987
Рябова В. А. Двуручные чаши из скифских курганов // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 144–151.

Скрипкин 1990
Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия : проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

Смирнов 1958
Смирнов К. Ф. Меотский могильник у станицы Пашковской. М., 1958. С. 272–312. (МИА ; вып. 64).

Шрамко 1983
Шрамко Б. А. Архаическая керамика Восточного укрепления Бельского городища и проблема происхождения его обитателей // АСГЭ. 1983. Вып. 23. С. 73–92.

Шрамко 1987
Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи : город Гелон. Киев, 1987.

Sparkes, Talcott 1970
Sparkes B. A., Talcott I. Black and Plane Pottery of the 6th, 5th, 4th cent. B. C. // The Athenian Agora. 1970. Vol. 12.

В. Е. Маслов

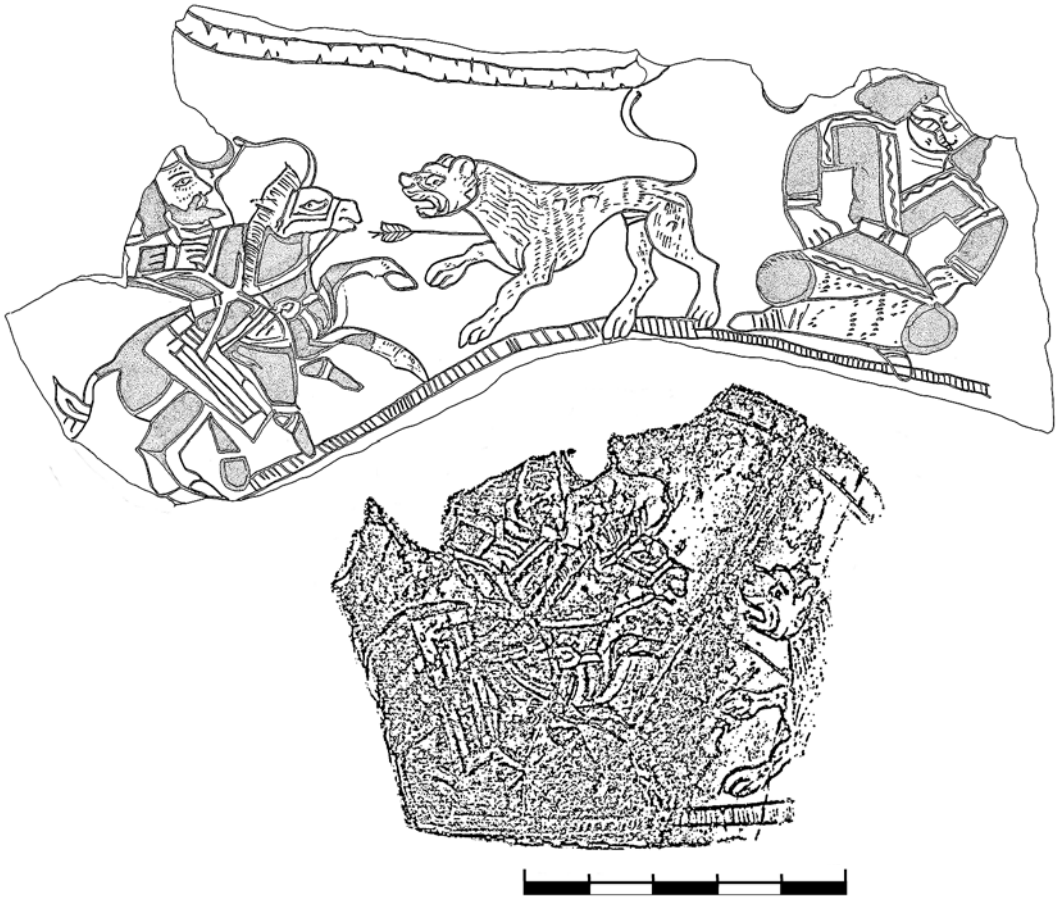
КОМПОЗИЦИЯ С НОМАДАМИ ИЗ КАЛАЛЫ-ГЫР 2 И ЕЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН[1]

В ходе исследования хорезмийского укрепленного храмового центра Калалы-гыр 2, расположенного в южной части Присарыкамышской дельты Амударьи на территории Республики Туркменистан, был найден роговой предмет с сюжетной композицией. Эта находка сразу привлекла внимание специалистов (Калалы-гыр 2 2004. С. 186, 187. Рис. 5: *24*; Берзина 2006. С. 91. Рис. 4: *1*; Яценко 2006. С. 103. Рис. 62: *9*). Первое обстоятельное исследование деталей изображений на данном предмете лишь недавно было выполнено Дж. Ильясовым, который проанализировал их, используя параллели с другими среднеазиатскими многофигурными композициями, нанесенными на кость – пряжками из Орлатского могильника и пластинами из храма Окса в Тахти-Сангине (Ильясов 2013). Однако существуют возможности новых интерпретаций, способные расширить круг проблематики, связанной с этой выдающейся находкой, к которой неизбежно будут обращаться различные поколения исследователей (ил. 1).

Предмет был найден в раскопе 7в, находившемся в центральной части храма-крепости: в СЗ углу помещения 11, которое, скорее всего, было глубоким айваном с квадратным жертвенником-алтарем (?), сложенным из сырцовых кирпичей и находившимся между двух колонн в центре (Калалы-гыр 2 2004. С. 72, 91, 92). Если это так, то помещение имело сакральный характер, где огонь возжигался в культовых целях. Оно было покинуто после пожара, положившего конец существованию храма (Калалы-гыр 2 2004. С. 240). Роговой предмет обгорел в этом пожаре и приобрел черный цвет. Таким образом, есть все основания считать, что данное изделие использовалось в финальный период существования храмового комплекса.

Остановимся подробнее на самой находке. Она изготовлена из опиленного с двух сторон основания рога взрослого самца оленя (семейство *Cervidae*). Нижний спил произведен над пеньком рога, верхний – у основания надглазничного отростка. После этого губчатое вещество было тщательно вычищено. В итоге была получена полость, выходящая в три округлых отверстия. Судя по расположению резного декора, предмет Y-образной формы использовался отростками вверх. Общие размеры изделия: высота 6,4 см, сечение овального основания 5,3 × 3,0 см. В верхней части, имеющей повреждения и утраты, в уплощенных сторонах сохранились два просверленных отверстия диаметром 7,0–8,0 мм, расположенных примерно по центральной оси, но в разных плоскостях.

[1] Выражаю искреннюю признательность С. Б. Болелову за помощь в работе над данной статьей.



Ил. 1. Роговой предмет из крепости Калалы-гыр 2 и развертка изображений на нем (прорисовка В. Е. Маслова)

Изображение нанесено на наружную заполированную поверхность рога рукой опытного мастера. Композиция состоит из двух частей – сцены охоты/поединка, в которой всадник поражает стрелой хищника семейства кошачьих, и сидящего с поджатыми ногами лидера/божества. Человеческие фигуры расположены напротив друг друга на широких, уплощенных латеральных поверхностях, а фигура хищника – на выпуклой торцевой части, как бы разделяя их.

Сверху и снизу фигуры обрамлены двумя ленточными бордюрами, заполняющий рисунок которых различен. Сверху – это зигзаг, снизу – наклонные черточки-насечки.

В отношении техники, в которой выполнена данная сюжетная композиция, неоднократно использовался термин «гравировка» (Калалы-гыр 2 2004. С. 184; Ильясов 2013. С. 96). Однако фигуры людей и животных лишь частично нанесены прорезными линиями. Наличие выпуклых, выделенных в низком рельефе деталей, сочетающихся с негативными, слегка заглубленными участками, показывает, что более правомерно рассматривать данное изображение как резное, вероятно, выполненное при помощи специального резца или ножа. Подобные детали присутствуют и в композиции

на пластинах из Тахти-Сангина (Litvinsky 2001. Fig. 2; 3; 5). Однако на них преобладает тонкая гравировка. Целиком графическими являются изображения на орлатских поясных пластинах, которые напоминают книжную миниатюру, нанесенную на шелк или бумагу (Ильясов 2013. Рис. 2: *2*).

Сложная изогнутая поверхность предмета и обилие деталей предполагает наличие подготовительного рисунка, но никаких следов предварительной разметки обнаружить не удалось. Напротив, изображение тетивы лука, резко меняющей направление, показывает, что, возможно, мастер корректировал детали изображения непосредственно в процессе работы. Но не исключены и другие объяснения. Так, на орлатской поясной пряжке с изображением сцены охоты правые кисти рук всадников, которыми они натягивают тетиву, неестественно вывернуты (ил. 5: *4*), а сами стрелы отсутствуют, в то время как на располагавшейся напротив пряжке с батальной сценой все обстоит совершенно иначе (Ilyasov, Rusanov 1998. P. 112; Яценко 2000. С. 89).

Назначение предмета. В существующих публикациях калалыгырская находка трактуется по-разному. Б. И. Вайнберг обозначала ее как «навершие», но не исключала, основываясь на иконографических параллелях, что это трещотка-систр (Калалы-гыр 2 2004. С. 184). С. Я. Берзина также придерживалась достаточно условной версии, что это навершие ритуального жезла (Берзина 2006. С. 91). Дж. Я. Ильясов, вслед за А. Шефером, предположил, что это одно из приспособлений для охоты с ловчими птицами (Ильясов 2013. С. 96). Позднее А. Шефер рассмотрел группу средневековых роговых предметов T- и Y-образной формы. Он отметил, что находки таких изделий известны на огромной территории от Забайкалья до Центральной Европы, и столь же широк хронологический диапазон их бытования (Шефер 2013. С. 65–71). Исследователь выдвинул предположение о социальной значимости подобных предметов и попытался связать декор на средневековых европейских трубчатых роговых изделиях с декором ордосских бронз, полагая, что они являются культурным наследием хуннской эпохи. Однако калалыгырская находка не была упомянута в данной публикации.

Исследователь хуннских памятников Забайкалья С. С. Миняев интерпретировал подобные находки как «роговые пряжки», внутри которых находился деревянный стопор с пазами, в которых двигались регулируемые ремешки (Миняев 1998. С. 34, 97).

Большое внимание находкам T- и Y-образных роговых предметов уделено исследователями древностей Хазарского каганата. После продолжительной дискуссии возобладала точка зрения, что они являлись реликвариями – вместилищами оберегов или других мелких вещей (Флёрова, Флёров 2005. С. 56, 57; Глебов, Иванов 2007. С. 163–165) (ил. 3: *1*)[1]. На мой взгляд, их назначение могло варьировать, и более корректно рассматривать их как контейнеры – вместилища мелких предметов или сыпучих веществ, что подтверждается использованием аналогичных по форме и способу изготовления роговых предметов в позднем Средневековье в качестве пороховниц (Чернецов 1985. С. 288, 289; Кренке, Курмановский 2009. С. 118, 119. Рис. 83).

На сегодняшний день наиболее ранние находки такого рода известны из памятников хуннской культуры в Забайкалье и Монголии (ил. 2; 3: *2*). Они были найдены на Иволгинском городище (Давыдова 1995. С. 30. Табл. 163: *16*; 183: *2*), в погребении № 99

[1] Появившаяся недавно статья Н. А. Кокориной, где представлена невероятная версия о том, что это роговые горлышки лодок-бурдюков, имеет, скорее, библиографическое значение (Кокорина 2014. С. 49–65).

Дырестуйского могильника (Миняев 1998. С. 97. Табл. 80: *1*), разрушенном погребении 15 могильника Баргай (Именохоев 2011. Рис. 4; 5), в кургане 21 Тариатского могильника (Свинин, Сэр-Оджав 1975. С. 184, 185. Рис. 2)[1]. Все предметы из погребений декорированы гравировками, различными по стилю и манере исполнения. Среди них выделяется многофигурная композиция из могильника Баргай со сценами терзания оленя тигром и драконом, которая покрывает всю поверхность U-образного предмета с прямоугольным отверстием в основании (ил. 2: *4*).

Следует отметить, что похожа не только форма этих предметов: бордюр с черточками на роговом предмете из кургана 21 Тариатского могильника в Монголии (ил. 3: *2*) аналогичен нижнему бордюру на находке из Калалы-гыр 2 (Свинин, Сэр-Оджав 1975. Рис. 2; 3).

Наибольший интерес для нас представляет находка из непотревоженного погребального комплекса Дырестуйского могильника (ил. 2: *3*). Здесь Y-образный предмет, сделанный из рога косули, был найден в гробу, лежавшем in situ поверх кисти правой руки мужчины 30–40 лет, в окружении бронзовых колец поясной подвески (Давыдова, Миняев 1993. С. 56. Рис. 5). В состав поясного набора также входили железные пряжки, а вдоль внутренней части бедра левой ноги был обнаружен набор ложечковидных подвесок. Предмет имел единственное центральное отверстие, расположенное между отростками рога, в котором сохранились остатки ремешка. Внутри одного из отростков рога был найден деревянный (?) «стержень с пазами» (Миняев 1998. С. 97).

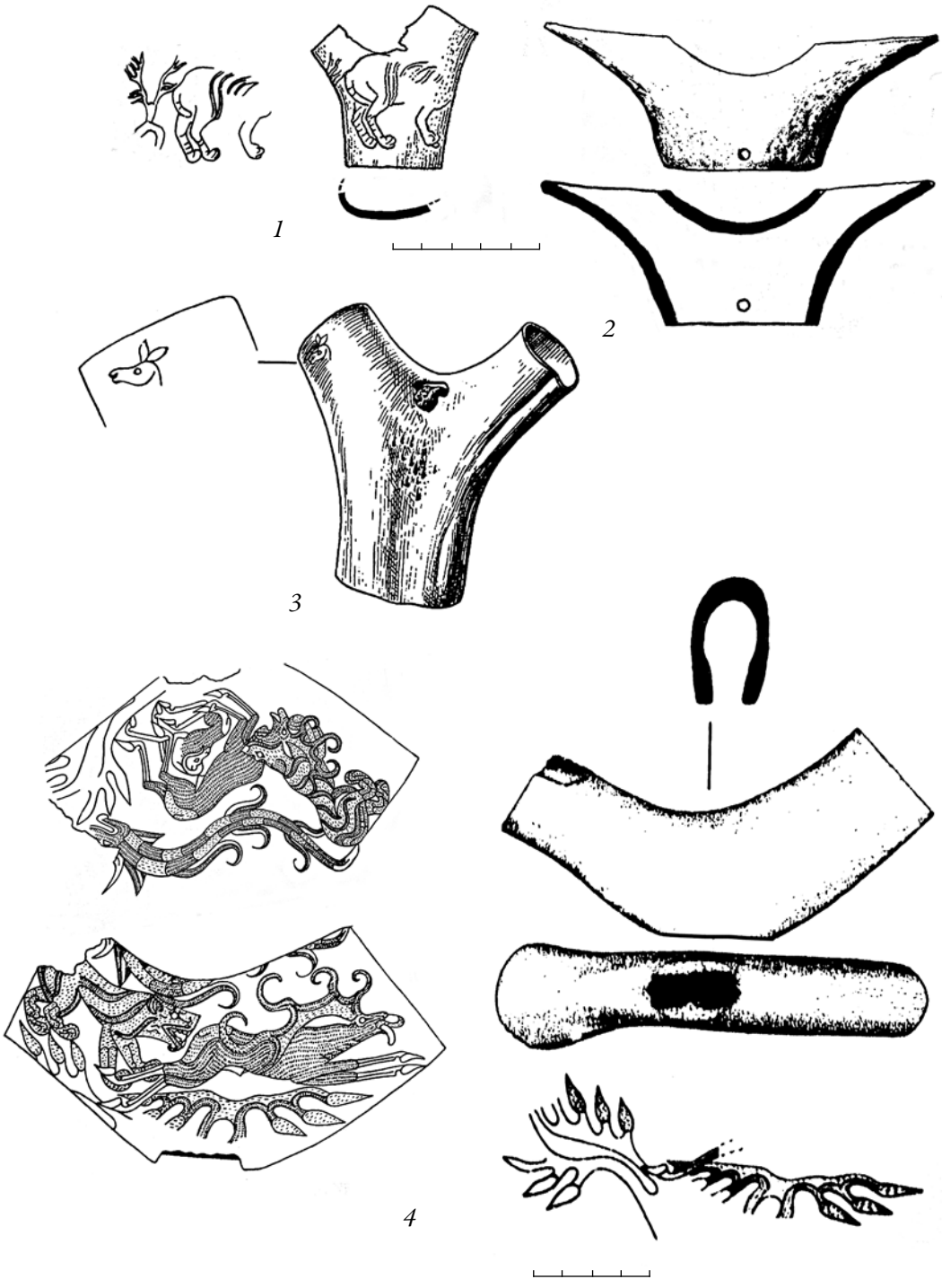
Последние исследования разнообразных китайских предметов, найденных в Дырестуйском могильнике и Иволгинском городище, позволяют датировать их западноханьским временем, преимущественно средним периодом Западной Хань (Ковалёв и др. 2011. С. 337).

В сарматских древностях особое место среди мужских захоронений высшей знати занимает погребение № 1 в могильнике у с. Косика, которое содержало большое количество разнообразных статусных вещей различного происхождения. Среди них к импортам хуннского круга относятся детали поясов, пряжки и связанная с ними ременная гарнитура (Дворниченко, Федоров–Давыдов 1993. Рис. 11; Коновалов 1976. Табл. XIV: *1–14*; Миняев 1998. Табл. 12: *9*; 111: *18*). Вопреки утверждениям М. Трейстера и В. Мордвинцевой[2], сюда уверенно можно причислить парные золотые накладные пряжки портупейного ремня с изображением ежей, которые имеют параллели среди находок из Сибирской коллекции Петра I и из Китая (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993. С. 173, 174, 176. Рис. 19; Boardman 2010. Pl. 42: *311*). Очевидно, дериватом бронзовых ажурных поясных пряжек хуннского типа является обломок железной пряжки, не имеющий точных аналогий (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993. С. 174. Рис. 20: *1*). Судя по составу пряжек, в погребении было не менее трех поясов – один наружный и два портупейных.

Из этого комплекса происходят два роговых Y-образных предмета, на одном из которых на двух концах сохранились отверстия, а на третьем – подрезкой как будто выделено

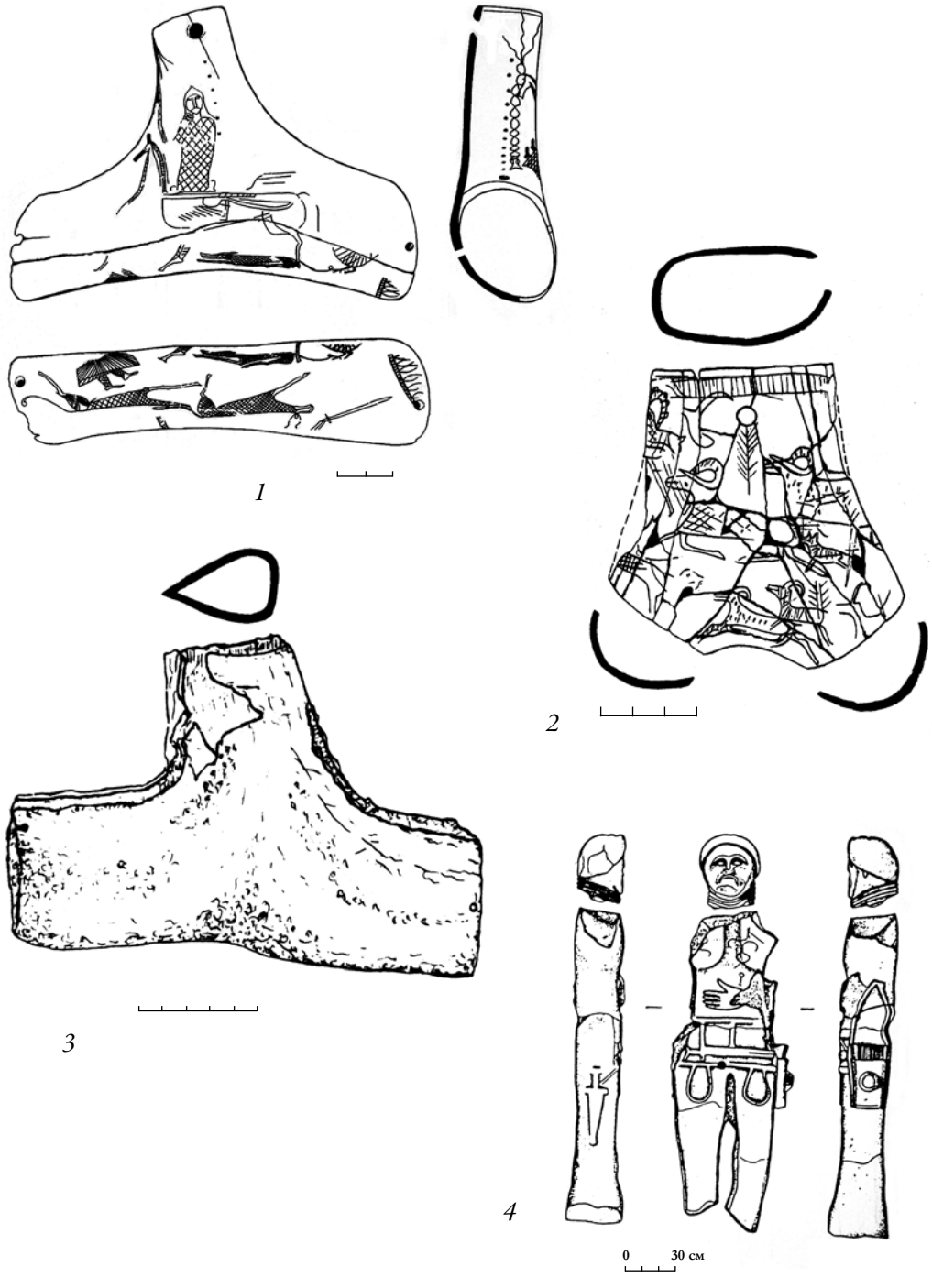
[1] Н. А. Кокориной удалось на этом предмете разглядеть изображение лодки. Однако, судя по прорисовке в первой публикации, совпадающей с фотографией в статье, никакой лодки там нет (Кокорина 2014. С. 56. Рис. 8: *2*; 12).

[2] Приведенных В. В. Дворниченко и Г. А. Федоровым-Давыдовым аналогий вполне достаточно для того, чтобы связывать этот предмет с изделиями хуннского круга. Эти параллели гораздо более весомые, чем рассуждения о «школе Ампсалака». Довольно большое количество хуннских вещей, связанных с поясными наборами, позволяет усомниться в том, что в погребении № 1 в Косике был захоронен сиракский вождь (Мордвинцева, Трейстер 2007. С. 188, 189).



Ил. 2. Роговые предметы из хуннских памятников

1, 2 – Иволгинское городище (по А. В. Давыдовой); *3* – погребение № 99 Дырестуйского могильника (по С. С. Миняеву 1998); *4* – погребение № 15 могильника Баргай (по Н. В. Именохоеву 2011). Прорисовки В. Е. Маслова



Ил. 3. Роговые предметы

1 – из кургана 3 могильника Таловый II (по В. П. Глебову и А. А. Иванову); *2* – из кургана 21 Тариатского могильника (по В. В. Свинину и Н. Сэр-Оджаву); *3* – из Кобяковского некрополя (по В. К. Гугуеву); *4* – каменное изваяние из святилища Байте III (по В. С. Ольховскому). Прорисовка В. Е. Маслова

место для насадки наконечника. Каждому из них соответствовало по три золотых наконечника: два конических концевых, и по одному цилиндрическому колпачку, вероятно, закрывавшему устье контейнеров (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993. С. 167, 168. Рис. 15). Можно предположить, что и здесь роговые предметы крепились к поясу (или поясам?), так же как и нефритовый (?) оселок с наконечником, имеющим параллели среди хуннских и северокитайских находок (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993. С. 167. Рис. 12: *1*; Миняев 1998. Табл. 5: *7*; Bunker 2002. P. 187. Cat. 177).

Важный для нас комплекс из Косики, который ранее датировался временем, близким к середине I в. н. э. (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993. С. 178, 179), сейчас рядом исследователей относится ко второй половине I в. до н. э. (Treister 2005. P. 223–245; Мордвинцева 2011. С. 594).

Т-образный роговой предмет, обнаруженный вместе с фрагментом ханьского зеркала, происходит из Кобяковского некрополя из погребения, датированного по римскому ковшу первой половиной II в. н. э. (Guguev 1986. P. 71, 72. Pl. 46: *1, 4*) (ил. 3: *3*).

Сюжет изображения. В первой публикации Б. И. Вайнберг ограничилась констатацией того, что «сюжет охоты на льва распространен в восточном искусстве во все времена» (Калалы-гыр 2 2004. С. 187, 228). Дж. Ильясов, увлекшийся интерпретацией многочисленных деталей композиции, выдвинул предположение, что представлена не символическая сцена, а «легендарный или эпический сюжет о похождениях двух конкретных героев» (Ильясов 2013. С. 103).

С. Я. Берзина, основываясь на анализе сюжетов ахеменидской глиптики, уверенно интерпретировала данную композицию как момент схватки конного героя/царя со львом, вероятно, иллюстрирующий хорезмийский мифологическо-космогонический цикл (Берзина 2006. С. 91). Несмотря на определенные иконографические параллели, едва ли речь может идти просто о местном воспроизведении ахеменидского варианта сюжета священной царской охоты. Подобный сюжет, связанный с сакрализацией власти, является достаточно универсальным (Королькова 2003. С. 63–67). На калалыгырской находке он усложнен присутствием сидящего человека.

Фигура хищника семейства кошачьих нередко имеет хтонические черты. Убийство существа, принадлежащего иному миру, – своеобразное жертвоприношение – придает изображению совершенно определенный сакральный контекст, связанный с погребальной символикой. Нельзя исключать того, что здесь воспроизведено путешествие героя в царство мертвых и встреча с его владыкой. В этой связи следует отметить, что Б. И. Вайнберг, основываясь на этнографических параллелях, предполагала, что поза сидящего персонажа могла символизировать печаль или траур (Калалы-гыр 2 2004. С. 187, 228).

Среди сарматских древностей широко известны стилистически весьма различные изображения сидящих с поджатыми ногами персонажей из Соколовой Могилы (Ковпаненко 1986. С. 66–71. Рис. 70–72) и Кобяковского некрополя (Мордвинцева 2003. Рис. 28), которые держат в руках сосуды – ритон и чашу. Сакральный контекст этих образов признается большинством исследователей. С. А. Яценко сопоставил их с изображением сидячей фигурки с сосудом, закрепленной на бронзовом столике, из клада последних веков до н. э., найденного близ Алматы (Яценко 2011. Рис. 1; 3). Сравнивая эту небольшую серию изображений с калалыгырским, следует отметить этнографически важную деталь: на калалыгырском изображении левая нога персонажа перекрывает правую, в то время как на всех остальных – наоборот. В левосторонней позе сидит один

из мужчин в сцене «Отдыха под деревом» на золотых поясных пластинах из Сибирской коллекции Петра I (ил. 4: *2*). Не исключено, что противопоставление «левый – правый» в изобразительной традиции в определенных случаях могло обозначать принадлежность к потустороннему миру (Яценко 1993. С. 313). Кроме того, на ноги калалыгырского персонажа надеты короткие сапоги-ноговицы (С. А. Яценко считает их облегающими чулками; см.: Яценко 2006. С. 105. Рис. 62: *11*), сшитые из шкуры мехом наружу. Мех изображен с помощью насечек, нанесенных в той же манере, что насечки на туловище хищника семейства кошачьих рядом. Весьма вероятно, что это статусная принадлежность одежды. Так, парадные женские сапожки с голенищами из меха леопарда происходят из 2-го Пазырыкского кургана (Руденко 1953. С. 121. Табл. XCVI: *4*), а во 2-м Башадарском кургане были найдены мужские сапоги с мозаичными меховыми голенищами (Руденко 1960. С. 52, 53. Рис. 29).

В целом, вне зависимости от конкретных нюансов интерпретации, сакральная основа сюжета композиции на калалыгырской находке не вызывает сомнения. Также более чем вероятно, что не являются жанровыми зарисовками и сцены, выгравированные на знаменитых орлатских пряжках. С. А. Яценко видит в них изображение «священной охоты», сменяющейся богатырским поединком, иллюстрирующее иранский эпос (Яценко 2010). Предложенное прочтение композиции достаточно спорно, но следует учитывать, что два из трех дополнительных изображений на малых поясных орлатских пряжках – брачное сражение самцов верблюдов и сцена терзания в виде хищной птицы – являются необыкновенно выразительными поздними цитатами искусства «звериного стиля» ираноязычных кочевников урало-казахстанских степей V–IV вв. до н. э. (Пугаченкова 1987. С. 59).

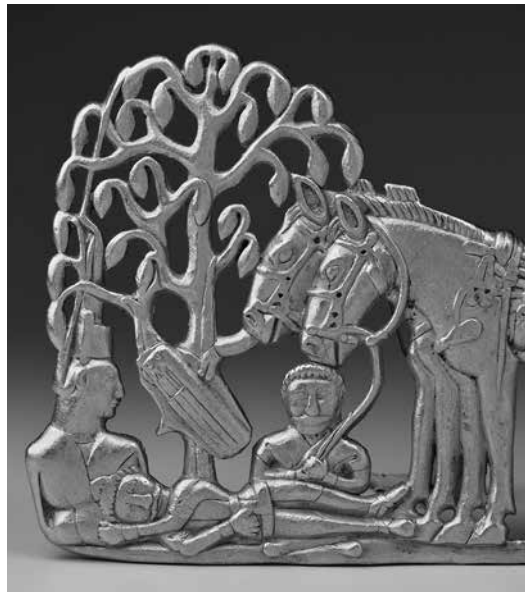
Детали изображения. Датировка калалыгырской находки должна быть основана как на реалиях, соответствующих изображенным деталям, так и на культурно-хронологическом контексте, связанном с этими реалиями.

Оба персонажа одеты в короткие приталенные куртки-кафтаны с глубоким левым запáхом, подпоясанные широкими ремнями. Кафтаны имеют оторочку каймой краев и подола и обшлагов. У сидячего персонажа широкая кайма с узором в виде зигзага нашита также на плечи и соединительный шов рукавов (Яценко 2006. С. 103). В целом, нельзя не согласиться с предположением Дж. Ильясова о том, что всадник носит ноговицы (Ильясов 2013. С. 99). Однако была упущена важная деталь: на ноговицах сверху нашиты или закреплены набедренники с окантовкой.

Подобные набедренные накладки известны по ряду изображений, которые связаны с восточным ареалом иранского мира. Среди них наиболее ранним и достаточно надежно датированным является аппликация на войлочном ковре из Пятого кургана Пазырыкского могильника – всадник, предстоящий перед богиней (ил. 4: *1*). По результатам комбинированной радиоуглеродной датировки и данным дендрохронологии сейчас сооружение этого кургана относится ко времени около 250 г. до н. э. (Алексеев и др. 2005. С. 165. Рис. 3: *94*; Степанова 2006. С. 104. Табл. 1). Детали одежды на ногах всадника на ковре отчетливо разделены графически. Можно различить, что на ноговицы нашита обувная головка, задник которой заходит сзади на щиколотку. Так же как и обшивка низа колчана, она, очевидно, была выделена темно-коричневым цветом.

Наличие набедренных нашивок в пазырыкском костюме ранее отмечали многие исследователи (Грязнов 1961. С. 23; Яценко 1999. С. 163. Рис. 1: *33*; Баркова 1998. С. 139).

1



2

3

Ил. 4. Изображения всадников

1 – аппликация на ковре из 5-го Пазырыкского кургана (рисунок Е. Ф. Корольковой);
2 – сцена «Отдых под деревом» (Сибирская коллекция Петра I, Государственный Эрмитаж, инв. № Си 1727 1/161); *3* – золотая фигурка (коллекция Г. Ф. Миллера, Государственный Эрмитаж, инв. № Z-548)

Правда, вполне обоснованного мнения, что на всаднике, изображенном на ковре, надеты ноговицы, придерживается только С. А. Яценко, который привел в качестве аналогии ноговицы с меховой нашивкой на бедрах, найденные в могильнике Субаши в Турфанском оазисе. Любопытно, что на ту же самую находку ссылаются Н. В. Полосьмак и Л. А. Баркова, которые полагают, что всадник одет в «узкие штаны» (Полосьмак, Баркова 2005. С. 26. Прим. 7).

Наколенники заметны у всадника с развивающимся плащом на бляхах из кургана Тенлик в Семиречье (Акишев 1978. С. 77. Табл. 40). Нога всадника у стопы перевязана ремешком на щиколотках. На плече лошади находится округлый фалар. Фалар можно различить и на плече лошади калалыгырского всадника.

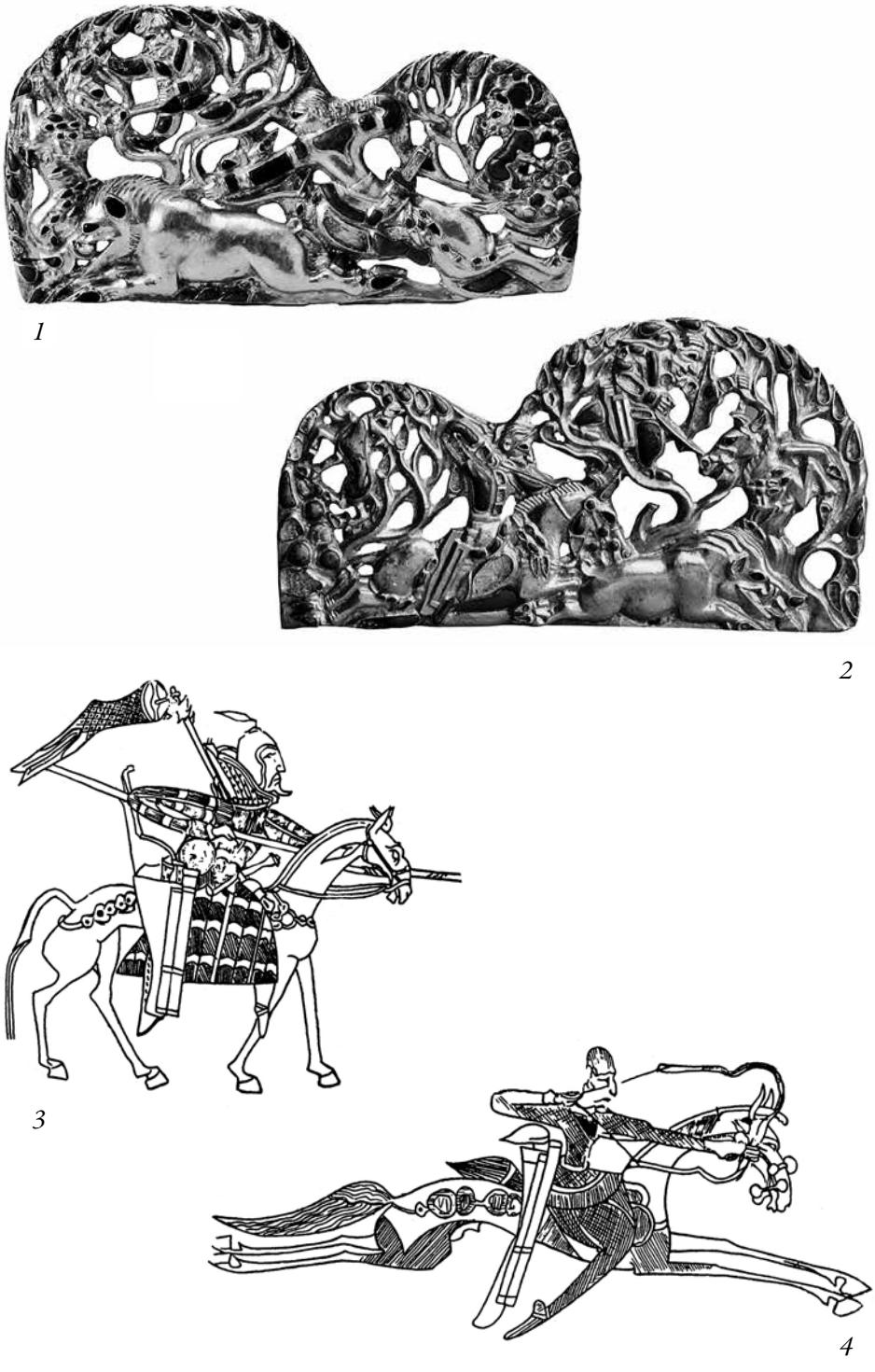
О времени появления фаларов в Хорезме свидетельствует серия изображений кангюйского периода из храмового комплекса Калалы-гыр (Калалы-гыр 2 2004. Рис. 7: *16*. Ил. 10). Наиболее интересен фрагмент изображения всадника на красноглиняной фляге, на бедре которого закреплен кинжал «прохоровского» типа (Калалы-гыр 2 2004. С. 227, 228. Рис. 7: *14*, *15*). Многочисленная серия изображений подобных кинжалов известна на каменных изваяниях устюрских святилищ. На одном из изваяний из святилища Байте III прохоровский кинжал встречен вместе с горитом скифского типа, декорированного конусовидным умбоном, очень похожим на горит на скифском изваянии из Крыма (Ольховский 2005. Ил. 85; 144) (ил. 3: *4*). В Южном Приуралье подобные золотые умбоны встречены in situ на остатках горитов в погребениях № 2 и 3 «царского» кургана 4 Филипповского могильника, возведение которого по прикубанским импортам надежно датируется в пределах IV в. до н. э. (Яблонский 2013. С. 82, 92. Кат. № 120, 350; Переводчикова 2013. С. 334, 335).

Таким образом, по крайней мере некоторые устюртские изображения можно отнести к периоду, когда сохранялся стрелковый набор более раннего времени (конечно, о типе наконечников стрел сказать ничего нельзя, но длина и вес, очевидно, были прежними), при полном доминировании клинкового оружия нового типа, уже не имеющего никаких переходных черт. Очевидно, этот период можно обозначить III в. до н. э., скорее всего, второй половиной этого столетия.

Кроме того, на вышеупомянутом изваянии из святилища Байте III на верхней части бедер рельефно выделены петлеобразные выступы, примыкающие к поперечному ремню, проходящему значительно ниже поясного (Ольховский 2005. Ил. 144) (ил. 3: *4*). Возможно, здесь каким-то образом отражена система крепления ноговиц и обозначены набедренные накладки. Однако в таком случае их форма заметно отличается от изображений на изделиях торевтики.

Круг основных иконографических аналогий дополняет ряд изображений на золотых поясных предметах из Сибирской коллекции Петра I. Так, практически идентичны изображению на пазырыкском ковре ноговицы на золотой фигурке всадника (ручке сосуда?), привезенной академиком Г. Ф. Миллером из Западной Сибири (Завитухина 1990. С. 21–25. Рис. 1) (ил. 4: *3*). Здесь на ноговицы также нашита обувная головка, задник которой заходит сзади на щиколотку. Следует обратить внимание на поперечные насечки на набедреннике, возможно, обозначающие складки, похожие на те, что нанесены на нижнюю часть набедренника у калалыгырского всадника (Полосьмак, Баркова 2005. Рис. 23).

Подобные набедренные накладки на ноговицы с нашитыми обувными головками хорошо различимы на парных золотых поясных пластинах из Сибирской коллекции



Ил. 5. Изображения всадников

1, 2 – сцена «Охота на кабана» (Сибирская коллекция Петра I, Государственный Эрмитаж, инв. № Си 1727 1/69, 1/70); *3, 4* – детали композиций с орлатской пряжки (прорисовка В. Е. Маслова)

Петра I у лежащих персонажей в сцене, которую обозначают как «Отдых под деревом» или «Отдых в пути» (Руденко 1962. Табл. VII: *1, 7*) (ил. 4: *2*). У персонажа на левой пластине в надколенной части набедренников можно проследить насечки, а выше – легкую бугристость, возможно, имитирующую какой-то материал (мех?) (Korol'kova 2007. Abb. 2).

Кроме того, головной убор женского персонажа с этих пластин хорошо соотносится с деревянным головным убором из того же Пятого Пазырыкского кургана (Грязнов 1961. С. 22, 23. Рис. 11, 12; Полосьмак, Баркова 2005. С. 77, 78. Рис. 2: *50*). Колчан же с несколькими отделениями для стрел имеет аналогию в могильнике Субаши-1 (Грязнов 1961. Рис. 13; Ван Биньхуа 1993. С. 16).

Для датировки данного изделия очень важны хорошо различимые детали конского снаряжения: седла с низкими луками, простеганной седельной подушкой без войлочной покрышки, щитовидными подвесками и притороченными ремешками (Грязнов 1961. С. 24, 25). Подобные седла очень близки к «китайскому» седлу из Третьего Пазырыкского кургана и погребения М10 могильника Субаши-1 в Турфанском оазисе (Степанова 2012. С. 446–453. Рис. 2). Седла с щитовидными подвесками изображены также на лошадях «глиняной армии» из гробницы китайского императора Цинь Ши-Хуанди и ранней западноханьской погребальной скульптуре (Степанова 2006. С. 135, 137. Рис. 17). Отметим, что с китайским совпадает не только комплект конского снаряжения, но и экстерьер лошади с коротко стриженной гривой с выделенным участком в форме прямоугольного «городка». Этой стрижке соответствует заплетенный хвост, верхняя часть которого помещена в чехол (Ilyasov 2003. Pl. III, IV: *1*). Такой чехол угадывается и на калалыгырском изображении, хотя экстерьер лошади здесь иной (Ильясов 2013. С. 99).

Б. А. Раев, рассмотревший детали изображения лошадей на серебряном кубке из Косики, считает, что распространение моды на подобную стрижку с востока на запад происходило вместе с движением аланских племен (Раев 2009. С. 263, 264). Но более вероятно, что эту традицию, как и многие детали костюма, нельзя связывать с какой-то конкретной этнической группой. Так, набедренники хорошо видны на изображениях воинов с китайскими мечами на ажурных «ордосских» поясных пряжках, по форме и стилистике образов близких к широко известным золотым пряжкам из Сибирской коллекции Петра I со сценой охоты на кабана, которые будут подробнее рассмотрены ниже (Boardman 2010. P. 76. Pl. 49: *368*; Рец 2004. С. 326–328. Рис. 3). Причем, скорее всего, эти воины одеты в просторные штаны, которые известны по ряду других изображений на «ордосских» бронзовых пластинах (Ilyasov 2003. Pl. IV: *1*).

Набедренники поверх ноговиц различимы и у двух верхних всадников на орлатской поясной пряжке со сценой охоты (Ibid. Pl. VII: *2*) (ил. 5: *4*). О датировке орлатских пряжек ведутся дискуссии. Недавно А. Н. Подушкин сопоставил материалы из катакомбы 2 Орлатского могильника с материалами из катакомбного погребения кургана 3 могильника Культобе в Южном Казахстане. Комплекс находок из этих двух погребений действительно весьма близок. В культобинской катакомбе в состав статусного поясного набора входила округлая ажурная бронзовая бляшка (Подушкин 2012. С. 33. Рис. 1: *4*). Аналогичные бляшки (тип 1) происходят из материалов могильника Даодуньцзы, исследованного в уезде Тунсинь (Нинся-Хуэйский автономный район КНР) (У Энь и др. 1990. С. 96. Рис. 10: *1*). Считается, что этот могильник принадлежит хунну, перешедшим на сторону Хань и расселившимся в пяти зависимых «государствах» на границе империи. Предполагается, что в уезде Тунсинь располагался

центр одного из таких «государств». В могильнике была найдена представительная серия западноханьских монет «у-чжу», датированная китайскими исследователями средним – поздним западноханьским периодом (У Энь и др. 1990. С. 99–101).

Большая серия подобных бляшек (обычно парных) в составе поясных наборов происходит из погребений Дырестуйского могильника в Бурятии, где в ряде комплексов вместе с ними также найдены ханьские монеты, которые появляются не ранее 118 г. до н. э. (Давыдова, Миняев 1988. С. 231. Рис. 2; Давыдова, Миняев 2008. Рис. 64; 73; 75; 83; 92; 93). Китайские исследователи также относят Дырестуйский могильник преимущественно к среднему периоду Западной Хань (Ковалёв и др. 2011. С. 337).

А. Н. Подушкин пытается связать появление древностей хуннского круга в Южном Казахстане с походом шаньюя Чжи-Чжи в Таласскую долину и его гибелью в 36 г. до н. э. (Подушкин 2012. С. 46, 47). В этой связи вполне возможно некоторое удревление орлатского комплекса до времени, близкого к рубежу эр, но тогда весь комплекс находок требует переиздания и детальной проработки.

Таким образом, по набору аналогий дата создания поясных пластин со сценой «Отдыха под деревом», вероятно, соответствует датировке Третьего – Пятого Пазырыкских курганов в их современных пределах – III в. до н. э. (Степанова 2012. С. 451). Значительные размеры пластин, большой вес и сюжет изображений позволяют предполагать, что они принадлежали лицу «княжеского» ранга и едва ли могли быть простым импортом. Открытия богатых комплексов саргатской культуры у деревень Сидоровка и Исаковка в Прииртышье близ Омска подтверждают сведения, что основа Сибирской коллекции Петра I происходит из курганов, разграбленных в Западной Сибири. Технология же изготовления пластин с сюжетом «Отдых под деревом», на обороте которых заметны отпечатки ткани, объединяет их с изделиями круга ордосских бронз (Руденко 1962. Табл. XXIV: *3*; Boardman 2010. P. 9, 10). С рядом ордосских пластин их объединяет и Р-видный абрис многофигурной композиции (Boardman 2010. Pl. 47: *352–357*). Как известно, элита пазырыкской культуры широко пользовалась импортом различного происхождения. К числу таких импортов Н. В. Полосьмак сейчас относит и упомянутый выше войлочный ковер с изображением всадника перед богиней из Пятого Пазырыкского кургана (Полосьмак, Баркова 2005. С. 26, 28). Можно предполагать, что эти выдающиеся по своим художественным достоинствам предметы были изготовлены для военного вождя одного из сакских племен в одном из оазисов Синьцзяна или на территории Северного Китая.

На калалыгырском изображении одним из двух предметов, безусловно связанных с древностями хуннско-ханьского круга, является горит всадника. Для него имеется широкий круг изобразительных аналогий. Целый экземпляр подобного горита был найден в Синьцзяне в могильнике Ния, датированном восточноханьским временем (Ильясов 2013. С. 99, 100. Рис. 2). После этой находки стало ясно, что горит имеет трубчатые отделения для стрел с округлыми крышками. Этому типу горитов соответствовал крупный сложносоставной мощный рефлексивный лук, укрепленный роговыми накладками, за которым закрепилось название «хуннского». На границах Хорезма появление оружия этого типа зафиксировано в материалах узбойского каменного склепа 1 у колодца Чырышлы. Найденный здесь вместе с фрагментами роговых накладок материал соотносится с древностями раннесарматского типа (Юсупов 1986. С. 49–52. Рис. 12).

Одно из наиболее ранних изображений горитов и луков этого типа представлено на широко известных парных золотых поясных пластинчатых пряжках из Сибирской коллекции Петра I со сценой охоты на кабана (Руденко 1962. Табл. I: *5*; IV: *5*) (ил. 5: *1, 2*). Особенности декора этих изделий, пространство которых заполнено миндалевидными кастами, сближает их с многочисленными ордосскими бронзами, очевидно, изготовлявшимися в Северном Китае в западноханьский период (Рец 2004. С. 326, 327). В то же время асимметричная В-образная форма ажурных пластин-застежек демонстрирует определенную преемственность по отношению к пластинам со сценой «Отдыха под деревом», что свидетельствует об относительно небольшом хронологическом разрыве между этими предметами, которые, судя по отпечаткам ткани на обороте, также выполнены с использованием сходной технологии (Руденко 1962. Табл. XXIV: *3, 4*; Boardman 2010. P. 77). Так же как и другая пара пластин, они, несомненно, украшали пояс вождя «княжеского» ранга.

Лошади охотников и кабан, которого они преследуют, показаны в позе «летящего галопа», характерной для ханьского искусства, не представленной, однако, на ордосских бронзовых пряжках. Изображение животных в этой позе получает самое широкое распространение, начиная с первых веков н. э., вероятно, вместе с импортом китайских шелковых тканей. Например, «летящий» баран, пораженный стрелой, близкий к образам на орлатской пластине, и кабан, напоминающий вепрей на золотых накладках со сценой охоты, представлены на петроглифах горы Алды-Мозага в верхнем течении Енисея (Дэвлет 1998. С. 193. Рис. 16: *15, 20*). Сама сцена охоты на орлатской поясной пряжке выполнена в предельно графической манере, напоминающей книжную миниатюру. Вполне вероятно, что рисунки на этом поясе, изготовленном в Согде, выгравировал китайский мастер, знакомый с различными образцами иранского искусства. В таком случае он должен был доступными ему художественными средствами воплощать чуждые для него идеи. Но на калалыгырском изображении ничего подобного нет, и она, как мы постараемся показать ниже, имеет совсем другие иконографические параллели и стилистику.

Подхвостный и холочный ремень лошадей в сцене охоты на кабана украшены наборами из щитовидных блях, формирующих гирлянды, которые зачастую интерпретируют как кисти (Рец 2004. С. 327; Ilyasov 2003. P. 270, 271. Pl. II; IV). Но кистями уверенно можно считать лишь нащёчные подвески и большую кисть, развевающуюся под задними ногами лошади. Все эти детали находят аналогии в изображении лошадей на орлатских пряжках, где на батальной сцене можно проследить и нащёчные кисти, и наборы наременных пряжек, а в сцене охоты – крупные веерообразные кисти, очевидно, прикрепленные к седлу с левой стороны (Ilyasov 2003. Pl. VII) (ил. 5: *3, 4*). Подобные кисти представлены и на бесспорно хуннском изображении «чикойского» всадника, найденного близ поселения Дурены в Бурятии, одежда которого отличается от иранской (Давыдова, Миняев 2008. Рис. 116).

На калалыгырском изображении аналогичная плоская (?) кисть миндалевидной формы подвешена с левой стороны под корпусом коня. Ее изображение предельно стилизовано: можно различить только, что предмет двухчастный. Наибольшее сходство с ним имеют кисти, изображенные на парных поясных пластинах из погребения № 140 могильника Кэсинчжуань близ Сианя со сценой борьбы двух богатырей. Экстерьер лошадей на этих пластинах очень близок к экстерьеру лошадей на золотой пластине со сценой охоты на кабана (Рец 2004. С. 326, 327. Рис. 2: *2*) (ил. 5: *1, 2*).

На правой пластине можно различить, что вытянутая остролистная кисть, подвешенная к седлу с левой стороны, имеет двухчастное строение, обозначенное перегородкой (Boardman 2010. Pl. 51: *382*). Она очень напоминает кисть на калалыгырском изображении, отличаясь от нее остролистной формой.

На левой золотой пластине со сценой охоты на кабана хорошо виден меч средней длины, подвешенный к поясу через скобу на ножнах и переброшенный за спину (ил. 5: *1*). Его рукоять находится примерно на уровне локтя. Именно так носят похожие мечи китайские офицеры на бронзовых статуях, установленных на моделях повозок близ гробницы Цинь Ши-хуанди (Terra-Cotta Warriors 2006. P. 114, 115, 120, 121). У меча обозначено дисковидное навершие и перекрестие с прямоугольным вырезом в верхней части. Все эти детали существовали на китайском бронзовом клинковом оружии по крайней мере с эпохи Восточного Чжоу. В последние века до н. э. кочевое окружение Поднебесной империи способствовало распространению железных вариантов этого оружия и способа его подвески далеко на запад (Горелик 1993. С. 35–37. Табл. XVII: *21–42*). Железные модификации подобных мечей с вытянутым удлиненным лезвием, превратившим их в специализированное кавалерийское оружие, видимо, появляются только в ханьское время (Васильев 2005. С. 99, 100. Рис. 1: *3*, *4*). Характерно, что воины в батальной сцене на орлатской пряжке и на конях, и спешенные, сражаются мечами средних размеров, близких к китайским прототипам.

Таким образом, пластины со сценой охоты на кабана, по деталям паноплии и сбруи можно достаточно уверенно датировать западноханьским периодом. Выше мы отметили наличие на калалыгырской находке изображения хуннско-китайского горита и, вероятно, соответствующего ему лука (детали его точно различить невозможно). Попытаемся проследить, когда в Хорезме появляется новое клинковое оружие.

Серия длинных железных мечей с прямым перекрестием и без навершия известна из трех могильников, расположенных на территории Присарыкамышской дельты и Узбоя (Маслов, Яблонский 1996. С. 172; Юсупов 1986. С. 114–116. Рис. 38). В ряде комплексов они были встречены вместе с кинжалами с прямым перекрестием и кольцевым навершием, роговыми накладками на луки хуннского типа и наборами трехлопастных железных черешковых наконечников стрел. У двух мечей отмечена редкая, выполненная из железа, изломанная вниз форма перекрестия, имитирующая китайские бронзовые прототипы (Маслов, Яблонский 1996. Рис. 4: *1*, *2*).

Нет оснований считать, что время бытования кинжалов с прямым перекрестием и кольцевым навершием в Хорезме чем-то отличалось от времени распространения подобного оружия на территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, где оно достаточно хорошо прослежено. Массовое использование кинжалов этого типа начинается с I в. до н. э. (Скрипкин 1990. С. 123, 124). Более того, судя по всему в Хорезме, так же как и в других регионах сарматского мира, кинжалы с прямым перекрестием и кольцевым навершием сменяют кинжалы «прохоровского» типа, изображения которых известны на статуях Устюрта и уже упомянутой выше красноглиняной фляге из Калалы-гыр 2, а находки встречены в каменных склепах Узбоя (Юсупов 1986. Рис. 12: *1, 2*).

В то же время в погребении кургана 2 могильника Гяур-IV вместе с полным комплектом вооружения – длинным мечом, кинжалом с кольцевым навершием и роговыми накладками на лук – был найден красноглиняный кувшин с красным ангобом, который находит многочисленные аналогии в керамических комплексах из левобережного

и правобережного Хорезма «кангюйской» эпохи (Маслов, Яблонский 1996. Рис. 1: *2*). В материалах из Калалы-гыр 2 сходные формы отнесены к типу II 3-й группы (Калалы-гыр 2 2004. С. 137. Рис. 3.24: *7*). «Кангюйская» керамика известна и из других комплексов могильников этой группы (Лоховиц 1979. С. 145. Табл. VI: 6, 10). Но наряду с ней в этих памятниках встречена серия импортной парфянской посуды (Маслов, Яблонский 1996. С. 169–171. Рис. 1: *2–3*; Лоховиц, 1979. С. 146. Табл. VI: *1, 2, 7–9*). Можно двояко рассматривать этот факт: либо в качестве основания для удревления данного горизонта захоронений до конца II в. до н. э., как традиционно датируется верхняя граница «кангюйского» периода истории Хорезма, либо, что гораздо более вероятно, следует признать, что керамический комплекс, который является основой для датировки многочисленных памятников, продолжает существовать и в I в. до н. э.

Появление клинкового оружия с кольцевым навершием связывают с серией восточных миграций, вызванных формированием хуннской державы, достигнувших территории Средней Азии примерно к середине II в. до н. э. (Скрипкин 1993. С. 4–6; Вайнберг 1977. С. 73, 74). Этот культурный импульс нашел отражение как в деталях воспроизведения эпических сцен на рассматриваемом роговом предмете, так и среди других находок в храмовом комплексе Калалы-гыр 2, откуда происходят две костяные пряжки, генезис которых невозможно связывать с прохоровскими древностями, как это предложено в публикации памятника (Калалы-гыр 2 2004. С. 152).

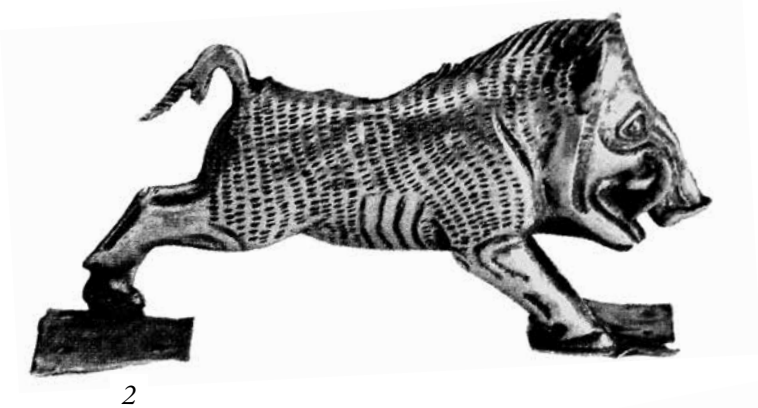
Первая пряжка – фрагментированная прямоугольная с ажурным орнаментом в виде коленчатых прорезей (Там же. Рис. 4.7: *2*) (ил. 7: *1*). Расположение прорезей не оставляет сомнений, что перед нами дериват бронзовых решетчатых поясных пряжек, многочисленные аналогии которым известны среди находок с территории Южной Сибири и Ордоса (ил. 7: *3, 4*). По классификации М. А. Дэвлет подобные пряжки входят в группу I, подгруппу 3б (Дэвлет 1980. С. 10–12. Табл. 16, 17). Датировка пряжек этого типа укладывается во II–I вв. до н. э., а распространение их непосредственно связано с возникновением хуннской державы. Отдельные экземпляры таких пряжек обнаружены в сарматских памятниках Нижнего Поволжья конца II–I вв. до н. э. (Скрипкин 2014. С. 219. Рис. 1: *3*, *4*).

Вторая пряжка, сохранившаяся почти целой, – прямоугольная с торцевым язычком-выступом, с тремя округлыми отверстиями для крепления к ремню и одним прямоугольным, предназначенным для затягивания язычка (Калалы-гыр 2 2004. Рис. 4.7: *3*) (ил. 7: *2*). Костяные пряжки этого типа, несомненно, являются своеобразной модификацией подпружных пряжек, широко распространенных в памятниках пазырыкской и саргатской культур (Степанова 2006. С. 125. Рис. 9). В. Д. Кубарев полагал, что центром, откуда такие пряжки попали на восток – в Туву, Забайкалье, Минусинскую котловину, где они известны в памятниках II – I вв. до н. э., был Горный Алтай (Кубарев 1991. С. 52) (ил. 7: *5*).

К образцам восточных импортов или их местным дериватам, принадлежащим к тому же хронологическому горизонту, что и калалыгырские находки, относится также костяная пряжка с гравировкой из кургана 19 Тузгырского могильника, расположенного в относительной близости от храмового комплекса (Трудновская 1979. С. 110. Рис. 4: *39*; Кубарев 1991. С. 88).

Появление в I в. до н. э. в Левобережном Хорезме новой группы кочевников, оставивших ряд захоронений с оружием на границах оазисов левобережья Амударьи (чего не было с раннесакского времени), очевидно, связано с какими-то неординарными

1

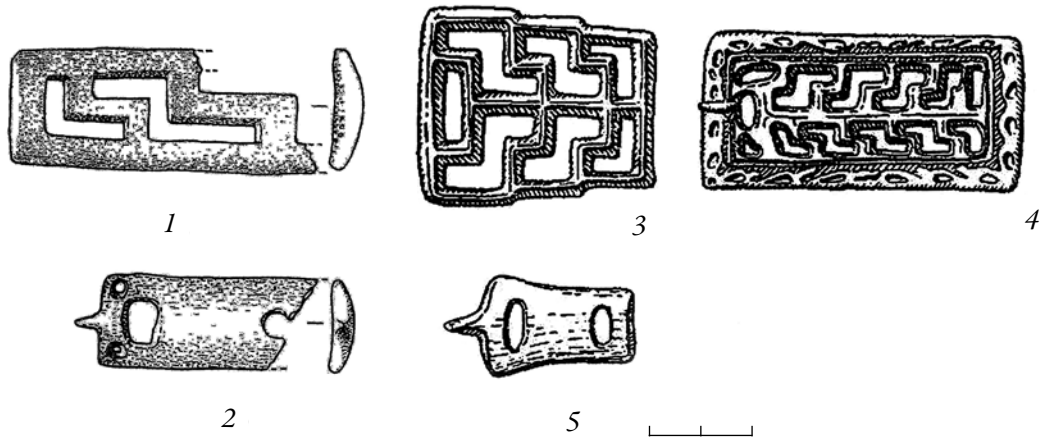


2

3

Ил. 6. Изображения животных

1 – скарабеоид из халцедона, Северное Причерноморье, начало IV в. до н. э. (Государственный Эрмитаж, инв. № П 1859 17); *2* – фигурка кабана (коллекция Г. Ф. Миллера, Государственный Эрмитаж, инв. № Z-585); *3* – пантера на фаларе из Старобельского клада (прорисовка В. Е. Маслова)



Ил. 7. Костяные пряжки из Калалы-гыр 2 и параллели из бассейна Среднего Енисея
1, 2 – Калалы-гыр 2; *3, 4* – Государственный Эрмитаж; *5* – Тепсей XVII.
Прорисовка В. Е. Маслова

политическими событиями. Не исключено, что это был военный конфликт с Парфянской державой, где кочевники выступали в роли союзников одной из воюющих сторон. Заманчиво видеть связь между этим событием и пожаром в храмовом комплексе. По материалам Тузгырского могильника, часть комплексов которого вероятно также можно отнести к I в. до н. э., данная группа кочевников продолжает обитать на границах Левобережного Хорезма и в начале новой эры, то есть времени, когда в Хорезме появляется монетный чекан и утверждаются представления о хорезмийской эре (Лоховиц, Хазанов 1979. С. 129). Следует напомнить, что Б. И. Вайнберг в свое время пришла к заключению, «что можно довольно определенно говорить о происхождении хорезмийской династии, чеканившей монету, от одного из племен, принимавших участие в разгроме Греко-Бактрии», восточного происхождения (Вайнберг 1977. С. 77).

На этом пунктирном историческом фоне для уточнения времени создания собственно калалыгырской находки рассмотрим подробнее стилистику изображений всадника и противостоящего ему хищника.

Конь представлен стоящим на сведенных вместе задних ногах: его передняя правая нога вытянута вниз, над ней нависает изогнутая левая. Заметна диспропорция между фигурой всадника и лошади, однако скорее мы имеем дело с издержками воспроизведения, чем с реальной попыткой изобразить особенности породы лошади.

Наиболее раннюю параллель данной композиции можно проследить на лопастях золотых ножен из Амударьинского клада, где всадники в тиарах поражают копьями львов (Dalton 1905. Tab. VIII). Композиционная свобода изображенной сцены плохо увязывается с представлениями о датировке этой вещи (Зеймаль 1979. С. 43, 44). О. Дальтон предполагал наличие опосредованного греческого влияния в центре, где были изготовлены эти ножны (Dalton 1905. P. 85). Но в целом изображение лошадей во вздыбленной – «монументальной» – позе получает широкое распространение в античной изобразительной традиции начиная со второй половины V в. до н. э. Именно поэтому, при неизбежной разнице в деталях и уровню исполнения, в качестве ярких аналогий изображению калалыгырского всадника, сидящего придвинутым к холке со свободно

свисающими ногами, можно привести изображения конных скифов с пластины-накладки из Куль-Обы и фигуры всадника на знаменитом солохском гребне (Копейкина 1986. С. 38–40. Кат. № 2–4). Близкие параллели данному изображению обнаруживаются и на геммах греческой работы, представляющие свою интерпретацию уже сложившихся сюжетов греко-персидского искусства (Никулина 1994. Ил. II: *307*, *308*).

Сам же экстерьер лошади – ровно подстриженная, выступающая гребнем грива и способ, которым завязан хвост, связаны с ахеменидскими традициями. Обычай завязывать окончания хвоста в форме банта, часто с изображением завязок, появляется в ахеменидский период и воспроизводится как в глиптике (Никулина 1994. Ил. III: *513, 534, 538*), так и на изделиях торевтики (Зеймаль 1979. С. 45. Кат. 44; Алексеев и др. 1991. С. 101, 102. Рис. 68: *1*, *2*).

Важнейшим элементом композиции является изображение хищника семейства кошачьих, очевидно, льва. Животное (самец) изображено в профиль, в позе, воспроизводящей агрессивное движение, но выглядит довольно статично. Показаны все четыре лапы, передние – приподняты, а правая к тому же согнута в колене. Пасть – открыта, S-видный хвост поднят вверх. Многочисленные параллели этому изображению имеются среди различных образцов античного искусства. Львы, пантеры, леопарды, собаки (но никак не тигры – см.: Ильясов 2013. С. 99) встречаются по крайней мере с классической эпохи в произведениях вазописи (Boardman 1996. Il. 204; 304: *1*), скульптуры (Ghirshman 1964. Abb. 447; Никулина 1994. Ил. II: *32, 49*), торевтики, например, пантера, нападающая на кабана, изображенная на пекторали из Толстой Могилы (Алексеев 2012. С. 156; Трехбратние курганы 2008. С. 110. Табл. 55: *1*; The Gold Treasury 1999. P. 14. № 16), глиптики (Никулина 1994. Ил. II: *251, 267, 270*, *362*) (ил. 6: *1, 3*). В ряде случаев животные в сходной позе включены в сцены охоты или терзаний.

Следует подчеркнуть, что в ахеменидском имперском искусстве образ льва был совершенно иным, непосредственно восходящем к ассиро-вавилонским прототипам (Никулина 1994. Ил. III: *420–421, 431–432*).

Грива животного намечена достаточно условно в виде вертикальных прядей, шерсть на теле и лапах – параллельными рядами вертикальных насечек. Подобными насечками покрыт корпус миниатюрной статуэтки вепря из Сибирской коллекции Петра I (Руденко 1962. Табл. XXI: *10*) (ил. 6: *2*). В античной торевтике V–IV вв. до н. э. парными насечками обычно декорировали изображения оленей (Трейстер 2005. С. 518) и очень редко – хищников. Например, они покрывают как корпус пантеры, так и терзаемого ею оленя на щитке золотого перстня из 6-го Семибратнего кургана (Никулина 1994. Ил. II: *170*). Традиция декора корпусов хищников насечками, вероятно, восходит к эпохе малоазийской архаики. Оба варианта декора используются для заполнения фигур различных животных, сфинксов и даже антропоморфных существ на знаменитом келермесском зеркале (Алексеев 2012. С. 108, 109). Встречается заполнение из штрихов и на гравированных изображениях, декорирующих металлическую посуду из могильника у аула Уляп и памятников Закавказья, которую связывают с влиянием лидийско-ионийской школы торевтики (Treister 2007. P. 100, 101. Fig. 9; Эрлих 2011. С. 39–41. Рис. 1: *3*).

К изделиям торевтики позднего эллинистического круга с изображениями, декорированными рядами насечек, имитирующих шерсть, относятся серебряные фалары из Старобельского, Таганрогского и Янчокракского кладов и клада у кургана близ с. Твардица в Молдавии, включенные В. И. Мордвинцевой в группу изделий II–I вв. до н. э.,

обозначенных как произведения «причерноморского графического стиля» (Мордвинцева 1999. С. 110–116. Рис. 3) (ил. 6: *3*). Несмотря на название, не исключено, что наиболее яркие образцы фаларов этой группы были изготовлены в малоазийских центрах (Мордвинцева 1996. С. 12–14).

Но у калалыгырского хищника помимо насечек, имитирующих шерсть, на теле и крупе довольно небрежно нанесены значки, близкие к С-видным фигурам. В античной торевтике декор шкуры леопардов точками или кружками с разомкнутыми концами встречается на ограниченном круге образов рубежа V–IV вв. до н. э., происхождение которых, вероятно, связано с влиянием ахеменидского искусства (Кубышев и др. 2009. С. 54, 62. Рис. 8: *10*). Подобные кружки декорируют шкуры леопардов на пластинах из Тахти-Сангина (Litvinsky 2001. Fig. 4).

В итоге можно констатировать, что мастер, вырезавший калалыгырский роговой предмет, скорее всего, подражал сразу нескольким известным ему изображениям хищника семейства кошачьих на металлических предметах, что придало ему некие черты неопределенности и оттенок фантастического образа, получивший в научной литературе разнообразные трактовки. При этом он никогда не видел настоящих львов и тигров. Поверх насечек, имитирующих шерсть, для убедительности он нанес изображение разомкнутых пуансонных оттисков. Скорее всего, мастер взял за основу целую композицию эллинистической работы, включавшую сцену охоты всадника на хищника.

В этой связи неизбежно встает вопрос о возможности подобного цитирования. На мой взгляд, оно отчетливо прослеживается по крайней мере на одном из хорезмийских керамических рельефов «кангюйского» периода, изображающего мужчину в сцене пиршества (?) с арфой из Кой-Крылган-калы (Кой-Крылган-кала 1967. С. 203. Рис. 76). Прическа и изображение мускулатуры обнаженного торса вполне соответствуют варварскому воспроизведению эллинистических образцов. Так, данную фигуру можно сопоставить с селевкидской статуей возлежащего Геракла из Бехистуна (Фрай 2002. Рис. 69, 70).

Лицо конного воина из Калалы-гыр передано в профиль: с длинными, до плеч волосами, свисающими из-под несохранившегося головного убора (виден только его верхний край, но определенно это не кирбасий, а, возможно, что-то напоминающее корону), со стриженной клинообразной бородой и усами. Он выделяется на фоне сравнительно немногочисленных схематичных хорезмийских изображений людей этого периода. В целом, не приходится сомневаться в том, что образ всадника выполнен в традициях ахеменидской иконографии, которая переживает рамки существования империи. Нельзя, например, не отметить определенное сходство героя-всадника и портрета на монетах парфянского царя Готараза I, правившего в 90–80 гг. до н. э. (Кинжалов 1959. Рис. 3). Данный образ определенно отличается от лиц орлатских воинов и охотников, у которых сравнительно короткие прически с открытым ухом, бороды-эспаньолки, а иногда и бритое лицо, вытянутые, искусственно деформированные головы (ил. 5: *3, 4*).

Над бровью и под глазом калалыгырского всадника нанесены три ряда небольших треугольных насечек, которые, по мнению Дж. Ильясова, воспроизводят «боевую» раскраску или татуировку (Ильясов 2013. С. 97). Вполне возможно, что это действительно так. Косметические наборы, предназначенные для раскраски и татуировки, обнаружены

в женских погребениях элитарного Филипповского могильника (Яблонский 2013. С. 157–160; 211–213).

Пышная прическа с распущенными вьющимися волосами и вислые усы сидящего персонажа позволяют сопоставить его с изображениями воинов на серебряных сосудах из Косики и Вербовки и образами парфянской иконографии, например, известными статуями из Шами и Хатры (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993. Рис. 5; Мордвинцева, Хабарова 2006. С. 89. Рис. 12–14; Фрай 2002. Рис. 74; Яценко 2006. Рис. 81). На лице, развернутом в фас, нет никаких признаков раскраски или татуировки (Ильясов 2013. С. 99). Его детализация ассиметрична и, возможно, выражала какую-то эмоциональную окраску.

Таким образом, сочетание постахеменидских и эллинистических стилистических черт хуннской формы предмета и некоторых реалий на изображении определяют время его создания концом II – началом I в. до н. э.

С определенной вероятностью можно предполагать, что калалыгырский роговой сосуд-контейнер был изготовлен в Хорезме, вероятно, ремесленником-косторезом, ювелиром или резчиком по дереву. Его присутствие в храмовом комплексе можно объяснить только тем, что какая-то группа нового скотоводческого населения, появившаяся в Хорезмском оазисе во время, близкое к крушению Греко-Бактрийского царства, почти сразу была включена в политическую структуру Хорезмийского государства. Причем открытия в Западной Сибири позволяют проследить район, откуда первая волна кочевников продвинулась в Хорезм. В «княжеском» погребении № 6 кургана 3 Исаковского могильника близ Омска были найдены три серебряных сосуда с двумя хорезмийскими и парфянской надписью, из которых явствует, что эти вещи, скорее всего, происходят из царских (или храмовых?) сокровищниц (Лившиц 2002. С. 43–55). В этом контексте они могут быть только даром (эквивалентом дани) либо военным трофеем. Из этого же необычайно богатого комплекса происходит ряд разнообразных вещей китайского и хуннского происхождения (Мордвинцева 2003. С. 56, 57). Лаковый пояс вождя, облаченного в золототканые одежды[1], украшали парные поясные золотые пластины-застежки со сценами терзания верблюда фантастическим существом с чертами волка (Погодин 1998. С. 30, 31; Мордвинцева 2003. Рис. 45: *6*). Данная композиция, хотя и не имеющая прямых аналогий, несомненно демонстрирует иконографические параллели с изображениями на золотых поясных пластинах Сибирской коллекции Петра I и с бронзовыми поясными пластинами из Ордоса (Руденко 1962. Табл. V: *1–3*; Bunker 2002. P. 138. Cat. 111). Как и ряд других золотых изделий этого круга, она инкрустирована бирюзой и кораллами. Парадный пояс был статусной вещью, которая могла быть пожалована вождю племени – вассалу хуннского шаньюя. По двум эллинистическим сегментовидным чашам раннепарфянского(?) производства данный комплекс достаточно надежно датируется в пределах II – начала I в. до н. э. (Лившиц 2002. Рис. 5–10; Мордвинцева, Трейстер 2007. С. 30; 248, 249. Прим. 42).

Судя по наличию в погребении остатков золототканой одежды на шелковой основе китайского происхождения, окрашенной красителями из грецкого ореха, близкой к золототканым изделиям из Тиля-тепе и Соколовой Могилы (возможно, и Комарово), а также северокавказского сосуда, саргатский вождь, погребенный в Исаковском

[1] Л. И. Погодин даже именует его «золотым человеком» (Погодин 1996. С. 127).

могильнике, не только участвовал в военных экспедициях, но и контролировал караванную торговлю, которая велась на очень дальние расстояния (Погодин 1989. Рис. 64; Погодин 1996. С. 128–133). Без сомнения, прообраз будущего «Великого шелкового пути» начал функционировать уже в этот период, несколько ранее того времени, к которому его относили исследователи саргатской культуры (Матвеева 1997. С. 73–75).

Из соседнего богатого княжеского комплекса в погребении № 2 кургана 1 у д. Сидоровка происходят фалары греко-бактрийского стиля и хорезмийская фляга, лаковые сосуды с облачной орнаментацией, набор для курения опиума (?) (Матющенко, Татаурова 1997. Рис. 18–20; 15; Погодин 1998. С. 27, 29). Среди многочисленных и разнообразных импортных хуннско-китайских вещей выделяются парные золотые поясные пластины-застежки с изображением схватки дракона с двумя тиграми, украшавшие наружный лаковый пояс – красный снаружи и черный изнутри (Матющенко, Татаурова 1997. Рис. 18–20; Погодин 1998. С. 30, 31). Рассмотрев серию аналогичных изображений на поясных пластинах (Давыдова 1971. С. 96–105. Рис. 2; Bunker 2002. P. 30, 31. Fig. 45; Cat. 105, 106), М. Эрди пришел к заключению, что в Сидоровском могильнике погребены этнические хунны (Эрди 2004. С. 48–52). И хотя его аргументация иногда выглядит достаточно поверхностно, если не наивно, этот неожиданный вывод действительно имеет под собой серьезные основания.

Собственно саргатских элементов в княжеских погребениях в курганах близ Сидоровки и Исаковки очень немного: в инвентаре это отдельные сосуды местного производства, а в погребальном обряде расположение могил под структурированными курганными насыпями, где возведение очередного элитарного погребения сопровождалось их достройкой (Матющенко, Татаурова 1997. Рис. 3: *7, 5*).

Погребения в глубоких могилах, перекрытых бревенчатым накатом, опиравшимся на столбы, были устроены в особых деревянных камерах с полом. Внутри этой камеры (в Исаковке высотой до 80 см) имелась рама на ножках – «гроб», покрытый сверху золототканными шелковыми тканями (Погодин 1989. С. 21–23. Рис. 53; Погодин 1996. С. 127). Судя по всему, и в Сидоровке погребенный был покрыт сверху золототканными накидками (Матющенко, Татаурова 1997. С. 8–13; Рис. 9; Погодин 1996. С. 125). Весьма вероятно, что и здесь существовала рама гробовины, о которой ничего не сказано в публикации (упоминается лишь «ложе»). Тела погребенных были уложены головой на север.

Очевидно, традиция наброски шелковых тканей на гробовину имеет китайское происхождение (Полосьмак и др. 2011. С. 73).

В этих двух «княжеских» погребениях на клинках длинных мечей в красных лаковых ножнах, крепившихся к поясам, были найдены нефритовые скобы для подвески их ножен (Погодин 1998. С. 33–35)[1]. Кинжалы были также в лаковых ножнах и с лаковыми рукоятями. Таким образом, все указывает на китайское происхождение мечей и кинжалов. Между тем широко известно, что в Ханьской империи торговля оружием с варварами была строго запрещена (Матвеева 1997. С. 72).

[1] По неизвестным причинам скоба из погребения № 2 в кургане 1 Сидоровского могильника упомянута только в предварительной публикации (Матющенко 1989. С. 55), хотя она и получила определенную известность (Погодин, 1998. С. 35; Матвеева 1997. С. 69). В монографии, где издан комплекс, скоба, лежавшая на клинке меча, хорошо различима как на плане, так и на фотографиях деталей расчищенного погребения, но ее прорисовка и упоминание о ней отсутствуют (Матющенко, Татаурова 1997. Рис. 9: *13*).

Очевидно, что китайские вещи – шелка, лак, оружие, доспехи и другие предметы элитарного быта, попавшие в западносибирские гробницы, не были предметом торговли. Они были получены хунну в качестве дани или трофеев и доставлены для подтверждения статуса владельцев, которые могли быть наместниками (совсем необязательно хуннами, но подданными шаньюя), присланными для контроля над западным караванным путем.

Парадные же пояса с оружием, обозначавшие ранг, а может также и клановую принадлежность умерших, возможно, были непосредственно пожалованы хуннским шаньюем.

Нельзя согласиться с Н. П. Матвеевой, что хуннские вещи поступали в Западную Сибирь из Средней Азии. Скорее, наоборот, они, как мы это видим на примере Калалы-гыр 2, попадали в Хорезм извне, вероятно, вместе с носителями саргатской культуры (Матвеева 1997. С. 69, 73–75). История же взаимоотношений саргатских племенных объединений, которые Н. П. Матвеева рассматривает как раннепотестарное образование, и хуннской державы еще ждет своих исследователей (Там же. С. 75).

Судя по находке в храмовом комплексе Калалы-гыр 2, появление новой группы кочевников поначалу не привело к резким переменам в жизни храмового центра. Какие-то бурные политические события произошли несколько позднее, на протяжении I в. до н. э. и, вероятно, были связаны с вторжением новой большой группы скотоводческого населения. Для храмового комплекса эти события закончились пожаром и запустением. Откуда произошло это вторжение, пока остается неясным, но нельзя исключать, что оно было связано с военным конфликтом с Парфянской державой.

Акишев 1978
Акишев К. А. Курган Иссык. М., 1978.

Алексеев 2012
Алексеев А. Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб., 2012.

Алексеев и др. 1991
Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык : скифский царский курган IV в. до н. э. Киев, 1991.

Алексеев и др. 2005
Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С., Дергачёв В. А., Зайцева Г. И., Ковалюх Н. Н., Кук Г., Плихт Й. ван дер, Посснерт Г., Семенцов А. А., Скотт Е. М., Чугунов К. В. Евразия в скифскую эпоху : радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.

Баркова 1998
Баркова А. Л. Большой войлочный ковер из Пятого Пазырыкского кургана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург : мат-лы Всероссийской науч. конф., посвящ. 70-летию А. Д. Грача. СПб., 1998.

Берзина 2006
Берзина С. Я. Ахеменидские геммы в Хорезме // РА. 2006. № 3.

Вайнберг 1977
Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.

Ван Биньхуа 1993
Ван Биньхуа. Субэйсийские находки // Китай. 1993. № 3.

Васильев 2005
Васильев В. Н. Об одном редком типе мечей Южного Приуралья и Юго-Западного Приаралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Актобе, 2005. Вып. 2.

Глебов, Иванов 2007
Глебов В. П., Иванов А. А. Кочевническое погребение хазарского времени из могильника Таловый II // Средневековые древности Дона : материалы и исследования по археологии Дона. М. ; Иерусалим, 2007. Вып. 2.

Горелик 1993
Горелик М. В. Оружие Древнего Востока (IV тыс. до н. э. – IV в. до н. э.). М., 1993.

Грязнов 1961
Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ : Эпоха бронзы и раннего железа народов Сибири и Средней Азии. 1961. Вып. 3.

Давыдова 1971
Давыдова А. В. К вопросу о хуннских художественных бронзах // СА. 1971. № 1.

Давыдова 1995
Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. СПб., 1995. Т. 1: Иволгинское городище. (Археологические памятники сюнну ; вып. 1).

Давыдова, Миняев 1988
Давыдова А. В., Миняев С. С. Пояс с бронзовыми бляшками из Дырестуйского могильника // 1988. СА. № 4.

Давыдова, Миняев 1993
Давыдова А. В., Миняев С. С. Новые находки наборных поясов в Дырестуйском могильнике СПб., 1993. (Археологические вести ; вып. 2).

Давыдова, Миняев 2008
Давыдова А. В., Миняев С. С. Художественная бронза сюнну : новые открытия в России. СПб., 2008. (Археологические памятники сюнну ; вып. 6).

Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993
Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3.

Дэвлет 1980
Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. // САИ. Вып. Д 4–7. М., 1980.

Дэвлет 1998
Дэвлет М. А. Петроглифы на дне Саянского моря : гора Алды-Мозга. М., 1998.

Завитухина 1990
Завитухина М. П. Золотая фигурка конного лучника V–IV вв. до н. э. : художественное произведение круга Сибирской коллекции Петра I // СГЭ. 1990. [Вып.] 54.

Зеймаль 1979
Зеймаль Е. В. Амударьинский клад : каталог выставки. Л., 1979.

Ильясов 2013
Ильясов Дж. Я. Об изображении на роговом предмете с городища Калалы-гыр 2 // РА. 2013. № 2.

Именохоев 2011
Именохоев Н. В. Костяное изделие из могильника Баргай // Хунну : арехеология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ, 2011.

Калалы-гыр 2 2004
Калалы-гыр 2 : культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н. э. М., 2004.

Кинжалов 1959
Кинжалов Р. В. Серебряная пластина с изображением сарматского царя // СА. 1959. № 2. С. 197–204.

Кой-Крылган-кала 1967
Кой-Крылган-кала : памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. – IV в. н. э. М., 1967. (ТХАЭЭ ; т. 5).

Ковалёв и др. 2011
Ковалёв А. А., Эрдэнэбаатар Д., Пэрхангай Т.-О. Элитный хуннский курган Хух Удзуурийн дугуй II-1 в Бужан сомоне (Ховд аймак) и его значение для реконструкции погребального ритуала хунну : предварительное сообщение // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : мат-лы Междунар. науч. конф. Иркутск, 2011. Вып. 2.

Ковпаненко 1986
Ковпаненко Г. Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев, 1986.

Кокорина 2014
Кокорина Н. А. К вопросу о назначении так называемых «реликвариев» эпохи средневековья Восточной Европы // Поволжская археология. 2014. № 2.

Коновалов 1976
Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье : погребальные памятники. Улан-Удэ., 1976.

Копейкина 1986
Копейкина Л. В. Золотые бляшки из кургана Куль-Обы // Античная торевтика. Л., 1986.

Королькова 2003
Королькова Е. Ф. «Священная охота» – мотив в изобразительном искусстве и возможное семантическое прочтение // Степи Евразии в древности и средневековье : мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб., 2003. Кн. 2.

Кренке, Курмановский 2009
Кренке Н. В., Курмановский В. С. Предметы вооружения и снаряжения всадника XIV–XVII вв. из раскопок Романова двора // Археология Романова двора : предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках : материалы охранных археологических исследований. М., 2009. Т. 12.

Кубарев 1991
Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.

Кубышев и др. 2009
Кубышев А. П., Бессонова С. С., Ковалёв Н. В. Братолюбовский курган. Киев, 2009.

Лившиц 2002

Лившиц В. А. Три серебряные чаши из Исаковского могильника № 1 // ВДИ. 2002. № 2.

Лоховиц 1979

Лоховиц В. А. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-кичиджик // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979. (ТХАЭЭ ; т. 11).

Лоховиц, Хазанов 1979

Лоховиц В. А., Хазанов А. М. Подбойные и катакомбные погребения могильника Тузгыр // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979. (ТХАЭЭ ; т. 11).

Маслов, Яблонский 1996

Маслов В. Е., Яблонский Л. Т. Могильник Гяур-IV в Северной Туркмении // РА. 1996. № 2.

Матвеева 1997

Матвеева Н. П. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке // РА. 1997. № 2.

Матющенко 1989

Матющенко В. И. Погребение воина саргатской культуры : предварительное сообщение // Изв. СО АН СССР. Новосибирск, 1989. Вып. 1. (Серия истории, филологии и философии).

Матющенко, Татаурова 1997

Матющенко В. И., Татаурова Л. В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997.

Миняев 1998

Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб., 1998. (Археологические памятники сюнну ; вып. 3).

Мордвинцева 1996

Мордвинцева В. И. Фалары конской упряжи на территории степной Евразии в III в. до н. э. – первой половине II в. н. э. : автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 1996.

Мордвинцева 1999

Мордвинцева В. И. Так называемый «Греко-бактрийский стиль» в эллинистической торевтике // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья. Волгоград, 1999.

Мордвинцева 2003

Мордвинцева В. И. Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003.

Мордвинцева 2011

Мордвинцева В. И. Контакты варваров Нижнего Поволжья с античными центрами (III в. до н. э. – середина III в. н. э.) // Боспорский феномен : население, языки, контакты : мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2011.

Мордвинцева, Трейстер 2007

Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье II в. до н. э. – II в. н. э. Симферополь ; Бонн, 2007. Т. 2.

Мордвинцева, Хабарова 2006

Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Симферополь, 2006.

Никулина 1994

Никулина Н. М. Искусство Ионии и ахеменидского Ирана по материалам глиптики V–IV вв. до н. э. М., 1994.

Ольховский 2005

Ольховский В. С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005.

Переводчикова 2013

Переводчикова Е. В. Произведения скифского звериного стиля Прикубанья и дата Филипповских курганов // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция : мат-лы конф. Краснодар, 2013.

Погодин 1989

Погодин А. И. Отчет об археологических исследованиях в Нижнеомском и Горьковском районах Омской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13932 – 13935.

Погодин 1996

Погодин А. И. Золотое шитье Западной Сибири (первая половина I тыс. н. э.) // Исторический ежегодник. Омск, 1996.

Погодин 1998

Погодин А. И. Лаковые изделия из памятников Западной Сибири раннего железного века // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. Омск, 1998.

Подушкин 2012

Подушкин А. Н. К этнической истории государства Кангюй II в. до н. э. – I в. н. э. : по материалам могильников Орлат и Культобе // Stratum Plus. 2012. № 4.

Полосьмак, Баркова 2005

Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск, 2005.

Полосьмак и др. 2011

Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск, 2011.

Пугаченкова 1987
Пугаченкова Г. А. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987.

Раев 2009
Раев Б. А. «Стриженные гривы» и миграции кочевников : об одном малозаметном элементе экстерьера коня // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2009. Вып. 10.

Рец 2004
Рец К. П. Поясные пластины со сценой охоты на кабана из Сибирской коллекции Петра I : к вопросу о хронологической и культурной атрибуции // Боспорский феномен : проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004.

Руденко 1953
Руденко С. П. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л., 1953.

Руденко 1960
Руденко С. П. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л., 1960.

Руденко 1962
Руденко С. П. Сибирская коллекция Петра I // САИ. Д 3–9. М., 1962.

Руденко 1968
Руденко С. П. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. М., 1968.

Свинин, Сэр-Оджав 1975
Свинин В. В., Сэр-Оджав Н. Новый памятник хуннского искусства Монголии // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1975. Вып. 3.

Скрипкин 1990
Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия : проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

Скрипкин 1993
Скрипкин А. С. К проблеме исторической интерпретации археологических параллелей в культурах Алтайского и Доно-Уральского регионов в последние века до н. э. // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1993. Ч. 2.

Скрипкин 2014
Скрипкин А. С. О восточных связях сарматов во II–I вв. до н. э. // Сарматы и внешний мир : материалы VIII Всероссийской науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфа, 2014.

Степанова 2006
Степанова Е. В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников Пазырыкской культуры // Археологические вести. СПб., 2006. Вып. 13.

Степанова 2012
Степанова Е. В. Седла из Третьего Пазырыкского кургана // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями : матлы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. СПб., 2012. Кн. 2.

Степная полоса Азиатской части СССР 1992
Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. 1992. (Археология СССР).

Трейстер 2005
Трейстер М. Ю. Серебряная посуда из Соколовой Могилы // Мозолевский Б. Н., Полин С. В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. : Бабина, Водяна и Соболева Могилы. Киев, 2005.

Трехбратние курганы 2008
Трехбратние курганы : курганная группа второй половины IV–III вв. до н. э. в Восточном Крыму. Симферополь ; Бонн, 2008.

Трудновская 1979
Трудновская С. А. Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Тузгыр // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979. (ТХАЭЭ ; т. 11).

У Энь и др. 1990
У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн. Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Туньсинь в Нинся // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990.

Флёрова, Флёров 2005
Флёрова В. Е., Флёров В. С. Роговой реликварий с территории Хазарского каганата : уникальный сюжет с одноногими духами // РА. 2005. № 2.

Фрай 2002
Фрай Р. Наследие Ирана. М., 2002.

Чернецов 1985
Чернецов А. В. [Рецензия] B. Borsos Staghorn Powder-flasks. Budapest, 1982 // СА. 1985. № 1.

Шефер 2013
Шефер А. Сравнительный анализ изображений на бронзовых поясных пластинах гунно-сарматского времени и Т- и Y-образных предметах из рога эпохи средневековья // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2013. Вып. 13.

Эрди 2004

Эрди М. Предметы искусства из курганного могильника Сидоровка и анализ его этнической принадлежности // Вестник САИПИ. Кемерово, 2003–2004. Вып. 6–7.

Эрлих 2011

Эрлих В. Р. Два серебряных сосуда из святилища у аула Уляп // От палеолита до средневековья. М., 2011.

Юсупов 1986

Юсупов Х. Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.

Яблонский 2013

Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей : элитный некрополь Филипповка 1 : по материалам раскопок 2004–2009 гг. : каталог коллекции. М., 2013. Кн. 1.

Яценко 1993

Яценко С. А. Скифский мужской костюм на предметах греко-скифской торевтики IV в. до н. э. : к вопросу об этнографизме изображений // Вестник шелкового пути : археологические источники. М., 1993. Вып. 1.

Яценко 1999

Яценко С. А. Костюм племен пазырыкской культуры Горного Алтая как исторический источник // ВДИ. 1999. № 3.

Яценко 2000

Яценко С. А. Эпический сюжет ираноязычных народов в древностях Степной Евразии // ВДИ. 2000. № 4.

Яценко 2006

Яценко С. А. Костюм древней Евразии : ираноязычные народы. М., 2006.

Яценко 2011

Яценко С. А. Сидящий мужской персонаж с сосудом в руке на сакской бронзовой «курильнице» из Семиречья // История и археология Семиречья. Алматы, 2011. Вып. 4.

Boardman 1996

Boardman J. Athenian Red Figure Vases : The Archaic Period. London, 1996.

Boardman 2010

Boardman J. The Relief Plaques of Eastern Eurasia and China : The 'Ordos Bronzes', Peter the Great's Treasure, and their kin // BAR International series 2146. Oxford, 2010.

Bunker 2002

Bunker E. C. Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes : The Eugene V : Thau and Other New York Collections. New York, 2002.

Dalton 1905

Dalton O. M. The Treasure of the Oxus with other Objects from Ancient Persia and India Bequeathed to the Trustees of the British Museum by Sir Augustus Wollaston Franks. London, 1905.

Ghirshman 1964

Ghirshman R. Iran : Protoiranier, Meder, Achämeniden. München, 1964.

Guguev 1986

Guguev V. K. The Burials in the Kobyakovo Barrow-cemetery / Raev B. A. Roman Import in the Lower Don Basin // BAR International series 278. Oxford, 1986.

Ilyasov 2003

Ilyasov J. Covered Tail and "Flying" Tassels // Iranica Antiqua. 2003. Vol. 38.

Ilyasov, Rusanov 1998

Ilyasov J. Ya., Rusanov D. V. A Study on the Bone Plates from Orlat // Silk Road Art and Archaeology. 1998. Vol. 5.

Korol'kova 2007

Korol'kova E. Die Anfänge der Forschung die Sibirische Sammlung Peters des Grossen // Im Zeichen des goldenen Greifen : Königsgräber der Skythen. Berlin, 2007.

Litvinsky 2001

Litvinsky B. A. The Bactrian Ivory Plate with a Hunting Scene from the Temple of the Oxus // Silk Road Art and Archaeology. 2001. Vol. 7.

The Gold Treasury 1999

The Gold Treasury of Ukraine. Kyiv, 1999.

Treister 2005

Treister M. On a Vessels with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and once more on the "Ampsalakos School" // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2005. Vol. 11.

Treister 2007

Treister M. Y. The Toreutics of Colchis in the 5th–4th Centuries BC : Local Traditions, Outside Influences, Innovations // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2007. Vol. 13.

Terra-Cotta Warriors 2006

Terra-Cotta Warriors and Horses of Emperor Qin Shihuang's Mausoleum : The Eighth Wonder of the World. Beijing, 2006.

С. В. Махортых

ОБ ОДНОМ ТИПЕ УЗДЕЧНЫХ БЛЯХ V В. ДО Н. Э. ИЗ ПРИЧЕРНОМОРСКОЙ СКИФИИ

Имя А. Ю. Алексеева, ведущего специалиста в области скифской археологии юга Восточной Европы, широко известно в научном мире. Многие из его публикаций уже давно стали «настольными» для исследователей в области археологии раннего железного века.

Детали конского снаряжения, в особенности декорированные в скифском зверином стиле, относятся к числу наиболее значимых и информативных предметов материальной культуры обитателей причерноморской Скифии V в. до н. э. Трудно переоценить важность этой категории инвентаря как для хронологических реконструкций, так и для изучения культурных контактов между различными регионами в древности.

Несмотря на достигнутые в этой области успехи, возможности данного археологического источника еще далеко не исчерпаны. Предлагаемая статья также не претендует на окончательное решение проблемы и посвящена рассмотрению лишь одного из аспектов этой большой темы, а именно бронзовых литых блях, украшавших ремни конского оголовья и оформленных в виде окончаний лап животного и/или кисти руки.

Общим для рассматриваемых находок является то, что они имеют подпрямоугольные очертания и состоят из двух частей, иногда отличающихся между собой по соотношению. Одна часть – гладкая и сравнительно узкая; другая – более широкая, украшенная пятью вертикальными параллельными полосами, воспроизводящими плотно сжатые пальцы. При этом конечности всегда изображены в плане, хотя и с разной степенью профилировки внешней поверхности. С оборотной стороны блях располагается петелька, форма, размеры и расположение которой иногда варьируют[1].

В ряде публикаций некоторые из рассматриваемых в этой работе предметов априори именуются в качестве «блях в виде кисти человеческой руки» (Привалова 1993. С. 161; Бандуровский, Буйнов 2000. С. 71), что, однако, без соответствующей характеристики особенностей их оформления, а также учета неоднородности всего массива подобных находок представляется некорректным.

Помимо упомянутого выше сходства, анализируемые предметы отличаются друг от друга рядом особенностей, проявляющихся в оформлении и размерах как самих блях,

[1] К числу исключений относятся бляхи из кургана 3 Протопоповского могильника на Харьковщине, характеризующиеся шестипалостью и наличием рельефного орнамента по обеим сторонам запястья (ил. 1: *4, 5*) (Бабенко 2008. С. 30. Рис. 1, 6, 7).

так и воспроизведенных на них пальцев, а также их окончаний, что позволяет выделить среди них две основные группы, внутри которых намечаются свои «локальные» модификации[1].

Бляхи первой группы являются наиболее многочисленными и насчитывают свыше 40 экземпляров[2]. Они представлены изделиями, оформленными в виде окончания лапы хищного животного с плотно сжатыми, рельефно выделенными пальцами близкой длины и углубленными желобками между ними (ил. 1: *1–19*). Опираясь на хорошо сохранившиеся и подвергшиеся реставрации находки, можно утверждать, что лапа изображалась в действии, экспрессии и передавалась несколькими (как правило, тремя) переходящими друг в друга выступающими изгибами или объемно моделированными плоскостями (ил. 2). При этом когти, в ряде случаев, изображались в виде треугольно-заостренных окончаний пальцев (Журовка, курган 398; Стыла; Ольвия, п. 8\1992 и др.) (ил. 1: *1, 2, 10, 13, 16*).

Внешние завершения лап имеют прямые полукруглые и реже скошенные под углом очертания. Пальцы, как правило, гладкие с уплощенными или граненными сторонами. На некоторых из них воспроизведены суставы в виде рельефных округлых утолщений (Протопоповка, курган 3) или двух рядов горизонтальных пунктирных линий (Кийлов, Новоселка, курган 26) (ил. 1: *4, 5, 18, 19*).

У значительного числа блях длина пальцев и запястья имеет сходные параметры, хотя первые практически всегда длиннее вторых. Вместе с тем известны экземпляры, у которых пальцы занимают 2/3 всей бляхи (Стыла, Ольвия, п. 8\1992 и др.) (ил. 1: *10–12*). В данном случае имеет место намеренное преувеличение и подчеркивание у хищных животных деталей тела, выполняющих определенную жизненную функцию и несущих в себе конкретное свойство, а именно, движения, быстроты и атаки (лапы, когти).

Подобный художественный прием является своеобразной «визитной карточкой» скифского звериного стиля, когда мастера выделяли те органы животных и птиц, которые символизировали ловкость и смелость в борьбе, зоркость и остроту слуха, – глаз, ухо, рога, клюв, когтистые лапы (Петренко 1967. С 39; Гуляев 2012. С. 126). Будучи представленными на бляшках, украшающих уздечку, они были призваны придать боевому коню свойства изображаемого животного, а также, вероятно, играли роль оберега.

---

[1] А. И. Шкурко первым предпринял попытку идентификации среди анализируемых блях зооморфных и антропоморфных экземпляров. В качестве критерия он использовал наличие или отсутствие у них выделенного большого пальца (Шкурко 1976. С. 98. Рис. 2, 8, 19). Вместе с тем проверку временем не выдержало предположение ученого о том, что антропоморфный мотив в виде кисти руки человека был равномерно представлен в Правобережном и Левобережном Поднепровье, а также его «узкая» датировка – середина V в. до н. э. Точка зрения А. И. Шкурко об антропоморфно-зооморфной трактовке анализируемого образа в зависимости от особенностей иконографического изображения пальцев была поддержана А. Д. Могиловым (Могилов 2008. С. 52) и Л. И. Бабенко (Бабенко 2008. С. 30). Следует также упомянуть работу А. Р. Канторовича, посвященную анализу изображений обособленных конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы (Канторович 2012). Некоторые из рассматриваемых нами предметов были объединены им в тип 10 «Журовка-Аксютинцы», представленный двумя вариантами: 1) конечность с пальцами одной длины или же с более короткими пальцами по обеим сторонам – неясной принадлежности (то ли медвежья, то ли человеческая); 2) конечность с четко выделенным укороченным большим пальцем, иногда с рельефно моделированными ногтями – вероятная кисть руки (Там же. 2012. С. 42).

[2] Собранные в нашей работе данные о более чем пятидесяти находках существенно дополняют предложенные до сих пор сводки рассматриваемых предметов. Так, А. Д. Могилову было известно 12 блях первой группы с территории украинской лесостепи, тогда как А. Р. Канторович располагал сведениями о 23 находках первой и второй групп из различных областей Восточной и Центральной Европы (Могилов 2008. С. 51; Канторович 2012. С. 42).

Длина блях первой группы в среднем составляет 3,0–3,5 см, ширина 1,53–1,75 см. К числу наиболее крупных относятся находки из Стылы (4,4 × 1,68 см) и кургана 3 Протопоповки (5,2 × 2,6 см), а наиболее мелкие (2,72 × 1,40 и 2,82 × 1,53 см) происходят из погребения № 1 кургана 15 Перещепинского некрополя.

Главным центром распространения блях первой группы является **Днепровское Лесостепное Левобережье** и, в частности, бассейн средней Ворсклы. Именно здесь, в ближайшей округе Бельского городища, локализуется Перещепинский курганный могильник, в захоронениях которого выявлено не менее 15 экземпляров таких блях: курган 1 погребение № 1; курган 8 погребение № 1; курган 15 погребение № 1; курган 18 погребение № 1; курган 21 погребение № 1 (ил. 1: *3, 6, 9, 16, 17*; 2).

На остальной территории Левобережной лесостепи рассматриваемые находки менее многочисленны и происходят из Харьковской области (2 экз.): Протопоповка, курган 3 погребение № 1 (Бабенко 2008. С. 29). Еще одна отдельная находка такой бляхи известна из Приднепровской террасовой лесостепи (Кийлов) (Могилов 2008. Рис. 103, *7*).

В **Днепровском Лесостепном Правобережье** и, в частности, Среднем Приднепровье интересующие нас бляхи выявлены в Поросье (3 (?) экз., Берестняги, курганы 4 и 5) и бассейне Тясмина (2 экз., Журовка, курган 398 и Прусы)[1] (Бобринской 1901. С. 97. Рис. 49; Бобринской 1905. С. 7. Рис. 7; Петренко 1967. Табл. 30: *9, 10*).

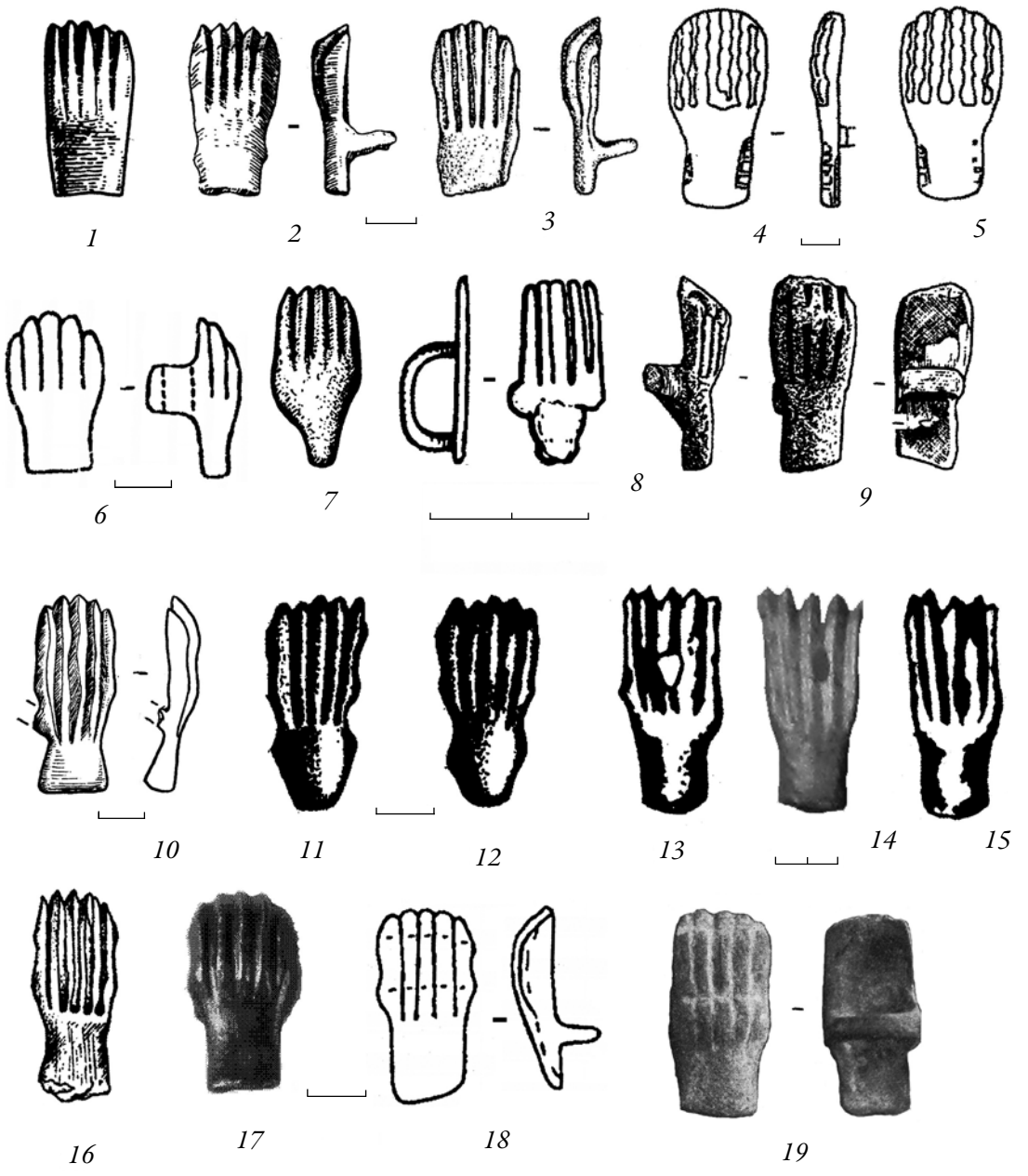
Следует упомянуть также две бронзовые бляхи в виде лапы животного из кургана 26 Новоселовского могильника в восточной Подолии (ил. 1: *19*) (Бессонова 1994. С. 26. Фотография 2: *4–6*).

Помимо лесостепной Украины, бляхи первой группы выявлены **в степной зоне Северного Причерноморья и прилегающих к ней районах западного Причерноморья,** а также **на Кубани**. Восемь из обнаруженных там находок образуют своеобразную «локальную» подгруппу, характеризующуюся длинными, гипертрофированно выделенными пальцами с заостренными окончаниями (когтями?), демонстрирующими их тесную связь с животным миром хищников: бляха из погребения у с. Стыла в Приазовье, 4 экземпляра из погребения № 8\1992 Ольвийского некрополя, 3 бляхи из могильника Чилик-Дере в Северной Добрудже (Румыния) (ил. 1: *10–15*) (Привалова 1993. С. 166. Рис. 83: *70*; Папанова 1993. С. 83. Рис. 28*Б*; Simion 2000. P. 82. Fig. 10: *5*; Simion 2003. P. 257. Fig. 6).

Самая западная находка блях первой группы происходит из погребального комплекса, открытого в пещере «Бычья Скала» (Чехия) (ил. 1: *2*). Помимо бляхи в виде окончания лапы животного, там были найдены бронзовые трехлопастные наконечники стрел, железный боевой топор и костяной трехдырчатый псалий скифского типа (Parzinger et al. 1995. P. 71, 182. Tab. 31: *325*; Мелюкова 2006. С. 33. Рис. 5: *15*).

Говоря о восточных пределах распространения блях первой группы, следует упомянуть несколько близких предметов из Краснодарского края и, в частности, случайную находку на территории Цемдолинского могильника близ г. Новороссийска, а также не менее восьми экземпляров из Малых Семибратних курганов на Тамани (Власова 2010. С. 214. Рис. 37).

[1] Две бронзовые «рукоподобные» бляхи из кургана 5 у с. Берестняги включены в рассматриваемую группу условно, поскольку сами находки, а также их рисунки не сохранились, в связи с чем достоверно установить их типологическую принадлежность не представляется возможным (Бобринской 1901. С. 99; Могилов, Диденко 2008. С. 85).



Ил. 1. Бронзовые бляхи в виде окончания лапы хищного животного

1 – Журовка, курган 398; *2* – Бычья Скала; *3* – Перещепино, курган 8; *4, 5* – Протопоповка, курган 3; *6* – Перещепино, курган 1; *7* – Берестняги, курган 4; *8* – Старица, курган 51; *9* – Перещепино, курган 18; *10* – Стыла; *11, 12* – Ольвия, погребение № 8\1992; *13–15* – Чилик-Дере; *16, 17* – Перещепино, курган 15; *18* – Кийлов; *19* – Новоселка, курган 26. Прорисовка С. В. Махортых

Ил. 2. Бронзовые уздечные бляхи из погребения № 1 кургана 15 Перещепинского могильника. Местонахождение неизвестно

Ил. 3. Изображения передних конечностей хищника

1 – семейства кошачьих; *2* – медведя. Прорисовка С. В. Махортых

Обращает на себя внимание находка еще одной сходной бляхи из кургана 51 у с. Старица в Нижнем Поволжье (Смирнов 1976. Рис. 1: *25*). К числу ее особенностей относится зауженное асимметричное запястье, сближающее ее с бляхой из кургана 4 у с. Берестняги в Среднем Приднепровье, а также продольно располагающаяся петля, крепившаяся к краю пластины (ил. 1: *8*).

Таким образом, на территорию Днепровского Лесостепного Левобережья приходится не менее 18 экземпляров, или 41 %, всех известных находок первой группы, на Правобережье, предположительно, – семь блях (16 %), а на западное и восточное Причерноморье соответственно – 16 % и 23 %. Имеющиеся данные свидетельствуют, что основной областью их распространения (57 %), а также, вероятно, и производства, является украинская лесостепь с центром, локализующимся в Днепровском Левобережье.

Анализ изображений обособленных конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля позволил А. Р. Канторовичу прийти к заключению, что «все композиционные схемы, задействованные при передаче обособленных ног хищника, встречаются в синхронных и несколько более ранних полнофигурных изображениях хищников» (Канторович 2012. С. 49). Касательно истоков рассматриваемых редуцированных изображений конечностей хищников первой группы (тип «Журовка-Аксютинцы» по А. Р. Канторовичу), то они возводятся этим автором к изображению передних лап на бронзовом наноснике из кургана 491 у с. Макеевка (Там же. Рис. 16: *3, 23*). Последний оформлен в виде протомы стоящего хищника в фас с условно трактованным телом, объемно моделированной головой и передними ногами, пальцы которых сливаются воедино, образуя орнаментальную полосу с поперечным рифлением. Следует подчеркнуть, что исследователи соотносят макеевскую протому с образом хищника семейства кошачьих, а А. Р. Канторович считает ее производным от целой фигуры пантеры из симферопольского Золотого кургана (Галанина 1977. С. 29. Табл. 13: *3*; Мелюкова 1976. С. 112. Рис. 3: *2*; Канторович 2012. С. 51). Трактовка А. Р. Канторовичем изображений первой группы в качестве лапы медведя, а тем более кисти руки (Канторович 2012. С. 42, 53), учитывая их «кошачьи» прототипы, вызывает возражения.

Во-первых, изображения окончаний лап на рассматриваемых бляхах первой группы по своим морфологическим особенностям сближаются с сомкнутыми пальцами на передних конечностях стоящих или терзающих добычу хищников семейства кошачьих, воспроизведенных на художественных изделиях из Золотого кургана, Пантикапея, а также Ильичевского кургана (Островерхов, Охотников 1989. Рис. 1, *1*; Scythian gold 1999. N 50; Алексеев 2012. С. 123).

Во-вторых, природный прототип в виде широкой и приземистой передней лапы медведя и зооморфные изображения на бляхах первой группы отличаются друг от друга формой, соотношениями длины и ширины лапы, а также наличием / отсутствием выделенного запястья (ил. 3).

Разумеется, мы не вправе требовать от древних мастеров точного воспроизведения анатомических особенностей изображаемых ими животных, особенно учитывая, что в скифском зверином стиле зачастую приходится встречаться с передачей не только и не столько образов животных, сколько доминирующих в них качеств, абстрагированных и символизируемых соответствующими частями организма (Канторович 2012. С. 55).

Вместе с тем, опираясь на имеющуюся «базу данных» причерноморских полнофигурных изображений хищных животных VI–V вв. до н. э., среди которых доминируют хищники семейства кошачьих, а также принимая во внимание определенную схожесть природных прототипов и изображений лап на бляхах первой группы, последние, по моему мнению, более соответствуют параметрам хищника семейства кошачьих, чем медведя.

Время бытования бронзовых блях первой группы в виде стилизованной лапы хищного животного приходится на V в. до н. э. Уточнить дату в рамках этого столетия помогают наиболее информативные комплексы, в том числе погребение № 1 кургана 15 Перещепинского могильника (ил. 4: *1, 2, 4*; 5: *1–6*). Оно содержало предметы вооружения и узды скифского типа, а также находки античного импорта. Последние представлены амфорой пифоидного типа фасосского производства, а также чернолаковой солонкой, которые датируются второй четвертью – серединой V в. до н. э. (Махортых 2012. С. 150).

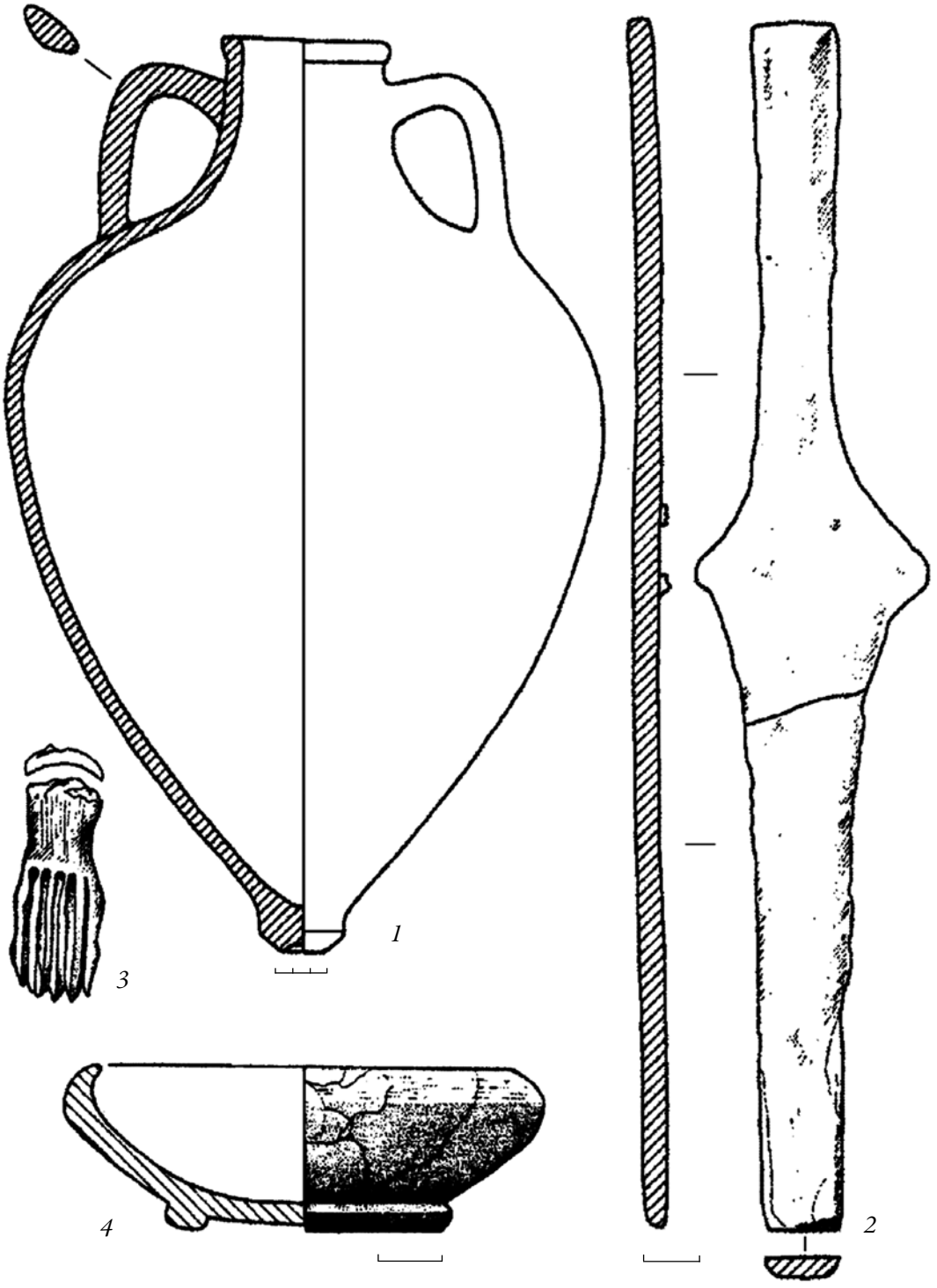
Другие материалы из этого захоронения представлены Г-образными псалиями, бронзовыми плоскими ромбовидными налобниками, трубчатыми ворворками с коническим расширением в нижней части, уздечными бляхами в виде «висячего замочка», которые довольно четко фиксировали изменения в конструкции узды на протяжении V в. до н. э. (Алексеев 2003; Махортих 2006. С. 58–61. Рис. 2: *1–10*; 3: *1–4*). Из предметов вооружения показательными являются бронзовые башневидные трехлопастные наконечники стрел, относящиеся к типу 10 третьей хронологической группы по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964. С. 24).

Совместное бытование перечисленных выше предметов укладывается в хронологические рамки второй и / или третьей четверти V в. до н. э.

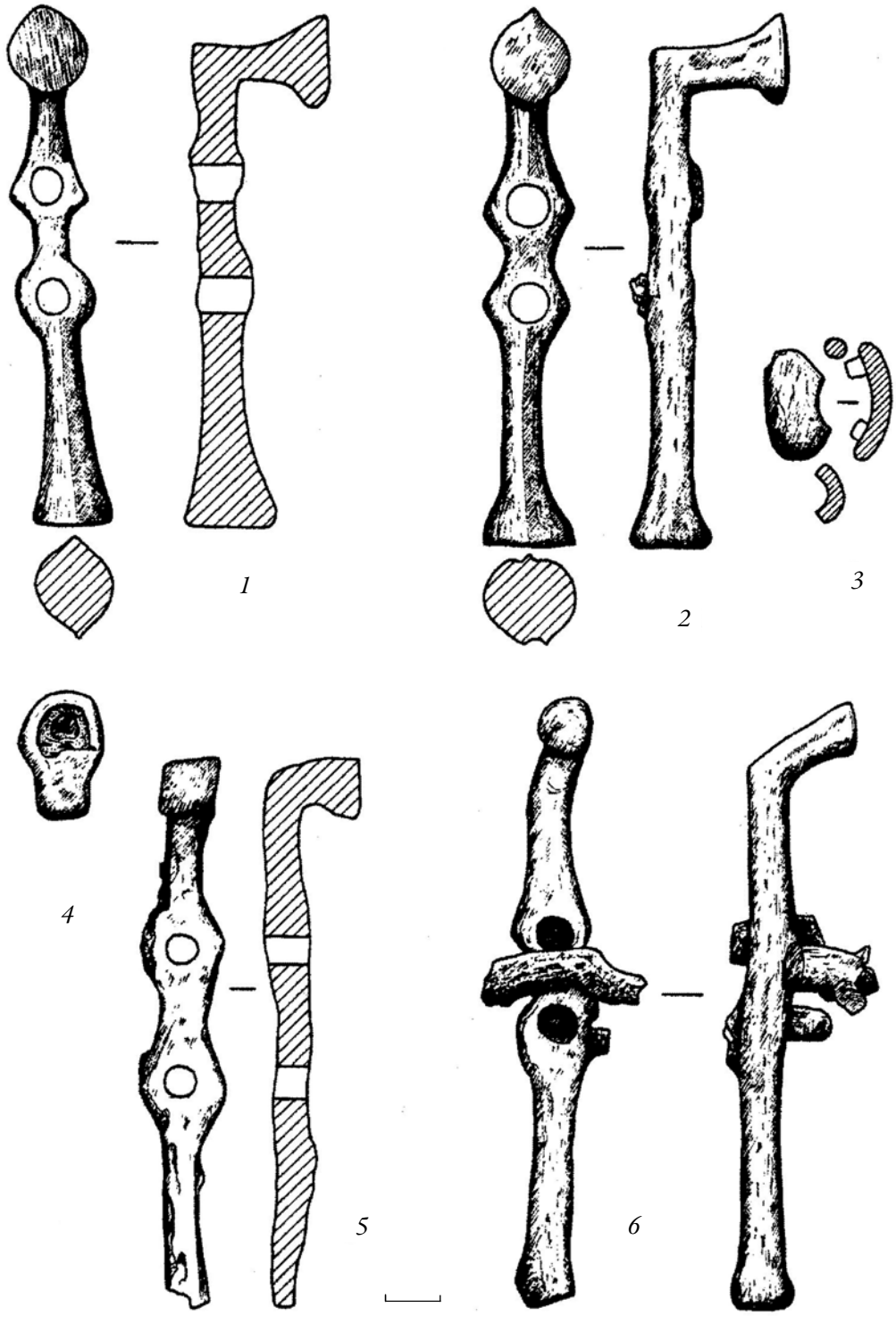
С погребением № 1 кургана 15 по времени сближается ряд других захоронений Перещепинского могильника. Среди них: курган 1, погребение № 1; курган 8, погребение № 1; курган 18, погребение № 1; курган 21, погребение № 1. Основанием для синхронизации (помимо выявленных там зооморфных блях первой группы) является присутствие в этих комплексах деталей конского снаряжения (Г-образные псалии, пластинчатые налобники ромбовидной формы, литые бляхи в виде «висячего замочка», а также бронзовые трехлопастные наконечники стрел с башневидной головкой (Махортых 2012. С. 149–151).

Упомянутые выше перещепинские захоронения обнаруживают хронологическую близость не только между собой, но и с другими комплексами, выявленными в Левобережной Украине, в частности, захоронениями в кургане 3 у с. Протопоповка и у с. Стыла (ил. 6: *1–30*). Она прослеживается не только по обнаруженным там близким уздечным принадлежностям, среди которых изделия, оформленные в зверином стиле, пластинчатые налобники, бронзовые Г-образные псалии, ворворки, но и по другим категориям материальной культуры, в частности, предметам вооружения (Бабенко 2008. С. 35).

В рамках второй половины V в. до н. э. (скорее всего, третьей четверти этого столетия) датируется большинство комплексов, содержащих рассматриваемые бляхи первой группы с территории Правобережной Украины, а также Северо-Западного Причерноморья. Среди них, в первую очередь, следует назвать погребение № 8\1992 Ольвийского некрополя, где выявлен многочисленный и разнообразный набор античной посуды (амфора, чернолаковые килики, скифос, светильник), а также бронзовые пластинчатый налобник, пряжка и набор трехлопастных наконечников стрел (Папанова 1993. С. 36–38) (ил. 7: *1–17*).



Ил. 4. Курган 15 Перещепинского некрополя.
Находки из погребения № 1. Прорисовка С. В. Махортых



Ил. 5. Уздечные принадлежности из погребения № 1 кургана 15 Перещепинского могильника. Прорисовка С. В. Махортых

Рассматриваемые зооморфные бляхи, близкие находкам из Ольвийского некрополя, происходят и из могильника Чилик-Дере в Нижнем Подунавье (ил. 1: *13–15*). Как и во многих других упоминавшихся ранее комплексах, они сочетались там с бронзовыми Г-образными псалиями, а также пластинчатым ромбовидным налобником, указывающими на их датировку, вероятно, третьей четвертью V в. до н. э. (Канторович 2012. С. 42, 43).

Не позднее второй половины V в. до н. э. следует датировать и курган 26 у с. Новоселка в Восточной Подолии. Об этом свидетельствует найденный вместе с бляхами первой группы бронзовый наносник в виде головы орла с большим круглым глазом, загнутым клювом и выделенным надклювьем (Бессонова 1994. С. 26. Фотография 2: *4–6*). Близкие по стилистике и исполнению вещи происходят из памятников V–IV вв. Среднего Приднестровья, Поднепровья и Подонья (поселение Тарасовка, курган 414 Журовка, курган 5 Колбино и др.) (Петренко 1967. Табл. 29: *3*; Савченко 2009. С. 313. Рис. 9: *9*; Зверев, Топал 2012. С. 233. Рис. 2: *3*).

Ко второй половине V в. до н. э. относится курган 5 у с. Берестняги в Днепровском Лесостепном Правобережье, содержащий две «рукоподобные» бляхи (Могилов, Диденко 2008. С. 88). Близким к нему по времени является и исследованный у с. Берестняги курган 4, в котором была выявлена одна зооморфная бляха первой группы (Петренко 1967. С. 93; Ковпаненко и др. 1989. С. 99).

Что касается кургана 398 у с. Журовка, то он считается несколько более ранним и датируется в рамках первой половины V в. до н. э. (Петренко 1967. С. 92).

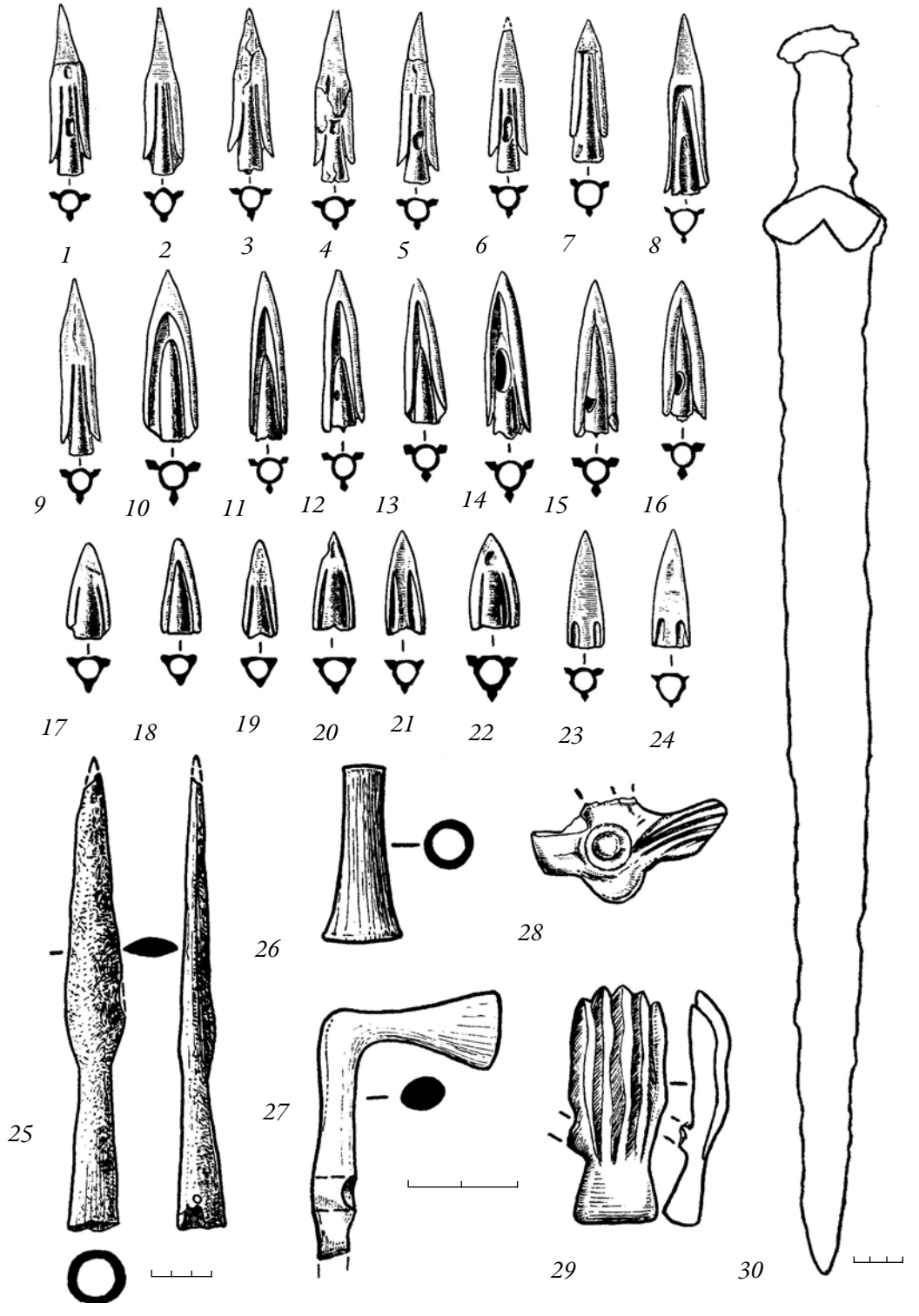
Исходя из имеющихся данных можно заключить, что наиболее архаические (первая половина – середина V в. до н. э.) и многочисленные (57 % всех известных предметов) находки зооморфных блях первой группы локализуются на территории украинской лесостепи. В степной зоне Северного Причерноморья, а также на западной и восточной «окраинах» Скифии они, в целом, получают распространение на более позднем хронологическом этапе (вторая половина V в. до н. э.)[1]. Лесостепные находки характеризуются значительным разнообразием в исполнении, тогда как западнопричерноморские и таманские экземпляры образуют довольно стандартные серии, вероятно, свидетельствуя тем самым о существовании нескольких центров их производства.

Бляхи второй группы насчитывают 16 экземпляров и представлены бронзовыми изделиями в виде передних конечностей с пятью рельефно проработанными и плотно сжатыми пальцами. От блях первой группы они отличаются наличием выделенного большого пальца, а иногда и специально моделированных ногтей (ил. 8: *1–11*). Эти предметы[2] характеризуются также менее выраженной профилировкой внешней поверхности, а также более крупными размерами, варьирующими от 6,0 × 3,0 до 7,5 × 3,7 см.

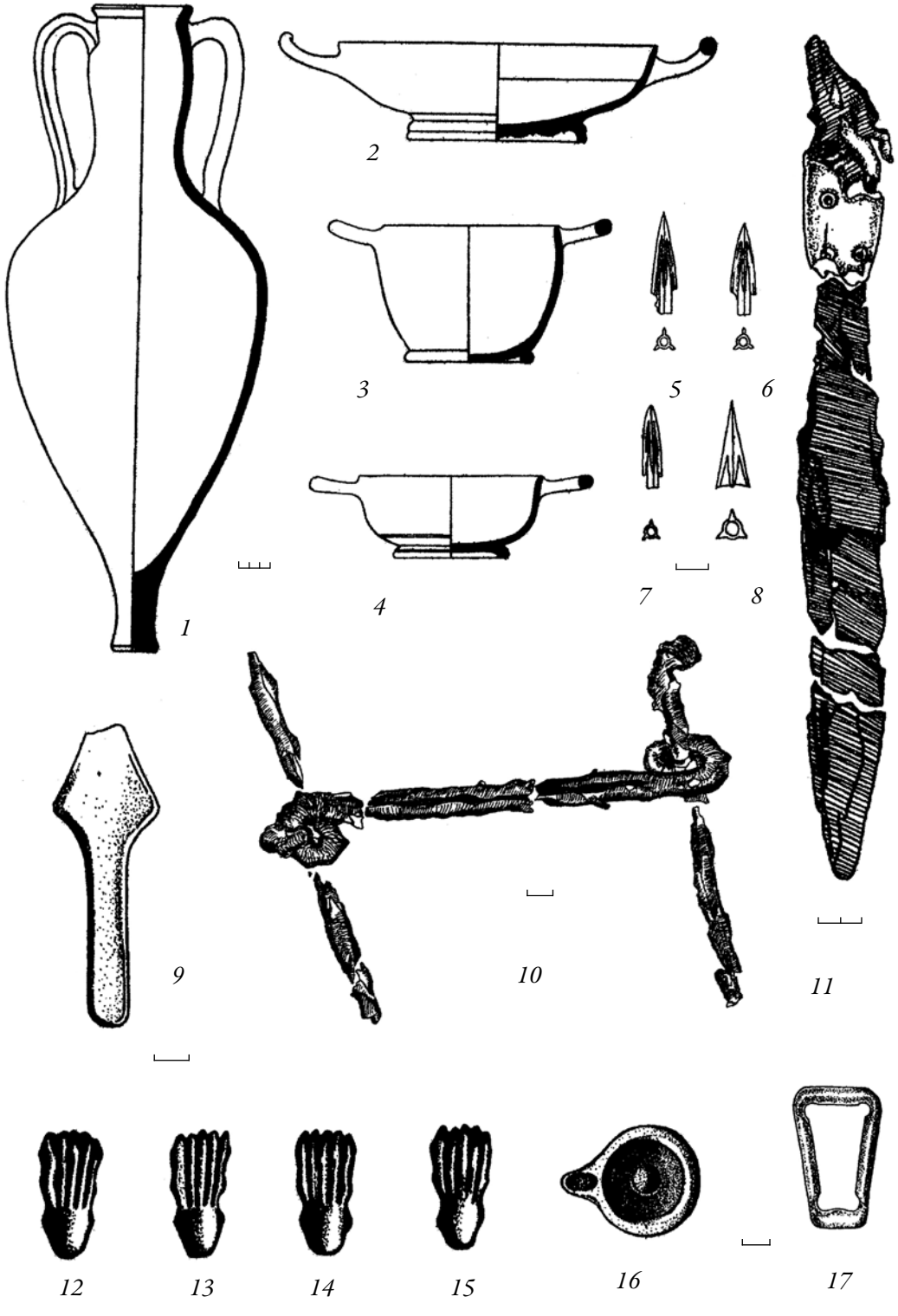
Бляхи второй группы представлены находками из **Посулья** (5 экз., с. Аксютинцы, курган у с. Крячковка на р. Удай, курган 2 в ур. Стайкин Верх), **Днепровского Надпорожья** (3 экз., погребение № 1, курган 7 у с. Новое Запорожье), а также **Северо-Восточного**

[1] К сожалению, данные о хронологии Малых Семибратних курганов являются неполными, но, вероятно, нет оснований значительно отрывать их по времени от наиболее ранних Больших Семибратних курганов (2-й, 4-й, 5-й), датирующихся второй половиной V в. до н. э. или серединой – третьей четвертью этого столетия (Коровина 1957. С. 186; Власова 2010. С. 212).

[2] К числу исключений относится бляха из кургана 3 у ст. Ассиновской, размеры которой составляют 4,5 × 2,3 см (Бурков, Маслов 2007. С. 296).



Ил. 6. Стыла. Инвентарь погребения. Прорисовка С. В. Махортых



Ил. 7. Погребение № 8/1992 Ольвийского некрополя. Прорисовка С. В. Махортых

Приазовья (2 экз., Шевченковский могильник, курган 3 погребение № 1) (Бобринской 1901. С. 75, 154. Табл. 10, 13; Сидоренко 1964. С. 194. Рис. 6; Ильинская 1968. С. 27. Табл. V, *19*; Плешивенко 1991. С. 147. Рис. 3, *5*; Зарайская, Привалов 1992. С. 125. Рис. 2, *30, 31*; Могилов 2008. С. 56. Рис. 110, *26–29*).

Еще одна близкая бляха происходит с **Нижнего Дона** из кургана 1 могильника Частые курганы II[1] (Максименко и др. 2001. С. 223. Рис. 3, *6*).

Помимо этого, интерес представляют сходные находки с территории **Центрального и Северо-Восточного Кавказа:** курган 1 Нартановского II могильника, ст. Ассиновская, курган 3, а также две внекомплексные бляхи из Северной Осетии и, предположительно, района Кавказских Минеральных вод[2] (Керефов, Кармов 2009. С. 25. Рис. 3, *2*; Бурков, Маслов 2007. С. 296. Рис. 3, *1*; Маслов, Дорофеев 2008. С. 64. Рис. 1, *3*).

Практически все исследователи в той или иной степени затрагивавшие вопросы, связаннные с бляхами второй группы, атрибутировали их в качестве кисти руки (Сидоренко 1964. С. 194; Ильинская 1968. С. 135; Плешивенко 1991. С. 145; Маслов, Дорофеев 2008. С. 67; Могилов 2008. С. 56; Алексеев 2011; Канторович 2012. С. 43). Наиболее убедительным это предположение является в отношении изделий, имеющих не только выделенный большой палец, но и четко показанные ногти. Особенной реалистичностью в передаче деталей отличаются изображения на бляхах из с. Аксютинцы в Посулье, всех предметах северокавказской серии, а также на находках из погребения № 1 кургана 3 Шевченковского могильника в Приазовье (ил. 8: *6–11*). Последние, к примеру, имеют отделенный и расположенный ниже от остальных четырех, короткий большой палец. Анатомически правильно изображены и все прочие пальцы этой руки с выделенными ногтями и суставами.

Дополнительным аргументом в пользу вероятной антропоморфной принадлежности блях из погребения № 1 кургана 7 у с. Новое Запорожье является не только наличие у них укороченного крайнего пальца, но и его обособленное положение на руке, соответствующее особенностям анатомии. К числу отличительных признаков северокавказских «рукоподобных» блях относится наличие у них четко выделенной ладони, имеющей скругленное основание (ил. 8: *10, 11*).

Кисть человеческой руки еще со времен палеолита стала одним из наиболее распространенных символов. Помимо практических нужд, то есть своих производственных и бытовых функций, рука всегда активно использовалась в сфере различных ритуалов.

Применительно к скифскому периоду хорошо известным является пассаж Геродота (Hdt. 4. 62) об обряде жертвоприношения скифскому богу-воителю, отождествляемому с греческим Аресом. В связи с этим сообщением, появление мотива в виде кисти руки на антропоморфных бляхах второй группы связывается А. Д. Могиловым со скифским обычаем отсечения рук у пленных врагов (Могилов 2008. С. 56).

---

[1] Беспаспортная бронзовая подвеска в форме кисти руки хранится в фондах Новочеркасского музея истории донского казачества (Раев 1979. С. 46. Табл. 22, *7*).

[2] Следует упомянуть также довольно схематичную и фрагментированную «рукоподобную» бляху из кургана 400 у с. Журовка в Среднем Приднепровье. Ее связь с изделиями второй группы остается открытой. Она имеет гладкую, лишенную рельефа поверхность, а также единственный выступающий и отставленный в сторону большой палец (Алексеев 2011. Рис. 1, *4*). Продольно располагающаяся петелька на внутренней стороне бляхи обломана. Пользуясь случаем, я выражаю глубокую благодарность заведующему Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа д. и. н. А. Ю. Алексееву за подробную информацию об этой находке.

По мнению А. Ю. Алексеева, нет оснований напрямую связывать рассматриваемые уздечные украшения с культом скифского Ареса, хотя их существование придает вещественный характер сообщениям Геродота о ритуальном и «военном» использовании рук врагов и свидетельствует о магическом значении, которое приписывалось в скифской культуре данной части тела человека (Алексеев 2011. С. 66).

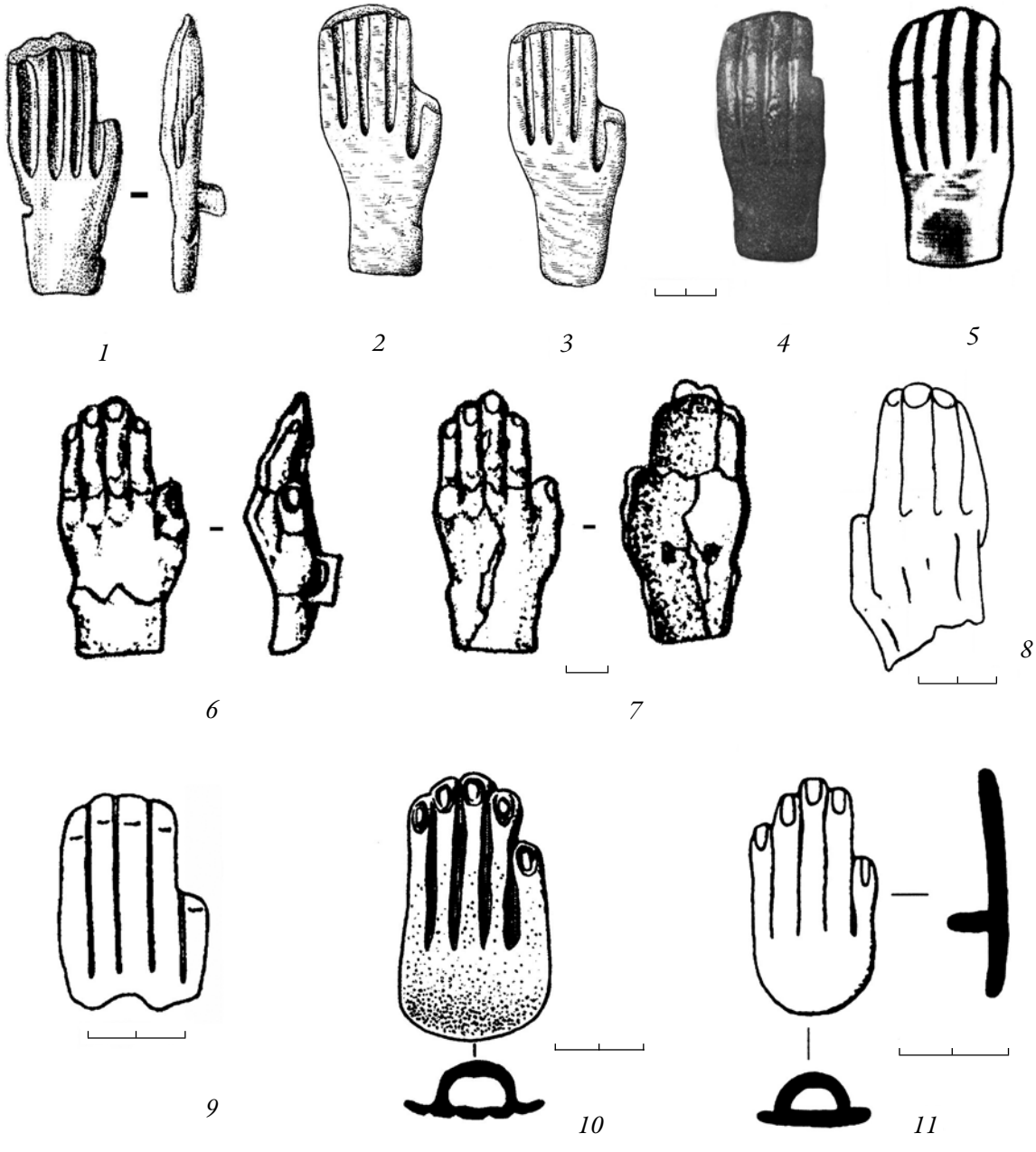
У скифов, помимо ритуала отсечения рук у жертв Аресу, используемых для гаданий, существовали и другие обычаи, связанные с культом отрубленной головы или содранной кожей врагов, в том числе и с правых рук вместе с ногтями, которая использовалась для обтяжки колчанов (Hdt. 4. 62. 3). Эти примеры свидетельствуют не только о жестоких нравах, царивших в реальной жизни скифов, но и демонстрируют разнообразное художественное воплощение этих ритуалов, в том числе в виде «амулетов», воспроизводящих кисть руки.

Примечательно, что в отличие от Геродота, рассказывающего об обычае отсекать у врагов правую руку, около 90%, или 14 из 16, блях второй группы воспроизводят кисть левой руки, что вряд ли является случайным. Объяснение этому явлению, очевидно, следует искать в особенностях религиозной сферы, когда «правое» и «левое» могли меняться местами. Мир мертвых у самых разных народов мыслился как мир «наоборот». Представления о перевернутости иного мира, видимо, были универсальными. «Правому» в мире людей соответствовало «левое» в ином мире. Отсюда повсеместно распространенная инакость действий, связей и отношений, в том числе и в ситуации непосредственного контакта с иным миром. Так, коряки при похоронах зимой покойника одевают в летнюю одежду, а летом – в зимнюю; причем перчатки надевают наоборот – левую на правую руку, а правую на левую. У адыгов вестник, сообщавший о смерти кого-либо из соплеменников, ехал верхом без оружия, против обыкновения плетку держал в левой руке, а поводья – в правой. По этим признакам каждый встречный безошибочно определял, что этот человек – вестник несчастья и горя (Байбурин, Топорков 1990. С. 30).

Время бытования блях второй группы приходится главным образом на последнюю четверть – конец V в. до н. э., с возможным заходом некоторых из них, и в частности северокавказских находок, в первые десятилетия IV в. до н. э.

Неким «исключением», как будто, выступает курган 2 в ур. Стайкин Верх, отнесенный В. А. Ильинской к первой половине V в. до н. э. на основании выявленного в нем чернолакового килика (Ильинская 1968. С. 75. Табл. 6, *1*). Однако хорошо известно, что чернолаковая посуда относится к числу артефактов, использующихся на протяжении довольно длительного времени, и автоматическое перенесение даты бытования чернолаковой посуды в античных центрах на скифские памятники является неправомерным (Фиалко 2006. С. 364–366). Обращает на себя внимание находка близкого чернолакового килика еще в одном посульском кургане 2 (1883–1885) у с. Аксютинцы (Ильинская 1968. Табл. XV, 9), датирующемся уже третьей четвертью V в. до н. э., наиболее вероятно, даже более поздним временем, поскольку в его инвентаре присутствуют предметы, находящие аналогии в кургане Солоха конца V – начала IV в. до н. э. (Манцевич 1987. С. 119; Алексеев 2003. С. 206).

Подобные примеры, список которых может быть продолжен, указывают на то, что при определении даты скифских погребений с античной керамикой следует опираться на весь вещевой комплекс, в том числе на принадлежности конской узды и вооружения, которые относятся к числу важных и самостоятельных хроноиндикаторов.



Ил. 8. Бронзовые бляхи в виде кисти руки

1 – курган 2 в урочище Стайкин Верх; *2, 3* – Новое Запорожье, курган 7; *4, 5* – Крячковка, курган 1; *6, 7* – Шевченко, курган 3; *8* – Новочеркасский музей; *9* – Аксютинцы; *10* – Нартан П, курган 1; *11* – Ассиновская, курган 3. Прорисовка С. В. Махортых

Особо следует подчеркнуть, что упомянутые выше категории материальной культуры в захоронениях с бляхами второй группы показывают существеннные отличия от аналогичных категорий инвентаря, сопровождающих бляхи первой группы, что, вероятно, свидетельствует об их принадлежности к различным хронологическим периодам.

Так, в комплексах с бляхами второй группы доминируют прямые стержневидные псалии с восьмерковидным расширением в средней части, а также S-овидные псалии с ромбовидными в сечении концами (Стайкин Верх, курган 2; Новое Запорожье, курган 7, погребение № 1, Шевченко, курган 3, погребение № 1), которые приходят на смену бронзовым и железным двудырчатым Г-образным псалиям (ил. 9: *16*; 10: *1*; 11: *17–20*). В уздечных наборах они зачастую сочетаются с бронзовыми литыми наносниками, украшенными скульптурными головками орла, ушастого хищника, фантастического грифона, оленя, которые заменяют гладкие налобники в форме неправильного ромба, сопровождающие бляхи первой группы (ил. 9: *8, 12*; 11: *24*).

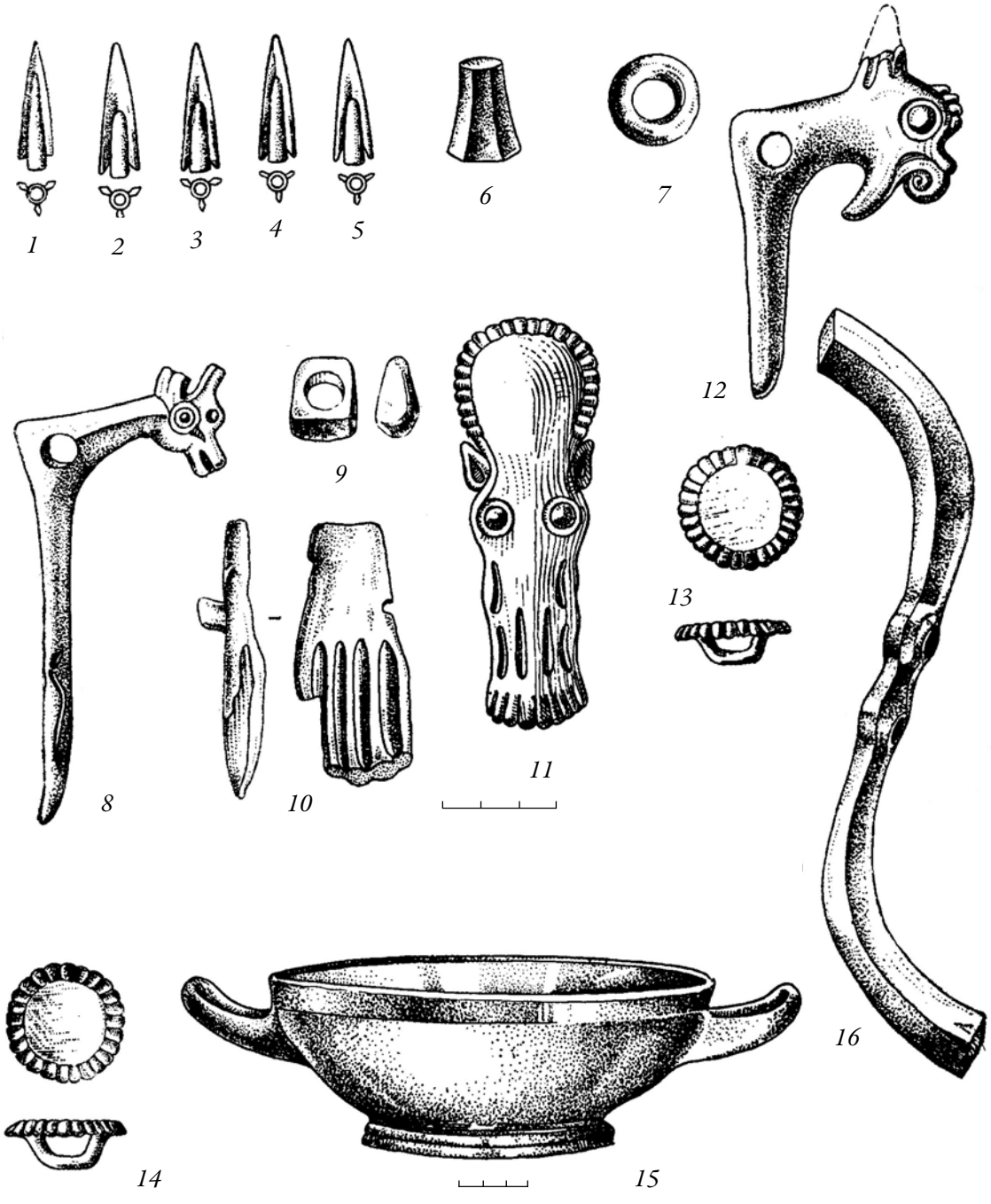
Мелкие бляшки-розетки, поверхность которых покрыта «рубчатым» орнаментом, сменяются более крупными уздечными бляхами с гладкой поверхностью и краями, обрамленными «жемчужным» орнаментом, а также округлыми полусферическими бляшками. Вместе с тем в захоронениях с изделиями второй группы продолжают встречаться подвески в виде «замочков» (Стайкин Верх, курган 2; Новое Запорожье, курган 7, погребение № 1), известные также в памятниках IV в. до н. э. (Бабенко 2005. С. 161).

Существенные изменения, по сравнению с предшествующим периодом, происходят в колчанных наборах, выявленных в комплексах с бляхами второй группы. В их составе преобладают такие разновидности, как легкие трехлопастные наконечники стрел удлиненно-вытянутых пропорций со слабо выступающей втулкой и острообрезанными вровень с ней концами граней; наконечники, у которых заостренные концы граней опущены ниже втулки, причем один из них, удлиненный более других, образует выступающий шип; трехлопастные наконечники со скрытой втулкой, треугольные в продольном сечении со свисающими острыми или прямо обрезанными концами лопастей (ил. 9: *1–5*; 10: *6–11*). Некоторые наконечники декорированы рельефными значками в виде косого креста или «елочки», нанесенными на гранях (ил. 10: *4, 5, 12–14*).

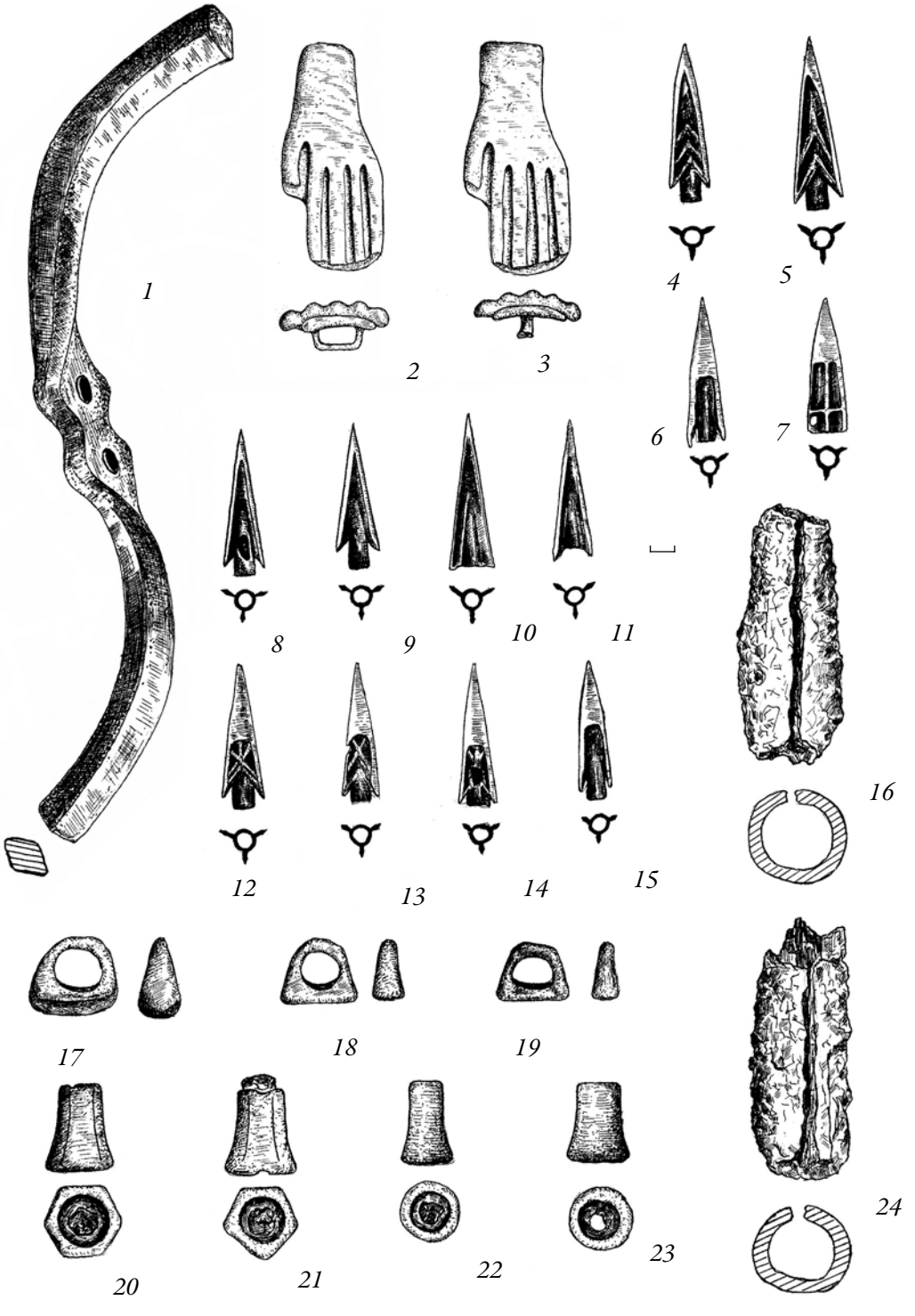
Обращает на себя внимание и довольно значительное количество наконечников копий, найденных в некоторых из рассматриваемых захоронений второй группы – три экземпляра в крячковском кургане и четыре экземпляра в кургане 2 ур. Стайкин Верх, что, по мнению В. А. Ильинской, является более характерным для памятников V–IV вв. до н. э. (Ильинская 1968. С. 91). Новые тенденции в развитии комплекса вооружения демонстрируют и распространившиеся в это время наконечники копий, расширяющиеся у основания пера, имеющие удлиненные пропорции, и невысокую среднюю грань.

Знаменательными являются также находки разнообразного защитного вооружения (панцири, щиты, шлем и пр.), а также бронзовых котлов, выявленных соответственно в 100% и 75% северопричерноморских комплексов с бляхами второй группы. Данная статистика является довольно показательной, и наряду с приведенными выше данными, отражает существенные изменения в облике материальной культуры и состоянии скифского социума, происходившие в последней четверти – конце V в. до н. э.

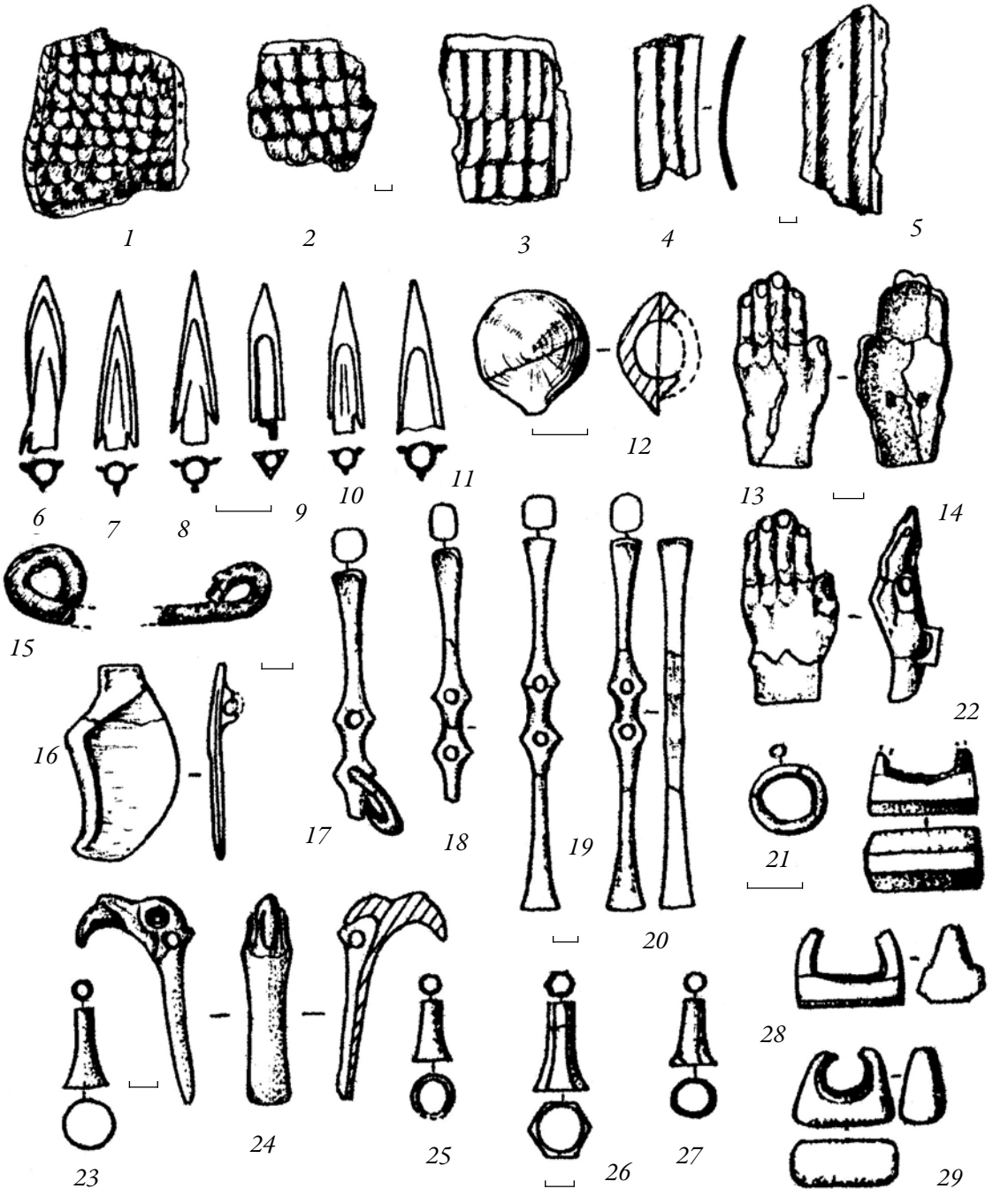
Имеющиеся материалы указывают, что северопричерноморские захоронения с бляхами второй группы являются в целом более молодыми, по сравнению с комплексами,



Ил. 9. Предметы из кургана 2 в урочище Стайкин Верх.
Прорисовка С. В. Махортых



Ил. 10. Инвентарь погребения в кургане 7 у с. Новое Запорожье.
Прорисовка С. В. Махортых



Ил. 11. Предметы из кургана 3 Шевченковского могильника.
Прорисовка С. В. Махортых

содержащими изделия первой группы, значительная часть которых относится к третьей четверти V в. до н. э. Помимо существенных отличий их вещевого комплекса, об этом свидетельствует хронологическая близость погребений с бляхами второй группы с памятниками степной и лесостепной Скифии (Краснoперекопск, курган 15, погребение № 2; Осняги, курган 4; Первомаевка, курган 2, погребение № 1 и курган 4, погребение № 1; Перещепино, курган 7; Стайкин Верх, курган 3 и др.), датирующимися в рамках последней четверти – конца V в. до н. э., а возможно, и начала IV в. до н. э. (Мелюкова 1964. Табл. 8, Б; Ильинская 1968. С. 75, 76. Табл. VII, *1–4, 9, 10, 21*; Щепинский, Черепанова 1969. Рис. 20, 1; Евдокимов, Фридман 1991. Рис. 3, 2, 4, 5; Махортых 2012. С. 153; Канторович 2012. С. 26, 43). Эти хронологические сопоставления подтверждаются также датой северокавказских комплексов с антропоморфными бляхами в виде кисти руки, которая определяется не ранее конца V в. до н. э.[1] (Бурков, Маслов 2007. С. 308).

Симптоматично, что различными являются и территориальные области распространения погребений с бляхами первой и второй групп. Если первые сосредоточены на широкой территории от Нижнего Поволжья на востоке до Средней Европы на западе с центром, локализующемся в бассейне Ворсклы, то вторые концентрируются в Посулье и степной зоне Северного Причерноморья, а также на Центральном и Северо-Восточном Кавказе.

По всей вероятности, ответы на вопросы о распространении в скифской культуре такого феномена, как антропоморфные бляхи в виде кисти левой руки, следует искать как в религиозно-идеологической сфере, так и в военно-политической обстановке, сложившейся в Северном Причерноморье в последней четверти V – начале IV в. до н. э. Этот хронологический период считается довольно «турбулентным» временем, поскольку характеризуется межплеменными столкновениями и нестабильным внутриполитическим положением в скифских землях (Алексеев 2003. С. 211). Военные противостояния, племенные междоусобицы и как следствие появление новых военных лидеров, могли явиться одним из стимулов распространения у скифов антропоморфных мотивов и сюжетов, связанных с военной сферой. К числу «маркеров» новой эпохи, имеющих непосредственное отношение к погребениям воинской элиты, вероятно, относятся и рассмотренные бляхи второй группы, с одной стороны, являющиеся своеобразными «знаками отличия» и символическим выражением доблести и власти, а с другой – низвержения и победы над неприятелем.

Проведенный анализ одной из причерноморских категорий конского снаряжения V в. до н. э. показал, что:

• бронзовые литые бляхи, оформленные в виде окончаний лап хищного животного (первая группа) и кисти руки человека (вторая группа), относятся к числу довольно популярных мотивов скифского искусства V в. до н. э;

[1] Северокавказские бляхи в виде кисти руки, по мнению А. Р. Канторовича, связаны своим происхождением с причерноморским регионом и появились в Предкавказье в ходе заимствования уздечных комплектов через посредство скифской культуры, связывавшей Приднепровье и Северный Кавказ (Канторович 2012. С. 43). Вместе с тем, предположение этого исследователя о том, что дальнейшая антропоморфизация, наметившаяся в искусстве Поднепровья (Аксютинцы), стимулировалась уже существующей в Центральном Предкавказье традицией изображения обособленной человеческой руки с четко обозначенными пальцами на пряжках или подвесках кобанской культуры, представляется сомнительным по причине их хронологической и морфологической несовместимости друг с другом.

• общими для обеих групп являются подпрямоугольные очертания блях, а также их деление на две части: 1) гладкую и сравнительно узкую, 2) более широкую, украшенную пятью рельефно проработанными, плотно сжатыми пальцами. Отличия между анализируемыми предметами проявляются в размерах, степени профилировки внешней поверхности, наличии выделенного большого пальца, а иногда и специально моделированных ногтей;

• бляхи первой группы (более 40 экз.) распространены на обширной территории от Поволжья на востоке до Центральной Европы на западе с основным центром, локализующемся в Днепровском Лесостепном Левобережье и, в частности, бассейне Ворсклы. Время их бытования приходится на вторую и/или третью четверть V в. до н. э;

• бляхи второй группы (16 экз.) концентрируются в Посулье и степной зоне Северного Причерноморья, а также на Центральном и Северо-Восточном Кавказе. Основной период их использования приходится на последнюю четверть – конец V в. до н. э., а возможно, и первые десятилетия IV в. до н. э.;

• изделия обеих групп являются продуктом местной художественной системы и связаны со скифским культурным контекстом. Бляхи первой группы находят истоки среди причерноморских изображений хищников семейства кошачьих с сомкнутыми пальцами на передних конечностях, тогда как распространение блях второй группы связано с процессом антропоморфизации скифского искусства, проходившим под влиянием внутренних и внешних факторов и прежде всего античных культурных традиций.

Алексеев 2003
Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.

Алексеев 2011
Алексеев А. Ю. Гадания у алтарей скифского Ареса // Европейская Сарматия : сб., посвящ. М. Б. Щукину. СПб., 2011. С. 61–66.

Алексеев 2012
Алексеев А. Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб., 2012.

Бабенко 2005
Бабенко А. П. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков, 2005.

Бандуровский, Буйнов 2000
Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В. Курганы скифского времени : северскодонецкий вариант. Киев, 2000.

Байбурин, Топорков 1990
Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета : этнографические очерки. Л., 1990.

Бессонова 1994
Бессонова С. С. Курганы лесостепного Побужья // Древности скифов. Киев, 1994. С. 3–34.

Бобринской 1901
Бобринской А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1901. Т. 3.

Бобринской 1905
Бобринской А. А. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии // ИАК. 1905. Вып. 14. С. 1–43.

Бурков, Маслов 2007
Бурков С. Б., Маслов В. Е. Воинские погребения из курганов у станицы Ассиновской // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007. С. 295–320.

Власова 2010
Власова Е. В. Древности эллинские и местные // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. 3. С. 198–263.

Галанина 1977
Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья. М., 1977.

Гуляев 2012
Гуляев В. И. О некоторых мотивах звериного стиля в искусстве населения Среднего Дона скифской эпохи // Восточноевропейские древности. Воронеж, 2012. С. 125–154.

Евдокимов, Фридман 1991
Евдокимов Г. Л., Фридман М. И. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине // Курганы степной Скифии. Киев, 1991. С. 72–97.

Зарайская, Привалов 1992
Зарайская Н. П., Привалов А. И. Скифские памятники Шевченковского могильника // Донецкий археологический сборник. Донецк, 1992. Вып. 2. С. 118–160.

Зверев, Топал 2012
Зверев Е. Ю., Топал Д. А. Гетский горизонт многослойного поселения у с. Тарасова // Stratum Plus. 2012. № 3. С. 231–242.

Ильинская 1968
Ильинская В. А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев, 1968.

Канторович 2012
Канторович А. Р. Изображения обособленных конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы : типология, хронология, анализ истоков и эволюция // Stratum Plus. 2012. № 3. С. 17–71.

Керефов, Кармов 2009
Керефов Б. М., Кармов Т. М. Нартан-2 : курганный могильник скифского времени. Нальчик, 2009

Ковпаненко и др. 1989
Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. Киев, 1989.

Коровина 1957
Коровина А. К. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 1957. № 2. С. 174–187.

Максименко и др. 2001
Максименко В. Е., Ключников В. В., Гуркин С. В. Исследование могильника «Частые курганы II» на Нижнем Дону в 2000 г. // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2001. С. 220–225.

Манцевич 1987
Манцевич А. П. Курган Солоха. Л., 1987.

Маслов, Дорофеев 2008
Маслов В. Е., Дорофеев Г. А. Бляшки с изображением руки с Северного Кавказа // Музейні читання. Київ, 2008. С. 62–64.

Махортых 2012
Махортых С. В. Хронология Перещепинского курганного могильника близ Бельска // Stratum Plus. 2012. № 3. С. 145–160.

Мелюкова 1964
Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М., 1964.

Мелюкова 1976
Мелюкова А. И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 106–127.

Мелюкова 2006
Мелюкова А. И. По поводу скифских походов на территорию Средней Европы // Древности скифской эпохи. М., 2006. С. 25–40.

Могилов, Диденко 2008
Могилов А. Д., Диденко С. В. Курган 5 у с. Берестняги – памятник среднескифского времени в Поросье // РА. 2008. № 4. С. 84–90.

Островерхов, Охотников 1989
Островерхов А. С., Охотников С. Б. О некоторых мотивах скифского звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // ВДИ. 1989. № 2. С. 50–67.

Папанова 1993
Папанова В. А. Некрополь Ольвии. Бердянск, 1993.

Петренко 1967
Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. М., 1967.

Плешивенко 1991
Плешивенко А. Г. Исследование скифских курганов в Днепровском Надпорожье // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1991. Вып. 2. С. 143–152.

Привалова 1993
Привалова О. Я. Скифское погребение у с. Стыла // Археологический альманах. Донецк, 1993. Вып. 2. С. 161–166.

Раев 1979
Раев Б. А. Каталог археологических коллекций. Новочеркасск, 1979.

Савченко 2009
Савченко Е. И. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2009. С. 221–328.

Смирнов 1976
Смирнов К. Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 74–89.

Щепинский, Черепанова 1969
Щепинский А. А., Черепанова Е. Н. Северное Присивашье в V–I тыс. до н. э. Симферополь ; Крым, 1969.

Шкурко 1976
Шкурко А. И. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 90–105.

Фиалко 2006
Фиалко Е. Е. Посуда с лаковым покрытием в погребальном обряде скифов // Древности скифской эпохи. М., 2006. С. 351–387.

Бабенко 2008
Бабенко А. І. Спорядження коня у населення сіверськодонецького регіону : за матеріалами поховальних пам'яток V ст. до н. е. // Проблемы археологии Восточной Европы. Харьков, 2008. С. 28–38.

Махортих 2006
Махортих С. В. Скіфська вузда Перещепинського могильника // Більське городище та його округа. Київ, 2006. С. 57–76.

Могилов 2008
Могилов О. Д. Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. Київ ; Кам'янець-Подільський, 2008.

Сидоренко 1964
Сидоренко Г. О. Скіфський курган на р. Удай // Археологія. 1964. С. 191–194. Т. 16.

Parzinger et al. 1995
Parzinger H., Nekvasil J., Barth F. E., Haevernick T. E. Die Býčí skála-Höhle : Ein hallstattzeitlicher Höhlenopferplatz in Mähren. Mainz, 1995.

Scythian Gold 1999
Scythian Gold / ed. by E. D. Reeder. New York, 1999.

Simion 2000
Simion G. Tombes tumulaires dans la nécropole de Celic Dere // Tombes tumulaires de l'Age du Fer dans le Sud-Est de l'Europe : Actes de IIe Colloque International d'Archéologie Funéraire. Tulcea, 2000. P. 69–82.

Simion 2003
Simion G. Culturi antice în zona Gurilor Dunării. Cluj-Napoca, 2003. (Preistorie şi protoistorie ; 1).

Р. С. Минасян

ОТОБРАЖЕНИЕ «МОДЕЛИ МИРА» НА МЕТАЛЛИЧЕСКИХ УКРАШЕНИЯХ ЭПОХИ ВИКИНГОВ

Скандинавские круглые подвески-брактеаты, трилистные, овальные и равноплечные бронзовые, серебряные, реже золотые фибулы-броши, изготовленные литьем, тиснением и пайкой, образуют большие группы художественных изделий VI–XII вв. Их украшали стилизованными орнаментами, антропоморфными и анималистическими изображениями, скульптурными деталями, проволокой, зернью, чеканкой, чернью. По морфологическим признакам и художественному исполнению в скандинавском искусстве выделено семь стилей (Wilson, Klind-Jensen 1966). Исследователи безоговорочно усматривают в изобразительном творчестве викингов влияние мифологической символики скандинавского эпоса. Но в научных работах изображения на предметах обычно называют зверями, животными, людьми, зооморфными и антропоморфными существами, растениями и очень редко идентифицируют их с мифическими персонажами, упомянутыми в «Старшей Эдде» и «Младшей Эдде»[1]. Поэтому объекты и образы, изображенные на украшениях, в большинстве случаев остаются анонимными (Wilson, Klind-Jensen 1966; Jansson 1985; Лебедев 2005. С. 309; Neis 2010. S. 127–148; Neis et al. 2012. S. 145–180; Neis 2013. P. 127–148).

В варварском мире художественные произведения не создавались любителями абстрактного творчества. Декоративные элементы и, казалось бы, ничего не значащие геометрические фигуры не только могли, но и должны были представлять реальные образы даже в нереальном мире. Мышление у людей прошлых времен не было настолько абстрагированным, чтобы оснащать свой быт предметами, по существу являющимися оберегами, украшенными незнакомыми им образами и сюжетами. Здесь нужно попытаться взглянуть на скандинавское искусство глазами этих людей, и каким бы оно ни было схематичным и закодированным, прочесть хотя бы некоторые анонимные картинки и нерасшифрованные языческие истории, понятные и изготовителям вещей, и тем, кто эти вещи носил.

При внимательном рассмотрении германских памятников прикладного искусства VI–XII вв. не только с эстетической стороны, но и с технической, нельзя не заметить несколько закономерностей. Большая часть украшений, в том числе и скандинавских,

[1] Сборник древнеисландских песен «Старшая Эдда» сохранился в рукописи XIII в., но часть песен восходит к южногерманским прототипам и датируется несколькими столетиями раньше, а некоторые песни, вероятно, были занесены в Исландию из других скандинавских стран. «Младшая Эдда» была составлена Снорри Стурлусоном примерно в 1222–1225 гг., а образцом для нее послужили песни «Старшей Эдды» (Младшая Эдда 1970; Стеблин-Каменский 1970. С. 101–121; Старшая Эдда 2000; Гуревич 2000. С. 5–20).

сделанных с помощью различных технических средств, в разных художественных стилях, в условной форме или с привнесением реалистических черт, имеют только несколько схем построения композиций декора с участием одинакового количества ключевых элементов. На это обстоятельство исследователи не обратили внимания, а оно того заслуживает, ибо не случайно в разных частях германского мира на протяжении столь длительного времени мастера украшали вещи, строго придерживаясь одних и тех же конструктивных схем.

1. На золотых брактеатах VI–VII вв. декор организуется вокруг центрального медальона, окруженного рельефными кольцами или филигранными орнаментами.

2. Круглые и овальные фибулы имеют **1+4,** или **1+4+4,** или **1+4+4+4** выступов или символов иного вида, и каждый из них всегда занимает только ему предназначенное место.

3. На украшениях с трехчастным делением орнаментальной композиции число основных элементов находится в соотношении **1+3** или **1+3+3**.

Декор с такой разметкой композиции имеют изделия, сделанные литьем и пайкой, украшенные геометрическими или стилизованными орнаментами или изображениями каких-то существ, переплетенных друг с другом лентами и утрированными частями тел. Нужно отметить, что у других народов Европы (римлян, галлов, кельтов, даков, славян, финнов) нет украшений с такими особенностями декора (Синай, Византия и Русь 2000; Кельтская мифология 2006; Залесская 2006; Dalton 1911; Die Schraube swischen 1995; Bishop, Coulston 2006). Эта особенность характерна только для искусства германских племен.

Совершенно очевидно, что германские мастера создавали свои произведения, придерживаясь определенных правил оформления декора, неукоснительное соблюдение которых могло быть обусловлено только наличием ограниченного количества одних и тех же тем, причем не жанровых и не абстрактных. Если бы декор создавался «свободными художниками» на отвлеченные темы, оформительская палитра была бы значительно разнообразнее и богаче. Невозможно заставить изготовителей, проживавших на огромной территории, но невооруженных общей идеей, на протяжении семи или более веков украшать вещи, пользуясь постоянным набором декоративных элементов. Такое возможно только в случае, если каждое изображение на германских украшениях имело понятный всем смысловой подтекст, и нужно выяснить, в чем он заключался.

Дом бога Одина

В VI–VII вв. жители Скандинавии носили круглые подвески-брактеаты. В Дании, Швеции и Норвегии было найдено около 700 таких изделий. Их делали из золотых пластин и украшали геометрическими рельефами или филигранными узорами (Stenberger 1970. P. 134, 135).

На группе брактеатов в центре диска особо выделен круглый медальон, окруженный псевдозернью, с изображениями трех–четырех змееголовых существ с раскрытыми пастями-клювами, соединенных вместе в виде лучевой звезды, а над ним какой-то символ в виде перевернутой арки, перечеркнутой другой аркой, увенчанной короткими отростками. Центральный круг окружен несколькими поясами геометрического орнамента, окаймленного припаянной рифленой проволокой или прочеканенным (?) бордюром.

Ил. 1. Золотой брактеат. V–VI вв. Ерете, Готланд
(прорисовка Р. С. Минасяна)

Ушко для подвески украшения сделано в виде орнаментированной втулки или фигурной бусы, а место под ним обязательно обозначено *треугольником* из зерни или филиграни (Nerman 1969. Taf. 176–179, 229, 230, 273–278). Такая унифицированная орнаментальная композиция на подавляющем большинстве брактеатов VI–VII вв. свидетельствует о значимости этих украшений, олицетворяющих какую-то важную для скандинавов мировоззренческую идею. Если люди носили украшения с одинаковой символикой, то есть с одинаковым смысловым значением, значит, в этом был особый резон.

Помимо украшений такого вида, есть брактеаты с уже узнаваемыми образами в центральных медальонах (Holmqvist 1977. S. 130, 131. Fig. 169, 171; Сокровища викингов 1979. С. 23, 24. Кат. 18). На них изображена мужская голова в профиль, а под ней животное похожее на лошадь, но с рогами, звериными лапами или копытами. Под ушком припаян *треугольник* из зерни или филиграни. Есть брактеаты, у которых в центральном медальоне помимо головы и своеобразного коня-зверя изображена летящая птица, свастика – знак огня и руническая надпись (Эпоха меровингов 2007. С. 277, 279. Кат. 0.2.1, 0.6.1). Этот сюжет – один из немногих, который скандинавскими исследователями интерпретируется однозначно. Считается, что в этих медальонах изображен

бог Один, его конь Слейпнир и сопровождающие Одина вороны Хугин и Мунин (Simek 2008. S. 92–94). Впрочем, эти изображения настолько откровенны, что иного объяснения им не найти.

Особый интерес представляет золотой брактеат из Ерете (Готланд). (Holmqvist 1977. S. 130; The Gold Room 2005. P. 29; Сокровища викингов 1979. С. 20. Кат. 18). Считается, что в центре этого брактеата, окруженного концентрическими бордюрами штампованного орнамента, изображена мужская голова в профиль, а под ней – животное, более или менее похожее на лошадь (Stenberger 1970. P. 135. Pl. 52). На самом деле здесь повествуется иная история. Помимо головы бога Одина, рогатого «коня» на когтистых лапах и свастики, на этом брактеате есть и другие детали. Центральный медальон окружен шестью концентрическими орнаментальными поясами, а во втором от центра поясе ударами маленького пуансона вычеканены головы воинов. На фотографии по обе стороны от голов усматриваются какие-то атрибуты, один из которых похож на меч (ил. 1).

Это и другие похожие изображения позволяют понять, о чем повествуется в центральном круге. Здесь, так же как и на брактеатах иного вида, главную роль в орнаментальной композиции выполняет центральный медальон, всегда отделенный от остального поля кругом зерни. В медальоне изображен дом бога Одина – Вальхалла, куда попадают павшие в бою воины. Есть брактеаты, у которых дом Одина обозначен символами *трискелион-триквестр* или *duplex – узел Вотана-Одина* (Nerman 1969. Taf. 273; Эпоха меровингов 2007. С. 426. Кат. VI: *5. 2. 8*; O'Meadhra 1979. S. 107, 192, 193. Kat. 437). Другие подвески с изображениями бога Одина, вернее Вальхаллы, рассмотрены в монографии М. Холмквиста (Holmqvist 1977. S. 129, 130, 153).

Некоторые особенности декора позволяют полагать, что орнаментальное поле, окружающее дом Одина, тоже имеет смысловое содержание. Здесь обращают внимание треугольные или подтреугольной формы знаки под ушком, углом восходящие к центральному медальону или упирающиеся в него, которые в большинстве случаев обозначены зернью или филигранью. Но на брактеатах из Ерете и Лилла Яред (Швеция) (Ibid. S. 129, 130, 153) под ушками в форме декорированных бус припаян треугольник, заполненный человеческими масками. На брактеате из Ескаторп (Швеция) треугольник под ушком заполнен С-видными завитками – символом, часто встречающимся на германских украшениях (Germanen Hunnen und Avaren 1987. S. 454, 466. Cat. XI: *16*). Следовательно, треугольники под ушком, изображены ли в них человеческие маски, символы в виде завитков или шарики, тоже заключают в себе какой-то сюжет, имеющий отношение к каждому брактеату. Возможно, таким образом показаны убитые воины, отправляющиеся в Вальхаллу для формирования войска Одина.

Легко отгадать,
Где Одина дом,
посмотрев на палаты:
волк там на запад
от двери висит,
парит орел сверху.
<…>
Пять сотен дверей
и сорок еще
в Вальхалле, верно;
восемьсот воинов
выйдут из каждой
для схватки с волком.

(Старшая Эдда. *Речи Гримнира.* 10, 24).[1]

[1] Цит. по: Старшая Эдда 2000.

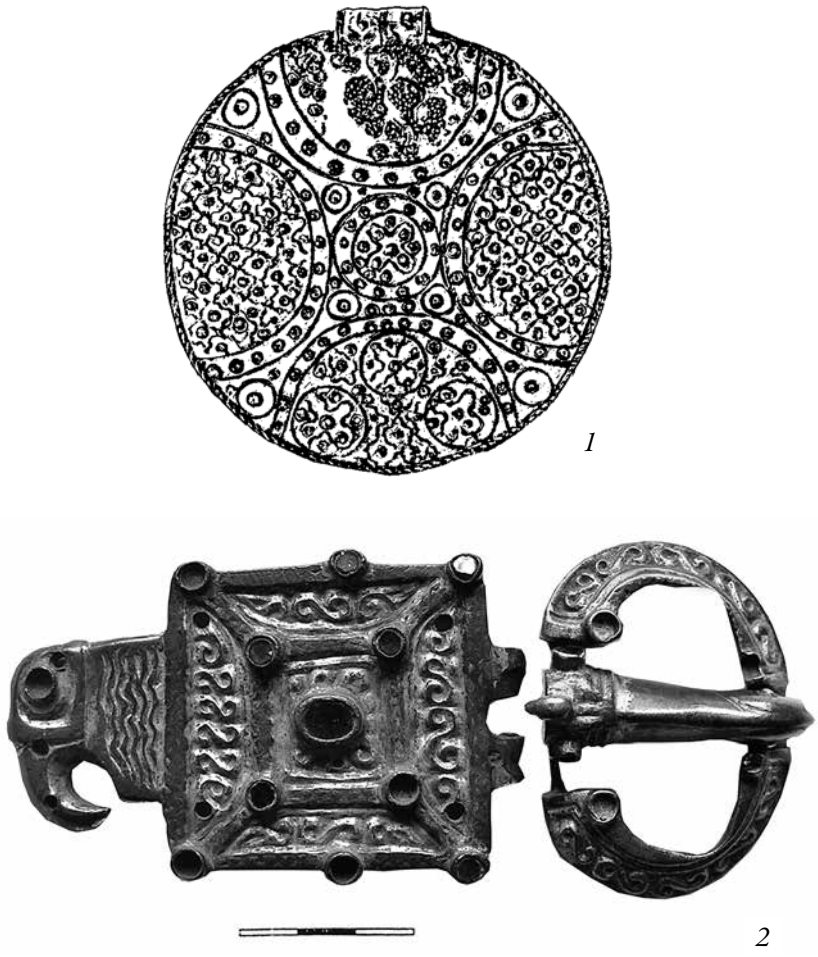
Небо, мировое дерево – ясень Иггдрасиль, Мидгард, земля

Кроме рассмотренных выше скандинавских украшений VI–VII вв., есть брактеаты, у которых площадь диска вокруг центрального медальона разделена на **4** или **3** сектора. У первых под ушком для подвешивания имеется маленькая «филигранная фигурка». Кроме того, есть еще одна примечательная особенность. Четыре полукружия, делящие площадь диска на сектора, образуют в центре четырехугольник, в который вписан круг. В углах четырехугольника помещены четыре кружочка. На концах креста, на внешнем крае, есть еще четыре кружочка (Nerman 1969. Taf. 273, 276, 277) (ил. 2: *1*). Таким образом, конструкция декора представляет схему с девятью декоративными элементами: **1 – (центр)+4+4**. Многие украшения меровингского и викингского времени имеют аналогичную схему построения декора с элементами, исполненными с разной степенью условности: от разных символов до «реалистических» изображений. В викингское время (VIII–XI вв.) украшения разного вида и назначения тоже декорировались согласно схемам **1+4,** или **1+4+4,** или **1+4+4+4** (ил. 2–4). Приведу ряд примеров из длинного списка германских древностей, насчитывающих тысячи изделий.

В ГМИИ есть золотой брактеат второй половины VI в., хранившийся до 1945 г. в MVF (Берлин). Согласно описанию, это «подвеска дисковидная с рифленой петлей, обрамленная по периметру сканным кантом. Лицевая поверхность орнаментирована S-образными фигурами со спиралевидными концами. В центре крестообразная сканная композиция со скругленными лопастями…» (Эпоха меровингов 2007. С. 542. Кат. VII: *48. 37*). Представлен образец описания декора по морфологическим признакам, к тому же неточный. В данном же случае на подвеске изображена другая картина. Центральное место занимает *duplex – узел Вотана-Одина*. Вокруг него расположены четыре S-образных завитка и между ними четыре завитка в виде цифры 8. Таким образом, композиция декора представляет схему **1+4+4**. Работа выполнена весьма небрежно – завитки вокруг центрального изображения несоразмерные и кривые. Здесь важно не только качество исполнения, сколько идея, смысл которой объясняется порядком расположения символов.

Крымские литые орлиноголовые ременные пряжки, датируемые VI – началом VII в., имеют прямоугольный щиток (Засецкая 2005. С. 57–102. Рис. 1; Щукин 2005. С. 461, 462; Шаблавина 2006. С. 230–253; Эпоха меровингов 2007. С. 75, 150, 274, 294, 298, 306) (ил. 2: *2*). На щитке в рельефе выделен прямоугольник со вставкой в центре. Углы прямоугольника украшены круглыми гнездами с гранатовыми вставками, а от них к внешним углам щитка отходят короткие лучи с четырьмя гнездами со вставками на концах. Периметр щитка обрамлен бордюром из S-видных завитков. Завитки в виде букв C и S, иногда выполненные довольно небрежно, – весьма распространенные мотивы в орнаментике германских украшений. Более ранние прототипы орлиноголовых пряжек встречаются в Италии, Франции, Германии, Югославии, Болгарии. Широкое распространение этих пряжек, в том числе и в Северном Причерноморье, исследователи связывают с распадом остготского королевства в Италии в 535–555 гг. и переселение остготов на другие территории (Засецкая 2005. С. 61; Щукин 2005. С. 460–462).

Пояса с такими пряжками носили готы – в их среде это были традиционные вещи. В наличии коротких лучей, исходящих из углов центрального четырехугольного поля пряжек, особой нужды нет, поскольку красоты они не прибавляют, но тем не менее



Ил. 2. Четырехчастное деление композиции на украшениях VI–VII вв.

1 – золотой брактеат. Рангсарве, Готланд (прорисовка Р. С. Минасяна);
2 – бронзовая орлиноголовая пряжка. Крым (Государственный Эрмитаж, инв. № 1820/287)

они есть – и это примечательный факт. На многих гетманских украшениях VI–VII вв. композиция декора в центральном круге или на всей площади предметов рассчитывалась таким же образом (Arrhenius 1971. Fig. 29, 70, 72, 76, 94, 125, 139; Щукин 2005. С. 358, 398; Эпоха Меровингов 2007. С. 390, 454, 471, 476, 513. Кат. V: *3. 6. 2*; VII: *6. 1*; *17. 1*; *17. 14*; *17. 16*; 17. *27*; *40. 19*; Nowotny 2008. S. 309–318; Rom und die Barbaren 2008. S. 179, 229, 240). Следует также отметить, что по мере принятия христианства в различных частях германского мира такие вещи перестают изготавливаться. Это говорит о том, что в конструкции декора **1+4+4** закодирована дохристианская семантика.

Такую же картину можно видеть на украшениях викингского времени в Скандинавии, где первые церкви стали строить только в XI в. На основу круглой фибулы из Хедебю (X в.) из проволочных завитков припаяна орнаментальная композиция в виде *четырехугольника* с прогнутыми внутрь сторонами. Углы оформлены в виде пальметок, между которыми припаяны *четыре* петли (L'Europe des Vikings 2004. S. 131) (ил. 3: *1*). В центре

четырехугольника находится символ *duplex – узел Вотана-Одина* (Эпоха меровингов 2007. С. 426. Кат. VI: *5. 2. 8*). Этот символ, а также символ *triquetra*, являются своего рода детерминативами, равнозначными главным элементам орнаментальных композиций. Из них *duplex* наиболее важный, применяется реже и ставится в наиболее ответственных местах, чаще всего в центральном круге, вписанном в четырехугольник. Подобными композициями украшены многие подвески. Они есть и в Гнездовском кладе X в., найденном в 1867 г. неподалеку от Смоленска (ил. 3: *2–4*). В Киеве была найдена каменная подвеска в виде *узла Вотана-Одина* (ил. 5: *2*).

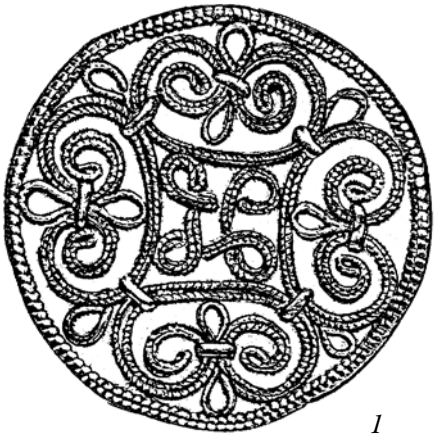
Среди серебряных вещей из клада X в., найденного в д. Собачьи Горбы около Новгорода, есть круглая поломанная серебряная позолоченная фибула с филигранным орнаментом, подвешенная на обрывке цепи со змеиными головками. Центральную часть занимает *четырехугольник* с прогнутыми внутрь стенками, с гнездом для вставки в центре, с *четырьмя* орнаментальными элементами по углам и *четырьмя* проволочными знаками в виде усиков между ними. Композиция окружена городками зерни и широким поясом из проволочных колец (ил. 4: *1*).

Бронзовая литая фибула X–XI вв. из Хедебю (Музей археологии в Шлезвиге) украшена стилизованным орнаментом в стиле Борре. В центре – *крест* с непонятными *четырьмя* символами на концах, между которыми находятся еще четыре символа иной формы. Все элементы композиции опутаны плетенкой (L'Europe des Vikings 2004. S. 131).

Этот же сюжет детально показан на «фибуле из Стриклинда», хранящейся в Британском музее. Она украшена вставками из золота и синего стекла. Орнамент здесь сложный, заполненный фигурами каких-то «животных». Но основную часть орнаментального поля, окруженного поясом, занимает *четырехугольник* в виде креста с загнутыми внутрь стенками и с масками по углам. Между масками расположены стилизованные фигуры каких-то существ. Центр фибулы обозначен выпуклой кнопкой (Золото Мира 2003. С. 85).

В Дании, в Хорнелунде, найдены две круглые золотые фибулы, украшенные витиеватым проволочным орнаментом и зернью. Об одной из них сказано, что она орнаментирована четырьмя кругами, отделенными четырьмя головами животных (From Viking to Crusader 1992. P. 201, 254. Cat. 107; Золото Мира 2003. С. 81). Здесь принципиально важно более точное описание декора этой фибулы. В центре расположен *квадрат* со вставкой в центре и с розетками по углам, поддерживаемый *четырьмя* стилизованными головами каких-то существ с *четырьмя* элементами в виде плетеных проволочных кругов со вставками между ними. Фибула обрамлена орнаментальным поясом.

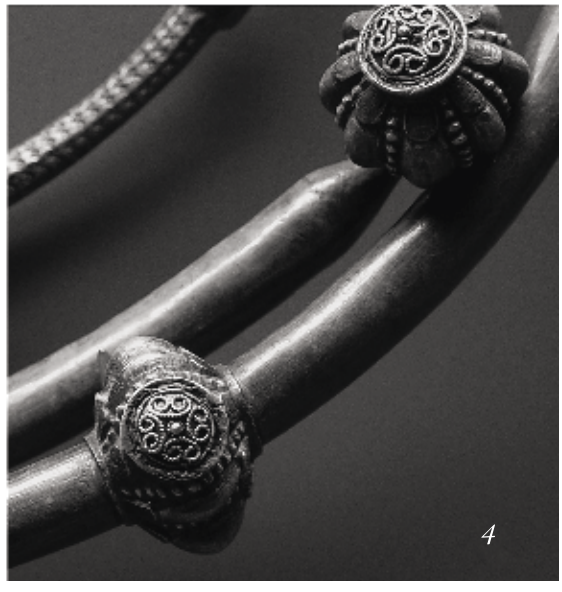
В Ноннебаккене найдена круглая серебряная с позолотой фибула X в. (Wilson, Klindt-Jensen 1966. Pl. XXXIV*b*). Она описана следующим образом: «Узор этой изысканной броши, найденной в Дании, который на первый взгляд напоминает клубок червей, представляет собой сбалансированную композицию. В центре – четыре головы животных, чьи глаза – серебряные зернышки, а тела переплетаются подобно листьям» (Викинги 1996. С. 81). Судя по фотографии, сложный декор этой фибулы выполнен филигранью, напаянной на выпукло-вогнутый диск. В центральной части расположен круг, в котором находятся *четыре* головы каких-то существ, держащих *крест* с точкой в центре. Во втором поясе видны фигуры *четырех* животных, явно нехищных, поедающих свернутые восьмеркой «проволочки», те самые персонажи, которые на фибулах из Хедебю показаны непонятными знаками. И персонажи центрального круга, и эти животные,



1

2

3



4

Ил. 3. Четырехчленное деление композиции на украшениях X в.

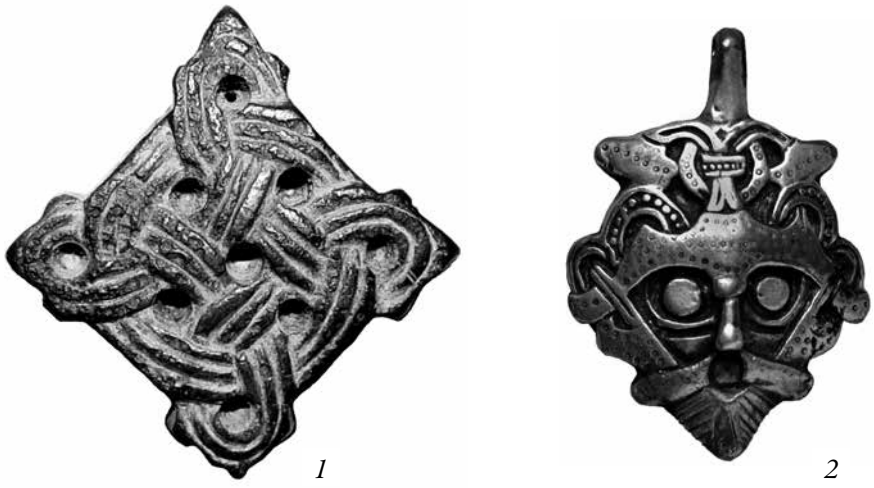
1 – позолоченная фибула с *узлом Вотана-Одина* в центре. Хедебю (прорисовка Р. С. Минасяна); *2, 3* – серебряные подвески. Гнездовский клад, 1867 г. (Государственный Эрмитаж, инв. № 994/45, 994/46, 994/47); *4* – фрагмент серебряной гривны с золотым напаянным орнаментом (Государственный Эрмитаж, инв. № 994/1)

1

2

Ил. 4. Четырехчленное деление композиции на украшениях X в.

1 – серебряная позолоченная фибула на цепочке. Собачьи Горбы (Государственный Эрмитаж, инв. № 1006/9); *2* – крышка от бронзовой фибулы. Окрестности Старой Ладоги (Государственный Эрмитаж, инв. № 1005/26)



Ил. 5. Один

1 – шиферная подвеска с изображением *узла Вотана-Одина*. Киев. X–XI вв. (Государственный Эрмитаж, инв. № 637/177); *2* – литая серебряная подвеска с изображением Одина. Гнездовский клад, 1867 г. (Государственный Эрмитаж, инв. № 994/79)

искусно переплетенные между собой, образуют изумительной красоты пышный декор. Внешний край этой композиции окружен несколькими рядами проволоки, рифленой и заплетенной косичками.

Похожие фибулы найдены в разных местах Дании и Центральной Швеции (Wilson, Klind-Jensen 1966. Pl. XXXIV*c*). Такую же композицию имеет золотая фибула, датируемая второй половиной X в., из клада Хиддензее, найденном на острове Рюген (From Viking to Crusader 1992. P. 85, 298. Fig. 2. Cat. 265). Еще одна подобная фибула с изображением четырех сплетенных зверей найдена в кладе в Валбу (Швеция) (Наследие варягов 1996. С. 63).

На похожей серебряной фибуле из Хандерупа (Дания) между четырьмя стилизованными фигурами, поддерживающими центральный крест, тоже есть стилизованные фигурки каких-то существ, явно не хищников, с круглыми глазами и удлиненными мордами (From Viking to Crusader 1992. P. 236. Cat. 32).

Литая серебряная позолоченная круглая фибула X в. из Ворбю (Швеция) украшена высоким рельефом с изображением *креста* с возвышением в центре. Центр окружен четырехугольником с масками по углам. В основаниях креста – *четыре* «мужские» головы, между которыми находятся *четыре* стилизованные фигурки животных с узкими мордочками. Борт фибулы окружен плетенкой и двумя рядами рифленых колец (From Viking to Crusader 1992. P. 79, 234. Cat. 27; Янссон 1996. С. 50).

В ряду подобных предметов наибольший интерес представляют две серебряные фибулы X в. из клада в Ёмьё (Швеция). Они имеют накладные литые, приклепанные к основанию детали. Одна фибула подобна предыдущей. Другая фибула, с аналогичным построением композиции изображенного сюжета, более насыщена декоративными элементами и украшена чернью (Holmqvist 1977. S. 98. Fig. 128–131; Сокровища викингов 1979. С. 30. Кат. 82). Обе фибулы детально анализировались М. Найсом

(Neis 2013. P. 131, 132. Fig. 6, 8). Он отметил наличие четырех мужских голов и четырех звероподобных фигур между ними на первой фибуле. Более детально анализируется вторая фибула из Ёмьё. Здесь М. Найс выделил девять художественных мотивов: маленькие антропоморфные фигуры в полный рост, птица, хватающий зверь, лицо с отвислой челюстью, лицо с широкими усами, собакоподобный зверь, голова рептилии, мужчина с лицом под шляпой, четверо мужчин в полный рост с зооморфными элементами.

По опубликованным фотографиям не берусь характеризовать каждый элемент декора на этой фибуле, но с интерпретациями изображений М. Найса нельзя согласиться. Важно отметить, что центральное место на этом предмете занимает возвышающийся круглый медальон, украшенный символом *duplex*. Под ним сложной формы *четырехугольник* с головами каких-то существ по углам. Как правило, на скандинавских украшениях углы четырехугольника направлены вдоль лучей креста. Здесь четырехугольник ориентирован иначе, но эта деталь сделана отдельно и прикреплена к основанию заклепкой со шляпкой-медальоном (Neis 2013. P. 130. Fig. 5). Наверняка эта деталь изменила ориентировку в процессе использования фибулы. Что касается креста, то его лучи М. Найс интерпретировал как штаны изображенных в полный рост мужчин, но это неверно. Здесь наличествует такой же крест, как на другой фибуле из Ёмьё, и на многих других фибулах с подобной композицией. Лучи креста заканчиваются головами каких-то «персонажей» с мужскими головами, между которыми расположены четыре фигурки «животных».

Аналогичное построение композиции имеет литая серебряная фибула подчетырехугольной формы, украшенная чернью (Ринкаби, Сконе, Швеция). На ней изображен крест с четырехугольником со вставкой в центре. На концах креста находятся мыски каких-то «персонажей», а в сегментах между ними расположены фигуры «животных» (Wilson, Klind-Jensen 1966. Pl. XXVIII*a*).

Количество украшений, декорированных по схеме: **1 – центр, 4 – головы-маски на концах креста, 4 – «животные»** в сегментах орнаментального поля, далеко не ограничивается рассмотренными здесь примерами. На самом деле их множество. К ним следует также отнести некоторые типы овальных фибул, и в первую очередь распространенные типы 51a, b, c, d (Jansson 1985. S. 67–83), в описании которых иногда отмечают наличие на поверхности девяти кнопок (From Viking to Crusader 1992. P. 247. Kat. 79). На самом деле и здесь имеет место схема **1+4+4** (ил. 4: *2*).

Рассматривая эту тему нельзя не упомянуть знаменитый ларец, хранящийся в Баварском национальном музее в Мюнхене. По существующей легенде, этот ларец якобы принадлежал королеве Кунигунде – жене короля Канута Великого, но для подтверждения этой версии нет документальных свидетельств. Квадратной формы ларец со слегка выпуклой крышкой сделан из дуба и покрыт резными пластинками из моржовой кости. Сверху на крышку прибит орнаментированный крест из позолоченных бронзовых лент, соединенных пластиной подквадратной формы с круглой хрустальной вставкой в центре. Углы центральной детали украшены скульптурными головами каких-то звероподобных существ, повернутых мордами к внешним углам шкатулки. На углах шкатулки на бронзовых лентах прикреплены четыре «птичьи» головки (согласно описанию), смотрящие вверх по направлению к центру. Четыре сектора костяной панели украшены резьбой в стиле Маммен (960–980 гг.). Интересно описание этой резьбы. Как говорится, здесь изображены птицы и животные попарно или поодиночке. На крышке на одной

пластине изображена человеческая маска треугольной формы с усами, волосами и бородой. На другой пластине представлены тонкогубые существа со спиральными бедрами, большими ногами и хвостами, заканчивающимися акантовыми листьями (Wilson, Klind-Jensen 1966. S. 124, 125. Pl. LIV).

Декор и изображения на крышке этой великолепной шкатулки требуют более точного описания. Маски в виде «мужского лица», какие есть на крышке этой шкатулки, – весьма распространены на предметах, изготовленных скандинавскими мастерами (ил. 5: *2*). В двух птицах можно опознать воронов. Два существа с узкими мордами изображены со стоячими ушами и как будто с вывалившимися из пасти языками. Одинокий зверь изображен с когтистыми лапами и раскрытой пастью. Принимая во внимание большую условность и высокую орнаментальность стиля Маммен, трудно точно определить видовую принадлежность всех изображенных здесь персонажей. Но если учесть, что вкупе с мужской усатой маской есть еще пара далеко не безобидных птиц, судя по их клювам, двух «зверей» с признаками, какие имеют собаки или волки, и одного крупного «зверя», наверняка «коня», нетрудно предположить, что у какого-то представителя скандинавской мифологии были все перечисленные признаки.

На всех рассмотренных выше украшениях, экспонировавшихся на многих выставках и неоднократно опубликованных, декор имеет одинаковую схему построения композиции. У них орнаментальное поле разделено крестом с четырехугольником в центре, украшенном выступом, вставкой или символом в виде *duplex* или *triquetra*. Углы четырехугольника отмечены масками. На концах креста изображены мужские головы или символы, их представляющие. Между головами расположены четыре фигурки копытных животных или символы, их представляющие. Такой сюжет изображен не только на викингских украшениях, но и на многих изделиях германских племен эпохи Меровингов.

Это не абстрактный сюжет, а проекция (вид сверху) фрагмента мифа германцев-язычников об устройстве мира. Участники изображаемой сцены не анонимные персонажи. О них рассказывается в песнях «Старшей Эдды» и «Младшей Эдды». Там говорится о том, что боги из черепа убитого великана Имира сделали **небосвод**. «И укрепили его над землей, загнув кверху его **четыре угла, а под каждый угол посадили по карлику.** Их называют так: Восточный, Западный, Северный и Южный…» (Аустри, Вестри, Нордри, Судри) (Младшая Эдда. Видение Гюльви)[1]. Направления углов четырехугольника и лучей креста, олицетворяющих небо, указывают на стороны света. На небе, на вершине Мирового Дерева – ясеня Иггдрасиль – находился Асгард – обиталище богов с домом Одина в центре, который на германских украшениях особо выделен вставкой или символами.

Небо в виде квадрата изображалось многими народами (германцы не были исключением), но весь отмеченный в работе антураж, связанный с небом, обязан германской мифологии (Мифы народов мира 1980. С. 206–280; Мифы народов мира 1982. С. 398–405). Четыре маски или иные символы в углах четырехугольника (неба) представляют собой карликов. Труднее сказать, кого представляют четыре головы на концах креста. Крест на германских украшениях, указывающий направление стран света, – это радужный мост, по которому боги спускались на землю. Территорию за пределами центра

[1] Цит. по: Младшая Эдда 1970.

земли – Мидгарда, населенного людьми, боги отвели великанам, а мост от их вторжения охранял бог Хеймдаль. Поскольку мост нужно было охранять со всех сторон, не исключено, что крупные мужские головы, изображенные на концах креста, представляют этого бога. Животные между этими головами являются оленями, питающимися листьями Мирового Дерева.

И четыре оленя,
рога запрокинув,
гложут побеги:
Даин и Двалин,
Дунейр и Дуратрор.
(Старшая Эдда. *Речи Гримнира.* 33).[1]

В начале статьи я упомянул о германских украшениях, декор которых построен по схеме **1+3+3**. Это другая часть мифа о Мировом дереве, имеющем три корня, растущих в мир людей, в мир великанов и в подземный мир. Эта тема требует отдельного рассмотрения.

На протяжении нескольких веков в разных регионах германского мира, а с середины VIII – X в. и на Руси (в Старой Ладоге, Новгороде, Гнездове и других местах) изготавливались украшения с германской символикой, что подтверждается данными археологических раскопок. Следы производственной деятельности были обнаружены в Старой Ладоге и на поселении в Гнездове. Семантика изображений на украшениях, которые носили германцы, была им понятна независимо от того, где, когда и в каком стиле вещи были сделаны, и от того, имели ли изображаемые мотивы и образы реалистические формы или представляли собой схему закодированных символов. Чтобы такая унифицированная система могла выполняться многими ремесленниками и художниками, даже незнакомыми друг с другом, им нужно было иметь одинаковые знания, обязывающие всех подчинять композиционный замысел, место расположения определенных образов и мотивов в строго регламентированном порядке, соответствующем мифологическим представлениям о структурном устройстве мира. Только в этом случае изображения могли быть понятны тем, для кого вещи делались. Что же касается манеры исполнения и выразительности образов, то это уже зависело от творческого воображения художников. Главное – не то, как изображалось, а место расположения символов в композиции декоративного оформления. Переводчиком на понятный всем язык служила мифология, которую знал каждый германец из сказаний, озвучиваемых скальдами и пересказываемых взрослыми детям.

Рассмотренные схемы построения композиции декора, представляющие германскую модель горизонтальной и вертикальной проекций устройства мира или отдельных его частей, известны уже с эпохи бронзы. Круги, разделенные на четыре части, встречаются на наскальных изображениях в Норвегии и Швеции. На территории Польши известны могилы вельбарской культуры второй половины I в. до н. э. – I в. н. э., обложенные камнями таким же образом. Изображения крестов есть на глиняных мисках черняховской культуры (Щукин 2005. С. 32, 203. Рис. 3: *75*). Изобразительное искусство германских племен дохристианского периода обычно называют звериным стилем,

[1] Цит. по: Старшая Эдда 2000.

но на этих украшениях нет зверей, людей и растений. Там есть только персонажи и объекты их мифов, повествующих о сотворении и разрушении Мирового Космоса. Нередки случаи, когда вещи германского производства приписывают другим народам, или наоборот, германцам приписывают чужие вещи. Этническую принадлежность вещей с семантическим подтекстом нужно устанавливать, опираясь на мифологию и технику производства, которые у германцев были не такими, как у других народов Европы и Азии.

P. S. К сожалению, в статье нет фотографий предметов, иллюстрирующих и подтверждающих авторские заключения о символике изображений на германских украшениях. Основная часть находок хранится в разных отечественных и зарубежных музеях. Но все упомянутые в статье вещи неоднократно экспонировались на выставках, и их фотографии есть в указанной ниже литературе.

Викинги 1996
Викинги : набеги с севера. М., 1996.

Гуревич 2000
Гуревич А. Средневековый героический эпос германских народов // Старшая Эдда. СПб., 2000.

Залесская 2006
Залесская В. Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII вв. : каталог коллекции. СПб., 2006.

Засецкая 2005
Засецкая И. П. О хронологии и взаимосвязи орлиноголовых пряжек из Боспорского некрополя и южнокрымских могильников раннесредневекового периода // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2005. Вып. 7.

Золото Мира 2003
Золото Мира : самые красивые и знаменитые. М., 2003.

Кельтская мифология 2006
Кельтская мифология. Мифы. Верования Легенды. Божества. Герои / пер. с англ. С. Головой и А. Голова. М., 2006.

Лебедев 2005
Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

Мифы народов мира 1980
Мифы народов мира: в 2 т. / ред. С. Токарев. М., 1980. Т. 1.

Мифы народов мира 1982
Мифы народов мира : в 2 т. / ред. С. Токарев. М., 1982. Т. 2.

Младшая Эдда 1970
Младшая Эдда / отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский. Л., 1970.

Наследие варягов 1996
Наследие варягов : диалог культур. Стокгольм ; М., 1996.

Синай, Византия и Русь 2000
Синай, Византия и Русь : православное искусство с VI до начала XX века : каталог выставки. СПб., 2000.

Сокровища викингов 1979
Сокровища викингов : каталог выставки «Произведения искусства и памятники культуры Швеции II–XI вв.». Л., 1979.

Старшая Эдда 2000
Старшая Эдда / пер. с древнеисландского А. Корсуна; вступ. ст. А. Гуревича; коммент. М. Стеблина-Каменского. СПб., 2000.

Стеблин-Каменский 1970
Стеблин-Каменский М. И. Снорри Стурлусон и его Эдда // Младшая Эдда. СПб., 1970.

Шаблавина 2006
Шаблавина Е. А. О раннесредневековой продукции боспорских ювелиров : на примере орлиноголовых пряжек // АВ. 2006. Вып. 13.

Щукин 2005
Щукин М. Б. Готский путь. СПб., 2005.

Эпоха Меровингов 2007
Эпоха Меровингов : Европа без границ : Археология и история V–VIII вв. Берлин, 2007.

Янссон 1996
Янссон И. Наследие варягов // Наследие варягов : диалог культур. Стокгольм ; М., 1996.

Arrhenius 1971
Arrhenius B. Granatschmuck und Gemmen aus nordischen Funden des frühen Mittelalters. Stockholm, 1971.

Bishop, Coulston 2006
Bishop M. C., Coulston J. C. N. Roman Military Equipment from the Punic wars to the fall of Rome / second ed. London, 2006.

Dalton 1911
Dalton O. M. Byzantine art and archaeology. Oxford, 1911.

Die Schraube zwischen 1995
Die Schraube zwischen : Macht und Pracht das Gewinde in der Antike. Baden-Württemberg, 1995.

From Viking to Crusader 1992
From Viking to Crusader : The Scandinavians and Europe 800–1200. Uddevalla, 1992.

Germanen Hunnen und Avaren 1987
Germanen Hunnen und Avaren : Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1987.

Holmqvist 1977
Holmqvist W. Vår tidiga konst. Stockholm, 1977.

Jansson 1985
Jansson I. Oval brooches : A study of Viking Period standard jewellery based on the finds from Björcö (Birca), Sweden // Archaeological Studies. Uppsala, 1985. N 7.

L'Europe des Vikings 2004
L'Europe des Vikings. Paris, 2004.

Neis 2010
Neis M. A Matter of standards : Iconography as a Quality Indicator for Viking Age Brooches // Lund Archaeological Review. 2010. Vol. 15–16.

Neis et al. 2012
Neis M., Wärmländer S., Sholts S. 3D-laserskanning som verktyg vid vikingatidsstudier // Viking. Oslo, 2012. Bd. 75.

Neis 2013
Neis M. Iconography as a Quality Indicator for Viking Age Brooches // Виртуальная археология : неразрушающие методы исследований, моделирование, реконструкции : мат-лы Первой Междунар. конф., сост. в Государственном Эрмитаже 4–6 июля 2012 г. СПб., 2013.

Nerman 1969
Nerman B. Die Vendelzeit Gotlands. Stockholm, 1969. Bd. 2: Tafeln.

Nowotny 2008
Nowotny E. Die Ornamentik der Zaumzeugberschlāge von Hauskirchen, Grab 13 // Kulturwandel in Mitteleuropa. Bonn, 2008.

O'Meadhra 1979
O'Meadhra U. Early Christian, Viking and Romanesque Art Motif-Pieces from Ireland. Uppsala, 1979. (Theses and papers in North-European Archaeology ; vol. 7).

Rom und die Barbaren 2008
Rom und die Barbaren : Europa zur zeit der Völkerwanderung. Bonn, 2008.

Simek 2008
Simek R. Die Religion der Germanen – Literarische Quellen // Rom und die Barbaren : Europa zur zeit der Völkerwanderung. Bonn, 2008.

Stenberger 1970
Stenberger M. Sweden. London, 1970.

The Gold Room 2005
The Gold Room : Guide. Stockholm, 2005.

Wilson, Klind-Jensen 1966
Wilson D. M., Klind-Jensen O. Viking Art. New York, 1966.

С. В. Полин

О ХРОНОЛОГИИ ФАСОССКОГО КЛЕЙМЕНИЯ IV В. ДО Н. Э.

Усилиями нескольких поколений исследователей – Б. Н. Гракова, А.-М. и А. Бон, В. Грэйс, Ю. Г. Виноградова, И. Гарлана, М. Дебидура, А. Аврама, С. Ю. Монахова, В. И. Каца и др. – сложилась нынешняя типо-хронологическая схема фасосского амфорного клеймения. Итоговая схема изложена в последних работах одного из крупнейших исследователей фасосского клеймения И. Гарлана (Garlan 1999; Garlan 2004–2005). Существующая хронология фасосских клейм построена прежде всего на их типологической классификации, согласованной с материалами амфорных мастерских, исследованных на о. Фасос. Историю исследования амфорных клейм Фасоса подробно изложил В. И. Кац, который также сделал ряд уточнений к хронологии фасосских клейм (Кац 2007. С. 182–198, 414–418).

Безусловно, открытие разновременных мастерских по изготовлению амфор на Фасосе в 1970–1980-х гг. дало огромную информацию для создания схемы относительной последовательности имен ранних и поздних магистратов. Однако эти материалы не дают возможности для определения абсолютных датировок как мастерских вообще, так и конкретных эпонимов в частности. Также и состав имен магистратов, установленный для каждой мастерской, наличие или отсутствие конкретных имен в каждой из них (на чем, собственно, и строится распределение магистратов во времени и по группам) остаются достаточно случайными, поскольку только пять мастерских подверглись частичным раскопкам (в какой мере – неизвестно) и еще около десятка обследованы в самых общих чертах (Амперер, Гарлан 1992. С. 23–30). Раскопки мастерских считаются вполне достаточными для их полноценной характеристики после находок 1000 клейм в каждой (Garlan 2013. P. 245). Однако если для любого типа античных памятников выборка в 1000 клейм может считаться более чем надежной для самых различных построений, то для амфорных мастерских, где находки клейм могут насчитывать десятки, если не сотни тысяч, видимо, такая выборка все же является недостаточной для того, чтобы сделать достоверный вывод по составу магистратов и их последовательности во времени, для выявления и исключения случайных имен. Поэтому нередко возникают сомнения в правильности предлагаемых датировок. Так, С. Ю. Монахов в ряде случаев на основе комплексных находок амфор и клейм в курганах Северного Причерноморья предлагает более ранние датировки для некоторых магистратов (см. ниже). Ч. Цочев также пришел к выводу, что порядок расположения первых трех групп фасосских клейм раннего типа и эпонимов внутри них, предложенный И. Гарланом, требует определенных изменений (Tzochev 2009. P. 56. Tab. 1). Имеются сомнения и у меня, поскольку целый ряд комплексов амфор и клейм в поминальных тризнах и погребениях скифских курганов

Северного Причерноморья, как уже известных (Монахов 1999), так и новых (см. ниже), серьезно противоречат существующим представлениям о последовательности и динамике развития фасосского клеймения и дают значительно более точные абсолютные датировки для целого ряда ранних и поздних фасосских эпонимов. Благодаря открытию весьма значительного числа комплексов гераклейских амфор и амфорных клейм конца V – середины IV в. до н. э. в скифских курганах Северного Причерноморья, В. И. Кац недавно предложил новейшую хронологию клейм Гераклеи Понтийской, являющуюся на сегодняшний день наиболее надежной и точной для этого периода[1] по сравнению со всеми другими центрами (Монахов 1999; Кац 2007. С. 232–248, 428, 429). Совместные находки в комплексах фасосских и гераклейских клейменых амфор дают возможность уточнить датировки фасосских клейм на основе гераклейской хронологии.

На сегодняшний день можно назвать следующие комплексы[2] (см. табл. 1).

В тризне кургана 6 у с. Любимовка четыре клейма фасосского магистрата Мегона-II группы F-1 360–350 гг. до н. э. по И. Гарлану или группы F-2 той же датировки по В. И. Кацу сочетаются с гераклейскими клеймами магистратов Эвгетия и Кира, датирующихся по С. Ю. Монахову и В. И. Кацу в пределах 375–365 гг. Датировка этих магистратов надежно установлена по целому ряду комплексов, что требует удревления и датировки фасосского Мегона-II до 375–365 гг. (Монахов 1999. С. 291–295. Табл. 122; Монахов 2003. С. 68, 134, 149; Garlan 1999. P. 201, 234. N 521, 527, 530; Кац 2007. С. 415, 429; Полин 2014. С. 332, 333).

Также и в кургане 92 у с. Выводово в составе тризны найдены четыре клейма того же фасосского магистрата Мегона-II вместе с гераклейскими клеймами магистрата Ликона, датирующимися около 365 г. до н. э. по С. Ю. Монахову или 370–360 гг. до н. э. по В. И. Кацу (Монахов 1999. С. 295, 296. Табл. 123; Garlan 1999. N 519, 521, 525, 526; Кац 2007. С. 415). В целом датировка тризны выводовского кургана ближе к началу второй четверти IV в. до н. э. представляется наиболее оптимальной (Полин 2014. С. 333–336).

В тризне кургана 1 группы Камышанка-II найдены обломки амфоры Менды мелитопольского типа и фасосских биконических амфор с клеймами того же магистрата Мегона-II. С. Ю. Монахов, вопреки существующим датировкам Мегона-II, на основе находок амфор с его клеймами в надежно датированных комплексах датирует 370–360 гг. (Монахов 2003. С. 68. Табл. 44: *2*; Garlan 1999. P. 201, 234. N 531, 537; Полин 2014. С. 339).

На этой основе уточняется датировка погребения № 2 кургана 19 у с. Новая Маячка, где амфора с клеймом Мегона-II найдена вместе с чернолаковым киликом редкой формы второй четверти IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970. N 667–669). Благодаря вышеперечисленным комплексам, дата погребения у Новой Маячки ограничивается началом второй четверти IV в. до н. э. (Полин 2014. С. 348, 349. Рис. 268).

В тризне кургана 32 у г. Орджоникидзе найдены четыре гераклейских, одно синопское и пять фасосских клейм (Полин 2011). Гераклейские клейма принадлежат магистратам Сатиру и Лиситею, из которых С. Ю. Монахов относит Сатира к 340–330 гг., а Лиситея – к 350–345 гг. В. И. Кац включил обоих магистратов в группу III-Б

[1] Комплексы с гераклейскими клеймами второй половины IV в. до н. э. в Северном Причерноморье практически отсутствуют, и датировки гераклейских клейм для этого периода ненадежны.

[2] Здесь из комплексов используются только клейма. Полное описание комплексов, охватывающее все типы амфор, в том числе и неклейменых, см.: Монахов 1999 и Полин 2014. Легенды клейм см. в табл. 1 в конце статьи.

360–350 гг. до н. э. (Монахов 1999. С. 358–362, 634, 635; Кац 2007. С. 429). Синопское клеймо принадлежит магистрату Аполлодору-I группы I-B по В. И. Кацу или I-C по Н. Коновичи, одинаково датирующихся 355–350 гг. до н. э. (Кац 2007. С. 434; Conovici 1998. P. 24. Pl. I, 3). Н. Ф. Федосеев ранее относил Аполлодора-I к 374 г. (Fedoseev 1999. P. 31, 41), а сейчас – к 365 г. (Федосеев 2008). Основной интерес представляет сочетание этих клейм с найденными в этой же тризне фасосскими клеймами «ранних» и одного «позднего» магистратов: Архестрат группы F-2 350–345 гг. по И. Гарлану или 360–350 гг. по В. И. Кацу (Garlan 1999. N 786; Кац 2007. С. 415), Аристократ группы G-2 345–335 гг. по И. Гарлану и В. И. Кацу (Garlan 1999. N 965; Кац 2007. С. 415), Лагет группы G-1 347–334 гг. до н. э. по И. Гарлану или 350–345 гг. по В. И. Кацу (Garlan 1999. P. 256. N 797; Кац 2007. С. 415). Последнее клеймо, к сожалению, фрагментированное, судя по всему, принадлежит одному из первых «поздних» фасосских магистратов Аристофону-I[1] группы I по М. Дебидуру 345–335 гг., 320 г. датирует Аристофона-I А. Аврам и 329 г. – И. Гарлан (Debidour 1986. P. 330; Avram 1996. P. 53. Tab. I; Garlan 2004–2005. P. 323). Хронология гераклейских и синопских клейм на сегодняшний день разработана наиболее надежно, и по ним определяется датировка комплекса тризны орджоникидзевского кургана 32, в том числе и всех фасосских клейм, в пределах 360–350 гг. до н. э. Поэтому совершенно очевидно абсолютное неблагополучие в хронологии фасосских клейм. Хронологический разброс найденных здесь фасосских клейм трех ранних групп F-2, G-1 и G-2 и I «поздней» группы составляет от 20 лет в интервале 350–330 гг. по И. Гарлану или 30 лет по В. И. Кацу в интервале 360–330 гг. до н. э. (Полин 2014. С. 377–381).

Датировки ранних фасосских магистратов Аристократа и Архестрата еще в пределах второй четверти IV в. до н. э. подтверждают находки в курганах у сел. Капуловка и Урожайное, а также в одном из курганов в окружении кургана Солоха. В погребении № 1 кургана 13 группы Капуловка-I фасосская амфора с клеймом магистрата Аристокр(-) группы G-2 345–335 гг. до н. э. по И. Гарлану и В. И. Кацу сопровождалась чернолаковым канфаровидным киликом весьма приземистых пропорций второй четверти IV в. до н. э. (Тереножкин и др. 1973. С. 120–126. Рис. 10: *5, 6*; Монахов 2003. С. 68, 69. Табл. 4: *7*; Garlan 1999. N 966; Кац 2007. С. 415; Полин 2014. С. 344).

В погребениях кургана у с. Урожайное в комплексе с гераклейскими клеймами магистратов Амфиты и Гераклита[2], датирующихся 355–345 гг. по С. Ю. Монахову или 355–350 гг. по В. И. Кацу (Монахов 1999. С. 348, 349. Табл. 151; Монахов 2003. С. 93, 133, 135; Кац 2007. С. 429), имеется фасосское клеймо магистрата Аристократа группы G-2 345–335 гг. по И. Гарлану или 350–335 гг. до н. э. по В. И. Кацу (Полин 2014. Рис. 427: *5*; Garlan 1999. P. 292. N 964; Кац 2007. С. 415). В целом комплекс датируется не позднее середины IV в. до н. э. Датировку гераклейского магистрата Амфиты не позднее 350 г. подтверждает комплекс мощной тризны из кургана 8 группы Чередниковой Могилы (Полин 2014. С. 466, 467, 504).

[1] Такое клеймо отсутствует в каталогах А.-М. и А. Бон, А. Аврама и И. Гарлана. Это может быть клеймо магистрата Аристофона-I самого начала позднего периода либо новый штамп группы клейм F-1 по И. Гарлану 360–350 гг. до н. э., в которых содержится одно имя и этникон, а второе имя заменено одной или двумя эмблемами (см., напр.: Garlan 1999. N 656–677). Но магистрат с таким именем в группе F-1 отсутствует, как и подобные эмблемы. Предпочтительной является первая версия. Интерпретация этого клейма принадлежит С. Ю. Монахову, с которым я полностью согласен.

[2] Еще три гераклейских клейма, представленных мелкими фрагментами, прочтению не поддаются.

Клеймо фасосского магистрата Архестрата группы F-2 И. Гарлана 350–345 гг. или 360–350 гг. по В. И. Кацу, группы F-1 у А. Аврама, где он датируется 356 г. до н. э., также найдено в тризне кургана 4 в окружении кургана Солоха (Garlan 1999. N 782; Кац 2007. С. 415; Avram 1996. P. 52. Tab. I) вместе с гераклейским клеймом магистрата Каракида, дата которого надежно установлена по многим амфорным комплексам. С. Ю. Монахов датировал комплекс по этому клейму 365–360 гг. (Монахов 1999. С. 322–326. Табл. 135). В. И. Кац включил Каракида в магистратскую подгруппу III-А гераклейских клейм 370–365 гг. до н. э. (Кац 2007. С. 429). По комплексу кургана 4 в группе Солохи дата клейма фасосского магистрата Архестрата, с учетом датировки тризны кургана 32 у г. Орджоникидзе, определяется около 360 г. до н. э. (Полин 2014. С. 317).

С клеймами гераклейского магистрата Каракида связаны находки клейма фасосского магистрата Панфая группы F-2 350–345 гг. по И. Гарлану или 360–350 гг. по В. И. Кацу в тризне кургана 1 в могильнике Дивизия, где с учетом датировок тризн курганов 32 у г. Орджоникидзе и 4 в окружении Солохи он должен датироваться около 360 г. до н. э. (Монахов 1999. С. 322–326; Garlan 1999. N 729; Кац 2007. С. 415; Полин 2014. С. 339, 340).

Также вместе с клеймом гераклейского магистрата Каракида найдено клеймо фасосского магистрата Месс(-) группы F-1 360–350 гг. до н. э. по И. Гарлану или F-2 той же датировки по В. И. Кацу в тризне кургана 29 у с. Чкалово (Монахов 1999. С. 324, 326. Табл. 137; Garlan 1999. N 665; Кац 2007. С. 415), что также указывает на несколько более раннюю датировку магистрата Месс(-) около 360 г. (Полин 2014. С. 341, 342).

Клейма фасосского магистрата Никия группы G-2 345–335 гг. по И. Гарлану или 350–338 гг. по В. И. Кацу найдены с чернолаковой керамикой второй четверти IV в. до н. э.[1] в погребениях № 2 и 15 Николаевского могильника (Мелюкова 1975. С. 68, 78, 155, 159, 161. Рис. 38: *10*; 39: *5*; 40: *7*; 41: *4*, *11*; 43: *1, 4*; 44: *4*; 45: *6*; Монахов 2003. С. 68. Табл. 44: *6*; Garlan 1999. P. 266. N 939; Кац 2007. С. 415), что указывает на его датировку не позднее конца второй четверти IV в. до н. э. (Полин 2014. С. 364, 366).

Такую датировку клейм Никия подтверждают находки в кургане Беш-Оба-IV. Здесь в Центральной катакомбе найдены четыре пепаретские, фасосская, типа Солоха-I и обломки гераклейской амфор, а также чернолаковая керамика. Фасосская биконическая амфора имеет клеймо магистрата Никия группы G-2, которое должно датироваться

[1] В литературе имеет хождение никогда и никем недоказанное, совершенно произвольное представление о том, что чернолаковая и краснофигурная посуда представляла чрезвычайную ценность для скифов и потому хранилась необычайно долго, чуть ли не передавалась по наследству, и в силу этого она не может служить для определения даты комплекса. И, дескать, поэтому амфоры в погребениях всегда моложе чернолаковой керамики. Такие представления основаны на непонимании сути кочевого быта и незнании или нежелании видеть несовершенство различных хронологических схем клеймения (Мелюкова 1962. С. 159–161; Лейпунська 1989. С. 114; Кац 1992. С. 37; Chochorowski 1999. P. 37–40; Chochorowski 2000. P. 44; Скорый 1998. С. 126; Скорый 2005. С. 542; Фиалко 2006. С. 364–366). В действительности, в V–IV вв. до н. э., в период массового поступления греческой керамики, сразу же при получении ее от греков скифы максимально приспосабливали питьевые сосуды для своих нужд – отбивались длинные ручки, иногда и поддоны сосудов, чтобы сделать их минимально уязвимыми при транспортировке в регулярных перекочевках. При этом иногда ручки выламывались с корнем – с образованием дырок, сосуды иногда раскалывались, тут же ремонтировались и в таком виде использовались в повседневной жизни и помещались в погребения в качестве сопровождающих вещей. Поэтому отбитые ручки и поддоны, следы ремонта, а также потертость лакового покрытия ничуть не свидетельствуют о длительности их использования. Для стертости лакового покрытия вполне достаточно месяца – двух перевозок во вьючных мешках или на трясущейся повозке. По мере развития хронологии амфорных клейм и амфор их датировки все более совпадают с датировкой чернолаковых и краснофигурных сосудов практически во всех случаях. Несовпадения таких датировок являются надежным признаком неправильного определения датировки чернолаковых и (или) краснофигурных сосудов или неблагополучия в хронологии конкретных групп амфорных клейм или типов амфор (Полин 2014. С. 192).

345–335 гг. до н. э. по И. Гарлану или 350–338 гг. до н. э. по В. И. Кацу. Однако весь остальной набор амфор и чернолаковая керамика из Центральной катакомбы датируются не позднее середины IV в. до н. э. В боковом каменном склепе этого кургана, относительно более позднем, найдено фасосское клеймо с другой легендой и эмблемой того же магистрата Никия, той же группы G-2, что и в Центральной катакомбе (Garlan 1999. N 953; Bon, Bon 1957. N 1240). Датировку обоих фасосских клейм магистрата Никия концом второй четверти IV в. до н. э. определяет и ограничивает найденное в боковом каменном склепе гераклейское клеймо магистрата Евксена группы III-Б 360–350 гг. по В. И. Кацу (Колтухов 1999. С. 262–265; Колтухов 2006. С. 236, 237. Рис. 12: *3*; 13: *6*; Garlan 1999. P. 266, 290. N 952; Кац 2007. С. 415; 429; Полин 2014. С. 587–590).

В тризне кургана 69 могильника Царский найдены фасосская биконическая амфора с клеймом магистрата Фанок(-) и девять гераклейских амфор с клеймами, из которых читаются два. Гераклейские клейма, по мнению С. Ю. Монахова, принадлежат магистратам Аристону и Дионисию-II, которых он датировал с разбросом в 13–15 лет в интервале 375–360 гг. до н. э. (Монахов 1999. С. 281, 282. Табл. 116). В. И. Кац включил этих магистратов в II-А и III-А магистратские группы соответственно 385–380 и 370–365 гг. до н. э. (Кац 2007. С. 429). Такой разброс в датировках гераклейских клейм в одном комплексе невозможен, и, по-видимому, оба гераклейских клейма принадлежат одному магистрату Аристону[1] 375–370 гг. по С. Ю. Монахову или 385–380 гг. по В. И. Кацу. По гераклейским клеймам фасосское клеймо магистрата Фанок(-) группы F-1 360–350 гг. до н. э. по И. Гарлану или группы E-2 по В. И. Кацу 370–365 гг. датируется не позднее 380–370 гг. до н. э. (Garlan 1999. N 548; Кац 2007. С. 415; Полин 2014. С. 331).

В насыпи кургана Баксы найдены краснофигурный кратер конца V в. до н. э. (Shefton 1982. P. 149) и амфоры с фасосскими клеймами, датированные В. Ф. Гайдукевичем концом V – началом IV в.: анэпиграфное (2 экз.) и магистрата Харо(-) группы B 395–380 гг., магистратов Амфи(-) и Аристомена группы C 380–370 гг. по хронологии И. Гарлана и соответственно 400–385 и 385–375 гг. по В. И. Кацу (Gajdukevič 1971. S. 278; Garlan 1999. N 243, 264, 303, 323; Кац 2007. С. 414). Эти находки связаны с центральной гробницей кургана. В самой гробнице найдены остродонная амфора (не сохранилась) и краснофигурная пелика конца V в. до н. э. (Beazley 1963. P. 1346. N 1; Hooker 1950. P. 35. N 4; Горбунова, Передольская 1961. С. 107. Рис. 52; Передольская 1971. С. 54). При доисследовании кургана в 1953 г. на юго-западном краю была открыта впускная гробница, где найдены фрагменты краснофигурной пелики первой половины IV в. до н. э. и несколько золотых бляшек рубежа V–IV вв. или первой половины IV в. до н. э. (Пругло 1963. С. 72–78). Б. Шефтон датировал бляшки V в. до н. э. (Shefton 1982. С. 154). Ю. А. Виноградов датирует центральную гробницу Баксинского кургана не позднее первой четверти IV в. до н. э. (Виноградов 2011. С. 189). Примерно тем же временем датируется и впускная гробница (Пругло 1963. С. 78). Видимо, датировку центральной гробницы нельзя считать окончательной. Слишком большая разница в датировках расписной керамики и амфорной, а также большой разнобой в датировках клейм в одном комплексе настораживает и, по-видимому, указывает на неблагополучие в хронологии фасосского клеймения.

[1] Клейма ΑΡΙΣΤΩΝ | ΔΙΟΝΥΣΙΟ и ΣΩΤΗΡΟΣ | ΕΠΙ ΑΡΙΣΤΩΝ логичнее отнести к одному магистрату Аристону.

В тризне кургана 3 группы Камышанка-I найдены гераклейские клейма магистратов Керкина, Кира и Павсания 370–360 гг. до н. э. по С. Ю. Монахову или 380–370 гг. до н. э. по В. И. Кацу (Монахов 1999. С. 306, 307, 632, 633. Табл. 129; Кац 2007. С. 429), а также фасосское клеймо магистрата, скрывающегося за эмблемой «пилос», группы G-2 345–335 гг. по И. Гарлану или 350–335 гг. по В. И. Кацу (Garlan 1999. N 854; Кац 2007. С. 415)[1], которое по гераклейским клеймам из тризны кургана 3 группы Камышанка-I датируется 380–370 гг. (Полин 2014. С. 337–339). Подтверждает эту дату чернолаковый килик из первичного погребения № 1 этого кургана, с которым связана тризна типа, найденного во впускном погребении кургана Солоха, который датируется по ближайшим аналогиям «ранним» IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970. N 620, 621).

В Бердянском кургане в Центральном погребении найдены 20 однотипных фасосских биконических амфор[2], из которых 12 имеют клейма магистратов Дикекрата, Арист(-) и Клеофона, входящих в три последовательные группы C, D и E-1, охватывающих интервал 380–360 гг. по И. Гарлану или 385–365 гг. по В. И. Кацу (Монахов 1999. С. 284–289; Полін и др. 2000. С. 105–109; Garlan 1999. P. 153, 173, 183. N 346, 393, 395, 399, 402, 447, 458; Кац 2007. С. 414, 415). С. Ю. Монахов и И. Гарлан синхронизировали эти клейма в пределах 370–365 гг. до н. э. и также датировали Бердянский курган. По вещевому комплексу и набору чернолаковой и краснофигурной керамики в том числе, Бердянский курган датируется концом первой – началом второй четверти IV в. до н. э., около 380–370 гг. По расположению этих магистратов внутри групп И. Гарлана эти клейма должны датироваться периодом до 20 лет. Даты позднейших клейм из Бердянского набора входят в противоречие с вещевым комплексом кургана, явно тяготеющим к рубежу первой и второй четвертей IV в. до н. э. В новой схеме фасосского клеймения В. И. Каца магистраты бердянских клейм расположены в группах в интервале восьми лет в пределах 380–373 гг. (Кац 2007. С. 414, 415). Такая датировка вполне приемлема, поскольку соответствует датировке основного вещевого набора кургана в пределах конца первой – начала второй четверти IV в. до н. э. (Алексеев 2003. С. 261, 262; Полін и др. 2000. С. 105–109; Мозолевский, Полин 2005. С. 362; Бидзиля, Полин 2012. С. 519). Однако остается разброс в датировках клейм в единовременном амфорном комплексе, как будто и небольшой, но который нельзя считать нормальным[3] (Полин 2010. С. 288–292; Полин 2011; Полин 2014. С. 263–268).

В Гайкмановой Могиле в позднейшей в этом кургане Северной гробнице № 1 найдена фасосская биконическая амфора с клеймом магистрата, скрывающегося за эмблемой «звезда», группы F-1 360–350 гг. по И. Гарлану или 365–360 гг. по В. И. Кацу (Garlan 1999. С. 68, 69, 197, 201, 220. N 614. Pl. VI; Кац 2007. С. 415). В тризне, связанной с этой

[1] Комплекс тризны в свое время был опубликован С. Ю. Монаховым не полностью (Монахов 1999. С. 306, 307. Табл. 129). Недавно удалось разыскать еще одно гераклейское и одно фасосское клеймо (Полин 2014. С. 337–339), которые приведены в табл. 1.

[2] Двадцатая амфора была выставлена в Бердянском краеведческом музее в период раскопок кургана в 1977–1978 гг. и так и осталась там. Мне о ней ничего неизвестно, кроме ее однотипности со всеми остальными.

[3] Вряд ли можно предполагать ежегодное бессмысленное, ничем неограниченное изготовление амфор у греков, при котором избыточная продукция накапливалась на неких гигантских складах, откуда можно было в любое время извлечь набор амфор, изготовленных на протяжении 10–20 лет. В реальности вряд ли изготовленные сверх необходимого количества амфоры (все же какой-то излишек изготавливался, учитывая значительное количество брака при производстве) залеживались без использования более двух – трех лет. Наверняка гончары ежегодно изготавливали «под заказ» виноделов конкретное количество амфор, обусловленное видами на грядущий урожай.

гробницей, найдено фасосское клеймо магистрата Аристократа, которого И. Гарлан включил в группу G-2 345–335 гг. до н. э. (Garlan 1999. C. 266, 292. N 962, 963). Однако находка клейма Аристократа в позднейшей тризне, связанной с Северной гробницей № 1, где найдена амфора с клеймом группы F-1, по мнению И. Гарлана, свидетельствует о принадлежности клейм Аристократа к группе F или G[1], из чего следует, что и клеймо магистрата «звезда» группы F-1 из гробницы, и клеймо магистрата Аристократа относится к тем же 365–350 гг. до н. э. (Полин 2009. С. 139, 140).

В тризне кургана T-IV в Оргамэ найдено большое количество фасосских клейм (29 экз.) группы F-1 по И. Гарлану и I группы клейм позднего типа (6 экз.) по М. Дебидуру, принадлежащих наиболее ранним магистратам (Клит, Телефан-II и Аретон), что позволило В. Лунгу сделать вывод о непосредственной смене клейм раннего типа группы F клеймами позднего типа (Lungu 1999. P. 77, 78. Cat. 1–33). Таким образом, для группы G не остается места между группой F раннего типа и клеймами позднего типа.

Все перечисленные случаи комплексных находок фасосских клейм серьезно противоречат как относительной, так и абсолютной хронологии фасосских клейм раннего типа И. Гарлана, принятой большинством исследователей. Прежде всего вызывает большие сомнения принцип построения фасосской хронологии на основе типологической группировки клейм. Ч. Цочев также считает, что порядок расположения первых трех групп фасосских магистратов A, B и C требует определенных изменений (Tzochev 2009. P. 56. Tab. 1). Требует уточнения и хронология заключительного этапа существования фасосских клейм «раннего» типа групп F-2, G-1 и G-2 и время перехода к клеймам «позднего» типа, а также датировка смены фасосских биконических амфор позднеконическими, совпадающей во времени с переходом к поздним клеймам.

По всем перечисленным выше случаям устанавливается синхронность фасосских клейм групп F-1, F-2, G-1 и G-2 в пределах конца первой – второй четверти IV в. до н. э. (см. табл. 1), что значительно повышает концентрацию фасосских магистратов в первой половине этого столетия. Такая синхронизация, как и в случае с клеймами из Бердянского кургана, вновь неумолимо возвращает нас к вопросу о магистратах – осуществлялось ли клеймение амфор на Фасосе в один год от имени одного магистрата или каждый год амфоры клеймились группами магистратов каждый собственным именным клеймом. Представляется, что появление новых амфорных комплексов подтверждает последнее предположение (Полин 2010. С. 288–292; Полин 2011). В сущности, эта идея не нова и фактически уже воплощена И. Гарланом в заключении об одновременности существования клейм группы E-2 с клеймами группы D и первых лет группы F, что поддержал и В. И. Кац (Garlan 1999. P. 173, 182, 196, 201; Кац 2007. С. 414, 415). Приведенные выше новые данные свидетельствуют о том, что на протяжении всей первой половины IV в. до н. э. ежегодное клеймение амфор на Фасосе производилось группами магистратов каждый от своего имени собственным клеймом[2]. Для второй половины IV в. и позднее

[1] Личное сообщение И. Гарлана от 01.12.06.

[2] Н. А. Павличенко отрицает предположение И. Б. Брашинского и В. И. Каца о возможности коллективного клеймения в Гераклее Понтийской лишь на том основании, что в единственном достоверном примере коллективного клеймения на Книде в период «дуовири» в конце II – начале I в. до н. э. в клейме всегда помещались два имени чиновников, помимо имен эпонима и фабриканта. Также и в Ольвии во второй половине III – начале I в. до н. э. в клеймах агораномов на мерных ойнохоях ставились имена всех членов коллегии (три имени с указанием должности). В Гераклее же известно не более десятка разнотипных и разновременных штампов с тремя именами (Брашинский 1965. С. 26; Брашинский 1984. С. 14; Кац 2007. С. 247; Павличенко 2009. С. 286, 287). В сущности, эти примеры ничего не доказывают, поскольку в Гераклее

периода существования клейм «позднего» типа, данные для такой характеристики пока отсутствуют. Принято считать, что каждый «поздний» магистрат осуществлял клеймение индивидуально один год.

Конечная дата существования фасосских клейм «раннего» типа определяется датировкой перехода к клеймам «позднего» типа. Эта дата всегда вычислялась с помощью элементарной арифметики путем отсчета известного на сегодняшний день количества имен ранних магистратов от предполагаемой даты начала клеймения амфор на Фасосе. Начало клеймения обычно связывается с принятием на о. Фасос законов по регламентации производства вина и виноторговли, которые по разным данным датируются 425–415 гг. или самым концом V в. до н. э. (Daux 1926. P. 214; Граков 1935. С. 176; Grace 1956. P. 117–122; Salviat 1986. P. 185). Но, как отмечала В. Грэйс, анализ комплексов Афинской Агоры не дает оснований для датировки фасосских клейм ранее 400 г., а возможно, даже и 390 г. до н. э. (Grace 1985. P. 13, 18. N 43). Исходя из этой посылки, И. Гарлан датировал первые фасосские клейма лишь с конца 390-х гг., а В. И. Кац в качестве начальной даты фасосского клеймения предпочел 400 г. до н. э. (Garlan 1990. P. 76; Кац 2007. С. 414). Однако вывод В. Грэйс не является бесспорным, поскольку в комплексах в Афинах присутствуют формы чернолаковой керамики, выпускавшейся на протяжении последнего десятилетия V – первой четверти IV в. (например, килики типа, найденного во впускной гробнице кургана Солоха или кургане 18 у с. Львово, некоторые разновидности скифосов и др.) (Полин 2014. С. 244, 374–376. Рис. 176: *4–6*; 217: *2*; 294: *7*). Поэтому датировка «раннего» фасосского клеймения началом последнего десятилетия V в. до н. э., в соответствии с «винными» законами, абсолютно реальна.

В. Грэйс предполагала переход от клейм раннего типа к клеймам позднего типа около 340 г. или несколько ранее (Grace 1956. P. 122, 123; Grace 1985. P. 4, 5), что учел М. Дебидур и датировал этот переход 346/345 гг. (Debidour 1986. P. 330). Позднее произошло решительное омоложение этой даты до 330 г. (Garlan 1990. P. 482; Кац 1999. С. 107). В последнее время дата перехода определяется в пределах 334/333 г. до н. э. (Garlan 2004–2005. С. 323) или около 339/338 г., по мнению В. И. Каца (Кац 2007. С. 194, 415). В сущности, датировка перехода к поздним клеймам ни в одном случае не была определена по археологическим данным.

Комплексные археологические находки позволяют уточнить дату этого перехода. В тризне кургана 8 группы Чередниковой Могилы близ г. Орджоникидзе из 35 амфор 14 гераклейских имели клейма магистратов Амфиты и Бакха 350–340 гг. по С. Ю. Монахову или 355–350 гг. по В. И. Кацу, что в целом совпадает с моей первоначальной датировкой этого комплекса (Монахов 1999. С. 347; Кац 2007. С. 430, 432; Полин 1994. С. 56, 57). Последняя дата подтверждается датировкой чернолакового килико-канфара,

---

и на Фасосе регулярное клеймение амфор возникло раньше всех, в конце V – начале IV в., впервые в греческой практике, когда еще только осмысливалась сама необходимость клеймения и вырабатывались его формы и механизмы – кто должен клеймить – фабриканты и/или магистраты?, как – содержание клейма – безотносительно года (фабрикантские клейма), или с учетом такового (магистратские клейма)?, и сколько амфор из продукции каждой мастерской необходимо клеймить (известно, что клеймилась лишь часть и гераклейских, и фасосских амфор – в разные периоды разная доля). И поэтому и в Гераклее, и на Фасосе клеймение в один год несколькими чиновниками индивидуальными клеймами с разными именами абсолютно не исключено, тем более что на это указывают приведенные комплексы. Да и достаточно взглянуть на карту расположения амфорных мастерских на о. Фасос (Garlan 2004–2005. Fig. 1), что с учетом гористого рельефа исключало работу лишь одного чиновника, даже при том, что некоторые мастерские осуществляли клеймение самостоятельно.

найденного в этой же тризне, не позднее конца второй четверти IV в. до н. э. (Полин 2014. С. 467). В центральном захоронении кургана, с которым связана тризна, найдена фасосская биконическая амфора с клеймом позднего типа магистрата Деиалка, который в схеме М. Дебидура числится в первых в I группе поздних магистратов 345–335 гг. до н. э., у И. Гарлана ранее находился в группе 335–330 гг. до н. э., сейчас отнесен к 328 г. до н. э., у А. Аврама находится в числе первых в группе 325–316 гг. до н. э. (Debidour 1986. P. 322, 330; Garlan 2004–2005. P. 323; Avram 1996. Tab. I). С. Ю. Монахов, аппелируя к датировкам Деиалка по И. Гарлану, констатировал вопиющее несоответствие гераклейской и фасосской хронологии, поскольку по типологической схеме клеймо Деиалка относится к числу поздних и по этой причине не может датироваться ранее 335 г. до н. э. В качестве варианта объяснения было предположено существование более раннего Деиалка-I, работавшего в 350 г. до н. э. Но прекрасно понимая, что это предположение неизбежно влечет за собой целый ряд других, полностью переворачивающих традиционные представления о хронологии фасосских клейм, С. Ю. Монахов ограничился констатацией необъяснимого противоречия (Монахов 1999. С. 348). Приведенные новые данные свидетельствуют о необходимости датировки фасосского клейма Деиалка позднего типа по мощной серии гераклейских клейм из тризны кургана 8 группы Чередниковой Могилы не позднее 350 г. (Полин 2014. С. 466, 467).

Эту датировку подтверждает давно известная находка клейма позднего фасосского магистрата Аретона в Олинфе, разрушенном Филиппом II в 348 г. до н. э. (Robinson 1950. P. 260. N 1097; Bon, Bon 1957. N 1876). И. Гарлан считает, что эта дата не может быть принята для клейма Аретона, поскольку разрушение города не было окончательным, и отдельные кварталы продолжали существовать и после гибели большей части города (Garlan 1999. P. 53). Однако нет ни малейших оснований предполагать какие-то «недоработки» в уничтожении города со стороны Филиппа, отличавшегося редкой последовательностью в этом отношении. Несомненно, в 348 г. до н. э. Олинф был уничтожен до основания и вряд ли кто мог осмелиться поселиться в проклятом месте ранее ухода из жизни Филиппа и даже Александра. И то обстоятельство, что после смерти Александра к 316 г. в Олинфе вновь возникли некие очаги обитания (Sparkes 1991. P. 37), не имеет отношения к данному клейму из-за слишком больших расхождений во времени при любых предполагаемых датировках Аретона[1]. Клеймо Аретона найдено в Олинфе в доме A-VIII-7 в комнате «g» среди прочих материалов второй четверти IV в. до н. э., что и дало Д. М. Робинсону основание датировать эту находку, как и все прочие в этом доме, второй четвертью IV в. до н. э. (Robinson 1950. С. 429. Pl. 260. N 1097). Несомненно, эта находка относится к культурному слою города, предшествовавшему разрушению в 348 г. до н. э., что и определяет датировку клейма не позднее 350–348 гг. до н. э.

В свете перечисленных находок представляется абсолютно закономерной находка в тризне кургана Водяна Могила клейма раннего магистрата Аристократа группы G-2 345–335 гг. до н. э. по И. Гарлану или 350–338 гг. до н. э. по В. И. Кацу (Garlan 1999. P. 266. N 959; Кац 2007. С. 415) и клейма позднего магистрата Аретона (Мозолевский, Полин 2005. С. 81. Рис. 14). Совершенно очевидна датировка обоих клейм около 350 г.

[1] У М. Дебидура Аретон один из первых в группе 345–335 гг. (Debidour 1986. P. 330), А. Аврам датировал его 325 г. (Avram 1996. Tab. I), И. Гарлан включил Аретона в группу 333–326 гг. до н. э. с датировкой 328 г. (Garlan 2004–2005. P. 323).

до н. э., что подтверждают находки клейм Аристократа в описанных выше тризнах Гаймановой Могилы, кургана 32 у г. Орджоникидзе и клейма Аретона в Олинфе.

Также подтверждает датировку начала позднего фасосского клеймения около 350 г. до н. э. находка классической биконической амфоры в гробнице № 1 Трехбратнего кургана 1 с клеймом позднего типа магистрата Криния в составе большого комплекса греческой керамики (Лоренц, Трейстер 2008. С. 19, 24–28, 30, 31, 38. Кат. 8, 9, 24, 28, 29, 31, 32–34, 35, 36, 46, 47, 48, 49, 69), надежно датирующегося не позднее 350–345 гг. по гераклейскому клейму магистрата Аполлония-I из тризны, связанной с этой гробницей (Кац 2007. С. 431; Полин 2014. С. 454–464). Подтверждается старая датировка М. Дебидура, включившего Криния в I группу поздних магистратов 345–335 гг. (Debidour 1986. P. 330), которую по датировке гераклейского клейма Аполлония-I из тризны при гробнице № 1 Трехбратнего кургана 1 необходимо удревнить до 350–345 гг. до н. э.

Имеется много косвенных аргументов для датировки позднего фасосского магистрата Клита еще в пределах периода существования фасосских клейм раннего типа. М. Дебидур первоначально включил Клита в свою первую группу поздних магистратов 345–335 гг. (Debidour 1986. P. 330), а позднее предположил его существование еще раньше, в период деятельности фабриканта Аристагора (Debidour 1999. P. 88; Монахов 2003. С. 69; Tzochev 2009. P. 58), деятельность которого охватывает время существования магистратов групп E и F (Garlan 1986. P. 233. Tab. A), по существующим ныне датировкам, где-то в 355–345 гг. Сочетание клейма позднего типа магистрата Клита с биконической формой амфоры из Горгиппии развитой биконической серии[1], не имеющей ничего общего с фасосскими позднебиконическими образцами, дало основания С. Ю. Монахову датировать клеймо Клита 340–335 гг., вопреки общепринятой датировке клейм позднего типа не ранее 330 г. (Монахов 2003. С. 69. Табл. 45: *3*). Ранняя датировка Клита не была принята коллегами, И. Гарлан и сейчас датирует Клита 327 г., а с поправками В. И. Каца это должен быть 332 г. до н. э. (Garlan 2004–2005. P. 323; Кац 2007. С. 186, 194, 416). Точку в этой дискуссии ставит находка в гробнице фракийской Славчовой Могилы близ древнего Севтополя гераклейской амфоры с клеймом магистрата Лиситея вместе с фасосской биконической амфорой с клеймом Клита (Китов 1996. С. 6. Рис. 10; Tzochev 2009. P. 58. Fig. 2). Деятельность Лиситея по В. И. Кацу и комплексу кургана 32 у г. Орджоникидзе датируется в пределах 360–350 гг. (Кац 2007. С. 429; Полин 2011. С. 243), что в целом подтверждает предполагавшуюся М. Дебидуром датировку Клита в абсолютном выражении ранее 350 г.

Таким образом, смена фасосских клейм «раннего» типа клеймами «позднего» типа по археологическим данным приходится примерно на 350 г. до н. э. Этот процесс совпадает со сменой фасосских биконических амфор позднеконическими. Недавно открытый огромный комплекс амфор из тризны Александропольского кургана, датирующийся не позднее 340–330 гг. до н. э. по наличию большого количества ранних форм амфор различных центров в его составе, продемонстрировал полное отсутствие в нем фасосских биконических амфор. Здесь фасосские амфоры в основном представлены амфорами позднеконической серии типа II-C-3 по С. Ю. Монахову, который датирует

[1] Такое же сочетание клейм Клита с классической биконической формой демонстрируют амфоры из кургана T-IV в Оргамэ (Lungu 1999. P. 77. Cat. 31–33).

их появление 330–320 гг. до н. э. (Полин 2014. Рис. 424: *5*; Монахов 2003. С. 72, 73. Табл. 49*: 3–6*). Судя по александропольской тризне, эти амфоры появляются десятилетием раньше, однако здесь они еще имеют граненый трапециевидный венец, в отличие от известных позднеконических амфор исключительно с валикообразными венцами (Монахов 2003. Табл. 49: *1, 2, 4, 5*). В александропольской тризне также найдена ножка фасосской амфоры серии «Топраисара» коническо-биконического типа (II-C-2) по С. Ю. Монахову, датирующегося в пределах первой половины IV в. до н. э. (Полин 2014. Рис. 424: *4*; Монахов 2003. С. 72. Табл. 48: *1*). Амфоры типа «Топраисара» в тризне Александропольского кургана также имеют граненый трапециевидный в разрезе венчик (Полин 2014. Рис. 424: *2, 4*).

Таким образом, в александропольской тризне найдена серия фасосских амфор промежуточного типа – между коническо-биконическими амфорами типа «Топраисара» II-C-2 и амфорами позднеконической серии II-C-3. В целом их датировка в пределах третьей четверти IV до н. э. представляется оптимальной. С ними связаны четыре клейма позднего типа магистрата Навсона (Полин 2014. Рис. 424*: 1*)[1], которого А. Аврам включил в группу 316–310 гг. К 322 г. до н. э. относит деятельность Навсона И. Гарлан, хотя, как полагает В. И. Кац, датировки И. Гарлана омоложены как минимум на 5 лет, что для Навсона соответствует 327 г. (Avram 1996. P. 53, 118, 119. N 269. Tab. I, Pl. XXI; Garlan 2004–2005. P. 324; Кац 2007. С. 186, 194, 416). М. Дебидур поместил его в группу 335–325 гг. (Debidour 1986. P. 324, 331), что больше соответствует хронологическому контексту амфорного комплекса Александрополя (Полин 2010. С. 280, 281. Рис. 10).

Все это предполагает прекращение изготовления фасосских биконических амфор накануне совершения александропольской тризны, не позднее 345–340 гг. Установленный по материалам Александропольского кургана факт смены фасосских биконических амфор коническо-биконическими и позднеконическими не позднее 340 г. до н. э. и датировка позднего магистрата Навсона в пределах 340–330 гг. позволяет четко выделить ряд наиболее ранних магистратов «позднего» этапа фасосского клеймения. Безусловно, наиболее ранними, датирующимися в пределах 350–340 гг., являются поздние магистраты, клейма которых «позднего» типа известны только на классических биконических амфорах, которым наследуют магистраты, клеймившие как биконические, так и позднеконические амфоры, которые можно датировать 345–340 гг., не позднее 340 г. (см. табл. 2).

Это, прежде всего, упоминавшийся выше Клит, клейма которого известны исключительно на классических биконических амфорах из Горгиппии, Славчовой Могилы и кургана Т-IV в Оргамэ (Монахов 2003. С. 69. Табл. 45: *3*; Китов 1996. С. 6. Рис. 10; Tzochev 2009. P. 58. Fig. 2; Lungu 1999. P. 77. Cat. 31–33), Деналк, клейма которого стоят на биконических амфорах из погребения № 1 кургана 8 группы Чередниковой Могилы и из раскопок на Фасосе (Монахов 1999. С. 344. Табл. 149: *1*; Grandjean 1992. P. 557. N 48. Fig. 7: *48*). Также и клейма магистрата Аретона оттиснуты только на классических биконических амфорах из Куль-Обы, Водяной Могилы и кургана Т-IV в Оргамэ (Брашинский 1975. С. 37; Мозолевский, Полин 2005. С. 81, 357. Рис. 12: *9, 17*; 14: *1, 2*; Lungu 1999. P. 77. Cat. 30. Fig. 1; 4: *c*). Клеймо позднего типа магистрата Криния оттиснуто на биконической амфоре из гробницы № 1 Трехбратнего кургана 1, датировка которого,

[1] ΘΑΣΙΩΝ–ΝΑΥΣΩΝ с эмблемой «щит».

как отмечалось выше, по гераклейскому клейму магистрата Аполлония-1 из тризны, связанной с гробницей № 1, определяется в пределах 350–345 гг. до н. э. (Полин 2014. С. 454–464). Также и клейма позднего типа магистрата Герофона известны лишь на биконических амфорах из Желтокаменской Толстой Могилы и на амфоре из Каллатиса (Мозолевский 1982. С. 204. Рис. 33; 34: *25*, *26*; Монахов 1999. С. 397. Табл. 176: *3*; Полин 2014. С. 450–454. Рис. 388; Buzoianu 1999. P. 206. N 6. Pl. III. Inv. N 177).

Все эти данные указывают на датировку клейм Клита, Деиалка, Аретона, Криния и Герофона в пределах 350–345 гг. до н. э. (см. табл. 2).

Известны также клейма позднего типа магистратов Гераклита и Телемаха на биконических амфорах из кургана Топала. На афинской Агоре также найдена биконическая амфора с клеймом Гераклита (Bon, Bon 1957. P. 17. Fig. 3: *1*. N 718: *d*; Монахов 2003. Табл. 46: *3*)[1]. В Кабиле клеймо Телемаха[2] стоит на позднеконической амфоре (см. ниже). И. Гарлан отнес обоих магистратов к последней четверти IV в. до н. э. Тем не менее С. Ю. Монахов, учитывая смену биконических амфор позднеконическими в 330–320-х гг., датировал клейма, амфоры и курган Топала не позднее 330–320 гг. до н. э. (Монахов 1999. С. 394. Прим. 127)[3], что подтверждает старые, но не устаревшие датировки этих магистратов М. Дебидура, который отнес Гераклита к первой группе «поздних» фасосских магистратов 345–335 гг., а Телемаха – ко второй группе 335–325 гг. (Debidour 1986. P. 330, 331). Однако сочетание многочисленных клейм Гераклита и Телемаха с разнообразными эмблемами в одном комплексе кургана Топала указывает на их теснейшую сопряженность во времени. Это обстоятельство, а также наличие клейм Телемаха на биконических и позднеконических амфорах позволяет датировать клейма Гераклита и Телемаха 345–340 гг. до н. э.

Известно три случая клеймения штампами «позднего» типа магистратов Телефана-II, Клеофона-I и Телемаха как биконических, так и сменяющих их позднеконических амфор. Биконические амфоры с клеймами Телефана-II найдены в Марьевском кургане и кургане Т-IV в Оргамэ. Беспаспортная биконическая амфора с таким клеймом хранится в Керченском музее (Монахов 1999. С. 390. Табл. 174; Монахов 2003. С. 70. Табл. 45*: 4, 5*; Lungu 1999. P. 77, 78. Cat. 29, 35). В Керамейкосе найдена позднеконическая амфора с клеймом позднего типа с именем того же Телефана-II (Schmid 1999. S. 144, 145, 152. Kat. 1, Abb. 1. Taf. 20: *1, 4*), представляющая промежуточный вариант между амфорами типа «Топраисара» первой половины IV в. до н. э. и позднеконическими амфорами по С. Ю. Монахову (Монахов 2003. С. 71, 72), по профилированным деталям сходная с амфорой из александропольской тризны (Полин 2011. Рис. 10: *5, 6*). А. Аврам датировал Телефана-II 326 г., И. Гарлан – 331 г., с поправками В. И. Каца это 336 г. (Avram 1996. P. 53, 108. Cat. 191–196; Garlan 2004–2005. P. 323; Кац 2007. С. 186, 194, 416). М. Дебидур включил Телефана-II в I группу поздних магистратов 345–335 гг. (Debidour 1986. P. 321, 330). С учетом установленной более ранней даты исчезновения биконических амфор, деятельность Телефана-II должна датироваться 345–340 г. до н. э.

Также должны датироваться клейма позднего типа магистрата Клеофона-I, встреченные на биконических и позднеконических амфорах. В частной коллекции в Дамон-хаусе

[1] ΘΑΣΙΩΝ – ΗΡΑΚΛΕΙΤΟΣ с эмблемой «лук».

[2] ΤΗΛΕΜΑΧΟΣ – ΘΑΣΙΩΝ с эмблемой «лук».

[3] В недавней работе И. Гарлан датировал Гераклита 324 г., а Телемаха – 316 г. (Garlan 2004–2005. P. 324, 325), с поправками В. И. Каца это, соответственно, 329 и 321 гг. до н. э. (Кац 2007. С. 186, 194, 416).

в Стамбуле имеется биконическая амфора с клеймом с эмблемой «пентаграмма», непропечатавшаяся легенда которого с именем Клеофона-I успешно восстанавливается по клейму с идентичной эмблемой из коллекции Эрмитажа (Bon, Bon 1957. Fig. 3: *2*. N 973; Монахов 2003. С. 71; Придик 1917. С. 45. N 206. Табл. VII: *24*). Часть находок клейм Клеофона-I в городе Кабиле связана с биконическими амфорами (см. ниже). Клейма Клеофона-I стоят также и на позднеконических амфорах из цистерны на Афинской Агоре и поселения у с. Пивденное (Монахов 2003. С. 72, 73. Табл. 49: *1, 2*; Bon, Bon 1957. P. 46. Fig. 4: *3*. N 980). Клеофон-I входит во II группу М. Дебидура 335–325 гг. С. Ю. Монахов датирует клейма Клеофона-I 330–320 гг. (Debidour 1986. P. 324; Монахов 2003. С. 72). Однако наличие его клейм на биконических амфорах все же указывает на дату в пределах 345–340 гг.

Подтверждают предложенные здесь датировки и распределение самых ранних эпонимов в группе «поздних» клейм материалы фракийского города Кабиле, основанного после 342–341 гг. (Виноградов 1972. С. 39, 55; Tzochev 2009. P. 67, 68; Гетов 1995. С. 23–25)[1]. Период, связанный с городом, возникшим после 342–341 гг., представлен исключительно клеймами позднего типа. Здесь отсутствуют самые ранние поздние фасосские эпонимы, такие как Клит, Деиалк, Аретон, Криний, Герофон, датирующиеся по моим прикидкам ранее 340 г. Но зато найдено клеймо позднего эпонима Телемаха, известное по оттискам на биконических амфорах, которое в Кабиле с той же эмблемой «лук» стоит на ручке амфоры типа II по Бон (Монахов 1999. С. 392; Гетов 1995. С. 36. № 83), позднеконической по классификации С. Ю. Монахова, что указывает на принадлежность Телемаха к моей переходной группе 345–340 гг. В Кабиле также имеются многочисленные клейма Клеофона-I, оттиснутые как на биконических, так и на позднеконических амфорах (Гетов 1995. С. 31, 32. № 49–56), датировку которых около 340 гг. прекрасно подтверждает дата основания города Кабиле после 342–341 гг. до н. э.

Также представляет интерес коллекция амфорных клейм из города Севтополя, основанного в 359 г., и его некрополя. Коллекция клейм из этого города, представляющих различные центры, согласно прежним датировкам охватывала хронологический диапазон от 360–340 до 220–183 гг. до н. э. (Балканска 1984. С. 113–117). Особенно любопытным представляется тот факт, что фасосские клейма, составляющие половину коллекции, здесь представлены исключительно поздним типом. А. Балканска и Ч. Цочев недавно передатировали фасосские клейма согласно новейшей хронологии И. Гарлана позднего клеймения, начиная с 315 г. до н. э. (Balkanska, Tzochev 2008. P. 189, 194–199). Однако в севтопольской коллекции присутствует значительная выборка колесовидных клейм Аканфа, надежно датирующихся в пределах второй – третьей четверти IV в. до н. э. (Монахов 2013. С. 297, 298). Хотя здесь и отсутствуют клейма фасосских магистратов I группы по М. Дебидуру, но магистраты II группы хорошо представлены. Поэтому нет оснований отказываться от датировки этой группы

[1] По мнению Л. Гетова, клейма № 1–15 первой половины IV в. до н. э. определялись как фасосские, происходящие из Кабиле. Ч. Цочев установил самофракийскую принадлежность части из них, и происхождение остальных из других пунктов за пределами Кабиле. По данным В. Цочева, самые ранние фасосские клейма из Кабиле относятся к группе G-2 по И. Гарлану. Но отсутствие здесь клейм первых поздних эпонимов, которые я выделяю в группу 350–340 гг., все же указывает на принадлежность имеющихся здесь клейм группы G-2 к более раннему фракийскому поселению, на месте которого уже после македонского завоевания, после 342–341 гг. до н. э., был основан город Кабиле.

по М. Дебидуру в пределах 335–325 гг., которую полностью подтверждает датировка клейм Аканфа.

Ч. Цочев обратил внимание на находки перегравированных штампов фасосских клейм позднего типа. В Бизоне найден штамп, на котором удалено имя Телемаха и поверх него выгравировано имя магистрата Аристотеля. Целые амфоры с клеймами Аристотеля пока не найдены, но можно уверенно предполагать для них позднеконическую форму и со значительно меньшей долей вероятности биконическую. Известны также штампы клейм позднего типа, в которых имя Тимархида перекрыто именем Герофона, а имя Клеофона-I перекрыто именем Эвалкида (Tzochev 2009. P. 60. Fig. 3. Tab. 3). Все известные амфоры с именем Герофона являются коническими, и следует предполагать, что амфоры с клеймами Тимархида, пока еще не найденные, также биконические. Клеймо Эвалкида зафиксировано на ручке позднеконической амфоры, найденной на Фасосе (Grandjean 1992. P. 573. N 98. Fig. 15: *98*; Монахов 2003. С. 73). Учитывая существование биконических амфор с клеймами Клеофона-I, нельзя исключать и существование биконических амфор с клеймами сменившего его Эвалкида.

Таким образом, по наличию оттисков клейм позднего типа на биконических амфорах, а также перегравированных клейм, надежно выделяется наиболее ранняя группа «поздних» фасосских магистратов в следующем составе: Клит (ранее 350 г.), Деиалк, Аретон, Криний, Тимархид, Герофон, датирующиеся в пределах 350–345 гг., Гераклит, Телефан-II, Клеофон-I, Эвалкид, Телемах и Аристотель – 345–340 гг., поскольку их клейма встречены и на биконических, и на позднеконических амфорах, а также в перегравированных штампах клейм. К ним вплотную примыкает Навсон с клеймами на позднеконических амфорах, датирующихся 340–330 гг. по комплексу тризны Александропольского кургана[1].

Итак, в мою самую раннюю группу поздних фасосских магистратов попали девять из одиннадцати «поздних» магистратов из группы I, три из II группы и один из III группы М. Дебидура, что достаточно надежно подтверждается типом амфор, на которых оттиснуты их клейма (см. табл. 2). Предлагаемый здесь подход позволяет более надежно выделить самую раннюю группу поздних фасосских магистратов в пределах 350–340 гг. до н. э. (Полин 2011. С. 249).

М. Лаваль проанализировал основы хронологии фасосского клеймения и предложил два возможных варианта ее построения в зависимости от начальной даты клеймения и даты перехода к поздним клеймам от ранних. Ранний вариант исходит из начальной даты фасосского клеймения ранее 400 г. и даты перехода от ранних клейм к поздним около 345 г. Поздний вариант предполагает начало клеймения в 395 г. и переход к поздним клеймам в 330–325 гг. до н. э. М. Лаваль считает, что хотя подавляющее большинство фасосских клейм найдено в Черноморском регионе, где для них установлены определенные относительные синхронизмы, решение вопросов абсолютной хронологии фасосского клеймения зависит почти полностью от материалов Эгейского бассейна. И поэтому, руководствуясь весьма малонадежными датами

[1] В схемах М. Дебидура и А. Аврама Навсон расположен непосредственно перед Телемахом у первого во II поздней группе 335–325 гг., у второго под 313 г., а у И. Гарлана Телемах трудился на шесть лет позднее Навсона, соответственно, в 322 и 316 гг. (Кац 2007. С. 416). Все это указывает на их тесную близость во времени.

нескольких комплексов Афинской Агоры, Пникса-III, Корони и некоторых других[1], вводя не всегда убедительные ограничения по датировкам фасосских клейм[2], М. Лаваль считает более достоверным поздний вариант фасосской хронологии (Lawall 2010. P. 37–54. Tab. 2).

По-видимому, недооценка причерноморских находок основана на незнании, а скорее на непонимании северопричерноморских закрытых комплексов амфор и клейм из скифских курганов. Если первоначальный сбор коллекций фасосских клейм и многих других центров, их первичная сортировка и обработка по всем правилам коллекционных классификаций действительно были в основном проделаны в Европе по материалам Эгейского бассейна, как и первые прикидки по их датировкам, то дальнейшая плодотворная работа по определению достоверной группировки клейм в хронологические группы, определение их действительной относительной и тем более абсолютной хронологии возможны только на основе привлечения курганных комплексов амфор и амфорных клейм, имеющихся только в Северном и Западном Причерноморье. Ничего подобного в Эгейском регионе нет, а упомянутые эгейские комплексы не отличаются надежностью датировок. Как уже отмечалось выше, материалы из недавно открытых мастерских по производству амфор на Фасосе, в силу специфики, недостаточны для определения абсолютных датировок мастерских в целом и конкретных эпонимов в частности, а также полноты состава имен магистратов в каждой мастерской, наличия или отсутствия конкретных имен в них, поскольку ни одна мастерская не исследована достаточно полно (Амперер, Гарлан 1992. С. 23–28).

Приведенные выше закрытые курганные амфорные комплексы Северного Причерноморья свидетельствуют как раз в пользу большей достоверности раннего варианта хронологии фасосского клеймения, приведенного М. Лавалем, в котором группы фасосских клейм A, B, C, D, E и F датируются в пределах 410–345 гг. (Lawall 2010. P. 37–54. Tab. 2), с необходимым сдвигом даты смены ранних клейм поздними к 350 г. до н. э. Конечно, изложенное здесь является только наброском к будущей действительной ранней хронологии фасосского клеймения, для разработки которой предложенные закрытые курганные комплексы с фасосскими амфорами и клеймами послужат надежным основанием.

---

[1] Датировки всех этих комплексов весьма расплывчаты и достаточно условны, поскольку во многом зависят от их интерпретации, что и показывает история их датирования, изложенная М. Лавалем. Тем более комплекс лагеря Корони, в котором в силу абсолютно уникальных природных условий в одном комплексе сочетаются материалы широкого хронологического диапазона от конца IV до середины III в. до н. э. (Мозолевский, Полин 2005. С. 384).

[2] В датировке кораблекрушения в Эль-Сек М. Лаваль почему-то акцентировал внимание на датировке чернолакового килика-болсала, который, по его мнению, не может датироваться ранее 345–340 гг., поскольку там имеется штампованный орнамент внутри чаши в виде кольца насечек (так называемый rouletting). Для такой датировки ему пришлось допустить, что амфора Менды, также найденная здесь, 40 лет находилась во вторичном использовании (!?), что является полным абсурдом (Lawall 2010. P. 48, 49). Прежде всего следует отметить, что ограничения, введенные М. Лавалем для датировки болсала, совершенно надуманные, и килик надежно датируется второй четвертью IV в. до н. э. Но отнюдь не этот килик-болсал определяет датировку кораблекрушения в Эль-Сек. Здесь найдено синопское клеймо начала I группы синопских клейм ΕΠΙ ΕΝΔΗ | ΤΙΜΟΡΙΩΣ 365–360 гг. по датировке С. Ю. Монахова (Монахов 1999. С. 379), 375 или 366 г. по Н. Ф. Федосееву (Fedoseev 1999. P. 45; Федосеев 2008. С. 23), 355–350 гг. по В. И. Кацу (Кац 2007. С. 434), а также более десятка краснофигурных киликов мастера Vienna-116 (Trias 1989. P. 34–37. Fig. 2: *34, 35*; 3: *37, 38, 75, 86*; 4: *39*; 5: *51*; 6: *52, 53, 55, 57*), датировка которых ни при каких обстоятельствах не выходит за пределы первой половины IV в. до н. э. (Полин 2014. С. 268, 269).

Таблица 1. Перечень комплексов и клейм из них, анализируемых в статье

Комплекс	**Гераклейские и синопские клейма**	**Фасосские клейма**	**Даты фасосских клейм, существующие**	**Даты фасосских клейм, предлагаемые**
Любимовка, курган 6, тризна	1. ΒΟΣΠΟΡΙ | ΧΟΣ ΕΠΙ ΕΥ | ΓΕΤΙΩΝΟΣ (2 экз.) 2. ΣΑΤΥΡΟΣ ΕΠΙ ΚΥΡΟ (3 экз.) 3. ΕΥΑΡΧΟΣ | ΕΠΙ ΚΥΡΟ	1. ΕΥΑΓΟΡ | ΘΑ | ΣΙ ΜΕΓ | Ω. «креветка» 2. ΚΛΕΟΦΑΝ | ΘΑ | ΣΙ ΜΕΓ | Ω «дельфин» (2 экз.) 3. ΝΟΣΣΙ | ΘΑΣ | Ι ΜΕΓΩ | Ν «алабастр»	F-1 – 360–350	375–365
Выводово, курган 92, тризна	1. ΑΓΑΘΩΝΟ | ΕΠΙ ΛΥΚΩΝΟΣ (2 экз.) 2. ΕΠΙ ΛΥΚΩΝΟΣ | ΒΛΑΣΘΟ 3. ΔΑΜΩΦΩΝ | ΕΠΙ ΛΥΚΩ «полумесяц»	1. ΓΛΑΥ | ΚΩΝ | ΘΑΣΙ ΜΕ «гроздь» 2. ΕΥΑΓΟΡ | ΘΑ | ΣΙ ΜΕΓ | Ω «креветка» 3. ΘΡΑΣΩ | ΝΙ | ΘΑΣΙ ΜΕ | Γ «светильник» 4. ΚΑΛΙ | ΦΩΝ | ΘΑ | ΣΙ ΜΕ «лабрис»	F-1 – 360–350	370–365
Камышанка-I, курган 1, тризна		1. ΣΑΤΥ | ΡΟΣ ΘΑΣ | Ι Μ | ΕΓΩ «курильница» 2. ΠΑΥΟΣ | ΑΝ | ΘΑΣΙ ΜΕ | Γ «лист плюща»	F-1 – 360–350	375–360
Нов. Маячка, курган 19, погребение № 2		ΣΑΤΥ | ΡΟΣ ΘΑΣ | Ι Μ | ΕΓΩ «курильница»	F-1 – 360–350	375–360
Орджоникидзе, курган 32 тризна	1. ΘΕΟΓΕΝ | ΕΠΙ ΣΑΤΥΡΟ «копье» 2. ΕΠΙ ΣΑΤΥΡΟ | ΒΛΑΣΘΟ «палица» 3. … | ΕΠΙ… 4. ΙΣΤΙΕΙΟΣ | ΛΥΣΙΘΕΟ 5. ΑΣΠΑΣΙΟ | ΕΠΙ ΑΠΟΛ Λ | ΟΔΩ ΑΣΤΥ «орел на дельфине»	1. ΘΑΣΙΩΝ | ΑΡΧΕΣΤΡΑ | ΠΑΥΣΑΝΙΗΣ «мышь» 2. ΛΥΣΙΚΛΕΙ | ΑΡΙΣΤΟ «лира» 3. ΛΑΓΕΤΑΣ | ΘΑ | ΣΙ | ΩΝ ΙΣΑΓΟΡΗΣ «лабрис» 4. ΛΑΓΕΤΑΣ | ΘΑ | ΣΙ | ΜΕΓΩΝ «стригиль» + «лист» 5. ΑΡΙΣΤΟ [. . .] | ΘΑΣΙ ΩΝ «рыба»	F-2 – 350–345 или 360–350 G-2 – 345–335 G-1 – 347–334 или 350–345 –“– I позд. 345–335 или 320, или около 330	360–350

Комплекс	Гераклейские и синопские клейма	Фасосские клейма	Даты фасосских клейм, существующие	Даты фасосских клейм, предлагаемые
Капуловка-I, курган 13, погребение № 1		ΑΡΙΣΤΟ | ΜΕΓΑΚ «кувшин»	G-2 – 345–335	360–350
Урожайное, курган	1. ΜΥΣ ΕΠΙ | ΑΜΦΙΤΑ 2. ΕΥΦΡΑΙΟΣ | ΑΜΦΙΤΑ 3. ΚΡΟΝΙΟΣ | ΑΜΦΙΤΑΣ 4. ΒΟΤΑΧΟ | ΗΡΑΚΛΕ	ΑΡΙΣΤΟΚ | ΙΣΑΓΟΡΕΙ «герма»	G-2 – 345–335 или 350–335	360–350
гр. Солохи, курган 4, тризна	…ΕΠΙ ΚΑΡΑΚΥΔΕΟΣ	ΜΕΓΩΝ ΑΡ | ΧΕΣΤ | ΡΑ | ΘΑΣΙΩΝ «голова юноши»	F-1 – 350–345, или 360–350, или 356	Около 360
Дивизия, курган 1, тризна	…ΕΠΙ ΚΑΡΑΚΥΔΕΟΣ	ΠΑΝΦΑΗΣ | ΛΕΥΚΩΝ | ΘΑΣΙΩΝ «алабастр» + «стригиль»	F-2 – 350–345 или 360–350	Около 360
Чкалово, курган 29, тризна	…ΕΠΙ ΚΑΡΑΚΥΔΕΟΣ	ΜΕΣ | ΚΑΛ | ΘΑΣΙ «факел» + две «короны»	F-1 – 360–350	Около 360
Николаевский могильник, погребение № 2		ΝΙΚΙΑΣ | ΔΗΜΑΛΚΗΣ «цветок»	G-2 – 345–335 или 350–338	360–350
Николаевский могильник, погребение № 15		ΝΙΚΙΑΣ – ΠΥΛΑΔΗΣ «кузнечик»	G-2 – 345–335 или 350–338	360–350
Беш-Оба-IV, Центральная гробница		ΝΙΚΙΑΣ – ΠΥΛΑΔΗΣ «кузнечик»	G-2– 345–335 или 350–338	360–350
Беш-Оба-IV, Боковой склеп	ΞΑΝΤΙ | ΕΥΞΕ	ΣΙΜΑΛΙ | ΩΝ – ΝΙΚΙΑΣ «канфар»	G-2 – 345–335 или 350–338	360–350
Могильник «Царский», курган 69, тризна	1. ΑΡΙΣΤΩΝ | ΔΙΟΝΥΣΙΟ 2. ΣΩΤΗΡΟΣ | ΕΠΙ ΑΡΙΣΤΩΝ	ΦΑΝΟΚ | ΗΡΑΚ | ΛΙΤ ΘΑ | ΣΙ «кадуцей»	F-1 – 360–350 или 370–365	380–370

Комплекс	**Гераклейские и синопские клейма**	**Фасосские клейма**	**Даты фасосских клейм, существующие**	**Даты фасосских клейм, предлагаемые**
Курган Баксы, тризна		1. ΧΑΡΩ | ΘΑΣΙ | ΜΥΛΛ 2. анэпиграфное, «мужская голова с бородой вправо» (2 экз.) 3. ΗΡΟΦΩ | ΘΑΣ | Ι ΑΜΦΙ «кратер с волютами» 4. ΑΡΙΣΤΟ | ΜΕ ΚΙΡΩ | Ν ΘΑΣΙΩΝ «Геракл-лучник»	B – 395–380 или 400–385 –"– C – 380–370 или 385–375 –"–	Конец V – начало IV в. до н. э. (?)
Камышанка-I, курган 3, тризна	1. ΔΑΜΩΦΩΝ | ΕΠΙ ΚΕΡΚ (2 экз.), 2. ΠΙΣΑΝΟ | ΕΠΙ ΚΥΡΟ 3. ΗΡΑΚΛΕΔΑ | ΠΑΥΣΑΝΙΑ	ΘΑΣΙΩΝ – ΒΙΩΝ «пилос» + «пчела»	G-2 – 345–335 или 350–335	380–370
Бердянский курган		1. ΑΡΙ | ΗΡΟ | ΦΩΝ | ΘΑΣΙ «черепаха» (3 экз.) 2. ΑΡΙΣΤ | ΣΚΥΝΜ | ΘΑ | ΣΙ «дельфин» (2 экз.) 3. ΑΡΙΣΤ | ΘΡΑΣ | ΩΝΙ | ΘΑΣΙ «пилос» 4. ΑΡΙΣΤ | ΕΥΑΓ | ΘΑΣΙ «кузнечик» 5. ΔΙΚΗΚΡΑ | ΘΑΣ | ΛΕΩΦΑ «светильник» 6. ΚΛΕΟΦΩΝ | ΘΑΣΙΟΝ | ΑΘΗΝΟΔΩΡΟΣ «рыба» (2 экз.) 7. ΚΛΕΟΦΩΝ | ΘΑΣΙ | ΘΕΟΦΙΛΟΣ «лук» (2 экз.)	D – 370–365 D – 370–365 D – 370–365 D – 370–365 C – 380–370 E-1 – 370–355 E-1 – 370–355	380–370
Гайманова Могила, Северная гробница № 1 Тризна при ней		ΘΑΣΙΩΝ | ΚΑΛΛΙ «палица» + «звезда» ΘΕΟΦΙΛΟΣ – ΑΡΙΣΤΟ ΚΡΑΤΗΣ «сфинкс»	F-1 – 360–350 или 365–360 G-2 – 345–335	365–350

Комплекс	Гераклейские и синопские клейма	Фасосские клейма	Даты фасосских клейм, существующие	Даты фасосских клейм, предлагаемые
Оргамэ, курган Т-IV, тризна		1[1]. ΘΑΣΙ ΒΑ|ΤΩ| Ν ΠΥ ΛΑΔΗ «палица»	F-1 – 360–350 или 365–350	
		2. ΠΥΛΑ|ΔΗ ΘΑΣ|Ι ΦΑ| ΝΟΚ «черепаха»	–"–	
		3. ΚΑΛΛ | ΙΦΩ ΘΑ|ΣΙ | ΦΑΝΟΚ «серп»	–"–	
		4. ΛΕΩ| ΦΑΝΤΟ| ΘΑΣΙ ΜΕ «палица»	–"–	Не позднее 350
		5. ΝΟΣΣΙ ΘΑΣ |Ι ΜΕΓΩ|Ν «алабастр»	–"–	
		6. ΠΥ|ΛΑΔ ΘΑ|ΣΙ ΜΕΓ «алабастр»	–"–	
		7. ΣΚΥΜ|ΝΟ|Σ ΘΑΣΙ ΜΕ «рыба»	–"–	
		8. ΑΡΙΣΤΕΙ|ΔΗ|ΘΑΣ |Ι ΑΙΣΧΡΙ «цапля»	–"–	
		9. ΑΡΙΣΤΕΙΔΗΣ|ΘΑΣ |Ι ΓΛΑΥΚ|ΩΝ «серьга»	–"–	
		10. ΑΡΙΣΤΕΙΔΗ|ΘΑΣ |Ι ΘΕΟΔΟ|Τ «канфар»	–"–	
		11. ΑΡΙΣΤΕΙΔΗΣ|ΘΑΣ| Ι ΗΡΑΚΛΕ|ΙΤ «лист» или «глаз»	–"–	
		12. ΦΙΛΟΚΡΑ |ΘΑΣΙΩΝ| ΘΕΟΔΟΤ ΟΣ «гроздь»	–"–	
		13. ΘΑΣΙΩΝ|ΦΙΛΟ ΚΡΑ| ΗΡΑΚΛΕΙΤΟΣ «дельфин»	–"–	
		14. ΘΑΣΙΩΝ| ΦΙΛΟ ΚΡΑ|ΠΟ ΛΥΩΝ «кувшин»	–"–	
		15. ΘΑΣΙΩΝ| ΦΙΛΟΚΡΑ | ΠΥΛΑΔΗΣ «поножи» или «ёж»	–"–	Не позднее 350
		16–17. ΘΑΣΙΩΝ| ΦΙΛΟ |ΚΡΑ| ΚΑΛΛΙΦΩ «венок»	–"–	
		18–19. ΜΕΣ ΘΑΣΙ|ΛΥΣΙ «дельфин» + «рыба» (2 экз.)	–"–	

[1] Номера клейм в каталоге В. Лунгу (Lungu 1999. P. 76–78).

Комплекс	Гераклейские и синопские клейма	Фасосские клейма	Даты фасосских клейм, существующие	Даты фасосских клейм, предлагаемые
		20–26. ΘΑΣΙ|ΜΕΣ| ΠΥΛΑ ΔΗΣ «змея» + «лягушка»	–"–	
		27. ΘΑΣΙΩΝ|ΘΡΑΣΩ «кнехт(?)» + «звезда»	–"–	
		28. ΘΑΣΙΩΝ|ΠΥΛΑ «факел» + «звезда»	–"–	
		36. ΑΡΙΣΤΕΙΔΗΣ|ΘΑΣΙ| ΠΥΛΑΔ|ΗΣ «цикада»	–"–	
		29. ΕΠΙ Τ| Η |ΛΕΦΑΝΕ ΟΣ| ΘΑΣΙΩΝ «амфора»	I позд. 345–335 или 331	
		35. ΕΠΙ |ΤΗ|ΛΕΦΑΝΕ| ΟΣ| ΘΑΣΙΩΝ «собака»	–"–	
		30. ΘΑΣΙΩΝ|ΑΡΕΤΩΝ «птица»	I позд. 345–335 или 330	Не позднее 350
		31. ΘΑΣΙΩΝ|ΚΛΕΙΤΟΣ «буква Δ»	I позд. 345–335 или 327	
		32. ΘΑΣΙΩΝ|ΚΛΕΙΤΟΣ «буква Μ»	–"–	
		33. ΘΑΣΙΩΝ|ΚΛΕΙΤΟΣ «буква Ξ»	–"–	
		34. ΑΛΘΗΜ|ΘΑΣΙΩΝ| ΦΕΟΦΙΛΟΣ «колесо»	–"– Е-1 – 370–355	
Группа Чередниковой Могилы, курган 8, тризна	1. ΙΣΤΙΑΙΟΣ ΑΜΦΙΤΑ «канфар» (2 экз.)			
	2. ΙΣΤΙΗΙΟΣ…«канфар»			
	3. ΜΙΚΚΟΣ | ΕΠ ΑΜΦΙ «гроздь»			
	4. ΜΥΣ ΕΠΙ | ΑΜΦΙΤΑΣ			
	5. ΑΡΤΕΜΩΝ | ΒΑΚΧΟΣ «гроздь»			Не позднее 350
	6. ΕΠΙ ΒΑΚΧΟ | ΑΠΟΛΛΩΝΙΟ «гроздь» (2 экз.)			

Комплекс	Гераклейские и синопские клейма	Фасосские клейма	Даты фасосских клейм, существующие	Даты фасосских клейм, предлагаемые
Группа Чередниковой Могилы, курган 8, погребение № 1	7. ΒΟΤΑΧΟΣ | ΕΠΙ ΒΑΚΧΟ «канфар» 8. ΜΥΣ ΕΠΙ | ΒΑΚΧΟΥ «гроздь» 9. ΓΥΑΛΟЄ | ΕΠΙ ΒΑΚΧΟ «гроздь» (4 экз.)	ΔΕΙΑΛΚΟΣ – ΘΑΣΙΩΝ «собака»	I позд. 345–335 или 324, или 328, или 333, или не позднее 350	
Олинф, дом A-VIII-7		ΘΑΣΙΩΝ – ΑΡΕΤΩΝ «кадуцей»	до 348, или I позд. 345–335, или 325, или 328	До 348
Водяна Могила, тризна		1. ΗΡΑΚΛ | ΕΙΔ – ΑΡΙΣΤΟ «заяц» 2. ΘΑΣΙΩΝ – ΑΡΕΤΩΝ «кадуцей»	G-2 – 345–335 или 350–338 до 348, или I позд. 345–335, или 325, или 328	Около 350
Трехбратний курган 1, гробница № 1 Трехбратний курган 1, тризна	ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ | ΔΑΜΑΤΡΙ «гроздь»	ΘΑΣΙΩΝ – ΚΡΙΝΙΣ «голова Медузы»	I позд. 345–335, или 325–317, или 330–320, или 325	350–345
Славчова Могила, гробница	ΕΥΠΟΡΟΣ | ΛΥΣΙΘΕ «канфар»	ΘΑΣΙΩΝ | ΚΛΕΙΤΟΣ «буква Р»	I позд. 345–335, или 340–335, или 327, или 332	360–350

Таблица 2. Начальная группа поздних фасосских магистратов в сочетании с типами амфор

Магистрат, клеймо	**Биконические амфоры**	**Позднеконические амфоры**	**Существующие датировки**	**Предлагаемая датировка**
Клит ΘΑΣΙΩΝ – ΚΛΕΙΤΟΣ	+	–	I позд. 345–335, или 340–335, или 327, или 332	360–350
Деиалк ΔΕΙΑΛΚΟΣ – ΘΑΣΙΩΝ	+	–	I позд. 345–335, или 324, или 328, или 333 г.	Не позднее 350
Аретон ΘΑΣΙΩΝ – ΑΡΕΤΩΝ	+	–	I позд. 345–335, или 325, или 330	До 348
Криний ΘΑΣΙΩΝ – ΚΡΙΝΙΣ	+	–	I позд. 345–335, или 325–317, или 330–320, или 325	350–345
Тимархид ΘΑΣΙΩΝ – ΤΙΜΑΡΧΙΔΑ	+ (?)	–	I позд. 345–335, или 319, или 324	350–345
Герофон ΘΑΣΙΩΝ – ΗΡΟΦΩΝ	+	–	I позд. 345–335, или 318, или 323	350–345
Гераклит ΘΑΣΙΩΝ – ΗΡΑΚΛΕΙΤΟΣ	+	–	I позд. 345–335, или 330–320, или 317, или 324	345–340
Телефан-II ΕΠΙ ΤΗΛΕΦΑΝΕΟΣ – ΘΑΣΙΩΝ	+	+	I позд. 345–335, или 326, или 331	345–340
Клеофон-I ΘΑΣΙΩΝ – ΚΛΕΟΦΩΝ	+	+	II позд. 335–325, или 311, или 319	345–340
Эвалкид ΘΑΣΙΩΝ – ΕΥΑΛΚΙΔΗΣ	+ (?)	+	III позд. 325–310, или 310, или 318	345–340
Телемах ΤΗΛΕΜΑΧΟΣ – ΘΑΣΙΩΝ	+	+	II позд. 335–325, или 330–320, или 312, или 316	345–340
Аристотель ΘΑΣΙΩΝ – ΑΡΙΣΤΟΤΕΛΗΣ	+ (?)	+ (?)	I позд. 345–335, или 321, или 325	345–340
Навсон ΘΑΣΙΩΝ – ΝΑΥΣΩΝ	–	+	II позд. 335–325, или 316–310, или 322, или 327	340–330

Алексеев 2003
Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.

Амперер, Гарлан 1992
Амперер Ж. П., Гарлан П. Греческие амфорные мастерские // Греческие амфоры. Саратов, 1992.

Бидзиля, Полин 2012
Бидзиля В. П., Полин С. В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев, 2012.

Брашинский 1965
Брашинский П. Б. Керамические клейма Гераклеи Понтийской // НЭ. 1965. Т. 5.

Брашинский 1975
Брашинский П. Б. Фасосская амфора с клеймом из кургана Куль-Оба // СГЭ. 1975. [Вып.] 40.

Брашинский 1984
Брашинский П. Б. Методы исследования античной торговли. М. ; Л., 1984.

Виноградов 2011
Виноградов Ю. А. Курган у с. Баксы в Восточном Крыму // Боспорский феномен : население, языки, контакты. СПб., 2011.

Виноградов 1972
Виноградов Ю. Г. Керамические клейма острова Фасос // НЭ. 1972. Т. 10.

Горбунова, Передольская 1961
Горбунова К. С., Передольская А. А. Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961.

Граков 1935
Граков Б. Н. Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции в VI–IV вв. до н. э. // ИГАИМК. 1935. Вып. 108.

Кац 1992
Кац В. П. Принципы использования керамических клейм в качестве датирующего материала скифских погребальных сооружений // Киммерийцы и скифы : тезисы докл. конф. памяти А. И. Тереножкина. Мелитополь, 1992.

Кац 1999
Кац В. П. Основные закономерности распределения фасосских амфорных клейм // АМА. 1999. Вып. 10.

Кац 2007
Кац В. П. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма : опыт комплексного изучения. Симферополь ; Керчь, 2007. (БИ ; т. 18).

Колтухов 1999
Колтухов С. Г. Керамика из кургана Беш-Оба IV // Боспорский феномен : греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999.

Колтухов 2006
Колтухов С. Г. Курган IV Аккайского (Белогорского) курганного могильника // ДБ. 2006. Т. 9.

Ломтадзе, Лоренц 2008
Ломтадзе Г. А., Лоренц А. Остродонные амфоры и их фрагменты // Трехбратние курганы : Курганная группа второй половины IV–III вв. до н. э. в Восточном Крыму. Симферополь ; Бонн, 2008.

Лоренц, Трейстер 2008
Лоренц А., Трейстер М. Ю. Трехбратние курганы : каталог комплексов и находок // Трехбратние курганы : курганная группа второй половины IV–III вв. до н. э. в Восточном Крыму. Симферополь ; Бонн, 2008.

Мелюкова 1962
Мелюкова А. П. Скифские курганы Тирасполщины. М., 1962. (МИА ; вып. 115).

Мелюкова 1975
Мелюкова А. П. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М., 1975.

Мозолевский 1982
Мозолевский Б. Н. Скифский царский курган Желтокаменка // Древности степной Скифии. Киев, 1982.

Мозолевский, Полин 2005
Мозолевский Б. Н., Полин С. В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы). Киев, 2005.

Монахов 1999
Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье : комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов, 1999.

Монахов 2003
Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье : типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре : каталог-определитель. М. ; Саратов, 2003.

Монахов 2013
Монахов С. Ю. Амфоры Аканфа : новые находки и заметки о специфике амфорного производства в полисе // Шестая Междунар. Кубанская археологическая конф. Краснодар, 2013.

Павличенко 1992
Павличенко Н. А. К вопросу о времени бытования предлога ЕПІ в гераклейских клеймах // Греческие амфоры : проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Саратов, 1992.

Павличенко 2009
Павличенко Н. А. Магистрат Коас? // Боспорский феномен. СПб., 2009.

Передольская 1971
Передольская А. А. Кто же расписал пелику из Баксы? // Культура и искусство античного времени. Л., 1971.

Полин 1994
Полин С. В. Комплекс амфор второй четверти IV в. до н. э. из кургана у г. Орджоникидзе Днепропетровской обл. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века : тез. докл. конф. Ростов-н/Д., 1994.

Полин 2010
Полин С. В. Амфоры Александропольского кургана : по материалам раскопок 2004–2009 гг. // АМА. 2010. Вып. 14.

Полин 2011
Полин С. В. Амфоры и клейма из кургана 32 у г. Орджоникидзе и некоторые вопросы амфорной хронологии // АМА. 2011. Вып. 15.

Полин 2014
Полин С. В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев, 2014.

Придик 1917
Придик Е. М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках, горлышках и черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917.

Пругло 1963
Пругло В. И. Золотые украшения звериного стиля из Баксинского кургана // КСОАО. 1961.

Скорый 1998
Скорый С. А. Основы археологического датирования Большого Рыжановского кургана // MSROA. 1998. Т. 19.

Скорый 2005
Скорый С. А. Античная керамическая посуда из Большого Рыжановского кургана // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья : сб. ст. памяти В. С. Ольховского. М., 2005.

Тереножкин и др. 1973
Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. Киев, 1973.

Трейстер 2008
Трейстер М. Ю. Датировка Трехбратних курганов // Трехбратние курганы : курганная группа второй половины IV–III вв. до н. э. в Восточном Крыму. Симферополь ; Бонн, 2008.

Федосеев 2008
Федосеев Н. Ф. Датам и Синопа – монеты и клейма // Acta musei Varnaensis : нумизматични, сфрагистични и епиграфски приноси към Черноморското крайбрежие : международна конференция в памет на Милко Мирчев. Варна, 15–17 септември 2005 г. Варна, 2008. Т. 7 (1).

Фиалко 2006
Фиалко Е. Е. Посуда с лаковым покрытием в погребальном обряде скифов // Древности скифской эпохи : сб. ст. памяти А. И. Мелюковой. М., 2006.

Гетов 1995
Гетов А. Амфори и амфорните печати от Кабиле (IV–II вв. пр. н. е.). София, 1995.

Китов 1996
Китов. Г. Славчова Могила край с. Розово, Казанлъшко : монументална тракийска гробница // Археология. 1996. № 1.

Балканска 1984
Балканска А. Амфори и амфорни печати // Севтополис. София, 1984. Т. 1.

Лейпунська 1989
Лейпунська Н. О. До питання про хронологію деяких античних матеріалів у скіфських пам'ятках // Археологія. 1989. № 2.

Полін и др. 2000
Полін С. В., Ковальов М. В., Чередніченко М. М. Про датування Бердянського кургану : за керамічними матеріалами // Археологія. 2000. № 1.

Полин 2009
Полин С. В. Датировка Гаймановой Могилы // Матеріали конференції «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я» : до 110-річчя з дня народження Б. М. Гракова. Запоріжжя, 2009. (ССПК ; т. 15).

Avram 1996
Avram A. Les timbres amphoriques. 1. Thasos // Histria. 1996. T. 8.

Balkanska, Tzochev 2008
Balkanska A., Tzochev Ch. Amphora Stamps from Seutopolis – Revised // Phosphorion : Studia in honorem Mariae Čičikova. Sofia, 2008.

Beazley 1963
Beazley J. D. Red-figure Vase-painters. Oxford, 1963.

Bon, Bon 1957
Bon A.-M., Bon A. Les timbres amphoriques de Thasos // Etudes thasiennes. Paris, 1957. Vol. 4.

Buzoianu 1999
Buzoianu L. Types d'amphores hellenistiques decouverts a Callatis // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Provence, 1999.

Chochorowski 1999
Chochorowski J. Rings with Panticapaeum Staters from the Great Ryzhanowka Barrow // Zapiski numizmatyczne. Krakow, 1999. T. 3, 4.

Chochorowski 2000
Chochorowski J. Problems of the Chronology of the Great Ryzhanowka Kurgan // Geochronometria : Journal on Methods and Applications of Absolute Chronology. 2000. Vol. 49.

Conovici 1998
Conovici N. Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbres comprises) // Histria. 1998. Vol. 8 (2).

Daux 1926
Daux G. Nouvelles Inscriptions de Thasos // BCH. 1926. Vol. 50.

Debidour 1986
Debidour M. En classant les timbres Thasiens // BCH. 1986. Vol. 13.

Debidour 1999
Debidour M. Kleitos, un magistrat thasien atteste sur les rives de la Mer Noir // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Aix-en-Provance, 1999.

Fedoseev 1999
Fedoseev N. F. Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Aix-en-Provence, 1999.

Gajdukevič 1971
Gajdukevič V. F. Das Bosporanishe Reich. Berlin, 1971.

Garlan 1986
Garlan Y. Quelques nouveaux ateliers amphoriques a Thasos // BCH. 1986. Vol. 13.

Garlan 1990
Garlan Y. A propos de la chronologie des timbres amphoriques Thasiens // ΜΝΗΜΗ Δ. ΛΑΖΑΡΙΔΗ. ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ, 1990.

Garlan 1999
Garlan Y. Les timbres amphoriques de Thasos. T. 1. Timbres Protothasiens et Thasiens ansiens // Etudes Thasiennes. Paris, 1999. Vol. 18.

Garlan 2004–2005
Garlan Y. En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos // BCH. 2004–2005. Vol. 128, 129.

Garlan 2013
Garlan Y. Les timbres amphoriques en Grèce ancienne : Nouvelles questions : Nouvelles methods : Nouveaux résultats // JS. 2013.

Grace 1956
Grace V. Stamped Wine Jar Fragments // Talcott L., Philipaki B., Edwards G. R., Grace V. R. Small Objects from the Pnyx: II. Princeton, 1956. (Hesperia ; Suppl. 10).

Grace 1985
Grace V. The Middle Stoa Dated by Amphora Stamps // Hesperia. 1985. Vol. 54 (1).

Grandjean 1992
Grandjean Y. Contribution a l'etablissement d'une typologie des amphores thasiennes : Le materiel amphorique du quartier de la porte du Silene // BCH. 1992. Vol. 116 (2).

Hooker 1950
Hooker E. The Sanctuary and Altare of Chrise in Attic Red-figure Vase-painting // JHS. 1950. Vol. 70.

Lawall 2010
Lawall M. Negotiating Chronologies : Aegean Amphora Research, Thasian Chronology, and Pnyx III // Chronologies of the Black Sea Area in the period c. 400–100 BC. Aarhus, 2010.

Lungu 1999
Lungu V. Remarques sur la chronologie des timbres Thasiens // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Aix-en-Provence, 1999.

Robinson 1950
Robinson D. M. Excavations at Olynthus : Pt. XIII : Vases found in 1934 and 1938. Baltimore, 1950.

Salviat 1986
Salviat F. Le vin de Thasos : Amphores, vin et sources ecrites // BCH. 1986. Vol. 13.

Schmid 1999
Schmid S. G. Eine Gruppe Nordagaischer Transportamphoren // AM. 1999. Bd. 114.

Shefton 1982
Shefton B. The krater from Baksy // The Eye of Greece : Studies in the Art of Athens. Cambridge, 1982.

Sparkes 1991
Sparkes B. A. Greek Pottery: an Introduction. Manchester ; New York, 1991.

Sparkes, Talcott 1970
Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plaine Pottery of the 6-th, 5-th and 4-th centuries B. C. // The Athenian Agora. 1970. Vol. 12.

Trias 1989
Trias G. El-Sec : la keramika Atica de figuras rojas // Grecs et Iberes au IV-e siecle avant Jesus-Christ : Commerce et iconographie. Paris, 1989.

Tzochev 2009
Tzochev C. Notes on the Thasian Amphora Stamps Chronology // Archaeologia Bulgarica. 2009. Vol. 13 (1).

Т. В. Рябкова

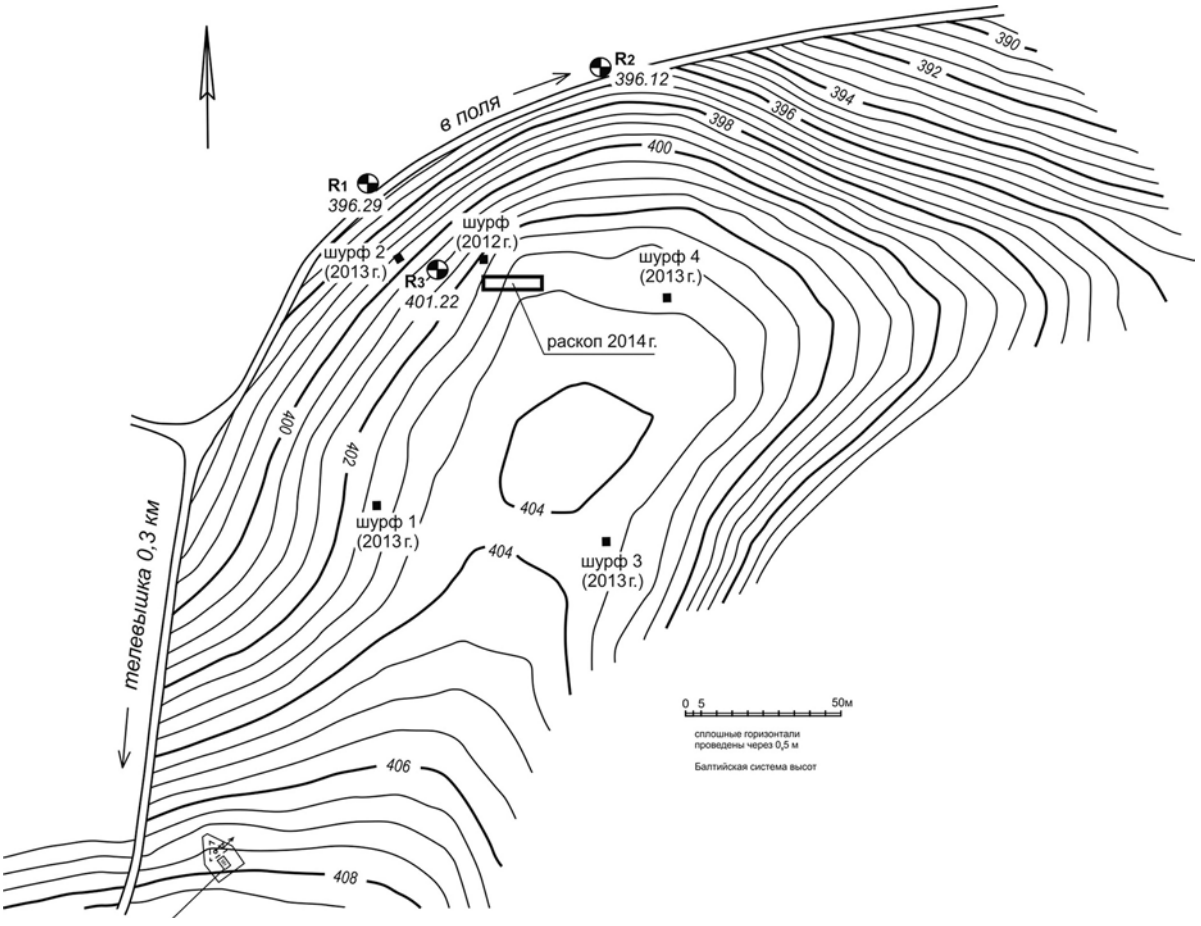
ПОСЕЛЕНИЕ ТАРАСОВА БАЛКА – ПАМЯТНИК РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЗАКУБАНЬЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)

На протяжении 2010–2014 гг. Южно-Кубанская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа, организованная при участии заведующего Отделом археологии Восточной Европы и Сибири А. Ю. Алексеева, занималась исследованиями курганной группы «Разменные» у поселка Северный Мостовского района Краснодарского края в юго-восточном Закубанье. Курганы расположены на возвышенности, являющейся водораздельным хребтом бассейнов рек Лаба и Чехрак. В 1897 г. пять насыпей курганной группы были исследованы под руководством Н. И. Веселовского, по данным которого 1-й Разменный (Костромской) курган был сооружен в эпоху скифской архаики, остальные четыре кургана относятся к эпохе бронзы (ИАК 1897. С. 11–17). Повторное исследование 1-го Разменного (Костромского) кургана и исследования 6-го и 10-го Разменных подтвердили, что начало функционирования могильника относится к эпохе бронзы, кроме этого, он продолжал использоваться и в эпоху скифской архаики. Были отмечены случаи перепланирования насыпей эпохи бронзы для создания раннескифских курганов (1-й Разменный), использования их для совершения жертвоприношений (6-й Разменный), сооружения новых курганов (10-й Разменный).

О существовании поселения, получившего название Тарасова Балка, в 800 м к северо-востоку от 1-го Разменного кургана, впервые стало известно в 2011 г. На поле, ранее использовавшемся как пастбище, после распашки были произведены сборы фрагментов керамики, расколотых камней и костного материала. Фрагменты керамики по типам, составу теста и характеру обжига относились к посуде, характерной для раннемеотского времени и имеющей ряд аналогий в материалах 1-го и 10-го Разменных курганов. Это делало раскопки здесь весьма перспективными, в особенности учитывая тот факт, что поселенческие памятники раннемеотского периода известны в основном лишь по сборам (Каменецкий 2011. С. 201).

В 2012 г. была произведена топографическая съемка территории поселения, границы которого были предварительно определены по находкам керамического и костного материала. Шурф 1, исследованный в 2012 г., продемонстрировал значительную мощность (около 0,6 м) и насыщенность культурного слоя. В 2013 г. были заложены четыре шурфа общей площадью 16 м^2 для определения границ поселения. В 2014 г. была выполнена инструментальная геодезическая съемка территории поселения[1] (ил. 1),

[1] Инструментальная геодезическая съемка была произведена Г. В. Порошиным с использованием тахеометра Leica TC 407.



Ил. 1. Топографический план поселения Тарасова Балка

продемонстрировавшая, что границы поселения, определенные по выходам керамики и при помощи шурфов, в основном совпадают с границами плоскости на поверхности холма. Таким образом, предположительная площадь поселения составляет около 10 000 м². Состав и характер находок в шурфах 2012–2013 гг. свидетельствуют, что основная масса их относится к раннему железному веку. Тем не менее в восточной части поселения обнаружены фрагменты керамики майкопского (?) круга и кремневые заготовки для изготовления стрел – возможно, поселение существовало в эпоху бронзы.

В 2014 г. для планомерного изучения памятника был заложен раскоп площадью 80 м², предварительной публикации материалов которого посвящена данная статья.

Стратиграфия

Раскоп 2014 г. был заложен по линии З–В на месте перепада рельефа от плоскости холма к его склонам у предполагаемой северной границы поселения (ил. 1). В пределах раскопа слой, насыщенный культурными остатками, начался с уровня современной поверхности. Верхняя часть его нарушена распашкой на глубину 0,2 м и содержала

измельченные фрагменты керамики, костей и колотых камней. Мощность культурного слоя составляет 0,2–0,95 м и возрастает с запада на восток, по мере продвижения к плоской части холма. Стратиграфические разрезы показали, что культурный слой по всей площади раскопа имеет одинаковую структуру, цвет его меняется от темного, насыщенного гумусом в верхней части до светло-серого в нижней. Культурный слой залегает на темно-коричневом слое древней погребенной почвы. В этом слое и в слоях, расположенных ниже его, культурных остатков практически нет.

Насыщенность культурного слоя материальными остатками весьма значительна, при этом максимальная насыщенность зафиксирована на уровне второго пласта – на глубине 0,4–0,6 м от уровня современной поверхности. Остатков каких-либо сооружений, кроме комплексов 1 и 2 (ил. 2), на исследованной площади не обнаружено. На пересечении квадратов А3-Б3 и А4-Б4 на глубине 0,9 м зафиксирован комплекс 1 – несколько камней с прокаленной обмазкой, возможно, часть очага. В квадрате Б7 на глубине 0,8 м зафиксирован развал сооружения подпрямоугольных очертаний размерами 0,86 × 0,75 м из кусков обожженной глиняной обмазки и крупных растрескавшихся камней (комплекс 2). В слое обмазки и рядом с конструкцией находились фрагменты сосудов, возможно, остатки глинобитного очага (ил. 2).

Основную массу находок составляют фрагменты лепных сосудов (13 592), обломки костей животных (5 313), расколотые камни (4 138). Обнаружены фрагменты античных сосудов (302), пряслица (3), фрагменты глиняной обмазки (431), железные (58) и бронзовые (9) изделия, кремневые отщепы (14), шлаки.

Расколотые камни и гальки имеют признаки антропогенного термического расщепления[1]. Определимые остеологические материалы составляют 13% от общего количества материала (696 костей). Из них 40,2% – кости крупного рогатого скота, 34% – овцы, 13,4% – свиньи, 12,4% – лошади[2].

Фрагменты обмазки имеют заглаженную поверхность, толщина их достигает 2,0 см, на некоторых заметны отпечатки каркаса из прутьев диаметром 1,0–2,0 см, что позволяет предположить наличие турлучных построек. Некоторые фрагменты ошлакованы, возможно, в результате пожара.

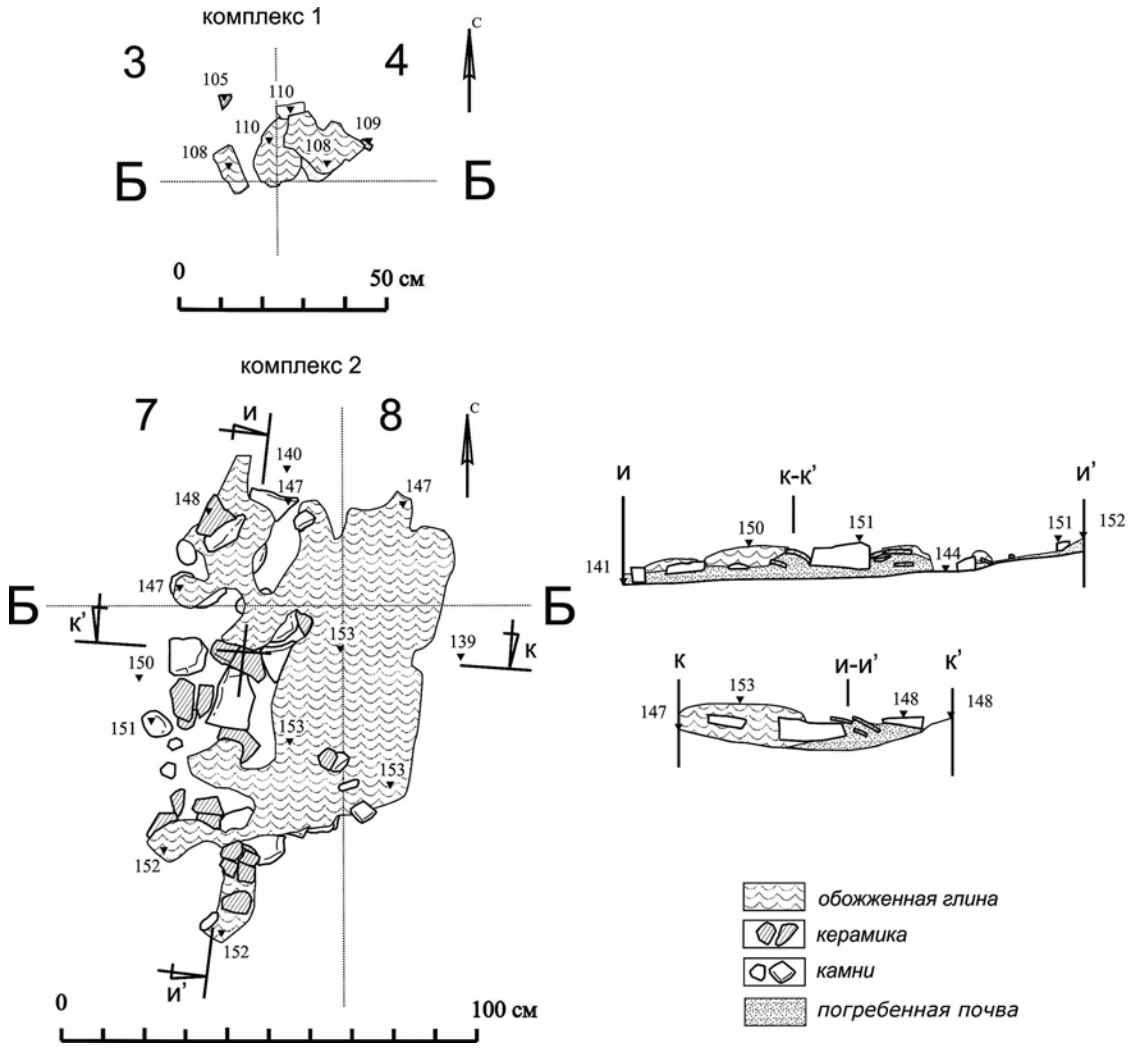
Лепная посуда представлена сосудами столового и хозяйственного (кухонного) назначения. Фрагментарность материала позволила осуществить предварительную классификацию по характеру профилировки, толщине стенок и оформлению верхней части сосудов. *Столовая посуда* из плотного тщательно отмученного теста с примесями слюды, песка, толченых раковин с лощеной внутри и снаружи поверхностью представлена разнообразными черпаками, кувшинами, мисками. *Кухонная и тарная посуда* из плотного теста с примесями слюды, песка, крупных включений толченых раковин, шамота представлена горшками и корчагами.

Все фрагменты тонкостенных лощеных слабопрофилированных сосудов с диаметром венчика 9,0–15,0 см отнесены к категории ***черпаков*** (ил. 3: *1*)[3]. Это обломки ручек

[1] Определения выполнены старшим научным сотрудником экспериментально-трассологической лаборатории ИИМК РАН канд. ист. наук Е. Ю. Гирей.

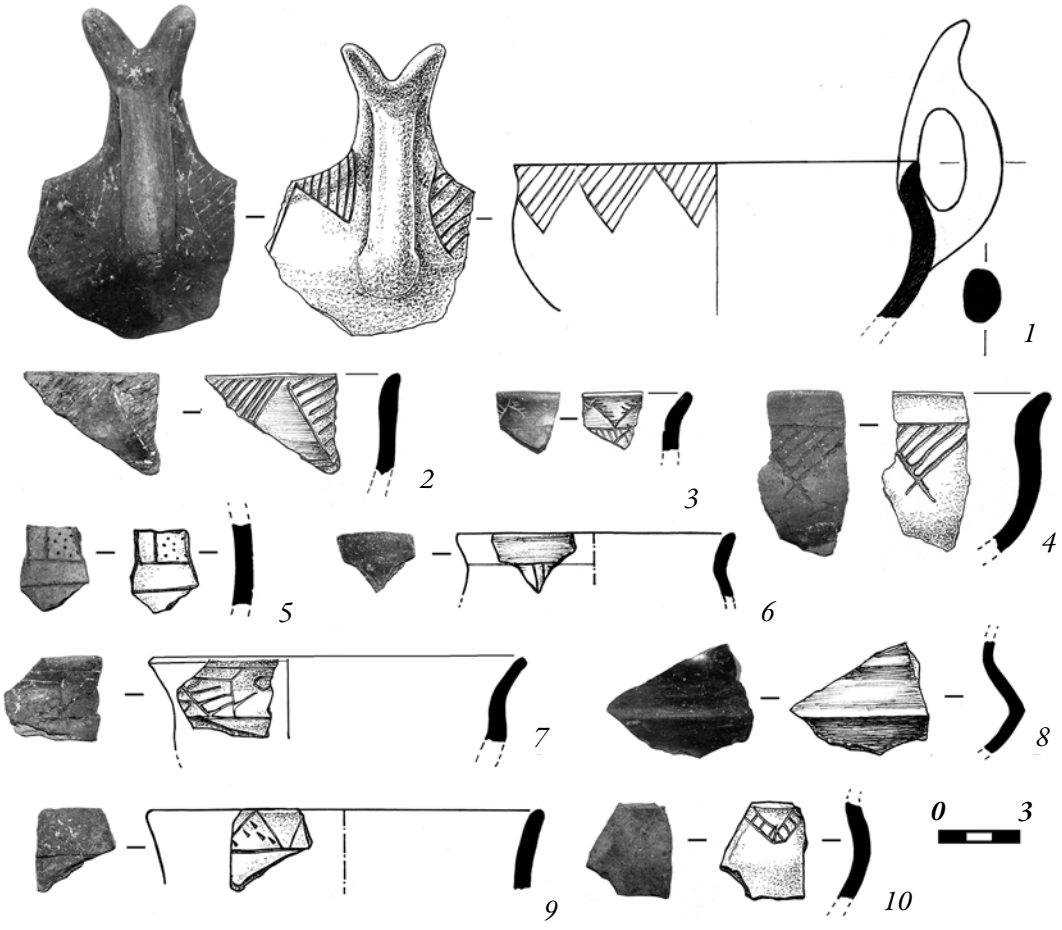
[2] Определения выполнены старшим научным сотрудником ЗИН РАН канд. биол. наук М. В. Саблиным.

[3] Нельзя исключить, что у части сосудов, представленных лишь фрагментами венчиков, ручка вообще отсутствовала, и тогда они могут быть определены как кубки с орнаментом в верхней части сосуда, широко представленные в кобанских древностях (Козенкова 1998. С. 98).



Ил. 2. Тарасова Балка. Комплексы 1 и 2

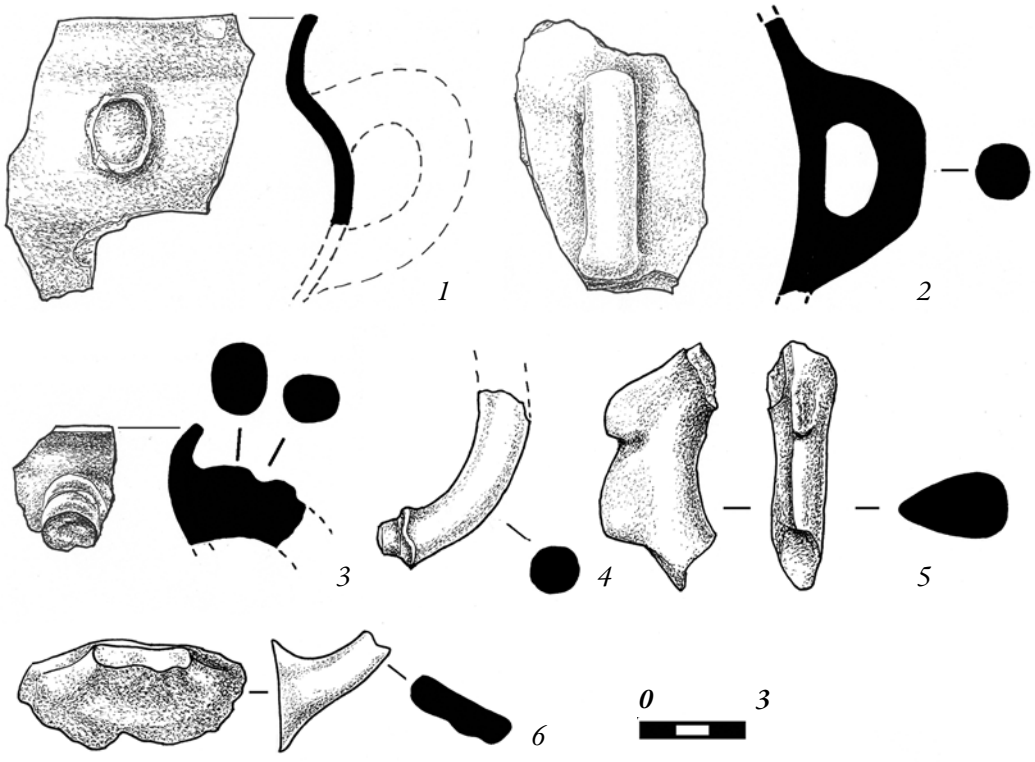
(ил. 4: *4–6*), стенок с обломанными ручками или следами от них (ил. 4: *1–3*), многочисленные фрагменты венчиков (ил. 3: *2–4, 6, 7, 9*), донца с характерным углублением в центре. Большая часть черпаков – сосуды слабой профилировки, с прямым или слегка отогнутым венчиком. В тех случаях, когда это удалось проследить, выступающие над венчиком петлевидные раздвоенные вверху «рогатые» ручки черпаков одним концом крепятся к краю сосуда, другим – к верхней части его тулова. Наряду с неорнаментированными распространены сосуды, украшенные в верхней части резным геометрическим орнаментом из свисающих заштрихованных треугольников (ил. 3: *1–4, 6, 9, 10*). Иногда орнамент затерт белой пастой (ил. 3: *2, 7*). Орнамент наносился как по сырой глине, так и по подсушенной основе до обжига. Внутренняя и внешняя поверхность лощеная, цвет темно-серый или черный, черепок в изломе плотный, равномерно окрашенный.



Ил. 3. Черпаки. Тарасова Балка, раскоп 1. Рисунки Т. В. Рябковой

Неоднократно отмечалось, что сосуды сходных форм являются самой распространенной категорией протомеотских (Эрлих 2007б. С. 74. Рис. 134–139; Шарафутдинова 1989. Рис. 9: *5, 6, 8*) и раннемеотских памятников (Галанина 1989. Рис. 5; Василиненко и др. 1993. Рис. XIX: *1–3*; Рис. XVI: 3; Лимберис, Марченко 2012. С. 9–12. Рис. 2–7; Рябкова, Логинова 2013. Рис. 2: *а–г*).

Профилированные сосуды типа кружки с вертикальным, слегка отогнутым венчиком, округлым туловом и петлевидной округлой в сечении ручкой, верхним концом прикрепленной под венчиком (ил. 4: *1–3*), имеют аналогии в материалах могильников Железнодорожный-2 (Лимберис, Марченко 2014. Рис. 3: *11*; 5: *6, 10, 11*; 6: *14*), Ахтырский Лиман I (Эрлих 2007б. Рис. 143: *10*), Кедабек (Ивановский 1911. С. 94. Табл. XI: *19*), поселения на Моздокском карьере (Государственный Эрмитаж, инв. № 1465/118). Наряду с круглыми или уплощенными в сечении ручками (ил. 4: *1, 2, 4, 6*) встречаются и ручки с различными налепами (ил. 4: *3, 5*).Фрагменты кружек с витыми ручками (ил. 4: *3*) имеют аналогии среди материалов западного варианта кобанской культуры (Козенкова 1998. Табл. XXXIV: *9, 10*; XXXVII: *22*). Для соединения ручек и стенок сосудов использовался способ прилепа (ил. 4: *6*) и крепления при помощи штифтов (ил. 4: *4*).



Ил. 4. Черпаки-кружки и фрагменты ручек. Тарасова Балка, раскоп 1.
Рисунки Т. В. Рябковой

Весьма примечателен фрагмент небольшого (диаметр тулова 11,0 см) тонкостенного черпака с ребром по тулову с великолепным лощением (ил. 3: *8*). Сосуды для питья подобной формы практически неизвестны среди прото- и раннемеотских древностей. Лощеные черпаки с резким перегибом между краем и туловом известны в материалах Немировского городища (Смирнова 1998. С. 95. Рис. 14).

Большое количество фрагментов определяются как части ***мисок***. При значительной вариабельности размеров (диаметр венчика от 10,0 до 40,0 см) и толщины стенок (от 0,3 до 1,5 см), что может быть связано с использованием их в качестве столовой или кухонной посуды, большинство относится к типу глубоких сосудов с округлым туловом и загнутым внутрь краем. Края мисок либо закруглены, либо прямо срезаны. Преобладают лощеные снаружи и изнутри сосуды с черной поверхностью (ил. 5: *3*, *4*). Изредка встречаются экземпляры с небольшими выступами по краю венчика (ил. 5: *1*) либо с сосцевидными налепами по тулову. Округлобокие, закрытые миски, иногда с налепами по тулову, встречаются в материалах протомеотских раннемеотских и раннескифских памятников: погребениях № 39, 50 Кубанского могильника (Эрлих 2007б. Рис. 76: *1, 3*), в верхнем слое поселения Красногвардейское–II (Шарафутдинова 1989. Рис. 9: *14, 19*), в погребении № 3 Усть-Лабинского могильника 2 (Государственный Эрмитаж, инв. № 1612/29), погребениях № 21, 15, 29, 32 Келермесского грунтового могильника (Галанина 1985. Рис. 3: *15*; Галанина 1989. Рис. 6), в 1-м Разменном кургане (Рябкова, Логинова 2013. Рис. 3: *а–в*). Морфологически близкие экземпляры с нале-

пами выделены в «раннюю серию» по материалам могильников Старокорсунского городища № 2 и хут. Ленина (Лимберис, Марченко 2012. С. 42. Рис. 23: *9–12*). Аналогии тонкостенным небольшим мискам с выступами на венчике (ил. 5: *1*) происходят из чернолесского слоя Немировского городища (Смирнова 1998. С. 106. Рис. 22: *5*), поселения Жаботин (Дараган 2011. Табл. 149: *4*; 218: *2*).

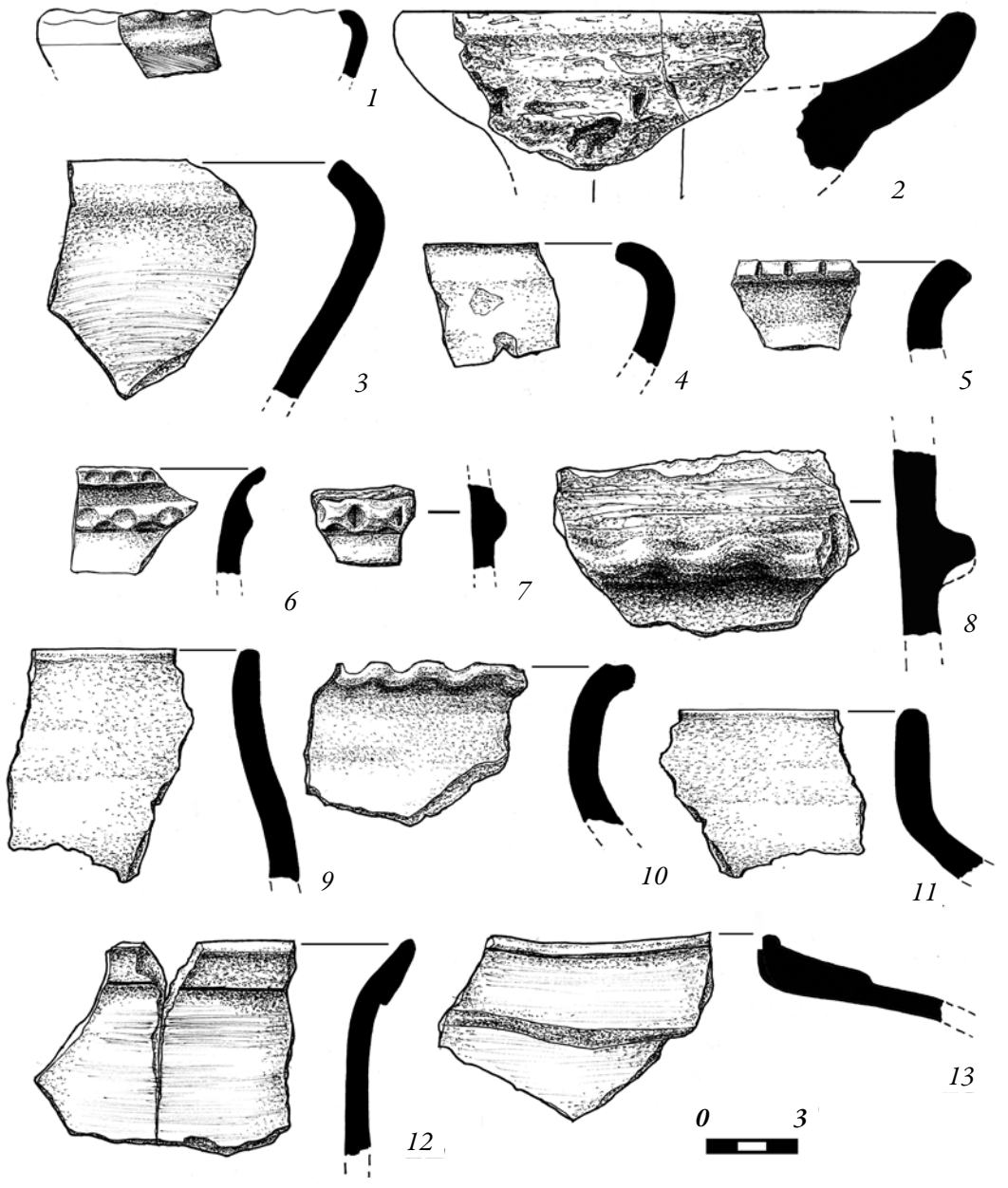
Неглубокие толстостенные ***мискообразные сосуды*** из грубого плохо промешанного теста с большим количеством дресвы и незаглаженной поверхностью, по структуре близкие глиняной обмазке (ил. 5: *2*), вероятно, должны быть отнесены к сосудам производственного назначения и могут быть предположительно определены как тигли (Кушнарева 1977. С. 82, Мартиросян 1964. Табл. XIX).

Горшки с вертикальным или слегка отогнутым венчиком, плавно переходящим в округлое тулово, – одна из наиболее распространенных категорий посуды (ил. 5: *5–12*). Тонкостенные сосуды с вертикальным венчиком (диаметр 16,0–18,0 см), лощеные внутри и снаружи, относятся к столовой посуде (ил. 5: *6*), а крупные толстостенные сосуды с диаметром свыше 29,0 см – к кухонной (ил. 5: *5, 7–12*). Тонкостенные горшки имеют аналогии в погребениях № 5, 8, 18, 27, 30 Келермесского грунтового могильника (Государственный Эрмитаж, инв. № 2736/16, 20, 37, 98, 119) (Галанина 1989. Рис. 10: *2*), в материалах поселений Гуамский грот, Курджипское (Эрлих 2007б. Рис. 122: *5, 8, 9*; 123), Красногвардейское-II (Шарафутдинова 1989. Рис. 9: *18*).

Находки толстостенных широкогорлых сосудов с прямым венчиком в слоях поселений Красногвардейское-II (Шарафутдинова 1989. Рис. 3: *6, 11*; 7: *8*), Кобяково (Шарафутдинова 1980. Табл. I: *2, 4*; V: *6*) и в материалах Костромского (1-го Разменного) кургана (Рябкова, Логинова 2013. Рис. 6) свидетельствуют, что эта форма получила распространение на Кубани и Нижнем Дону еще в эпоху финальной бронзы и существовала до рубежа VII–VI вв. до н. э.

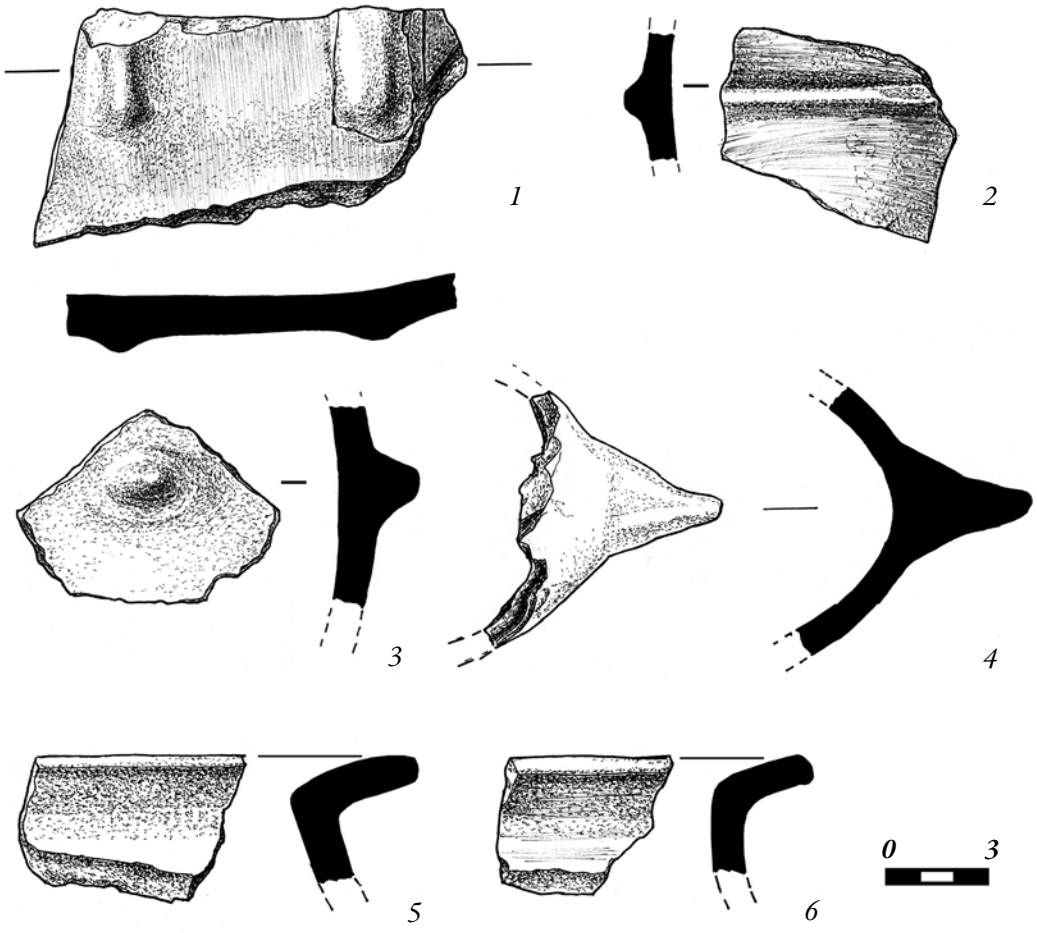
Весьма архаичным признаком является оформление края венчика некоторых горшков прямыми и наклонными насечками (ил. 5: *5*). Такой прием использовался на сосудах кобяковской культуры (Шарафутдинова 1980. Табл. I: *3*; II: *10*; IX: *3*; XIII: *1*), культуры Бассарабь-Шолдэнэшть городища Глинжень-II (Гольцева, Кашуба 1995. С. 34. Табл. LXVII: *3, 6*), поселения на Моздокском карьере (Пиотровский, Иессен 1940. С. 18; Государственный Эрмитаж, инв. № 1465/185). В ряде случаев насечки выполнялись орудием, ширина рабочего края которого составляла 0,3–0,5 см – край венчика выглядит «волнистым» (ил. 5: *10*). Этот прием широко применялся при оформлении края сосудов из поселения на Моздокском карьере (Государственный Эрмитаж, инв. № 1465/11, 1465/12, 1465/182).

В ряде случаев горшки с черной лощеной поверхностью орнаментировались гладким подтреугольным в сечении валиком (ил. 6: *2*). Гладкий налепной валик, опоясывающий в один ряд плечики сосуда, – характерный прием орнаментации горшков кобяковской культуры (Шарафутдинова 1980. С. 8. Табл. II: *4–7, 10*; VII: *3, 6*; VIII: *4, 7, 11* и др.). Сосуды с аналогичной орнаментацией происходят из протомеотского слоя поселения Красногвардейское-II (Шарафутдинова 1989. Рис. 7: *7*, *10, 12*; 8: *12*). Изучение фрагментов сосудов из поселения на Моздокском карьере (Государственный Эрмитаж, инв. № 1465/2, 1465/21, 1465/29, 1465/83, 1465/119) показало их тождественность сосудам из Тарасовой Балки. Обоснованно считается, что наличие гладкого валика на сосудах позволяет выявить наиболее архаическую предскифскую керамику эпохи раннего железа, восходящую к традиции периода поздней бронзы (Шарафутдинова 1989. С. 52).



Ил. 5. Столовая и кухонная посуда. Тарасова Балка, раскоп 1.
Рисунки Т. В. Рябковой

Кроме этого, для орнаментации использовался налепной валик с вдавлениями, выполненными инструментом с плоским рабочим краем (ил. 5: *7*) или пальцами (ил. 5: *8*). Фрагмент тонкостенного сосуда украшен орнаментом в виде ямок по краю венчика и валика с вдавлениями под венчиком (ил. 5: *6*). Этот способ орнаментации, изредка встречающийся в материалах поселения Красногвардейское-II (Шарафутдинова 1989. С. 52. Рис. 8: *2, 3, 6*) и поселения на Моздокском карьере (Государственный Эрмитаж, инв. № 1465/1, 1465/84, 1466/10), был широко распространен в раннескифских лесо-



Ил. 6. Кухонная и тарная посуда. Тарасова Балка, раскоп 1.
Рисунки Т. В. Рябковой

степных памятниках (см., напр., Бессонова, Скорый 2001. С. 60). Это обстоятельство позволило считать его показателем внедрения степного этнического элемента в среду автохтонного населения Кавказа (Козенкова 2013. С. 29). Возможно, аналогичные процессы протекали и на Северо-Западном Кавказе.

Для оформления стенок крупных толстостенных сосудов использовались такие виды пластической орнаментации, как вертикальные (ил. 6: *1*) и сосцевидные налепы (ил. 6: *3*). Вертикальные налепы встречаются на сосудах из Кобяково (Шарафутдинова 1980. Табл. XIX: *2*) и поселения Жаботин (Дараган 2011. Табл. 22: *1*). Орнаментация сосцевидными налепами широко распространена в культурах позднебронзовой эпохи и раннего железного века в различных регионах Северного Причерноморья, Кавказа и Закавказья. Эта традиция, распространенная уже в кобяковских памятниках (Шарафутдинова 1980. С. 48. Табл. IV: *7*; XI: *4, 16, 19–21*; XXV: *2*; XXX: *3*), отмечена также в прото- и раннемеотских памятниках Северо-Западного Кавказа (Эрлих 2007б. С. 73, 74; Лимберис, Марченко 2012. С. 29).

Определение типа сосуда с оранжевой внутренней и внешней поверхностью, от которого сохранился фрагмент стенки(?) с длинным оттянутым выступом (ил. 6: *4*), вызывает определенные сложности, так как аналогии ему мне неизвестны.

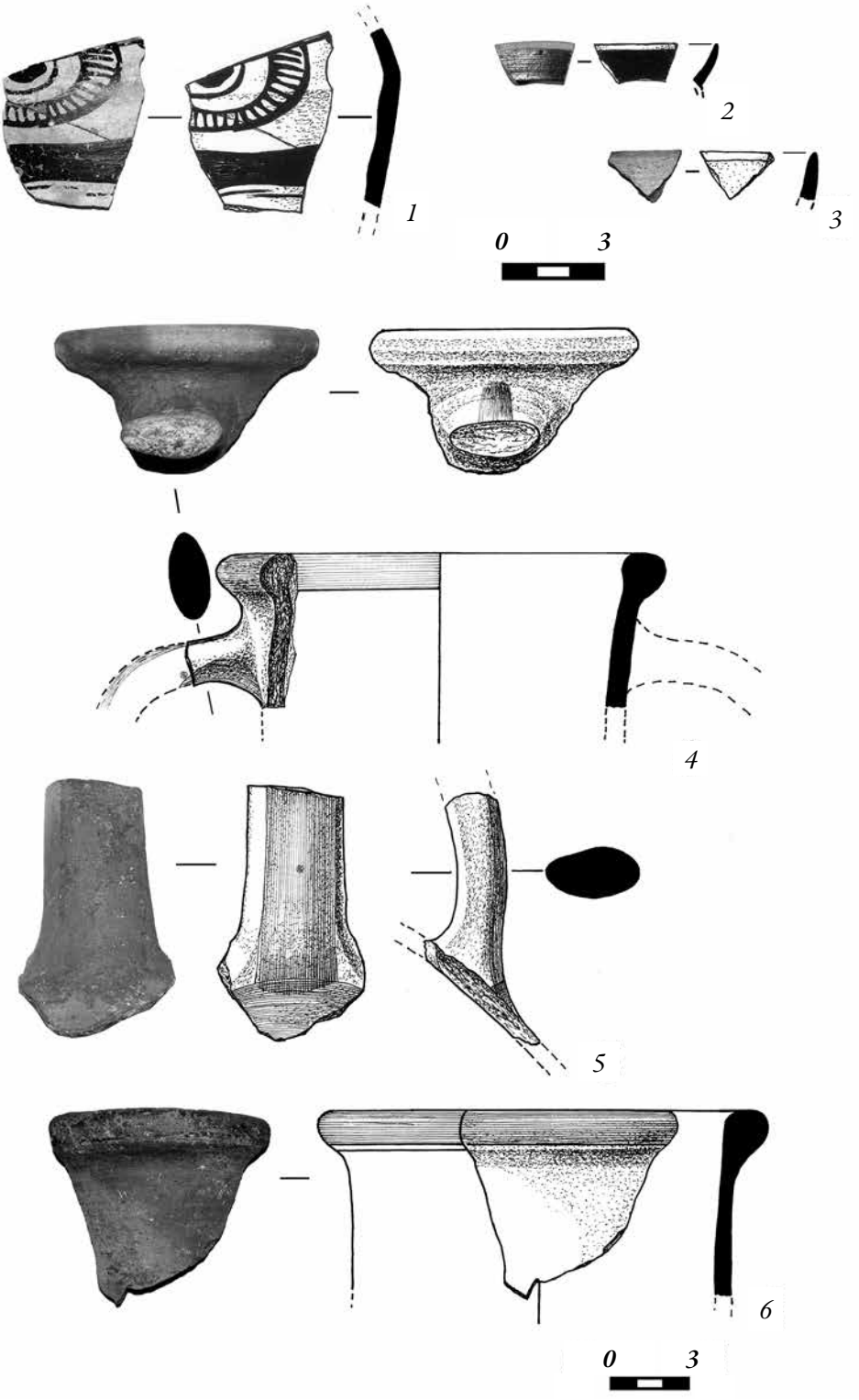
Прием оформления края сосуда характерным широким плоским утолщением-«воротничком» (ил. 5: *12*) характерен для протомеотской гончарной традиции (Шарафутдинова 1989. С. 50) и отмечен в материалах территориально близких Тарасовой Балке памятников: Псекупского могильника, святилища Ленинохабль (Эрлих 2007б. Рис. 42: *8*; 49: *31, 32*), поселения Красногвардейское-II (Шарафутдинова 1989. Рис. 7: *1, 2, 4*). Интересно, что таким же «воротничком» оформлен край сосуда с раздутым туловом (диаметр венчика 30,0 см) (ил. 5: *13*). Сосуды подобной профилировки, часто без какого-либо оформления венчика, являются уникальной особенностью керамического комплекса Тарасовой Балки, так как аналогий им в материалах памятников Северо-Западного Кавказа неизвестно. Важно отметить, что сходные по профилировке сосуды известны в материалах памятников Закавказья: Кедабекском могильнике (Ивановский 1911. Табл. X: *1*; XI: *11*; XII: *13*), Двине (Кушнарева 1977. Рис. 34, 35).

В материалах Тарасовой Балки часто встречаются фрагменты толстостенных лощеных ***корчаг*** черного и серого цвета с резко отогнутым венчиком (ил. 6: *5, 6*). Сосуды подобной формы обнаружены в погребении № 5 кургана 19 Келермеса (Галанина 1997. Рис. 30), погребении № 26 могильника у х. Ленина (тип III А) (Лимберис, Марченко 2012. Рис. 12: *9*), 1-м Разменном (Костромском) кургане (Рябкова, Логинова 2013. Рис. 4: *а*), погребении № 1, курганов 1 и 2 Моздокского могильника (Пиотровский, Иессен 1940. Табл. III, VII), кургане 2 могильника Хаджох (Эрлих 2007. Рис. 119: *1, 2*) комплексе 1 кургана 2 могильника Холмский-I (Василиненко и др. 1993. Рис. XVI: *1, 2*) и др. Распространенность корчаг от Альп до Кавказа в рамках значительного хронологического периода не позволяет однозначно определить время и место возникновения типа (Эрлих 2007б. С. 74). В памятниках Северо-Западного Кавказа они продолжают бытовать вплоть до V в до н. э. (Лимберис, Марченко 2012. С. 26). Однако необходимо отметить, что корчаги из Тарасовой Балки имеют признаки, характерные для сосудов из протомеотских комплексов: сильно отогнутый широкий (до 5,0 см) венчик, лощение изнутри и снаружи.

Античная керамика представлена несколькими фрагментами столовых и большим количеством обломков тарных сосудов (ил. 7). Значительное число фрагментов (более 300 шт.) свидетельствует об активном взаимодействии местного населения с каким-то античным полисом, назвать который пока сложно.

Фрагмент стенки ойнохои (амфоры) (реконструируемый диаметр тулова 24,0 см) выполнен из глины с большим количеством мелких золотистых включений, известковой крошки, поверхность покрыта светлым желтоватым ангобом, роспись выполнена черным лаком в технике «пропущенных линий». На фрагменте – часть орнаментального фриза, ограниченного сверху полосой, с изображением пасущегося животного (средняя часть туловища), крупной розеткой над ним (ил. 7: *1*). Вероятно, сосуд относится к стилю Middle Wild Goat II (Cook, Dupont 1998. P. 39–42. Fig. 8: *8*) или SiA Id (Kerschner, Schlotzhauer 2005. P. 33, 44, 45. Fig. 34), существовавшему на протяжении 615–600 гг. до н. э. (Cook, Dupont 1998. P. 40) или 610–570 гг. до н. э (Kerschner, Schlotzhauer 2005. P. 8).

Фрагмент венчика тонкостенного килика (реконструируемый диаметр 16,0 см) выполнен из глины с мелкими золотистыми и редкими темными включениями, венчик



Ил. 7. Античные сосуды. Тарасова Балка, раскоп 1. Рисунки Т. В. Рябковой

отогнут, резко переходит в округлые плечи, внутренняя стенка за исключением резервной зоны под краем покрыта лаком черного цвета (ил. 7: *2*). Вероятно, сосуд относится к типу ионийских киликов (Борисфен-Березань 2005. Кат. 22, 24; Буйских 2013. Кат. 5.1), даты которых определяются в границах рубежа VII–VI вв. – начала VI в. до н. э. (Буйских 2013. С. 97).

Фрагмент венчика полусферической чаши (реконструируемый диаметр 13,0 см) выполнен из глины с мелкими темными включениями. На нем сохранилась роспись: полоса лака по краю на внешней поверхности, внутренняя покрыта слоем оранжевого лака (ил. 7: *3*). Подобное оформление края сосуда характерно для чаш с точечными розеттами северо-ионийского происхождения (Борисфен-Березань 2005. Кат. 46; Буйских 2013. Кат. 8.22; 8.26; 8.27), даты которых определяются в рамках последней четверти VII – конца VI в. до н. э. (Cook, Dupont 1998. P. 26).

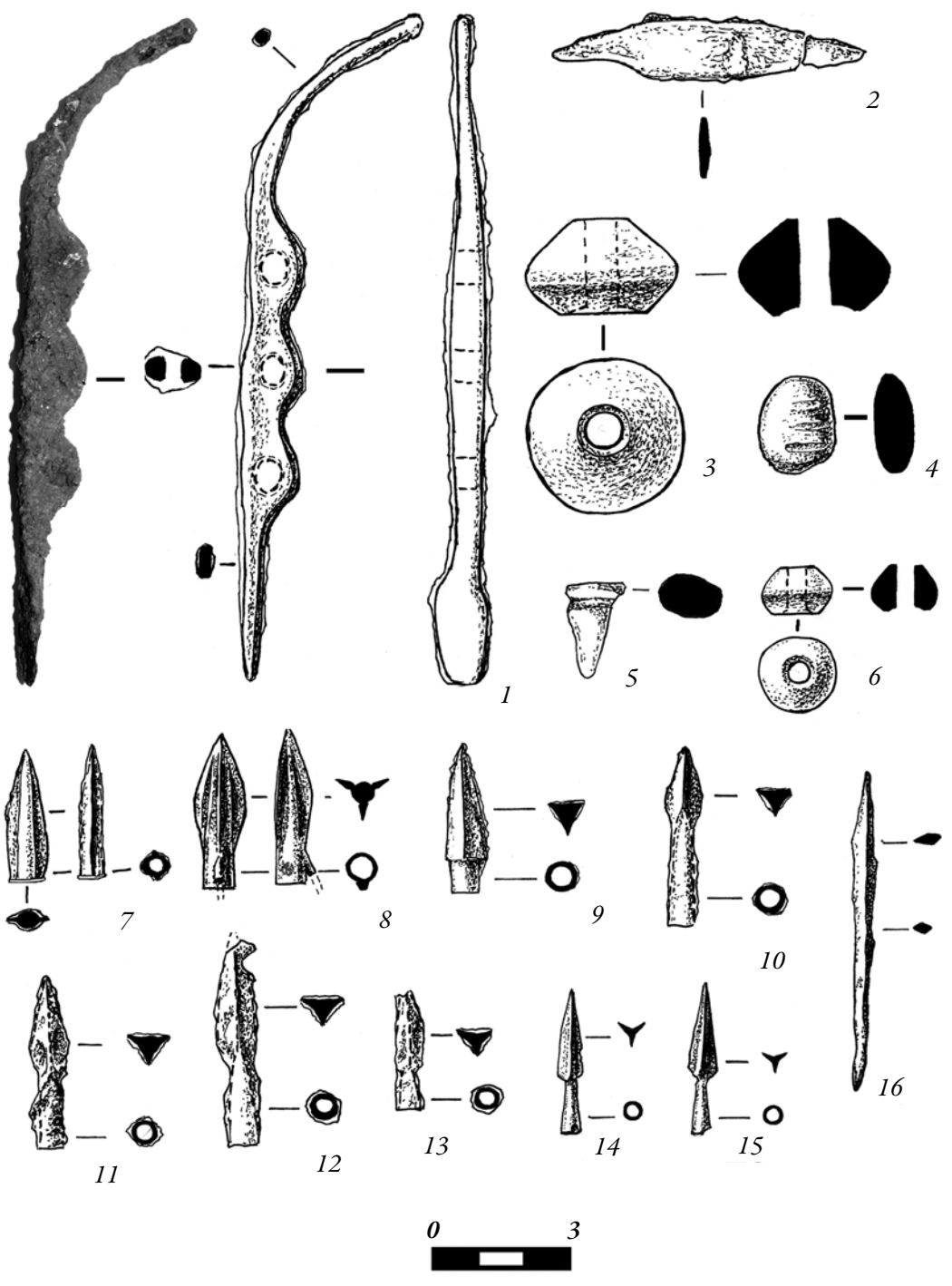
Тарная керамика представлена фрагментами венчиков, стенок, ручками амфор лесбосского и клазоменского производства (ил. 7: *4–6*). К продукции Лесбоса относятся фрагменты стенок сероглиняных и красноглиняных амфор. Продукция Клазомен представлена фрагментами стенок, венчиков, ручек, украшенных полосами красного и красно-коричневого лака. Глина образцов красно-коричневого цвета с мелкими включениями слюды и меловой крошки, в изломе черепков – серый закал. Один из фрагментов с частью ручки (ил. 7: *4*) имеет низкое горло воронковидной формы с окрашенным венчиком в форме утолщенного валика, уплощенная ручка поставлена вертикально. Аналогия этой амфоре происходит из погребения № 8 кургана 11 могильника Лебеди-V в Прикубанье, датируемой концом VII – началом VI в. до н. э. (Монахов 2003. С. 51, 52. Табл. 32: *1*). Фрагмент окрашенного венчика в форме утолщенного валика (ил. 7: *6*) принадлежит экземпляру с более высоким горлом воронковидной формы, аналогии которому известны в материалах Березани, где они датируются третьей четвертью VI в. до н. э. (Чистов 2006. С. 61. Рис. 9: *2, 5*).

Наряду с фрагментами сосудов в материалах поселения представлены керамическая ***бусина*** (ил. 8: *6*) и ***пряслица*** (ил. 8: *3*). Аналогии пряслицам известны в материалах поселений Кобяково (Шарафутдинова 1980. Табл. XXXII: *5*), Красногвардейское-II (Шарафутдинова 1989. Рис. 5: *10, 11, 13, 14*), комплексе 1 кургана 2 могильника Холмский-I (Василиненко и др. 1993. Рис. XV: *4, 5*) и др.

Металлические изделия представлены обломками ножей, петель удил, псалием, пластинами, шильями, наконечниками стрел.

Псалий (ил. 8: *1*) железный, трехпетельчатый, верхний конец изогнут, завершается небольшой шишечкой, нижний расклепан в виде лопасти (копыта?). Аналогичность этого экземпляра псалиям из кургана 20 могильника Нартан (Батчаев 1985. Табл. 48: *5–12*, *15, 17*), кургана 2 могильника Келермес (Галанина 1997. Табл. 23. Кат. 284), кургана 15 у с. Стеблева (Клочко, Скорий 1993. Рис. 3: *7*, *8*), погребения № 28 Владимировского могильника (Шишлов и др. 2007. Рис. 4: *9*) позволяют соотнести его с кругом древнейших скифских памятников Северного Причерноморья.

Нож с горбатой спинкой и плоским черешком, выделенным со стороны прямого лезвия (ил. 8: *2*), относится к широко распространенному на Кавказе и в Предкавказье типу ножей, выделенных В. И. Козенковой во II тип по ее классификации (Козенкова 1998. С. 7, 8). В памятниках Северо-Западного Кавказа железные ножи уже в классическое новочеркасское время вытесняют бронзовые (Эрлих 2007б. С. 153). По морфологическим



Ил. 8. Металлические и глиняные изделия. Тарасова Балка, раскоп 1

1 – псалий (железо), *2* – нож (железо), *3, 6* – пряслица (глина), *4* – слиток (бронза), *5* – застежка (бронза), *7–9* – наконечники стрел (бронза), *10–15* – наконечники стрел (железо), *16* – проколка (железо). Рисунки Т. В. Рябковой

и размерным характеристикам ножу из Тарасовой Балки наиболее близки экземпляры из погребения № 4 Султангорского 1-го могильника, погребения № 27 могильника Мебельная Фабрика (Козенкова 1998. Табл. I: *3, 11*) и поселения Красногвардейское II (Шарафутдинова 1989. Рис. 5: *15*).

Бронзовый предмет, один конец которого имеет форму уплощенного и заостренного стержня (клинышка), а верхний оформлен в виде шляпки с выраженным перехватом под ней (ил. 8: *5*), конструктивно сходен с грибовидными застежками (так называемыми столбиками), являющимися одним из индикаторов древнейших скифских погребений (Алексеев 2003. С. 55). Обращает на себя внимание тот факт, что все застежки подобного рода из скифских памятников Северного Причерноморья выполнены из рога и кости, и единственная находка близких по форме бронзовых предметов известна в кургане 20 могильника Сакар-Чага 6 (Яблонский 1996. Рис. 16: *3*).

Наконечники стрел представлены экземплярами из бронзы (ил. 8: *7–9*) и железа (ил. 8: *10–15*). Большая их часть составляет компактную группу, относящуюся к периоду скифской архаики. Массивные трехлопастные бронзовый и железные наконечники (ил. 8: *8, 10–12*) с втулками разной длины относятся к типу, хорошо известному по материалам архаических скифских памятников, и ближайшие аналогии им происходят из 1-го Разменного (Костромского) кургана. Аналогии бронзовому трехгранному наконечнику (ил. 8: *9*) происходят из архаических скифских памятников Нижнего Подонья: из погребения № 2 кургана 8 могильника Высочино-VII, из погребения № 5 кургана 24 могильника Новоалександровка I (Беспалый, Парусимов 1991. Рис. 3: *3; 4, 11*) и др.

Бронзовый двухлопастный наконечник с узкими лопастями, доходящими до скрытой втулки с валиком в основании и нервюрой, доходящей до острия (ил. 8: *1*), вероятно, относится к более раннему периоду. Сходные по форме и размерам наконечники происходят из поселения Кент (Варфоломеев 2003. Рис. 3: *8–10*). Стрелы с валиком в основании происходят из погребения № 1 кургана у с. Ольшана (Ковпаненко, Скорый 2003–2004. Рис. 12: *2*) и поселения Нонаме-Гора (Furtwängler et al. 1999. Abb. 27: *11*).

Трехлопастные железные наконечники стрел с треугольными и остролистными очертаниями бойка и удлиненной втулкой (ил. 8: *13–15*) относятся к типу, широко распространенному в меотских памятниках VI–V вв. до н. э. (тип 1 и 2 отдела III по классификации В. Р. Эрлиха) (Эрлих 2007а. С. 348, 349).

Довольно многочисленную группу находок (семь экземпляров) составляют ***шилья*** в виде длинных кованых стержней, квадратных или прямоугольных в сечении, с одним или обоими заостренными концами (ил. 8: *16*). Они относятся к предметам широкого территориального и хронологического распространения. Считается, что их находки свидетельствуют об обработке шкур на поселениях (Бессонова, Скорый 2001. С. 98).

Находки шлаков, выплесков бронзы и бронзовых слитков (ил. 8: *4*), равно как и находки «тиглей», свидетельствуют о существовании местной металлообработки.

Таким образом, многочисленные и выразительные материалы, полученные на начальном этапе исследования поселения Тарасова Балка, позволяют предполагать, что оно было ремесленным центром. Время активного функционирования поселения определяется в первую очередь датировкой сосудов античного производства и приходится на вторую половину VII – VI в. до н. э. Кроме того, наличие значительного количества фрагментов античной керамики может указывать на большой объем торговли, в результате которой тарные сосуды поступали на поселение. О функционировании поселения

в более ранний период свидетельствуют находки наконечника стрелы позднебронзового времени и трехпетельчатого псалия. Дополнительным подтверждением раннего, «доантичного» периода существования поселения является значительное количество архаичных признаков в формах и приемах орнаментации керамики, восходящих к кобяковской культуре финальной бронзы на Кубани.

Важно отметить, что в керамический комплекс поселения, наряду с сосудами, формы и приемы орнаментации которых типичны для прото- и раннемеотской гончарных традиций Северо-Западного Кавказа, входит и керамика, имеющая аналогии в памятниках западно-кобанской культуры, тесное взаимодействие с которой прослеживается уже на протяжении протомеотского периода (Эрлих 2007б. С. 188). Наличие сосудов, аналогии которым известны в памятниках Предкавказья, Закавказья, Приднепровья и Побужья, демонстрирует наличие связей с населением и этих весьма удаленных территорий.

Алексеев 2003
Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.

Батчаев 1985
Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. / ред. М. П. Абрамова, В. И. Козенкова. Нальчик, 1985. Т. 2 : Батчаев В. М., Барцева Т. Б., Кеферов Б. М. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н. э. – II в. н. э.). С. 7–116.

Беспалый, Парусимов 1991
Беспалый Е. П., Парусимов П. Н. Комплексы переходного и раннескифского времени на Нижнем Дону // СА. 1991. № 3. С. 179–195.

Бессонова, Скорый 2001
Бессонова С. С., Скорый С. А. Мотронинское городище скифской эпохи. Киев ; Краков, 2001.

Борисфен-Березань 2005
Борисфен-Березань: начало античной эпохи в северном Причерноморье : каталог выставки. СПб., 2005.

Буйских 2013
Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Ольвии. Киев, 2013.

Варфоломеев 2003
Варфоломеев В. В. Кент и его округа // Степная цивилизация Восточной Евразии. Астана, 2003. Т. 1 : Древние эпохи. С. 88–99.

Василиненко и др. 1993
Василиненко Д. Э., Кондрашев А. В., Пьянков А. В. Археологические материалы предскифского времени из Западного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993. С. 21–38. Вып. 1.

Галанина 1985
Галанина Л. К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами : по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника // СА. 1985. № 3. С. 156–164.

Галанина 1989
Галанина Л. К. Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 74–102.

Галанина 1997
Галанина Л. К. Келермесские курганы : «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997. (Степные народы Евразии ; т. 1).

Гольцева, Кашуба 1995
Гольцева Н. В., Кашуба М. Т. Глинжень-II : многослойный памятник Среднего Поднестровья. Тирасполь, 1995.

Дараган 2011
Дараган М. Н. Начало раннего железного века в Днепровской правобережной Лесостепи. Киев, 2011.

ИАК 1897
Отчет Императорской археологической комиссии за 1897 г. СПб., 1900.

Ивановский 1911
Ивановский А. А. По Закавказью : археологические наблюдения и исследования 1893, 1894 и 1896 гг. М., 1911. (МАК ; вып. 6).

Каменецкий 2011
Каменецкий И. С. История изучения меотов. М., 2011.

Ковпаненко, Скорый 2003–2004
Ковпаненко Г. Т., Скорый С. С. Ольшана : погребение предскифского времени в днепровской правобережной лесостепи // Stratum Plus. 2003–2004. № 3. С. 265–288.

Козенкова 1998
Козенкова В. И. Материальная основа быта кобанских племен : западный вариант // САИ. Вып. 2–5. М., 1998.

Козенкова 2013
Козенкова В. И. Кобанская культура и окружающий мир. М., 2013.

Кушнарева 1977
Кушнарева К. Х. Древнейшие памятники Двина. Ереван, 1977.

Лимберис, Марченко 2012
Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Меотские древности VI–V вв. до н. э. Краснодар, 2012.

Лимберис, Марченко 2014
Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Новые протомеотские комплексы из Закубанья (могильник Железнодорожный-2) // Археологические вести. СПб., 2014. Вып. 20. С. 165–182.

Мартиросян 1964
Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.

Монахов 2003
Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье : типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре : каталог-определитель. М. ; Саратов, 2003.

Пиотровский, Иессен 1940
Пиотровский Б. Б., Иессен А. А. Моздокский могильник // Археологические экспедиции Эрмитажа. Ленинград, 1940. Вып. 1.

Рябкова, Логинова 2013
Рябкова Т. В., Логинова Е. Ю. Керамический комплекс Костромского кургана : предварительная публикация // Шестая Междунар. Кубанская археологическая конф. : мат-лы конф. Краснодар, 2013. С. 370–374.

Смирнова 1998
Смирнова Г. И. Скифское поселение на Немировском городище : общие данные о памятнике // Материалы по археологии, истории и этнографии Таври. Симферополь, 1998. Вып. 6. С. 77–121.

Чистов 2006
Чистов Д. Е. Работы на острове Березань археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. СПб., 2006. Т. 1. С. 55–112.

Шарафутдинова 1980
Шарафутдинова Э. С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону. (Кобяковская культура) // САИ. Вып. 1–11. Л., 1980.

Шарафутдинова 1989
Шарафутдинова Э. С. Двухслойное поселение Красногвардейское II – памятник эпохи поздней бронзы – начала раннего железного века на Кубани // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 46–73.

Шишлов и др. 2007
Шишлов А. В., Федоренко Н. В., Колпакова А. В., Кононенко А. П. Материальная культура Владимировского могильника // Исторические записки : исследования и материалы. Новороссийск, 2007. С. 63–73.

Эрлих 2007а
Эрлих В. Р. Железные наконечники стрел из Прикубанья: проблемы типологии и технологии // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007. С. 344–356.

Эрлих 2007б
Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М., 2007.

Яблонский 1996
Яблонский Л. Т. Саки Южного Приаралья. М., 1996.

Клочко, Скорий 1993
Клочко В. І., Скорий С. А. Курган 15 біля Стеблева у Пороссі // Археологія. 1993. № 2. С. 71–84.

Cook, Dupont 1998
Cook R. M., Dupont P. East Greek Pottery. London ; New York, 1998.

Furtwängler et al. 1999
Furtwängler A., Knauβ F., Motzenbäcker I. Archäologische Expedition in Kachetien 1998 // Eurasia Antiqua. 1999. Bd. 5. P. 233–270.

Kerschner, Schlotzhauer 2005
Kerschner M., Schlotzhauer U. A New Classification System for East Greek Pottery // Ancient West & East. 2005. Vol. 4. N 1. P. 1–56.

Т. Б. Сениченкова

ПОЛУЗАБЫТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ИЗ РАСКОПОК Н. Е. БРАНДЕНБУРГА

Имя Николая Ефимовича Бранденбурга – генерал-лейтенанта, крупного военного историка, долгие годы заведовавшего Артиллерийским музеем в Санкт-Петербурге и, фактически, положившего начало научному подходу к изучению военного дела в России, – навсегда вошло и в историю отечественной археологии.

Круг интересов Н. Е. Бранденбурга как археолога был обширен: он исследовал памятники эпохи бронзы, скифские, раннесредневековые, позднекочевнические, изучал места древних сражений, занимался, выражаясь современным языком, и архитектурной археологией. Изданные в виде монографий материалы его раскопок в Южном Приладожье и в Старой Ладоге (Бранденбург 1895; Бранденбург 1896) до сих пор не потеряли своей научной значимости. Н. Е. Бранденбургу часто удавалось найти эталонные комплексы для разных культур, благодаря чему коллекции из его раскопок не только пополняли источниковую базу российской археологии, но и до настоящего времени сохранили большое музейно-экспозиционное значение (Галанина, Качалова 2000. С. 19).

В 1932 г. из Артиллерийского музея в Государственный Эрмитаж была передана большая коллекция вещей из раскопок Н. Е. Бранденбурга, которая в настоящее время хранится в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири. Описанию полученных древностей посвящена обзорная статья Л. К. Галаниной и Н. К. Качаловой (Галанина, Качалова 2000). Авторы совершенно справедливо отметили, что при широте решаемых Н. Е. Бранденбургом проблем и, соответственно, территориальному разбросу мест раскопок, не все из них могут считаться равноценными (Там же. С. 18). Видимо, по этой причине в их подробной статье не упомянута коллекция из раскопок 1897 г. Виндавского могильника в Курляндской губернии (имеющего также название Пасильс, Пассельн, Пасильсциемс) – единственного памятника из «Прибалтийской окраины» (Личный фонд Н. Е. Бранденбурга. Ед. хр. 88) в обширной раскопочной географии Н. Е. Бранденбурга[1].

Могильник Пасильс был открыт В. И. Сизовым в 1895 г. во время разведок археологических памятников на территории Прибалтики, проводимых по поручению Императорского Московского археологического общества в преддверии проведения в г. Риге X Археологического съезда. Составленная В. И. Сизовым программа предполагала исследование территорий по р. Виндаве (Венте) и по берегу моря от Палангена (Паланги) до Виндавы (Вентспилс). Со временем намечалось провести также исследования по берегу Рижского залива и по р. Абаве. Исследователь исходил из того, что приморские районы в то время были почти неизученными в археологическом отношении (Сизов 1896а. С. 6).

[1] Стоит отметить, что в обзорных публикациях о деятельности Н. Е. Бранденбурга-археолога, его прибалтийские раскопки не упоминают и другие авторы (см., напр.: Кирпичников 2000; Маковская 2001; Кирпичников 2003; Кузнецова 2003).

Около имения Шлек на берегу Виндавы В. И. Сизов узнал, что двумя приезжими туристами из Риги у дер. Пасильс были сделаны какие-то находки древностей. Начав раскопки на указанном месте, он обнаружил грунтовый могильник, который исследовал в течение «более десяти дней» и где выявил «оригинальную, своеобразную культуру» (Сизов 1896а. С. 9). Площадь могильника представляла собой ровную площадку, слегка возвышавшуюся над берегом Виндавы (во время разлива вода доходила до могильника) и примыкавшую к современному сельскому кладбищу. Работы велись траншеями глубиной до двух метров. Стратиграфия в разрезе траншей представлялась следующим образом. Под дерном располагался песчаный слой, смешанный с мелкими углями и золой. Ниже шел мощный слой, состоявший из сплошного угля, смешанного с золой. В нем встречались различные предметы, побывавшие в огне. Еще ниже шел слой желтого песка, видимо, представлявший собой материк («грунт»). На этом грунте встречались груды предметов, «заботливо сложенных и состоящих преимущественно из оружия, земледельческих орудий и конской сбруи» (Сизов 1896б. С. 36, 37). Рядом с ними находилось небольшое количество жженых костей и украшения, большей частью поломанные и испорченные огнем. Скопления предметов выделялись понижением черного слоя, образующим в разрезе подобие ямы. Таких скоплений было найдено «до 12», расстояние между ними было «до 2 аршин» (то есть примерно 142,0 см – *Т. С.*) (Сизов 1896а. С. 11, 12). В. И. Сизов отметил, что некоторые предметы (чаще всего – рога для питья) не имели следов пребывания в огне, и предположил, что во время погребального ритуала присутствовавшие бросали их к останкам покойника (Сизов 1896б. С. 42).

Похожие материалы были найдены В. И. Сизовым в ходе проведенных раскопок и в других пунктах. Опираясь на эти факты, исследователь описал предполагаемую территорию, которую занимает «культура Пассельна»: «…Приблизительно от г. Виндавы, так как расстояние между городом и могильником в Варвене-Пассекстене всего 7 верст, далее вверх по р. Виндаве на 35 верст, т. е. до Пассельна, и отсюда линия культуры… идет до истоков р. Хазавы (Ужавы) у местечка Альтшвангена и, наконец, по р. Хазаве вниз почти до самого устья в двух верстах от моря. Если предположить родственную связь с могильником в Капсетене, то линия эта по берегу моря на юг может дойти почти до Либавы, или точнее, до Гробиня, вблизи которого находится Капсетен» (Сизов 1896а. С. 16).

В верхнем слое могильника В. И. Сизовым были обнаружены впускные погребения в ямах по обряду трупоположения. Покойники были ориентированы головой на запад. Характер захоронений, погребальный инвентарь, монеты как наиболее надежный датирующий материал – все это дало основания автору раскопок отнести эти погребения к более позднему времени, чем могильник с трупосожжениями. Он считал их «находящимися в живой непосредственной связи с современным кладбищем латышей» и предположил, что «культура Пассельна» (могильников с сожжениями) предшествовала в этой местности более поздней латышской культуре (Там же. С. 16, 17).

В предварительном отчете В. И. Сизов писал, что преждевременно говорить об этнической принадлежности населения, оставившего эти могильники, но в то же время попытался определить черты сходства и различия с древностями соседних территорий (Там же. С. 17). Так, например, отметив сходство со скандинавской культурой исключительно по предметам вооружения, он совершенно справедливо подчеркнул, что придавать ему большое значение не следует, так как оружие подобного типа было широко распространено по всему побережью Балтийского моря. Как характерную особенность могильника Сизов отметил большое количество деталей конской сбруи, богато

украшенных накладным серебром и чернью. Параллели этому элементу культуры он нашел на славянских памятниках о. Рюген и побережья Балтики в районе Штетина (Щецине). Наибольшее сходство материалы могильника Пасильс имеют, по его мнению, с памятниками Восточной Пруссии, Бранденбурга и Померании (Сизов 1896а. С. 17).

В своем докладе на X Археологическом съезде 14 августа 1896 г. В. И. Сизов, указывая на своеобразие могильника и отличие его от памятников латышей, ливов и эстов, предложил отнести его к курам (куршам) или, скорее всего, к вендам (под этим этнонимом подразумевались славяне). При обсуждении доклада развернулась бурная дискуссия, в которой приняли участие А. И. Черепнин, Д. Н. Анучин, И. П. Филевич, Д. И. Иловайский, Ф. И. Покровский. И. П. Филевич поддержал мнение о возможности найти славянские поселения в Курляндии. Д. И. Иловайский говорил, что следов пребывания вендов в крае очень мало (всего несколько топонимов) и, скорее, этот могильник надо относить к литве. Ф. И. Покровский, наоборот, считал, что нет никаких оснований для аналогий с памятниками литвы. Д. Н. Анучин обратил внимание на полное отсутствие стрел и наличие дротиков, что, по его мнению, является особенностью литвы и латышей и свидетельствует об особых способах ведения войны (Труды X Археологического съезда 1900. С. 123, 124).

Хронология могильника тоже была определена приблизительно. Аналогии вещевому материалу датировались в интервале от XI–XII до XIV–XV вв. (Сизов 1896а. С. 33–47). Находки поступили в Государственный исторический музей в Москве.

Н. Е. Бранденбург, будучи депутатом от Главного Артиллерийского Управления (ГАУ), активно участвовал в заседаниях Предварительного комитета по организации X Археологического съезда в г. Риге (Труды Московского Предварительного комитета 1895. С. 1, 5, 9, 10), Совета (Труды X Археологического съезда 1900. С. 3) и в работе самого съезда в 1896 г. (Там же. С. 9). По итогам собственных раскопок под Киевом он сделал доклад «Какому племени могут быть приписаны те из языческих могил Киевской губернии, в которых вместе с покойниками погребены остовы убитых лошадей», который «оживленно и продолжительно обсуждался» (Там же. С. 67). Несомненно, он был знаком с предварительным отчетом В. И. Сизова о раскопках могильника Пасильс и слышал его выступление на съезде, сопровождавшееся демонстрацией не только рисунков и фотографий, но и самих вещей из могильника (Там же. С. 123).

Видимо, яркая и своеобразная «культура Пассельна», имеющая четко выраженный воинский характер, подтолкнула Н. Е. Бранденбурга к решению провести там самостоятельные раскопки и пополнить коллекции Артиллерийского музея новыми образцами вооружения. Он обращается в Главное Артиллерийское Управление с просьбой об оплате командировочных расходов на поездки летом 1897 г., и 28 марта 1897 г. получает на бланке ГАУ разрешение на выдачу прогонов для проезда от Петербурга до Нижне-Эмбенского укрепления: «Прогоны по настоящей Вашей командировке должны быть рассчитаны от С.-Петербурга до Виндавы, от Виндавы до Канева, от Канева через г. Уральск до Нижне-Эмбенского укрепления… Прогоны С.-Петербург–Виндава–Канев–Уральск и обратно рассчитаны в точных размерах и назначены в сумме 903 руб. 45 коп. Прогонные деньги Уральск–Нижне-Эмбенское укрепление рассчитаны авансом в примерной сумме 350 руб.» (Личный фонд Н. Е. Бранденбурга. Ед. хр. 101). Как видим, программа работ на 1897 г. была очень насыщенной. А ведь этот год был для Н. Е. Бранденбурга юбилейным: исполнилось 25 лет его службы в должности заведующего Артиллерийским музеем, и научная общественность широко отмечала эту дату

(Личный фонд Струкова Д. П. Ед. хр. 32; Маковская 2001. С. 14). Отмеченное обстоятельство, как кажется, еще раз подтверждает высокую оценку, данную современниками личности этого незаурядного во многих отношениях человека (Печенкин 1908. С. I–V; А. С. 1903. С. 309–313), для которого служение любимому делу и чувство долга были важнее карьеры и наград.

Судя по документам, которые сохранились за этот период жизни Н. Е. Бранденбурга, его путешествия летом 1897 г. не совпали с «предписанным» порядком. В мае и июне он активно копает курганы на юге России, продолжая работы предыдущих лет; в июле ведет раскопки в Курляндской губернии (21 июля приезжает оттуда на несколько дней на свою дачу под Нарвой); в начале августа возвращается в Петербург, а 14 августа уезжает в Севастополь (18 августа пишет оттуда письмо своему заместителю Д. П. Струкову). В сентябре Бранденбург уже на Урале (сохранилось предписание на бланке военного губернатора Уральской обл. от 3 сентября 1897 г. оказывать всяческое содействие генерал-лейтенанту Н. Е. Бранденбургу, прибывшему в Уральскую обл. по делам службы) (Личный фонд Н. Е. Бранденбурга. Ед. хр. 101).

О раскопках Н. Е. Бранденбургом могильника Пасильс можно судить по сохранившимся в архиве Артиллерийского музея черновику отчета о раскопках в 1897 г., датированному мартом 1898 г. (текст не закончен), и описи поступлений Артиллерийского музея (здесь перечислены все поступившие предметы из раскопок заведующего музеем и купленные у окрестных крестьян); имеется также письмо Д. П. Струкову от 22 июля 1897 г. из Нарвы, в котором автор делится со своим заместителем по музею впечатлениями от раскопок (Личный фонд Д. П. Струкова. Ед. хр. 26).

Описание типов погребений, характеристика погребального обряда и найденных предметов были опубликованы Н. Е. Бранденбургом в «Путеводителе по С.-Петербургскому артиллерийскому музею. Ч. I. Отдел доисторический» в разделе, озаглавленном «Древности неизвестной народности из могильников позднейшего времени» (Бранденбург 1902).

В рукописном отчете и в «Путеводителе» Н. Е. Бранденбург дал описание внешнего вида могильника («гладкое, несколько возвышенное плато, без всяких наружных признаков… погребений») и отметил как характерную черту «исключительное господство обряда трупосожжения», а наличие двух трупоположений объяснил более поздним их происхождением (Личный фонд Н. Е. Бранденбурга. Ед. хр. 88; Бранденбург 1902. С. 83). Предметы, найденные в могильнике, почти все побывали в пламени погребального костра и большей частью умышленно изломаны. «Размещение самих находок в грунте ясно указывает на их двоякое происхождение: одни из них обыкновенно встречаются в подошве могильника (на глубине около 2½ аршин), сложенными в порядке отдельными группами, т. е. группы эти каждая, видимо, представляет след отдельного самостоятельного погребения, причем преобладающими здесь являются предметы вооружения, конского снаряжения и некоторые орудия земледельческие (косы и серпы). Другие находки, напротив, рассеяны выше, в грунте могильника на разных уровнях до самой поверхности, причем разбросаны все порознь и в полном беспорядке; между последними господствуют преимущественно украшения, иногда также поломанные со следами огня, иногда же совершенно целые и ничем не поврежденные» (Бранденбург 1902. С. 83, 84). Такое размещение находок Н. Е. Бранденбург объяснил самим процессом совершения обряда – трупосожжением на стороне с последующим перенесением остатков в могильник и принесением жертвоприношений умершим (Личный

фонд Н. Е. Бранденбурга. Ед. хр. 88; Бранденбург 1902. С. 84). Как своеобразные черты культуры, автор выделил большое количество разнообразных украшений и остатков бронзовых оправ от рогов для питья, обилие холодного оружия (мечей и копий) при почти полном отсутствии стрел, земледельческих орудий (кос) и оригинальных предметов конского убора, дающих возможность «предполагать особое, почетное значение коня» (Бранденбург 1902. С. 84). Н. Е. Бранденбург датировал могильник XIV в., а вопрос о том, кому он принадлежал, оставил открытым (Личный фонд Н. Е. Бранденбурга. Ед. хр. 88; Бранденбург 1902. С. 83, 84).

Характеристика раскопанного памятника у Н. Е. Бранденбурга чрезвычайно лаконична. Значительное место занимает опись найденных предметов. Его наблюдения совпадают с теми, что сделал В. И. Сизов, у которого, в отличие от Н. Е. Бранденбурга, дано более подробное описание стратиграфии и очерчен ареал распространения сходных памятников. Раскопки Бранденбурга подтвердили вывод В. И. Сизова о длительном существовании могильника и как минимум двух его этапах. В письме Д. П. Струкову от 22 июля 1897 г. Бранденбург пишет: «Из Виндавы в Музей отправлены 3 ящика с добычей, из которых один весит пудов около четырех, а два другие – по пуду; поедут они, должно быть, пароходом и адресованы в Артиллерийский музей, а прибудут, вероятно дней через 7–10. Вероятно, в моё отсутствие получите письмо заказное <…> из Виндавы на Ваше имя (для передачи мне), в котором будет заключаться накладная на получение груза <…> Можете распечатать и распоряжаться доставкой ящиков в Музей. В письме будут пояснения, из которых Вы сможете увидеть, как направлены грузы <…>, а может быть ящики даже непосредственно доставятся в музей, так что всё обойдется без всяких хлопот. Сам я не знаю, потому что поручил отправку другому лицу <…> Раскопки были чрезвычайно удачны, так что вообще <…> добыча <…> хороша» (Личный фонд Струкова Д. П. Ед. хр. 26).

Н. Е. Бранденбург не скрывал, что раскопки могильника Пасильс предпринимались исключительно в целях пополнения коллекций Артиллерийского музея (Личный фонд Н. Е. Бранденбурга. Ед. хр. 88). Видимо, собственно научные задачи при этом не ставились. Николай Ефимович в эти годы активно исследовал курганы на юге России, «верный своему принципу доводить начатое дело до вполне ясного и определенного результата» (Печенкин 1908. С. 4). Здесь лежала область его научных интересов, что нашло выражение в целой серии публикаций[1]. В отчете о раскопках могильника Пасильс перечислены найденные предметы (по категориям) и описаны действия, совершаемые при погребении умершего так, как это реконструировал автор.

Современные исследователи, обращавшиеся к материалам Н. Е. Бранденбурга, отмечают, что наблюдения за стратиграфическими разрезами были его слабым местом (Петренко 1994. С. 20–22; Кузьмин 2000. С. 25, 26). Справедливости ради надо отметить, что это не было следствием невнимательности автора; скорее, указанное обстоятельство говорит об общем уровне методики раскопок и фиксации находок в то время. Оба исследователя – и В. И. Сизов, и Н. Е. Бранденбург – писали о «скоплениях предметов», которые они считали отдельными погребениями, но нигде их не зафиксировали[2]. Т. Арне в работе, посвященной наконечникам ножен мечей эпохи викингов, описывая

[1] Список публикаций см.: Печенкин 1908. С. VII.

[2] Выражаю искреннюю благодарность за консультацию научным сотрудникам Государственного исторического музея Н. А. Дулебовой, Д. В. Журавлеву и научному сотруднику Государственного Эрмитажа И. Р. Ахмедову – за помощь в работе.

находки из Пасильса (судя по публикации, он использовал коллекции, хранящиеся в Государственном историческом музее в Москве, Историческом музее в Риге и музее Митавы[1]), с сожалением отметил, что комплексы погребений восстановить невозможно (Arne 1913. S. 388). В 1920–1930-е гг. несколько погребений в могильнике Пасильс раскопал Э. Штурмс, но эти материалы остались неопубликованными (Седов 1987. С. 404).

К коллекциям этого могильника исследователи обращались неоднократно, правда, это относится в основном к предметам вооружения – мечам, наконечникам ножен, копьям. Здесь надо отметить уже упоминавшуюся работу Т. Арне, а также обобщающие труды П. Паульсена (Paulsen 1953), Г. Ф. Корзухиной (Корзухина 1950), А. Н. Кирпичникова (Кирпичников 1961, 1966а; 1966б), А. К. Антейна (Антейн 1973), В. Казакявичуса (Kazakevičius 1996). Другим категориям находок «повезло» меньше: их часто упоминают в специальных и обобщающих трудах в качестве аналогов, но практически не публикуют. В 2006 г. Государственный Эрмитаж представил в Калининграде временную выставку «Русь и Балтика в эпоху викингов». В каталоге выставки опубликовано около 90 вещей из могильника Пасильс (Русь и Балтика в эпоху викингов 2006).

Датируется могильник широко. В капитальном издании «Археология Латвийской ССР» он отнесен к позднему железному веку и Средневековью (от X–XII до XIII–XVII вв.) (Археология Латвийской ССР 1974. С. 336). В каталоге куршских древностей погребения по обряду кремации отнесены к XI–XIII вв., а ингумации – к XIV–XVII вв. (Kuršiai 2009. S. 450). Находки из Пасильсциемса хранятся в Музее истории Латвии в Риге, в музеях Вентспилса и Елгавы, а также в Эрмитаже и Государственном историческом музее. Эти коллекции, несмотря на отсутствие замкнутых комплексов, представляют несомненный интерес и заслуживают монографической публикации. Было бы полезно провести исследование еще сохранившейся части могильника современными методами, что позволило бы уточнить хронологию памятника. Такая работа могла бы стать хорошим совместным проектом, осуществляемым международным коллективом исследователей.

А. С. 1903
А. С. [А. А. Спицын]. Памяти Н. Е. фон-Бранденбурга (31 августа 1903 г.) // Археологическая летопись Южной России. 1903 г. № 5. С. 309–313.

Антейн 1973
Антейн А. К. Дамасская сталь в странах бассейна Балтийского моря. Рига, 1973.

Археология Латвийской ССР 1974
Археология Латвийской ССР = Latvijas PSR Arheoloģija. Рига, 1974.

Бранденбург 1895
Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья // МАР. 1895. № 18.

Бранденбург 1896
Бранденбург Н. Е. Старая Ладога и ее каменное городище. СПб., 1896.

Бранденбург 1902
Бранденбург Н. Е. Путеводитель по С.-Петербургскому Артиллерийскому музею. СПб., 1902. Ч. 1: Отдел доисторический.

Галанина, Качалова 2000
Галанина Л. К., Качалова Н. К. Археологическая коллекция Н. Е. Бранденбурга в Эрмитаже // Бомбардир : информационно-публицистический журнал. 2000. № 9. С. 17–20.

Кирпичников 1961
Кирпичников А. Н. Русские мечи XI–XIII вв. // КСИА. 1961. № 85. С. 11–25.

Кирпичников 1966а
Кирпичников А. Н. Мечи куршей // Древности Белоруссии. Минск, 1966. С. 299–300.

Кирпичников 1966б
Кирпичников А. Н. Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX–XIII вв. //

[1] В статье Т. Арне ошибочно указано, что в Артиллерийском музее Санкт-Петербурга хранятся материалы из раскопок В. И. Сизова (Arne 1913. S. 387).

Скандинавский сборник. Таллин, 1966. Вып. 11. С. 249–298.

Кирпичников 2000
Кирпичников А. Н. Великий подвижник // Бомбардир : информационно-публицистический журнал. 2000. № 9. С. 6–7.

Кирпичников 2003
Кирпичников А. Н. Николай Ефимович Бранденбург – выдающийся оружиевед, историк, археолог // Бранденбурговские чтения. 2003. Вып. 1. С. 13–15.

Корзухина 1950
Корзухина Г. Ф. Из истории древнерусского оружия XI века // СА. 1950. С. 63–94. Вып. 13.

Кузнецова 2003
Кузнецова М. Д. Судьба коллекции Н. Е. Бранденбурга // Бранденбурговские чтения. 2003. Вып. 1. С. 33–36.

Кузьмин 2000
Кузьмин С. Л. Н. Е. Бранденбург и сопки Нижнего Поволховья // Бомбардир : информационно-публицистический журнал. 2000. № 9. С. 25–26.

Маковская 2001
Маковская Л. К. Николай Ефимович Бранденбург : очерк биографии // Артиллерийский музей : Петровские музеи Северной столицы. СПб., 2001. С. 11–15.

Петренко 1994
Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. : Сопки Северного Поволховья. СПб., 1994.

Печенкин 1908
Печенкин Н. Предисловие // Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888–1902 гг. СПб., 1908. С. I–VII.

Русь и Балтика в эпоху викингов 2006
Русь и Балтика в эпоху викингов : археологические коллекции Государственного Эрмитажа : каталог выставки. СПб., 2006.

Седов 1987
Седов В. В. Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 353–419. (Археология СССР).

Сизов 1896а
Сизов В. И. Предварительный отчет г. Сизова о поездке его с целью археологических исследований в Курляндскую губернию летом 1895 г. // Труды Московского Предварительного комитета X Археологического съезда в г. Риге. М., 1896. Вып. 2. С. 6–18.

Сизов 1896б
Сизов В. И. Предварительный отчет В. И. Сизова о поездке его с археологической целью летом 1895 г. в Курляндскую губернию // Археологические известия и заметки. М., 1896. Вып. 4. С. 33–47.

Труды Московского Предварительного комитета 1895
Труды Московского Предварительного комитета X Археологического съезда в г. Риге. М., 1895. Вып. 1.

Труды X Археологического съезда 1900
Труды X Археологического съезда в Риге в 1896 г. М., 1900. Т. 3: Протоколы.

Arne 1913
Arne T. J. Einige Schwert-Ortbänder aus der Wikingerzeit // Opuskula Archeologica Oscari Montelio Septuagenario dicata. D. IX. M. SEPT. A. MCMXIII. 1913. P. 375–390.

Kazakevičius 1996
Kazakevičius. VIX–XIII a. Baltų kalavijai. Alma littera. Vilnius, 1996.

Kuršiai 2009
Kuršiai : Genties Kultūra laidosenos duomenimis = The Curonians : Tribe Culture According to the Burial Data. Vilnius, 2009.

Paulsen 1953
Paulsen P. Schwertortbänder der Wikingerzeit : Ein Beitrag zur Frühgeschichte Osteuropas. Stuttgart, 1953.

Архивные материалы

Личный фонд Н. Е. Бранденбурга (1858–1903 гг.) // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 30. Оп. 1.

Ед. хр. 88. Отчет по командировке 1897 г. (Виндава и Киев).

Ед. хр. 101. Переписка о выдаче Бранденбургу Н. Е. прогонов для проезда от Петербурга до Нижне-Эмбенского укрепления.

Личный фонд Струкова Д. П. // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 31. Оп. 1.

Ед. хр. 26. Письма Бранденбурга Н. Е. Струкову Д. П. (за 27 сентября 1894 г. – 16 июля 1902 г.).

Ед. хр. 32. Письмо Струкову Д. П. из Московского археологического общества о подготовке чествования 25-летия директорства Н. Е. Бранденбурга.

С. А. Скорый

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ КУЛЬТОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ СКИФИИ

В 2010 г. севернее с. Мичуринское Белогорского района (Центральный Крым) на горном массиве Айлянма-Кая[1] вблизи курганной группы, состоящей из трех невысоких насыпей, была обнаружена могила скифского времени. К сожалению, найдена она не археологами, а так называемыми поисковиками с помощью металлодетектора.

Разрушенное погребение представляло собой могилу[2], неровно вырубленную в скале, имеющую форму вытянутого овала, длиной 2,20–2,30 м, шириной 0,80–1,0 м, ориентированную по оси В–З. Глубина 0,7–0,8 м. Дно пробито в ходе вскрытия. К моменту осмотра могила была наполовину заполнена грунтом, в котором оказались многочисленные сломанные человеческие кости, в том числе верхних и нижних конечностей, позвонки, фрагменты таза, а также челюсть и остатки черепа копытного животного[3], сброшенные сюда после ограбления. В заполнении располагалась также менгирообразная плита вытянутой формы, длиной 1,20–1,25 м, шириной 0,35–0,40 м, слегка сужающаяся книзу.

На условиях анонимности со мной встретился один из так называемых поисковиков, обнаруживших данное захоронение, детально рассказал о ситуации, имевшей место в погребении, и передал мне часть сохранившихся у него находок[4].

Далее – описание с его слов. На дне могилы лежал костяк человека, на спине, вытянуто, руки – вдоль туловища. Ориентирован головой на восток. На месте человеческого черепа находился череп барана, положенный на плоскую плиту (при осмотре мною могилы – не обнаружена). Слева, у бедра покойника, располагался железный меч довольно плохой сохранности. На груди бессистемно лежала куча бронзовых наконечников стрел (более 80 экз.) с остатками древков и две ворворки.

В этом описании особый интерес представляют следующие данные.

С одной стороны, при изучении останков человека (мужчина, зрелый, maturus, 35–55 лет) антропологом Л. В. Литвиновой не была выделена ни одна кость, которую можно было бы отнести к человеческому черепу. С другой – по заключению палеозоолога О. П. Журавлева, кости черепа копытного животного принадлежат барану возрастом до года.

---

[1] В переводе с крым.-тат. – поворотная скала; 361 м над уровнем моря.

[2] Местоположение по данным GPS-навигатора: N 45º 09 14 03; E 34º 66 66 47.

[3] Все костные остатки были собраны и впоследствии определены специалистами в области антропологии и палеозоологии Института археологии НАН Украины канд. ист. наук Л. В. Литвиновой и канд. ист. наук О. П. Журавлевым, которым я выражаю искреннюю благодарность.

[4] Находки переданы мной в научные фонды Института археологии НАН Украины.

Во-вторых, и это особенно важно, в кругу скифских погребений уже ранее фиксировались два случая захоронения покойников «с головами баранов», однако до недавнего времени они не привлекали должного внимания (Козир 2014).

Сказанное заставляет внимательно рассмотреть состав инвентаря разрушенного погребения на Айлянма-Кая, некоторые черты похоронного ритуала и вновь возвратиться к двум аналогичным по обряду захоронениям.

1. *Меч.* По словам информатора, имел длину более 40,0 см и, к сожалению, у него не сохранился. Из представленных мною рисунков различных вариантов оформления рукоятей им был выбран сразу и безоговорочно один: рукоять архаичного по времени оружия с массивным брусковидным навершием, широким почковидным перекрестьем и «двутавровой» (то есть с двумя валиками по краям и узким желобком посередине) ручкой (ил. 1: *1*). Такие мечи и кинжалы относятся к I отделу, 1 типу, по А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964. С. 47. Табл. 15: *2, 4, 5, 9, 10*). Дата их может быть определена в рамках второй половины VII – первой половины VI в. до н. э. Многочисленные аналогии данному оружию известны на обширных территориях. В Крыму акинак с подобным оформлением рукояти случайно найден у с. Новокленово Белогорского района (Колтухов 2008. С. 250. Рис. 2: *1*).

2. *Наконечники стрел.* Из более чем 80 экземпляров у находчика сохранилось лишь 12. Несмотря на столь небольшое число, наконечники интересны, поскольку с хронологической точки зрения относятся к двум группам.

Первая представлена тремя однотипными двухлопастными наконечниками с узкой лавролистной головкой, довольно высокой втулкой, в нижней части которой располагается шип, обломанный у всех трех экземпляров. На двух наконечниках видны следы литейного брака в виде округлых отверстий: у одного – в нижней части втулки, у другого – в центре головки, что привело к его поломке. Длина наконечников 3,8–4,0 см, внутренний диаметр втулок 0,4 см (ил. 1: *2–4*).

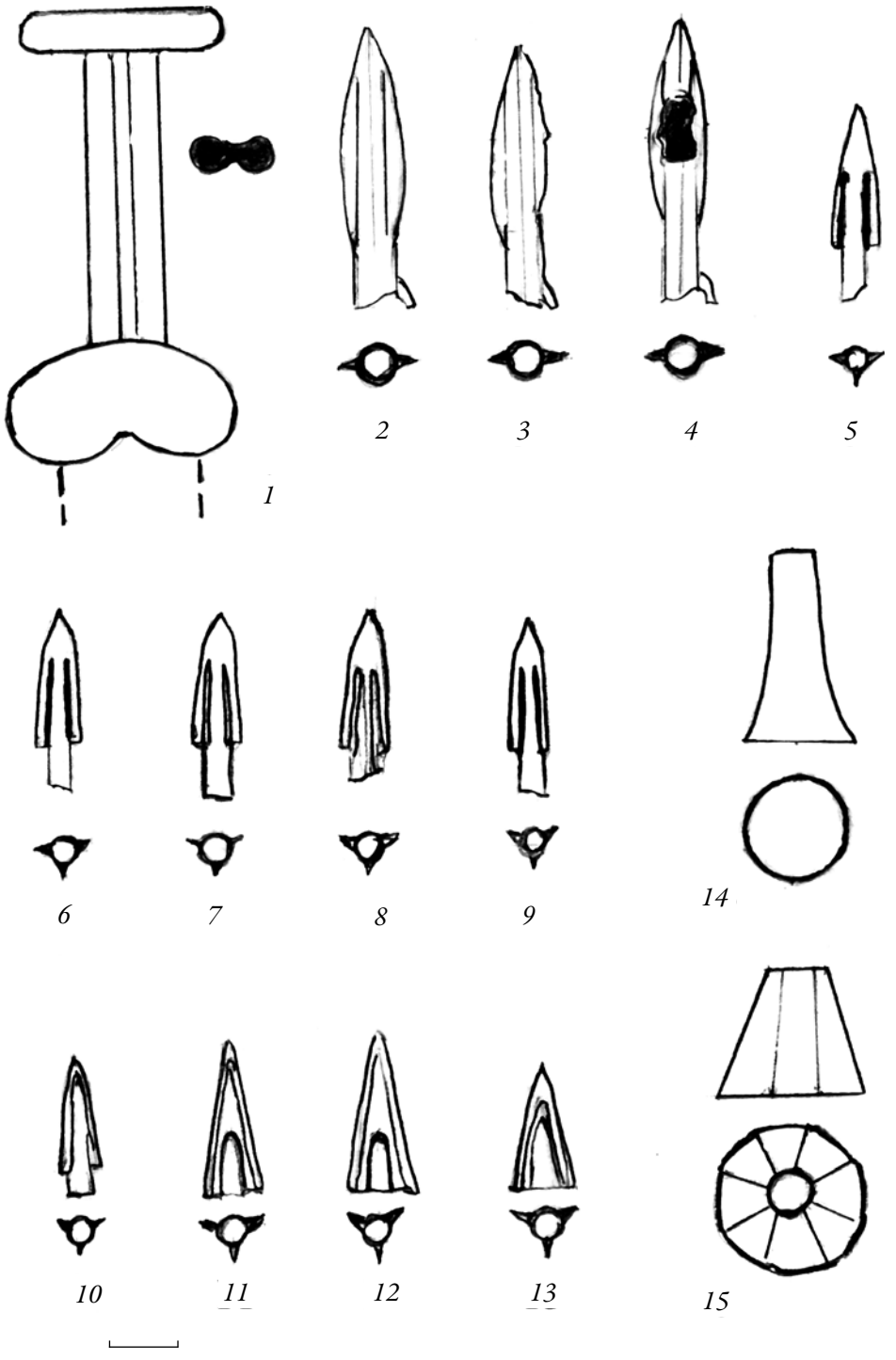
Такие наконечники широко известны в колчанных наборах Скифии второй половины-конца VII – первой половины VI в. до н. э. Между тем в скифских захоронениях Крыма их находки нечасты (Колотухин 2000. С. 112. Рис. 32: *18*).

Вторая группа наконечников состоит из девяти небольших по размерам трехлопастных экземпляров, относящихся к трем близким, но не идентичным типам.

Первый тип составляют пяти одинаковых наконечников, разной степени сохранности, с узкой башневидной головкой, ложком, проточенным более чем на половину, и довольно высокой втулкой. У трех экземпляров – следы литейного брака в виде округлых отверстий. Все наконечники одинаковы по размеру. Высота 2,5 см, внутренний диаметр втулки 0,3 см (ил. 1: *5–9*).

Второй тип представлен единственным экземпляром наконечника с треугольной узкой головкой, очень высоко проточенным ложком и слегка выступающей втулкой. На головке – следы литейного брака. Высота наконечника 1,9 см, внутренний диаметр втулки 0,3 см (ил. 1: *10*).

К третьему типу относятся три наконечника с треугольной широкой головкой, проточенным до острия ложком и скрытой втулкой. Головки двух экземпляров повреждены отверстиями литейного брака. Высота двух наконечников – 2,1 см, третьего – 1,7 см. Внутренний диаметр втулки 0,3 см (ил. 1: *11–13*).



Ил. 1. Находки из могилы на горном массиве Айлянма-Кая

1 – схема рукоятки архаического меча; *2–13* – бронзовые наконечники стрел; *14, 15* – бронзовые ворворки. Рисунки С. А. Скорого

Все наконечники этой хронологической группы датируются второй половиной – концом V в. до н. э. (Мелюкова 1964. С. 23; Петренко 1967. С. 45; Полін 1987. С. 32. Рис. 13). Они хорошо представлены в скифских древностях Крыма указанного времени (Колотухин 2000. С. 47, 107. Рис. 27: *9*; Колтухов 2012а. С. 232. Рис. 72: *4*, С. 234. Рис. 74: *2*; Колтухов 2012б. Рис. 9: *13*, 14: *6*).

3. *Ворворки.* Одна из них относится к срезанно-коническим ворворкам с вогнутыми боками (Могилов 2008. С. 74, 75, 361, 362. Рис. 141, 142: *1–40*). На одной из сторон изделия – литейный брак в виде отверстия округлой формы. Высота ворворки 2,7 см, диаметр нижней части 1,5 см, верхней 0,7 см (ил. 1: *14*). Другая ворворка – срезанно-коническая, восьмигранная (Могилов 2008. С. 78, 366. Рис. 146: *4*, *5*). Высота изделия 1,8 см, нижний диаметр 2,0 см, верхний 0,7 см (ил. 1: *15*). Аналогичные ворворки, будучи полифункциональными изделиями (известны в системе конского снаряжения, а также в качестве дополнительных элементов доспеха и наступательного вооружения), использовались в Скифии со второй половины VI по начало IV в. до н. э., но наиболее характерны для V в. до н. э. (Могилов 2008. С. 75, 78). Подобные находки, особенно ворворки первого типа – не редкость в скифских погребениях Крыма, относящихся к указанному времени (Бессонова, Скорый 1986. С. 162. Рис. 4: *21*, *22*. С. 164. Рис. 6: *7*, *8*; Колотухин 2000. С. 82. Рис. 2: *2, 4*. С. 83. Рис. 3: *14*. С. 102. Рис. 22: *7*, *8*; Колтухов 2012а. С. 129, 263. Рис. 103: *12, 15, 18*, *19*; Колтухов 2012б. С. 137. Рис. 28: *37)*.

Итак, сохранившийся инвентарь и в первую очередь поздняя группа наконечников стрел позволяет датировать могилу на Айлянма-Кая в пределах второй половины V в. до н. э. Не противоречат предложенной дате и следующие черты обряда этого захоронения, аналогии которым зафиксированы в неограбленной воинской могиле-катакомбе (погребение № 3) кургана 48 Акташского могильника на Керченском полуострове, а именно – положение под голову покойного плоской плиты и бессистемное расположение, вне колчана или горита, бронзовых наконечников стрел. Упомянутое акташское погребение надежно датируется второй половиной V в. до н. э. (Бессонова, Скорый 1986. С. 158, 159. Рис. 1: *1,* С. 165).

Крайне любопытно присутствие архаического инвентаря (кинжала, нескольких наконечников стрел VII – начала VI в. до н. э.) в захоронении второй половины V в. до н. э. Замечу, что ранние наконечники в небольшом количестве встречаются иногда в скифских колчанных наборах более позднего времени (их обычно рассматривают в качестве амулетов, апотропеев), но мечи и кинжалы, насколько мне известно, пока достоверно не фиксировались.

Что касается обнаружения в скифских колчанах стрел сравнительно позднего времени с архаическими наконечниками, то весьма показателен с точки зрения их количества состав колчана у охранника вождя из Центральной могилы Большого Рыжановского кургана (первая треть III в. до н. э.). Из 66 экземпляров 12 относятся к концу VI–V вв. до н. э. Можно предположить, что стрелами с этими наконечниками скиф-воин при жизни не пользовался, и они были помещены в колчан уже после его смерти, как некие ритуальные предметы, воплощающие силу оружия предков (Скорый, Хохоровски 2004. С. 37; Chochorowski, Skoryj 2014. S. 97). Очевидно, подобным образом следует трактовать и наличие в могиле на Айлянма-Кая архаических наконечников стрел, а также раннескифского меча – вероятно, магического оружия, напоминающего

о поклонении в скифском обществе «древнему железному мечу», олицетворяющему бога войны Ареса (Hdt. 4. 62)[1].

Что же касается иных случаев замещения голов погребенных покойников бараньими головами, то они зафиксированы в грунтовом некрополе близ г. Светловодска Кировоградской области и в одном из курганов возле слободы Тарасовка поблизости г. Никополя Днепропетровской области.

Неограбленное погребение № 145 Светловодского могильника имело вид простой прямоугольной ямы со слегка закругленными углами размерами 1,0 × 1,9 м, глубиной 1,9–2,0 м. Костяк погребенного взрослого человека был расположен вытянуто на спине, головой на восток (с небольшим отклонением к югу). Ноги слегка разведены. Кости рук отсутствовали. «На месте человеческого черепа лежал череп животного, вероятно, молодого козла (?), который имел короткие, слабо выраженные рожки» (Козир 2014. С. 62, 63. Рис. 1: *2, 3*). Он был «тесно подогнан к шейным позвонкам костяка человека, то есть фактически замещал череп погребенного» (Там же). В ногах покойного располагались ребра мелкого рогатого скота – остатки жертвенной пищи. Какой-либо сопровождающий инвентарь в могиле отсутствовал. Как и весь могильник, данное захоронение относится к IV в. до н. э.

Более интересным представляется подкурганное погребение близ слободы Тарасовка на правом берегу Днепра, кратко описанное в малоизвестном издании Д. И. Яворницкого. Могила в виде простой грунтовой ямы содержала парное, неограбленное захоронение, в котором костяки лежали головами на восток. Автор подчеркнул, что место человеческих черепов занимали черепа баранов. Возле правой руки одного покойника располагались три железных наконечника копья и два кольца (ворворки?) возле левой руки, пучком – 120 бронзовых наконечников стрел, несомненно, остатки колчана. Еще один бронзовый наконечник стрелы находился под левым коленом. Над костяком фиксировались остатки деревянной доски. Возле левой руки другого покойника лежал кусок мела и 50 бронзовых наконечников, которые также являлись колчанным набором (Эварницкий 1890. С. 58, 59). По мнению В. С. Ольховского, на устное заключение которого ссылается И. А. Козир, данное погребение относится к IV или к концу V в. до н. э. (Козир 2014. С. 63).

Итак, перед нами хоть и небольшая, но довольно выразительная группа, несомненно, ритуальных скифских захоронений V–IV вв. до н. э.

Три признака объединяют эти погребения: 1) замещение человеческой головы погребенных бараньей (бесспорно, основной признак); 2) принадлежность всех захоронений (судя по антропологическим определениям и инвентарю) мужчинам; 3) восточная ориентировка всех четырех покойников.

Полагаю, что первый признак, объединяющий данные погребения, – яркое материальное подтверждение существования культа фарна в скифском обществе.

Как известно, в иранском мире широко бытовали представления о фарне – эманации солнца, небесного огня, светящейся жизненной силы, передающейся человеку, многогранной божественной благодати, тесно связанной с идеологией сакральной царской власти (Топоров 1982. С. 557, 558). Олицетворением фарна могли выступать птицы и разнообразные животные, в том числе очень часто – баран (Литвинский 1968. С. 55–57; Топоров 1982. С. 557).

[1] Цит. по: *Геродот*. История в девяти книгах / пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л., 1972. С. 202.

О культе фарна у скифов свидетельствуют данные ономастики (например, имена, в том числе царские, включающие слово «фарн», в частности «Сайтафарн») (Литвинский 1968. С. 59; Грантовский 1970. С. 157, 158); скифская версия генеалогической легенды с упоминанием о священных золотых дарах, упавших с неба (то есть фарне), и доставшихся Колаксаю, от которого пошел род скифских царей (Бессонова 1983. С. 17, 19, 22); широкое распространение образа барана в искусстве звериного стиля в Северном Причерноморье, начиная с эпохи архаики (Хазанов, Шкурко 1976. С. 46; Кузьмина 1976. С. 59–60; Шауб 2001; Шауб 2007. С. 128).

По мнению некоторых авторов, следы почитания фарна местным населением Северного Причерноморья просматриваются и в предскифское время в виде височных золотых подвесок, передающих бараньи рожки, засвидетельствованных в ряде мужских воинских погребений (Дудин 2009. С. 13; Дудин 2012. С. 318).

Применительно к скифской эпохе служителями культа фарна, судя по приведенным археологическим данным, выступают мужчины, воины, связанные единством погребального ритуала, что нашло выражение не только в замещении человеческого черепа бараньим, то есть перевоплощением в носителя фарна, но и единообразии ориентировки покойников, в данном случае – головой на восток.

Следует отметить, что восточная ориентировка в скифских захоронениях V–IV вв. до н. э. как в целом в северопричерноморской Степи, так и в Крыму, вовсе не являлась доминирующей, в отличие от западной (Ольховский 1991. С. 67, 87), свойственной скифам уже с эпохи архаики (Бессонова 1990. С. 27, 28).

Бессонова 1983

Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983.

Бессонова 1990

Бессонова С. С. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 17–40.

Бессонова, Скорый 1986

Бессонова С. С., Скорый С. А. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // СА. 1986. № 4. С. 158–170.

Грантовский 1970

Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.

Дудин 2009

Дудин А. А. Височные подвески – «бараньи рога» и некоторые вопросы мировоззрения ранних кочевников степей Восточной Европы (IX–VII вв. до н. э.) // Актуальні проблеми вітчизняної та світової історії : Збірник наукових праць. Харків, 2009. С. 8–16.

Дудин 2012

Дудин А. А. К вопросу о социальной элите ранних кочевников Северного Причерноморья в первой трети I тыс. до н. э. // Культуры Степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями : мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2012. Кн. 2. С. 316–320.

Колотухин 2000

Колотухин В. А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Симферополь, 2000.

Колтухов 2008

Колтухов С. Г. Случайные находки предскифского и скифского времени из горной и предгорной части Крымского полуострова // Херсонесский колокол. Симферополь, 2008. С. 243–251.

Колтухов 2012а

Колтухов С. Г. Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н. э. : погребальные памятники // Археологический альманах. [Вып.] 27. Донецк, 2012.

Колтухов 2012б

Колтухов С. Г. Скифы Крымского Присивашья в VII–IV вв. до н. э. : погребальные памятники : ландшафтно-историческое районирование археологических памятников Крыма. Симферополь, 2012.

Кузьмина 1976
Кузьмина Е. Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 52–66.

Литвинский 1968
Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн : к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии. Душанбе, 1968.

Мелюкова 1964
Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1–4. М., 1964.

Ольховский 1991
Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М., 1991.

Петренко 1967
Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. // САИ. Вып. Д1–4. М., 1967.

Скорый, Хохоровски 2004
Скорый С. А., Хохоровски Я. Оружие из Большого Рыжановского кургана // Проблемы истории и археологии Украины : мат-лы V Междунар. конф. Харьков, 2004. С. 36, 37.

Топоров 1982
Топоров В. В. Фарн // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2.

Хазанов, Шкурко 1976
Хазанов А. М., Шкурко А. И. Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 40–51.

Шауб 2001
Шауб И. Ю. Образ барана в религии Скифии и Боспора : по памятникам изобразительного искусства // Боспорский феномен : колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Ч. 2. С. 113–115.

Шауб 2007
Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб., 2007.

Эварницкий 1890
Эварницкий Д. И. Публичная лекция по археологии России. СПб., 1890.

Козир 2014
Козир І. А. Ритуальне поховання 145 з грунтового могильника поблизу м. Світловодська Кіровоградської обл. // Феномен Більського городища 2014 : До 70-річчя Відділу археології раннього залізного віку та 80-річчя від дня народження видатного українського археолога професора Є. В. Черненка (1934–2007). Київ ; Полтава, 2014.

Могилов 2008
Могилов О. А. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ ; Кам'янець-Подільській, 2008.

Полін 1987
Полін С. В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59. С. 17–36.

Chochorowski, Skoryj 2014
Chochorowski J., Skoryj S. Łuk i sajdak z Centralnego Grobowka Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego // Honoratissimum Assensus Genus est Armis Laudare. Kraków, 2014.

Е. В. Степанова

СЕДЛА ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

В сравнении со скифской эпохой, конское снаряжение гунно-сарматского времени характеризуется чрезвычайным разнообразием. Появляются многочисленные новые конструктивные формы и декоративные элементы, которые используются наряду со старыми образцами. В значительной степени это касается и седел. В эту бурную эпоху создаются более совершенные, чем мягкие скифские, типы седел, послужившие переходным звеном к седлам с твердым каркасом.

Несколько слов о терминологии, которая будет использоваться далее, и о назначении отдельных деталей седел.

Большинство существующих в настоящее время седел относится к группе *жестких седел*, имеющих в основе своей конструкции твердый каркас – *ленчик* (другой вариант термина, используемого в русскоязычной литературе – *арчак*). Ленчик состоит из двух дощечек, называемых *лавками* или *полками*, и двух изогнутых деталей – *передней и задней лук*, которые соединяют полки. Первоначально, начиная с самых ранних жестких седел, все детали ленчика изготовлялись из дерева. В отечественной традиции ленчик ранее (например, в XVII–XVIII вв.) так и назывался – *деревяга*. Английский эквивалент термина – *saddle tree* (седельное дерево). Позднее (приблизительно с XVI в.) стали использоваться также металлические (железные) луки.

Для чего служит ленчик? Прежде всего он позволяет поднять всадника над позвоночником лошади, который до изобретения жестких седел травмировался при интенсивной верховой езде (Левин 2000. С. 245–247; Benecke et al. 2010. P. 252). Пространство между полками ленчика и нижней стороной лук носит название *седельного желоба*. Это очень важный элемент седла. При правильном подборе седла между позвоночником лошади и жестким седлом остается просвет, хорошо видимый при взгляде сзади.

Другая важнейшая функция ленчика – обеспечение полноценного использования стремян, которые служат не только для посадки на лошадь, но и облегчают всаднику возможность подниматься (привставать) в седле при ее движении. Стремена крепятся к ленчику посредством *путлищ* (стремянных ремней). При этом ленчик равномерно распределяет вес всадника по площади полок, то есть в зоне контакта седла со спиной лошади. Применение стремян позволило кавалеристам, во-первых, повысить эффективность рубящего удара, а во-вторых, широко использовать рысь – наиболее экономичный, но тряский и неудобный для всадника аллюр. Строевая рысь как основной рабочий аллюр в кавалерии стала возможной только при использовании жестких седел со стременами.

Кроме того, луки играют важную роль в обеспечении прочности посадки всадника. Чем они выше и более вертикально поставлены, тем плотнее всадник «зажат» в седле. При этом, правда, возникают определенные проблемы при спешивании и посадке в седло, особенно в полном боевом снаряжении, но они отчасти компенсируются наличием стремян.

Жесткие седла могут иметь наружный и скрытый каркас. В последнем случае ленчик скрыт в толще *седельных подушек* и мягкой обивки лук. В качестве примера седел с наружным каркасом можно привести седла евразийских кочевников, начиная со Средневековья до настоящего времени (тюркские, монгольские и др.), а также казачьи, строевые кавалерийские XIX–XX вв., ковбойские и т. п. К седлам со скрытым каркасом относятся, например, европейские седла XVI–XVIII вв. и происходящие от них плоские, английские, австралийские и другие.

Для повышения прочности посадки всадника без стеснения его движений у седел со скрытым каркасом и невысокими луками имеются дополнительные упорные элементы – *коленные* (*подколенные*) и *бедренные подушки* (*валики*) и *баты*. В основе батов у западноевропейских седел XVI–XVIII вв. были деревянные плоские дощечки, которые крепились к передней и задней луке. Баты вместе с ленчиком обивались мягкими материалами, образуя специфическую внешнюю форму барочного седла. Передние баты сохранялись и у так называемых плоских седел. При изобретении английского седла от батов отказались, и их роль стали играть соответствующие утолщения на седельных подушках и крыльях седла. Эти утолщения, получившие название *коленных* (*подколенных*) и *бедренных подушек,* или *валиков* (в повседневной практике именуются просто «упорами»), с ленчиком никак не связаны и выполняются за счет кроя и набивки седельных подушек и соответствующих дополнительных накладок на крылья седла. Своеобразный вариант представляют собой современные австралийские седла, которые похожи на английские, но имеют выступающие над передним краем седельной подушки плоские кожаные элементы, по функции аналогичные батам.

Неотъемлемыми деталями седел являются *потники* и крепежные ремни – *подпруги, пристружи, нагрудники, подхвостники. Потники* традиционно изготовляются из войлока[1], кладутся под седло и служат для впитывания конского пота и смягчения давления седла на спину лошади. *Пристружи* – короткие ремни, закрепляемые на седле, предназначены для пристегивания подпруг. *Подпруги* – широкие прочные ремни из кожи или другого материала, которые охватывают корпус лошади снизу и с боков и удерживают седло. В качестве дополнительных фиксирующих приспособлений выступают *нагрудники* и *подхвостники*, призванные предотвращать смещение седла вперед или назад при прыжках, движении по пересеченной местности и т. п.

Важными частями седел являются также *крылья* или функционально аналогичные им элементы. Крылья бывают одинарные или двойные (у седел со стременами). Их назначение – защита боков лошади и ноги всадника от трения как между собой, так и о подпруги и путлища, а также их пряжки. У азиатских седел с внешним каркасом функцию нижнего крыла могут выполнять кожаные чепраки.

Эволюционно жестким седлам предшествовали мягкие, изобретенные евразийскими кочевниками не позднее VII в. до н. э. Достоверных свидетельств использования

[1] В настоящее время все чаще из синтетических материалов.

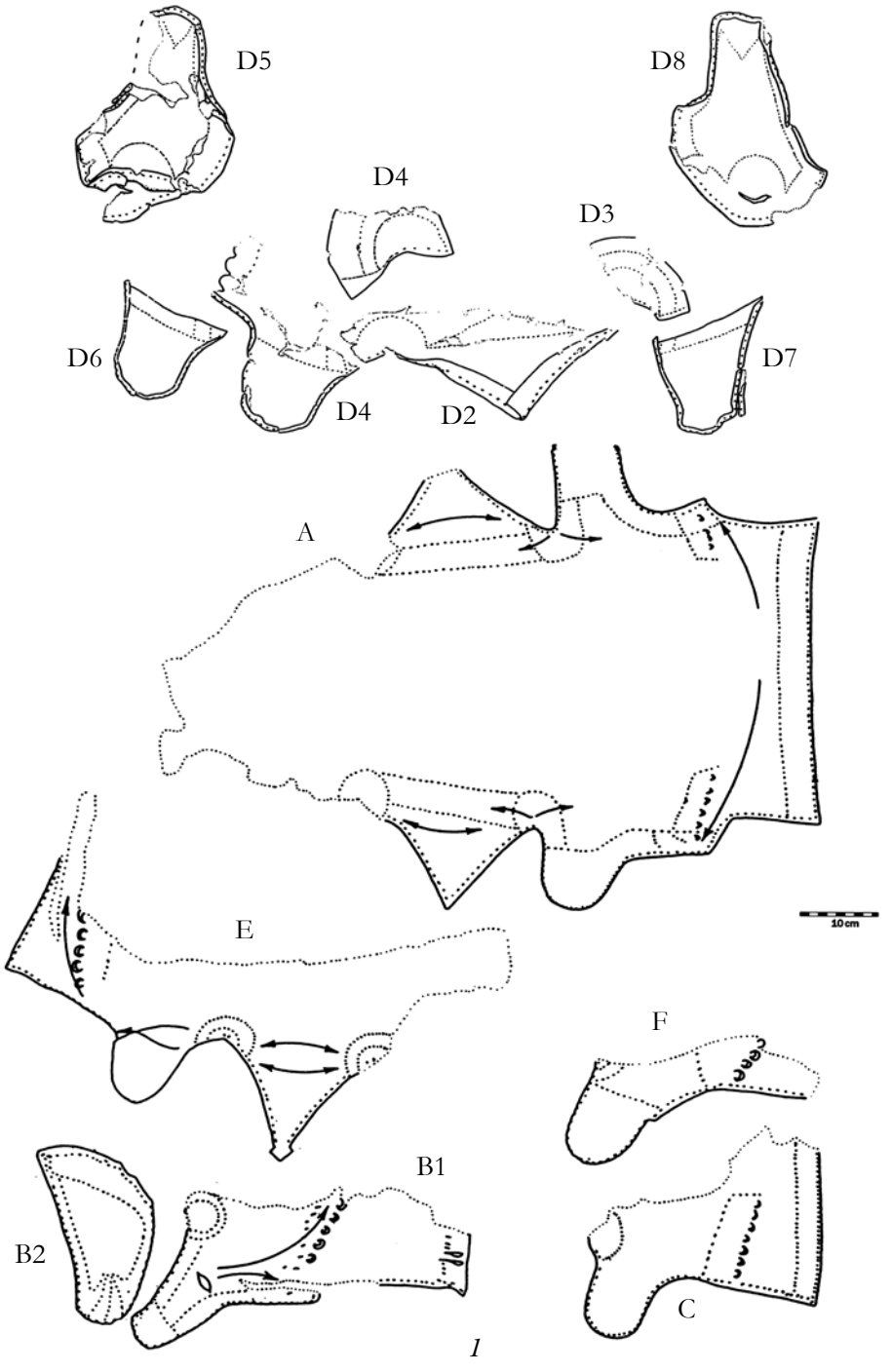
седел в доскифское время пока нет. Мягкие седла не имели жесткого каркаса – ленчика и, соответственно, не имели лук. Однако такие функциональные элементы, как седельные подушки с желобом между ними, потники, пристуги, подпруги, подпружные пряжки, нагрудники и подхвостники у них уже присутствовали. Мягкие седла были во многом, в том числе и внешне, подобны седлам со скрытым каркасом. Плотно набитые шерстью или сухой травой кожаные седельные подушки имели крылья и упорные элементы, располагавшиеся два спереди и два сзади, и соответствующие по местоположению и назначению коленным (подколенным) и бедренным подушкам (валикам) и батам. Далее для краткости мы будем их называть *упорами*[1]. Упоры мягких седел формировались за счет кроя и набивки седельных подушек и имели различные очертания: полукруглые, конусовидные, вытянутые уплощенные.

Форма упорных элементов и самих подушек, предопределенная их конструкцией, может быть положена в основу типологии мягких седел. Она хорошо различима на изображениях. Так как сами подушки, ввиду специфики материала, сохраняются очень редко, важную информацию дают различные накладки из твердых материалов, позволяющие реконструировать форму упоров. Дополнительными признаками могут выступать специфические особенности седельных ремней, фурнитуры и декора мягких седел, позволяющие выделять их виды и разновидности.

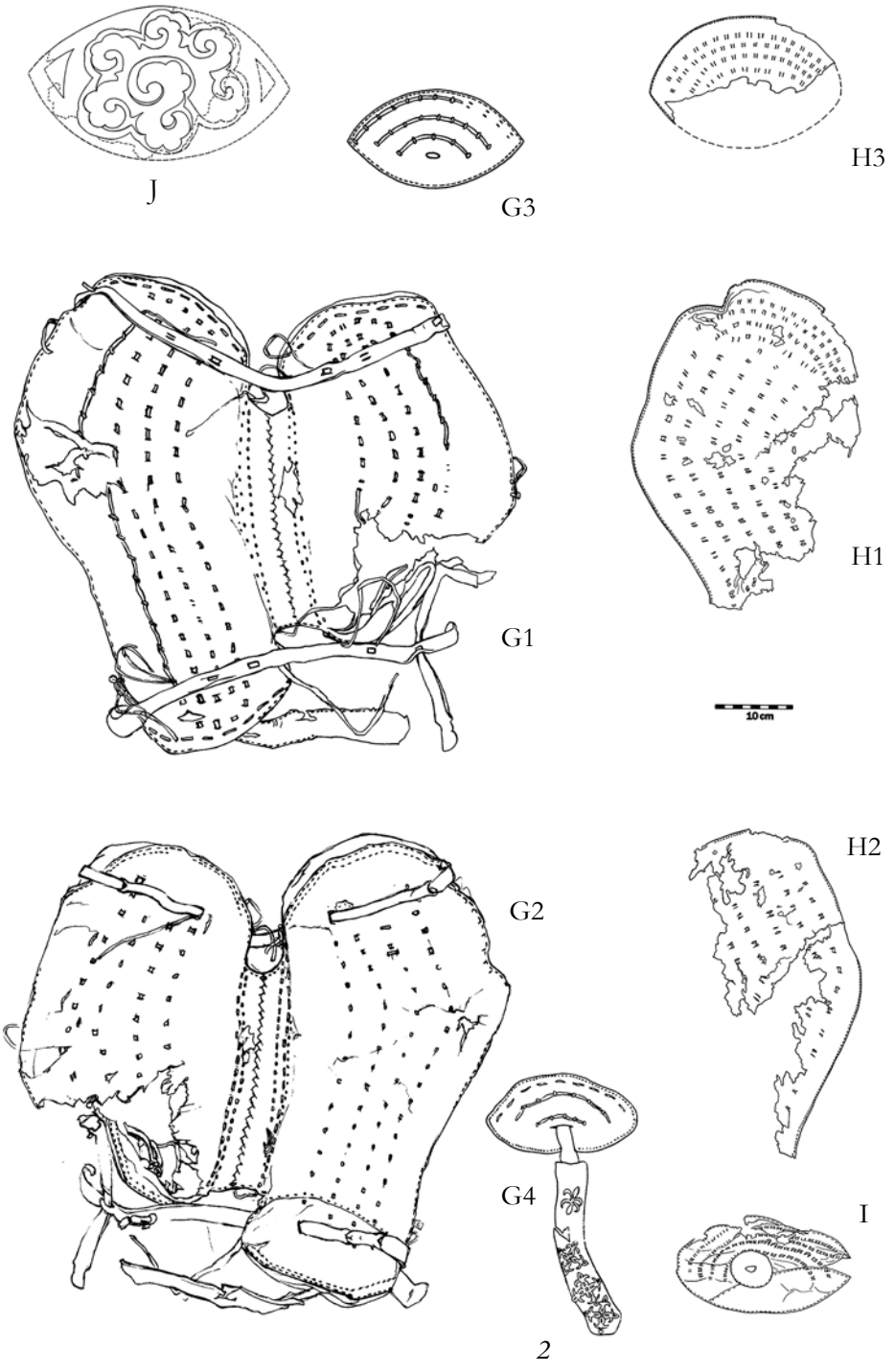
Мягкие седла скифского типа, происходящие из среды кочевников скифского круга, являлись самыми ранними и широко распространенными. Они надежно реконструируются на основе археологически целых экземпляров и многочисленных фрагментов, сохранившихся в мерзлых курганах пазырыкской культуры Алтая и Восточного Казахстана, а также в погребениях Синьцзяна. Из других регионов происходят преимущественно элементы фурнитуры и декора, а также изображения – достаточно показательные, чтобы говорить о распространении этого типа седел в V–III вв. до н. э. по всей степной полосе Евразии и на прилегающих территориях от Греции до Китая. Кожаные подушки седел скифского типа имели небольшие или значительные расширения в передней части – крылья, которые могли иметь как округлые, так и подтреугольные очертания. Полукруглая форма упоров образовывалась за счет четырех линзовидных вставок между основными верхними и нижними полотнищами подушек (ил. 1: *2*). Высота упоров определялась поперечными размерами этих вставок и могла достигать 21,0 см, но чаще высота передних упоров колебалась в пределах 10,0–15,0 см, а задние были ниже на 2,0–3,0 см. Ширина упоров равнялась ширине седельных подушек (минус седельный желоб). Характерный внешний вид упоров сбоку – в виде уплощенного лепестка, загнутого внутрь, или в виде треугольника был обусловлен сквозной простежкой закругленных концов наружных полотнищ седельных подушек, верхней части линзовидных вставок (до половины высоты) и набивки между ними[2]. Пристуги у скифских седел крепились поверх седельных подушек, еще два поперечных ремня располагались

[1] В иностранной литературе для характеристики этих элементов используются как гиппологические, так и функциональные или описательные термины. Так, Х. фон Галль применяет термин *Bauschen* (нем. *подколенник* или *подколенная подушка*) при описании седла на сосуде из Косики (Gall 2002. S. 407), а Г. Херрманн – аналогичный термин *roll* (англ. *подколенная* или *бедренная подушка, валик*) при описании скифских и некоторых парфянских седел (Herrmann 1989. P. 764, 765, 767). Чаще используются общие понятия, связанные с функцией ограничения, предохранения, опоры, например, англ. *guard*, *support*, *restraint*, или внешним видом выступов, например, англ. *horns*, *arches* (рога – для римских, арки – для скифских и других аналогичных седел).

[2] На ил. 1: *2* видно, что простежка у закругленных концов нижних сторон подушек отсутствует (детали G2 и H2).



Ил. 1. Особенности конструкции седельных подушек римских (*1*) и скифских мягких седел (*2*)
1: A – Валькенбург, Нидерланды; B – Кастлфорд, Англия; C – Вехтен, Нидерланды;
D – Карлисл, Англия; E – Виндоланда, Англия; F – Ньюстед, Шотландия



2: G–I – Алтай, Туэкта, курган 1; J – Алтай, Башадар, курган 2 (A–I – кожа, J – войлок)
1: A–F – прорисовки автора по Driel-Murray et al. 2004. Fig. 4;
2: G1–G3, H–J – рисунки автора, G4 – прорисовка автора по Руденко 1960. Рис. 78

с внутренней стороны упоров, нагрудники имели холочные ремешки и пристегивались или привязывались к пристругам. Потники подшивались к седлам, поэтому чепраки обычно не использовались[1]. Вместо них применялись декоративные покрышки, повторявшие форму седельных подушек и закреплявшиеся поверх них.

Такие седла, бытовавшие на протяжении всего скифского времени, продолжали использоваться и позднее. Они сохранили популярность по крайней мере до II в. и сыграли важную роль в дальнейшей эволюции седел. Именно они представлены на скульптурном изображении оседланной лошади с упавшим всадником около 200 г. до н. э. из Метрополитен-музея, на серебряном сосуде из Косики, боспорских погребальных стелах и росписях склепов I–II в., статуэтках «Боспорского всадника», бактрийских вышивках из курганов 6 и 31 Ноин-Улы[2], орлатских и ордосских поясных пластинах, на рельефах Гандхары, погребальных статуэтках китайских династий Цинь и Западная Хань (Коннолли 2001. С. 125. Рис. 23; Трейстер 1994. Рис. 8–10; Давыдова 1990. Кат. 44–50, 52–54; Горончаровский 2003. Рис. 9, 12; Степанова 2004. С. 239–245. Рис. 1; Ростовцев 1913–1914. Табл. LXXIX, LI, *6*; Диатроптов 2001. Рис. 6; Конь и всадник 2003. Кат. 19; Руденко 1962а. Табл. LXIII; Полосьмак 2010. С. 52; Пугаченкова 1989. Рис. 71, 72; Bunker et al. 1997. Fig. A131. P. 85. F. 31; Tissot 1985. Fig. 285, 287; Imperial China 2000. Kat. 102, 121).

Парфянские седла также, видимо, относились к скифскому типу. Показательны, например, изображения всадника-охотника на фреске из Дура-Европос, конных стрелков из лука на терракотовых плакетках, лошадей и всадников на рельефах из Сирии, особенно из Пальмиры, на монетах Квинта Лабиена 40–39 гг. до н. э., граффити из Старой Ниссы I в. до н. э., на рельефе из Танг-э Сарвак (Herrmann 1989. Pl. V, XI–XIII; Grueber 1910. Pl. CXIII: *19, 20*; Пилипко 1996. Рис. 45; Gall 1990. Taf. 3–4). Они хорошо узнаваемы по отсутствию чепраков, характерной форме подушек с четырьмя полукруглыми упорными элементами, наличию холочных ремешков у нагрудников. Редкое изображение седла с большим прямоугольным чепраком на фрагменте статуи из Пальмиры с лошадью без всадника (Herrmann 1989. Pl. 10*a*)[3] буквально иллюстрирует седельные комплекты из Пазырыка, курган 5 (см. прим. 1). Седло с невысокими полукруглыми упорами положено поверх чепрака, имеет поперечный ремень, концы которого образуют пристуги. Концы ремня продеты в прорези на чепраке немного ниже края седель-

[1] Парадные чепраки из кургана 5 Пазырыкского могильника, по существу, являются декоративными потниками. Они имеют войлочную основу, на которую нашиты войлочные аппликации или импортные ткани. Место, где помещалось седло, свободно от декора. У всех седел из этого кургана имеются также собственные подшитые потники. Возможно, подобные «чепраки», присутствующие на некоторых изображениях, использовались и фракийцами. Переднеазиатское влияние (эффектные ковровые попоны для верховой езды) в обоих случаях несомненно.

[2] Нельзя согласиться с интерпретацией седла на вышивке из кургана 31 Ноин-Улы, предложенной Н. В. Полосьмак, как «рогового», подобного римскому (Полосьмак 2010. С. 52, 53). Достаточно сравнить его с оболочками седельных подушек римских седел, их изображениями, реконструкцией П. Коннолли, подушками скифских седел и их изображениями, например, у деревянных лошадок из Катандинского кургана (Киселев 1951. Табл. XXXI). При взгляде на скифское седло в ¾ полукруглые упоры выглядят как закругленные выступы, сходящиеся в одной точке. Римские седла никогда так не изображались, потому что «рога» у них располагались ближе к краям подушек. Отсутствие прямоугольного чепрака, типичного для римских седел, а также наличие нагрудника с холочными ремешками, украшенного фалярами, крепящегося к пристругам седла, также однозначно свидетельствуют в пользу изображения седла скифского типа. Прорисовка вышивки неудачна (Полосьмак 2010. С. 53). В виде заостренных овалов показаны седельные подвески и накладка на подхвостник, а не звериные лапы.

[3] Скульптуры и рельефы из Пальмиры являются, безусловно, лучшими и наиболее представительными изображениями парфянских седел. Г. Херрманн, скрупулезно описывая изображения седел с четырьмя выступами, при описании седел из Пальмиры использует термин *roll*.

ной подушки. У задних упоров выделен бортик, передние упоры, частично сколотые, были выше и загибались внутрь. Однако подпруга сдвинута вперед как на причерноморских изображениях скифского и сарматского времени (серебряная амфора из Чертомлыка, гребень из Куль-Обы, серебряный сосуд из Косики, боспорские погребальные рельефы).

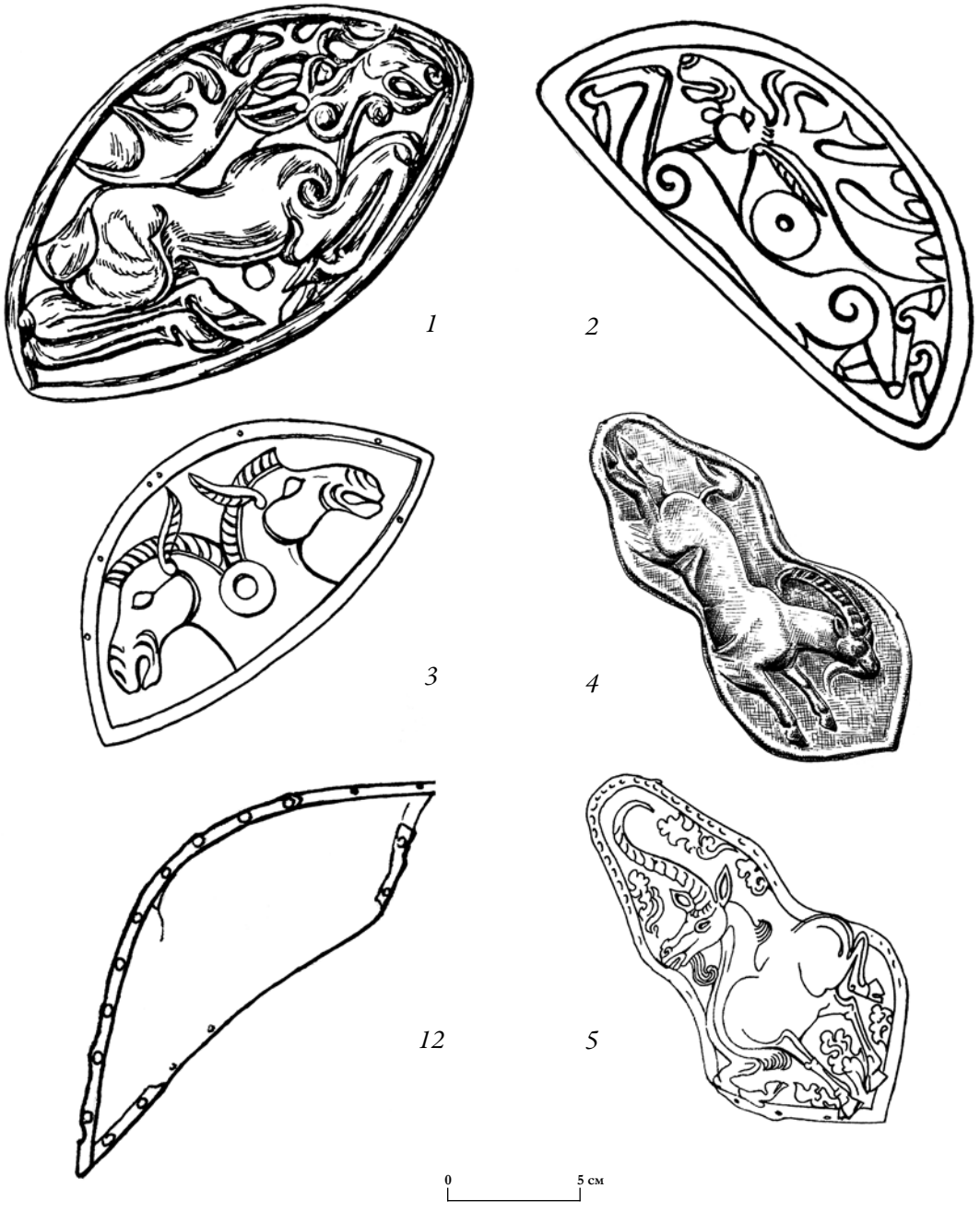
Седла на терракотах и рельефах I–II вв. у парфянских и боспорских всадников показаны практически одинаково – с полукруглыми уплощенными упорами, загибающимися внутрь в виде лепестка, без чепраков, с фаларами на нагрудниках и подхвостниках. На некоторых парфянских рельефах видно, что седельные подушки шире в передней части, но этот признак выражен значительно слабее, чем на боспорских стелах, где он подчеркнут, даже несколько утрированно. Возможно, это связано с покроем очень широких и объемных парфянских штанов, закрывавших крыло седла и нижнюю часть переднего упора.

Хотя основные конструктивные особенности седел скифского типа сохранялись на протяжении всего времени их существования, седельная фурнитура непрерывно совершенствовалась, а декор менялся. Сравнительно однотипный на всем протяжении евразийских степей раннескифский декор в классический период распадается на множество локальных вариантов. В гунно-сарматское время в фурнитуре и декоре сохраняются отдельные пережиточные скифские традиции.

Для гунно-сарматского времени характерны язычковые подпружные пряжки, практически аналогичные современным, и мы их видим уже на лошадях циньской кавалерии. Однако в памятниках хунну II–I вв. до н. э. еще встречаются костяные безъязычковые пряжки с носиком, лежащим в плоскости рамки, обычные для позднескифских седел, например, пряжки с Иволгинского городища (Давыдова 1995. Табл. 182: *4, 5, 9*). В составе поясной гарнитуры в погребениях хунну они не зарегистрированы, а по своим размерам и форме полностью соответствуют подпружным пряжкам из пазырыкских курганов IV–III вв. до н. э. (Степанова 2006. С. 125. Рис. 9). Подобные пряжки, широко представленные в памятниках саргатской культуры (лесостепь Западной Сибири) IV–II вв. до н. э., по мнению В. А. Могильникова, продолжали бытовать в этом регионе до I в. до н. э. – II в. н. э., причем они могли использоваться в качестве подпружных (Могильников 1992. С. 304. Табл. 124: *17, 59, 67*).

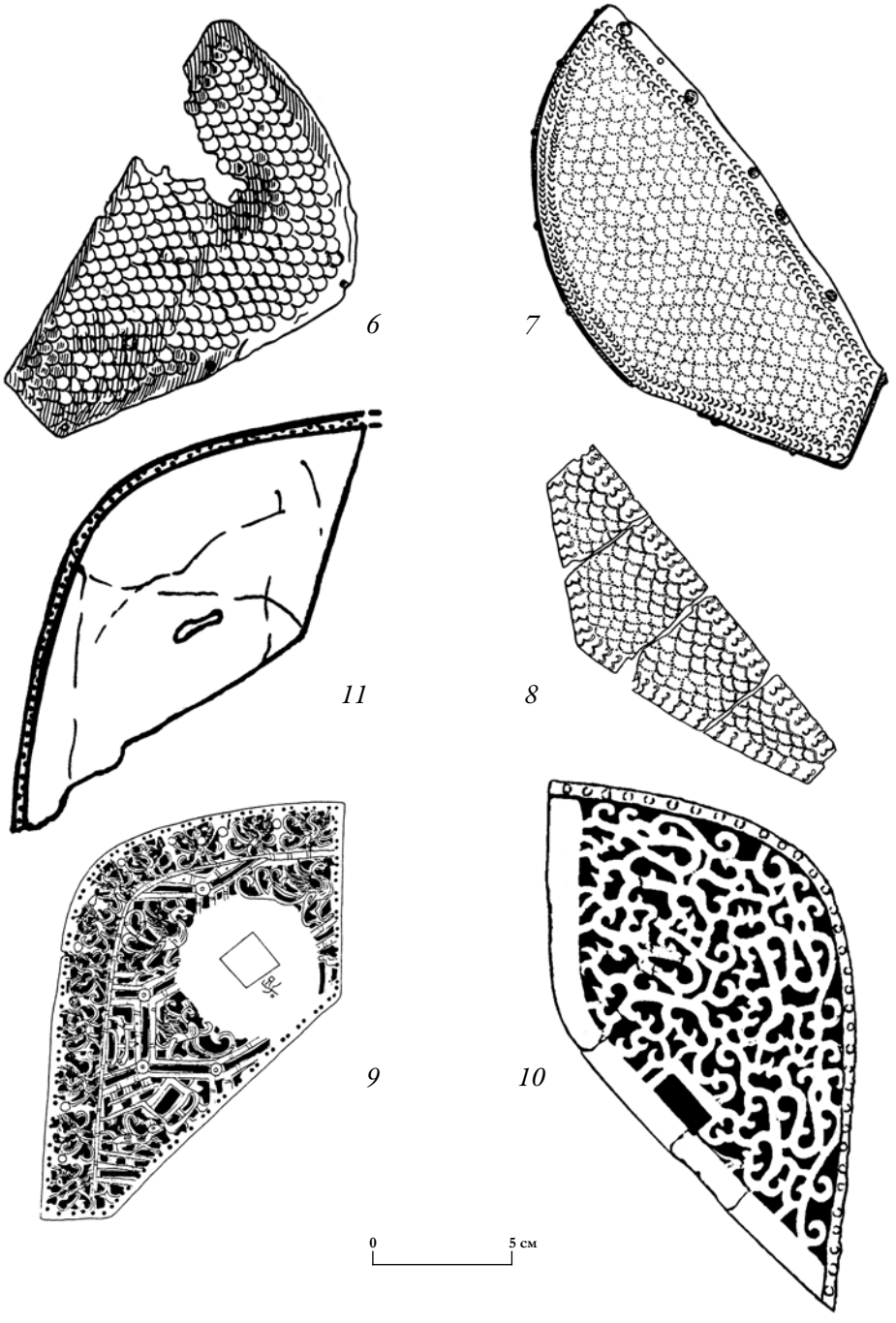
Нагрудники, как и в скифское время, у кочевников обычно крепились к пристругам, а подхвостники – к задним упорам. Места соединения холочных ремешков с основным ремнем нагрудника, начиная с III в. до н. э., часто украшались фаларами. Но у западно-ханьского варианта позднескифских седел нагрудники, не имевшие холочных ремешков, крепились непосредственно к передним упорам, и этот вариант крепления сохранялся у всех последующих модификаций седел гунно-сарматского времени на территории Китая. Фалары, соответственно, не использовались.

С конца III–II вв. до н. э. пучки ремешков с подвесками в задней части седел, характерные для скифского времени, сменяют большие кисти-помпоны. Они представлены на парных бляхах с охотой на кабана из Сибирской коллекции Петра I, на ордосских бронзах, на костяных пластинах со сценами охоты из орлатского могильника и Тахти-Сангина, на сасанидских и гандхарских рельефах (Руденко 1962б. Табл. IV: *5*; Пугаченкова 1989. Рис. 71, 72; Gall 1990; Bunker et al. 1997. Fig. A131. P. 85. F. 31; Рец 2004. С. 327. Рис. 1: *3*).



Ил. 2. Накладки на упоры позднескифских седел (*1–3*) и седел I–VI вв. (*4–10*)

1 – Алтай, коллекция П. К. Фролова; *2*, *3* – Алтай, Пазырык, курган 5; *4* – Забайкалье, Царам; *5* – Монголия, Гол-Мод; *6* – Новогригорьевка, могила IX; *7* – Северный Кавказ, Дюрсо, конское захоронение 10; *8* – Владимирское, курган 4; *9* – Китай, Чаоян, могила 88; *10* – Япония, префектура Осака, курган Маруяма; *11* – Япония, префектура Сига, Сингай, могила 1; *12* – Япония, префектура Осака, курган Нагамотияма



1 – дерево, *2*, *3* – толстая кожа, *4, 5* – бронза, серебро, *6–8* – золото, *9, 10, 12* – позолоченная бронза; *11* – железо. *1* – прорисовка автора по Руденко 1960. Рис. 136: *к*; *2, 3* – прорисовки автора по Руденко 1953. Табл. CVI: *1*; CV: *2* (с уточнением размеров); *4* – прорисовка автора по Миняеву 2009. С. 57. Рис. 15; *5* – прорисовка автора по Полосьмак 2009. С. 73; *6*, *8* – прорисовки автора по Засецкой 1994. Табл. 2: *10*, 35: *13*; *7* – прорисовка автора по Дмитриеву 1979. Рис. 4: 4; *9* – прорисовка автора по Excavation of a Tomb 1997. Fig. 22; *10–12* – прорисовки автора по Nihon bagu taikan 1990. Fig. 3, 10, 39

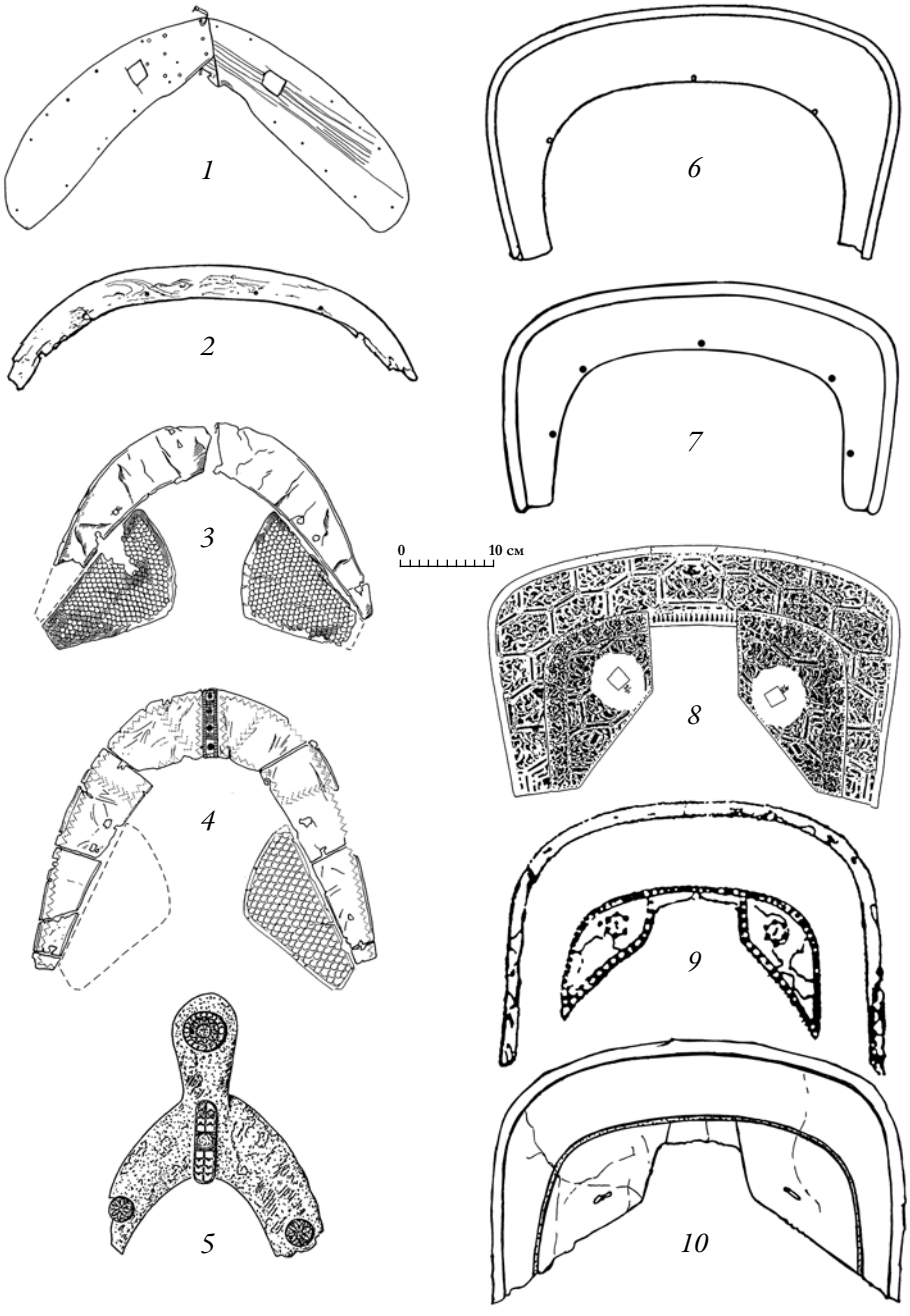
На удивление «живучи» оказались декоративные накладки из твердых материалов на лицевую сторону полукруглых упоров[1], а также бляхи-подвески щитовидной или каплевидной формы к передним упорам, к пристругам, концам поперечных ремней и деталям регулируемых подхвостников, археологически зафиксированные в поздних курганах пазырыкской культуры III в. до н. э., а также в Синьцзяне, например, в позднескифских курганах могильника Цзяохэ Гоубэй (Руденко 1953. Табл. XLVII: *6–9*, XLVIII: 1, L: *1*, LIII: *1*, LIV: *1, 6, 7*, LVII–LIX, LXI: *5, 7–11*, LXXXI: *3, 5, 8, 9, 11* и др.; Степанова 2006. С. 132–135. Табл. 7; Шульга 2010. Рис. 5) (ил. 2: *1–3*). Они продолжают бытовать в Центральной Азии по крайней мере до рубежа эр.

Бляхи-подвески показаны у лошадей глиняной армии из погребения Цинь Ши-Хуанди, на многочисленных статуэтках из могил Западной Хань, на золотых поясных бляхах с охотой на кабана из Сибирской коллекции Петра I (их датировка концом III–II вв. до н. э., предложенная К. И. Рецем, представляется наиболее убедительной), на ордосских бронзовых пластинах с борьбой спешившихся всадников, известных в нескольких вариантах и датируемых по материалу погребений II–I вв. до н. э, на орлатских костяных поясных пластинах, на вышивке из кургана 31 Ноин-Улы (Imperial China 2000. Kat. 102, 121; Руденко 1962б. Табл. IV: *5*; Рец 2004. С. 331; Bunker et al. 1997. Fig. A131. P. 85. F. 31; Пугаченкова 1989. Рис. 71, 72; Полосьмак 2010. С. 52). Деревянные щитовидные подвески зафиксированы в Ноин-Уле в кургане 6 (Руденко 1962а. С. 81. Рис. 27*л*). У седла из Субаши (ил. 4: *1*), помимо подвесок к передним упорам, имелись еще две подвески к задним упорам (Лю Юнхуа 2002. Рис. 154), на китайских изображениях между ними добавлена еще одна.

Серебряные накладки на упоры оригинальной линзовидно-грушевидной формы обнаружены в элитных курганах хунну конца I в. до н. э. – первой половины I в. н. э. в могильнике Гол-Мод, в курганах 6 и 20 Ноин-Улы (Монголия), в кургане Царам (Забайкалье), а также на территории государства Лолан, в могиле 219 Сёгэм-ри, Пхеньян (Корея) (Руденко 1962а. Табл. XXXVI: *3*; XXXVII: *3*; Полосьмак 2009. С. 69, 73, 75; Миняев 2009. С. 57. Рис. 14, 15; National Museum of Korea 1991. P. 187. Fig. 16) (ил. 2: *4, 5*). Эти парные пластины во всех случаях входили в комплекты конского снаряжения вместе с аналогично оформленными фаларами, а в кургане Царам зафиксированы непосредственно при седле[2]. По размерам и форме они очень близки линзовидным накладкам из пазырыкских курганов и отчасти сходны с ними по сюжету изображения (лоси и кони в Пазырыке, як, козел и единороги (?) у хунну, однако драконы в Лолане). Возможно, подобные накладки использовались шире, но если они изготовлялись из органических материалов (дерево, кость), как и в предшествующее время, то до нас могли не дойти. Интересно, что в поздних пазырыкских памятниках для декора мест пересечения холочных и основных ремней нагрудников также использовались крупные круглые бляхи (например, в Шибе, в Пазырыке, в курганах 4 и 5, они же показаны

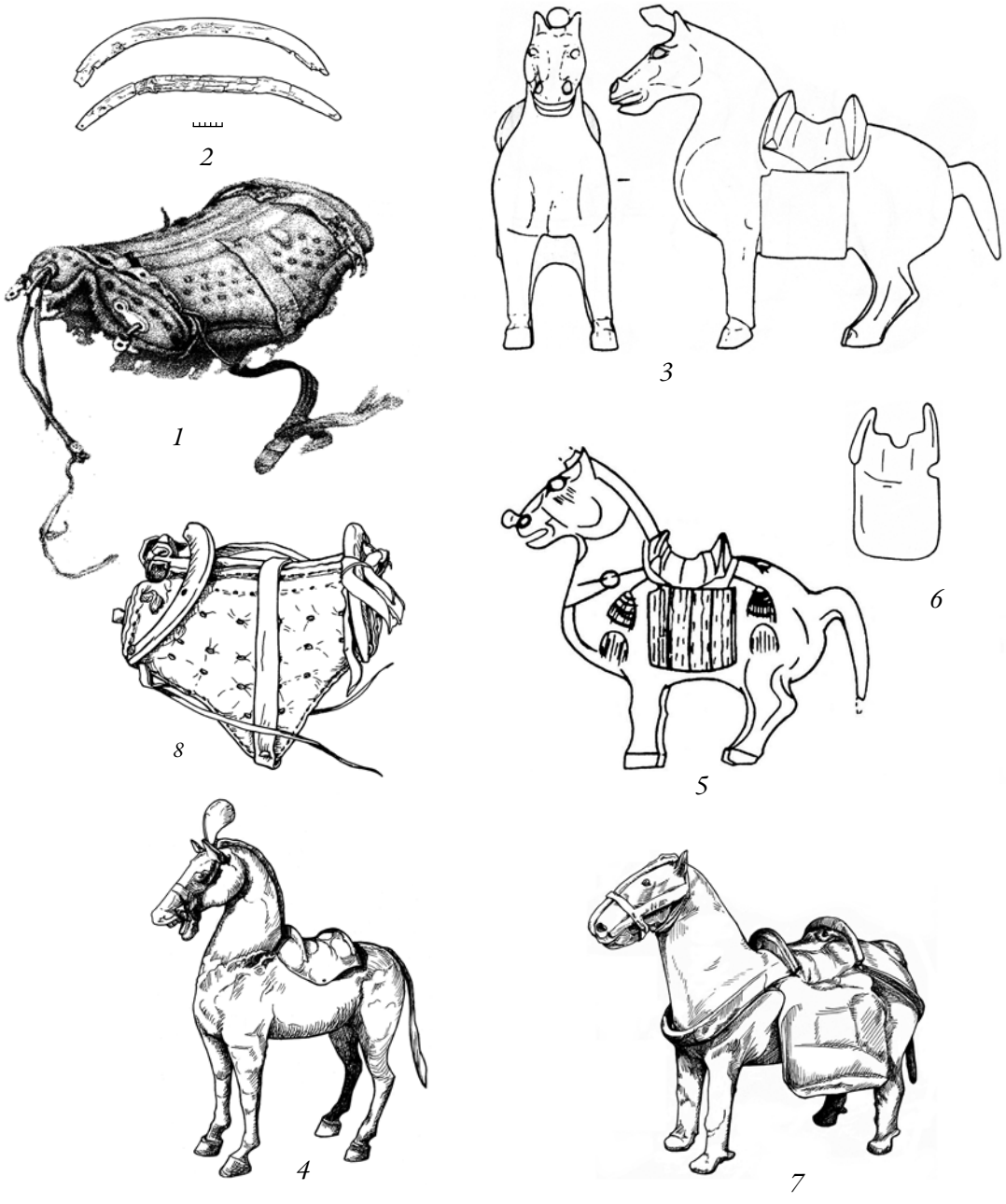
[1] Деревянные накладки линзовидной формы встречаются уже в раннепазырыкское время, например, один комплект (с изображением фантастического орла) происходит из Башадара, курган 2, но характерны они для поздних памятников (Степанова 2006. Табл. 7), где имеют разнообразную форму (линзовидную, трапециевидную, дуговидную) и материал (дерево, кость, толстая кожа), причем деревянные накладки обычно покрывались золотым листом.

[2] На седле располагались серебряные накладки с горными козлами, а в качестве налобника, по-видимому, была использована аналогичная бронзовая накладка. В публикации (Миняев 2009. С. 57. Рис. 14, 15) и, соответственно, на ил. 2: *4* приведена бронзовая накладка как лучше сохранившаяся.



Ил. 3. Передние луки седел I – первой половины VI в.

1 – Монголия, Ноин-Ула, курган 6; *2* – Киргизия, Кенкол, курган 2; *3* – Новогригорьевка, могила IX; *4* – Мелитополь (Кизиярская балка); *5* – Нубия, Баллана, погребение «принцессы»; *6* – Китай, Аньян, могила 154; *7* – Китай, Бэйгоу, могила 8; *8* – Китай, Чаоян, могила 88; *9* – Корея, Юйтянь, могила 3; *10* – Япония, Сингай, могила 1. *1, 2, 6, 7* – дерево, *5* – дерево, золото, *8* – дерево, позолоченная бронза, *3* – золото, *4* – золото, сердолики, *9* – позолоченная бронза, *10* – железо. *1, 2* – рисунки автора; *3, 4* – рисунки автора по Засецкой 1994. Табл. 2: *7, 10*; 7: *3, 9*; *5* – прорисовка автора по Засецкой и др. 2007. С. 72, рис. 25: *4*; *6* – прорисовка автора по Аньян сяо 1983. Рис. 4; *7, 9* – рисунки автора по Wang Wei 1997. Fig. 3: *2*; 25: *7*; *8* – прорисовка автора по Excavation of a Tomb 1997. Fig. 22, 25; *10* – рисунок автора по Nihon bagu taikan 1990. Fig. 10



Ил. 4. Мягкое седло и седла III–V вв. с полукруглыми луками из Восточной Азии

1 – мягкое седло скифского типа из Субаши-1, могила 10; *2* – луки, Кенкол, курган 2; статуэтки с изображениями седел: *3* – Сынюань, *4* – Сигоу, могила 5, *5* – Лоян, могила 1568, *6* – Лоян, район Чжэнчжоу, *7* – Нэйхуа; *8* – модель седла из Лоулань, могила 1.

1 – кожа, шерсть; *2* – дерево; *3, 5–7* – керамика; *4* – бронза; *8* – кожа, шерсть, дерево.

1 – рисунок автора по Лю Юнхуа 2002. Рис. 154; *2* – рисунок автора; *3* – прорисовка автора по Excavation of Wen Qiao's Tomb 2002. Fig. 5; *4* – Excavation of the Wei and Jin Tombs 1996. Рисунок автора по фотографии на обложке; *5* – рисунок автора по Excavation of a Jin Dynasty Tomb 2000. Fig. 2, *7*; *6* – прорисовка автора по Лю Хань 1959. Рис. 1: 6; *7* – Сюйчжоу нэйхуа 1999. Рисунок автора по фотографии на обложке; *8* – Ursprünge der Seidenstrabe 2007. Kat. 146. Рисунок автора по фотографии

на войлочном ковре из кургана 5 Пазырыка) (Баркова 1979. Рис. 2: 24; Руденко 1953. Табл. LXIII: *2, 3,* XCV).

Однако прогресс конского снаряжения не стоял на месте. Все более широкое использование тяжелой кавалерии требовало появления более надежных седел, шел активный поиск в этом направлении, и в гунно-сарматское время появились новые типы мягких седел – римские и сасанидские.

Седла, использовавшиеся римской кавалерией с I в. до н. э., имели прямоугольные с закругленными краями седельные подушки без выраженных крыльев и с четырьмя конусовидными упорами («рогами»), смещенными к их краям. Передние упоры были несколько выше задних, как и у скифских седел.

Характерными деталями римских седел были прямоугольные вальтрапы с бахромой, которые клались на сидение между упорами. Спускаясь значительно ниже края седельных подушек, они отчасти выполняли функцию отсутствующих крыльев. Нагрудники и подхвостники пристегивались непосредственно к седлам с помощью двух ремешков, места крепления прикрывались фаларами. Холочные ремешки у нагрудников отсутствовали. Использовались язычковые подпружные пряжки, но как крепились сами подпруги в настоящее время не вполне ясно.

Сохранились оболочки седельных подушек с остатками соломы внутри и медные накладки на «рога» из европейских крепостей Валькенбурга, Вехтена (Нидерланды), Кастлфорда, Карлисла и Виндоланды (Англия), Ньюстеда (Шотландия) (Connolly, Driel-Murray 1991. Fig. 4, 7. Pl. VII; Driel-Murray et al. 2004. Fig. 4, 6). Конструкция седельных подушек римских седел существенно отличалась от скифских (ил. 1: *1*). При этом длина сидения и максимальная поперечная ширина (в готовом виде) у них практически совпадали. Близки были и размеры упоров. Высота вставок (наружных оболочек рогов) колебалась в интервале 15,0–18,8 см, «функциональная» высота (над сидением) 5,6–10,4 см. Длина роговидного выступа на одном из фрагментов основной детали подушки из Карлисла достигала 14,0 см (Connolly, Driel-Murray 1991. Tab. 1). Максимальные поперечные размеры линзовидных вставок, зафиксированные у скифских седел – 20,0–21,0 см, высота над сидением около 13,0 см (ил. 1: *1, D 5, 8*; *2, J*). Однако, как уже говорилось ранее, у большинства скифских седел эти параметры колебались в пределах 10,0–15,0 см, что обеспечивало высоту выступания передних упоров над сидением 5,0–8,0 см. Задние были ниже на 2,0–3,0 см. И это не случайно. По свидетельству Франсуа Робишона де Ля Гериньера, высота батов военного седла в начале XVIII в. составляла около 10,0 см, но наиболее удобными как для войны, так и для полевой езды считались седла с батами не более 6,0 см (Ля Гериньер 2009. С. 92).

Римские седла, достаточно реалистично переданные, так что их «опознание» не вызывает сомнений, появляются на рельефах конца I в. до н. э. и исчезают в конце II в. н. э. (Heintze 1967. Abb. 179b, 189; Andreae 1973. P. 421–424, 432; Hadrien 1999. P. 86, 87). Причем уже во второй половине II в. рога часто не показываются, а сами седла только обозначаются – характерный прямоугольный чепрак с бахромой, нагрудники и подхвостники с подвесками (Heintze 1967. Abb. 217; Andreae 1973. Abb. 502, 531). В III–IV вв. представлены только такие «символические» изображения (эту традицию продолжают и ранневизантийские иконографические источники), или седла вовсе заменены попонами из звериных шкур (данный мотив наиболее широко представлен на погребальных саркофагах) (Heintze 1967. Abb. 234, 244; Andreae 1973. Abb. 155, 586, 591, 592, 594).

Возможно, наиболее поздним является изображение «рогового» седла на серебряной византийской вазе рубежа IV–V в. из погребения у с. Концешты (Румыния) (Effenberger et al. 1978. Kat. 5. Taf. 4).

Отдельного рассмотрения требует вопрос о соотношении седел, представленных на официальных римских памятниках (Heintze 1967. Abb. 179b; 189; Andreae 1973. Abb. 432, 421–424) и германских провинциальных погребальных стелах I–II в., например, из Майнца, Кёльна, Моерс-Асберга (Крефельд) и Калкара, Монтерберга (Бонн), Хеддернхейма (Франкфурт) и Ноунхейма (Гейдельберг) (Heintze 1967. Abb. 192a; Римское искусство и культура 1984. Рис. 35: *3, 4*; 37; Noelke 2006. Abb. 32–36, 46, 47, 50–52). Если на мавзолее Юлиев в Сент-Реми в Провансе, на арке в Оранже, на рельефе из Мантуи, на колоннах Траяна и Марка Аврелия или на рельефах со сценами войны Траяна с даками на арке Константина в Риме, без сомнения, показаны собственно римские седла с характерными упорами в виде округлых в сечении «шишек» («рогов»), то изображения на рейнских стелах не так однородны.

Самым распространенным сюжетом на них была так называемая загробная трапеза. Если стела посвящалась воину-кавалеристу, погибшему в походе, то в нижнем регистре изображался его слуга с оседланной и взнузданной лошадью. На этих лошадях без всадников седла видны очень хорошо. Большинство, без сомнения, относится к римскому типу. Региональная специфика выражается в длинных пучках торочных ремешков, выступающих из-под чепрака в передней и задней частях седла (на «классических» изображениях они отсутствуют), и очень высоких, заметно сужающихся кверху рогах (обычно показаны все четыре), имеющих выраженный наклон внутрь седла. Такой завал внутрь высоких упорных элементов, связанный с прогибом упругой основы сидения в процессе эксплуатации, очень характерен для мягких седел (Римское искусство и культура 1984. Рис. 35: *4*; Noelke 2006. Abb. 32, 33, 52). Пожалуй, наиболее близкое классическому типу и реалистично переданное седло можно видеть на стеле Олупера из Кёльна. Правда, оно показано поверх чепрака, но благодаря этому мы можем разглядеть форму седельных подушек и способ крепления вышеупомянутых торочных ремешков (Noelke 2006. Abb. 36). Ко всем вышеописанным седлам с левой (дальней от зрителя) стороны приторочены овальные щиты.

Однако ряд стел с трапезой и оседланной лошадью в нижнем клейме имеют явные следы восточного (боспорского, парфянского) влияния. Очень интересно, например, седло на фрагменте рельефа из Хеддернхейма (Археологический музей Франкфурта). Чепрак имеет бахрому по нижнему краю, но совершенно лишен каких-либо признаков драпировки, хотя показан как бы поверх седла – нижний край подушек не оконтурен. Однако их верхняя часть прекрасно смоделирована, показаны все четыре упора в виде невысоких выступов с овальным основанием, мягко и аккуратно загнутых внутрь. Сразу за передними упорами показано небольшое понижение. По моделировке седельных подушек и упоров это седло напоминает седла на надгробии Фаллона, сына Пофа, из Горгиппии и, особенно, на стеле Юлия Патия, сына Деметрия, из Керчи, хотя первое показано как бы несколько сверху, а два других строго в профиль (Noelke 2006. Abb. 50; Вайнштейн 1991. Рис. 96: *4*; Горончаровский 2003. Рис. 12; Десятчиков 1972. Рис. 4).

Еще более отличаются от классических римских изображений седла на стелах Марка Сакрия Примигения из Кёльна и Гая Юлия Прима из Калкара (Noelke 2006.

Abb. 35, 47). Чепраки на них чрезвычайно длинные (до середины пясти лошади)[1], а тороки еще длиннее. На рельефе из Кёльна чепрак с бахромой, но орнаментирован (имитация коврового покрытия?), драпировка отсутствует, на рельефе из Калкара бахромы нет, драпировка передана условно. Пучки тороков в верхней части забраны в декоративные прямоугольные обоймы. Седла положены поверх чепраков (судя по торокам), но их нижний край показан неотчетливо, у седла из Кёльна как будто имеется крыло. У седла из Калкара греческий нагрудник (в виде узкого треугольника). Упоры на обеих стелах даны в профиль, ребром к зрителю, уплощенные и оба, передний и задний, сильно отогнуты назад. Такая трактовка упоров встречается очень редко и уводит далеко на Восток (индийские изображения кушанского времени I–II в., индо-сакские монеты второй половины I в. до н. э. Азеса II, пластина с возвращающимися из похода всадниками из Сибирской коллекции Петра I, а также росписи в склепе Анфестерия и статуэтка катафрактария из Керчи(?), датируемая второй половиной I–II в.) (Степанова 2004. С. 244; Tissot 1985. Fig. 287; Тюляев 1988. Рис. 206; L'Asie des steppes 2000. Núm. 59; Руденко 1962б. Рис. 29. Табл. XXII: 18; Конь и всадник 2003. Кат. 19). Сами лошади также несколько отличаются от изображенных на других рельефах[2]. Особенно выделяются перевитые в верхней части волнистые хвосты, как, например, на парфянском рельефе из Художественного музея Кливленда и т. п. (Herrmann 1989. Pl. XII, XIII). Богатая узда, буквально унизанная выпуклыми узорными бляшками на стеле из Кёльна, напоминает узды на сасанидских граффити из Персеполиса и на рельефе со сценой инвеституры Арташира I в Накш-и Рустаме (Ibid. Fig. 1a, 3).

Особую группу образуют стелы со скачущим всадником с копьем в правой руке и овальным щитом на левой. Считается, что более ранние образцы ограничиваются фигурой атакующего всадника, а на более поздних разновидностях добавлен слуга и поверженный варвар. Основной областью распространения этих стел являются крепости на рейнской границе между Вормсом и Бонном. Седла на двух таких стелах из Кёльна – Тита Флавия Басса и безымянной (надпись отбита), на стеле Гая Романа Капитона из Майнца, а также на фрагменте скульптурной группы с Юпитером и гигантом (Heintze 1967. Abb. 192a; Noelke 2006. Abb. 34; Римское искусство и культура 1984. Рис. 37, 44) очень похожи между собой. Все они положены поверх чепраков, что нетипично для римских седел. Чепраки не имеют драпировки и бахромы, за исключением стелы из Майнца, где они едва намечены. При изображении нагрудников, возможно, предпринята попытка совместить «скифскую» (сарматскую, парфянскую) и римскую традиции – верхний ремешок крепления нагрудника идет выше упора, к холке, напоминая наклонные холочные ремешки на седлах из Пальмиры. На стеле из Майнца прямо под седельным нагрудником показан еще один прямой, широкий, украшенный кисточками (или бахромой). Подобные широкие нагрудники при чепраках (войлочная основа, украшены аппликациями и подвесками) зафиксированы в Пазырыке в кургане 5

[1] Такой же длины чепраки в кургане 5 Пазырыка. Подобные размеры уместны только для парадной экипировки. На официальных римских рельефах столь длинные чепраки никогда не показывались, даже в сценах парадов или триумфов.

[2] На обеих стелах у лошадей пышные гривы, трактованные в виде отдельных закрученных прядей, челки забраны в виде султанчиков. Такая трактовка хотя и находится в пределах вариативности этих деталей на римских рельефах, но, видимо, имеет азиатские прототипы. Например, аналогичным образом переданы гривы и челки на тех же монетах Азеса II и т. п., забранные в пучок челки характерны в первую очередь для азиатских регионов (Иран, Индия, Средняя Азия, Южная Сибирь).

в дополнение к собственным нагрудникам седел, изготовленным из узких кожаных ремней и украшенных бляхами. Передние упоры на стелах переданы в виде плоских лепестков, загибающихся на бедро всадника. Задние заметно ниже передних. У трех седел они почти вертикальны или слабо загибаются внутрь, показаны ребром к зрителю и плотно прилегающими к седалищу всадника, а на более раннем, безымянном рельефе из Кёльна они совсем низкие, в виде небольших валиков. На последнем изображении хорошо видна форма седельной подушки с выраженным крылом. По форме она близка таковой на стеле без надписи из Нимфейского некрополя со скачущим всадником, поражающим копьем упавшего противника (Давыдова 1990. Кат. 54). На стеле из Майнца виден пучок только задних торочных ремешков, не выходящий за корпус лошади (как на боспорских рельефах), у остальных они не показаны (это место прикрыто мечом всадника). Если не считать характерных римских фаларов со свисающими вертикальными ремешками и развилки при креплении подхвостника, эти седла гораздо больше напоминают боспорские, с вертикальными, невысокими, показанными ребром к зрителю задними упорами и высокими, в виде лепестка, передними, а также седло с чепраком на фрагменте скульптуры лошади без всадника из Пальмиры, чем «роговые» римские (Давыдова 1990. Кат. 46, 47, 49, 52; Десятчиков 1972. Рис. 1–3; Горончаровский 2003. Рис. 12).

Таким образом, седла на провинциальных рельефах несут как римские, так и «неримские» признаки. Имеем ли мы здесь разные изобразительные приемы (традиции), разные седла, или это «гибридные» экземпляры, сказать трудно[1]. Я полагаю, что последняя группа рельефов изображает, все-таки, сарматские седла. Все провинциальные погребальные стелы принадлежат всадникам вспомогательной конницы, которая формировалась тут же на месте, в провинции, причем преимущественно из варварского населения.

В римской империи сосуществовали разные типы и разновидности седел. Возможно, всадники вспомогательной конницы были более свободны в выборе седла, чем всадники в легионной коннице, не говоря уже о федератах. Без сомнения, римлянам были знакомы сарматские (боспорские) и парфянские седла. Хорошо представляли они себе и еще одну разновидность седел с полукруглыми упорами. Ф. Кардини подчеркивает знакомство римлян с «греческими» седлами, а П. Коннолли приводит такое седло «греческого образца» на изображении, датируемом около 200 г. до н. э. из Метрополитен-музея (Кардини 1987. С. 54, 55; Коннолли 2001. С. 125, 126). Причем в данном случае оно показано в эпизоде сражения кельтского всадника с греческим, уже упавшим со вздыбленной лошади. Это седло скифского типа с подушками, расширенными в передней части, с невысокими полукруглыми упорами и без чепрака. Известны и другие изображения подобных седел с полукруглыми упорами с территории Римской империи. Например, под амазонкой на рельефе мавзолея Юлиев (Сент-Реми, Прованс, последняя четверть I в. до н. э.) или на камее с охотой Александра Македонского на вепря (Рим, конец I в. н. э.) (Heintze 1967. Abb. 179a; Hadrien 1999. Num. 214). Однако в конце I в. до н. э. – I в. н. э. такие седла, хотя и продолжали использоваться, вероятно, считались римлянами уже не современными, устаревшими, поэтому они приданы мифическим и эпическим персонажам – амазонкам и Александру Великому.

[1] Известны ли примеры обратного влияния? На мраморном надгробии Публия, сына Коса, I в. (Археологический музей, Керчь), задний, ближний к зрителю упор изображен в виде округлой шишки, смещенной к краю седельной подушки, а передний – традиционным образом, в виде лепестка. Все остальные детали седла типичны для боспорских рельефов.

На серебряной вазе из Концешт рубежа IV–V вв. уже римские «рогатые» седла (с изящно изогнутыми рогами «в горошек») показаны под амазонками, борющимися с греками.

Сасанидские седла появляются на изображениях, когда римские уже исчезают, и известны только по изображениям. Они представлены на наскальных рельефах со сценами триумфов и инвеституры шахиншахов в Танг-и Аб у Фирузабада, в Накш-и Рустаме, в Так-и Бостане, Дарабе и Бишапуре, а также на резных камнях и серебряных блюдах III–IV вв. Причем седельные подушки у них, как правило, не видны, показаны только вытянутые, узкие передние упоры, охватывающие бедро всадника в виде плоского, загнутого внутрь лепестка. Об их уплощенности свидетельствуют также декоративные кантики по периметру упоров, вырезанные на ряде изображений, например, у седел на рельефе со сценой триумфа Арташира I над Артабаном IV из Танг-и Аб (30-е гг. III в.), у седла наследника престола на двойном рельефе Варахрана IV (388–399 гг.) и др.

Помимо уплощенности упоров, сасанидские изображения сближает с предшествующими парфянскими ряд признаков. Так, на ранних сасанидских рельефах чепраки отсутствуют, а у нагрудников могут быть показаны холочные ремешки, отходящие как под прямым, так и под острым углом (например, на триумфальных рельефах Шапура I). Обычные украшения нагрудников – фалары и крупные круглые бляхи, в том числе подвесные. Иногда бляхи покрывают все ремни нагрудника, включая холочные (например, у коней Шапура I в сценах триумфов в Дарабе и Бишапуре).

На рельефе из Бишапура IV в сцене коронации Шапура I (240–272), на лошади без всадника, возможно, принадлежавшей самому царю, показано седло без чепрака, с выраженным крылом, передний и задний края подушек приподняты и слегка загнуты внутрь. Из-за плохой сохранности форма упоров не вполне ясна. В целом, это седло близко изображениям парфянских седел (Herrmann 1989. Pl. XV: *b*). Нагрудник и подхвостник украшены цветочными розетками, в задней части седла закреплена большая кисть-помпон.

Подвесные кисти-помпоны являются характерным элементом декора сасанидских седел. Помимо рельефов и предметов торевтики, они показаны также на рисунках всадников из Дома фресок в Дура-Европос.

При сравнении аршакидских и сасанидских изображений мы обнаруживаем, что на первом же триумфальном сасанидском рельефе, выполненном в 226 г., то есть по горячим следам после победы Арташира I над Артабаном IV, и у победителей, и у побежденных изображены седла с иными упорами и декоративным убранством, чем в предшествующий аршакидский период. Возможно, здесь мы сталкиваемся с «запаздыванием» иконографии. Изменения конструкции парфянских седел оказались зафиксированными только на сасанидских рельефах и торевтике, то есть со второй четверти III в., при этом эти изменения оказались достаточно значительными, чтобы говорить о появлении нового типа мягких седел.

При Сасанидах в обиход возвращаются большие прямоугольные чепраки, почти забытые в эпоху правления Аршакидов.

Седло, накрытое прямоугольным чепраком с прорезями для упоров, можно видеть на ритоне из Художественного музея Кливленда (Herrmann 1989. Pl. VI, VII). Упорные элементы невысокие и имеющие овальные основания, ориентированные поперек седла, то есть уплощенные, но сравнительно узкие. Передние выше и слегка загибаются внутрь. Нагрудники с холочными ремешками и фаларами.

На всех блюдах IV в. со сценами царской охоты показаны прямоугольные чепраки и нагрудники без холочных ремешков. Нагрудники и подхвостники могут быть украшены бахромой, фаларами или подвесными круглыми бляхами.

Любопытные результаты дает сравнение сасанидских и римских седел. На рельефе из Фесалоник 297 или 305 гг., изображающем битву Галерия с персами, у императора и его противника показаны попоны из звериных шкур (Heintze 1967. Abb. 251). На рельефе, иллюстрирующем победу Шапура I (240–272 гг.) над императором Валерианом, у римской лошади (Бишапур III) показано практически такое же седло, как и в сцене коронации Шапура I (Бишапур IV) – небольшая разница видна главным образом в декоре. У «римского» седла на простых прямых нагруднике и подхвостнике, без развилки в месте крепления, показаны подвески в виде трилистников, а у лошади, предположительно принадлежащей персидскому царю, такие же нагрудник и подхвостник унизаны крупными цветочными розетками. Оба рельефа плохой сохранности, а рельеф из Бишапур IV, к тому же, не закончен. Поэтому о седлах можно получить только самое общее представление – без чепрака, у сасанидской седельной подушки более выраженное крыло, римская практически одинакова по ширине, передний и задний края седел приподняты и слегка загнуты внутрь, а сверху по крайней мере у римской лошади они как будто дополнены некими выступами, оконтуренными в основании. Возможно, что-то подобное имеется и у лошади персидского царя, но из-за недоделанности и плохой сохранности с уверенностью это утверждать нельзя. В целом сасанидское седло сходно с парфянскими изображениями (Herrmann 1989. Pl. XV*a,b*).

Очень интересны выступы, видимые на римском седле. Г. Херрманн, описывая его, использует термин «арки», как при описании скифских седел: «Трудно определить, были ли четыре рога заменены на поднятые арки спереди и сзади, или это еще один способ изобразить римские рога. Эти арки, или рога, прорезают кожаное покрытие насквозь» (Herrmann 1989. P. 768).

У сасанидского седла показан один подпружный ремень с пряжкой, а у римского, кроме того, дополнительный узкий ремень, идущий от задней части седельной подушки под углом к подпружному ремню. В месте соединения показано кольцо(?), ниже еще одно или пряжка. Подобные откосные ремни чаще встречаются у вьючных седел, например, они показаны на некоторых ассирийских рельефах. У современных седел существует способ пристегивания подпруги к кольцам, подвешенным с помощью ремней, закрепленных на седле[1]. На других изображениях римских седел такие элементы не отмечены.

На сасанидской камее, датируемой около 260 г., со сценой пленения Валериана Шапуром I у обоих показаны совершенно одинаковые седла – без чепраков, седельные подушки и задние упоры скрыты одеждой, передние упоры загибаются на бедро в виде узких полос. Все различие между ними сводится к декору – наличию кистей у седла и узды у Шапура. У Валериана какие-либо декоративные элементы отсутствуют (Heintze 1967. Abb. 386c).

Аналогичным образом показаны седла на рельефах III–IV вв. с поединками в Фирузабаде и Накш-и Рустаме, а также на блюде 310–320 гг. со сценой охоты Шапура II (309–379 гг.) на львов. Помимо изображений с узкими упорными элементами встречаются изображения седел с довольно широкими упорами, например, у Хормизда II

[1] Например, у седла Маклеллана или у ковбойских седел (Симоненко 2010. Рис. 184, 185).

на рельефе из Накш-и Рустама (Gall 1990; Herrmann 1989. Pl. XIV*a, b*; Тревер, Луконин 1987. С. 107. Кат. 3) (ил. 8, 9). Судя по пропорциям изображений, их длина ориентировочно могла составлять 10,0–12,0 см.

Интересно сравнить изображения, где кроме упора показана и торцевая сторона подушки. На блюде со сценой охоты Шапура II на львов передний край подушки вместе с узким упорным элементом выделен позолотой и показан отогнутым на ногу всадника, что напоминает рассмотренные выше седла на рельефах Бишапура III и IV, передний и задний края которых приподняты и слегка загибаются внутрь.

На медальоне Валентиниана I и Валенса (364–375 гг.) (Heather 2008. Kat. 72) передний упор показан опрокинутым на плечо лошади, как на римских изображениях «греческих» («скифских») седел, но при этом хорошо видно, что он значительно у́же передней стороны подушки. Сзади подушки имеют подпрямоугольную форму (как на упоминавшемся рельефе из Сент-Реми и на камее с охотой Александра Македонского), нагрудник и подхвостник подходят к седлу в области упоров, чепрак отсутствует.

Рискну предположить, что передний элемент подобной седельной подушки мог иметь форму, близкую двум фрагментам седельных оболочек из Карлисла – нижняя линзовидная часть, такого же размера, как аналогичные детали скифских седел, сверху дополнена узким выступом длиной 12,0 см (ил. 1: *1, D 5, 8*)[1].

Позднее IV в. седла с узкими упорами не изображались.

На многих сасанидских изображениях IV–VI вв. никакие упорные элементы не показаны. Однако на некоторых блюдах IV–V вв. в прорезях прямоугольных чепраков видны детали, очень напоминающие передние полукруглые упоры скифских седел. Например, на блюдах с охотой на горных баранов – Шапура II (из Перещепинского клада, Государственный Эрмитаж) и Пероза (Метрополитен-музей, Нью-Йорк), с охотой на кабанов Шапура II и на львов – Варахрана V (?) (Британский музей, Лондон). Они присутствуют также на блюдах Хосрова II (?) (591–628 гг.) с изображением царя на охоте (Национальная библиотека, Париж) и в окружении четырех вельмож (Государственный Эрмитаж) (на последнем блюде – в сцене охоты на горных баранов в нижнем регистре). Эти каплевидные элементы имеют выделенные дополнительными линиями или штриховкой бортики. В отличие от передних лук жестких седел на блюдах VII–VIII вв., изображавшихся в виде арок над холкой лошади, они не выходят за линию холки, то есть это боковые упорные элементы (Тревер, Луконин 1987. С. 62, 63, 73, 77, 78, 107. Кат. 2. Ил. 6, 7, 19. Рис. 26, 48, 58; Herrmann 1989. Pl. XVI, XVII).

В VII в. на иранских блюдах с охотничьими сценами появляются жесткие седла тюркского типа с хорошо выраженными передними луками, видными окончаниями полок и без выступающих упорных элементов. При этом еще некоторое время стремена не показываются, а задняя часть седла по традиции прикрывается одеждой. И только в VIII в. начинают изображаться стремена (Тревер, Луконин 1987. Кат. 10–12. Ил. 20, 21, 22, 23, 34, 35).

Подводя итог краткому обзору седел гунно-сарматского времени с четырьмя выраженными упорными элементами, вслед за Г. Херрманн хочу констатировать большое разнообразие форм этих седел по сравнению со скифским временем.

[1] Для своей реконструкции римского седла П. Коннолли использовал широко представленный вариант в виде рога или полуовала (Driel-Murray et al. 2004. Fig. 5).

Реконструкция римского седла была выполнена П. Коннолли с привлечением как археологических материалов, так и иконографических источников. Эта реконструкция получила большую известность и одобрение научного сообщества (Connolly, Driel-Murray 1991. P. 33–50. Fig. 5b, 6, 8. Pl.VI; Driel-Murray et al. 2004. P. 12–19. Fig. 3, 5. Col. fig. 1–3). При этом автор предположил, что римские седла имели внутренний каркас, хотя никаких вещественных остатков их ленчиков до сих пор не обнаружено, а на изображениях они показаны плоскими, плотно прижатыми к спинам лошадей. Экспериментальные варианты конструкции изготовлялись и тестировались в процессе верховой езды.

В качестве аналога для реконструкции ленчика римского седла были использованы современные седла с внутренним каркасом. Однако нужно отметить, что это эволюционно очень поздняя группа седел, появившаяся только в XVI в.

В своей реконструкции П. Коннолли исходил априори из абсолютной твердости рогов. Для ее достижения потребовалось сконструировать достаточно массивный деревянный каркас с металлическими креплениями. Между тем, упорные элементы, как показывает практика, могут иметь или не иметь твердую основу, что существенно не сказывается на потребительских качествах седел.

В результате медные накладки на рога, найденные вместе с оболочками седельных подушек и призванные усиливать упоры мягких седел (как и соответствующие накладки седел скифского типа), оказались не совместимыми с твердой конструкцией (Driel-Murray et al. 2004. P. 10). Избыточная твердость рогов вкупе с их чрезмерной высотой (на реконструкции задние упоры оказались выше передних, что противоречит изображениям римских седел) создала проблемы при посадке в седло, проявившиеся при тестировании опытных образцов. Всадник травмировался при посадке и обдирал спину при езде рысью, иногда повисал на рогах как на вешалке, что в ряде случаев создавало опасность для жизни (Driel-Murray et al. 2004. P. 19, 20. Fig. 3, 5).

Явное предпочтение при воссоздании внешнего облика римского седла было отдано исследователем группе рейнских рельефов с заметными следами сарматского влияния. Попытка совместить внешний вид одного типа седла с выкройкой другого в одном изделии привело к несколько парадоксальным результатам. Например, угол линии отворота передних упоров седел скифского типа по отношению к их осевой линии составляет около 55–60 градусов, как хорошо видно на ил. 1: *2* (он маркирован поперечными ремнями), а у римских – 90 градусов. Соответственно, чтобы обеспечить угол отворота упоров как на германских рельефах с атакующим всадником, выкройку подушки римского седла пришлось натянуть на переднюю луку, наклонную внутрь седла под таким же углом[1]. Линия отворота задних упоров у обоих типов седел перпендикулярна их осевой линии. Однако на реконструкции П. Коннолли (Driel-Murray et al. 2004. Fig. 3) деревянная основа задних упоров оказалась развернутой параллельно осевой линии седла и смещена к самому краю, что является явным насилием над выкройкой. Иначе чем стремлением максимально точно передать изображение из Майнца такое смещение не объяснить. Между тем, подобный вариант изображения задних упоров широко представлен на боспорских стелах и схематично воспроизводит отогнутые под прямым углом к осевой линии уплощенные полукруглые упоры, повышающиеся непосредст-

[1] Мне не известен ни один ленчик с подобным углом наклона передней луки. Обычно она перпендикулярна полкам или имеет отклонение **наружу** в верхней части.

венно от края седельной подушки, их вид с торца. Данный изобразительный прием использовался только на сравнительно плоских рельефах, на более глубоких рельефах упоры трактованы более реалистично.

Конструкция ленчика, предложенная П. Коннолли, вызывает ряд возражений. Наклон передней луки снижает его прочность, а задняя лука слишком плоская. Края полок совмещены автором с краями подушек. В результате седельный желоб оказался в полтора–два раза шире нормального (16,0 см против 8,0–10,0 см), то есть полки не лежат оптимальным образом – в «уложинах», и такой ленчик не выполняет свою основную функцию – не поднимает всадника над позвоночником лошади. Все реально существовавшие ленчики, начиная с тюркских и кончая современными, не имеют подобных дефектов. Выраженный желоб между седельными подушками оптимальной ширины присутствовал уже у скифских седел, не говоря уже о более поздних. В результате, Д. Дакхэм, тестировавший реконструированные образцы, отмечал повреждения спины лошади и неустойчивость седла при увеличении толщины смягчающих подкладок под ним (Driel-Murray et al. 2004. P. 20).

Выводы П. Коннолли о конструкции римских седел и наличии у них внутреннего каркаса были не только поддержаны многими исследователями, но и распространены на другие типы седел – сарматский, парфянский, сасанидский. Однако реальное разнообразие седел с четырьмя упорными элементами на изображениях последних веков до н. э. – первых веков н. э. не может быть сведено к роговым седлам.

Похожи ли сарматские или парфянские седла на римские? Да, но только на изображенные на группе рейнских рельефов с атакующими всадниками.

По мнению Х. фон Галля, «боспорское седло кажется по своей конструкции сделанным из твердого материала, вероятно, дерева», а на сосуде из Косики показаны мягкие седельные подушки (*Sitzpolster*) с подколенниками (*Bauschen*) (Gall 2002. P. 407).

Изображение седла на надгробии Фаллона, сына Пофа, В. А. Горончаровский относит к «кожаным» римским седлам «с рогами», седло на стеле сыновей Панталеонта (оба памятника из Горгиппии) – к парфянскому типу, а остальные седла на боспорских рельефах – к местному типу «глубокого жесткого седла», которое характеризуется «ярко выраженными округлыми выступами, загнутыми внутрь по форме бедра», а сзади снабжено «вертикальными выступами» (Горончаровский 2003. С. 43–48). Кроме того, он предполагает наличие у них задних лук, ссылаясь на фрагмент из Темрюкского музея (Там же). Хотя седла на всех этих рельефах имеют одни и те же черты (полукруглые упоры, подушки с выраженным крылом, подшитые потники той же формы, отсутствие чепраков, пучки ремешков в задней части седла), которые характерны для боспорских седел в целом и которые позволяют отнести их к седлам скифского типа.

По мнению В. П. Никонорова, «жесткие седла с передней и задней луками» парфяне использовали наряду с «роговыми» седлами, заимствованными у них римлянами (Никоноров 2001. С. 116).

У сарматских седел, начиная с I в. н. э., А. В. Симоненко допускает наличие только лук, закрепленных на мягком каркасе и предполагает конструкцию, подобную седлу Маремма, что более соответствует их внешнему виду, чем реконструкция П. Коннолли (Симоненко 2010. С. 231, 232; Симоненко 2015), а «римские и парфянские „рогатые“ седла с четырьмя выступами-луками» относит к иному, но также новому по сравнению со скифскими, виду седел (Там же. С. 227. Прим. 11).

Однако каких-либо остатков ленчиков боспорских, парфянских или сасанидских седел до сих пор не найдено. На всех изображениях, в том числе скульптурных, внешние признаки ленчиков (луки, выступающие концы полок) также отсутствуют, седла показаны плоскими, плотно прижатыми к позвоночнику лошади. Причем под всадниками часто видны только передние, более высокие упоры.

Появление лук. Большим прогрессом в развитии конского снаряжения явилось изобретение на рубеже эр седел с деревянными луками. Но ничего общего ни с реконструкцией П. Коннолли, ни с седлами XVI–XX вв. со скрытым каркасом, они не имели. В качестве их основы в центрально-азиатском регионе были использованы седла скифского типа, еще сохранявшие отдельные элементы местного позднескифского декора. Наиболее ранние находки лук известны в памятниках хунну. Трапециевидная лука из кургана Царам (Забайкалье), найденная in situ, состояла из трех дощечек, скрепленных ремешками, и лежала на кожаном тлене, под которым находились две серебряные линзовидно-грушевидные накладки, упомянутые выше, и два фалара с изображением козлов, свидетельствующие об использовании нагрудников с холочными ремешками (Миняев 2009. С. 57. Рис. 14, 15). Луки из кургана 6 Ноин-Улы (Монголия) – всего восемь экземпляров – также состояли каждая из двух сравнительно тонких (около 1,0 см) дощечек, связанных ремешками, но имели округлые очертания (Руденко 1962а. Табл. XXIV: *3*). Одна из них приведена на ил. 3: *1*. Из этого кургана также происходят выполненные из листового серебра грушевидная накладка и фалар, но с изображением яка.

Форма, относительная хрупкость и небрежность отделки этих изделий[1], а также отсутствие на них явных следов крепления к основе, при наличии фрагментов кожи с шерстяным ворсом от покрытия седел и деревянных гвоздиков (в Ноин-Уле), крепивших обивку на луках только с одной стороны, заставляют предположить скорее их формообразующую, чем конструктивную функцию. Вероятно, именно эти седла изображены на бронзовых статуэтках Восточной Хань из Лэйтая, имевших невысокие трапециевидные или полукруглые валики спереди и сзади седельных подушек (Ганьсу увэй 1972. Рис. 2, *8*). Небольшие подпрямоугольные отверстия 0,5 × 1,0 см на луках из Ноин-Улы – по одному с каждой стороны передней луки и по два на задней – использовались для крепления нагрудного и подхвостного ремней к упорам. Отверстия аналогичного размера и формы мы видим позднее на сегментовидных металлических накладках лук дальневосточных седел IV–VI вв.

Луки, происходящие из кургана 2 Кенкольского могильника (Бернштам 1940. Табл. IV, XXVI)[2], уже цельнодеревянные, достаточно массивные, дуговидные, со сквозными отверстиями по всему нижнему краю, кроме центральных частей, располагавшихся над седельным желобом. Судя по их размеру и форме, луки привязывались поверх полукруглых упоров седел скифского типа. Курган датируется хранителем материалов Кенкольского могильника А. И. Торгоевым не ранее III в. н. э. (Торгоев 2009)[3]. Изображения таких седел представлены на погребальных статуэтках III–IV вв. династий Вэй

[1] Детали из Ноин-Улы не строго симметричны и грубо обработаны. Но под кожей с плотным шерстяным ворсом, которым, по свидетельству С. И. Руденко, были обтянуты седла, такие мелочи не были видны (Руденко 1962а. С. 58, 59).

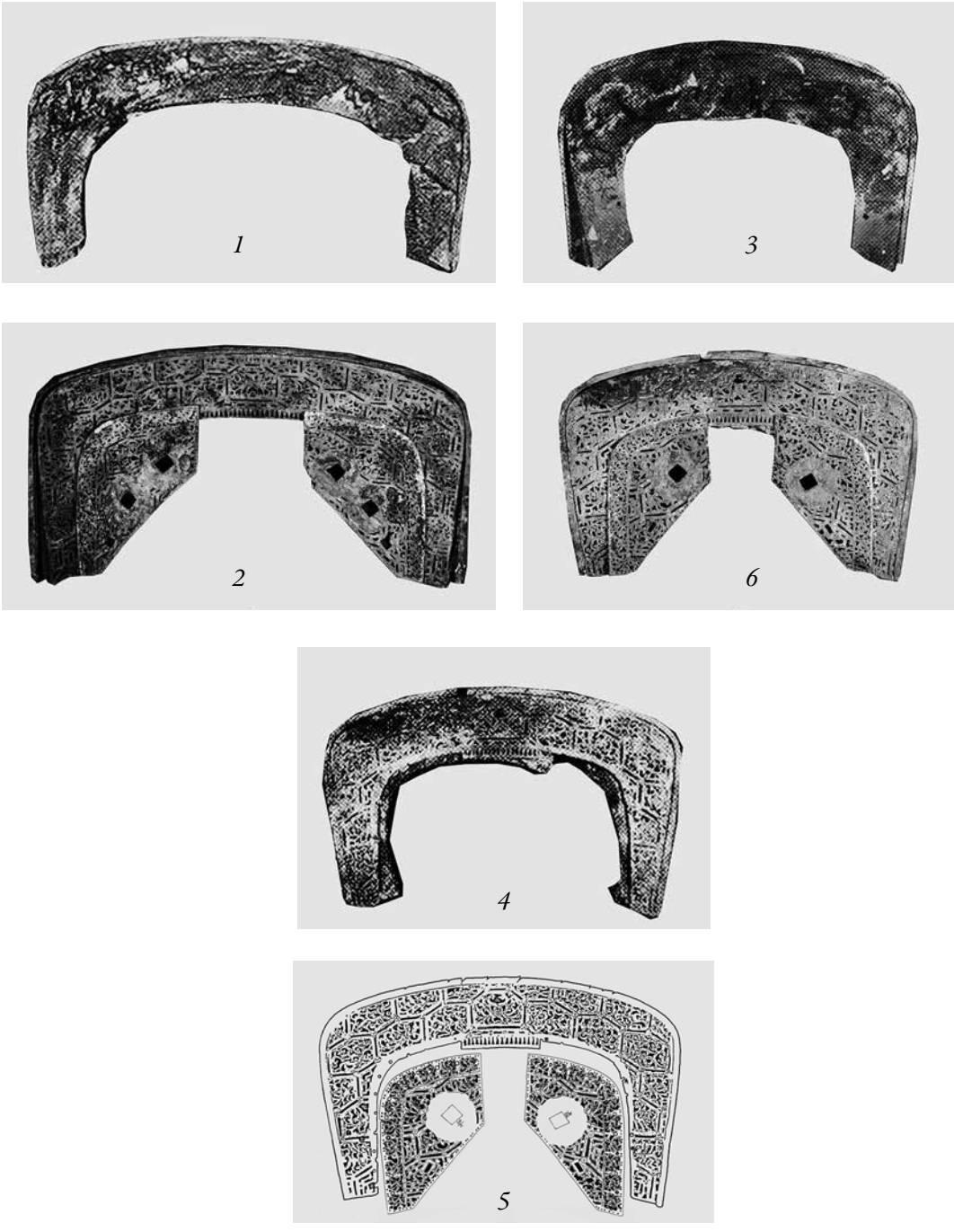
[2] В публикации отмечена только одна лука. По-видимому, на момент ее написания вторая находилась в обломках и еще не была отреставрирована. Обе луки в настоящее время хранятся в Государственном Эрмитаже.

[3] Выражаю благодарность А. И. Торгоеву, хранителю Отдела Востока Государственного Эрмитажа, за возможность ознакомиться с материалами погребения и ценные консультации.

и Западной Цзинь из Сигоу, Лояна и Сынюани. У них хорошо видны полукруглые упоры и невысокие дуговидные луки. Причем в центре под луками имеются характерные просветы между упорами. Нижние края подушек имеют подтреугольные очертания (как у седел из Туэкты или Пазырыка, курган 1), к ним на ремешках подвешены дополнительные прямоугольные кожаные крылья (Brinker 2007. Fig. 7; Wang Wei 1997. Fig. 1: *3*; Лю Хань 1959. Рис. 1: *6*; Excavation of the Wei and Jin Tombs 1996. Fig. 42: *1,* фотография на обложке; Excavation of a Jin Dynasty Tomb 2000. Fig. 2: 7, фотография на обложке) (ил. 4). Тщательно воспроизведен прогиб мягкой основы, возникающий при затягивании подпруги, а также соответствующий легкий «завал» внутрь упоров, с закрепленными на них луками. Такие седла китайские историки называют «седлами с вогнутыми сидениями» (Лю Хань 1959. С. 100) и прослеживают их связь с мягкими седлами Западной Хань (Wang Wei 1997. Fig. 1). У этих седел, как и у ранних ханьских, нагрудники крепились к упорам. Стремян у этих седел еще не было.

Модель подобного седла, длиной всего 13,0 см, но прекрасно передающая особенности оригинала, с кожаными простеганными подушками и дуговидными луками, привязанными ремешками к упорам, была найдена в могильнике Лоулань-Гу Ченг, Ярклик, могильник 1 в Синьцзяне (Ursprünge der Seidenstrabe 2007. Kat. 146) (ил 4: *8*). Погребение датировано периодом Восточная Хань – Западная Цзинь (25–420 гг. н. э.). Подушки имеют несколько утрированно переданное подтреугольное крыло, поверх подушек закреплен подпружный ремень, с внутренней стороны упоров также, видимо, имелись дополнительные поперечные ремни, как и у скифских седел (сохранились обрывки). Показаны даже приторочные ремешки.

Следующим этапом являются седла с высокими П-образными вертикально поставленными луками, появление которых в начале IV в. (или конце III в.) связывают с сяньбийцами. Они получили широкое распространение в Китае, затем в Корее и Японии, и существовали по VI в. включительно. Ранние экземпляры этого типа (из Аньяна, могильник 154 и Бэйгоу, могильник 8) не имели металлического декора лук (ил. 2: *6, 7*). Позднее П-образные плоские деревянные луки стали покрывать позолоченными ажурными бронзовыми или сплошными железными и бронзовыми пластинами снаружи и по верхнему торцу. К нижней стороне лук крепились парные сегментовидные накладки из тех же материалов, располагавшиеся **вертикально** (Wang Wei 1997. Fig. 25, *2, 4–6, 8–10*; Excavation of a Tomb 1997. Fig. 17–19, 22–25; National Museum of Korea 1991. P. 60. Fig. 5; Nihon bagu taikan 1990. Fig. 1–3, 6, 10, 11, 24, 25). Расстояние между ними соответствует ширине седельного желоба (ил. 2: *8, 10*). В облегченном варианте металлическая полоса закрывала только торец луки. Но парные бронзовые, обычно позолоченные накладки, как и в случае полного комплекта, оконтуривались узкой металлической лентой и прибивались по нижнему периметру луки (Wang Wei 1997. Fig. 25, *7*; Dong Gao 1995. Fig.3; Nihon bagu taikan 1990. Fig. 34, 39, 54, 133, 134) (ил. 2: *9*). При этом сегментовидные накладки, в отличие от **плоских** П-образных накладок на луки, обычно имели слегка **выпуклую** форму. Данные элементы декора, очевидно, являются продолжением развития накладок на полукруглые упоры пазырыкских и хуннских седел (ил. 2). Характерно, что их параметры не выходят за средние габариты упоров скифских седел – 10,0–15,0 см по высоте, 20,0–22,0 см по длине. На передних и задних накладках обычно размещались отверстия, в которых крепились пряжки для пристегивания нагрудников и подхвостников – продолжение западно-ханьской традиции.



Ил. 5. Седло IV в. с П-образными луками из Чаояна

деревянные луки (*1* – задняя, *3* – передняя) и позолоченные бронзовые накладки на луки (*2, 4–6*)
1–6 – Excavation of a Tomb 1997. Col. fig. 1, 2, fig. 18, 19, 22, 24, 25

Крепежные отверстия располагались по нижнему краю П-образных деревянных лук, как и у образцов из Кенкола. Причем на нижних торцах развилок лук отверстий нет, а у некоторых японских седел даже выполнена их окантовка (Nihon bagu taikan 1990. Fig. 345, 347). Рассмотрим подробнее особенности крепления накладок к лукам и самих лук к седлу на примере седла из окрестностей г. Чаояна.

Раскопанная в 1988 г. около г. Чаояна у поселения Ширтай могила 88, по мнению авторов раскопок, принадлежит знатному сяньбийцу и относится ко времени династии Старшая Янь (337–370 гг.). Сохранились деревянные луки седла и бронзовые позолоченные накладки на них (ил. 5). Луки были облицованы бронзовыми пластинами, повторявшими их форму, с двух сторон, с внутренней стороны – гладкими, а с наружи – ажурными (Excavation of a Tomb 1997. Fig. 17–19, 24). Причем по периметру внутренних арок лук оставалась узкая полоса свободного от металла дерева, за исключением центральной части с наружной стороны, равной ширине седельного желоба, прикрытой выступом ажурной накладки (ил. 5: *4*). По внешнему торцу лук шла бронзовая полоса, П-образная в сечении, прижимавшая края наружной и внутренней накладок и закреплявшая их на луке. По внутреннему краю лук с наружной стороны прибивались парные сегментовидные ажурные накладки. Они закрывали полосу дерева и нижний край П-образных ажурных накладок (ил. 5: *2, 5, 6*). После совмещения П-образных и сегментовидных накладок были выполнены круглые крепежные отверстия для привязывания лук к основе. Эти отверстия шли сквозь луку и полосу наложения П-образных и сегментовидных накладок, но так как внутренние края П-образных накладок были не видны под парными наружными пластинами, отверстия частично прошли мимо них (ил. 5: *5*).

У более поздних седел крепежные отверстия на парных накладках уже не видны. Очевидно, они выполнялись до их размещения и затрагивали только внутренний край деревянных лук, свободный от металла. В Чаояне также не сохранились или отсутствовали тонкие металлические полоски для окантовки парных накладок по их периметру, хотя серия соответствующих мелких отверстий для крепления имеется. У более поздних седел они обычно присутствуют.

У ранних седел сяньбийского типа очертания нижней стороны парных накладок довольно угловатые, а концы лук обрезаны почти под прямым углом и не выходят за край этих накладок, а значит, за пределы упора и седельной подушки (ил. 3: *6–8*). Аналогично обрезаны и расположены полукруглые луки у седел III в. (ил. 4). Однако металлические накладки довольно тяжелые, что заставило подкорректировать их профиль и форму лук в нижней части. У более поздних седел концы П-образных лук срезаны под острым углом и спускаются значительно ниже края упора, а нижний абрис парных накладок обычно плавный, повторяющий линии корпуса лошади (ил. 3: *9*). В целом подобные луки в комплекте с металлическими накладками позволяли довольно надежно зафиксировать седло на теле лошади и максимально прикрыть всадника.

К нижнему краю седельных подушек, как и в предшествующий период, на ремешках подвешивались прямоугольные кожаные крылья.

Из-за высоких вертикальных лук посадка в такое седло была очень неудобной, что привело к появлению односторонних и двусторонних подножек, которые быстро стали использоваться как стремена (Вайнштейн 1991. С. 220, 221; Комиссаров 2005. С. 127–129).

1

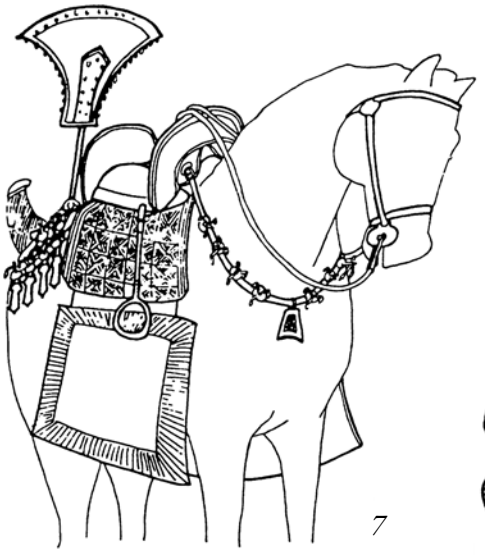
2

4

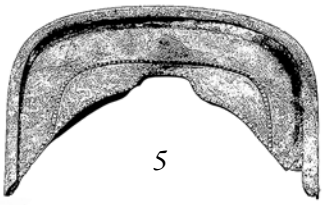
3

Ил. 6. Седла Силлы с П-образными луками V – первой половины VI в.

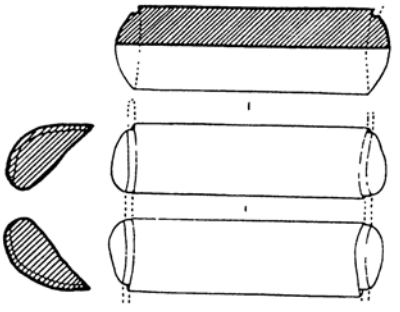
1–4 – керамические сосуды из захоронения Кымнён-чжон, г. Кенчжу, провинция Северная Кёнсан;
5 – позолоченная бронзовая накладка на переднюю луку из гробницы «Небесного коня» в Синьмо;
6–9 – реконструкция конского снаряжения;



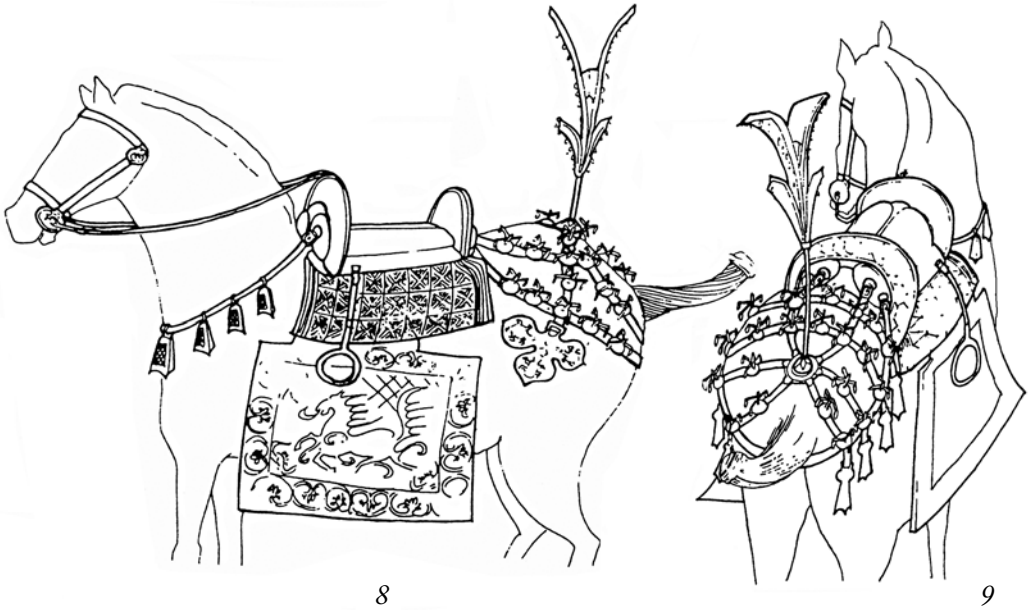
7



5



6



8

9

1–4 – Национальный музей Кореи, национальное сокровище № 91;
5 – прорисовка автора по Gyeongju National Museum 2010. P. 53;
6–9 – прорисовки автора по Yang Hong 1985. Fig. 2, 11

Обычно от этих седел сохраняются только металлические накладки (П-образные и парные сегментовидные) и стремена с высокой шейкой и овальным корпусом. Даже в тех памятниках, где найдены деревянные луки (например, в Аньяне, Бэйгоу, Чаояне), полки ленчиков отсутствуют (Аньян сяо 1983. Fig. 4; Wang Wei 1997. Fig. 3, 4; Excavation of a Tomb 1997. P. 26–28). Аналогичная картина наблюдается в погребениях японской культуры периода кофун V–VI вв. Изредка сохраняется дерево от П-образных лук, при этом полки во всех случаях отсутствуют (Nihon bagu taikan 1990. Pl. 54, 398, 399). Ни на одном изображении седел первой половины 1-го тысячелетия н. э. не показаны выступающие концы полок ленчиков. Более того, рассмотренные выше особенности лук исключают возможность их крепления к полкам.

Известная реконструкция седла из Аньяна, выполненная по аналогии с современными монгольскими седлами, не имеет никакой археологической основы – в погребении были найдены только П-образные луки (Аньян сяо 1983; Аньян цзинь 1983). Гораздо убедительнее реконструкция подобного седла из гробницы «Небесного коня» в Синьмо, V– начала VI в., и других аналогичных корейских седел (Yang Hong 1985. P. 87–95. Fig. 1, *11*), у них в качестве полок использованы подушки мягких седел с полукруглыми упорами, к которым и привязаны луки (ил. 6: *5–9*).

Прекрасный образец таких седел (ил. 6: *1–4*) мы видим на сосудах из Силлы VI в. (захоронение Кымнён-чжон, г. Кенчжу, провинция Северная Кёнсан) («Ветер в соснах…» 2010. Кат. 26; National Museum of Korea 1991. P. 60. Fig. 5). Отчетливо переданы полукруглые упоры, к которым и крепятся луки. Заостренные окончания лук спускаются ниже края седельных подушек. Торцевые накладки отсутствуют. Нагрудник традиционно пристегнут к упорам. Из-под седла выступает трапециевидный потник, очевидно, покрытый кожей. По обе стороны подушек подвешены дополнительные прямоугольные кожаные крылья.

Подобные большие толстые трапециевидные потники, покрытые кожей, обычно используются с японскими самурайскими седлами. Эти жесткие седла имеют наружный каркас, характерной особенностью которого являются выступающие за пределы полок концы развилок лук, что придает седлу большую устойчивость. Вышеописанные потники – самостоятельные элементы конского снаряжения и служат для предотвращения контакта выступающих частей лук с телом лошади.

На Западе седла с луками появляются в то же время, что и на Востоке. Судя по изображению на ручке котла I в. из хут. Киляковка, они были известны и сарматам (Симоненко 2010. С. 228. Рис. 186: *1*). А. К. Амброз, в свое время ознакомившийся с этой находкой, полагал, что в основе такое седло может быть мягким (Амброз 1992. С. 37). Передняя полукруглая лука, если верна прорисовка, возможно, показана на падающей раненой лошади на сосуде из Косики (Трейстер 1994. Рис. 11). Еще одно изображение, на этот раз седла только с задней лукой, происходит из слоя «середины – второй половины III в. н. э., переотложенного средневековым перекопом» городища Артезиан (Винокуров 2002. С. 74. Рис. 4–6). На терракотовой фигурке стоящего всадника изображено седло с массивной вертикальной задней лукой. Передняя лука не показана, так как для нее нет места. Фигурка всадника слишком надвинута на шею лошади, колени лежат на ее плечах. Такое положение фигуры всадника и особенно его ног имеет ближайшие аналогии на боспорских надгробных стелах, то есть восходит к традиции изображения безленчиковых причерноморских седел «скифского» типа. Очевидно, иконография жесткого седла еще

не устоялась (наличие только задней луки не типично для изображений седел). Следов стремян нет, и положение ног их не предполагает.

В свое время я возражала против датировки статуэтки III в. (Степанова 2004. С. 244, 245). Сейчас датировка, предложенная Н. И. Винокуровым, кажется мне вполне возможной (сильны эллинистические традиции изображения всадников, схема передачи седла с луками еще не сложилась).

В целом, изображения седел с луками I–III в. на территории Европы и Передней Азии, по сравнению с восточными регионами, малочисленны, а находки пока отсутствуют. Это, возможно, связано с несовершенством ранних седел с луками и отсутствием ощутимых преимуществ в их использовании перед поздними типами мягких седел, получивших широкое развитие на Западе.

Однако, если седла с деревянными луками, хотя бы отчасти, использовались европейскими кочевниками, они, скорее всего, были знакомы и римлянам. И тогда понятно, почему гуннские седла их совершенно не впечатлили. По мнению А. К. Амброза, на рельефе арки Феодосия I (379–395 гг.) изображено седло с высокими вертикальными луками, а не «рогатое» римское (Амброз 1992. С. 37. Табл. VII: *27*).

Массовые свидетельства использования седел с луками в Европе относятся уже к гуннскому времени.

Европейские «гуннские» седла V – начала VI в. с высокими полукруглыми луками (ил. 3: *3, 4)* по ряду признаков близки современным им седлам с П-образными луками из Юго-Восточной Азии. У них тоже не зафиксированы деревянные полки. Они имеют сходный набор накладок на луки (дуговидные и парные сегментовидные), а также аналогичный способ их крепления (с помощью узких металлических полос и гвоздиков). Неполный набор накладок, когда есть только парные сегментовидные накладки на упоры, а сама лука не имеет металлического покрытия, также встречается у седел с П-образными луками. У накладок из Мелитополя и Новогригорьевки (могильник VIII, IX) присутствуют такие же сквозные отверстия для привязывания по внутренней стороне, как и у сохранившихся экземпляров лук из китайских и японских памятников. Однако имеется и ряд отличий – нет стремян, полукруглая форма лук, наличие остатков только от передних лук, а основа покрытых золотой фольгой накладок преимущественно не бронзовая, а деревянная. Насколько существенны эти различия?

В IV–V вв. в дальневосточном регионе наряду с П-образными продолжали существовать и седла с полукруглыми луками. Они показаны на некоторых статуэтках, например, династии Западной Цзинь из погребения № 21 близ Чанша (302 г. н. э.) или на статуэтке из Нэйхуа эпохи Южных и Северных династий (420–581 гг.) (Вайнштейн 1991. Рис. 97: *1*; Сюйчжоу нэйхуа 1999. Рис. 12: *3,* фотография на обложке). Причем на последнем изображении стремена отсутствуют (ил. 4: *7*), может быть, потому, что посадка в такое седло со сравнительно невысокими луками проблем не вызывала. Часть парных накладок из европейских памятников имела бронзовую основу (например, из Левы и Новогригорьевки, могильник IX)[1]. Возможно, гуннские седла происходят от восточно-азиатских образцов II–III вв., еще не имевших стремян, то есть это другая линия развития седел с высокими луками наряду с сяньбийскими.

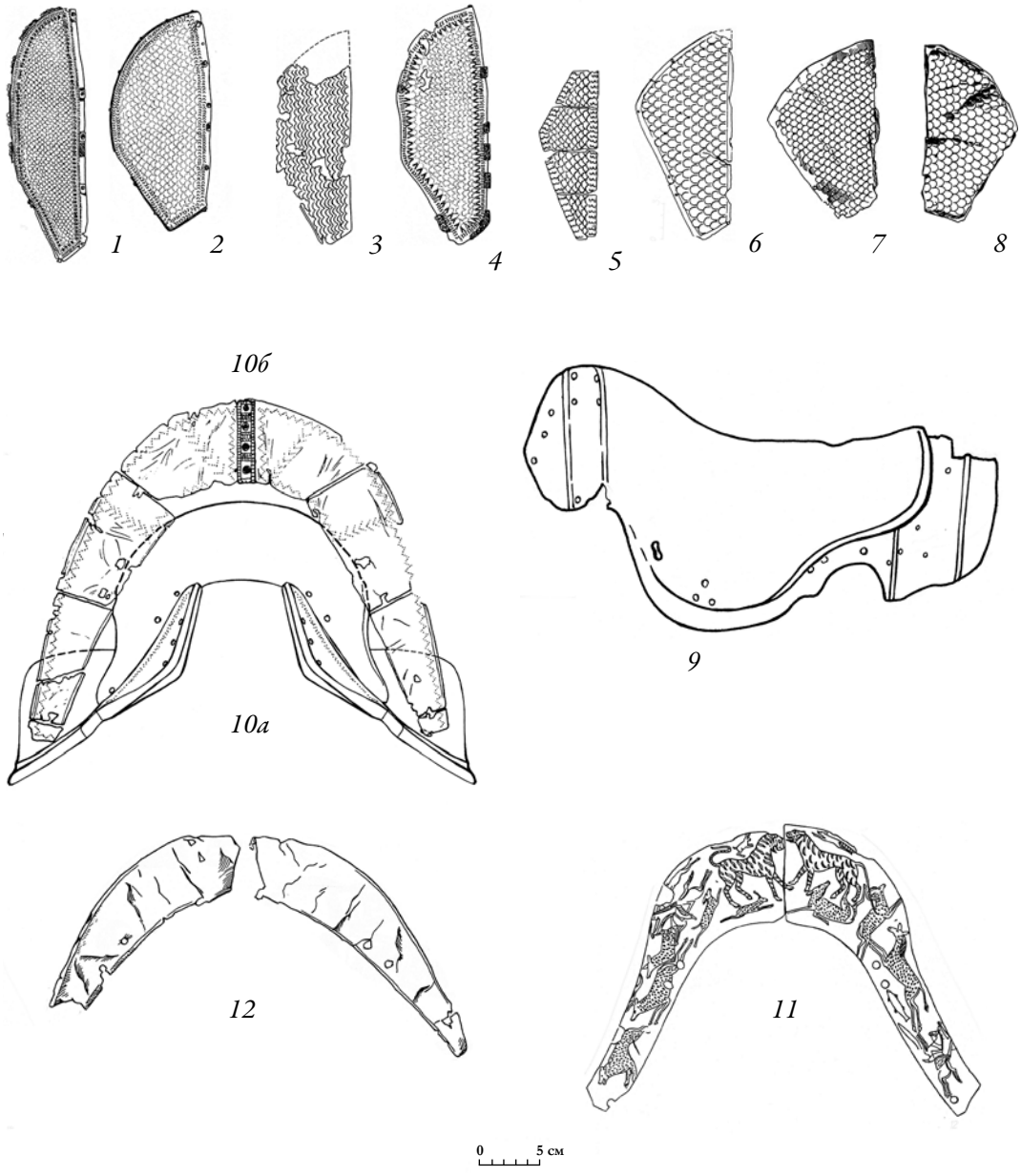
[1] Выражаю глубочайшую признательность хранителю Государственного Эрмитажа И. П. Засецкой за прояснение этого вопроса и других деталей, касающихся гуннских седел.

Всего известно более двух десятков комплексов с подобными деталями – от южнорусских степей, Поволжья и Северного Кавказа до Венгрии, Италии, Франции и Германии. Сегментовидные элементы зафиксированы также в погребении у о. Боровое (Казахстан). Парные накладки обычно имели штампованный или пунсонный орнамент в виде «чешуйчатого» узора, «волны» или сетки из ромбов. Дуговидные накладки имели аналогичный декор или были гладкими, в погребении у Мелитополя они были украшены зигзагом.

В памятниках гуннского времени за пределами европейского ареала, таких как погребение в долине р. Шамси (Киргизия) и погребение «принцессы» из могильника Баллана (Нубия), сохранились фрагменты передних деревянных плоских дуговидных лук, но вышеописанные накладки у них отсутствовали (Kožomberdieva et al. 1998. Abb. 7: *2*; 8: *5*; Засецкая и др. 2007. С. 72. Рис. 25: 4). При этом лука из Баллана имела плоский выступ («рожок») в центральной части и была украшена круглыми бляхами, выполненными в технике «клуазонне» (ил. 3: *5*), а из Шамси – овальными медальонами с вставками из красного стекла. В центре лук из Мелитополя (поверх дуговидных накладок) и Баллана были помещены узкие прямоугольные золотые пластинки с круглыми вставками. Круглые бляшки и парные изображения орлов, по мнению К. Харедта и Д. Протасе (Horedt, Protase 1972), располагались на передней луке седла из гепидского могильника Апахида 2 (Румыния).

И. П. Засецкой были подробно проанализированы украшения седел гуннского времени, предложена классификация парных обкладок и убедительно показано, что время их бытования ограничено периодом от первой половины V в. до первой половины VI в. Погребение из Шамси датировано второй половиной V – началом VI в., погребение «принцессы» из Баллана – 450–460 гг. Комплекс Апахиды 2 относится к периоду D 3 (450–480/490 гг.) (Засецкая 1994. С. 46–49, 200, 201. Рис. 9, 10; Засецкая и др. 2007. С. 62, 72, 79–81, 142–146. Рис. 21: *3, 6*; 25: *4, 5*; 55, 56; Horedt, Protase 1972. Abb. 10).

Судя по имеющимся археологическим материалам, не исключено, что гуннские седла, в отличие от сяньбийских, имели только переднюю луку, что возможно только при наличии мягкой основы. В задней части могли сохраняться сравнительно невысокие упорные элементы, не соединенные лукой (как на рисунке падающей лошади на сосуде из Косики). В этой связи интересно граффити на стене запустевшего римского дома I–II вв. н. э. в Брукнойдорфе (Австрия). Дата его неясна. Изображены всадник на лошади и оседланная лошадь, двигающиеся друг за другом рысью. На оседланной лошади схематично показаны узорный прямоугольный чепрак (?) и подпруга, смещенная к его передней части, нагрудник, украшенный круглыми бляшками и подхвостник с подвеской. Перед всадником показан высокий серпообразный выступ, его верхняя часть спрямлена и наклонена внутрь седла. Такой же выступ отходит от передней части «чепрака» у оседланной лошади. Считается, что на лошадях римская парадная сбруя (Reitervölker aus dem Osten 1996. S. 64, 131. Kat. 3.58), но никаких явных деталей, об этом свидетельствующих, на граффити нет. Для изображений римских рогатых седел характерна равнозначность передних и задних упоров, причем даже на профильных изображениях обычно показаны все четыре. Такие особенности рисунка, как утрированно подчеркнутые одиночные выступы в передней части седел, позволяют предположить, что это седла с высокой передней лукой, показанной с торца, гуннского или близкого им типа.



Ил. 7. Соотношение деталей гуннских (*1–8, 10б, 12*) и тюркских (*9, 10а, 11)* седел: накладки на переднюю часть седел из Дюрсо (*1–4*), Владимирского, курган 4 (*5*), Мелитополя (*6*) и Новогригорьевки, могила IX и VIII (*7–8*); полка (вид сбоку) и ленчик (вид спереди, реконструкция) тюркского седла из Кенкола, курган 8, впускное погребение (*9, 10а*); накладки на переднюю луку из Мелитополя (*10 б*), Кудыргэ, могила 9 (*11*) и Новогригорьевки, могила IX (*12*)

1, 3–8, 10б, 12 – золото; *2* – серебро; *9, 10а* – дерево; *11* – кость
1–4 – прорисовки автора по Дмитриеву 1979. Рис. 4: *1–4*;
5–8, 10б, 12 – прорисовки автора по Засецкой 1994. Табл. 2: *7, 10*, табл. 4: *15*; табл. 7: *3, 9*; табл. 35: *13*; *9*, *10а* – рисунки автора; *11* – прорисовка автора по Гавриловой 1965

В могильнике у р. Дюрсо близ Новороссийска в четырех конских захоронениях парные сегментовидные накладки зафиксированы in situ на спинах лошадей. Дуговидные накладки отсутствовали. У каждого седла была одна язычковая подпружная пряжка. Особенности расположения парных накладок, а также слабые следы дерева под ними, позволили А. В. Дмитриеву интерпретировать эти декоративные элементы как «выступающие части ленчика» жесткого седла (Дмитриев 1979. С. 220, 221. Рис. 5). Для реконструкции гуннских седел он использовал рисунки тюркских седел из Кокэля, выполненные С. И. Вайнштейном (Вайнштейн 1966. Рис. 40, 41). Выводы А. В. Дмитриева были поддержаны известными исследователями гунно-сарматского времени А. К. Амброзом, И. П. Засецкой, В. П. Никоноровым и др. (Амброз 1979. С. 229–231; Засецкая 1994. С. 45; Никоноров 2002. С. 294). А. К. Амброз согласился с этим мнением, хотя ранее считал, что парные сегментовидные пластины, при отсутствии накладок на луки, являются принадлежностью мягких скифских и гуннских седел (Амброз 1973. С. 97; Амброз 1992. С. 37, 38).

Однако сравнение показало, что размеры парных накладок гуннских седел существенно превышают ширину передних выступов полок как на тюркских, так и на более поздних седлах с жестким каркасом (15,0–20,5 см против 8,0–14,5 см), но полностью соответствуют по габаритам накладкам на скифские, хуннские седла и седла IV–VI вв. с П-образными луками (ил. 2, *7*).

Луки гуннского времени своей формой и размерами также сильно отличаются от передних лук тюркских седел (Гаврилова 1965. Табл. XVI: 1; Вайнштейн 1966. Табл. XI; Вайнштейн 1972. Рис. 13; Худяков 2005. Рис. IX: *5–10*) (ил. 3, *7*). Характерные крепежные отверстия на дуговидных накладках из Мелитополя и Новогригорьевки (могильники VIII и IX), у кенкольских и у П-образных дальневосточных лук позволяют утверждать, что эти луки не стояли на торцах, а опирались на **округлую** опору почти всей внутренней поверхностью и привязывались к ней ремешками.

Парные накладки у азиатских седел крепились к внутреннему краю луки только одной стороной посредством штифтов и металлической ленты. Аналогичным способом соединялись с лукой накладки гуннских седел. Например, накладки из Дюрсо прибивались спрямленной стороной к деревянной основе гвоздиками длиной 10,0–12,0 мм. В кургане 3 у станицы Шипово спрямленные стороны золотых накладок (имевших деревянную основу) крепились к деревянной луке, от которой сохранились фрагменты шириной около 5,0 см (Minajeva 1929. Abb. 31)[1]. Судя по длине и изгибам бронзовой, обтянутой золотым листом ленты из Новогригорьевки, мог. IX, ее центральная часть служила для крепления парных накладок, имевших бронзовую основу, к внутреннему краю луки, а концы – для окантовки обеих накладок по лицевой стороне. При креплении парных накладок гуннских седел к луке между ними оставалась щель, равная по ширине седельному желобу. При этом нижние стороны накладок, обращенные к корпусу лошади, образовывали углы, приблизительно соответствующие углам наклона полок ленчика. Такое же расстояние между парными накладками и такие же углы наклона их сторон имеют азиатские седла с вертикальными луками (ил. 3).

[1] От седла в кургане 3 Шипово сохранились фрагменты дерева шириной до 5,0 см, прилегающие к спрямленной стороне накладок и находящиеся с ними в одной плоскости. Фигурная деревянная деталь, судя по форме и описанию, к седлу отношения не имеет (Minajeva 1929. P. 202. Abb. 30).

Недавняя находка седла в погребении № 33 могильника Кичмалка II на Северном Кавказе (раскопки Е. Е. Васильевой, 2010 г.) демонстрирует способ крепления парных накладок к луке с помощью декоративных гвоздиков[1]. Погребение автором раскопок датируется концом V – началом VI в. (Васильева 2012. С. 176). От седла сохранился органический тлен, небольшие фрагменты передней деревянной луки и парных сегментовидных накладок, представлявших собой тонкие деревянные дощечки, покрытые серебреным позолоченным листом с чешуйчатым орнаментом. Накладки были прибиты бронзовыми гвоздиками с серебряными позолоченными шляпками по нижнему краю луки, то есть располагались вертикально и имели такое же крепление, как накладки у седел с П-образными луками. Аналогичный декор в виде плотно набитых по всему периметру передней луки гвоздиков зафиксирован также в Шамси. Гвоздики с декоративными шляпками присутствуют и среди предметов второго конского убора из Морского Чулека (Kožomberdieva et al. 1998. Abb. 7, *2*; 8, *5*; Засецкая и др. 2007. С. 80. Рис. 28: *3–9*).

Возможно, именно такой ряд гвоздиков с декоративными шляпками показан на передней луке седла катафрактария на очень глубоком, вырезанном почти вкруговую рельефе конца V – VI в. из Так-и Бустана. Кроме того, лука украшена несколькими мелкими выпуклыми цветочными розетками. Округлая плоская деталь перед ногой всадника очень напоминает высокий полукруглый упор (дальняя от зрителя сторона этой детали упирается в стену), но подобный декор для упоров совершенно не характерен и близок оформлению лук седел гуннского типа с круглыми или овальными бляхами с центральными вставками и гвоздиками. Нет никаких признаков задней луки, что также коррелирует с археологическими находками и изображениями на граффити из Брукнойдорфа. Видимо, следует согласиться с Г. Херрман и А. К. Амброзом, что на данном позднесасанидском рельефе изображена именно дуговидная передняя лука. Не исключена подобная трактовка и для уже упоминавшихся изображений на серебряных сасанидских блюдах IV–VI вв. (Амброз 1992. С. 36, 37; Herrmann 1989. P. 669–770. Pl. XVI–XIX). Возможно, и там имеют место передние луки, закрепленные поверх упоров. Мы не видим выраженных арок, как на более поздних изображениях VII–VIII вв., потому что пространство под луками сасанидских седел заполнено упорами, на которые они опираются.

Таким образом, на рубеже эр появились седла, которые имели только луки (или только одну луку). В качестве полок им служили подушки «мягкого» седла скифского типа. Такие седла я предлагаю называть «полужесткими», в отличие от мягких седел, совсем не имеющих деревянных полок и лук, и жестких, имеющих полноценный ленчик с деревянными или металлическими полками и луками.

Первыми настоящими жесткими седлами, изобретенными не ранее второй половины VI в., были тюркские. Их полки воспроизводили в дереве «крылатые» подушки полужестких седел, перешедшие по наследству от седел скифского типа. Потребовалось еще почти четыреста лет, чтобы они избавились от деревянного крыла и приобрели современный вид узких дощечек с параллельными длинными сторонами.

Тюркские седла, в свою очередь, являются родоначальниками всех современных седел с жестким каркасом.

[1] Выражаю благодарность хранителю Государственного Эрмитажа Е. Е. Васильевой за возможность ознакомиться с этой важнейшей находкой.

Амброз 1973
Амброз А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. 1973. № 4. С. 81–98.

Амброз 1979
Амброз А. К. К статье А. В. Дмитриева // СА. 1979. № 11. С. 229–231.

Амброз 1981
Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Археология СССР. М., 1981. Т. 18: Степи Евразии в эпоху средневековья.

Амброз 1992
Амброз А. К. Боспор : хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. № 1. М., 1992. С. 6–108.

Баркова 1979
Баркова Л. Л. Погребение коней в кургане Шибе // АСГЭ. 1979. Вып. 20. С. 55–65.

Бернштам 1940
Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.

Вайнштейн 1966
Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тысячелетия в западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М. ; Л., 1966. Т. 2: Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика.

Вайнштейн 1972
Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972.

Вайнштейн 1991
Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991.

Васильева 2012
Васильева Е. Е. Погребальный комплекс аланской культуры на Северном Кавказе : вторая половина V – первая половина VI века н. э. // Кочевники Евразии на пути к империи : из собрания Государственного Эрмитажа : каталог выставки. СПб., 2012. С. 176–179.

«Ветер в соснах…» 2010
«Ветер в соснах…» : 5000 лет корейского искусства : из Национального музея Кореи : каталог выставки. СПб., 2010.

Винокуров 2002
Винокуров Н. И. Новые изображения всадников на Боспоре // Древности Боспора. М., 2002. Вып. 5.

Гаврилова 1965
Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л., 1965.

Горончаровский 2003
Горончаровский В. А. Между империей и варварами : военное дело Боспора римского времени. М., 2003.

Давыдова 1990
Давыдова А. И. Боспорские надгробные рельефы V в. до н. э. – III в. н. э. : каталог выставки. Л., 1990.

Давыдова 1995
Давыдова А. В. Иволгинское городище // Иволгинский археологический комплекс. СПб., 1995. Т. 1. (Археологические памятники сюнну ; вып. 1).

Десятчиков 1972
Десятчиков Ю. М. Катафрактарий на надгробии Афения // СА. 1972. № 4.

Диатроптов 2001
Диатроптов П. Д. Изображение всадников в античном Северном Причерноморье // Поздние скифы Крыма : труды ГИМ. М., 2001. Вып. 118.

Дмитриев 1979
Дмитриев А. В. Погребение всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. № 11. С. 212–229.

Засецкая 1994
Засецкая И. П. Культура кочевников южно-русских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб., 1994.

Засецкая и др. 2007
Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С. Морской Чулек : погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб., 2007.

Кардини 1987
Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / сокр. пер. с итал. В. П. Гайдука. М., 1987.

Киселев 1951
Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Комиссаров 2005
Комиссаров С. А. К вопросу о происхождении стремян // Снаряжение кочевников Евразии : сб. науч. тр. Барнаул, 2005. С. 127–129.

Коннолли 2001
Коннолли П. Греция и Рим : энциклопедия военной истории. М., 2001.

Конь и всадник 2003
Конь и всадник : взгляд сквозь века : каталог выставки. М., 2003.

Левин 2000
Левин М. Особенности палеопатологий лошадей эпохи раннего железа // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000. С. 243–249.

Ля Гериньер 2009
Ля Гериньер Ф. Р. де. Конная библия : школа верховой езды / пер. с фр. С. Н. Низова. М., 2009.

Миняев 2009
Миняев С. С. Элитный комплекс сюннуских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2. С. 49–58.

Могильников 1992
Могильников В. А. Саргатская культура // Степи Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 292–311.

Никоноров 2001
Никоноров В. П. Парфянские седла // Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства. Ашхабад, 2001. С. 115, 116.

Никоноров 2002
Никоноров В. П. Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // ЗВОРАО : НС. СПб., 2002. Т. 1 (26). С. 223–323.

Пилипко 1996
Пилипко В. Н. Старая Нисса : здание с квадратным залом. М., 1996.

Полосьмак 2009
Полосьмак Н. В. «Там на неведомых дорожках следы невиданных зверей…» : серебряные украшения конской упряжи из курганов хунну // Наука из первых рук. 2009. № 5. С. 64–75.

Полосьмак 2010
Полосьмак Н. В. «Мы выпили Сому, мы стали бессмертными…» // Наука из первых рук. 2010. № 3. С. 50–59

Пугаченкова 1989
Пугаченкова Г. А. Древности Мианкаля : из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент, 1989.

Рец 2004
Рец К. П. Поясные пластины со сценой охоты на кабана из Сибирской коллекции Петра I : к вопросу о хронологической и культурной атрибуции // Боспорский феномен : проблемы хронологии и датировки памятников : мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2004. Ч. 2. С. 325–332.

Римское искусство и культура 1984
Римское искусство и культура : выставка Римско-германского Музея города Кёльна. Кёльн, 1984.

Ростовцев 1913–1914
Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913–1914.

Руденко 1953
Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л., 1953.

Руденко 1960
Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л., 1960.

Руденко 1962а
Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М. ; Л., 1962.

Руденко 1962б
Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I / Археология СССР. [Вып.] Д 3-9. М. ; Л., 1962.

Симоненко 2010
Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.

Симоненко 2015
Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Киев, 2015.

Степанова 2004
Степанова Е. В. Боспорские седла // Боспорский феномен : проблемы хронологии и датировки памятников : мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2004. Ч. 1. С. 231–246.

Степанова 2006
Степанова Е. В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // АВ. 2006. № 13. С. 102–150.

Табалдиев 1996
Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996.

Торгоев 2009
Торгоев А. И. Кенкольский могильник // БРЭ. М., 2009. Т. 13. С. 571.

Тревер, Луконин 1987
Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро : художественная культура Ирана III–VIII веков : собрание Государственного Эрмитажа. М., 1987.

Трейстер 1994
Трейстер М. Ю. Сарматская школа художественной торевтики : к открытию сервиза из Косики // ВДИ. 1994. № 1. С. 172–204.

Тюляев 1988
Тюляев С. И. Искусство Индии : III тысячелетие до н. э. – VII век н. э. М., 1988.

Худяков 2005

Худяков Ю. С. Седла древних тюрок Центральной Азии // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. С. 119–143.

Шульга 2010

Шульга П. И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. : погребальные комплексы : хронология и периодизация. Барнаул, 2010.

Аньян сяо 1983

Аньян сяо минь чунь цзинь му фа цзюэ бао чао : отчет о раскопках могилы эпохи Цзинь в деревне Сяминьчунь в Аньяне // Каогу. 1983. № 6. С. 501–511. *На кит. яз.*

Аньян цзинь 1983

Аньян цзинь му ма цзюй фу юань : реконструкция парадного убора коня из погребения эпохи Цзинь из Аньяна // Каогу. 1983. № 6. С. 554–559. *На кит. яз.*

Ганьсу увэй 1972

Ганьсу увэй лэйтай дунхань лю цин ли бао : краткое сообщение об итогах раскопок могилы династии Восточная Хань у деревни Лэйтай вблизи города Увэй провинции Ганьсу // Вэньу. 1972. № 2. С. 16–24. *На кит. яз.*

Лю Хань 1959

Лю Хань Бэй чаоды кай ма ци юн : погребальные статуэтки Северных династий – всадники и лошади в доспехах // Каогу. 1959. № 2. С. 97–100. *На кит. яз.*

Лю Юнхуа 2002

Лю Юнхуа Жонгъю гу дай шн йю ма ю : древнекитайские колесницы и конское снаряжение. Шанхай, 2002. *На кит. яз.*

Сюйчжоу нэйхуа 1999

Сюйчжоу нэйхуа фасянь нань бэй чао таотун : развитие керамического производства эпохи Южных и Северных династий в деревне Нэйхуа округа Сюйчжоу // Вэньу. 1999. № 3. С. 19–24. *На кит. яз.*

Andreae 1973

Andreae B. The Art of Rome. New York, 1973.

Benecke et al. 2010

Benecke N., Pruvost M., Weber C. Die pferdeskelette – Archäozoologie und Molekulargenetik // Čugunov K. V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz, 2010. S. 249–256. (Archäologie in Evrasien ; Bd. 26 ; Steppenvölker Evrasiens ; Bd. 3).

Brinker 2007

Brinker H. A Short History of the Museum Rietberg Zurich // Orientations. 2007. Vol. 38. N 2. P. 101–107.

Bunker et al. 1997

Bunker E. C., Kawami T. S., Linduff K. M., Wu En. Ancient bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York, 1997.

Connolly, Driel-Murray 1991

Connolly P., Driel-Murray C. van. The Roman Cavalry Saddle // Britannia. 1991. Vol. 22. P. 33–50.

Driel-Murray et al. 2004

Driel-Murray C. van, Connolly P., Duckham J. Roman Saddles : Archaeology and Experiment 20 Years On // In the Saddle : An exploration of the saddle through history : A Meeting of the Archaeological Leather Group at Saddlers' Hall, London 23 October 2002 / ed. by L. Gilmour. London, 2004.

Dong Gao 1995

Dong Gao. Comparative Study of the Horse Fittings of Murong Xianbei, Gaogouli, Korea and Japan // Wen Wu. 1995. Vol. 10. P. 34–42. *In chinese.*

Effenberger et al. 1978

Effenberger A., Maršk B., Zalesskaja V., Zaseckaia I. Spätantike und früh-byzantinische Silbergefäße aus der Staatlichen Ermitage Leningrad. Berlin, 1978.

Excavation of a Jin Dynasty Tomb 2000

Excavation of a Jin Dynasty Tomb in Luoyang // Wen Wu. 2000. Vol. 10. P. 26–34. *In chinese.*

Excavation of the Wei and Jin Tombs 1996

Excavation of the Wei and Jin Tombs at Xigou, Jiuquan, Gansu // Wen Wu. 1996. Vol. 7. P. 4–38. *In chinese.*

Excavation of a Tomb 1997

Excavation of a Tomb (coded 88M1) in a Brickyard at Shiertai Township, Chaoyang // Wen Wu. 1997. Vol. 11. P. 19–32. *In chinese.*

Excavation of Wen Qiao's Tomb 2002

Excavation of Wen Qiao's Tomb of the Estern Jin in the Northern Suburbs of Nanjing by Nanjing Museum. Wenwu. 2002. № 7. *In chinese.*

Gall 1990

Gall H. von. Das Reiterkampf bild der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sasanidischer Zeit. Berlin, 1990.

Gall 2002

Gall V. H. von. Das Motiv des "Reiters mit dem Knappen" auf den bosporanischen Grabstelen // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin, 2002. Bd. 34.

Grueber 1910
Grueber H. A. Coins of the Roman Republic in the British Museum : in 3 vol. London, 1910. Vol. 2: Coinages of Rome (Continued), Roman campania, Italy, the Social war and the provinces.

Gyeongju National Museum 2010
Gyeongju National Museum. Seoul, 2010.

Hadrien 1999
Hadrien : Tréors d´une villa impériale. Paris, 1999.

Heather 2008
Heather P. Die Wanderung der Goten : Von Skandinavien nach Thrakien // Rom und die Barbaren : Europa zur Zeit der Völkerwanderung. Bonn ; München, 2008.

Heintze 1967
Heintze H. F. von, Kraus T., Sichtermann H. Römische reliefkunst. Berlin, 1967. (Sonderdruck aus der Propyläen Kunstgeschichte).

Herrmann 1989
Herrmann G. Parthian and Sasanian saddlery : New Light from the Roman West // Archaeologia Iranica et Orientalis : Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe / ed. L. De Meyer, E. Haerinck. Gent, 1989.

Horedt, Protase 1972
Horedt K., Protase D. Das zweite Fürstengrab von Apahida (Siebenbürgen) // Germania. 1972. Bd. 50. S. 174–220.

Imperial China 2000
Imperial China : The Art of Horse in Chinese History : exhibition catalog. Lexington, 2000.

Kožomberdieva et al. 1998
Kožomberdieva E. I., Kožomberdiev I. K., Kožomjako P. N. Ein Katakombengrab aud der Schlucht Samsi // Eurasia Antiqua. 1998. Bd. 4. P. 451–471.

L'Asie des steppes 2000
L'Asie des steppes d'Alexandre le Grand à Gengis Khân. Paris, Barselone, 2000.

Minajeva 1929
Minajeva T. M. Zwei Kurgane aus der Volkerwanderungszeit bei der Station Sipovo // Evrasia septentrionalis antiqua. Helsinki, 1929. Vol. 4. P. 194–209.

National Museum of Korea 1991
National Museum of Korea. Seoul, 1991.

Nihon bagu taikan 1990
Nihon bagu taikan : Comprehensive Catalogue of Japanese Horse Trappings. Japan, 1990. Vol. 1. Archaic Age. Part 1. *In japanese.*

Noelke 2006
Noelke P. Bildhauerwerkstätten im römischen Germanien Möglichkeiten und Grenzen ihres Nachweises // Bonner Jahrbucher. 2006. Bd. 206. P. 87–144.

Reitervölker aus dem Osten 1996
Reitervölker aus dem Osten : Hunnen + Awaren : Begleitbuch und Katalog. Eisenstadt, 1996.

Tissot 1985
Tissot F. Gandhara. Paris, 1985.

Ursprünge der Seidenstrabe 2007
Ursprünge der Seidenstrabe : Sensationelle Neufuder aus Xiniang, China / Hrsg. A Wieczorek, C. Lind. Mannheim ; Stuttgart, 2007.

Wang Wei 1997
Wang Wei. Exchanges between the Asian Countries in the 3rd – 6th centuries in the light of Unearthed Harness // Kaogu. 1997. Vol. 12. P. 66–84. *In chinese.*

Yang Hong 1985
Yang Hong. Views on the Reconstruction of the Harness from «Tianma Tomb» in Xinluo // Kaogu yu wenwu. 1985. Vol. 2. P. 87–95. *In chinese.*

С. Р. Тохтасьев

СИНДЫ И СКИФЫ

Скифская тематика, которая является главнейшей в научной деятельности А. Ю. Алексеева, неразрывно связана с изучением Прикубанья, где обнаружено большинство памятников раннескифской культуры, и в своих работах А. Ю. Алексеев неоднократно касался взаимоотношения скифов и местных племен Прикубанья. В этой статье я попытаюсь несколько продвинуться в этом направлении на более знакомом мне материале письменных и лингвистических источников, начав с вопроса об этнической принадлежности синдов – наиболее значительного из известных нам племен региона.

Если в прошлом синдов обычно относили к аборигенным народам Кавказа, то сейчас довольно популярна теория, согласно которой они были индоарийцами. Автором ее был П. Кречмер, выдающийся эллинист и индоевропеист, склонный к рискованным этнолингвистическим конструкциям. Арийское, а конкретнее – индоарийское происхождение, он приписал синдам прежде всего под впечатлением созвучия этнонима Σινδοί с др.-инд. Sindhava- (так назывались обитатели долины реки Инд, Síndhu-), но, похоже, и воодушевленный продвижением германского вермахта до Кубани в 1942–1943 гг.[1] Об этом своем открытии Кречмер докладывал Венской Академии 9 июня 1943 г., когда «Drang nach Osten» пришел к своему концу, что, правда, не слишком убавило энтузиазм исследователя[2]. Спустя три десятилетия идеи Кречмера, казалось бы, навсегда оставленные наукой после ряда основательных критических откликов (см. особенно Eilers, Mayrhofer 1960), были возрождены другим лингвистом, на сей раз – славистом О. Н. Трубачевым, который пошел много дальше: начав с Синдики, он постепенно включил в ареал распространения индоариев исторической эпохи все Северное Причерноморье и Северный Кавказ вплоть до Абхазии. В Северном Причерноморье, согласно Трубачеву, иранский элемент в скифское время ограничивался лишь кочевыми, а именно «царскими», скифами, которые владычествовали над покоренным оседлым индоарийским населением – скифами-земледельцами, скифами-пахарями, таврами[3].

Уже вскоре после появления первых работ Трубачева на эти темы (с 1975 г.) его идеи нашли как сторонников, так и противников. С наиболее развернутой критикой выступили Э. А. Грантовский и Д. С. Раевский (Грантовский, Раевский 1984. С. 47–66).

---

[1] См.: Kretschmer 1944. S. 35: «Der Kuban, der seit Jahr und Tag in den deutschen Wehrmachtberichten oft genannte, der mit seinen versumpften Ufergelände in den Kämpfen unserer Zeit eine so hervorragende Rolle spielt, fordert in besonderem Maße auch die Aufmerksamkeit des Indogermanisten und soll uns in diesem Sinne im folgenden beschäftigen».

[2] См.: Kretschmer 1944. S. 38: «Область синдов точно совпадает с территорией нашего кубанского плацдарма до июня 1943».

[3] См.: Трубачев 1999; это сборник статей автора, публиковавшихся с 1976 г., с прибавлением «Этимологического словаря языковых реликтов Indoarica» (совместно с А. К. Шапошниковым).

Не имея возможности рассмотреть аргументацию Трубачева достаточно подробно, они сосредоточились на теме индоарийского элемента в собственно Скифии. Другие исследователи рассматривали преимущественно конкретные толкования Трубачева[1], хотя не обошлось и без критики с методической стороны. Так, Ю. В. Откупщиков справедливо констатировал: «Наиболее слабым местом в построениях О. Н. Трубачева является филологическая акрибия и методика этимологизации ономастического материала, сводящаяся в основном к членению имени собственного на „значимые“ части (своего рода принцип шарады), для каждой из которых отыскиваются созвучные древнеиндийские слова и корни» (Откупщиков 2001б. С. 431).

Детальное рассмотрение теории Кречмера – Трубачева будет предпринято в другом месте. Сейчас же достаточно сказать следующее: помимо самого этнонима, наши сведения о языке синдов ограничиваются топонимами и антропонимами, которые можно пересчитать по пальцам. При этом лингвистическая атрибуция части даже этих немногих свидетельств синдам лишь предположительна. Это вызвано прежде всего сложностью этнокультурной атрибуции варварских личных имен с территории Синдики (они могли принадлежать не синдам, а, например, соседним псессам, торетам и др. и даже переселенцам с Европейского Боспора варварского происхождения, ср. ниже об антропониме Χανακης). Надо думать, именно крайняя скудость и нерепрезентативность свидетельств языка синдов и побудила Трубачева расширить индоарийский ареал за пределы Нижнего Прикубанья, прирастив источниковую базу за счет почти неисчерпаемого ономастического фонда позднейших эпох со всего Северного и Северо-Восточного Причерноморья (вплоть до Пицунды, прозрачно греческое название которой Трубачев также толковал из индоарийского). Кроме того, имеются некоторые неясности при определении границ страны синдов.

Согласно Геродоту и Гелланику (ниже), Синдика примыкает к Боспору Киммерийскому. На юго-востоке она ограничена Синдской Гаванью (Горгиппией), на севере, по указаниям Псевдо-Скилака (72 sq.), область синдов выходила к побережью Меотиды, «а города эллинские в их стране находятся следующие: город Фанагора, Кепы, Синдская Гавань, Πάτους» (судя по всему, искаженное Πατραεύς, Strab. 11. 2. 8; см.: Тохтасьев 1986); аналогично – у Стефана Византийского s. v. Σινδοί: они живут «от южного (берега) Меотийского озера»; так же можно понимать слова Феникса из Колофона: «…синд длинноволосый с верхних озер (ἀπὸ τῶν ἄνω λιμνῶν)» (fr. 3, 14 D.[3] = 1 Powell). Но у Псевдо-Скимна синды занимают земли только от Гермонассы до Синдской Гавани (F 18 Marcotte apud Ps.-Arr. 10r16 Diller 1952). И согласно Страбону (11. 2. 10), Гермонасса и Апатур, в отличие от Фанагории и Кеп, находились в Синдике; Синдика отдалена от Меотиды – также в 11. 2. 2: «По (Меотийскому) озеру (обитают) меоты; у моря [то есть Понта вместе с Проливом] находятся области Азиатского Боспора и Синдика». Эти расхождения источников могут объясняться целым рядом причин. Прежде всего необходимо принимать во внимание разновременность сведений, а также то, что в некоторых источниках под Синдикой подразумевается административная область эпохи Спартокидов (Σινδική, Σινδοί в их титулатуре), существовавшая, по-видимому,

[1] См.: Schmid 1979. S. 269; Тохтасьев 1986. С. 70; Тохтасьев 1992. С. 198. Прим. 88, 90, 93; Откупщиков 1988. С. 25 [= Откупщиков 2001б. С. 431]; Откупщиков 1999. С. 94–100; Откупщиков 2001а. С. 307, 310, 313, 317, 320; Шрамм 1997. С. 112. Прим. 365; Горончаровский, Иванчик 2010. С. 219; Schmitt 2011. S. 322, об «этимологии» гидронима Ἑξαμπαῖος: «…ein Retortenprodukt, das jener Fundierung entbehrt und von der Semantik her in der Luft hängt».

и в позднейшие времена (Тохтасьев 2004. С. 163). Кроме того, вполне вероятно, что помимо земель по правобережью Кубани от Синдской гавани до Лабриса, где синды жили компактно, отдельные их группы расселялись вплоть до Меотиды.

Обычно считается, что по археологическим данным, на землях современного Таманского полуострова, где располагались упомянутые греческие колонии, ко времени их основания не было сколько-нибудь плотного аборигенного населения (Масленников 1981. С. 16; Тохтасьев 1984. С. 142; Новичихин 2006. С. 74). Отсюда можно было бы заключить, что название Синдики распространилось на территорию Тамани с материка вторично, как бы заполнив собой безымянные земли[1]; и когда Геродот (4. 28) пишет, что зимой скифы отправляются через замерзший Боспор в поход «в страну синдов», а Гелланик (FGrHist 4 F 69) более конкретно сообщает: «Если переплыть Боспор, будут синды», эти слова следовало бы понимать лишь в том смысле, что, перебравшись через пролив, можно вскоре достигнуть и страны синдов.

Правда, в недавнее время, как кажется, появились материальные свидетельства того, что острова древней кубанской дельты не были совершенно безлюдны в эпоху колонизации (Иванов, Сударев 2012. С. 192–197)[2], и это стоит в согласии с наличием здесь негреческих топонимов, надежных свидетелей того, что к тому времени какое-то варварское население в этих краях обитало. Это название города на оконечности южной части Таманского п-ва (м. Тузла, примерно в 10 км к западу от Тамани) Κορακονδάμη, производное от Coracanda ‘Кубань’ (см. ниже)[3], и, по-видимому, Ἀπάτουρον, полностью грецизированное название святилища Афродиты на побережье Корокондамского озера, центра догреческого культа богини, отождествленной колонистами со своей Афродитой Уранией (Тохтасьев 2010. С. 52). Корокондама принадлежит к числу древнейших греческих поселений на Тамани, наиболее ранние находки с некрополя (само поселение уничтожено морем) относятся к 580–560-м гг. до н. э. (Сорокина 1957. С. 8–11)[4]; о названии см. ниже.

Ниже приведены топонимы, которые можно отнести к синдским как несомненно локализующиеся на территории Синдики. Необходимо, впрочем, ясно осознавать тот факт, что даже такая локализация не гарантирует принадлежность того или иного топонима языку самих синдов, точно так же, как, например, не являются исконно русскими и даже славянскими названия *Волга*, *Дон*, *Днепр* или *Нева*.

---

[1] Ср.: Завойкин 2011. С. 259–264; Новичихин 2011. С. 11–15.

[2] Авторы определяют носителей памятников культуры поздней бронзы – раннего железа на Тамани как «потомков населения срубного времени»; между тем, ранние памятники из окрестностей Анапы связаны с другой, так называемой протомеотской культурой. Обзор таманских памятников, но без выделения тех, что хронологически смыкаются с первыми греческими см.: Паромов, Гей 2005. С. 320–337. Далее см.: Абрамов 2010. С. 531: лепная керамика в комплексах третьей четверти VI в. до н. э.; о подобных (но, по-видимому, более поздних) материалах с других поселений см. с лит.: Журавлев, Шлотцауер 2011. С. 290 и прим. 147 (с непонятными для меня сомнениями в принадлежности лепной керамики местным варварам). Ср. также: Горончаровский 2011а. С. 272), где высказана идея, что синды были кочевниками, а Лабрис служил их правителям резиденцией; это объясняло бы их археологическую неуловимость на территории Таманского п-ва. В статье под тем же заголовком, опубликованной в альманахе «Мнемон», исследователь высказывает несколько иное и более убедительное мнение (ср. уже: Галанина 1980. С. 61): «Как и у средневековых адыгов, основным занятием синдов было отгонное скотоводство, основанное на сезонных перегонах скота на относительно короткие расстояния» (Горончаровский 2011б. С. 119); «Вероятно, правители синдов, продолжая бóльшую часть года вести кочевой образ жизни, имели в Лабрисе периодически посещаемую резиденцию»; то же касается прочих представителей аристократии (Там же. С. 123).

[3] Но название города на северном берегу Корокондамского озера (Таманского залива) Πατραεύς, по всей видимости, является греческим. См.: Тохтасьев 1986. С. 85.

[4] Даты по: Кузнецов 1991. С. 34.

Λαβρυς, древнее имя Семибратнего городища; по-видимому, грецизировано, ср. λάβρυς ‘(двулезвийный) топор’[1]. В принципе, название могло бы быть и греческим, ср. названия местностей и поселений, просто воспроизводящие наименования различной ремесленной продукции, нередко в ед. ч.: Ἄμαξα, Ἅρμα, Γόμφοι, Ἐχέτλα, Θώραξ, Τρίποδες и т. д.; часто от наименований сосудов – Λήκυθος, Ὅλπη и др. (Fick 1897. S. 28–31); ряд подобных топонимов из Малой Азии приводит Л. Згуста, указывая на то, что иногда они лишь грецизированы (или могут быть таковыми) или калькируют соответствующие варварские названия: Ἄγκυρα, Κάδοι, Κιβωτός и т. п. (Zgusta 1984. S. 29). Чем мотивировано их возникновение, мы очень часто не знаем[2], и это является основным препятствием для интерпретации, включая определение их языковой принадлежности. Однако в случае с Λαβρυς трудно представить себе подобный греческий топоним, поскольку слово λάβρυς засвидетельствовано лишь единожды и как лидийская глосса (Plut. *Aet. Gr.* 45. 302a) и, по-видимому, не вошло в греческий в качестве заимствования. Ионийским грекам оно, наверное, было известно, хотя лишь как иностранное слово, поэтому мы вправе предполагать, что туземный топоним был адаптирован в греческом по созвучию с ним, не более того.

Ἀβοράκη, другой город в Синдике (Strab. 11. 2. 10); если принять поправку Ф. Лассера (он переставил бессмысленное δέ, стоящее в рукописях после Γοργιππία ἐν, после πλησίον), город находился поблизости от моря: ἔστι δὲ καὶ Γοργιππία ἐν τῇ Σινδικῇ, τὸ βασίλειον τῶν Σινδῶν, πλησίον δὲ θαλάττης καὶ Ἀβοράκη – «в Синдике находится также Горгиппия, столица синдов, а поблизости от моря и (город) Аборака» (см.: Тохтасьев 2002. С. 15).

Ю. Г. Виноградов предложил идентифицировать Λαβρυς и Ἀβοράκη[3]; последнее, по его мысли, может являться искажением: «ΛΑΒΟΡΑΚΗ > ΑΑΒΟΡΑΚΗ (псевдодиттография) > ΑΒΟΡΑΚΗ, где трансформация архетипа ΛΑΒΡΥΣ явилась результатом эвлогической вставки гласной -о- и с заменой греческого суффикса -υς на иранский -ακης в эпоху сарматского господства» (Виноградов 2002. С. 17). Далее он осторожно высказал гипотезу о связи названия с гидронимом *Лаба* (левый приток Кубани). Это, разумеется, всего лишь конструкции, требующие слишком много недоказуемых допущений (о произвольных вставках, исключениях, переменах суффиксации якобы из-за сарматизации я уже не говорю).

Правда, сама по себе идея о связи Λαβρυς с *Лаба* (адыг. *Лабэ*, абазин. *Лаба*, *Лабап*, [ср. адыгейск. *Азы-п* < **Азы-пэ*; Коков 1974. С. 49], карач. *Лаба*) не выглядит фантастической. Это название не объясняется на почве современных западнокавказских языков, что одно может свидетельствовать о его глубокой древности (оба созвучных слова в абазинском – *лаба* 1. ‘палка’, ср. абх. *а-лаба́* ‘id.’; 2. ‘кобель’, ‘самец’, абх. *а-ла́ба* не подходят семантически). Помимо совершенно неправдоподобных этимологий и сближений, которые можно и не упоминать, в литературе обращалось внимание[4] на название горы абаз. *Лоуба*, откуда стекает один из притоков Малой Лабы (Ионова 1993. С. 160; очевидно, случайное созвучие), устар. абаз. *Лъаба* ‘Адыгея’, гидроним абх. *Аҳ-лаба*, абх. *Лабра*, село в Очамчирском районе (Кварчия 2006. С. 45, 197) < **Лаба-ра*?; по-видимому, с суф. *-ра* (ср.: Шакрыл 1961. С. 135; Бгажба 1964. С. 280), как в *Гагра* < **Гакы-ра* (Чирикба 1998. С. 17), а также сван. *лабна*

[1] См.: Тохтасьев 2004. С. 148, с лит. (τῆσδε πόλεως μεδέοντι Λαβρυτῶν, sc. Аполлон).

[2] К самым простым случаям принадлежат «bildliche Darstellungen» (Grasberger 1882. S. 112–126) или, пользуясь словами Страбона (17. 3. 16, о топониме Ἀσπίς), «по (внешнему) сходству» – ἀπὸ τῆς ὁμοιότητος.

[3] Эта мысль, по-видимому, подсказана предложенной Н. В. Анфимовым (Анфимов 1982. С. 64) идентификацией Семибратнего городища с Аборакой, оснований для чего не больше, чем для отождествления его с Гаргазой (как в: Шилов 1950. С. 120).

[4] См.: Коков 1974. С. 218; Коков 1983. С. 75; Меретуков 1981. С. 69; Ионова 1993. С. 159; Кварчия 2006. С. 197.

‘источник’ (из абхазского?). Компонент *-лаба*, ясно вычленяемый в составе *Аз-лаба* (с абх. *азы* ‘вода’), доказывает, что в абхазском и, очевидно, в абазинском некогда существовал апеллатив, который мог участвовать в образовании речных названий. Но в таком случае *Лаба* едва ли очень древнее название: по мнению специалистов, абазины появились на территории нынешней Карачаево-Черкесии не ранее XII в. (Лавров 1946. С. 161–170; Алексеева 1971. С. 196; История народов Северного Кавказа 1988. С. 198). Вместе с тем этот гидроним в ходу не только у абазин, но и у адыгов, более древних обитателей долины Лабы.

Как бы то ни было, гипотеза Виноградова недоказуема: несмотря на подкупающую близость Λαβρυς с абх. *Лабра*, трудно предполагать, что абхазы (предки носителей абхазских языков) обитали в античное время в низовьях Кубани.

Разумеется, уже давно было предложено (Torbiörnsson 1901. S. 69) относить *Лаба* к европейским речным названиям от и.-е. *albho- ‘белый, светлый’ (лат. Albis, нем. Elbe ‘Эльба’, серб. Lâba ‘приток Моравы’ и др.[1]), что очередной раз доказывает, сколь рискованны, если не вредны, прямые сопоставления по созвучию отдельных топонимов, не образующих на данной территории сколько-нибудь представительной гомогенной лингвистически серии[2]; ведь в топонимии «случайные совпадения неизбежны, математически обязательны» (Никонов 1965. С. 113). Название реки *Белая*, следующего после Лабы притока Кубани ниже по ее течению, ничего не дает; ее адыгейское название *Шъхагуашьэ* не вполне ясно, поскольку подверглось народной этимологии (ср. каб. *Щхъэгуащэ*; Коков 1983. С. 106), но во всяком случае не имеет отношения к словам для ‘белого’.

Впрочем, все эти рассуждения, вполне возможно, излишни, ведь река Лаба впадает в Кубань не поблизости от Семибратнего городища, как пишет Виноградов, а примерно в 200 км к востоку от него.

Вообще же Ἀβοράκη звучит как вполне индоевропейское слово и может быть (но только при большом желании) разъяснено из иранского: к *abra-, авест. aβra- ‘облако, туча’ (от гидронима с этой основой?; ср.: Schmid 1970. S. 379), с о-анаптиксой.

Менее определенна синдская атрибуция следующих топонимов:

От гидронима Coracanda ‘Кубань’ (Pomp. Mela. 1. 112), очевидно, образовано название боспорского города Κορокονδά-μη (Strab. 11. 2. 8 и др.) при входе из Черного моря в Таманский залив, откуда и его древнее наименование – Κορокονδαμῖτις λίμνη «Корокондамское озеро». Название Κορокονδάμη первоначально могло обозначать некое место на берегу разливающейся лиманом реки Кора/оканда; если оно синдское, то и название Coracanda, наверное, принадлежало синдскому языку[3]. Вычленяемый благодаря их сопоставлению элемент *-m- (*-ama?), по-видимому, является формантом. Соотношение вокализма в Coracanda : Κορокονδάμη напоминает двойственную передачу имени Κομοσαρυη (КБН 1015, вторая половина IV в. до н. э., дочь Горгиппа, брата Левкона I) и Κομασαρυη, -α (КБН 75; Didyma II 463_{29}; Syll.^{3} 439, ср. SEG XXVIII 314, все –

[1] Г. Краэ относил эти гидронимы к «древнеевропейским» (Krahe 1964. S. 52). См. далее: Delamarre 2003. P. 37; Falileyev 2010. P. 6, с лит.; Boeglin 1964. P. 63: Lab, приток Ибара в Сербии.

[2] Ср. также возражения в: Mikkola 1902–1903. S. 42: «*Albis* и [слав.] **labije*, *laba* известны лишь там, где встречаются древние следы кельтства и германства»; Фасмер 1964. С. 442.

[3] Отсюда, по-видимому, следует, что другое название Кубани – Ἀντικείτης (Strab. 11. 2. 4; 9; с этимологизацией – к Ἀττική – Ἀττικίτης, Ptol. *Geogr.* 5. 9. 4) происходит из какого-то другого местного языка. Гипотезе о связи с ἀντακαῖος ‘рыба из породы осетровых’ (начиная с Геродота, 4. 53: водятся в Борисфене; Strab. 7. 3. 18: в Боспоре), как Ῥομβίτης от ῥόμβος (Гёрц 1898. С. 23; Kiessling 1914. S. 217), противоречат существенные расхождения в вокализме, пусть даже название рыбы само негреческое (ср. редакторское примечание Латышева к указанному месту у Гёрца).

II в. до н. э.; дочь Спартока V), возможно, синдского[1]. Не исключено, что причины этих колебаний связаны с влиянием r и/или n, m (если здесь не разные рефлексы слоговых вариантов этих сонантов или греческих передач неслоговых). Ближайшую параллель находим в вариациях слова восточного (семитского?) происхождения μαλάχη ‘malva’ (Hes. Erga 41; Theophr. h. p. 7. 7. 2) наряду с μολόχη (Epicharm. fr. 153 Kaibel; ср.: IC I/XVII, 19_8; II/IX, 1_4: ἐμ Μολοχάντι) и промежуточными формами μαλόχη, μολάχη и т. д.[2]

Стоит, пожалуй, упомянуть и Σατορχαῖοι (Domit. Callistr. fr. 3 FHG IV, 354 ap. Steph. Byz. s. v. Τάφραι); в других источниках, в том числе в надписях, название этого племени в Таврике пишется Σαταρχαῖοι (IOSPE I² 672), Satharchaei, Satarchae (Plin. *Nat.* 6. 22 и др.).

В комментарии к эпитафии II в. н. э. КБН 1088 издатели привели в качестве аналогии к Κομοσαρυη : Καμασαρυη имя Καμαρ|[σ]α(ζ)ου из этой надписи (чтение предположительно!), сопоставив его с Καμορσαζης в КБН 689. Предположим, что -о- в Καμορσαζης (по-видимому, *Kāmārša-ča от *Kāma-r̥šan-; Humbach 1960. S. 326) в качестве греческого соединительного гласного замещает -α- (как в перс. Ἀρτοξέρξης, Μιθροδάτης и т. п.). Соответственно, в качестве исходной формы имени царицы можно было бы постулировать Καμασαρυη (тоже к *kāma-) и далее – существование переходного *Καμοσαρυη, откуда Κομοσαρυη. Однако как раз эта последняя форма засвидетельствована намного раньше. Non liquet.

Псевдо-Арриан (10r14) упоминает Ὀπισσᾶς как еще одно, а именно современное ему, название Корокондамитиды: за Корокондамой «находится Корокондамское озеро, ныне называемое Описсас». Ничто, кроме очень поздней фиксации[3], не мешает считать Описсас исконным аборигенным, возможно, синдским наименованием Таманского залива.

Название боспорского городка Τυράμβη (Strab. 11. 2. 4; Ptol. *Geogr.* 5. 9. 4 и др.) в районе современного Темрюка лингвистически может быть иранским (ср. Тохтасьев 1992. С. 198. Прим. 90).

Γάργαζα (f.), очевидно, крупное поселение, поскольку Диодор (20. 23. 8) называет его πόλις. Гаргаза была стратегически важным пунктом, находилась она на реке Кубани, в нижнем ее течении или на каком-то из ее притоков[4], в пределах Боспорского государства (Kiessling 1910. S. 760; Шилов 1950. С. 120)[5], вполне возможно, на территории Синдики.

Как видим, по меньшей мере большинство известных нам топонимов Синдики не поддается толкованию, во всяком случае из иранского.

Личные имена (я ограничиваюсь здесь материалом доримской эпохи):

Ὀκταμασάδης 1) сын царя Гекатея (SEG XLVIII 1027); 2) персонаж граффито V в. до н. э. из Гермонассы (Ὀκταμασιάδης) (Тохтасьев 2005. С. 98);

Χαρσενακεω τõ ὑõ Ματαττος, КБН 1104, Корокондама, первая половина IV или рубеж IV/V вв. до н. э.;

---

[1] См. с лит.: Тохтасьев 1994. С. 81; Тохтасьев 2004. С. 176 и прим. 135. Это имя лишь по недоразумению причислялось к фракийским, см.: Тохтасьев 1992. С. 178. Сопоставлению с названием армянского рода парфянского происхождения Kamsarakan-kʻ от *Kāma-sarah- (Justi 1895. S. 154; Ačaṙyan 1977. Ê. 577; Klíma 1958. S. 340) однозначно противоречит как колебание вокализма, так и -υ-; другая, не более убедительная этимология принадлежит Юсти (Justi 1895. S. 510, s. v. sarwa ‘кипарис’).

[2] Ср.: Meyer 1896. S. 102: «Здесь речь идет о колеблющейся передаче иностранного слова»; Schweizer 1898. S. 98. Anm. 1: якобы простая ассимиляция; совсем безнадежно высказывается Шантрен (Chantraine 1975. P. 662): «Вариации вокализма не находят объяснения» (далее он, по-моему мнению, напрасно допускает влияние μαλακός).

[3] К сведениям псевдо-Арриана, с ремаркой νῦν, см.: Diller 1952. P. 109.

[4] Диодор сообщает (20. 23. 8), что тело царя Сатира доставили в Пантикапей из Гаргазы «по реке».

[5] Как говорилось выше (прим. 3 на с. 429), Шилов предлагал отождествлять Гаргазу с Семибратним городищем, но теперь мы знаем, что оно называлось Лабрис.

[- - -]ας Καβαθαξεω, КБН 1056 I, 20, Гермонасса, IV в. до н. э.;

Κπηεθυρης... Καβαθαξεω, КБН 1113, того же времени, найдена на хоре Гермонассы («на с.-зап. берегу Кизилташского лимана… над гробницей, устроенной в поле́ кургана» [Шкорпил 1914. С. 78], то есть in situ?; вероятнее все же вторичное использование). Оба имени неясны, первое может быть малоазийским, но лишь по общему звучанию; кроме аналогий в малоазийских (именно ликийских) именах (Тохтасьев 2000. С. 138; Тохтасьев 2007. С. 192), начальный cluster в Κπηεθυρης находит некоторые параллели в надписи римского времени с Азиатского Боспора КБН 1231 Б (судя по всему, из Горгиппии; Яйленко 1987. С. 135. № 209) – Θχητλεις (стк. 8), Θχ(α)τλεις (стк. 11; на камне, судя по фотографии, ΘΧΛΤΛΕΙΣ); как и Κπηεθυρης, это композит, ср. Γοση-τλεις (КБН 1142, 13, Горгиппия; ср.: Матковская, Тохтасьев 2006. С. 183. Прим. 19).

Καβαθαξης выглядит иранским, однако даже частичные параллели в иранской антропонимии мне неизвестны.

Παυνα Νύμφεω, КБН 1065, Гермонасса, IV в. до н. э.;

Χανακης Θατου, КБН 1073, Гермонасса, IV или III вв. до н. э.;

Πατικα Δημητρίο, сестра Миккалиона, Фанагория, конец V – начало IV в. до н. э. (Белова 1977. С. 105; SEG XXVII 448).

Αδουξης, defixio на свинцовой пластине из Фанагории, III в. до н. э. (Сапрыкин, Масленников 2007. С. 50; SEG LVII 741).

Синдским, вероятно, является Κομοσαρυη; см. выше, к Coracanda, Κοροκονδάμη.

Этимологической интерпретации поддаются только Ὀκταμασ(ι)άδης, Πατικα, Χανακης, Αδουξης. Ὀκταμασ(ι)άδης < др.-иран. *Uxtama-š(y)āta- с гаплологией из *Uxta-tama-šyāta- ‘счастливый в величайшей молве о себе’ или (как двандва) ‘превозносимый (и) счастливый’[1]. Ранее я высказал предположение (Тохтасьев 1998. С. 300), что это имя появилось здесь в результате брачных контактов синдов с «царскими скифами», поскольку оно идентично с именем скифского царя (тоже Ὀκταμασάδης, Hdt. 4. 80), правившего во второй половине V в. (о дате см.: Алексеев 2003. С. 222). В таком случае оно, подобно греческому имени отца Октамасада, ничего не дает для выяснения этнолингвистической принадлежности синдов; впрочем, мы еще вернемся к нему ниже. Ὀκταμασιάδης гермонасского граффито заслуживает отдельного внимания. Предположим, что этот человек происходил из синдского царского рода (отец Гекатея?) и временами появлялся в Гермонассе, например, навещая своего греческого ксена, что и нашло отражение в граффито. Мы располагаем прямыми свидетельствами заключения союза дружбы и гостеприимства (ξενία) между варварскими правителями и частными лицами из числа жителей греческих колоний; Аристотель (fr. 501 R.[3]) рассказывает о ксении массалиота Эвксена и царя местных варваров Нана, Ксенофонт (*An.* 5. 6. 11) – о синопейце Гекатониме, проксене самого Корилы, сатрапа Пафлагонии. И скифский царь Скил, приезжая в Ольвию, пил вино, конечно, не только ради участия в таинствах Диониса Бакхея (Hdt. 4. 79. 4); правда, он располагал для пиров, вернее симпосиев[2], собственными палатами (Ibid. 78. 5). В таком случае скифский царь и его предполагаемый синдский тезка (и, предположительно, родич) оказываются современниками. Однако хронологически вполне допустимо, что дедом синдского царевича

[1] См.: Kretschmer 1935. S. 22: «der am besten Spruch sich freut» или «der der besten Sprüche sich erfreut»; Тохтасьев 2005. С. 98.

[2] Как раз такую сторону эллинизации подразумевают слова Геродота (4. 78. 4), рассказывающего о посещении Скилом Ольвии: «И в остальном он вел греческий образ жизни».

был тот самый скифский царь Октамасад (около 480–450 гг. – еще царевич). В принципе, ничто не мешает предположить его участие в гермонасских застольях. Во всяком случае, из рассказа Геродота (Hdt. 4. 79. 3–5) о низложении Скила можно заключить, что Октамасад, в отличие от своего брата, являлся принципиальным противником вакханалий, но не самих по себе радостей жизни, даруемых Вакхом, и по крайней мере умеренных возлияний.

Конечно, во время застолий случается всякое, но все же трудно представить себе, что даже самые разнузданные симпосиасты посмели преподнести царю (хотя бы и царевичу) глиняную чашу вместо единственно подобающей ему металлической (золотой или серебряной)[1], еще и снабженную фамильярной надписью. Не спасает положения и утверждение Афинея (11. 464a), который предлагает принести именно глиняные кубки: «я же хорошо знаю, что глиняные сосуды для пития часто являются приятнейшими» (они противопоставляются металлическим), именно – благодаря особым свойствам глины, как и его ссылки на Аристотеля (fr. 96 R.[3]) о редкостных качествах так называемых родосских кружек (Ῥοδιακαὶ χυτρίδες). Даже если допустить, что здешние варварские правители не были столь привередливы, пожалуй, разумнее будет остановиться на том, что речь идет о частном лице синдского происхождения, пусть даже свидетельства Геродота и эпиграммы Левкона могут указывать на специально династический характер имени.

Πατικα: довольно уверенно объясняется из иранского: *Patikā- (Финогенова, Тохтасьев 2003. С. 87. Прим. 4), ср. мужское др.-иран. *Patika- (Hinz 1975. S. 187)[2], по-видимому, сокращение композита с *pati- ‘господин’ вроде *Pati-aspa- (Ibid. S. 185) или исходно одноосновное имя, первоначально прозвище («Хозяйка»); ср. популярное в Пантикапее и Танаисе сарматское имя Πατεις (КБН 81 и др.[3]) < *Pāti-, Πατιας (КБН 612, Add. 2) < *Patiya- (?) (Vasmer 1923. S. 48; Hinz 1975. S. 185; Тохтасьев 2001. С. 158; Tokhtas’ev 2005. P. 16–18).

Χανακης: созвучное имя согд. x’n’k(k) Н. Симс-Уильямс предположительно связывает с x’n ‘дом’ или x’nh (авест. xan-) ‘источник’, а П. Б. Лурье ссылается и на наше Χανακης (Sims-Williams 1989. P. 21. N 205; Sims-Williams 1992. P. 78; Lurje 2010. N 1398); ср. ср.-перс. xān, xānag ‘дом’, ‘семья’. К той же основе явно относится сармат. Χανικα (КБН 442) < *Xǎn-ikā- и, может быть, Χανουσα (КБН 772), Χανωσος (IOSPE I[2] 100, 7): ex. gr. *Xān-(a)ušā-, -a- ‘дом, которой (которого) сияет’ (?) к *[1]auš- : *uš- (Расторгуева, Эдельман 2003. С. 262; Cheung 2007. P. 202: *Hu̯ah[1]). Отчество Ханака, Θατου, если nom. был *Θατης (но вероятен и *Θατος), воспроизводит гидроним Θάτης в Прикубанье (Diod. 20. 22. 3; 23. 1), и тогда должно считаться греческим. Однако в сочетании с именем сына Χανακης оно, скорее, является собственно варварским именем, вероятно, образованием от общей с гидронимом основы.

Αδουξης: во втором компоненте, может быть, др.-иран. *uxšan- ‘бык’ (ср. авест. Kərəsa-oxšan-, Srīra-oxšan-, Uxšan-): *Hadā-uxšan- ‘богатый быками’ (?), ср. др.-иран. *Hadā-dānă- ‘богатый дарами (или зерном)’ (Schmitt 2009. S. 40), *Hadā-bānu- ‘equipped with splendour’ (И. Гершевич; Hinz 1975. S. 109; Tavernier 2007. P. 192, где и другие имена с *hadā[4]).

[1] По словам Ктесия (FGrHist 688 F 40 apud Athen. 11. 464a), «у персов тот, кому царь оказывает пренебрежение, пользуется глиняными (кубками)». Относительно золотых чаш у скифских царей см.: Иванчик 2010. С. 140.

[2] Возможно, сюда же ср.-перс. Pādīg (Gignoux 1986. P. 142; вторичная долгота под влиянием *pā-, *pāta- или, как Жинью, к этой последней основе?).

[3] К примерам из лапидарных текстов добавить дипинто Πατει (генетив или сокращение номинатива) (Бёттер, Шелов 1998. С. 167. № 441).

[4] Однако чтение наиболее близкого семантически *Hadāspa- (в элам.) сомнительно, см.: Hinz, Koch 1987. S. 26.

Или с *vaxša- ‘рост’ (?); ср. авест. Fraša-uuaxša- ‘выдающегося роста’; П. Б. Лурье (устно) предпочитает первую этимологию (Тохтасьев 2015. С. 890).

Χαρσενακης тоже выглядит иранским, но сколько-нибудь убедительной этимологии мне найти не удалось.

Если считать носителей имен Αδουξης, Πατικα, Χανακης, Χαρσενακης синдами, мы получаем некоторые основания предполагать иранскую языковую принадлежность синдов. Однако то же Χανακης известно и на Европейском Боспоре, а именно в Китее, уже в первой половине IV в. до н. э. (КБН 943), что указывает на вероятность переселения и прочих носителей иранских (скифских) имен с Европейского Боспора на Азиатский.

Вместе с тем требует объяснения сохранение в синдской языковой среде исконного облика имени Ὀκταμασ(ι)άδης; более того, у синдов имя бытовало в обеих исторических формах второго компонента – ранней -σιάδης (< др.-иран. *-šyāta-) и продвинутой -σάδης (< *-šāta- < *-šyāta-).

В надписи КБН 1015, обнаруженной на западном берегу Ахтанизовского лимана (Таманский п-в), Комосария, дочь Горгиппа и жена Перисада I (344/3–311/10), посвящает «мощному богу Санергу и Астаре» (ἰσχυρῶι θειῶι Σανεργει καὶ Ασταραι) их изваяния. Если имя Астары имеет явно семитское происхождение[1], то Σανεργης остается совершенно неясным; учитывая локальный характер культа и предположительно синдское происхождение Комосарии, нельзя исключать, что этот теоним может быть собственно синдским. Не исключено также, что культ Астар(т)ы был усвоен скифами во времена их пребывания в Передней Азии, а у синдов является скифским наследием эпохи теснейших политических[2] и культурных контактов в VII–VI вв. до н. э.[3] Но так же можно рассматривать и приведенные выше синдские антропонимы иранского происхождения.

Итак, даже если бы синдская атрибуция большей части перечисленных выше имен собственных не была проблематичной, материала для решения вопроса о языковой принадлежности синдов совершенно недостаточно. А. И. Иванчик и В. А. Горончаровский заявляют даже: «Лингвистическая принадлежность синдов не ясна и вряд ли может быть установлена из-за отсутствия надежных данных» (Горончаровский, Иванчик 2010. С. 219). Остается только рассчитывать на новые эпиграфические находки.

Во всяком случае наличие иранского элемента в синдской среде не вызывает сомнений.

В этой связи стоит обратить внимание на археологические свидетельства. По материалам А. М. Новичихина, еще с конца VII в. до н. э., накануне колонизации, в Левобережье Нижней Кубани «никаких признаков предшествующей культуры (так называемой протомеотской. – *С. Т.*)… не прослеживается. Очевидно, местное население было вытеснено или уничтожено», а именно скифами, или, выражаясь корректнее, носителями раннескифской культуры (Новичихин 2006. С. 74). Во второй половине VI в. до н. э. в район Анапы, по-видимому, происходит перемещение аборигенного населения из района Новороссийска: речь идет о захоронениях в каменных ящиках (или «каменных» некрополях). Впоследствии подобные памятники распространяются на довольно обширной территории от Новороссийска до Анапы и далее до Семибратнего городища (Лабриса) (Новичихин 2006. С. 74; Алексеева 2010. С. 478–480, 481;

[1] К финик. ‘štrt /‘Aštārt/, /‘Aštōrt/, аккад. Ištar (> поздн. /Iššar/) и др.; определить язык-источник конкретнее очень непросто.

[2] Ср.: Галанина 1985. С. 164; Галанина 1997. С. 196, 206; Алексеев, Рябкова 2010. С. 246.

[3] Подробнее см.: Тохтасьев 1994. С. 80–83.

Алексеева 2012. С. 175). В то же время расположенный близ последнего царский некрополь синдов демонстрирует целый ряд скифских или, как сейчас нередко говорят, скифоидных черт как в погребальной обрядности, так и в инвентаре. Логично предположить, что синдская правящая верхушка вела свое происхождение от скифов, появившихся в VII в. до н. э. на территории Синдики[1]. Это возвращает нас к иранским элементам в синдской антропонимии и прежде всего к имени Ὀκταμασάδης, которое носил представитель царской династии; вполне вероятно, что оно было у скифов династическим еще в те времена, когда скифы политически и даже этнически господствовали в Прикубанье, и в таком качестве вошло в ономастикон синдской правящей верхушки[2].

Таким образом, лингвистика и археология как будто коррелируют друг с другом, демонстрируя, каждая на своем материале, этническую гетерогенность населения Синдики: топонимы, отчасти и антропонимы, говорят, по-видимому, о том, что основой синдского этноса было аборигенное население Северо-Западного Кавказа, а часть антропонимов, включая имена верхушки синдского общества, – что ею были пришельцы-иранцы, захватившие еще в VII в. до н. э. контроль над этими землями. И к тому же заключению приводят археологические данные (ср. Новичихин 2009. С. 19).

Разумеется, на данном этапе исследования все вышесказанное – не более чем догадки[3], почему я и пишу об этом в тезисной форме. Но, как кажется, имеет смысл принять эти соображения в качестве рабочей гипотезы, способной стимулировать дальнейшие поиски в области истории и культуры синдов, а также ранней истории скифов.

Абрамов 2010
Абрамов А. П. Патрей // Античное наследие Кубани / под ред. акад. Г. М. Бонгард-Левина, В. Д. Кузнецова. М., 2010. Т. 1. С. 528–539.

Алексеев 2003
Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб., 2003.

Алексеев, Рябкова 2010
Алексеев А. Ю., *Рябкова Т. В.* Скифы // Античное наследие Кубани / под ред. акад. Г. М. Бонгард-Левина, В. Д. Кузнецова. М., 2010. Т. 1. С. 236–259.

Алексеева 2010
Алексеева Е. М. Горгиппия // Античное наследие Кубани / под ред. акад. Г. М. Бонгард-Левина, В. Д. Кузнецова. М., 2010. Т. 1. С. 478–481.

Алексеева 2012
Алексеева Е. М. [Рец. на кн.] Население архаической Синдики : по материалам некрополя у хутора Рассвет. М., 2010. (Некрополи Черноморья ; III). // ВДИ. 2012. № 4. С. 173–177.

Алексеева 1971
Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.

Анфимов 1982
Анфимов Н. В. Курганы рассказывают. Краснодар, 1982.

Бгажба 1964
Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1964.

Белова 1977
Белова Н. С. Эпиграфические материалы Фанагорийской экспедиции // ВДИ. 1977. № 3. С. 105–117.

Бёттгер, Шелов 1998
Бёттгер Б., *Шелов Д. Б.* Дипинти на амфорах из Танаиса. М., 1998.

[1] См.: Новичихин 2009, где обобщен материал памятников раннескифской культуры в Западном Закубанье. Правда, автор приписывает их язаматам, на мой взгляд, без достаточных оснований.

[2] Логично предложить и следующую гипотезу: боспорское династическое имя Παιρι-σάδης (< др.-иран. *Pairi-šyāta- [несколько иначе – Грантовский 1970. С. 195 = 2007. С. 221 слл.: *Paⁱriš(y)āti-] ‘имеющий полноту благоденствия’) имеет не непосредственно скифское (Tokhtas’ev 1986), а синдское происхождение. В этом отношении существенно, что оно содержит тот же второй компонент.

[3] Проблема еще и в том, что старшая группа Семибратних курганов по характеру и набору погребального инвентаря поразительно напоминает группу курганов варварской знати V в. до н. э. в районе Нимфея, которые принято считать собственно скифскими (Ростовцев 1925. С. 393; Виноградов 2005. С. 251, 254, с прочей лит.).

Виноградов 2005
Виноградов Ю. А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары в Северном Причерноморье. СПб., 2005.

Виноградов 2002
Виноградов Ю. Г. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп // ВДИ. 2002. № 3. С. 3–22.

Галанина 1980
Галанина Л. К. Курджипский курган. Л., 1980.

Галанина 1985
Галанина Л. К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами : по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника // СА. 1985. № 3. С. 156–167.

Галанина 1997
Галанина Л. К. Келермесские курганы : «царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997.

Гёрц 1898
Гёрц *К. К.* Археологическая топография Таманского полуострова // Собрание сочинений, изданное Императорскою Академиею наук. СПб., 1898. Вып. 1.

Горончаровский 2011а
Горончаровский В. А. Синдика в период возведения Семибратних курганов // Боспорский феномен : население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 260–275.

Горончаровский 2011б
Горончаровский В. А. Синдика в период возведения Семибратних курганов // Мнемон. 2011. Вып. 10. С. 115–140.

Горончаровский, Иванчик 2010
Горончаровский В. А., Иванчик А. И. Синды // Античное наследие Кубани / под ред. акад. Г. М. Бонгард-Левина, В. Д. Кузнецова. М., 2010. Т. 1. С. 218–235.

Грантовский 1970
Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. Изд. 1-е. М., 1970.

Грантовский 2007
Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. Изд. 2-е. М., 2007.

Грантовский, Раевский 1984
Грантовский Э. А., Раевский Д. С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья / отв. ред. Л. А. Гиндин. М., 1984. С. 47–66.

Журавлев, Шлотцауер 2011
Журавлев Д. В., Шлотцауер У. Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова // Scripta Antiqua. 2011. Т. 1. С. 252–293.

Завойкин 2011
Завойкин А. А. Эллины Таманского полуострова и их соседи : первые контакты // Боспорский феномен : население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 259–264.

Иванов, Сударев 2012
Иванов А. В., Сударев Н. И. К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова // Древности Боспора. 2012. Вып. 16. С. 178–199.

Иванчик 2010
Иванчик А. И. Похороны скифских царей : Геродот и археология // Археология и палеоантропология евразийских степей и прилегающих территорий : сб. ст. в честь 60-летия Л. Т. Яблонского / отв. ред. М. М. Герасимова, В. Ю. Малашев, М. Г. Мошкова. М., 2010. С. 129–150.

Ионова 1993
Ионова С. Х. Абазинская топонимия. Черкесск, 1993.

История народов Северного Кавказа 1988
История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.

Кварчия 2006
Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия Абхазии. Сухум, 2006.

Коков 1974
Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974.

Коков 1983
Коков Дж. Н. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983.

Кузнецов 1991
Кузнецов В. Д. Ранние апойкии Северного Причерноморья // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 31–37.

Лавров 1946
Лавров А. И. «Обезы» русских летописей // СЭ. 1946. № 4. С. 161–170.

Масленников 1981
Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М., 1981.

Матковская, Тохтасьев 2006
Матковская Т. А., Тохтасьев С. Р. Малоизвестные и неизданные стелы Керченского лапидария // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2006. Вып. 1. С. 179–210.

Меретуков 1981
Меретуков К. Х. Адыгейский топонимический словарь. Майкоп, 1981.

Никонов 1965
Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965.

Новичихин 2006
Новичихин А. М. Население Западного Закубанья в первой половине I в. до н. э. Анапа, 2006.

Новичихин 2009
Новичихин А. М. Об этнической принадлежности курганных погребений раннескифского времени в Западном Закубанье // Былые годы. 2009. № 3 (13). С. 16–20.

Новичихин 2011
Новичихин А. М. Границы Синдики // Былые годы. 2011. № 3 (21). С. 11–15.

Откупщиков 1988
Откупщиков Ю. В. К вопросу об индоариях в Крыму и в Причерноморье // Проблемы античной культуры : тез. докл. Крымской науч. конф. Симферополь, 1988. Вып. 1. С. 25–28.

Откупщиков 1999
Откупщиков Ю. В. Древнейшая греческая ономастика Северного Причерноморья // Боспорский феномен : греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 94–100.

Откупщиков 2001а
Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии. СПб., 2001.

Откупщиков 2001б
Откупщиков Ю. В. Opera philologica minora. СПб., 2001.

Паромов, Гей 2005
Паромов Я. М., Гей А. Н. Памятники эпохи камня и бронзы на Таманском полуострове // Древности Боспора. 2005. Вып. 8. С. 320–337.

Расторгуева, Эдельман 2003
Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М., 2003. Т. 2.

Ростовцев 1925
Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.

Сапрыкин, Масленников 2007
Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. Свинцовая пластина с греческой надписью из Фанагории // ВДИ. 2007. № 4. С. 50–61.

Сорокина 1957
Сорокина Н. П. Тузлинский некрополь. М., 1957.

Тохтасьев 1984
Тохтасьев С. Р. Scythica в Трудах II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья // ВДИ. 1984. № 3. С. 133–143.

Тохтасьев 1986
Тохтасьев С. Р. Из ономастики Северного Причерноморья I : ΠΑΤΟΥΣ, ΠΑΤΡΑΣΥΣ, ΠΑΤΡΑΕΥΣ // Проблемы античного источниковедения / отв. ред. Э. Д. Фролов. Л., 1986. С. 69–87.

Тохтасьев 1992
Тохтасьев С. Р. Из ономастики Северного Причерноморья II : фракийские имена на Боспоре // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / отв. ред. А. К. Гаврилов. СПб., 1992. С. 178–199.

Тохтасьев 1994
Тохтасьев С. Р. Вотив царицы Комосарии // Петербургский археологический вестник. 1994. Вып. 8. С. 80–83.

Тохтасьев 1998
Тохтасьев С. Р. К чтению и интерпретации посвятительной эпиграммы Левкона I с Семибратнего городища // Hyperboreus. 1998. Vol. 4. Fasc. 2. С. 286–301.

Тохтасьев 2000
Тохтасьев С. Р. Из ономастики Северного Причерноморья X–XVII // Hyperboreus. 2000. Vol. 6. Fasc. 1. С. 124–156.

Тохтасьев 2001
Тохтасьев С. Р. Эпиграфические заметки // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ : Памяти Юрия Германовича Виноградова (Херсонесский сборник ; вып. 11). Севастополь, 2001. С. 155–168.

Тохтасьев 2002
Тохтасьев С. Р. ΣΙΝΔΙΚΑ // Таманская старина. СПб., 2002. Вып. 4. С. 10–32.

Тохтасьев 2004
Тохтасьев С. Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I : обзор новых эпиграфических публикаций // ВДИ. 2004. № 3. С. 144–180.

Тохтасьев 2005
Тохтасьев С. Р. Проблема скифского языка в современной науке // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Iaşi, 2005. С. 59–108.

Тохтасьев 2007
Тохтасьев С. Р. Из ономастики Северного Причерноморья XIX : малоазийские имена на Боспоре // ВДИ. 2007. № 1. С. 170–209.

Тохтасьев 2010
Тохтасьев С. Р. Контакты Борисфена и Ольвии с Боспором в архаический период в свете эпиграфических источников // АСГЭ. 2010. Вып. 38. С. 50–58.

Тохтасьев 2015
Тохтасьев С. Р. Из ономастики Северного Причерноморья XXII : несколько скифских и сарматских имен // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIX : мат-лы

чтений, посвящ. памяти проф. И. М. Тронского 22–24 июня 2015 г. СПб., 2015. С. 890–898.

Трубачев 1999
Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999.

Фасмер 1964
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 1-е. М., 1964. Т. 2.

Финогенова, Тохтасьев 2003
Финогенова С. П., Тохтасьев С. Р. Новые данные о культе Афродиты в Гермонассе // Hyperboreus. 2003. Vol. 9 (1). С. 83–88.

Чирикба 1998
Чирикба В. А. Абхазский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств : энциклопедия : в 3 т. М., 1998. Т. 1. С. 8–18.

Шакрыл 1961
Шакрыл К. С. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми, 1961.

Шилов 1950
Шилов В. П. О расселении меотских племен // СА. 1950. Т. 14. С. 102–123.

Шкорпил 1914
Шкорпил В. В. Боспорские надписи, найденные в 1913 г. // ИАК. 1914. Вып. 54. С. 65–82.

Шрамм 1997
Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья. М., 1997.

Яйленко 1987
Яйленко В. П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 4–200.

Ačaṙyan 1977
Ačaṙyan R. Hayeoran armatakan baṙaran. Erevan, 1977. H. 2.

Boeglin 1964
Boeglin Y. E. De l'importance en hydronymie balkanique de l'étude du bassin superieur de certaines rivieres // Linguistique Balkanique = Балканско езикознание. 1964. Vol. 8. P. 59–68.

Chantraine 1975
Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1975. T. 3.

Cheung 2007
Cheung J. Etymological Dictionary of the Iranian Verb. Leiden ; Boston, 2007.

Delamarre 2003
Delamarre X. Dictionnaire de la langue gauloise / 2e éd. Paris, 2003.

Diller 1952
Diller A. The Tradition of the Minor Greek Geographers. Lancaster, 1952.

Eilers, Mayrhofer 1960
Eilers W., Mayrhofer M. Namenkundliche Zeugnisse der indischen Wanderung? Eine Nachprüfung // Die Sprache. 1960. Bd. 6. S. 107–134.

Falileyev 2010
Falileyev A. Dictionary of Continental Celtic Place-Names. Aberystwyth, 2010.

Fick 1897
Fick A. Altgriechische Ortsnamen V // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. 1897. Bd. 23. S. 1–41.

Gignoux 1986
Gignoux Ph. Noms propres sassanides en moyen-perse épigraphique. Wien, 1986. (IPNB ; II/2).

Grasberger 1882
Grasberger L. Studien zu den griechischen Ortsnamen. Würzburg, 1882.

Hinz 1975
Hinz W. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975.

Hinz, Koch 1987
Hinz W., Koch H. Elamisches Wörterbuch. Berlin, 1987. Bd. 1.

Humbach 1960
Humbach H. Scytho-Sarmatica // Die Welt der Slaven. 1960. Bd. 5. S. 322–328.

Justi 1895
Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.

Kiessling 1910
Kiessling M. Gargaza // RE. Stuttgart, 1910. Bd. 7.

Kiessling 1914
Kiessling M. Hypanis // RE. Stuttgart, 1914. Bd. 9.

Klíma 1958
Klíma O. Kamsarakan und Καμασαρύη // Archiv orientální. 1958. Vol. 26. S. 339–342.

Krahe 1964
Krahe H. Unsere älteste Flussnamen. Wiesbaden, 1964.

Kretschmer 1935
Kretschmer P. Zum Balkan-Skythischen // Glotta. 1935. Bd. 24. S. 1–56.

Kretschmer 1944
Kretschmer P. Inder am Kuban // Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien : Philosophisch-historische Klasse. 80. Jg. 1943. Wien, 1944. Bd. 7–10. S. 35–42.

Lurje 2010
Lurje P. Personal Names in Sogdian Texts. Wien, 2010. (IPNB ; II/8).

Mayrhofer 1979
Mayrhofer M. Ausgewählte kleine Schriften. Wiesbaden, 1979.

Meyer 1896
Meyer G. Griechische Grammatik / 3. Aufl. Leipzig, 1896.

Mikkola 1902–1903
Mikkola J. Baltisches und Slavisches // Öfversigt af Finska vetenskaps-societetens förhandlingar. 1902–1903. Vol. 45 (4). S. 1–47.

Schmid 1970
Schmid W. P. Indisch-iranische Appellativa und alteuropäische Gewässernamen // W. B. Henning. Memorial Volume / ed. by M. Boyce, I. Gershevitch. London, 1970. S. 376–384.

Schmid 1979
Schmid W. P. Zur Frage der Datierung iranischer Lehnwörter in den finnisch-ugrischen Sprachen // Festschrift Wolfgang Schlachter zum 70. Geburtsjahr. Wiesbaden, 1979. S. 265–270.

Schmitt 2009
Schmitt R. Iranische Personennamen in der neuassyrischen Nebenüberlieferung (IPNB ; VII.1A). Wien, 2009.

Schmitt 2011
Schmitt R. Herodot und iranische Sprachen // Herodot und das persische Weltreich / Hrsg. von R. Rollinger, B. Truschnegg, R. Bichler. Wiesbaden, 2011. S. 313–342.

Schweizer 1898
Schweizer E. Grammatik der pergamenischen Inschriften. Berlin, 1898.

Sims-Williams 1989–1992
Sims-Williams N. Sogdian and Other Iranian Inscriptions of the Upper Indus. London, 1989–1992. Vol. 1–2. (Corpus inscriptionum Iranicarum ; II/III).

Tavernier 2007
Tavernier J. Iranica in the Achaemenid Period. Leuven ; Paris ; Dudley, 2007.

Tokhtas'ev 1986
Tokhtas'ev S. R. Zur Herkunft der bosporanischen Spartokiden // Pulpudeva. 1986. Vol. 5. S. 113–121.

Tokhtas'ev 2005
Tokhtas'ev S. R. Epigraphical Notes // ACSS. 2005. Vol. 11 (1, 2). P. 3–40.

Torbiörnsson 1901
Torbiörnsson T. Die gemeinslavische Liquidametathese. Upsala, 1901. Bd. 1.

Vasmer 1923
Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. Leipzig, 1923. Bd. 1: Die Iranier in Südrußland.

Zgusta 1984
Zgusta L. Kleinasiatische Ortsnamen. Heidelberg, 1984.

Античные источники

D.[3]
Diehl E. Anthologia Lyrica Graeca / editio tertia. Lipsiae, 1952. Fasc. 3. Iamborum scriptores.

R.[3]
Rose V. Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta. Lipsiae, 1886.

Powell
Powell J. U. Collectanea Alexandrina. Oxford, 1925.

Marcotte
Marcotte D. Géographes grecs. Paris, 2000. T. 1: Introduction générale. Ps.-Scymnos, Circuit de la terre.

Epicharm. (Kaibel)
Kaibel G. Comicorum Graecorum fragmenta. Berolini, 1899. (Poetarum Graecorum fragmenta ; 6/1).

Didyma II
Rehm A. Didyma II. Die Inschriften / Hrsg. von R. Harder. Berlin, 1958.

FGrHist
Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin ; Leiden, 1923.

FHG
Müller C. Fragmenta historicorum Graecorum. Parisiis, 1874–1883. Vol. 1–5.

Hes. Erga
Mason P. Hésiode. Théogonie. Les travaux et les jours. Le bouclier. Paris, 1947.

IC
Guarducci M. Inscriptiones Creticae. Roma, 1935–1950. Vol. 1–4.

IOSPE
Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latini. Petropoli, 1885–1901. Vol. 1–2, 4; 1[2]. 1916.

IPNB
Iranisches Personennamenbuch / Hrsg. von M. Mayrhofer, R. Schmitt. Wien, 1979.

Syll.[3]
Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. Lipsiae, 1915–1924[3]. Vol. 1–4.

Theophr. h. p.
Hort A. Theophrastus. Enquiry into Plants. London ; New York, 1916. Vol. 2. Book 6–9.

Е. Е. Фиалко

СКИФСКИЕ АМАЗОНКИ – УЧАСТНИЦЫ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Свидетельства о вооруженных женщинах в воинской среде уходят корнями в эпоху архаики. Среди мифологических персонажей выводится воинственный народ женщин – амазонок. Это сильные, бесстрашные, красивые всадницы, отлично владеющие оружием. Их боевые качества ценились настолько высоко, что греки призывали отряды воинственных дев на помощь в сражениях с противником. Гордых воительниц упоминали в своих трудах многие древние авторы: Геродот (ок. 480 – 425 гг. до н. э.), Гиппократ (около 460–356 гг. до н. э.), Лисий (ок. 459–380 гг. до н. э.), Эфор (405–330 гг. до н. э.), Палефат (III в. до н. э.), Страбон (68 г. до н. э. – 20 г. н. э.), Диодор Сицилийский (ок. 90 – ок. 30 гг. до н. э.), Помпей Трог (I в. до н. э. – I в. н. э.), Плутарх (50–125 гг. н. э.) и другие.

Литературная традиция сохранила ценные свидетельства о происхождении, образе жизни и определенных привычках амазонок, благодаря чему вырисовывается весьма выразительный образ этих воинственных женщин. Интересны и довольно подробны свидетельства о постоянных военных тренировках и вооружении амазонок. Гиппократ в сочинении «О воздухе, водах и местностях» выводит их ловкими всадницами и рассказывает, что амазонки стреляют из луков и бросают дротики, сидя на конях (Hp. *Aer.* 24)[1]. Помпоний Мела в «Землеописании» добавлял, что амазонки занимаются теми же делами, что и мужчины, и даже не освобождаются от воинской службы; мужчины служат в пехоте и в сражении мечут стрелы, а женщины вступают в конные стычки, набрасывают на врагов арканы и умерщвляют затягиванием (Mela 1. 19. 114)[2]. Диодор Сицилийский поведал о двух доблестных царицах амазонок (матери и дочери), которые приучали девочек с самого раннего возраста к охоте и ежедневным занятиям военными искусствами (Diod. 2. 45–46). Причем во время военных походов большое внимание уделялось дисциплине. По наблюдениям древних авторов, наступательное оружие амазонок составляли луки со стрелами, топоры, дротики и копья (Pind. *N.* 3. 38; Strabo 11. 5. 1).

Опираясь на наиболее подробную информацию Геродота об амазонках (Hdt. 4. 110–117)[3], можно говорить о трех основных периодах их истории. Вначале речь идет о царстве независимых женщин. Затем, после битвы с греками, амазонки попадают в Скифию и по прошествии какого-то времени вступают в браки со скифами – то есть теперь

[1] Цит. по: *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 2 (20). С. 295.

[2] Цит. по: *Он же.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 1 (27). С. 276.

[3] Цит. по: Доватур и др. 1982.

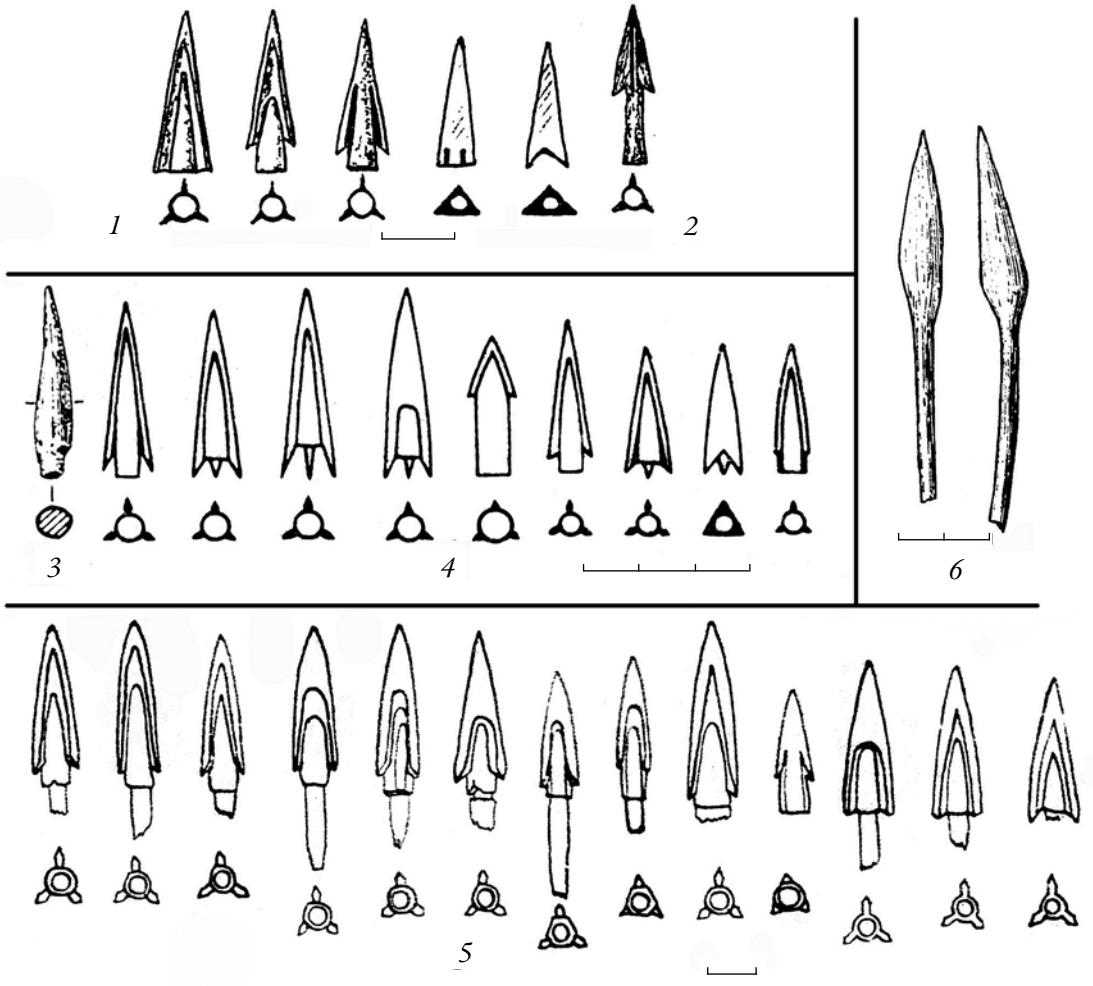
живут среди мужчин (или, точнее, вместе с ними). Для этого периода Геродот отмечает, что амазонки, сблизившиеся со скифскими юношами, «не имели ничего, кроме оружия и лошадей, и вели тот же, что и они, образ жизни, занимаясь охотой и грабежом» (Hdt. 4. 112). Далее, как пишет Геродот, «они стали жить вместе, каждый имея женой ту, с которой он вступил в связь с самого начала. Мужчины не могли выучить язык женщин, женщины же усвоили язык мужчин. А после того, как они поняли друг друга, мужчины сказали амазонкам следующее: „…Теперь мы уже больше не будем вести такой образ жизни, но будем жить, уйдя к своему народу; нашими женами будете вы, и никакие другие [женщины]“», амазонки же предложили иной вариант отношений – сохранив браки, получить у родителей «свою часть имущества», но жить отдельно от них (Hdt. 4. 114). Когда же, послушавшись амазонок, скифские юноши вернулись с полученным имуществом к ним, женщины предложили уйти «из этой земли» и, «перейдя реку Танаис», поселиться в иной местности (Hdt. 4. 115). Так начался третий, савроматский, этап их истории.

Как долго продлился скифский период в жизни амазонок? Геродот, к сожалению, ничего об этом не поведал. Мы можем исходить лишь из того, что для начала воинственным девам нужно было завоевать свое «жизненное пространство», затем некоторое время понадобилось, чтобы каждая нашла своего партнера, далее – определенный период времени ушел на создание семьи и, главное, на адаптацию к местным обычаям и преодоление языкового барьера.

Наглядными свидетельствами способов ведения боя, вооружения и снаряжения воинственных женщин выступают произведения изобразительного искусства. Разнообразные сюжеты и композиции с участием амазонок украшали монументальные архитектурные сооружения, интерьеры помещений, фризы саркофагов, различные по назначению каменные рельефы, произведения торевтики (в их числе и элементы защитного доспеха), вазы, ювелирные и иные изделия (Bothmer 1957; Charbonneaux et al. 1969; Charbonneaux et al 1970; Лосева, Сидорова 1988; Güntner et al. 1997; Hamiaux 1998; Шталь 2000; Шталь 2004; Boardman 2006; Fornasier 2001; Савостина 2001; Treister 2004; Fialko 2010a, b; Фиалко 2010а; Фиалко 2010б). Наиболее популярной в античном изобразительном искусстве, начиная с эпохи архаики, была тема амазономахии – битвы амазонок с греческими героями, иллюстрирующей общегреческие мифы.

Археологические источники, как и более ранняя письменная и художественная традиции, фиксируют присутствие в скифской среде Северного Причерноморья женщин, занимавшихся военным делом. В обществе, члены которого задействованы в вооруженных конфликтах и дальних походах, женщины вынуждены становиться на защиту своего жилья, семьи (детей и стариков), стада и имущества. На территории Европейской Скифии известно более 130 могил конца VII – второй половины IV в. до н. э., принадлежность которых вооруженным женщинам не вызывает сомнений (Fialko 2009; Fialko 2010a. P. 119; Фиалко 2014. С. 419, 420). По отношению к общему количеству скифских погребений с оружием в Понтийских степях могилы женщин-воительниц составляют четвертую часть (Бунятян 1985; Фиалко 1991), а это значит, что каждым четвертым воином у скифов Северного Причерноморья была женщина.

На вооружении скифских амазонок было преимущественно метательное оружие, это прежде всего лук и стрелы, копья, дротики и праща. Оружие рукопашного боя было редкостью. Мечи и кинжалы представлены единичными экземплярами. Боевые топоры,



Ил. 1. Типы наконечников стрел из погребений вооруженных женщин

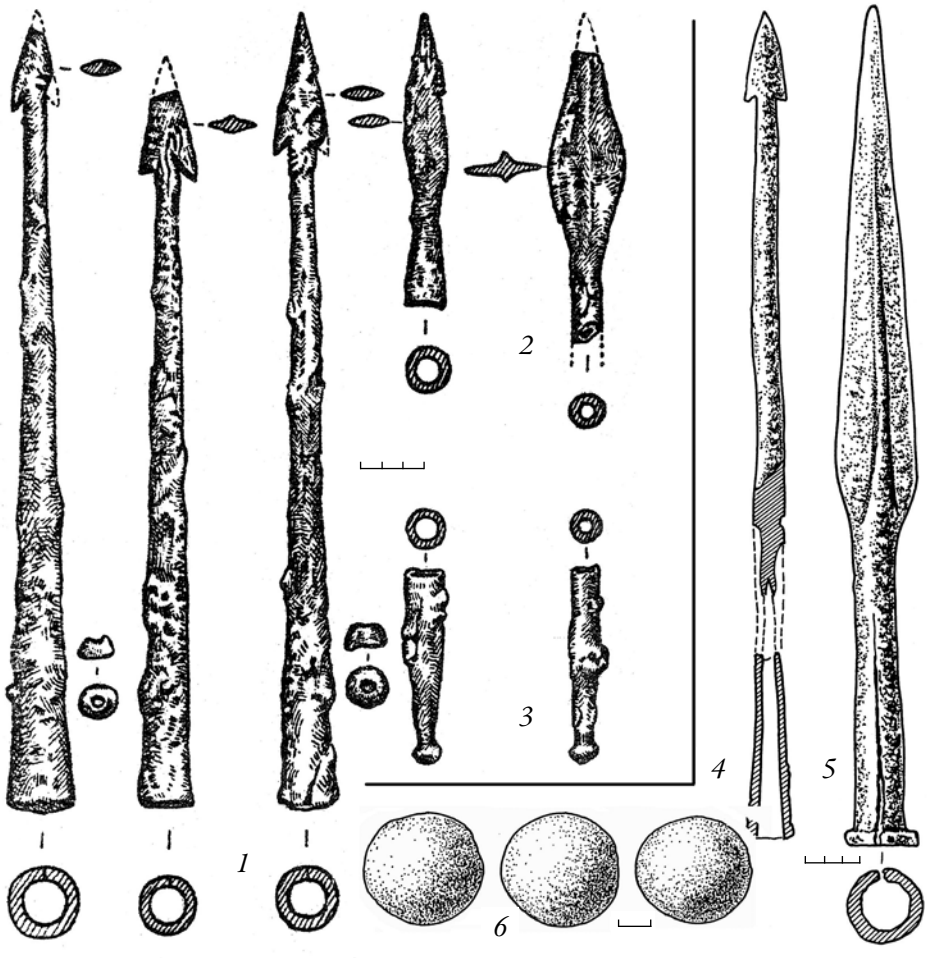
1, 2 – курган 9 у с. Старый Мерчик; *3, 4* – курган 6 у с. Новое; *5* – курган Чертомлыкского могильника; *6* – курган 13 группы БОФ

1, 4, 5 – бронза, *2* – железо; *3, 6* – дерево. Прорисовка Е. Е. Фиалко

клевцы, чеканы (и тем более ударное оружие) женщины практически не использовали (ил. 1–3). Единичными находками представлены также портупейные пояса и остатки защитного доспеха (Фиалко 2011; Фиалко 2012а).

Несмотря на, казалось бы, очевидные свидетельства, вопрос о непосредственном участии скифских женщин в сражениях до сих пор остается открытым. Более того, ставится под сомнение и причастность скифянок к воинскому сословию, поскольку оружие в их могилах может рассматриваться лишь как некий социальный маркер[1]. Согласиться с такой интерпретацией невозможно по нескольким причинам.

[1] К примеру, в ходе обсуждения прочитанного мною в январе 2014 г. в Бонне доклада о скифских воительницах, уважаемые коллеги В. Мордвинцева и А. Попа высказали предположение, что оружие в женских могилах вовсе



Ил. 2. Оружие из курганов амазонок: наконечники дротиков (*1, 4*) и копий (*2, 5*), подтоки (3), пращевые камни (6)

1–3 – курган 13 Стеблевского могильника; *4–6* – курган 5 у с. Зеленое.
1–5 – железо, *6* – камень. Прорисовка Е. Е. Фиалко

Во-первых, анализ погребальных комплексов скифских женщин с оружием показал, что в целом они представляют так называемый средний класс. В то же время (с учетом сопоставления размеров и характера погребальных сооружений, наборов сопутствующего инвентаря и сопровождения) я выделяю пять социальных страт в их среде: 1) рядовые дружинники; 2) среднее звено (или успешные воины); 3) высокородные (богатые) амазонки; 4) командиры (или лидеры); 5) охранницы из свиты (Фиалко 2012а).

Во-вторых, наличие ординарного (без декора и драгоценных металлов) оружия в могилах скифских мужчин никогда не расценивалось как признак их высокого социального

не является частью набора личных вещей воительниц, а может расцениваться лишь как признак высокого социального статуса. Я искренне благодарна моим оппонентам, поскольку их замечания послужили поводом к написанию этой статьи.

положения. Собственно именно на основании присутствия в могиле каких-либо видов вооружения (стрел, копий, мечей, элементов защитного доспеха) погребенного мужчину «причисляли» к воинскому сословию. В то же время количественный состав комплекта (полная панoплия в отличие от единичных образцов оружия) и тем более его качественные показатели (наличие накладок из драгоценных металлов, инкрустации и иных деталей подобного рода) выступают как признак определенного высокого социального ранга воина. Естественно, что при определении статуса погребенного рассматриваются и другие показатели погребального комплекса (учитывая ограбленность большинства скифских могил, это, прежде всего, объем сооружения; затем характер сопровождения и номенклатура сохранившегося вещевого комплекта).

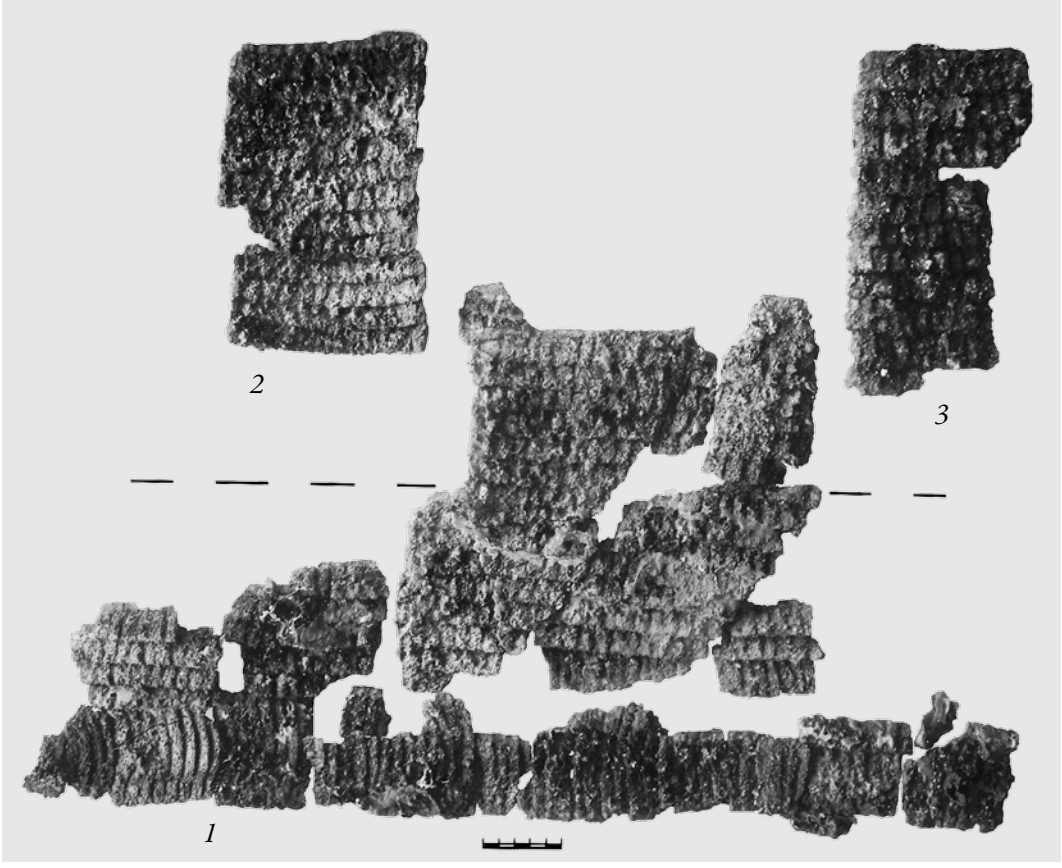
В-третьих, ситуация, прослеженная в нескольких погребальных комплексах (к примеру, в центральном погребении кургана 2 у с. Зеленое Херсонской обл., погребении № 2 кургана 51 Елизаветовского могильника), ясно показывает, что скифские амазонки занимали равное с мужчинами и, очевидно, независимое положение в обществе (Копылов и др. 2004. С. 54; Янгулов 2009. С. 11; Фиалко 2012б). Соответственно, и наличие оружия в наборах их вещевого сопровождения может расцениваться как принадлежность этих женщин к активным участникам военной организации скифов.

В-четвертых, в качестве весомого аргумента непосредственного участия скифских женщин в боевых действиях, как мне думается, могут выступать следы боевых ранений. К сожалению, по ряду причин (прежде всего плохая сохранность костных остатков и отсутствие специалиста-антрополога в составе большинства экспедиций) специальных исследований характера травм скифских воинов и тем более воительниц пока нет. Тем не менее на территории Европейской Скифии известны захоронения скифянок, характер травм которых (рубленые раны на черепе и конечностях, переломы конечностей, повреждения от стрел) носит очевидную «военную» направленность.

1. В памятниках *степного региона* отмечено несколько случаев, когда ***в костных тканях*** женщин, погребенных с оружием, зафиксированы ***бронзовые наконечники стрел.*** Вполне вероятно, что полученные травмы и привели к летальному исходу.

Могила № 1 кургана 13 группы БОФ, на окраине г. Орджоникидзе (Днепропетровская обл.). Погребение совершено в катакомбе продольного типа (ил. 4: *1*). Прямоугольная входная яма, размерами 3,35–1,5 × 1,8 м, глубиной 5,25 м, ориентирована по линии З–В. Камера трапециевидной формы, устроенная под северной стенкой входной ямы (параллельно ей), размерами 4,0 × 2,7 м, пол на уровне дна входной ямы. Во входной яме сохранились детали повозки, часть бортов которой использовали в качестве заслона входа в камеру. Погребение частично ограблено. Могила служила усыпальницей женщины с двумя детьми. Женщина лежала в деревянном гробовище (сохранилась нижняя часть скелета), на спине, головой на запад. В ногах женщины, справа от гробовища, лежала девочка с тремя глазчатыми бусинами у черепа. Разрозненные кости второго детского скелета лежали слева от гробовища, под северной стенкой камеры. В набор сопровождающего инвентаря женщины входили: браслет из 29 стеклянных бусин, бронзовое зеркало с железной ручкой, железное шило, железный подток копья, семь бронзовых наконечников стрел и, возможно, железная скоба (ил. 4: *2–4, 6–9*).

В коленном сочленении левой ноги женщины обнаружен большой бронзовый трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой (Тереножкин и др. 1973. С. 160) – сильно окисленный наконечник с обломанным острием и загнутым наружу концом



Ил. 3. Чешуйчатый доспех из кургана 5 у с. Зеленое. Фотография Е. Е. Фиалко

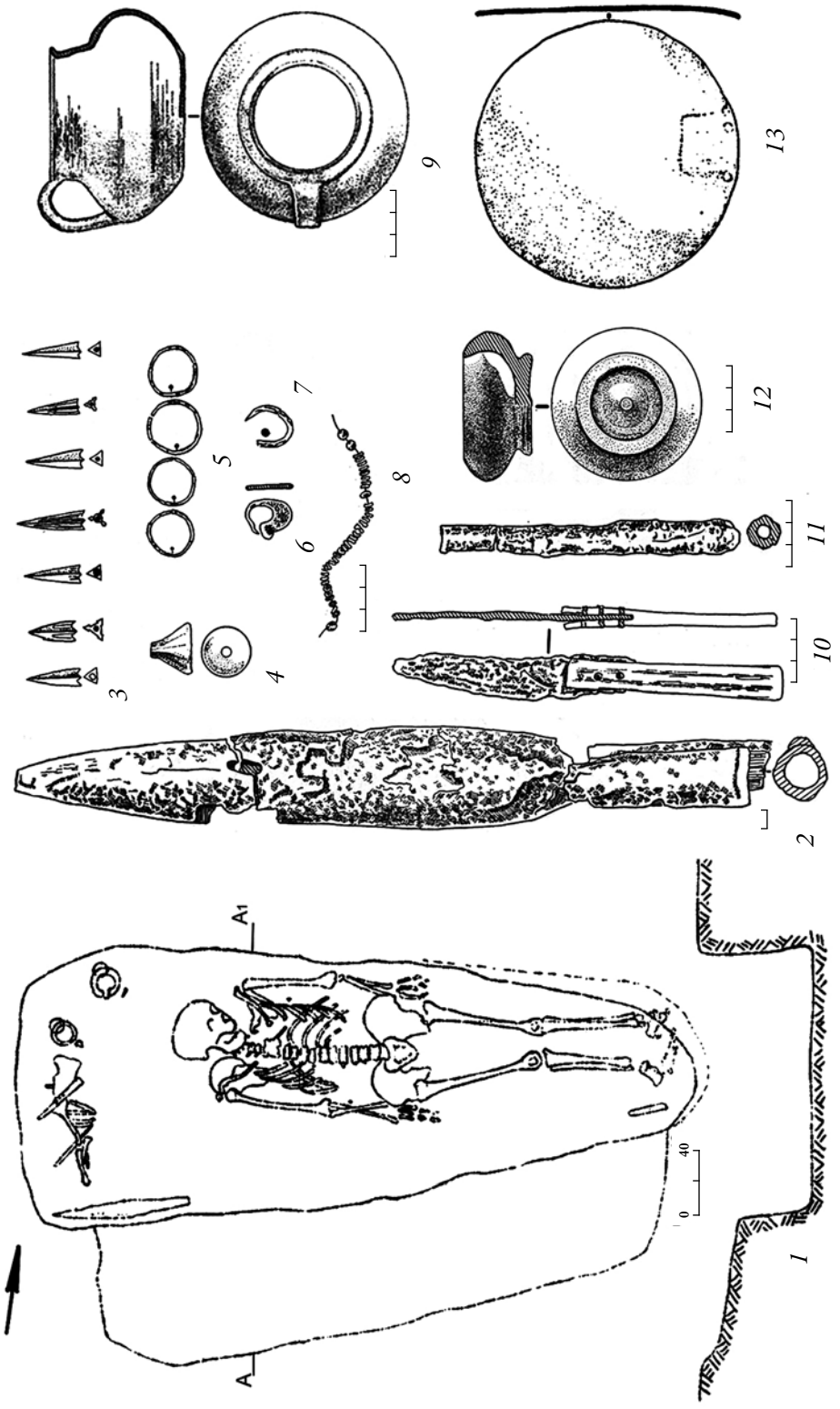
одной из его граней (ил. 4: *5*). Не исключено, что именно этот шиповидный выступ и не позволил извлечь стрелу из кости.

Погребение № 2 кургана 9 Чертомлыкского курганного поля (Днепропетровская обл.). Погребение совершено в яме с подбоем (ил. 5: *1*). Входная яма прямоугольной формы, размерами 1,8 × 0,4 м, ориентирована по линии С–СВ–Ю–ЮЗ. Сохранившаяся глубина 0,12 м (1,87 м от уровня дневной поверхности). Подбой подпрямоугольной формы, расположенный под северной стенкой входной ямы, размерами 2,12 × 0,82–0,45 м, дно на глубине 2,10 м (от уровня дневной поверхности). Погребение не ограблено. Молодая (22–25 лет) женщина лежала на решетчатом деревянном настиле, на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на ЮЗ–З. В могилу поместили жертвенную мясную пищу с железным ножом, копье, два античных сосуда, свинцовое пряслице, 18 бронзовых наконечников стрел, бронзовое зеркало, два бронзовых височных кольца, серьгу, бронзовое спиралевидное колечко, стеклянные бусы (39 экз.) и браслет из девяти разноцветных стеклянных бусин (которые рассыпались), кусочек серы (ил. 5: *2–13*).

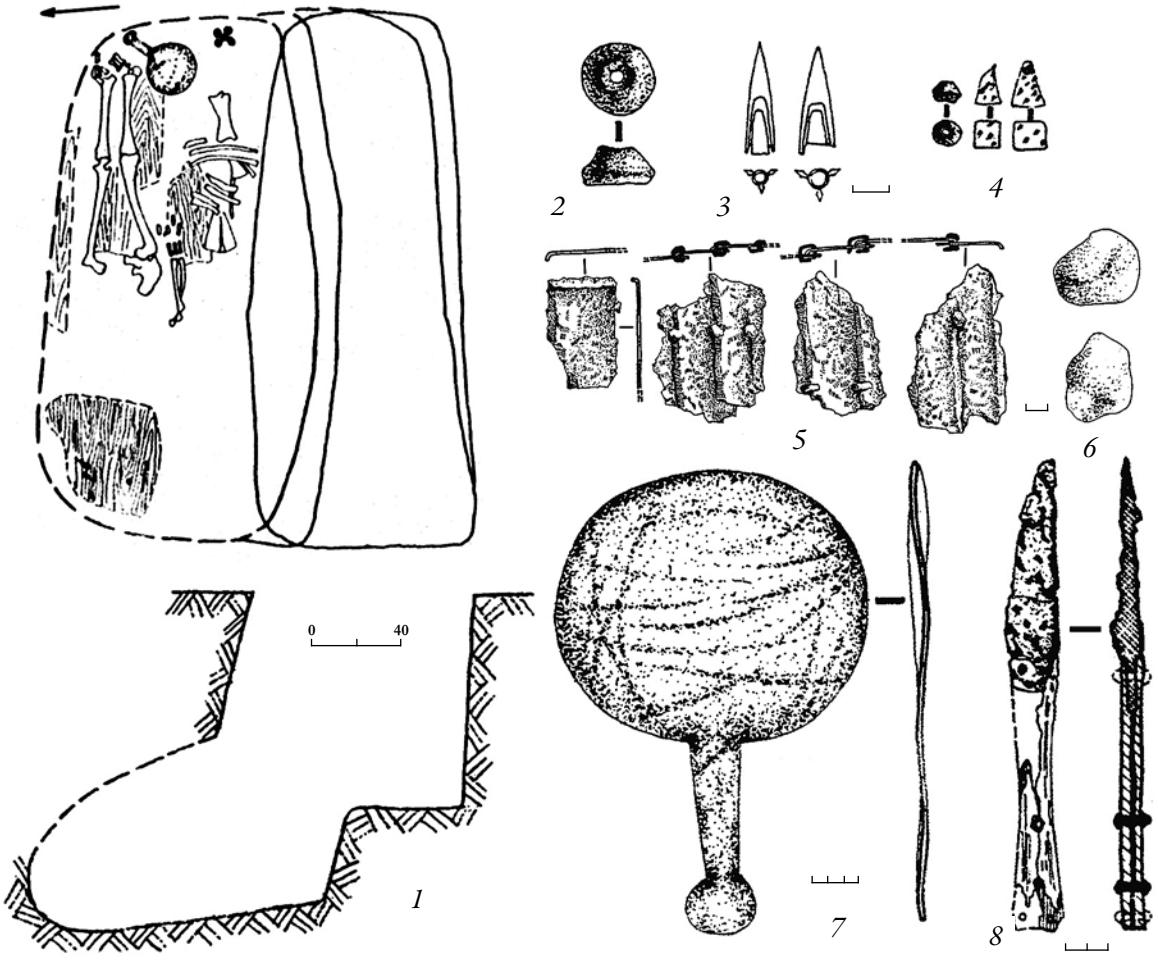
Внутри черепной коробки обнаружен бронзовый трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой. Концы его граней чуть опущены. Длина наконечника 2,2 см.

Ил. 4. Курган 13, могила № 1 группы БОФ

1 – план могилы; *2–9* – погребальный инвентарь. Прорисовка Е. Е. Фиалко



Ил. 5. Курган 9, погребение № 2 Чертомлыкского курганного поля
1 – план и разрез погребения; *2–13* – вещевой набор. Прорисовка Е. Е. Фиалко



Ил. 6. Курган 30, погребение № 1 Чертомлыкского курганного поля

1 – план и разрез погребения; *2–8* – вещи из погребения. Прорисовка Е. Е. Фиалко

Погребение № 1 кургана 30 Чертомлыкского курганного поля (Днепропетровская обл.). Здесь отмечена как будто бы аналогичная ситуация. Погребение совершено в яме с подбоем (ил. 6: *1*). Входная яма прямоугольной формы, ориентированная по линии В–З, размерами 2,4 × 1,0–0,8 м, глубиной 1,8 м от уровня современной поверхности. Под северной стенкой входной ямы устроен подбой прямоугольной формы, размерами 2,35 × 1,25 м, глубиной 2,25 м. Погребение частично разрушено при ограблении. Женщина 35–45 лет лежала в деревянном гробовище вытянуто на спине, головой на запад, с руками, вытянутыми вдоль тела, и повернутыми влево костями стоп (в непотревоженном состоянии сохранилась нижняя часть костяка). В могиле обнаружены напутственная мясная пища с ножом, фрагменты панцирных пластин, два бронзовых наконечника стрел, свинцовое пряслице, бронзовое зеркало, железные иглы, румяна красного и желтого цветов, пять пращевых камней; три стеклянные бусины, подвеска (?) из песчаника (ил. 6: *2–8*). Череп погребенной оказался в заполнении грабительского хода с бронзовым наконечником внутри.

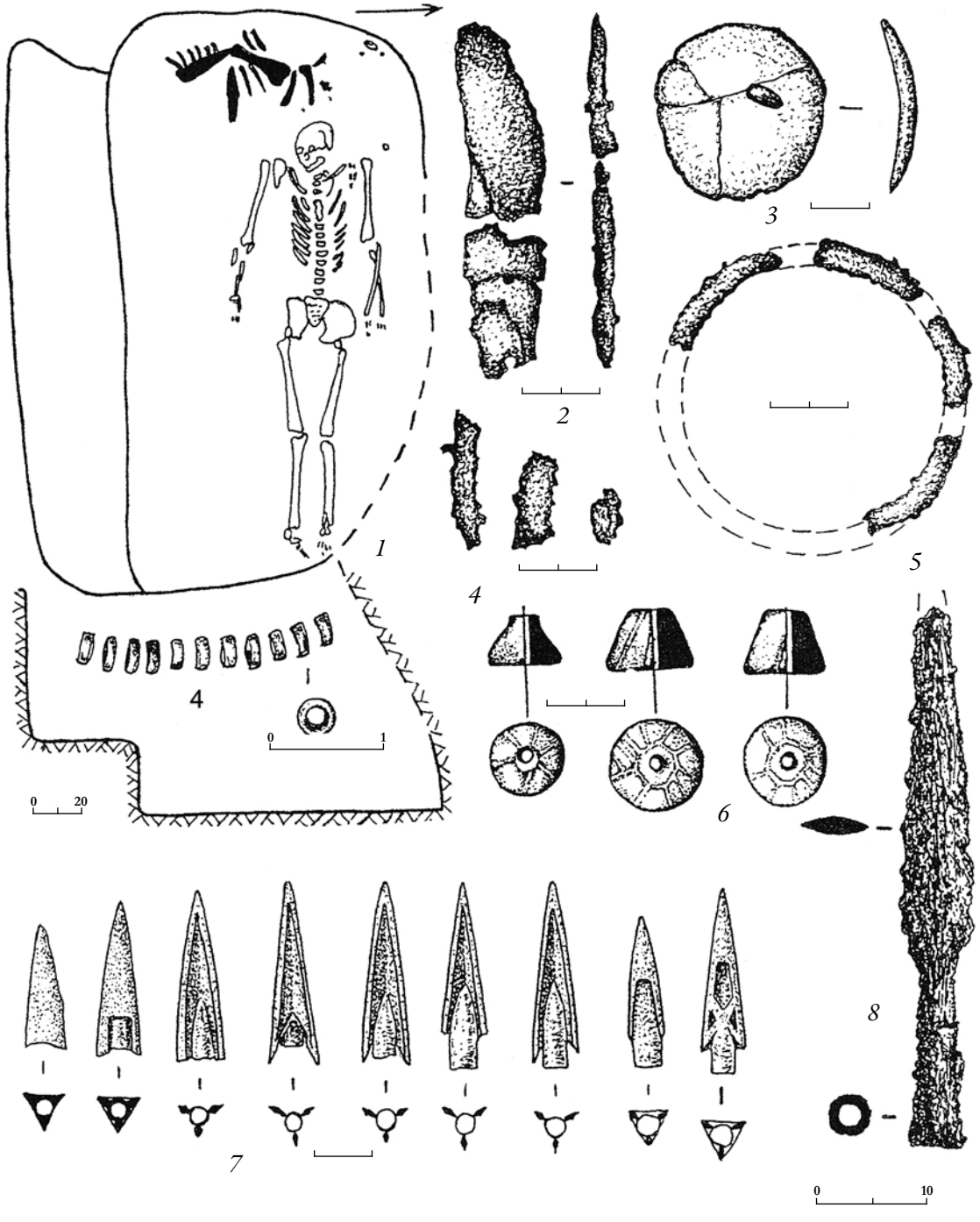
В статье, посвященной скифским воинам, Р. Ролле приводит фотографию пятого поясничного позвонка скелета амазонки из погребения того же **курганного поля Чертомлыка** (Rolle 2010. S. 158). В боковом поперечном отростке позвонка застрял бронзовый наконечник стрелы, сохранившийся в нем частично. К великому сожалению, исследовательница не указала точный «адрес» (номера кургана и погребения) этой находки. В тексте отчета этих сведений нет, поскольку результаты антропологических исследований, проведенных немецкими коллегами, в него не вошли. Следует отметить, что, по мнению антропологов, этот наконечник стрелы причинил женщине серьезную травму, которая, вероятно, и привела к ее смерти.

С некоторой долей вероятности к этой серии можно причислить **погребение № 3 кургана 54 могильника Мамай-Гора** (Запорожская обл.). Погребение совершено в яме с подбоем (ил. 7: *1*). В ее погребальный вещевой набор входили: деревянный поднос с мясной напутственной пищей и железным ножом, три свинцовых пряслица, железный наконечник копья, 52 бронзовых наконечника стрел, ожерелье из 67 стеклянных бисерин, проволочный железный браслет, мешочек с зернами злаков (ил. 7: *2, 4–8*). Кроме того, слева от черепа найдена небольшая (диаметр 3,0 см) вогнуто-выпуклая керамическая пластинка округлой формы (ил. 7: *3*), сделанная из хорошо отмученной глины, черного цвета. По предположению автора раскопок, эта пластина служила крышкой трепанационного отверстия (Андрух 2001. С. 37), а возможно, и травмы, полученной в бою.

2. В ряде случаев отмечаются ***повреждения конечностей*** вооруженных женщин. Показательны в этом отношении несколько могил **Скелянского грунтового могильника** (Запорожская обл.), материалы которого определялись антропологами (Попандопуло 2011; Литвинова 2011; Фиалко 2013).

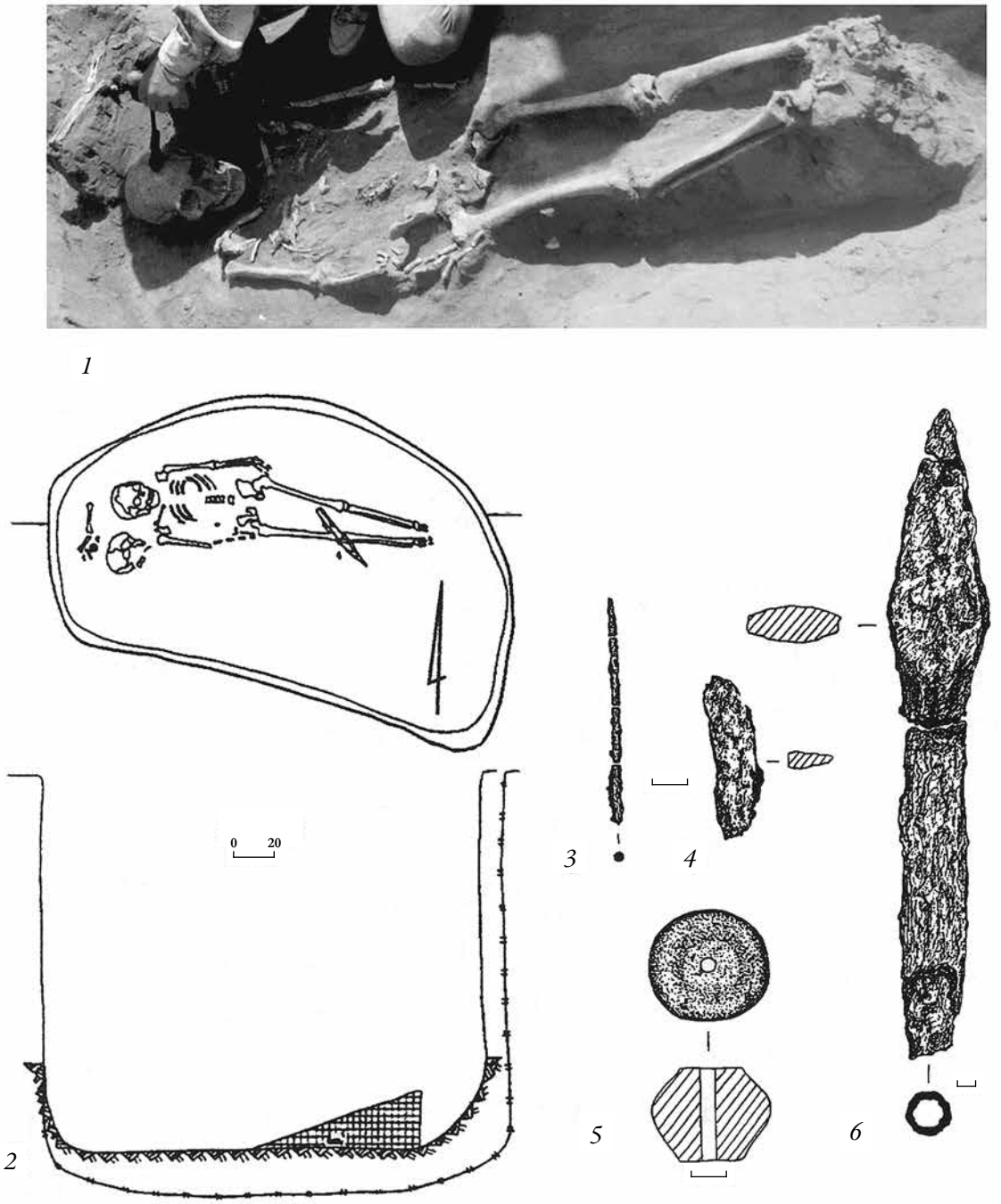
Погребение № 24 совершено в катакомбе подбойного типа (ил. 8: *2*). Входная яма не прослеживалась. Камера подовальной в плане формы, ориентированная по линии З–В с небольшим отклонением, размерами 2,2 × 1,35 м. Глубина неровного пола увеличивается к северной стенке от 1,9 до 2,12 м. Погребение парное – в могиле похоронены женщина с ребенком 18 месяцев, лежавшим у ее правого плеча. Женщина 35–40 лет лежала вытянуто на спине, головой на запад. Вытянутые ноги ее лежали на глиняной «подушке» и таким образом стопы были приподняты над уровнем пола на высоту 0,3 м (ил. 8: *1*). В могилу поместили жертвенную мясную пищу с железным ножом, глиняное пряслице, железное шильце и копье с железным наконечником (ил. 8: *3–6*). Наконечник копья лежал наискось на дне под правой ногой женщины, и, соответственно, под глиняной подсыпкой. Дополнительный элемент – грунтовую подножную «подушку» – сделали уже после организации пространства могилы (вероятно, в процессе погребальной церемонии), поскольку наконечник копья, положенный на пол камеры, оказался намеренно перекрытым и«придавленным» слоем глины. Видимо, сооружение специальной поддерживающей конструкции было обусловлено определенным физическим изъяном женщины. Не исключено, что повреждение нижней конечности произошло в результате боевого ранения.

Погребение № 45 совершено в катакомбе подбойного типа (ил. 9: *1*). Контуры входной ямы не зафиксированы, дно ее на глубине 1,5 м. В ее заполнении обнаружены фрагмент ручки амфоры и кость животного. Камера овальной формы, вытянутая по линии З–В, размерами 2,0 × 0,78 м, пол на глубине 1,85 м. Погребение частично нарушено в юго-западной части, в результате чего череп погребенной оказался немного



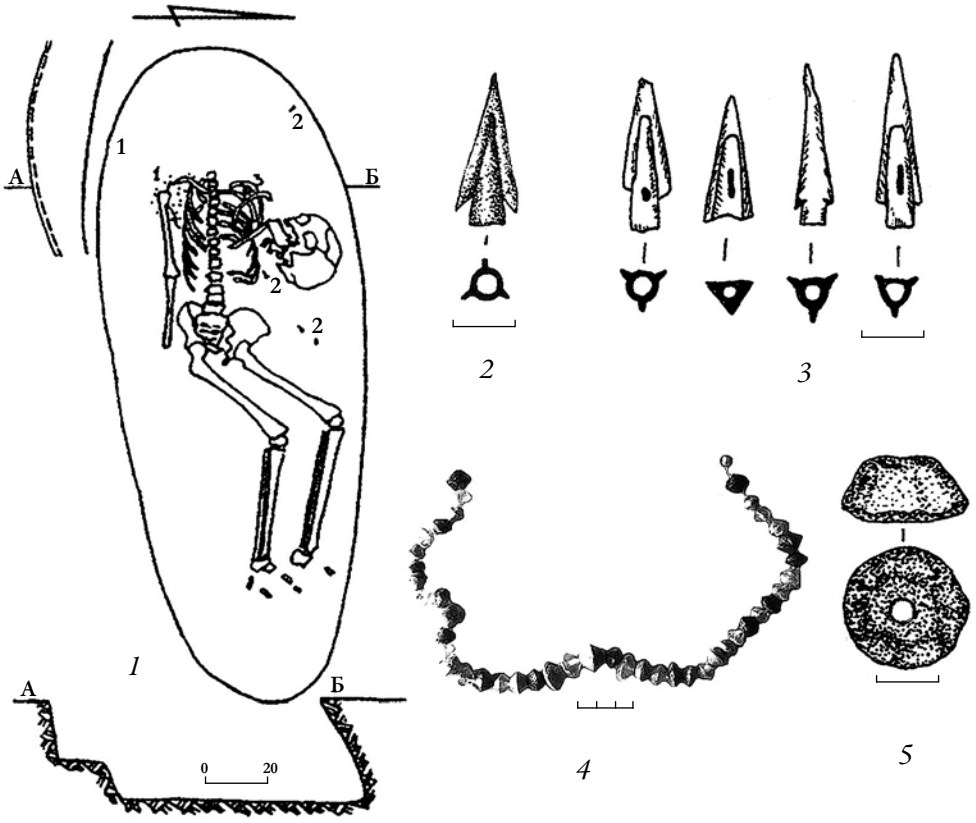
Ил. 7. Курган 54, погребение № 3 могильника Мамай-Гора.

1 – план и разрез погребения; *2–8* – вещи из погребения. Прорисовка Е. Е. Фиалко



Ил. 8. Погребение № 24 могильника Скельки

1 – фотография погребения; *2* – план и разрез; *3–6* – вещевой набор. Прорисовка Е. Е. Фиалко



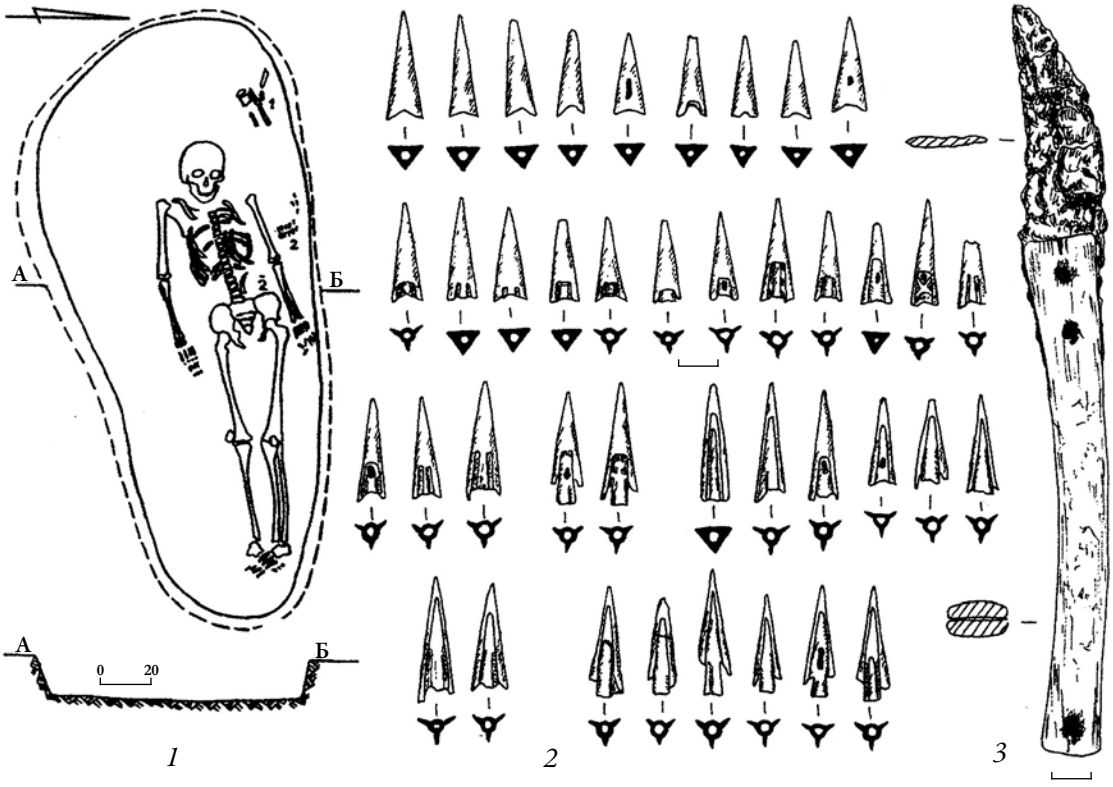
Ил. 9. Погребение № 45 могильника Скелька

1 – план и разрез погребения; *2–5* – вещевой набор. Прорисовка Е. Е. Фиалко

смещенным. Женщина 22–25 лет лежала на спине, головой на запад. Правая рука вытянута вдоль тела, согнутые в коленях ноги повернуты влево. Кости левой руки отсутствовали. В могиле лежали шесть бронзовых наконечников стрел, свинцовое пряслице и ожерелье из 46 разноцветных стеклянных бусин (ил. 9: *2–5*). Если учесть, что скелет погребенной женщины сохранился непотревоженным, отсутствие костей ее левой руки делает правомерным причисление этого комплекса к нашей выборке.

3. Известны погребения женщин с бронзовыми наконечниками стрел, застрявших ***в мышечных тканях.***

Погребение № 44 Скелянского могильника совершено в катакомбе подбойного типа (ил. 10: *1*). Контуры входной ямы не зафиксированы. Камера овальной в плане формы, вытянутая по линии З–В, размерами 2,35 × 1,0 м, пол на глубине 2,0 м. Женщина 18–22 лет лежала вытянуто на спине, головой на запад. Ноги в стопах перекрещены, руки вытянуты вдоль тела. Сопровождающий инвентарь составляли мясная напутственная пища с железным ножом и колчанный набор (40 бронзовых наконечников стрел) (ил. 10: *2–3*). Обособленно от колчанного набора, под ребрами погребенной женщины зафиксирован еще один бронзовый наконечник стрелы. Судя по всему, этот наконечник застрял в мягких тканях тела в результате боевого ранения, что, вполне вероятно, и повлекло смерть молодой женщины.



Ил. 10. Погребение № 44 могильника Скельки

1 – план и разрез погребения; *2–3* – вещевой набор. Прорисовка Е. Е. Фиалко

4. На территории *лесостепного региона* известны могилы вооруженных женщин со следами рубленых ранений ***на костях конечностей и черепе.***

Курган 445 у с. Капитановка (Кировоградская обл.). Погребение совершено в прямоугольной яме, ориентированной по линии СВ–ЮЗ, размерами 2,5 × 1,4 м, глубиной 0,2 м. На дне сохранились следы дерева и пепла. Погребение парное – женщины и, вероятно, мужчины. Оба лежали вытянуто на спине, головами на СВ. При женщине найдены ожерелье из стеклянных бусин (сохранилось 13 целых, остальные рассыпались), бронзовый наконечник стрелы и небольшая костяная фигурная «вилочка» (ил. 11: *1*). Сведений о вещевом сопровождении мужчины нет – вероятно, его не было.

На берцовой кости женского скелета отмечены следы зарубцевавшегося ранения (Бобринский 1905. С. 92, 97). Последнее обстоятельство говорит о том, что после ранения женщина выжила.

Курган№ 447 у с. Журовка (Черкасская обл.). Погребение совершено в яме с наклонным дромосом. Почти квадратная яма, ориентированная по линии С–Ю, размерами 4,45 × 4,15 м, глубиной 2,0 м. Яма с деревянной облицовкой стен и перекрытием. По потолку были сделаны деревянные желоб и узорчатый карниз, оштукатуренные глиной. Могила ограблена. Она служила усыпальницей женщины и ребенка. Судя по всему, женщина лежала на спине вдоль северной стенки ямы, ребенок лежал, очевидно,

Ил. 11. Погребальный инвентарь

1 – курган 445 у с. Капитановка; *2–10* – курган 447 у с. Журовка. Фотографии Е. Е. Фиалко

рядом у ее ног (?). При ограблении кости скелетов были перемещены. От комплекта сопровождающего инвентаря сохранились две золотые гвоздевидные серьги, две серебряные гвоздевидные булавки, 13 полых и 6 мелких золотых бусин, около 50 полусферических и 50 треугольных нашивных бляшек; ожерелье из 30 (?) разновеликих бусин из янтаря, горного хрусталя, сердолика, кости и стекла; кусочек серы, железные нож и иглы; бронзовое зеркало с железной ручкой, напутственная мясная пища с ножом, чернолощеная корчага, одноручный кувшин, красноглиняное блюдечко, песчаниковое блюдо; две пары железных удил, обломки костяного псалия и три костяных детали оголовья коня, три костяных подвески в виде зубов животных; два железных ножа; костяная

застежка колчана и 11 стрел с бронзовыми наконечниками (ил. 11: *2–10*). Над правой бровью женского черепа сохранился отчетливый след от сильного режущего удара («нарез» по определению А. Бобринского) или укола (Бобринский 1905. С. 92–94).

Приведенные выше комплексы – лишь небольшая часть серии могил женщин со следами травм[1]. Они демонстрируют, что травмы носят различный характер и, соответственно, получены при неодинаковых условиях. Думается, рассмотренные примеры не оставляют сомнений в участии скифянок в военных столкновениях. Немаловажно, что эти погребальные комплексы зафиксированы в разных регионах Скифии, отмечая косвенным образом вероятные места военных инцидентов. Известны случаи захоронения амазонок со следами ранений и в азиатской части Скифии. Отмечаются они и у сарматских женщин.

Таким образом, в ходе раскопок в различных регионах Европейской Скифии было выяснено, что в среде кочевников действительно были женщины, которые, подобно мужчинам (и наравне с ними), не только носили оружие, но и участвовали в военных столкновениях. Именно благодаря последним обстоятельствам этих женщин погребли в соответствии с традиционным обрядом похорон скифских воинов – с соблюдением тех же ритуалов, с теми же почестями, и самое главное, с личным оружием.

Андрух 2001
Андрух С. П. Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 2001. Кн. 2.

Бобринский 1905
Бобринский А. А. Отчет о раскопках близ с. Журовки и Капитановки (Чигиринскаго уезда Киевской губернии) в 1904 году // ИАК. 1905. Вып. 17. С. 77–98.

Бунятян 1985
Бунятян Е. П. Методика социальных реконструкций в археологии : на материале скифских могильников IV–II вв. до н. э. Киев, 1985.

Галанина, Алексеев 1990
Галанина Л. К., Алексеев А. Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. 1990. Вып. 30. С. 34–54.

Доватур и др. 1982
Доватур А. П., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

Копылов и др. 2004
Копылов В. П., Яковенко Э. В., Янгулов С. Ю. Погребения «амазонок» в курганах Елизаветовского могильника // II Междунар. конф. «Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н. э.», посвящ. памяти Б. Н. Гракова : тез. докл. Азов ; Ростов н/Д., 2004. С. 53–57.

Литвинова 2011
Литвинова Л. В. Антропологический материал из грунтового могильника «Скельки» // Попандопуло З. Х. Скифский грунтовый могильник Скельки. Запорожье, 2011. С. 91–113.

Лосева, Сидорова 1988
Лосева Н. М., Сидорова Н. А. Искусство Этрурии и древней Италии. М., 1988.

Попандопуло 2011
Попандопуло З. Х. Скифский грунтовый могильник Скельки. Запорожье, 2011.

Савостина 2001
Савостина Е. А. «Боспорский стиль» и сюжеты Геродота в пластике Северного Причерноморья // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М. ; СПб., 2001. С. 284–323.

Тереножкин и др. 1973
Тереножкин А. П., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. Киев, 1973. С. 113–187.

[1] В качестве дополнительного примера, подтверждающего позицию автора, можно добавить датированное VII в. до н. э. захоронение молодой меотской женщины с конем и оружием (в могиле найдены наконечник копья и панцирные пластинки) в погребении № 5 кургана 19 Келермесского могильника в Закубанье (раскопки экспедиции Эрмитажа под руководством А. Ю. Алексеева в 1985 г.). В черепе погребенной застрял наконечник стрелы, ставший, очевидно, причиной смерти амазонки (Галанина, Алексеев 1990. С. 43–47). – *Прим. науч. ред.*

Фиалко 1991
Фиалко Е. Е. Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы степной Скифии. Киев, 1991. С. 4–18.

Фиалко 2010а
Фиалко Е. Е. Амазонки в памятниках античного искусства // Боспорские исследования. Симферополь ; Керчь, 2010. Вып. 24. С. 152–192.

Фиалко 2010б
Фиалко Е. Е. Погребения амазонок Чертомлыкского курганного поля // Боспорские исследования. Симферополь ; Керчь, 2010. Вып. 23. С. 166–190.

Фиалко 2011
Фиалко Е. Е. Панoплия скифских воительниц // Tyragetia. 2011. Vol. 5 (20). N 1. С. 265–278.

Фиалко 2012а
Фиалко Е. Е. Вооруженные женщины раннего железного века в Северном Причерноморье: социальный аспект // Tyragetia. 2012. Vol. 6 (21). N 1. С. 27–44.

Фиалко 2012б
Фиалко Е. Е. Скифский курган с античными импортами у с. Зеленое // Боспорские исследования. 2012. Вып. 26. С. 218–254.

Фиалко 2013
Фиалко Е. Е. Серия погребений амазонок из Нижнего Поднепровья // Stratum Plus. 2013. № 3. С. 203–222.

Фиалко 2014
Фиалко Е. Е. О дате погребальных комплексов скифских амазонок // XV Боспорские чтения : Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья : Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014. С. 419–420.

Шталь 2000
Шталь И. В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой живописи по музеям Российской Федерации и стран СНГ : Пелики, IV в. до н. э., керч. стиль. М., 2000.

Шталь 2004
Шталь И. В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой живописи по музеям Российской Федерации и стран СНГ : Леканы, аски, лекифы и ойнохои, IV в. до н. э., керч. стиль. М., 2004.

Янгулов 2009
Янгулов С. Ю. Вооружение и военное дело скифов Нижнего Дона (по материалам Елизаветовского могильника) : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2009.

Boardman 2006
Boardman J. The History of Greek Vases : Potters, Painters and Pictures. London, 2006.

Bothmer 1957
Bothmer D. Amazones in Greek Art. Oxford, 1957.

Charbonneaux et al. 1969
Charbonneaux J., Martin R., Villard F. Grèce classique (480–330 avant J.–C.). Paris, 1969.

Charbonneaux et al. 1970
Charbonneaux J., Martin R., Villard F. Grèce Hellénistique (330–50 avant J.–C.). Paris, 1970.

Fialko 2009
Fialko E. The Scythian Amazons from Written and Archaeological Sources // CAFT: We Speak the Same Culture. Ancara, 2009. P. 275–278.

Fialko 2010a
Fialko E. Die skythischen Amazonen // Goldener Horizont. 40000 Jahre Nomaden der Ukraine. Linz, 2010. S. 106–111.

Fialko 2010b
Fialko E. Skythische "Amazonen" in den Nordschwarzmeersteppen // Amazonen: Geheimnisvolle Kriegerinnen / Hrsg. A. Koch. Speyer, 2010. S. 119–122.

Fornasier 2001
Fornasier J. Jagddarstellungen des. 6.–4. Jhr. V. Chr. Eine ikonographische und ikonologische Analyse. Eikon 5. Münster, 2001.

Güntner et al. 1997
Güntner G., Simon E., Wehgartner I., Weiß C. Mythen und Menschen – Griechische Vasenkunst aus einer deutschen Privatsammlung : Ausstellungskatalog. Mainz, 1997.

Hamiaux 1998
Hamiaux M. Musée du Louvre : Les sculptures grecques II : la période hellénistique IIIe – I^{e} siècles avant J.–C. Paris, 1998.

Rolle 2010
Rolle R. Bewaffnung und mögliche Kampfweise skythischer Kriegerinnen // Amazonen: Geheimnisvolle Kriegerinnen / Hrsg. A. Koch. Speyer, 2010. S. 153–159.

Treister 2004
Treister M. The theme of Amazonomachy in late classical toreutics : On the phalerae from Bolshaya Bliznitsa // Pontus and the Outside World : Studies in Black Sea History, Historiography, and Archaeology / ed. by C. J. Tuplin. Leiden ; Boston, 2004. P. 195–223.

К. В. Чугунов

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУР РАННИХ КОЧЕВНИКОВ В КАЗАХСТАНЕ И САЯНО-АЛТАЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)[1]

Вопрос сложения кочевых культур скифо-сакского облика остается актуальным, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки его решить. Во всех концепциях, как правило, предшествующий пласт памятников всегда предполагается в качестве одного из компонентов раннекочевнического комплекса. Не является исключением и предлагаемая работа, в основу которой легли последние разработки в изучении древностей эпохи поздней бронзы Казахстана и Сибири. Основные положения этой статьи были озвучены на IV (XX) Всероссийском археологическом съезде в Казани и кратко опубликованы в материалах съезда (Чугунов 2014). Замечания, высказанные при обсуждении доклада, в частности, касались различных подходов в понимании определения древностей бегазы-дандыбаевской культуры (БДК). Эта полемика не нова и сопровождает исследование эпохи поздней бронзы региона на протяжении всей истории изучения (Федорук 2006). Один из основных вопросов – соотношение бегазы-дандыбаевских древностей с саргаринско-алексеевскими – пожалуй, наиболее сложный. Большинство исследователей рассматривает их как различные культурные образования. При разработке предлагаемой здесь концепции я взял за основу точку зрения В. В. Варфоломеева, рассматривающего обе традиции в рамках единой бегазы-дандыбаевской культуры (Варфоломеев 2003; Варфоломеев 2011 и др.). В. Г. Ломан выделяет дандыбаевский компонент в отдельную культуру, носители которой взаимодействовали с населением Казахстана, оставившим саргаринско-алексеевскую культуру. Он предполагает, что искать ее в чистом виде следует в Приаралье или далее к югу от него (Ломан 2013. С. 257). А. А. Ткачев, напротив, локализует зону формирования дандыбаевских комплексов к северо-востоку от Центрального Казахстана в Барабе и Кулундинских степях (Ткачев 2013. С. 335). Тем не менее все исследователи синхронизируют обе традиции, что и является важнейшим условием для предлагаемой реконструкции культурно-исторических процессов на рубеже эпох.

Бегазы-дандыбаевская культура Казахстана со времени первых раскопок ярких и своеобразных комплексов рассматривалась специалистами как важный источник в решении проблем возникновения и развития раннесакского пласта памятников (Маргулан 1966;

[1] Работа выполнена в рамках НИР «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тысячелетий до н. э.)», финансируемой за счет бюджетных средств СПбГУ (Тем. М2, ИАС 2.38.525.2013), а также гранта Благотворительного фонда Владимира Потанина, при поддержке которого автор получил возможность работы в музеях Республики Казахстан.

Маргулан 1979; Кызласов 1977). На сегодняшний день изучение древностей эпохи поздней бронзы Сарыарки вышло на качественно новый уровень, что позволяет вернуться к рассмотрению материалов БДК с точки зрения их значения для формирования ранних кочевых культур.

Сейчас очевидно, что памятники, оставленные носителями БДК, сосредоточены не только на территории Центрального Казахстана, где первоначально культура была выделена, но и распространены гораздо шире. Разделение керамического комплекса на различные группы, часть из которых импортная (Варфоломеев 2003; Варфоломеев 2011; Варфоломеев 2013), подтверждает обширные контакты скотоводов эпохи поздней бронзы. Связь материалов плиточных мавзолеев БДК с комплексом могильника Северный Тагискен в Приаралье давно отмечена исследователями (Маргулан 1979; Итина, Яблонский 2001), однако лишь недавно была высказана точка зрения о том, что этот памятник оставлен южной популяцией носителей этой культуры (Варфоломеев 2011. С. 225), которая играла важную роль в контактах с земледельческими центрами Средней Азии и, возможно, с территорией Ирана (Варфоломеев 2008. С. 364). Сопоставление материалов Северного Тагискена и поселений Центрального Казахстана, проведенное В. Г. Ломаном (Ломан 2013. С. 254. Рис. 6), наглядно демонстрирует связь двух регионов. Поскольку, согласно концепции В. В. Варфоломеева, БДК объединяет памятники с валиковой керамикой, соотносимые ранее с саргаринско-алексеевской культурой, то в ареал ее включается и Северный Казахстан. Погребальные комплексы БДК исследованы в Прииртышье на территории Восточного Казахстана (Ермолаева 1987; Ермолаева 2012), где давно выделен пласт памятников эпохи поздней бронзы (Черников 1960), причисляемых сейчас к этой культуре (Варфоломеев 2011).

Территорию лесостепного Алтая в настоящее время также можно определить как одну из провинций носителей БДК. Здесь известны погребения, соотносимые с этой культурой (Ситников 2000. С. 75–77), а на поселениях найдены различные компоненты керамического комплекса, включающие гончарные импорты, которые связываются с хронологическим пластом древностей позднего периода Намазга VI. На непосредственные контакты с отдаленными южными регионами указывают зафиксированные в остеологическом материале поселений кости верблюда, который, вероятно, использовался для караванной перевозки грузов (Гайдученко 2014. С. 213). В начале 1-го тысячелетия до н. э. предполагается даже сплошное заселение западных районов Алтая выходцами из Казахстана (Удодов 1988. С. 107–110). Исследования в Кулундинской степи поселений и могильников, проводимые в последние годы, также указывают на тесную связь с этим регионом (Кирюшин и др. 2004. С. 84). Материалы, полученные при раскопках мавзолеев могильника Караоба в Прииртышье и датированные радиоуглеродным методом, подтверждают далекие контакты населения уже в XII в. до н. э. (Мерц 2006. С. 76; Бейсенов и др. 2014. С. 175). Отмечается, что погребальные сооружения сложены из сырцовых кирпичей, близких по стандарту гробницам Северного Тагискена. Таким образом, можно утверждать, что в Обь-Иртышском междуречье очень рано фиксируется популяция, теснейшим образом связанная с БДК.

Исходя из концепции В. В. Варфоломеева, получается, что ареал этой культуры включает почти всю территорию Казахстана от западных отрогов Алтая на востоке, Семиречья на юге, восточного Приаралья на западе и до лесостепной зоны на севере. Оценка правомерности такого расширительного понимания бегазы-дандыбаевских

древностей находится за рамками этой работы. Думаю, что дальнейшие исследования смогут вычленить в этом обширном пространстве локальные культурные образования. Скорее всего, сейчас можно говорить о БДК как о некоей культурной общности эпохи финальной бронзы, подобной андроновской и сложившейся на ее основе. На более высоком таксономическом уровне она входит в трансконтинентальную общность культур валиковой керамики, обозначенную Е. Н. Черных (Черных 1983). Но, как указывалось выше, для дальнейших рассуждений не столь важно номенклатурное определение культуры Казахстана и прилегающих территорий, относящейся к эпохе финальной бронзы. Гораздо более существенен ряд характеризующих ее положений, достаточно обеспеченных фактологической базой. Перечислим их.

Анализ погребального обряда и типология погребальных сооружений, сделанная на его основе (Кореняко 1990; Варфоломеев 1992; Варфоломеев 2011. С. 222, 223), показали выделение в конце эпохи бронзы элитарной прослойки общества. Разнообразие типов погребальных сооружений демонстрирует мозаичность компонентов культуры, но все же позволяет определить обряд, характерный для большей части населения. Основные признаки погребального обряда – устройство захоронения в каменном ящике на уровне древней поверхности или слегка заглубленно, с прямоугольной оградой из горизонтальной кладки иногда в сочетании с вертикально установленными плитами. Для многослойной кладки часто использовался глиняный раствор, который готовили в специальных ямах рядом с оградой (Варфоломеев 1992. С. 73). Элитарные погребальные сооружения, которые чаще называют мавзолеями, включают все эти признаки и дополняются более сложными по конструкции оградами, часто двойными и облицованными вертикальными плитами, установленными на узкую сторону. В могильнике Бегазы к ограде пристроены коридоры из вертикальных плит и зафиксированы вертикально установленные менгиры (Маргулан 1979. С. 69–101). Несколько особняком в ряду престижных погребальных сооружений стоит мавзолей в Дандыбае, особенностью которого является устройство камеры с захоронением в яме, перекрытие которой имело в основе пирамидальную бревенчатую клеть (Грязнов 1952. С. 131–133).

В ареале БДК известны многочисленные поселения, материалы из которых позволяют достаточно уверенно реконструировать основы экономики оставившего ее общества, как яйлажное скотоводство или «полукочевое хозяйство периода накопления кочевого опыта» (Варфоломеев 2003. С. 94). Остеологические исследования показывают, что в составе стада обычно не менее 25% составляли лошади (Оутрам, Каспаров 2007; Варфоломеев 2011. С. 217. Табл. 1). Наиболее крупные поселения располагаются около разрабатываемых рудных месторождений и имеют производственные площадки, где зафиксирована работа не только с цветными, но и с черными металлами (пос. Алат рядом с Кентом) (Ломан, Варфоломеев 2005. С. 148; Евдокимов, Жауымбаев 2007. С. 123–128; Евдокимов, Жауымбаев 2008. С. 10–21). Притом что в материалах поселений и могильников встречено значительное количество предметов вооружения и следов его производства, какая-либо фортификация отсутствует – городищ в ареале БДК, соотносимых с ней, не зафиксировано[1].

[1] Сердечно благодарю В. В. Варфоломеева за большую консультативную помощь по этому и многим другим вопросам, касающимся археологии эпохи поздней бронзы Казахстана.

Материальная культура БДК представлена бронзовыми изделиями постандроновских форм Евроазиатской металлургической провинции (Черных 1983. С. 89–93). На больших поселениях найдены серии великолепных костяных и роговых орнаментированных изделий, свидетельствующие о высокоразвитом косторезном ремесле. Среди них встречены псалии, отличные от более поздних кочевнических деталей конского снаряжения. Керамический комплекс представлен в основном валиковой посудой (свыше 90%), но многокомпонентен, что отражает широкие связи культуры. Суперстратный (по В. В. Варфоломееву) компонент включает станковую керамику, соотносимую с земледельческими центрами Средней Азии (Варфоломеев 2008; Варфоломеев 2013). По материалам поселения Донгал выделен позднейший пласт культуры с характерной керамикой (Ломан 1987; Ломан 2003а. С. 82, 83). Донгальский этап разными исследователями датируется в пределах IX–VIII вв. до н. э., хотя В. Г. Ломан настаивает на узкой датировке в пределах VIII в. до н. э. (Ломан 2003б. С. 291–293). Надо отметить, что характеристика этих позднейших памятников не позволяет видеть в них отражение угасания культуры, а скорее, некоторую ее трансформацию. Представляется чрезвычайно важным факт сосуществования и взаимодействия разнокультурных групп населения в эпоху финальной бронзы, установленный по данным технико-технологического анализа керамики. Такая картина фиксируется даже в рамках материалов одного поселения. Также на некоторых стоянках, относящихся уже к раннему железному веку, предполагается преемственность в производстве и орнаментации посуды с донгальскими традициями (Бейсенов, Ломан 2009. С. 235–245). Впрочем, существует и другая точка зрения, отмечающая несовпадение основной суммы признаков в керамическом комплексе РЖВ с пластом древностей эпохи финальной бронзы (Бедельбаева, Варфоломеев 2008. С. 243).

Построение относительной хронологии памятников эпохи поздней бронзы Казахстана и сопредельных территорий проводилось традиционными методами археологии – стратиграфическими наблюдениями и типологическим анализом различных категорий находок, в основном металлических. Абсолютные даты дискутируются, но укладываются в диапазон с XIV по IX (VIII) вв. до н. э. Для соотнесения позиции памятников БДК с хронологической шкалой, разработанной для земледельческих культур Средней Азии, важно, что в ранних слоях поселений встречена станковая керамика позднего этапа Намазга VI, а с донгальской керамикой – обломки амирабадских сосудов (Варфоломеев 2008; Бейсенов, Ломан 2009. С. 237). Верхняя граница существования культур финала эпохи определяется появлением кочевнических памятников, причем в Центральном Казахстане на поселениях БДК в верхних слоях залегает донгальская керамика, а стоянки с керамикой РЖВ располагаются в других местах (Бейсенов, Ломан 2009. С. 16. Рис. 1).

Таким образом, изложенные факты позволяют констатировать, что население Казахстана в предсакское время было чрезвычайно открыто для внешних влияний и контактировало с отдаленными территориями. На поселениях обитали и мирно сосуществовали носители различных традиций. Экономической базой этих связей, вероятно, были разрабатываемые месторождения цветных металлов, обеспечение контроля за которыми обусловило выделение в обществе милитаризованной элиты. Можно предполагать, что в это время военизированные кланы уже использовали верхового коня и могли уверенно обеспечивать безопасность огромной территории и торговых путей, по которым

шли караваны с продуктами металлопроизводства и другими товарами, получаемыми взамен из отдаленных регионов. При этом основой жизнедеятельности населения оставалось яйлажное скотоводство со значительной долей крупного рогатого скота. Считается, что в VIII в. до н. э. БДК прекращает существование на территории Центрального Казахстана, и здесь появляются памятники тасмолинской культуры, а также небольшие стоянки, которые, вероятно, носят сезонный характер.

Еще М. К. Кадырбаев – исследователь первых представительных комплексов тасмолинской культуры Центрального Казахстана – отмечал, что «по некоторым традициям погребального обряда, строительной техники намогильных сооружений и антропологическим данным, они связаны с развитием племен в предшествующий бегазы-дандыбаевский период эпохи поздней бронзы» (Кадырбаев 1966. С. 305). Дальнейшие работы по изучению древностей Сарыарки и сопредельных территорий не привели к единому мнению по этому вопросу. Не углубляясь в историографический анализ, можно отметить, что сейчас большинство специалистов констатирует почти полное отсутствие генетической связи тасмолинской культуры с предшествующей[1]. Более того, часть памятников, изначально связываемых с ней, – так называемые курганы с «усами» – были выведены за рамки эпохи ранних кочевников и связаны с последующим временем (Боталов и др. 2006). Оппонентом этих взглядов последовательно выступает А. З. Бейсенов, считающий, что тасмолинская культура «сформировалась на базе хозяйственно-культурных достижений населения эпохи бронзы в ходе специфических историко-культурных процессов» и продолжает развитие номадизма в регионе, начавшееся во время БДК (Бейсенов 1997. С. 15).

Между тем наиболее обоснованной на сегодняшний день представляется точка зрения А. Д. Таирова, предполагающая происхождение тасмолинской культуры в Центральном Казахстане в результате проникновения на эту территорию населения из районов Северного и Северо-Западного Китая (Таиров 2007. С. 32–44). Исследователь выявляет две волны миграций: первая датируется IX в. до н. э. и приводит к формированию культур сакского типа в Туве и Минусинской котловине, а вторая – концом VIII в. до н. э. и захватывает более обширные территории, включающие Семиречье и Южный Казахстан, и достигает Приаралья (Там же. С. 34). Причиной этих миграций послужил экологический кризис, который происходил на территории Азиатского материка неравномерно и был зафиксирован многочисленными специальными исследованиями (Там же. С. 52–56). Можно предположить, что глобальные климатические изменения, начавшиеся в конце 2-го тысячелетия до н. э., привели к перемещению носителей БДК из Центрального Казахстана в те экологические ниши, которые были способны обеспечить сохранение привычного оттонного скотоводства. Эти регионы в начале 1-го тысячелетия до н. э. располагались, с одной стороны, в лесостепной зоне, с другой – в Прииртышье и в западных предгорьях Алтая. Скорее всего, начало этого процесса происходило задолго до экологического кризиса в форме мирной инвазии и не может пока быть зафиксировано археологически.

Сложность состава населения в Прииртышье в эпоху поздней и финальной бронзы демонстрируют могильники, исследованные в этом регионе. В погребальном обряде могильников Зевакино, Темирканка и Ковалевка, с одной стороны, фиксируется наследие

[1] Один из последних обзоров см. в книге А. Д. Таирова (Таиров 2007. С. 24–32).

андроновских традиций, с другой – прослеживаются раннекочевнические черты (Арсланова 1974. С. 46–60; Ермолаева 2012. С. 115, 116). Показательно, что в исследованных там комплексах практически отсутствует керамика, обязательная для обряда эпохи бронзы. В захоронениях, относимых к БДК, напротив, эта категория находок представлена широко. Более того, эти комплексы и отнесены к БДК именно на основании найденной в них керамики, так как в целом отличаются от распространенных в Центральном Казахстане округлой формой оград и устройством захоронений в ямах (Ермолаева 1987; Ермолаева 2012). Технико-технологическое исследование представительного керамического набора из бегазы-дандыбаевских погребений в Измайловке показало наличие различных традиций в изготовлении посуды в пределах единых комплексов (Ермолаева 2012. С. 91–111), что соотносится с результатами анализа, проведенного для поселенческого материала Сарыарки (Бейсенов, Ломан 2009. С. 235–245). Все эти данные указывают на смешанный характер населения западных предгорий Алтая в начале 1-го тысячелетия до н. э. Автор раскопок относит могильники Темирканка и Ковалевка к рубежу 2–1-го тысячелетий до н. э., допуская их формирование в X–IX вв. до н. э. Комплексы Измайловки, соотносимые с БДК и ранними кочевниками, она считает более поздними и датирует их в пределах VIII–VII вв. до н. э., предполагая сосуществование носителей двух различных традиций (Ермолаева 2012. С. 116, 122).

С такой поздней датой памятников БДК Измайловского комплекса трудно согласиться. Представляется, что нет оснований сильно разносить по времени захоронения этого могильника с другими, а наличие характерных черт эпохи ранних кочевников в памятниках Верхнего Прииртышья предполагает синхронизацию носителей различных традиций на этой территории уже в самом начале 1-го тысячелетия до н. э. Основания для углубления даты Измайловки могут быть следующие. В керамическом комплексе, соотносимом с БДК, практически отсутствуют донгальские признаки (за исключением одного сосуда), что отмечает сама исследовательница (Там же. С. 101). Наконечники стрел, обнаруженные в погребениях Измайловки и Темирканки, хотя и относятся к разным типам, не могут датироваться позже IX – середины VIII в. до н. э., так как веком позже здесь распространяются совсем другие формы этого оружия. В частности, набор стрел из кургана 5 Чиликтинского могильника (Черников 1965. С. 27. Табл. X) представлен экземплярами, имеющими аналогии в предскифских памятниках Причерноморья, а также в комплексах РСК-1 по хронологической шкале Г. Коссака – И. Н. Медведской (Медведская 1992). Появление в европейских колчанах таких форм связывается с центрально-азиатским регионом (Рябкова 2014. С. 381–383, 387. Рис. 1: *5*). Стрелы из Чиликты не могут датироваться позже рубежа VIII – VII вв. до н. э. Учитывая их крупные размеры и отсутствие в колчане стрел черешковой группы, наиболее вероятная дата такого стрелкового набора расположена в пределах VIII в. до н. э. Стрелы из Измайловки и Темирканки типологически предшествуют набору из Чиликты и находят соответствия в материалах памятников эпохи поздней бронзы в пределах одного комплекса. Например, наконечники обоих типов найдены на поселении Чекановский Лог-1 вместе с керамикой, характеризующейся набором признаков саргаринско-алексеевского пласта древностей (Демин, Ситников 2007. С. 70–81. Рис. 78: *5–8*). Замечено также, что втульчатые наконечники с узкими лопастями встречены на огромной территории от Восточного Приаралья до Томского Приобья, что соответствует ареалу бегазы-дандыбаевской керамики. Находки серии

таких стрел в культурном слое Кента, предшествующем позднему донгальскому горизонту, позволяют датировать этот тип XII–X вв. до н. э. (Рудковский 2011. С. 390–392).

Комплексное исследование материалов из памятников Верхнего Прииртышья включало анализ состава металла, проведенный для коллекции бронзовых изделий. Он позволил выявить изменение рецептуры сплава у ряда предметов, связанных с раннекочевническими комплексами (Ермолаева 2012. С. 83), а также показал отсутствие оловянной лигатуры в металле некоторых вещей, что совершенно нехарактерно для казахстанской традиции сплавов эпохи бронзы. При этом важно, что такой металл выявлен и у изделий из Темирканки (Там же. С. 117). Изучение состава металла из памятников эпохи бронзы и раннего железного века Центрального Казахстана показало сходную картину – из комплексов тасмолинской культуры происходит значительное количество изделий, содержащих в рецептуре сплава мышьяк при малых долях олова (Кузнецова, Тепловодская 1994. С. 84–98). Эти факты приводят к важному предположению, что традиция изготовления предметов из мышьяковой бронзы или меди с естественными добавками[1] является в Казахстане, богатом оловянным сырьем, привнесенной извне. По этому показателю комплексы эпохи финальной бронзы, содержащие такие изделия, можно синхронизировать с проникновением сюда пришлого населения уже в это время. Вероятно, они маркируют первую волну миграции по А. Д. Таирову, которая захватила и Восточный Казахстан.

Исследования состава металла изделий из памятников других культур скифо-сакского типа, ареалы которых расположены на территориях к востоку от Казахстана, показали интересную закономерность, скорее всего, имеющую объяснение, аналогичное рассмотренному выше предположению. В Туве и Хакасско-Минусинской котловине мышьяковые бронзы характерны для лугавской культуры, кургана Аржан и раннетагарских (подгорновских) памятников, а изделия из оловянных бронз распространены в алды-бельской культуре и в сарагашенских комплексах (Хаврин 2005). Получается, что здесь на начальном (аржанском) этапе эпохи ранних кочевников в традициях металлообработки абсолютно господствует производство изделий из мышьяковой меди, которые сменяются оловянными бронзами при трансформации культуры.

С учетом предложенного пересмотра хронологии тагарской культуры (Чугунов 2005; Чугунов 2006), эта смена позволяет синхронизировать культурные изменения в Туве и на Среднем Енисее, произошедшие в постаржанское время, то есть во второй половине VIII – первой половине VII в. до н. э. В Туве эти изменения привели к появлению алды-бельской культуры, генезис которой связан с территорией Казахстана. В материальной культуре племен Тувы раннесакского времени давно отмечены многочисленные параллели тасмолинским и приаральским древностям (Грач 1980. С. 78; Савинов 2002. С. 95). Приведу только самые яркие примеры: в алды-бельском конском снаряжении появляются специфические уздечные комплекты с У-видными и напускными псалиями, стрелковые наборы включают стрелы с черешковыми наконечниками. Последняя категория находок важна тем, что в памятниках Казахстана, в отличие от Тувы, встречены типологически исходные двухлопастные формы черешковых стрел, причем здесь они появляются еще в комплексах БДК (Маргулан 1979. С. 313. Рис. 227) и свидетельствуют

[1] Незначительный процент мышьяка и других элементов в составе металла не может считаться лигатурой, а свидетельствует о присутствии этого элемента в руде (Пяткин 1977. С. 30).

о проникновении традиций такого вооружения с территории Китая начиная с эпохи поздней бронзы (Чугунов 2000. С. 166–168). Надо, впрочем, заметить, что среди находок в Аржане наряду с изделиями из мышьяковой меди присутствуют высокооловянные бронзы, представленные художественными изделиями, выполненными в зверином стиле (Хаврин 2003). Соответственно, исходя из предположения о связи такой рецептуры сплава с территорией, богатой оловом, в формировании комплекса этого памятника в качестве одного из компонентов принимали участие носители казахстанской металлургической традиции. Ранее на это указывал Л. Р. Кызласов, который прямо связал происхождение комплекса тувинского кургана с миграцией сакских племен с территории Казахстана (Кызласов 1977. С. 77).

Им же была впервые отмечена близость погребальных традиций в элитных памятниках Семиречья и Восточного Казахстана, выразившаяся в сходстве планировки захоронений в Чиликтинском могильнике и устройства наземных гробниц в Бесшатырских курганах (Там же. С. 73). У тех и у других зафиксирован дромос, расположенный с востока. Курган бесшатырского типа с наземной погребальной камерой известен в могильнике Хондей в Юго-Восточной Туве (Кызласов 1979. С. 35). К сожалению, как и монументальные сооружения Бесшатыра, он оказался полностью ограбленным, и материальный комплекс, связанный с ним, неизвестен. Одна радиоуглеродная дата образца древесины от волокуши, найденной в VI Бесшатырском кургане, хотя и показала широкий календарный интервал от конца IX до середины VI в. до н. э. (Евразия в скифскую эпоху 2005. С. 182), но подтвердила мнение Л. Р. Кызласова, что курганы этого типа относятся к раннесакскому периоду, а не позже.

Планировка погребальных камер Бесшатыра, по мнению Л. Р. Кызласова, восходит к плиточным оградам Бегазинского некрополя (Кызласов 1977. С. 72–74). Можно добавить к этой линии сопоставлений идентичность конструкции перекрытия захоронения в Дандыбае и погребальных камер в виде конических клетей в больших курганах Шиликты. Однако прямая генетическая преемственность от элитных мавзолеев БДК к погребениям кочевнической знати на территории Казахстана небесспорна. Дромосы как элемент погребального сооружения исследованы пока лишь в одном могильнике и неизвестны у большинства мавзолеев этой культуры. Сам некрополь Бегазы уникален для БДК и, возможно, является позднейшим в рамках эпохи финальной бронзы. На сравнительно позднюю датировку его указывают, в частности, два разнотипных наконечника стрел, несомненно, выполненных уже под влиянием раннесакского стрелкового комплекса. Соответственно, не исключено, что взаимосвязь традиций обратна, и идея дромоса, пристроенного с востока к наземному погребальному сооружению, была заимствована носителями БДК у кочевников в период их сосуществования на одной территории. Здесь уместно заметить, что и традицию каменных гряд-«усов» к востоку от курганных насыпей с сосудом и костями лошади под ними, вероятно, нужно рассматривать в рамках этой же идеи. Она едва ли могла сложиться в постсакское время. Это эпохальное явление, характерное именно для начала формирования кочевнического культурного комплекса, и должно быть связано с предсакским и раннесакским временем.

На возможную связь тагарских оград с дромосами-«воротами», пристроенными к восточной стенке, с центрально-казахстанской традицией эпохи поздней бронзы уже указывалось (Чугунов 2006). Учитывая позднее заимствование этого элемента погребальной конструкции в самой БДК, такое соответствие приобретает дополнительные

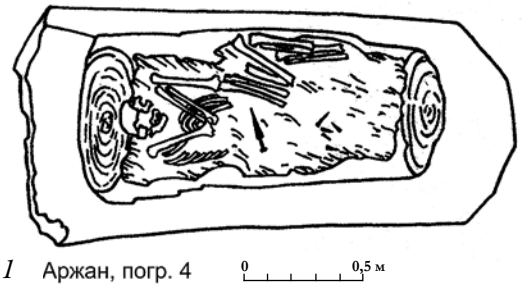
аргументы. Сосуществование раннесакского культурного комплекса с поздней БДК позволяет предположить трансляцию в тагарский ареал, вместе с носителями элитного погребального обряда, ярких элементов материальной культуры, характеризующих сарагашенские памятники. Речь идет о навершиях с фигурами животных, имеющих аналогии в Казахстане, и так называемых оленных бляхах, возможно восходящих к чиликтинским[1]. Кроме того, с появлением сарагашенских бронз на Среднем Енисее возобладали рецептуры металла с большим содержанием олова.

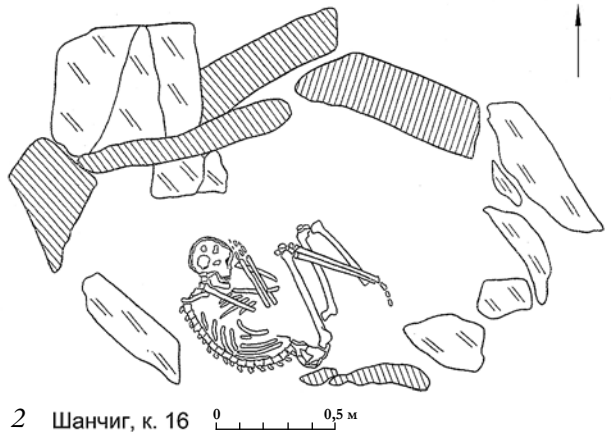
Пути проникновения казахстанских традиций в Хакасско-Минусинскую котловину остаются в настоящий момент неясными и все предположения об их направленности гипотетичны. Тем не менее можно высказать здесь некоторые соображения, которые помогут приблизиться к пониманию этого явления. Очевидно, что сарагашенские памятники появились позже подгорновских, что фиксируется многочисленными стратиграфическими наблюдениями. Периодизации тагарской культуры, предложенные за долгую историю ее изучения, рассматривали эти эффектные мегалитические курганы в рамках эволюционного развития погребального обряда одного населения (обзор см.: Субботин 1995). Как переходный этап такого развития была выделена так называемая биджинская группа памятников, хронологически расположенная между раннетагарскими (подгорновскими) комплексами и сарагашенскими памятниками (Завитухина 1968. С. 14–16). Эти комплексы, хотя действительно сочетают признаки и тех и других, но по основным элементам обряда и категориям найденного инвентаря ближе к подгорновским. Соответственно, можно рассматривать курганы биджинского типа как результат трансформации более раннего культурного комплекса под влиянием притока носителей новаций. К такого рода новациям, помимо усложнения погребальных конструкций, можно отнести изменение рецептуры бронзовых сплавов. Оловянные бронзы появляются на Среднем Енисее именно в памятниках биджинского типа, которые по этому признаку соотносятся с сарагашенскими комплексами (Хаврин 2005). Исходя из вышеизложенного, допустимо трактовать этот пласт древностей как результат сосуществования на одной территории двух культурных традиций – более древней подгорновской и сарагашенской. Данные антропологии также указывают на значительные отличия подгорновского населения от сарагашенского (Громов, Учанева 2013. С. 35. Рис. 1). Возможно, на раннем этапе носители этих традиций могли занимать разные территории, так как подгорновские памятники тяготеют к южным и центральным районам котловины, а сарагашенские – к центральным и северным (Савинов 2012. С. 20). Такое наблюдение указывает на возможное появление сарагашенских новаций из северных районов со стороны лесостепи. Это предположение гипотетично в силу слабой разработанности внутренней хронологии могильников и отдельных памятников. Первым шагом к такой разработке может служить радиоуглеродное датирование образцов из сарагашенского комплекса Черемшино на севере Хакасии, которое показало чрезвычайно ранний возраст памятника в пределах второй половины VIII в. до н. э. (Евразия в скифскую эпоху 2005. С. 118; Александров и др. 2014. С. 137–139). Эту дату невозможно игнорировать, так как она получена методом согласования серии хронологических определений взаимосвязанных между собой дендрообразцов.

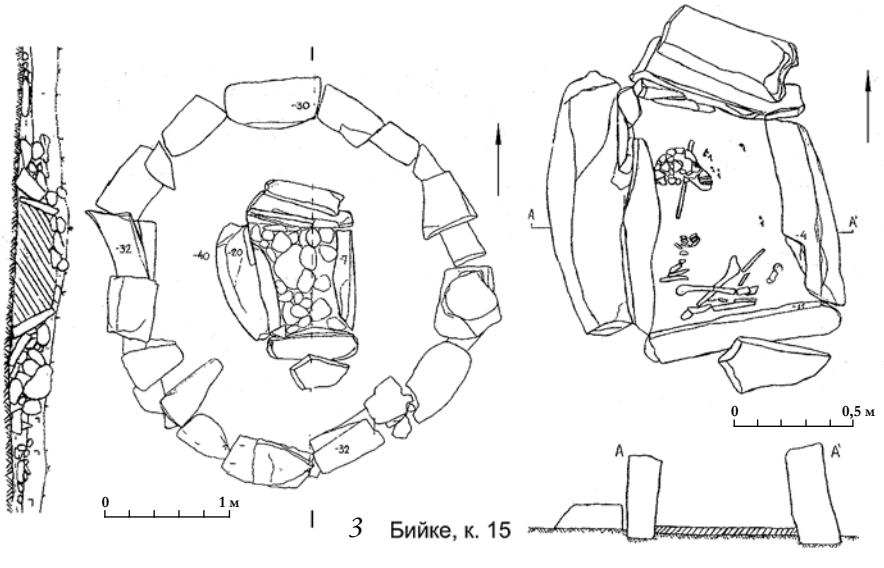
[1] Показательно, что еще С. С. Черников после находки блях в виде оленей в кургане 5 могильника Чиликты высказал сомнение в правомерности традиционной даты сарагашенского этапа (Черников 1965. С. 55).

Раннетагарские памятники появились на территории Среднего Енисея по крайней мере на столетие раньше сарагашенских. На это указывают и радиоуглеродные датировки, и соответствия в материальном комплексе с наиболее ранним аржанским пластом древностей. Как уже отмечено, подгорновский металл не связан с территорией Казахстана, а ориентирован на местные сырьевые источники. Вопрос происхождения тагарской культуры остается открытым. Некоторые предположения на этот счет высказал Д. Г. Савинов, указавший на возможную генетическую связь раннетагарского погребального обряда с ареалом культуры плиточных могил Монголии (Савинов 2012. С. 32). Серьезным противоречием, как отмечает сам исследователь, являются отличия в антропологическом типе населения двух регионов. Не исключено, что противоречия могут быть сняты при рассмотрении специфических комплексов с квадратными сооружениями, имеющими крупные угловые камни, распространенными в Юго-Восточной Туве (один из вариантов курганов монгун-тайгинской культуры). Такие же сооружения исследованы сейчас в Монгольском Алтае, что указывает на обширный ареал этих памятников. Радиоуглеродный анализ, сделанный по костям из этих безвещевых захоронений, указывает на время их сооружения в конце 2-го тысячелетия до н. э. (Ковалев, Эрдэнэбаатар 2007. С. 83). Но надо отметить, что угловые стелы имеют гораздо более древнюю традицию на Среднем Енисее и зафиксированы уже в ранних окуневских курганах (Лазаретов 1997. С. 22–27). Основной предметный комплекс, несомненно, имеет истоки на территориях, расположенных к югу, и связан с территориями Центральной Азии. Появился он в Хакасско-Минусинской котловине уже в эпоху поздней бронзы, так как уверенно проявляется в лугавских памятниках. Однако еще раньше, на втором этапе карасукской культуры, исследователи фиксируют появление здесь носителей традиций валиковой керамики, что может указывать на участие казахстанских племен в формировании сначала лугавского, а затем и тагарского комплексов. При этом валиковый компонент керамического комплекса здесь сопровождается появлением бронзовых изделий, связанных с Центрально-Азиатским регионом (Лазаретов, Поляков 2008. С. 50), так что не исключено проникновение его в долины Среднего Енисея с юга через территорию Тувы. Здесь на этот путь вроде бы указывают и случайные находки изогнутых ножей с гардами, типологически предшествующих лугавским (Чугунов 1992а).

Еще один регион, где культура начального этапа эпохи ранних кочевников непосредственно связана с территорией Казахстана, – Горный Алтай. При анализе комплексов эпохи поздней бронзы Верхнего Прииртышья А. С. Ермолаева обозначила сходство погребального обряда могильников Ковалевка и Темирканка с курганами бийкенской культуры (Ермолаева 2012. С. 117). Представляется, что это сопоставление весьма продуктивно. Учитывая вероятную одновременность здесь этих постандроновских комплексов с памятниками БДК и сосуществование оставившего их населения с носителями раннекочевнических традиций, можно представить распространение традиций далее на восток, в межгорные долины Горного Алтая. В свою очередь бийкенский погребальный обряд очень близок обрядовым традициям так называемых памятников шанчигского типа в Туве, которые синхронизируются с курганом Аржан (Чугунов 1992б). Это, вероятно, может указывать на сходный генезис. Формирование культуры начального этапа эпохи ранних кочевников на территории Саяно-Алтая было обусловлено одними и теми же компонентами – западным (казахстанским) и южным (центральноазиатским). Разница может заключаться в степени участия этих компонентов,

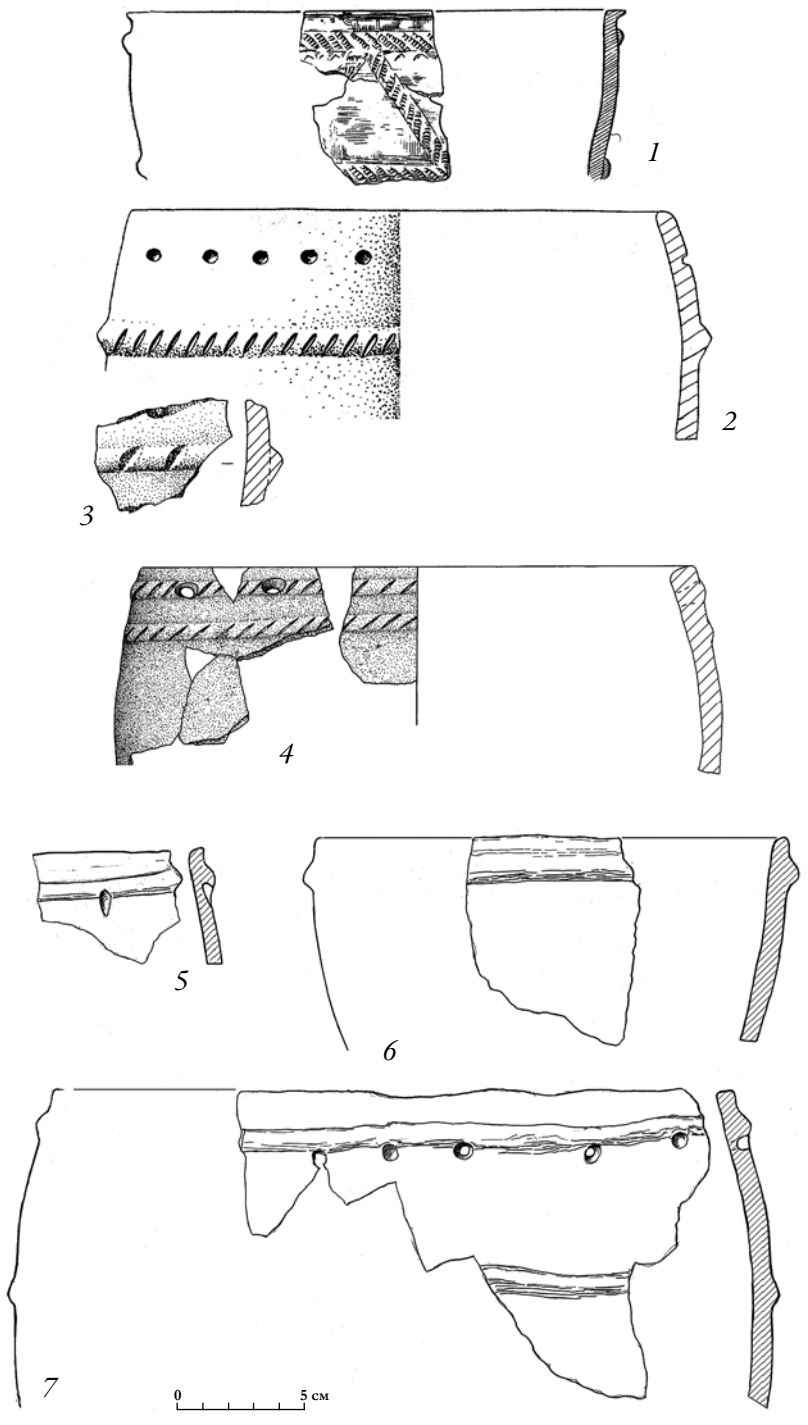






Ил. 1. Погребальный обряд начального этапа эпохи ранних кочевников

1 – погребение № 4 в кургане Аржан; *2* – погребение в цисте в кургане 16 могильника Шанчиг; *3* – погребальная конструкция кургана 15 могильника Бийке. Рисунки К. В. Чугунова



Ил. 2. Керамика с налепными валиками

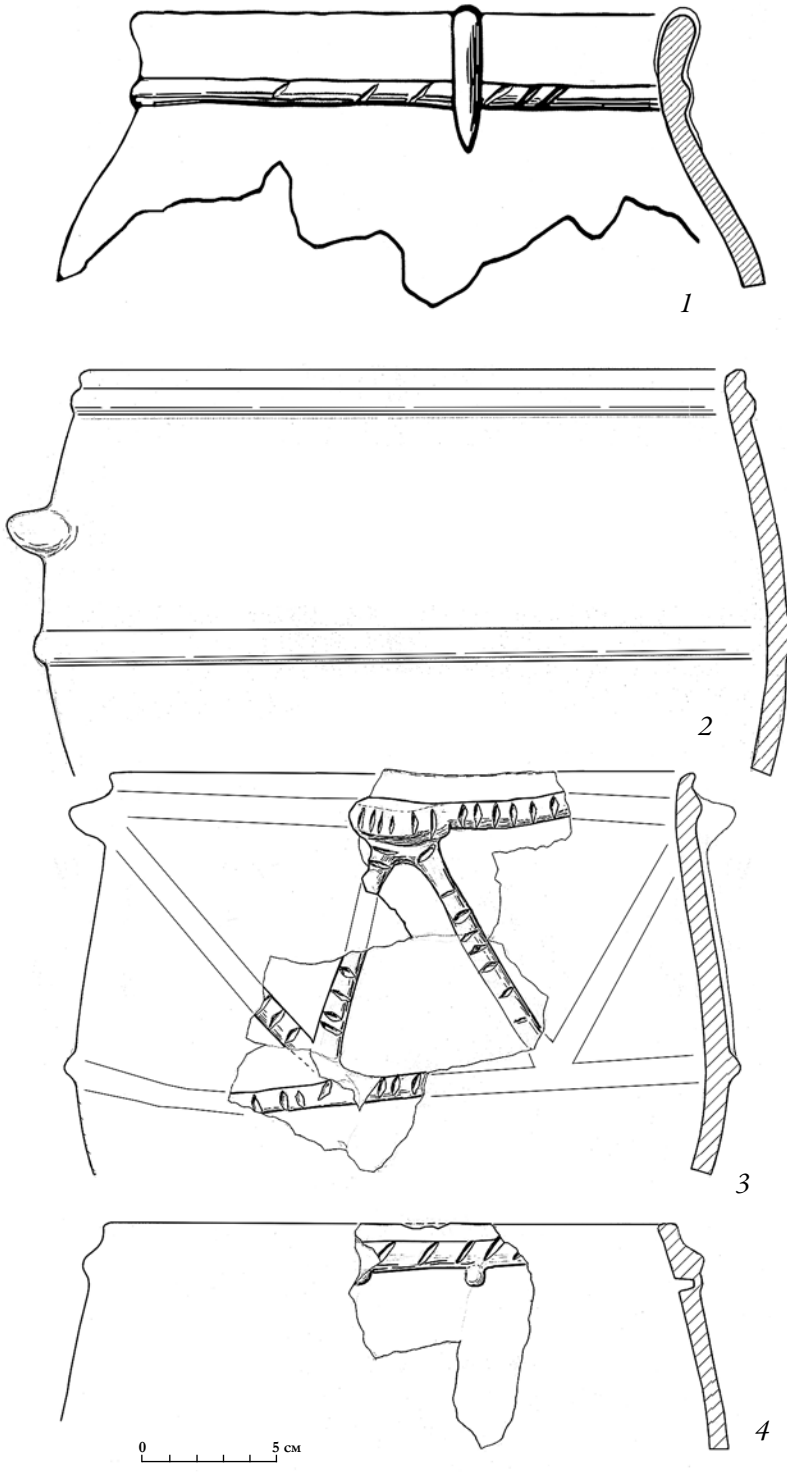
1 – пос. Трушниково; *2, 3* – могильник Бийке; *4* – погребально-поминальный комплекс Аржан-2; *5–7* – могильник Усть-Хадынныг I (раскопки А. В. Виноградова 1976 и 1977 гг.).
Рисунки К. В. Чугунова

так как в Туве преобладали южные инновации, а на Алтае – западные. Не случайно металл в бийкенских памятниках легирован оловом (Хаврин 2008), а изделия из кургана Аржан преимущественно выполнены из мышьяковой меди. Учитывая датировку элитного тувинского кургана рубежом IX–VIII вв. до н. э. (Зайцева и др. 2007), появление первых памятников, относящихся к начальному этапу эпохи ранних кочевников, может датироваться этим же временем. На Алтае это комплексы куртусского этапа бийкенской культуры, в материалах которых абсолютно преобладает центральноазиатский компонент (Тишкин 2007. С. 147. Рис. 1). Влияние поздних носителей БДК заметно ощущается здесь только на следующем семисартском этапе. Вероятно, преобладание комплексов, относимых к этому периоду, обусловлено значительным притоком населения из Восточного Казахстана. Сильно скорченная погребальная поза в бийкенских каменных ящиках, установленных на уровне горизонта, западная ориентировка покойников, валиковая посуда в наземных сооружениях (ил. 1: *3*; ил. 2: *2, 3*) – все эти признаки прямо указывают на традиции БДК. В то же время погребения лошадей, оленные камни и встречающаяся северная ориентировка погребенных – компоненты обряда, вероятно, имеющие другие истоки. Не исключено, что вместе с носителями традиций БДК на Алтай переместились и отдельные кочевые группы из следующей волны переселенцев. Это привело к появлению здесь некоторого количества погребений в ямах, в том числе с подбоями (например, в кургане 7 могильника Бийке. См.: Тишкин 1996. С. 24. Рис. 13). Кочевнические компоненты в бийкенском погребальном обряде, скорее всего, имеют общую подоснову с комплексом признаков погребального обряда тасмолинской и майэмирской культур, обусловленную близостью происхождения мигрантов из Внутренней Азии. Восточный Казахстан и Семиречье, территориально наиболее близкие к традиционным проходам, связывающим внутренние области материка со степным поясом, должны были первыми испытать приток оттуда нового населения. Комплексы, которые могут отражать это явление, исследованы в могильнике Измайловка и в семиреченских некрополях (Кушаев 1968. С. 142–145; Максимова 1969. С. 136–145; Ермолаева 2012. С. 119). Они характеризуются устройством погребений в ямах с подбоями, вытянутыми костяками, крупными зеркалами в инвентаре. Показателен анализ металла одного такого зеркала с бортиком и петлевидной ручкой, происходящего из разрушенного погребения Соцшыгыс рядом с Измайловкой. Оно отлито из мышьяковой меди (Ермолаева 2012. С. 85).

В Туве подосновой культуры начального (аржанского) этапа было местное население, оставившее монгун-тайгинские памятники. Поздний этап этой культуры финальной бронзы характеризуется погребальными сооружениями с высокими цистами из горизонтально уложенных плит, погребальной позой на боку со слабо согнутыми ногами и ориентацией погребенного на запад (Чугунов 1994). Это население, безусловно, было тесно связано с племенами, оставившими херексуры Северо-Западной Монголии. На это указывают и безынвентарная традиция погребального обряда, и очень близкое устройство наземных камер-цист. На аржанском этапе происходит трансформация некоторых обрядовых традиций: изменяется погребальная поза, которая становится сильно скорченной, что зафиксировано в кургане Аржан и могильнике Шанчиг (Грязнов 1980. С. 18. Рис. 8: *4, 5*; Кызласов 1977. С. 77, 81. Рис. 6, 11), а при сооружении цист стали использовать вертикально установленные плиты (ил. 1). Эти новации, как и на Алтае, вероятно, связаны с носителями БДК.

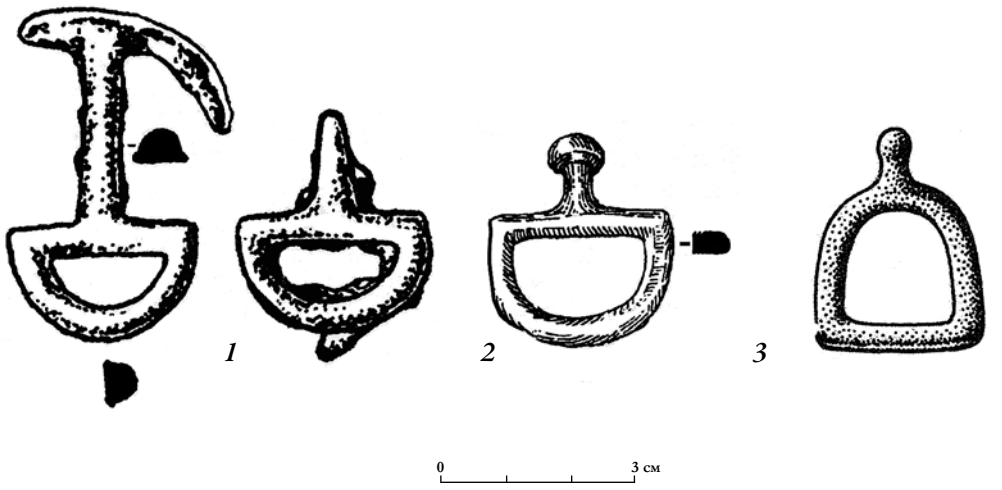
Несмотря на скудность известного материального комплекса, из курганов шанчигского типа происходят фрагменты валиковой керамики (Кызласов 1977. С. 80, 82. Рис. 9, 12). Фрагменты баночных сосудов с налепными рассеченными валиками найдены также в предскифских слоях стоянки Тоора-Даш (Семенов 1992. С. 49. Рис. 35: *4*, *49*) и некоторых монгун-тайгинских курганах, что может маркировать диффузию в Туву западных традиций в самом начале 1-го тысячелетия до н. э. Однако наиболее отчетливая связь с территорией Казахстана фиксируется в постаржанское время. В наземных сооружениях курганов одного из наиболее ранних могильников алды-бельской культуры Усть-Хадынныг I, исследованного А. В. Виноградовым в Западной Туве, собрана представительная коллекция фрагментов сосудов (ил. 2: *5–7*; 3). По всем признакам эта керамика находит прямые соответствия в донгальском пласте древностей Восточного Казахстана. Один из сосудов, украшенный двумя параллельными рассеченными валиками, соединенными зигзагом из таких же валиков, находит ближайшую аналогию в материалах поселения Трушниково (Черников 1960. Табл. LVI: *1*). Столь близкие соответствия такой композиции декора едва ли случайны (ср. ил. 2: *1* и 3: *3*). Поскольку появление алды-бельских памятников в Туве не может быть датировано ранее второй половины VIII в. до н. э. и сопровождается распространением оловянных бронз, можно предположить, что сюда переместилось значительное количество носителей казахстанских традиций конца эпохи бронзы. Кроме того, можно отметить, что планировка классических курганов алды-бельской культуры с центральной могилой и боковыми, расположенными вокруг нее по дуге, находит соответствие в особенностях планировки кургана 21 могильника Измайловка. Зафиксированный в кургане 16 этого некрополя обряд помещения взрослого погребенного в колоду, на начальном этапе раннесакского времени известен в кургане Аржан, что может указывать как на возможную раннюю датировку казахстанского комплекса, так и на связь двух регионов. Погребение в колоде, помещенной в подбой, исследовано также в кургане 2 могильника Майэмер. Здесь оно сопровождалось захоронением лошади, собаки (?) и мелкого рогатого скота (Джумабекова, Базарбаева 2011. С. 77). По уздечному комплекту, найденному с лошадью, этот комплекс не может датироваться позднее VII в. до н. э. Авторы публикации приводят в качестве соответствий обряду погребения в подбое еще ряд комплексов из Восточного Казахстана, в том числе датированные VIII–VII вв. до н. э. Они также отмечают, что традиция захоронения в колоде, обложенной камнями, присутствует в пазырыкском обряде, указывая, вероятно, на сохранение здесь этой особенности длительное время (Там же. С. 80). Исходя из этого, можно сделать предположение, что колоды, как и подбои, были привнесены в обрядовую традицию на эту территорию в начале 1-го тысячелетия до н. э. извне и могли распространяться как элемент обряда именно отсюда.

Таким образом, подводя итог рассмотрению чрезвычайно сложного и мозаичного взаимодействия культурных традиций на территории Казахстана и Саяно-Алтая на рубеже эпохи бронзы и раннего железа, можно констатировать, что определяющую роль в формировании ранних кочевых культур в этом регионе сыграли два основных компонента. Первый связан с Центральным и Восточным Казахстаном и может определяться как бегазы-дандыбаевский в широком понимании этого пласта древностей. Второй компонент пока может быть определен лишь условно как центральноазиатский. Поиски его исходной территории едва ли сейчас возможны, но можно наметить некоторые их пути, рассмотрев отдельные инновации, что по некоторым позициям уже сделано выше.



Ил. 3. Керамика из могильника Усть-Хадынныг I
(раскопки А. В. Виноградова 1976 и 1977 гг.). Рисунки К. В. Чугунова

Положение костяка, вытянутое на спине, головой в западном направлении, зафиксировано при исследовании херексуров, которые широко распространены в Северо-Западной Монголии. Вероятно, контакты носителей БДК с большой общностью, оставившей эти памятники, начались задолго до крупных подвижек населения в начале 1-го тысячелетия до н. э. (Чугунов 2002. С. 142–149). Однако специфика обрядности этого «третьего мира» эпохи бронзы Центральной Азии пока позволяет лишь наметить степень его влияния в предскифское и раннескифское время на культуру племен, расположенных к северу от него (Савинов 1993. С. 107–109). Не исключено, что сложные мемориальные ансамбли, состоящие из многочисленных ритуальных выкладок и оград, известные у больших «царских» курганов раннескифского времени в Туве (Аржан, Аржан-2, Чинге-Тэй I и др.) и Семиречье (Бесшатыр), восходят к планиграфии таких сооружений у херексуров Монголии. В русле этой же традиции должны рассматриваться и казахстанские курганы с каменными грядами. На истоки традиции северной ориентации погребенных и подбоев в памятниках тасмолинской и майэмирской культуры, возможно, указывают недавно опубликованные данные о памятниках, исследованных в провинции Ганьсу (Шульга 2014. С. 253–256). Вместе с притоком нового кочевого населения на территории Казахстана и Саяно-Алтая появляются первые изделия, выполненные в зверином стиле. Наиболее ранние образцы предметов, декорированных в аржано-майэмирской стилистике, известны в памятниках типа Наньшаньгень, где они твердо датируются IX–VIII вв. до н. э. по китайской хронологической шкале (Ковалев 1998. С. 127). Появление еще одного ключевого элемента «скифской триады» – конского снаряжения, требует специального рассмотрения. Типологически наиболее ранние комплекты узды выявлены П. И. Шульгой в ареале тагарской культуры (Шульга 2008. С. 54. Рис. 75, 76). Не исключено, что эти случайные находки связаны еще с лугавскими древностями, где фиксируются элементы, восходящие к снаряжению колесниц чемакэнов иньского Китая. Уздечные комплекты из памятников БДК, найденные в Измайловке, несомненно, более поздние и свидетельствуют о длительном сосуществовании здесь носителей культуры эпохи поздней бронзы с ранними кочевниками. Состав металла этих изделий отражает смешение двух традиций. Если допустить, что уникальная пропускная конструкция сочленения удил и псалиев возникла здесь независимо от общей линии развития конского снаряжения, то возможно, что именно такой вид узды привел к возникновению цельнолитых уздечных комплектов типа Уйгарак-26 и Южный Тагискен-55. Во всяком случае необходимость точного соблюдения при литье параметров всех деталей должна была чрезвычайно усложнить развитие этого вида. Замечу, кстати, что металлические удила едва ли являются достижением носителей БДК, которые, вероятно, использовали ременную узду с роговыми псалиями. Предметы, найденные на пос. Кент и трактованные как фрагментированные и недоотлитые звенья удил (Варфоломеев 2003. Рис. 4: *15, 16*; Варфоломеев 2011. С. 218. Рис. 19), сопоставимы с другой категорией находок (ил. 4). Изделия в виде стремевидной рамки с боковым шпеньком являются пряжками и имеют соответствия в Северном Тагискене (на что обратил внимание и В. Г. Ломан (Ломан 2013. С. 254. Рис. 6: *1, 2, 14*)) и кургане Аржан (Итина, Яблонский 2001. С. 288. Рис. 123: *2*; Грязнов 1980. С. 37. Рис. 23: *4*). Близкая конфигурация пряжек такой конструкции, на мой взгляд, позволяет синхронизировать достаточно удаленные друг от друга комплексы и фиксирует культурные связи этих территорий. Можно предположить, что эти изделия находятся в начале типологического развития подпружных застежек раннесакского времени.



Ил. 4. Бронзовые пряжки

1 – пос. Кент; *2* – могильник Северный Тагискен; *3* – камера № 26 кургана Аржан.
Рисунки К. В. Чугунова

Итак, реконструкция процесса формирования культурных комплексов начального этапа эпохи ранних кочевников в казахстанско-центральноазиатском регионе может быть представлена следующим образом. В Восточном Казахстане в конце 2-го тысячелетия до н. э. продолжает обитать население, сохраняющее андроновские (федоровские) традиции. Инвазия носителей БДК из Центрального Казахстана, связанная с освоением здесь богатейшей рудной базы и, возможно, начавшимся экологическим кризисом в Сарыарке, не приводит к полной ассимиляции местного населения, продолжающего практиковать традиционную погребальную обрядность. В начале 1-го тысячелетия до н. э. Казахстан и Тува принимают первую волну переселенцев из внутренних районов Центральной Азии[1]. На Верхнем Енисее это время возведения кургана Аржан и памятников шанчигского типа. Можно предположить, что в Казахстане этот внешний импульс привел к появлению погребений с вытянутыми костяками. Причем едва ли исходной для него является территория Синьцзяна, как предполагает А. Д. Таиров (Таиров 2007. С. 50). На рубеже тысячелетий здесь распространены культуры, имеющие такой общий компонент, как расписная керамика и погребальный обряд, предусматривающий скорченную позу похороненного. Погребения с вытянутыми костяками, которые здесь известны, возможно, маркируют продвижение каких-то групп населения из более отдаленных регионов.

Не исключено, что в наиболее «чистом» виде погребальный обряд носителей кочевнических традиций, пришедших с первой миграционной волной, отражен в могильниках Приаралья. Помимо вытянутой позы погребенного, здесь присутствуют такие элементы обряда, как дромос и помещение узды в качестве замены верхового коня.

[1] Под географическим понятием «Центральная Азия» в данном случае понимается его расширительная трактовка, включающая обширные бессточные области материка от Хангая на востоке до Ирана на западе – см. комментарии А. Н. Краснова к статье Вильгельма Сиверса (Сиверс 2003).

Культурный комплекс приаральских номадов включает наиболее архаичный колчанный набор, состоящий из втульчатых и черешковых наконечников стрел, крупные зеркала с бортиком и клювовидные жертвенники, предметы, выполненные в аржано-майэмирской стилистике. Возможно, что в Семиречье именно в это время возводятся первые грандиозные курганы Бесшатыра. В Восточном и Центральном Казахстане в это время еще продолжали обитать носители традиций БДК, сосуществуя и взаимодействуя с конгломератом мигрантов, которые еще не сформировали здесь ядро своей культуры.

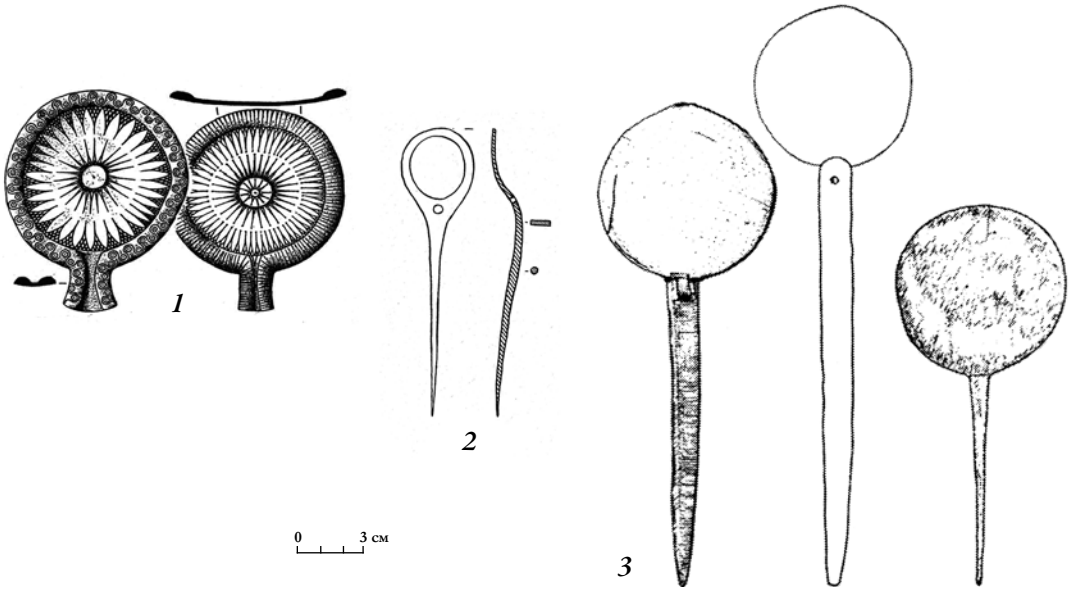
Вероятно, VIII в. до н. э. (возможно, его вторая половина) – время второй миграционной волны, когда на всей территории Казахстана происходит становление номадизма как основы экономики общества. В это время появляются элитные некрополи в Чиликтинской долине, погребальный обряд которых впоследствии продолжается в Центральном Казахстане (могильник Талды-2 и др.). Носители местных традиций эпохи поздней бронзы постепенно осваивают территорию Горного Алтая, смещаясь туда из западных предгорий. В результате смешения с мигрантами-номадами формируется культурный комплекс бийкенской культуры. Суперстратное кочевое население занимает предгорную зону вдоль Иртыша, оставив после себя майэмирский круг памятников.

Под влиянием второй миграционной волны носители БДК Центрального Казахстана, оставившие последние элитные некрополи, возможно, дают начало сарагашенской погребальной традиции. Механизм трансляции культурных элементов пока неясен, но не исключено, что он связан с перемещением группы населения из Казахстана на Средний Енисей. Может быть, продвижение мигрантов шло через северные отроги Алтая, Салаирский кряж и Кузнецкий Алатау, с выходом к Енисею в районе верховьев Чулыма. В связи с этим интересен схематичный план памятника, сделанный А. В. Адриановым во время его поездки в Семипалатинскую область (Адрианов 1916. С. 49, 50. Рис. 24). Курган с квадратной оградой интересен входом с востока и вертикальными плитами, установленными в углу и по двум сторонам, что ассоциируется с конструкцией как бегазинских, так и тагарских памятников (ил. 6: *1*). Вопрос о связи мегалитических сарагашенских погребальных конструкций с поздними элитными некрополями типа Бегазы остается открытым, но гипотеза, на мой взгляд, достойна дальнейшей разработки.

На Туву вторая миграционная волна оказала влияние опосредованно, через территорию Казахстана. Алды-бельская культура сформировалась с участием местного субстрата, включающего аржанский компонент и, возможно, сохранившихся еще носителей монгун-тайгинской культуры. Пути проникновения новых мигрантов сюда могли проходить по разным направлениям, но основным, вероятно, являлся Горный Алтай, заселенный наиболее близким и родственным населением. На тесные связи бийкенской и алды-бельской культур указывает весь комплекс материалов из алтайских памятников, отнесенных А. А. Тишкиным к завершающему бойтыгемскому этапу (Тишкин 2007. С. 154, 155). По сути, отличия их от синхронных тувинских сводятся к некоторым особенностям в погребальном обряде и могут объясняться, как указано выше, разной долей формирующих исходных компонентов культуры. Пока мы не знаем «царских» памятников VII в. до н. э. бийкенской культуры Горного Алтая, и, вероятно, что эта территория входила в сферу влияния вождества, хоронившего своих предводителей в «долине царей» Тувы. Контакты населения Тувы и Казахстана носили другой характер, но не прерывались в течение всего раннесакского времени, на что указывают многочисленные параллели в элитарной субкультуре (Чугунов 2011а). В бассейне Верхнего Енисея

известно несколько погребальных комплексов с вытянутыми костяками, черепами животных и раннесакскими наборами стрел, что может указывать на непосредственное пребывание здесь какой-то группы пришлого населения (Семенов 2012. С. 432–435). Оставлены ли эти памятники носителями тасмолинской культуры или представителями какого-то другого племенного объединения пока неясно, хотя такие предположения высказываются. Больше всего исследованные в Туве комплексы похожи на так называемые погребения коргантасского типа, однако на территории Казахстана эти памятники датируются концом сакской эпохи (Бейсенов 1997. С. 15, 16). Если не удастся выявить истоки обряда помещения черепов животных в захоронения на территории Казахстана, не исключено, что они маркируют какие-то передвижения центрально-азиатских номадов, появившихся в Туве ранее.

Возможно, что еще один приток инноваций в Туву происходит на завершающем этапе алды-бельской культуры. Он отмечен появлением в погребальном обряде рвов, окружающих курган, и использованием грунтовой архитектуры при возведении элитных памятников. Хотя глиняные валы на площади и заливка глиной каменной кладки зафиксированы уже в Аржане-2 (Чугунов 2011б. С. 264–267), приемы сооружения более позднего погребально-поминального комплекса Чинге-Тэй I поменялись очень значительно. Этот «царский» мемориал окружает кольцевой ров, а склон кургана формировался пластами озерного ила (Чугунов 2011в. С. 361). Такой же ил залегает и во рву. Земляная сырцовая архитектура и, вероятно, речной ил использованы и при постройке курганов в некрополе Талды-2 в Центральном Казахстане (Бейсенов 2010. С. 78; Бейсенов 2011. С. 17, 18). Использование раствора из глины известно здесь еще в памятниках БДК. В Восточном Казахстане также зафиксированы дерновые блоки в наземном сооружении кургана 1 могильника Майемер (Джумабекова, Базарбаева 2011. С. 69). Представляется, что такие строительные приемы возникают у степного населения не без влияния оседло-земледельческой традиции. Что касается рвов, то не исключено, что изначально они могли использоваться как карьеры для добычи глины непосредственно рядом с погребальным сооружением, как это зафиксировано у некоторых мавзолеев БДК (ил. 6: *3*). Кроме того, нельзя забывать, что рвы известны еще у синташтинских памятников, и эта традиция имеет глубокие корни. У кочевников ров превратился в значимый компонент обряда довольно рано, что прослеживается в Северном Казахстане, где наряду с круглыми встречены рвы квадратной формы. Показательно, что здесь фиксируются проходы во рвах уже у самых ранних памятников, датируемых VIII–VII вв. до н. э. (Хабдулина 1994. С. 21), в то время как в Туве эта традиция характерна для курганов начала уюкско-саглынской культуры со второй половины VI в. до н. э. (Чугунов 2007. С. 123). Курган, окруженный рвом с проходом в восточной части, исследован в Южном Зауралье (Таиров 2007. С. 220. Рис. 43: *1*). В этом регионе, входившем в раннесакское время в единую зону расселения племен тасмолинской историко-этнографической общности (Там же. С. 165), наследие эпохи поздней бронзы не так очевидно, как на территории Казахстана. Однако, вероятно, его можно увидеть в распространении здесь специфических ритуальных атрибутов, найденных в мужских погребениях VII–VI вв. до н. э., а именно так называемых зеркал с ножевидными рукоятями (ил. 5). Рискну предположить, что прототипом этих изделий является предмет, обнаруженный в мавзолее 5 могильника Бегазы и трактуемый как булавка с навершием дисковидной формы (Маргулан 1979. С. 9. Рис. 55: *1*). Это изделие, хотя и меньших размеров (длина 12,0 см, диаметр диска 3,3 см), имеет отверстие



Ил. 5. Предметы с дисковидными навершиями из памятников БДК и комплексов раннескифского времени

1 – роговые диски из пос. Кент; *2* – бронзовая булавка из мавзолея № 5 могильника Бегазы; *3* – бронзовые зеркала с ножевидными рукоятями. Прорисовка К. В. Чугунова

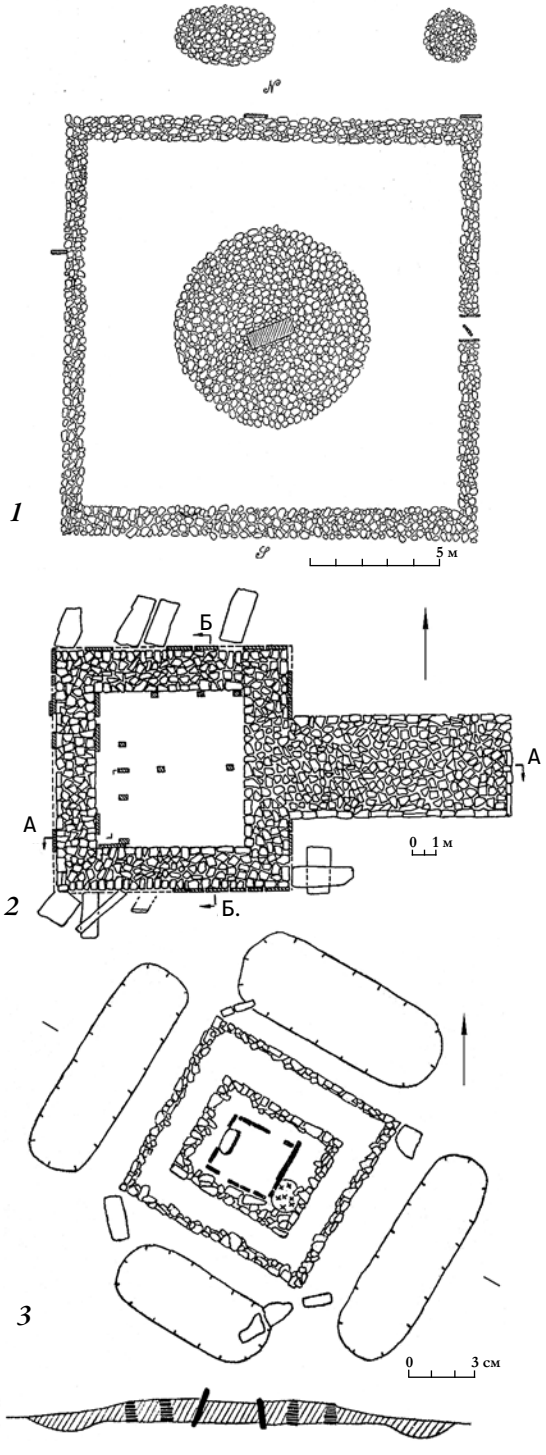
под диском, что соответствует петлям у кочевнических зеркал (у зеркала из кургана 21 Уйгарака на этом месте тоже отверстие). Замечу, что некоторые ассоциации с такими изделиями вызывают и роговые орнаментированные диски из Кента (Варфоломеев 2004. С. 156. Рис. 6; Варфоломеев 2011. С. 234. Рис. 18). Все эти сопоставления, безусловно, остаются гипотетичными, но не исключено, что некоторые культы, вероятно, солярного характера, были восприняты номадами от субстратного населения и развивались далее в кочевой среде уже самостоятельно.

В заключение надо отметить, что предложенная в этой работе концепция формирования кочевнического культурного комплекса на территории Казахстана и Саяно-Алтая, как и всякое обзорное исследование, представляет собой «взгляд с птичьего полета» и, безусловно, нуждается в детальной проработке отдельных аспектов проблемы. В целом эта концепция базируется на нескольких положениях, которые не новы, но, как мне кажется, еще не рассматривались в едином ключе. Первое заключается в предположении о сосуществовании и взаимодействии на одной территории носителей нескольких культурных традиций и основано на проведенном казахстанскими археологами анализе керамических комплексов БДК, показавшем присутствие в одной культурной среде различных технологий производства, что говорит о мозаичности населения, возможно, разноэтничного, в рамках одного социума. Второе положение исходит из допущения, что традиция рецептуры оловянных бронз в металлургическом производстве распространялась от богатого касситеритом центра, расположенного в Центральном и Восточном Казахстане. Наличие на территории Казахстана иных рецептур металла можно использовать как маркер появления здесь населения, чьи традиции сформировались

вне казахстанского очага металлургии оловянной бронзы. Мигранты, расселившись на территории, богатой оловом, вероятно, довольно быстро восприняли местные бронзолитейные традиции. Переселенцы первой миграционной волны на Верхний Енисей были лишены местной традиции легирования оловом и, главное, соответствующей рудной базы. Помимо Аржана в Туве сейчас известен интереснейший комплекс кургана 40 могильника Догээ-Баары 2, исследованный В. А. Киселем и С. В. Хавриным (Кисель, Хаврин 2012а. С. 248–257; Кисель, Хаврин 2012б. С. 46–54), который демонстрирует, может быть, самое начало проникновения на эту территорию первых кочевых групп. Показательно, что единственная находка из металла – игла, согнутая крючком, – выполнена из мышьяковистой меди. Соответствие специфической технологии изготовления ушка этого изделия, помимо отдаленных аналогий, приведенных авторами, можно найти как раз в памятниках Прииртышья, соотносимых с БДК (например, в Караобе. См.: Бейсенов и др. 2014. С. 185. Рис. 3: *1, 5*), где такие иглы выполнялись из оловянной бронзы. Во время аржанского и подгорновского этапов развития кочевой культуры, связи Саяно-Алтая с Казахстаном были, вероятно, слабыми и опосредованными. На территории Тувы оловянные бронзы распространяются повсеместно в результате второй волны миграции из Казахстана, вероятно, через Алтай, заселенный уже в это время носителями бийкенской культуры, тесно связанной своим происхождением с БДК. Не исключено, что взаимосвязь всех регионов можно проследить при всестороннем анализе керамического комплекса, который ассоциируется с донгальскими традициями и, вероятно, указывает на исходную территорию миграции. В целом же предлагаемая концепция вполне соответствует двум миграционным волнам, реконструируемым А. Д. Таировым на основании анализа палеоклиматологических данных начала 1-го тысячелетия до н. э.

Еще один вопрос, который здесь можно только обозначить, заключается в степени влияния реконструируемых процессов на территории Казахстана и Саяно-Алтая на культурно-историческую ситуацию в европейской степной зоне. Давно дискутируемый вопрос формирования скифской культуры на территории Северного Причерноморья и Предкавказья неизбежно осложняется необходимостью соответствия известным нарративным источникам, сведения в которых довольно отрывочны и зачастую противоречивы. Археологи, историки Ближнего Востока и лингвисты в своих реконструкциях используют привычные для своей области знания методологические подходы, которые, как правило, приводят их к разному пониманию исторической картины в древности. Корреляция различных по своей сути письменных и археологических источников чрезвычайно сложна, но возможна, хотя и приводит исследователей как к положительным, так и к отрицательным выводам (Алексеев и др. 1993; Алексеев 2003). Для областей степной ойкумены, рассмотренных в этой работе, такая проблема отсутствует, и оперировать приходится лишь данными археологии. В то же время попытки опереться на хронологические реперы, известные по письменным источникам, присутствуют и в анализе археологического материала скифо-сакского времени восточных регионов (Савинов 2002).

Корректно и непротиворечиво рассмотреть культурно-историческую ситуацию во всей степной Евразии, опираясь в своих рассуждениях на археологические материалы с этой огромной территории, – задача чрезвычайно сложная во многих отношениях. В последнее время, в связи с валом новых данных и выходом огромного количества публикаций, обобщающие работы создавать очень непросто. Как правило, археологи, являясь специалистами по одному из регионов, привлекают отдельные комплексы



Ил. 6. Планы погребальных сооружений

1 – план сооружения в Семипалатинской области; *2* – план мавзолея № 1 могильника Бегазы; *3* – план мавзолея БДК в могильнике Енбек-Суйгуш. Рисунки К. В. Чугунова

или категории предметов из отдаленных областей лишь для решения каких-то конкретных вопросов или подтверждения своих научных разработок, основанных на анализе известных им источников. Такой подход, безусловно, иногда оправдан и дает определенные результаты, в частности, обращая внимание научного сообщества на проблему. Я тоже не могу быть уверенным в том, что мне удалось избежать ошибок или учесть все имеющиеся на настоящий момент источники (особенно это касается материалов эпохи поздней бронзы Казахстана). В то же время, как мне кажется, было бы полезно еще раз указать на некоторые соответствия между двумя отдаленными регионами и рассмотреть их с точки зрения предложенной выше концепции.

Со времени выхода в свет работ А. И. Тереножкина (Тереножкин 1976) и М. П. Грязнова (Грязнов 1983) постулируется связь предскифских черногоровских древностей с комплексом кургана Аржан в Туве. Если автор раскопок Аржана считал, что формирование культур аржано-черногоровского типа происходило в степях от Дуная до Китая одновременно под влиянием социально-экономических причин, то А. И. Тереножкин предполагал культурный импульс с востока. Как маркеры этого импульса, помимо общих особенностей конского снаряжения, им приводились так называемые киммерийские стелы, связанные с оленными камнями, и ромбовидные знаки, восходящие к окуневским солярным символам. С учетом накопившихся за последние десятилетия данных, эти линии сопоставлений получили дальнейшую разработку, проведенную специалистами по восточным и западным регионам степи (Ковалев 2000; Рябкова 2011). Рассмотрев и проанализировав изображения различных атрибутов на оленных камнях западного региона, А. А. Ковалев пришел к выводу о соотнесении стел с древностями черногоровского круга. Кроме того, ряд специфических украшений, выбитых на стелах, позволил ему синхронизировать их с известным Михалковским кладом и рядом других комплексов того же круга. Бляхи в виде хищников с высунутыми языками, входящие в клад, – редчайший пример анималистического искусства для комплекса предскифского времени в западном регионе, – находят несомненные иконографические параллели далеко на востоке, среди петроглифов в горах Хэланьшань китайской провинции Нинся. В Северном Китае этот образ получил широкое развитие в памятниках IX–VIII вв. до н. э. (Ковалев 2000. С. 151–157). На мой взгляд, эта линия сопоставлений может объяснить и «возрождение» в культуре ранних номадов солярного ромбовидного знака, характерного для окуневской изобразительной традиции, в которой известны также образы хищного зверя с высунутым языком (см. напр.: Вадецкая и др. 1980. Табл. LII: *117*; LIV: *140*; Ковалев 1997. Табл. IX: *1*). Не исключено, что этот символ продолжал существовать в той же среде, но по каким-то причинам не воспроизводился в стойких материалах. На территории Восточной Европы предскифские стелы и ромбовидные знаки ранней схемы появляются одновременно, не позднее начала VIII в. до н. э. (Ковалев 2000. С. 161; Рябкова 2011. С. 106), что может служить свидетельством притока сюда нового населения с востока уже в это время. При этом, учитывая анализ компонентов пласта древностей круга Михалковского клада, не исключено, что этот импульс появился здесь при посредничестве Малой Азии и Балкан (Бандрівський, Крушельницька 2012).

В недавней работе В. М. Мурзина предполагается участие компонента БДК в формировании наиболее раннего пласта кочевнических древностей Восточной Европы. При этом, неизменно оставаясь сторонником отождествления предскифского (новочеркасского) пласта древностей с историческими киммерийцами, он предложил

и неоднородных носителей БДК (их кочевую составляющую) условно назвать «киммерийцами азиатскими» (Мурзин 2014. С. 18–20). Таким образом, должна быть постулирована генетическая связь культур азиатских и европейских степей. Условность такого определения очевидна, и соотносить с каким-либо этносом носителей археологических культур азиатских степей при отсутствии синхронных им письменных источников нет никаких оснований. В то же время период сосуществования носителей БДК с кочевниками-мигрантами на территории Казахстана вполне мог привести к восприятию номадами некоторых традиций автохтонного населения, которые вследствие этого могли проявиться на новых территориях при их дальнейшей миграции. В частности, В. Г. Петренко обратила внимание на прямые соответствия некоторым обрядовым традициям БДК в устройстве наиболее архаичных захоронений Краснознаменского могильника (Петренко 2006. С. 117). Наиболее выражены они в строительных приемах, примененных при возведении храма огня – использование связующего раствора в кладке, вертикальные плиты по периметру прямоугольного сооружения (Там же. С. 31). Эти соответствия, вероятно, могут служить основанием для некоторого углубления предлагаемой автором раскопок датировки комплексов могильника, отнесенных к первой хронологической группе. Не исключено, что этот памятник мог бы быть рассмотрен в русле предложения, сформулированного А. Ю. Алексеевым для Келермесского могильника, об отнесении части курганов к «допоходной» истории скифов, «т. е. ранее начала 670-х гг. до н. э. (при этом не исключается VIII в. до н. э.)» (Алексеев 2008. С. 9). Заметим, что еще одна культовая постройка, подобная храму огня кургана 1 Краснознаменского могильника, известна в горах Дагестана (Давудов 2014), то есть памятники такого рода не единичны в западном регионе.

Еще одна проблема, которую здесь необходимо кратко обозначить, – это вопрос о происхождении скифских антропоморфных изваяний. В последние годы на территории Центрального Казахстана выявлена серия стел, относящихся к скифо-сакской эпохе. Иконография их находит прямые соответствия среди памятников, обнаруженных на территории европейской Скифии. Следует упомянуть несколько фрагментированных изваяний, опубликованных и интерпретированных Л. Н. Ермоленко и Ж. К. Курманкуловым (Ермоленко, Курманкулов 2011). К сожалению, эти стелы не сопровождались другим материалом, способным уточнить их дату. Но совсем недавно целое изваяние скифского типа было обнаружено при раскопках кургана тасмолинской культуры, предварительно датированного автором VI – началом V в. до н. э. (Бейсенов 2014. С. 7–16). Замечу, что приведенные результаты радиоуглеродных определений допускают более раннюю датировку (у даты 2477±31 в самое начало V в. до н. э. уходит только широкий интервал при калибровке 2σ), а весь остальной материал вполне может относиться к VII–VI в. до н. э. Но, как бы то ни было, эта очень важная находка может маркировать исходную территорию скифской статуарной традиции. Для такого определения есть основания еще и потому, что Восточный Казахстан входит в ареал одной из древнейших культур, практиковавших установку антропоморфных изваяний – чемурчекской культуры эпохи ранней бронзы. Исследователь этого культурного феномена А. А. Ковалев отмечает сходство в иконографии некоторых чемурчекских статуй со скифскими (Ковалев 2012. С. 156), однако колоссальный хронологический разрыв не позволял установить прямую генетическую связь традиции. Сейчас с новыми находками в раннесакских комплексах Казахстана эта лакуна начала заполняться.

Таким образом, реконструкция культурно-исторических процессов в европейских степях, на мой взгляд, находит определенные соответствия с предлагаемой концепцией. Характерно, что при рассмотрении предскифских памятников Причерноморья предполагается появление здесь носителей новых традиций в виде двух последовательных миграций (Клочко, Мурзин 1989; Мурзин 1990). Весьма вероятно, что эти же волны фиксируются и на крайнем западе, в Карпатской котловине. Здесь трансформация культур эпохи поздней бронзы происходила гораздо более драматично, чем на востоке, но также связана с перемещениями кочевников, вызванными экологическими изменениями в восточных областях степного пояса континента (Chochorowski 1993; Хохоровски 2011).

Адрианов 1916

Адрианов А. В. К археологии западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // Известия императорской археологической комиссии. Пг., 1916. Вып. 62.

Александров и др. 2014

Александров С. В., Боковенко Н. А., Смирнов Ю. А. Археологические памятники долины Черного Июса на севере Хакасии. СПб., 2014.

Алексеев 2003

Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб., 2003.

Алексеев 2008

Алексеев А. Ю. «Старшие» келермесские курганы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 2. С. 9, 10.

Алексеев и др. 1993

Алексеев А. Ю., Качалова Н. К., Тохтасьев С. Р. Киммерийцы : этнокультурная принадлежность. СПб., 1993.

Арсланова 1974

Арсланова Ф. Х. Погребальный комплекс VIII–VII вв. до н. э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 46–60.

Бедельбаева, Варфоломеев 2008

Бедельбаева М. В., Варфоломеев В. В. Центральноказахстанское поселение Кыштан в системе памятников начальной фазы РЖВ // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Астана, 2008. С. 241–245.

Бейсенов 1997

Бейсенов А. З. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних номадов Центрального Казахстана (VII–I вв. до н. э.) : автореф. дисс. … канд. ист. наук. Алматы, 1997.

Бейсенов 2010

Бейсенов А. З. К изучению особенностей крупных курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Кадырбаевские чтения (2010) : мат-лы Второй Междунар. науч. конф. Актобе, 2010. С. 77–79.

Бейсенов 2011

Бейсенов А. З. Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Караганды, 2011. С. 14–20.

Бейсенов 2014

Бейсенов А. З. Исследование кургана сакского времени с каменным изваянием на могильнике Кособа (Центральный Казахстан) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул, 2014. С. 7–16.

Бейсенов, Ломан 2009

Бейсенов А. З., Ломан В. Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы, 2009.

Бейсенов и др. 2014

Бейсенов А. З., Варфоломеев В. В., Мерц В. К., Мерц И. В. Раскопки могильника Караоба в 2013 г. : предварительное сообщение // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014. С. 173–186.

Боталов и др. 2006

Боталов С. Г., Таиров А. Д., Любчанский И. Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск, 2006.

Вадецкая и др. 1980

Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980.

Варфоломеев 1992

Варфоломеев В. В. Погребения эпохи поздней бронзы Кентского микрорайона (типология конструкций) // Маргулановские чтения (1990). М., 1992. С. 72–77, 240–241.

Варфоломеев 2003

Варфоломеев В. В. Кент и его округа (некоторые итоги палеоэкономического и социокультурного

анализа памятников восточной Сарыарки) // Степная цивилизация Восточной Евразии. Астана, 2003. Т. 1: Древние эпохи. С. 88–99.

Варфоломеев 2004
Варфоломеев В. В. Бегазы-дандыбаевская эпоха // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. Алматы, 2004. С. 148–173.

Варфоломеев 2008
Варфоломеев В. В. Среднеазиатская керамика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Астана, 2008. С. 363–367.

Варфоломеев 2011
Варфоломеев В. В. Бегазы-дандыбаевская культура степей Центральной Евразии // Археология Казахстана в эпоху независимости : итоги, перспективы. Алматы, 2011. Т. 1. С. 210–240.

Варфоломеев 2013
Варфоломеев В. В. Керамика суперстратного облика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы, 2013. С. 167–197.

Грач 1980
Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

Гайдученко 2014
Гайдученко Л. Л. Время появления и особенности древнейшего степного животноводства в Казахстане // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014. С. 211–214.

Громов, Учанева 2013
Громов А. В., Учанева Е. Н. Раннетесинское население Минусинской котловины по данным краниологии (опыт сопоставления двух систем признаков) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013. С. 32–38.

Грязнов 1952
Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. 1952. Т. 16. С. 129–162.

Грязнов 1980
Грязнов М. П. Аржан : Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.

Грязнов 1983
Грязнов М. П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. Вып. 12. С. 3–18.

Давудов 2014
Давудов О. М. Раннескифское святилище в высокогорном Дагестане // История оружия. Альманах № 10. Киев, 2014. С. 56–68.

Демин, Ситников 2007
Демин М. А., Ситников С. М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Барнаул, 2007. Ч. 1.

Джумабекова, Базарбаева 2011
Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А. В поисках следов свернувшейся пантеры: к изучению памятников Майемерской степи // История и археология Семиречья. Алматы, 2011. Вып. 4. С. 67–88.

Евдокимов, Жауымбаев 2007
Евдокимов В. В., Жауымбаев С. У. Раскопки на поселении эпохи поздней бронзы Алат в 2005 г. // Историко-культурное наследие Сары-Арки. Караганда, 2007. С. 123–132.

Евдокимов, Жауымбаев 2008
Евдокимов В. В., Жауымбаев С. У. Раскопки на металлургическом комплексе Алат эпохи поздней бронзы в Центральном Казахстане // Вестник Карагандинского университета. 2008. № 4 (52). С. 10–21. (История, философия, право).

Евразия в скифскую эпоху 2005
Евразия в скифскую эпоху : радиоуглеродная и археологическая хронология / под ред. Г. И. Зайцева, Н. А. Боковенко, А. Ю. Алексеева, К. В. Чугунова, Е. М. Скотт. СПб., 2005.

Ермолаева 1987
Ермолаева А. С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 64–94.

Ермолаева 2012
Ермолаева А. С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). Алматы, 2012.

Ермоленко, Курманкулов 2011
Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К. Оригинальное изваяние из фондов Карагандинского историко-краеведческого музея // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2011. Вып. 25. С. 156–161.

Завитухина 1968
Завитухина М. П. Раскопки тагарских курганов на Енисее // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа в 1967 г. Л., 1968. С. 14–16.

Зайцева и др. 2007
Зайцева Г. И., Чугунов К. В., Алексеев А. Ю., Дергачев В. А., Васильев С. С., Семенцов А. А., Кук Г. Т., Скотт Е. М., Плихт Й. ван дер, Боковенко Н. А., Кулькова М. А., Бурова Н. Д., Лебедева Л. М., Юнгер Х., Соннинен Э. История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007. С. 251–262.

Итина, Яблонский 2001
Итина М. А., Яблонский Л. Т. Мавзолеи Северного Тагискена : поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М., 2001.

Кадырбаев 1966
Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 303–433.

Кисель, Хаврин 2012а
Кисель В. А., Хаврин С. В. Миграция в Туву в бронзовом веке (новые материалы) // Культуры Степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями : мат-лы Междунар. конф. : [посвящ. 110-летию М. П. Грязнова]. СПб., 2012. Кн. 2. С. 248–258.

Кисель, Хаврин 2012б
Кисель В. А., Хаврин С. В. «Странный» курган Вавилинского затона в Туве // Радловский сборник : научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб., 2012. С. 46–54.

Кирюшин и др. 2004
Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Позднякова О. А., Шамшин А. Б. Погребальный обряд населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. С. 62–85.

Клочко, Мурзин 1989
Клочко В. И., Мурзин В. Ю. О хронологии древностей черногоровско-новочеркасского типа // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989. С. 61–71.

Ковалев 1997
Ковалев А. А. Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Окуневский сборник : Культура : Искусство : Антропология. СПб., 1997. С. 80–112.

Ковалев 1998
Ковалев А. А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербурга. СПб., 1998. С. 122–131.

Ковалев 2000
Ковалев А. А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 138–180.

Ковалев 2012
Ковалёв А. А. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. СПб., 2012.

Ковалев, Эрдэнэбаатар 2007
Ковалёв А. А., Эрдэнэбаатар Д. Монгольский Алтай в бронзовом и раннем железном веках (по результатам работ Международной Центральноазиатской археологической экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории АН Монголии и Улан-Баторского государственного университета) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007. С. 80–85.

Кореняко 1990
Кореняко В. А. О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения бегазы-дандыбаевского типа) // СА. 1990. № 2. С. 28–40.

Кузнецова, Тепловодская 1994
Кузнецова Э. Ф., Тепловодская Т. М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы, 1994.

Кушаев 1968
Кушаев Г. А. Ранние погребения Алакульской впадины // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 142–145.

Кызласов 1977
Кызласов Л. Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // СА. 1977. № 2. С. 69–86.

Кызласов 1979
Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979.

Лазаретов 1997
Лазаретов И. П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник : Культура : Искусство : Антропология. СПб., 1997. С. 19–64.

Лазаретов, Поляков 2008
Лазаретов И. П., Поляков А. В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи поздней бронзы. Барнаул, 2008. С. 33–55.

Ломан 1987
Ломан В. Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 115–129.

Ломан 2003а
Ломан В. Г. Общность культур переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003. С. 82–84.

Ломан 2003б
Ломан В. Г. К датировке донгальского типа керамики // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 1. С. 290–293.

Ломан 2013
Ломан В. Г. О культурных типах памятников финала эпохи бронзы Казахстана // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы, 2013. С. 247–259.

Ломан, Варфоломеев 2005
Ломан В. Г., Варфоломеев В. В. Археологические раскопки поселения Кент // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие – 2004». Алматы, 2005. С. 147–149.

Максимова 1969
Максимова А. Г. Подбойные захоронения сакского времени // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 136–145.

Маргулан 1966
Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура // Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 160–196.

Маргулан 1979
Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.

Медведская 1992
Медведская И. Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // СА. 1992. № 3. С. 86–103.

Мерц 2006
Мерц В. К. Археологические исследования в Бескарагае // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 72–82.

Мурзин 1990
Мурзин В. Ю. Происхождение скифов : основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990.

Мурзин 2014
Мурзин В. Ю. Скифская проблема глазами автора. Киев, 2014.

Оутрам, Каспаров 2007
Оутрам А. К., Каспаров А. К. Первые результаты изучения остатков млекопитающих поселения Кент // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда, 2007. С. 107–122.

Петренко 2006
Петренко В. Г. Краснознаменский могильник : элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М. ; Берлин ; Бордо, 2006. (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum ; 1).

Пяткин 1977
Пяткин Б. Н. Некоторые вопросы металлургии эпохи бронзы Южной Сибири // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977. Вып. 9. С. 22–33.

Рудковский 2011
Рудковский И. В. Накосник из Еловского II могильника и некоторые спорные вопросы бронзового века зауральских степей // Археология Казахстана в эпоху независимости : итоги, перспективы. Алматы, 2011. Т. 1. С. 388–393.

Рябкова 2011
Рябкова Т. В. Изображения ромбовидных знаков как свидетельство миграций в эпоху ранних кочевников // Маргулановские чтения (2011). Астана, 2011. С. 104–109.

Рябкова 2014
Рябкова Т. В. Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики // РАЕ. СПб., 2014. С. 372–432.

Савинов 1993
Савинов Д. Г. О «третьем» мире культур эпохи бронзы (Центральная Азия) // Культурногенетические процессы в Западной Сибири : тез. докл. Томск, 1993. С. 107–109.

Савинов 2002
Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб., 2002.

Савинов 2012
Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи : по результатам археологических исследований 1986–1989 гг. СПб., 2012.

Ситников 2000
Ситников С. М. Могильник финальной бронзы Чекановский Лог-7 // Вопросы истории, археологии и этнографии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2000. С. 75–78.

Семенов 1992
Семенов В. А. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб., 1992.

Семенов 2012
Семенов В. А. Погребение раннескифского времени на могильнике Суме-Беш в Туве // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 2. С. 432–435.

Сиверс 2003
Сиверс В. Развитие взглядов на понятия «Центральная Азия», «Средняя Азия», «Горная Азия» и «Внутренняя Азия» в классической немецкой и русской географии // География / с коммент. А. Н. Краснова. 2003. № 30. URL: http://geo.1september.ru/view_article.php?id=200303007.

Субботин 1995
Субботин А. В. Предварительный анализ периодизаций тагарской культуры // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. С. 136–142.

Таиров 2007
Таиров А. Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск, 2007.

Тереножкин 1976
Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976.

Тишкин 1996
Тишкин А. А. Погребальные сооружения могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 20–54.

Тишкин 2007
Тишкин А. А. Этапы развития бийкенской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2007. Вып. 3. С. 146–158.

Ткачев 2013
Ткачев А. А. К проблеме сложения позднебронзового единства в степной зоне Казахстана // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы, 2013. С. 330–339.

Удодов 1988
Удодов В. С. Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке вопроса) // Хронология и культурная принадлежность археологических памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири : тез. конф. Барнаул, 1988. С. 107–110.

Федорук 2006
Федорук А. С. Бегазы-дандыбаевский феномен: история изучения и историография // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2006. Вып. 2. С. 127–148.

Хабдулина 1994
Хабдулина М. К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994.

Хаврин 2003
Хаврин С. В. Металл скифских памятников Тувы и кургана Аржан // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. 2. С. 171–173.

Хаврин 2005
Хаврин С. В. Спектральный анализ бронзовых изделий скифского времени Саяно-Алтая и проблемы хронологии тагарской культуры // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 96–98.

Хаврин 2008
Хаврин С. В. Анализ состава раннескифских бронз Алтая // Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Барнаул, 2008. Ч. 1: Раннескифское время. С. 173–178.

Хохоровски 2011
Хохоровски Я. Экологический «стресс» в Западной Сибири и культурный «шок» в Карпатской котловине в конце бронзового века // Terra Scythica : материалы симп. Новосибирск, 2011. С. 319–345.

Черников 1960
Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М. ; Л., 1960. (МИА ; вып. 88).

Черников 1965
Черников С. С. Загадка золотого кургана. М., 1965.

Черных 1983
Черных Е. Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 81–99.

Чугунов 1992а
Чугунов К. В. Некоторые данные по материальной культуре племен эпохи поздней бронзы Тувы // Проблемы археологии, истории, краеведения

и этнографии Приенисейского края. Красноярск, 1992. Т. 2: Тез. конф. С. 31–33.

Чугунов 1992б

Чугунов К. В. Выделение погребальных памятников аржанского этапа в Туве // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 1992. Ч. 2: Тез. конф. С. 78–79.

Чугунов 1994

Чугунов К. В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // ПАВ. СПб., 1994. Вып. 8. С. 43–53.

Чугунов 2000

Чугунов К. В. К вопросу о формировании колчанного набора в восточных регионах скифского мира // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. 11. С. 165–168.

Чугунов 2002

Чугунов К. В. Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы : пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 142–149.

Чугунов 2005

Чугунов К. В. Абсолютная хронология тагарской культуры – взгляд извне // Археология Южной Сибири : идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 102–104.

Чугунов 2006

Чугунов К. В. Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России : материалы Всероссийского археологического съезда. Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 69–71.

Чугунов 2007

Чугунов К. В. Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990–1998 гг.) // А. В. : сб. науч. тр. : [в честь 60-летия А. В. Виноградова]. СПб., 2007. С. 123–144.

Чугунов 2011а

Чугунов К. В. Культурные связи населения Тувы в раннескифское время (по материалам кургана Аржан-2) // Маргулановские чтения (2011). Астана, 2011. С. 177–182.

Чугунов 2011б

Чугунов К. В. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // РАЕ. СПб., 2011. С. 262–334.

Чугунов 2011в

Чугунов К. В. Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени // Terra Scythica : материалы симп. Новосибирск, 2011. С. 358–369.

Чугунов 2014

Чугунов К. В. Переход от эпохи бронзы к эпохе раннего железа на территории Саяно-Алтая (презентация концепции) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 1. С. 679–683.

Шульга 2014

Шульга А. П. Погребения в подбоях на территории провинции Ганьсу Китайской Народной Республики (эпоха раннего железа) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 1. С. 253–257.

Шульга 2008

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Барнаул, 2008. Ч. 1: Раннескифское время.

Бандрівский, Крушельницька 2012

Бандрівский М., Крушельницька А. Золоті Михалківські скарби та їх доля. Львів, 2012.

Chochorowski 1993

Chochorowski J. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Kraków, 1993.

И. Б. Шрамко

РОГОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ ЛУКОВ С ЗАПАДНОГО БЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

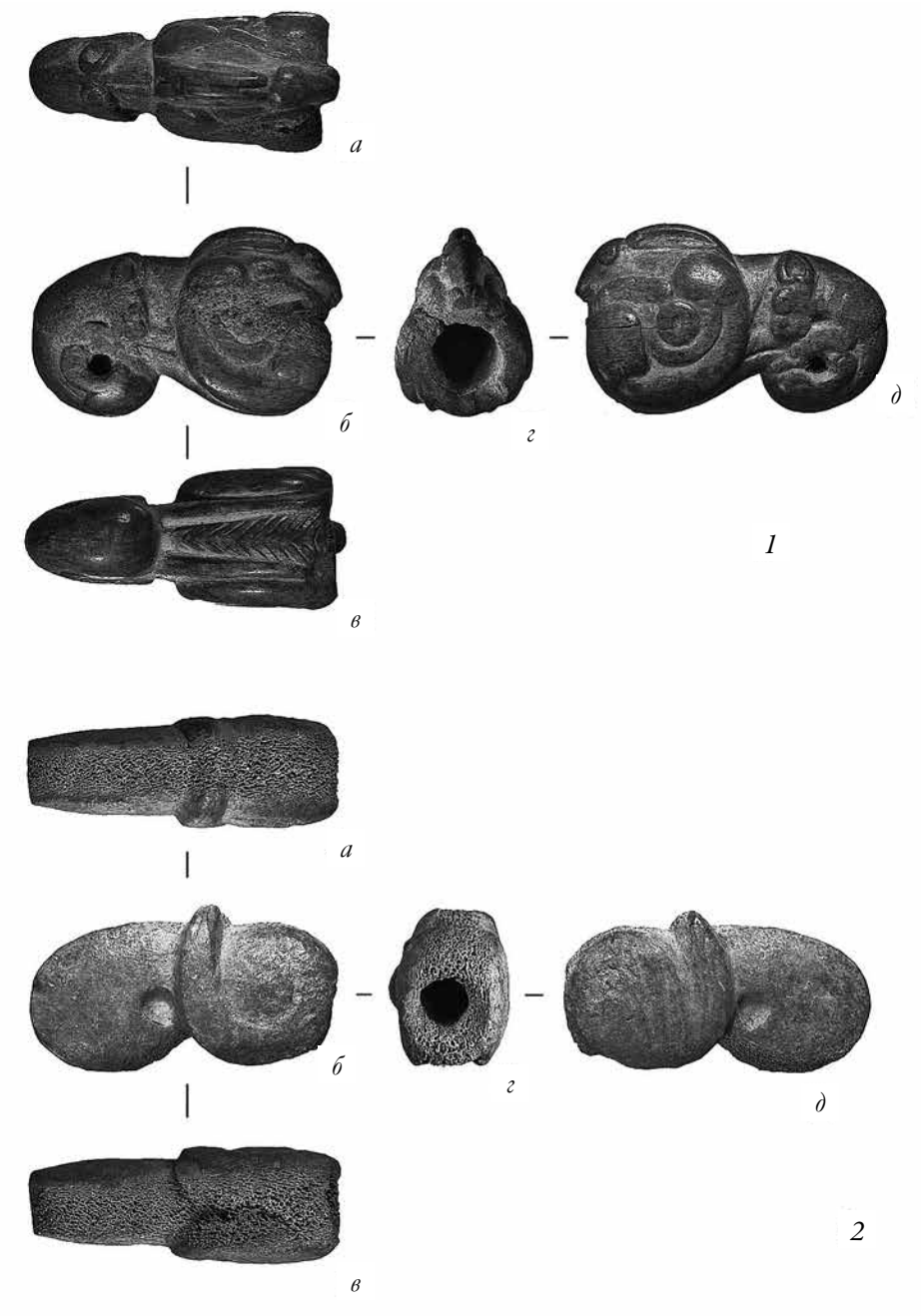
Источниковая база для изучения такого яркого явления в искусстве раннего железного века, каким является скифский звериный стиль, в последние годы значительно расширилась в результате планомерных раскопок поселений раннескифского периода в Лесостепи, в первую очередь, Северинovского и Бельского городищ. К сожалению, в научной литературе имеется лишь краткая предварительная информация об отдельных предметах этой серии (Болтрик и др. 2012. С. 151. Рис. 2, 3; Болтрик и др. 2014. С. 97. Рис. 1: *1, 3*; Шрамко 1995. С. 69, 70. Рис. 3, 4; Черненко и др. 2004. С. 42, 43. Рис. 14: *3*, 15; Махортых и др. 2006. С. 62. Рис. 37: *1, 2*).

Среди большого количества изделий, оформленных в зверином стиле, нам хочется выделить два (ил. 1; 2) близких по форме и назначению. Оба предмета обнаружены в комплексах раннескифского времени Западного Бельского городища.

На художественно оформленные костяные предметы, извлеченные из зольных насыпей Западного Бельска, в начале прошлого столетия обратил внимание В. А. Городцов (Городцов 1911. С. 104, 106, 157 и др.). Так, например, в зольнике № 1 им были найдены обломки костяных псалиев, концы которых завершались стилизованными изображениями головы животного и конских копыт (Шрамко 1996. С. 32. Рис. II: *9, 10, 15, 16*). Предметы, выполненные в зверином стиле (псалии, пронизь для конской уздечки), были найдены и при раскопках совместной экспедицией Харьковского и Московского университетов в 1958–1959 гг. зольников № 11 и № 12 (Граков 1971. Рис на стр. 159; Шрамко 1987. С. 41. Рис. 11: *13, 27*; 13: *11, 12*; 15: *12–14*). Обломки костяных псалиев, обнаруженные при раскопках зольника № 7, упоминает в своей обзорной статье П. А. Гавриш (Гавриш 2006. С. 17). Художественно оформленные костяные изделия повсеместно встречались в слоях VII – первой половины VI в. до н. э. при исследовании зольных насыпей № 5, 10, 13 и 28 (Шрамко 2004. С. 105).

Однако самая большая коллекция резных костяных изделий сформировалась в результате раскопок зольника № 28. Среди них преобладают псалии, но имеются также и колчанная застежка, шпилька, рукоять ножа, рукояточная пластина, подвеска в виде лабриса, что указывает на довольно разнообразный видовой набор продукции костерезов. Временной диапазон культурных отложений, содержавших подобные артефакты, может быть ограничен последней четвертью VII – первой четвертью VI в. до н. э.

Бесспорно, одним из уникальных образцов раннескифского звериного стиля, является предмет, который нами определен как **роговой наконечник на лук** (ил. 1: *1*; 2: *1*),



Ил. 1. Костяные наконечники на луки, Западное Бельское городище

1 – зольник № 28, помещение № 9; *2* – зольник № 13, яма № 11. Фотографии И. Б. Шрамко

найденный при исследовании зольной насыпи № 28 и заслуживающий отдельной публикации.

Условия обнаружения. Зольник, раскопки которого проводились автором с 1990 по 1997 г., расположен в западной части укрепления. В течение нескольких лет была исследована зольная насыпь и значительная часть окружавшего ее межзольничного пространства. В пределах зольника стратиграфически выделены два горизонта. Нижний, содержавший материалы последней четверти VII – первой четверти VI в. до н. э., и верхний – с отложениями второй – третьей четверти VI в. до н. э. За пределами зольника фиксируется лишь слой второй половины VI – первой четверти V в. до н. э. (Шрамко 2000; Шрамко 2004. С. 106; Шрамко 2013. С. 171; Задніков 2014. С. 6).

Временные границы горизонтов были установлены по типологическим особенностям многочисленных предметов материальной культуры, среди которых основным хронологическим индикатором являлась античная керамика.

В нижнем горизонте зольника открыты остатки двух жилых комплексов и связанных с ними нескольких хозяйственных объектов, образующих отдельные усадьбы.

Ядром одной из ранних усадеб была двухкамерная землянка (помещение № 9), открытая в центральной части зольника, на уровне погребенной почвы – древней дневной поверхности (Шрамко 2005; Шрамко, Новоченко 2013). В заполнении преобладали фрагменты местной лепной посуды, кости животных. В небольшом количестве была найдена античная керамика (Задников 2013. С. 369).

Среди отобранного для палеозоологического изучения костного материала, обнаруженного на глубине 0,75 м от уровня современной дневной поверхности, то есть в зольном заполнении землянки, оказался артефакт, представляющий большую научную ценность[1].

Описание предмета. Наконечник выполнен в виде стилизованной объемной головы хищной птицы, дополненной фигурками других животных – хищника семейства кошачьих и зайца (ил. 1: *1*; 2: *1*). Наружная поверхность предмета со всех сторон покрыта резными зооморфными фигурами. Под клювом птицы – резной елочный узор. Отверстие, образованное петлей клюва, забито плотной светло-серой золой, но, скорее всего, оно сквозное. Наиболее четко изображения животных проработаны лишь с одной, более гладкой стороны рога. С оборотной, пористой, они видны слабее, хотя и читаются довольно четко. Изделие вырезано из рога оленя[2]. Имеет размеры 4,3 × 2,5 см. В основании шириной 1,9 см – полость круглой формы диаметром 1,0 см, глубиной 1,4 см. По краю втулки хорошо заметны углубления от фиксатора.

Изображение птицы является основным в композиции, определяющим форму предмета (ил. 1: *1*; 2: *1, к*), который в целом идентифицирован нами как наконечник лука, оформленный в зверином стиле раннескифской эпохи.

Хорошо выделен массивный загнутый в петлю клюв птицы. Подтреугольным выступом обозначена восковица, а углубленной линией намечен рот. Рельефным двойным кружком с углубленным зрачком показан крупный глаз птицы. На торцевой части предмета, со стороны клюва, в технике глубокой резьбы нанесен елочный орнамент (ил. 1: *1*; 2: *1, в, к*).

[1] Предмет был полностью покрыт толстым слоем прикипевшей золы и замечен лишь спустя несколько лет при подготовке материалов зольника к публикации.

[2] Определение В. Л. Бондаренко, научного сотрудника Музея природы ХНУ имени В. Н. Каразина.

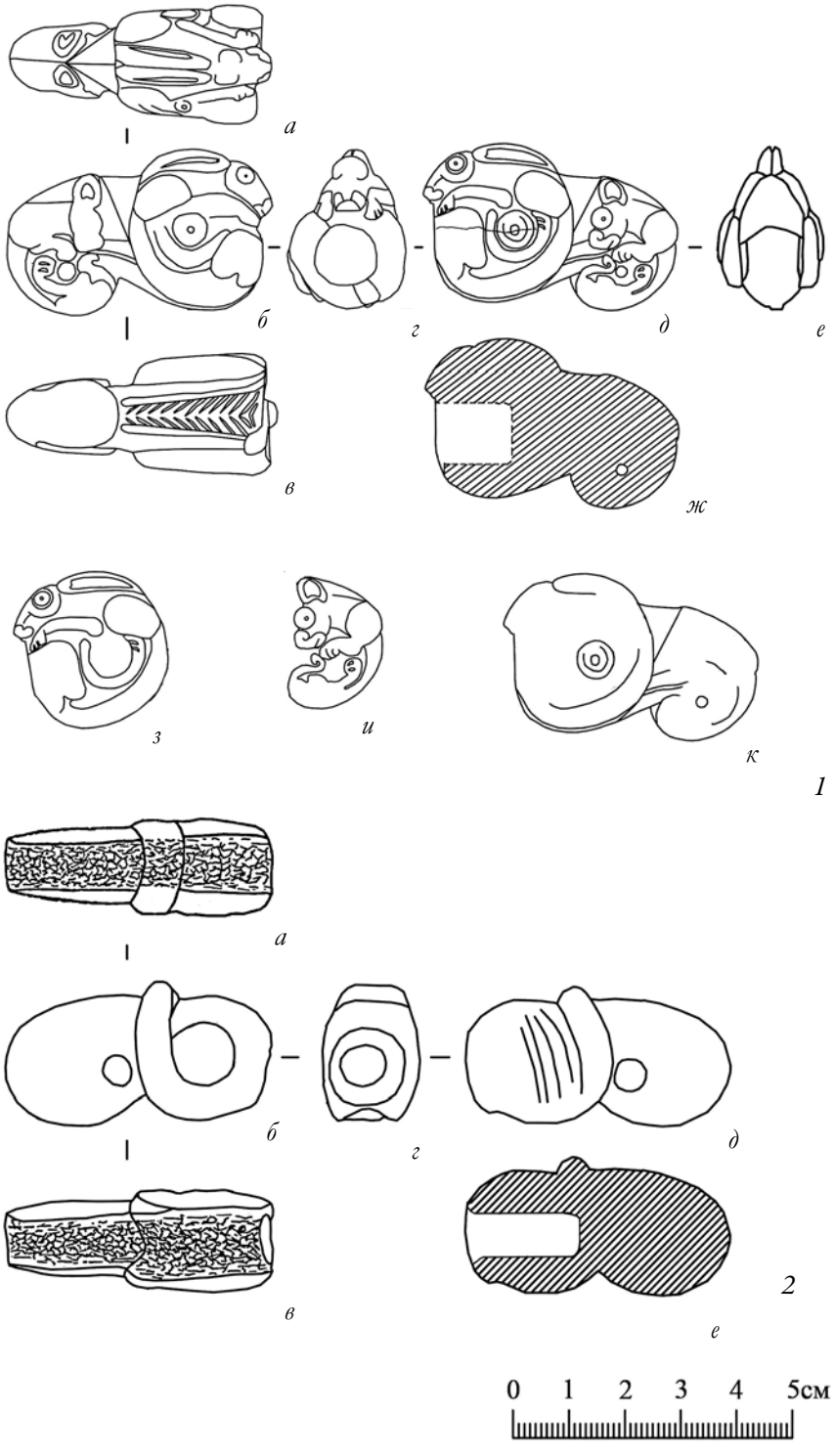
Вокруг глаза и отверстия, образованного кольцевым изгибом клюва птицы, вырезаны два дополнительных изображения – зайца и пантеры (ил. 1: *1*; 2: *1*).

Изображение пантеры. Выполнено в скифской манере архаической эпохи в позе свернувшегося хищника. Сердцевидное ухо, глаз, так же как и глаз птицы, переданный рельефным кружком с обозначенным зрачком, спиралевидный кончик носа, характерная форма нижней губы выполнены в классическом стиле раннескифского искусства. Узнаваемы и другие элементы: крупное, выделенное рельефом плечо животного, форма туловища, шеи, обозначенные поджатые лапы с намеченными пальцами, короткий закрученный крючком хвост. Вся фигура животного выполнена в технике резьбы крупными плоскостями без излишней деталировки (ил. 1: *1, д*; 2: *1, д, и*). С оборотной стороны также имеется полнофигурное изображение этого же хищника, но отдельные, отмеченные выше элементы образа прослеживаются заметно слабее (ил. 1: *1, б*; 2: *1, б*).

Необходимо отметить, что на предмете показаны две пантеры, которые в прорисовке развертки изображения расположены симметрично. Ось симметрии проходит между ушами животных, вдоль их хребта. Какую-либо объемность при восприятии предмета в целом этот образ не создает. При внимательном рассмотрении пантеры можно заметить, что хищник вписан не в круг, а в фигуру, напоминающую по абрису бутероль (Полидович 2014. С. 113. Рис. 1), то есть изображение построено по принципу треугольника (ил. 2: *1, и*). Поза свернувшегося хищника, взаимное расположение частей его тела, вписанных в такую геометрическую фигуру, вполне укладывается в схему построения «западной» группы изображений келермесско-тлийского типа, предложенной Ю. Б. Полидовичем (Полидович 1994; Полидович 2001. С. 30). Для такой серии характерны расположение передней лапы и хвоста под мордой хищника, а задней – у локтя передней. Почти такую же изобразительную схему, на наш взгляд, можно видеть на бельском экземпляре. Отличает его расположение хвоста, воспроизведенного так, как и у хищников с прямыми или подогнутыми лапами – свободно свисающим с загнутым кончиком.

Изображение зайца. Выполнено в реалистичной манере, подчеркнуты не только основные анатомические особенности животного – длинные уши, характерные ноги (длинная задняя и короткая передняя) с обозначенными пальцами, выделенные плечевые суставы, выпуклый глаз, но и мелкие детали, характеризующие нежность и пугливость зверька: пухлый носик, поджатые передние лапки, прижатые ушки (ил. 1: *1, а–д*; 2: *1, а–д, з*). Линия тела свернувшегося животного, возможно, передает абрис бараньего рога, являющегося основным элементом в оформлении образа бараноптицы. Во всяком случае, при рассмотрении предмета в целом эта часть фигуры представляется более выпуклой и создает впечатление изображения головы хищной птицы с бараньим рогом, клюв и голова которой украшены дополнительными образами свернувшихся пантер и зайца.

Отметим также, что двухстороннее изображение зайца решено косторезом иным образом, отличным от того, как выполнена пантера. Так, если контуры фигур пантер выполнены в технике невысокого рельефа и показаны полностью, как бы отдельно с каждой стороны изделия, то заяц изображен с одной объемной головой и туловищем с лапами, разделенными на левую и правую части, которые воспроизведены с соответствующей стороны наконечника (ил. 1: *1, а–д*; 2: *1, а–д*). При этом ось симметрии проходит по ребру изделия, по линии разделения ушей зайца. Таким образом, при рассмотрении предмета со стороны втулки и сверху создается впечатление передачи



Ил. 2. Прорисовка костяных наконечников на луки из Западного Бельского городища
Прорисовка И. Б. Шрамко

1 – зольник № 28, помещение № 9; *2* – зольник № 13, яма № 11

объемной реалистичной фигуры животного. Со стороны боковых плоскостей заметно лишь одно ухо и, соответственно, правая или левая стороны мордочки зайца, свернувшегося вокруг глазницы птицы. Именно объемность изображения головы позволила резчику передать характерные особенности данного животного (ил. 1: *1, г*; 2: *1, г*).

Второй наконечник в значительной степени дополняет имеющуюся информацию о данной категории предметов архаического периода. Речь идет о находке роговой заготовки для изготовления наконечника на лук, также оформленного в зверином стиле (ил. 1: *2;* 2: *2*).

Условия обнаружения. Заготовка оказалась в заполнении хозяйственной ямы № 11 зольника № 13. Она была обнаружена на дне ямы, на глубине 3,1 м от уровня современной дневной поверхности (Задников, Шрамко 2009. С. 11. Рис. 63: *5*; Задников 2009. С. 50). В перекрывавшем его слое оказались обломки тринадцати античных амфор клазоменского и одной милетского производства первой половины VI в. до н. э. (Задников 2014а. С. 253–265; Задников 2014б).

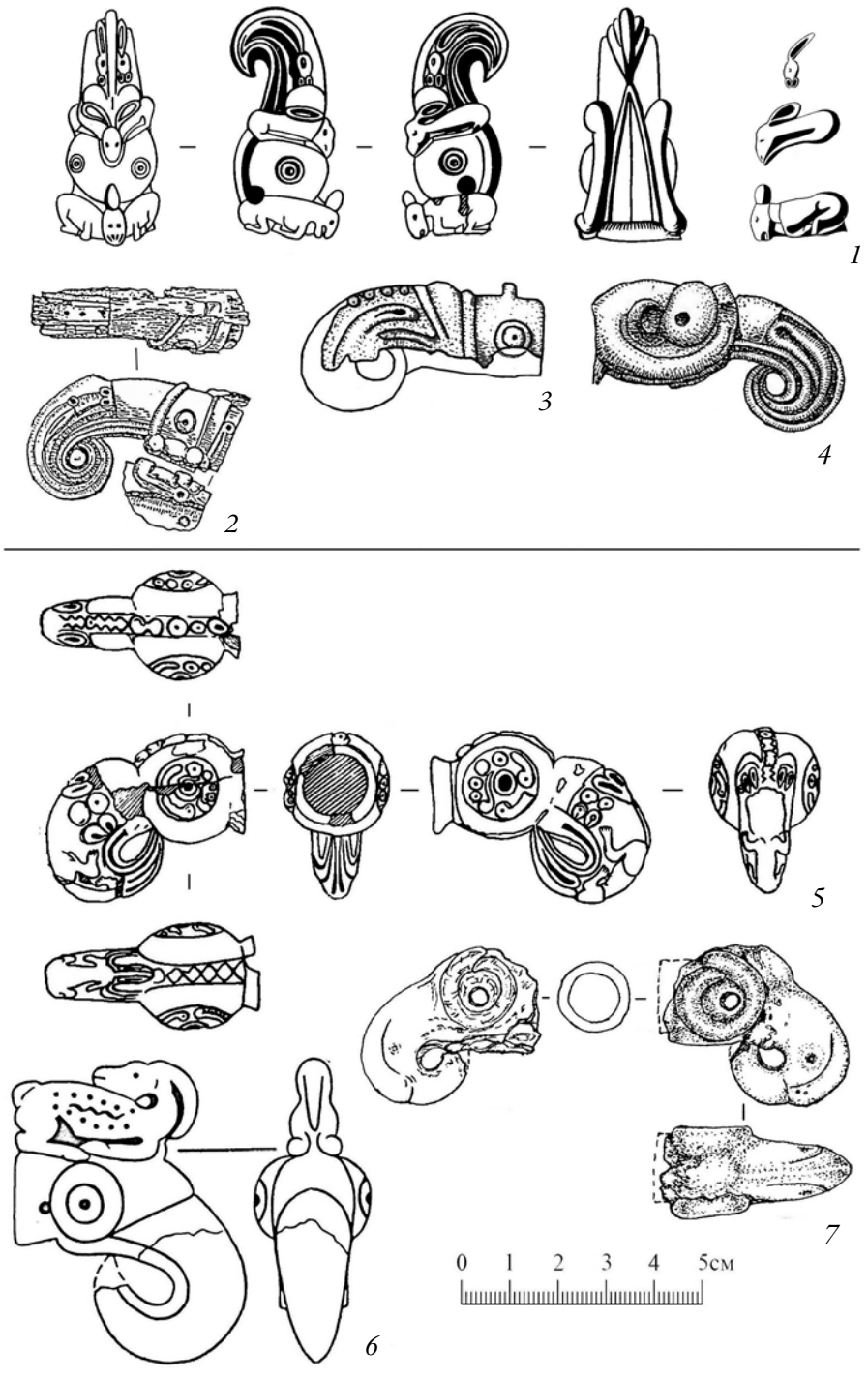
Описание предмета. Заготовка имеет вытянутые пропорции, длину (высоту) 4,3 см при ширине 2,0 см и толщине 1,4 см, диаметр втулки 0,7 см, глубину отверстия 2,0 см. Вырезана из лосиного рога[1]. По ребру рог обрезан до губчатой структуры (ил. 1: *2, а, в, г*; 2: *2, а, в, г*). На боковых плоскостях намечены очертания хищной птицы с бараньим рогом. Анализируя образ рогатой птицы в скифском искусстве, В. П. Андриенко обратил внимание на то, что неслучайно «для изготовления вещей с изображениями „священной“ птицы использовали рог» (Андриенко 1999. С. 22, 23).

Бороздкой резчик наметил контур глаза, но относительно четко проработал его лишь с одной стороны предмета (ил. 1: *1, б*). С обеих сторон заготовки у края рога выбраны углубления круглой формы, четко обозначившие форму клюва птицы (ил. 1: *2, б, д*; 2: *2, б, д*). Хотя мастер не успел завершить работу, предмет вполне узнаваем. Образ рогатой птицы можно считать классическим в оформлении костяных окончаний луков. Сложно предположить, как выглядело бы изделие в законченном виде, но намеченная форма клюва по своим очертаниям близка клюву птицы на навершии из Самтавро (Ильинская, Тереножкин 1983. С. 29) (ил. 3: *3*).

Какое же место занимают найденные артефакты в данной категории предметов материальной культуры раннескифского времени?

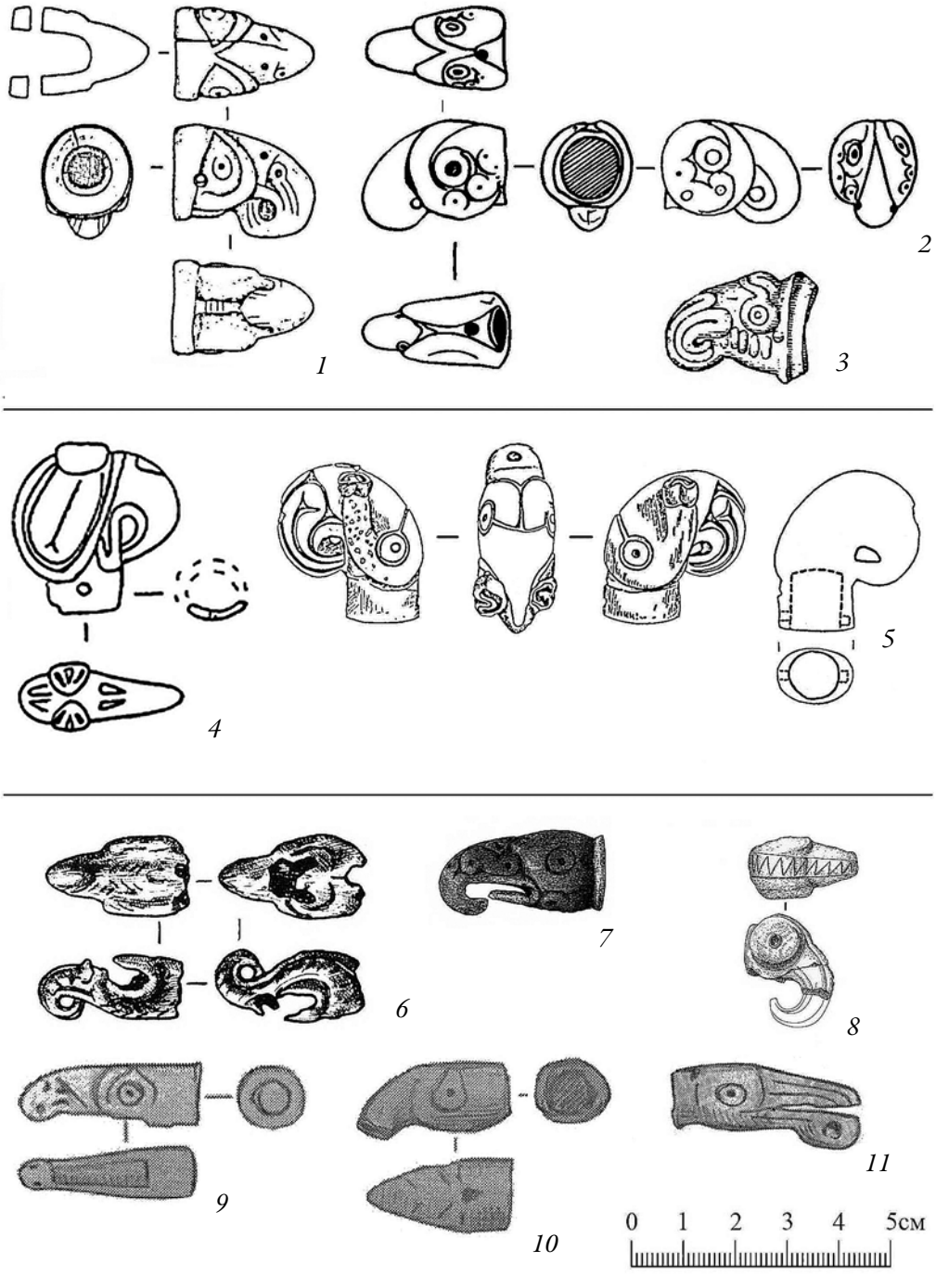
Из всего массива известных в настоящее время костяных наверший, которые могли использоваться как декоративные окончания (насадки) на деревянные псалии или луки (Черненко 1981. С. 14, 15. Рис. 6), непосредственно к наконечникам луков нами предварительно отнесено 20 предметов (табл. 1). При этом необходимо отметить, что многие из опорных костяных изделий, включенных нами в сводную таблицу, до сих пор не имеют однозначного определения. Так, несмотря на то, что Е. В. Черненко еще более тридцати лет назад вполне обоснованно предположил, что художественно оформленные костяные головки из Темир-Горы, Серогоз, Зеленого Лагеря и Новоалександровки-1 «украшали, по-видимому, окончания луков, выступающие из горитов, располагались… вдоль лука, являясь его продолжением» (Там же. С. 16), мнение исследователя до сих пор неоднозначно. Так, Т. В. Рябкова, не уточняя более узкую принадлежность, относит их в целом к навершиям (Рябкова 2005. С. 47. Табл. 1). Ряд ученых высказывается

[1] Определение В. Л. Бондаренко.



Ил. 3. Костяные наконечники на лук I группы

1 – Темир-Гора; *2* – Новоалександровка, курган 7, погребение № 8; *3* – Нартан, курган 6; *4* – Кореновский-VII, курган 2, погребение № 1; *5* – Новозаведенное-II, курган 13; *6* – Самтавро, погребение № 106; *7* – Зеленый Лагерь (Семеновка), курган 2, погребение № 1. Прорисовка И. Б. Шрамко



Ил. 4. Костяные наконечники на лук II группы

1 – Дюнный, погребение № 22; *2* – Высочино, курган 6, погребение № 4;
3 – Нижние Серогозы, курган 3, погребение № 5; *4* – Красное знамя, курган 1, Южная гробница;
5 – Ниврa; *6* – Залесье; *7* – Дарьевка, курган 2; *8* – Тли, погребение № 216;
9 – Тейшебаини, Помещение № 63; *10* – Тейшебаини, Помещение VII;
11 – Тейшебаини, Помещение XXV. Прорисовка И. Б. Шрамко

более определенно, указывая на их принадлежность к лукам, называя их налучьями или навершиями – насадками на луки (Петренко и др. 2000. С. 244; Канторович 2012). А. И. Иванчик видит в некоторых из них наконечники ножен (Иванчик 2001. С. 83. Рис. 35), А. Д. Могилов уверенно относит их к навершиям на псалии (Могилов 2005. С. 29). С учетом новых находок мы предлагаем подобные костяные и роговые изделия (табл. 1) рассматривать все же как насадки (навершия) на концы луков или наконечники луков, выделив их в отдельную категорию.

Основанием для такого выделения послужили, прежде всего, отмечаемые различными исследователями случаи, когда костяные навершия были обнаружены в соответствующем контексте (см. табл. 1). Так, в трех случаях (Новоалександровка, курган 7, погребение № 8; Дюнный, погребение № 22; Высочино, курган 6, погребение № 4) данные предметы были найдены выше горита (колчана), с наконечниками стрел и костяными столбиками (табл. 1) (Кореняко, Лукьяшко 1982. С. 150, 155. Рис. 2: *2*; 6: *2*; Посегун 2009. С. 121. Рис. 9, *34*). В четырех случаях (Зеленый Лагерь (Семеновка), курган 2, погребение № 1; Нижние Серогозы, курган 3, погребение № 5; Темир-Гора, основное погребение; помещение VII в Тейшебаини) (Лесков и др. 1971. С. 51; Браун 1906. С. 85. Рис. 6; Яковенко 1972; Батчаев 1985. С. 25; Рябкова 2012. С. 372, 373. Табл. 1. № 22) они были обнаружены в комплексах, в которых имелись наконечники стрел или костяные столбики от колчана (горита). В шести – навершия встречены на поселениях, где сопутствующий материал разнообразен (Западный Бельск, зольник № 13 и зольник № 28; Залесье; Нивра; Тейшебаини, помещения 63 и XXV) (Задников 2014а. С. 256, 257; Бандрівський 1996. С. 346; Рябкова 2012. С. 372, 373. Табл. 1. № 21, 26). В трех случаях (Кореневский VII, курган 2, погребение № 1; Новозаведенное-II, курган 13; Самтавро, погребение № 106) какая-либо информация о контексте найденных наверший в литературе отсутствует (Рябкова 2005. С. 45; Петренко и др. 2000. С. 244; Ильинская, Тереножкин 1983. С. 29).

Кроме того, одним из критериев для выделения наконечников луков послужили размеры изделий, хотя, конечно, учитывались и условия их обнаружения. Притом что диаметр втулок у всех костяных наверший практически одинаков, около 1,0 см, они различаются по длине (высоте). Длина костяных окончаний псалиев варьирует от 1,5 до 2,5 см, в единичных случаях – 2,9 см (Рябкова 2005; Могилов 2008; Канторович 2010; Петренко 2006). В то же время среди всех изделий заметно выделяются крупные экземпляры длиной более 3,0 см, которые мы и предлагаем относить к наконечникам луков.

Костяные навершия из Залесья (ил. 4: *4*; табл. 1) и Нивры (ил. 4: *5*; табл. 1), традиционно относимые к элементам псалиев, с учетом указанных в публикациях размеров (Бандрівський 1996. С. 345. Рис. 1: *1*; Могилов 2008. С. 29. Рис. 56: *23*), на наш взгляд, также следует включить в серию наконечников луков. Несколько костяных наверший (ил. 4*: 9–11*), найденных в Кармир-Блуре (Рябкова 2012. С. 372, 373. Табл. 1. № 21, 22, 26), возможно, также являются окончаниями луков. Во всяком случае, на это указывают их размеры и оформление в виде головы хищной птицы.

Предварительно, по метрическим характеристикам, все известные к настоящему времени предметы данной категории разделены нами на две группы:

1) наконечники вытянутых пропорций (9 экз.). Имеют длину от 4,0 до 5,3 см (ил. 3; табл. 1).

Ил. 5. Места находок костяных наконечников на луки VII–VI вв. до н. э.

1 – Западное укрепление Бельского городища, зольник № 28, помещение № 9; *2* – Западное укрепление Бельского городища, зольник № 13, яма 11; *3* – Дарьевка, курган 2; *4* – Нивра; *5* – Залесье; *6* – Зеленый Лагерь (Семеновка), курган 2, погребение № 1; *7* – Нижние Серогозы, курган 3, погребение № 5; *8* – Темир-Гора, основное погребение; *9* – Новоалександровка, курган 7, погребение № 8; *10* – Высочино I, курган 6, погребение № 4; *11* – Дюнный, погребение № 22; *12* – Кореновский-VII, курган 2, погребение № 1; *13* – Красное Знамя, курган 1, южная гробница; *14* – Новозаведенное-II, курган 13; *15* – Нартан, курган 6; *16* – Тли, погребение № 216; *17* – Самтавро, погребение № 106; *18* – Тейшебаини (Кармир-Блур), помещение № 63; *19* – Тейшебаини (Кармир-Блур), помещение VII; *20* – Тейшебаини (Кармир-Блур), помещение XXV

2) короткие наконечники (11 экз.). Длина большинства из них варьирует от 3,0 до 3,7 см (ил. 4; табл. 1). Исключение составляет наконечник из Дюнного (ил. 4: *1*). Его длина 2,7 см, но контекст находки указывает на его принадлежность к окончанию лука. В то же время небольшое навершие (1,8 см) из кургана 1 (южная гробница) у хутора Красное Знамя (Петренко 2006. С. 64. Табл. 55; 105, *4*. Кат. 76), хотя и найдено между наконечниками стрел и деталями конской узды (Петренко 2006. Табл. 14), к окончаниям луков пока может быть отнесено лишь условно. По условиям обнаружения (табл. 1) сложно однозначно отнести к этой категории и костяное навершие из Тли (погребение № 216) (ил. 4: *6*).

Находки из Бельска (ил. 1) отнесены нами к I группе (табл. 1).

При картографировании наконечники распределились довольно неравномерно (ил. 5). В Лесостепи их находки чрезвычайно редки. В Днепровском Левобережье они известны пока лишь на Бельском городище (2 экз.). На других лесостепных памятниках эти изделия обнаружены в курганах (1 экз.) или относятся к случайным находкам (2 экз.)

(табл. 1). Три наконечника найдены в степных курганах Северного Причерноморья (2 экз.) и Крыма (1 экз.). Заметно их явное количественное преобладание в Предкавказье (6 экз. в 6 пунктах). На Северном Кавказе известен лишь один наконечник из кургана Нартан. В Центральном Кавказе также встречены единичные находки – в погребениях Тлийского (1 экз.) и Самтаврского (1 экз.) могильников. Три наконечника найдены на территории крепости Кармир-Блур в Закавказье.

В пяти случаях вместе с костяными наконечниками луков была встречена античная керамика, которая позволила уточнить их датировку. Так, наиболее ранним, относящимся к 640–630 гг. до н. э. является костяной наконечник из кургана Темир-Гора (Копейкина 1972. С. 156). Наконечник из Новоалександровки может быть датирован по милетской амфоре концом VII – первой четвертью VI в. до н. э. (Задніков 2006. С. 106). Роговая заготовка из зольника № 13 из Западного Бельска найдена в заполнении ямы первой половины VI в. до н. э. (Задников 2014а), а наконечник из помещения № 9 зольника № 28 – в комплексе конца VII – первой четверти VI в. до н. э. (Задников 2013. С. 367). В погребении № 1, кургана 2 у с. Зеленый Лагерь встречены «обломки сероглиняного гончарного сосуда» (Лесков и др. 1971. С. 51), которые пока не определены.

В каждой выделенной группе костяных наконечников можно проследить несколько различных схем их моделировки. Так, в группе 1 выделяются навершия из Самтавро, Новозаведенного, Зеленого Лагеря и Темир-Горы, которые имеют продолговатую форму. На этих изделиях голова и клюв птицы расположены по линии втулки, практически на одной оси, при этом конец клюва не примыкает к голове птицы (ил. 3: *1–4*). Наконечники из Новоалександровки, Кореновского и Нартана выполнены по другой схеме. Голова птицы имеет круглую или подтреугольную форму. Массивный, свисающий клюв расположен по отношению к оси втулки под углом 45 градусов. Конец клюва соприкасается с головой птицы (ил. 3: *5–7*). При этом в целом форма основания навершия (головы птицы) из Нартана ближе к наконечникам из Новозаведенного и Самтавро (ил. 3: *2, 3, 6*).

Некоторые закономерности можно установить и во второй группе (ил. 4). Так, формы наконечников из Высочино, Дюнного и Дарьевки по внешним очертаниям довольно близки по таким признакам: линия клюва, его расположение по отношению к голове, к оси втулки, общие размеры (ил. 4: *1–3*).

Несомненно, близкие размеры и принцип моделировки имеют наконечники из Нивры и Залесья (ил. 4: *4, 5*). От других их отличает овальная форма рога и массивный короткий клюв, условно вписанный в круг. Довольно устойчивую форму имеют экземпляры из Тли и Тейшебаини (Кармир-Блура) (ил. 4: *6, 9–11*). Они вырезаны из заготовок подпрямоугольной или подовальной (вытянутой) формы, в которую вписаны клюв и глаз птицы, расположенные на одной оси с втулкой.

Близка к ним и форма наконечника из кургана Нижние Серогозы (ил. 4: *7*). Костяной предмет из кургана 1 Красного Знамени (южное погребение) заметно выпадает из данного ряда изделий, что еще раз свидетельствует о том, что он все-таки не имеет отношения к лукам.

Костяные наконечники луков из зольников Западного Бельска имеют свои особенности моделировки (ил. 1; 2). Их отличительными чертами можно считать вытянутые пропорции, круглую по форме голову птицы, клюв в форме овала, расположенный

на одной оси с втулкой. Некоторые близкие характеристики, на наш взгляд, имеют наконечники из Зеленого Лагеря и Темир-Горы (ил. 3: *1, 4*).

По сложности построения сюжетных элементов находка из зольника № 28 вполне укладывается в немногочисленную серию костяных наконечников I группы, найденных в шести погребальных комплексах раннескифского времени: Темир-Гора (Яковенко 1976. С. 237. Рис. 1); Зеленый Лагерь, курган 2, погребение № 1 (Leskov 1974. P. 55. Abb. 74); Новоалександровка, курган 8, погребение № 7 (Кореняко, Лукьяшко 1982. С. 155. Рис. 6, *2*); Новозаведенное-II, курган 13 (Петренко и др. 2000. С. 244. Рис. 5: *1*); Нартан, курган 6 (Батчаев 1985. С. 25, 50. Рис. 21, 23); Нижние Серогозы, курган 3, погребение № 5 (Браун 1906. С. 85. Рис. 6). Необходимо отметить, что только в этой группе наверший встречаются полнофигурные изображения животных, дополняющие основной образ хищной или рогатой птицы.

Композиционно наиболее близким бельскому экземпляру (ил. 1: *1*), как нам кажется, являются несколько наверший. Прежде всего, это наконечник из основного погребения кургана Темир-Гора (ил. 3: *1*). Близкие метрические характеристики и сходство в оформлении клюва имеет навершие из Новоалександровки (табл. 1; ил. 3: *5*). Данные предметы украшают изображения животных, дополняющие основное – голову хищной птицы с мощным клювом. Если принять высказанный в литературе тезис о том, что для оформления каждой категории предметов в скифском искусстве выбор образов животных не был случаен (Рябкова 2005), то для костяных наконечников можно также установить определенную закономерность. Можно согласиться с Т. В. Рябковой в том, что подбор образов животных диктовался смысловой нагрузкой, которую определял тот или иной зверь в общем текстовом контексте изображений на предмете (Там же. С. 50). Костяные навершия, украшающие основное оружие скифского воина – лук, мастера оформляли в образе хищной птицы, оснащая ее рогом барана. Таким образом, птица с мощным клювом превращалась в фантастическую бараноптицу (Артамонов 1968; Канторович 2012. С. 362). Хотя точнее было бы называть ее птицебараном или более принятым словосочетанием «рогатая птица». «Рог в данном случае играл роль нимба, указывая на то, что перед нами не просто орел – «царственная» птица, а существо более высокого ранга – «божественная» («священная») птица» (Андриенко 1999. С. 22, 23). Образ такого существа являлся воплощением «славы, удачи и победоносности героев» (Канторович 2010. С. 212). В качестве художественных элементов, несущих дополнительную смысловую нагрузку при оформлении концов луков, чаще всего подбирались образы пантеры и зайца. В единичных случаях изображали копытных или иные существа, однозначно идентифицировать которые сложно.

Уникальность бельского наконечника (ил. 1: *1*), на наш взгляд, кроме всего прочего, заключается в том, что на нем показано полнофигурное, почти реалистичное изображение зайца раннескифского времени, встреченное впервые в Северном Причерноморье[1]. Это в значительной степени может помочь в идентификации некоторых изображений на других изделиях раннескифской эпохи, которые, как правило, трактуются неоднозначно, вызывая разногласия в прочтении образа (Полидович, Вольная 2005. С. 415–420; Петренко и др. 2000. С. 245; Канторович 2007. С. 243).

[1] См. сводку изображений зайцев в скифском искусстве: Полидович, Вольная 2005. С. 433–435.

Так, теперь можно уверенно говорить, что на бронзовом навершии из кургана 476 у с. Волковцы в Днепровской Лесостепи (Ильинская 1968. С. 50. Табл. XXXVI, *13*; Галанина 1977. С. 38, 42. Табл. 21, *9*; Канторович 2007. С. 254. Рис. 5: *3*) часть рога оформлена в виде лежачего зайчика. Манера изображения образа этого зверька близка к той, в которой он подан на бельском наконечнике (ил. 2: *1, к*), к тому же на обоих предметах фигура зайца как бы имитирует бараний рог. Именно такой вариант трактовки данного образа был предложен В. А. Ильинской (Ильинская 1968. С. 50) и Л. К. Галаниной (Галанина 1977. С. 42), не исключал его и А. Р. Канторович (Канторович 2007. С. 243). Однако в довольно полную сводку собранных изображений зайцев, подготовленную Ю. Б. Полидовичем и Г. Н. Вольной (Полидович, Вольная 2005), он не попал.

По аналогии с Бельском можно также предположить, что на наконечнике из Темир-Горы (ил. 3: *1*), кроме вполне узнаваемой фигуры пантеры в основании клюва птицы и непосредственно на нем, резчик также изобразил голову зайца (ил. 3: *1*). Этого зверька с длинными ушами и характерными раздутыми ноздрями, возможно, мы можем видеть и на навершии из Новозаведенного (ил. 3: *2*). Согласно же иным трактовкам, животные с вытянутым туловищем, длинными ушами и ногами, выделенными ноздрями, изображенные на известных наконечниках луков, чаще всего определялись как копытные (Петренко и др. 2000. С. 244, 245; Канторович 2007. С. 243). Однако, по нашему мнению, четкость и понятность изображения зайца на наконечнике из Бельска и сюжетный контекст, в который оно вписано, снимет вопросы в трактовке этих спорных образов на раннескифских навершиях.

Образ пантеры более обычен и устойчив в раннескифском искусстве, он также часто присутствует в сложных изобразительных композициях, представленных на костяных наконечниках луков (ил. 2: *1, и*; 3: *1, 2, 5*). Классическим для раннескифского искусства принято считать изображение свернувшейся пантеры. На бельском экземпляре рельефная фигурка этого хищника вырезана на клюве птицы. Стиль передачи образа типичен для VII–VI в. до н. э. Можно лишь акцентировать внимание на форме завитка, которым обозначен нос (ил. 2: *1, и*). Подобным завитком показан нос пантеры, изображенной на костяной бутероли из Дарьевки (Ильинская 1975. С. 53. Табл. XXXIV, *3*).

Некоторые аналогии имеет и узор (ил. 1: *1, в*; 2: *1, в*), расположенный под клювом птицы на наконечнике из Бельска. Так, пояс плетенки в виде елочного орнамента, ограниченного рельефными валиками, обрамляет сюжетные изображения на известной келермесской секире (Галанина 1997. Табл. 10. С. 223, 224). Подобный узор хорошо читается и на костяном навершии (ил. 4: *6*) из Тлийского могильника (Техов 1980. С. 251. Рис. 21, *3*). На новоалександровском (Кореняко, Лукьяшко 1982. С. 155. Рис. 6, *2*) рисунок под клювом птицы несколько иной. Он оформлен в виде ромбов, ограниченных прочерченными линиями (ил. 3: *5*). На наконечнике из Темир-Горы в данном ракурсе геометрический узор отсутствует. Вертикальными рельефными валиками обозначена лишь окантовка (ил. 3: *1*). Таким образом, заметна общая тенденция в декоративном оформлении этой части подобных предметов.

Находка на одном поселении лесостепной Скифии сразу двух костяных наконечников луков, оформленных в стиле классического раннескифского искусства, заставляет задуматься и о месте их производства. Найденная в заполнении одной из хозяйственных

ям зольника № 13 заготовка костяного навершия в форме головы хищной птицы с бараньим рогом, конечно, указывает на то, что подобные предметы вполне могли изготовлять местные резчики по кости. Но в пределах Западного укрепления локализовать мастерские, связанные с косторезным или с каким-либо другим ремесленным производством пока не удается, хотя количество и ассортимент изделий, например, из кости и рога значителен. На многих из них заметны следы слома, вторичного использования, известно несколько заготовок. Например, одна из них была найдена в зольнике № 12 (Граков 1971. С. 159). При наших раскопках также обращали на себя внимание обрезки рогов, костей со следами резки, но они в небольших количествах распределялись по разным раскопам, так что пока невозможно выделить какие-либо конкретные комплексы или участки.

Более яркие следы производственной деятельности раннескифского периода на Бельском городище зафиксированы за пределами Западного укрепления, в урочище Царина Могила (территория Большого укрепления). Именно здесь, при вскрытии сравнительно небольшой площади, в пределах зольника № 1, в слоях первой половины VI в. до н. э. были обнаружены многочисленные обрезки оленьих рогов и заготовок для изготовления орудий и костяных псалиев, оформленных в зверином стиле (Мурзин и др. 1998. С. 23. Рис. 26–37; Мурзин и др. 2001. С. 38. Рис. 25*: 1, 2, 5*; 28: *3*; Черненко и др. 2005. С. 43. Рис. 22: *1–4*; 27: *1*; 28: *1, 2*; 29: *1, 2*). На этом же поселении зафиксированы хорошо выраженные следы бронзолитейного производства, открыт железоплавильный горн (Мурзин и др. 2001. С. 41, 42. Рис. 21, 33).

Представленные в кратких отчетах исследователей материалы раскопок убеждают, что не только простые, но и сложные, высокохудожественные костяные изделия выполнялись местными мастерами. Вполне вероятно, что наличие специализированных мастерских с профессиональными резчиками, изготовлявшими костяные изделия на высоком художественном уровне, может служить объяснением большого разнообразия их видов не только на Бельском городище, но и в целом на Левобережье Днепра.

Таким образом, полученные при раскопках Бельского городища новые материалы раннего периода развития поселения позволили не только расширить круг источников, но и по-иному взглянуть на некоторые моменты раннескифского искусства. Установленный вероятный диапазон бытования костяных наконечников, происходящих из зольников Западного Бельска, предварительно ограниченный первой половиной VI в. до н. э., определяет их хронологическую позицию не только на данном памятнике, но и на территории лесостепной Скифии в целом.

Новые находки на Бельском городище показали, что среди многочисленных костяных и роговых изделий раннескифского времени в отдельную категорию вполне определенно можно выделить детали луков – наконечники, служившие не только их декоративными окончаниями, но и, возможно, имевшие практическое значение.

Не менее важно подчеркнуть, что наконечники, обнаруженные в зольниках № 28 и 13 Западного Бельского городища, пока являются единственными, известными на памятниках Днепровской Левобережной лесостепи. К тому же можно считать доказанным их производство в мастерских Бельского городища.

Введенные в научный оборот новые предметы раннескифского искусства, несомненно, станут в дальнейшем объектом тщательного искусствоведческого анализа.

Андриенко 1999

Андриенко В. П. О находках изображений рогатых птиц на поселениях Ворсклы : хронология и семантика // Проблемы истории и археологии Украины : тез. докл. науч. конф. (Харьков, 21–23 октября 1999 г.) / ред. В. И. Кадеев. Харьков, 1999. С. 22, 23.

Артамонов 1968

Артамонов М. И. Происхождение скифского искусства // СА. 1968. № 4. С. 27–45.

Батчаев 1985

Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. / под ред. М. П. Абрамовой. Нальчик, 1985. С. 7–115.

Браун 1906

Браун Ф. А. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. // Известия императорской археологической комиссии. СПб., 1906. Вып. 19.

Галанина 1977

Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья : эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга // САИ. Д 1–33. М., 1977.

Галанина 1997

Галанина Л. К. Келермесские курганы : Царские погребения раннескифской эпохи. М., 1997.

Городцов 1911

Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 году // Труды XIV Археологического съезда. М., 1911. Т. 3. С. 93–161.

Граков 1971

Граков Б. Н. Скифы: научно-популярный очерк. М., 1971.

Задников 2009

Задников С. А. Раскопки зольника 13 в 2008 г. на Западном укреплении Бельского городища // Археологічні дослідження в Україні 2008. Київ, 2009. С. 50–52.

Задников 2013

Задников С. А. Античная керамика из землянок конца VII – первой четверти VI вв. до н. э. Западного Бельского городища // Боспорский феномен : греки и варвары на Евразийском перекрестке : мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2013. С. 366–371.

Задников 2014а

Задников С. А. Комплекс античных амфор первой половины VI в. до н. э. из ямы 11 зольника 13 Западного Бельского городища // Tyragetia : serie nouă. Chişinău, 2014. Vol. 8 (23). N 1. P. 253–265. (Arheologie. Istorie Antică).

Задников 2014б

Задников С. А. Клазоменские амфоры из жилищно-хозяйственных комплексов зольника № 13 Западного укрепления Бельского городища // Феномен Бельского городища – 2014 : зб. матеріалів наук. конф. Київ ; Полтава, 2014. С. 47–49.

Задников, Шрамко 2009

Задников С. А., Шрамко І. Б. Отчет о раскопках на Западном укреплении Бельского городища в 2008 г. (зольник 13) // Научный архив Музея археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Ф. 1. Оп. 2а. Д. 3. 150 л. Харьков, 2009.

Иванчик 2001

Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы : культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001.

Ильинская 1968

Ильинская В. А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья : курганы Посулья. Київ, 1968.

Ильинская 1975

Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин VII–VI вв. до н. э. Київ, 1975.

Ильинская, Тереножкин 1983

Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–III вв. до н. э. Київ, 1983.

Канторович 2007

Канторович А. Р. Истоки и вариации образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке : сб. памяти М. П. Абрамовой / ред. В. И. Козенкова ; В. Ю. Малашев. М., 2007. С. 235–257. (МИАР ; № 8).

Канторович 2010

Канторович А. Р. Истоки и вариации образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле в VII–VI вв. до н. э. // Изобразительное искусство в археологическом наследии : археологический альманах. Донецк, 2010. Вып. 21. С. 189–224.

Канторович 2012

Канторович А. Р. Проблема хронологии образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Культура степной Евразии и их взаимодействие с другими цивилизациями / ред. В. А. Алекшин и др. СПб., 2012. Кн. 2. С. 362–370.

Копейкина 1972

Копейкина Л. В. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ. 1972. № 1. С. 147–159

Кореняко, Лукьяшко 1982

Кореняко А. В., Лукьяшко С. И. Новые материалы раннескифского времени на Левобережье Нижнего Дона // СА. 1982. № 3. С. 149–164.

Лесков и др. 1971

Лесков А. М., Кубышев А. И., Румянцев А. Н., Болдин Я. И., Зарайская Н. П., Соловьева Н. А., Шаматрина Г. И., Шилов Ю. А., Ястребова С. Б. Отчет о работе Херсонской экспедиции ИА АН УССР в 1971 г. // НА ИА НАНУ. 1971. № 23.

Махортых и др. 2006

Махортых С. В., Ролле–Герц Р. А., Скорый С. А., Герц В. Ю., Белозер В. П. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2005. Київ, 2006.

Мурзин и др. 1998

Мурзин В. Ю., Ролле Р., Херц В., Махортых С., Белозер В. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1997. Київ, 1998.

Мурзин и др. 2001

Мурзин В. Ю., Ролле Р., Херц В., Скорый С. А., Махортых С. В., Белозер В. П. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2000. Київ, 2001.

Петренко 2006

Петренко В. Г. Краснознаменский могильник : элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М. ; Берлин ; Бордо, 2006.

Петренко и др. 2000

Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II //Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. : палеоэкология, антропология и археология / ред. В. И. Гуляев, В. С. Ольховский. М., 2000. С. 238–248.

Полидович 1994

Полидович Ю. Б. О мотиве свернувшегося хищника в скифском «зверином» стиле // РА. 1994. № 4. С. 63–78.

Полидович 2001

Полидович Ю. Б. К истокам скифского искусства: происхождение мотива свернувшегося хищника // РА. 2001. № 3. С. 25–34.

Полидович 2014

Полидович Ю. Б. Изображение свернувшегося хищника в декоре скифских мечей и их ножен // Феномен Більського городища – 2014 : зб. матеріалів наук. конф. / ред. О. Б. Супруненко. Київ ; Полтава, 2014. С. 112–115.

Полидович, Вольная 2005

Полидович Ю. Б., Вольная Г. Н. Образ зайца в скифском искусстве // Древности Евразии : от ранней бронзы до раннего средневековья / ред. В. И. Гуляев. М., 2005. С. 415–436.

Посегун 2009

Посегун А. А. Раскопки кургана Дюнный в Аксайском районе Ростовской области // Археологические записки. Ростов-н/Д., 2009. Вып. 6. С. 114–127.

Рябкова 2005

Рябкова Т. В. Образы звериного стиля в эпоху скифской архаики // АСГЭ. 2005. № 37. С. 42–67.

Рябкова 2012

Рябкова Т. В. Уздечные принадлежности скифского типа из Тейшебаини // Российский археологический ежегодник / ред. Л. Вишняцкий. СПб., 2012. № 2. С. 360–382.

Техов 1980

Техов Б. В. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э. М., 1980.

Черненко 1981

Черненко Е. В. Скифские лучники. Київ, 1981.

Черненко и др. 2004

Черненко Е. В., Ролле Р., Скорый С. А., Махортых С. В., Херц В., Белозер В. П. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2003. Київ, 2004.

Черненко и др. 2005

Черненко Е. В., Ролле–Герц Р. А., Скорый С. А., Махортых С. В., Герц В. Ю., Белозер В. П. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2004. Київ, 2005.

Шрамко 1987

Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи : город Гелон. Київ, 1987.

Шрамко 1995

Шрамко І. Б. Краткие итоги исследований на Западном укреплении Бельского городища в 1994 году // Полтавський археологічний збірник. № 3. Полтава, 1995. С. 66–71.

Шрамко 1997

Шрамко І. Б. Отчет о раскопках на Западном укреплении Бельского городища в 1996 г. // Научный архив Музея археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Ф. 1. Оп. 2. Д. 9. Харьков, 1997.

Шрамко 1999

Шрамко І. Б. Работы на Западном укреплении Бельского городища в 1995–1997 гг. // Древности 1997–1998. Харьков, 1999. С. 66–71.

Шрамко 2000

Шрамко І. Б. Некоторые итоги изучения зольника № 28 Западного укрепления Бельского городища // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецьк, 2000. С. 30, 31.

Шрамко 2005

Шрамко І. Б. Новые данные о наземных жилищах у населения Днепровской Лесостепи в скифскую эпоху // Древности. Харьков, 2005. С. 24–34.

Шрамко 2012

Шрамко І. Б. Зольники Западного Бельского городища : планиграфия и хронология // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. СПб., 2012. С. 168–172.

Шрамко, Новоченко 2013

Шрамко І. Б., Новоченко А. В. Конструктивные особенности земляночных жилищ последней четверти VII – первой четверти VI вв. до н. э. Западного Бельского городища // Боспорский феномен. СПб., 2013. С. 361–366.

Яковенко 1972

Яковенко Э. В. Курган на Темир-Горе // СА. 1972. № 3. С. 259–267.

Яковенко 1976

Яковенко Э. В. Древнейший памятник искусства скифов // СА. 1976. № 2. С. 236–240.

Бандрівський 1996

Бандрівський М. С. Про час появи найраніших зразків скіфського звіриного стилю на заході України // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996. С. 345–352.

Болтрик и др. 2012

Болтрик Ю. В., Ліфантій О. В., Шелехань О. В. Дослідження Северинівського городища // Археологічні дослідження в Україні 2011. Київ, 2012. С. 150–152.

Болтрик и др. 2014

Болтрик Ю. В., Ігначек М., Ліфантій О. В., Шелехань О. В. Пятий сезон досліджень Северинівського городища // Археологічні дослідження в Україні 2013 р. Київ, 2014. С. 96, 97.

Гавриш 2006

Гавриш П. Я. Основні підсумки дослідження поселища № 7 у Більському городищі // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2006. № 1. С. 11–20.

Задніков 2006

Задніков С. А. Мілетські тарні амфори в лісостеповому Дніпровському Лівобережжі : за матеріалами зольників № 5 та 28 Західного укріплення Більского городища // Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень). Київ, 2006. С. 105–115.

Задніков 2014

Задніков С. А. Античний керамічний імпорт на Більському городищі скіфського часу : автореф. дис. … канд. іст. наук. Київ, 2014.

Могилов 2008

Могилов О. Д. Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. Кам'янець-Подільський, 2008.

Шрамко 1996

Шрамко Б. А. Раскопки В. А. Городцова на Бельском городище в 1906 г. : по материалам коллекции ГИМ // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996. С. 29–54.

Шрамко 2004

Шрамко І. Б. О начальном периоде существования Бельского городища // Від Кіммерії до Сарматії. 60 років відділу скіфо-сарматської археології ІА НАНУ : матеріали Міжнар. наук. конф. Київ, 2004. С. 104, 105.

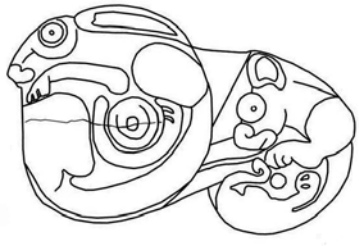
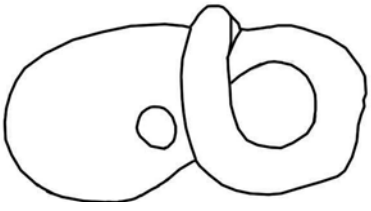
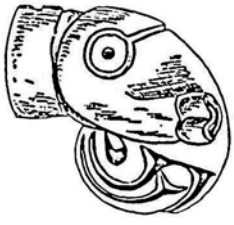
Шрамко 2006

Шрамко І. Б. Ранній період в історії геродотівського Гелону // Більське городище та його округа. Київ, 2006. С. 33–56.

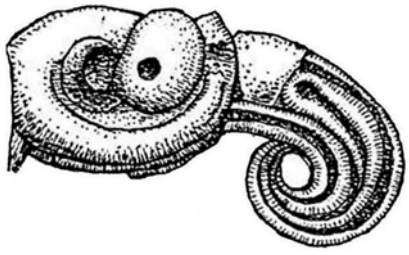
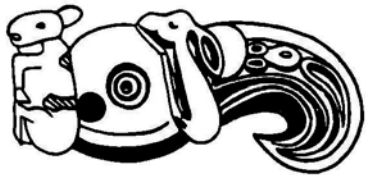
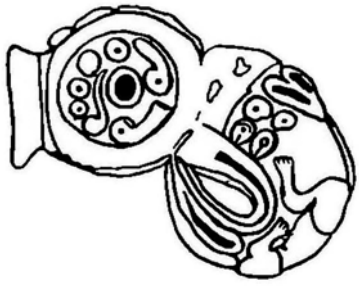
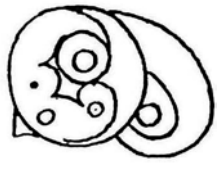
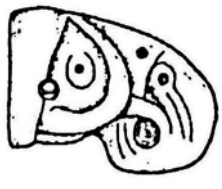
Leskov 1974

Leskov A. M. Die skythishe Kurgane // Antike Welt. 1974.

***Табл.* [1]. Костяные налучья**

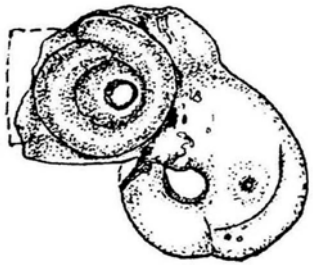
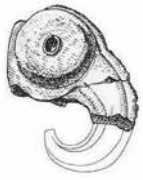
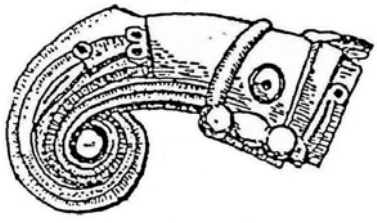
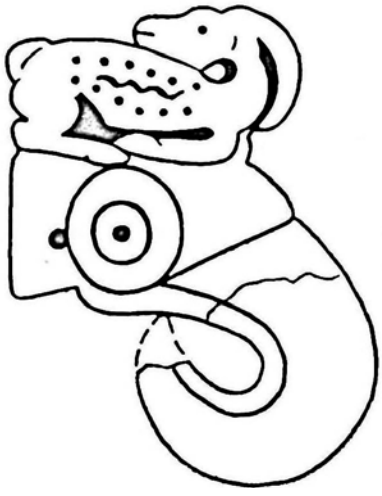
п/п	Изображение	Памятник, место находки	Контекст обнаружения предмета
1		Бельское городище, Западное укрепление, зольник № 28, помещение № 9	В заполнении жилища, на глубине 0,85 м
2		Бельское городище, Западное укрепление, зольник № 13, яма 11	В заполнении хозяйственной ямы, на глубине 3,10 м
3		ур. Дарьевка, курган 2	В литературе информации нет
4		с. Нивра, случайная находка	Случайная находка
5		Пос. Залесье, зольник, раскоп II	Квадрат 12, глубина 0,60 см

Длина (высота), см	**Ширина, см**	**Диаметр втулки, см**	**Основной образ**	**Дополнительные образы**	**Литература**
4,3	2,5	1,0	Рогатая птица	Заяц, Пантера	Шрамко 1997. С. 10
4,4	2,0	0,7	Рогатая птица	Заготовка	Задников, Шрамко 2009. С. 11. Рис. 63, *5*
3,0 (по рис.)	–	–	Хищная птица	?	Ильинская 1975. Табл. XXXIV, *4*
3,3	2,9	0,9	Рогатая птица	Нет	Бандрівський 1996. С. 346. Рис. 1, *1*
3,5	–	–	Рогатая птица	Нет	Могилов 2008. С. 29. Рис. 56, *23*

п/п	Изображение	Памятник, место находки	Контекст обнаружения предмета
6		с. Зеленый Лагерь (Семеновка), курган 2, погребение № 1	Слева от костяка, на уровне плеч вместе с десятью двухлопастными наконечниками стрел и обломками сероглиняного гончарного сосуда
7		с. Нижние Серогозы, курган 3, погребение № 5	У левой руки на остатках истлевшей кожи: полый наконечник в виде полой головки из кости, медный и костяной наконечники, костяная пуговица
8		Курган Темир-Гора, основное погребение	Возле левой руки – костяное налучье, колчанная застежка, бронзовые наконечники стрел, костяные цилиндрические столбики, составные части древков стрел
9		Мог. Новоалександровка, курган 7, погребение № 8	Справа, возле бедра – футляр, с наконечниками стрел, костяными столбиками возле правого локтя – налучье
10		Мог. Высочино I, курган 6, погребение № 4	За спиной пятно древесного тлена на котором найдены: железный колчанный крючок, зооморфный наконечник, шесть грибовидных застежек
11		Мог. Дюнный, погребение № 22	У левого бедра – колчан с наконечниками стрел, костяные застежки (столбики ?), в районе левой руки – костяное навершие

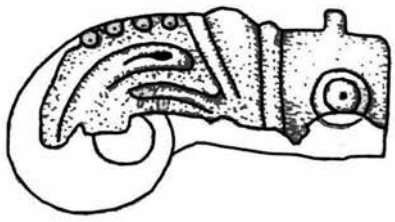
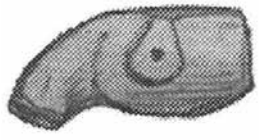
Продолжение

Длина (высота), см	**Ширина, см**	**Диаметр втулки, см**	**Основной образ**	**Дополнительные образы**	**Литература**
5,3	2,4–2,6	1,0–1,1	Рогатая птица	Нет	Leskov 1974. P. 55. Abb. 74; Лесков и др. 1971. С. 51
3,3 (по рис.)	–	–	Хищная птица	Нет	Браун 1906. С. 85. Рис. 6
4,8	2,0	1,2	Хищная птица	Заяц, Пантера	Яковенко 1972. С. 261; Яковенко 1976. С. 237, 238. Рис. 1, 2
4,0	2,0–2,9	1,7	Хищная птица	Пантера (на клюве) Пантера (в глазнице)	Кореняко, Лукьяшко 1982. С. 155. Рис. 6, *2*
3,0	1,8	1,0	Рогатая птица	Пантера (?)	Кореняко, Лукьяшко 1982. С. 150. Рис. 2, *2*; Канторович 2010. С. 2010. С. 215. Рис. 19: *7*
2,7	1,7	0,9	Рогатая птица	Нет	Посегун 2009. С. 121. Рис. 9, *34*

п/п	Изображение	Памятник, место находки	Контекст обнаружения предмета
12		Мог. Кореновский-VII, курган 2, погребение № 1	В литературе информации нет
13		Мог. Красное Знамя, курган 1, южная гробница	Недалеко от наконечников стрел, на некотором расстоянии от скопления псалиев, удил и пронизи для перекрестных ремней (см.: Петренко 2006, С. 28, Табл. 14, № 44–48, 51–58, 50–63)
14		Мог. Новозаведенное-II, курган 13	В литературе информации нет
15		Мог. Нартан, курган 6	В юго-восточном углу, компактно лежали кусочек реальгара, костяная ложечка и два зооморфных навершия

Продолжение

Длина (высота), см	**Ширина, см**	**Диаметр втулки, см**	**Основной образ**	**Дополнительные образы**	**Литература**
3,9 (по рис.)	–	0,9	Рогатая птица	Нет	Рябкова 2005. С. 45. Ил. 1, *7*
1,8	–	1,0	Хищная птица	Нет	Петренко 2006. С. 64. Табл. 55; 105, *4*. Кат. 76
4,0	1,7	?	Рогатая птица	Заяц (?), Пантера (?)	Петренко и др. 2000. С. 244. Рис. 5, *1*
4,9 (по рис.)	–	–	Хищная птица	Олень	Батчаев 1985. С. 25. Табл. 21, 23

п/п	Изображение	Памятник, место находки	Контекст обнаружения предмета
16		Мог. Тли, погребение № 216	За спиной погребенного, недалеко от удил и наконечника копья, около секиры и бронзовых деталей конской узды
17		Мог. Самтавро, погребение № 106	?
18		Тейшебаини (Кармир-Блур), центральная часть цитадели, помещение № 63	В комнате – «обломки керамики, бронзовых и железных изделий, резной кости и бус»
19		Тейшебаини (Кармир-Блур), северо-западная часть цитадели, помещение VII	«В юго-западном углу помещения VII – костяная втулка в виде головы грифона, 10 бронзовых и 5 железных наконечников стрел (скифских типа)»
20		Тейшебаини (Кармир-Блур), северо-западная часть цитадели, помещение XXV	«Найдено – костяное навершие, маленький сосудик, железный серп, обломок днища красной лощеной чашки с выцарапанным знаком, раковны каури, каменная чаша»

Окончание

Длина (высота), см	**Ширина, см**	**Диаметр втулки, см**	**Основной образ**	**Дополнительные образы**	**Литература**
2,9 (по рис.)	–	–	Хищная птица	Нет	Техов 1980. С. 40. Рис. 17
4,6 (по рис.); 4,8 (по зарисовке из личного архива Б. А. Шрамко)	–	–	Рогатая (?) птица	Нет	Петренко и др. 2000. С. 244. Рис. 5, *4*
3,2 (по рис.)	–	–	Хищная птица	Нет	Рябкова 2012. С. 372, 373. Табл. 1, № 21
3,0 (по рис.)	–	–	Хищная птица	Нет	Рябкова 2012. С. 372, 373. Табл. 1, № 22
3,7 (по рис.)	–	–	Хищная птица	Нет	Рябкова 2012. С. 372, 373. Табл. 1, № 26

П. И. Шульга, Д. П. Шульга

МОГИЛЬНИК САЭНСАИ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У Г. УРУМЧИ (СИНЬЦЗЯН, КИТАЙ)[1]

Территория Синьцзяна в археологическом отношении еще слабо изучена, а потому довольно часто обнаруживаются памятники с особыми, ранее не встречавшимися характеристиками, но имеющими аналогии с отдаленными территориями. К таковым относятся могильники Цзяохэ Гоубэй и Саэнсаи, расположенные в районе городов Турфана и Урумчи. Первый демонстрирует близость к пазырыкской культуре Горного Алтая, а второй – к тасмолинской культуре Центрального Казахстана. Недавно материалы Цзяохэ Гоубэй были подробно изданы в России (Шульга 2010), но могильник Саэнсаи остается фактически вне поля зрения русскоязычных исследователей по причине языкового барьера. Поэтому основной целью данной публикации является введение материалов этого памятника в научный оборот.

Могильник Саэнсаи располагается в 68 км к юго-востоку от города Урумчи, к югу от села Баньфангоу в урочище Саэнсаи на наклонной террасе, ограниченной с востока р. Урумчи, а с запада – склонами Тянь-Шаня (ил. 1). В 1988 г. на площади около 650 × 700 м было обнаружено около 200 разновременных подкурганных захоронений, располагавшихся тремя цепочками. Авторы публикации в китайском журнале (Саэнсаи 2010. С. 1–24) выделяют три вида курганов: 1) с кольцами из камней по периметру насыпи; 2) округлые в плане каменные насыпи; 3) насыпи с бессистемной наброской. Существенные различия имелись и в устройстве могильных ям. В большинстве курганов зафиксированы ямы с отвесными стенками, где преобладали захоронения без видимых конструкций. Помимо этого выявлены погребения в ящиках из плит или в обкладке из валунов. Встречались также захоронения в подбоях, устроенных с одной из длинных сторон могилы. Все это вполне естественно для могильника, где совершались захоронения с эпохи бронзы (?) до Средневековья. В восьми опубликованных курганах раннескифского времени столь значимых различий в погребальном обряде нет, и комплексы могут быть отнесены к одной культурной группе. Авторы публикации материалов могильника не приводят количество исследованных курганов по эпохам, отсутствует и план могильника. Имеется лишь указание, что такого типа курганы располагались в восточной, центральной, северной и южной частях могильника (Саэнсаи 2010. С. 2). Сколько их было всего и как они располагались относительно друг друга не ясно. По всей видимости, погребения скифского времени были исследованы более подробно, но по каким-то

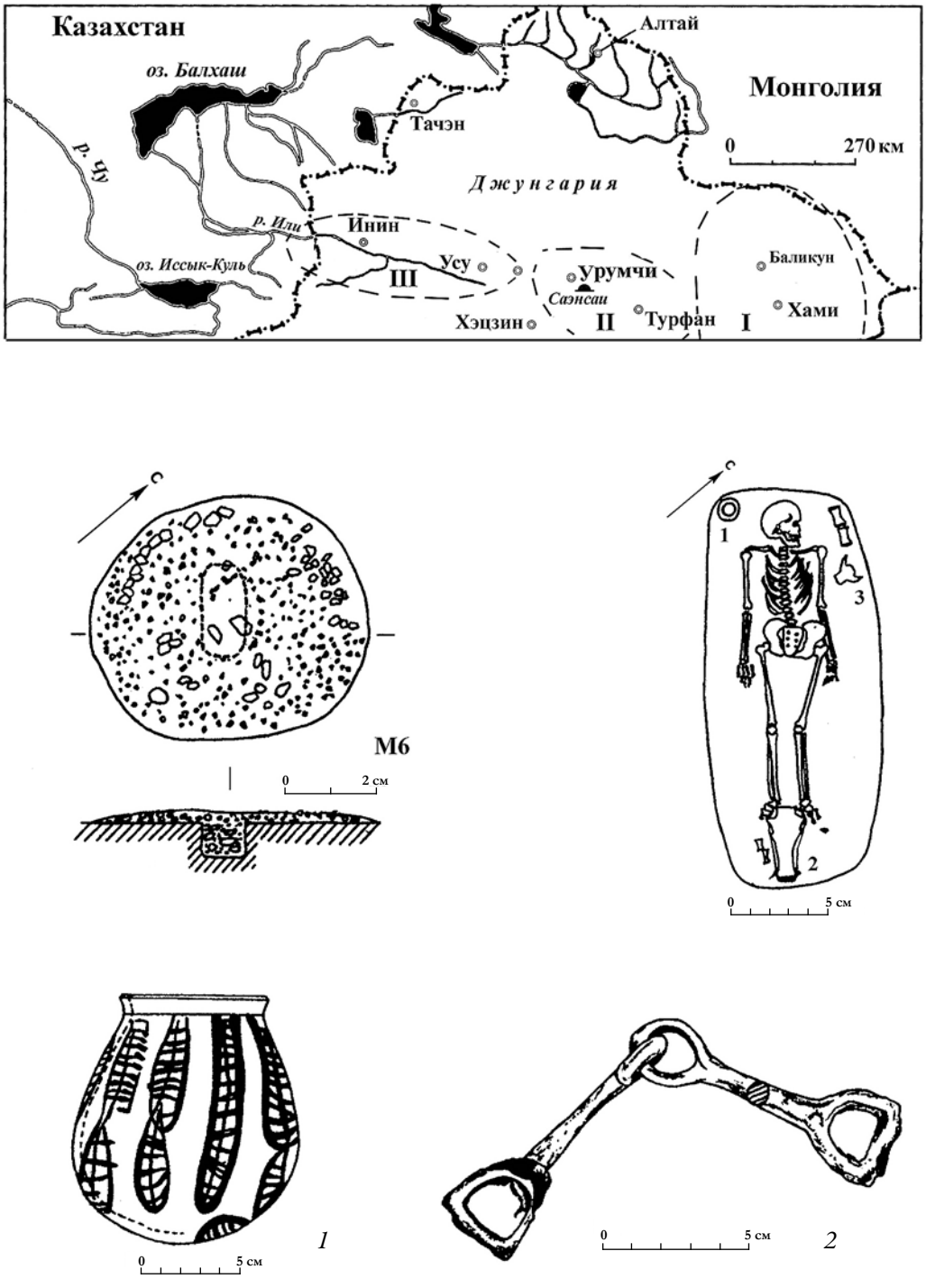
[1] Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

причинам данные не были опубликованы, в том числе по курганам М1, М76 и М106, в которых были найдены наконечники стрел и зеркало с бортиком достоверно раннескифского времени. Вероятно, отбор в указанную группу из восьми курганов производился на основе сходства погребального обряда.

У пяти из восьми опубликованных курганов раннескифского времени насыпь состояла из округлой каменной выкладки по центру диаметром 6,0–9,0 м и расположенного по периметру кольца из камней диаметром 10,5–14,5 м (ил. 3–5; 7). Пространство между кольцом и кладкой было заполнено грунтом с мелким щебнем. Высота сложенной из камней центральной части насыпи колебалась от 0,5 до 0,7–0,8 м, а высота насыпи (вместе с камнями колец) на периферии составляла всего 0,1–0,3 м. Можно было бы предположить, что низкие кольца по периметру изначально были и у курганов М6 и М14, но их не заметили в ходе раскопок. Однако этому противоречит их малая высота (всего 0,3 м), поскольку такие же по диаметру насыпи у курганов с кольцами по периметру имели вдвое большую высоту. В остальных случаях высота насыпей соотносилась с их диаметром, то есть чем больше был диаметр кургана, тем больше была его высота. Размеры могил коррелировали с диаметрами насыпей не столь однозначно. Большая часть могил имела стандартную для рядовых захоронений раннескифского времени длину – около 2,3 м. Такой же была длина могилы в кургане М22, расширенная для размещения восьми умерших (ил. 3). Глубина их составляла от 0,8–0,9 до 1,4 м. В наиболее крупных курганах М113 и М102 могилы соответственно имели длину 3,2 и 3,7 м при глубине 3,0 м. Обе они имели достаточно сложные внутримогильные конструкции с использованием камня (ил. 4; 6). Количество погребенных в могилах существенно различалось: чаще хоронили по одному человеку (четыре могилы); в двух случаях – по два; а в курганах М14 и М22 было погребено соответственно три и восемь человек (ил. 2; 3). Подавляющее большинство умерших захоранивали в положении на спине вытянуто, головой на З–СЗ (около 300 градусов).

Характерной чертой погребального обряда в Саэнсаи является наличие черепов и костей жертвенных животных – лошадей и мелкого рогатого скота. Как правило, с левой стороны в изголовье или вдоль тела умершего помещались головы мелкого рогатого скота, в том числе коз, обращенных лицевой частью на В–ЮВ, к ногам погребенного. Между пяточными костями человека или рядом укладывался череп взнузданной лошади с удилами в зубах. Черепа лошадей ориентировались лицевой частью, как и черепа мелкого рогатого скота, в противоположную человеку сторону, то есть на В–ЮВ. С одним человеком могли помещать до трех черепов мелкого рогатого скота и один череп лошади. Несколько иначе и в большем количестве кости животных располагались в большой могиле кургана М113, содержавшей женское погребение, где было помещено три черепа лошади, а у левого плеча погребенной дополнительно находились ребра лошади и нож, вероятно, первоначально лежавшие на деревянном блюде (ил. 6). В кургане М14 найдено наибольшее количество костей животных – четыре черепа лошадей и одиннадцать черепов мелкого рогатого скота.

Немногочисленный инвентарь располагался в могилах следующим образом: сосуды обычно ставились в головах; ножи находились в районе пояса; наконечники стрел – с внешней стороны правой ноги; детали конского снаряжения (удила, псалий и распределители) за единичным исключением (курган М113) находились с черепами лошадей.



Ил. 1. Схема расположения могильника Саэнсаи. Могильник Саэнсаи. Материалы кургана М6

1 – керамика; *2* – бронза. Прорисовка П. И. Шульги

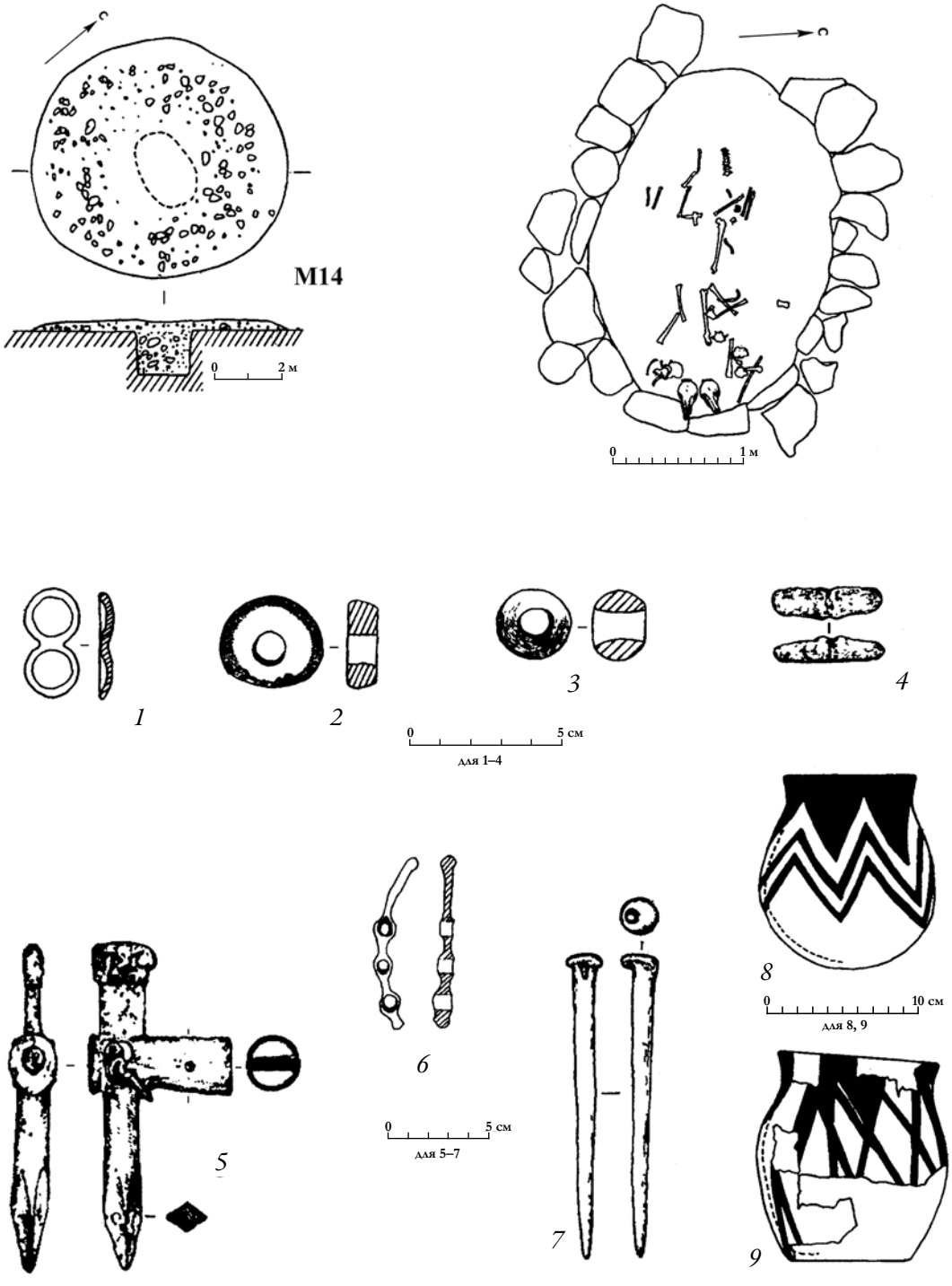
Курган М6 (ил. 1) представлял собой округлую каменную насыпь, посередине которой располагались крупные гальки, а по краям – относительно небольшие. По западному краю насыпи камни уложены более аккуратно. Диаметр насыпи 6,1 м, высота 0,3 м. В ее центральной части располагалась подпрямоугольная в плане могила с отвесными стенками длиной 2,2 м, шириной 0,92 м, глубиной 0,8 м. Внутримогильная конструкция не прослежена. На дне могилы лежал костяк взрослой женщины, уложенной на спину, вытянуто, головой почти на СЗ (305 градусов), лицом на север. Справа от ее черепа находился раскрашенный красной краской керамический сосуд высотой 13,0 см (ил. 1: *1*), а слева – «копыта» лошади (на плане могилы изображены две путовые кости. – *П. Ш., Д. Ш.*) и череп козы (?). У пяток человека располагался череп лошади, обращенный на ЮВ. По обе его стороны лежали «копыта». Во рту у лошади находились бронзовые удила со стремечковидными окончаниями общей длиной 17,4 см (ил. 1: *2*).

Курган М14 (ил. 2) представлял собой округлую насыпь из камней диаметром 8,0 м, высотой 0,3 м. В центре насыпи камней почти не было. Могила имела овальную в плане форму и ориентировалась по линии З–СЗ–В–ЮВ. В верхней части по периметру была обложена камнями. Длина могилы 2,5 м, ширина 1,5 м, глубина 1,4 м. Погребение сильно потревожено грабителями. Кости двух взрослых женщин и одного мужчины были разбросаны по всей камере и в заполнении могилы. Их положение не зафиксировано, но можно предполагать изначальную ориентацию умерших на З–СЗ (275 градусов). Судя по схематичному плану погребения, некоторые кости одного умершего мужчины (?) (часть позвоночника, лучевая и локтевая кости левой руки и левая бедренная кость) сохранили положение близкое к первоначальному. Если это так, то умерший располагался головой на З–СЗ, а в районе пояса у него лежал чекан рукоятью вниз. В заполнении могилы обнаружены черепа четырех лошадей и одиннадцать черепов мелкого рогатого скота. На плане могилы (ил. 2) два черепа мелкого рогатого скота выглядят непотревоженными, но это не так, поскольку один череп перекрывает находившуюся поверху обкладку могилы. К тому же, в юго-восточной части других могил находились только черепа лошадей. Внутримогильной конструкции не выявлено.

В могиле найдены: бронзовый втульчатый чекан длиной 16,3 см (ил. 2: *5*); бронзовый трехдырчатый псалий длиной 8,6 см (ил. 2: *6*); три плохо сохранившихся бронзовых распределителя (не опубликованы); бронзовая бляшка в виде двух соединенных выпуклых кружков (ил. 2: *1*); бронзовая игла плохой сохранности; каменная застежка (ил. 2: *4*); костяные «пряслица», две крупные «бусины» и костылек с отверстием для подвешивания (ил. 2: *2, 3, 7*), названный «шпилькой для волос»; два сосуда, расписанных красной краской (ил. 2: *8, 9*).

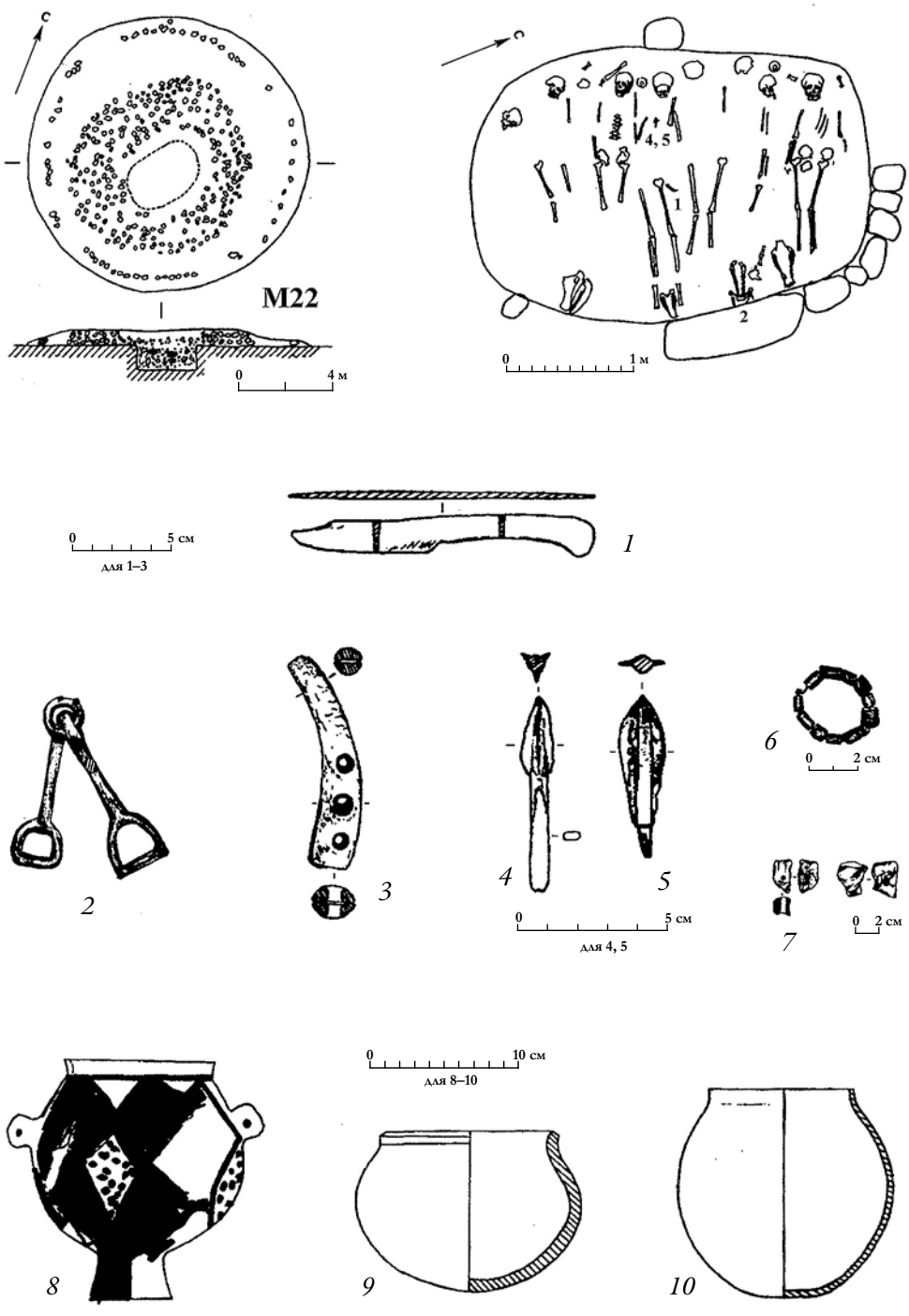
Курган М22 (ил. 3). Общий диаметр насыпи 13,0 м, высота 0,7 м. По периметру прослеживалось кольцо из небольших камней, в центральной части – каменная кладка диаметром около 7,0 м. В верхней части могилы местами зафиксирована обкладка из крупных камней. Могила имела стандартную для рядовых погребений длину (2,2 м) и глубину (1,5 м), но для размещения восьми умерших была расширена до 3,26 м. Заполнение могилы состояло из грунта с щебнем и камнями.

В могиле в ряд лежали костяки восьми человек в одинаковой позе на спине, вытянуто, головами на З–СЗ (290 градусов). Кости плохой сохранности, половая принадлежность не определена, но китайскими археологами сделано заключение, что умершие были молоды. У западной стенки могилы, на дне, у черепов умерших находилось три



Ил. 2. Могильник Саэнсаи. Материалы кургана М14

1, 5, 6 – бронза; *8, 9* – керамика; *2, 3, 7* – рог (кость); *4* – камень. Прорисовка П. И. Шульги



Ил. 3. Могильник Саэнсаи. Материалы кургана M22

1, 2, 4, 5 – бронза; *8–10* – керамика; *3, 7* – рог (кость); *7* – камень. Прорисовка П. И. Шульги

керамических сосуда (ил. 3: *8–10*), а у восточной стенки (у пяточных костей людей) – четыре черепа лошадей и один череп мелкого рогатого скота. У второго (если считать с севера) черепа лошади во рту зафиксированы роговой трехдырчатый псалий и бронзовые удила со стремечковидными окончаниями (ил. 3: *2, 3*). У пятого скелета в районе груди обнаружено два бронзовых наконечника стрел, а у его левой бедренной кости – бронзовый нож (ил. 3: *1, 4, 5*). При зачистке дна могилы обнаружено 14 каменных бусин (ил. 3: *6*). Помимо этого в могиле обнаружено два (?) астрагала (ил. 3: *7*).

Курган М31 (ил. 4). Диаметр насыпи 13,0 м, высота 0,5 м. По периметру прослеживалось кольцо из камней. В центральной части выделялась насыпь с дополнительным обводным кольцом диаметром 6,0 м. Пространство между большим и малым кольцами было заполнено мелким щебнем и лёссом. Могила расположена по центру кургана. Длина могилы 2,26 м, ширина 0,85 м, глубина 0,9 м. В заполнении мелкие рваные камни с грунтом. На дне могилы находился костяк взрослого мужчины, уложенного на спину, вытянуто, головой на СЗ (300 градусов). Вдоль левой руки находилось три черепа мелкого рогатого скота. Судя по форме рогов на плане могилы, это черепа коз. Справа у плечевой кости человека расчищен развал расписного сосуда (ил. 4: *А1*). В ногах находился череп лошади с бронзовыми удилами в зубах (ил. 4: *А2*). Вдоль правой ноги снаружи лежали шесть костяных наконечников стрел (ил. 4: *А3*), а также бронзовые шило и нож, от последнего сохранился фрагмент тонкого лезвия длиной 4,5 см.

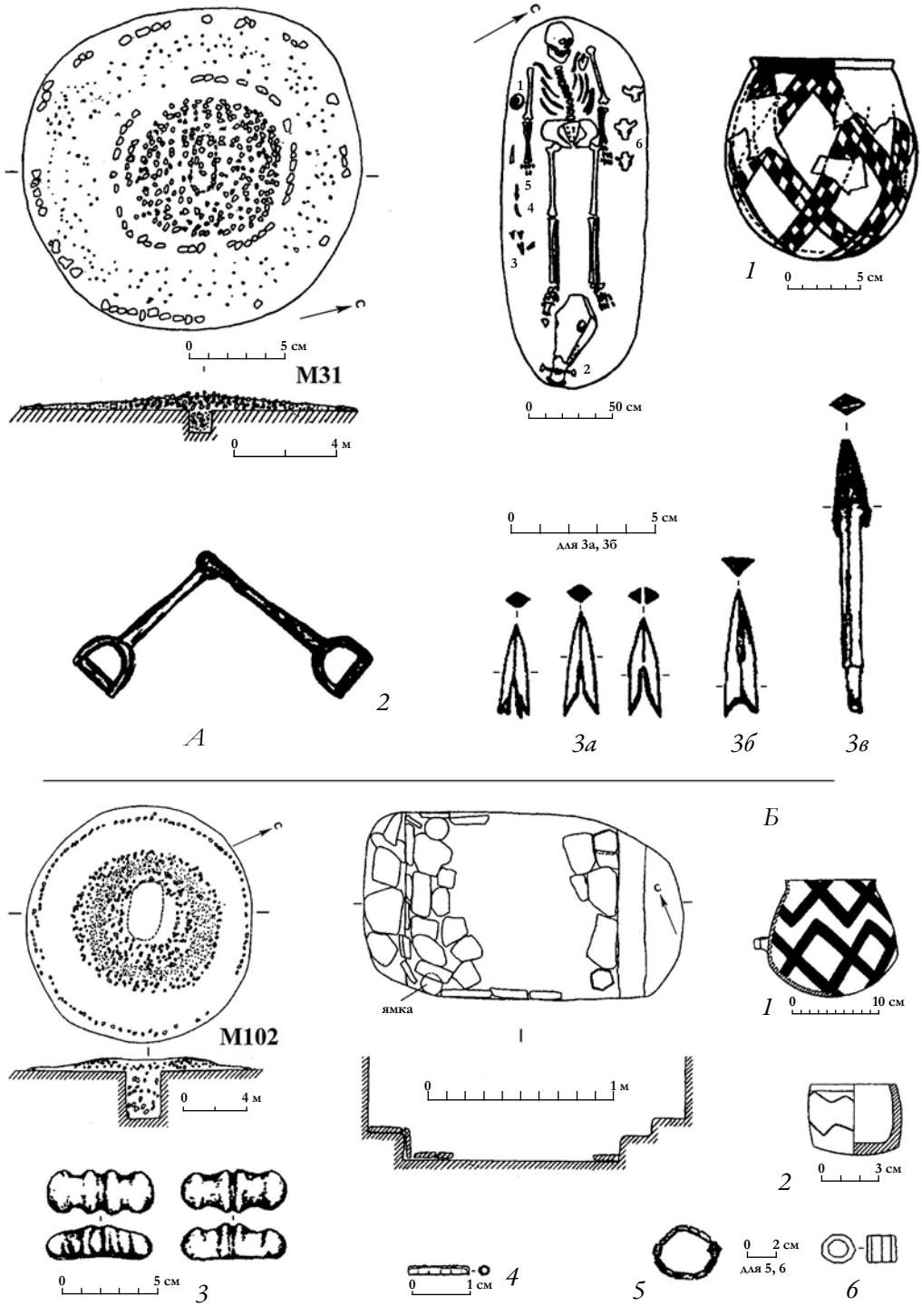
Курган М33 (ил. 5). Курган представлял собой округлую каменную насыпь диаметром 10,5 м и высотой 0,5 м. По периметру прослежено кольцо из камней диаметром 9,0 м. В центральной части выделялась насыпь диаметром 6,0 м с западиной. Длина могилы 2,25 м, ширина 1,4 м, глубина 1,1 м. В заполнении встречались мелкие рваные камни с грунтом. На дне могилы находился костяк взрослого мужчины головой на З–СЗ (280 градусов). Слева от черепа у стенки могилы рядом располагались череп мелкого рогатого скота и керамический сосуд (ил. 5: *4*). У правого колена с внешней стороны лежало 15 костяных наконечников стрел, а несколько выше – бронзовый нож с разрушенным коррозией лезвием (ил. 5: *1, 6–13*). Между пяточных костей находился череп лошади, рядом с которым обнаружены остатки каких-то бронзовых изделий, названных «ножами» (ил. 5: *2, 3*). Из могилы также происходит плоская бирюзовая бусина (ил. 5: *5*). Согласно описанию, ее диаметр составлял 0,8 см, а по линейному масштабу на рисунке он равен 3,0 см. Поскольку в этой и многих других археологических публикациях в Китае в подобных случаях ошибочным оказывается линейный масштаб, то верным следует считать первое значение. Костяные наконечники подразделены на четыре типа.

Тип 1. Опубликован один черешковый наконечник (количество не указано), трехгранный в сечении с двумя лопастями, заканчивающимися жальцами. Черешок относительно короткий. Длина наконечника 5,5 см (ил. 5: *6*).

Тип 2. Втульчатый наконечник длиной 2,0 см с ромбической в сечении головкой (ил. 5: *13*).

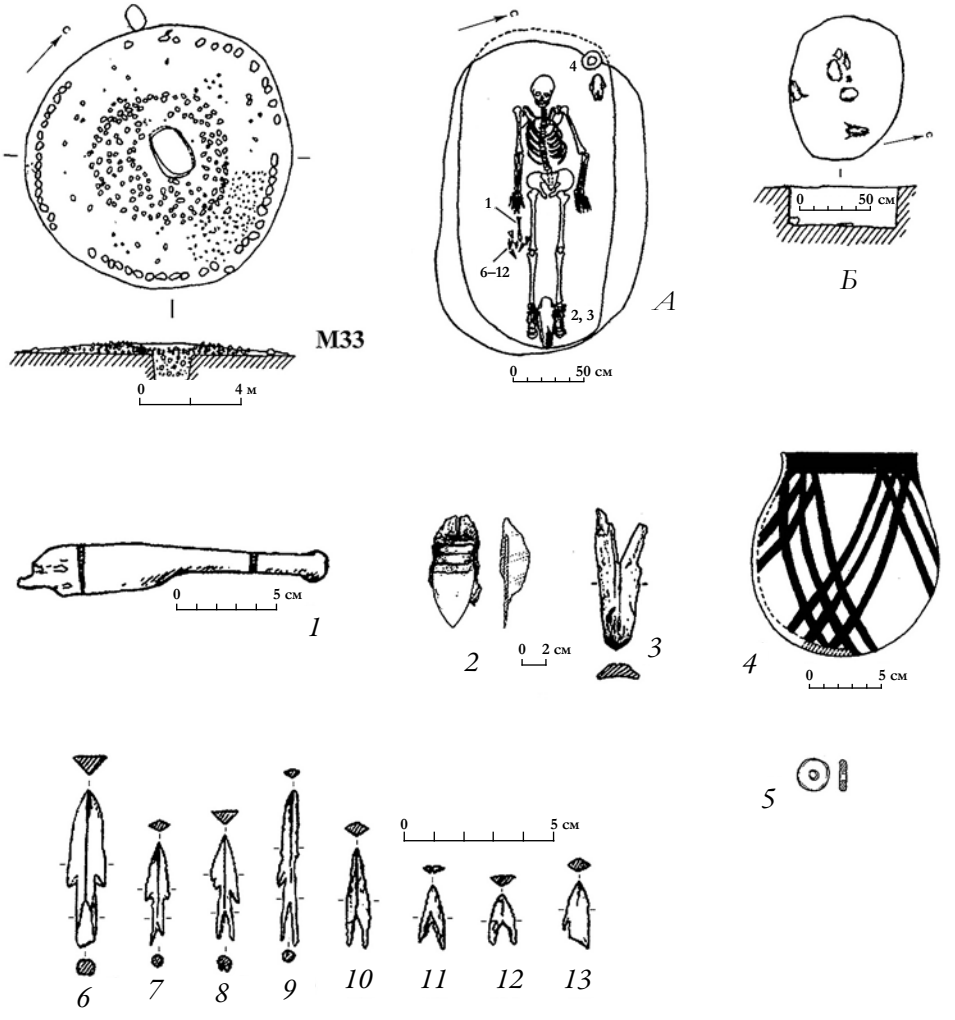
Тип 3. Наконечники, подобные наконечнику типа 1, но с раздвоенным черешком. Длина 3,5–5,3 см. Головки в сечении трехгранные и ромбические (опубликовано три экземпляра, но найдено, видимо, пять) (ил. 5: *7–9*).

Тип 4. Восемь наконечников с ромбическими в сечении головками с раздвоенным основанием. Длина от 4,0 см до 1,6 см (ил. 5: *10–12*).



Ил. 4. Могильник Саэнсаи. Материалы курганов М31 и М102

Б4 – золото; *А2* – бронза; *А1, Б1* – керамика; *А3, Б6* – рог (кость); *Б2, Б3, Б5* – камень. Прорисовка П. И. Шульги



Ил. 5. Могильник Саэнсаи. Материалы кургана М33

А – план захоронения, *Б* – план и разрез жертвенника.
1, 3 – бронза; *2* – бронза, дерево; *4* – керамика; *6–13* – рог (кость); *5* – камень.
Прорисовка П. И. Шульги

С северо-запада к насыпи кургана М33 примыкала маленькая выкладка, под которой находилась небольшая яма с четырьмя черепами мелкого рогатого скота. Судя по плану (ил. 5: *Б*), два черепа с рогами принадлежали козам. Яма имела овальную в плане форму и ориентировалась длинной осью как основная могила. Длина ямы 1,0 м, ширина 0,8 м, глубина 0,28 м.

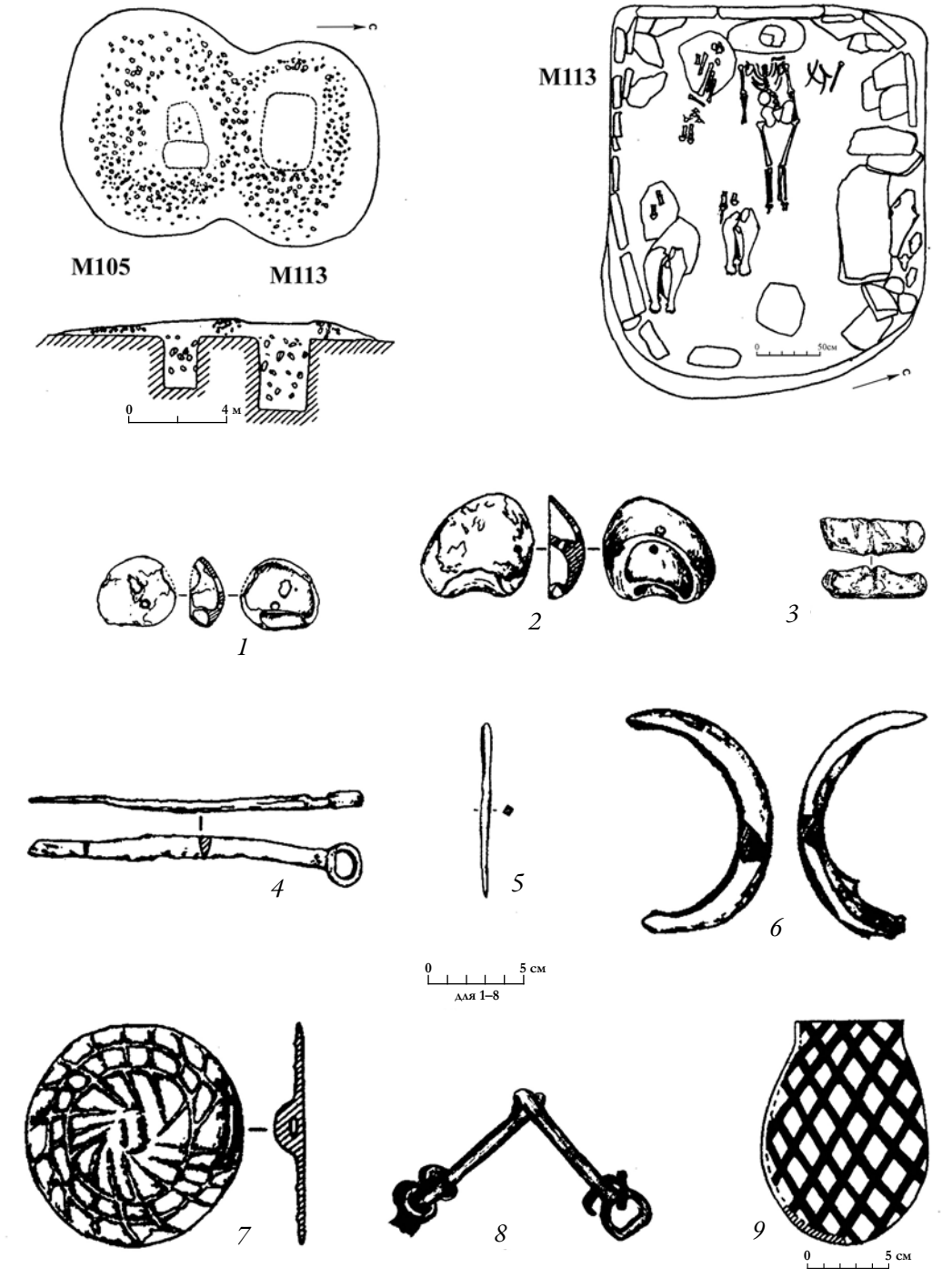
Курган М102 (ил. 4*Б*) отличался от рассмотренных выше курганов большими размерами. Диаметр по внешнему кольцу – 14,5 м, внутренней насыпи – 9,0 м, высота 0,8 м. Могила подпрямоугольная в плане с округлыми углами, ориентация З–СЗ–В–ЮВ. Длина могилы 3,7 м, ширина 2,1 м, глубина 3,0 м. В придонной части в торцовых стенках имелись уступы, вероятно, предназначенные под укладку не сохранившегося нижнего перекрытия. По углам могилы выявлены столбовые ямы диаметром и глубиной 30,0 см.

Очевидно, столбы предназначались для поддержания несохранившегося навеса. Уступы и частично дно обложены каменными плитками. В могильной камере находились беспорядочно разбросанные кости двух взрослых женщин. В заполнении могилы обнаружены череп лошади, два черепа мелкого рогатого скота, а также «копыта» лошади и кости конечностей мелкого рогатого скота. Данные о возможной ориентации умерших людей не приводятся. Предположительно, они ориентировались на З–СЗ (по длинной оси могилы 296 градусов), как и в других курганах. Из вещей сохранились фрагменты расписного керамического сосуда, миниатюрный каменный сосудик, трубочка из свернутого золотого листка длиной 1,1 см (ил. 4*Б*: *1, 2, 4*), две каменные трехжелобчатые застежки, гранчатая (граненая) костяная бусина и 14 отшлифованных каменных бусин, в том числе три бирюзовых и две агатовых (ил. 4*Б*: *3, 5, 6*).

Курган М113 (ил. 6). Курган в плане имел форму окружности диаметром 9,5 м, высотой 0,6 м. Южной полой курган смыкался с северной полой кургана М105. Вероятно, последний близок к кургану М113 культурно и хронологически, но в публикации он более не упоминается.

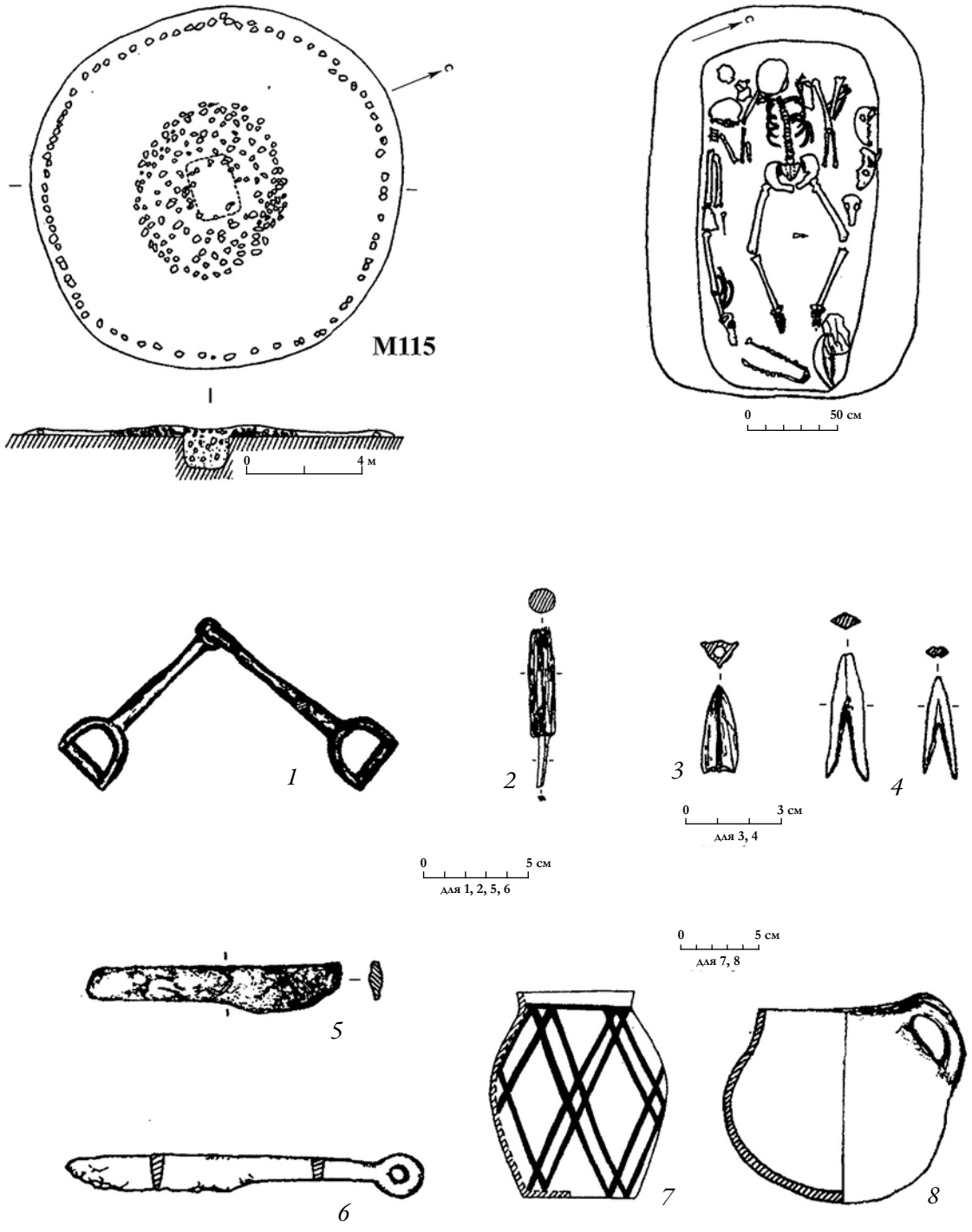
Могила имела отвесные стенки и подрямоугольную в плане форму, ориентирована по линии З–СЗ–В–ЮВ. Длина могилы 3,2 м, ширина 2,6 м, глубина 3,0 м. Дно и стенки были выложены каменными плитками. В могиле находился костяк взрослой женщины, уложенной на спину, вытянуто, головой на З–СЗ (290 градусов). Справа от черепа женщины находился керамический сосуд (ил. 6: *9*), бронзовая заколка (?) (не опубликована), а также кости мелкого рогатого скота и «копыта» лошади. С левой стороны находились бронзовый нож (ил. 6: *4*) и ребра лошади. В районе пояса лежали бронзовое зеркало, два клыка дикого кабана и бронзовые удила с остатками кожаных ремней для привязывания псалиев (ил. 6: *6–8*). Возможно, там же находилась и каменная застежка (ил. 6: *3*). У северо-восточного угла могилы на каменных плитах лежали обращенные на восток череп лошади и три черепа мелкого рогатого скота. В ногах женщины располагались еще два черепа лошадей с костями «копыт». Не исключено, что череп второй лошади у южной стенки относился к условному погребению (кенотафу) второй женщины, отмеченному крупной плитой и бронзовым шилом (ил. 6: *5*). В могиле также найдены две раковины с отверстиями в выпуклой части (ил. 6: *1, 2*).

Курган М115 (ил. 7). Насыпь кургана диаметром 13,0 м, высотой 0,4 м. По периметру имелось кольцо диаметром 12,0 м, а по центру – каменная кладка диаметром 6,0 м. Могила подпрямоугольная с постепенно сужающимися стенками, ориентирована по линии З–СЗ–В–ЮВ. Длина могилы 2,0 м, ширина 1,0 м, глубина 2,0 м, в заполнении мелкий щебень и лёсс. В могиле были захоронены два взрослых мужчины, ориентированных головами на З–СЗ (290 градусов). Один из них располагался в центральной части на спине в позе «всадника» с расставленными руками и ногами. Между бедренных костей обнаружено бронзовое шило с деревянной ручкой (ил. 7: *2*). Слева располагались два черепа мелкого рогатого скота и бронзовый нож с кольчатым навершием (ил. 7: *6*). Справа от черепа человека находился расписной плоскодонный сосуд и круглодонный сосуд с ручкой без орнаментации (ил. 7: *7, 8*). В районе пяток человека лежали части распавшегося черепа лошади с бронзовыми удилами во рту. Вплотную к южной стенке обнаружены останки второго погребенного, у пояса которого лежал второй бронзовый нож (ил. 7: *5*). В заполнении могилы найдены один бронзовый и два костяных наконечника стрел (ил. 7: *3, 4*).



Ил. 6. Могильник Саэнсаи. Материалы кургана M113

4, 5, 7 – бронза; *8* – бронза, кожа; *9* – керамика; *6* – клыки кабана; *3* – камень; *1, 2* – раковины. Прорисовка П. И. Шульги



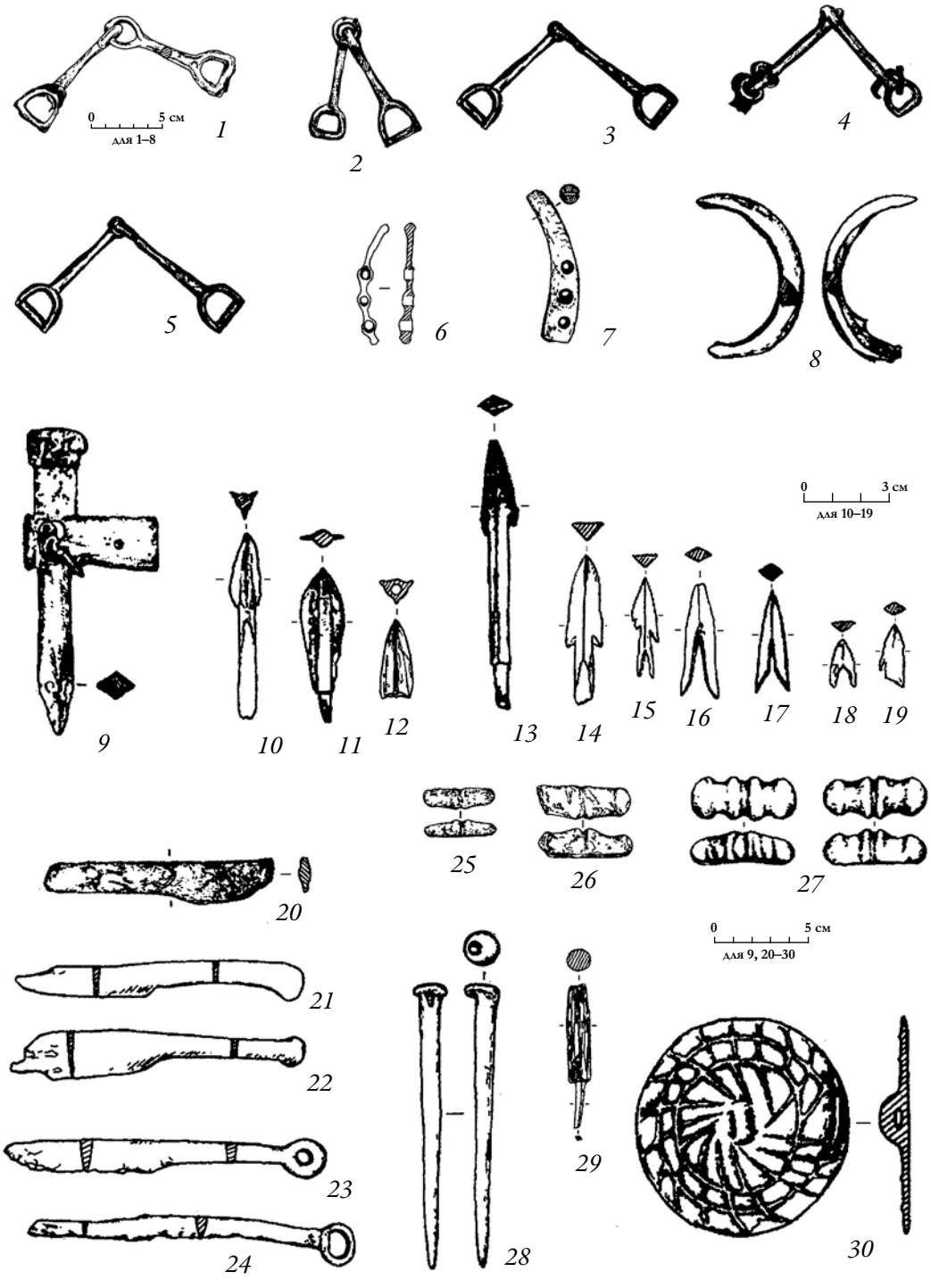
Ил. 7. Могильник Саэнсаи. Материалы кургана M115

1, 3, 5, 6 – бронза; *2* – бронза, дерево; *7, 8* – керамика; *4* – рог (кость).
Прорисовка П. И. Шульги

Описание инвентаря

Конское снаряжение. Представлено в шести из восьми погребений удилами, псалиями и распределителями. К конскому снаряжению могло относиться костяное «пряслице» (ил. 2: *2*), но назначение этой ворворки и изначальное положение в М14 не ясно, как и двух костяных бусин, часто украшавших в более позднее время ремни уздечки и нагрудника (ил. 2: *3*). В снаряжении лошади ранние кочевники могли использовать и желобчатые (трехжелобчатые) каменные застежки, но в Саэнсаи они, по всей видимости, относились к одежде женщин. За единичным исключением (М113) удила находились в челюстях лошади, а псалии и распределители лежали рядом. Очевидно, что на головах этих лошадей во время погребения были уздечки. В погребениях могло быть от одного до четырех черепов лошадей, но уздечка имелась только на одном из них, помещавшемся у пяточных костей мужчины или женщины. Достоверных деталей нагрудников и седел не найдено. Удила составляют пять комплектов, по одному в захоронении. Окончания у всех однотипные, характерной стремечковидной формы без выступов по сторонам. В М22 окончания имеют разную величину и отличаются по форме. Общая длина удил колеблется от 17,2 (М22) до 18,4 см (М115). Грызла в сечении округлые без рифления. Псалии представлены одним бронзовым экземпляром из ограбленной М14 и парой роговых – из М22 (ил. 8: *6, 7*). На наш взгляд, псалиями могут являться два крупных клыка кабана, найденные вместе с удилами в районе пояса женщины в М113 (ил. 8: *8*). Предположение основано на расположении клыков рядом с удилами, а также возможности использования их в качестве псалиев и без отверстий (Вишневская 1973. С. 53. Табл. 18: *21, 22*). Бронзовый псалий длиной 8,6 см, слабоизогнутый, трехдырчатый, округлый в сечении стержень на концах заканчивается шишечками. Отверстия смещены к одному концу и выделены кольчатыми вздутиями. В Синьцзяне пара очень похожих, но более крупных экземпляров происходит из западного памятника Тэмуликэ (Шульга 2010. С. 221. Рис. 75: *16*). Подобные псалии представлены и в Горном Алтае (Шульга 2008. С. 244. Рис. 52: *26–28*). Судя по опубликованному экземпляру, псалии из М22 были роговыми длиной около 11,0 см и имели изогнутую форму с тремя отверстиями, смещенными к расширенному концу (ил. 8: *7*). В М14 в состав набора с бронзовым псалием входили и распределители. Найдено три экземпляра плохой сохранности (не опубликованы) диаметрами по 1,5 см, высотой около 1,4 см. По описанию они имели цилиндрическую форму с четырьмя противопоставленными отверстиями. Щитки распределителей округлые, вероятно, близкие коническим (типа «китайской шляпы»). Внутри сохранились кожаные ремешки.

Оружие. Представлено в пяти погребениях бронзовым чеканом, бронзовыми и костяными (роговыми) наконечниками стрел. По всем данным, располагалось с мужчинами. Чекан общей длиной 16,3 см имел боёк, обушок и втулку диаметром до 2,8 см, с отверстием, в котором сохранился бронзовый штифт для фиксации рукояти (ил. 8: *9*). Внутри втулки сохранились остатки деревянной ручки. Острие бойка четырехгранное. На уплощенном обушке рельефное двустороннее изображение существа с крупной опущенной головой и подогнутыми ногами, заканчивающимися кольчатыми лапами. Хвост явно не выделен. Авторы публикации (Саэнсаи 2010. С. 8) назвали это существо лошадью, но это, несомненно, хищник. Судя по фотографии, он более всего напоминает



Ил. 8. Могильник Саэнсаи. Инвентарь

1–3, 5, 6, 9–12, 20–24, 30 – бронза; *4* – бронза, кожа; *29* – бронза, дерево; *7, 13–19, 28* – рог (кость); *8* – клыки кабана; *25–27* – камень. Прорисовка П. И. Шульги

медведя. На втулке с обеих сторон имеется рельефное изображение головы хищной птицы с большим выпуклым круглым глазом и коротким приоткрытым клювом. В месте пересечения втулки с бойком выступает «палочка».

Наконечники стрел обнаружены в четырех могилах: М22 (два бронзовых); М31 (шесть костяных); М33 (15 костяных); М115 (один бронзовый и два костяных). Всего 3 бронзовых и 23 костяных наконечника стрел. Еще 18 костяных и 6 бронзовых наконечников опубликованы без описания в виде фотографии на цветной вклейке. Таким образом, в Саэнсаи было найдено не менее 9 бронзовых и 41 костяного наконечников стрел. Бронзовые наконечники подразделяются на четыре типа: 1) крупный черешковый трехлопастный длиной 6,5 см из М22 (ил. 8: *10*); 2) шесть крупных черешковых трехгранно-трехлопастных наконечников из М1 (рисунки не опубликованы); 3) втульчатый двухлопастный наконечник длиной 4,3 см из М22 (ил. 8: *11*); 4) втульчатый трехлопастный наконечник длиной 2,6 см из М115 (ил. 8: *12*). Костяные наконечники с учетом опубликованных на фотографии из М76 могут быть подразделены на четыре типа.

Тип 1 – традиционные черешковые наконечники трехгранные или ромбические в сечении с двумя лопастями, заканчивающимися жальцами (ил. 8: *14*). Всего учтено 10 экземпляров, в том числе около восьми в М76. Длина наконечников варьирует примерно от 4,5 до 9,5 см. При этом длина головки и черешка примерно одинаковая.

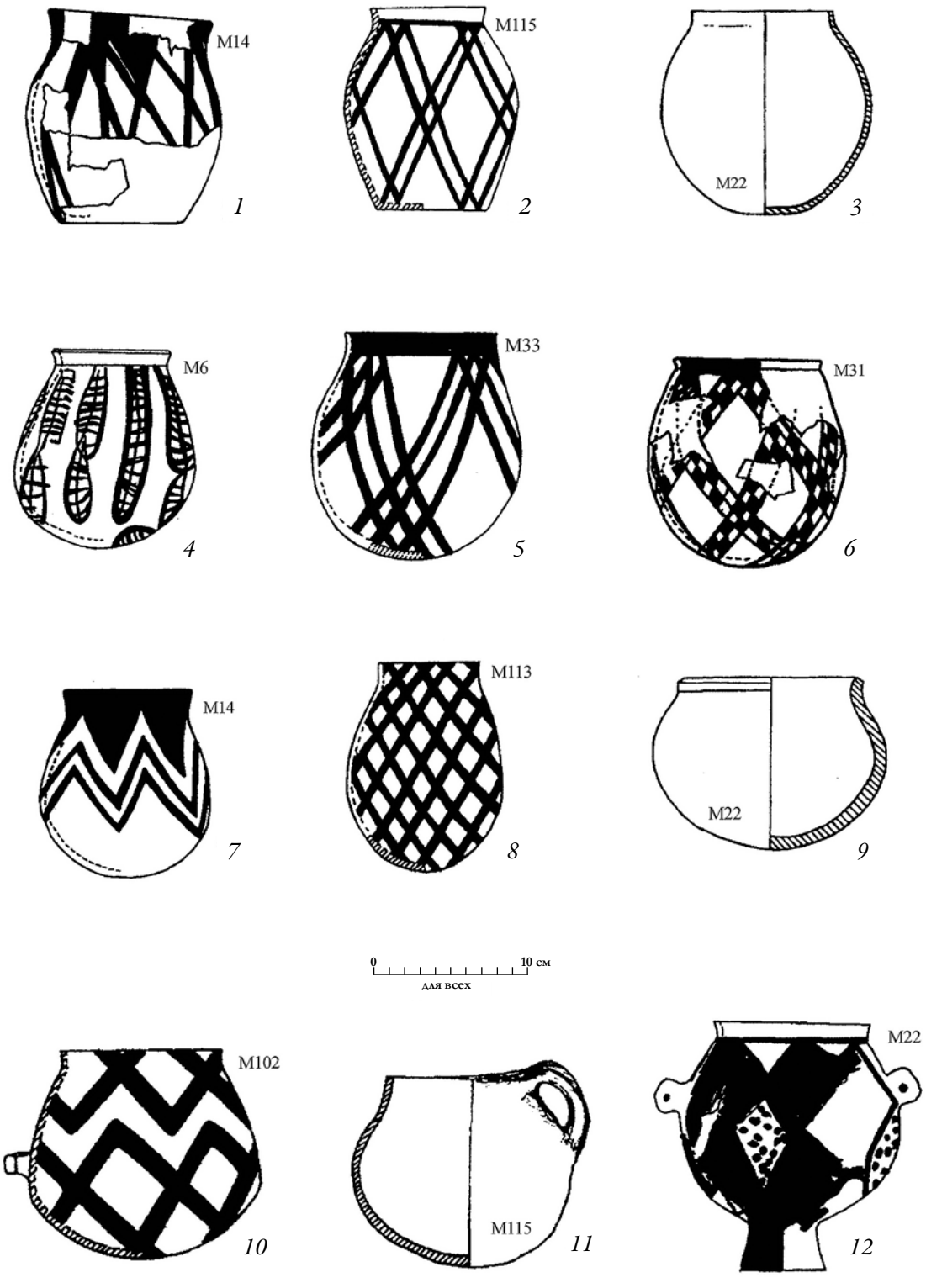
Тип 2 – подобны наконечникам типа 1, но с раздвоенным черешком. Достоверно зафиксированы в М33, где их было около пяти экземпляров. Длина 3,5–5,3 см (ил. 8: *15*).

Тип 3 – ромбические в сечении с раздвоенным основанием. Длина от 4,0 до 1,6 см (ил. 8: *16–18*). Обнаружено около восьми экземпляров в М31 и М33, а также не менее девяти экземпляров в М76.

Тип 4 – втульчатый ромбический в сечении наконечник с шипом (?) из М33 длиной 2,0 см (ил. 8: *19*).

Ножи. Всего найдено пять полноразмерных бронзовых ножей (ил. 8: *20–24*) и остатки ножа из М31. Помимо этого в М33 у черепа лошади было обнаружено еще два плохо сохранившихся бронзовых «ножа». Полноразмерные ножи в четырех случаях находились у пояса или у ноги мужчины, в том числе с оружием (М22, М33, возможно, М115). С женщиной нож обнаружен лишь в М113, где он располагался не у пояса, а сбоку, рядом с остатками жертвенной пищи (ребра лошади). Вполне вероятно, нож и мясо изначально лежали на несохранившемся деревянном блюде – характерная черта обрядности многих более поздних культур скифского времени. В необычном месте у черепа лошади найдены остатки двух «ножей» в М33 (ил. 5: *2, 3*). Полноразмерные ножи существенно различаются между собой. Вместе с тем почти все они имеют выделенную ручку, у двух – кольчатое навершие, у трех – несколько отогнутое вверх лезвие (ил. 8: *20–24*). Длина хорошо сохранившихся ножей от 15,5 (М22) до 17,5 (М115) и почти 20,0 см (М113). Возможно, к этой группе относился и один из ножей у черепа лошади из М33 (ил. 5: *3*), от которого сохранился фрагмент лезвия с острием длиной 6,0–7,0 см. Там же найдены остатки небольшого бронзового лезвия длиной около 4,8 см, примотанного ремешком к деревянной ручке (ил. 5: *2*).

Застежки. Изготовлены из камня белого цвета. Найдено четыре экземпляра в М14, М102 и М113 (ил. 8: *25–27*). Две из них длиной около 5,3–5,5 см имели характерную уплощенную форму, узкий желобок посередине и широкие желобки по обеим сторонам (ил. 8: *27*). У двух более простых застежек длиной 5,0 и 3,8 см желобки по сторонам



Ил. 9. Могильник Саэнсаи. Керамические сосуды. Прорисовка П. И. Шульги

выражены слабее. Из четырех каменных застежек одна обнаружена в неразграбленном погребении женщины из кургана М113, но местонахождение ее там не указано. В инвентаре мужчин такие изделия не отмечены. По-видимому, в Саэнсаи застежки относились к одежде женщин. Они могли использоваться как застежки или в качестве нефункциональных украшений, как это зафиксировано на Верхней Оби, где подобные каменные и бронзовые застежки входили в состав сложного украшения молодой женщины (Грязнов 1956. С. 59. Табл. 19: *1*). Аналогичные застежки в Синьцзяне авторам не известны, но одна конструктивно похожая трехжелобчатая застежка найдена на могильнике раннескифского времени Хабуцихань (Шульга 2010. Рис. 27: *15*).

Зеркала. Несомненный интерес представляет хорошо сохранившееся бронзовое зеркало из М113 диаметром 11,3 см, толщиной 0,3 см. По центру оборотной стороны имеется петелька с отверстием и спиралевидный орнамент в виде двух концентрических окружностей из валиков и также выделенных в рельефе линий (ил. 8: *30*). Зеркала с петелькой на обороте были широко распространены в раннескифское время, в том числе в Синьцзяне, но изделия с таким орнаментом не известны. В какой-то мере на экземпляр из Саэнсаи похожи зеркала из Чаухугоу-4 с изображениями свернувшихся хищников, тела которых по периметру выделены валиком и радиальными насечками (Шульга 2010. Рис. 81). По аналогии упомянем похожую орнаментацию на каменном пряслице из более позднего погребения каменской культуры на Верхней Оби (Шульга и др. 2009. С. 246. Рис. 46: *7*). Помимо зеркала из М113 на цветной вклейке материалов из Саэнсаи (Саэнсаи 2010) без масштаба помещена фотография зеркала с высоким бортиком и петелькой на обороте из М106. Подобные зеркала характерны для раннескифских памятников на обширной территории, в том числе в Синьцзяне (Шульга 2010. Рис. 81: *6–8*).

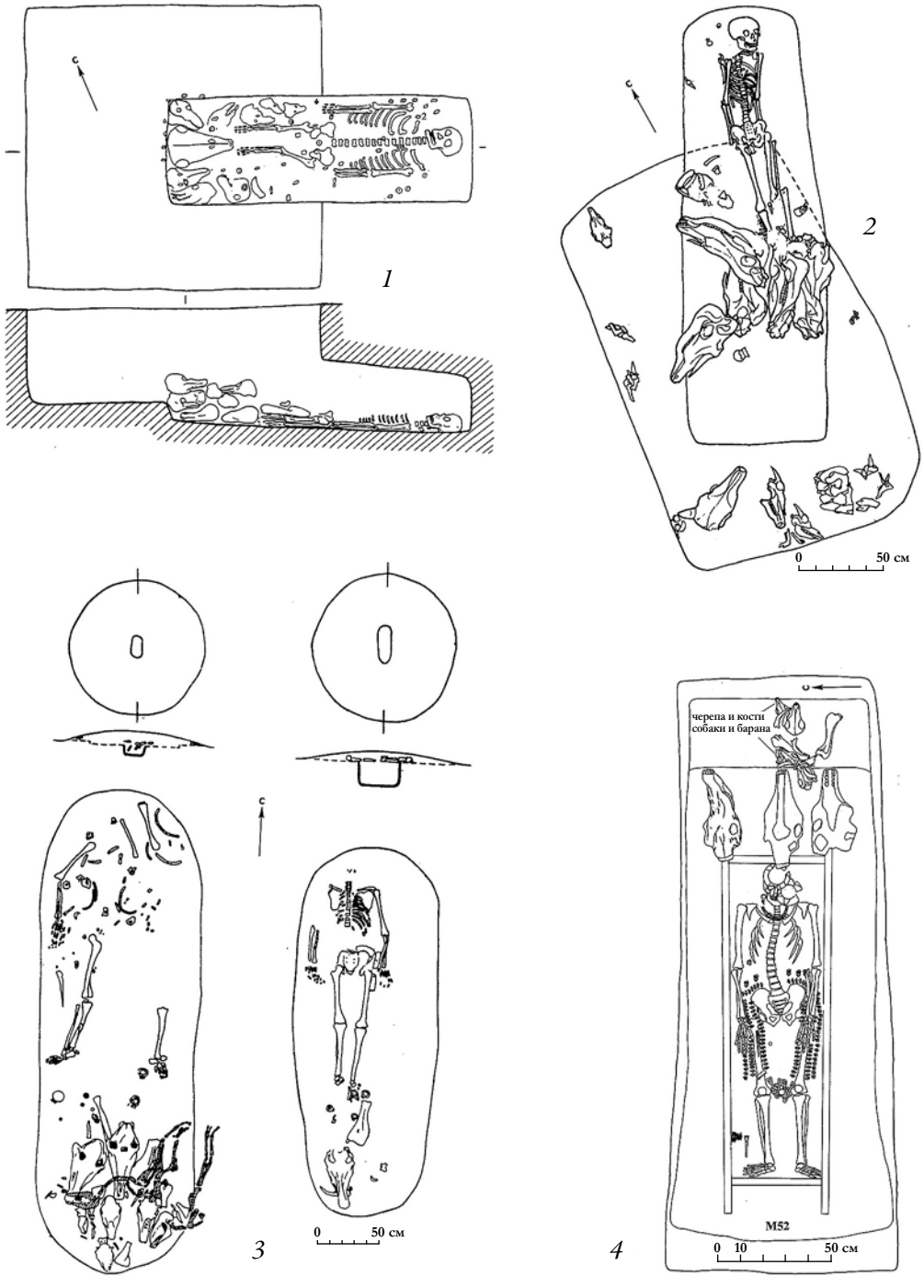
Керамика обнаружена во всех восьми опубликованных захоронениях. Всего найдено и отреставрировано 11 сосудов. Как правило, рядом с умершим помещался один сосуд, но если количество погребенных было больше двух, то сосуды могли ставиться не рядом с каждым. Так, в кургане М22 на восемь умерших приходилось три сосуда, а в кургане М14 на троих умерших – два сосуда. Керамика размещалась в головах, и в одном случае – у предплечья. Все сосуды ручной лепки, красноватого цвета с песком. Почти все они были расписаны красной краской от венчика до дна, в том числе один из сосудов в кургане М22, на котором «слабо прослеживалась роспись в виде сетки и ромбов» (Саэнсаи 2010. С. 11). На трех сосудах роспись не упоминается (ил. 9: *3, 9, 11*), но не исключено, что изначально она была. Преобладали орнаменты в виде ромбов и треугольников. Высота сосудов колеблется от 11,2 до 16,0 см, но у большинства она почти одинакова – 13,0–13,5 см. Шейки короткие, венчики немного отогнуты. Сосуды подразделяются на плоскодонные (2 экз.), круглодонные (8 экз.) и с поддоном (1 экз.). Из круглодонных два имели ручку или ручку-упор (ил. 9: *10*, *11*). Наиболее сложный в изготовлении сосуд с поддоном имел два дополнительных ушка с отверстиями (ил. 9: *12*). В ограбленном захоронении кургана М102 найден миниатюрный каменный сосудик, украшенный процарапанными линиями (ил. 4*Б*: *2*). Помимо вышеуказанных изделий отметим трубочку длиной 1,1 см из золотого листка (ил. 4*Б: 4*), немногочисленные каменные бусы в М22, М33 и М102, раковины в М113, шилья в М13 и М115 (ил. 8: *29*), а также два (?) плохо сохранившихся альчика с отверстиями (ил. 3: *7*).

Датировка и культурная принадлежность

Наличие сравнительно большого количества деталей конского снаряжения, предметов вооружения, ножей и зеркал позволяют уверенно отнести указанные погребения к раннескифскому времени. Судя по планиграфии и инвентарю, рассматриваемые курганы возводились почти по всей территории могильника несколькими родственными коллективами в течение значительного отрезка времени. Относительно ранние формы имеют «классические» стремечковидные окончания удил, трехжелобчатые застежки, втульчатый двухлопастной наконечник стрелы и ножи с отогнутым вверх лезвием. По принятым в настоящее время критериям они могли бытовать в VIII–VII вв. до н. э. Вместе с тем бронзовый и костяной псалии с близко расположенными и смещенными к одному концу отверстиями, а также втульчатый трехлопастной наконечник стрелы имеют аналогии только в поздних памятниках раннескифских культур Казахстана и Саяно-Алтая. Сравнительно поздними могут оказаться и неопубликованные уздечные распределители, если они имеют конический щиток. Многие вещи (ножи с кольчатым навершием, зеркала, крупные бронзовые черешковые наконечники) использовались в VII – начале VI в. до н. э. Следует добавить, что в некоторых погребениях Саэнсаи (М14, М22, М115) изделия с ранними и поздними чертами соседствуют. Не вносят ясности и своеобразные костяные наконечники стрел с раздвоенным черешком и с раздвоенным основанием (ил. 8: *15–18*). В целом, вышеупомянутые захоронения можно предварительно датировать в рамках второй половины VIII–VII вв. до н. э.

Культурная принадлежность указанных погребений в Саэнсаи китайскими авторами не определялась (Саэнсаи 2010), что вполне естественно, поскольку других подобных памятников из Синьцзяна не было известно. Группы людей, оставившие рассмотренные выше захоронения, существенно отличались в культурном отношении от известного местного населения того времени, принадлежащего культурам чауху, субэйси и другим. На это указывает специфический унифицированный погребальный обряд и вещевой комплекс. Исследованные в Саэнсаи захоронения подкурганные и располагались они на «относительно большом расстоянии» (Там же. С. 2) друг от друга, что резко отличает их от грунтовых могильников оседлого населения. Например, захоронения на могильниках культуры чауху устраивались оседлым населением последовательно, плотно друг к другу на протяжении столетий, и керамика в них отличалась особым разнообразием форм и орнаментации. Планировка курганов в Саэнсаи характерна для курганных могильников кочевников Казахстана, Южной Сибири раннего железного века. Такая планировка встречается и в Синьцзяне, в частности, на могильнике Цюньбакэ, где захоронения также устраивались под расположенными цепочками курганами, а керамика была представлена лишь несколькими формами (Шульга 2010. С. 44, 45, 108, 109).

Наиболее яркими чертами погребальной обрядности в Саэнсаи является захоронение человека на спине вытянуто головой в СЗ сектор в сопровождении взнузданной головы лошади со шкурой, уложенной у ног или между пяток, мордой в ЮВ сектор. Дополнительно сбоку от умершего помещались черепа мелкого рогатого скота, а в головах ставился керамический сосуд. Ближайшие аналогии с этим обрядом можно найти в тасмолинской культуре Центрального Казахстана, где погребенные в аналогичном положении ориентировались головой в СЗ или в С секторы. У ног человека (или между пяток)



Ил. 10. Погребения VII–VI вв. до н. э. с черепами жертвенных животных из Северного Китая (*1, 2, 4*) и Центрального Казахстана (*3*)

1, 2 – культура янлан (по У Энь, 2007); *3* – тасмолинская культура (по Кадырбаеву 1966. Рис. 20); *4* – культура юйхуанмяо (по Могильники в горах Цзюньдушань 2007). Прорисовка П. И. Шульги

укладывали черепа лошадей (иногда мелкого рогатого скота) со шкурами также мордами в противоположную сторону (ил. 10: *3*) (Кадырбаев 1966)[1]. Однако в тасмолинских погребениях раннескифского времени останки жертвенных животных могли располагаться иначе, не было коллективных погребений, керамика в погребения не ставилась, а инвентарь имел свои особенности.

Итак, в Саэнсаи обнаружена группа погребений, в которых зафиксирован погребальный обряд, близкий тасмолинским захоронениям раннескифского времени Центрального Казахстана. При этом они отличаются от всех других известных в Синьцзяне как по погребальному обряду, так и по инвентарю. Например, найденные в Саэнсаи однотипные удила не имеют аналогий с известными памятниками Синьцзяна, нет среди них и характерных для Синьцзяна окончаний с дополнительным внутренним колечком (Шульга 2010. Рис. 76). Из Саэнсаи происходят и почти не встречающиеся в Синьцзяне трехжелобчатые застежки (ил. 8: *25–27*), а также пока совсем неизвестные там костяные наконечники с раздвоенным черешком и раздвоенным основанием (ил. 8: *15–18*).

Вопрос о возможных восточных связях и контактах тасмолинской культуры поднимался неоднократно. Первоначально высказывались мнения о возможном перемещении тасмолинского населения в восточном направлении в Синьцзян и Ордос (Акишев 1973; Полосьмак 1990). Эта точка зрения подтверждения не получила. Затем появилось мнение о прямо противоположном движении племен – с востока на запад. А. Д. Таиров, на основе анализа палеоклимата восточной части Евразии и доступных ему археологических данных, предположил несколько миграционных волн «кочевых племен из Северного и Северо-Западного Китая и Монголии…» в IX в. до н. э. в Туву, Минусинскую котловину и далее на запад, а затем, около рубежа VIII–VII вв. до н. э. в степи Казахстана и Южного Урала через Джунгарские ворота и Восточный Казахстан (Таиров 2007. С. 34). Данная концепция также не подтверждается, хотя на первый взгляд захоронения культуры юйхуанмяо (VII–VI вв. до н. э.) и янлан (VI–IV вв. до н. э.) в Северном Китае во многом похожи на тасмолинские: в могилу помещался только один умерший на спине, вытянуто; как правило, умершие ориентировались головой в восточный сектор, но иногда встречается и северная ориентация; в заполнении могилы в головах, в ногах или вдоль тела человека располагались черепа и кости конечностей домашних животных, в том числе, лошадей (ил. 10: *1, 2, 4*); в тех же местах обычно укладывались кинжалы, ножи, стрелы, конское снаряжение и некоторые другие предметы. Однако никаких связей данных культур с тасмолинской культурой не было, как не было и заметных миграций. Погребальный обряд на севере Китая имел свои глубокие традиции. На территории от Забайкалья до Хуанхэ с эпохи поздней бронзы (бронзы карасукского облика) и в раннем железном веке существовала общность монголоидных народов, материальная и духовная культура которых существенно отличалась от обитавших к западу европеоидных народов, оставивших культуры сакского облика. До III–II вв. до н. э. эти народы почти не смешивались между собой,

[1] В настоящее время многие археологи рассматривают тасмолинскую культуру в расширенном понимании как тасмолинскую историко-этнографическую общность, занимавшую в VIII–VI вв. до н. э. территорию от Южного Урала до Иртыша и от южной кромки лесостепной зоны Западной Сибири до широты озера Балхаш. В пограничных районах тасмолинской историко-этнографической общности выделены локальные варианты: бобровско-тасмолинская в Южном Зауралье, улубаевско-тасмолинская в северо-казахстанском Приишимье (Хабдулина 2007).

а граница между ними проходила по центральной Монголии и западу Ганьсу. Западная Монголия, Тува, Алтай, Синьцзян и Казахстан относились к одному кругу культур сакского облика. Лишь на население Минусинской котловины восточные монголоиды оказывали значительное влияние, но оно не сопровождалось миграциями из Китая и Монголии, как предполагалось ранее (Киселев 1951. С. 115, 142, 143). На отсутствие заметных миграций с востока на запад в X–VII вв. до н. э. однозначно указывают как данные антропологии (Чикишева 2010; Чикишева 2011), так и практически полное отсутствие в указанных западных областях (в том числе и в Синьцзяне) характерного для восточной общности инвентаря. Сформировавшаяся в Центральном Казахстане тасмолинская культура раннескифского времени оказывала значительное влияние на культуру скотоводов от Урала до Алтая. Возможно, указанные погребения в Саэнсаи также оставлены потомками выходцев из Казахстана, или в северной части Синьцзяна (Джунгарии) параллельно существовала похожая культурная группа. Лежащая между Тянь-Шанем, Казахстаном и Саяно-Алтаем богатая памятниками территория Джунгарии пока почти не исследована, но очевидно, что она не была преградой для взаимных контактов. Так, обнаружение в могильнике Цзяохэ Гоубэй характерных черт пазырыкской культуры IV–III вв. до н. э. в погребальном обряде и инвентаре указывает на присутствие родственных народов и на промежуточной территории Джунгарии. Находки в Саэнсаи показывают, что общность европеоидных культур сакского круга VIII–VI вв. до н. э. в Синьцзяне не ограничивается инвентарем, но в некоторых местах проявляется и в погребальном обряде. В Саэнсаи мы фиксируем близкий тасмолинскому погребальный обряд, дополненный местными традициями совершения парных и коллективных захоронений и помещения в могилу расписной керамики. Последняя во многом похожа на местную (Шульга 2010), но все же представляет собой особый керамический комплекс, не выводимый из указанных культур.

Акишев 1973
Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские : общее и особенное в культуре // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 43–58.

Грязнов 1956
Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л., 1956. (МИА ; вып. 48).

Вишневская 1973
Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. : по материалам Уйгарака. М., 1973.

Кадырбаев 1966
Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 301–433.

Киселев 1951
Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Полосьмак 1990
Полосьмак Н. В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. С. 101–107.

Таиров 2007
Таиров А. Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск, 2007.

Хабдулина 2007
Хабдулина М. К. Тасмолинская археологическая культура: современное состояние // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 2. С. 181–194.

Чикишева 2010
Чикишева Т. А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железного века : автореф. … дис. докт. ист. наук. Новосибирск, 2010.

Чикишева 2011
Чикишева Т. А. Физическая антропология ранних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии // «Terra Scythica» : мат-лы Междунар. симп. Новосибирск, 2011. С. 346–357.

Шульга 2008
Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Барнаул, 2008. Ч. 1: Раннескифское время.

Шульга 2010
Шульга П. И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. : погребальные комплексы : хронология и периодизация. Барнаул, 2010.

Шульга и др. 2009
Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009.

Могильники в горах Цзюньдушань 2007
Могильники в горах Цзюньдушань : Юйхуанмяо // Труды Пекинского городского института культурного наследия : в 4 т. Пекин, 2007. (北京市文物研究所编。 军都山墓地：玉皇庙。北京：文物出版社, 2007). *На кит. яз.*

Саэнсаи 2010
Саэнсаи : Синьцзянский институт археологии и наследия, бюро памятников материального культуры г. Урумчи. : Отчет о раскопках могильника Саэнсаи в г. Урумчи // Наследие Синьцзяна (Синьцзян Вэнь У). 2010. № 2. С. 1–24. (新疆文物考古研究所，乌鲁木齐文物管理所. 乌鲁木齐市萨恩萨伊墓地发掘简报 // 新疆文物 2010. 2). *На кит. яз.*

У Энь 2007
У Энь (Уэньюэсыту) : исследование археологических культур северных степей : с эпохи бронзы до раннего железного века. Пекин, 2007. (乌恩岳斯图。 北方草原考古学文化研究：青铜时代至早期铁器时代北京： 科学出版社 2007. *На кит. яз.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА	Археологический альманах
АВ	Археологические вести
АДУ	Археологічні дослідженні в Україні
АИУ	Археологические исследования на Украине
АЛЛУ	Археологічний літопис Лівобережної України
АМА	Античный мир и археология
АН УССР	Академия наук Украинской ССР
АО	Археологические открытия
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БДК	бегазы-дандыбаевская культура
БИ	боспорские исследования
БОФ	Богдановская обогатительная фабрика
БРЭ	Большая российская энциклопедия
БФ	Боспорский феномен
ВДИ	Вестник древней истории
ВИМАИВиВС	Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ГИМ	Государственный исторический музей
ГМИИ им. А. С. Пушкина	Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГЭ	Государственный Эрмитаж
ДАС	Донецкий археологический сборник
ДБ	Древности Боспора
ДГС	Древности Геродотовой Скифии
ЗВОРАО	Записки Восточного отделения Российского археологического общества
ЗГУ	Запорожский государственный университет
ЗИН РАН	Зоологический институт Российской академии наук
ИА	Институт археологии
ИА НАНУ	Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук
ИАК	Известия археологической комиссии
ИГАИМК	Известия государственной академии материальной культуры

ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КБН	Корпус боспорских надписей
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСОАО	Краткие сообщения Одесского археологического общества
КТД	Краткие тезисы докладов
ЛГУ	Ленинградский государственный университет
ЛО ИА СССР	Ленинградское отделение Института археологии СССР
МАР	Материалы по археологии России
МАЭ	Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук
МДАПВ	Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР	Материалы и исследования по археологии России
МИИКНСК	Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа
МНИИЯЛИЭ	Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и этнографии
МНК	Международная научная конференция
МНМ	мифы народов мира
НА ИА НАНУ	Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
НИР	научно-исследовательская работа
НС	новая серия
НЭ	Нумизматика и эпиграфика
ОАВЕС	Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа
ОАК	Отчеты археологической комиссии
ПАВ	Петербургский археологический вестник
ПМАК	Пространственно-магистические аспекты культуры, семинар
РА	Российская археология
РАЕ	Российский археологический ежегодник
РАН	Российская академия наук
РЖВ	ранний железный век
РИАМЗ	Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
РСМ	Раннеславянский мир
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
САИПИ	Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа
ССПК	Старожитності Степового Причорномор'я та Криму
СЭ	Советская этнография

ТД	тезисы докладов
ТСА РАНИОН	Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТХАЭЭ	Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции
ХИМ	Харьковский исторический музей
ХНУ	Харьковский национальный университет
ЭО	Этнографическое обозрение

ACSS	Ancient Civilizations from Scythia to Siberia
AJA	American Journal of Archaeology
AIO	Archaeologia Iranica et Orientalis
AM	Mitteilungen des deutschen Archi-iologischen Instituts
BCH	Bulletin de correspondance hellenique
CNRS	Centre national de la recherche scientifique
EA	Eurasia Antiqua
JHS	Journal of Hellenic Studies
JS	Journal des Savants
MSROA	Materialv i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego
MVF	Museum für Vor- und Frühgeschichte der Staatlichen
PBF	Prähistorische Bronzefunde
PZ	Prähistorische Zeitschrift
RA	Revista Arheologică
TAPhA	Transactions of the American Philological Association

Ил. 1. Золотой сосуд-кубок с ручкой в виде фигуры тигра, декоративным пояском и греческой надписью. Разрушенное погребение у ст. Мигулинской. Общий вид и надпись. Государственный исторический музей, инв. № 53072, Б. 229/1

Ил. 6. Золотая поясная бляха со сценой терзания тигра грифоном и фантастическим хищником (Сибирская коллекция Петра I, Государственный Эрмитаж, инв. № Си 1/159)

а

б

в

Ил. 3. Зооморфные ручки полихромного сарматского звериного стиля

а – фигура лося, курган Хохлач (Государственный Эрмитаж, инв. № 2213/13);
б – фигура тигра, ст. Мигулинская (Государственный исторический музей, инв. № 53072, Б. 229/1);
в – фигура пантеры, курган 28, Высочино VII (Азовский музей-заповедник, инв. № КП-19532/173)

а

б

в

Ил. 4. Изображения культовых сцен на золотых изделиях скифской эпохи IV–III вв. до н. э.

а – золотая бляшка из Чертомлыкского кургана (Государственный Эрмитаж, инв. № Дн 1863 1/374/1); *б* – центральная сцена на золотой пластине из кургана Карагодеуашх (Государственный Эрмитаж, инв. № 2492/7); *в* – фрагменты золотой пластины из Мерджан (Государственный Эрмитаж, инв. № 2521/10)

Ил. 1. Золотой наконечник в виде головы зверя
(Сибирская коллекция Петра I,
Государственный Эрмитаж, инв. № Си 1/133)

Ил. 2. Золотой наконечник в виде протомы животного
(Сибирская коллекция Петра I,
Государственный Эрмитаж, инв. № Си 1/134)

2

3

Ил. 4. Изображения всадников

2 – сцена «Отдых под деревом» (Сибирская коллекция Петра I, Государственный Эрмитаж, инв. № Си 1727 1/161); *3* – золотая фигурка (коллекция Г. Ф. Миллера, Государственный Эрмитаж, инв. № Z-548)

1

2

Ил. 5. Изображения всадников

1, 2 – сцена «Охота на кабана» (Сибирская коллекция Петра I, Государственный Эрмитаж, инв. № Си 1727 1/69, 1/70)

SUMMARIES

Ilya Akhmedov

WHIPS FROM THE RYAZAN–OKA TOMBS. NEW DATA

The object of the study is whips with metal parts which were retrieved from sites associated with Ryazan Finns, the westernmost group of Volga Finns in Eastern Europe in the 1st millennium AD. Some of the finds have been explored previously; however, some newly available data have motivated us to revisit this topic.

Two types of whips have been identified. Type 1A whips, dating to the mid- to late 4th century, had handles wrapped with bronze plates, and a line with beads serving as weights (burials 59 M1 and 80 M1, Korablino).

The lines of Type 1B whips (late 4th – early 5th century) carried plaques typical of belt sets (Shatrishchensky, P. Efimenko's excavations (Burial 40 and the 1921 finds), Prinoshchenie, Gaverdovsky Gravesite). A study conducted by M.I. Kolosova (State Hermitage) showed two Type 1B whips to be made of maple wood (*Acer sp. pl.*), which was sometimes used for whip handles in Ancient Rus. Type 1 may be linked with late Sarmatian prototypes and analogues and has some Hun and Alan parallels dating from the Great Migration period. The author describes the subsequent development of the "Late Sarmatian" design and identifies the key features of the "Hun" whips. The presence of whips replicating the Roman *flagrum* (*flagellum*) design among early Slavic finds dating from Kievan culture enables the author to link the origins of such whips with the possible Roman influence on the formation of elite status symbols in Eastern Europe in the 3rd and 4th centuries.

Type 2 whips have wooden handles wrapped with a bronze ribbon (Burial 5/145, Nikitinsky Gravesite; Burial 95, Borok 2 Gravesite) and date from the 5th – 7th centuries AD. These whips were probably manufactured locally as the known parallels are attributed to different chronological periods.

The recovery of the whips from tombs suggests that whips were regarded as symbols of power among local leaders. This hypothesis is confirmed by the evidence of special significance of the whip to the population of the Eurasian steppes.

Translated by Natalia Magnes

Leonid Babenko

THE GOLD PLAQUE WITH A SPIDER DESIGN FROM THE KHARKOV HISTORICAL MUSEUM

Gold plate appliques with spider designs have been retrieved from five Scythian burials and may be subdivided into two types. The rectangular openwork plaques which represent a spider and a fly (sometimes bee or wasp) confronting each other were obtained from the Melitopol Mound,

Mound 4 near Vladimirovka Village and Burial 4 of the Vishneva Grave. The other two burials (in Oguz and Alexandropol) were found to contain two round plaques representing spiders.

The Kharkov Historical Museum preserved another round gold plaque with a spider design of unknown origin, acquired before World War II.

Despite the absence of specific representational traditions, the spider design may have been regarded in the Scythian environment as an apotropaion intended to protect the body and soul of the deceased. The discovery of a different variety of stamp as well as a new complex, sixth in succession, demonstrates the deepening integration of this image in the mentality of the population of the Black Sea steppes during the 4th century BC.

Translated by Natalia Magnes

Marina Vakhtina

THE ICONOGRAPHY OF THE FEMALE DEITY ON THE SILVER DISH FROM THE CHERTOMLYK MOUND

The article studies the iconography of the female deity represented on the silver dish from a feast set found in the north-west chamber of the famous Chertomlyk Scythian mound. A.Yu. Alexeev, following an in-depth study of the mound structure and the objects recovered, described the set of dishes as "the nucleus" of the Chertomlyk complex and dated it by 350/340–320 BC. The image of a female figure ending in volutes (a.k.a. Rankenfrau) is located below the handles of the dish. This type of design is common in Greece, Italy and Asia Minor and can be seen on artefacts from "royal" and aristocratic barbarian burials in the Northern Black Sea area.

The Rankenfrau on the Chertomlyk dish can be easily identified with synchronous objects commonly found on the territory sharing Greek culture. On the other hand, the image displays some unusual and unique features such as the headdress and the "root system" in the lower part, which do not occur on any of the known synchronous artefacts.

Like many other images found on the best samples of the so-called Greco-Scythian toreutics, the Rankenfrau design can be logically linked to the development of a certain peripheral branch of ancient art. However, objects created by Greek artisans for the barbarian elite require careful analysis of more complex iconographic (and, possibly, semantic) characteristics than those present in the images and compositions originating from other areas of the ancient world.

Translated by Natalia Magnes

Hanna Vertiienko

ARROW: THE ETYMOLOGY OF THE TERM AND ARCHAEOLOGY

The article discusses the Young Avestan terms *arəzaži-* and *aŋhū-* used for determination of the weapon of deities-spirits *fravashi-* in *Yasht* 13. *45, 46*. Respectively, the term *aŋhū-* designates "the bone strip for shoulders of a composite bow", and *arəzaži-* is a metaphor of "arrow" figuratively expressed as "battle snake", which is similar to the ideas of Scythian "arrows-snakes" proposed by A.Yu. Alexeev. This metaphorical image of an arrow allows allocating a basic semantic line – an identification of arrows with snakes and poison. In addition the article gives an analysis of the Young Avestan lexis connected with the terminology of arrows and reveals the wide range of its differentiation. New semantic interpretations and additions are offered for several terms.

Translated by Hanna Vertiienko

Nadezhda Gavriliuk, Nikolay Timchenko

THE PECTORAL FROM THE TOLSTAYA MOGILA MOUND AS AN OBJECT AND TOOL OF NON-VERBAL COMMUNICATION

The article presents twelve commentaries on the visual text of the pectoral retrieved from the Tolstaya Mogila Mound (TMP). The TMP structure and architecture are described in terms of Late Classic architectural concepts. The authors provide an analysis of the figurative components, structural and rhythmical sequences of the TMP as well as the semantics of its mini-sculptures. The repetitive nature, the soft logic, the nature and methods of expression of the upper, lower and middle haut-reliefs are studied.

Guided by the content of the myths about the first kings of the first Ancient Iranian dynasty and *Shahnameh*, the authors maintain that the TMP as an object of Greek-Scythian-Iranian-Asia Minor culture represents the Hellenistic and Ancient Iranian understanding of the idyllic Gold Age on the earth under the rule of the wise and just brothers Hushang and Tahmuras.

The upper frieze of the TMP depicts a peaceful and prosperous land with numerous offspring of cattle, yet is completely unrelated to Nowruz celebrations. The epic picture of the pectoral was modernised by later Scythian folklore, built and "constructed" owing partly to Bosporan toreutics.

The authors pay particular attention to the interpretation of the TMP as a faravahar. A detailed study of the pectoral makes it possible to construe its upper, middle and lower semi-friezes as parts of the left and right wings of the faravahar. The first and fourth twines on the pectoral mark the boundaries of the sacred ring symbolising the sun. The use of gold further suggests that the pectoral is linked with sun worship. The friezes depict domestic and wild animals, the typical subjects of Achaemenid art. The cost of the TMP grave goods is estimated at ≈14 kg of silver, i.e. 26–32 minas; this amount was enough to buy from nine to sixteen slaves in Athens.

One important aspect of the discourse is the diplomatic version suggested by A.Yu. Alexeev in 1984. The TMP is seen as one of several diplomatic presents found during the excavations of aristocratic burials dating to the 4th century BC (the comb from Solokha, TMP, the set of Chertomlyk ceremonial weapons). It has been suggested that the exchange of gifts could be associated with giving and receiving diplomatic presents or with the common practice of tribute paid by sedentary states to the surrounding nomads. The results enable us to adopt a discursive approach to decoding the non-verbal text of the TMP.

Translated by Natalia Magnes

Marina Daragan

PRE-SCYTHIAN AND EARLY SCYTHIAN ARROWHEADS: MANUFACTURING, METROLOGY AND MARKINGS

The article presents a detailed description of arrowheads from several pre-Scythian and Scythian quiver sets, specifying their weight, the presence of any signs or markings and the production technology. The heads of two- and three-blade arrows were found to vary in shape and weight; arrowhead markings also differed depending on the chronological period. Casting

methods in any given period varied within the same area. The choice of technology (i.e. casting into clay, stone or metal moulds or using disposable wax models) was determined by performance requirements. Being produced in great numbers, arrowheads were supposed to have the same weight, at least in the area of production. Arrowheads also had to be ready-to-use and were not expected to require any subsequent touch-up.

Translated by Natalia Magnes

Irina Zasetskaya

THE MYSTERY OF THE GOLD CUP FROM THE DISTURBED BURIAL NEAR MIGULINSKAYA STANITSA

The gold cup with a zoomorphic handle from Migulinskaya Stanitsa is a ritual vessel associated with the Sarmatian culture of the 1st century AD. The Greek inscription on the cup may cast some light on its origins. It is a phrase composed of two proper names, Xebanocus and Turulas, the verb *made*, a sign meaning gold and the number 48, which is interpreted as "Turulus made a gold cup for Xebanocus".

The Thracian origin of the name Turulus led some authors to believe that the cup had been manufactured in one of the cities of the Bosporan Kingdom. Researchers' opinions also divided over the synchronicity of both names and the identity of Xebanocus. The translation by S.R. Tokhtasyev, an acclaimed expert in Greek epigraphics, suggests that Turulas is the name of the Thracian artisan who made and marked the cup; the second name, Iranian in origin, means "endowed with royal splendour" and belonged to a Sarmatian nobleman, possibly of royal descent, that had commissioned the goblet. The handle (executed in the Sarmatian polychrome animal style) and the decorative belt technique, similar to that used in some Asian antiquities, give some ground to suppose that the cup may have been produced in the Ancient East, possibly in Bactria.

Translated by Natalia Magnes

Askold Ivanchik

ARROWHEADS RETRIEVED DURING THE KELAINAI/APAMEIA SURVEYS (SOUTH PHRYGIA)

The article describes bronze and iron arrowheads obtained during surveys in Kelainai/Apameia, Phrygia (modern Dinar, Afyonkarahisar, Turkey). Most of them are socketed arrowheads made of bronze and originating from the cultural tradition of the Eurasian steppes. The earliest two arrowheads may date from the 7th century BC; one of these (a bronze tanged arrowhead) is older; the arrowheads are linked with the pre-Achaemenid period in the town's history. Most arrowheads have three blades and diamond- or lancet-shaped fletchings and can be broadly dated to the period between the 7th and 2nd centuries BC.

Other arrowheads fall in a narrower date range (later than the second half of the 6th century BC). These include six three-blade arrowheads with triangular fletchings, one three-face arrowhead and five two-blade arrowheads with a short shaft and laurel-leaf shaped fletchings with a noticeable flare in the lower part. Most probably, they were used in hostilities during the time of Alexander the Great or the Diadochi.

Translated by Natalia Magnes

Maya Kashuba

EARLY SCYTHIAN CREMATIONS IN THE KRUGLIK GRAVESITE (MIDDLE DNIESTER)

The article explores the cultural diversity of Archaic Scythia, with a focus on previously unknown materials recovered from the gravesite near Kruglik Village (Middle Dniester). The outline of Structure 1 and pottery from complexes 1–3 are being published. The materials indicate that the cremations were performed on the site and followed by inhumation. The reconstruction of ritual actions (the building of a special pad; a fixed order of sacrifice pits; the funerary food in a vessel; the overlying layer of clay and the dispersed cremated remains; the final pyre and funerary feast) suggests that the complexes performed commemorative and funerary functions. Judging by a number of archaic features, the pottery from cremations 1–3 is of local origin and may date back from the period between the late 8th and early 7th century BC. Our study has enabled us to identify a new type of sepulchres with local burial practices among the West Podolsk group of early Scythian sites. The Kruglik finds yet again call our attention to the question about the exact time when the bearers of the early Scythian complex first appeared in the Middle Dniester area, which should be fairly similar to the situation in Dnieper Ukraine.

Translated by Natalia Magnes

Vladimir Kisel

ON TWO EPISODES FROM SCYTHIAN HISTORY IN HERODOTUS' WORK

The article presents an analysis of two key episodes from Herodotus' *The Histories*: the return of the Scythians from the campaign in Asia Minor and the origins of the Savromats (Hdt. 4. 1–4; 110–117). It is concluded that these episodes are independent novellas. The first story was based on a number of folk and literary motifs frequently occurring in epics. The second goes back to an ancient myth significantly modified by literary sources. The accounts of both episodes follow the Greek tradition and cannot be linked with Scythian folklore.

Translated by Natalia Magnes

Elena Korolkova

ON IMAGINARY ANIMAL STYLE DESIGNS IN PETER THE GREAT'S SIBERIAN COLLECTION: MISTAKES CORRECTED

Exploration of the Scythian-Siberian animal style is a difficult task aggravated by the absence of much crucial data on this art phenomenon itself, on the mentality of the artists, the origins and dating and even the initial appearance of certain works, which may be far from the ideal state of preservation due to their age and circumstances. In this context, it should be assumed that some objects may have undergone a certain amount of reconstruction. Unfortunately, reconstruction is not immune to errors, often curious, which must be identified and corrected as part of research activities addressing museum collections. The article reviews M.P. Zavitukhina's reconstruction of an imaginary beast of prey with deer horns depicted on one of the items from Peter the Great's Siberian collection; the reconstruction

was based on a watercolour made in the 1730s to record objects held by the Kunstkamera. The watercolourist showed ancient gold ornaments lying on top of others in a disorderly manner, which caused the researcher to mistake parts of one artefact for another. As a result, the reconstructed protome of the animal acquired horns which initially belonged to a different design on a different object.

Translated by Natalia Magnes

Tatiana Kuznetsova

A SILVER KYLIX FROM THE SOLOKHA MOUND AND SOME ASPECTS OF SCYTHIAN CHRONOLOGY

The article studies all known silver kylikes, determines some trends in their chronological distribution and clarifies the date of the central grave in the Solokha Mound.

Kylikes can be segregated into two groups dating to different periods by the belt surrounding the decorative medallions.

Group 1 objects (recovered from Semibratny (Seven Brothers) Mounds 4 and 2, Maly Semibratny Mound and a Thracian grave near Chernozem Village) have a plain belt and date back to 470–460 BC. Objects from Group 2, carrying a belt with plant décor (those retrieved from Semibratny Mound 6, the Thracian tombs in Bashova Mogila and near Kapinovo Village plus three objects of unknown place of recovery) date from 440–430 BC.

The solar wheel pattern on the medallion of the Solokha kylix is surrounded by a plain belt, which enables us to date it by the second quarter of the 5th century BC at the latest. The small diameter of the medallion is related to ancient coins carrying a similar design which had been known since the 6th century BC (first decades of the 5th century BC in the Northern Black Sea area); this places the kylix in the second quarter of the 5th century BC at the latest. The revised dating of the kylix increased the number of early objects in the central Solokha grave and made it possible to refine the dating system used in Scythian studies which is frequently based on little more than researchers' personal views of objects used as chronological points of reference.

The suggestion that there was no major time gap between the earlier and later burials of Scythian noblemen led researchers to believe that the early Solokha grave may date from the turn of the 5th and 4th century BC although no items unequivocally pointing at this period were recovered from the burial and the analogues obtained from the burials of the late 5th – 4th century BC and the 4th century BC have a very distant likeness to the Solokha finds in terms of subject and composition.

The goods from the early Solokha grave place the burial within the first decades of the latter half of the 5th century BC (≈ 450–430 BC) as the objects may have been in long use.

Further investigations are required to clarify the chronological position of the mound.

Translated by Natalia Magnes

Natalia Limberis, Ivan Marchenko

ON DIPPERS WITH PROTRUDING HANDLES FROM MEOT SITES IN THE KUBAN AREA

The study presents the typology and chronology of Meot dippers (4th century BC) with protruding horizontal handles. Six types of dippers can be identified based on the shape

of the vessel body. Most dippers were retrieved from burials containing amphorae, which makes it possible to identify the chronological framework for the different types and use them as independent dating material.

Translated by Natalia Magnes

Vladimir Maslov

A DESIGN WITH NOMADS FROM KALALY-GYR 2 AND ITS CULTURAL AND HISTORICAL BACKGROUND

A horn object decorated with an action scene was recovered from the Kalaly-Gyr 2 temple complex in Khwarazm, located in the southern part of the delta of the Amu-Daria near Lake Sarygamysh (now Turkmenistan Republic). At present, the earliest analogues include the finds from the Xiongnu sites in the Trans-Baikal district and Mongolia. These items may have served as containers for small objects or free-flowing substances, which is confirmed by the use of horn objects of similar shape and production method in the Late Middle Ages.

The object carries a design made up of two parts – a horseman slaying a feline predator with an arrow and a leader/deity sitting with legs tucked under him. Irrespective of the details, the design may be confidently interpreted as religious.

The dating of the Kalaly-Gyr find was based on iconographic parallels and real-life objects similar to those represented in the scene. Parts of the horseman's costume have analogues among a number of images originating from the eastern Iranian world, e.g. the design on the carpet from Pazyryk Mound 5 and the gold belt buckles from Peter the Great's Siberian collection. The Kalaly-Gyr object displays some elements which are positively associated with the Xiongnu-Han antiquities, namely, the horseman's gorytos and the large tassel hanging from the side of the horse.

The combination of post-Achaemenid and Hellenistic features, the Xiongnu objects depicted and the Xiongnu analogues place the origin of the Kalaly-Gyr find in the late 2nd – early 1st century BC.

It may be suggested with reasonable certainty that the horn container from Kalaly-Gyr was made in Khwarazm, possibly by a bone carver, wood carver or jeweller. Its presence among the finds recovered from the temple complex may only be explained by the fact that some new ethnicity practicing cattle breeding appeared in the Khwarazm oasis around the time of the fall of the Greek-Bactrian kingdom and almost immediately integrated in the political structure of the Khwarazm state. The discovery in Eastern Siberia of a burial containing two silver dishes from Khwarazm helps us trace the district from which the first wave of nomads advanced to Khwarazm.

Translated by Natalia Magnes

Sergey Makhortykh

ON ONE TYPE OF BRIDLE PLAQUES DATING FROM THE 5TH CENTURY BC (BLACK SEA SCYTHIA)

The article studies one type of bronze plaques (5th century BC) common to Scythia (Black Sea area). The plaques fall into two groups: the first includes plaques shaped like a paw of a feline predator; the second comprises items in the shape of a human hand. All the plaques are near-rectangular and have two segments – one smooth and narrower, the other wider, with

five relief digits tightly pressed together. The objects differ in size, surface relief, the presence of an opposable thumb and modelled nails.

Group 1 plaques (over 40 items) were common in the 2nd and/or 3rd quarter of the 5th century BC in the zone between the Volga Region in the east and Central Europe in the west; the centre of the zone was located in the forest steppe area of the left-bank Dnieper valley (Vorskla River basin in particular). In contrast, Group 2 plaques (16 items) mainly originated from the area of the Sula River, the steppes of the Northern Black Sea area and Northern Caucasus. They were mostly in use in the last quarter – end of the 5th century BC or even the first decades of the 4th century BC.

Both groups are products of the local art system and are related to Scythian culture. Group 1 plaques find their sources in the depictions of feline predators with digits on front paws pressed together (frequently found in the Black Sea area), while the spread of Group 2 plaques is related to the growing anthropomorphisation of Scythian art under the influence of external and internal factors, first and foremost ancient cultural traditions.

Translated by Natalia Magnes

Rafael Minasyan

"THE MODEL OF THE UNIVERSE" ON VIKING METAL JEWELLERY

Seventh- to twelfth-century Scandinavian jewellery is decorated with stylised patterns, anthropomorphic and animal designs which may be linked with mythological symbols, yet mostly remain anonymous. In fact, these decorative elements and geometrical figures represent the real images of the unreal world. Most Scandinavian and Germanic jewellery, irrespective of their style or technique, use a limited number of compositional schemes and the same key elements in their décor. It is quite obvious that Germanic artisans followed specific rules in their treatment of non-genre and non-abstract subjects, where each image had a universally recognisable meaning.

The visual arts of the pre-Christian Germanic tribes are commonly identified with the animal style. However, no animal, human or plant images usually appear on the jewellery of that period – just mythological characters and objects associated with the creation and destruction of the universe. The artisans depicted the House of Wodan (Odin), Heaven, the World Tree and the Earth surrounded by the mythological characters, roots of the World Tree, possibly scenes of the destruction of the world. None of these structural features or mythological attributes is present on the jewellery of any other European ethnicities.

Translated by Natalia Magnes

Sergey Polin

ON THE CHRONOLOGY OF THASOS BRANDS OF THE 4TH CENTURY BC

The currently accepted typology and chronology of Thasos amphora brands summarised in I. Garlan's works was developed by several generations of Russian and international historians. A number of amendments and corrections regarding the composition and the dating of magistrate groups were introduced by V.I. Kats. The existing chronology of Thasos brands

is primarily based on the typology correlated with the materials of amphora workshops which were explored on Thasos Island. The discovery of synchronous amphora workshops in Thasos in the 1970s and 1980s provided some information which helped to establish the relative sequence of earlier and later magistrates. However, no absolute dates for either the workshops or specific eponyms could be determined. The names of the magistrates for each of the workshops and the presence or absence of specific personalities among them (serving as the basis for the chronological distribution of the magistrates) were also determined fairly arbitrarily as just five workshops were partially excavated to an indeterminate extent, and around a dozen were only superficially explored. Such samples are hardly sufficient to make reliable conclusions on the identities of the magistrates and their temporal sequence, or to identify or exclude accidental names. This causes legitimate doubts among researchers concerning the suggested dates.

A more reliable source to establish the timing of Thasos brands in the Northern Black Sea area is amphorae from Scythian mound burials and burial feasts, where Thasos brands are often present in combination with brands from other centres, especially Heraclea Pontica. Such combined finds provide a more precise dating for a number of early and late Thasos eponyms based on V.I. Kats's most recent chronology of Heraclean brands, currently the most reliable and accurate for this period.

For several Scythian mounds, the synchronicity of Thasos brands from the F-1, F-2, G-1 and G-2 groups was established between 380 and 350 BC, although the chronology suggested by I. Garlan and V.I. Kats places them between 360 and 334 BC. The increased concentration of Thasos magistrates in the first half of the century may suggest that amphora branding in Thasos was performed annually by groups of magistrates, each with their own name brand, at least during the first half of the 4th century BC. No data are available on branding types used in the later period. Essentially, this idea is not new: it underlies I. Garlan's hypothesis (supported by V.I. Kats) regarding the synchronicity of E-2 and D brands as well as the first several years of group F brands.

The recoveries from the Scythian mounds also confirm the earlier beginning of "late" Thasos branding, placed in about 350 BC. The earliest group of "late" Thasos magistrates can be reliably established to include Cleitus (before 350 BC); Deialkos, Aretion, Krinius, Timarchides, Herophon (between 350 and 345 BC), whose brands have only been found on biconical amphorae; Herakleitos, Telephanes-II, Kleophon-I, Eualcidas, Telemachus and Aristotle in 345–340 BC as their brands were present on bi- and late conical amphorae as well as re-engraved brand stamps.

Translated by Natalia Magnes

Tatiana Riabkova

THE EARLY IRON AGE SETTLEMENT IN TARASOVA BALKA, TRANS-KUBAN REGION (PRELIMINARY PUBLICATION)

The article presents the first-ever study of the materials recovered from the Tarasova Balka site, which was recently discovered in the south-east Trans-Kuban Region. The settlement is located just off the Division Kurgans, one of which (the First Division Kurgan, or Kostromskoy Kurgan) is an epitomic archaic Scythian site. The impressive materials obtained at the early stages of the excavations in Tarasova Balka suggest that the settlement may have served as a manufacturing centre. The active functioning of the settlement, judging

by the age of the ancient vessels, refers to the second half of the 7th – 6th century BC. The numerous fragments of antique pottery retrieved from the area indicate robust trade with a yet undefined polis, by means of which tare vessels arrived in the settlement. A Late Bronze Age arrowhead and a three-loop psalium obtained from the site show that the settlement may have been active during an earlier period. The transition of the settlement from the Late Bronze to Early Bronze Age is characterised by multiple archaic features in the forms and techniques of pottery decoration associated with the Kobiakovo culture of the final Bronze culture (Kuban). Along with the vessels, whose décor is similar in shape and techniques to Proto- and Early Meot pottery found in the North-West Caucasus, the recoveries include clay vessels similar to West-Koban artefacts. The fragments of dishes, analogous to the finds made across Ciscaucasia, Transcaucasia, the Dnieper and Bug valleys demonstrate connections with the population of these remote areas.

Translated by Natalia Magnes

Tatiana Senichenkova

A NEARLY FORGOTTEN COLLECTION FROM N.E. BRANDENBURG'S EXCAVATIONS

The article investigates the history of a collection of materials obtained by N.E. Brandenburg in 1897 from the gravesite in Pasils (Pasilsciems) in Courland (modern Latvia). For some reason, published reviews of Brandenburg's archaeological work fail to mention his excavations in the Baltic area. Nevertheless, his Pasils finds, currently held in the Hermitage, State Historical Museum and a number of museums in Latvia (in Riga, Ventspils, Jelgava) are of great interest to develop our understanding of the material culture of the Curonian ethnicities and deserve a full-length monograph.

Translated by Natalia Magnes

Sergey Skory

ON A GROUP OF CULT BURIALS IN SCYTHIA

The article provides some data on a male Scythian burial with a fairly interesting rite uncovered on Ailianma-Kaya Mount in the Central Crimea and dating from the second half of the 5th century BC. Along with weapons dating from the 5th century BC, the grave goods included an archaic sword (second half of the 7th – first half of the 6th century BC); what is even more important, the head of the deceased was replaced with the head of a ram.

The burial rite of this and three other earlier Scythian graves where human heads were replaced with ram heads (male grave No 145, Svetlovodsky Gravesite, Kirovograd Region; a double burial in one of the mounds near Nikopol, Dnepropetrovsk Region) enables us to identify among the Scythian burial antiquities of the 5th – 6th century BC a small group of ritual burials related to the spread of the khvarenah cult, widely known in the Iranian world and among Scythians. The cult is based on the beliefs about the emanation of the sun, heavenly fire, glowing vital force transferred to humans and divine grace, which are closely linked with the ideology of the sacred royal power. This cult was symbolised by various birds and animals, most often the ram.

Translated by Natalia Magnes

Elena Stepanova

HUN-SARMATIAN SADDLES

Hun-Sarmatian horse gear is extremely diverse. Scythian pad-saddles remained popular until the 2nd century, when new types of pad-saddles began to emerge (Roman and Parthian saddles).

The turn of the eras saw the advent of the saddles with wooden pommels. These used cushions of Scythian pad-saddles as saddle shelves; pommels were tied to the top of semi-circular supports. Such saddles can be termed semi-hard, in contrast to hard saddles with a full saddle-tree. The earliest pommels were retrieved from Xiongnu sites (Tsaram, Noin-Ula); however, semi-hard saddles did not become the predominant type until the 3rd century. The most common type of saddle had a semi-circular pommel. Wooden pommels and models of such saddles as well as their depictions have been found in China, Kirghizia, Kazakhstan, Europe and North Africa. In the 4th to 6th centuries saddles with tall U-shaped pommels and stirrups, believed to have been invented by the Xianbei, were widespread in China, Korea and Japan. These saddles normally had metal plates on the pommels and supports and were mostly used for military purposes. Early fifth- to early sixth-century European saddles with semi-circular pommels had sets of plates, similarly to Asian saddles with U-shaped pommels.

The first saddles with saddle-trees (invented in the second half of the 6th century at the earliest) were Turkic in origin and replicated in wood the semi-hard saddles of the previous period.

Translated by Natalia Magnes

Sergey Tokhtasyev

SINDS AND SCYTHIANS

The author analyses Sindic onomastic data (place- and personal names as well as theonyms). The analysis points to the heterogenous character of the Sindic population in the era of Greek colonization and the times of the Bosporan kingdom. The basis of the Sindic population was provided by the local north-western Caucasian communities. Part of the personal names, including those belonging to the high society, are Iranian, and belong to the new-comers Iranians, who seized control of the lands in the 7th century BC. These conclusions agree with archaeological observations.

Translated by Sergey Tokhtasyev

Elena Fialko

THE SCYTHIAN AMAZONS AND THEIR INVOLVEMENT IN MILITARY CONFLICTS

Reports about the Amazons go back to Antiquity. Female warriors were frequently represented in ancient literature and visual arts. Both archaeological sources and art tradition recorded the presence of female warriors among the nomads of the Northern Black Sea area in the early Iron Age. Over 130 burials of armed women, who represent five social strata but are mostly of middle-class origin, have been discovered on the territory of European Scythia. The question about the direct involvement of Scythian women in war conflicts remains open

until today. However, the injuries commonly occurring among Amazons (lacerations on skulls and limbs, limb fractures and arrow wounds) are obviously of military origin, suggesting that Scythian women did participate in hostilities along with men. For this reason, Scythian Amazons were buried through the same rite as Scythian warriors and, moreover, with personal weapons.

Translated by Natalia Magnes

Konstantin Chugunov

THE DEVELOPMENT OF EARLY NOMAD CULTURES IN KAZAKHSTAN AND THE SAYAN-ALTAI AREA (TENTATIVE PROBLEM STATEMENT)

The article gives a general overview of the process of formation of the Scythian-Saki type complexes in Kazakhstan and Central Asia. Paleoclimatological data suggest that the turn of the 2nd – 1st millennium BC was a period of ecological crisis that stimulated migration from inner territories. On the basis of this fact, A. Tairov assumed that there have been two subsequent waves of migration to the territory of Kazakhstan. Having left Begazy-Dandybay cultures of the Late Bronze Age, the local population played a leading role in the region, being a mediator between the steppe and forest-steppe zones and agricultural centers in Southern Middle Asia. Their economy was based on outrun cattle breeding and control of copper and tin mining and transportation. They played a significant role in the formation of early nomadic complex and formed its base. The concept relies on several points: presumption of peaceful coexistence and contacts of several cultural traditions on one territory and denial of possibility of the tradition of tin bronze metallurgy having been spread from Central and Eastern Kazakhstan. The presence of other recipes of metal can be used as a marker of inflow of new population, whose traditions were formed outside the Kazakhstan region of bronze metallurgy. Migrants, having spread onto new territory, that was rich in tin, absorbed local metallurgic traditions quite rapidly. Migrants of the first wave in Tuva and Minusinskaya didn`t have local tradition of tin ligature, which can be explained by the fact that the links between the Sayan-Altai region and the Altai were weak and indirect during the Arzhan and Podgornovsky stages. Tin bronzes were spread in Tuva as a result of the second wave of migration from Kazakhstan that might have come through the Altai, which at that time was inhabited by the representatives of Bijken culture that was genetically connected with Begazy-Dandybay culture. In the Middle Yenisei tin bronzes are a part of Saragashensky traditions that may also be connected with late Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan.

Translated by Konstantin Chugunov

Irina Shramko

HORN BOW TIPS FROM THE WEST BILSK SITE

The article is a first-ever study of two objects obtained during the excavation on the western fortifications of the Bilsk site (in the forest steppe area of the left-bank Dnieper valley). Both items are executed in the Scythian animal style, are similar in shape and function and may have been used as bow tips. Both are made in the shape of the heads of birds of prey

(one tip is a workpiece, the other a finished work). The tips also carry two smaller carved images – a curled-up panther and a hare. While the panther is a common image in Early Scythian art, no realistic full-size depictions of a hare have been discovered so far on objects dating from the 7th – 6th centuries BC. The known bone and horn objects of similar purpose can be divided into three major groups which differ in their modelling techniques and composition, yet are very similar in size. The study also provides evidence for the fact that horn bow tips, like other horn and bone items retrieved from the site, including art objects, were manufactured by local artisans.

Translated by Natalia Magnes

Peter Shulga, Daniil Shulga

THE EARLY SCYTHIAN GRAVESITE OF SAENSAI, NEAR URUMCHI

The territory of Dzungaria (North Xinjiang, China) adjacent to Kazakhstan and the Altai Mountains was home to a Saka-like culture during the Early Iron Age. This area is understudied archaeologically, so the discovery and exploration of a new early Scythian nomad gravesite near Urumchi is of particular interest. In 1988 the Saensai Gravesite was found to contain over 200 mound burials dating back to different periods and located in three chains. Over eleven mounds refer to the Early Scythian period; the layouts and descriptions of eight mounds have been published. Five mounds comprised a circular stonework structure in the centre (6–9 m in diameter, 0.5–0.7 m in height), surrounded along the perimeter by a ring of stones (10.5–14.5 m in diameter). Most graves had a length of ca. 2.3 m, typical of common Early Scythian burials, and measured between 0.8–0.9 m and 1.4 m in depth. The graves in the largest two mounds measured 3.2 m and 3.7 m in length and 3 m in depth. The number of bodies per grave varied considerably: most graves contained single burials (four graves); two contained double burials; multiple burials were discovered under mounds M14 and M22 (three and eight bodies, respectively). Most often, the deceased were laid straight on the back, with the head pointing west-south-west (ca. 300 degrees). One typical feature of the Saensai burial rite was the presence of skulls and bones of sacrificial horses and small ruminants. A skull of a bridled horse with a mouthpiece between its teeth was laid between the heel bones of the deceased. Both horse and ruminant skulls faced in the opposite direction from human skulls (i.e. east-south-east). The grave goods were scarce and arranged in the following manner: pottery items were usually placed at the head; knives in the area of the belt; arrowheads outside of the right leg; parts of the harness (a bridle, psalium and dividing devices) next to the horse skulls.

The Saensai burials differ from similar known tombs around Xinjiang in terms of both the burial rite and the goods. The closest analogues to this rite can be found in the Tasmola culture (Central Kazakhstan). It is quite possible that either the Saensai burials originated from ethnicities of Kazakhstan descent or a similar cultural group existed in North Xinjiang (Dzungaria).

Translated by Natalia Magnes

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Ф. Королькова
Археология без границ 5

Н. А. Жогова
Библиография А. Ю. Алексеева 17

И. Р. Ахмедов
Плети из рязано-окских могильников. Новые данные. 30

А. И. Бабенко
Золотая бляшка с изображением паука из собрания Харьковского исторического музея 66

М. Ю. Вахтина
Об иконографии женского божества на серебряном блюде из кургана Чертомлык . . . 76

А. В. Вертиенко
Стрела: этимология термина и археология 88

Н. А. Гаврилюк, Н. П. Тимченко
Пектораль из Толстой Могилы как объект и средство невербальной коммуникации . . 97

М. Н. Дараган
Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовления, метрология и маркировка 127

И. П. Засецкая
Загадка золотого кубка из разрушенного погребения у ст. Мигулинской 171

А. И. Иванчик
Наконечники стрел из разведок в Келенах / Апамее (Южная Фригия) 184

М. Т. Кашуба
Кремации раннескифского времени в могильнике Круглик на Среднем Днестре 200

В. А. Кисель
О двух эпизодах скифской истории в сочинении Геродота 213

Е. Ф. Королькова
О некоторых фантастических образах звериного стиля в Сибирской коллекции Петра I: работа над ошибками. 234

CONTENTS

Elena Korolkova
Archaeology without borders 5

Nina Zhogova
Bibliography of Andrey Yu. Alexeev's publications. 17

Ilya Akhmedov
Whips from the Ryazan–Oka tombs. New data 30

Leonid Babenko
The gold plaque with a spider design from the Kharkov Historical Museum 66

Marina Vakhtina
The iconography of the female deity on the silver dish from the Chertomlyk Mound 76

Hanna Vertiienko
Arrow: the etymology of the term and archaeology. 88

Nadezhda Gavriliuk, Nikolay Timchenko
The pectoral from the Tolstaya Mogila Mound as an object and tool of non-verbal communication. 97

Marina Daragan
Pre-Scythian and early Scythian arrowheads: manufacturing, metrology and markings 127

Irina Zasetskaya
The mystery of the gold cup from the disturbed burial near Migulinskaya Stanitsa 171

Askold Ivanchik
Arrowheads retrieved during the Kelainai/Apameia surveys (South Phrygia) 184

Maya Kashuba
Early Scythian cremations in the Kruglik Gravesite (Middle Dniester) 200

Vladimir Kisel
On two episodes from Scythian history in Herodotus' work 213

Elena Korolkova
On imaginary animal style designs in Peter the Great's Siberian collection: mistakes corrected 234

Т. М. Кузнецова
Серебряный килик из кургана Солоха и некоторые аспекты скифской хронологии 240

Н. Ю. Лимберис, П. П. Марченко
О черпаках с ручкой-выступом из меотских памятников Кубани 256

В. Е. Маслов
Композиция с номадами из Калалы-гыр 2 и ее культурно-исторический фон 269

С. В. Махортых
Об одном типе уздечных блях V в. до н. э. из Причерноморской Скифии 296

Р. С. Минасян
Отображение «модели мира» на металлических украшениях эпохи викингов 319

С. В. Полин
О хронологии фасосского клеймения IV в. до н. э. 334

Т. В. Рябкова
Поселение Тарасова Балка – памятник раннего железного века в Закубанье (предварительная публикация) 359

Т. Б. Сеничeнкова
Полузабытая коллекция из раскопок Н. Е. Бранденбурга 375

С. А. Скорый
Об одной группе культовых погребений Скифии 382

Е. В. Степанова
Седла гунно-сарматского времени 389

С. Р. Тохтасьев
Синды и скифы 426

Е. Е. Фиалко
Скифские амазонки – участницы военных конфликтов 440

К. В. Чугунов
Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы) 457

П. Б. Шрамко
Роговые наконечники луков с Западного Бельского городища 487

П. П. Шульга, Д. П. Шульга
Могильник Саэнсаи раннескифского времени у г. Урумчи (Синьцзян, Китай) 512

Список сокращений 534

Резюме 543

Tatiana Kuznetsova
A silver kylix from the Solokha Mound and some aspects of Scythian chronology 240

Natalia Limberis, Ivan Marchenko
On dippers with protruding handles from Meot sites in the Kuban area 256

Vladimir Maslov
A design with nomads from Kalaly-Gyr 2 and its cultural and historical background. 269

Sergey Makhortykh
On one type of bridle plaques dating from the 5th century BC (Black Sea Scythia) 296

Rafael Minasyan
"The model of the universe" on Viking metal jewellery 319

Sergey Polin
On the chronology of Thasos brands of the 4th century BC. 334

Tatiana Riabkova
The Early Iron Age settlement in Tarasova Balka, Trans-Kuban Region (Preliminary publication) 359

Tatiana Senichenkova
A nearly forgotten collection from N.E. Brandenburg's excavations 375

Sergey Skory
On a group of cult burials in Scythia 382

Elena Stepanova
Hun-Sarmatian saddles 389

Sergey Tokhtasyev
Sinds and Scythians 426

Elena Fialko
The Scythian Amazons and their involvement in military conflicts 440

Konstantin Chugunov
The development of early nomad cultures in Kazakhstan and the Sayan-Altai area (Tentative problem statement). 457

Irina Shramko
Horn bow tips from the West Bilsk site 487

Peter Shulga, Daniil Shulga
The early Scythian gravesite of Saensai, near Urumchi 512

Abbreviations 534

Summaries 543

Научное издание

Труды Государственного Эрмитажа
LXXVII

АРХЕОЛОГИЯ БЕЗ ГРАНИЦ
КОЛЛЕКЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ГИПОТЕЗЫ

Редактор *А. А. Золотова*
Перевод на английский язык *Н. О. Магнес* и авторы
Редактор английского текста *Ю. Р. Редькина*
Компьютерная верстка: *Н. К. Соколова*
Обработка иллюстраций: *В. В. Демяшев*

Подписано в печать 23.12.2015. Формат издания 60 × 84 1/8
Усл. печ. л. 65,10. Тираж 400 экз. Заказ 96

Издательство Государственного Эрмитажа
190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34

Отпечатано в типографии Государственного Эрмитажа
190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34